УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. И. ВЕРНАДСКОГО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Научный журнал

Том 12 (78). №3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки» является историческим правопреемником журнала «Ученые записки Таврического университета», который издается с 1918 г.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
Симферополь, 2026

ISSN 2413-1733

Свидетельство о регистрации - серия ПИ №ФС77-61832 от 18 мая 2015 года.
Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
Учредитель ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского»

Печатается по решению Научно-технического совета Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, протокол № от_ . .2026 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание научной степени доктор наук, специальности: 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки), 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки), 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки), 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки), 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки), а также в систему «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ)
Адрес учредителя и издателя: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4, корп. В, ауд. 105

Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки»:

Змерзлый Борис Владимирович, д. ю. н, д. и. н., проф. (главный редактор)
Аббасов Гифис Гасан оглы д. ю. н., доц.
Басов Андрей Витальевич, д. ю. н., проф.
Берг Людмила Николаевна, д. ю. н., проф.
Биляев Владимир Александрович, д. ю. н., доц.
Вишневецкий Кирилл Валерьевич, д. ю. н, проф.
Гармаев Юрий Петрович, д. ю. н., проф.
Игнатов Александр Николаевич, д. ю. н., проф.
Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., проф.
Кашкаров Алексей Александрович, к. ю. н., доц.
Коваль Владимир Николаевич, д. и. н., проф.
Кодан Сергей Владимирович, д. ю. н., проф.
Козлова Елена Борисовна, д. ю. н., проф.
Коноплев Вячеслав Вячеславович, д. ю. н., проф.
Корнев Аркадий Владимирович, д. ю. н., проф.
Лютов Никита Леонидович, д.ю.н., проф.
Новикова Алевтина Евгеньевна, д. ю. н., доц
Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н, д. и. н., проф.
Сонин Олег Евгеньевич, к.ю.н., доц.
Тонков Евгений Евгениевич, д. ю. н., проф.
Трофимов Сергей Анатольевич, д. ю. н., проф.
Холопова Елена Николаевна, д. ю. н., проф.
Чеботарева Галина Валентиновна, д. ю. н., проф.
Бугаев Валерий Александрович, к. ю. н., доц.
Елькин Сергей Владимирович, к. ю. н., доц.
Нифанов Алексей Николаевич, к.ю.н., доц.
Михайлов Михаил Анатольевич, к. ю. н., доц.
Шармоянц Артур Норайрович, к. ю. н., доц.

Адрес редакции: 295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4, корп. В, ауд. 105
Подписано в печать __.__.2026. Формат 70x100 1/16
усл. п. л. Заказ № НП/3 Тираж 50 экз. Цена «Бесплатно».
Дата выхода в свет «__». _____ . 20__г.

Отпечатано в Издательском доме
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»
Адрес типографии: 295051, г. Симферополь, бул. Ленина, 5/7
http://sn-law.cfuv.ru

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 3-5.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК: 342

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ФЕНОМЕНА ПРОГРЕССА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Адыгезалова Г. Э., Жинкин С. А., Прохорова М. Л.

В статье анализу подвергается феномен прогресса правовой системы, который, по мнению авторов, во-первых, является весьма многоаспектным в современных условиях, а во-вторых, носит исторически изменчивый характер, в том числе в различных своих составляющих и формах выражения. В контексте первого выдвинутого тезиса авторами разграничиваются понятие «прогресс правовой системы» и гораздо более узкое понятие «прогресс в правовой системе». Проявления прогресса в правовой системе и ее отдельных элементах отнюдь не означают прогресса правовой системы в целом. Представляется, что сегодня юридической науке и практике необходимо четко определиться с критериями того, почему-то или иное явление в правовой системе действительно является прогрессивным как для дальнейшего развития права, так и для развития общества в целом. Важнейшее значение приобретает четкое определение критериев прогресса правовой системы в тот или иной исторический период ее развития. В этом плане существенным аспектом прогресса правовой системы, по мнению авторов статьи, является прогресс в развитии личности, ее мировоззрения, ее общей и правовой культуры. Такой личностный прогресс, помимо прочего, будет означать развитие определенных качеств личности, ее знаний и практических навыков, ее духовности, патриотизма и высокой гражданственности с помощью системы правовых средств.

Ключевые слова: прогресс, правовая система, личность.

Нет, наверное, более неоднозначного и многоаспектного понятия в правовой доктрине, чем понятие «прогресс правовой системы». Каким он должен быть? В чем он должен выражаться? Какие аспекты включает? Существует ли он вообще, как самостоятельный феномен, либо же правовая система является простым отражением общества и его развития, поэтому никакого правового прогресса в виде самостоятельного феномена вообще не существует? Все эти и иные относящиеся к прогрессу правовой системы вопросы имеют не только доктринальное, но и практическое значение, ибо если прогресс правовой системы существует и является реализуемым, то к нему нужно стремиться, а в некоторых социально-исторических ситуациях за него даже необходимо бороться.

Феномену правового прогресса и его идее посвятили свои работы многие авторы, на что справедливо указывается в литературе [3]. Естественно, что трактовка прогресса в правовой системе вытекает из взятого в качестве основы того или иного понимания права. И поэтому, если для одних прогресс в правовой системе сегодня увязывается с совершенствованием системы установленных государством норм, то для других – с увеличением меры свободы, реализацией справедливости в общественной жизни, совершенствованием юридической практики и т.д. Как известно, само право как нормативная основа правовой системы рассматривается разными авторами совершенно поразному, даже в рамках современной отечественной науки можно встретить определения права и как системы установленных государством и обеспеченных государственным принуждением общеобязательных норм [4, с. 81-82], и как нормативно-деятельностной системы [9, с. 94-103], и в соотношении с категорией справедливости [8, с. 69], и как триединства равенства, свободы и справедливости [10, с. 39], и как средства социальной коммуникации [11, с. 188], и как формы осуществления социальных интересов по принципу формального равенства [7, с. 81-90], и как явления цивилизации и культуры [1, с. 60-62] и т.д. Можно сказать, что в основе прогресса правовой системы лежит именно прогресс права как его нормативной основы, прогресс правового регулирования, прежде всего нормативного.

Вообще же, сам по себе социальный прогресс просто немыслим вне прогресса социальной регламентации, в том числе регламентации правовой. Как отмечается в литературе, в современном обществе существует постоянный риск хаоса, потери социального контроля, если этот контроль не будет прогрессировать вместе с обществом [6, с. 27]. Вот почему так важно определиться с тем, какие вообще изменения в правовой системе можно считать прогрессивными. И, естественно, бесспорен тот факт, что общественный прогресс вряд ли осуществим при отсутствии прогресса правовой системы соответствующего общества.

Далее, понятие «прогресс правовой системы» следует отличать от гораздо более частного понятия «прогресс в правовой системе». Аналогично следует различать и соответствующие феномены. Определенные проявления прогресса могут наблюдаться в любой правовой системе. Прогресс может касаться отдельных сторон правотворчества, правового воспитания, правоприменения и правореализации в целом, правовой деятельности граждан и т.д. Но эти проявления прогресса могут и не сопровождаться прогрессом правовой системы в целом. То есть, проявления прогресса в правовой системе и ее отдельных элементах отнюдь не означают общего прогресса правовой системы в целом.

При этом следует учитывать, что сам по себе прогресс правовой системы и ее элементов – правовой регламентации, деятельности правовых учреждений, правового воспитания, правосознания и т.д. – может иметь разные формы выражения, различные проявления. Он может выражаться в совершенствовании нормативно-правовой базы, оптимизации юридической деятельности, увеличении удельного веса правомерного поведения, росте правовой грамотности и т.д. Однако необходимо четко определиться с критериями того, что то или иное явление в правовой системе действительно является прогрессивным как для дальнейшего развития права, так и для развития общества в целом. То, что может представляться прогрессивным в определенный исторический период, с позиций исторической перспективы может оказаться вредным для общественного развития, и в доктрине и политической деятельности будущего будет признано исторической ошибкой, заблуждением. Напротив, то, что может восприниматься современниками настороженно и даже враждебно, в будущем развитии государства и правовой системы может быть признано в качестве исторического примера, государственно-правовой ценности. Очевидно, что подлинно объективная оценка тем или иным изменениям в правовой систем в качестве прогрессивных либо, напротив, реакционных, может быть дана только в будущем на основе учета всех тех последствий, которые были вызваны теми или иными изменениями.

Важное значение в этой связи имеет проблема установления четких критериев правового прогресса, недаром ей начинает уделяться внимание в юридической науке [2, с. 95-106]. Не останавливаясь подробно на этой весьма обширной научно-практической проблеме, заметим, что критерии прогресса правовой системы во многих случаях могут носить и исторически изменчивый характер. Эти критерии, кроме того, могут быть личностными, экономическими, политическими, общесоциальными, а, возможно, и другими по своему характеру.

На мой взгляд, в первом приближении критериями прогресса правовой системы можно было бы считать: повышение эффективности правовой регламентации и усиление ее социальной направленности, развитие личности и ее созидательных качеств и устремлений посредством права, общественную стабильность, снижение уровня социальной конфликтности, повышение уровня материального благосостояния и др. В качестве одного из критериев можно было бы рассматривать реализацию принципа ответственности государства перед обществом и личностью (на значение данного принципа автором уже обращалось внимание ранее) [5, с. 8-12].

Прогресс правовой системы целесообразно условно разделить и конкретизировать в целом ряде аспектов, например, на прогресс юридической деятельности, прогресс нормативного правового регулирования, прогресс индивидуального правового регулирования, прогресс правового воспитания, прогресс правовой культуры. При этом каждый из названных феноменов сам по себе тоже может включать целый ряд аспектов, что важно не только в доктринальном, но и в практическом плане.

Итак, феномен прогресса правовой системы и соответствующая научная категория являются весьма многоаспектными и нуждаются в дальнейшем научном осмыслении. Категория и сам феномен прогресса правовой системы должна стать объектом конкретизации и детализации, предметом факторного и структурного анализа.

Список литературы:

1. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 60-62.
2. Антонченко В.В. Критерии прогресса государства и права // Журнал Российского права. Т.29. 2025. №1. С. 95-106.
3. Архипов С.И. Правовой прогресс. Зарождение, развитие, кризис идеи. М., 2025.
4. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 81-82.
5. Жинкин С.А., Высоцкая Л.П. Принцип ответственности государства, его аспекты и их нормативное закрепление в законодательстве современной России // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. №3. С. 8-12.
6. Кудрина С.А. Прогресс как ценность // Социологические исследования. 2018. №7. С. 24-29.
7. Лапаева В.В. Социология права в системе обществоведения // Государство и право. 2000. №4. С. 81-90.
8. Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. С. 69.
9. Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система // Журнал российского права. 2002. №4. С. 94-103.
10. Нерсесянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 2001. С. 39.
11. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. С.188.

Adygezalova G. E., Zhinkin S. A., Prokhorova M.L. On some aspects of the phenomenon of legal system progress // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 3-5.

The article analyzes the phenomenon of the progress of the legal system, which, according to the authors, firstly, is very multidimensional in modern conditions, and secondly, is historically variable, including in its various components and forms of expression. In the context of the first thesis put forward, the authors distinguish between the concept of "progress of the legal system" and the much narrower concept of "progress in the legal system". The manifestations of progress in the legal system and its individual elements do not mean the progress of the legal system as a whole. It seems that today legal science and practice need to clearly define the criteria of why a particular phenomenon in the legal system is really progressive both for the further development of law and for the development of society as a whole. It is of crucial importance to clearly define the criteria for the progress of the legal system in a particular historical period of its development. In this regard, an essential aspect of the progress of the legal system, according to the authors of the article, is progress in the development of personality, its worldview, its general and legal culture. Such personal progress, among other things, will mean the development of certain personality qualities, her knowledge and practical skills, her spirituality, patriotism and high citizenship using a system of legal means.

Keywords: progress, legal system, personality.

Spisok literatury:

1. Alekseev S.S. Teoriya prava. M., 1995. S. 60-62.
2. Antonchenko V.V. Kriterii progressa gosudarstva i prava // Zhurnal Rossijskogo prava. T.29. 2025. №1. S. 95-106.
3. Arhipov S.I. Pravovoj progress. Zarozhdenie, razvitie, krizis idei. M., 2025.
4. Bajtin M.I. Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). Saratov, 2001. S. 81-82.
5. Zhinkin S.A., Vysockaya L.P. Princip otvetstvennosti gosudarstva, ego aspekty i ih normativnoe zakreplenie v zakonodatel'stve sovremennoj Rossii // Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. №3. S. 8-12.
6. Kudrina S.A. Progress kak cennost' // Sociologicheskie issledovaniya. 2018. №7. S. 24-29.
7. Lapaeva V.V. Sociologiya prava v sisteme obshchestvovedeniya // Gosudarstvo i pravo. 2000. №4. S. 81-90.
8. Livshic R.Z. Teoriya prava. M., 1994. S. 69.
9. Mal'cev V.A. Pravo kak normativno-deyatel'nostnaya sistema // Zhurnal rossijskogo prava. 2002. №4. S. 94-103.
10. Nersesyanc V.S. Filosofiya prava: Uchebnik dlya vuzov. M., 2001. S. 39.
11. Polyakov A.V. Obshchaya teoriya prava. Kurs lekcij. SPb., 2001. S. 188..

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 6-9.

УДК 340.34.01

СИЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аржанов А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва

В статье исследуется концепт сильного государства в рамках политико-правовой теории. Анализируется ключевая теоретическая дихотомия между позитивистской (нормативистской) моделью верховенства права, представленной Гансом Кельзеном, и волюнтаристско-децизионистской моделью, разработанной Карлом Шмиттом, где основанием легитимности выступает суверенное решение в условиях исключения. На примере Веймарской республики и современного российского конституционного развития раскрывается, как данная дихотомия проявляется в практике государственного строительства. Делается вывод о перманентном теоретическом конфликте между формально-юридическим ограничением власти и её политической концентрацией, который определяет контуры сильного государства.

Ключевые слова: теория государства и права, сильное государство, суверенитет, легитимность, децизионизм, нормативизм, верховенство права, чрезвычайное положение, конституционализм, политическая власть.

Переживающая кризис Ялтинско-Потсдамская система международных отношений заставляет задуматься о концепте силы в области государственного строительства и межгосударственных отношений. Многие крупные государства, ранее считавшиеся «великими державами», стремятся вновь закрепить свой привилегированный статус. Для российской государственности, столкнувшийся с состоянием тотальной деградации в 90-е годы XX в., поиск содержания для категории «сильное государство» по-прежнему остаётся неразрешимой дилеммой.

Сильное государство возможно понимать в разных категориях. Для представителей политико-правовой доктрины политического реализма, разработанной Гансом Моргентау и Альфредом Мэхэном, сильным государством будет являться то государство, которое обладает наибольшим военно-политическим потенциалом – в условиях агрессивной среды межгосударственного взаимодействия [1, p. 13].

Концепт «сильного лидера (государства)» в современной мировой политике актуализирует дискуссию о природе и легитимности сильного государства как политико-правового концепта. Это не просто вопрос персоналистской власти, а проблема функционирования демократии, суверенитета и верховенства права в условиях кризиса неолиберального порядка. Интеллектуальную основу для такого переосмысления во многом предоставляет наследие консервативного немецкого правоведа Карла Шмитта (1888–1985), чьи идеи вновь обрели влияние в XXI в.

Основой шмиттианской концепции сильного государства является суверенное решение. «Суверен – тот, кто принимает решение о чрезвычайном положении» [2, с. 15]. В моменты кризиса, когда под угрозой находится само существование политического сообщества, формальные юридические нормы отступают перед необходимостью действия. Эта логика легитимирует концентрацию власти в руках исполнительной власти как единственной силы, способной идентифицировать «друга и врага» и обеспечить выживание государства [3, с. 302].

Таким образом, по мнению К. Шмитта, сильным государством является отнюдь не демократическая политико-правовой система организации власти на конкретной территории, а иерархия власти, в которой исполнительная власть является верховным «хранителем конституции» и суверенным арбитром в вопросах самой ее существования [4].

Исторической лабораторией для этой концепции стала Веймарская республика. Карл Шмитт, опираясь на ст. 48 Веймарской конституции 1919 г. [5] (чрезвычайные

полномочия президента), аргументировал, что в условиях распадающегося правопорядка законным сувереном является не парламент, а глава исполнительной власти, способный восстановить «сущностную однородность» нации. Дело «Пруссия против Рейха» (1932) [6, p. 257-287], в котором К. Шмитт выступал как представитель федерального правительства, стало ключевым прецедентом. Суд, хотя и не принял аргументы К. Шмитта полностью, признал законность захвата контроля над Пруссией федеральным правительством, тем самым легитимировав использование юридических процедур для авторитарного перераспределения власти [7, с. 174-175]. Этот прецедент показал, как правовые механизмы могут быть использованы для демонтажа правового государства.

Альтернативные подходы были предложены современниками Шмитта. Ганс Кельзен (1881–1973) отстаивал чисто нормативную, аполитичную теорию права, где конституционный суд, а не политический лидер, должен быть хранителем основного закона. Он обвинял Шмитта в камуфлировании политических целей под юридическую аргументацию. Герман Хеллер (1891–1933), в свою очередь, пытался синтезировать формальную законность и демократическую легитимность, настаивая, что даже чрезвычайные полномочия исполнительной власти должны оставаться в рамках конституционных принципов, обеспечивающих ее подотчетность парламенту. Однако в кризисный период Веймара и позднее именно шмиттианская логика оказалась востребованной [8].

Для России концепт сильного государства, как и говорилось в введении, получил второе дыхание после краха советской государственности в 90-е годы XX века. Именно распад СССР остаётся тяжелой психологической травмой для российского общества, о чём свидетельствуют не только результаты социологических исследований [9], но и высказывания представителей государственной власти [10].

Крах советской государственности в 1991 г. привел не только к геополитической катастрофе и институциональному коллапсу, но и к глубокому кризису коллективной идентичности. Конституция Российской Федерации 1993 г. в своей преамбуле фиксирует стремление сохранить «исторически сложившееся государственное единство», что можно рассматривать как прямую реакцию на травму распада. Это «государственное единство» стало одной из ключевых ценностей, легитимирующих поиск новой модели сильной государственности. В условиях слабости институтов, правового нигилизма и потери международного статуса в 1990-е годы, идея сильного государства, способного обеспечить порядок, суверенитет и преемственность, стала центральной для политического дискурса. Эта идея нашла отражение в ряде нормативных актов и доктринальных документах:

1. В Конституции РФ [11] (ст. 3, 4, 80) закрепляется сильная президентская власть как «гарант Конституции», прав и свобод, суверенитета и государственной целостности. Это создает правовой фундамент для концентрации властных полномочий в руках главы государства как центрального элемента «сильного государства».

2. В Стратегии национальной безопасности РФ (2021) [12] делается акцент на защите суверенитета, территориальной целостности и конституционного строя прямо соотносится с задачей восстановления и укрепления государственной мощи после периода ослабления.

3. Военная доктрина (2014) [13] и Внешнеполитическая концепция (2023) [14] утверждают право России на защиту своих интересов и граждан (в том числе соотечественников), что является элементом «сильного государства» в реалистической парадигме международных отношений, упомянутой в статье (Моргентау, Мэхэн).

Таким образом, для России концепт сильного государства стал не только теоретическим конструктом, но и практической программой, реализуемой через конституционное строительство, законодательство и формирование государственной идеологии. Эта

программа прямо апеллирует к необходимости преодоления системной слабости 1990-х годов и психологической травмы распада СССР, что придает ей значительную мобилизационную и легитимирующую силу в общественном сознании и политике. Как отмечается в статье, это подтверждается как социологическими данными, так и публичными заявлениями представителей власти, для которых прочность государства стала высшим приоритетом, нередко превалирующим над либеральными трактовками верховенства права и разделения властей.

Аналогичные интеллектуальные течения влияют на правые консервативные круги в США, о чем свидетельствует роль Федералистского общества в формировании судебной системы. Концепция сильного государства здесь также часто опирается на идеи национального суверенитета и «воли народа», которая, как считается, наиболее полно воплощается не в сложной системе сдержек и противовесов, а в решительных действиях сильной исполнительной власти.

Таким образом, концепт сильного государства в его шмиттианской интерпретации представляет собой политико-правовую модель, где легитимность основана на способности суверена (исполнительной власти) определять и защищать политическое единство нации в условиях исключения, даже если это требует выхода за рамки обычных правовых процедур. Этот концепт бросает вызов классическому либеральному пониманию верховенства права, разделения властей и прав человека, предлагая вместо них модель «суверенной демократии», где демократическая воля отождествляется с волей лидера, а законность – с его решениями по сохранению государства. Как предупреждали Кельзен и Хеллер, конечная точка этой логики – не усиление народного контроля, а утверждение власти элиты, оправдывающей свою власть националистическим мифом и чрезвычайным положением [15]. Современные конституционные конфликты в различных странах свидетельствуют, что спор о границах и содержании «сильного государства» остается центральным для будущего демократического конституционализма.

Список литературы:

1. Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948, p. 13.
2. Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Переводы с нем. Заключит. статья и составление А. Филиппова. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 336 с. – (Серия «Публикации ЦФС»). – С. 15.
3. Шмитт, Карл (1888-1985). Понятие политического [Текст] / Карл Шмитт ; пер. с нем. под ред. А. Ф. Филиппова. – Санкт-Петербург : Наука, 2016. – 567 с.
4. Vinx L, ed. The Guardian of the Constitution: Hans Kelsen and Carl Schmitt on the Limits of Constitutional Law. Cambridge University Press; 2015.
5. Die Weimarer Reichsverfassung : 11. August 1919 : Веймарская конституция : 11 августа 1919 г. // 1000 Schlüsseldokumente : [сайт]. – URL: https://www.1000dokumente.de/Dokumente/Die_Weimarer_Reichsverfassung
6. Hoogers, G., & Karapetian, G. Federal Disputes in the German Reich under the Weimar Constitution: Lessons in Dispute Settlement for the Kingdom of the Netherlands // Vienna Journal on International Constitutional. 2018. Vol. 12, no. 3. P. 257–287.
7. Штолляйс М. История публичного права в Германии: Веймарская республика и национал-социализм / Михаэль Штолляйс ; [пер. с нем. О. Г. Субботина]. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – 663 с. – (Современная немецкая историография).
8. Vinx, Lars (ed.). "Kelsen on the judgment of the Staatsgerichtshof of 25 October 1932." In The Guardian of the Constitution: Hans Kelsen and Carl Schmitt on the Limits of Constitutional Law. Cambridge University Press, 2015.
9. ВЦИОМ. 100 лет СССР: забыть нельзя вернуться? : аналитический обзор / ВЦИОМ. 2022. 30 дек. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja (дата обращения: 12.25.2025).
10. Путин назвал распад СССР трагедией и «распадом исторической России» // РБК. 2021. 12 дек. URL: https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947947689a33f5fe (дата обращения: 22.12.2025).
11. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) : [с изм. и доп., вступ. в силу с 4 окт. 2022 г // Официальный интернет-портал правовой информации 2022. – 6 окт. – № 0001202210060013. – URL: http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=mjwxryrrtv808314572 – (дата обращения: 17.12.2025).

12. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru). – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001
13. Военная доктрина Российской Федерации : [утв. Президентом РФ 25 дек. 2014 г., № Пр-2976] // Российская газета. – 2014. – № 298 (30 дек.). – URL: https://legalacts.ru/doc/voennaja-doktrina-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf/?ysclid=mjwygxwp6c209438608 (дата обращения: 12.12.2025).
14. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007 (дата обращения: 12.12.2025).
15. Dyzenhaus, David. "Legal Theory in the Collapse of Weimar: Contemporary Lessons?" American Political Science Review 91, no. 1 (1997): 121–134.

Arzhanov A. A. "A Strong State: Theoretical and Legal Aspects" // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 6-9.

The article examines the concept of a strong state within the framework of political and legal theory. It analyzes the core theoretical dichotomy between the positivist (normativist) model of the rule of law, represented by Hans Kelsen, and the voluntarist-decisionist model developed by Carl Schmitt, where legitimacy is grounded in a sovereign decision under a state of exception. Using the case studies of the Weimar Republic and contemporary Russian constitutional development, the article demonstrates how this dichotomy manifests in the practice of state-building. The conclusion highlights the ongoing theoretical conflict between the formal-legal limitation of power and its political concentration, which defines the contours of a strong state.

Keywords: Law and state theory, strong state, sovereignty, legitimacy, decisionism, normativism, rule of law, state of exception, constitutionalism, political power.

Spisok literatury:

1. Morgenthau, Hans J. Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace. New York: Alfred A. Knopf, 1948, p. 13.
2. Shmitt K. Politicheskaya teologiya. Sbornik / Perevody s nem. Zaklyuchit. stat'ya i sostavlenie A. Filippova. – M.: KANON-press-C, 2000. – 336 s. – (Seriya «Publikacii CFS»). – S. 15.
3. Shmitt, Karl (1888-1985). Ponyatie politicheskogo [Tekst] / Karl Shmitt ; per. s nem. pod red. A. F. Filippova. – Sankt-Peterburg : Nauka, 2016. – 567 s.
4. Vinx L, ed. The Guardian of the Constitution: Hans Kelsen and Carl Schmitt on the Limits of Constitutional Law. Cambridge University Press; 2015.
5. Die Weimarer Reichsverfassung : 11. August 1919 : Vejmarskaya konstituciya : 11 avgusta 1919 g. // 1000 Schlüsseldokumente : [sajt]. – URL: https://www.1000dokumente.de/Dokumente/Die_Weimarer_Reichsverfassung (data obrashcheniya: 20.12.2025).
6. Hoogers, G., & Karapetian, G. Federal Disputes in the German Reich under the Weimar Constitution: Lessons in Dispute Settlement for the Kingdom of the Netherlands // Vienna Journal on International Constitutional. 2018. Vol. 12, no. 3. P. 257–287.
7. Shtollyajs M. Istoriya publichnogo prava v Germanii: Vejmarskaya respublika i nacional-socializm / Mihael' Shtollyajs ; [per. s nem. O. G. Subbotina]. – Moskva : Politicheskaya enciklopediya, 2017. – 663 s. – (Sovremennaya nemeckaya istoriografiya).
8. Vinx, Lars (ed.). \"Kelsen on the judgment of the Staatsgerichtshof of 25 October 1932.\" In The Guardian of the Constitution: Hans Kelsen and Carl Schmitt on the Limits of Constitutional Law. Cambridge University Press, 2015.
9. VCIOM. 100 let SSSR: zabyt' nel'zya vernut'sya? : analiticheskij obzor / VCIOM. 2022. 30 dek. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/100-let-sssr-zabyt-nelzja-vernutsja.
10. Putin nazval raspad SSSR tragediej i «raspadom istoricheskoj Rossii» // RBK. 2021. 12 dek. URL: https://www.rbc.ru/politics/12/12/2021/61b5e7b79a7947947689a33f5fe (data obrashcheniya: 22.12.2025).
11. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.) : [s izm. i dop., vstup. v silu s 4 okt. 2022 g // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii 2022. – 6 okt. – № 0001202210060013. – URL: http://pravo.gov.ru/constitution/?ysclid=mjwxryrrtv808314572 – (data obrashcheniya: 17.12.2025).
12. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 «O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs] // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii (pravo.gov.ru). – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107030001 (data obrashcheniya: 12.12.2025).
13. Voennaya doktrina Rossijskoj Federacii : [utv. Prezidentom RF 25 dek. 2014 g., № Pr-2976] // Rossijskaya gazeta. – 2014. – № 298 (30 dek.). – URL: https://legalacts.ru/doc/voennaja-doktrina-rossiiskoi-federatsii-utv-prezidentom-rf/?ysclid=mjwygxwp6c209438608 (data obrashcheniya: 12.12.2025).
14. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31.03.2023 № 229 «Ob utverzhdenii Koncepcii vneshnej politiki Rossijskoj Federacii» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007 (data obrashcheniya: 12.12.2025).
15. Dyzenhaus, David. \"Legal Theory in the Collapse of Weimar: Contemporary Lessons?\" American Political Science Review 91, no. 1 (1997): 121–134.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 10-13.

УДК 34

ЭВОЛЮЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ЕГО ПРАКТИЧЕСКАЯ РОЛЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Беляева Т. Н.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

В статье рассматривается эволюция понятия «гражданское общество» от античной традиции до современного понимания. Анализируются теоретические подходы к определению гражданского общества в отечественной и зарубежной науке, включая концепцию Платона, А. Фергюсона, Г. Гегеля, а также позиции современных российских исследователей. Особое внимание уделяется практической роли институтов гражданского общества в современной России. На основе данных министерства экономического развития Российской Федерации анализируются тенденции роста числа социально ориентированных некоммерческих организаций и объемы их государственных поддержки. Отдельно рассматривается значение цифровизации, как нового канала взаимодействия общества и государства, на рост гражданской активности как нового канала взаимодействия общества и государства.

Ключевые слова: институты гражданского общества, граждане, эволюция, государство, цифровизация, гражданская активность, некоммерческие организации, народ.

Конституция Российской Федерации, в ст. 3 провозглашает, что, «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», а ст. 32 гарантирует гражданам право участвовать в управлении делами государства [1]. Однако существует потребность в так называемой «прослойке» между этими двумя фундаментальными нормами, которая требует посредников, для выражения коллективной воли народа. Если народ – единственный источник власти, то прослойкой традиционно выступает гражданское общество. Понимание природы и функций гражданского общества остается дискуссионным вопросом как в мировой, так и в отечественной науке. Единого определения термина «гражданское общество» на данный момент до сих пор не существует, так как его содержание исторически изменчиво.

Истоки термина «гражданское общество» восходят к античной традиции. Как верно отмечают исследователи, он уходит корнями в древнеримское понятие civitas.

Civitas (от civis – гражданин) обозначает гражданскую общину, члены которой (римляне) были субъектами римского гражданского права (ius civile). [2, с. 7].

Платон, создавая теорию «идеального государства», сделал важное наблюдение: кроме форм жизни, организованных государством, существуют и другие способы общественной самоорганизации. Хотя философ не использовал современный термин «гражданское общество», именно он одним из первых указал на существование социальных отношений, существующих независимо от государственного аппарата. Это фундаментальное различие государства и форм общественной жизни стало ключевым для последующего развития теории гражданского общества.

Настоящий интерес к изучению гражданского общества проснулся в эпоху Просвещения — время расцвета новых общественных отношений и критического мышления. Отправной точкой стал труд шотландского мыслителя Адама Фергюсона. Его главная книга «Опыт истории гражданского общества» вышла в свет в 1767 г. В ней он отмечает «гражданское общество, как общество «цивилизованное», являющееся этапом на пути прогресса человечества» [3].

Георг Вильгельм Фридрих Гегель в своих произведениях дает следующее определение гражданскому обществу: это «дифференциация, которая выступает между семьёй и государством». Он видит в данном институте объединение индивидов для достижения целей каждого [4, с. 228]. Гегель говорит, что гражданское общество выступает промежуточным звеном между семьей и государством. Гражданское общество раскрывается

как способ людей кооперироваться для решения своих задач, не ограничиваясь только семейными делами. Это очень точное наблюдение, которое хорошо объясняет, почему, например, люди создают объединения для защиты своего двора или организуют волонтерские движения.

Сравнение определений, которые даются понятию «гражданское общество» Гегелем и Фергюсоном позволяет сделать вывод, что определение Гегеля, гораздо шире. Оно относится не к правовому статусу в государстве, а к самостоятельной активности людей - к тому, как они добровольно объединяются в организации, чтобы влиять на жизнь в стране. Однако, между указанными определениями связь есть: оба представленных понятия говорят об участии и организации. Но римское civitas — это, условно, «паспорт», дающий права, а современное гражданское общество – это «действие», то, как люди используют эти права для коллективных целей за пределами семьи и прямых указаний государства.

Гражданское общество как правовой и социальный феномен остается в центре внимания современной отечественной юридической науки, при этом российские исследователи предлагают различные, порой дополняющие друг друга, а иногда и различные подходы к его определению.

Хочется выделить один из наиболее распространенных подходов, акцентирующий роль независимых от государства институтов и свободной активности граждан. Ярким примером служит позиция Е. А. Шапкиной, которая определяет гражданское общество как «сферу самопроявления свободных граждан и добровольно сформировавшихся ассоциаций, и организаций, независимая от прямого вмешательства и произвольной регламентации со стороны государственной власти» [5].

Более комплексный, системный подход предлагает К. С. Гаджиев, рассматривающий гражданское общество как «систему обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению, систему самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей» [6, с. 30]. Это определение собирает в себе ключевые характеристики гражданского общества, выделяемые в научной дискуссии: автономность от государства, функциональную направленность на удовлетворение разнообразных потребностей личности и роль в сохранении социокультурной преемственности.

Развивая эту мысль, современные исследователи делают акцент на функциональном аспекте и взаимодействии гражданского общества с другими субъектами публичной жизни. Так, Е. А. Кравцова, обобщая различные точки зрения, заключает, что через институты гражданского общества граждане участвуют в жизни государства, влияют на его решения, заставляя считаться со своим мнением [7, с.29]. Эти институты, представленные объединениями граждан в любой организационно-правовой форме и присутствующие во всех сферах жизни общества, образуют открытую систему для взаимодействия с властью.

Многообразие трактовок отражает сложность и многогранность самого гражданского общества, а также специфику его развития в российских условиях.

Проведя анализ различных подходов к пониманию гражданского общества, становится очевидным, что гражданское общество не является статичным понятием – его содержание исторически развивалось и продолжает эволюционировать. Это сложный и развивающийся механизм, представляющий собой сферу самостоятельной и добровольной самоорганизации граждан вне прямого контроля со стороны государства и семьи.

В современной России, интерес к изучению роли гражданского общества набирает широкое распространение, происходит переход от изучения его теоретической части к анализированию его практической роли в государстве. Этому послужили внесенные в

2020 г. поправки в Конституцию РФ, которые закрепили понятие как «гражданское общество» и установили обязанность его поддержки.

Незаменимость институтов гражданского общества в различных его проявлениях можно увидеть, проанализировав одно из основных направлений – социально ориентированные некоммерческие организации (далее СО НКО).

Согласно ст. 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях», некоммерческой организацией является организация, не имеющая извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяющая полученную прибыль между участниками [8]. Социальная ориентированность данных организаций заключается в направленности деятельности на решение социальных проблем.

Спектр деятельности СО НКО значительный, миллион россиян получили и получают помощь от данных организаций. Они обеспечивают помощь бездомным, поддерживают людей с инвалидностью, пенсионеров, детей, так же правозащитные организации организуют бесплатную юридическую помощь лицам, чьи права были нарушены, занимаются вопросами экологии и многое другое. Особую роль СО НКО можно отметить сейчас, в условиях СВО, они организуют помощь военным и их семьям. Множество благотворительных фондов и волонтерских объединений взяли на себя сбор гуманитарной помощи, организацию досуга для детей, психологическую поддержку жен и матерей, юридическое сопровождение.

Так же следует отметить рост количества СО НКО. В 2025 г. по официальным данным Минэкономразвития, действует 133 812 СО НКО, что на 2 153 организации (19,2%) больше по сравнению с предыдущим годом. Еще более показательным является беспрецедентный рост финансовой поддержки некоммерческого сектора. Как следует из бюджетных планов на 2026 г., на поддержку НКО предполагается выделить 460,5 млрд рублей — на 10 млрд больше, чем в 2025-м [9].

Статистика последних лет показывает, что гражданское общество в России обретает системный характер. Рост числа организаций сочетается с ростом их ресурсной обеспеченности, что создает основу для дальнейшего развития. Здесь следует так же указать на развитее цифровой гражданской активности. В настоящее время развивается большой потенциал у онлайн-платформ институтов гражданского общества. Существует большое количество удобных интернет ресурсов, направленных на обеспечение диалога общества и государства, а также на получение и оказание помощи. Так, «Федеральный портал проектов нормативных правовых актов», который обеспечивает обсуждения особо значимых проектов гражданами, «Госусдуги», Платформа «Россия страна возможностей» и другие серверы, которые упрощают работу всех институтов и обеспечивают своевременное участие граждан.

Яна Лантратова, отметила что «Президент России назвал сильное и ответственное гражданское общество основой суверенитета» [10].

Таким образом, как показывает анализ, институты гражданского общества становятся не только теорией, но и практикой в границах РФ, они выполняют ключевую роль в решении различных вопросов государства и общества, тем самым становясь неотъемлемой частью демократического государства.

Список литературы:

1.Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, 05февраля 2014 № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 № 11-ФКЗ) // Российская газета.

2.Колесникова Н. А., Рябова Е. Л. Гражданское общество в современной России. М.: Этносоциум, 2016. С. 7.

3.Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества / Пер. с англ. Под ред. М. А. Абрамова. М. : РОССПЭН, 2000 С. 32

4.Гегель, Георг Вильгельм Фридрих (1770-1831). Философия права [Пер. с нем.] / Георг Вильгельм Фридрих Гегель; [Авт. вступ. ст., с. 3-43, и примеч. В. С. Нерсесянц]; АН СССР, Ин-т философии. — Москва :

Мысль, 1990. С. 228
5.Шапкина Е.А. Государственно-общественное партнерство [Электронный ресурс]. Доступ из БД «КонсультантПлюс»
6.Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. — Москва, — 1991. — № 7. —С. 30.
7.Кравцова Е.А. К вопросу о понятии «гражданское общество» и классификации его институтов // Философия права. 2021. № 1 (96). С. 27-32.
8.*О некоммерческих организациях* : Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс] // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс». – Режим доступа: локальный (дата обращения: 22.03.2026)
9.Официальные данные Министерства экономического развития Российской Федерации // Официальный сайт Минэкономразвития России. URL: https://www.economy.gov.ru (дата обращения: 22.03.2026)
10. Перспективы развития гражданского общества обсудили в Государственной Думе // Законодательное Собрание Ростовской области : офиц. сайт. – 2025. – 16 июля. – URL: https://zsro.ru/sobytiya/novosti/102451/ (дата обращения: 22.03.2026).

Belyaeva T. N. Evolution of civil society and its practical role in modern Russia // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 10-13.

The article examines the evolution of the concept of "civil society" from the ancient tradition to the modern understanding of it as a sphere of voluntary self-organization of citizens, independent of direct state control. The article analyzes theoretical approaches to the definition of civil society in Russian and foreign science, including the concepts of Plato, A. Ferguson, and G. W. F. Hegel, as well as the views of contemporary Russian researchers. Special attention is given to the practical role of civil society institutions in modern Russia. Based on the data provided by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, the article analyzes the systematic growth of the number of socially oriented non-profit organizations and the amount of their state support. The article also examines the significance of digitalization of civic activity as a new channel for interaction between society and the state.

Keywords: civil society institutions, citizens, evolution, state, digitalization, civic activity, non-profit organizations

Spisok literatury:

1.The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (taking into account amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation No. 6-FKZ of December 30, 2008, No. 7-FKZ of December 30, 2008, No. 2-FKZ of February 5, 2014, No. 11-FKZ of July 21, 2014) // Rossiyskaya Gazeta.
2.Kolesnikova N. A., Ryabova E. L. Civil Society in Modern Russia. Moscow: Ethnosocium, 2016. P. 7.
3.Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society / Transl. from English. Ed. by M. A. Abramov. Moscow: ROSSPEN, 2000. P. 32.
4.Hegel, Georg Wilhelm Friedrich (1770–1831). Philosophy of Right [Transl. from German.] / Georg Wilhelm Friedrich Hegel; [Author of introductory article, pp. 3–43, and notes V. S. Nersesyants]; Academy of Sciences of the USSR, Institute of Philosophy. — Moscow: Mysl, 1990. P. 228.
5.Shapkina E. A. State-Public Partnership [Electronic resource]. Access from Database "ConsultantPlus".
6.Gadzhiev K. S. The Concept of Civil Society: Ideological Origins and Main Milestones of Formation // Voprosy Filosofii. — Moscow, 1991. — No. 7. — P. 30.
7.Kravtsova E. A. On the Question of the Concept of "Civil Society" and the Classification of Its Institutions // Philosophy of Law. 2021. No. 1 (96). P. 27–32.
8.On Non-Profit Organizations: Federal Law No. 7-FZ of January 12, 1996 (as amended on February 20, 2026) [Electronic resource] // Legal Reference System "ConsultantPlus". – Access mode: local (date of access: 22.03.2026).
9.Official Data of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation // Official Website of the Ministry of Economic Development of Russia. URL: : https://www.economy.gov.ru (date of access: 22.03.2026).
10. Perspektivy razvitiya grazhdanskogo obshchestva obsudili v Gosudarstvennoy Dume [Prospects for the Development of Civil Society Discussed in the State Duma] // Zakonodatel'noye Sobraniye Rostovskoy oblasti : ofits. sayt. – 2025. – 16 iyulya. – URL: https://zsro.ru/sobytiya/novosti/102451/ (data obrashcheniya: 22.03.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 14-22.

УДК 340

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[1]

Белянская О. В., Минаева А. И.
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

Анализ механизма реализации прав и свобод личности с использованием цифровых технологий позволяет представить в системно-динамическом виде сущность и природу правоотношений в цифровой среде. Целью статьи является определение сущности и содержания механизма реализации прав и законных интересов личности в условиях развития цифровых технологий, выделение проблем как теоретического, так и практического характера относительно его структуры и элементного состава. Авторы определяют механизм реализации прав и свобод личности в условиях развития цифровых технологий как совокупность правовых, социальных, технологических средств, обеспечивающих реальность осуществления различных прав и свобод личности. В его структуру входят правовые нормы, субъекты и их деятельность по осуществлению своего права, процедуры реализации и защиты права личности, юридические гарантии.

Ключевые слова: реализация прав и свобод личности; механизм реализации; структура механизма реализации прав личности; цифровые технологии; цифровизация; цифровая среда.

Новые технологии стремительно меняют мир и вынуждают адаптироваться к новым правилам, осваивать цифровые средства, формируется цифровая экосистема, в которой человек выступает как источником, так и носителем большого объёма различной информации.

Термин «цифровые технологии» не имеет точного легального определения, но чаще всего под ними понимают совокупность методов, средств и систем, основанных на представлении информации в цифровой форме (в виде двоичного кода – нулей и единиц) и использующих компьютерные, электронные и телекоммуникационные средства для её обработки, хранения и передачи (обработка больших объемов данных; искусственный интеллект и т.п.).

В имеющихся публикациях, в которых авторы использует термин «механизм», нет анализа именно механизма реализации прав и свобод личности в условиях развития цифровых технологий, как и нет однозначной позиции относительно форм, средств, а также факторов, влияющих на процесс их реализации.

Механизм реализации прав и свобод в цифровой сфере упоминается в контексте управления и правового регулирования ею как зоной ответственности государства в киберпространстве [5, с. 62]. Выделяя особенности механизма реализации цифровых прав человека, некоторые авторы пишут о различных процедурах, складывающихся в российском и зарубежном законодательстве, способствующих созданию дополнительных гарантий реализации цифровых прав человека [6]. Важно отметить и то, что исследования в этой сфере быстро устаревают с появлением новых технологий и проблем, требующих анализа. Все это свидетельствует об актуальности проблематики, предметом которой является механизм реализации прав и свобод личности в условиях развития цифровых технологий, его структура, нормативное регулирование, условия, способствующие его эффективному функционированию.

Целостного, структурированного законодательного акта, посвященного правам человека в цифровом пространстве и процессу их реализации, нет. Единая доктринальная позиция по данному вопросу еще не сложилась. Очевидно, что это порождает проблемы и неоднозначные решения в правоприменительной практике: суды и иные органы

[1] *Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030»*

испытывают трудности с квалификацией дел в сфере цифровых технологий, в которых нарушения выходят за рамки привычных объектов гражданского и уголовного права. Весьма неоднозначно складывается в юридической науке понимание механизма реализации прав и свобод личности как общетеоретической конструкции вообще, так и при анализе условий развития и применения цифровых технологий. Термин механизм чаще всего используют для придания динамики исследуемого явления и обозначения того, что на реализацию прав и свобод личности влияет множество факторов [1; 11]. При этом многие авторы опускают вопрос о понятии, содержании и структуре механизма реализации прав личности, но очевидно то, что он представляет собой многоуровневую и разнородную систему элементов. Так, А. Т. Карасев, А. В. Елькина считают, что механизм реализации основных прав и свобод граждан – это «совокупность способов, при помощи которых осуществляются основные права и свободы и средств, обеспечивающих их реализацию» [4, с. 34] и полагают, что именно формы и порядок осуществления основных прав и свобод образуют составные части механизма реализации основных прав и свобод.

Представляется, что «механизм реализации права должен включать в себя средства стимулирования реализации прав и свобод, а также создание условий для беспрепятственного использования того комплекса прав и свобод, который принадлежит человеку в силу его закрепления нормами национального права» [1, с. 45].

Сложной для понимания природы механизма является мнение о том, что «механизм реализации правового статуса личности состоит из системы определенных элементов государственно-правового характера, находящихся в непосредственном взаимодействии» [13, с. 169-170]. В этом определении доминирующей категорией является элементы государственно-правового характера, кроме этого, авторы делают акцент на субъектном составе.

Определяя собственную позицию относительно природы и содержания механизма реализации прав личности (субъективных прав), отметим, что его основу составляют такие категории как «реализация права» и «механизм правового регулирования». В этой связи механизм реализации прав и свобод личности в условиях развития цифровых технологий необходимо рассматривать, во-первых, с позиции форм реализации права, во-вторых, наличия базовых элементов механизма правового регулирования и, в-третьих, факторов неправового характера.

Оперируя термином «механизм реализации прав личности», мы исходим из сложившейся в общей теории права точки зрения, что он представляет собой комплекс правовых средств, а также самостоятельных действий личности по реализации своих прав и свобод с целью их более полного и эффективного использования. При этом набор средств носит как универсальный характер, так и отражает специфику правоотношений, в которые субъекты права вступают.

Процесс реализации субъективного права зависит от многих факторов (правового и неправового характера) и условий, которые влияют на организацию процесса осуществления конкретного права субъекта. Определяя природу данного механизма, мы полагаем что она имеет одновременно социальный, технический и юридический характер, что предопределено спецификой отношений по созданию и использованию цифровых технологий. Будучи крайне индивидуализированным, механизм осуществляется под влиянием социально-психологического, политического, экономического, религиозного, организационного, технологического и иных факторов, обусловливающих в совокупности процесс реализации субъективных прав и обязанностей. Использование цифровых технологий при осуществлении субъективного права личности есть средство достижения результата, исходя из возможностей как самого субъекта, так и технологий.

Структура механизма реализации прав и свобод личности в условиях развития цифровых технологий включает:

1. Правовые нормы, регламентирующие как содержание права личности, так и использование цифровых технологий. Темп появления новых цифровых решений для осуществления прав не позволят детально урегулировать все варианты цифрового поведения, но при этом «управление и правовое регулирование цифровой среды, в частности, создание механизмов реализации прав и свобод в киберпространстве – зона ответственности государства» [5, с. 62]. И в этой связи в перечне принципов Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации закреплены положения об обеспечении: прав граждан на доступ к информации; свободы выбора средств получения знаний при работе с информацией; законности и разумной достаточности при сборе, накоплении и распространении информации о гражданах и организациях; государственной защиты интересов российских граждан в информационной сфере (п. 7 Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы»). Эти принципы формируют основы развития информационного общества.

Действия личности, связанные с использованием цифровых технологий и средств, происходят цифровом поле, которое формирует так называемые «цифровые права». Часть таких прав и возможных действий личности указана в п. 3 ст. 6 Федерального закона № 49-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Правомочия лица в цифровой среде определены в главе 3 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных».

Отметим, что в механизме реализации прав личности в условиях развития цифровых технологий особое значение имеют технико-юридические нормы. Отношения, связанные с созданием и использованием цифровых технологий, подпадают под правовое регулирование, если они связаны с риском, то есть вероятностью причинения вреда жизни или здоровью, имуществу личности; предполагают реальную возможность осуществления контроля со стороны уполномоченных на это субъектов; существует недостаточность другого регулирования (например, обычаев).

Роль права в системе регулирования отношений в цифровой среде проявляется в закреплении в технико-юридических нормах обобщенных технических требований и обеспечении правовыми средствами соблюдения этих требований. Технико-правовая норма в контексте регулирования цифрового пространства – это правило, выраженное в формально-определенных предписаниях, содержанием которого является разрешенное, запрещенное или предписанное действие в цифровой сфере, установленное или санкционированное государством и обеспеченное мерами государственного принуждения.

В регулировании отношений с применением цифровых технологий используется совокупность правовых норм и цифровых кодов. При этом, если в основе технических норм зачастую лежат объективные закономерности, физические, химические законы, то в основе цифровых технологий лежат алгоритмы, создаваемые людьми-специалистами в соответствующей области, то есть начинают действовать субъективные факторы. Субъективное видение программиста определяет алгоритм доступа к объектам цифровой среды.

2. Субъекты и их деятельность по осуществлению своего права, то есть акты реализации, в которых проявляется факт осуществления субъективного права. Субъектный состав механизма реализации прав личности включает: во-первых, индивидуальных субъектов, которые с учетом их роли в правовых отношениях можно разделить на группы: «создатели объектов цифровой инфраструктуры; лица осуществляющие обслуживание объектов цифровой инфраструктуры; пользователи объектов цифровой

инфраструктуры» [8, с. 13]. Во-вторых, это коллективные субъекты – организации, обеспечивающие доступ к цифровым технологиям и контроль за деятельностью индивидуальных субъектов права. Их можно разделить на частные организации и публичные, которые в силу закона участвуют в процедуре реализации и защиты прав личности.

В цифровом пространстве возникает проблема идентификации субъектов правоотношений. Существующие технологии не всегда могут достоверно установить участника правоотношений, независимо от осуществляемого действия. Традиционные методы идентификации субъекта невозможны, так как они основаны на физическом взаимодействии, поэтому требуется создание новых систем регулирования, а также просвещения населения об опасности использования непроверенных источников и предоставления личных данных неизвестным лицам.

Особенностями субъектов, участвующих в отношениях с применением цифровых технологий является и то, что они могут находиться в разных странах, что затрудняет возможность рассмотрения споров в судебном порядке. Во многом эффективность действий личности в цифровой среде зависит от ее знаний относительно функционирования цифровой среды, особенностей получения доступа к отдельным ее элементам и так далее.

3. Процедуры реализации и защиты права личности, реализуемого с использованием цифровых технологий — это законодательно установленные способы и порядок осуществления прав, обеспечивающие достижение целей правового регулирования в конкретной сфере общественных отношений. Очевидно, что процедуры реализации зависят от содержания права и возможностей самого человека. В условиях развития цифровых технологий важность нормативно закреплённых процедур, возрастает кратно.

Реализация прав и свобод личности с использованием цифровых технологий должна быть встроена в общий механизм реализации прав и свобод, включающий процедуры правоприменения и непосредственной реализации норм права [3, с. 635]. Соответственно, он включает как непосредственные способы осуществления прав личности, так и правоприменение, которое присутствует как на стадии осуществления, так и защиты прав личности.

Российское законодательство закрепляет достаточно широкие возможности для реализации всей совокупности прав личности с использованием цифровых технологий и предоставляет возможности ее защиты традиционными способами: лицо имеет возможность защищать свои цифровые права самостоятельно или обратиться за государственной защитой в компетентные органы. Такими компетентными органами может выступать Прокуратура России, Роскомнадзор или суд. Важно понимать, что «защита прав граждан в цифровую эпоху требует совместных усилий государства, общества и каждого отдельного гражданина» [9, с. 1389].

Судебная защита, как представляется, по-прежнему остается наиболее надежным способом защиты прав личности в цифровом пространстве. Так, суды признают сведения, распространенные неустановленным лицом в сети «Интернет», например, в Телеграмм-канале, не соответствующими действительности и порочащими честь, достоинство и деловую репутацию личности (Решение Зюзинского районного суда г. Москвы по делу № 2-6642/2025 от 05.12.2025), что позволяет личности в дальнейшем добиваться исключения таких сведений из выдачи в Интернет-пространстве (в рамках реализации так называемого права на забвение).

Самозащита прав, реализуемых с использованием цифровых технологий, возможна несколькими способами, перечня которых нет в законодательстве. Можно согласиться

с тем, что законодательство, регламентирующие применение цифровых средств «должно осуществляться как в части легализации процессов применения цифровых технологий, так и в части их адаптации применительно к праву на самозащиту» [12, с. 468]. Но какие именно способы может использовать человек для самостоятельной защиты, восстановления нарушенного права в цифровой среде? И здесь тоже нет единства позиций.

Есть мнение о наличии технологий реализации права на самозащиту [12, с. 469], выражающихся в применении родителями мер по защите интересов детей в Интернете в виде блокировки отдельного «нежелательного» контента и контактов (самопомощь), а также существование альтернативных способов защиты права – обращение к негосударственному посреднику, например в третейский суд [14].

Закреплённое в ст. 10.3 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» право на «забвение» можно рассматривать как самозащиту права, поскольку оно даёт возможность требовать прекращение выдачи ссылок на информацию о себе при условии, что информация считается недостоверной, устаревшей, нарушающей личные права или законные интересы. Реализовать данное право личность может самостоятельно без обращения в публичные органы власти, то есть процедур правоприменения. Важно учитывать, что речь идет не о полном удалении информации из сети «Интернет», а прекращении ее выдачи поисковой системой. Так, анализ статистических данных по использованию права на цифровое забвение свидетельствует, с одной стороны, о достаточно активном использовании такого способа самозащиты права, с другой стороны, о сложностях его применения: за период с июля по декабрь 2025 года было получено 3 509 запросов (из них удовлетворено 1351) об удалении неактуальных сведений; 2 583 запросов (удовлетворено 924) – об удалении недостоверной информации и 3 513 запросов (удовлетворено 628) – об удалении информации, нарушающей требования законодательства России [15].

Также некоторые общественные отношения с применением цифровых технологий в настоящее время возможны на основе заключения так называемых пользовательских соглашений, содержащих субъективные права и юридические обязанности как самих организаций, выступающих владельцами различных сайтов в сети «Интернет», мобильных приложений, так и пользователей. Интересно, что, например, согласно п. 9.1 Пользовательского соглашения сервисов «Яндекса» «Пользователь использует их на свой собственный риск. Яндекс не принимает на себя никакой ответственности, в том числе за соответствие сервисов Яндекса целям пользователя». Согласно п. 9.4. «Яндекс» «не несет ответственности за любые виды убытков, наступившие вследствие использования пользователем сервисов или отдельных их частей/функций».

Анализ указанного выше соглашения позволяет сделать вывод о существенной роли именно самозащиты права личности в реализации механизма реализации ее прав в цифровом пространстве, поскольку оператор, будучи второй стороной такого соглашения, стремится максимально «снять» с себя ответственность за возможные негативные последствия использования его сервисов.

Все это позволяет определить «самозащиту как определенный механизм, который может рассматриваться в качестве подсистемы механизма <…>» [2, с. 10] реализации прав и свобод личности в условиях развития цифровых технологий который требует самостоятельного анализа.

4. Юридические гарантии, которые выступают в качестве правообеспечивающих, охранительных положений, а также стимулирующих поведение личности в цифровом пространстве. Механизм реализации любого права личности должен быть основан на

гарантиях, закрепленных в нормах права и устанавливающих пределы ее прав и свобод, юридические факты, с которыми связана их реализация, а также процессуальные формы реализации. Для эффективной реализации прав человека с использованием цифровых средств важны и политические и материальные и технические гарантии, но именно юридические средства позволяют говорить о возможности эффективного функционирования механизма такой реализации.

К юридическим гарантиям, определяющим сущность данного механизма, можно отнести, во-первых, деятельность специально-уполномоченных государственных органов, контролирующих поведение субъектов права в цифровой среде (например, Роскомнадзора). Так, личность, защищая свои права и свободы, вправе обжаловать действия или бездействие оператора персональных данных в Роскомнадзоре. Также в некоторых случаях он обращается с исками в защиту прав неопределенного круга лиц. Например, суд удовлетворил в полном объеме исковые требования Роскомнадзора о признании информации на интернет-странице незаконной и нарушающей права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, а информацию, распространяемую на ресурсах, обрабатываемой с нарушением законодательства в области персональных данных, постановил включить в Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных указанную интернет-страницу (Решение Таганского районного суда г. Москвы по делу № 2-638/22 от 13.04. 2022).

Во-вторых, к юридическим гарантиям мы относим наличие особых правовых режимов в сфере создания и использования цифровых технологий. Так, в ст. 18.1 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» предусмотрен механизм рассмотрения случаев причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека при реализации этого режима в результате использования решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта и принятия решения в том числе о приостановлении статуса субъекта экспериментального правового режима.

В-третьих, это создание гарантийных средств использования электронных устройств, коммуникационных сетей для субъектов права, получения доступа к цифровой среде. Как представляется, различия в возможностях получения доступа и использования объектов цифровой инфраструктуры выступает некой современной формой дискриминации. Следовательно, необходимо установление гарантий именно равноправного участия в цифровой среде (организация «цифрового» просвещения населения, обеспечение бесперебойной работы технической инфраструктуры и др.).

В-четвертых, юридическими гарантиями является регулирование идентификации индивидуальных субъектов права и вопросов юридической ответственности в рамках правоотношений с применением цифровых технологий. В настоящее время действует Федеральный закон «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29.12.2022 № 572-ФЗ. Важно, что согласно п. 13 ст. 3 указанного закона отказ физического лица от прохождения идентификации и (или) аутентификации с использованием его биометрических персональных данных не может служить основанием для отказа ему в оказании услуг, продаже товаров и совершении многих других юридически-значимых действий.

Обязательная идентификация пользователей, реализованная, например, в Китайской Народной Республике, позволяет достаточно эффективно сократить сегмент теневых подключений и количество анонимных действий, однако она должна производиться,

как представляется, дифференцированно с учетом природы объекта цифровой среды, к которой пользователь пытается получить доступ.

Относительно юридической ответственности индивидуальных субъектов права в рамках правоотношений с применением цифровых технологий можно отметить, что она определяется в рамках отраслевого законодательства. Так, в ст. 273 УК РФ закреплен такой состав преступления как создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ. В ст. 13.50 РФ – неисполнение обязанностей владельцем социальной сети. Законодательство постоянно дополняется по мере появления новых нарушений прав и законных интересов личности в цифровой среде, а также развития и расширения применения самих цифровых технологий. Так, в соответствии со ст. 1 Федерального закона от 31.07.2025 № 282-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» использование при совершении преступления программно-аппаратных средств доступа к информационным ресурсам, информационно-телекоммуникационным сетям, доступ к которым ограничен (например, VPN-сервисов) рассматривается в настоящее время как отягчающее обстоятельство.

Повышению государственного контроля за цифровой средой, формированию отлаженных механизмов привлечения к юридической ответственности за совершение правонарушений в такой среде может способствовать развитие технических средств, которые позволяют эффективно и своевременно блокировать противоправный контент, развитие и обеспечение широкого использования новых технологий (например, биометрических) идентификации пользователей.

И, в-пятых, правовое регулирование рынка оказания цифровых услуг также выступает как вид юридических гарантий функционирования механизма реализации прав и свобод личности в условиях развития цифровых технологий.

Расширение функционирования таких макросервисов, как «Госуслуги»; возможности обращения в государственные органы в электронной форме; перспектива введения цифровых паспортов граждан невозможны без обеспечения широкого доступа населения к самим цифровых технологиям, а, значит, стабильному Интернет-соединению, приобретению специальных технических средств, антивирусных программ и т.д., следовательно, последние превращаются в социально-значимые товары. В таком случае государство может, скажем, прибегнуть к государственному регулированию ценообразования. Создание и контроль процесса реализации прав и свобод личности с применением цифровых технологий укрепит цифровой суверенитет государства и расширит возможности граждан. В правоотношениях с применением цифровых технологий правовые средства не всегда оказываются достаточными, т.к. взаимодействие субъектов в цифровой среде во многом выведено из формально-юридической плоскости, действуют собственно цифровые средства (программное обеспечение, приложения и устройства).

И если правовые инструменты – это нормы права, правоотношения, акты реализации прав и обязанностей, то неправовые включают разнообразный инструментарий, что и позволяет говорить о существовании особого механизма реализации прав и свобод личности в условиях постоянного развития цифровых технологий. Структурными элементами данного механизма являются: правовые нормы; субъекты и их деятельность по осуществлению своего права; процедуры реализации и защиты права личности, реализуемого с использованием цифровых технологий; юридические гарантии, которые выступают в качестве правообеспечивающих, охранительных положений, а также стимулирующих поведение личности в цифровом пространстве. Наличие эффективно выстроенных юридических гарантий позволит сформировать ценности, на основе которых и будет функционировать механизм реализации прав и свобод личности в условиях

развития цифровых технологий, а «у российского права сохранится присущая ему широкоформатная социально-правовая природа, которая сможет по-настоящему раскрыться именно в новой технологической среде, российское право «переоткроет» себя, обретет новые правовые ценности» [10, с. 17]. Кроме этого «важным фактором является формирование отношения государства как идеологического актора к доступу граждан к цифровому пространству, потенциальным возможностям этой среды, обеспечению их реализации» [7, с. 129]. Действие механизма реализации прав и свобод личности в условиях развития цифровых технологий выражается через поведение личности, которое обусловлено не только социально-психологическими факторами, внутренними качествами личности, сознанием необходимости активного правомерного поведения, но также и особенностями функционирования самой цифровой среды.

Список литературы:

1.Афанасьева С. А. Механизм реализации прав и свобод личности в Российской Федерации // Юридическая гносеология. – 2017. – № 2.– С. 45-49.
2.Белянская О. В. Механизм непосредственной реализации прав и свобод личности: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 2003. – 26 с.
3.Белянская О.В., Чомаев А.А. Процесс правореализации в условиях цифровизации // Гуманитарные и юридические исследования. – 2022. – № 9 (4). – С. 630-637.
4.Карасев А. Т., Елькина А. В. Содержание механизма реализации основных прав и свобод // International Law Journal. – 2019. – Т. 2. – № 4. – С. 32-36.
5.Клементьева В. С. К вопросу о проблемах реализации прав и свобод в цифровой среде // Международный журнал конституционного и государственного права. – 2019. – № 2. – С. 61-62.
6.Костенков К. А. Особенности механизма реализации цифровых прав человека // Избирательное законодательство и практика. – 2025. – № 1. – С. 29-32.
7.Минаева А. И. Индивидуальные субъекты российского права в условиях развития цифровых технологий: теоретико-правовое исследование: диссертация ... кандидата юридических наук: 5.1.1. / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Москва, 2022. – 179 с.
8.Минаева А. И. Индивидуальные субъекты российского права в условиях развития цифровых технологий: теоретико-правовое исследование: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 5.1.1. / Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) – Москва, 2024. – 31 с.
9.Морозова С.С., Смирнова Ю. Г. Защита прав граждан современной России в цифровую эпоху: политико-правовой анализ // Креативная экономика. – 2024. – № 6. – Том 18. – С. 1375-1394.
10. Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex russica (Русский закон). – 2019. – № 1 (9). – С. 9-17.
11. Топузов Д. И. Понятие механизма реализации и защиты прав человека в Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. – 2023. – Том 13. № 6А. – С. 92- 99.
12. Уздимаева Н. И. Инновационные механизмы реализации права на самозащиту в условиях цифровизации права: современное состояние и перспективы // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 463-469.
13. Упоров И. В., Коваленко Н. В. Механизм реализация правого статуса личности: дискуссионные вопросы // Гуманитарный научный вестник. – 2025. – № 3. – С. 169-170.
14. Хисамова Р.В. Цифровая (само)защита права на примере защиты прав ребенка // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 3. – С. 87-95.
15. «Яндекс»: Раскрытие информации о запросах. URL: https://yandex.ru/company/privacy/transparencyreport (дата обращения: 28.06.2026).

Belyanskaya O. V., Minaeva A. I. Mechanism for implementing personal rights and freedoms in the context of digital technology development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 14-22.

The use of modern technologies has affected all areas of society. The realization of individual rights is a complex and multi-component process that is influenced by the time and environment in which the rights are exercised. The scope of rights and freedoms, their content, and the procedures for their implementation also change. An analysis of the mechanism for the implementation of individual rights and freedoms using digital technologies allows us to present the essence and nature of legal relations in the digital environment in a systemic and dynamic form. The purpose of this article is to determine the essence and content of the mechanism for implementing the rights and legitimate interests of an individual in the context of the development of digital technologies, and to highlight both theoretical and practical issues related to its structure and composition. The authors define the mechanism for the implementation of individual rights and freedoms in the context of the development of digital technologies as a set of legal, social, and technological means that ensure the reality of the implementation of various individual rights and freedoms. This mechanism includes legal norms, subjects and their activities in the implementation of their rights, procedures for the implementation and protection of individual rights, and legal guarantees.

Keywords: realization of individual rights and freedoms; implementation mechanism; structure of the mechanism for the realization of individual rights; digital technologies; digitalization; digital environment.

Spisok literatury:

1. Afanas'eva S. A. Mekhanizm realizacii prav i svobod lichnosti v Rossijskoj Federacii // Yuridicheskaya gnoseologiya. – 2017. – № 2.– S. 45-49.
2. Belyanskaya O. V. Mekhanizm neposredstvennoj realizacii prav i svobod lichnosti: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.01 / Sarat. gos. akad. prava. – Saratov, 2003. – 26 s.
3. Belyanskaya O.V., Chomaev A.A. Process pravorealizacii v usloviyah cifrovizacii // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. – 2022. – № 9 (4). – S. 630-637.
4. Karasev A. T., El'kina A. V. Soderzhanie mekhanizma realizacii osnovnyh prav i svobod // International Law Journal. – 2019. – T. 2. – № 4. – S. 32-36.
5. Klement'eva V. S. K voprosu o problemah realizacii prav i svobod v cifrovoj srede // Mezhdunarodnyj zhurnal konstitucionnogo i gosudarstvennogo prava. – 2019. – № 2. – S. 61-62.
6. Kostenkov K. A. Osobennosti mekhanizma realizacii cifrovyh prav cheloveka // Izbiratel'noe zakonodatel'stvo i praktika. – 2025. – № 1. – S. 29-32.
7. Minaeva A. I. Individual'nye sub''ekty rossijskogo prava v usloviyah razvitiya cifrovyh tekhnologij: teoretiko-pravovoe issledovanie: dissertaciya ... kandidata yuridicheskih nauk: 5.1.1. / Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Moskva, 2022. – 179 s.
8. Minaeva A. I. Individual'nye sub''ekty rossijskogo prava v usloviyah razvitiya cifrovyh tekhnologij: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk: 5.1.1. / Moskovskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet imeni O.E. Kutafina (MGYuA) – Moskva, 2024. – 31 s.
9. Morozova S.S., Smirnova Yu. G. Zashchita prav grazhdan sovremennoj Rossii v cifrovuyu epohu: politiko-pravovoj analiz // Kreativnaya ekonomika. – 2024. – № 6. – Tom 18. – S. 1375-1394.
10. Sinyukov V. N. Cifrovoe pravo i problemy etapnoj transformacii rossijskoj pravovoj sistemy // Lex russica (Russkij zakon). – 2019. – № 1 (9). – S. 9-17.
11. Topuzov D. I. Ponyatie mekhanizma realizacii i zashchity prav cheloveka v Rossijskoj Federacii // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2023. – Tom 13. № 6A. – S. 92- 99.
12. Uzdimaeva N. I. Innovacionnye mekhanizmy realizacii prava na samozashchitu v usloviyah cifrovizacii prava: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Yuridicheskaya tekhnika. – 2021. – № 15. – S. 463-469.
13. Uporov I. V., Kovalenko N. V. Mekhanizm realizaciya pravogo statusa lichnosti: diskussionnye voprosy // Gumanitarnyj nauchnyj vestnik. – 2025. – № 3. – S. 169-170.
14. Hisamova R.V. Cifrovaya (samo)zashchita prava na primere zashchity prav rebenka // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. – 2024. – № 3. – S. 87-95.
15. «Yandeks»: Raskrytie informacii o zaprosah. URL: https://yandex.ru/company/privacy/transparencyreport (data obrashcheniya: 28.06.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 23-28.

УДК 340.134

РОССИЙСКИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ (весна–лето 2026 г.)

Бондарчук И. В.
Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

В статье представлен систематический эмпирический анализ количественных и качественных показателей российского законодательного процесса. На основании официальных данных Системы обеспечения законодательной деятельности (СОЗД) Государственной Думы проанализирован процесс принятия 132 федеральных законов. С использованием диахронического метода проведено сравнение параметров принятия федеральных законов субъектами права законодательной инициативы в начале 2026 года с аналогичными отрезками времени 2025 и 2024 годов. Проведенный качественный анализ выявляет общие закономерности развития российского законодательного процесса: ускорение, расширение сферы законодательного регулирования, специализация, динамизм, кодификация действующего законодательства.

Ключевые слова: законопроекты, законотворческая деятельность, законодательный процесс, степень прохождения законодательных инициатив, социология законодательства, статистические данные, итоговые показатели, интегрированность субъекта федерации, СОЗД, эффективность, законодатель.

Статистика законодательного процесса имеет большое значение для анализа и улучшения эффективности законотворческой деятельности.

Исследование количественных данных позволяет выявить тенденции и закономерности в принятии законов, а также оценить влияние различных факторов на законодательный процесс. Начало количественных исследований деятельности Государственной Думы Федерального Собрания РФ по законопроектам, постановлениям и иным решениям VIII созыва, положено в нашей статье «Статистика и эффективность реализации права законодательной инициативы» 2024 г. [1].

Изучение материалов интервью непосредственных участников законодательного процесса, выступлений депутатов – авторов законопроектов, членов рабочих групп Государственной Думы, отдельных экспертных мнений по вопросам принятых федеральных законов или разрабатываемых проектов, анализ содержания стенограмм заседаний Государственной Думы и Совета Федерации, а также использование биографического исследования, с одной стороны, может усилить обоснованность выводов и представлений, полученных в ходе количественных исследований, а, с другой, – понять процессы принятия решений и установить их причины.

Вместе с тем нередко качественные методы включают числовые измерения и, наоборот, по видимости количественные методы анализируют содержательные утверждения [2]. Именно с таких методологических позиций построено наше продолжающееся исследование, результаты которого публикуются в журналах «Право и современные государства» (2024–2025 гг.) и «Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки» (2026 г.).

Прежде всего обратим внимание на динамику законодательного процесса в начале 2026 г. с разбивкой по месяцам:

Таблица 1. Количественные данные о законодательной деятельности Государственной Думы VIII созыва за 2026 г. (данные собраны на основании мониторинга официального сайта СОЗД) [3].

2026 год	январь	февраль	март	апрель
Внесено законопроектов	98	102	122	135
Проведено заседаний	6	6	8	4

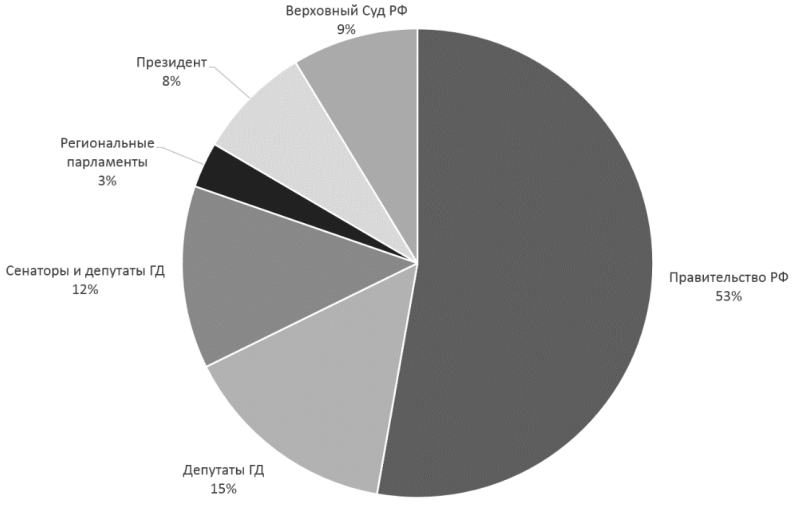
Рассмотрено законопроектов	90	98	106	63
Отклонено законопроектов	69	65	60	31
Принято законов	**21**	**33**	**46**	**32**

Ранее проведенные и опубликованные исследования статистики законодательного процесса на федеральном уровне в 2024 и 2025 г. дают возможность отметить нарастающую тенденцию по принятию Госдумой федеральных законов, которая увеличивается третий год подряд. Так, если за аналогичный период в 2024 г. принят 91 федеральный закон [4; 5], а в 2025 г. – 102 федеральных закона [6], то в текущем 2026 г. их уже принято 132. Таким образом, традиционно для законодательной деятельности последних 3-х лет присущ высокий динамизм. При этом, почти каждая третья законодательная инициатива становится федеральным законом.

Собранные данные можно рассмотреть с точки зрения формы и содержания принятых федеральных законов: первичные (новые), производные (поправки к ранее принятым либо признание утратившими силу законов и отдельных положений) и ратифицирующие (международные соглашения, договоры либо их денонсация).

В январе–апреле 2026 г. из принятых 132 ФЗ только 6 имеют самостоятельный предмет правового регулирования. Речь идет о 4-х федеральных законах, внесенных ВС РФ по вопросам социальной защиты для судей в отставке, лиц, замещавших должности судей судов, действовавших на территориях Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, а также 2-х ФЗ, внесенных Правительством РФ в части организации контрольно-надзорной деятельности в отношении органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления и о внесении изменений в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и «О национальной системе подтверждения ожидания поставки товаров и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Кроме того, по официальным данным можно проследить динамику принятия федеральных законов по субъектам внесения законодательной инициативы (см. Рис. 1.1.), а также визуализировать данные по сферам правового регулирования принятых законов (см. Рис. 1.2.).

Рис. 1.1. Количество принятых федеральных законов по субъектам внесения законодательной инициативы (январь–апрель 2026 г.)

Обращает внимание возросшее количество принятых инициатив Верховного Суда РФ – 11, что составило 9% от общего числа принятых федеральных законов. В числе 4 принятых инициатив региональных парламентов – Дума Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, Законодательное Собрание Ростовской области, Брянская областная Дума, Законодательное Собрание Пермского края. При этом обращает внимание снижение доли принимаемых законодательных инициатив законодательных органов субъектов РФ. Так, если за аналогичный период в 2024 году доля принятых законодательных региональных инициатив составила 5% от общего числа [4; 5], а в 2025 г. – 8% [6; 7], то в текущем 2026 году – всего 3%.

Самыми долго рассматриваемыми законопроектами (почти 3,5 года) из принятых в январе-апреле 2026 г. законопроектов стали 2 инициативы Правительства РФ, внесенные еще в 2022 г. Первой инициативой уточнено, что расходы должностного лица, его супруги и несовершеннолетних детей должны соответствовать общему доходу перечисленных лиц (ранее – доходу только должностных лиц и его супруги), а также из-под контроля выведены сделки, совершенные до назначения на должность, а также сделки, совершенные супругой до вступления в брак. Имущество, полученное по таким сделкам, не может быть изъято в рамках антикоррупционных процедур (Федеральный закон от 25.04.2026 г. № 105-ФЗ «О внесении изменений в статью 8.1 Федерального закона "О противодействии коррупции" и Федеральный закон «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». По второй инициативе ужесточены требования к сварочным работам на опасных объектах – Федеральный закон от 9 апреля 2026 г. № 94-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О промышленной безопасности опасных производственных объектов».

Вместе с тем в целом масштабы принятия федеральных законов в Государственной Думе показывают сокращение времени рассмотрения их в качестве проектов федеральных законов и ускорения законодательного процесса. Так, обобщение и расчеты статистических данных всей совокупности рассмотренных законопроектов в указанный период (за исключением законопроектов о ратификации международных договоров и соглашений, а также их денонсации) от момента внесения до их принятия показало, что среднее значение жизненного цикла законопроекта в Государственной Думе в весеннюю сессию 2026 г. составило 6,3 месяца.

Первенство среди субъектов права законодательной инициативы по числу законопроектов, которые были отклонены Государственной Думой в весеннюю сессию 2026 г., остается за депутатами Государственной Думы.

По тематике федеральные законы в январе–апреле распределились следующим образом:

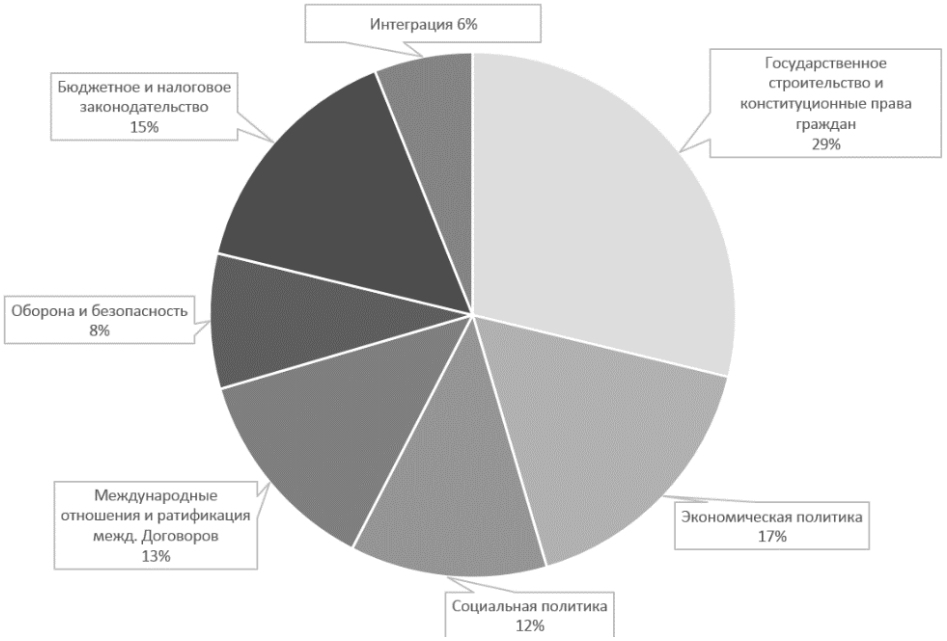

Рис. 1.2. Тематика принятых в январе-апреле 2026 г. федеральных законов

Наибольшее количество законов принято Государственной Думой в сферах «Государственное строительство и конституционные права граждан» и «Экономическая политика». Эта тенденция сохраняется на протяжении трех лет. В сфере «Интеграция новых субъектов федерации» в начале 2026 года принято 8 федеральных законов, которые направлены на обеспечение интегрированности новых субъектов Российской Федерации:

- от 30.01.2026 г. № 1-ФЗ «О внесении изменений в статью 2 Федерального закона "Об особенностях правового регулирования отношений в области культуры в связи с принятием в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образованием в составе Российской Федерации новых субъектов - Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»;

- от 23.03.2026 г. № 59-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об особенностях пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации, имеющих периоды работы на территориях Украины, Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики, о признании утратившей силу части 5 статьи 5.1 Федерального закона "Об особенностях пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации, проживающих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» и внесении изменений в статьи 6 и 8 Федерального закона "Об особенностях пенсионного и дополнительного социального обеспечения граждан, проживающих на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области»;

- от 23.03.2026 г. № 69-ФЗ «О внесении изменения в статью 13.2 Федерального закона «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». Так, на территории России признается действие исключительных прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, географические указания и наименования мест происхождения товаров, удостоверенных официальны-

ми документами ДНР, ЛНР, Украины, действовавшими на день принятия новых регионов в состав России;

- от 9.04.2026 г. № 81-ФЗ, 82-ФЗ, 83-ФЗ, 84-ФЗ относительно гарантий социальной защиты отдельных категорий судей судов Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области, Херсонской области;

от 9.04.2026 г. № 88-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон "О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации"».

Исходя из анализа принятых федеральных законов в сфере «Интеграция новых субъектов Российской Федерации» прослеживается тенденция по реализации интегративной функции федеральной власти с помощью законодательства.

Отдельным направлением российского законодательного процесса является кодификация действующего законодательства. Так, по итогам законотворческой деятельности в январе - апреле 2026 г. внесено 45 дополнений и поправок в 14 кодексов РФ. Так, например, внесением изменения в ст. 3 Семейного кодекса РФ уточнен порядок внесения изменений в Семейный кодекс РФ. Согласно принятым изменениям внесение поправок в Семейный кодекс возможно только самостоятельными законами (Федеральный закон от 23.03.2026 г. № 68-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Семейного кодекса Российской Федерации»).

В заключение отметим, лидерство среди кодексов РФ по числу вносимых изменений сохраняет Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (13 изменений); тематика в сфере которой принималось наибольшее количество федеральных законов Государственной Думой – «Государственное строительство и конституционные права граждан» и «Экономическая политика», большая половина всех принятых федеральных законов по инициативе Правительства РФ (53%). Отдельное внимание федеральный законодатель уделил вопросам интегрированности субъектов Федерации, при этом в целом данная работа характеризуется принятием новых базовых законов, что, на наш взгляд, свидетельствует о стабилизационной направленности законодательной политике в отношениях между принятыми регионами в состав России и федеральным центром.

Список литературы:

1. Бондарчук И. В. Статистика и эффективность реализации права законодательной инициативы // Право и современные государства. 2024. № 1. С. 33–38.
2. Bryman A. Social research methods. URL: https://cdn.bookey.app/files/pdf/book/en/social-research-methods.pdf.
3. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). URL: https://sozd.duma.gov.ru/
4. Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс в январе-феврале 2024 года: от инициативы – к принятию закона Государственной Думой // Право и современные государства. 2024. № 2. С. 73–77.
5. Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс в марте-апреле 2024 года: от инициативы – к принятию закона Государственной Думой // Право и современные государства. 2024. № 3. С. 86–90.
6. Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс в марте-апреле 2025 года: путь от проекта к федеральному закону // Право и современные государства. 2025. № 2. С. 88–94.
7. Бондарчук И. В. Российский законодательный процесс в январе-феврале 2025 года: путь от проекта к федеральному закону // Право и современные государства. 2025. № 1. С. 76–80.

Bondarchuk I.V. The Russian legislative process: an empirical analysis of federal laws (spring–summer 2026) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 23-28.

The article presents a systematic empirical analysis of the quantitative and qualitative indicators of the Russian legislative process. Based on the official data of the State Duma's Legislative Activity Support System (SOZD), the article analyzes the process of adopting 132 federal laws. Using a diachronic method, we compared the parameters of federal law adoption by entities with the right to legislative initiative in early 2026 with similar periods in 2025 and 2024. This qualitative analysis reveals general patterns in the development of the Russian legislative process: acceleration, expansion of the scope of legislative regulation, specialization, dynamism, and codification of existing

legislation.

Keywords: draft laws, legislative activity, legislative process, degree of passage of legislative initiative, sociology of legislation, statistical data, final indicators, integration of the subject of the federation, SOZD, efficiency, legislator.

Spicok literatury:

1. Bondarchuk I. V. Statistika i effektivnost' realizacii prava zakonodatel'noj iniciativy // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2024. № 1. S. 33–38.
2. Bryman A. Social research methods. URL: https://cdn.bookey.app/files/pdf/book/en/social-research-methods.pdf.
3. Sistema obespecheniya zakonodatel'noj deyatel'nosti Gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sistemy «Zakonotvorchestvo» (SOZD GAS «Zakonotvorchestvo»). URL: https://sozd.duma.gov.ru/
4. Bondarchuk I. V. Rossijskij zakonodatel'nyj process v yanvare-fevrale 2024 goda: ot iniciativy - k prinyatiyu zakona Gosudarstvennoj Dumoj // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2024. № 2. S. 73–77.
5. Bondarchuk I. V. Rossijskij zakonodatel'nyj process v marte-aprele 2024 goda: ot iniciativy - k prinyatiyu zakona Gosudarstvennoj Dumoj // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2024. № 3. S. 86–90.
6. Bondarchuk I. V. Rossijskij zakonodatel'nyj process v marte-aprele 2025 goda: put' ot proekta k federal'nomu zakonu // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2025. № 2. S. 88–94.
7. Bondarchuk I. V. Rossijskij zakonodatel'nyj process v yanvare-fevrale 2025 goda: put' ot proekta k federal'nomu zakonu // Pravo i sovremennye gosudarstva. 2025. № 1. S. 76–80.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 29-34.

УДК 340

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИМ САНКЦИЯМ

Головкин Р. Б., Манохин В. С.

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

Статья посвящена исследованию трансформации мер государственного принуждения осуществляемой государством в механизме противодействия политическим и экономическим международным санкциям. В процессе исследования проанализирована нормативно-правовая база антисанкционного законодательства, выявлены закономерности правового противодействия международным санкциям. Выявлены новые тренды в юридическом опосредовании экономических мер, предпринимаемых отечественным государством в целях снижения негативного воздействия международных санкций. В качестве одного из подобных трендов в статье рассматривается инновационный механизм трансформации мер государственного принуждения в экономике по формуле - «инвестиции вместо штрафов».

Ключевые слова: международные санкции, противодействие санкциям, законодательство, антисанкционное законодательство, меры государственного принуждения, юридическая ответственность, правовосстановительные меры, инвестиции вместо штрафов.

Современное состояние внутренней и внешней политики России обусловливается огромным массивом вводимых против нашей страны санкций. К концу 2025 г., число введенных против России приблизилось к тридцати одной тысяче [1]. Санкционная политика Запада сориентирована на подрыв независимости Российской Федерации во внутренней и внешней политике и экономике, т.е. деструктивные усилия стран – участниц блока НАТО направлены на разрушение государственного суверенитета [2]. Тем не менее, ряд мер и структурной перестройки экономических правоотношений позволил минимизировать потери элементов суверенитета. Следует отметить, что развитие и переориентация экономического взаимодействия и интеграция, со странами Востока, прежде всего, с одними из крупнейшими экономик, Китая и Индии, успехи в проведении специальной военной операции, успешное и активное развитие отечественных вооруженных сил, зримо нейтрализуют последствия санкций. Здесь же следует отметить рост удельного веса международных расчётов в национальных валютах без использования доллара США и евро [3]. Кроме того, по мнению главы ЦБ РФ Эльвиры Набиуллиной, устойчивости Российской экономики, в период санкций, способствовали меры в виде развития малого и среднего бизнеса и в целом рыночной экономики, а также накопление финансовой устойчивости [4].

Проявленная стабильность экономики и политики в условиях санкций позволила Президенту РФ В.В. Путину обоснованно отметить тот факт, что Россия на сегодняшний деть полностью суверенное государство [5]. Тем не менее, беспрецедентное давление коллективного Запада на политику и экономику России обусловливает необходимость разработки внедрения системы контрмер, в том числе, и в правовой сфере, снижающих негативное влияние санкционного воздействия.

С помощью правовых средств устанавливаются особые правовые режимы, формирующие механизмы противодействия санкционному давлению. Прежде всего следует отметить уже сформировавшиеся тренды правового антисанкционного воздействия на регулируемые общественные отношения, это юридическая квалификация санкций соответствие их международному праву и формы воздействия их на политические, экономические и духовные составляющие жизни Российского общества. Думается что официальную правовую оценку должен давать Конституционный Суд РФ [6].

С момента активного введения в отношении России санкций, возникла и развивается интегрированная в различные сферы правового регулирования система разнородных правовых актов, но регулирующих важное направление воздействия на общественные отношения в виде противодействия международным санкциям. Несмотря, на тот факт, что законодательство, направленное на преодоление санкций, непосредственно регулирует общественные отношения в различных сферах жизнедеятельности общества, однако, на основе данного законодательства отношения структурируются и консолидируются на антисанкционных действиях и мероприятиях, следовательно, уместно вести речь о сложившейся, особой антисанкционной отрасли законодательства.

Среди правовых актов, составляющих массив отрасли антисанкционного законодательства, следует отметить один из базовых федеральных законов, а именно «Федеральный закон РФ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» [7]. Данный правовой акт и последующие, законы и иные акты носят комплексный политико-экономический характер включающие в себя правовую регламентацию противодействия, например, в форме прекращения или приостановления международного сотрудничества РФ с недружественными государствами и организациями, находящимися под юрисдикцией этих государств.

Понятие «недружественные государства» в качестве нормы-дефиниции не закреплено в законодательстве, однако ряд правовых актов содержит упоминание термина «недружественные государства». Здесь можно отметить следующие правовые акты: Федеральный закон от 4.06.2018 г. № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия США и иных иностранных государств; Указ Президента РФ от 22.10.2018 г. № 592 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Украины в отношении граждан и юридических лиц Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 23.04.2021 г. № 243 «О применении мер воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств», Указ Президента РФ от 28.02.2022 г. № 79 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций; Постановление Правительства РФ от 21.01.2022 N 25-2 (ред. от 31.10.2022) «Об утверждении Положения о Правительственной комиссии по повышению устойчивости Российской экономики в условиях санкций», и ряд других актов.

На основании анализа законодательства можно заключить, что недружественные государства - это совокупность государств, которые совершают деяния (активная либо пассивная деятельность), принимают правовые акты, направленные на причинение вреда интересам России и ее гражданам в форме политических, экономических и духовных ограничений. Соответственно существует три списка недружественных государств, это: страны против которых введены ответные экономические меры, это касается ответных мер в сфере работы дипломатических и консульских представительств и, наконец, список стран, навязывающих деструктивные установки, противоречащие российским духовно-нравственным ценностям [8].

В ряду контрсанкционных мер важное место занимает законодательство, устанавливающее перспективные направления деятельности государственного аппарата и субъектов экономического сектора по обеспечению устойчивости функционирования отечественного государства и общества, в целом. В этом контексте следует можно выделить Федеральный закон от 08.03.2022 N 46-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [9]. Данный закон предоставил возможность оперативного реагирования Правительства РФ на экономи-

ческие санкции в различных сферах жизни нашей страны. Изначальная редакция закона предусматривала около восьмидесяти мер отраженных, в различных подзаконных актах, направленных против санкций. В настоящее время количество контрсанкционных актов превысило сотню [10].

Посредством данного правового акта, в том числе, регламентированы правоотношения, связанные с продлением основных мероприятий в сфере реализации обязательных требований, контрольно-надзорной и разрешительной деятельности. Продлено действие «параллельного импорта», некоторые полномочия Банка России в сфере оборота информации.

Указанный закон и обусловленные им подзаконные правовые акты легализовали инициацию инновационного механизма трансформации мер государственного принуждения в целях противодействия санкциям и повышения устойчивости отечественной экономики. Известно, что государственное принуждение – это система мер воздействия на общественные отношения посредством применения специально уполномоченными субъектами психических, физических, имущественных иных ограничений в отношении индивидуальных или коллективных субъектов в целях обеспечения правопорядка. Основываясь на функциональном предназначении и формы, чаще всего, выделяют предупредительные меры, меры пресечения, правовосстановительные меры, обеспечительные меры и меры юридической ответственности [11, С. 75]. Наиболее суровая мера государственного принуждения - это юридическая ответственность, которая, в основном, выступает как кара за совершенное правонарушение [12]. При этом декларируемый правовосстановительный эффект весьма низок, особенно в охранительных правоотношениях, связанных с экономической сферой.

В условиях санкционного давления на РФ государством была установлена возможность замены юридической ответственности в экономических охранительных правоотношениях на иные меры государственного принуждения, прежде всего, правовосстановительные меры. Согласно ст. 18 Федерального закона от 08.03.2022 N 46-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» расширены полномочия Правительства РФ по противодействию экономическим санкциям в сфере контрольно-надзорной деятельности [9]. На основании предписаний данного Федерального закона Правительством РФ утверждено и вступило в юридическую силу Постановление Правительства РФ от 31.05.2025 N 829 «Об утверждении Правил заключения, изменения, продления, расторжения соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований» [13]. Данным постановлением и утверждается новый механизм государственного принуждения в сфере контрольно-надзорной деятельности который получил наименование как «инвестиции вместо штрафов» [14].

Сущность данного механизма заключается в том, что согласно указанного постановления и установленных им правил, в случае выявленных нарушений в экономической деятельности, устранение последствий которых требуют существенных материальных затрат, возможно заключение соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований (п.1 Правил заключения, изменения, продления, расторжения соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований, далее – Правила). Соглашение заключается с контрольным (надзорным) органом, выдавшим предписание об устранении выявленных нарушений обязательных требований (п.3 Правил). Срок исполнения соглашения не может превышать 3 лет (п.18). Подписанное соглашение направляется на согласование в органы прокуратуры вступает в юридическую силу со дня его согласования органами прокуратуры (п.19, 20).

Реализация соглашения в полном объеме предусматривает освобождение от юридической ответственности, которая заменяется, тем самым, другой мерой государственного принуждения, а именно - правовосстановительной мерой в виде устранения устранении выявленных нарушений обязательных требований, данный механизм получил условное обозначение в юридическом обороте как «инвестиции вместо штрафов». В период исполнения соглашения приостанавливается производство по делу и течение сроков, потом дело либо прекращается (при условии исполнения соглашения), либо вновь возобновляется и оканчивается другой мерой государственного принуждения – юридической ответственностью – если соглашение не исполнено.

В целом, реализация указанных правил будет способствовать повышению устойчивости отечественной экономики в связи с санкциями, вместе с тем, не смотря на тот факт, что уже появились первые соглашения об устранении выявленных нарушений обязательных требований [15], тем не менее юридико-технически осуществление данных соглашений не доработано. Прежде всего, требуется изменение федерального законодательства в связи с применением данного соглашения, и хотя эта работа ведется - в Государственную Думу внесен законопроект об изменении охранительного регулирования предусмотренного кодексом РФ об административных правонарушениях (Законопроект № 901935-8 [16]), опосредующих реализацию механизма «инвестиции вместо штрафов», тем не менее, изменениями в одном законе не должны исчерпываться. К тому же, и сам законопроект имеет юридико-технические погрешности, например, проект исключает ранее установленные положения статьи 2.10 КоАП РФ об административной ответственности юридических лиц. Кроме того, хотя Федеральным законом N 46-ФЗ и установлены широкие полномочия правительству в целях противодействия экономическим санкциям, все же, замена юридической ответственности, установленной Федеральным законом правовосстановительными мерами, должна осуществляться также на основании закона.

Таким образом, не смотря на недостатки в юридической технике трансформации мер государственного принуждения в по формуле «инвестиции вместо штрафов» представляется, что данные меры политически и экономически оправданы и являются перспективным направлением государственной политики в сфере противодействия экономическим санкциям и повышения стабильности Российской экономики.

Список литературы:

1. РИА Новости: против России ввели почти 31 тысячу санкций [Электронный ресурс] / РИА Новости. — Электрон. текстовые дан. — Москва, 2025. — URL: https://ria.ru/20251204/sanktsii-2059664209.html (дата обращения: 18.12.2025).
2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2902.
3. Абдуллин, А. А. У. Социально экономическое развитие России в условиях санкций: риски и механизмы адаптации / А. А. У. Абдуллин // Экономика и управление : научно практический журнал. — 2024. - № 2 (176). - С. 24–25.
4. Биятов, Е. Набиуллина рассказала, что помогло России адаптироваться к санкциям [Электронный ресурс] / Е. Биятов // РИА Новости. — Электрон. текстовые дан. — Москва, 2025. — URL: https://ria.ru/20251202/ekonomika-2059296189.html?in=t (дата обращения: 18.12.2025).
5. Путин: Россия вернула себе полный суверенитет [Электронный ресурс] // Российская газета. — Электрон. текстовые дан. — Москва, 2025. — URL: https://rg.ru/2025/12/17/putin-rossiia-vernula-sebe-polnyj-suverenitet.html (дата обращения: 22.12.2025).
6. По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 16.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «М Логистика» : постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8 П // Консультант Плюс : справочная правовая система. — Электрон. дан. — Москва. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290909/ (дата обращения: 05.05.2022).
7. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединённых Штатов Америки и иных иностранных государств : федер. закон РФ от 04.06.2018 № 127 ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. — Электрон. дан. — Москва. — URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299382/ (дата обращения: 23.05.2025).
8. Какие государства входят в списки стран недружественных РФ стран [Электронный ресурс] // ТАСС. — Электрон. текстовые дан. — Москва, 2025. — URL: https://tass.ru/info/18435143
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 08.03.2022 № 46 ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Официальный интернет портал правовой информации. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411095 (дата обращения: 23.12.2025).
10. Замглавы Минэка Херсонцев назвал ключевые меры властей против санкций ЕС и США [Электронный ресурс] // Российская газета. — Электрон. текстовые дан. — Москва, 2025. — URL: https://rg.ru/2025/12/14/zamglavy-mineka-hersoncev-nazval-kliuchevye-mery-vlastej-protiv-sankcij-es-i-ssha.html (дата обращения: 16.12.2025).
11. Сатина, Э. А. Понятие и виды государственного принуждения / Э. А. Сатина // Вестник ТГУ. — 2003. — Вып. 2 (30). — С. 72-76.
12. Кабанов, П. А. Соотношение карательной и регулятивной функций юридической ответственности [Электронный ресурс] / П. А. Кабанов // КиберЛенинка : науч. электрон. б ка. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-karatelnoy-i-regulyativnoy-funktsiy-yuridicheskoy-otvetstvennosti (дата обращения: 12.01.2026).
13. Об утверждении Правил заключения, изменения, продления, расторжения соглашения о надлежащем устранении выявленных нарушений обязательных требований : постановление Правительства РФ от 31.05.2025 № 829 // Официальный интернет портал правовой информации. — Электрон. дан. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507211/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 12.01.2026).
14. Правительство утвердило правила замены штрафов бизнесу [Электронный ресурс] // Финансовый директор : электрон. журн. — Электрон. текстовые дан. — 2025. — URL: https://www.fd.ru/news/62589-pravitelstvo-utverdilo-pravila-zameny-shtrafov-biznesu (дата обращения: 24.12.2025).
15. Алексей Херсонцев: заключены первые соглашения по механизму «инвестиции вместо штрафов» [Электронный ресурс] // Министерство экономического развития Российской Федерации. — Электрон. текстовые дан. — Москва, 2026. — URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=500121 (дата обращения: 12.01.2026).
16. Проект поправок в КоАП РФ № 901935 8 [Электронный ресурс] // Гарант : информ.-правовой портал. — Электрон. дан. — URL: https://base.garant.ru/411624507/ (дата обращения: 12.01.2026).

Golovkin R.B., Manokhin V.S. Transformation of state coercive measures in the mechanism of countering economic sanctions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 29-34.

The article is devoted to the study of the transformation of state coercion measures implemented by the state in the mechanism of countering political and economic international sanctions. In the course of the research, the regulatory framework of anti-sanctions legislation was analyzed, and patterns of legal counteraction to international sanctions were identified. New trends have been identified in the legal mediation of economic measures taken by the domestic state in order to reduce the negative impact of international sanctions. As one of these trends, the article considers an innovative mechanism for the transformation of state coercion measures in the economy according to the formula «investments instead of fines».

Key words: international sanctions, counteraction to sanctions, legislation, anti-sanctions legislation, measures of state coercion, legal liability, legal restoration measures, investments instead of fines.

Spisok literatury:

1. RIA Novosti: protiv Rossii vveli pochti 31 tysyachu sankcij [Elektronnyj resurs] / RIA Novosti. — Elektron. tekstovye dan. — Moskva, 2025. — URL: https://ria.ru/20251204/sanktsii-2059664209.html.
2. O Strategii ekonomicheskoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda : ukaz Prezidenta RF ot 13.05.2017 № 208 // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2017. — № 20. — St. 2902.
3. Abdullin, A. A. U. Social'no ekonomicheskoe razvitie Rossii v usloviyah sankcij: riski i mekhanizmy adaptacii / A. A. U. Abdullin // Ekonomika i upravlenie : nauchno prakticheskij zhurnal. - 2024. - № 2 (176). - S. 24–25.
4. Biyatov, E. Nabiullina rasskazala, chto pomoglo Rossii adaptirovat'sya k sankciyam [Elektronnyj resurs] / E. Biyatov // RIA Novosti. — Elektron. tekstovye dan. — Moskva, 2025. — URL: https://ria.ru/20251202/ekonomika-2059296189.html?in=t (data obrashcheniya: 18.12.2025).
5. Putin: Rossiya vernula sebe polnyj suverenitet [Elektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta. — Elektron. tekstovye dan. — Moskva, 2025. — URL: https://rg.ru/2025/12/17/putin-rossiia-vernula-sebe-polnyj-suverenitet.html (data obrashcheniya: 22.12.2025).
6. Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 2 stat'i 16.19 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah v svyazi s zhaloboj obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu «M Logistika» : postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.02.2018 № 8 P // Konsul'tant Plyus : spravochnaya pravovaya sistema. — Elektron. dan. — Moskva. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_290909/ (data obrashcheniya: 05.05.2022).
7. O merah vozdejstviya (protivodejstviya) na nedruzhestvennye dejstviya Soedinyonnyh SHtatov Ameriki i inyh inostrannyh gosudarstv : feder. zakon RF ot 04.06.2018 № 127 FZ // Konsul'tantPlyus : spravochnaya pravovaya

sistema. — Elektron. dan. — Moskva. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299382/ (data obrashcheniya: 23.05.2025).
8. Kakie gosudarstva vhodyat v spiski stran nedruzhestvennyh RF stran [Elektronnyj resurs] // TASS. — Elektron. tekstovye dan. — Moskva, 2025. — URL: https://tass.ru/info/18435143.
9. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 08.03.2022 № 46 FZ (red. ot 31.07.2025) // Oficial'nyj internet portal pravovoj informacii. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411095 (data obrashcheniya: 23.12.2025).
10. Zamglavy Mineka Hersoncev nazval klyuchevye mery vlastej protiv sankcij ES i SSHA [Elektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta. — Elektron. tekstovye dan. — Moskva, 2025. — URL: https://rg.ru/2025/12/14/zamglavy-mineka-hersoncev-nazval-kliuchevye-mery-vlastej-protiv-sankcij-es-i-ssha.html (data obrashcheniya: 16.12.2025).
11. Satina, E. A. Ponyatie i vidy gosudarstvennogo prinuzhdeniya / E. A. Satina // Vestnik TGU. — 2003. — Vyp. 2 (30). — S. 72-76.
12. Kabanov, P. A. Sootnoshenie karatel'noj i regulyativnoj funkcij yuridicheskoj otvetstvennosti [Elektronnyj resurs] / P. A. Kabanov // KiberLeninka : nauch. elektron. b ka. — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-karatelnoy-i-regulyativnoy-funktsiy-yuridicheskoy-otvetstvennosti (data obrashcheniya: 12.01.2026).
13. Ob utverzhdenii Pravil zaklyucheniya, izmeneniya, prodleniya, rastorzheniya soglasheniya o nadlezhashchem ustranenii vyyavlennyh narushenij obyazatel'nyh trebovanij : postanovlenie Pravitel'stva RF ot 31.05.2025 № 829 // Oficial'nyj internet portal pravovoj informacii. — Elektron. dan. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_507211/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (data obrashcheniya: 12.01.2026).
14. Pravitel'stvo utverdilo pravila zameny shtrafov biznesu [Elektronnyj resurs] // Finansovyj direktor : elektron. zhurn. — Elektron. tekstovye dan. — 2025. — URL: https://www.fd.ru/news/62589-pravitelstvo-utverdilo-pravila-zameny-shtrafov-biznesu (data obrashcheniya: 24.12.2025).
15. Aleksej Hersoncev: zaklyucheny pervye soglasheniya po mekhanizmu «investicii vmesto shtrafov» [Elektronnyj resurs] // Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii. — Elektron. tekstovye dan. — Moskva, 2026. — URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=500121
16. Proekt popravok v KoAP RF № 901935 8 [Elektronnyj resurs] // Garant : inform.-pravovoj portal. — Elektron. dan. — URL: https://base.garant.ru/411624507/ (data obrashcheniya: 12.01.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 35-46.

УДК 34.08

ПРЕПОДАВАНИЕ ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ: ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Дейнеко А. Г.
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

В статье анализируется совокупность критических явлений в современном высшем юридическом образовании, обусловленных поколенческими изменениями в российском обществе и процессом его «ковровой» цифровизации. Эти изменения приводят к трансформации содержания отношений, складывающихся в университетской среде, и вынуждают преподавателей конкурировать за внимание студентов с безграничными возможностями киберпространства. Целью исследования является анализ причин наблюдаемых изменений в преподавании юридических дисциплин и поиск баланса между традиционными и новаторскими практиками преподавания. Для достижения указанной цели будет применена поколенческая теория, предложенная в 1990-х американским экономистом Нилом Хау и историком Уильямом Штраусом, и адаптированная к российским реалиям в 2000-е отечественными социологами Вадимом Радаевым, Теодором Шаниным и другими. Основной акцент в исследовании сделан на взаимоотношения «типичного представителя» каждого из поколений между собой и с социальными регуляторами: правовыми, моральным и религиозными нормами. Отметим также, что при написании настоящей статьи не использовались генеративные алгоритмы искусственного интеллекта. По результатам проведенного исследования сделан вывод об актуальности поколенческой теории для изучения образовательных процессов в современных условиях. Исследованные поколения пребывают в университетской среде не изолированно, а осуществляют интенсивное взаимодействие, направленное на получение знаний и опыта. Характер такого взаимодействия во многом, определяет современный функционал высшего юридического образования.

Ключевые слова: право на образование, поколенческая теория, «бумеры», «миллениалы», «зумеры», цифровизация образования, геймификация образования.

«Взаимопонимание между поколениями часто осложнено различиями в восприятии мира»
И.С. Тургенев, «Отцы и дети», 1862

Введение. Цифровая эпоха существенно изменила характер и содержание социальных коммуникаций, которые играют ключевую роль в функционировании образовательных систем. В настоящем исследовании мы рассмотрим следующую совокупность социальных практик (феноменов), характерных для поколения современных студентов:

- язык мемов, как универсальный язык общения;
- ускорение информационного обмена вплоть до устаревания информации в момент ее обнародования;
- критическое (если не сказать, ироничное) отношение к «большим идеям» вне зависимости от их содержания;
- крах многих научных, политических и даже религиозных авторитетов;
- особенности субъективного (психологического) восприятия учебного материала и в целом, внешней среды;
- геймификация процессов социального взаимодействия.

Приведенный перечень наверняка встретит обоснованную критику со стороны общественных наук, а коллеги-правоведы усомнятся в том, возможно ли в принципе изучение данных явлений юридическим научным инструментарием. Проблематика межпоколенческих взаимодействий рассматривается сегодня в социологических [1], искусствоведческих [2, с. 213-223], психолого-педагогических [3, с. 64-69], но пока не в юридических исследованиях. Полагаем, что без использования междисциплинарного инструментария система профессионального юридического образования рискует критично отстать от требований времени[1].

Исходим из глубокого убеждения, что профессиональное юридическое образование

[1] Мы сознательно оставим за скобками исследования вопросы преподавания правовых дисциплин для студентов неюридических направлений, это позволит нам избежать объемных оговорок – *прим. авт.*

должно выполнять не только утилитарную задачу формирования профессиональных навыков (*hard skills*), но и выполнять ценностно-воспитательную функцию. Разделяем опасения д-ра юрид. наук, профессора НИУ ВШЭ *Владимира Исакова* в том, что «*под лозунгом т.н. практикоориентированности некоторые вузы начали резко сокращать теоретические дисциплины и делать упор на формирование hard skills*» [4, с. 32]. Такой подход представляется неверным, этот путь приведёт к тому, что гуманитарная миссия преподавателя редуцируется до задачи формирования циничных профессионалов, лишённых всяких представлений об этике и морали, с неразвитыми навыками межличностного взаимодействия и слабым эмоциональным интеллектом. Право, как социальный регулятор, было и остается в тесной взаимосвязи с этикой и моралью.

Далее мы последовательно проанализируем каждое из релевантных теме исследования поколений, кратко охарактеризуем их целевые жизненные установки, и там, где это уместно – приведем характерные примеры законотворчества. Это позволит проверить постулат *поколенческой теории* о том, что период появления на свет представителей разных поколений и проживаемые ими исторические события существенно влияют на их ценностные установки. Наш анализ в значительной степени будет основываться на личном опыте преподавания правовых дисциплин в московских университетах на протяжении уже 17 лет.

1. **Назад в будущее.** Поколенческая теория, разработанная и апробированная в западном обществе, нередко становится объектом критики консервативных исследователей, вплоть до ёмкой уничижительной характеристики как «социологического гороскопа». Для минимизации количества ошибок на «минном поле» общественных наук установим два опорных постулата.

Во-первых, не будем абсолютизировать поколенческую теорию, пытаясь объяснить при помощи неё все существующие особенности социальных взаимодействий[2]. Авторы этой теории, по-видимому, вдохновлялись классической художественной литературой[3], но вместе с тем, подчеркивают расплывчатость временных границ и их зависимость от социокультурного контекста [5].

Во-вторых, имея в виду, что развивающие эту теорию исследователи сами являются типичным «продуктом» западных институтов, попытаемся адаптировать её к российским реалиям. С этой целью можно опереться на работы д-ра экон. наук, первого проректора НИУ ВШЭ *Вадима Радаева*, который сформулировал ряд значимых дополнений. Так, при определении границ поколений важен не год рождения социальной группы, а те события и явления, которые они застали в возрасте 17-25 лет, этот возраст социологи именуют «впечатлительными годами» (*impressionable years*), когда у молодого человека формируется взрослое мировоззрение. Исходя из длительности социально-политических событий в различных странах, варьируется длительность поколенческого шага, применительно к нашей стране он может составлять от 8 лет до 21 года [6, с. 17].

1.1. «Молчаливое поколение» или «поколение победителей»

Для данного поколения популярно наименование «молчаливое», что связано с тяжелой эпохой периода их взросления. Жестом уважения к этому уже немногочисленному (менее 10% населения России) поколению также стал термин «*поколение победителей*».

Распространенными характеристиками «поколения победителей» являются терпение и законопослушность, согласие с правилами, осторожность и трудолюбие. Уваже-

[2] Например, такое социальное явление, как преступность, будучи по своей сути отклонением от нормы (девиацией), вряд ли может быть объяснено через теорию межпоколенческих конфликтов — *прим. авт.*

[3] Помимо вынесенного в эпиграф произведения см. также: «Подросток» *Ф.М. Достоевского*; «Капитанская дочка» *А.С. Пушкина*; «Над пропастью во ржи» *Д. Селинджера*; «Ромео и Джульетта» *У. Шекспира* и др.

ние к власти высоко, но нередко основано на страхе и выражается в формуле «суд разберется». Показательно в этой связи содержание послевоенных комментариев к уголовно-процессуальному законодательству СССР, где адвокатов ориентировали на необходимость убеждать своих подзащитных давать признательные показания. Адвокату в этой парадигме отводилась роль помощника государства, которому «выпала честь» помочь советскому обществу изобличить и наказать «чуждые элементы» [6].

Религия в жизни «поколения победителей» заметно уступала другим социальным регуляторам, таким как «советская мораль». Юридическими символами «поколения победителей» можно назвать Устав ООН и Всеобщую декларацию прав человека, отразившие такие ценности поколения, как коллективизм и стремление к миру[4].

В силу возраста представителей «поколения победителей» уже трудно встретить в университетских аудиториях, однако они оставили обширный пласт советского научного наследия, которое еще только предстоит осмыслить. Даже согласившись с утверждением академика РАН, «архитектора перестройки» *Александра Яковлев* о том, что «*идеология не терпит научного знания, боится его*» [8, с. 26], было бы ошибкой игнорировать достижения советской правовой науки лишь на основании высокой степени её идеологизации. Так, например, объяснение студентам концепции социального государства, основанное на опыте конституционного строительства бывших стран – участниц нацистского блока[5] будет неполным без обращения к опыту довоенного СССР. Пусть в Конституции СССР 1936 г. и не упоминался данный термин, но она одной из первых в мире закрепила объемный перечень социальных прав граждан. Таким образом, обсуждение концепции социального государства предполагает обращение к юридической теории и практике «поколения победителей».

1.2. *Шестидесятники/* Более многочисленным (до 20% населения России) является поколение «шестидесятников», общественно-политические взгляды которого парадоксальным образом поляризовались. На волне небывалого социально-экономического подъема в СССР (комсомольские стройки, первые полёты в космос и прочее) среди «шестидесятников» возник феномен диссидентствующей интеллигенции, воспринимающей государство не иначе, как источник угроз для прав и свобод личности. Отметим, что никто из «диссидентов» не позволял себе ставить под сомнение решающую роль советского народа в разгроме нацистского режима, а в наши дни для противодействия подобным нарративам потребовалось введение в уголовное законодательство специального состава преступления [9].

В 1960-е советское государство активизирует усилия на воспитательном направлении, формируя у «шестидесятников» запрос на стабильные и безопасные условия жизни, который будет выражен в Конституции СССР 1977 г. Этот документ отличается от своих предшественников обилием идеологических конструкций и нацеленностью на консервацию общественного строя. Среди социальных регуляторов для «шестидесятников» на первом месте остается мораль, которая приобрела более стройную форму благодаря системе советского воспитания.

В зрелом возрасте некоторые «шестидесятники» оказались среди движущих сил «перестройки», а впоследствии прямо или косвенно стали соавторами Конституции Российской Федерации 1993 г. Это во многом обусловило юридико-технические решения, которые кажутся нелогичными последующим поколениям. Так, ряд положений 1-2 глав Конституции РФ сформулирован через отрицание порочных советских практик: гражданин России не может быть лишен гражданства или права изменить его; никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной;

[4] Процесс принятия этих документов, как следует из архивных материалов, не отличался идеологическим единством, а напротив, характеризовался ожесточенной полемикой, что свидетельствует о межгосударственных различиях внутри одного поколения — *прим. авт.*

[5] См.: Конституцию Италии 1947 г., Конституцию Японии 1947 г., Основной закон ФРГ 1949 г.

никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности и прочее [10]. Характерно, что данный прием юридической техники почти не используется в тексте поправок к Конституции РФ 2020 г., что иллюстрирует смену поколений среди законодателей.

Еще один элемент наследия диссидентов-«шестидесятников» – основанные в 1980-х – начале 1990-х некоммерческие организации, отличительной чертой которых являлся отказ от конструктивного взаимодействия с государством и приоритезация публичных форм работы (митинги, голодовки, открытые письма и прочее). Сегодня такие НКО постепенно сходят с общественно-политической сцены, приоритетным форматом работы становится сотрудничество с органами публичной власти.

1.3. *Поколение «Х».* К этому поколению относят людей, заставших путчи 1991-1993 годов молодыми людьми. Часть поколения «Х» наряду с «шестидесятниками» стала движущей силой «перестройки» и массовых политических акций, направленных на изменение параметров общественного договора. Характерны замечания современников о том, что в конце 1980-х среди молодежи «*считалось просто неприличным не относить себя к революционерам*» [8, с. 242]. По этой причине их взаимоотношения с родителями из «поколения победителей» складывались по-разному: иногда имело место идеологическое совпадение, но чаще родители «иксов» занимали пассивную, конформистскую позицию.

Нарративы нового общественного порядка продвигались «иксами» не только через политическую, но и через культурную[6] и экономическую сферы. Кооперативы существовали в СССР еще в 1920-е, но именно вторая половина 1980-х ознаменовалась переосмыслением их роли и места в экономике[7]. Такой отход от идеи коллективизма стал для миллионов граждан, работающих в кооперативах, прологом к созданию своего дела в новой России. Тяжелая экономическая ситуация сформировала у поколения «Х» недоверие к государству и высокую степень самостоятельности. В этом поколении внешняя легитимизация (законность) действий нередко превалирует над их моральной и религиозной оценкой. Одним из государственных идеалов для «Х» стала либертарная теория «ночного сторожа», известная в политологической науке под термином «*минархизм*»[8].

Юридическим символом «реформенного поколения» также можно назвать Конституцию РФ 1993 г., в которой «шестидесятники» нашли общий язык с «иксами». Но если первые сформулировали общественный запрос на личные права и свободы, то взгляды вторых устремились к экономическим правам. Поколение «Х» с удовольствием начало новую жизнь по Конституции РФ, написанной для них заботливыми и романтически настроенными предшественниками.

Несмотря на значительное внимание, уделяемое в последние годы преподаванию истории в школах, период новейшей истории часто оказывается слабым звеном в подготовке первокурсников. На практике это может выражаться в наличии у них пропагандистских штампов о том, что «*конституцию нам написали американцы*», «*СССР развалили евреи*» и т.п. Для их успешной деконструкции необходимо обращение к первоисточникам: стенограммам выступлений Президента РСФСР, заседаний Парламентов, воспоминаниям ключевых фигур того времени [11; 12]. Полезным дополнением к семинарским занятиям по этой теме может стать задание студентам «Z» проинтервью-

[6] Достаточно упомянуть феномен позднесоветского рока и основанный в 1981 г. «Ленинградский рок-клуб», масштаб ценностного влияния которого на последующие поколения трудно переоценить — *прим. авт.*

[7] 19 ноября 1986 г. был принят немыслимый для плановой системы хозяйствования Закон СССР № 6050-XI «Об индивидуальной трудовой деятельности» — *прим. авт.*

[8] Заметим, что трагические события на Северном Кавказе и в Закавказье на рубеже столетий, разгул бандитизма и терроризма стали убедительным и жестоким доказательством неприемлемости минархизма для самой большой в мире страны — *прим. авт.*

ировать своих родителей «X» на предмет их личных воспоминаний об этом периоде.

1.4. *Поколение «Y» или «миллениалы».* Многие представители этого самого многочисленного (до 30% населения России) поколения не заметили социально-экономических проблем 1990-х, поскольку находились под опекой родителей – «шестидесятников». Отсюда проистекают значимые различия в оценках переломного для нашей страны периода: в поколении «Y» перестает работать разделяемый предыдущими поколениями нарратив о «кошмарных 1990-х».

Период «впечатлительных лет» пришелся у российских «миллениалов» на наиболее стабильный период новейшей истории. Преодолев экономические трудности и справившись с вызовами бандитизма и терроризма, наша страна вступила на путь устойчивого развития, что позволило заметно повысить уровень жизни населения в достаточно короткий срок. Эти обстоятельства сформировали у «миллениалов» ощущение безопасности «по умолчанию» и стремление к открытому миру, где ценна каждая личность. Юридическим символом «миллениалов» представляется Амстердамский договор 1997 г., закрепивший политику открытых границ внутри стран «шенгенской зоны». В новое тысячелетие западноевропейская цивилизация вступила с мечтой о свободном пространстве «от Лиссабона до Владивостока» и именно поколению «миллениалов», казалось, было суждено воплотить эту мечту в реальность.

Еще одной ценностью поколения «Y» стало образование, как непрерывный процесс: их старшие братья и сестры из поколения «X» нередко были вынуждены бросить учебу в вузах, сосредоточившись на выживании. В свою очередь, «миллениалы» транслируют эту ценность своим детям из поколения «альф», иногда сверх всякой меры. Как отмечает научный руководитель НИУ ВШЭ *Ярослав Кузьминов*, «*школа теряет монополию на истину: положения школьной программы дети подвергают сомнению как на основании знаний, накопленных родителями, среди которых большинство имеют высокий уровень образования, так и на основании «сетевых авторитетов*» [13, с. 10].

Взросление «миллениалов» в изменчивой среде обусловило легкость их цифровой трансформации по сравнению с предшественниками. Освоив Интернет в подростковом возрасте, «миллениалы» вступили в трудовую жизнь «оцифрованными» и им почти не пришлось переобучаться. Благодаря высокой адаптивности «Y» постепенно вытесняют «иксов» и «шестидесятников» в преподавательском корпусе, публичном управлении и юриспруденции, но пока не стали доминирующей группой.

1.5. *Поколение «Z» или «зумеры».* «Зумеров» можно охарактеризовать, как первое поколение с врождённой *цифровой идентичностью*, которую психологи характеризуют как «*способ осознания себя человеком в современной информационной среде через создание и поддержание цифровых образов и взаимодействие в онлайн-мире*» [14, с. 119]. Цифровая идентичность позволяет «зумерам» проявлять свои личностные качества одновременно в реальном и виртуальном мирах, она характеризуется постоянной изменчивостью и динамикой.

Если другие поколения переносят часть своей реальной жизни в цифровое пространство (вступая в тематические сообщества), то для поколения «Z» цифровая идентичность формирует их реальную личность. В этом контексте цифровая образовательная платформа для «типичного зумера» не отличается от физического письменного стола, поскольку он привык к ней с детства[9].

Высокая степень *приобретенной цифровизации* «зумеров» делает их похожими на поколение своих дедушек и бабушек. Если «поколение победителей» молчало физически, осознавая возможные последствия неосторожных слов, то поколение «Z» лучше других знает, что любые их действия и слова могут быть записаны и распространены

[9] При этом стереотип о «зумерах», родившихся «со смартфоном в руках», ошибочен. Первый смартфон известного американского производителя появился в России в конце 2008 г., и его первыми покупателями были далеко не школьники — *прим. авт.*

в киберпространстве.

Отсюда и серьёзная уязвимость поколения «Z» к манипулированию и противоправным действиям в киберпространстве. К сожалению, не являются единичными случаи суицидов среди «зумеров» и «альф», вызванные агрессивным воздействием на их аватары в метавселенных (имитация насильственных действий, ограбление виртуального дома, уничтожение игрового имущества и прочее). Фактором «долгого взросления» поколения «Z» нередко пользуются кибермошенники, в общественном дискурсе распространено мнение о необходимости особой защиты старших поколений, но, как показывает практика, молодые «зумеры» также уязвимы к техникам социальной инженерии.

Наряду с высоким уровнем цифровой грамотности, способностью к многозадачности и другими достоинствами поколения «Z», исследователи справедливо указывают на рассеянность внимания, фрагментарное (клиповое) мышление, дефицит навыков «живого» общения, болезненную реакцию на критику, быстрое выгорание и замкнутость [15, с. 10]. Отмеченные качества дают основания социологам утверждать об девальвации проблемы «отцов и детей»: «*родительские поколения перестали что-либо навязывать или делали это весьма неубедительно, ибо сами уже твёрдо не знали, как жить «правильно». А раз все оказалось дозволенным, исчезла и основа для систематического межпоколенческого протеста*» [16, с. 319]. Впрочем, наряду с эскапизмом и социопатией у «зумеров» наблюдается и обида на старшие поколения, потому что те «все скупили» []¹⁰, поэтому мы бы не стали утверждать о полном отсутствии конфликтности. В противном случае в общественном дискурсе не было бы такого объема критики в адрес поколения «Z».

Нас беспокоит проблема восприятия «зумерами» больших сложных текстов: вместо вдумчивого «медленного» чтения они стремятся очистить их от сложных конструкций и упростить [16, с. 115]. Это стремление породило формат «*smart reading*», когда содержание книги сжимается до 30-минутного аудиофайла (при помощи искусственного интеллекта, а не научного рецензирования). Современные научно-популярные издания не всегда могут похвастаться большим количеством новых идей, но сам процесс их поиска в тексте является отдельной интеллектуальной задачей и развивает у читателя аналитические способности.

Этот процесс можно сравнить с «перемотанным» в обратном порядке написанием научной работы, где от студента требуются несколько оригинальных мыслей, а весь остальной текст подтверждает уровень его компетенций. Метод *smart reading* не позволит создать научный текст, это не более чем маркетинговый образ «*царского пути в философии*», описанного еще *Гегелем* [17, с. 546]. Это требует разъяснений от преподавателей и научных руководителей.

Повышенное внимание к «Z» со стороны родителей и государства формирует у них стресс от взаимодействия и тактику мимикрирования. Государство воспринимается «зумерами», как «большой богатый родитель», избыточного внимания которого лучше избегать, а деятельные представители поколения «X» и «Y» пытаются сформировать для них безопасную среду обитания. В публичном управлении такое *helicopter parenting*[11] выражается в принятии документов стратегического планирования, а также в попытках влиять на культурное и нравственное развитие общества при помощи правовых инструментов. Достаточно сравнить юридическую технику и «степень тревожности» Конвенции ООН о правах ребёнка 1989 г.[18] и Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [19], принятого в

[10] Среди американских «зумеров» популярны мемы о том, что «бумеры купили за козу и двух куриц дом, который стоит сегодня миллионы $» и пытаются учить их жизни, в то время как сами «зумеры» с трудом могут позволить себе новый телефон — *прим. авт.*

[11] Термин «вертолётное родительство» (*helicopter parenting*) хорошо символизирует чрезмерную тревожность «миллениалов» - родителей за судьбу собственных детей — *прим. авт.*

2010 г., и с тех пор неоднократно редактируемого.

Перейдем далее от описания характеристик современных поколений к анализу процессов их взаимодействия в университетской среде.

2. **Университет, как маркетплейс.** Современный университетский преподаватель во время аудиторных занятий находится в ситуации вынужденной конкуренции за внимание студента со всем многообразием развлекательного контента, представленного в киберпространстве. Можно также говорить о конкуренции иного рода, когда классические образовательные институты вынуждены конкурировать с вебинарами, онлайн-школами и видеолекциями.

Качество учебного материала и его идеологическая окраска в самообразовательных форматах сильно разнятся, но в целом они более «клиентоориентированы»: они доступны в любое время, скучный или сложный материал можно «перемотать», а неинтересного преподавателя просто «выключить». Наконец, по комментариям и «лайкам» пользователей легко выбрать подходящий для себя курс. А легче всего вообще избавить себя от мук выбора, доверившись рекомендательным алгоритмам – «*они ведь умные!*». В этих условиях у классических гуманитарных дисциплин, таких как логика, философия и латынь, остаётся мало шансов завоевать расположение будущих юристов.

Одним из следствий такой конкуренции является стирание границы между университетскими занятиями и медиапотреблением: «зумеры» часто воспринимают новые термины при помощи языка видеоигр и социальных сетей. Геймификация высшего образования стала популярной темой образовательных исследований последних лет [20, с. 15-49; 21, с. 46-54; 22, с. 293-300], хотя игровые воспитальные практики применялись и в доцифровую эпоху (достаточно вспомнить соцсоревнования в среде пионеров и комсомольцев). Значимое различие состоит в том, что современные геймифицированные модели ориентированы в первую очередь, на облегчение процесса познания, в то время как советские практики ориентировались на совместный созидательный труд с требуемой идеологической окраской.

Сегодня в процессе преподавания правовых дисциплин широко используются элементы геймификации, однако их неумеренное заимствование может выхолащивать профессиональные навыки будущих юристов. Для проведения аттестации все чаще используются сложные формулы оценивания, учитывающие посещаемость, активность на семинарских занятиях, выполнение дополнительных заданий. Публикация таких формул перед началом учебного курса вызывает у студентов естественное стремление найти «слабое место», чтобы набрать максимальное количество баллов при минимальных усилиях. На практике это выражается в том, что студенты – «читеры» могут имитировать активность на занятиях, задавая большое количество вопросов и реплик поверхностного характера в расчёте на высокую оценку своей активности.

В последние годы снизилась острота проблемы «инфляции оценок», когда мотивированные студенты вежливо, но настойчиво требовали от преподавателя пояснить, почему они «получили только 9 баллов, а не 10» []. Сегодня «типичный зумер» скорее сделает выбор в пользу рационального использования своего времени и комфортного получения оценок «7», «8», нежели приложения усилий ради «10».

В ходе лекций «зумеры» пытаются равномерно распределить свой самый ценный ресурс – внимание – между непрерывным новостным потоком, личным общением и восприятием учебного материала. Любая монотонная лекция в таких условиях обречена быть «стёртой» следующим за ней потоком информации, а постоянное переключение внимания не способствует формированию целостной картины. Здесь на помощь может прийти *меметизация*, когда смысловые конструкции облекаются в форму мема

[12] Такая система оценивания принята в Высшей школе экономики. Отличная оценка начинается с «8» баллов — *прим. авт.*

– единицы информации, скомпонованной таким образом, чтобы «закрепляться» в сознании слушателя. Известны примеры составления по этой методике целых учебных курсов, например на основе любимой «зумерами» франшизы о Гарри Поттере, когда действия «пожирателей смерти» соотносятся с международно-правовым статусом частных военных компаний и определением геноцида, полёты волшебников на мётлах – с международным воздушным правом и т.п., однако мы бы рекомендовали такие издания лишь в качестве дополнительной литературы [23].

Формат университетских лекций, вне зависимости от направления подготовки, не предполагает упрощения материала до уровня художественной литературы или публикаций в социальных сетях. Напротив, важно сохранять принятую в науке терминологию, строгость научных подходов к классификации изучаемых явлений. При этом облегчить восприятие информации студентами можно путем визуализации логических связей в презентациях, иллюстрации изучаемых правоотношений близкими для них примерами, а также предоставлением в качестве дополнительных источников информации не только научной литературы, но и художественных произведений. Так, на протяжении многих лет показывает свою эффективность обсуждение на семинарских занятиях художественных фильмов из «золотого фонда» кинематографа, в которых поднимаются вопросы конституционного строя, прав и свобод личности[13]. Конечно, от преподавателя в таких случаях требуется обостренное чувство меры с тем, чтобы учебный курс не превратился в занятия киноклуба.

Обращение к интернет-ресурсам университетов, реализующих образовательные программы в сфере юриспруденции, в последние годы напоминает маркетплейсы, для которых клиентоориентированность стала основой бизнеса. Обилие образовательных программ вкупе с сокращением бюджетных мест порождает конкуренцию за «клиента», которая обеспечивается репутацией университета, личным брендом преподавателей и рекомендациями обучающихся. Активно продвигается идея формирования «личного бренда студента», за которым неизбежно последует профессиональный успех[14].

В клиентоориентированной политике университетов возникают риски формирования «положительной обратной связи», когда преподаватели, желая привлечь больше студентов, будут лояльнее относиться к оценке их знаний, а студенты будут выбирать более легкие образовательные программы. Если такая практика станет тенденцией, то это приведет к заметному падению качества гуманитарных научных исследований, когда формальные требования (в том числе, оригинальность) будут соблюдаться, но реального приращения научного знания происходить не будет. Выпускник бакалавриата, не привыкший выбирать трудные пути, будет аналогичным образом вести себя в магистратуре и аспирантуре.

3. **Кратко об информационных технологиях.** Весной 2020 г., когда большинство привычных общественных процессов было кардинально изменено «режимом повышенной готовности» [24], именно «миллениалы» первыми адаптировались к произошедшим изменениям. Установив на свои компьютеры программы для видеоконференц-связи, чтобы провести первые лекции из дома, мы увидели испуганные лица наших подопечных. Несмотря на врожденную «цифровую идентичность», многие из них впервые попали в некомфортную для себя ситуацию, из которой нельзя выйти нажатием кнопки «*escape*». «Ковидные годы» стали серьезным шоком не только для мировых экономик, но и для подрастающих поколений, социально-психологические последствия массовой самоизоляции ещё только предстоит установить.

Широкое применение коммуникативных технологий быстро показало

[13] В качестве примеров таких фильмов можно привести «Двенадцать разгневанных мужчин» 1957 г., «Анатомия убийства» 1959 г., «Нюрнбергский процесс» 1961 г., «Убить пересмешника» 1962 г., «Правосудие для всех» 1979 г. и другие «оскароносные» фильмы — *прим. авт.*

[14] Нередко и сами студенты пробуют свои силы в репетиторстве, используя в личных целях бренд университета, эта проблема не обошла стороной и Высшую школу экономики — *прим. авт.*

их неспособность заменить традиционное социальное взаимодействие. Именно образовательная среда стала той лакмусовой бумажкой, которая показала ценность традиционных коммуникаций. Когда эффект новизны дистанционного общения улетучился, студенты начали отключать свои видеокамеры, ссылаясь на плохое качество связи, превратив учебные курсы в подобие кухонного радио. Последующий выход студентов на государственные экзамены подтвердил наши опасения: только изначально мотивированные к обучению студенты смогли освоить учебные программы без заметных пробелов, но таких оказалось меньшинство.

В 2023 г. ЮНЕСКО целиком посвятила свой ежегодный отчет о мониторинге всемирного образования влиянию цифровых технологий. Среди ключевых выводов – важная констатация: «*Существует мало убедительных доказательств того, что цифровые технологии приносят пользу образованию. Технологии развиваются быстрее, чем мы можем их оценить*» [25, p. 3]. Важен и другой вывод: «*Множество доказательств полезности* [цифровых технологий] *поступает от тех, кто пытается их продавать*» [25, p. 4].

Формат научной статьи не позволяет детально проанализировать все многообразие позиций относительно пределов использования алгоритмов искусственного интеллекта в системе высшего образования. Ограничимся лишь тезисом о том, что ключевым фактором, как и в доцифровую эпоху, остаётся роль преподавателя. Игнорирование преподавателем современных информационных технологий лишит его важного инструментария работы со студентами, сформирует у них образ человека, не поспевающего за прогрессом. Важно показывать студентам преимущества верификации получаемой информации, ведь юрист, некритично воспринимающий современные информационные технологии, рискует совершить роковую ошибку, сославшись в суде или в тексте договора на несуществующую правовую позицию суда или норму права, заботливо предложенную «галлюцинирующим» алгоритмом. В нашей практике доводилось не раз наблюдать такое отношение к информации, по счастью, на учебных, а не на реальных задачах.

Сказанное не стоит расценивать, как аргумент в пользу полного запрета применения алгоритмов искусственного интеллекта в высшем образовании. Научному и преподавательскому сообществу еще только предстоит ответить на вопрос о допустимых формах и пределах такого применения.

Заключение. Проанализированные пять поколений находятся в образовательном пространстве не изолированно, а активно взаимодействуют друг с другом. Поколения «X» и «Y» преподают право поколению «Z», а более старшие поколения влияют на этот процесс через юридическое наследие и правотворчество. Это требует от всех участников образовательного процесса усилий, направленных на обеспечение взаимопонимания.

Проведенный анализ в силу формата научной статьи можно назвать лишь постановкой проблемы. Его междисциплинарный характер не в последнюю очередь обусловлен «*нарциссическим трендом*» в современных общественных науках, которые все больше самоизолируются, замыкаются сами на себя под давлением рейтингов и прочей наукометрии. Поколенческая теория позволила нам выйти за границы юридической догматики с тем, чтобы лучше понять и объяснить разницу подходов, которыми руководствовались законодатели в различные исторические периоды

В контексте продолжающихся реформ в сфере образования ожидает своего решения вопрос об отличительных качествах поколения α («альфа»), которое вступит во «впечатлительный возраст» не ранее начала 2030-х годов. Перед образовательным сообществом и государством стоит трудная задача: описать контуры мира, в котором будут жить и работать «альфы» в середине XXI в. После этого можно будет ответить на вопрос о том, какое образовательное пространство необходимо формировать для них в ближайшие годы.

Список литературы:

1.*Левада Ю.А., Шанин Т.* Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. — М.: Новое литературное обозрение, 2005; *Радаев В.В.* Миллениалы: Как меняется российское общество. — 3-е изд., доп. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. (Социальная теория).
2.*Харжевская А.А.* Исследование предпочитаемых музыкальных стилей и ценностных ориентаций личности в межпоколенческом ракурсе // Проблемы современного образования. — 2021. — № 4. — С. 213-223. — https://doi.org/10.31862/2218-8711-2021-4-213-223
3.*Аптикиева Л.Р., Бурсакова М.С.* Психолого-педагогическое исследование асоциального поведения подростков поколения Z в цифровой среде // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2022. — № 2 (234). — С. 6-19. — https://doi.org/10.25198/1814-6457-237-6; *Базылев Я.С.* Особенности когнитивных процессов поколений: X, Y, Z, Alpha // Общество: социология, психология, педагогика. — 2024. — № 10. — С. 64-69. — https://doi.org/10.24158/spp.2024.10.8
4.*Исаков В.Б.* С.С. Алексеев как реформатор высшего юридического образования // European and Asian Law Review. — 2024. — Т. 7. — № 3. — С. 32. — https://doi.org/10.34076/27821668_2024_7_3_28
5.*Howe N., Strauss W.* Generations. The History of America's Future, 1584 to 2069. — 1st ed. — N.Y.: Harper Collins, 1991; *Они же* The Fourth Turning: an American Prophecy. — 1st ed. — N.Y.: Broadway Books, 1997; *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. — М.: Новое издательство, 2011.
6.*Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 17. — https://doi.org/10.7868/S0132162518030029
7.*Резник Г.М.* Адвокат – существо юридическое // Адвокатская палата города Москвы [сайт]. — 2021. URL: https://advokatymoscow.ru/press/viewpoint/9093 (дата обращения: 1.06.2026).
8.*Яковлев А.Н.* Предисловие. Обвал. Послесловие. — М.: «Новости», 1992. — С. 26.
9.Ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 сентября 2025 г.) // СПС «Консультант Плюс».
10. Ч. 3 ст. 6, ч. 2 ст. 13, ч. 2 ст. 21, ч. 1 ст. 26 Конституции Российской Федерации, принятой всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // СПС «Консультант Плюс».
11. *Алексеев С.С.* У истоков конституции России: Субъективные заметки. — Екатеринбург: б/и, 2009.
12. *Шахрай С.М.* О Конституции: Основной закон как инструмент правовых и социально-политических преобразований. — М.: Наука, 2013.
13. *Казакова Е.И., Кузьминов Я.И.* Мы должны воспитать культуру критического отношения к ответам искусственного интеллекта // Вопросы образования. — 2025. — № 1. — С. 10. — https://doi.org/10.17323/vo-2025-25882
14. *Шмелев И.М.* Проблемы и противоречия цифровой трансформации личности в контексте современной действительности // Вестник Томского государственного университета. — 2023. — № 496. — С. 119. — https://doi.org/10.17223/15617793/496/13
15. *Аптикиева Л.Р., Бурсакова М.С.* Психолого-педагогическое исследование асоциального поведения подростков поколения Z в цифровой среде // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2022. — № 2 (234). — С. 10. — https://doi.org/10.25198/1814-6457-237-6
16. *Радаев В.В.* Смотрим кино, понимаем жизнь: 23 социологических очерка. — 3-е изд., доп. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2025. — (Социальная теория).
17. *Гегель Г.В.Ф.* Работы разных лет. — Т. 2. — М.: Мысль, 1971. — (Философское наследие). — С. 546.
18. «Конвенция о правах ребёнка» (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г., вступ. в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // СПС «Консультант Плюс».
19. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ (ред. от 30 ноября 2024 г.) «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «Консультант Плюс».
20. *Асташова Н.А., Бондырева С.К., Попова О.С.* Ресурсы геймификации в образовании: теоретический подход // Образование и наука. — 2023. — Т. 25. — № 1. — С. 15-49. — https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-1-15-49;
21. *Болтышев М.Г.* Геймификация в образовательном пространстве: неоднозначность трактовок и методологии // Мир психологии. — 2022. — № 2 (109). — С. 46-54. — https://doi.org/10.51944/20738528_2022_2_46;
22. *Косов М.Е.* Современные тенденции геймификации в юридической индустрии // Вестник Московского университета МВД России. — 2019. — № 6. — С. 293-300. — https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10359; *Subhash S., Cudney E.A.* Gamified Learning in Higher Education: A Systematic Review of the Literature // Computers in Human Behavior. — 2018. — Vol. 87. — Pp. 192–206. — https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.05.028
23. *Heidemann F.* An International Law Perspective on Harry Potter: Explaining Core Principles of International Law by Testing their Relevance in the Wizaring World. — Springer Cham, 2024. — https://doi.org/10.1007/978-3-031-57571-6
24. Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // СПС «Консультант Плюс».
25. UNESCO Global Education Monitoring Report 2023: Technology in education – A tool on whose terms? — Paris, UNESCO, 2023. — P. 3. // UNESCO [сайт]. — 2023. — URL: https://unesco.org/gem-

report/en/publication/technology (дата обращения: 1.06.2026).

Deineko A. G. Teaching Law in the Digital Age: Generational Aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 35-46.

The article analyzes a set of critical phenomena in modern higher legal education caused by generational changes in Russian society and the process of its "carpet bombing" digitalization. These changes lead to a transformation of the content of the relationships that develop in the university environment, and force teachers to compete for the attention of students with the limitless possibilities of Cyberspace. The purpose of the study is to analyze the causes of the observed changes in the teaching of legal disciplines and to find a balance between traditional and innovative teaching practices. To achieve this goal, the generational theory proposed in the 1990s by American economist *Neil Howe* and historian *William Strauss* will be applied, and adapted to Russian realities in the 2000s by Russian sociologists *Vadim Radaev*, *Theodor Shanin* and others. The main focus of the study is on the relationship of the typical representative of each generation with each other and with social regulators: legal, moral and religious norms. Note also that when writing this article, generative AI algorithms and similar technologies were not used. Based on the results of the study, it is concluded that generational theory is relevant for studying educational processes in modern conditions. The studied generations are not isolated in the university environment, but carry out intensive interaction aimed at gaining knowledge and experience. The nature of such interaction largely determines the modern functionality of higher legal education.

Keywords: The Right to Education, Generational Theory, "boomers", "millennials", "zoomers", Digitalization of Education, Gamification of Education.

Spisok literatury:

1. Levada Yu.A., Shanin T. Otcy i deti: pokolencheskij analiz sovremennoj Rossii. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005; Radaev V.V. Millenialy: Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo. — 3-e izd., dop. — M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2023. (Social'naya teoriya).
2. Harzhevskaya A.A. Issledovanie predpochitaemyh muzykal'nyh stilej i cennostnyh orientacij lichnosti v mezhpokolencheskom rakurse // Problemy sovremennogo obrazovaniya. — 2021. — № 4. — S. 213-223. — https://doi.org/10.31862/2218-8711-2021-4-213-223
3. Aptikieva L.R., Bursakova M.S. Psihologo-pedagogicheskoe issledovanie asocial'nogo povedeniya podrostkov pokoleniya Z v cifrovoj srede // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 2 (234). — S. 6-19. — https://doi.org/10.25198/1814-6457-237-6; Bazylev Ya.S. Osobennosti kognitivnyh processov pokolenij: X, Y, Z, Alpha // Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika. — 2024. — № 10. — S. 64-69. — https://doi.org/10.24158/spp.2024.10.8
4. Isakov V.B. S.S. Alekseev kak reformator vysshego yuridicheskogo obrazovaniya // European and Asian Law Review. — 2024. — T. 7. — № 3. — S. 32. — https://doi.org/10.34076/27821668_2024_7_3_28
5. Howe N., Strauss W. Generations. The History of America\'s Future, 1584 to 2069. — 1st ed. — N.Y.: Harper Collins, 1991; Oni zhe The Fourth Turning: an American Prophecy. — 1st ed. — N.Y.: Broadway Books, 1997; Inglhart R., Vel'cel' K. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya. — M.: Novoe izdatel'stvo, 2011.
6. Radaev V.V. Millenialy na fone predshestvuyushchih pokolenij: empiricheskij analiz // Sociologicheskie issledovaniya. — 2018. — № 3. — S. 17. — https://doi.org/10.7868/S0132162518030029
7. Reznik G.M. Advokat – sushchestvo yuridicheskoe // Advokatskaya palata goroda Moskvy [sajt]. — 2021. URL: https://advokatymoscow.ru/press/viewpoint/9093 (data obrashcheniya: 1.06.2026).
8. Yakovlev A.N. Predislovie. Obval. Posleslovie. — M.: «Novosti», 1992. — S. 26.
9. St. 354.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ (red. ot 31 iyulya 2025 g., s izm. i dop., vstup. v silu s 1 sentyabrya 2025 g.) // SPS «Konsul'tant Plyus».
10. Ch. 3 st. 6, ch. 2 st. 13, ch. 2 st. 21, ch. 1 st. 26 Konstitucii Rossijskoj Federacii, prinyatoj vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g. // SPS «Konsul'tant Plyus».
11. Alekseev S.S. U istokov konstitucii Rossii: Sub"ektivnye zametki. — Ekaterinburg: b/i, 2009.
12. Shahraj S.M. O Konstitucii: Osnovnoj zakon kak instrument pravovyh i social'no-politicheskih preobrazovanij. — M.: Nauka, 2013.
13. Kazakova E.I., Kuz'minov Ya.I. My dolzhny vospitat' kul'turu kriticheskogo otnosheniya k otvetam iskusstvennogo intellekta // Voprosy obrazovaniya. — 2025. — № 1. — S. 10. — https://doi.org/10.17323/vo-2025-25882
14. Shmelev I.M. Problemy i protivorechiya cifrovoj transformacii lichnosti v kontekste sovremennoj dejstvitel'nosti // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2023. — № 496. — S. 119. — https://doi.org/10.17223/15617793/496/13
15. Aptikieva L.R., Bursakova M.S. Psihologo-pedagogicheskoe issledovanie asocial'nogo povedeniya podrostkov pokoleniya Z v cifrovoj srede // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 2 (234). — S. 10. — https://doi.org/10.25198/1814-6457-237-6
16. Radaev V.V. Smotrim kino, ponimaem zhizn': 23 sociologicheskih ocherka. — 3-e izd., dop. — M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2025. — (Social'naya teoriya).
17. Gegel' G.V.F. Raboty raznyh let. — T. 2. — M.: Mysl', 1971. — (Filosofskoe nasledie). — S. 546.
18. «Konvenciya o pravah rebyonka» (odobrena General'noj Assambleej OON 20 noyabrya 1989 g., vstup. v silu

dlya SSSR 15 sentyabrya 1990 g.) // SPS «Konsul'tant Plyus».
19. Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2010 g. № 436-FZ (red. ot 30 noyabrya 2024 g.) «O zashchite detej ot informacii, prichinyayushchej vred ih zdorov'yu i razvitiyu» // SPS «Konsul'tant Plyus».
20. Astashova N.A., Bondyreva S.K., Popova O.S. Resursy gejmifikacii v obrazovanii: teoreticheskij podhod // Obrazovanie i nauka. — 2023. — T. 25. — № 1. — S. 15-49. — https://doi.org/10.17853/1994-5639-2023-1-15-49;
21. Boltyshev M.G. Gejmifikaciya v obrazovatel'nom prostranstve: neodnoznachnost' traktovok i metodologii // Mir psihologii. — 2022. — № 2 (109). — S. 46-54. — https://doi.org/10.51944/20738528_2022_2_46;
22. Kosov M.E. Sovremennye tendencii gejmifikacii v yuridicheskoj industrii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2019. — № 6. — S. 293-300. — https://doi.org/10.24411/2073-0454-2019-10359; Subhash S., Cudney E.A. Gamified Learning in Higher Education: A Systematic Review of the Literature // Computers in Human Behavior. — 2018. — Vol. 87. — Pp. 192–206. — https://doi.org/10.1016/j.chb.2018.05.028
23. Heidemann F. An International Law Perspective on Harry Potter: Explaining Core Principles of International Law by Testing their Relevance in the Wizaring World. — Springer Cham, 2024. — https://doi.org/10.1007/978-3-031-57571-6
24. Ukaz Mera Moskvy ot 5 marta 2020 g. № 12-UM «O vvedenii rezhima povyshennoj gotovnosti» // SPS «Konsul'tant Plyus».
25. UNESCO Global Education Monitoring Report 2023: Technology in education – A tool on whose terms? — Paris, UNESCO, 2023. — P. 3. // UNESCO [sajt]. — 2023. — URL: https://unesco.org/gemreport/en/publication/technology (data obrashcheniya: 1.06.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 47-54.

УДК 343.9 ББК 67.51

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В МЕСТАХ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ

Доброрез И. А., Штехбарт А. Л.

В статье рассматривается актуальная для криминологической политики государства проблема защиты прав человека в местах принудительного содержания. Данная проблематика рассматривается в теоретическом и практическом аспектах применительно к деятельности института регионального омбудсмена – Уполномоченного по правам человека в Республике Крым. Работа имеет важное научное и прикладное значение, результаты исследования содержат новые знания о сложившейся ситуации в рассматриваемой сфере, а также важные для ученых и практиков выводы, следовательно, могут использоваться в практической деятельности правоохранительных и надзорных органов.

Ключевые слова: омбудсмен, региональный омбудсмен, уполномоченный по правам человека, места принудительного содержания, криминология, криминологическая политика, защита прав человека, преступность, правонарушения, правоохранительные органы, прокуратура.

Цель исследования. Углубление и систематизация научных знаний о деятельности института регионального омбудсмена в сфере защиты прав человека в местах принудительного содержания. Ожидаемый результат – выявить место и роль данного института при осуществлении такой деятельности. Использование полученных результатов в практической деятельности позволит повысить эффективность защиты прав человека. Методология: диалектика, анализ и синтез, формально-юридический, логический, системный.

Выводы. Предлагаются меры правового и организационного характера, направленные на усовершенствование деятельности института регионального омбудсмена в сфере защиты прав человека в местах принудительного содержания, в том числе взаимодействия омбудсмена с органами прокуратуры.

Научная и практическая значимость. Работа имеет важное научное и практическое значение для обеспечения законности и правопорядка. Проблема защиты прав человека в местах принудительного содержания является одной из наиболее острых при осуществлении государственной криминологической политики, данное исследование вносит вклад в ее решение.

Наивысшей ценностью в правовом государстве является личная свобода человека. Следовательно, реализация государством своей исключительной монополии на ограничение или лишение человека свободы, должна базироваться на исключительных правовых основаниях, при неукоснительном соблюдении принципа гуманизма. Помещая человека в учреждение ограничения (лишения) свободы, государство полностью берет на себя заботу об обеспечении его всем необходимым, при всех имеющихся ограничениях люди не должны быть ущемлены в реализации основных общечеловеческих прав, закрепленных Конституцией РФ и ее законами. Ни при каких обстоятельствах не должно быть унижено человеческое достоинство, и тем более – нанесен ущерб жизни или здоровью.

Одним из важнейших государственных институтов в сфере защиты и обеспечения прав человека в условиях содержания в местах принудительного содержания является институт омбудсмена на федеральном и региональном уровнях. В Республике Крым такую роль исполняет Уполномоченный по правам человека в РК.

Понятия и перечень мест принудительного содержания человека раскрыты в ст. 2 Федерального закона от 10.06.2008 № 76-ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Принудительное содержание граждан регламентировано Уголовно-процессуальным и Уголовно-исполнительным кодексами РФ и нормами нескольких федеральных законов: от 21.07.1993 №5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», от 26.04.2013 № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста», от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», от 25.07.2002 №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», от 24.06.1999 №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», от 2.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

Ряд важных разъяснений правоприменительного характера содержат Постановления Пленума ВС РФ: от 19.12.2013 № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания», от 05.03.2004 № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и др.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что на законодательном уровне принято значительное количество нормативных правовых актов, регламентирующих вопросы принудительного содержания человека. В то же время, каждый из законов содержит свои особенности и отличия, несмотря на схожесть предмета правового регулирования, что делает процесс соблюдения прав человека в таких местах достаточно сложным и возлагает на правоприменителя повышенные требования к компетентности и профессионализму.

Что касается вопроса научных исследований, следует отметить, что тематике деятельности института омбудсмена в России посвящен ряд работ российских ученых и правоведов, в т.ч.: Б.С. Галяутдинов, М.С. Матейкович, Т.Н. Москалькова, И.С. Романчук, С.В. Сабаева, И.В. Чечельницкий и др. [1-6]. В то же время, вопросы деятельности уполномоченных в сфере соблюдения прав человека в местах принудительного содержания изложены недостаточно, что свидетельствует о необходимости проведения соответствующих научных исследований.

С учетом значительного количества нормативных правовых актов, и одновременно в условиях недостаточного научного базиса относительно избранной нами темы исследования, считаем необходимым разработать классификацию мест принудительного содержания. Как справедливо отмечено, без обобщения и упорядочения исследуемых объектов, их сортировки по определенным признакам невозможно обойтись ни в одной научной отрасли, ни в одном междисциплинарном исследовании [7].

По нашему мнению, места принудительного содержания можно классифицировать в зависимости от их нахождения в соответствующей ведомственной принадлежности: МВД (изоляторы временного содержания, комнаты доставленных, спецприемники, центры временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей), ФСБ, ФСИН (места лишения свободы), Судебный департамент (конвойные помещения, залы

судебных заседаний), Министерство обороны (гауптвахты, дисциплинарные воинские части), Минздрав России (медицинские организации, оказывающие психиатрическую помощь в стационарных условиях, экспертные организации) и т.д. Практическая значимость такой классификации заключается в возможности правильного определения соответствующего ведомства, в чьей компетенции и ответственности находится вопрос обеспечения соблюдения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

В зависимости от вида процессуального производства по делу, можно выделить, соответственно, места, предназначенные для содержания лиц, задержанных и привлеченных к ответственности в соответствии с нормами КоАП РФ (административный арест), и содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания (ИВС, СИЗО, места лишения свободы) в связи с совершением ими преступления, в соответствии с нормами уголовного, уголовного процессуального, уголовно-исполнительного законодательства, либо в соответствии с иными нормами федерального законодательства. Данная классификация позволяет разграничивать лиц по соответствующему виду производства, определять, какое процессуальное законодательство регулирует права лица.

Места принудительного содержания также различаются в зависимости от стадии рассмотрения уголовного дела и исполнения судебного акта (досудебная и судебная стадии рассмотрения уголовного дела, исполнение приговора суда) и соответствующего статуса лица (задержанный, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный). Такая классификация дает возможность определять права лица в зависимости от его процессуального статуса.

Существуют и иные критерии для иных классификаций мест принудительного содержания, и лиц, в них находящихся (виды режимов, по признаку пола, возраста, гражданства, для военнослужащих и правоохранителей и т.д.). Каждая из таких классификаций имеет важное значение для установления объема законодательно закрепленных прав и обязанностей лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Предложенную научную классификацию мест принудительного содержания граждан необходимо учитывать и использовать в практической деятельности, в том числе в деятельности омбудсмена, при проведении проверок соблюдения прав содержащихся в них лиц. При этом хотелось бы отметить некоторую непоследовательность законодателя в вопросе закрепления полномочий омбудсмена в сфере обеспечения соблюдения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

Так, в Федеральном конституционном законе от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» прямо не закреплена возможность омбудсмена по своей инициативе осуществлять проверки в местах принудительного содержания лиц. Регламентирован лишь порядок подачи такими лицами жалоб уполномоченному (ст. 19), закреплена возможность беспрепятственного приема омбудсмена администрацией мест принудительного содержания (ч. 2 ст. 23), предусмотрено взаимодействие омбудсмена с общественными наблюдательными комиссиями, сформированными в субъектах РФ в целях содействия реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания (ст. 36.1).

А вот Законом Республики Крым от 23.12.2020 № 150-ЗРК/2020 «Об Уполномоченном по правам человека в Республике Крым и внесении изменений в статьи 8 и 23-1 Закона Республики Крым «О Государственном Совете Республики Крым - Парламенте Республики Крым» прямо закреплено право омбудсмена в случае необходимости про-

верки обстоятельств, изложенных в жалобе, беспрепятственно посещать места принудительного содержания, находящиеся на территории Республики Крым, в соответствии с нормативными правовыми актами, регулирующими порядок посещения мест принудительного содержания (ст. 16).

По нашему мнению, аналогичная норма должна быть закреплена в федеральном законе. Кроме того, сравнение объема полномочий федерального и регионального омбудсменов свидетельствует о том, что на региональном уровне омбудсмен наделен гораздо большим инструментарием для проведения проверок, выявления нарушений и реагирования на них. Указанное свидетельствует о необходимости дополнения норм федерального закона в части расширения соответствующих полномочий федерального омбудсмена.

Другим значимым вопросом теоретического и прикладного характера является вопрос соотношения и разграничения полномочий и компетенции омбудсмена и органов прокуратуры в рассматриваемой сфере. В соответствии с нормами Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (пп 1, 5 ч. 2 ст. 1, ч. 1 ст. 21, ч. 1 ст. 26, Гл. 4), законность нахождения лиц в местах принудительного содержания и соблюдение установленных законодательством прав и обязанностей указанных лиц, а также порядка и условий их содержания, являются предметом прокурорского надзора, чему корреспондируют соответствующие широкие полномочия прокурора (ст. 33) и обязанность исполнения постановлений и требований прокурора администрацией соответствующих учреждений (ст. 34). Полномочия же омбудсмена (федерального и регионального), рассмотренные нами выше, уже по объему и отличны по существу. Учитывая существующую в научной среде точку зрения, выделяющую органы прокуратуры в качестве отдельной ветви власти, наделенной особой и исключительной функцией (надзорной), возникает вопрос о возможности научной дискуссии если не об отнесении института омбудсмена к отдельной ветви власти, то о выделении его в качестве особого механизма защиты прав и свобод человека [8, с. 92; 9]. На практике же, как правило, речь идет о взаимодействии и объединении усилий омбудсмена и прокурора в деле защиты прав лиц в местах принудительного содержания.

Еще одним актуальным и дискуссионным вопросом является возможность отнесения омбудсмена к субъектам профилактики правонарушений, хотя он и не указан в качестве такового в ст. 5 ФЗ от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». По нашему мнению, деятельность омбудсмена, в том числе в рассматриваемой сфере, фактически влияет на состояние законности, предупреждает преступления и правонарушения, имеет важное криминологическое значение, что дает основания утверждать о ее положительном профилактическом эффекте.

Исходя из прикладного регионального характера исследования, отметим, что в Республике Крым к ведению МВД Республики Крым относятся: 1 специальный приемник для содержания лиц, подвергнутых административному аресту, с лимитом наполняемости 26 мест, и 15 изоляторов временного содержания (ИВС) подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, с общим лимитом наполняемости 274 места. Кроме того, в каждом подразделении МВД имеются комнаты содержания доставленных задержанных лиц. К ведению управления федеральной службы исполнения наказаний по Республике Крым относятся три следственных изолятора (СИЗО) и две колонии. К ведению судебного департамента - помещения (конвойные, залы заседаний), в которых содержатся лица, доставляемые в суды (ВС Республики Крым, Крымский гарнизонный

военный суд, 24 городских и районных суда, судебные участки мировых судей судебных районов РК). Помимо этого, существует и специализированный автотранспорт для перевозки таких лиц.

Таким образом, объем работы регионального омбудсмена и степень нагрузки на его аппарат колоссальны, поскольку на регулярной основе посещаются все вышеуказанные места, и в каждом из них омбудсменом дается оценка соблюдения прав человека, режима и условий содержания. При этом проверки, проводимые омбудсменом, не формальны – с содержащимися лицами проводятся беседы на предмет соблюдения их прав, условий содержания и отношения к ним со стороны администраций учреждений.

Наиболее острой является проблема оказания квалифицированной медицинской помощи лицам в местах принудительного содержания, половина обращений в адрес омбудсмена связана именно с ней, а ее реальное решение находится в прямой зависимости от финансирования и кадрового обеспечения. В этой связи, омбудсменом в адрес прокурора РК и Министра внутренних дел по РК направлена соответствующая информация о необходимости принятии реальных мер по организации медицинских осмотров и оказанию медицинской помощи таким лицам.

Вопрос гуманизации мест принудительного содержания находится в зоне постоянного внимания Уполномоченного по правам человека в РК. Соблюдение прав человека в местах лишения свободы занимает особое место в деятельности омбудсмена, при этом Федеральная служба исполнения наказаний должна быть гарантом обеспечения охраны прав, свобод и законных интересов осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Эти и другие вопросы являются предметом обсуждения во время рабочих встреч омбудсмена и представителей его аппарата с руководством УФСИН, а также рассматриваются на заседаниях коллегий и оперативных совещаниях ведомства.

В РК активно развивается система исправительных центров, где осужденные могут отбывать наказание в виде принудительных работ – созданы три изолированных участка, функционирующих как исправительные центры (далее – УФИЦ), расположенные в г. Симферополе, Красногвардейском и Джанкойском районах. В 2025 г. через них прошло 849 осужденных (на 50 чел. больше, чем в 2024 г.).

В 2025 г. на учете уголовно-исполнительной инспекции состояло 5 897 лиц (на 9% меньше, чем в 2024 г. – 6 433), из них 35 несовершеннолетних (2024 – 23). Исполнение наказаний и иных мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, а также в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказаний осуществлялось в отношении 12 580 осужденных. При этом наблюдается снижение на 21% (с 264 до 207) количества повторных преступлений среди лиц, прошедших по учетам уголовно-исполнительных инспекций.

В 2025 г. с целью соблюдения прав следственно-арестованных и осужденных, Уполномоченный и представители его аппарата 23 раза посетили пенитенциарные учреждения республики (2024г. – 19), в процессе которых на личном приеме принято 68 чел. (2024 – 25). Налажено взаимодействие омбудсмена с УФСИН, правоохранительными и контролирующими органами по обеспечению прав и свобод человека и гражданина, в том числе по проведению тематических приемов с участием представителей всех заинтересованных служб с целью выявления фактов нарушения прав человека. С участием представителей заинтересованных служб осматриваются жилые и производственные зоны, коммунально-бытовые помещения, проводятся беседы с содержащимися лицами. В ходе посещения следственных изоляторов в обязательном по-

рядке проводится осмотр камер, где содержатся женщины и несовершеннолетние, выясняются проблемные вопросы, проверяется их материально-бытовое и медико-санитарное обеспечение. Отметим, что созданы материально-бытовые условия, отвечающие требованиям санитарии и пожарной безопасности, имеется улучшенная камера для содержания беременных и женщин с детьми, а также прогулочный двор с песочницей. Несовершеннолетним детям созданы условия для образовательного процесса, воспитательной работы, просмотра кинофильмов, занятия физическими упражнениями, отправления религиозных обрядов.

В местах лишения свободы администрациями учреждений осуществляется нравственное, правовое, трудовое и физическое воспитание осужденных, создаются условия для проявления и развития творческих способностей, формирования уважительного отношения к окружающим, повышения образовательного и культурного уровня. В 2025 г. проведено 503 культурно-массовых мероприятия, в которых приняли участие 2 782 чел., для развития физического и эмоционально-психологического состояния осужденных проведено 629 спортивных мероприятий, в которых приняли участие 1 802 чел.

Условно-досрочно освобождено в 2025 г. из пенитенциарных учреждений Крыма и г. Севастополя 115 лиц, в связи с заменой неотбытой части наказания в виде лишения свободы на более мягкий вид – 115.

Организовано обязательное получение общего образования осужденными к лишению свободы, не достигшим возраста 30 лет. По итогам учебного года в исправительных учреждениях УФСИН прошли обучение 455 лиц, из них привлечено к труду по направлению обучения 366 (80,43%).

Среднесписочная численность осужденных, привлеченных к труду - 620 человек, в том числе на работах, связанных с приносящей доход деятельностью – 452, по хозяйственному обслуживанию учреждений – 169. Для осужденных создано 423 рабочих места, на всех проведена оценка условий труда, несчастных случаев на производстве не допущено.

В 2025 г. продолжена активная работа по реализации на территории РК Федерального закона от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации», руководством УФСИН заключено 78 соглашений о взаимодействии с субъектами пробации. В частности, в целях оказания содействия в трудоустройстве, лицами, в отношении которых применяется пробация, заключено 2 соглашения о взаимодействии с Министерством труда и социальной защиты РК и Государственным казенным учреждением Республики Крым «Центр занятости населения».

В целях оказания содействия в получении социально-бытовых, социально-медицинских, социально-психологических, социально-педагогических, социально-трудовых, социально-правовых и срочных социальных услуг заключено 25 соглашений с территориальными учреждениями Крымского Республиканского центра социальных служб для семей, детей и молодежи. Также заключено 15 соглашений о взаимодействии с общественными организациями в вопросах восстановления социальных связей, востребованности профессиональных навыков и трудоустройства, обеспечения жильем, получения образования, реализации права на социальное обслуживание, получение медицинской, психологической и юридической помощи, а также оказании помощи в получении документов, удостоверяющих личность.

Создан центр пробации на базе Межрегиональной общественной организации адаптационно-восстановительный центр «Предел». В 2025 г. количество лиц, обратившихся с заявлением о применении исполнительной пробации, составило 755 человек, из них в отношении 753 принято решение о целесообразности ее применения. В рамках постпенитенциарной пробации обратилось 30 лиц, из которых 26 из исправительных учреждений, 4 из исправительных центров. В отношении 25 лиц применялась проба-

ция, оказывалась необходимая помощь, для 5 лиц подготовлены индивидуальные программы.

В 2025 г. Уполномоченным по правам человека в Республике Крым продолжено взаимодействие с Общественной наблюдательной комиссией РК (далее – ОНК), в состав которой входит 18 чел. За отчетный период члены ОНК Республики Крым 106 раз посетили специализированные учреждения для административно-задержанных, следственно-арестованных и осужденных лиц.

Выводы и предложения. Из приведенных данных следует, что Уполномоченным по правам человека в Республике Крым проводится масштабная практическая работа, направленная на защиту прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания. Сами же места принудительного содержания разнообразны и многочисленны, отличаются ведомственной принадлежностью, имеют законодательно установленные особенности функционирования, что требует от омбудсмена высокой степени компетентности и профессионализма. Предложенная нами классификация мест принудительного содержания будет способствовать повышению эффективности практической деятельности омбудсмена по защите прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания.

В то же время, усилия омбудсмена, направленные на соблюдение прав лиц в местах принудительного содержания, гуманизацию данной сферы, могут быть успешными лишь при условии принятия комплекса мер организационно-управленческого характера со стороны ответственных должностных лиц соответствующих министерств и ведомств.

На государственном уровне видится необходимым проведение дальнейших реформ в рассматриваемой сфере, что является одним из условий существования правового государства. Гуманизацию учреждений принудительного содержания необходимо осуществлять в контексте реализации комплекса мер в рамках криминологической политики России.

При этом наделение омбудсмена на федеральном уровне дополнительными полномочиями в указанной сфере видится нам обоснованным и необходимым.

Список литературы:

1. Галяутдинов Б.С. Конституционный институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в системе государственного контроля Российской Федерации: автореферат диссертации кандидата юридических наук / Б.С. Галяутдинов. Москва, 2014. 19 с.
2. Матейкович М.С., Романчук И.С. Уполномоченные по правам человека в механизме судебной защиты прав и свобод // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 45 - 57.
3. Москалькова Т.Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра / Т.Н. Москалькова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4. С. 23 - 44.
4. Москалькова Т.Н. Защита прав человека в механизме правового обеспечения национального суверенитета России / Т.Н. Москалькова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2023. № 6. С. 30 - 39.
5. Сабаева С.В. Сравнительно-правовой анализ условий содержания и обеспечения прав лиц, находящихся в местах принудительного содержания, подведомственных МВД России // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 68 - 83.
6. Чечельницкий И.В. Повышение эффективности контроля в государственной правозащитной деятельности как актуальная задача // Административное право и процесс. 2025. № 4. С. 22 - 27.
7. Понкин И. В., Редькина А. И. Классификация как метод научного исследования, в частности в юридической науке // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. №3 (37). С. 249-260.
8. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 5-е изд. М.: Дело, 2022. 528 с.
9. Осетров С.А. Российская модель разделения власти: конституционное поправление // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 10 - 17.

Dobrorez I.A. Shtekhbart A. L. Theoretical and practical aspects of the activities of the Human Rights Commissioner in the Republic of Crimea in the field of human rights protection in places of forced detention // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 47-54.

The article considers the problem of human rights protection in places of forced detention, which is relevant for the criminological policy of the state. This issue is considered in theoretical and practical aspects in relation to the

activities of the Institute of the Regional Ombudsman – Commissioner for Human Rights in the Republic of Crimea. The work has important scientific and applied significance, the results of the research contain new knowledge about the current situation in the field under consideration, as well as important conclusions for scientists and practitioners, therefore, they can be used in the practical activities of law enforcement and supervisory authorities.

Keywords: ombudsman, regional ombudsman, human rights commissioner, places of forced detention, criminology, criminological policy, protection of human rights, crime, offenses, law enforcement agencies, prosecutor's office.

Spisok literatury:

1. Galyautdinov B.S. Konstitucionnyj institut Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii v sisteme gosudarstvennogo kontrolya Rossijskoj Federacii: avtoreferat dissertacii kandidata yuridicheskih nauk / B.S. Galyautdinov. Moskva, 2014. 19 s.
2. Matejkovich M.S., Romanchuk I.S. Upolnomochennye po pravam cheloveka v mekhanizme sudebnoj zashchity prav i svobod // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 11. S. 45 - 57.
3. Moskal'kova T.N. Institut upolnomochennyh po pravam cheloveka: vchera, segodnya, zavtra / T.N. Moskal'kova // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2021. № 4. S. 23 - 44.
4. Moskal'kova T.N. Zashchita prav cheloveka v mekhanizme pravovogo obespecheniya nacional'nogo suvereniteta Rossii / T.N. Moskal'kova // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo. 2023. № 6. S. 30 - 39.
5. Sabaeva S.V. Sravnitel'no-pravovoj analiz uslovij soderzhaniya i obespecheniya prav lic, nahodyashchihsya v mestah prinuditel'nogo soderzhaniya, podvedomstvennyh MVD Rossii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. № 12. S. 68 - 83.
6. Chechel'nickij I.V. Povyshenie effektivnosti kontrolya v gosudarstvennoj pravozashchitnoj deyatel'nosti kak aktual'naya zadacha // Administrativnoe pravo i process. 2025. № 4. S. 22 - 27.
7. Ponkin I. V., Red'kina A. I. Klassifikaciya kak metod nauchnogo issledovaniya, v chastnosti v yuridicheskoj nauke // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. 2017. №3 (37). S. 249-260.
8. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. 5-e izd. M.: Delo, 2022. 528 s.
9. Osetrov S.A. Rossijskaya model' razdeleniya vlasti: konstitucionnoe popravlenie // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2021. № 6. S. 10 - 17.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 55-61.

УДК 34.09

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫМИ И НЕПРАВОСЛАВНЫМИ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Дурнева Н. С.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

В статье рассмотрено становление, развитие и функционирование государственных органов, осуществляющих вероисповедную политику в Российской империи. Проведен анализ имперского законодательства, регулирующего правовое положение каждого вероисповедования, функционирующего в государстве в рассматриваемый период, разграничены контрольно-надзорные полномочия государственных органов по контролю и надзору за лицами, исповедующими православное и неправославное вероучения. Определены место и роль Святейшего правительствующего синода и Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи в области регулирования конфессиональных вопросов. Выявлены закономерности, вытекающие из правового закрепления православия официальной религией. Сделан вывод о том, что законодательство Российской империи разделяло верующих на следующие категории: православие, иностранные исповедания и иноверцы. Вследствие данного разделения были образованы следующие органы: Святейший правительствующий синод и Департамент духовных дел иностранных исповеданий, осуществляющие контрольно-надзорные функции в отношении упомянутой категории верующих. Данные органы обладали как сходными (издание и толкование конфессионального законодательство, административно-хозяйственные функции, регулирование вопросов брачного права), так и отличительными чертами, связанными с «привилегиями» государственной религии.

Ключевые слова: Святейший правительствующий синод, Департамент духовных дел иностранных исповеданий, Российская империя, официальная религия, вероисповедания, церковное управление, конфессиональное законодательство, бракоразводные дела, государственно-конфессиональная политика, подданство.

В современном России, в которой установлен светский тип взаимоотношения государства с религией, никакая религия не может провозглашаться в качестве обязательной. Вопросы принадлежности к той или иной конфессии не входят в ведение светского государства, а каждый гражданин вправе сам определять свои религиозные взгляды или же отказаться от выбора религии. Закрепление официальной религии в нормативных правовых актах, в большинстве случаев, происходит лишь в тех государствах, в которых либо сохранилась монархическая форма правления, либо вопросы подчинения религиозным нормам тесно переплетены с существующим законодательством. Именно в Российской империи, являвшейся клерикальным государством, активно развивалась религиозная политика, в которой была градация на последователей официальной религии и представителей иных вероучений, называемых в рассматриваемый период «иностранными». Стоит отметить, что вопросы их функционирования не только закреплялись в имперских правовых актах, но и находились в ведении специально созданных государственных органов. Вопросы правового регулирования и управления православными и неправославными вероисповеданиями в Российской империи имели отличительные черты, так как официальная религия обладала рядом преимуществ, а к последователям иных вероучений применялись меры пристального государственного контроля и надзора. Для более подробного изучения существенных отличий между двумя категориями вероисповеданий: православными и неправославными, необходимо проанализировать законодательство Российской империи, на котором строилась вся религиозная политика государства второй половины XIX – начала XX веков.

В разделе VII п. 40 Основных законов Российской империи отражалось следующее: «Первенствующая и господствующая в Российской Империи вера есть Христианская Православная Кафолическая Восточного исповедания». Данной нормой закреплялась

официальная религия в российском государстве, но в то же время, Основные законы определяли и положение лиц, не принадлежащих к государственной религии. Содержание правовых норм, закрепленных в разделе VII пунктов 44–45, указывало на то, что лица, не принадлежащие к Господствующей Церкви, пользуются свободным отправлением своей веры и богослужений. Стоит отметить, что в Основных законах разделяли последователей неправославных вероисповеданий по признаку подданства: подданные Российской империи (от рождения и в порядке приобретения подданства) и иностранцы. Кроме этого, законодатель разделил неправославные вероисповедания на 2 категории: иностранные исповедания и иноверцы [1].

Правовед А.А. Сафонов, рассматривая в своем исследовании градацию неправославных вероисповеданий, полагает следующее: «К группе терпимых и признанных законом причислялись следующие религиозные объединения: инославные христианские исповедания (римско-католическое, армяно-католическое, армяно-грегорианское, евангелическо-лютеранское и евангелическо-реформаторское, греко-униатское); иноверные нехристианские исповедания (мусульманство, иудаизм, буддизм (ламаизм) и языческие верования» [2, с. 216].

Вышеизложенное позволяет констатировать, что законы Российской империи содержали в себе ряд норм, касающихся правового положения лиц, исповедующих государственную религию и лиц, относящихся к категориям «иностранных исповеданий» и иноверцев. Обозначив основные категории подданных и иностранцев по вероисповедному признаку, существующие в Российской империи в рассматриваемый период, следует перейти к государственным органам, осуществляющим вероисповедную политику.

Так, 25.01.1721 г. Манифестом Петра I был утвержден Духовный регламент, определяющий правовое положение Духовной Коллегии, переименованной в Святейший правительствующий синод, который действовал в Российской империи вплоть до 1917 г. Согласно данному регламенту, на Синод возлагались следующие полномочия: надзор за законностью пребывания церковных служителей в своем духовном сане; осуществление цензуры религиозных книг и сочинений; рассмотрение проектов, касающихся преобразования устройства церкви; освидетельствование подлинности мощей и чудотворных икон; осуществление правосудия над староверами (раскольниками); разрешение некоторых вопросов свободы совести; дополнение с согласия императора Духовного регламента; назначение лиц, претендующих на должности епископов; рассмотрение жалоб на архиерейский суд; контроль за расходованием церковных денежных средств; защита лиц, подведомственных Синоду, в судебных и административных органах власти; рассмотрение сомнительных духовных завещаний; разрешение спорных вопросов, возникающих между приходскими священниками и прихожанами [3].

Юрист Т.В. Растимешина справедливо полагает: «Синод выступал не только «дублером» государственных органов, исполнителем государственной воли, но и субъектом формирования направлений политики в культуроохранной сфере» [4, с. 159].

Данное мнение подтверждает и то, что именно в Синод ежегодно предоставлялись рапорта об исполнении указа «О соблюдении чистоты в церквах и поновлении иконостасов и святых икон», изданный 12 ноября 1753 г. Изучив правовое регулирование деятельности Синода, определив его основные полномочия, необходимо проанализировать, как и кем осуществлялась вероисповедная политика в отношении последователей неправославных вероисповеданий [5].

«Статистические сведения о распределении населения по вероисповеданиям» по состоянию на 1897 год свидетельствуют о том, что в Российской империи насчитывалось 4 341 930 лиц, являющихся последователями Римско-католической церкви; 3 079 276

лютеран; 1 754 860 старообрядцев и уклоняющихся; 2 235 лиц, принадлежащих к Армянской католической церкви; 77 321 реформаторов. При этом государственную религию исповедовало 76 344 717 человек [6].

Данные всеобщей переписи населения позволяют судить о том, что в клерикальном государстве, как правило, существенную долю лиц составляли приверженцы официальной религии, а представители других христианских конфессий: католики и лютеране по численности следовали за православным вероисповеданием. Стоит, отметить, что после них по количественному показателю следовали старообрядцы. Данный фактор был связан с тем, что старообрядцы ранее являлись последователями официальной религии, но вследствие отказа от принятия церковных реформ, проводимых Патриархом Никоном в XVII веке, они вошли в российскую историю как «староверы».

Немаловажной датой в конфессиональной политике Российской империи стал 1810 год. Именно в данный период издается Манифест Александра I «О разделении государственных дел на особые управления, с означением предметов, каждому управлению принадлежащих». После его издания в государстве начинает функционировать новый орган – Главное управление духовных дел иностранных исповеданий, которому было подведомственно разрешение вопросов неправославных вероисповеданий [6]. Новообразованный орган проходил ряд преобразований, касающихся его места в структуре органов государственной власти: сначала был присоединен к Министерству народного просвещения, а затем функционировал как самостоятельный орган. «Судьба» вероисповедного органа разрешилась в 1832 году, когда его преобразовали в Департамент духовных дел иностранных исповеданий и присоединили к Министерству внутренних дел.

Преобразованный орган обладал следующими полномочиями: рассмотрение и разрешение жалоб на духовных лиц; осуществление надзора за имуществом, закрепленным за молитвенными зданиями неправославных вероисповеданий; представление предложений о назначении епископов католического и униатского вероучений; сбор статистической информации о числе лиц неправославного вероисповедания и количестве молитвенных зданий, закрепленных за ними; утверждение законопроектов, определяющих правовое положение каждой негосударственной конфессии на территории Российской империи; разрешение споров между Римско-католической духовной коллегией и Генеральной евангелическо-лютеранской консисторией; разрешение вопросов об открытии новых приходов; решение вопросов о закрытии приходов; рассмотрение прошений; назначение директоров католических учреждений по управлению епархий и высших церковных должностей лютеранских вероисповеданий; регулирование бракоразводных дел; толкование законодательства Российской империи в области государственно-конфессиональной политики в отношении неправославных вероисповеданий.

Важнейшим фактором, определившим вектор дальнейшего взаимодействия Департамента духовных дел иностранных исповеданий с неправославными вероисповеданиями, стало утверждение в 1857 г. Уставов духовных дел иностранных исповеданий, закрепивших правовое положение каждого рассматриваемого религиозного вероучения. Так, в правовом акте регулировались вопросы функционирования: Римско-католической, Армяно-католической, Евангелическо-лютеранской церкви, евреев, магометан, язычников и др. Особенность данных Уставов заключалась и в том, что его содержание охватывало и полномочия Департамента духовных дел в конфессиональной сфере. Это не только полномочия в административно-хозяйственной сфере: осуществление контроля за имуществом, принадлежащим молитвенным зданиям и духовно-учебным заведениям лиц неправославного вероисповедания, но и регулирование вопросов отправления богослужений и совершения таинств. Подчеркнем, что в

Российской империи признавалась только церковная форма брака, поэтому и вопросы в области брачно-семейных отношений также регулировались Уставами, а в частности, разрешение проблемных вопросов при вступлении в межконфессиональный брак и брак при близких степенях родства и регулирование бракоразводных дел. В Уставах также закреплялось, что только лица православного вероисповедания обладали исключительным правом «убеждать» к принятию своего вероучения [8].

Исходя из вышеизложенного, государственно-конфессиональная политика Российской империи строилась на разделении всех верующих государства на две категории: православные, лица с государственной религией, и иностранные вероисповедания. Подчеркнем, что к последней группе относилось инославие и иноверие [9]. Полномочия по управлению лицами, исповедующими православие, возлагались на Святейший правительствующий синод, а вопросы управления неправославными вероисповеданиями – на Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Стоит отметить, что на Синод также возлагались полномочия по осуществлению суда над раскольниками (старообрядцами). Данный фактор был связан с тем, что ранее раскольники, до реформы патриарха Никона, также осуществляли обряды по православным образцам. Во многом полномочия этих двух органов были схожи: регулирование вопросов управления имуществом, осуществление правосудия, назначение на должности духовных лиц, регулирование вопросов совершения таинств и богослужений. Для более подробного анализа осуществления государственного контроля над лицами, являющимися представителями неправославного вероисповедания, необходимо обратиться к историческим документам, сосредоточенным в фондах Российского государственного исторического архива. Так как нами упоминалось выше о том, что вторыми и третьими по численности в Российской империи являлись католики и лютеране, то необходимо проанализировать одну их первостепенных задач, стоящих перед Департаментом духовных дел иностранных исповеданий в сфере регулирования спорных вопросов между ними, а именно вопросов заключения и расторжения брака.

Так, Департаменту духовных дел иностранных исповеданий требовались разъяснения правовых норм, регламентирующих основания для отказа родителей давать согласие на вступление в брак совершеннолетних детей. В соответствии с Уставом Евангелическо-лютеранской церкви родители имели право препятствовать заключению брака совершеннолетних детей в случае, если лицо, с которым они захотят вступить в брак, приговорено к «позорному наказанию» или «лишению чести». 28 ноября 1861 года II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии были направлены соответствующие разъяснения в Департамент духовных дел. При этом, в данных разъяснениях излагалось, что законодателем отнесено к «позорным наказаниям» и «лишающим чести». Так, к позорным наказаниям относили все виды уголовных наказаний, а «лишение чести» предполагало лишение некоторых прав и преимуществ. «Лишение чести» подразумевало лишение следующих прав: занимать пост на государственной службе; записываться в гильдии или получать свидетельства на торговлю; давать по делам гражданским свидетельские показания под присягой или без присяги, кроме случаев, в которых суд обязует их дачу; быть избранным в третейские суды; быть опекуном или попечителем; являться поверенным по чьим-либо делам. Кроме этого, к данной категории относили и лиц, подвергнутых телесному наказанию. Помимо этого, разъяснениями закреплялось и то, что «лишение чести» означает и назначение следующих видов наказаний: ссылка по приговору суда в Сибирь или в другие губернии; отдача в арестантские роты гражданского ведомства; содержание в доме на исправительных работах. Данные условия являлись в Евангелическо-лютеранской церкви основанием для расторжения брака и предоставляли право на вступление в новый брак.

В рассматриваемых разъяснения упоминалось также и то, что брак у лютеран не является таинством, поэтому на законодательном уровне предоставляется право на развод [10].

Представленные архивные материалы, позволяют сделать вывод о том, что управление неправославными вероисповеданиями в Российской империи строилось на принципах взаимодействия государственных органов Российской империи. Нормы, регулирующие вопросы заключения и расторжения брака, требовали соответствующих разъяснений конфессионального, семейного и уголовного законодательства, а для правоприменения данных норм требовались разъяснения компетентного органа, что и находилось в ведении II отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Стоит отметить, что законодательство католиков и лютеран в области регулирования вопросов заключения и расторжения брака разнилось. Если в Римско-католической церкви брак признавался нерасторжимым, то в Евангелическо-лютеранской его можно было расторгнуть, поэтому большинство спорных вопросов возникали в сфере межконфессиональных браков. В бракоразводных делах двух христианских конфессий существовали схожие понятие, такие как: сепарация и временная разлука, сроки, предоставляемые лицам, не желающим проживать в браке, для примирения. Только в одном случае для примирения не устанавливался временный промежуток, а в другом устанавливался. Для разрешения подобных споров, в которых требовалось разъяснение и принятие решения, и функционировал Департамент духовных дел иностранных исповеданий. Кроме этого, в Российской империи существовали Евангелическо-лютеранские консистории и Римско-католические духовные коллегии, которые функционировали в крупных городах и губерниях, чтобы также разрешать подобные прошения и направлять собранные материалы в центральный государственный орган по осуществлению контроля и надзора за последователями неправославных вероисповеданий.

Рассматривая полномочия Синода в области регулирования брака, следует сказать о том, что именно данный орган принимал законодательство в области православного брака, а также разъяснял его нормы. Так, он устанавливал: препятствия к браку, основания, по которым церковный брак мог быть признан недействительным, регулировал вопросы брака с инославными вероисповеданиями. Подчеркнем, что в синоидальную эпоху функционировали Духовные консистории, которые рассматривали бракоразводные дела и направляли их для утверждения в Синод или епархиальным епископам. Стоит отметить, что в основы российского брачного права рассматриваемого периода было положено византийское право.

Вышеуказанное позволяет сказать о том, что в вопросах регулирования брака полномочия двух рассматриваемых органов также были схожи: определение препятствий для вступления в брак, оснований для признания брака недействительным, а также регулирование вопросов межконфессиональных браков. Как и в управлении неправославными вероисповеданиями Синод взаимодействовал с Духовными консисториями.

Конфессиональная политика Российской империи в отношении последователей официальной религии строилась на нормах церковного законодательства. Как уже упоминалось ранее, основным правовым актом, регулирующим церковное управление Православной церковью, являлся Духовный регламент, в котором предусматривалось, что Синод имел право дополнять текст регламента с согласия императора. Именно в данном правовом акте нашли отражение требования, предъявляемые к лицам, претендующим на должность священников и диаконов. Синод устанавливал следующие требования к священникам и диаконам: знать «вероучительные» книги, окончить духовное училище, дать присягу императору, публично проклясть все «раскольнические согла-

сия». Кроме этого, священников предупреждали о недопустимости покровительства своим родственникам, а также о запрете пьянства и участия в кулачных боях [3].

Рассмотрев требования, предъявляемые к кандидатам в священника Православной церкви, необходимо обозначить, устанавливались ли подобные требования к духовным лицам неправославных вероисповеданий.

5 ноября 1885 г. в Департамент духовных дел иностранных исповеданий от Варшавского генерал-губернатора поступило письмо (№ 13378) «По вопросу об учреждении Комиссий для испытания кандидатов в раввины». Варшавским генерал-губернатором предлагалось создание Комиссий, которые проводили бы испытания для кандидатов в раввины не только по русскому языку, но и по знанию основных обязанностей по должности. В письме обозначалось, что в экзаменационную комиссию будут входить представители административных и учебных ведомств: Вице-губернатор или Советник губернского правления и два учителя русского языка, назначаемых Попечителем учебного округа. Данные соображения были одобрены Министерством внутренних дел, Комитетом министров и Департаментом духовных дел иностранных исповеданий [11].

Вышеуказанные данные свидетельствуют о том, что вопросы назначения на должности духовных лиц были не только определены в конфессиональном законодательстве, но и дополнялись с помощью взаимодействия государственных органов и должностных лиц.

Таким образом, государственное управление православными и неправославными вероисповеданиями в Российской империи, как и во многом было схоже, так и имело ряд отличительных черт. Вопросами государственного управления неправославных вероисповеданий ведал Департамент духовных дел иностранных исповеданий, а вопросами управления лиц, исповедующих государственную религию и раскольников, занимался Святейший правительствующий синод. Главенство в Российской империи Православной церкви было закреплено на законодательном уровне, но, в то же время, неправославным вероисповеданиям было разрешено «свободно отправлять свою веру и богослужения». При этом убеждать в принятии своего вероучения дозволялось только лицам, исповедующим православие. Синод являлся самостоятельным органом, который исполнял государственную волю и формировал политику в культуроохранной сфере. Департамент духовных дел иностранных исповеданий входил в структуру МВД Российской империи. Данный фактор был связан с тем, что последователям неправославных вероисповеданий запрещалось убеждать в принятии своего вероучения, а Департамент духовных дел контролировал исполнение данного воспрещения. Два государственных органа обладали схожими полномочиями, такими как: административно-хозяйственное управление; издание и толкование конфессионального законодательства; регулирование вопросов заключения и расторжения браков; назначение на должности духовных лиц и выработка требований, предъявляемых к кандидатам. Помимо этого, при разрешении «духовных дел» они взаимодействовали с Коллегиями и Консисториями: Римско-католической духовной коллегией, Евангелическо-лютеранской консисторией, Духовной консисторией. При необходимости разъяснения законодательства направлялись запросы во II отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Список литературы:

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. 1649–1825 гг. / под ред. М. М. Сперанского. СПб.: Изд-во Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии (далее – ПСЗРИ), 1830. Т. 20. № 14392. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 30.01.2026 г.). – Текст : электронный.

2. Сафонов, А.А. Правовой статус и структура административного управления инославных исповеданий в России на рубеже XIX – XX вв. / А.А. Сафонов. – Текст : непосредственный // Компаративистика – 2010:

сравнительное правоведение, сравнительное государствоведение, сравнительная политология – 2011. – С. 214–233.
3. ПСЗРИ, 1830. Т. 6, № 3718. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 30.01.2026 г.). – Текст : электронный.
4. Растимешина, Т.В. Святейший синод как инструмент реализации государственной политики церковного наследия в XVIII–XIX вв. / Т.В. Растимешина. – Текст : непосредственный // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 2. – С. 148–160.
5. ПСЗРИ, 1830. Т. 13, № 11377. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 30.01.2026 г.). – Текст : электронный.
6. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р6991 Оп. 3. Д. 33. С 33–34.
7. ПСЗРИ, 1830. Т. 31, № 13608. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 30.01.2026 г.). – Текст : электронный.
8. Уставы Духовных дел иностранных исповеданий URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/ (дата обращения: 05.11.2024). – Текст : электронный.
9. Тишков, В.А. И русский, и российский / В.А. Тишков. – Текст : непосредственный // Вестник российской нации. –2012. – № 2 (4). – С. 85.
10. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821 Оп. 5. Д. 1126. С 1–3.
11. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 821 Оп. 8. Д. 544. С. 159–174.

Durneva N.S. State Administration of Orthodox and Non-Orthodox Faiths in the Russian Empire in the Second Half of the 19th and Early 20th Centuries: A Comparative Legal Analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 55-61.

The article examines the formation, development and functioning of state bodies implementing religious policy in the Russian Empire. The analysis of imperial legislation regulating the legal status of each denomination operating in the state during the period under review is carried out, and the control and supervisory powers of state bodies for the control and supervision of persons professing Orthodox and non-Orthodox faiths are distinguished. The place and role of the Holy Governing Synod and the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire in the field of regulating confessional issues are determined. The patterns resulting from the legal consolidation of Orthodoxy by the official religion are revealed. It is concluded that the legislation of the Russian Empire divided believers into the following categories: Orthodoxy, foreign confessions and Gentiles. As a result of this separation, the following bodies were formed: the Holy Governing Synod and the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions, which exercise control and supervisory functions in relation to the mentioned category of believers. These bodies had both similar features (publication and interpretation of confessional legislation, administrative and economic functions, regulation of marriage law issues) and distinctive features related to the «privileges» of the state religion.

Keywords: The Holy Governing Synod, the Department of Spiritual Affairs of Foreign Confessions, the Russian Empire, official religion, faiths, church administration, confessional legislation, divorce cases, state and confessional policy, citizenship.

Spisok literatury:

1. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. 1649–1825 gg. / pod red. M. M. Speranskogo. SPb.: Izd-vo Tip. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii (dalee – PSZRI), 1830. T. 20. № 14392. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 30.01.2026 g.). – Tekst : elektronnyj.
2. Safonov, A.A. Pravovoj status i struktura administrativnogo upravleniya inoslavnyh ispovedanij v Rossii na rubezhe XIX – XX vv. / A.A. Safonov. – Tekst : neposredstvennyj // Komparativistika – 2010: sravnitel'noe pravovedenie, sravnitel'noe gosudarstvovedenie, sravnitel'naya politologiya – 2011. – S. 214–233.
3. PSZRI, 1830. T. 6, № 3718. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 30.01.2026 g.). – Tekst : elektronnyj.
4. Rastimeshina, T.V. Svyatejshij sinod kak instrument realizacii gosudarstvennoj politiki cerkovnogo naslediya v XVIII–XIX vv. / T.V. Rastimeshina. – Tekst : neposredstvennyj // Ekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovaniya. – 2016. – № 2. – S. 148–160.
5. PSZRI, 1830. T. 13, № 11377. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 30.01.2026 g.). – Tekst : elektronnyj.
6. GARF (Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii). F. R6991 Op. 3. D. 33. S 33–34.
7. PSZRI, 1830. T. 31, № 13608. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 30.01.2026 g.). – Tekst : elektronnyj.
8. Ustavy Duhovnyh del inostrannyh ispovedanij URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/ (data obrashcheniya: 05.11.2024). – Tekst : elektronnyj.
9. Tishkov, V.A. I russkij, i rossijskij / V.A. Tishkov. – Tekst : neposredstvennyj // Vestnik rossijskoj nacii. –2012. – № 2 (4). – S. 85.
10. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv). F. 821 Op. 5. D. 1126. S 1–3.
11. RGIA (Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv). F. 821 Op. 8. D. 544. S 159–174.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 62-67.

УДК 340.15

ПРАВОВЫЕ ПРЕИМУЩЕСТВА ОТДЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ КРЕСТЬЯНСТВА И ФОРМ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В ЗЕМЛЕДЕЛИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ (1917-1940 гг.)

Емельянов А. С.

Юго-Западный государственный университет

Статья посвящена истории развития правовых преимуществ как отступлений от равенства в аграрной сфере в первые десятилетия советской государственности. Исследование проведено на основе анализа нормативных правовых актов, устанавливающих для ряда субъектов сельского хозяйства особые права, льготы, оказание помощи, исключение обязанностей. Выявлено, что законодательство первых десятилетий советской власти, руководствуясь классовым подходом, предоставляло правовые преимущества отдельным категориям населения и формам хозяйствования: на начальном этапе это обосновывалось необходимостью восстановления хозяйства и формирования поддержки народа; позднее выступило частью политики коллективизации и ликвидации крестьянской общины. Отмечено, что закрепление неравенства в возможностях отдельных субъектов земледелия было обусловлено наличием множества проблем в аграрном секторе. Констатировано, что политика правовых преимуществ, направленная на регламентацию отличий в правовом статусе субъектов через закрепление более выгодного положения одних лиц перед другими, обладает мотивационно-стимулирующим, регулятивным потенциалом.

Ключевые слова: правовые преимущества, привилегии, льготы, социалистическое земледелие, коллективное землепользование, крестьянство, колхозы, законодательство.

Понимание необходимости регламентации исключений, изъятий из общего режима равноправия, вступающее в противоречие с идеей создания эгалитарного общества абсолютного равенства, пришло к руководству советского государства уже в первые годы функционирования новой власти. Востребованность введения юридических средств воздействия, направленных на предоставление больших возможностей отдельным субъектам в сфере земледелия, была обусловлена наличием множества проблем в аграрном секторе. В первые десятилетия советской власти (1917-1941 гг.) правовое положение крестьянства было настолько сложным, что позволяло идентифицировать его в качестве дискриминируемого сословия. Большинство крестьян и их хозяйств столкнулось с массовым обнищанием и бесправием. Вместе с тем, выделялись отдельные категории субъектов и форм хозяйствования в земледелии, наделенные особыми правами и льготами. В отечественной правовой науке тема юридических преимуществ в аграрной сфере образно выступает «целиной», при том, что массив нормативно-правовых актов, регламентирующих их предоставление, является объемным и сложным для восприятия. Что подчеркивает необходимость проведения дальнейших научных изысканий, позволяющих открыть новые страницы в истории правового регулирования системы преимуществ в сельском хозяйстве и сформулировать предложения, направленные на повышение эффективности правового регулирования.

Одной из ключевых тем на первом этапе формирования социалистического государства и становления советского права выступила проблема нового аграрного строя. Именно в эти годы были приняты ключевые нормативно-правовые акты о земле, социалистическом землеустройстве и земледелии [1; 2; 3]. Декрет «О земле» нормативно закреплял уравнительность и социализацию земли при отмене частной собственности. Декларировалось, что земля обращается во всенародное достояние и переходит в пользование всех, кто на ней трудится. Юридическое провозглашение отмены любых форм собственности на землю фактически наделяло статусом собственника исключительно государство.

В своей работе «Прислужничество буржуазии под видом “экономического анали-

за”» В.И. Ленин указывал, что «в законе о земле Советская власть дала прямое преимущество коммунам и товариществам, поставив их на первое место» [4, с. 319]. Советское государство на данном историческом этапе начало проводить политику по учреждению социалистических форм ведения хозяйства в земледелии путем организации совхозов, колхозов и товариществ по общественной обработке земли. Декретом СНК РСФСР от 2.12.1918 г. «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства» формировался специальный фонд в размере одного миллиарда рублей для выдачи ссуд и пособий сельскохозяйственным коммунам, артелям, трудовым товариществам и сельским обществам [5]. Эти привилегии ориентировали крестьянство на переход от единоличного сельского хозяйства к коллективным формам обработки земли.

«Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» от 14.02.1919 г. вводило три формы колхозного строительства: сельскохозяйственные коммуны, артели и товарищества по совместной обработке земли. При этом акт закреплял привилегии при перераспределении земельного фонда РСФСР: «используется в первую очередь для нужд Советских хозяйств и коммун, во вторую очередь для нужд трудовых артелей и товариществ и для общественной обработки, в третью для добывания средств к существованию единоличных землепользователей» [3]. Привилегированной формой по Положению от 14.02.1919 г. являлась сельскохозяйственная коммуна как добровольное объединение трудящихся для ведения сельского хозяйства на началах коммунистического производства и распределения.

Социалистическая власть на первых этапах провозглашала, с одной стороны, отдельные свободы при выборе форм хозяйствования на земле, с другой стороны, закрепляла приоритет коллективных хозяйств, в частности, сельскохозяйственных коммун. Фактически это проявлялось в изъятии земли у крестьян в пользу коллективов, привилегиях колхозов в контексте получения лучших наделов земли при ее перераспределении, в принуждении крестьян к вступлению в коллективные формы хозяйствования. Следует отметить, что земли не только предоставлялись в приоритетном порядке совхозам и сельскохозяйственным коммунам, но и нормы наделения землей существенно различались: для коллективных хозяйств они были выше, нежели для единоличных.

В период начавшегося восстановления народного хозяйства вышел Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 16.08.1921 г. «О сельско-хозяйственной кооперации», который предоставлял право населению создавать сельскохозяйственные кооперативные товарищества или артели для ведения сельхозпроизводства, организации труда своих членов, переработки, сбыта своей продукции и т.д. [6]. В силу важности деятельности для государства акт предусматривал определенные привилегии и льготы для таких форм хозяйствования. Регламентировались преимущественные права на заказы перед отдельными лицами, финансирование через выдачу государственных заказов и заданий, преимущества перед отдельными лицами при обеспечении помещениями, приобретении инструментов, заготовке сырья.

В целях укрепления и развития сельскохозяйственных коллективов (коммун, артелей и товариществ по общественной обработке земли) в условиях новой экономической политики ВЦИК и СНК 17.11.1921 г. принят Декрет [7]. Акт предоставлял сельскохозяйственным коллективам право свободного распоряжения сельскохозяйственной продукцией, остающейся после сдачи государственных натуральных налогов. Колхозы получили возможность свободно распоряжаться излишками сельскохозяйственной продукции после сдачи ими сельскохозяйственного налога. Кроме того, декретом на колхо-

зы распространялось «Положение о сельскохозяйственной кооперации» от 16.08.1921 г., интегрируя их в систему сельскохозяйственной кооперации.

Декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 30.04.1924 г. «О введении в действие Положения о едином сельско-хозяйственном налоге» в целях подъема сельского хозяйства предусматривал ряд льгот при налогообложении [8]. Некоторые категории земель полностью освобождались от сельскохозяйственного обложения, в том числе, площади, занятые создаваемыми питомниками в течение первых четырех лет; занятые семенными культурами; занятые новыми фруктовыми посадками; вновь закладываемыми хмельниками в первый год и др. Для коллективных хозяйств, применяющих общественную обработку земли, предусматривалась скидка в размере двадцати пяти процентов, для кооперативных хозяйств - в размере десяти процентов с исчисленного с них налога и надбавки к нему на местные нужды, при условии, что данные хозяйства осуществляли деятельность без наемных рабочих.

Освобождались от обложения не сданные в аренду участки; опытные и опытно-показательные хозяйства сельскохозяйственных учебных и научных заведений, включенные в списки Наркомата Финансов СССР, при согласовании с народными комиссариатами земледелия и народными комиссариатами просвещения соответствующих республик; земельные участки, принадлежащие бюджетным опытным и опытно-показательным селекционным, семенным и животноводческим станциям, племенным хозяйствам и конским заводам, включенным в списки Наркомата Финансов СССР, при согласовании с народными комиссариатами земледелия соответствующих республик и некоторые другие.

Таким образом, с целью поддержки сельскохозяйственной производственной кооперации XI Всероссийский съезд Советов принял Положение о едином сельскохозяйственном налоге, предоставлявшее правовые преимущества коллективным и кооперативным хозяйствам в контексте налогообложения. Льготы были направлены на улучшение материального, финансового состояния отдельных участников аграрных отношений, нуждающихся, по мнению власти, как в помощи, так и в стимулировании деятельности.

Инициированная в конце 1925 г. программа социалистической индустриализации затронула и сельское хозяйство: предполагалось усиление его материально-технической базы путем внедрения машин, автоматизации процессов, активного развития аграрных технологий. Постановление ЦИК и СНК СССР от 16.03.1927 г. «О коллективных хозяйствах» предусматривало ряд норм, предоставляющих отдельным субъектам особые права и избавляющих от некоторых правовых обязанностей [9]. В их числе были меры, направленные на введение стимулирующих форм оплаты труда для членов колхозов; проведение за счет государства землеустроительных работ для колхозов; предоставление колхозам льгот по сельскохозяйственному налогу; передачу колхозам в пользование земель, ранее предоставленных государством на условиях аренды; безвозмездную передачу на баланс колхозов расположенных на их территориях промышленных и хозяйственных построек, сельскохозяйственного инвентаря; первоочередное снабжение колхозов сельскохозяйственными машинами и посевными материалами; льготный отпуск хлеба, продуктов и другие виды льгот. Расширению правовых преимуществ колхозов способствовало принятие 15.12.1928 г. постановления ЦИК СССР, утвердившего «Общие начала землепользования и землеустройства» [10]. «Общие начала» предусматривали ряд мер поощрения коллективных и других товарищеских форм землепользования. Статья 8 данного нормативно-правового акта устанавливала

преимущественное право на получение земли при землеустройстве коллективных хозяйств (коммун, артелей, товариществ), совхозов, а также бедняцкого и середняцкого безземельного и малоземельного населения. Преимущества распространялись на качество и расположение предоставляемых земель. В акте неоднократно подчеркивалось, что государство оказывает особое содействие и поощрение образованию и деятельности коллективных хозяйств, проявляющееся в виде льгот по единому сельскохозяйственному налогу, преимущественного перед единоличными хозяйствами льготного кредитования, преимущественного обеспечения сельхозтехникой, освобождения от арендной платы за землю, льготных тарифов по социальному страхованию и т.д.

При том, что конкретные налоговые ставки устанавливались другими актами, «Общие начала» создавали идеологическую и правовую базу для последующего введения значительных налоговых льгот для колхозов, выступивших ключевой привилегией. Постановление целенаправленно ухудшало условия для единоличного хозяйствования, исключало альтернативные формы земледелия, инициировало вступление крестьян в колхозы, оно выступило отправной точкой начинающейся коллективизации.

Экономическая политика 1930-х гг. в качестве приоритета в аграрной сфере обозначила коллективизацию сельского хозяйства, направленную на завершение процесса искоренения самостоятельности крестьянства. Советская власть заменила исторически существовавшие крестьянские общины коллективными хозяйствами. Методы проводимой политики были весьма разнообразны и включали принуждение, идеологическое воздействие, а также, введение правовых преимуществ для отдельных субъектов, в том числе финансово-налоговых и материальных льгот, предоставление дополнительных прав, исключение обязанностей.

Помимо обладающих правовыми преимуществами форм хозяйствования в земледелии существовала категория лиц, обладающих специальными знаниями и подготовкой. Они представляли собой привилегированную группу сельского населения. К сельской интеллектуальной элите относились агрономы, инженеры, техники, ветеринарные врачи и т.п. Знаковым актом, закрепившим их правовые преимущества, выразившиеся в наделении особыми правами, стало Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1930 г. «О льготах квалифицированным работникам в сельских местностях и рабочих поселках» [11].

Квалифицированные специалисты при переезде на работу в сельскую местность имели право на получение всех компенсаций, предусмотренных трудовым законодательством. За ними сохранялась жилая площадь в течение шести месяцев в месте их прежнего жительства, если же семья работника оставалась в месте прежнего жительства, то сохранялось жилье в течение всего периода работы в сельской местности. Квалифицированным медицинским, ветеринарным, сельскохозяйственным работникам и педагогам предоставлялись бесплатные квартиры с отоплением и освещением. Если специфика деятельности таких специалистов предусматривала служебные поездки, то их обязаны были обеспечить бесплатным транспортом, либо возмещать транспортные расходы. Ежегодный очередной отпуск квалифицированных работников имел продолжительность один месяц, отпуск педагогов продолжался, согласно акту, два месяца.

С периодичностью не реже одного раза в три года необходимо было направлять квалифицированных работников, занятых в сельских местностях, в научную командировку или на курсы усовершенствования (переподготовки), сроком до трех месяцев. Все расходы несло учреждение, командировавшее работника, при этом за работником сохранялись рабочее место, средняя заработная плата и жилье. Предусматривало постанов-

ление и возможность получения дополнительного отпуска с сохранением содержания для работников, повышающих свою квалификацию на заочных курсах. Для квалифицированных работников аграрной сферы предусматривались льготные условия обучения, выраженные в снижении платы за обучение и экстернат. Вводилось льготное медицинское обслуживание квалифицированных работников села и членов их семей, а также упрощенный порядок при направлении на санаторно-курортное лечение. Регламентировалось обеспечение их в плановом порядке продовольствием и предметами широкого потребления.

Правовые преимущества как отступления от равенства воспроизводились в преимущественных правах и льготах в сельскохозяйственной сфере. Законодательство первых десятилетий советской власти, руководствуясь классовым подходом, предоставляло правовые преимущества отдельным категориям населения и формам хозяйствования. В 1917-1920-е гг. преимущества выступали стимулами формирования лояльности к режиму и залогом восстановления хозяйства; в 1930-е гг. они стали инструментом коллективизации сельского хозяйства и распада крестьянской общины. Выраженные в преимуществах при переделе земли, налоговых льготах, льготах при кредитовании и обеспечении сельскохозяйственной техникой, имущественной помощи, льготах при получении образования, распределении товаров, получении медицинского обслуживания и др., они иллюстрировали неравенство в правах субъектов аграрных правоотношений. Институт правовых преимуществ выступил попыткой сгладить существующие противоречия в крестьянской среде посредством наделения специальным правовым статусом; предоставления дополнительных прав, исключения обязанностей, ограничений; введения альтернативных правил правового поведения.

Список литературы:

1. Декрет II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов от 8 ноября (26 октября) 1917 г. «О земле» [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9608 (дата обращения 03.12.2025).
2. Декрет ВЦИК от 19.02.1918 «О социализации земли» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3117#xL0OUBVPbkX7LTu1 (дата обращения 03.12.2025).
3. «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию» (принято ВЦИК 14.02.1919) [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348984 (дата обращения 10.12.2025).
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Том 37. Июль 1918 – март 1919. – М.: Издательство политической литературы, 1969. – 748 с.
5. Декрет СНК «Об образовании специального фонда на мероприятия по развитию сельского хозяйства» от 2 ноября 1918 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12579 (дата обращения 05.12.2025).
6. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 16.08.1921 (с изм. от 11.10.1926) «О сельско-хозяйственной кооперации» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18080#wc9IUBViGhACGHnA (дата обращения 03.12.2025).
7. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР о приравнивании сельскохозяйственных коллективов в отношении выполнения государственных налогов к хозяйствам единоличников и о распространении на сельскохозяйственные коллективы положения о сельскохозяйственной кооперации от 17 ноября 1921 г. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/125736 (дата обращения 05.12.2025).
8. Декрет ЦИК СССР, СНК СССР от 30.04.1924 «О введении в действие Положения о едином сельскохозяйственном налоге» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18594#PxxJUBVy67vUldxj (дата обращения 05.12.2025).
9. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 16.03.1927 «О коллективных хозяйствах» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48374#gMOKUBV0SsK69czj (дата обра-

щения 07.12.2025).
10. Постановление ЦИК СССР от 15.12.1928 «Об утверждении общих начал землепользования и землеустройства» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3157#AjvKUBVzDBJ2DRD6 (дата обращения 09.12.2025).
11. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 10.06.1930 «О льготах квалифицированным работникам в сельских местностях и рабочих поселках» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4248#p4YLUBVeobnBYHYk2 (дата обращения 11.12.2025).

Emelyanov A.S. Legal advantages of certain categories of peasants and forms of farming in the first decades of Soviet government (1917-1940) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 62-67.

The article is devoted to the history of the development of legal advantages as deviations from equality in the agricultural sector in the first decades of Soviet statehood. The study is based on an analysis of regulatory legal acts that establish special rights, benefits, assistance, and exclusion of duties for a number of agricultural entities. It is revealed that the legislation of the first decades of Soviet power, guided by a class approach, provided legal advantages to certain categories of the population and forms of management: at the initial stage, this was justified by the need to restore the economy and form popular support; later it became part of the policy of collectivization and liquidation of the peasant community. It was noted that the entrenchment of inequality in the opportunities of individual agricultural subjects was due to the presence of many problems in the agricultural sector. It is stated that the policy of legal advantages, aimed at regulating differences in the legal status of subjects by consolidating a more advantageous position of some persons over others, has a motivational, stimulating, regulatory potential.

Keywords: legal advantages, privileges, privileges, socialist agriculture, collective land use, peasantry, collective farms, legislation.

Spisok literatury:

1. Dekret II Vserossijskogo s"ezda Sovetov rabochih i soldatskih deputatov ot 8 noyabrya (26 oktyabrya) 1917 g. «O zemle» [Elektronnyj resurs]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/9608 (data obrashcheniya 03.12.2025).
2. 2. Dekret VCIK ot 19.02.1918 «O socializacii zemli» [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3117#xL0OUBVPbkX7LTu1 (data obrashcheniya 03.12.2025).
3. «Polozhenie o socialisticheskom zemleustroistve i o merah perekhoda k socialisticheskomu zemledeliyu» (prinyato VCIK 14.02.1919) [Elektronnyj resurs]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/348984 (data obrashcheniya 10.12.2025).
4. Lenin, V. I. Polnoe sobranie sochinenij. Tom 37. Iyul' 1918 – mart 1919. – M.: Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1969. – 748 s.
5. Dekret SNK «Ob obrazovanii special'nogo fonda na meropriyatiya po razvitiyu sel'skogo hozyajstva» ot 2 noyabrya 1918 g. [Elektronnyj resurs]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/12579 (data obrashcheniya 05.12.2025).
6. Dekret VCIK, SNK RSFSR ot 16.08.1921 (s izm. ot 11.10.1926) «O sel'sko-hozyajstvennoi kooperacii» [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18080#wc9IUBViGhACGHnA (data obrashcheniya 03.12.2025).
7. Dekret Vserossijskogo Central'nogo Ispolnitel'nogo Komiteta i Soveta Narodnyh Komissarov RSFSR o priravnivanii sel'skohozyajstvennyh kollektivov v otnoshenii vypolneniya gosudarstvennyh nalogov k hozyajstvam edinolichnikov i o rasprostranenii na sel'skohozyajstvennye kollektivy polozheniya o sel'skohozyajstvennoj kooperacii ot 17 noyabrya 1921 g. [Elektronnyj resurs]. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/125736 (data obrashcheniya 05.12.2025).
8. Dekret CIK SSSR, SNK SSSR ot 30.04.1924 «O vvedenii v dejstvie Polozheniya o edinom sel'skohozyajstvennom naloge» [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18594#PxxJUBVy67vUldxj (data obrashcheniya 05.12.2025).
9. Postanovlenie CIK SSSR, SNK SSSR ot 16.03.1927 «O kollektivnyh hozyajstvah» [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=48374#gMOKUBV0SsK69czj (data obrashcheniya 07.12.2025).
10. Postanovlenie CIK SSSR ot 15.12.1928 «Ob utverzhdenii obshchih nachal zemlepol'zovaniya i zemleustroistva» [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3157#AjvKUBVzDBJ2DRD6 (data obrashcheniya 09.12.2025).
11. Postanovlenie VCIK, SNK RSFSR ot 10.06.1930 «O l'gotah kvalificirovannym rabotnikam v sel'skih mestnostyah i rabochih poselkah» [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=4248#p4YLUBVeobnBYHYk2 (data obrashcheniya 11.12.2025). .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 68-75.

УДК 339.5

КОНЦЕПТ «ИННОВАЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО»: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ[1]

Корнев А. В.
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В настоящей статье говорится о новом типе государства- инновационном, который постепенно входит в аппарат науки о государстве и праве. Предполагается, что это открывает новую область для теоретико-исторической правовой науки. В этой связи в статье некоторое внимание уделено историческому аспекту формирования данной государственной модели. По понятным причинам проблемы, которые поднимаются в статье, ориентированы на современность. В этой связи предлагается понятие «инновационное государство» и рассматриваются его современные модели на предмет их использования в процессе трансформации государственности в нашей стране. Сделан акцент на неразрывной связи технологического и социо-гуманитарного лидерства. Некоторое внимание уделено праву инновационного государства.

Ключевые слова: государство, закон, инновации, инновационное государство, лидерство, наука, право, социум, рынок, технологии, юриспруденция.

Научное сообщество уже успело привыкнуть к инновационной юриспруденции. Профессорско-преподавательским составом Университета имени О.Е. Кутафина подготовлен фундаментальный учебник «Инновационная юриспруденция» под редакцией В.В. Блажеева и М.В. Мажориной (М., «Проспект», 2025) общим объемом 57 п. л. Это первый учебник подобного рода в нашей стране. Уверен, что будут и другие. Новаторам всегда труднее, чем последователям. Они уже могут учесть как достоинства, так и недостатки. Их не избежать. Самое трудное и одновременно смелое в науке – давать определения, формулировать понятия и дефиниции. Как только человек изобрел письменную речь, он тем самым создал проблему толкования, интерпретации.

В социальных науках прочно обосновалась такая категория, как символ. Символическим можно считать всякое постижение реальности при помощи знаковых систем. Язык - система знаковая. Мы используем язык науки для понимания и описания реальности. Интерес представляет авторская позиция Поля Рикёра: «Я называю смыслом всякую структуру значения, где один смысл – прямой, первичный, буквальный – сверх того означает и другой смысл – косвенный, вторичный, иносказательный, - который может быть понят лишь через первый. Этот круг выражений с двойным смыслом и образует собственно герменевтическое поле» [1, с. 51].

Представляется, что идея с двойным смыслом вполне пригодна и для понимания природы инновационного государства. Во всяком случае, слово «концепт» (лат. Conceptus – понятие) имеет двойственное значение: 1) формулировка, умственный образ, общая мысль; 2) в логической семантике – смысл имени [2, с. 167].

Любое государство, это прежде всего, власть. Но для чего она существует, эта власть? Вот в чем вопрос, вспоминая принца датского. Ответы могут быть самые разные. Общество может их получать от самого государства, которое являет ему свою суть посредством своей деятельности, ибо «По плодам их узнаете их».

Большую часть своей истории государство существовало для себя самого. Здесь мы так или иначе выходим на проблему отчуждения от власти, от того, что и во имя кого оно делает. На излете советского проекта многие обществоведы настолько осмелели, что стали констатировать небывалое отчуждение от власти большинства населения. Справедливости ради с этим вполне можно согласиться. Некоторым казалось, что по

[1] Статья подготовлена в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030»

мере движения к демократии западного типа данная проблема отойдет на второй план, как бы исчезнет сама собой. Ничего подобного не произошло. Данная проблематика обострилась еще больше. Возьму на себя смелость утверждать следующее: человечеству не суждено преодолеть отчуждение от власти до тех пор, пока существует государство, точно также, как не получится создать общество, где человеку будут всецело принадлежать результаты его труда, покуда существует материальное и духовное производство. Нужно просто относится к этому спокойно, без конструирования несбыточных ожиданий. Опросы показывают, что институты власти в нашей стране не могут похвастаться высоким рейтингом доверия, за исключением Президента. Прекрасно, что население страны доверяет своему лидеру. Однако считать такое положение дел вполне нормальным нельзя. Экивоки в сторону других стран «У них еще хуже» нельзя. Они воюют против нас совместно, а мы против них фактически одни. От этого не уйти, как не пытайся. Наступил период, когда народ и государство должны наконец, сократить дистанцию между собой. Только сократить, поскольку ликвидировать просто нельзя. До безгосударственного состояния, о чем писали классики ушедшей эпохи, далеко. Если оно, то есть, будущее вообще у нас есть. Как образно выразился Нобелевский лауреат, зоолог Конрад Лоренц - «Человек слишком глуп, чтобы выжить». Альберт Эйнштейн, как гласит молва, сказал в части возможной эпохи «Я боюсь, что обязательно наступит день, когда технологии превзойдут простое человеческое общение. И мир получит поколение идиотов».

Совсем неважно говорил это великий физик, или нет. Тенденция, однако, просматривается. Кстати, это одна из проблем, причем многочисленных, которые привнесли в наш мир технологии. Выдающийся современный философ С. Кара-Мурза среди проблем, которые стоят перед современной Россией назвал и такую, как подрыв рациональности: «Для земной жизни нужны инструменты рационального мышления – точный язык, логика, мера, навыки рефлексии и проектирования. Все они были сильно повреждены во время перестройки, а затем подрывались в ходе реформы. Сейчас сознание общества и особенно элиты хаотизировано и не справляется с задачами, которые ставит кризис. Резко снизилось качество решений и управления, возникли аномальные зоны, где принимаются наихудшие решения из всех возможных. Дальнейшая деградация рационального сознания – всеобщая угроза» [3, с. 137].

На первый взгляд может показаться, что данная проблема или как сейчас все чаще говорят, вызов, надуманная и в этой связи не стоит на нее обращать внимание. Это, конечно же не так. Особенно в контексте инновационного развития. Инновации возможны только тогда, когда общество или отдельный человек в состоянии реально оценивать ситуацию, видеть проблемы и предлагать соответствующие управленческие решения. Особенно в контексте деятельности государства. Нас должен научить опыт «перестройки» (выдающийся логик и философ А. Зиновьев метко назвал горбачевское детище «катастройкой») и «реформ» 90-годов прошлого века. О том, что наиболее важные стратегические решения принимались вне страны, неоднократно говорило высшее политическое руководство. Но дело не только в этом. Было подвергнута сомнению сама мысль о том, что *развитием можно управлять.* Хаотизация всегда начинается в головах. К примеру, в юридической науке стала очень модной синергетика. Сейчас, правда, об этом писать уже неприлично, а еще совсем недавно академические мужи охотно рассуждали о том, что мы переоцениваем возможности государства и права целенаправленно управлять общественными процессами. В системе школьного и высшего образования стали исчезать дисциплины, которые формируют навыки самостоятельного, аналитического мышления. Особенно эту мысль продвигал, и как оказалось, не отказался от нее и сегодня известный российский банкир, некогда бывший ключевым ми-

нистром в российском правительстве. Вся его министерская логика была незатейлива «Производить ничего не нужно. Мы все это можем купить». Очевидно, что никакие инновационные варианты развития в этом случае невозможны.

Тем не менее, вернемся к двойственности смыслов. Поль Рикёр считает, что для толкователя именно текст обладает множественным смыслом. Проблема множественности смысла существует для него только при условии, если мы принимаем во внимание такую совокупность, в которой соединены между собой события, персонажи, институты, природные или исторические реалии; это целое «хозяйство» - означивающая совокупность – готово к перенесу исторического смысла в духовную сферу [1, с. 116-117].

Интерпретации государства менялись от эпохи к эпохе. «Государство – это Я», говорил Людовик XIV. Фраза полностью отражала суть времени. Главным итогом религиозных войн стал политический. Только сильное, абсолютистское государство «было единственным способом прекращения хаоса бунтов и восстаний» [4, с. 143].

Для классиков марксизма-ленинизма современное им и предшествующие государства были орудием господства, угнетения, насилия. Опровергнуть данный тезис невозможно в принципе. Всякие рассуждения о том, что если бы государство только и делало, что угнетало большинство населения в угоду меньшинству, то не было бы ни того, ни другого (обычно в этих случаях вспоминают о произведениях культуры). Все верно. Только на насилии долго сохранить власть нельзя. Но это не отменяет главного, стержневого классового начала любой политической власти.

Сложнее с современным государством. Понятие «современное» в высшей степени неопределенное. Если брать временной фактор, то все государства в настоящий период современные. Все-таки, под современным государством обычно понимают его количественно-качественные характеристики, степень развития. Здесь без проблемы инноваций никак не обойтись.

Английский государствовед Боб Джессоп полагает: «Материальной» основой ответственности современного государства по поддержанию общего политического порядка, институциональной интеграции и социальной сплоченности является его конституционная монополия на насилие и связанная с ней способность проводить в жизнь решения, обязательные для членов общества (индивидов или организаций) в рамках своей юрисдикции. Его «идеальной» основой и движущей силой является притязания государства как субъекта права и государственных управленцев в качестве «универсального класса» на то, что оно представляет интересы общества» [5, с. 185].

Оставим в стороне право на легитимное насилие. Без него свои функции государство осуществлять не в состоянии. Гораздо важнее сосредоточится на способности проводить в жизнь решения, обязательные для членов общества. Полагаю, что в данном случаем нужно вести речь не только о традиционных функциях политического управления, частью которого является право в качестве элемента управления, но и об инновациях как таковых. Разумеется, производят инновации не все, однако их плодами пользуется большинство. Стало быть, государство как макросубъект управления должно создать условия для генерирования инноваций. Но оно само, то есть государство, *должно быть* источником инноваций.

В российской науке, общественно-политической мысли последние несколько десятков лет наблюдается полнейшая неопределенность в части роли государства в том, что принято понимать под развитием личности, общества и государства. Прежня система получила хлесткую характеристику – «командно-административная система». Общественное мнение было подготовлено к отказу от нее в силу «неэффективности». Причем, никто так и не доказал, в чем была ее неэффективность и была ли она вообще? Ес-

ли она и стала пробуксовывать, то в конце 80-х годов прошлого века, когда страна вступила в последний, разрушительный период своей истории. До этого система работала исправно, а в период политического руководства И.В. Сталина, просто отлично. Рост ВВП в иные года доходил до 14,5 %. Для XX в. это был абсолютный рекорд. У противников советского проекта, его самых выдающихся достижений в кармане припасен, как им кажется, неопровержимый аргумент «Да, это было, но какой ценой».

Любое общество находится в поиске наилучшей модели. Вновь обратимся к А.А. Зиновьеву «…я утверждаю, что мы уже имели наилучшее для условий России и для населяющих ее народов социальное устройство, сложившееся в 1917-1985 г. Советский социальный строй, политическая система, система воспитания, система образования и просвещения, система жизненных ценностей, тип культуры и т.д. были вершиной русской истории вообще….Я не хочу этим сказать, будто советская система организации жизни общества вообще является наилучшей и очень хорошей. Ее недостатки мне были известны с юности, я начал подвергать ее критике еще тогда, когда нынешние перевертыши служили ей с великим усердием. Я хочу сказать лишь следующее: все то, что было в России до советской системы, было неизмеримо хуже. И то, что пришло ей на смену, есть упадок, деградация, умирание» [6, с. 138-139].

Как говорят в таких случаях «Все познается в сравнении». Древние были гораздо мудрее, чем мы обычно думаем, ибо эта поговорка в какой-то мере дезавуируется и другой «Всякое сравнение хромает». Сравнение – хороший способ познания, но пользоваться им нужно предельно корректно. К сожалению, в современном публичном пространстве данную осторожность не всегда соблюдают.

Что касается советского периода, то он не был бы столь успешным, если бы не его инновационная составляющая. Политическое руководство отчетливо понимало значение быстрого, мощного, индустриального развития. Начало оно с просвещения и образования. Было понятно, что с темным, необразованным населением конкурировать с капиталистическими странами невозможно. Большевистское правительство в течение своих первых пяти лет нахождения у власти создало около двухсот высших учебных заведений. Деятельность А.В. Луначарского в этой части трудно переоценить. Это был настоящий организатор просвещения, образования, культуры. В постперестроечные годы к этой знаковой фигуре если обращались, то исключительно с альковой, интимной части его жизни. Может это и хорошо, если мужчина, находящийся во власти, активен во всех смыслах этого слова. Значит, у него есть силы, возможности. Древние ведь недаром периоды расцвета и упадка связывали с борьбой Эроса и Танатоса (воля к жизни и воля к смерти). Л. Гумилев использовал слово «пассионарность» как сгусток социальной энергии для развития. Полагаю, что даже убежденные сторонники исторического материализма согласятся с тем, что в этом что-то есть.

Советская власть стала активно сотрудничать если не со странами, то с отдельными предпринимателями и кампаниями в процессе промышленной модернизации страны. Всем известна роль выдающего предпринимателя Г. Форда. Он помогал советскому государству строить тракторные и автомобильные заводы. Американцы проектировали Днепрогэс, которая была введена в 1927 г. Для укладки бетона паровыми и мачтовыми кранами была проложена рельсовая дорога. Тысячи немецких инженеров и рабочих работали на советских предприятиях. И они охотно ехали в СССР, пережидая итоги «большого скачка» 20-х годов и последующей за ним Великой депрессии. В этот период страна переживала небывалый подъем. Во всем мире наблюдался интерес за ходом реализации альтернативному капитализму проекту. Причем, симпатии исходили не только от рабочих, которых нещадно эксплуатировали, но и со стороны некоторых интеллектуальных кругов, можно сказать, даже аристократических. СССР без сомнения и

сам бы создал атомную бомбу. Но период от замысла до воплощения был максимально коротким в том числе и за счет того, что некоторые физики были тайными симпатизантами советского проекта. Советскому разведчику А. Дейчу не составило большого труда сформировать Кембриджскую и Оксфордскую агентуры [7, с. 50]. Это сегодня капитализм в некоторых местах «мягкий и пушистый», а когда-то данная система была просто античеловечной. Недаром на родине капитализма – в Англии на сайте парламента вывешены извинения за прошлые «темные» пятна английской истории. Что интересно, каются они только в своей среде. Внешняя их нисколько не заботит. Даже в период правления королевы Виктории, который считается благословенным и мирным, англичане в своих колониях уничтожили по некоторым оценкам около 9 млн. человек.

Столь быстрое развитие нашей страны стало возможным за счет перевода общества и государства в мобилизационный режим, который требовал невероятных усилий и жертв. Отсюда и проистекает пресловутый вопрос «цены».

Инновации не были бы возможны, если не развивать самое главное их условие – интеллект. Кстати, пенсионное обеспечение в СССР началось со школьных учителей и вузовских преподавателей. В сталинскую эпоху заработная плата профессора примерно в десять раз превышала средний уровень по стране. Научные сотрудники и преподаватели вузов когда-то были нечто вроде «советского дворянства». Политическое руководство прекрасно понимало, что без образованного населения, качественной рабочей силы или как сейчас принято говорить – человеческого капитала, составить конкуренцию развитым государствам было невозможно. Тем более, что все они имели колонии или вассальные государства, из которых нещадно черпали ресурсы. Советской стране их взять было неоткуда. Пришлось изымать церковные ценности, и, к великому сожалению, продавать произведения искусства. За это большевиков упрекают до настоящего времени. Но был ли другой выход? Как говорил вождь «У нас всего десять лет. Иначе нас сомнут»[2].

Положительная динамика послевоенного роста была очень впечатляющей. В СССР было, пожалуй самое большое количество ученых на душу населения. Нам когда-то говорили, что каждый четвертый в мире ученый – советский. Школьное образование было лучшим в мире, а высшее – одним из лучших. Запуск искусственного спутника земли в 1957 г. стал для западного мира культурным шоком. Дж. Кеннеди тогда произнес знаменитую фразу «Мы проиграли космическую гонку советам за школьной партой».

Зная, что наука и образование имеют значительный мобилизационный ресурс, свой главный удар «реформаторы» 90-х годов обрушили как раз на общее среднее и высшее образование. Среднее специальное, пресловутые ПТУ, были просто уничтожены. «А зачем, если производить ничего не надо, пусть китайцы этим прекрасно занимаются, а мы будем продавать ископаемые ресурсы» - именно так рассуждали, и что особенно важно, вслух «эффективные» менеджеры. В итоге у нас исчез многомилионный рабочий класс. Для воюющей страны подобное положение недопустимо. Хорошо, что в этой части наметились сдвиги к лучшему, но опять, за счет чисто административных мер. Но ведь есть же и другие, а точнее целый комплекс. Какое счастье, что не было в СССР никаких менеджеров, а были выдающиеся организаторы науки и производства. Когда академик М. Келдыш, демонстративно писавший в графе происхождение – «из дворян», приходил на заседание Политбюро ЦК КПСС, Л.И. Брежнев заставлял членов

[2] Впервые И. Сталина назвал «вождем» Л. Каганович еще в 1929 году. В то время он еще не был безусловным, непререкаемым авторитетом. Все это случилось значительно позже. Лозунг победы «За Родину! За Сталина!» исходил от писателя А. Толстого и сразу был принят массами. На этот раз вождем его признал не придворный аппаратчик, а народ.

партийного ареопага вставать и принимать стойку «смирно». Вот это и есть настоящее отношение к науке и образованию. Мало проводить разовые кампании (Год науки и технологий), нужно переходить к системным изменениям. Опыт такой есть, как и соответствующие исследования. Другое дело – доверять им или не стоит. В любом случае, необходимо подумать.

Пожалуй, вся эволюция человечества как биологического вида – это создание инноваций и поиск нового. Рэй Далио – инвестор, ученый, один из влиятельных людей в западном мире, упорно называющий вещи своими именами, проделал огромную работу, представляет интерес для тех, кому вообще интересна инноватика.[3] Обычно вспоминают Й. Шумпеттера – видного либерала-экономиста, который впервые обозначил проблему экономических инноваций как главного фактора развития.

Итак, для того, чтобы добиться богатства и силы, необходимы как минимум восемь детерминантов: «1) образование, 2) конкурентоспособность, 3) инновации и технологии, 4) экономическое производство, 5) доля в мировой торговле, 6) военная мощь, 7) сила финансового центра, 8) статус резервной валюты» [8, с. 45].

Всего же Рэй Далио выделяет 18 детерминантов, как он выражается. Будучи капиталистом до мозга костей, этот ученый-инвестор, во всем призывает устанавливать причинно-следственные связи. Он изучил экономическое развития человечества и сделал выводы, на которых не настаивает, но считает их вполне пригодной версией объяснения того факта, почему одни нации побеждают, а другие проигрывают. Его методологический подход, с моей точки зрения, вполне укладывается в структурную систему исторического материализма с той лишь разницей, что его представители использовали категорию «классовая борьба», А Р. Далио считает основным мотивом человеческого поведения, деятельности государства «борьбу за власть и богатство». Принципиальных различий между ними не существует.

Что можно сказать о России в свете этих воззрений. Если честно, то 2, 4, 5, 7, и 8 детерминанты у нас пока явно проседают, а 7 и 8, скорее всего, не «светит» вообще. У Шанхая и юаня такие перспективы есть. Одолеть их в этом плане задача практически невозможная. Но среди других детерминант Р. Далио упоминает человеческий капитал, который может минимизировать в какой-то степени недостающие. Он считает, что мы живем в системе, в «которой основным источником богатства и власти выступает комбинация образования, изобретательности и капитализма» [8, с. 35].

В интеллектуальной истории были неоднократные попытки создать формулу прогрессивного развития. Р. Далио формул не изобретает, при этом констатирует: «Во все времена формулой успеха была система, в которой высокообразованные люди, хорошо относящиеся друг к другу, создают инновации, получают финансирование через рынки капитала, а также владеют инструментами, с помощью которых их инновации попадают в производство и системой распределения ресурсов» [8, с. 35].

Мыслит он вполне по-марксистки и в контексте правообразования и правотворчества: «Я также заметил, как во все времена и во всех странах богатыми становятся те, кто владеет средствами создания богатства. Чтобы сохранять и приумножать его, они сотрудничают с людьми, имеющими политический вес. В результате этих симбиотических отношений возникают и реализуются законы» [8, с. 37].

В целях инновационного развития в нашей стране приняты программы, концепции, документы стратегического планирования. Их, конечно же можно было бы и назвать. Лично мне такие статьи не очень нравятся. Зачем пересказывать то, что и так хорошо

[3] Р. Далио до настоящего времени использует слово «капитализм». В Китае, по его мнению, государственный капитализм. В нашем публичном пространстве предпочитают уклончивые выражения, например: «переходное общество и государство», «рыночная экономика», «реформы» и проч.

известно. Гораздо важнее понять, что же собой представляет инновационное государство, которое должно занять свое место в категориальном аппарате теоретической науки о государстве и праве.

Есть все основания применять двойственное значение словосочетания «инновационное государство»: формулировка, умственный образ, общая мысль и смысл имени (в контексте семантики). Давать определения не самое выигрышное занятие. Тем не менее, *под инновационным государством следует понимать современный тип организации и реализации власти, которая в качестве приоритетной задачи создает условия для производства инноваций (от идеи до масштабирования результатов) во все сферы бытия общества для достижения целей технологического и социо-гуманитарного лидерства.*

Инновационные государства уже можно классифицировать, учитывая условность всякой типизации. Так, вполне можно говорить об *авторитарном* инновационном государстве. Государства, как его не понимай, это в первую очередь, власть. Типичный пример авторитарного инновационного государства – Сингапур. Ли Куан Ю – отец сингапурского экономического чуда. С благодарностью воспринимал западные экономические концепты, но считал, что их воплощение предполагает корректность, мягкость, что не может быть оправдано применительно к той или иной стране в силу самых разных причин. Прежде всего, ментальности, психологии, особенностей трудовой этики. По сути, он был диктатором, буквально силой насаждая инновации. Результат, как говорится, налицо. Условно к этому типу можно отнести и КНДР. Может этой стране еще стоит доказать право назваться инновационным государством (если, конечно у них в этом есть потребность), но военные технологии позволяют им чувствовать себя вполне уверенно. Создается впечатление, что даже Д. Трамп опасается дойти до такого состояния отношений, что придется и в этом случае говорить о заключении «сделки».

Либеральный тип инновационного государства (США) больше ориентируется за законы рынка, мотивы человеческой активности. Оно скорее не заставляет, а создает условия своим кампаниям для технологического лидерства используя порой не рыночные, а политические и даже силовые механизмы для монополизации рынка высоких технологий. Государство как бы создает правила игры и предоставляет возможность участникам рынка конкурировать друг с другом. Сошлемся на «гуру» экономистов либеральной ориентации Фридриха Хайека: «Человек, который владеет исключительным знанием или мастерством, позволяющим ему снизить издержки производства товаров на 50 %, уже оказывает громадную услугу обществу, если приступает к его производству и снизит цену лишь на 25%, - не только этим снижением цены, но и дополнительной экономией затрат. Но только благодаря конкуренции мы можем предполагать, что такая возможная экономия затрат будет достигаться» [9, с. 153].

Ф. Хайек, безусловно, выдающийся ученый. Хотя нужно честно признать, что в нашей стране он пользовался авторитетом в 90-годы прошлого века у определенной части политиков, академического сообщества, когда ни правительство, ни тем более народ, вообще не понимали, что представляет собой рыночная экономика. Как ученый, Хайек всегда отдавал должное *знанию,* без которого никакие инновации невозможны. В развитых капиталистических государствах финансирование в сфере высоких технологий осуществляется бизнес-сообществом порой в долях, сопоставимых с государственными, а то и превышающими таковые. Достаточно привести в пример И. Маска и других «облачных» миллиардеров, ярких представителей «технофеодализма» [10].

Конвергенционное (авторитарно-либеральное) инновационное государство (КНР) сочетает управление инновациями как при помощи рыночных, конкурентных механиз-

мов, так и посредством жесткого администрирования. В Китае давно сложилась прозападная часть людей, которые охотно бы пустились тратить свои деньги так, как это принято вообще у сверхбогатых людей, то есть развлечение и пороки, но есть много «но». Одно из них – руководящая роль коммунистической партии с опорой на административный и «силовой» блок. Пока эта модель не просто успешно работает, но и вполне может привести Китай к безусловному экономическому, военному и технологическому лидерству. Представляется, что именно такая модель нужна России. Для капитализма нужно много оставляющих. Многие у нас просто отсутствуют. И не нужно в очередной раз произносить мантры об успехах императорской России. Если было бы так все хорошо, как это представляется в работах некоторых аналитиков, но не было бы революции 1917 г.

Можно размышлять об инновационном государстве бесконечно. Буквально несколько слов о праве. В инновационном государстве и право должно быть инновационным. Лучшего инструмента для создания, масштабирования и защиты инноваций не придумаешь. Право в настояний момент нужно не просто для регулирования, а для создания комфортной и безопасной среды. Вот почему в рассуждениях о технологическом лидерстве нельзя забывать о социо-гуманитарном, ибо человек одновременно и создатель и «потребитель» различного рода инноваций.

Список литературы:

1. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., Академический Проект, 2008.
2.Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. М., Политиздат, 1981, С.167
3. Кара-Мурза С. Кто такие русские. М., ЭКСМО, 2011, С. 137.
4. Данн Р. Эпоха религиозных войн. М., ЦЕНТРПОЛИГРАФ, 2017, С.43
5.Джессоп Б. Государство. Прошлое, настоящее и будущее. М., Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019, С. 185
6. Зиновьев А. Несостоявшийся проект. М., АСТ МОСКВА, 2009, С.138-139/
7. Дамаскин И. Вожди и разведка. От Ленина до Путина. М., «Вече», 2012, С. 50.
8. Далио Рэй. Принципы изменения мирового порядка. Почему одни нации побеждают, а другие терпят поражение. М., МИФ, 2024.
9. Хайек Ф. Рынок и другие порядки. Собрание сочинений: В 19 томах. М., Челябинск, Социум, Т.15, 2020, С.153.
10. Янис Варуфакис. Технофеодализм. Что убило капитализм. М., Ад Маргинем Пресс, 2025.

A. V. Kornev. The concept of the "innovative state": stating the problem // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 68-75.

This article discusses a new type of state—the innovative state—that is gradually becoming part of the discipline of state and law. It is assumed that this opens up a new area for theoretical and historical legal scholarship. In this regard, the article devotes some attention to the historical aspect of the formation of this state model. For obvious reasons, the issues raised in the article are focused on the present. In this regard, the concept of the "innovative state" is proposed and its contemporary models are examined for their application in the process of state transformation in our country. Emphasis is placed on the inextricable link between technological and socio-humanitarian leadership. Particular attention is given to the law of the innovative state.

Keywords: state, law, innovation, innovative state, leadership, science, law, society, market, technology, jurisprudence.

Spisok literatury:

1. Riker P. Konflikt interpretacij. Ocherki o germenevtike. M., Akademicheskij Proekt, 2008.
2.Filosofskij slovar'. Pod red. I.T. Frolova. M., Politizdat, 1981, S.167
3. Kara-Murza S. Kto takie russkie. M., EKSMO, 2011, S. 137.
4. Dann R. Epoha religioznyh vojn. M., CENTRPOLIGRAF, 2017, S.43
5.Dzhessop B. Gosudarstvo. Proshloe, nastoyashchee i budushchee. M., Izdatel'skij dom «Delo» RANHiGS, 2019, S. 185
6. Zinov'ev A. Nesostoyavshijsya proekt. M., AST MOSKVA, 2009, S.138-139/
7. Damaskin I. Vozhdi i razvedka. Ot Lenina do Putina. M., «Veche», 2012, S. 50.
8. Dalio Rej. Principy izmeneniya mirovogo poryadka. Pochemu odni nacii pobezhdayut, a drugie terpyat porazhenie. M., MIF, 2024.
9. Hajek F. Rynok i drugie poryadki. Sobranie sochinenij: V 19 tomah. M., Chelyabinsk, Socium, T.15, 2020, S.153.
10. Yanis Varufakis. Tekhnofeodalizm. Chto ubilo kapitalizm. M., Ad Marginem Press, 2025. .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 76-82.

УДК 349.2

ОСОБЕННОСТИ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ КРАЙНЕГО СЕВЕРА: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Лиликова О. С., Туранин В. Ю., Посохова Я. В.

В статье исследуются уникальные особенности правового регулирования труда работников, осуществляющих свою деятельность в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Рассматриваются специфические гарантии и компенсации, предусмотренные законодательством для работников, чьи трудовые отношения осложнены особыми климатическими и природно-географическими условиями. Анализируются такие аспекты, как порядок предоставления и продолжительность ежегодных оплачиваемых отпусков, особенности исчисления стажа для предоставления льгот, а также система северных надбавок и районных коэффициентов. Особое внимание уделяется вопросам, связанным с расторжением трудовых договоров с работниками Севера, а также с предоставлением им дополнительных льгот и гарантий при переезде на более благоприятные территории. Статья направлена на систематизацию и анализ действующего законодательства, выявление проблемных вопросов правоприменения и предложение путей совершенствования нормативно-правового регулирования труда работников Крайнего Севера для обеспечения их социальной защищенности и стимулирования трудовой активности в сложных климатических условиях.

Ключевые слова: гарантии, компенсации, Крайний Север, процентная надбавка, районный коэффициент, северный регион, трудовые права.

В российской действительности понятие «Крайний Север» появилось относительно недавно, а именно в середине 1930-х годов. Это понятие традиционно используют для обозначения местностей с крайне тяжелыми условиями для жизни. Большая часть территорий крайнего севера расположена в вечной мерзлоте, что порождает определенные сложности, в частности, труднодоступность, отсутствие плодородных почв, очень суровые климатические условия. Ввиду территориальных особенностей климата в данном районе существенно осложняются и достаточно базовые для умеренного климата действия, а именно осуществление трудовой деятельности.

В соответствии со ст. 2 Закона РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», перечень территорий Крайнего Севера и приравненных к ним территорий, должен быть установлен Правительством РФ [1]. В настоящий момент в число этих территорий входит 44 района Крайнего Севера и более 100 районов, относящихся к категории приравненных к районам Крайнего Севера местностям [2]. Отметим, что достаточно интересным является тот факт, что в пределах одного субъекта РФ не все публично-правовые образования могут быть отнесены к РКС и МКС. Так, например, Республика Саха (Якутия) полностью входит в правовую зону районов Крайнего Севера, а в рамках Иркутской области к районам Крайнего Севера приравнен только Катангский муниципальный район. Основанием такого деления являются безусловно климатические условия, однако, не совсем понятно какого уровня сложности они должны достигать. Ведь в пределах РФ существуют регионы с не менее суровыми и тяжелыми условиями, которые не отнесены к категориям РКС и МКС.

Трудовая деятельность лиц, трудящихся в указанных районов, имеет определенную специфику, из-за чего в отечественном трудовом законодательстве они отнесены к так называемым «отдельным категориям работников». В Трудовом кодексе РФ присутствует отдельная глава, которая регулирует труд северян – это гл. 50 ТК РФ. Глава включает в себя 15 статей, которые предусматривают те или иные социальные привилегии для северян.

Особенностью правового положения работников Крайнего Севера заключается в предоставлении им особых гарантий и компенсаций со стороны государства. Одной из

таких гарантий является повышенная оплата труда. В соответствии со ст. 315 Трудового кодекса РФ, труд работников Крайнего Севера и приравненных к нему территориям оплачивается с определенными надбавками, получивших название районных коэффициентов и процентных надбавок к заработной плате [3].

Законодательно не установлено ни понятие районных коэффициентов, ни понятие процентных надбавок. Однако косвенно можно выделить следующие определения. Под районным коэффициентом в данном случае целесообразно понимать надбавку работником Крайнего Севера и приравненных к ним местностям. Районный коэффициент устанавливается с первого дня работы в сложных климатических условиях и не зависит от каких-либо факторов, в том числе, и от трудового стажа. На основании п. 1 ст. 316 Трудового кодекса РФ, размер районных коэффициентов и порядок их назначения устанавливается Правительством РФ. На данный момент размер районных коэффициентов установлен соответствующих регионов установлен различными актами Правительства (некоторые действуют еще со времен СССР), однако, нормативный правовой акт, который регулировал бы порядок назначения районного коэффициента все еще не принят.

Отметим, что размер районного коэффициента колеблется от 1,1 (например, на определенных предприятиях в Республике Башкортостан) до 2 (например, Чукотский Автономный Округ), его размер напрямую зависит от климата, чем хуже климат – тем выше будет районный коэффициент. Исчисление районного коэффициента зависит также и от вида труда, которым занимается человек. Соответственно, чем сложнее и вреднее такой труд, тем выше становится районный коэффициент. Все расходы на заработную плату для работников с учетом районного коэффициента в полном объеме ложатся на плечи работодателя. Данное положение закреплено как на уровне трудового, так и налогового законодательства.

Процентная надбавка – это надбавка за стаж работы на Крайнем Севере и в местностях, приравненных к ним. Размер и порядок назначения данной надбавки также регулируются Правительством РФ. Порядок начисления процентной надбавки и порядок исчисления трудового стажа для ее получения определяется соответствующей Инструкцией, утвержденной Приказом Минтруда РСФСР [4].

Процентная надбавка выплачивается ежемесячно, при этом при начислении надбавки не учитывается ни районный коэффициент, ни вознаграждение за выслугу лет. Величина такой надбавки и способ ее начисления и увеличения находится в прямой зависимости от региона осуществления трудовой деятельности. Рассмотрим на примере. В Чукотском АО установлен следующий порядок исчисления: работник после трудоустройства в течение 6 мес. получает надбавку, составляющую 10% от его заработной платы. По прошествии этих 6 мес. надбавка будет расти каждый месяц еще на 10% пока не достигнет 100%. Схожие условия, однако с изменением сроков и размеров как минимальных, так и максимальных процентных ставок, действуют и в других северных районах [5].

Отметим, что в соответствии с положениями ст. 285 Трудового кодекса РФ, выплата процентных надбавок и районных коэффициентов предусмотрена и для лиц, работающих по совместительству в районах Крайнего Севера и местностям, приравненным к данным районам. Начисление вышеперечисленных денежных надбавок к заработной плате происходит на фактический доход лица в месяц, который включает в себя следующие пункты: заработную плату, иные компенсационные выплаты, премии и вознаграждения и другие выплаты, которые могут устанавливаться системой оплаты труда, действующей в отдельной организации.

Если работодатель решит по каким-либо причинам не выплачивать предусмотрен-

ные законом северные надбавки, он рискует получить административное наказание, потому что невыплата северных надбавок подразумевает административную ответственность по ст. 5.27 КоАП РФ.

Ввиду приведенных норм интересным является правовое положение дистанционного работника, проживающего постоянно в одном из рассматриваемых районов. Насколько целесообразно выплачивать все соответствующие денежные надбавки такому работнику, если организация, в которой он осуществляет трудовую деятельность дистанционно территориально находится в регионе, который не включен в установленный Правительством РФ перечень регионов с вредными условиями труда? Ответ на данный вопрос, на самом деле, лежит на поверхности и большая часть юристов, практикующих в сфере трудового права, солидарны в ответе на данный вопрос.

Местом работы дистанционного сотрудника является место его фактического проживания. Следовательно, несмотря на то, что работодатель может находится в регионе, в котором не предусмотрены северные надбавки, он обязан уплачивать их дистанционному работнику, который работает в одно из таких регионов. При этом дистанционный характер работы и место ее осуществления в целях минимизации споров целесообразно отражать в трудовом договоре.

Работникам, трудящимися в северных регионах, трудовым законодательством предоставляются и иные государственные гарантии. Так, например, одной их таких гарантий является сокращенная рабочая неделя. Сокращенная рабочая неделя предоставляется только женщинам. На основании ст. 320 ТК РФ, сокращенная неделя составляет 36 ч. Это на 4 часа меньше нормальной продолжительности рабочего времени, установленной 91 ст. Трудового кодекса РФ. Отметим, что при применении данной гарантии заработная плата сохраняется в полном объеме.

Кроме того, данной категории работников устанавливается ежегодный дополнительный оплачиваемый отпуск. Количество дней данного отпуска находится в прямой зависимости от территории, на которой осуществляется трудовая деятельность. Так, для районов Крайнего Севера предоставляется 24 дополнительных отпускных дня, а для местностей, приравненных к районам Крайнего Севера – 16 дней.

Для северян предусматривается и возможность медицинского обслуживания за счет работодателя. Законодательно установлено обеспечение со стороны работодателя компенсации проезда в медицинское учреждение или компенсация лечения. Основанием такой компенсации будет являться соответствующее заключение врача (простыми словами – направление на такое лечение). Ст. 323 ТК РФ устанавливает определенные категории работников, для которых данная льгота может быть установлена, так, к ним относятся работники федеральных органов госвласти, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

Возможность получения льгот, которые связаны с медицинским обслуживанием, для работников, не установленных в п. 1 ст. 323 ТК РФ, устанавливаются коллективным или трудовым договором, а также публичной власти в субъектах РФ.

Жители северных регионов помимо получения общих льгот, имеют возможность более раннего выхода на пенсию. Видится, что такая возможность предоставлена им ввиду того, что они вынуждены работать в достаточно суровых погодных условиях, которые негативно влияют на здоровье населения, в частности, вызывают болезни дыхательных путей и существенно снижают иммунитет. В РФ по завершении переходного периода женщины будут выходить на пенсию в 60 лет, а мужчины в 65 лет. Однако при условии, если лицо проработало положенный законом срок в условиях РКС и МКС появляется возможность выйти на пенсию на 10 лет раньше. Для того, чтобы воспользоваться данной привилегией нужно соблюсти два основных условия:

- Гражданин проработал в условиях Крайнего Севера не менее 15 лет или не менее 20 лет в районах, приравненных к Крайнему Северу, в данном случае, года измеряются в календарном эквиваленте;
- Гражданин имеет общий трудовой стаж не менее 25 и 20 лет для мужчин и женщин соответственно.

Однако существуют случаи гораздо меньшего срока осуществления трудовой функции в сложных условиях. Согласно закону, минимальны срок труда для получения «северной пенсии» составляет 7 лет и 6 месяцев. В данном случае пенсия назначается с уменьшением на 4 месяца от стандартного возраста выхода на пенсию за каждый полный календарный год работы в рассматриваемых условиях.

Интересным с точки зрения правоприменительной практики является также процесс командирования сотрудника в районы Крайнего Севера. В соответствии с трудовым законодательством под служебными командировками принято понимать поездку по поручению работодателю с целью выполнения трудовой деятельности работника вне рабочего места. Наиболее точное понятие служебной командировки формализовано в ст. 166 Трудового кодекса РФ.

Служебные командировки оформляются приказом, работнику необходимо выдать денежные средства, которые предназначены на командировочные расходы. По возвращению из командировки работник должен представить авансовый отчет. Аналогичным способом оформляются и командировки в города, которые находятся в климатических условиях Крайнего Севера. Однако существует ряд нюансов. В частности, таким нюансом является формулировка цели отправления в данную служебную командировку. В этой цели нужно точно прописывать вид работ, который необходимо будет исполнять работнику. Не допускаются формулировки следующего характера: «Для выполнения служебного задания руководителя» и прочие. Корректная формулировка цели направления в служебную командировку может сыграть важную роль при выходе работника на пенсию и размеры ее установления.

Рассмотрим особенности назначения пенсионного обеспечения для работников, которые направлялись в служебные командировки в РКС и МКС. В соответствии со ст. 17 Федерального закона «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 № 400-ФЗ [6], работникам, которые трудились в указанных районов не менее 15 календарных дней и имеют общий трудовой стаж не менее 25 лет для мужчин или не менее 20 лет для женщин назначается повышение фиксированной выплаты к страховой пенсии. Размер данной фиксированной выплаты на данный момент составляет 50% от стандартной фиксированной выплаты, предназначенной для конкретного работника.

Для назначения данной выплаты работником должны быть соблюдены следующие условия: во-первых, в данной командировке работник должен непосредственно выполнять свои трудовые функции, а не ездить в РКС и МКС с целью обучения или же повышения квалификации. Во-вторых, в данных районах он должен отрабатывать полный рабочий день. Если говорить о досрочном назначении пенсии ввиду нахождения лица в «северных» командировках, то, к сожалению, на данный момент нет определенной законодательной регламентации данного аспекта. В судебной практике сложилось два мнения. Рассмотрим их подробнее.

Первое мнение вытекает из Апелляционного определения Суда Чукотского автономного округа от 30.08.2018 по делу № 33-121/201. В данном Определении описывается следующая ситуация. Социальный фонд Российской Федерации (в 2018 г. – Управление Пенсионного фонда России) не включил в трудовой стаж Истца его длительные командировки в ЧАО в виду того, что отсутствовала информация о работе в данных условиях в индивидуальном лицевом учете, поскольку фактически работник

числился в организации, которая не находилась в субъекте, в котором действует правовой режим Крайнего Севера. Истцом были представлены внутренние документы работодателя, которые подтверждают его работу в тяжелых климатических условиях. Суд первой и апелляционной инстанции признали требования истца абсолютно соответствующими требованиям законодательства и удовлетворил их в полном объеме [7]. Таким образом, существует мнение о том, что вне зависимости от длительности командировки, ее необходимо включать в трудовой стаж.

Второе мнение формируется из Постановления Второго арбитражного апелляционного суда от 15.01.2019 № 02АП-10271/2018 по делу № А29-9518/2018[8] и из Определения Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.08.2021 по делу № 88-11044/2021, 2-63/202. Согласно данным судебным актам определяющее значения для включения в трудовой и страховой стаж работы в суровых климатических условиях Крайнего Севера имеет срок работы. Основываясь на мнениях данных судов, в стаж целесообразно включать только длительную и стабильную работу в условиях РКС и МКС. Командировки, которые исчисляются днями, т.е. кратковременные командировки нецелесообразно включать в трудовой и страховой стаж.

Сложно сказать какой из данных подходов является наиболее правильным с точки зрения законодательства. С одной стороны, несмотря на время, проведенное в районах Крайнего Севера, работник все равно работал в сложных условиях и это должно быть оценено и учтено при назначении пенсии. С другой стороны – назначение повышенной пенсии работникам, которые проработали в РКС и МКС всего несколько дней, принижает правовое положение работников, которые работали в таких условиях годами. Решить эту проблему возможно только путем конкретизации норм трудового и пенсионного законодательства. В частности, есть смысл установить процентный пенсионный коэффициент для командированных работников в районы Крайнего Севера.

Для учета в пенсионном стаже служебной командировки в РКС и МКС существуют следующие рекомендации. В письме от 10.05.2023 № 02-09/86601л Социальный фонд РФ указал следующее: необходимо в системе ЕФС-1 в разделе 1.1 «Сведения о трудовой (иной) деятельности» заполнить необходимые данные. Однако данный раздел не имеет в себе какого-либо указания на командирования сотрудника [9]. Таким образом, в этой части в нашем законодательстве так же имеются пробелы.

Также отметим порядок оплаты командирования сотрудников. Роструд поясняет следующее в отношении порядка начисления заработной платы «северной» заработной платы командированным лицам. В соответствии с нормами действующего законодательства, не допускается начисление таким работникам «северных» надбавок. Объясняют это достаточно просто – основное место работы такого сотрудника не находится в РКС и МКС, а заработок ему выплачивают именно в постоянном месте работы. Так, если организация территориально находится в районе, не относящемся к приведенным категориям, то дополнительные выплаты не предусмотрены. Спорность данных положений на лицо, поскольку в аналогичной ситуации с дистанционными работниками льготные выплаты начислению подлежат. Данные положения необходимо более четко регламентировать в законе.

Таким образом, правовое положение работников Крайнего Севера и местностям, приравненным к ним, детально закреплено в отечественном трудовом законодательстве и представляет собой сложную систему государственных гарантий и компенсаций. Так называемые «северяне» имеют право как на получение компенсаций и льгот при непосредственном осуществлении трудовой деятельности, так и при выходе на пенсию. Отметим, что дополнительные северные льготы могут быть установлены и законами субъектов РФ. Данное обстоятельство существенно повышает спрос на трудоустрой-

ство в таких районах. Однако отметим, что несмотря на всю полноту регламентации правового положения работников Крайнего Севера, в законодательстве еще остались пробелы, которые необходимо проработать для более четкого понимания правового регулирования.

Список литературы:

1.Закон РФ «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» от 19.02.1993 № 4520-1 (ред. от 25.12.2023) // Ведомости СНД и ВС РФ. 22.04.1993. № 16. Ст. 551.
2.Постановление Правительства РФ от 16.11.2021 № 1946 «Об утверждении перечня районов Крайнего Севера и местностей, приравненных к районам Крайнего Севера, в целях предоставления государственных гарантий и компенсаций для лиц, работающих и проживающих в этих районах и местностях, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и признании не действующими на территории Российской Федерации некоторых актов Совета Министров СССР» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 47. Ст. 7853.
3.Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
4.Приказ Минтруда РСФСР от 22.11.1990 № 2 «Об утверждении Инструкции о порядке предоставления социальных гарантий и компенсаций лицам, работающим в районах Крайнего Севера и в местностях, приравненных к районам Крайнего Севера, в соответствии с действующими нормативными актами». [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: https://base.garant.ru/173520/ (дата обращения 13.06.2026)
5.Письмо Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 16.02. 2009 № 169-13 «О применении районных коэффициентов и процентных надбавок к заработной плате работников, осуществляющих профессиональную деятельность по профессиям рабочих». [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12065625/ (дата обращения 13.06.2026)
6.Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О страховых пенсиях» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 52 (часть I). Ст. 6965.
7.О возложении обязанности по включению в стаж, дающий право на досрочное установление страховой пенсии по старости, периодов работы в районах Крайнего Севера: Апелляционное определение Суда Чукотского автономного округа от 30.08.2018 по делу № 33-121/2018. - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=117784#cSytQMVUz3kve8fS3 (дата обращения 13.06.2026)
8.О признании недействительным решения Управления Пенсионного фонда РФ: Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 15.01.2019 N 02АП-10271/2018 по делу N А29-9518/2018. - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS002&n=92151#wQuuQMVAPzoeCqaB2 (дата обращения 1306.2026)
9.Письмо Фонда Пенсионного и Социального страхования РФ от 10.05.2023 № 02-09/86601л. - - URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=449377 (дата обращения 13.06.2026).

Turanin V.Yu., Lilikova O.S., Posokhova Ya.V. Features of Labor Regulation for Workers in the Far North: Theoretical and Legal Aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 76-82.

The article explores the unique features of the legal regulation of the labor of employees working in the Far North and equivalent areas. It examines the specific guarantees and compensations provided by law for employees whose labor relations are complicated by special climatic and natural-geographical conditions. The article analyzes aspects such as the procedure for granting and the duration of annual paid vacations, the calculation of seniority for granting benefits, and the system of northern allowances and district coefficients. Special attention is paid to issues related to the termination of employment contracts with workers in the North, as well as to providing them with additional benefits and guarantees when they move to more favorable territories. The article aims to systematize and analyze the current legislation, identify problematic issues in law enforcement, and propose ways to improve the legal regulation of the labor of employees in the Far North in order to ensure their social protection and stimulate their labor activity in difficult climatic conditions.

Keywords: guarantees, compensations, Far North, percentage allowance, district coefficient, northern region, labor rights.

Spisok literatury:

1.Zakon RF «O gosudarstvennyh garantiyah i kompensaciyah dlya lic, rabotayushchih i prozhivayushchih v rajonah Krajnego Severa i priravnennyh k nim mestnostyah» ot 19.02.1993 № 4520-1 (red. ot 25.12.2023) // Vedomosti SND i VS RF. 22.04.1993. № 16. St. 551.
2.Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16.11.2021 № 1946 «Ob utverzhdenii perechnya rajonov Krajnego Severa i mestnostej, priravnennyh k rajonam Krajnego Severa, v celyah predostavleniya gosudarstvennyh garantij i kompensacij dlya lic, rabotayushchih i prozhivayushchih v etih rajonah i mestnostyah, priznanii utrativshimi silu nekotoryh

aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii i priznanii ne dejstvuyushchimi na territorii Rossijskoj Federacii nekotoryh aktov Soveta Ministrov SSSR» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2021. № 47. St. 7853.
3. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 29.12.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 1 (ch. 1). St. 3.
4. Prikaz Mintruda RSFSR ot 22.11.1990 № 2 «Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke predostavleniya social'nyh garantij i kompensacij licam, rabotayushchim v rajonah Krajnego Severa i v mestnostyah, priravnennyh k rajonam Krajnego Severa, v sootvetstvii s dejstvuyushchimi normativnymi aktami». [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: https://base.garant.ru/173520/ (data obrashcheniya 13.06.2026)
5. Pis'mo Ministerstva zdravoohraneniya i social'nogo razvitiya RF ot 16.02. 2009 № 169-13 «O primenenii rajonnyh koefficientov i procentnyh nadbavok k zarabotnoj plate rabotnikov, osushchestvlyayushchih professional'nuyu deyatel'nost' po professiyam rabochih». [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12065625/ (data obrashcheniya 13.06.2026)
6. Federal'nyj zakon ot 28.12.2013 № 400-FZ (red. ot 28.11.2025) «O strahovyh pensiyah» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2013. № 52 (chast' I). St. 6965.
7. O vozlozhenii obyazannosti po vklyucheniyu v stazh, dayushchij pravo na dosrochnoe ustanovlenie strahovoj pensii po starosti, periodov raboty v rajonah Krajnego Severa: Apellyacionnoe opredelenie Suda Chukotskogo avtonomnogo okruga ot 30.08.2018 po delu № 33-121/2018. - URL: https://www.
consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SODV&n=117784#cSytQMVUz3kve8fS3 (data obrashcheniya 13.06.2026)
8. O priznanii nedejstvitel'nym resheniya Upravleniya Pensionnogo fonda RF: Postanovlenie Vtorogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 15.01.2019 N 02AP-10271/2018 po delu N A29-9518/2018. - URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS002&n=92151#wQuuQMVAPzoeCqaB2 (data obrashcheniya 1306.2026)
9. Pis'mo Fonda Pensionnogo i Social'nogo strahovaniya RF ot 10.05.2023 № 02-09/86601l. - - URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=449377 (data obrashcheniya 13.06.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 83-88.

УДК 342

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕРВОЙ КОМИССИИ ПО ПРЕОБРАЗОВАНИЮ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГРЕНЛАНДИИ

Кошкин А. С., Венедиктов А. А., Проценко С. А.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье рассмотрен процесс создания, личный состав и результаты деятельности комиссии по изучению возможных изменений в правовом статусе Гренландии в послевоенные годы. Указано, что ее состав формировался по профессиональному и национальному признакам. В результате в комиссию вошли представители различных профессий, известные ученые, политики, предприниматели, представители гренландцев различных профессий. Именно данная комиссия при рассмотрении двух основных вариантов будущего острова (независимость и вхождение в состав Гренландии) выбрала ее инкорпорацию в состав датского королевства. Основной сложностью реализации данного процесса стало соблюдение интересов датского государства и местного населения, которое оказалось во многом отстранено от принятия важнейших решений в жизни Гренландии на протяжении почти 20 после окончания Второй мировой Войны.

Ключевые слова: Гренландия, комиссия, Дания, правовой статус, представительские органы.

Проблема возникновения и эволюции самоуправления Гренландии, а также комплекса связанных с этим вопросов и проблем в последние годы получили достаточно широкое освещение в отечественной историко-правовой науке, ы том числе и на диссертационном уровне [1].

Однако, из поля зрения исследователей ускользнул вопрос действия самой первой комиссии по Гренландии, основанной еще в 1948 г. и заложивший в результате своей работы основные направления как подготовительной работы по интеграции острова и его жителей в правовое и экономическое пространство Дании, так и эволюцию всей жизни гренландцев на политическом, муниципальном, образовательном, экономическом и многих других уровнях.

Владение и контроль над Гренландии на протяжении многих лет для Дании являлось не только правом (иногда оспариваемым иными странами) но и долгом, который означал в первую очередь ответственность по отношению к местному населению.

В виду скудности природных и человеческих ресурсов, сложных климатических условий и географического расположения, колонизаторы были крайне ограничены в возможности извлечения прибыли, а основным видом промысла (кроме торговли с местным населением) оставалась добыча млекопитающих и продукции прибрежных вод Гренландии [2, s. 13].

Вместе с тем, существенные усилия были также направлены на сохранение оригинальной культуры, недопущение бесконтрольной добычи природных ресурсов и вмешательство во внутренние дела населения со стороны как иных государств, так и частных лиц, компаний со стороны Дании.

К началу XX в. данная политика устарела, т.к. консервировала социальные и экономические отношения в определенных рамках. Понимали это и датчане, в том числе и известный ученый, общественный деятель Кнуд Расмусен. Однако, проведение каких-либо существенных преобразования, в том числе в положении местного населения и сфере его занятости требовали в сложный межвоенный период существенных денежных вливаний, что оказалось весьма непросто для небогатой Дании. В этот же период начала приносить результат разветвленная школьная система образования на острове, что сказалось на расширении интереса гренландцев как как к знаниям, так и росту сфер экономики, наконец, самосознания.

Именно данный фактор – сформировавшееся самосознание гренландцев и позволи-

ло острову в годы оккупации материковой части Дании стать, с помощью союзников по антигитлеровской коалиции, важнейшим административным и политическим представителем всего королевства [3].

Поражение стран оси, восстановление независимости Дании, кроме прочих насущных вопросов государственного строительства заставили послевоенное правительство Дании считаться с гренландскими интересами. Визит премьер-министра на остров в 1948 г. дал толчок к обсуждению будущего Гренландии его жителями и датчанами [2, s. 15].

Гренландский Ландсрад (земельный совет) высказался за комплексное преобразование жизни гренландцев, ее максимальное сближение с современными реалиями (в первую очередь с датскими), необходимость перестройки всей сторон деятельности островитян, изменения правового статуса острова.

Однако, быстрый переход от монополии гренландской королевской торговли (практически во всех областях) к современному политическому, экономическому и культурному обществу, как автоматическое оформление острова обычной провинцией Дании был настолько невозможен, что даже не обсуждался. Не менее очевидными были и трудности на новом пути гренландцев – требовались огромные финансовые вложения в развитие острова, создания современных рабочих мест, государственных и местных органов власти и, главное, все это требовало разработки и внедрения совершенно нового законодательства фактически во всех областях жизни общества.

Теоретическая проработка вопроса была возложена на назначенную в 1948 г. премьер-министром особую комиссию из 16 человек. Пять из них являлись гренландцами: постоянный секретарь в Министерстве социальных дел: Ганс Генрик Кох (глава); капитан Иоганнес Балле (переводчик); постоянный секретарь Эске Брун; представительница Ассоциации домохозяек Гренландии Кэтрин Кемниц; офис-ассистент Йорген Хемниц; доктор А. Лоран Кристенсен; шериф округа Нильс Отто Кристенсен; постоянный секретарь Б. Динесен; пастор Герхард Эгеде; директор школы Микаэль Гамм; руководитель отдела Могенс Грау; заведующий кафедрой о. Грюнфельд; менеджер колонии Лейф Регнар Гагенсен; руководитель отдела Г. Генриксен; пастух Луис Дженсен; руководитель секции Отто Йенсен; M.S инженерии Ове Кампманн; главный катехит Серен Касперсен; рыбак Элиас Клейст; окружной медицинский офицер Аксель Лоран-Кристенсен; руководитель секции К. Будде Лунд; редактор Кристофер Линге; охотник Манассе Матеуссен; пастор Педер Мотцфельдт; постоянный секретарь Андреас Меллер; ассистент Андреас Нильсен; руководитель секции Финн Нильсен; член Национального совета Питер Нильсен; помощник/менеджер по разведению овец в Julianehåb Луис Энксен; шериф округа Карл Фредерик Симони; заведующий отделом П. Вилладсен [4].

Комиссией рассматривались два варианта: 1) государственная независимость острова, 2) формирование Гренландии в качестве составной части королевства.

Оба эти пути имели свои трудности и опасности, однако выбор был сделан в пользу Дании. Уже к 1950 г. был разработан и введен в действие ряд законов, которые следует считать переходными, подготовительными, перед следующей частью комплексных реформ, которые могли быть проведены только после формального вхождения острова в состав королевства и признания данного шага остальным миром [5]. Среди них следует назвать: о деятельности национально совета и муниципальных советов; о школьной системе; о деятельности церкви в Гренландии; о охрану здоровья в Гренландии; о королевской гренландской торговле; о осуществлении профессий в Гренландии; о деятельности гренландского бизнес-кредитного фонда.

Несколько позже (в 1951 г.), был принят еще один важный закон – о осуществлении

правосудия, которым ликвидировалась прежняя, колониальная судебная система и право [6, S. 425-430].

Тем не менее, одним из важнейших из них стал закон №271 от 27 мая 1950 г. «О Национальном совете Гренландии и муниципальных советах и т.д.» [7, с. 23].

Согласно Закону о Совете земель 1950 г. [8], данный орган, первоначально состоявший из 13 избранных членов, а после того как Северная и Восточная Гренландия были представлены в Совете, состоящий из 16 членов, избирался на всеобщих выборах. Губернатор Гренландии являлся членом Совета по должности, а также его председателем. Правила, касающиеся права голоса и критерия отбора, соответствуют правилам, действующим в остальной части Королевства для выборов в общественные собрания. Заседания Совета являются открытыми, проводится одна очередная сессия в год, а также могут проводиться внеочередные сессии. Согласно ст. 7 Закона о Совете земель, Совет земель принимает решения по вопросам, переданным ему на рассмотрение. В этом положении или в других разделах законодательства не предусмотрено общего разделения сфер компетенции между законодательным органом и Советом земель. Таким образом, основным правилом должно быть то, что Национальный совет может устанавливать правовые нормы, имеющие обязательную силу для граждан, только при наличии соответствующих полномочий в законе или административном положении, изданном на основании закона. Однако в Королевском указе от 30 июля 1952 г. о Национальном совете Гренландии, изданном в соответствии с Законом о Национальном совете, в разделе 15 оговаривается, что в той мере, в какой министр может принимать решения, касающиеся дел Гренландии, он может постановить, что эти решения должны быть приняты Национальным советом.

Это положение обеспечивало формальную основу для принятия Национальным советом правовых норм в ряде областей в форме уставов Национального совета, имеющих обязательную силу для граждан. Поскольку министр не установил общих правил для областей, в которых Национальный совет может осуществлять полномочия, предоставленные ему законом, система работает таким образом, что решения Национального совета подтверждаются министром для обеспечения их действительности.

Принятие Конституции от 5 июня 1953 г. Дании [9] означало, что законы, принятые до этой даты, действительны для Гренландии, если иное не оговорено или не следует из содержания закона. Законы, принятые до этой даты, применяются к Гренландии только в том случае, если это прямо указано в законе.

В Конституции не содержится общего закона о том, в какой степени существующее датское законодательство применяется к Гренландии. Подход заключается в постепенном – и только после тщательного рассмотрения в каждом отдельном случае – в законодательном введении датских правовых норм в Гренландии с изменениями, необходимыми в связи со специальными обстоятельствами.

Комиссия 1948 г. понимала всю сложность стоящей перед государством задачи – необходима была модернизация всего острова. Требовалось перераспределение доходов и расходов, с возложение основной части расходов на государство, с целью создания ряда коммерческих и иных объектов для развития индустриальной и деловой жизни. Требовалось электрифицировать населенные пункты, строить торговые порты, дороги и многое иное.

Следует отметить, что с момента начала работы комиссии (1948 г.) к середине 1960-гг. правовое положение Гренландцев и ее населения, как их культурный уровень, система образования, самосознание, способ жизни и многое иное существенно изменились. Созданная в конце 1940-х – начале 1950-х гг. система устройства Гренландии, а главное – ее управления более не соответствовали видению местного населения, кото-

рое оказалась во многом отстранено от организации и исполнения властных полномочий, являясь при этом полноправными гражданами Дании.

Согласно проекту «Предложение по поводу Закона о Национальном совете Гренландии и местных советах и т. д. Представлено 7 декабря 1966 года министром по делам Гренландии» [10], административное деление острова предусматривалось следующее «… Западная Гренландия, Северная Гренландия и Восточная Гренландия (§ 1)». Границы этих регионов, как и муниципалитетов, определялись министром по делам Гренландии (§ 1.2).

Право голоса при избрании в Национальный совет предоставляется любому лицу, отвечающему условиям для получения права голоса при избрании в Фолькетинг и постоянно проживающему в Гренландии не менее 6 месяцев до проведения выборов (§ 2.1).

Права голоса при выборах Национального совета лишались лица, привлеченные к уголовной ответственности «за дело, которое в целом делает его недостойным быть членом Национального совета» (§ 3.1). Однако лишь новоизбранный Совет мог принять решение о праве кандидата быть избранным в свой состав (§ 3.2)

Состав Совета определялся в 16 членов, которые избирались прямым голосованием в избирательных округах Национального совета на 4 года, но это количество могло быть увеличено за счет дополнительных мандатов при необходимости (§ 4. При этом для каждого члена избиралось два заместителя.

Совет уполномочивался принимать решения лишь по вопросам, переданным на рассмотрение Совета (§ 5), а правительственные предложения по законам, содержащим положения, относящиеся исключительно к Гренландии, представляются Совету для получения заключения до их представления в Фолькетинг. Проекты административных положений, относящиеся исключительно к Гренландии, представлялись Совету для получения заключения до их принятия. Кроме того, законы и административные положения, имеющие особое значение для гренландского общества, должны были представляться Совету для получения заключения до их вступления в силу в Гренландии.

Если же представление не представлялось возможным по уважительным причинам, закон или административные положения следовало представить Национальному совету для получения заключения как можно скорее (§ 6).

Вместе с тем, заключение Национального совета следовало получить, насколько это возможно, по другим вопросам, которые могли считаться важными для благополучия Гренландии (§ 6.2).

Совет имел право представлять предложения (включая предложения по ассигнованиям) соответствующему министру, задавать вопросы и подавать жалобы по вопросам государственной политики Гренландии, которые не подлежали собственному решению Совета (§ 7).

Заседания Совета должны были проходить раз в год (§ II.1), самостоятельно определяя его место (§ II.2), а сами заседания были открытыми. При этом, на заседании Совета обсуждались дела, которые соответствующий министр обозначил как срочные, даже если они не были включены в повестку дня заседания (§ II.4). Губернатору также разрешалось участвовать в заседаниях Совета, но без права голоса.

Сам же Совет получал право назначать комитеты для подготовки отдельных дел к своим заседаниям, а также комитеты для непосредственного решения специальных вопросов (§ 17, п. 1-2). Также Совет получил возможность назначить исполнительный комитет для принятия решений от его имени вне заседаний Совета по вопросам, которые не могли быть отложены. Председателем исполнительного комитета является Председатель Совета (§ 17, п. 1-2).

Определенные варианты контроля за работой Совета вручались губернатору (§ 23.1) и министру по делам Гренландии (§ 23.2).

Главой 3 документа регулировались вопросы деятельности местных (муниципальных) советов в Гренландии.

Особо устанавливались правила деятельности и сферы ответственности Гренландского совета (гл. 4), на который возлагалось отслеживание событий в Гренландии и подготовку рекомендаций министру по делам Гренландии по вопросам, касающимся централизованного планирования и координации, в том числе общественной деятельности в Гренландии (§ 44).

Гренландский совет состоял из председателя, назначаемого королем, председателя Гренландского совета и двух других членов Совета, избранных им: двух членов парламента, избранных от Гренландии, и одного члена, избранного каждой из пяти крупнейших партий, представленных в парламенте, из числа их членов в парламенте (§ 45).

Совету должен был оказывать помощь секретариат, который принадлежал министру по делам Гренландии, а сам данный министр определяет правила процедуры Совета (§ 46). Данный закон должен был вступить в силу с 1967 г.

Как видно даже из краткого анализа проекта закона, который практически без изменений был принят, руководство Дании создавало условия, в которых у гренландцев появлялась возможность быть услышанными в высших органах законодательной и исполнительной власти, но островитяне фактически лишались реальной возможности непосредственного влияния на политику Дании в отношении Гренландии, принимать самостоятельные решения.

Именно данный подход и оказал крайне негативное впечатление на гренландцев, которые хотя и стали формально полноправными гражданами Дании, но были лишены принимать самостоятельно какие-либо важные решение за пределами муниципалитетов. Накапливавшееся годами напряжение со временем вылилось в отрытый протест, что привело к необходимости коренного пересмотра всей датской политики в Дании, созданию второй гренландской Комиссии и, в результате, введению самоуправления в 1978 г. [7, с. 35-45].

Список литературы:

1. Хрущев Р. С. Эволюция самоупарвления Гренландии (историко-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1 / Р. С. Хрущев. Симферополь, 2025. 184 с.
2. Af fhv. statsminister Hans Hedtoft. BAGGRUNDEN FOR NEDS^TTELSEN AF DEN STORE GR0NLANDSKOMMISSION. – S. 13. – URL: 1953-1-Artikel04.pdf (дата обращения: 1.07.2026).
3. Jens Heinrich. Eske Brun og det moderne Grønlands tilblivelse. - INUSSUK - Arktisk forskningsjournal 1 – 2012. – S. 112. – URL: eskebrun_2012.pdf (дата обращения: 27.06.2026).
4. Afviklig af Gronlads kolonistatus 1945-54. En historic udredning. – Kobenhavn 2007. – 379 s. – URL: Afvikling_af_Gr_nlands_kolonistatus_1945_54.pdf (дата обращения: 1.07.2026)
5. Af JENS TOMMERUP. Skolelove, administration og fangersamfund på Grønland i tiden 1950-1974. – URL: a-1979-jens-tommerup.pdf (дата обращения: 1.07.2026); Af adjunkt Finn Gad. Gronlands histori IV. 1925-1954. – S. 461-471. – URL: 1954-12-Artikel04.pdf (дата обращения: 1.07.2026).
6. Af J. Kisbye Meller DET GR0NLANDSKE RETSVÆSEN. – S. 425-430. – URL: 1953-11-Artikel04.pdf (дата обращения: 1.07.2026).
7. Р. С. Хрущев. Становление домашнего самоуправления Гренландии во второй половине XX – начале XX вв. Историко-правовое исследование. - Москва, Пробел. – 155 с.
8. Lov om Gronlande lsndsrad og kommunalbestyrelsen m.v. 27. maj. №221. – Lovtidenden A. 1950. - Nr. 32. Udgivet 15 juni 1950. № 271-278. – URL: Деколонизация Гренландии, 1945–1954 (дата обращения: 1.07.2026).
9. Конституция датского королевства от 5 июня 1953 г. – URL: Конституция Дании | Конституции (дата обращения: 1.07.2026).
10. Forslag til Lov om Grønlands landsråd og kommunalbestyrelser m. v. Fremsat den 7. december 1966 af ministeren for Grønland. – URL: 19662_L7_som_fremsat.pdf (дата обращения: 1.07.2026).

A. S. Koshkin, A. A. Venediktov, S. A. Protsenko. The creation and activities of the first commission for the transformation of Greenland's legal status // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university.

Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 83-88.

This article examines the creation, composition, and results of the commission studying possible changes to Greenland's legal status in the post-war years. It is noted that its composition was formed based on professional and national characteristics. As a result, the commission included representatives of various professions, renowned scientists, politicians, entrepreneurs, and Greenlanders of various backgrounds. It was this commission, when considering two main options for the island's future (independence and incorporation into Greenland), that chose incorporation into the Danish kingdom. The main challenge in implementing this process was protecting the interests of the Danish state and the local population, who were largely excluded from making the most important decisions in Greenland's life for almost 20 years after the end of World War II.

Key words: Greenland, commission, Denmark, legal status, representative bodies.

Spisok literatury:

1. Hrushchev R. S. Evolyuciya samouparvleniya Grenlandii (istoriko-pravovoe issledovanie): dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.1 / R. S. Hrushchev. Simferopol', 2025. 184 s.
2. Af fhv. statsminister Hans Hedtoft. BAGGRUNDEN FOR NEDS^TTELSEN AF DEN STORE GR0NLANDSKOMMISSION. – S. 13. – URL: 1953-1-Artikel04.pdf (data obrashcheniya: 1.07.2026).
3. Jens Heinrich. Eske Brun og det moderne Grønlands tilblivelse. - INUSSUK - Arktisk forskningsjournal 1 – 2012. – S. 112. – URL: eskebrun_2012.pdf (data obrashcheniya: 27.06.2026).
4. Afviklig af Gronlads kolonistatus 1945-54. En historic udredning. – Kobenhavn 2007. – 379 s. – URL: Afvikling_af_Gr_nlands_kolonistatus_1945_54.pdf (data obrashcheniya: 1.07.2026)
5. Af JENS TOMMERUP. Skolelove, administration og fangersamfund på Grønland i tiden 1950-1974. – URL: a-1979-jens-tommerup.pdf (data obrashcheniya: 1.07.2026); Af adjunkt Finn Gad. Gronlands histori IV. 1925-1954. – S. 461-471. – URL: 1954-12-Artikel04.pdf (data obrashcheniya: 1.07.2026).
6. Af J. Kisbye Meller DET GR0NLANDSKE RETSVÆSEN. – S. 425-430. – URL: 1953-11-Artikel04.pdf (data obrashcheniya: 1.07.2026).
7. R. S. Hrushchev. Stanovlenie domashnego samoupravleniya Grenlandii vo vtoroj polovine HH – nachale HH vv. Istoriko-pravovoe issledovanie. - Moskva, Probel. – 155 s.
8. Lov om Gronlande lsndsrad og kommunalbestyrelsen m.v. 27. maj. №221. – Lovtidenden A. 1950. - Nr. 32. Udgivet 15 juni 1950. № 271-278. – URL: Dekolonizaciya Grenlandii, 1945–1954 (data obrashcheniya: 1.07.2026).
9. Konstituciya datskogo korolevstva ot 5 iyunya 1953 g. – URL: Konstituciya Danii | Konstitucii (data obrashcheniya: 1.07.2026).
10. Forslag til Lov om Grønlands landsråd og kommunalbestyrelser m. v. Fremsat den 7. december 1966 af ministeren for Grønland. – URL: 19662_L7_som_fremsat.pdf (data obrashcheniya: 1.07.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 89-99.

УДК 343.1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОСОБЕННОСТИ КООРДИНАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРОРА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Курбачевская К. И.

Уральский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Челябинск

Статья посвящена комплексному исследованию теоретических и прикладных особенностей координационной деятельности прокурора при расследовании уголовных дел. Актуальность темы обусловлена отсутствием легальной дефиниции координации, смешением ее с надзором и межведомственным взаимодействием, а также недостаточной адаптацией нормативной базы к специфике отдельных категорий преступлений. Цель работы — выявить сущностные характеристики координационной функции прокуратуры, отграничить ее от смежных правовых институтов и определить направления оптимизации правового регулирования. На основе критического анализа доктринальных подходов сформулировано авторское определение координационной деятельности прокурора, подчеркивающее ее организующий, неиерархический характер и недопустимость подмены процессуальной самостоятельности следователя. Проведено разграничение понятий «координация» и «взаимодействие» по субъектному составу, характеру связей, целевой направленности и нормативно закрепленному инструментарию. В качестве решения предлагается дифференциация правовых форм координации: дополнение статьи 8 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» легальным определением координационной деятельности и ее отграничением от надзора.

Ключевые слова: прокуратура, уголовный процесс, уголовное судопроизводство, координация, координационная деятельность, роль прокуратуры, расследование уголовных дел, взаимодействие, семейно-бытовые преступления, террористические преступления, состояние преступности.

В современной правовой системе РФ прокуратура занимает уникальное положение в механизме государственной власти [1, с. 45]. Являясь самостоятельным государственным органом, не входящим ни в одну из традиционных ветвей власти, прокуратура выполняет важнейшие функции по обеспечению законности, защиты прав и свобод граждан, а также осуществления уголовного преследования [2, с. 195]. Роль прокурора в деятельности правоохранительных органов, направленной на выявление и раскрытие преступлений, трудно переоценить: он выступает не только в качестве надзирающего субъекта за соблюдением законов органами дознания и предварительного следствия, но и как ключевое звено, обеспечивающее согласованность их действий [3, с. 86].

Ключевая роль прокурора в этом процессе реализуется через его полномочия по координации деятельности правоохранительных органов. Согласно ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», Генеральный прокурор и подчиненные ему прокуроры координируют деятельность по борьбе с преступностью органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, таможенной службы и других правоохранительных органов. Эта функция позволяет прокурору не только осуществлять надзор за процессуальной деятельностью, но и активно влиять на организацию раскрытия и расследования преступлений, устраняя ведомственную разобщенность и обеспечивая единый фронт борьбы с преступностью [4, с. 516], [5, с. 88].

Понятие координации в юридической науке трактуется неоднозначно. Ряд ученых рассматривают координацию в широком смысле как управленческую функцию, направленную на согласование деятельности различных субъектов для достижения общих целей. Так, Иншакова А.О. считает, что «…Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью во взаимосвязи с данным фактом выступает одной из центральных функций прокуратуры и одновременно механизмом обеспечения гарантии такого согласования, инструментом повышения эффективности противостояния преступности» [6, с. 7]. Стоит отметить, что автор отражает точную

закрепленную в ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре РФ» координирующую роль прокуратуры, подчеркивая тем самым ее особый правовой статус, стоящий над ведомственными интересами, что позволяет тем самым видеть в прокуратуре независимую контрольную «фигуру» правоохранительного механизма. Системное согласование усилий ведомств, предлагаемое автором, действительно необходимо при наличии следующих аргументов: без него неизбежно дублирование, конкуренция и информационное барьеры. Практическая значимость тезиса подтверждается тем, что слаженность координации напрямую определяет качество предварительного расследования, особенно по сложным, многоэпизодным уголовным делам [7, с. 50-51]. Вместе с тем, представленное анализируемое мнение не исключает дискуссионные моменты: формулировка содержит предпосылки для функционального конфликта, когда координатор, дающий обязательные указания, одновременно осуществляет надзор за исполнением. Такая концентрация полномочий вызывает обоснованные опасения относительно процессуальной самостоятельности следователя. Вместе с тем, А.О. Иншакова, представляя координацию как «центральную функцию», автор ставит ее в один ряд с исторически первичной функцией надзора за исполнением законов, что может создавать ложное впечатление об их равнозначности. В научной среде распространен взгляд на координацию как на производную от надзора, как на инструмент, обеспечивающий законности в деятельности самих правоохранителей. Таким образом, позиция А.О. Иншаковой, верно фиксируя ключевую роль прокуратуры, представляет координацию скорее, как иерархический управленческий процесс, что несколько расходится с современными тенденциями к горизонтальному взаимодействию и требует более детальной проработки механизмов, исключающих конфликт интересов.

Другой подход к пониманию координации предлагает Дытченко Г.В., который рассматривает координационную деятельность как «…самостоятельный вид деятельности…», наделенный функцией управления, «…реализуемой в комплексе с иными общими управленческими функциями, такими как планирование, организация, мотивация и контроль» [8, с. 115] позволяет выделить как положительные, так и дискуссионные стороны применительно к теме исследования. Концепция Г.В. Дытченко, характеризующая координацию как самостоятельный управленческий вид деятельности, включающий планирование, организацию, мотивацию и контроль, обладает значительной теоретической ценностью. Она придает координации статус полноценного управленческого алгоритма и обоснованно выделяет мотивацию как средство преодоления ведомственной разобщенности. Однако применительно к расследованию уголовных дел такой подход обнаруживает уязвимости: управленческая модель предполагает иерархическую подчиненность, отсутствующую между прокурором и процессуально самостоятельным следователем (ст. 38 УПК РФ), а функции «организация» и «контроль» рискуют смешаться с прокурорским надзором, подменяя согласование усилий императивным вмешательством. Кроме того, прямое перенесение инструментов общего менеджмента не вполне учитывает жесткие рамки уголовно-процессуальной формы. Таким образом, подход продуктивен как организационная основа, но требует обязательной корректировки с учетом процессуального статуса прокурора и пределов его полномочий.

В свою очередь, Ганеева С.В. считает, что координационная деятельность – это «…согласованная деятельность правоохранительных органов, которая направлена на обсуждение, разработку, а также осуществление в рамках компетенции каждого органа совместных мероприятиях в целях своевременного выявления, пресечения, предупреждения, раскрытия преступления, устранения причин и условий, способствующих их совершению» [9, с. 530]. С.В. Ганеева формулирует определение, имеющее выражен-

ную практико-ориентированную направленность, поскольку подчеркивает, что координация не вторгается в оперативно-хозяйственную или процессуальную самостоятельность субъектов взаимодействия, а лишь обеспечивает их согласованное функционирование. Приведенная позиция напрямую соотносится с необходимостью соблюдения процессуальной самостоятельности следователя, которую прокурор-координатор не вправе нарушать. Кроме того, автор справедливо включает в цели координации не только раскрытие и пресечение преступлений, но и устранение причин и условий, способствующих их совершению. Тем самым в определении заложен важный профилактический вектор, отражающий одну из ключевых задач прокуратуры в сфере противодействия преступности [10, с. 359]. Вместе с тем применительно к теме проводимого исследования представленное на обозрение определение обладает рядом недостатков. Во-первых, координационная деятельность в представленном определении представлена как обезличенное согласование усилий правоохранительных органов, без выделения особой организующей роли прокурора. Между тем в контексте темы исследования именно прокурор является инициатором и центральным звеном координации на досудебных стадиях, что отличает данную деятельность от обычного межведомственного взаимодействия [11, с. 232]. Во-вторых, перечень целей (выявление, пресечение, предупреждение, раскрытие) тяготеет к оперативно-розыскной и криминалистической сферам и не в полной мере отражает собственно уголовно-процессуальные задачи координации при расследовании. Таким образом, дефиниция, предложенная С.В. Ганеевой, успешно описывает родовые признаки координационной деятельности, однако для целей исследования особенностей работы прокурора при расследовании уголовных дел она нуждается в уточнении, отражающем центральную роль прокурора и уголовно-процессуальную специфику данной стадии.

Особое значение координационная деятельность приобретает именно на этапе расследования уголовных дел. Гришин А.Ю. в работе «Координационная деятельность прокурора как средство предупреждения пробелов предварительного расследования» рассматривает координацию как инструмент, позволяющий прокурору предупреждать пробелы и нарушения уголовно-процессуального законодательства в ходе следствия [12, с. 15-18]. Данный подход позволяет рассматривать координацию не как формальное согласование действий ведомств, а как реальный механизм повышения качества расследования, обеспечивающий его полноту, всесторонность и законность. Авторский подход, предложенный А.Ю. Гришиным, обладает несомненной практической направленностью, перенося акцент с формального согласования действий ведомств на качественные характеристики самого расследования — полноту, всесторонность и законность. Вместе с тем, рассмотрение координации исключительно через призму предупреждения пробелов и нарушений создает риск ее отождествления с надзорной функцией прокуратуры. Недостаточно раскрытым остается механизм практической реализации: координационные совещания и совместные планы не обладают обязательной процессуальной силой для следователя, в то время как предупреждение пробелов в доказывании часто требует оперативных и императивных решений. Без четкого правового инструментария координация рискует остаться на уровне рекомендаций, что ослабляет ее потенциал как средства повышения качества расследования. Наконец, акцентирование роли прокурора как «превентора» нарушений может неявно вступать в противоречие с принципом процессуальной самостоятельности следователя (ст. 38 УПК РФ), если под видом координационных мер прокурор будет влиять на тактику и выбор следственных действий.

Таким образом, координационная деятельность прокурора представляет собой сложный, многогранный правовой институт, сочетающий в себе как организационные,

так и процессуальные аспекты. Именно через призму этой деятельности наиболее ярко проявляется особая роль прокуратуры в современном государстве — не только как надзорного органа, но и как системообразующего элемента, обеспечивающего согласованное функционирование всего правоохранительного механизма при расследовании преступлений. Указанная деятельность включает совместное планирование следственных и оперативно-розыскных мероприятий, мониторинг исполнения выработанных решений и осуществляется в целях обеспечения полноты, всесторонности, объективности и законности предварительного следствия, предупреждения пробелов и нарушений уголовно-процессуального закона, а также устранения причин и условий, способствовавших совершению преступлений. При этом координационная деятельность не подменяет прокурорский надзор и не посягает на процессуальную самостоятельность следователя, оставаясь в рамках организационно-управленческого содействия, лишенного признаков административной подчиненности.

Координационная деятельность прокурора представляет собой нормативно урегулированную, организационно обособленную и целенаправленную разновидность межведомственного взаимодействия, осуществляемую под руководством прокурора как специально уполномоченного субъекта. Правовую основу этой деятельности составляют ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» и Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью, утвержденное Указом Президента РФ от 18.04.1996 г. № 567.

Одной из фундаментальных теоретических проблем, неизбежно возникающих при исследовании координационной деятельности прокурора в уголовном процессе, выступает вопрос о соотношении категорий «взаимодействие» и «координация» [13, с. 329; 333]. Отсутствие легальных дефиниций данных понятий в действующем законодательстве порождает терминологическую неопределенность, которая закономерно транслируется в правоприменительную практику и нередко приводит к смешению различных по своей правовой природе форм совместной деятельности правоохранительных органов [15, с. 14]. Как обоснованно указывает В.Г. Бессарабов, «…к числу дискуссионных и требующих научного осмысления концептуальных проблем относится вопрос о роли прокуратуры в координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью» [16, с. 7]. В этой связи всесторонний анализ соотношения указанных понятий приобретает не только теоретико-методологическое, но и сугубо практическое значение, выступая необходимой предпосылкой для корректного определения пределов координационных полномочий прокурора на стадии предварительного расследования.

В юридической науке координация определяется как целенаправленное согласование деятельности различных органов для реализации общих задач. Семантическая дифференциация обнаруживает сущностное различие: взаимодействие характеризует саму интерактивную связь и взаимную корреляцию субъектов, тогда как координация подчеркивает телеологическую упорядоченность данной связи, ее субординационно-управленческую ориентированность на достижение конкретного результата.

Близкой точки зрения придерживается Т.Н. Маслова, которая считает, что «…сопоставляя оба понятия «взаимодействие» и «координация», полагаем, что взаимодействие является более широким понятием по отношению к координации. Координация является составной более узконаправленной формой взаимодействия прокурора с иными участниками уголовного процесса. Данная деятельность прокурора распространяется исключительно на правоохранительные органы, потому что предусматривает обязательное исполнение направленных в их адрес указаний. В то время как взаимодействовать прокурор может и с потерпевшим, и с обвиняемым, и с экспертом, и т.д. Координировать их действия он не вправе, за исключением случаев нарушения прав и

законных интересов других участников» [17, с. 147-148].

Существенный вклад в исследование координирующей роли прокурора вносит А.П. Кругликов, который рассматривает прокурора именно как координатора правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью. Так, автор отмечает, что «…достижение значимых положительных результатов в борьбе с преступностью возможно лишь при четкой, осуществляемой в соответствии с законом, координации действий правоохранительных органов» [18, с. 21]. А.П. Кругликов особо подчеркивает, что «практика координации деятельности правоохранительных органов должна постоянно анализироваться для изучения передового опыта в предупреждении и раскрываемости преступлений, охраны прав и свобод граждан в уголовном судопроизводстве, для учета сущности судебных решений, принимаемых по результатам рассмотренной деятельности» [18, с. 22].

Вместе с тем из проведенного теоретического анализа доктринальных подходов следует отметить следующие теоретические выводы.

1. Взаимодействие и координация соотносятся как род и вид: координационная деятельность представляет собой специфическую, нормативно урегулированную и организационно оформленную разновидность межведомственного взаимодействия. Взаимодействие может носить несистематический, ситуативный и неформальный характер, в то время как координация всегда упорядочена, целенаправленна и осуществляется на постоянной основе в соответствии с нормативно закрепленными принципами и формами;

2. Ключевым критерием разграничения выступает субъектный состав. Субъектами взаимодействия могут выступать любые участники уголовно-процессуальной и иной деятельности. Субъектами же координации — исключительно правоохранительные органы в лице их руководителей, а сама координация осуществляется под организующим началом прокурора;

3. Сущностным отличием координации от взаимодействия выступает характер связи между субъектами. Координация, в отличие от взаимодействия, содержит в себе элементы организующего воздействия координирующего субъекта на координируемых, включая возможность дачи обязательных указаний в пределах, установленных законом. Взаимодействие же может строиться на началах равенства и добровольности. Применительно к теме исследования это означает, что координационная роль прокурора не сводится к пассивному согласованию ведомственных позиций, а предполагает активную организующую функцию, реализуемую, однако, исключительно в правовых рамках, не допускающих вторжения в процессуальную самостоятельность следователя.

Наибольшую теоретическую и практическую остроту проблема демаркации взаимодействия и координации приобретает в стадии предварительного расследования. Именно здесь прокурор реализует полифункциональный комплекс процессуальных полномочий, и в отсутствие концептуально выверенного водораздела возникает риск либо субституции координационных механизмов надзорным инструментарием, либо, напротив, редукции координации к обыденному межведомственному информационному обмену. В правовой доктрине обоснованно указывается, что сущностное назначение координации заключается в организации надлежащего интерактивного взаимодействия, прежде всего в обеспечении устойчивого коммуникационного канала между оперативными подразделениями и следственным органом. Вследствие этого в научной литературе подчеркивается императивная необходимость перманентной координации прокурором деятельности правоохранительных структур. Иными словами, координация выступает правовым и организационно-управленческим инструментом обеспечения эффективного взаимодействия, не будучи ему тождественной и сохраняя собственную

институциональную автономию.

С учетом вышеизложенного в рамках проводимого исследования предлагается разграничивать рассматриваемые категории следующим образом.

Взаимодействие в широком смысле — это любая совместная, согласованная в той или иной степени деятельность правоохранительных и иных государственных органов, а также их должностных лиц, направленная на решение общих задач уголовного судопроизводства. Оно может осуществляться в различных формах (информационный обмен, выполнение поручений, совместные оперативно-розыскные мероприятия) и на различных правовых основаниях, не всегда предполагающих наличие единого координирующего центра.

Координационная деятельность прокурора, в свою очередь, представляет собой нормативно урегулированную, организационно обособленную и целенаправленную разновидность межведомственного взаимодействия, осуществляемую под руководством прокурора как специально уполномоченного субъекта в пределах его компетенции и направленную на обеспечение согласованного функционирования правоохранительных органов в целях всестороннего, полного и объективного расследования преступлений, а также устранения причин и условий, способствовавших их совершению [19, с. 94], [20, с. 104].

В контексте координации деятельности правоохранительных органов принцип состязательности и равноправия сторон трансформирует роль прокурора из формального обвинителя в гаранта баланса процессуальных возможностей на досудебной стадии [21, с. 303]. Теоретическая особенность здесь заключается в разграничении функций: координируя расследование, прокурор не наделяется правом административного вмешательства в тактику защиты, но обязан использовать властно-распорядительные полномочия для нейтрализации обвинительного уклона органов следствия [22, с. 312; 23, с. 397]. Реализуя координационные полномочия, прокурор обеспечивает фактическое равноправие через превентивный надзор: требуя от следственной группы всестороннего сбора не только обвинительных [24, с. 43-44], но и оправдательных доказательств, своевременно разрешая ходатайства защиты и пресекая незаконные методы расследования [25, с. 95]. Координация становится не инструментом процессуального доминирования, а механизмом выравнивания когнитивных и ресурсных диспропорций между стороной обвинения и защиты [26, с. 318]. Таким образом, на теоретическом уровне прокурор обеспечивает состязательную гармонию еще до поступления дела в суд, создавая условия, при которых судебное разбирательство не превращается в механическую легализацию результатов предварительного расследования.

Практическим воплощением этого подхода служат конкретные организационные формы координации. Основными из них, реализуемыми прокурором, выступают: проведение координационных совещаний руководителей правоохранительных органов; создание межведомственных рабочих групп; совместное планирование следственных и оперативно-розыскных мероприятий; обмен информацией и мониторинг исполнения принятых решений. Принципиально важно, что координационная деятельность не подменяет прокурорский надзор и не посягает на процессуальную самостоятельность следователя, оставаясь в рамках организационно-управленческого содействия [27, с. 66]. Перечисленные формы приобретают особую практическую значимость при расследовании категорий дел, требующих выхода за пределы сугубо правоохранительного контура. Именно к такой категории относятся преступления на семейно-бытовой почве, обладающие выраженной спецификой и требующие особого подхода к организации межведомственного взаимодействия [28, с. 461]. Как указывает Д.А. Исмайлов, эффективное противодействие данному виду преступности невозможно без консолидации

усилий не только собственно правоохранительных органов (органов дознания и предварительного следствия), но и иных государственных структур, включая органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних, социальные службы и учреждения здравоохранения [29, с. 25-32].

Координационная роль прокурора в данной сфере проявляется в нескольких аспектах: 1) прокурор выступает инициатором создания межведомственных рабочих групп, в рамках которых вырабатываются единые подходы к выявлению, расследованию и профилактике семейно-бытовых преступлений; 2) именно прокурор обеспечивает своевременный обмен информацией между органами, участвующими в расследовании, что особенно значимо в ситуациях, когда потерпевший в силу зависимого положения не способен самостоятельно инициировать уголовное преследование обидчика; 3) координирующая функция прокуратуры включает мониторинг состояния законности в данной сфере и принятие упреждающих мер реагирования, направленных на устранение причин и условий, способствующих совершению семейно-бытовых преступлений [30, с. 69]. Расследование преступлений террористической и экстремистской направленности характеризуется повышенной сложностью, обусловленной многообразием субъектов противодействия и необходимостью соблюдения режима секретности [31, с. 155]. В данной сфере прокурор выступает ключевым звеном, координирующим взаимодействие ОВД, ФСБ, Росгвардии, а также иных структур, участвующих в антитеррористической деятельности.

Как показывают современные исследования, основными формами координации в рассматриваемой сфере являются: разработка сводных планов согласованных действий по предупреждению и расследованию преступлений экстремистской и террористической направленности [32, с. 425-434]; проведение совместных координационных совещаний с участием руководителей всех заинтересованных ведомств; создание совместных оперативно-следственных групп для работы по конкретным уголовным делам; а также обмен информацией о выявленных очагах радикализации и каналах финансирования терроризма [33, с. 358-359], [34, с. 43-49].

Особенностью координационной деятельности прокурора в данном сегменте является ее ярко выраженный наступательный характер. В литературе обоснованно отмечается, что координация действий правоохранительных органов в сфере противодействия терроризму и экстремизму становится активной и наступательной, с акцентом на определении приоритетных направлений борьбы, выделении основных форм и методов согласованных усилий. Это предполагает не только реагирование на уже совершенные преступления, но и превентивную координацию, направленную на выявление замыслов террористической деятельности на ранних стадиях их формирования.

Принципиально важным аспектом координационной роли прокурора при расследовании дел данной категории является обеспечение законности при проведении оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, что приобретает особое значение в условиях, когда ставки следствия чрезвычайно высоки, а соблазн отступления от процессуальной формы может быть продиктован соображениями оперативной целесообразности [35, с. 64]. Прокурор-координатор, не вмешиваясь в тактику расследования, обеспечивает соблюдение правовых рамок, в которых осуществляется межведомственное взаимодействие.

Проведенное исследование подтвердило, что координационная деятельность прокурора выступает системообразующим элементом согласованного функционирования правоохранительных органов, однако ее эффективность существенно варьируется в зависимости от категории расследуемых преступлений. На примере преступлений в семейно-бытовой сфере и деяний террористической и экстремистской направленности

выявлена общая проблема: действующее нормативное регулирование координации (прежде всего Положение, утвержденное Указом Президента РФ от 18 апреля 1996 г. № 567) не учитывает специфику межведомственного взаимодействия в этих сферах, что ведет либо к расширительному вовлечению неправоохранительных органов без должных правовых оснований, либо к информационной изолированности субъектов координации в условиях повышенной секретности.

Для устранения указанного дисбаланса представляется целесообразным дифференцировать правовые формы координации непосредственно в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации». В частности, предлагается:

– Дополнить статью 8 Федерального закона «О прокуратуре РФ» легальным определением координационной деятельности, четко отграничивающим ее от прокурорского надзора и от иных видов межведомственного взаимодействия, что исключит подмену процессуальной самостоятельности следователя организационным администрированием;

– Для преступлений террористической и экстремистской направленности закрепить обязанность инициативного информирования прокурора всеми правоохранительными органами — участниками координации о любых ставших им известными признаках радикализации и каналах финансирования, а также регламентировать порядок проведения закрытых координационных совещаний с ограниченным кругом участников, результаты которых оформляются решениями, обязательными для учета при планировании следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Реализация этих законодательных новелл позволит превратить координационную деятельность прокурора из преимущественно организационного инструмента в полноценный правовой механизм, адаптированный к особенностям расследования наиболее социально чувствительных и общественно опасных категорий уголовных дел.

Список литературы:

1. Исмайлов, Д. А. Правоохранительная служба: ретроспективный анализ, проблемы и решения / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – № 4(93). – С. 40-48. – EDN DGLXVT.
2. Исмайлов, Д. А. Охрана общественного порядка как составная часть национальной безопасности современного государства / Д. А. Исмайлов, Е. С. Вершинина // Актуальные вопросы административной деятельности органов внутренних дел в современных условиях : материалы международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 24 апреля 2024 года. – Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2024. – С. 195-201. – EDN NFGXFG.
3. Исмайлов, Д. А. Перспективы отечественного законодательства в части правового регулирования предварительного расследования / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 4(32). – С. 86-90. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-04-86-90. – EDN CHLXUL.
4. Котова, Н. В. Прокуратура как ключевое координационное звено правоохранительных органов в борьбе с преступностью / Н. В. Котова // Молодой ученый. – 2024. – № 49(548). – С. 516-518.
5. Карсанова, Д. А. Координационная деятельность прокуратуры по предупреждению преступности / Д. А. Карсанова // Защита жертв преступлений в современном обществе: материалы IV Международной научно-практической интернет-конференции (Челябинск, 22–23 февраля 2021 г.). отв. ред. А. В. Майоров. — Челябинск: Эскуэла, 2021. — С. 87—91.
6. Иншакова, А. О. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью на страже национальной безопасности РФ / А. О. Иншакова // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 6-11. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.2.1. – EDN QZSSTQ.
7. Исмайлов, Д. А. К вопросу об актуальных проблемах предварительного следствия и дознания в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 2(20). – С. 48-57. – EDN GAABCE.
8. Дытченко, Г. В. Некоторые вопросы координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью / Г. В. Дытченко // Криминалистъ. – 2023. – № 3(44). – С. 113-118. – EDN JCXRLT.
9. Ганеева, С. В. О правовом регулировании координационной деятельности правоохранительных органов / С. В. Ганеева // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 27. – С. 528-536. – EDN YPCDWE.
10. Исмайлов, Д. А. Современные тенденции в уголовном праве и их влияние на правовую самоосознанность российского общества / Д. А. Исмайлов // Роль юридических наук в развитии правовой культуры рос-

сийского общества : Сборник статей по материалам III Межвузовской научной студенческой конференции , Владивосток, 28 марта 2024 года. – Владивосток, 2024. – С. 359-361. – EDN MPWNQA.
11. Исмайлов, Д. А. Становление и развитие предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди // Социальное управление. – 2023. – Т. 5, № S2. – С. 228-234. – EDN UOBFWQ.
12. Гришин, А. Ю. Координационная деятельность прокурора как средство предупреждения пробелов предварительного расследования / А. Ю. Гришин // Законность. – 2025. – № 3(1085). – С. 15-18. – EDN OTZLHC.
13. Исмайлов, Д. А. Понятие и значение предварительного расследования в уголовном процессе / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 11(87). – С. 328-333. – EDN DUIEXF.
14. Исмайлов, Д. А. Особенности предварительного следствия как формы предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 333-341. – EDN ICQYCD.
15. Исмайлов, Д. А. К вопросу об основных направлениях деятельности, проблемах и перспективах развития судебной системы / Д. А. Исмайлов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 2, № 77(121). – С. 12-16. – EDN KTJOIZ.
16. Бессарабов В.Г. Координация российской прокуратурой деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (история, состояние, перспективы) / В.Г. Бессарабов // Журнал российского права. 2001. №3. С. 7-15.
17. Маслова, Т. Н. Деятельность прокурора в обеспечении безопасности участников судебного разбирательства / Т. Н. Маслова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2023. – Т. 45, № 1. – С. 144-150. – DOI 10.21779/2224-0241-2023-45-1-144-150. – EDN FSHMEL.
18. Кругликов, А. П. Прокурор - координатор правоохранительной деятельности по борьбе с преступностью / А. П. Кругликов // Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 2. – С. 21-25. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.2.3.
19. Исмайлов, Д. А. К вопросу об актуальных аспектах прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью участкового уполномоченного полиции / Д. А. Исмайлов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 4, № 79(123). – С. 87-95. – EDN NBYKMX.
20. Исмайлов, Д. А. Современная правовая основа уголовно-процессуальной деятельности участковых уполномоченных полиции / Д. А. Исмайлов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 3, № 78(122). – С. 99-108. – EDN RRFQAH.
21. Исмайлов, Д. А. Проблема обеспечения равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 301-308. – EDN PIEDDH.
22. Исмайлов, Д. А. Процессуальные проблемы реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве и пути их решения / Д. А. Исмайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 2. – С. 312-320. – EDN OKIYLQ.
23. Лизунов, А. С. К вопросу о субъектах реализации правоохранительной функции государства / А. С. Лизунов, Д. А. Исмайлов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – С. 390-398. – EDN HWTPTU.
24. Исмайлов, Д. А. Дознание как форма предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 2(20). – С. 39-47.
25. Исмайлов, Д. А. Исторический аспект развития и становления принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России / Д. А. Исмайлов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 2(108). – С. 94-102. – EDN VPKSMV.
26. Исмайлов, Д. А. Понятие и значение уголовно-процессуального права в современном государстве / Д. А. Исмайлов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 29. – С. 314-321. – EDN EIAPAY.
27. Исмайлов, Д. А. Актуальные вопросы дисциплинарной ответственности работников органов прокуратуры РФ: понятие, основания, Обзор статистических данных, типичные ситуации / Д. А. Исмайлов, О. Е. Репетева // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2024. – № 3(100). – С. 65-74.
28. Исмайлов, Д. А. Проблемы в деятельности участкового уполномоченного полиции и пути их решения / Д. А. Исмайлов, Ю. О. Мещерякова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 458-462. – DOI 10.29039/2413-1733-2024-10-3-458-462. – EDN IJKVQX.
29. Исмайлов, Д. А. Особенности квалификации преступления, предусмотренного Ч. 1 ст. 117 ук РФ (истязание): теоретико-практический анализ / Д. А. Исмайлов, О. Ю. Савельева // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2024. – № 2(18). – С. 25-32. – EDN DQTXPH.
30. Исмайлов, Д. А. К вопросу об определении места участковых уполномоченных полиции в системе органов дознания / Д. А. Исмайлов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2024. – № 4(20). – С. 67-75. – EDN FESLHF.
31. Исмайлов, Д. А. Основные угрозы национальной безопасности Российской Федерации: криминологический анализ и современные тенденции / Д. А. Исмайлов // Академия права. – 2024. – № 1(4). – С. 153-162.
32. Ситникова, М. П. Экстремистский и хулиганский мотивы преступлений: проблемные аспекты квалификации / М. П. Ситникова, Д. А. Исмайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 425-434. – EDN IVMQHT.
33. Исмайлов, Д. А. Терминологический анализ терроризма как криминального явления: криминологиче-

ский и исторический аспект / Д. А. Исмайлов // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел : сборник материалов Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей, студентов и адъюнктов, Екатеринбург, 24 апреля 2024 года. – Екатеринбург: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 358-359. – EDN MWDGFJ.
34. Исмайлов, Д. А. Терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации / Д. А. Исмайлов // Академия права. – 2023. – № 3(3). – С. 43-49. – EDN UBNFHE.
35. Исмайлов, Д. А. Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди // Теология. Философия. Право. – 2021. – № 2(16). – С. 61-69. – EDN ZRIGYD.

Kurbachevskaya K. I. Theoretical aspects of the features of the coordination activities of the prosecutor in the investigation of criminal cases // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 89-99.

This article is devoted to a comprehensive study of the theoretical and practical aspects of prosecutorial coordination in criminal investigations. The relevance of this topic stems from the lack of a legal definition of coordination, its confusion with oversight and interdepartmental cooperation, and the inadequate adaptation of the regulatory framework to the specifics of certain categories of crimes. The purpose of this work is to identify the essential characteristics of the prosecutor's coordination function, distinguish it from related legal institutions, and identify areas for optimizing legal regulation. Based on a critical analysis of doctrinal approaches, the author formulates a definition of prosecutorial coordination, emphasizing its organizational, non-hierarchical nature and the inadmissibility of substituting the investigator's procedural autonomy. A distinction is made between the concepts of "coordination" and "interaction" based on the composition of the parties, the nature of the connections, the purpose, and the legally established tools. As a solution, a differentiation of legal forms of coordination is proposed: supplementing Article 8 of the Federal Law “On the Prosecutor’s Office of the Russian Federation” with a legal definition of coordination activity and its distinction from supervision.

Keywords: prosecutor's office, criminal process, criminal proceedings, coordination, coordination activities, role of the prosecutor's office, investigation of criminal cases, interaction, domestic crimes, terrorist crimes, state of crime.

Spisok literatury:

1. Ismajlov, D. A. Pravooxranitel`naya sluzhba: retrospektivny`j analiz, problemy` i resheniya / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi, G. A. Ozhegova // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. – 2022. – № 4(93). – S. 40-48. – EDN DGLXVT.
2. Ismajlov, D. A. Oxrana obshhestvennogo poryadka kak sostavnaya chast` nacional`noj bezopasnosti sovremennogo gosudarstva / D. A. Ismajlov, E. S. Vershinina // Aktual`ny`e voprosy` administrativnoj deyatel`nosti organov vnutrennix del v sovremenny`x usloviyax : materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Nizhnij Novgorod, 24 aprelya 2024 goda. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2024. – S. 195-201. – EDN NFGXFG.
3. Ismajlov, D. A. Perspektivy` otechestvennogo zakonodatel`stva v chasti pravovogo regulirovaniya predvaritel`nogo rassledovaniya / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // E`konomika. Sociologiya. Pravo. – 2023. – № 4(32). – S. 86-90. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-04-86-90. – EDN CHLXUL.
4. Kotova, N. V. Prokuratura kak klyuchevoe koordinacionnoe zveno pravooxranitel`ny`x organov v bor`be s prestupnost`yu / N. V. Kotova // Molodoj ucheny`j. – 2024. – № 49(548). – S. 516-518.
5. Karsanova, D. A. Koordinacionnaya deyatel`nost` prokuratury` po preduprezhdeniyu prestupnosti / D. A. Karsanova // Zashhita zhertv prestuplenij v sovremennom obshhestve: materialy` IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii (Chelyabinsk, 22–23 fevralya 2021 g.). otv. red. A. V. Majorov. — Chelyabinsk: E`skue`la, 2021. — S. 87—91.
6. Inshakova, A. O. Koordinaciya deyatel`nosti pravooxranitel`ny`x organov po bor`be s prestupnost`yu na strazhe nacional`noj bezopasnosti RF / A. O. Inshakova // Pravovaya paradigma. – 2021. – T. 20, № 2. – S. 6-11. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.2.1. – EDN QZSSTQ.
7. Ismajlov, D. A. K voprosu ob aktual`ny`x problemax predvaritel`nogo sledstviya i doznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2023. – № 2(20). – S. 48-57. – EDN GAABCE.
8. Dy`tchenko, G. V. Nekotory`e voprosy` koordinacii deyatel`nosti pravooxranitel`ny`x organov po bor`be s prestupnost`yu / G. V. Dy`tchenko // Kriminalist``. – 2023. – № 3(44). – S. 113-118. – EDN JCXRLT.
9. Ganeeva, S. V. O pravovom regulirovanii koordinacionnoj deyatel`nosti pravooxranitel`ny`x organov / S. V. Ganeeva // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2023. – № 27. – S. 528-536. – EDN YPCDWE.
10. Ismajlov, D. A. Sovremenny`e tendencii v ugolovnom prave i ix vliyanie na pravovuyu samoosoznannost` rossijskogo obshhestva / D. A. Ismajlov // Rol` yuridicheskix nauk v razvitii pravovoj kul`tury` rossijskogo obshhestva : Sbornik statej po materialam III Mezhvuzovskoj nauchnoj studencheskoj konferencii , Vladivostok, 28 marta 2024 goda. – Vladivostok, 2024. – S. 359-361. – EDN MPWNQA.
11. Ismajlov, D. A. Stanovlenie i razvitie predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi // Social`noe upravlenie. – 2023. – T. 5, № S2. – S. 228-234. – EDN UOBFWQ.
12. Grishin, A. Yu. Koordinacionnaya deyatel`nost` prokurora kak sredstvo preduprezhdeniya probelov

predvaritel`nogo rassledovaniya / A. Yu. Grishin // Zakonnost`. – 2025. – № 3(1085). – S. 15-18. – EDN OTZLHC.
13. Ismajlov, D. A. Ponyatie i znachenie predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom processe / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. – 2023. – № 11(87). – S. 328-333. – EDN DUIEXF.
14. Ismajlov, D. A. Osobennosti predvaritel`nogo sledstviya kak formy` predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2023. – № 28. – S. 333-341. – EDN ICQYCD.
15. Ismajlov, D. A. K voprosu ob osnovny`x napravleniyax deyatel`nosti, problemax i perspektivax razvitiya sudebnoj sistemy` / D. A. Ismajlov // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 2, № 77(121). – S. 12-16. – EDN KTJOIZ.
16. Bessarabov V.G. Koordinaciya rossijskoj prokuraturoj deyatel`nosti pravooxranitel`ny`x organov po bor`be s prestupnost`yu (istoriya, sostoyanie, perspektivy`) / V.G. Bessarabov // Zhurnal rossijskogo prava. 2001. №3. S. 7-15.
17. Maslova, T. N. Deyatel`nost` prokurora v obespechenii bezopasnosti uchastnikov sudebnogo razbiratel`stva / T. N. Maslova // Yuridicheskij vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2023. – T. 45, № 1. – S. 144-150. – DOI 10.21779/2224-0241-2023-45-1-144-150. – EDN FSHMEL.
18. Kruglikov, A. P. Prokuror - koordinator pravooxranitel`noj deyatel`nosti po bor`be s prestupnost`yu / A. P. Kruglikov // Pravovaya paradigma. – 2021. – T. 20, № 2. – S. 21-25. – DOI 10.15688/lc.jvolsu.2021.2.3. –
19. Ismajlov, D. A. K voprosu ob aktual`ny`x aspektax prokurorskogo nadzora za ugolovno-processual`noj deyatel`nost`yu uchastkovogo upolnomochennogo policii / D. A. Ismajlov // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 4, № 79(123). – S. 87-95. – EDN NBYKMX.
20. Ismajlov, D. A. Sovremennaya pravovaya osnova ugolovno-processual`noj deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii / D. A. Ismajlov // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 3, № 78(122). – S. 99-108. – EDN RRFQAH.
21. Ismajlov, D. A. Problema obespecheniya ravnopraviya i sostyazatel`nosti storon v ugolovnom processe / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi, G. A. Ozhegova // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74), № 3. – S. 301-308. – EDN PIEDDH.
22. Ismajlov, D. A. Processual`ny`e problemy` realizacii principa sostyazatel`nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve i puti ix resheniya / D. A. Ismajlov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2025. – T. 11, № 2. – S. 312-320. – EDN OKIYLQ.
23. Lizunov, A. S. K voprosu o sub``ektax realizacii pravooxranitel`noj funkcii gosudarstva / A. S. Lizunov, D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2024. – № 31. – S. 390-398. – EDN HWTPTU.
24. Ismajlov, D. A. Doznanie kak forma predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2023. – № 2(20). – S. 39-47.
25. Ismajlov, D. A. Istoricheskij aspekt razvitiya i stanovleniya principa sostyazatel`nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii / D. A. Ismajlov // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2025. – № 2(108). – S. 94-102. – EDN VPKSMV.
26. Ismajlov, D. A. Ponyatie i znachenie ugolovno-processual`nogo prava v sovremennom gosudarstve / D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2024. – № 29. – S. 314-321. – EDN EIAPAY.
27. Ismajlov, D. A. Aktual`ny`e voprosy` disciplinarnoj otvetstvennosti rabotnikov organov prokuratury` RF: ponyatie, osnovaniya, Obzor statisticheskix danny`x, tipichny`e situacii / D. A. Ismajlov, O. E. Repeteva // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. – 2024. – № 3(100). – S. 65-74.
28. Ismajlov, D. A. Problemy` v deyatel`nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii i puti ix resheniya / D. A. Ismajlov, Yu. O. Meshheryakova // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 3. – S. 458-462. – DOI 10.29039/2413-1733-2024-10-3-458-462. – EDN IJKVQX.
29. Ismajlov, D. A. Osobennosti kvalifikacii prestupleniya, predusmotrennogo Ch. 1 st. 117 uk RF (istyazanie): teoretiko-prakticheskij analiz / D. A. Ismajlov, O. Yu. Savel`eva // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. – 2024. – № 2(18). – S. 25-32. – EDN DQTXPH.
30. Ismajlov, D. A. K voprosu ob opredelenii mesta uchastkovy`x upolnomochenny`x policii v sisteme organov doznaniya / D. A. Ismajlov // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. – 2024. – № 4(20). – S. 67-75. – EDN FESLHF.
31. Ismajlov, D. A. Osnovny`e ugrozy` nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: kriminologicheskij analiz i sovremenny`e tendencii / D. A. Ismajlov // Akademiya prava. – 2024. – № 1(4). – S. 153-162.
32. Sitnikova, M. P. E`kstremistskij i xuliganskij motivy` prestuplenij: problemny`e aspekty` kvalifikacii / M. P. Sitnikova, D. A. Ismajlov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 4. – S. 425-434. – EDN IVMQHT.
33. Ismajlov, D. A. Terminologicheskij analiz terrorizma kak kriminal`nogo yavleniya: kriminologicheskij i istoricheskij aspekt / D. A. Ismajlov // Aktual`ny`e problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti organov vnutrennix del : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii kursantov, slushatelej, studentov i ad``yunktov, Ekaterinburg, 24 aprelya 2024 goda. – Ekaterinburg: Ural`skij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2024. – S. 358-359. – EDN MWDGFJ.
34. Ismajlov, D. A. Terrorizm kak ugroza nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / D. A. Ismajlov // Akademiya prava. – 2023. – № 3(3). – S. 43-49. – EDN UBNFHE.
35. Ismajlov, D. A. Primenenie mediacii v deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2021. – № 2(16). – S. 61-69. – EDN ZRIGYD.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 100-106.

УДК 347.23

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Малоземова Д. Д.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Статья посвящена теоретико-правовому анализу принципов осуществления права государственной собственности и выявлению системных проблем в управлении государственным имуществом. В работе обоснована необходимость совершенствования правовых механизмов для повышения эффективности управления государственной собственностью и минимизации коллизий. Предложенные автором принципы основаны на выделении как факторов идеального характера (таких как дуализм правовой природы государства, а также целеобусловленности его функций), так и на обозначении необходимых внешних формально закрепленных требований и условий, необходимых для осуществления права государственной собственности. Обосновано, что системная интеграция принципов позволит трансформировать управление государственным имуществом в эффективный правовой институт, обеспечивающий баланс публичного предназначения государства и частноправовой формы осуществления права государственной собственности.

Ключевые слова: принципы правового регулирования, осуществление права государственной собственности, управление имуществом, целеобусловленность, баланс интересов, публичный интерес, разграничение государственной собственности.

Осуществление права государственной собственности представляет собой сложный процесс, характеризующийся пересечением публично-правового регулирования и частноправового участия государства в имущественном обороте. В отличие от частных собственников, воля которых автономна, действия государства в имущественной сфере обусловлены его особой правосубъектностью и необходимостью защиты публичных (общественных) интересов. На сегодняшний день правовое регулирование этих отношений представлено массивом разрозненных норм, рассредоточенных в актах как публичного (административно-управленческого), так и частного (гражданско-правового) характера. Отсутствие единого законодательного акта, регулирующего данные отношения, и фрагментарность правовой базы порождают коллизии в правоприменительной практике. Особую актуальность приобретает проблема вынужденного распоряжения неразграниченной государственной собственностью.

Осуществление права государственной собственности основывается на применении общеправовых принципов (законности, равенства участников оборота, неприкосновенности собственности). Однако специфика публичного собственника порождает необходимость применения специальных принципов, реализация которых на практике сопряжена с рядом системных проблем управления государственным имуществом, ключевое место среди которых занимают принципы целеобусловленности, разграничения функций управления, профессионального управления.

В сложившихся условиях важным является теоретическое обоснование системы принципов осуществления права государственной собственности. Выделение принципов правового регулирования позволит не только структурировать разрозненные источники правового регулирования, но и создаст надежный механизм разрешения существующих и потенциально возможных коллизионных противоречий в правоприменительной практике.

В доктрине гражданского права представлены различные подходы понимания принципов осуществления права собственности публично-правового образования. Данного вопроса прямо или косвенно касались в своих работах А.Я. Рыженков [1], Е.А. Суханов [2], В.Г. Голубцов [3], В.И. Кондратьев [4] и другие специалисты. Однако на сегодняш-

ний день не определены правовые принципы, специфичные именно для института осуществления права государственной собственности. Существующие классификации принципов либо основаны на общеправовых категориях, опирающихся на теорию права, либо ограничиваются общими началами владения и распоряжения имуществом, не учитывая публично-правовую природу государственного имущества и сложный характер управления госсобственностью.

Исследование правовой природы государства как участника гражданских правоотношений показывает, что традиционно доктрина гражданского права формировалась вокруг категории частного собственника, движимого личным интересом и автономией воли. В силу этого такие принципы, как равенство сторон, неприкосновенность собственности не учитывают особенности публичного собственника.

Специфика правового положения государства определяется его двойственной природой. С одной стороны, государство, выступает как властный субъект публичного права. С другой стороны, в силу ст. 124 Гражданского кодекса РФ, государство участвует в гражданских отношениях на равных началах с иными участниками - гражданами и юридическими лицами.

Ряд ученых придерживаются позиции, что государство обладает исключительно публично-правой природой вне зависимости от характера правоотношений, в которых оно участвует. В этой парадигме даже вступление государства в имущественные отношения не трансформирует его природу, оно всегда остается носителем верховной власти, а его действия в гражданском обороте являются особой формой реализации публичных функций [5]. Однако в настоящее время наблюдается смещение акцента в сторону поиска баланса интересов. Современная доктрина признает, что государство в гражданском праве является особым субъектом [3].

Указанная природа государства как особого субъекта гражданского права предопределяет специфику реализации его правомочий. В отличие от частного собственника, обладающего автономией воли, деятельность государства как публичного собственника обусловлена его функциональным назначением и ограничена строго определенными законом целями. Это следует, в частности, из позиции высших судов, которые указывали в решениях, что государство, действуя в гражданском обороте, не вправе руководствоваться исключительно коммерческой выгодой, так как государственная собственность является материальной основой реализации функций публичной власти [6].

В данной связи принципиальное значение имеет разграничение категорий целеобусловленности (правового основания) и целесообразности (сферы управленческого усмотрения). Недопустимость подмены правового основания управленческим усмотрением является основным условием законности в сфере распоряжения государственным имуществом. Судебная практика подтверждает, что отсутствие законодательно закрепленной цели при отчуждении или обременении государственного имущества может служить основанием для признания сделок недействительными.

Например, суды придерживаются тенденции удовлетворения исковых требований прокуратуры о признании недействительными приватизационных сделок и возвращении имущества в собственность государства. Судебные органы несмотря на то, что спорные отношения регулируются нормами гражданского законодательства, не учитывают особенности правовой природы государства и даже в рамках гражданских правоотношений считают существенным учет публичных интересов [7; 8]. Таким образом, в обосновании решений суд одновременно ссылается как на нарушения субъективных гражданских прав РФ, так и на важность обеспечения первичных функций государства. К последним доводам относится, например, фактическое признание судом причинно-следственной связи между приватизационной сделкой и нарушением экономического

суверенитета РФ, выявленных в результате прокурорского надзора, признание спорного имущества в качестве изъятого из оборота, недопустимость частного владения имуществом ввиду его потенциальной опасности для жизни и здоровья граждан, а также необходимость немедленного возвращения имущества в федеральную собственность по причине того, что в противном случае повышается риск неисполнения государственного оборонного заказа.

Кроме того, позиция о важности публичных интересов выражается в неприменение судами двусторонней реституции, ссылаясь на то, что возврат денежных средств от возмездной приватизации является нарушением публичных интересов.

Опираясь на доктринальные положения, в частности труды В.И. Кондратьева [9], следует признать, что государственная собственность выступает материальной основой суверенитета. Публичный интерес является критерием для определения состава объектов, находящихся в собственности государства. Соответственно принцип приоритета публичных интересов, вытекает из первичности публично-правовой природы государства и служит ориентиром, указывающим, что в ситуациях, когда распоряжение государственным имуществом затрагивает основы национальной безопасности или социального обеспечения, публичный интерес приобретает решающее значение [3;10]. Само существование государства и его легитимность обусловлены целевым назначением - защитой и представительством публичных (общественных) интересов. В этой связи, даже вступая в частноправовые отношения, государство не может действовать в отрыве от своей цели.

В то же время в контексте современных правоотношений актуальным является принцип сбалансированности частных и публичных (общественных) интересов [11]. Участие государства в имущественном обороте является частным случаем проявления гражданской правосубъектности. Специфика проявляется в одновременном сочетании одним субъектом публичных и частных интересов. Однако данная особенность не меняет внешней конструкции гражданско-правовых отношений. Фактически даже если государство, участвуя в правоотношениях преследует исключительно публичный интерес, для конструкции гражданских правоотношений указанный интерес не будет нести каких-либо привилегий, так как будет интерпретирован как частный или субъективный. Следовательно, распространенность данного принципа на общую конструкцию гражданских правоотношений очень спорная. Более того, по общему правилу субъекты частных правоотношений имеют только частный интерес. Участие государства в имущественном обороте является исключительным случаем, когда указанный принцип сбалансированности интересов может быть адаптирован применительно к конкретному субъекту.

Однако, в данном случае, корректнее разделять данный принцип не герменевтически, а предметно, выделяя отдельно принцип баланса интересов при осуществлении государством своих субъективных гражданских прав и принцип баланса интересов в рамках правового регулирования гражданских правоотношений.

Принцип баланса интересов в рамках механизма правового регулирования гражданских правоотношений (не баланса публичных и частных интересов) заслуживает особого внимания. Нарушение баланса может привести к сложному конфликту интересов качественно разных уровней. Например, важность баланса в своих трудах отмечал В.И. Галкин. В контексте осуществления права государственной собственности на недвижимое имущество он выделял следующие признаки такого конфликта: разнонаправленность интересов сторон конфликта; отсутствие равных возможностей в осуществлении субъективных прав и законных интересов сторонами конфликта; ущемление прав и законных интересов одной или обеих сторон конфликта; направленность действий сто-

роны конфликта, которая испытывает негативные последствия, на его урегулирование [12].

Несмотря на то, что в рамках гражданско-правовой плоскости могут одновременно фигурировать как публичные, так и частные интересы, для целей правового регулирования они фактически сводятся к частноправовому режиму. Это означает, что даже при превалировании публичных целей государство, вступая в гражданский оборот, подчиняется принципам равенства сторон, автономии воли и имущественной самостоятельности. Следовательно, в контексте осуществления права государственной собственности корректнее говорить не о конфликте публичных и частных интересов, а о конфликте интересов конкретных участников правоотношений. Это подтверждает, что механизм гражданско-правового регулирования направлен на разрешение противоречий между субъектами, а не доминирование публичного блага над частным.

Дуализм интересов публичного и частного характеров, сосредоточенный в одном субъекте, порождает необходимость поиска баланса интересов путем подбора необходимого соотношения. Даже учитывая фактор обезличивания и сведения к частному режиму интересов любых субъектов в механизме гражданско-правового регулирования, при формировании мотивов совершения юридически значимых действий, выраженных в форме субъективных потребностей публично-правового образования, первичность публично-правовой природы государства должна играть приоритетную роль.

Более того, выводя данный тезис на более глобальные масштабы, отражающие зависимость системы права от складывающихся экономических, политических, социальных и иных условий, указанный принцип допустимо рассматривать как концептуальную догму, определяющую вектор построения всей правовой системы.

Исходя из вышеизложенного можно говорить о том, что идеальная модель осуществления права государственной собственности находит свое выражение в сочетании интересов государства как публично-правового и частного-правового субъекта, где частноправовые средства служат достижению публично-правовых целей.

Согласно положениям Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», управление государственным имуществом должно отвечать критериям результативности, что находит свое выражение в принципе эффективности осуществления права государственной собственности [13]. В то же время право государственной собственности может осуществляться через механизмы делегирования управленческих полномочий в рамках доверительного управления, концессионных соглашений, привлечения профессиональных директоров. При этом осуществление права государственной собственности частными лицами допустимо лишь в той мере, в какой это способствует реализации принципа эффективности, которая должна быть ограничена принципом целеобусловленности.

Рассмотренные выше принципы задают общую основу для осуществления права государственной собственности. Однако их практическая реализация в условиях федеративного устройства неизбежно сталкивается с проблемой разграничения собственности между уровнями публичной власти. Процесс разграничения государственной собственности на федеральную, собственность субъектов РФ и муниципальную собственность является не только юридической процедурой, но и доктринальной проблемой, демонстрирующей противоречия между статикой правового титула и динамикой осуществления права государственной собственности.

В отечественной цивилистике вопрос разграничения собственности традиционно рассматривается через призму незавершенности системных преобразований [14]. Проблема разграничения осуществления права государственной собственности на землю

получила осмысление в трудах А.Я. Рыженкова. Ученый последовательно отстаивает идею о том, что процесс разграничения прав на государственное имущество не завершен. Причины кроются в коллизионных противоречиях и пробелах отраслевого законодательства, а также проблемах, связанных с разграничением предмета ведения между РФ, субъектов РФ и муниципальных образований [1].

Однако важнее то, что он выделил проблему, связанную с вынужденной необходимостью осуществления публично-правовым субъектом «распоряжения неразграниченной государственной собственностью на землю». С точки зрения принципов права такая «вынужденность» противоречит основополагающему принципу гражданского права, согласно которому распоряжаться имуществом может исключительно собственник или лицо уполномоченное им.

Судебная практика подтверждает наличие данной проблемы. Из-за субъектной неопределенности возникают споры между органами власти федерального, субъектного и муниципального уровня о распоряжении такими объектами [15; 16]. Суды исходят из презумпции, что статус неразграниченной собственности не является препятствием в осуществлении распоряжения, однако, сам факт наличия таких споров свидетельствует о постепенной трансформации презумпции в правовой пробел.

Согласно ст. 3.3 Федерального закона от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» распоряжение земельными участками, государственная собственность на которые не разграничена, осуществляется органами местного самоуправления в силу прямого указания закона [17].

Решение проблемы разграничения собственности видится в реализации принципа функционального разграничения государственного имущества, который предполагает привязку титула собственности к реальным полномочиям и предметам ведения соответствующего уровня власти, который способен управлять им наиболее эффективно. Реализация этого принципа позволяет избежать ситуации бесхозяйности публичных объектов и исключает дублирование функций.

При формировании системы принципов необходимо учитывать, что конкретные формы и способы осуществления права государственной собственности детерминированы управленческими отношениями. В отличие от частноправовой сферы, где реализация полномочий собственника является актом свободной воли, управление государственным имуществом охватывает не только осуществление полномочий собственника в отношении такого имущества, в том числе переданного предприятиям, и учреждениям, но и управление находящимися в государственной собственности акциями. Для публично-правового образования формирование любого волеизъявления институализируется посредством процедуры управления имуществом. Это обуславливает тесную связь гражданско-правовых способов распоряжения имуществом с нормами публичного права.

Подводя итог исследованию, можно утверждать, что традиционный подход, рассматривающий государство либо как исключительно суверена, либо как собственника имущества требует качественной трансформации. Современная модель осуществления права государственной собственности должна основываться на строгой иерархии принципов, основывающихся на объединении публичных целей и частноправовых средств. Участие государства в гражданском обороте требует соблюдения принципа баланса интересов, который гармонизирует частноправовые интересы государства с публичными функциями по защите прав граждан и обеспечению общего блага, учитывая при этом действие принципа приоритета публичных интересов над частными при определении целевого назначения государственного имущества. Среди инструментальных (управленческих) принципов необходимо выделить принцип эффективности, который

подразумевает не только рациональное использование государственного имущества, но и переход к профессиональному управлению, включая допустимое делегирование управленческих функций частным лицам. Для преодоления системных коллизий в правоприменении и проблем неразграниченного имущества, выделяется принцип функционального разграничения государственного имущества. Он обуславливает, что распределение права собственности между уровнями публичной власти должно следовать за распределением реальных полномочий.

Только системная интеграция указанных принципов позволит трансформировать управление государственным имуществом в эффективный правовой институт, обеспечивающий баланс публичного предназначения государства и частноправовой формы осуществления права государственной собственности.

В заключении необходимо отметить, что выделенные принципы в совокупности описывают абстрактную идеальную модель осуществления права государственной собственности. Важность их выделения состоит в том, что это позволит разрешить некоторые спорные ситуации посредством аналогии права и закона, сформирует теоретическую базу для правоприменительной и судебной практики, а также может составлять часть теоретической базы для нормотворчества. Классификация придает выделенным принципам системность и логическую стройность.

Выделенные принципы имеют неисчерпывающий характер. С развитием и адаптацией системы права и правоприменения под динамично развивающееся общество, обозначенный перечень также может быть подвержен изменению. Однако, на авторский взгляд, выделенные принципы на сегодняшний день достаточно полно отражают современную специфику процесса осуществления права государственной собственности в гражданско-правовом аспекте.

Список литературы:

1. Рыженков А.Я. Принцип разграничения государственной собственности на землю: проблемы и пути их решения // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – №2.– С. 51-55.
2. Суханов Е.А. «Гражданское право - это право социального государства и у него должно быть социальное лицо» // Гражданское право. – 2023. – № 2. – С. 2-7.
3. Голубцов В.Г. Российская Федерация как субъект гражданского права [монография]. — Москва: Статут, 2019. — 270 с.
4. Кондратьев В.И. Осуществление и защита права государственной собственности субъектов Российской Федерации: автореф. дис…. канд. юрид. наук: Краснодар., 2006.- 28с.
5. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – Москва, 1914. – Т. 1. – XIV. – 483 с.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.11.2003 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 81 Закона Челябинской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Челябинской области» в связи с запросом Челябинского областного суда» // СЗ РФ. 17.11.2003, № 46 (ч. 2), ст. 4509.
7. Обзор судебной практики по «деприватизации» имущества (подготовлено экспертами компании «Гарант», 2024-2025 гг. // СПС «Гарант».
8. Решение Арбитражного суда Ярославской области от 25.09.2023 по делу № А82-13185/2023 // СПС «Консультант».
9. Кондратьев В.И. Осуществление и защита права государственной собственности субъектов Российской Федерации: дис…. канд. юрид. наук: Краснодар., 2006. – 170 с.
10. Советское гражданское право: субъекты гражданского права / Братусь С. Н., Пергамент А. И., Дозорцев В. А. [и др.]; под ред. С. Н. Братуся. - Москва: Юридическая литература, 1984. – 288 с.
11. Семенова Е.Г. Правовое обеспечение защиты интересов лиц при принудительном прекращении права собственности: проблемы и перспективы совершенствования // Научные труды. Российская академия юридических наук: Труды членов Российской академии юридических наук (РАЮН) и материалы XXV Международной научно-практической конференции, Москва, 26–29 ноября 2024 года. – Москва: ООО Издательская группа «Юрист», 2025. – С. 365-372.
12. Галкин В.И. Соотношение частных и публичных интересов при осуществлении права собственности на недвижимое имущество: дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2022. — 205 с.
13. Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // СЗ РФ 27.12.2021, № 52 (ча. I), ст. 8973.
14. Колесова О. Н. Проблемы регулирования отношений по управлению неразграниченной государствен-

ной собственностью на землю // Актуальные проблемы правоведения. – 2016. № 4(52). С. 32-45.
15. Определение Верховного Суда РФ от 01.02.2026 по делу № А41-48345/2021 // СПС «Гарант».
16. Определение Верховного Суда РФ от 23.02.2026 по делу № А55-23897/2024 // СПС «Гарант».
17. Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ (ред. от 29.12.2025) «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ, 29.10.2001, № 44, ст. 4148.

Malozemova D.D. Principles of the exercise of the right of state ownership: theoretical-legal aspect and problems of application // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 100-106.

The article is devoted to a theoretical and legal analysis of the principles of exercising the right of state ownership and identifying systemic problems in the management of state property. The work substantiates the need to improve legal mechanisms to enhance the efficiency of state property management and minimize conflicts. The principles proposed by the author are based on highlighting factors of an ideal nature (such as the dualism of the legal nature of the state, as well as the purpose-driven nature of its functions) as well as on specifying the necessary external formally established requirements and conditions needed for exercising the right of state ownership. It is argued that the systemic integration of these principles will allow the management of state property to be transformed into an effective legal institution that ensures a balance between the public purpose of the state and the private-law form of exercising the right of state ownership.

Spisok literatury:

1. Ryzhenkov A.YA. Princip razgranicheniya gosudarstvennoj sobstvennosti na zemlyu: problemy i puti ih resheniya // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2016. – №2.– S. 51-55.
2. Suhanov E.A. «Grazhdanskoe pravo - eto pravo social'nogo gosudarstva i u nego dolzhno byt' social'noe lico» // Grazhdanskoe pravo. – 2023. – № 2. – S. 2-7.
3. Golubcov V. G. Rossijskaya Federaciya kak sub"ekt grazhdanskogo prava [monografiya]. — Moskva: Statut, 2019. — 270 s.
4. Kondrat'ev V.I. Osushchestvlenie i zashchita prava gosudarstvennoj sobstvennosti sub"ektov Rossijskoj Federacii: avtoref. dis…. kand. yurid. nauk: Krasnodar., 2006.- 28 s.
5. SHershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava / G. F. SHershenevich. – Moskva, 1914. – T. 1. – XIV. – 483 s.
6. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 11.11.2003 № 16-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij punkta 2 stat'i 81 Zakona CHelyabinskoj oblasti «O byudzhetnom ustrojstve i byudzhetnom processe v CHelyabinskoj oblasti» v svyazi s zaprosom CHelyabinskogo oblastnogo suda» // SZ RF. 17.11.2003, № 46 (ch. 2), st. 4509.
7. Obzor sudebnoj praktiki po «deprivatizacii» imushchestva (podgotovleno ekspertami kompanii «Garant», 2024-2025 gg. // SPS «Garant».
8. Reshenie Arbitrazhnogo suda YAroslavskoj oblasti ot 25.09.2023 po delu № A82-13185/2023 // SPS «Konsul'tant».
9. Kondrat'ev V.I. Osushchestvlenie i zashchita prava gosudarstvennoj sobstvennosti sub"ektov rossijskoj Federacii: dis…. kand. yurid. nauk: Krasnodar., 2006. – 170 s.
10. Sovetskoe grazhdanskoe pravo: sub"ekty grazhdanskogo prava / Bratus' S. N., Pergament A. I., Dozorcev V. A. [i dr.]; pod red. S. N. Bratusya. - Moskva: YUridicheskaya literatura, 1984. – 288 s.
11. Semenova,E.G. Pravovoe obespechenie zashchity interesov lic pri prinuditel'nom prekrashchenii prava sobstvennosti: problemy i perspektivy sovershenstvovaniya // Nauchnye trudy. Rossijskaya akademiya yuridicheskih nauk: Trudy chlenov Rossijskoj akademii yuridicheskih nauk (RAYUN) i materialy XXV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 26–29 noyabrya 2024 goda. – Moskva: OOO Izdatel'skaya gruppa «YUrist», 2025. – S. 365-372.
12. Galkin V.I. Sootnoshenie chastnyh i publichnyh interesov pri osushchestvlenii prava sobstvennosti na nedvizhimoe imushchestvo: dis. … kand. yurid. nauk. – Moskva, 2022. — 205 s.
13. Federal'nyj zakon ot 21.12.2021 № 414-FZ (red. ot 28.12.2025) «Ob obshchih principah organizacii publichnoj vlasti v sub"ektah Rossijskoj Federacii» // SZ RF 27.12.2021, № 52 (chast' I), st. 8973.
14. Kolesova O.N. Problemy regulirovaniya otnoshenij po upravleniyu nerazgranichennoj gosudarstvennoj sobstvennost'yu na zemlyu // Aktual'nye problemy pravovedeniya. – 2016. – № 4(52). – S. 32-45.
15. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 01.02.2026 po delu № A41-48345/2021 // SPS «Garant».
16. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 23.02.2026 po delu № A55-23897/2024 // SPS «Garant».
17. Federal'nyj zakon ot 25.10.2001 № 137-FZ (red. ot 29.12.2025) «O vvedenii v dejstvie Zemel'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // SZ RF, 29.10.2001, № 44, st. 4148.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 107-113.

УДК 340.12

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ «ТРЕТЬЕГО РИМА» В АРГЕНТИНСКОМ ЦИКЛЕ ДОКЛАДОВ ПРОФ. М.В. ЗЫЗЫКИНА (1949 Г.)

Мальцева Я. В.

Брянский государственный университет им. ак. И.Г. Петровского

В статье анализируется теоретико-правовое содержание цикла докладов профессора М.В. Зызыкина «Третий Рим», опубликованного в 1949 году в эмигрантской газете «Наша страна» (Буэнос-Айрес). Рассматривается разработанная М.В. Зызыкиным концепция симфонии властей как модели соотношения церковной и государственной юрисдикций, ее историческая эволюция от учреждения патриаршества до петровских реформ, а также теоретическое разграничение понятий «самодержавие» и «абсолютизм». Особое внимание уделяется методологии историко-правового анализа, примененной М.В. Зызыкиным, и значению его идей для современной теории государства и права. На основе введения в научный оборот ранее малоизученных источников аргентинского периода делается вывод о том, что данный цикл представляет собой целостную теоретико-правовую концепцию, органично дополняющую фундаментальные труды ученого и сохраняющую актуальность для современных исследований природы верховной власти.

Ключевые слова: М.В. Зызыкин; теоретико-правовая концепция; симфония властей; Третий Рим; самодержавие; абсолютизм; методология права; каноническое право; историко-правовой анализ; И.Л. Солоневич; «Наша страна»; русская эмиграция.

Крушение имперских систем актуализирует теоретико-правовую проблему идентификации сущностных характеристик государственной власти и способов ее легитимации. Для русской эмиграции первой волны этот вопрос имел не только историческое измерение, но и побуждал к концептуализации — необходимости выявить сущностные характеристики утраченной государственности, отделив ее органические начала от привнесенных искажений. Одним из тех, кто взялся за эту задачу, был профессор Михаил Валерианович Зызыкин (1880–1960) — правовед, специалист по государственному и каноническому праву, чье теоретическое наследие долгое время оставалось на периферии научного внимания. Лишь в последние годы наметился интерес к его идеям: показательным в этом смысле является исследование Н.А. Сафронова [17], специально посвященное учению М.В. Зызыкина о самодержавии. Настоящая статья развивает данное направление, обращаясь к аргентинскому циклу докладов М.В. Зызыкина, который до сих пор не получал специального теоретико-правового освещения. Опубликованные в 1949 г. в газете «Наша страна» [5–12], основанной известным публицистом И.Л. Солоневичем [19], эти доклады стали результатом их идейного сотрудничества, начавшегося в 1948 г. Обоих мыслителей объединяло стремление к осмыслению исторического пути России и обоснованию монархической формы правления как органической для русского народа. В своем цикле Зызыкин, опираясь на концепцию «Третьего Рима», реконструирует идеальную модель русской верховной власти и предлагает ключевое для теории государства различение самодержавия и абсолютизма.

Современная юридическая наука все чаще обращается к интегральным подходам, рассматривающим право в контексте культуры, религии и исторической традиции. В этом смысле концепция М.В. Зызыкина представляет собой ценный источник для развития теории государства, особенно в части анализа способов легитимации верховной власти и соотношения церковной и государственной юрисдикций. Как отмечает Н.А. Сафронов, российский консервативный дискурс исходил из понимания государства как силы, «удерживающей» мир от вселенского зла — идеи, которая прямо перекликается с зызыкинской концепцией симфонии властей и «православного царя» [16, с. 12].

Цель данной статьи — реконструировать теоретико-правовую концепцию «Третьего Рима», представленную в аргентинских докладах М.В. Зызыкина, и показать, как предложенное им различение самодержавия и абсолютизма позволяет интерпретировать

историю России не как смену политических режимов, а как борьбу двух противоположных типов правопонимания — симфонического (сакрального) и цезарепапистского (секулярного).

Исследование опирается на комплексный историко-правовой подход. Основным источником стали публикации цикла «Третий Рим» в газете «Наша страна» за 1949 год [5–12]. Привлечены также фундаментальные труды М.В. Зызыкина, прежде всего его трехтомник о Патриархе Никоне [4], и работы современных авторов, посвященные проблемам симфонии властей, самодержавия и абсолютизма. Методологическую основу исследования составляют диалектический метод познания социально-правовых явлений, а также специально-юридические методы: формально-юридический (анализ понятий «самодержавие» и «абсолютизм» в текстах М.В. Зызыкина), сравнительно-правовой (сопоставление симфонической и цезарепапистской моделей), историко-правовой (реконструкция эволюции церковно-государственных отношений) и герменевтический (интерпретация текстов эмигрантского периода с учетом исторического контекста).

Особенность источниковой базы заключается в том, что газетная публикация налагает определенные стилистические ограничения. Однако М.В. Зызыкин, как показывает анализ, не идет на упрощение концепции, но находит форму, при которой сложные теоретические категории становятся доступными, сохраняя свою научную строгость. Это позволяет рассматривать цикл как полноценное научное произведение, созданное в специфических условиях эмигрантского быта.

Центральным понятием цикла является «симфония властей». М.В. Зызыкин, опираясь на византийское наследие (VI новелла императора Юстиниана), реконструирует ее не как статичную иерархию, а как модель динамического равновесия двух самостоятельных юрисдикций — священства (церковной власти) и царства (государственной власти). В своей трактовке симфонии ученый выделяет несколько ключевых теоретико-правовых аспектов. Во-первых, это признание автономии государства и Церкви как двух институциональных систем, каждая из которых обладает собственной природой, целями и средствами. Во-вторых, важнейшим принципом выступает разграничение сфер их компетенции на основе евангельской формулы «кесарево — кесарю, а Божие — Богу», что служит основой правового размежевания. В-третьих, М.В. Зызыкин подчеркивает приоритет канона над законом: государственная власть, будучи верховной в мирских делах, в вопросах веры и нравственности должна сообразовываться с каноническим преданием, что устанавливает иерархию нормативных систем.

Новизна подхода М.В. Зызыкина заключается не просто в описании этой модели, но в попытке проследить, как она функционировала в конкретных правовых институтах Московского царства. Автор вводит в научный оборот категорию «права печалования» патриарха перед царем за опальных. Анализируя этот институт, М.В. Зызыкин показывает его глубокую правовую природу: в условиях отсутствия развитой системы писаного права и независимого суда, «печалование» выполняло функцию нравственной и правовой коррекции, восполняя пробелы закона авторитетом церковной власти. С теоретико-правовой точки зрения это свидетельствует о специфическом типе правопонимания, где справедливость, основанная на религиозном авторитете, может дополнять и корректировать формальное законодательство.

Учреждение патриаршества в 1589 г. трактуется М.В. Зызыкиным не как результат интриг Бориса Годунова (вопреки Н.М. Карамзину), а как закономерное завершение формирования симфонической модели. Это позволяет ему проводить важную методологическую линию: правовые институты не создаются по произволу, а вырастают из народного правосознания и исторической традиции. Тем самым М.В. Зызыкин противопоставляет органическую теорию власти (восходящую к исторической школе права) механистическим концепциям западного абсолютизма, основанным на договорных теориях и народном суверенитете.

Важнейшим теоретико-правовым вкладом аргентинского цикла является последовательное разграничение понятий «самодержавие» и «абсолютизм». Для М.В. Зызыкина это не синонимы, а две противоположные модели легитимации верховной власти.

Самодержавие, по М.В. Зызыкину, — это власть, имеющая «самородную» (органическую) основу. Она вырастает из истории народа, связана с ним духовным единством и ограничена не извне (парламентом или конституцией), а изнутри — своей принадлежностью к Православной Церкви и необходимостью следовать религиозному идеалу. Царь — не источник власти, а ее носитель, обязанный строить свою деятельность в соответствии с божественными установлениями. В терминах теории государства это означает, что самодержавие представляет собой форму правления, легитимированную сакрально, где источником власти признается Бог, а монарх выступает как служитель, а не суверен в западном смысле слова.

Абсолютизм, напротив, представляет собой власть, обосновывающую себя через теорию народного суверенитета (пусть и делегированного) или через естественное право, и не признающую над собой никаких норм, кроме собственного усмотрения. М.В. Зызыкин связывает утверждение абсолютизма в России с петровскими реформами. Анализируя «Правду воли монаршей» Феофана Прокоповича, он вскрывает ее философскую основу — теории Т. Гоббса и С. Пуфендорфа. Включение этого документа в Полное собрание законов Российской империи означало, по мысли ученого, смену парадигмы легитимации: власть перестает быть религиозным служением и становится суверенным правом, что ведет к секуляризации и, в конечном счете, к подчинению Церкви государству (цезарепапизму). В связи с этим возникает теоретическая проблема: насколько правомерно рассматривать абсолютизм как универсальную стадию развития государства, и не является ли русское самодержавие альтернативной моделью, не сводимой к западноевропейским образцам? М.В. Зызыкин отвечает на этот вопрос утвердительно, предлагая оригинальную типологию монархической власти.

Это разграничение имеет фундаментальное значение для теории государства и права. Оно позволяет уйти от формально-юридической классификации монархий (ограниченная/абсолютная) и ввести содержательный критерий — способ легитимации и наличие внутреннего самоограничения власти. Симфоническая модель (теократическая) сакральна, абсолютистская — секулярна. Первая предполагает ответственность перед Богом, вторая — только перед историей или народом. Эта теоретическая рамка, предложенная М.В. Зызыкиным, находит подтверждение в современных историко-правовых исследованиях. Так, В.И. Евтушенко на материале Белгородской духовной консистории убедительно показывает, как в XVIII веке происходил переход от симфонии к протестантской модели государственного управления церковью, когда синодальные структуры стали частью бюрократического аппарата [3, с. 65].

Актуальность предпринятого М.В. Зызыкиным разграничения подтверждается современным состоянием историко-правовой науки. Как отмечает А.С. Ларионов, несмотря на многовековую историю самодержавия в России, это явление до сих пор нуждается в отдельном теоретическом осмыслении, что делает вклад М.В. Зызыкина в концептуализацию данного феномена особенно ценным [14, с. 98]. Исследование самодержавия как правового феномена получает развитие в работах Е.В. Сафроновой и Г.П. Шайрян, которые, раскрывая юридическую природу верховной власти российского монарха, подчеркивают исключительность его государственно-канонического правового статуса, неразрывно связанного с религиозным миросозерцанием русского народа [18, с. 240–241, 243].

В центре теоретической конструкции М.В. Зызыкина находится категория «православный царь», которую он раскрывает через учение Патриарха Никона. Быть православным царем, по мысли ученого, означает не только исповедовать веру, но и строить всю государственную деятельность в соответствии с церковными канонами. Царь призван «оцерковить» свой сан, свою жизнь и государственный закон, быть проводником

высшей справедливости. В теоретико-правовом плане это означает, что позитивное законодательство должно соответствовать каноническому праву, которое выступает в роли высшего нормативного регулятора. Как отмечает Н.А. Сафронов, в основе отечественной консервативной политико-правовой доктрины лежит катехоническая теория государства — представление о государстве как о силе, «удерживающей» мир от вселенского зла [15, с. 96; 16, с. 12]. М.В. Зызыкин показывает, что для Никона царская власть получает свое оправдание не в самой себе, а в своем религиозном назначении [8]. Нарушение этих границ, вторжение в церковную юрисдикцию есть не просто политическая ошибка, а грех, влекущий девальвацию легитимности власти. Данное положение позволяет М.В. Зызыкину констатировать сущностное отличие православного понимания власти от западноевропейского, где власть мыслится как автономная и самодостаточная.

Анализируя конфликт Никона с царем Алексеем Михайловичем [9, 10], М.В. Зызыкин интерпретирует его не как борьбу за личную власть, а как столкновение двух правопониманий: столкновение двух правопониманий: симфонического, признающего самостоятельность церковной юрисдикции, и цезарепапистского, стремящегося к подчинению Церкви государству. Уход Никона с кафедры в 1658 году рассматривается ученым как канонически выверенный акт протеста, форма реализации leges imperfectae — норм, не имеющих формальных санкций, но сохраняющих нравственную обязательность. Данная интерпретация актуализирует теоретическую проблему эффективности правовых норм, не обеспеченных государственным принуждением, но опирающихся на авторитет и традицию.

Опубликованный в аргентинской эмигрантской газете цикл докладов М.В. Зызыкина имеет существенное значение для теоретико-правовой науки по нескольким основаниям.

Во-первых, он демонстрирует применение интегральной методологии к анализу государственно-правовых явлений. М.В. Зызыкин рассматривает право в неразрывной связи с религиозным сознанием, культурой и исторической традицией, что позволяет избежать как позитивистской редукции права к принуждению, так и спекулятивных метафизических построений, оторванных от правовой реальности. Такой подход созвучен современным поискам в области юридической антропологии и социологии права.

Во-вторых, цикл вводит в научный оборот ряд теоретических категорий, имеющих значение для понимания природы верховной власти. Различение самодержавия и абсолютизма, анализ «права печалования» как института восполнения права, концепция симфонии как модели соотношения юрисдикций — все это обогащает понятийный аппарат теории государства и права. Особую ценность представляет предложенная М.В. Зызыкиным типология легитимации, позволяющая дифференцировать монархические формы правления не по формальным признакам (наличие или отсутствие конституции), а по источнику и способу обоснования власти.

В-третьих, аргентинский цикл представляет собой ценный материал для изучения эволюции правовой мысли русского зарубежья. Он показывает, как в условиях эмиграции, при отсутствии доступа к архивам и академической инфраструктуре, ученый продолжал продуктивную научную работу, адаптируя свои идеи к новым условиям и аудитории. Работы М.В. Зызыкина, созданные в эмиграции, стали продолжением и развитием традиции русской правовой мысли о соотношении государства и церкви, которая, по замечанию И.Л. Дмитриева, вобрав все лучшее из наследия Византии, создала свою собственную правовую культуру [2, с. 4–5].

Наконец, идеи М.В. Зызыкина сохраняют актуальность для современных дискуссий о пределах государственной власти, о соотношении права и нравственности, о роли религиозных институтов в публичной сфере. В контексте секулярного правопонимания его концепция симфонии предлагает альтернативную модель, основанную на признании самостоятельной ценности церковной юрисдикции и приоритета канона над зако-

ном. Н.В. Володина в своем исследовании выделяет теократическую модель государственной правовой политики, где религиозные объединения играют государственно-культурообразующую роль [1, с. 15]. Концепция симфонии властей у М.В. Зызыкина может быть рассмотрена как конкретно-историческая реализация данной модели на русской почве. Современные исследователи, такие как А.Н. Чертков, видят в симфонии основу для гармоничного сотрудничества властей ради общего блага [20, с. 58], а М.Н. Кузнецов и Г.П. Шайрян — непреходящую духовную ценность России, способствовавшую формированию отечественной государственности [13, с. 40].

Цикл докладов профессора М.В. Зызыкина «Третий Рим», опубликованный в эмигрантской газете «Наша страна», представляет собой оригинальное и завершенное теоретико-правовое исследование. Проведенный анализ позволяет утверждать, что, несмотря на газетную форму, работа ученого не является компиляцией ранее высказанных идей, а представляет собой самостоятельное осмысление эволюции верховной власти в России с позиций теории государства и права. Разработанная М.В. Зызыкиным концепция симфонии властей предлагает модель соотношения церковной и государственной юрисдикций, основанную на принципах автономии, разграничения компетенции и приоритета канонических норм над светскими. Эта модель позволяет по-новому взглянуть на историю русской государственности, увидев в ней не просто смену политических режимов, но борьбу двух типов правопонимания — симфонического (сакрального) и абсолютистского (секулярного).

Фундаментальное различение самодержавия и абсолютизма, предложенное М.В. Зызыкиным, обогащает понятийный аппарат теории государства и права. Оно вводит содержательный критерий для типологии монархий — способ легитимации власти и наличие внутреннего (нравственно-религиозного) самоограничения. Это различение позволяет преодолеть ограниченность формально-юридического подхода и учитывать культурно-исторический контекст при анализе форм правления.

В контексте современных дискуссий о пределах государственной власти, о роли традиционных ценностей и о природе суверенитета идеи М.В. Зызыкина о внутреннем самоограничении власти представляют собой теоретический источник. Таким образом, теоретико-правовая концепция М.В. Зызыкина, реконструированная на материалах аргентинского цикла, предлагает оригинальную типологию монархической власти, основанную на критериях сакральной легитимации и внутреннего самоограничения, что вносит вклад в развитие теории государства и права и позволяет концептуализировать альтернативные западной традиции модели властеотношений.

Список литературы:

1. Володина Н.В. Теоретические основы правового регулирования отношений государства и религиозных объединений : сравнительно-правовой анализ : автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.01 / Володина Нина Витальевна; [Место защиты: Юрид. ин-т МВД РФ]. – Санкт-Петербург, 2010. – 56 с.
2. Дмитриев И.Л. Русская правовая мысль о соотношении государства и церкви : конец XIX – начало XX веков : автореферат дис. ... кандидата юридических наук : 12.00.01 / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. – Москва, 2004. – 25 с.
3. Евтушенко В.И. Переход Русского государства от концепции «симфонии властей» к протестантской модели управления церковью (на примере Белгородской духовной консистории) / В.И. Евтушенко. – DOI 10.52575/2712-746X-2025-50-1-59-69 // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. – 2025. – Т. 50, № 1. – С. 59–69.
4. Зызыкин М.В. Патриарх Никон. Его государственные и канонические идеи : в 3 т. Т. 1 / М.В. Зызыкин. – Варшава : Синодальная типография, 1931. – 327 с. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikon_Minin/patriarh-nikon-ego-gosudarstvennye-i-kanonicheskie-idei/ (дата обращения: 05.10.2025).
5. Зызыкин М.В. Третий Рим (Второй доклад) / М.В. Зызыкин // Наша Страна. – Буэнос-Айрес, 1949. – № 26 (3 сентября). – С. 6. – URL: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_26_online.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
6. Зызыкин М.В. Третий Рим (Третий и четвертый доклады) / М.В. Зызыкин // Наша Страна. – Буэнос-Айрес, 1949. – № 27 (18/ сентября). – С. 7. – URL: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_27_online.pdf (дата обращения: 12.11.2025).
7. Зызыкин М.В. Третий Рим (Пятый доклад) / М.В. Зызыкин // Наша Страна. – Буэнос-Айрес, 1949. – № 28

(1 октября). – С. 5. – URL: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_28_online.pdf (дата обращения: 15.11.2025).
8. Зызыкин М.В. Третий Рим (Шестой доклад) / М.В. Зызыкин // Наша Страна. – Буэнос-Айрес, 1949. – № 29 (15 октября). – С. 8. – URL: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_29_online.pdf (дата обращения: 18.11.2025).
9. Зызыкин М.В. Третий Рим (Седьмой доклад) / М.В. Зызыкин // Наша Страна. – Буэнос-Айрес, 1949. – № 30 (29 октября). – С. 8. – URL: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_30_online.pdf (дата обращения: 20.11.2025).
10. Зызыкин М.В. Крушение Третьего Рима (Восьмой доклад) / М.В. Зызыкин // Наша Страна. – Буэнос-Айрес, 1949. – № 31 (12 ноября). – С. 8. – URL: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_31_online.pdf (дата обращения: 22.11.2025).
11. Зызыкин М.В. Цезарепапизм (Девятый доклад) / М.В. Зызыкин // Наша Страна. – Буэнос-Айрес, 1949. – № 32 (26 ноября). – С. 4. – URL: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_32_online.pdf (дата обращения: 25.11.2025).
12. Зызыкин М.В. Земский Собор или Учредительное Собрание (Десятый доклад) / М.В. Зызыкин // Наша Страна. – Буэнос-Айрес, 1949. – № 33 (10 декабря). – С. 7–8; № 34 (24 декабря). – С. 7–8. – URL: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_34_online.pdf (дата обращения: 28.11.2025).
13. Кузнецов М.Н., Шайрян Г.П. «Симфония властей» как традиционная ценность отечественной государственности / М.Н. Кузнецов, Г.П. Шайрян // Право и управление. – 2024. – № 2. – С. 29–45.
14. Ларионов А.С. Генезис самодержавия как государственно-правового феномена в России: историографический аспект / А.С. Ларионов. – DOI 10.14529/law250115 // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2025. – Т. 25, № 1. – С. 96–104.
15. Сафронов Н.А. К вопросу о концептуальных основах государственной идеологии России / Н.А. Сафронов. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_7_96 // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 96–97.
16. Сафронов Н.А. Идеи христианской государственности в отечественной политико-правовой мысли конца XIX – начала XX вв. : диссертация ... кандидата юридических наук : 5.1.1 / Сафронов Никита Алексеевич. – Курск, 2025. – 211 с. – URL: https://swsu.ru/... (дата обращения: 15.01.2026).
17. Сафронов Н. А. Учение М. Г. Зызыкина о самодержавии в контексте идеи христианского государства [Текст] / Н.А. Сафронов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2023. – Т.9 (75) - № 1. – С. 71-76.
18. Сафронова Е.В., Шайрян Г.П. Правовой феномен российского самодержавия / Е.В. Сафронова, Г.П. Шайрян. – DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-3(2)-240-252 // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 3, ч. 2. – С. 240–252.
19. Солоневич И.Л. Народная монархия / Иван Солоневич. – 3-е изд. – Буэнос-Айрес : Наша страна, 1973. – 491 с. – URL: https://rusinst.su/docs/books/I.L.Solonevich-Narodnaya_monarhiya.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
20. Чертков А.Н. Соборность общества и симфония властей в России: традиционность, актуальность, инновационность / А.Н. Чертков. – DOI 10.21777/2587-9472-2024-2-55-59 // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2024. – № 2 (42). – С. 55–59.

Maltseva Ya.V. The theoretical and legal concept of the "third rome" in the argentine cycle of reports by prof. M.V. Zyzikin (1949) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 107-113

The article analyzes the theoretical and legal content of the cycle of reports by Professor M.V. Zyzykin "The Third Rome," published in 1949 in the émigré newspaper "Nasha Strana" (Buenos Aires). The author's concept of the symphony of powers as a model of correlation between ecclesiastical and state jurisdictions, its historical evolution from the establishment of the patriarchate to Peter's reforms, as well as the theoretical distinction between the concepts of "autocracy" and "absolutism" are examined. Particular attention is paid to the methodology of historical and legal analysis applied by M.V. Zyzykin and the significance of his ideas for the modern theory of state and law. Based on the introduction into scientific circulation of previously little-studied sources of the Argentine period, it is concluded that this cycle represents an integral theoretical and legal concept that organically complements the fundamental works of the scientist and remains relevant for modern studies of the nature of supreme power.

Keywords: M.V. Zyzykin; theoretical and legal concept; symphony of powers; The Third Rome; autocracy; absolutism; legal methodology; canon law; historical and legal analysis; I.L. Solonevich; "Nasha Strana"; Russian emigration.

Spisok literatury:

1. Volodina N.V. Theoretical foundations of legal regulation of relations between the state and religious associations: comparative legal analysis: abstract of the dissertation ... Doctor of Law: 12.00.01. Saint Petersburg, 2010. 56 p.
2. Dmitriev I.L. Russian legal thought on the relationship between state and church: late XIX – early XX centuries: abstract of the dissertation ... Candidate of Law: 12.00.01. Moscow, 2004. 25 p.
3. Evtushenko V.I. The transition of the Russian state from the concept of "symphony of powers" to the Protestant model of church governance (on the example of the Belgorod Spiritual Consistory). NOMOTHETIKA: Philosophy.

Sociology. Law, 2025, vol. 50, no. 1, pp. 59–69.
4. Zyzykin M.V. Patriarch Nikon. His state and canonical ideas: in 3 vols. Vol. 1. Warsaw, Synodal Printing House, 1931. 327 p.
5. Zyzykin M.V. The Third Rome (Second report). Our Country. Buenos Aires, 1949, no. 26 (September 3), p. 6. Available at: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_26_online.pdf (accessed: 10.11.2025).
6. Zyzykin M.V. The Third Rome (Third and fourth reports). Our Country. Buenos Aires, 1949, no. 27 (September 17), p. 7.
7. Zyzykin M.V. The Third Rome (Fifth report). Our Country. Buenos Aires, 1949, no. 28 (October 1), p. 5. Available at: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_28_online.pdf (accessed: 15.11.2025).
8. Zyzykin M.V. The Third Rome (Sixth report). Our Country. Buenos Aires, 1949, no. 29 (October 15), p. 8. Available at: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_29_online.pdf (accessed: 18.11.2025).
9. Zyzykin M.V. The Third Rome (Seventh report). Our Country. Buenos Aires, 1949, no. 30 (October 29), p. 8. Available at: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_30_online.pdf (accessed: 20.11.2025).
10. Zyzykin M.V. The Collapse of the Third Rome (Eighth report). Our Country. Buenos Aires, 1949, no. 31 (November 12), p. 8.
11. Zyzykin M.V. Caesaropapism (Ninth report). Our Country. Buenos Aires, 1949, no. 32 (November 26), p. 4. Available at: https://nashastrana.net/wp-content/uploads/2025/04/NS_32_online.pdf (accessed: 25.11.2025).
12. Zyzykin M.V. Zemsky Sobor or Constituent Assembly (Tenth report). Our Country. Buenos Aires, 1949, no. 33 (December 10), pp. 7–8; no. 34 (December 24), pp. 7–8.
13. Kuznetsov M.N., Shairyan G.P. "Symphony of powers" as a traditional value of Russian statehood. Law and Management, 2024, no. 2, pp. 29–45.
14. Larionov A.S. The genesis of autocracy as a state-legal phenomenon in Russia: historiographical aspect. Bulletin of the South Ural State University. Series: Law, 2025, vol. 25, no. 1, pp. 96–104.
15. Safronov N.A. On the question of the conceptual foundations of the state ideology of Russia. Law and State: Theory and Practice, 2023, no. 7 (223), pp. 96–97. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_7_96.
16. Safronov N.A. Ideas of Christian statehood in Russian political and legal thought of the late XIX – early XX centuries: dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 5.1.1. Kursk, 2025. 211 p. Available at: https://swsu.ru/... (accessed: 15.01.2026).
17. Safronov N.A. The doctrine of M. G. Zyzykin on autocracy in the context of the idea of a Christian state // Uchenye zapiski Krymskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – Vol. 9 (75), No. 1. – P. 71-76.
18. Safronova E.V., Shairyan G.P. The legal phenomenon of Russian autocracy. Scientific notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Series: Legal sciences, 2021, vol. 7 (73), no. 3, part 2, pp. 240–252.
19. Solonevich I.L. People's Monarchy. 3rd ed. Buenos Aires, Nasha strana, 1973. 491 p.
20. Chertkov A.N. Conciliarity of society and symphony of powers in Russia: traditionality, relevance, innovativeness. Bulletin of the Moscow Witte University. Series 2: Legal sciences, 2024, no. 2 (42), pp. 55–59.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 114-121.

УДК:340.1

ГЕНЕЗИС АДВОКАТСКОЙ МОНОПОЛИИ В РОССИИ: ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ

Никитина А. П., Саченок Л. И.

Статья посвящена исследованию эволюции нормативного содержания категории «квалифицированная юридическая помощь» и институциональной трансформации судебного представительства в Российской Федерации в период 2025–2026 гг. Основное внимание уделяется анализу проекта федерального закона, разработанного Министерством юстиции РФ (ID 158248, вынесен на общественное обсуждение в 2025 г.), которым предполагается введение так называемой адвокатской монополии — исключительного права адвокатов на осуществление функций представителя в судах всех уровней. В статье обосновывается позиция, согласно которой предложение об установлении исключительного права адвокатов на судебное представительство не вступает в противоречие с действующими правовыми позициями Конституционного Суда РФ, включая Постановление № 15-П от 16 июля 2004 года. Вместе с тем автор аргументирует, что практическая реализация данной реформы сопряжена с критическими рисками, к числу которых относятся: выраженный кадровый дисбаланс между субъектами Российской Федерации; отсутствие адаптированной налоговой и организационно-правовой модели интеграции лиц, осуществляющих юридическую практику без адвокатского статуса; а также недостаточный институциональный ресурс самой адвокатуры. На основе статистических данных о судебной нагрузке за 2025 год (свыше 34 млн рассмотренных дел, нагрузка на одного мирового судью — до 490 дел в месяц), сведений о кадровом дефиците в судебной системе (до 3,5 тыс. вакансий) и показателей деятельности адвокатских палат Москвы, Краснодарского края и города Севастополя выявлены значительные региональные диспропорции в обеспеченности населения квалифицированной юридической помощью. В итоге доказывается необходимость предварительной модернизации института адвокатуры как необходимое условие для последующего наделения её монопольными полномочиями по судебному представительству.

Ключевые слова: квалифицированная юридическая помощь, адвокатская монополия, судебное представительство, Конституционный Суд РФ, региональная диспропорция, доступ к правосудию, реформа 2025 г.

В современной российской юридической доктрине и правоприменительной практике сохраняется высокая степень дискуссионности вопроса о надлежащем субъектном составе судебного представительства. Сторонники концепции адвокатской монополии аргументируют свою позицию тем, что исключительно адвокаты, будучи интегрированными в систему корпоративной этики, несущие дисциплинарную ответственность перед адвокатской палатой и обладающие специальным статусом, гарантируют надлежащий уровень квалифицированной юридической помощи [1]. Оппоненты данной модели, напротив, акцентируют внимание на высокой стоимости адвокатских услуг, объективном дефиците адвокатских кадров в отдельных субъектах Российской Федерации, а также на том, что многолетняя успешная практика значительного числа частнопрактикующих юристов, не обладающих адвокатским статусом (оценочно — от 500 до 700 тыс. специалистов), свидетельствует о неоправданности введения исключительного права адвокатов на судебное представительство [2].

В июле 2025 г. Министерство юстиции РФ вынесло на общественное обсуждение проект ФЗ № 158248 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Согласно проекту, с 1.02.2028 г. в судах всех уровней смогут выступать исключительно адвокаты. Переходный период составляет почти 3 года.

Цель настоящей статьи последовательно рассмотреть: эволюцию института судебного представительства в нашей стране; правовые позиции Конституционного Суда РФ; современные статистические данные о судебной нагрузке и численности адвокатов; региональные диспропорции.

Методологическую основу составляют историко-правовой метод, формально-догматический анализ нормативных актов и судебных постановлений, а также сравни-

тельный анализ региональных данных.

Споры о введении монополии в суде, имеют в России давнюю традицию. Уже в Псковской и Новгородской судных грамотах XV в. упоминаются «поверенные» и «ходатаи» – грамотные люди, помогавшие неграмотным истцам и ответчикам [4]. Как отмечал известный дореволюционный юрист Е.В. Васьковский, «история нашей древней адвокатуры – это, по сути, история ябедничества» [5]. Ходатаи нередко брали взятки, запутывали судей, обманывали доверителей. Попытки государства обуздать этот стихийный рынок предпринимались неоднократно, но без особого успеха.

Пётр I в своих Указах гневно именовал их «душевредцами» и «ябедниками», однако радикально изменить ситуацию не смог. При Екатерине II в 1775 г. появились «стряпчие» – государственные служащие при прокурорах, но частные ходатаи сохранились. Александр I учредил Конторы адресов в Москве и Петербурге, обязав всех занимающихся «стряпчеством» регистрироваться. Однако эта мера, при всей её разумности, не дала реального контроля [6].

Наконец, в 1832 г. для коммерческих судов были введены «присяжные стряпчие». Само слово «присяжный» налагало моральные обязательства, но действовало это нововведение только в узкой сфере. К середине XIX в. назрела необходимость кардинальной реформы.

Перелом наступил с утверждением Судебных уставов Александра II. Создавалось сословие присяжных поверенных – профессиональных защитников с высшим юридическим образованием, стажем не менее пяти лет и допуском через совет присяжных поверенных [7]. По замыслу авторов реформы, правосудие невозможно без квалифицированного представителя, который знает закон и умеет его применять.

Однако законодатели 1864 г. проявили завидную осторожность. Они оставили и «частных поверенных» – для провинции, где присяжных поверенных катастрофически не хватало [8]. И уже тогда раздавались голоса о необходимости полной монополии присяжных поверенных, но реформаторы благоразумно отказались от этого шага, понимая, что в отдалённых губерниях просто некому будет заменить частных поверенных. Эта двухуровневая система просуществовала до 1917 г.

Период 1864–1917 гг. нередко называют «золотым веком» русской адвокатуры. Имена Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича, К.К. Арсеньева знала вся страна. Однако и тогда сохранялась проблема: частных поверенных было гораздо больше, и многие из них работали не лучше дореформенных «ходатаи». Их именовали «язвой адвокатуры», но ничего поделать не могли – в уездных городах иных представителей просто не было.

После Октября 1917 г. большевики объявили старую адвокатуру «буржуазным пережитком». Декрет о суде № 1 отменил как присяжных, так и частных поверенных, провозгласив, что в судах могут выступать любые «неопороченные граждане обоего пола» [9]. Наступила краткая эпоха абсолютной свободы представительства.

Но очень скоро стало ясно, что свобода без правил порождает хаос. Уже в 1918 г. начали создаваться коллегии правозаступников, а в 1922 г. вышло Положение о коллегии защитников. Адвокатура возрождалась, но уже под жёстким контролем государства. Многие дореволюционные адвокаты были расстреляны или отправлены в лагеря; численность упала с 13 тысяч до 650 человек к 1921 г. [10].

В 1939 г. принято новое Положение об адвокатуре, которое ввело термин «адвокат», действующий до сих пор. Требования были высокими: высшее юридическое образование, стаж не менее двух лет. Однако адвокатура оставалась зависимой от Министерства юстиции. В 1979–1980 гг. систему кодифицировали, и она просуществовала до распада СССР. При всех недостатках, советская адвокатура сохранила преемственность и традиции профессии.

В 1990-е годы назрела необходимость в новом законе об адвокатуре, который бы отвечал реалиям рыночной экономики и правового государства. Готовили его долго, было написано около пятнадцати вариантов, споры между Минюстом и адвокатским сообществом не утихали. Наконец, в 2002 г. ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» был принят [11]. Адвокатура провозглашалась независимой, самоуправляемой корпорацией.

Однако в том же 2002 г. приняли новый АПК. Ч. 5 ст.и 59 АПК РФ установила, что в арбитражных судах организации могут представлять только их руководители, штатные работники либо адвокаты. Иные частнопрактикующие юристы не допускались. Фактически это была «адвокатская монополия» в арбитражном процессе.

Указанная норма действовала непродолжительный период. В 2004 г. КС РФ Постановлением № 15-П признал её не соответствующей Конституции РФ [12]. В обоснование данной позиции Суд исходил из того, что на тот исторический этап адвокатура не обладала достаточным кадровым и институциональным ресурсом: в ряде субъектов РФ фиксировалась низкая плотность адвокатского корпуса, а в некоторых регионах он фактически отсутствовал. Сохранение монопольного режима судебного представительства в таких условиях привело бы к невозможности для многих организаций реализовать конституционное право на судебную защиту. Вместе с тем КС РФ специально оговорил, что законодатель не лишён права вернуться к вопросу об исключительном праве адвокатов в будущем, по мере укрепления адвокатуры. Суд не установил перманентного запрета на введение адвокатской монополии.

Спустя 20 лет, в 2025 г., во исполнение данной правовой позиции Министерство юстиции РФ инициировало законопроект, предусматривающий введение адвокатской монополии уже во всех судебных инстанциях (а не только в арбитражных).

Оценка обоснованности законопроекта требует анализа объективных статистических данных. Согласно официальным сведениям, представленным Председателем ВС РФ в феврале 2026 г., в 2025 г. судами всех уровней рассмотрено свыше 34 млн дел. Для сравнения: в 2024 году данный показатель составлял почти 42 млн дел; снижение обусловлено, в частности, повышением размеров государственных пошлин и гуманизацией уголовного законодательства. Вместе с тем уровень процессуальной нагрузки на судей сохраняется крайне высоким. Нагрузка на одного мирового судью в среднем достигает 490 дел в месяц, на судью районного суда — около 60 дел, на судью арбитражного суда — до 170 дел. При этом кадровый дефицит в судейском корпусе оценивается приблизительно в 3,5 тыс. вакансий, что соответствует около 15% штатной численности.

Что касается обеспеченности правосудия адвокатскими кадрами, то, по данным Федеральной палаты адвокатов РФ на начало 2026 года, статус адвоката имеют около 84 тыс. человек. Из них статус действующего адвоката (без приостановления) — примерно 75,8 тыс. Примечательно, что впервые за длительный период зафиксировано сокращение численности адвокатов, имеющих действующий статус [11].

По разным оценкам, от 500 до 700 тысяч практикующих специалистов: штатные юристы компаний, частнопрактикующие, самозанятые, сотрудники юридических фирм, работающих как ООО. Если с 2028 г. их всех отстранить от судов, то оставшимся 84 тысячам адвокатов придётся обслуживать все 34 миллиона дел. Даже с учётом исключений (штатные юристы и близкие родственники, которые сохраняют право представительства) это выглядит утопией.

Ключевой правовой рубеж – уже упомянутое Постановление № 15-П от 16.07.2004 г. Суд признал, что монополия на судебное представительство в арбитражном процессе в тот момент была преждевременной. Адвокатура только что реформирована, количе-

ственно слаба, региональные диспропорции колоссальны. Установление монополии привело бы не к повышению качества, а к отказу в правосудии.

Позднее Конституционный Суд последовательно развивал обоснованность профессиональных требований при сохранении баланса интересов. Ещё в 1997 г. (Постановление № 2-П) он указал, что право на защиту в уголовном процессе не означает права выбирать любого человека без юридического образования [13]. Государство может и должно устанавливать разумные квалификационные требования.

В 2018 г. принят Федеральный закон № 451-ФЗ, который с 2019 г. ввёл образовательный ценз для представителей в апелляционных и кассационных судах – высшее юридическое образование или учёная степень [14]. Это стало промежуточным этапом ужесточения требований.

В 2025 г. КС ещё не выносил постановления по новому законопроекту Минюста. Однако в сентябре 2025 г. на заседании Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству председатель ВС РФ Игорь Краснов высказался, что проект требует серьёзной доработки, сохранения исключений (близкие родственники, штатные юристы). Он подчеркнул: «самое главное – не ограничить и не нарушить конституционные права людей, в том числе на доступ к правосудию»[18].

Сенатор Айрат Гибатдинов и депутат Алексей Куринный внесли альтернативный законопроект № 1027223-8, который, напротив, расширяет права юристов без статуса адвоката (с высшим юридическим образованием) быть представителями потерпевших в гражданском и административном процессе. Это показывает, что консенсуса в парламенте нет.

Наиболее рельефным доказательством нецелесообразности единовременного (так называемого «фронтального») введения адвокатской монополии является существенная межрегиональная дифференциация в уровне обеспеченности населения услугами адвокатов. Иными словами, имеет место значительный разрыв в плотности адвокатского корпуса между отдельными субъектами РФ.

1. **Москва.** По данным Адвокатской палаты г. Москвы на 2026 г., 12 727 адвокатов. Население около 13 млн. Плотность – примерно один адвокат на 1 300 жителей. Это очень хороший показатель. Для москвичей переход на монополию, скорее всего, не станет катастрофой, хотя цены на услуги вырастут.

2. **Краснодарский край.** 4 355 адвокатов при населении 5,8 млн – один на 1 500 жителей. Чуть хуже столицы, но в целом терпимо. Однако из-за высокой туристической нагрузки и большого числа споров по земле и недвижимости реальная востребованность выше средних цифр [21].

3. **Севастополь.** Население – 558 163 чел. Согласно официальному сайту Адвокатской палаты г. Севастополя, списочный состав адвокатов – 271 чел. Плюс 12 коллегий и 209 адвокатских кабинетов, но общее число не превышает 300. Получается один адвокат более чем на 2 000 жителей. Это уже тревожный сигнал. При этом адвокаты сконцентрированы не только в центре, но и в отдалённых районах (Балаклава, Инкерман, Северная сторона), однако их всё равно крайне мало.

4. **Ненецкий автономный округ.** Абсолютный антирекорд: 9 адвокатов на 42 тыс. жителей. Один адвокат на 4 670 чел. (а по некоторым данным – почти на 7 000). Представьте: чтобы получить квалифицированную юридическую помощь, нужно записываться к одному из девяти специалистов.

Регион	Адвокатов в реестре (2026)	Изменение за 2024 –2025	Население на 1-го адвоката (чел.)
Москва	12 727	+1 в 2023–2024	~1 300
Краснодарский	4 355 (4 431 в т.ч. с при-	+14 за 2023–2024	~1 500

край	остановленным статусом)		
Севастополь	271	270	оценивается как дефицитный ~ 2059
Ненецкий АО	9	нет роста	~7 000

Минюст в пояснительной записке к законопроекту признаёт наличие региональных диспропорций, но не предлагает конкретных механизмов их выравнивания. Похожая картина во многих регионах Дальнего Востока, Сибири, Северного Кавказа.

Даже если отвлечься от региональных проблем, в тексте проекта есть три вопроса, которые представляют монополию в нынешних реалией затруднительной.

1. Отсутствие организационно-правовой формы «адвокатской фирмы». В России крупные юридические компании работают как ООО – коммерческие организации, платят налоги на прибыль, распределяют дивиденды. Адвокатские образования – это некоммерческие структуры: коллегии, бюро, кабинеты. Законопроект не предлагает механизма, который позволил бы ООО преобразоваться в адвокатское образование без потерь. Многие устоявшиеся фирмы с многолетней историей и штатом сотрудников окажутся перед выбором: либо закрыться, либо уйти в тень. Ни то, ни другое не годится.

2. Налоги. Сегодня многие частнопрактикующие юристы работают как самозанятые (налог на профессиональный доход) или на упрощённой системе налогообложения (УСН). Адвокатский статус с этими режимами несовместим. Придётся платить НДФЛ (13%) плюс страховые взносы в фиксированном размере. Налоговая нагрузка вырастет на 30–50%.

3. Переходный период, установленный законопроектом до 1.01.2028 г., остаётся нормативно не наполненным. Законодательная инициатива не определяет, какие именно организационные и правовые мероприятия должны быть реализованы в течение этого трёхлетнего интервала. В частности, отсутствует регламентация упрощённого порядка сдачи квалификационного экзамена для юристов, имеющих многолетний опыт практической работы (например, тестирование исключительно процессуальных навыков без необходимости повторного освоения полного курса адвокатской подготовки). Не установлены на федеральном уровне предельные размеры вступительных взносов в региональные адвокатские палаты; в настоящее время данные взносы достигают 50–100 тыс. руб., что создаёт непреодолимый финансовый барьер для значительной части претендентов. Остаётся неурегулированным вопрос о правовой судьбе лиц, уже на протяжении 10–15 лет успешно осуществляющих судебное представительство без адвокатского статуса: требуется ли в отношении них особая «амнистирующая» процедура, признающая их предшествующую практику в качестве достаточного основания для допуска к профессии?

История судебного представительства в России – это постоянное колебание между полной свободой и жёстким контролем. Реформа 1864 г. оставила две категории поверенных, сознательно отказавшись от монополии. Советская власть сначала ввела абсолютную свободу, а затем, убедившись в её несостоятельности, восстановила адвокатуру под жёстким контролем. Постановление КС РФ 2004 г. отменило монополию, но оставило дверь открытой. И вот теперь, в 2025 г., законодатель снова к ней подошёл.

Вопрос относительного того, чтобы в судах выступали только профессионалы, сам по себе правильный и целесообразный. Так как правозащитная деятельность юриста заключается в обеспечении соблюдения прав и законных интересов человека и гражданина всеми факторами общественных отношений вне зависимости от их процессуального статуса и положения. Правозащитная деятельность должна заключаться исключительно в обеспечении права, но никак не злоупотребления им, например, задача адвока-

та следить за соблюдением прав подозреваемого/обвиняемого, но никак не избавления или обеспечение избегания уголовной ответственности за совершение преступлений [19]. Однако исторический опыт и анализ текущих данных показывают, что резкое введение монополии преждевременно. Необходима поэтапная модель, например:

1. Сначала модернизировать саму адвокатуру: ввести форму «адвокатской фирмы» (аналог ООО), ограничить вступительные взносы, создать упрощённый доступ для юристов с опытом от 5 лет, синхронизировать налоговое законодательство.
2. Ввести монополию не сразу, а по инстанциям: для начала – только для апелляционных и кассационных судов (как образовательный ценз в 2019 г.), а через 1–2 года – для первой инстанции.
3. Сохранить исключения для мелких дел (цена иска до 50 тыс. руб.), для штатных юристов и близких родственников.

С учётом региональных диспропорций следует также предусмотреть особый порядок для малообеспеченных субъектов (Ненецкий АО, Чечня, Дагестан, Забайкалье), возможно, с сохранением права частных юристов выступать в судах до тех пор, пока плотность адвокатов не достигнет определённого минимума.

Проведённый историко-правовой анализ генезиса института судебного представительства в России, а также исследование современных статистических данных, правовых позиций Конституционного Суда РФ и региональных диспропорций позволяют сформулировать следующие итоговые выводы.

Установление исключительного права адвокатов на судебное представительство (так называемая адвокатская монополия) само по себе не противоречит конституционно-правовой доктрине и не является юридически невозможным. Более того, данная модель соответствует общемировой тенденции к профессионализации судебной защиты и повышению стандартов оказания квалифицированной юридической помощи. Однако легитимность и эффективность такой монополии находятся в прямой зависимости от наличия институциональных, организационных и фискальных предпосылок.

Как показал анализ, в настоящее время такие предпосылки в полной мере отсутствуют. Судебная система перегружена, численность адвокатского корпуса стагнирует, а региональные диспропорции (от одного адвоката на 1 300 жителей в Москве до одного на 4 670 жителей в Ненецком АО) носят критический характер. Только при условии комплексной предварительной подготовки и плавного, этапного перехода адвокатская монополия сможет стать не административным барьером, а реальной гарантией права каждого на квалифицированную юридическую помощь, как того требует ст. 48 Конституции Российской Федерации.

Список литературы:

1. Комментарий к Федеральному закону «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» / под ред. Ю.С. Пилипенко. – М.: Статут, 2024. – С. 45–48.
2. Звенигородская Н.Ф. Адвокатская монополия: за и против. / Н.Ф. Звенигородская // Адвокатская практика. –2025. – № 2. С. 12–19.
3. Псковская судная грамота (1397 г.) // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 331–342.
4. Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. Ч. 1. / Е.В. Васьковский. – СПб.: Тип. Н.К. Мартынова, 1893. –С. 56.
5. Бражник А.А. Развитие института представительства в Российской империи дореформенного периода / А.А. Бражник // Российское право онлайн. – 2024. – № 1. – С. 30–42.
6. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. – СПб., 1866. – С. 201–210.
7. Гитенко А.М. Судебная система Российской империи во второй половине XVIII века / А.М. Гитенко // Вопросы российской юстиции. – 2022. – № 17. – С. 52–64.
8. Декрет о суде № 1 от 22.11.1917 // СУ РСФСР. –1917. – № 4. –Ст. 50.
9. Смыкалин А.С. История адвокатуры России / А.С. Смыкалин. – М.: Норма, 2021. – С. 178–185.
10. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» // СЗ РФ.

–2002. – № 23. –Ст. 2102.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2004 № 15-П // СЗ РФ. –2004. –№ 30. – Ст. 3200.
12. Доклад Председателя Верховного Суда РФ на итоговом совещании за 2025 год, 19.02.2026 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Конституционного Суда РФ от 28.01.1997 № 2-П // СЗ РФ. –1997. –№ 7. –Ст. 871.
14. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. –2018. –№ 49. – Ст. 7524.
15. Законопроект № 1027223-8 // Сайт ГД ФС РФ. – URL: https://sozd.duma.gov.ru (дата обращения: 04.06.2026).
16. Будник Р.А. Проблема организационно-правовой формы адвокатских образований / Р.А. Будник // Адвокатская практика. –2025. –№ 4. – С. 28–33.
17. Ситникова А.А. Налоговые последствия введения адвокатской монополии / А.А. Ситникова // Налоговый вестник. –2026. – № 2. –С. 44–49.
18. Рекомендации Экспертного совета при ФПА РФ по переходу к адвокатской монополии (2025) // Вестник Федеральной палаты адвокатов. –2025. – № 5. –С. 22–27.
19. Хиль И.М. Нравственные, моральные и этические особенности современной профессиональной деятельности юриста. / И.М. Хиль // Юридический вестник Кубанского государственного университета.- 2024. - № 3 (16). – С.7-12.

Nikitina A.P., Sachenok L.I. The Genesis of the Bar Monopoly in Russia: Theory, History, and Regional Disproportions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 114-121.

This article examines the evolution of the regulatory content of the category of "qualified legal assistance" and the institutional transformation of judicial representation in the Russian Federation in the period 2025–2026. The focus is on the analysis of the draft federal law developed by the Ministry of Justice of the Russian Federation (ID 158248, submitted for public discussion in 2025), which proposes the introduction of the so-called lawyer monopoly—the exclusive right of lawyers to exercise the functions of representation in courts at all levels. The article substantiates the position that the proposal to establish the exclusive right of lawyers to judicial representation does not conflict with the current legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, including Resolution No. 15 P of July 16, 2004. At the same time, the author argues that the practical implementation of this reform is associated with critical risks, which include: a pronounced personnel imbalance between the constituent entities of the Russian Federation; The lack of an adapted tax and organizational-legal model for integrating individuals practicing law without attorney status; as well as the insufficient institutional resources of the legal profession itself. Based on statistical data on the judicial workload for 2025 (over 34 million cases reviewed, with a workload of up to 490 cases per justice of the peace per month), information on the personnel shortage in the judicial system (up to 3,500 vacancies), and the performance indicators of Moscow's bar associations, Significant regional disparities in the availability of qualified legal aid were identified in the Krasnodar Territory and the city of Sevastopol. This demonstrates the need for preliminary modernization of the legal profession as a prerequisite for subsequently granting it exclusive powers to provide legal representation in court.

Keywords: qualified legal assistance, advocates' monopoly, legal representation, Constitutional Court of the Russian Federation, regional disparity, access to justice, 2025 reform.

Spisok literatury`:

1. Commentary on the Federal Law "On Advocacy Activity and the Bar in the Russian Federation" / edited by Yu. S. Pilipenko. - Moscow: Statut, 2024. - pp. 45-48.
2. Zvenigorodskaya, N. F. Lawyer Monopoly: Pros and Cons // Advocate Practice. - 2025. - No. 2. pp. 12-19.
3. The Pskov Judicial Charter (1397) // Russian Legislation of the 10th–20th Centuries. Vol. 1. Moscow: Legal Literature, 1984, pp. 331–342.
4. Vas'kovsky E.V. Organization of the Bar. Part 1. St. Petersburg: N.K. Martynov Printing House, 1893, p. 56.
5. Brazhnik A.A. Development of the Institute of Representation in the Pre-Reform Russian Empire // Russian Law Online. – 2024. – No. 1. – pp. 30–42.
6. Judicial Statutes of November 20, 1864, with a Statement of the Reasoning on Which They Are Based. St. Petersburg, 1866, pp. 201–210.
7. Gitenko A.M. The judicial system of the Russian Empire in the second half of the 18th century // Voprosy Rossiyskoy Justisy. – 2022. – No. 17. – Pp. 52–64.
8. Decree on the Court No. 1 of 22.11.1917 // SU RSFSR. –1917. – No. 4. –Art. 50.
9. Smykalin A.S. History of the Bar in Russia. – Moscow: Norma, 2021. – Pp. 178–185.
10. Federal Law of 31.05.2002 No. 63-FZ "On Advocacy and the Bar in the Russian Federation" // SZ RF. –2002. – No. 23. –Art. 2102.
11. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 16, 2004, No. 15 P // Collected Legislation of the Russian Federation. -2004. - No. 30. - Article 3200.
12. Report of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation at the final meeting for 2025, February 19, 2026 // SPS "ConsultantPlus".
13. Consolidated statistical information on the state of the legal profession in the Russian Federation for 2023–2025 // Pravo.ru – URL: https://pravo.ru/news/258331/ (date accessed: 04.06.2026).

14.01.1997 No. 2 P // Collected Legislation of the Russian Federation. –1997. –No. 7. –Art. 871.
15. Federal Law of 28.11.2018 No. 451 FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. –2018. –No. 49. – Art. 7524.
16. R.A. Budnik. "The Problem of the Organizational and Legal Form of Lawyer Entities" // Advocate Practice. – 2025. – No. 4. – pp. 28–33.
17. Sitnikova A.A. Tax consequences of the introduction of a lawyer monopoly // Tax Bulletin. -2026. - No. 2. -P. 44-49.
18. Recommendations of the Expert Council under the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation on the transition to a lawyer monopoly (2025) // Bulletin of the Federal Chamber of Lawyers. -2025. - No. 5. -P. 22-27.
19. Khil I.M. Moral, ethical and moral features of modern professional activity of a lawyer. / I.M. Khil // Legal Bulletin of the Kuban State University. - 2024. - No. 3 (16). - P. 7-12.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 122-130.

УДК 341.01; 341.231.12

ИСТОРИЯ НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРИНЦИПА МИРНОГО СОСУЩЕСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВ

Пастухова Л. В., Шумиленко А. П.

Статья посвящена детальному обзору истории нормативного закрепления принципа мирного сосуществования государств независимо от их политических, экономических и социальных систем в актах органов Организации Объединённых Наций (Генеральной Ассамблеи ООН и Совета по правам человека ООН), в международных документах совещаний, встреч, конференций и саммитов представителей государств-участников Движения неприсоединения, а также в рамках двустороннего сотрудничества государств (на примере практики Индии, Китая и России). Отдельно упоминается тенденция внедрения в Резолюциях СПЧ ООН концепции принципа международной солидарности.

Ключевые слова: jus cogens, основные принципы международного права, принцип мирного сосуществования государств, международная солидарность, «Панча Шила», Бандунгская декларация, Движение неприсоединения.

Нарушение отдельными государствами и их объединениями (США, Израиль, ЕС) основополагающих норм международного права, которое сегодня приводит к фактическому отказу ряду государств в возможности эффективной реализации их международной правосубъектности (к примеру, Исламской Республике Иран, КНДР, Республике Куба и другим) или же в существовании как таковом (в случае с Государством Палестина), приводит нас к пониманию того, что государства-жертвы упомянутых системных нарушений объективно лишены первостепенной ценности современного международного права – *мирного сосуществования*. Пропаганда ненависти к определённым народам и цивилизациям из официальных источников, равно как и угрозы об их тотальном уничтожении, стали нормой внешнеполитической риторики отдельных государств. Одна из главных причин – желание народов указанных государств-объектов ненавистнических нападок самостоятельно выбирать политический, экономический и социально-культурный путь развития, который идёт в разрез с интересами и представлениями «мирового гегемона» (или же «коллективного Запада»).

Поэтому крайне отрадным событием стало принятие Генеральной Ассамблеей ООН (далее – ГА ООН) 4.03.2025 г. Резолюции 79/269 «Международный день мирного сосуществования» [1], благодаря чему на повестку дня международного сообщества была вынесена *концепция* «мирного сосуществования государств», которую в 60-80-х годах прошлого века целенаправленно развивали представители советской науки международного права, уверенно утверждавшие о существовании соответствующих норм общего международного права, признанных государствами: Г. П. Задорожный, Г. И. Тункин, Д. Б. Левин, Е. А. Коровин, Р. Л. Бобров, а также И. И. Лукашук и др. (противостояли им в этом на научном поприще Дж. Н. Хезерд, В. В. Кульски, И. Лапенна, Э. МакУинни, У. Батлер и др.).

Концепция мирного сосуществования абсолютно не соответствовала видению странами Запада (США и их сателлитами) будущего их международных отношений. А аргументы рьяных противников концепции мирного сосуществования государств отражали, в первую очередь, *идеологическое противоречие*, поскольку контрагенты считали «мирное сосуществование» своеобразной формой классовой борьбы между социализмом и капитализмом (борьба понималась ими в буквальном смысле как противостояние) и «что принять его [*мирное сосуществование*] – значит признать поражение в многовековой борьбе за объединение человечества в добровольное общество» [2, с. 20].

Поскольку большинство заблуждений западной доктрины касательно подхода

СССР к международному праву, как нам кажется, были связаны с её ошибочным отождествлением «*войны*» и «*борьбы*» (применительно к определению состояния отношений государств, представлявших два противостоящих в тот период друг другу лагеря – капиталистический и социалистический), внимание западных учёных приковывалось к *двум основным вопросам*, касавшимся мирного сосуществования государств: 1) «Насколько неизбежным является открытое столкновение между ними?»; и 2) «Насколько возможным является сотрудничество между ними?».

Советская же доктрина международного права не ударялась в экстремумы, а наоборот искала общие точки соприкосновения. Поэтому И. И. Лукашук заявлял, что принцип мирного сосуществования – это наиболее обобщённый принцип, лежащий в основе всей системы основных принципов международного права. И т.к. этот принцип закрепляет высшие общечеловеческие ценности (мир и мирное взаимодействие государств), ему подчиняются все остальные принципы международного права [3, с. 16].

Тем не менее, несмотря на то, что цели обеспечения мирного сосуществования государств являются основными целями международного права [3, с. 23], И. И. Лукашук был вынужден констатировать то, что вследствие категорического нежелания государств Запада [3, с. 32] вводить в научный оборот отражавший марксистскую идеологию «русский термин» [4, с. 504], а также как-либо потакать «упражнению в пропаганде» [5, с. 766], соответствующий принцип не был в дальнейшем кодифицирован в достаточной мере, поскольку не получил всеобщего признания [6, с. 320]. Однако, не будем забывать, что с конца 90-х гг. XX-го в. до 2026 г. ситуация успела существенно измениться, доказательства чего мы сейчас и предоставим в нашем научном исследовании.

Как считал И. И. Лукашук, «проблема мирного сосуществования государств с различным социальным строем, с разными религиями всегда была центральной в международной жизни» [7, с. 323]. Как нам кажется, И. Лапенна разделяет эту точку зрения, утверждая, что «на самом деле государства, в том числе государства с совершенно разными социальными и политическими структурами, сосуществовали с момента своего возникновения», и что «вся система международного права основана именно на этом сосуществовании различных субъектов» [8, с. 740]. Однако, не стоит забывать, что параллельное автономное существование различных государств нельзя отождествлять с их осознанным активным сосуществованием!

В международно-правовой практике довоенного периода, прежде всего, право на мирное сосуществование признавалось за национальными меньшинствами. В Консультативном заключении № 64 по вопросу о школах меньшинств в Албании от 6.04.1935 г. Постоянная палата международного правосудия подчеркнула следующее: «Идея, лежащая в основе договоров о защите меньшинств, заключается в том, чтобы обеспечить определённым группам населения, проживающим на территории государства, население которого отличается от них по расе, языку или религии, возможность мирно сосуществовать с этим населением и мирно взаимодействовать с ним, сохраняя при этом свои отличительные черты и удовлетворяя особые потребности» [9, с. 17]

Г. П. Задорожный утверждает, что впервые идея мирного сосуществования получила нормативное закрепление в современном международном праве после закрепления (основываясь на решениях конференций 1943–1945 гг.) в Уставе ООН [10, с. 8–9] основных целей организации (ст. 1), принципов деятельности ООН и государств-членов (ст. 2), а также положения о необходимости «проявлять терпимость и жить вместе, в мире друг с другом, как добрые соседи» (Преамбула) [11, с. 78] (примечательно, что некоторые комментаторы Устава ООН заявляют о заимствовании этого положения из послания Ф. Рузвельта от 4.03.1933 г.; Генассамблея ООН часто ссылается на это положение, хотя такие отсылки раскрывают присущую ему двусмысленность – некоторые

свидетельствуют о понимании добрососедства в рамках одного региона, другие не рассматривают добрососедство в исключительно географическом контексте) [12, с. 105].

Дальнейшее развитие и конкретизацию концепция мирного сосуществования государств получила в актах органов ООН. В Резолюции ГА ООН 1236(XII) «Мирные и добрососедские отношения между государствами» от 14.12.1957 г. подчёркивалось «важное значение укрепления международного мира и развития мирных и добрососедских отношений между государствами, независимо от их различий и относительного уровня и характера их политического, экономического и социального развития» (преамбула) [13] (а советский проект «Декларации о мирном сосуществовании государств» от 12.12.1957 г. (A/3673, A/C.1/L.198), предшествовавший Резолюции 1236(XII), был отклонён в процессе обсуждения в первом комитете [14]). Резолюция ГА ООН 1301(XIII) «Меры по установлению и укреплению мирных и добрососедских отношений между государствами» от 10.12.1958 г. содержала призыв государствам-членам ООН «предпринять эффективные шаги к осуществлению принципов мирных и добрососедских отношений» (п. 4) [15]. Резолюция ГА ООН 1495(XV) «Сотрудничество государств-членов Организации» 17.10.1960 г. акцентировала внимание на важности содействия «установлению большего согласия между странами, независимо от различий в их политических и экономических системах» (преамбула) [16].

В Резолюции ГА ООН 1815(XVII) «Рассмотрение принципов международного права, касающихся дружественных взаимоотношений и сотрудничества государств в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций» от 18.12.1962 г. подчёркивалась отчётливая взаимосвязь между поддержанием и укреплением «международного мира, основанного на свободе, равенстве и социальной справедливости», и развитием «мирных и добрососедских отношений между государствами, независимо от их разногласий или уровня развития, или характера их политического, экономического и социального развития» (преамбула). В указанном документе также подчёркивалось, что «Устав имеет первостепенное значение для прогрессивного развития международного права и установления правопорядка между нациями» (преамбула, п. 1) – это важное положение указало, что в тот момент ещё нельзя было искать подтверждения всеобъемлющей практики в отношении всех положений будущей Декларации) [17].

Принцип мирного сосуществования государств так и не был зафиксирован в тексте Резолюции ГА ООН 2625(XXV) «Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединённых Наций» от 24.10.1970 г. [18], однако в Резолюции ГА ООН 3281(XXIX) «Хартия экономических прав и обязанностей государств» от 12.12.1974 г. в п. «f» Гл. I «Основы международных экономических отношений» мирное сосуществование было определено в качестве одного из основных принципов экономических, политических и других отношений между государствами (наряду с указанными в Резолюции ГА ООН 2625(XXV) принципами и, что примечательно, с принципами взаимной и справедливой выгоды (п. «e»), содействия международной социальной справедливости (п. «m»), международного сотрудничества в целях развития (п. «n»), а также отсутствия стремления к гегемонии и сферам влияния (п. «l»)) [19].

В Резолюции ГА ООН 33/73 «Декларация о воспитании народов в духе мира» от 15.12.1978 г. указано, что «в целях обеспечения *взаимного сосуществования* и сотрудничества в условиях мира и в атмосфере взаимопонимания и уважения целостности и самобытности всех народов» (все государства обязаны «действуя в духе дружбы и добрососедских отношений … развивать всестороннее, взаимовыгодное и равноправное политическое, экономическое, социальное и культурное сотрудничество с другими государствами, независимо от их социально-экономических систем» (п. 4), а обязательства

государств по пресечению пропаганды ненависти и предвзятого отношения к другим народам были определены как противоречащие принципам мирного сосуществования и дружественного сотрудничества (п. 8) [20].

В Резолюции ГА ООН 35/55 «Создание Университета мира» от 5 декабря 1980 г., содержащей «Международное соглашение о создании Университета мира и Устав Университета мира», укрепление мирного сосуществования между всеми людьми (а также духа взаимопонимания и терпимости), поощрение сотрудничества между народами и содействие уменьшению препятствий и угроз международному миру и прогрессу определены в качестве целей международного образовательного учреждения (ст. 2 «Цели и задачи») [21; 22; 23; 24]. Памятуя о том, что «мысли о войне возникают в умах людей, и поэтому в сознании людей следует укоренять идею защиты мира» (преамбула) [25, с. 5], и осознавая, что «мир, основанный лишь на экономических и политических соглашениях правительств, не сможет завоевать единодушной, прочной и искренней поддержки народов и что, следовательно, он должен базироваться на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества», Резолюцией ГА ООН 36/67 «Международный год мира и Международный день мира» от 30.11.1981 г. третий вторник сентября (день открытия очередных сессий ГА ООН) был провозглашён Международным днём мира (п. 2) [26].

С конца 1990-х годов XX-го в. в Резолюциях Совета по правам человека ООН параллельно активно разрабатывалась концепция принципа международной солидарности [27]. В указанных документах подчёркивалась много раз убеждённость «в возможности поощрения устойчивого развития посредством мирного сосуществования, дружественных отношений и сотрудничества между государствами с различными социальными, экономическими или политическими системами» (преамбула резолюций 2007–2013 гг. [28; 29]). Помимо этого, мирное сосуществование всех членов международного сообщества определялось как один из элементов принципа международной солидарности (п. 2 рез. 2010–2025 гг. [30; 31]).

Отдельно следует упомянуть, что доклад независимого эксперта по вопросу о правах человека и международной солидарности В. Дандан 2014 г. содержал тезис о том, что «право на международную солидарность включает в себя и затрагивает … приверженность *принципам* справедливости, равенства, *мирного сосуществования,* невмешательства, самоопределения … в международных отношениях» (п. «b» ст. 5) [32, с. 5] (курсив наш – Л. В. П. и А. П. Ш.). Указанная формулировка подтверждала существование и признание принципа мирного сосуществования государств.

Начиная с 2000-х годов, ООН всё чаще начала делать акцент на обеспечении межкультурного, межконфессионального согласия на внутригосударственном уровне во взаимосвязи с реализацией основных прав и свобод человека на недискриминацию и терпимость, свободу совести и религии как гарантии мирного сосуществования. В связи с этим Резолюция ГА ООН 79/269 «*Международный день мирного сосуществования*» от 4.03.2025 г. в преамбуле особо подчёркивала, что: во-первых, «мир – это не просто отсутствие конфликтов, а позитивный, динамичный и основанный на широком участии процесс, в котором поощряется диалог, а конфликты разрешаются в духе взаимопонимания и сотрудничества»;

во-вторых, «поощрение культуры мира, взаимопонимания, уважения многообразия человечества, диалога между цивилизациями и предотвращения конфликтов может способствовать мирному сосуществованию»; в-третьих, важность «ознакомления с разными культурами, ценностями, взглядами, типами поведения и образами жизни, религиями и убеждениями и воспитания в духе терпимости, что подразумевает признание и уважение обществом религиозного и культурного разнообразия, в том числе в вопросах

религиозного самовыражения», а также «поощрения терпимости и уважения к религиозному и культурному разнообразию» и «повсеместного поощрения и защиты прав человека» [1].

Концепция мирного сосуществования государств параллельно утверждалась как норма права сначала в рамках двустороннего и регионального сотрудничества.

Как утверждал проф. М. Радойкович, один из исследователей практического нормативного закрепления принципа мирного сосуществования до 1961 г. перечислил «четыре международных договора, сорок двусторонних или многосторонних заявлений и / или совместных деклараций, а также тридцать односторонних заявлений, речей и тому подобных документов» [33, с. 72], цитирующих принцип мирного сосуществования. А личный каталог И. Лапенны в 1963 г. насчитывал более 300 записей о «сосуществовании» (в международных документах и доктрине) за период 1956-1963 гг. [8, с. 740].

Известно, что в Соглашении между Республикой Индия и КНР о торговле и взаимоотношениях между Тибетским регионом Китая и Индией от 29.04.1954 г. в качестве основы договорённости стороны определили ряд принципов (получивших название «Панча Шила» [34; 35]), включая принцип мирного сосуществования. Это стало первым свидетельством признания государствами взаимосвязи между упомянутым принципом и не простым состоянием отсутствия войны, а взаимным ненападением, взаимным невмешательством во внутренние дела друг друга, взаимным уважением территориальной целостности и суверенитета, а также равенством и взаимной выгодой [36]. Впоследствии все упомянутые принципы стали нормативным закреплением внешнеполитической доктрины пяти принципов мирного сосуществования КНР (исходя из которой, сосуществование должно быть мирным и гармоничным на основе терпимости и взаимопонимания) [37; 38; 39].

Несмотря на то, что заключительное коммюнике проведённой в Бандунге 18–24 апреля 1955 г. Азиатско-Африканской конференции (по инициативе Индонезии, а также Бирмы (Мьянмы), Индии, Пакистана и Цейлона (Шри-Ланка) совместно с делегатами от Афганистана, Демократической Республики Вьетнам, Южного Вьетнама, Египта, Золотого Берега (Ганы), Иордании, Ирака, Ирана, Йемена, Камбоджи, Китайской Народной Республики, Лаоса, Либерии, Ливана, Ливии, Непала, Саудовской Аравии, Сирии, Судана, Таиланда, Турции, Филиппин, Эфиопии и Японии) – Бандунгская декларация от 24 апреля 1955 г. – в Разделе G «Декларация о содействии миру и сотрудничеству во всем мире» не упомянуло принцип мирного сосуществования государств среди 10 принципов, на основе которых государства / народы, «свободные от недоверия и страха, с уверенностью и доброй волей друг к другу, … должны проявлять терпимость и жить вместе в мире как добрые соседи, а также развивать дружественное сотрудничество» [40], созданное по итогам Бандунгской конференции Движение неприсоединения (с англ. – «Non-Aligned Movement» (*NAM*)) с 1961 г. последовательно включает положения о принципе мирного сосуществования в решения конференций глав его государств-участников на протяжении вот уже более 60 лет [41]:

– принятая на II-м Саммите NAM (Каирская) Декларация «Программа мира и международного сотрудничества» от 10.05.1964 г. в Разделе 4 «Мирное сосуществование и кодификация его принципов ООН» прямо указывает на соответствующий принцип (элементами которого государства-участники считали право народов на свободу и выбор политической, экономической и социальной систем в соответствии с их национальной идентичностью и идеалами, а также отрицание любых форм иностранного господства) в качестве гарантии прочного мира, а также гармоничных и добрососедских отношений между государствами во всём мире (преамбула); твёрдо выражая уверенность в невозможности обеспечения мирного сосуществования государств во всём

мире без искоренения империализма, колониализма и неоколониализма (преамбула), государства-участники NAM также подчёркивали: «Мирное сосуществование государств с различными социальными и политическими системами возможно и необходимо; … способствует установлению добрососедских отношений между государствами в целях обеспечения прочного мира и всеобщего благополучия, свободного от господства и эксплуатации» (п. 3 с. 15) [42];

– в Итоговом документе XVII-го саммита глав государств-участников NAM 2016 г. на о. Маргарита [43], в Итоговом документе XVIII-ой промежуточной встречи министров государств-участников NAM 2018 г. в Баку [44], в Итоговом документе встречи министров государств-членов Координационного бюро NAM 2019 г. в Каракасе [45], в Итоговом документе XVIII-го саммита глав государств-участников NAM 2019 г. в Баку [46], а также в Итоговом документе XIX-го саммита глав государств-участников NAM 2024 г. в Кампале [47] принцип мирного сосуществования государств признаётся в качестве устоявшегося в международном праве (п. 191 [43, с. 70], п. 230 [44, с. 76], п. 268 [45, с. 83], п. 267 [46, с. 86] и п. 315 [47, с. 96]. Географический охват представительства Движения неприсоединения (а точнее – 121 государство из разных регионов мира [48]) свидетельствует о весьма широком признании принципа мирного сосуществования государств важной частью современного международного права. Стоит также упомянуть, что на проходившей в Манаме 28–30.10.2002 г. ежегодной сессии Конференции в рамках мусульманско-христианского диалога по теме «Роль религии в обеспечении мирного сосуществования», рассматривались три уровня реализации принципов мирного сосуществования – местный, региональный, универсальный [49, с. 2]. Представители мусульманского и христианского духовенства согласовали ряд положений, составляющих содержание мирного сосуществования (среди прочего, о том, что «справедливость во всех её формах является основой мира и мирного сосуществования»[1] (п. 6) [49, с. 3] и призвали «начать конструктивный диалог между последователями всех священных учений для достижения требуемого сотрудничества в интересах утверждения принципов международного мира и сосуществования и обеспечения безопасности людей и обществ» (п. 1) [49, с. 3].

Принцип мирного сосуществования неоднократно подтверждался как основа взаимоотношений РФ И КНР в их совместных декларациях (например, от 25 июня 2016 г. [50] и 8 мая 2025 г. [51]). В их взаимных отношениях РФ и КНР руководствуются принципами (постулатами), «закреплёнными в Пяти принципах мирного сосуществования» (п. 1 [50] и п. 3 [51]). Помимо всего прочего, Россия и Китай не приемлют и осуждают разделение по идеологическому признаку, подчеркивая при этом право государств на нормальное экономическое и торговое сотрудничество (п. 8) [51].

Подводя итоги проведённого научного исследования, можем утверждать, что: 1) существующая межгосударственная практика, акты органов ООН и международных конференций позволяют утверждать, что сегодня принцип мирного сосуществования государств является неотъемлемой частью действующего общего международного права и считать его утратившим свойства норм международного права вследствие исторических событий последнего десятилетия прошлого века нецелесообразно; 2) фиксируемое соответствующими международными документами, содержащими как обязательные, так и рекомендательные нормы международного права, opinio juris государств в отношении принципа их мирного сосуществования позволяет с уверенностью заявлять об универсальном характере этого принципа; 3) чего опасался и о чём говорил Запад

[1] А «*несправедливость во всех её формах является одной из главных причин вражды, войн и террора во всех их проявлениях*»!

(угроза экспорта революции социалистическими государствами под маской мирного сосуществования), на самом деле, он сам уже давно осуществляет по всему миру (его «цветные революции» под соусом борьбы за демократию против тирании, деспотии, диктатуры, а также тоталитаризма, авторитаризма и мнимых массовых и грубых нарушений прав и свобод человека уничтожили спокойствие, благополучие и процветание не одного государства в различных регионах мира); 4) к сожалению, развитие международного сотрудничества по вопросам минимизации факторов, способных вызывать нестабильность как на внутригосударственном, так и на межгосударственном уровнях, уводит внимание мировой общественности от основных проблем, искоренение которых совместными усилиями государств под эгидой ООН могло бы поспособствовать их эффективной реализации принципа мирного сосуществования: 1) пропаганда применения силы; 2) применение разнообразных противоправных односторонних ограничительных мер; 3) дискриминация и двойные стандарты в межгосударственных отношениях; 4) отказ от сотрудничества; 5) распространение ложной информации и т.п.

Список литературы:

1. *International Day of Peaceful Coexistence*. Resolution adopted by the General Assembly on 4 March 2025. UN Doc. A/RES/79/269. 4 March 2025 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n25/059/21/pdf/n2505921.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
2. *Hazard J. N.* Co-existence, Co-operation, and the Common Law / J. N. Hazard // Law, Foreign Policy, and the East-West Détente / ed. by E. McWhinney. – Toronto, Canada: University of Toronto Press, 1964. – P. 18–32.
3. Курс международного права: Основные принципы международного права. В 7-ми томах. Т. 2 / *Игнатенко Г. В., Карташкин В. А., Клименко Б. М., Лукашук И. И. и др.*; отв. ред.: Лукашук И. И. – М.: Наука, 1989. – 239 с.
4. *Fifield R. H.* The Five Principles of Peaceful Co-Existence / R. H. Fifield // American Journal of International Law. – 1958. – Vol. 52, No. 3. – P. 504–510.
5. 56th Annual Meeting of the American Society of International Law // American Journal of International Law. – 1962. – Vol. 56, № 3. – P. 751–782.
6. *Кшевицкая М. А.* «Государства-изгои» («Rogue States») или жертвы травли («Victims of Bullying»): пробелы или нарушения современного международного права / М. А. Кшевицкая, А. П. Шумиленко, Л. В. Пастухова // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75). № 3. – С. 311–324.
7. *Лукашук И. И.* Международное право. Общая часть: учеб. для студентов юрид. фак. и вузов / Рос. акад. наук, Ин-т государства и права, Академ. правовой ун-т. – Изд. 3-е, перераб. и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 432 с.
8. *Lapenna I.* The Legal Aspects and Political Significance of the Soviet Concept of Coexistence / I. Lapenna // International and Comparative Law Quarterly. – 1963. – Vol. 12, No. 3. – P. 737–777.
9. *Minority Schools in Albania*. Fascicule No. 64. Advisory Opinion of April 6th, 1935. // Series A./B. Permanent Court of International Justice. Judgments, Orders and Advisory Opinions. XXXIVth Session. – Leyden: A. W. Sijthoff's Publishing Company, 1935. URL: https://www.icj-cij.org/files/permanent-court-of-international-justice/serie_AB/AB_64/01_Ecoles_minoritaires_Avis_consultatif.pdf– P. 4–23.
10. *Устав Организации Объединённых Наций* от 26 июня 1945 г. // Действующее международное право. В 3-х т. Сост.: Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. Т. 1. – М.: Изд-во Московского независимого института международного права, 1999. – С. 7–33.
11. Советское государство и международное право / Блищенко И. П., Гладышев В. В., Задорожный Г. П., Кейлин А. Д. и др.; *отв. ред.: Кожевников Ф. И.* – М.: Междунар. отношения, 1967. – 312 с.
12. The Charter of the United Nations: A Commentary. Vol. 1 / ed. by *B. Simma, D.-E. Khan, G. Nolte, A. Paulus*; assist. ed. *N. Wessendorf*. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press; München: Beck, 2012. – CLXIX, 1236 p.
13. Peaceful and neighbourly relations among states. Resolution adopted by the General Assembly. UN Doc. A/RES/1236(XII). 14 December 1957 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/120/19/pdf/nr012019.pdf (дата обращения: 08.05.2026).
14. *Declaration concerning the peaceful coexistence of States* (A/3673, A/C.1/L.198). Agenda Item 66. First Committee 935th Meeting (Thursday, 12 December 1957, at 8.30 p.m.). United Nations General Assembly Twelfth Session Official Records. UN Doc. A/C.1/SR.935. 12 December 1957 // United Nations. Official Document System. URL: https://docs.un.org/en/A/C.1/SR.935 (дата обращения: 08.05.2026).
15. *Measures aimed at the implementation and promotion of peaceful and neighbourly relations among States*. Resolution adopted by the General Assembly. UN Doc. A/RES/1301(XIII). 10 December 1958 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/747/45/pdf/nr074745.pdf (дата обращения: 08.05.2026).
16. *Co-operation of Member States*. Resolution adopted by the General Assembly. UN Doc. A/RES/1495(XV). 17 October 1960 // United Nations. Official Document System. URL:

https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/152/69/pdf/nr015269.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
17. *Consideration of principles of international law concerning friendly relations and co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations*. Resolution adopted by the General Assembly. UN Doc. A/RES/1815(XVII). 18 December 1962 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/193/23/pdf/nr019323.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
18. *Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations*. Resolution adopted by the General Assembly. UN Doc. A/RES/2625(XXV). 24 October 1970 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/348/90/pdf/nr034890.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
19. *Charter of Economic Right& and Duties of States*. Resolution adopted by the General Assembly. UN Doc. A/RES/3281(XXIX). 12 December 1974 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/738/83/pdf/nr073883.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
20. *Declaration on the Preparation of Societies for Life in Peace*. Resolution adopted by the General Assembly. UN Doc. A/RES/33/73. 15 December 1978 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/360/91/pdf/nr036091.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
21. *Establishment of the University for Peace.* Resolution adopted by the General Assembly. UN Doc. A/RES/35/55. 5 December 1980 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/390/74/pdf/nr039074.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
22. *International Agreement for the Establishment of the University for Peace* (New York, 5 December 1980) // United Nations. United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/doc/Treaties/1981/04/19810407%2007-43%20PM/Ch_XIV_6p.pdf
23. *International Agreement for the Establishment of the University for Peace (New York, 5 December 1980). Amendments to the Charter of the University for Peace.* UN Doc. C.N.1127.2001.TREATIES-3 (Depositary Notification). 1 November 2001 // United Nations. United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/CN/2001/CN.1127.2001-Eng.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
24. International Agreement for the Establishment of the University for Peace (New York, 5 December 1980). STATUS AS AT: 13-05-2026 03:15:33 EDT // United Nations. United Nations Treaty Collection. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/MTDSG/Volume%20II/Chapter%20XIV/XIV-6.en.pdf
25. *Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization* (adopted in London on 16 November 1945 and amended by the General Conference at its 2nd, 3rd, 4th, 5th, 6th, 7th, 8th, 9th, 10th, 12th, 15th, 17th, 19th, 20th, 21st, 24th, 25th, 26th, 27th, 28th, 29th, 31st and 40th sessions) // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Basic Texts, 2026 edition, including texts and amendments adopted by the General Conference at its 43rd session (Samarkand, 30 October – 13 November 2025). – Paris: UNESCO, 2026. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000397087 – P. 5–18.
26. *International Year of Peace and International Day of Peace*. Resolution adopted by the General Assembly. UN Doc. A/RES/36/67. 30 November 1981 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/406/93/pdf/nr040693.pdf (дата обращения: 13.05.2026).
27. Human rights based on solidarity. Resolution adopted by the General Assembly. UN Doc. A/RES/44/148. 15 December 1989 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/549/07/img/nr054907.pdf (дата обращения: 16.05.2026).
28. *Human rights and international solidarity*. Resolution adopted by the Human Rights Council. UN Doc. A/HRC/RES/6/3. 27 September 2007 // United Nations. Official Document System. URL: https://ap.ohchr.org/documents/E/HRC/resolutions/A_HRC_RES_6_3.pdf (дата обращения: 16.05.2026).
29. *Human rights and international solidarity*. Resolution adopted by the Human Rights Council. UN Doc. A/HRC/RES/23/12. 24 June 2013 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g13/150/35/pdf/g1315035.pdf (дата обращения: 15.05.2026).
30. *Human rights and international solidarity*. Resolution adopted by the Human Rights Council. UN Doc. A/HRC/RES/15/13. 6 October 2010 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g10/166/63/pdf/g1016663.pdf (дата обращения: 15.05.2026).
31. *Human rights and international solidarity*. Resolution adopted by the Human Rights Council on 7 July 2025. UN Doc. A/HRC/RES/59/8. 8 July 2025 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g25/112/06/pdf/g2511206.pdf (дата обращения: 14.05.2026).
32. *Preliminary text of a draft declaration on the right of peoples and individuals to international solidarity*. Report of the Independent Expert on human rights and international solidarity, Virginia Dandan. UN Doc. A/HRC/26/34/Add.1. 1 April 2014 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/g14/127/83/pdf/g1412783.pdf (дата обращения: 15.05.2026).
33. *Radojković M.* Codification of the Principles of Active Peaceful Coexistence / M. Radojković // The New Yugoslav Law. – 1961. – No. 1-3.
34. *Самыловский И. В.* Панча шила: пять принципов международных отношений / И. В. Самыловский. – М.: Госполитиздат, 1956. – 48 с.
35. *Panchsheel* // Ministry of External Affairs. Government of India. URL: https://www.mea.gov.in/uploads/publicationdocs/191_panchsheel.pdf (дата обращения: 17.05.2026).
36. *Agreement between the Republic of India and the People's Republic of China on trade and intercourse between*

Tibet region of China and India, 29 April 1954 // Tibetan Parliamentary and Policy Research Centre (TPPRC). URL: http://www.tpprc.org/documents/agreements/1954.pdf (дата обращения: 17.05.2026).
37. *Сюй Чжанхуэй*. Китайская доктрина основных принципов международного права (пять принципов мирного сосуществования): дис. … кандидата юридических наук: 12.00.10 / Сюй Чжанхуэй. – М., 1994. – 143 с.
38. *Нечай А. А.* Концепция мирного сосуществования во внешнеполитических стратегиях РФ и КНР: дис. … кандидата политических наук: 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования / А. А. Нечай. – Санкт-Петербург, 2023. – 381 с.
39. *Mochizuki N*. The Chinese Doctrine of Fundamental Principles of International Law: Comparison of Soviet, Euro-American, and Chinese Theories of International Law / N. Mochizuki, K. Minai // American University International Law Review. – 2024. – Vol. 39, No. 2. – P. 171–217.
40. *Final Communique of the Asian-African Conference* // Asian-African Legal Consultative Organization (AALCO). URL: https://www.aalco.int/Basicdocuments/FINAL%20COMMUNIQUÉ%20OF%20THE%20ASIAN-AFRICAN%20CONFERENCE.pdf (дата обращения: 17.05.2026).
41. The rise of Asia 60 years after Belgrade: what non-alignment in a multipolar world and for a global future? Assessments and perspectives of NAM 60 years on / ed. by *D. Khudori*; co-editors: D. Mitrovic, I. Bazié, I. Cabaña Rojas. – Delhi: AAKAR Books, 2025. – X, 410 p.
42. *Programme for Peace and International Cooperation*. Declaration as adopted by the Conference (Cairo – October 1964). NAC-II/HEADS/5; 10 October 1964. Letter dated 28 October 1964 from the Permanent Representative of the United Arab Republic to the United Nations addressed to the Secretary-General UN Doc. A/5763. 29 October 1964 // United Nations. Official Document System. URL: https://digitallibrary.un.org/record/577607/files/A_5763-EN.pdf (дата обращения: 17.05.2026).
43. *Final Document*. 17th Summit of Heads of State and Government of the Non-Aligned Movement (Island of Margarita, Bolivarian Republic of Venezuela, 17–18 September 2016). NAM Doc. NAM 2016/CoB/DOC.1. Corr.1 // Non-Aligned Movement Center for Human Rights and Cultural Diversity. URL: https://namchrcd.ir/files/Survey/20240131121445438538127 46.pdf– 206 p.
44. *Final Document*. 18th Mid-Term Ministerial Meeting of the Non-Aligned Movement (NAM) (Baku, Republic of Azerbaijan, 03-06 April 2018). NAM Doc. NAM 2018/CoB/Doc.1 // Azerbaijani Chairmanship to the Non-Aligned Movement, 2019–2026. URL: https://namazerbaijan.org/pdf/NAM-Baku-Final-Document.pdf (дата обращения: 17.05.2026). – 223 p.
45. *Final Document*. Ministerial Meeting of the Coordinating Bureau of the Non-Aligned Movement (CoB-NAM) (Caracas, Bolivarian Republic of Venezuela, 20–21 July 2019). NAM Doc. NAM 2019/CoB/Doc.1 // Azerbaijani Chairmanship to the Non-Aligned Movement, 2019–2026.– 241 p.
46. *Final Document*. 18th Summit of Heads of State and Government of the Non-Aligned Movement (Baku, the Republic of Azerbaijan, 25–26 October 2019). NAM Doc. NAM 2019/CoB/Doc.1 // Azerbaijani Chairmanship to the Non-Aligned Movement, 2019–2026. URL: https://www.namazerbaijan.org/pdf/BFOD.pdf
47. *Final Document*. 19th Summit of Heads of State and Government of the Non-Aligned Movement (Kampala, the Republic of Uganda, 19–20 January 2024). NAM Doc. NAM 2024/CoB/Doc.1 // Non-Aligned Movement Center for Human Rights and Cultural Diversity. – 286 p.
48. *Non-Aligned Movement (NAM)* // Non-Aligned Movement Center for Human Rights and Cultural Diversity. URL: https://namchrcd.ir/portal/generalcategoryservices/16254 (дата обращения: 17.05.2026).
49. *Final Report and Recommendations of the tenth session of the Muslim-Christian Dialogue Conference, held in Manama from 28 to 30 October 2002*. Letter dated 8 January 2003 from the Chargé d'affaires a.i. of the Permanent Mission of Bahrain to the United Nations addressed to the Secretary-General. UN Doc. A/57/694. 10 January 2003 // United Nations. Official Document System. URL: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n02/758/12/pdf/n0275812.pdf (дата обращения: 16.05.2026).
50. *Декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о повышении роли международного права*. 1202-25-06-2016 // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1530748/ (дата обращения: 17.05.2026).
51. *Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем укреплении сотрудничества в целях поддержания авторитета международного права* // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/cn/2017655/

L. V. Pastukhova, A. P. Shumilenko. History of the normative enshrining of the principle of peaceful coexistence of states // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 122-130.

This article provides a detailed review of the history of the normative enshrinement of the principle of peaceful coexistence of states regardless of their political, economic and social systems in acts of United Nations bodies (the UN General Assembly and the UN Human Rights Council), in international documents of meetings, conferences and summits of representatives of member states of the Non-Aligned Movement, and within the framework of bilateral cooperation between states (using the practices of India, China and Russia as examples). The trend toward incorporating the concept of international solidarity into UN Human Rights Council resolutions is specifically mentioned.

Key words: jus cogens, fundamental principles of international law, principle of peaceful coexistence of states, international solidarity, Pancha Shila, Bandung Declaration, Non-Aligned Movement.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 131-138.

УДК 342.5

ГЕНЕЗИС НАУЧНЫХ ВЗГЛЯДОВ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ

Попов С. В.
Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»

Статья посвящена анализу развития научных взглядов по вопросу применения технологий искусственного интеллекта в деятельности государственных органов, а также выявлению особенностей и недостатков правового регулирования в данной сфере. В статье рассмотрены этапы эволюции научных подходов: от восприятия искусственного интеллекта как технологического эксперимента, направленного на повышение эффективности государственного аппарата, до осознания его в качестве объективной необходимости, обусловленной ростом сложности управленческих задач и объемов информации. На основе обобщения научных позиций ученых выделены ключевые проблемы правового регулирования, включая отсутствие единого понятийно-категориального аппарата, фрагментарность нормативно-правовой базы, правовой вакуум, отсутствие механизмов пересмотра решений, принятых искусственным интеллектом, неурегулированность вопросов ответственности, технологическую невозможность достижения полной прозрачности систем («черный ящик»), а также региональную неоднородность внедрения технологий. В заключении обосновывается необходимость системного подхода к интеграции искусственного интеллекта в деятельность государственных органов, включающего технологическую модернизацию, подготовку кадров, обеспечение кибербезопасности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственные органы, правовое регулирование, научные взгляды, цифровая трансформация.

Цифровое развитие и трансформация, которая стала охватывать все сферы общественной жизни без исключения, существенно затронула и институты публичного управления. В последнее десятилетие особую значимость приобретает вопрос интеграции систем искусственного интеллекта (далее – ИИ) в механизмы функционирования государственных структур. Важно отметить, что такая ситуация обусловлена рядом причин, а именно: ежедневно государственные органы сталкиваются с возрастающими объемами информации, объемом документооборота, необходимостью оперативного принятия решений и поиска эффективных и современных форм взаимодействия с физическими и юридическими лицами (например, при предоставлении государственных или муниципальных услуг). В этих условиях, технологии анализа больших данных и машинного обучения рассматриваются как один из наиболее перспективных ресурсов для оптимизации аппарата и усовершенствования государственного управления.

Отметим, что нормативной основой для поступательного развития данного направления в нашей стране стало принятие Указа Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». Глава государства В.В. Путин обозначил стратегическую задачу по ускоренному внедрению технологий ИИ, что повлекло за собой активизацию научных дискуссий, корректировку правовых подходов и появление новых организационных механизмов в деятельности публичных органов власти. Именно с этого периода можно наблюдать изменение подходов к восприятию ИИ – от сугубо технологического эксперимента к полноценному элементу государственной политики.

Переход от автоматизации отдельных процессов к созданию систем, способных анализировать большие объёмы данных, принимать решения и прогнозировать последствия, существенно изменяет традиционно функционирующие модели государственного управления. Важно отметить, что если ещё пять лет назад использование ИИ в деятельности государственных органов воспринималось преимущественно как перспективная технологическая новинка, то на сегодня использование ИИ рассматривается как

объективная необходимость, обусловленная ростом сложности управленческих задач и объёма информации, требующей оперативной обработки.

Научные исследования в сфере применения ИИ в деятельности государственных органов развивались в несколько этапов. Первый этап характеризовался преимущественно акцентом на повышение эффективности государственного аппарата. Однако по мере накопления эмпирического материала и практики применения ИИ всё большее внимание исследователей стало уделяться вопросам правовых, этических, организационных и социальных рисков, связанных с делегированием части властных полномочий технологиям ИИ.

Однако, прежде чем переходить к анализу современного состояния и практики внедрения, необходимо обратиться к наработанному научному опыту, к тому, как формировалась сама идея применения ИИ в деятельности государственных органов. Взгляды учёных и практиков по данному вопросу изменяли параллельно с развитием технологий и объемами внедрения в деятельность государственных органов ИИ. Изучение существующих научных позиций по данной проблематике позволяет выявить ключевые закономерности и тенденции развития исследуемой сферы, а также определить вопросы, которые до настоящего времени не становились предметом самостоятельного научного исследования.

В отечественной юридической науке исследуемые вопросы получили определенное внимание, особенно в контексте реализации национальной стратегии развития ИИ. Вместе с тем, несмотря на определенное количество работ, посвящённых отдельным аспектам применения ИИ в деятельности органов государственной власти, комплексное осмысление развития научных подходов к этой проблеме остаётся недостаточно исследованным. Многие вопросы, касающиеся влияния технологий ИИ на принципы организации государственной службы, механизмы принятия управленческих решений и обеспечение конституционных гарантий прав граждан, требуют дальнейшего теоретического осмысления.

Начиная анализ, следует в первую очередь обратить внимание на группу исследований, посвящённых правовому регулированию использования ИИ в деятельности государственных органов, поскольку именно в этой сфере сформировано наибольшее количество научных позиций.

В диссертационном исследовании А.А. Щитовой, посвященном правовому регулированию информационных отношений по использованию систем ИИ, автором проводится глубокий теоретический анализ понятийно-категориального аппарата и предлагается авторская модель правового регулирования. Одной из ключевых особенностей правового регулирования, выделяемых А.А. Щитовой, является отсутствие единого понятийно-категориального аппарата. Автор указывает, что в научной литературе и законодательстве не сложилось единого понимания терминов «искусственный интеллект» и «система искусственного интеллекта», что становится причиной невозможности сформировать полноценное правовое регулирование. В качестве следующей особенности указывается на преимущественно стратегический и рамочный характер действующих правовых актов. Одновременно с этим автор указывает, что большинство государств и международных организаций принимают стратегические, декларативные и этические документы, не содержащие конкретных механизмов правового регулирования.

Заслуживает внимания позиция автора относительно введения конструкции «электронного лица». В исследовании обосновано, что система ИИ является самостоятельным правовым феноменом, который в строго определенных законом случаях может рассматриваться как электронное лицо, обладающее

правосубъектностью, при условии юридически значимого характера совершаемых такой системой действий. Электронное лицо предлагается рассматривать как новый вид субъекта информационного права, отличный от физических и юридических лиц, с особыми характеристиками правоспособности, дееспособности и деликтоспособности. При этом ответственность электронного лица предлагается строить на безвиновных началах (объективная ответственность), поскольку система ИИ не может быть «виновна» в современном значении этого термина. Автором также разработана классификация интеллектуальных систем по степени самостоятельности (5 уровней: от «Помощников» до «Системы искусственного интеллекта»), что имеет непосредственное практическое значение для определения объема правового регулирования. Представляет интерес предложенный А.А. Щитовой перечень принципов правового регулирования, а именно: принцип ответственности человека за последствия решений, принятых интеллектуальными системами («презумпция невиновности интеллектуальной системы»); принцип обязанности разработчика использовать максимально возможное количество данных максимального качества при обучении («стремление к идеальной модели»); принцип необходимости сертификации деятельности в формате саморегулирования отрасли («сертификация для защиты человека»); принцип запрета разработки и использования интеллектуальных систем во вред человеку и человечеству («запрет вредоносных целей») [1, с.7-18].

В исследовании Т.Г. Какохо анализирует правовые основы использования ИИ в деятельности органов публичной власти. Автором указано, что особенностью действующего регулирования данной сферы является его преимущественно стратегический и программный характер, а также отсутствие единых подходов к определению правового статуса ИИ. Еще одной важной особенностью, проводимой автором, является разграничение «слабого» и «сильного» ИИ как двух принципиально различных режимов правового регулирования. В первом случае, когда ИИ выступает лишь в роли технического помощника. Данная ситуация аналогична использованию калькулятора при математических расчетах и не порождает новой правосубъектности. Во втором случае, когда речь идет о «сильном» ИИ как полноценном участнике публичных правоотношений, необходимо принципиально иное правовое регулирование, которое должно строиться вокруг признания за ИИ специальной правосубъектности, решения вопроса о допустимости делегирования ему государственно-властных полномочий, а также распространения на него конституционных ограничений, включая запрет на дискриминацию и уважение прав человека.

Наряду с указанными особенностями, в статье Т.Г. Какохо выявляются многочисленные недостатки правового регулирования. Первым и наиболее значимым из них является правовой вакуум, который, как отмечает автор, не только не способствует, но и тормозит инновационное развитие в сфере государственного управления. Вторым существенным недостатком является отсутствие детального нормативного регулирования использования ИИ в данной сфере даже в тех правовых актах, которые призваны регулировать данную сферу. Автор ссылается на мнение С.М. Зубарева, который указывает: «что федеральный проект «Искусственный интеллект» отличается перегруженностью мероприятиями, имеющими косвенное отношение к его предмету, и недостаточной проработанностью ключевых вопросов». Третьим недостатком является отсутствие правовых механизмов пересмотра решений, принятых ИИ. Четвертым недостатком следует признать неурегулированность вопросов ответственности за возможные ошибки, допущенные при использовании ИИ в процессе принятия управленческих решений [2, с. 28–40.]. Таким образом, проведенный Т.Г.

Какохо анализ позволяет сделать вывод, что правовое регулирование использования ИИ при принятии решений органами публичной власти характеризуется фрагментарностью, отсутствием единой доктрины и значительным отставанием нормативной базы от темпов технологического развития. Преодоление выявленных недостатков требует не только принятия новых нормативных актов, но и формирования концептуально иного подхода к правосубъектности ИИ.

Заслуживает внимание исследование Е.С. Зезиной, О.А. Владимировой и М.Г. Ращупкиной, посвященной правовым аспектам использования ИИ в государственном управлении, авторами проводится анализ как преимуществ внедрения ИИ, так и связанных с этим правовых рисков. В свою очередь авторы предлагают конкретный перечень мер по совершенствованию законодательства, который включает пять четко сформулированных направлений: разработка и принятие специального закона об использовании ИИ в государственном управлении; определение органов, ответственных за контроль и надзор за использованием ИИ, а также процедур проверки соответствия систем ИИ установленным требованиям; установление требований к объяснимости алгоритмов и моделей ИИ, используемых в государственном управлении; гарантирование права на доступ к информации о том, как ИИ используется в государственном управлении; участие в разработке международных стандартов и обмен лучшими практиками регулирования [3, с. 89-92]. Важно отметить, что на аналогичные проблемы правового регулирования использования ИИ в деятельности государственных органов указывали Ю.С. Балалаева [4]; М.В. Алексеева [5, с. 23–32.]; Н. М. Фоменко, Д. А. Кузьмина, Е. П. Миргород [6]; В.В. Коноплев [7, с. 114-121]; А. С. Брычеев [8]; Г.В. Морунова [9, с. 57-70].

В исследовании Ю.С. Харитоновой, которое посвящено правовым средствам обеспечения принципа прозрачности ИИ, автором проводится междисциплинарный анализ технологических и юридических аспектов прозрачности как одного из ключевых принципов регулирования ИИ. Автор отмечает, что правовое обеспечение прозрачности сталкивается с рядом особенностей и существенных недостатков, обусловленных прежде всего технологической природой современных систем ИИ. Одной из ключевых особенностей, выделяемых Ю.С. Харитоновой, является технологическая невозможность достижения полной прозрачности систем ИИ, функционирующих на основе глубоких нейронных сетей; анализирует феномен «черного ящика» – непрозрачного для человеческого понимания процесса принятия решений, где простота понимания была принесена в жертву скорости и точности. Автором обосновано, что технологическими причинами непрозрачности выступают: многомасштабная и распределенная природа представлений нейронных сетей, эффект «разбитого градиента» в глубоких сетях.

В качестве следующей особенности отмечается, что прозрачность является необходимым условием для признания ИИ заслуживающим доверия, однако, как справедливо отмечает автор: «доверие к ИИ не должно строиться исключительно на возможности человека вмешиваться в процесс принятия решения». Автор предлагает признать ИИ частью сложной социотехнической системы, которая опосредует доверие, и повышать надежность этих систем [10, с. 337–358.]

Исследование Н.М. Фоменко, Д.А. Кузьминой и Е.П. Миргород посвящено анализу потенциала применения технологий ИИ в сфере государственного управления и проводится комплексное исследование рисков, возможностей и перспектив интеграции ИИ в деятельность органов публичной власти. Установлено, что правовое регулирование данной сферы характеризуется рядом особенностей и существенных недостатков, при этом авторами акцентируется внимание на практических аспектах

внедрения и необходимости баланса между инновациями и защитой прав граждан. Одной из ключевых особенностей правового регулирования, выделяемых авторами, является эволюция теоретических концепций цифрового правительства в сторону алгоритмического управления, при котором данные и модели на базе ИИ интегрируются в процессы выработки решений. Кроме того, авторы выделяют различия в уровне готовности различных отраслей экономики и социальной сферы к использованию ИИ. На основе данных Индекс готовности приоритетных отраслей экономики РФ к внедрению ИИ авторы показывают, что в категорию «начинающих» (менее 3,2 баллов из 10) вошли преимущественно сферы, представленные бюджетными организациями: культура, общее образование, социальная сфера, физкультуры и спорта. В лидерах (более 4,1 баллов) остаются сфера финансовых услуг, а также топливно-энергетический комплекс и высшее образование. Авторы констатируют, что внедрение ИИ в госсекторе находится лишь на начальном этапе, что требует постоянной поддержки внедрения ИИ даже в относительно продвинутых отраслях. Авторы также выделяют три ключевых измерения потенциала ИИ в государственном управлении: повышение эффективности (автоматизация рутинных операций, снижение издержек, интеллектуальные системы поддержки принятия решений); повышение прозрачности (алгоритмический аудит, выявление нарушений, усиление подотчетности, анализ общественного мнения и обращений граждан); повышение адаптивности (предиктивная аналитика, цифровые двойники, персонализация услуг, сценарный анализ). Авторы подчеркивают, что для реализации каждого из этих направлений необходимо соответствующее правовое и этическое обеспечение [11].

Заслуживают внимания исследования, посвященные анализу региональных и, институциональных аспектов внедрения ИИ в деятельность государственных органов. Так, в исследовании Ю.А. Варламовой и Е.Н. Корнейченко, посвященной сравнительной оценке использования организациями технологий ИИ в разрезе регионов РФ и определению детерминант их динамики, авторами проводится комплексный эконометрический анализ региональной дифференциации внедрения ИИ. Исследование показывает, что правовое регулирование использования ИИ сталкивается с необходимостью учета региональной специфики, а также выявляет ряд особенностей и недостатков, связанных с неравномерностью распространения технологий и статистическим учетом.

Одной из ключевых особенностей, выделяемых авторами, является неоднородность регионов РФ по уровню использования организациями технологий ИИ. В 2020 г. в половине регионов доля организаций, использующих ИИ, не превышала 5 %. Лидерами по данному показателю выступали Смоленская, Новгородская и Московская области, а также Пермский край. При этом стабильно наименьшие показатели демонстрировали Республика Тыва и Ненецкий АО. Авторы констатируют, что, несмотря на общую тенденцию к росту (с 5 % в 2020 г. до 6,5 % в 2022 г.), региональная дифференциация сохраняется, что требует дифференцированного подхода к правовому регулированию внедрения ИИ в различных субъектах РФ. В статье выявляются существенные недостатки в сфере правового и статистического регулирования использования ИИ (отсутствие официального статистического учета использования ИИ населением; ограниченность данных для измерения человеческого капитала в сфере ИИ) [12].

В статье В.В. Коноплева, посвященной раскрытию содержательных компонентов государственной политики РФ в области развития ИИ, автором проводится системный анализ нормативных правовых актов, учебных и научных публикаций, а также правоприменительной практики. Исследование показывает, что государственная политика в области развития ИИ имеет сформированную структуру, однако

характеризуется рядом особенностей и недостатков, связанных с динамичностью законодательства и фрагментарностью научного осмысления. Особенностями, которые выделяет автор являются: сформированность концептуальных основ государственной политики в области развития ИИ; многоуровневая система нормативных правовых актов (акты, в которых развитие ИИ отнесено к составляющим цифровизации экономики и государственного управления; акты, устанавливающие режимы использования ИИ; акты, конкретизирующие задачи и компетенцию государственных органов, бизнес-сообщества и научных организаций по внедрению ИИ). Наряду с указанными особенностями, в статье выявляются недостатки в сфере научного осмысления государственной политики в области развития ИИ. Первым и наиболее значимым из них является фрагментарность рассмотрения вопросов содержания государственной политики в имеющихся научных исследованиях. Автор констатирует, что в работах А.Р. Атабекова, Ю.С. Балалаевой, А.А. Щитовой и других исследователей вопросы содержания государственной политики в области развития ИИ рассмотрены фрагментарно и без учёта положений динамично меняющегося законодательства. Это создает пробел в научном осмыслении системных характеристик государственной политики, который автор стремится восполнить [13, с. 51-58].

Заслуживает внимание группа исследований, посвященные анализу перспектив внедрения ИИ в государственное управление. Так, в статье А.Н. Сёмина, Р.У. Гусманова, Е.В. Стовбы и Н.Г. Мешковой, посвященной анализу применения технологий ИИ в органах государственной власти, авторами проводится контент-анализ зарубежного опыта, выделяются ключевые вызовы и барьеры, а также исследуется динамика индекса «зрелости ИИ». Одной из особенностей авторы отмечают смену традиционной парадигмы управления и цифровой переход к модели «умного государства». В концептуальном отношении применение ИИ в деятельности органов государственной власти отражает фундаментальную трансформацию управленческих процессов, при которой интеллектуальные технологии становятся важнейшим инструментом и драйвером цифровой трансформации государственного (муниципального) управления. Данная трансформация требует не только технологической модернизации, но и пересмотра правовых основ взаимодействия государства и граждан. Также авторы выделяют перспективные направления применения ИИ в органах государственной власти, а именно: автоматизация рутинных операций, повышение прозрачности принятия решений, проектирование цифровых двойников, использование технологий аналитики Big Data, повышение скорости оказания государственных услуг. Обосновывается, что данные направления могут служить ориентирами для правового регулирования, определяя сферы, в которых необходимо в первую очередь разрабатывать нормативные акты. Отмечено, что интеграция технологий ИИ сопровождается риском увеличения цифрового «разрыва» и неравенства в обществе, что требует особого внимания со стороны законодателя к обеспечению равного доступа к государственным услугам, основанным на ИИ, для всех категорий граждан независимо от места проживания [14, с. 33-44].

Проведенный анализ научных исследований позволяет сформулировать ряд обобщающих положений. Во-первых, генезис научных взглядов в данной сфере прошел несколько этапов: от восприятия ИИ как исключительно технологического эксперимента, направленного на повышение эффективности деятельности государственных органов, до становления его в качестве объективной необходимости, обусловленной ростом сложности управленческих задач и объемов информации. Во-вторых, несмотря на сформированность базовых основ государственной политики в области развития ИИ и наличие многоуровневой системы нормативных правовых актов, правовое регулирование использования ИИ в деятельности государственных органов характеризуется фраг-

ментарностью. В-третьих, учеными выделяется региональная неоднородность внедрения ИИ, что требует дифференцированного подхода к правовому регулированию. При этом большинство авторов считают, что интеграция технологий ИИ требует системного подхода, включающего технологическую модернизацию, подготовку кадров, обеспечение кибербезопасности и формирование новых моделей взаимодействия государства и граждан с учетом риска увеличения цифрового неравенства.

Список литературы:

1.Щитова А. А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / Щитова Анастасия Андреевна. – Москва, 2022. – 29 с.
2.Какохо Т.Г. Правовые основы использования искусственного интеллекта при принятии решений органами публичной власти // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2023, Т. 165, кн. 6. С. 28–40.
3.Зезина Е. С., Владимирова О. А., Ращупкина М. Г. Правовое регулирование деятельности искусственного интеллекта в сфере государственного управления // Вестник Международного института рынка. 2025. № 1. С. 89-92.
4.Балалаева Ю. С. Теоретические проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в юридической сфере : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.1 / Балалаева Юлия Сергеевна. – Нижний Новгород, 2024. – 36 с.
5.Алексеева М.В. Правовое регулирование искусственного интеллекта в государственном управлении в Российской Федерации: вызовы и возможности. Правовой порядок и правовые ценности. 2025; 3(2): С. 23–32.
6.Фоменко Н. М. Применение искусственного интеллекта в сфере государственного управления: риски, возможности, перспективы / Н. М. Фоменко, Д. А. Кузьмина, Е. П. Миргород // Вестник евразийской науки. 2025. №4. URL: https://esj.today/PDF/73FAVN425.pdf. (дата обращения 13.06.2026).
7.Коноплев В.В. Технологии «искусственного интеллекта» в деятельности органов публичной власти: правовые основы и основные направления применения // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 9А. С. 114-121.
8.Брычеев, А. С. Применение искусственного интеллекта в органах государственной власти: вызовы и перспективы / А. С. Брычеев // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – С. 6.
9.Морунова Г. В. Внедрение искусственного интеллекта в управление государственными финансами и бизнесом как фактор устойчивого развития территорий / Г. В. Морунова, Л. В. Силакова, А. А. Заднепровский, А. В. Иванов // Экономика. Налоги. Право. 2025. №4. С. 57-70.
10. Харитонова Ю. С. Правовые средства обеспечения принципа прозрачности искусственного интеллекта. Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(2). С. 337–358.
11. Фоменко Н. М. Применение искусственного интеллекта в сфере государственного управления: риски, возможности, перспективы / Н. М. Фоменко, Д. А. Кузьмина, Е. П. Миргород // Вестник евразийской науки. 2025. №4. URL: https://esj.today/PDF/73FAVN425.pdf. (дата обращения 13.06.2026).
12. Варламова Ю.А., Корнейченко Е.Н. Искусственный интеллект в российских регионах. Russian Journal of Economics and Law. 2024. 18(3). С. 641-662.
13. Коноплев В.В. Содержание государственной политики Российской Федерации в области развития искусственного интеллекта // Вопросы российского и международного права. 2025. Т. 15. № 11А. С. 51-58.
14. Сёмин А. Н. Применение технологий искусственного интеллекта в органах государственной власти: вызовы и перспективы / А. Н. Сёмин, Р. У. Гусманов, Е. В. Стовба, Н. Г. Мешкова // Этап. 2025. №5. С. 33-44.

Popov S. V. Genesis of scientific views in the field of using artificial intelligence technologies in the activities of state bodies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 131-138.

The article is devoted to the analysis of the development of scientific views on the use of artificial intelligence technologies in the activities of state bodies, as well as to the identification of features and shortcomings of legal regulation in this area. The article examines the stages of the evolution of scientific approaches: from the perception of artificial intelligence as a technological experiment aimed at increasing the efficiency of the state apparatus to the recognition of it as an objective necessity driven by the growing complexity of managerial tasks and the volume of information. Based on a synthesis of scientific positions of scholars, the key problems of legal regulation are identified, including the lack of a unified conceptual and categorical framework, the fragmentation of the regulatory framework, the legal vacuum, the absence of mechanisms for reviewing decisions made by artificial intelligence, the unresolved issues of liability, the technological impossibility of achieving full transparency of systems (the «black box»), as well as the regional heterogeneity of technology implementation. The conclusion substantiates the need for a systematic approach to the integration of artificial intelligence into the activities of state bodies, including technological modernization, personnel training, and ensuring cybersecurity.

Key words: artificial intelligence, state bodies, legal regulation, scientific views, digital transformation.

Spisok literatury:

1. Shhitova A. A. Pravovoe regulirovanie informacionny`x otnoshenij po ispol`zovaniyu sistem iskusstvennogo intellekta : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 12.00.13 / Shhitova Anastasiya Andreevna. M., 2022. 29 s.
2. Kakoxo T.G. Pravovy`e osnovy` ispol`zovaniya iskusstvennogo intellekta pri prinyatii reshenij organami publichnoj vlasti // Ucheny`e zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarny`e nauki. 2023, T. 165, kn. 6. S. 28–40.
3. Zezina E.S., Vladimirova O.A., Rashhupkina M.G. Pravovoe regulirovanie deyatel`nosti iskusstvennogo intellekta v sfere gosudarstvennogo // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ry`nka. 2025. № 1. S. 89-92.
4. Balalaeva Yu. S. Teoreticheskie problemy` pravovogo regulirovaniya ispol`zovaniya iskusstvennogo intellekta v yuridicheskoj sfere : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk : 5.1.1 / Balalaeva Yuliya Sergeevna. – Nizhnij Novgorod, 2024. – 36 s.
5. Alekseeva M.V. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta v gosudarstvennom upravlenii v Rossijskoj Federacii: vy`zovy` i vozmozhnosti. Pravovoj poryadok i pravovy`e cennosti. 2025; 3(2): S. 23–32.
6. Fomenko N. M. Primenenie iskusstvennogo intellekta v sfere gosudarstvennogo upravleniya: riski, vozmozhnosti, perspektivy` / N. M. Fomenko, D. A. Kuz`mina, E. P. Mirgorod // Vestnik evrazijskoj nauki. 2025. №4. URL: https://esj.today/PDF/73FAVN425.pdf. (data obrashheniya 13.06.2026).
7. Konoplev V.V. Texnologii «iskusstvennogo intellekta» v deyatel`nosti organov publichnoj vlasti: pravovy`e osnovy` i osnovny`e napravleniya primeneniya // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2025. Tom 15. № 9A. S. 114-121.
8. Bry`cheev, A. S. Primenenie iskusstvennogo intellekta v organax gosudarstvennoj vlasti: vy`zovy` i perspektivy` / A. S. Bry`cheev // Vestnik evrazijskoj nauki. – 2024. – T. 16. – № 6. – URL: https://esj.today/PDF/11FAVN624.pdf (data obrashheniya 12.06.2026).
9. Morunova G. V. Vnedrenie iskusstvennogo intellekta v upravlenie gosudarstvenny`mi finansami i biznesom kak faktor ustojchivogo razvitiya territorij / G. V. Morunova, L. V. Silakova, A. A. Zadneprovskij, A. V. Ivanov // E`konomika. Nalogi. Pravo. 2025. №4. S. 57-70.
10. Xaritonova Yu. S. Pravovy`e sredstva obespecheniya principa prozrachnosti iskusstvennogo intellekta. Journal of Digital Technologies and Law. 2023. № 1(2). S. 337–358.
11. Fomenko N. M. Primenenie iskusstvennogo intellekta v sfere gosudarstvennogo upravleniya: riski, vozmozhnosti, perspektivy` / N. M. Fomenko, D. A. Kuz`mina, E. P. Mirgorod // Vestnik evrazijskoj nauki. 2025. №4. URL: https://esj.today/PDF/73FAVN425.pdf. (data obrashheniya 13.06.2026).
12. Varlamova Yu.A., Kornejchenko E.N. Iskusstvenny`j intellekt v rossijskix regionax. Russian Journal of Economics and Law. 2024. 18(3). S. 641-662.
13. Konoplev V.V. Soderzhanie gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti razvitiya iskusstvennogo intellekta // Voprosy` rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2025. Tom 15. № 11A. S. 51-58.
14. Syomin A. N. Primenenie texnologij iskusstvennogo intellekta v organax gosudarstvennoj vlasti: vy`zovy` i perspektivy` / A. N. Syomin, R. U. Gusmanov, E. V. Stovba, N. G. Meshkova // E`tap. 2025. №5. S. 33-44.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 139-146.

УДК 342

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ, ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ САМОУПРАВЛЕНИЯ ГРЕНЛАНДИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

Проценко А. С.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

Статья посвящена изучению проблемы предпосылок создания и развития самоуправления в Гренландии. Указывается, что к внутренним предпосылкам можно отнести такие факторы, как политика Дании на острове, неудовлетворяющая местное население; рост политического и национального самосознания гренландцев; наличие примера самоуправления на Фарерских островах; понимание части датского истеблишмента в необходимости предоставления возможности гренландцам принимать более деятельное участие в разрешение местных вопросов. Для выработки общей позиции в 1975 г. была создана комиссия по гренландскому самоуправлению с участием видных ученых, политиков, представителей местного населения. Именно данный орган провел огромную теоретическую, политическую и организационную работу по выявлению возможных направлений, которые могли быть переданы будущему самоуправлению.

Ключевые слова: Дания, Гренландия, самоуправление, комиссия, политика, направление деятельности, Национальный Совет Гренландии.

Опыт взаимодействия гражданского и политического общества в различных странах, особенно тех из них, в которых данные отношения рассматриваются через призму интересов малых народов и/или применяются особые виды организации местной и государственной власти на удаленных территориях представляют безусловный интерес не только академических исследователей, но и политиков, государственных служащих, обычных граждан, сталкивающихся с потребностью совершенствования государственных механизмов, в том числе взаимодействия и организации органов власти и самоуправления.

Одним из наиболее ярких примеров в данном вопросе, вызванных также интересом научной общественности на фоне внешнеполитических факторов – является самоуправление Гренландии.

Важнейшим источником по проблеме становления и развития собственно самоуправления Гренландии, а также взгляды датской и гренландской сторон на различные вопросы, в том числе передачу сфер ответственности, являются три, условно нами выделенных, основных комплекса источников.

К первому отнесем позицию Национального Совета Гренландии, выраженную и задокументированную в его решениях, обращения, выступлениях членов данного совета и т.п. Ко второму - нормативные акты, изданные именно для Гренландии в предшествующий созданию комиссии по самоуправлению период, так как именно на их основе возможно определить последовательность и направления государственной политики Дании в отношении правового статуса острова, его эволюции. Третьим видом источников являются документы, раскрывающие процесс создания, определения круга ведения и деятельности комиссии по самоуправлению.

Так как в трудах современных исследователей достаточно обращено внимания на причины возникновения и развития представительных органов в Гренландии в первой половине XX в. [1, с. 112-116], мы не видим необходимости обращаться к повторному освещению данного процесса.

Однако, в контексте настоящего исследования, следует указать, что одной из реакций властей Дании на развитие самосознания гренландцев во второй половине 1950-х – 1960-х гг. стала попытка «сбить» наиболее радикальные требования предоставлением больших прав Совету Гренландии и местным советом посредством принятия закона L 2 «о внесении изменений в Закон о национальных и муниципальных советах Гренландии

и др.», от 29 мая 1964 г. Согласно данному акту, в Законе № 271 от 27 мая 1950 г. о Совете Гренландии и местных советах и т. д. (см. также Закон о консолидации № 107 от 21 марта 1959 г.), новое содержание получила гл. IV (о Совете Гренландии). Задачей данного органа объявлялось отслеживание событий в Гренландии и представление рекомендаций министру по делам Гренландии по вопросам, касающимся централизованного планирования и координации общественной деятельности в Гренландии (§ 24.1).

Состав Совета предусматривался из председателя, назначаемого королем, трех членов Национального совета Гренландии, избранных последним, двух членов Фолькетинга, избранных от Гренландии, и одного члена, избираемого каждой из пяти крупнейших партий, представленных в Фолькетинге, из числа их членов в Фолькетинге. Представительство партий в Фолькетинге, а в случае сомнений — голоса, поданные за партии на последних выборах в Фолькетинге, определяют, какие партии могут избирать представителей в Совет (§ 24.2).

В случае отсутствия председателя министр по делам Гренландии должен был назначить временного председателя Совета. Для двух членов Фолькетинга, избранных от Гренландии, их заместители в Фолькетинге также являлись заместителями в Совете. Для членов, избранных партиями и Национальным советом, заместители избираются партиями и Национальным советом (§ 24.3).

Председатель назначался на срок 5 лет; иные члены Совета избирались на периоды выборов в Фолькетинг и Ландсрадет соответственно. В случае новых выборов в Фолькетинг, члены Фолькетинга, ранее избранные от Гренландии, сохраняли свои места в Совете до утверждения Фолькетингом результатов выборов вновь избранных членов (§ 24.4). Для оказания помощи Совету создавался секретариат, который находился в ведении министра по делам Гренландии (§ 24.5). Расходы, связанные с деятельностью Совета, покрывались Государственным казначейством (§ 24.6), а министр по делам Гренландии устанавливал регламент Совета (§ 24.7) [2]. Таким образом усилилось представительство гренландцев в Национальном Совете, однако сам орган так и остался фактически с совещательными правами, что не соответствовало чаяниям гренландцев.

Следует указать, что еще «Во время переговоров Национального совета в 1958 г. Йорген Олсен из Сисимиута предложил создать в Национальном совете комитет для пересмотра Закона о Национальном совете для избрания председателя и расширения прав в вопросах принятия решений для Национального совета. Однако предложение не было принято. Согласно докладу по результатам заседания Национального совета, его коллега Эрлинг Хёг из Какортока не считал, что есть кандидаты на пост председателя, а члены Совета были убеждены, что «в политическом плане мы не продвинулись так далеко в развитии, чтобы перейти к самоуправлению».

Однако стремление к системе самоуправления усилилось, когда, вопреки воле народа, Гренландия стала членом Европейского Союза в 1972 году» [3].

В тоже время, Национальный совет нес ответственность за решение социальных вопросов в Гренландии лишь в ограниченной степени, и причина запроса Национального совета от 27.05.1972 г. для более тщательного изучения того, как Совет мог бы влиять на развитие Гренландии и нести за него ответственность за развитие Гренландии также заключалась в том, что стремление к расширению ответственности данного органа становилось все более очевидна в политических дебатах в Гренландии в начале 1970-х годов, не в последнюю очередь в преддверии выборов в данный орган весной 1971 г.

Данным процессам способствовало то, что осенью 1970 г. уже была начата работа в Комитете по распределению работы и задач по подготовке к расширению зоны ответственности муниципалитетов за счет принятия на себя местных задач, которые ранее решались государством, что высшие органы власти Дании способствовал к рассмотрению вопроса о том, чтобы также инициировать передачу общей ответственности за задачи, которые ранее выполнялись государством».

В ином источнике указано, что «Этому предшествовала двухлетняя работа под ру-

ководством председателя Национального совета Ларса Хемница в чисто гренландского Комитета по внутреннему самоуправлению, созданного тогдашним министром Гренландии Кнудом Хертлингом 10.01.1973 г., и еще 2,5 года работы в датско-гренландской комиссии по внутреннему самоуправлению, которая была создана министром Гренландии Йоргеном Педером Хансеном 9 октября 1975 г.» [4, s. 12.].

Укажем, что обращение Национального совета Гренландии к датскому парламенту с просьбой создать Датско-гренландский комитет для расследования отношений Гренландии с Данией произошло в 1973 г. [5, s. 9].

Особо необходимо указать и на иные факторы, производные от взаимоотношений гренландцев и Дании: эволюция самосознания местного населения, понимания их места в государственной, политической и общественной структуре Дании.

Статус Гренландии по конституции 1953 г., как ожидалось со стороны большинства населения, не позволил довести уровень жизни до близкого к к континентальной Дании, а сам остров не стал обычным графством в составе королевства. Введенный же критерий места рождения в отношении гренландцев был воспринят ими как дискриминация. Это привело к первым демонстрациям (гренландская демонстрация перед Кристианборгом) [6, S. 18-30.], а затем и создания первой политической гренландской партии – Партии иннуитов в 1964 г.

Датский ученый, теолог, священник и учитель народной школы, хорошо знавший Гренландию M. V. Лидегард (Mads Vestergaard Lidegaard) разделил период от нового порядка до требования самоуправления на 3 основных этапа: «1) Пробуждение осознания собственной идентичности — в период 1956–1965 гг. 2) Осознание невозможности интеграции — 1965–1972 гг. 3) Требование самоуправления — 1972 г.» [7, s. 55].

Лидегард считал, что в разгар интеграционной политики, направленной на упрощенную модернизацию и датизацию общества, неизбежно возникали такие мысли и вопросы, как «кто мы на самом деле?» и «что мы на самом деле?». Он полагал, что причин данному явлению было много, в т.ч. исчезновение гренландской культуры одновременно с быстрым распадом традиционной культуры и распространением датского языка и культуры в школах; полная экономическая и техническая зависимость от датчан и их доминирование во всех областях; растущее чувство оторванности от корней, человеческой разобщенности между двумя разными мирами; растущее нетерпение по поводу того, что равенство и интеграция не реализуются, и увеличение числа молодых гренландцев, получающих образование в Дании, где на них неизбежно влияли современные идеи из внешнего мира о национальном и народном освобождении, самоутверждении и культурной идентичности, привели к следующему этапу развития новой политической философии: растущему осознанию того, что интеграция и, следовательно, полное равенство в действительности невозможны, и что основа проводимой до сих пор политики была, следовательно, нереалистичной» [8, s. 33].

На осенней сессии 1972 г. Совет Гренландии рассмотрел предложение советника Джонатана Мотцфельдта о создании комиссии для изучения возможности введения в Гренландии системы домашнего правления, и 27 октября 1972 г. Министр Гренландии Кнуд Хертлинг заявил, что, по его мнению, настало время для решения вопроса о влиянии Совета Гренландии на развитие Гренландии и его ответственности за это развитие для более тщательного изучения комиссией или аналогичным органом [9, s. 412-413]. Осенью 1973 г. Национальный совет Гренландии принял обращение к датскому парламенту с просьбой создать Датско-гренландский комитет для расследования отношений Гренландии с Данией [10]. Датская сторона хотела, чтобы в первую очередь был создан исключительно гренландский комитет, дабы Гренландия могла сформулировать свои собственные пожелания и видение проблемы.

В январе 1973 г. по просьбе Совета Гренландии министр по делам Гренландии создал так называемый Комитет по внутреннему самоуправлению. В состав комитета вошли два члена парламента Гренландии и пять членов Национального совета, назначен-

ных Национальным советом. Позже комитет решил дополнить себя представителя Ассоциации гренландских муниципалитетов. В соответствии с кругом ведения основной задачей комитета было изучение возможностей установления домашнего правления в рамках Датского королевства. В феврале 1975 г. Комитет по домашнему самоправлению представил промежуточный отчет/предложение о переговорах министру Гренландии. Комитет провел различие между специальными и общими делами. К специальным относились Закон о правительстве Гренландии, налоги, общественное благосостояние, деловые вопросы, школы, культурные вопросы, охота и охрана природы, туризм, брак, дети, опека, преступность и сырье.

Эти вопросы в Гренландии должны были решаться политически избранным органом и «правительством», избираемым этим органом. Среди предложенных общих вопросов - национальная церковь, полиция, суды и отправление правосудия, оборона, внешняя политика, здравоохранение и т. д. Данные проблемы, изначально предусматривалось, оставались в компетенции национальных властей [11, s. 9].

В октябре 1975 г. создана Комиссия по внутреннему самоуправлению, в состав которой вошли 5 членов, избранных Национальным советом; 2 члена парламента Гренландии; 7 членов, избранных Фолькетингом и Национальным советам, 2 гренландских парламентария и один эксперт в качестве председателя.

Председателем комиссии был назначен профессор, д.ю.н. проф. университета в Копенгагене, будущий министр финансов, судья Европейского суда по правам человека Isi Foighel [12]. В состав комиссии вошли председатель Национального совета (Landsradsformand) Ларс Хемниц; члены Национального совета (Landsradmedlem): Нильс Карло Хейманн, Северин Йохансен, Джонатан Моцфельдт, Конрад Стенхолд. Члены парламента (folkengsmedlem): Хельге Дорманн (Fremskridspartiet), Ивар Хансен (Venstre), Свенд Хаугард (Det radicale Venstre), Ларс Эмиль Йохансен (Valgt i Gronland), Сорен Б. Йоргенсен (Socialidemokratiet), Эрик Нинн-Хансен (Det conservative Folkeparti), Отто Стенхольдт (Valgt i Gronland), Стин Фольке (Venstresocialisterne), Берхард Таствсен (Socialdemokratiet).

Наблюдатели из гренландской ассоциации муниципалитетов, секретари, информационные сотрудники, переводчики, направленные из Канцелярии премьер-министра, Секретариата Национального совета и министерства Гренландии.

Таким образом, основной состав комиссии – председатель, 14 членов парламента и Национального совета (представляющие различные парламентские партии), 3 наблюдателя из гренландской ассоциации муниципалитетов и вспомогательный персонал (8 чел.) [13, s. 16]. Обсуждение отдельных вопросов проходило в специальной рабочей группе под руководством опытного политического деятеля Й. Х. Зёйтена [14, s. 10] с участием известного экономиста Х. Цойтена [15].

Основной задачей комиссии была разработка предложений по созданию самоуправления для Гренландии в рамках Датского королевства. В то же время она должна была составить план, в каком порядке и когда будут переданы сферы ответственности.

Круг ведения комиссии был определен следующий: административная система Гренландии; административная система муниципалитетов; налоги и пошлины; национальная церковь и религиозные общины, отклоняющиеся от Национальной церкви; рыболовство на территории, охота, сельское хозяйство и оленеводство; охрана природы; планирование землепользования; законодательство о бизнесе и конкуренции, включая законодательство о ресторанном и гостиничном бизнесе, регулирование алкогольных напитков и регулирование времени работы заведений; социальные условия; условия на рынке труда; образование и культура, включая профессиональную подготовку; другие условия ведения бизнеса, включая государственную рыболовную и производственную деятельность, поддержку бизнеса и развитие бизнеса; здравоохранение; законодательство об аренде жилья, поддержка жилищного строительства и управление жилищным фондом; поставка товаров; внутренние пассажирские и грузовые перевозки; охрана

окружающей среды.

В соответствии с кругом ведения Комиссии были поставлены следующие задачи: провести обзор текущих правительственных задач в Гренландии, чтобы определить областей, в которых и каким образом Совет Гренландии может быть наделен большей ответственностью и влиянием; на этой основе подготовить предложения по введения системы самоуправления в рамках Датского королевства; подготовить предложения по новому законодательству, которое которые могли бы стать основой для постепенного введения домашнего правления; разработать предложение по графику введения домашнего правления и передачи задач на самоуправление; подготовить предложения по принципам финансовых механизмов в отдельных районах; подготовить предложения по изменению структуры администрации в Гренландии и Дании в связи с введением домашнего правления и передачей задач домашнему правлению. С момента своего создания Комиссия провела в общей сложности 10 заседаний, три из которых состоялись в Гренландии.

Комиссия стремилась к максимальной открытости и публичности своей работы и потому провела обширную информационную работу, в частности, посредством поездок по Гренландии и распространения дискуссионного документа на гренландском и датском языках осенью 1976 г. Документ для обсуждения был распространен среди домашних хозяйств Гренландии через муниципальные советы Гренландии.

В ходе работы комиссии было решено, что вопрос о том, каким образом должно быть организовано самоуправление в отдельных районах, являлся в основном политическим вопросом Гренландии. Поэтому Комиссия очень широко использовала метод работы, в соответствии с которым отдельные области, что предусматривалось передать под домашнее правление, были подвергаются специальному рассмотрению, включая подготовку предлагаемых решений, в подкомитетах, состоящих из гренландских членов Комиссии.

Кроме того, Национальный совет, Национальная ассоциация гренландских муниципалитетов и сами гренландские муниципалитеты регулярно информировали об идеях и предложениях, над которыми работала комиссия, что дало этим органам возможность выразить свое мнение относительно содержания решений, к которым пришла комиссия [16, s. 15].

Учитывая, что разрешение поставленных задач требовало комплексного и согласованного подхода, отметим, что в ходе работы по введению самоуправления в Гренландии в 1978-1979 гг., на основе поставленных задач и полномочий, также были разработаны проекты следующих законов: о самоуправлении Гренландии [17]; о реализации закона о самоуправлении Гренландии и о выборах в парламент Гренландии в 1979 г. [18]; о минеральных ресурсах в Гренландии (Закон о минеральных ресурсах Гренландии) [19]; о церкви в Гренландии; о труде и социальных услугах в Гренландии; о начальном образовании в Гренландии; об образовании учителей для начального образования и о социальном и педагогическом образовании в Гренландии; о профессиональном образовании в Гренландии; о радио и телевидении в Гренландии; о досуговой деятельности в Гренландии; о наличии библиотеки в Гренландии; предложения по Закону о королевской торговле с Гренландией.

Учитывая, что именно по этим направлениям и были изданы законы для Гренландии вместе с законом о самоуправлении, считаем возможным предположить, что таким способом руководство Дании стремилось не только усовершенствовать и приспособить к новым условиям правовую базу Гренландии (ведь многие вопросы небыли затронуты, т.к. оставались в исключительной юрисдикции Дании, хотя и действовали на основании особых законов, применительно к местным условиям – судебная система, уголовное и административное право и т.д.).

В этот же период были разработаны и готовы к рассмотрению проекты следующих актов: предложение по законопроекту о проценте вычетов и личных налоговых вычетов

за календарный 1979 г. (законопроект № L 35); предложение по законопроекту о минеральном сырье в Гренландии (законопроект № L 26) и предложение по законопроекту о внесении поправок в Закон о королевской торговле Гренландией (законопроект № L 27). По результату развития самоуправления, как указывает Р. С. Хрущев: «в 1999 г. действовали министры по таким направлениям: 1) экономика и торговля; 2) бизнес; 3) инфраструктура и жилье; 4) здоровье, окружающая среда и церковь; 5) социальное обеспечение и рынок труда; 6) культура, образование и исследования» [20, с. 159-160].

Безусловно – автор выделил наиболее приоритетные отрасли управления, четко обозначенные в структуре органов власти острова, т.к. далее он указывает: «Напомним, что сферы деятельности, которые, согласно приложению к Закону о Самоуправление Гренландии могли быть переданы самоуправлению, включали: Система управления Гренландией; система управления ее муниципалитетами; налоги и сборы; национальная Церковь и религиозные общины, отклоняющиеся от Национальной Церкви; рыболовство на территории, охота, разведение и оленеводство; национальное планирование; торговое и конкурентное право, в том числе законодательство о кейтеринге и гостиничных услугах, правила об алкогольных напитках; правила питья и закрытия; социальные условия; производственные отношения; образование и культура, включая профессиональную подготовку; условия ведения бизнеса в целом, включая государственное рыболовство и производство, поддержка бизнеса и развитие бизнеса; здравоохранение; регулирование вопросов аренды, жилищных пособий и управление жилищным фондом; товарное предложение; внутренние пассажирские и грузовые перевозки; охрана окружающей среды и некоторые близкие с вышеперечисленными направлениями сферы» [20, с. 159-160].

Таким образом, можно прийти к заключению, что процесс введения самоуправления в Гренландии был инициирован во многом самими гренландцами и поддержан местной датской администрацией. Многие из примененных в отношении острова подходов были заимствованы из опыта наделения самоуправления Фарерских остров, с учетом местной специфики. Введение самоуправления в Гренландии также стало частью реформы муниципального устройства королевства, также проходивший в данный период.

Список литературы:

1. Хрущев Р. С. Политико-правовые предпосылки становления автономии Гренландии // Современные проблемы юриспруденции в условиях глобальных вызовов и трансформационных процессов: теория и практика. Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. Симферополь, 2024. – С. 112-116.
2. Forslag til Lov om ændring i lov om Grønlands landsråd og kommunalbestyrelser m. v. (Vedtaget af folketinget ved 3. behandling den 29. maj 1964.*). – URL: 19631_L2_som_vedtaget.pdf
3. Baggrund: Vi fik hjemmestyre for præcis 40 år siden. – URL: Baggrund: Vi fik hjemmestyre for præcis 40 år siden | KNR (дата обращения: 9.12.2025).
4. lov nr. 274 af 27. maj 1950. Hjemmestyre i Grønland Bind 1 Hjemmestyreordningen Betænkning afgivet af Kommissionen om Hjemmestyre i Grønland April 1978. BETÆNKNING 837. – S. 12.
5. GRØNLANDSK-DANSK SELVSTYREKOMMISSIONS BETÆNKNING OM SELVSTYRE I GRØNLAND. - GRØNLANDSK-DANSK SELVSTYREKOMMISSION. - S. 9. – URL: untitled
6. Jakub Bijak. Proces Kszataltowania sie grenlandzkigo ruchuseparatystycznego W LaLach 1964-1979 // UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA. LUBLIN – POLONIA. BIND XXX, 1 SECTIO K 2023. – S. 18-30. – URL (PDF) Dannelsesprocessen af den grønlandske separatistbevægelse mellem 1964 og 1979 (дата обращения: 9.12.2025).
7. Lidegaard, Mads. 1973, Ligestilling uden lighed - en oversigt over det statsretlige forhold mellem Grönland og Danmark, Kobenhavn: Schultz. – S. 55. – URL: https://www.saxo.com › dk › ligestilling-uden-lighed-en-oversigt-**o**
8. Det kommunale selvstyre i Gronland. Har kommunerne selvstyre? En komparativ analyse aftre udvalgte kommuner Spéciale af: Paneeraq Olsen Institut for Administration Ilisimatusarfik Februar 1999. Vej ledere: Dr. jur., Professor Hanne Petersen og Ph. d., lektor Hans Junker Mortensen. – S. 33. – URL: specialepaneeraqolsen.pdf (дата обращения: 9.12.2025).
9. Axel Kjær Sørensen. Knud Hertling: Grønlandske paradokser. Træk af Grønlands politiske udvikling fra 2. verdenskrig til i dag. (Fremads Fokusbøger, 1977) // Historie/Jyske Samlinger, Bind Ny række, 12 (1977 - 1978) 3-4. – S. 412-413. – URL: Knud Hertling: Grønlandske paradokser. Træk af Grønlands politiske udvikling fra 2. verdenskrig til i dag. (Fremads Fokusbøger, 1977). 80 sider. (дата обращения: 9.12.2025).

10. GRØNLANDSK-DANSK SELVSTYREKOMMISSIONS BETÆNKNING OM SELVSTYRE I GRØNLAND. - GRØNLANDSK-DANSK SELVSTYREKOMMISSION. APRIL 2008. – 609 S. – URL: untitled (дата обращения: 9.12.2025).
11. Jf. betænkning 837/1978, bind 1, s. 9.
12. FOIGHEL, ISI. - Encyclopedia.com. – URL: Foighel, Isi | Encyclopedia.com
13. Hjemmestyre i Grønland Bind I Hjemmestyreordningen Betænkning afgivet af Kommissionen om Hjemmestyre i Grønland April 1978. BETÆNKNING 837. – S. 16. – URL: elov.dk/media/betaenkninger/Hjemmestyre_i_Groenland.pdf (дата обращения: 9.12.2025).
14. Betænkning om en revision af Lov om kommunale valg og Lov om valg af danske repræsentanter til Europa-Parlamentet Delbetænkning fra indenrigsministeriets valglovsudvalg BETÆNKNING NR. 903 København 1980 ISBN 87-503-3443-3/ Eloni Tryk . København In 00-17-bet. – S. 10. – URL: 903.pdf (дата обращения: 9.12.2025).
15. Hans E. Zeuthen er død: Tidligere overvismand og rigsstatistiker blev 89 år. – URL: Hans E. Zeuthen er død: Tidligere overvismand og rigsstatistiker blev 89 år | SE og HØR (дата обращения: 9.12.2025).
16. Hjemmestyre i Grønland Bind I Hjemmestyreordningen Betænkning afgivet af Kommissionen om Hjemmestyre i Grønland April 1978. BETÆNKNING 837. – S. 15. – URL: elov.dk/media/betaenkninger/Hjemmestyre_i_Groenland.pdf (дата обращения: 9.12.2025).
17. Udkast til forslag til Lov om Grönlands hjemmestyre. - Lov om Grønlands hjemmestyre. Nr. 577 29. november 1978. – URL: Lov nr 577 af 29_11_1978 (дата обращения: 9.12.2025).
18. Udkast til forslag til Lov om ikraftsaettelse af lov om Grönlands hjemmestyre og om valg til Grönlands landsting i 1979. – URL: Lov nr 56 af 21_02_1979 (дата обращения: 9.12.2025).
19. L 234 Forslag til lov om mineralske råstoffer i Grønland. – URL: L 234 - 1977-78 (oversigt): Forslag til lov om mineralske råstoffer i Grønland. / Folketingstidende (дата обращения: 9.12.2025).
20. Хрущев Р. С. Эволюция самоуправления Гренландии (историко-правовое исследование. [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 5.1.1: защищена 25.12.25: / Хрущев Роман Сергеевич. - Симферополь, 2025. С. 159-160.

Protsenko A.S. Theoretical, legal, and organizational prerequisites for the creation and development of Greenland's self-government in the second half of the 20th century // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 139-146.

This article examines the preconditions for the establishment and development of self-government in Greenland. It is noted that internal preconditions include factors such as Danish policies on the island, which have left the local population dissatisfied; the growing political and national consciousness of Greenlanders; the example of self-government in the Faroe Islands; and the understanding among some in the Danish establishment of the need to empower Greenlanders to participate more actively in resolving local issues. To develop a common position, a commission on Greenlandic self-government was established in 1975, comprising prominent scholars, politicians, and representatives of the local population. It was this body that carried out extensive theoretical, political, and organizational work to identify possible areas of focus for the future self-government.

Keywords: Denmark, Greenland, self-government, commission, policy, area of activity, National Council of Greenland.

Spisok literatury:

1.Hrushchev R. S. Politiko-pravovye predposylki stanovleniya avtonomii Grenlandii // Sovremennye problemy yurisprudencii v usloviyah global'nyh vyzovov i transformacionnyh processov: teoriya i praktika. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov. Simferopol', 2024. – S. 112-116.
2.Forslag til Lov om ændring i lov om Grønlands landsråd og kommunalbestyrelser m. v. (Vedtaget af folketinget ved 3. behandling den 29. maj 1964.*). – URL: 19631_L2_som_vedtaget.pdf
3.Baggrund: Vi fik hjemmestyre for præcis 40 år siden. – URL: Baggrund: Vi fik hjemmestyre for præcis 40 år siden | KNR (data obrashcheniya: 9.12.2025).
4.lov nr. 274 af 27. maj 1950. Hjemmestyre i Grønland Bind 1 Hjemmestyreordningen Betænkning afgivet af Kommissionen om Hjemmestyre i Grønland April 1978. BETÆNKNING 837. – S. 12.
5.GRØNLANDSK-DANSK SELVSTYREKOMMISSIONS BETÆNKNING OM SELVSTYRE I GRØNLAND. - GRØNLANDSK-DANSK SELVSTYREKOMMISSION. - S. 9.
6.Jakub Bijak. Proces Kszataltowania sie grenlandzkigo ruchuseparatystycznego W LaLach 1964-1979 // UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA. LUBLIN – POLONIA. BIND XXX, 1 SECTIO K 2023. – S. 18-30. – URL (PDF) Dannelsesprocessen af den grønlandske separatistbevægelse mellem 1964 og 1979 (data obrashcheniya: 9.12.2025).
7.Lidegaard, Mads. 1973, Ligestilling uden lighed - en oversigt over det statsretlige forhold mellem Grönland og Danmark, Kobenhavn: Schultz. – S. 55.
8.Det kommunale selvstyre i Gronland. Har kommunerne selvstyre? En komparativ analyse aftre udvalgte kommuner Spéciale af: Paneeraq Olsen Institut for Administration Ilisimatusarfik Februar 1999. Vej ledere: Dr. jur., Professor Hanne Petersen og Ph. d., lektor Hans Junker Mortensen. – S. 33. – URL: specialepaneeraqolsen.pdf (data obrashcheniya: 9.12.2025).
9.Axel Kjær Sørensen. Knud Hertling: Grønlandske paradokser. Træk af Grønlands politiske udvikling fra 2. verdenskrig til i dag. (Fremads Fokusbøger, 1977) // Historie/Jyske Samlinger, Bind Ny række, 12 (1977 - 1978) 3-4.

– S. 412-413. – URL: Knud Hertling: Grønlandske paradokser. Træk af Grønlands politiske udvikling fra 2. verdenskrig til i dag. (Fremads Fokusbøger, 1977). 80 sider. (data obrashcheniya: 9.12.2025).
10. GRØNLANDSK-DANSK SELVSTYREKOMMISSIONS BETÆNKNING OM SELVSTYRE I GRØNLAND. - GRØNLANDSK-DANSK SELVSTYREKOMMISSION. APRIL 2008. – 609 S. – URL: untitled (data obrashcheniya: 9.12.2025).
11. Jf. betænkning 837/1978, bind 1, s. 9.
12. FOIGHEL, ISI. - Encyclopedia.com. – URL: Foighel, Isi | Encyclopedia.com (.
13. Hjemmestyre i Grønland Bind I Hjemmestyreordningen Betænkning afgivet af Kommissionen om Hjemmestyre i Grønland April 1978. BETÆNKNING 837. – S. 16. – URL: elov.dk/media/betaenkninger/Hjemmestyre_i_Groenland.pdf (data obrashcheniya: 9.12.2025).
14. Betænkning om en revision af Lov om kommunale valg og Lov om valg af danske repræsentanter til Europa-Parlamentet Delbetænkning fra indenrigsministeriets valglovsudvalg BETÆNKNING NR. 903 København 1980 ISBN 87-503-3443-3/ Eloni Tryk . København In 00-17-bet. – S. 10. – URL: 903.pdf.
15. Hans E. Zeuthen er død: Tidligere overvismand og rigsstatistiker blev 89 år. – URL: Hans E. Zeuthen er død: Tidligere overvismand og rigsstatistiker blev 89 år | SE og HØR (data obrashcheniya: 9.12.2025).
16. Hjemmestyre i Grønland Bind I Hjemmestyreordningen Betænkning afgivet af Kommissionen om Hjemmestyre i Grønland April 1978. BETÆNKNING 837. – S. 15. – URL: elov.dk/media/betaenkninger/Hjemmestyre_i_Groenland.pdf (data obrashcheniya: 9.12.2025).
17. Udkast til forslag til Lov om Grönlands hjemmestyre. - Lov om Grønlands hjemmestyre. Nr. 577 29. november 1978. – URL: Lov nr 577 af 29_11_1978 (data obrashcheniya: 9.12.2025).
18. Udkast til forslag til Lov om ikraftsaettelse af lov om Grönlands hjemmestyre og om valg til Grönlands landsting i 1979. – URL: Lov nr 56 af 21_02_1979 (data obrashcheniya: 9.12.2025).
19. L 234 Forslag til lov om mineralske råstoffer i Grønland. – URL: L 234 - 1977-78 (oversigt): Forslag til lov om mineralske råstoffer i Grønland. / Folketingstidende (data obrashcheniya: 9.12.2025).
20. Hrushchev R. S. Evolyuciya samoupravleniya Grenlandii (istoriko-pravovoe issledovanie. [Tekst]: dis. ... kand. ist. nauk: 5.1.1: zashchishchena 25.12.25: / Hrushchev Roman Sergeevich. - Simferopol', 2025. S. 159-160.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 147-151.

УДК 342

НОРМАТИВНАЯ ОСНОВА РЕАЛИЗАЦИИ ОХРАНИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ ГОСУДАРСТВА ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБОЙ ОХРАНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пухнаревич М. С.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье анализируется нормативно-правовая база, обеспечивающая реализацию охранительной функции государства Федеральной службой охраны Российской Федерации. Особое внимание уделяется специфике государственной охраны как особого вида деятельности в рамках охранительной функции государства. специфика охранительной функции через призму правовых актов, составляющих нормативную основу реализации охранительной функции государства Федеральной службой охраны Российской Федерации, заключается в ее превентивном характере. В отличие от правоохранительных органов, осуществляющих подавляющее большинство полномочий по факту совершения правонарушения, деятельность ФСО России нацелена на недопущение самой возможности посягательства на объекты государственной охраны и, как следствие, на безопасность Российской Федерации.

Ключевые слова: охранительная функция государства, Федеральная служба охраны Российской Федерации, правовое регулирование, безопасность, государство.

Несмотря на то, что в юридической науке вопрос о функциях государства обстоятельно рассмотрен, анализ данной тематики в разрезе деятельности ФСО России до настоящего момента не был отражен в научных трудах.

Учитывая, что «функции государства это главные социально значимые направления его деятельности на соответствующем этапе его существования» [14, с. 68], и «в которых раскрывается его социальная сущность и назначение в обществе» [8, с. 42], их осуществление и означает функционирование самого государства, достижение тех целей, для которого оно образовано.

Возникновение новых угроз государству и обществу требует от государственных органов гибкости в принятии решений, а также адекватной и своевременной реакции. В условиях усложнения общественных отношений, международной нестабильности и процессов глобализации, наблюдается не столько сокращение функций государства, сколько процесс их адаптации к изменениям и объективно необходимой трансформации. К числу таких относится охранительная функция государства, приобретающая новое содержание и объем.

В Российской Федерации ключевым звеном в реализации охранительной функции наряду с иными «силовыми» ведомствами выступает ФСО России.

Функция охраны осуществлялась еще до возникновения государств, но по мере формирования государства и как следствие публичной власти [13, с. 221 - 223] эта функция становится его исключительной прерогативой [12, с. 131]. Безусловно, содержание функции существенно изменилось с течением времени и находится в состоянии перманентных изменений.

В теории государства и права охранительная функция государства традиционно рассматривается как базовая функция, направленная на обеспечения безопасности как самого государства, так и личности. Она носит интегрирующий характер, в ее содержание включены и иные функции государства.

А.Г. Андреев описывает охранительную функцию государства как «момент сущности государства, определяющий такое воздействие государства, которое связано с необходимостью обеспечения стабильности и сохранности общественных отношений, с предотвращением и устранением опасности для существующего правопорядка и права» [7, с. 8].

Д.В. Пожарский определяет охранительную функцию государства как «публично-

властную деятельность государства, обусловленную его сущностью, проявляющую его ценность и социальное назначение, осуществляемую в целях нейтрализации угроз безопасности общества» [11, с. 22].

Охранительная функция выходит за рамки традиционного понимания защиты от внешних и внутренних угроз и трансформируется в комплексную деятельность по предотвращению, мониторингу и нейтрализации рисков различной природы. Рассмотрение ее содержания, механизмов реализации и пределов в современных условиях представляет собой необходимое введение к дальнейшему научному анализу. Функции государства, в том числе охранительная, реализуются посредством создаваемых государством органов, ведающих в установленных законом пределах своих полномочий вопросами в определенных сферах деятельности, то есть органами государственной власти [9].

Российская Федерация, провозглашая себя правовым государством [1], декларирует верховенство права на всей ее территории. Соответственно, органы государственной власти, обязаны осуществлять свою деятельность исключительно в пределах своих полномочий, и каждое такое направление должно быть законодательно урегулировано, то есть легитимно. Посредством законодательного регулирования полномочий устанавливается баланс: с одной стороны, в наделении полномочиями, и с другой стороны, в их ограничении (через регламентацию).

Федеральная служба охраны РФ является федеральным органом исполнительной власти в области государственной охраны, ведающим в пределах своих полномочий вопросами безопасности государства, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, контролю и надзору в сфере государственной охраны, связи для нужд органов государственной власти, а также функции по информационно-технологическому и информационно-аналитическому обеспечению деятельности Президента РФ, Правительства РФ, иных государственных органов [6]. Таким образом, деятельность ФСО России напрямую иллюстрирует реализацию охранительной функции государства. Столь широкий спектр вопросов, находящихся в ведении ФСО России, требует вариативного и всеохватывающего закрепления в законодательстве.

Высшей юридической силой в Российской Федерации обладает Конституция РФ, выступая фундаментом для дальнейшего правового регулирования стоящими по юридической силе ниже уровня в иерархии после основного закона. Приоритет Конституции РФ, обладающей высшей юридической силой, неоднократно отмечался В.Д. Зорькиным в рамках рассмотрения приоритета национального права [10, с. 264].

Так, п. «м» ст. 71 Конституции РФ оборона и безопасность находится в исключительном ведении РФ. Необходимо отметить, что в данном случае речь идет об обороне и безопасности РФ в целом. Пунктами «б» и «д» ч. 1 ст. 72 Конституции определено, что в совместном ведении РФ субъектов РФ находится обеспечение общественной и экологической безопасности [15]. Ст. 80 и 83 закреплен статус Президента РФ как гаранта Конституции, что предопределяет необходимость обеспечения его безопасности.

Т.е., оборона и безопасность РФ осуществляется исключительно органами государственной власти, в том числе ФСО России. Вместе с тем, одновременно с обороной государства, ФСО России всесторонне и единолично обеспечивает безопасность объектов государственной охраны, в том числе Президента Российской Федерации, и охраняемых объектов по различным направлениям.

Федеральное конституционное законодательство является следующим уровнем, регулирующим деятельность ФСО России. Федеральный конституционный закон от 23.06.1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» выступает важным процессуальным элементом нормативной основы деятельности ФСО России. Им регулируются вопросы осуществления судебной власти военными судами в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках, воинских формированиях и органах, в

которых федеральным законом предусмотрена военная служба.

Так, ст. 7 указанного ФКЗ предусмотрено, что военным судам подсудны гражданские и административные дела, дела о всех преступлениях, административных правонарушениях военнослужащих [2], в том числе, проходящих военную службу в Федеральной службе охраны Российской Федерации.

ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» обеспечивается правовой контроль за реализацией охранительной функции государства через осуществление деятельности ФСО России, гарантируя, что исключительные полномочия осуществляются в рамках закона, а возникающие споры разрешаются юрисдикционным способом. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» напрямую определяет специальный правовой режим – военное положение, вводимый на территории РФ или в ее отдельных местностях в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии[3].

Указанный правовой режим является необходимым инструментом для обеспечения обороны страны и безопасности государства, особенно в условиях международной нестабильности и возникновения вооруженных конфликтов. Согласно п. 5 ст. 1 ФКЗ «О военном положении» в период действия военного положения Вооруженные Силы Российской Федерации, другие войска, воинские формирования и органы, выполняющие задачи в области обороны, в том числе ФСО России, применяются для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации, что в полной мере регламентирует реализацию охранительной функции государства.

Если Конституция РФ и Федеральные конституционные законы Российской Федерации задают вектор охранительной функции на постоянной основе или в определенных ситуациях, то федеральное законодательство регламентирует технологию ее реализации. Профильным и основополагающим федеральным законом в области государственной охраны является Федеральный закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране». Так, именно им определено предназначение государственной охраны, ее принципы и содержание, полномочия и функции органов государственной охраны, а также порядок контроля и надзора за их деятельностью [4]. Указанный Федеральный закон переводит теоретические представления охранительной функции государства в плоскость конкретных административно-правовых полномочий ФСО России.

Федеральный закон «О государственной охране» легитимирует исключительные полномочия органов государственной охраны обеспечения безопасности высших институтов власти. Ст. 1 ФЗ «О государственной охране» установлено, что «государственная охрана – это деятельность по обеспечению безопасности объектов государственной охраны и защите охраняемых объектов, выполняемая в целях обеспечения безопасности Российской Федерации…». Следовательно, указанная деятельность напрямую названа Федеральным законом частью безопасности РФ.

Проанализировав меры государственной охраны, указанные в ст. 4 Федерального закона «О государственной охране», возможно сделать вывод, что нормы 57-ФЗ формируют особый правой режим, в рамках которого реализация охранительной функции государства ФСО РФ реализуется через триединство мер государственной охраны: предоставления персональной охраны, предоставления и организации специальной связи и информационно-аналитического обеспечения.

Также в рассматриваемом федеральном законе установлены пределы и условия легального применения оружия, специальных средств и физической силы сотрудниками органов государственной охраны в установленных случаях. Такая регламентация выступает гарантией реализации силовой составляющей охранительной функции государства, одновременно устанавливая меры ответственности сотрудников органов государственной охраны за превышение полномочий.

Следующий уровень правового регулирования в иерархии правовых актов Российской Федерации представлен Указами Президента Российской Федерации.

Основным Указом Президента РФ, регламентирующим деятельность ФСО России в рамках осуществления охранительной функции государства, является Указ Президента РФ от 7.08.2004 № 1013 «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации». На этом Указе строится значительная часть системы государственной безопасности РФ, закрепляя статус ФСО России как федерального органа исполнительной власти, руководство деятельностью которого осуществляет Президент РФ, тем самым фиксируя прямую связь между главой государства и «силовым аппаратом» и способствуя оперативности управления в кризисных ситуациях. Положение о ФСО России служит детальным нормативным механизмом реализации охранительной функции государства на институциональном уровне.

Вместе с тем определяется статус ФСО России как «федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере государственной охраны…» [6]. Одновременно ФСО России наделяется правом осуществлять свою деятельность во взаимодействии с иными государственными органами, проводить оперативно-разыскные мероприятия для выявления угроз безопасности объектов государственной охраны. Также Указом № 1013 утверждена структура органов государственной охраны, полномочия ФСО России, права ФСО России, вопрос организации деятельности и финансирования расходов.

Таким образом, специфика охранительной функции через призму правовых актов, составляющих нормативную основу реализации охранительной функции государства Федеральной службой охраны РФ, заключается в ее превентивном характере. В отличие от правоохранительных органов, осуществляющих подавляющее большинство полномочий по факту совершения правонарушения, деятельность ФСО России нацелена на недопущение самой возможности посягательства на объекты государственной охраны и, как следствие, на безопасность Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон от 27 мая 1996 № 57-ФЗ № «О государственной охране» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента Российской Федерации от 7 августа 2004 № 1013 «Вопросы Федеральной службы охраны Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Андреев А.Г. Охранительная функция государства в современных условиях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Андреев. М., 2002. 23 с.
8. Гойман-Червонюк В.И. Очерки теории государства и права / В.И. Гойман-Червонюк. М., 1996. 326 с.
9. Ельцов Николай Сергеевич К вопросу о субъектном составе механизма реализации функций государства // Вестник ТГУ. 2015. №10 (150). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-subektnom-sostave-mehanizma-realizatsii-funktsiy-gosudarstva (дата обращения: 30.04.2026).
10. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развития России. М., 2016. 416 с.
11. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Д.В. Пожарский. М., 2015. 49 с.
12. Пожарский Д.В. Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы): дисс. д-ра юрид. наук / Д.В. Пожарский. М., 2014. 426 с.
13. Пухнаревич М.С. Правовое регулирование правоотношений субъектами государственной охраны: историко-правовой анализ / Евразийское научное объединение. № 10-3 (80), 2021, С.221-223.
14. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / под. ред. В.К. Бабаева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2019. 578 с.
15. Шеншин В.М. О правовом регулировании обеспечения безопасности // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 7. С. 32 - 36.

Pukhnarevich M. S. The regulatory framework for the implementation of the protective function of the state by the Federal Guard Service of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 147-151.

This article analyzes the legal framework supporting the implementation of the state security function by the Federal Protective Service of the Russian Federation. Particular attention is given to the specifics of state security as a distinct activity within the framework of the state's security function. The specificity of this security function, through the lens of the legal acts that constitute the regulatory framework for the implementation of the state security function by the Federal Protective Service of the Russian Federation, lies in its preventive nature. Unlike law enforcement agencies, which exercise the overwhelming majority of their powers upon the commission of an offense, the activities of the Federal Protective Service of Russia are aimed at preventing the very possibility of an attack on state security assets and, consequently, on the security of the Russian Federation.

Keywords: the protective function of the state, the Federal Guard Service of the Russian Federation, legal regulation, security, the state.

Spisok literatury:

1. The Constitution of the Russian Federation: [adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 01, 2020] // Access from References.-legal system «ConsultantPlus».
2. Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of June 23, 1999 «On Military Courts of the Russian Federation» // Access from references.-legal system «ConsultantPlus».
3. Federal Constitutional Law of January 30, 2002 No. 1-FKZ «On martial law» // Access from references.-the legal system «ConsultantPlus».
4. Federal Law No. 57-FZ of May 27, 1996 No. «On State Protection» // Access from references.-The legal system «ConsultantPlus».
5. Federal Law No. 76-FZ of May 27, 1998 «On the status of military personnel» // Access from references.-legal system «ConsultantPlus».
6. Decree of the President of the Russian Federation dated August 7, 2004 No. 1013 «Issues of the Federal Guard Service of the Russian Federation» // Access from references.-the legal system «ConsultantPlus».
7. Andreev A.G. The protective function of the state in modern conditions: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences / A.G. Andreev, M., 2002. 23 p.
8. Goyman-Chervonyuk V.I. Essays on the theory of state and law / V.I. Goyman-Chervonyuk, Moscow, 1996. 326 p .
9. Yeltsov Nikolay Sergeevich On the issue of the subject composition of the mechanism for the implementation of state functions // Bulletin of TSU. 2015. No. 10 (150). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-subektnom-sostave-mehanizma-realizatsii-funktsiy-gosudarstva (date of reference: 30.04.2026).
10. Zorkin V.D. The civilization of law and development of Russia. Moscow, 2016. 416 p.
11. Pozharsky D.V. The protective function of the state (theoretical and methodological problems): abstract of the dissertation of Dr. Yurid. Sciences / D.V. Pozharsky, M., 2015. 49 p.
12. Pozharsky D.V. The protective function of the state (theoretical and methodological problems): dissertation by Dr. Yurid. Sciences / D.V. Pozharsky, M., 2014. 426 p.
13. Pukhnarevich M.S. Legal regulation of legal relations by subjects of state protection: historical and legal analysis / Eurasian Scientific Association. No. 10-3 (80), 2021, pp.221-223.
14. Theory of the state and law: a textbook for academic baccalaureate / edited by V.K. Babaev. – 3rd ed., reprint. and additional – M.: Yurayt Publishing House, 2019. 578 p.
15. Shenshin V.M. On the legal regulation of security // Constitutional and municipal law. 2025. No. 7. pp. 32-36.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 152-157.

УДК 343

«ЦИФРОВАЯ ИДЕОЛОГИЯ» КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛОЖЕНИЙ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЙСТВИЯМ В СФЕРЕ ЦИФРОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Семёнова И. В.
Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии, Россия

В статье автор предложил рассмотреть цифровую идеологию в контексте основополагающей в развитии концептуальных положений противодействия преступлениям в сфере цифровой информации. В современном обществе идеология становится элементом устройства, влияя на способы общения, обучения и управления. Цифровая идеология должна развиваться не только как стимул для новых технологий, но с учетом многогранности, включая защиту прав личности в цифровом пространстве. Она должна служить не просто отражением технологического прогресса, а фундаментом для дальнейшего развития в этой сфере. Предлагается формирование цифровой идеологии на основе определения её значимости для информационной безопасности; необходимости ведения в понятийный аппарат в концепции противодействия и её роль в современном информационном обществе; влияния на формирование мировоззрения и поведения в цифровом обществе. Определяются ее принципы, формирующие основу политики цифровой безопасности. Предложена авторская модель цифровой идеологии.

Ключевые слова: цифровая идеология, концепция, принципы, безопасность, структурные элементы.

Цифровое пространство связано с правовым пространством и отражает регулирование не только в рамках государственной территории, но и за ее пределами. Современные цифровые технологии оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на права человека, создают новые возможности и в то же время осложняют реализацию имеющихся прав. Вместе с тем на человека ежеминутно обрушивается поток информации, среди которой сложно найти нужную, а, главное, достоверную. Зачастую затруднительно отличить правдивую информацию от фейков, распространение которых приобрело невиданный размах. Для обеспечения гарантий безопасности человека в цифровом пространстве прежде всего требуются ясные и адекватные правила правового регулирования и адаптированные общеобязательные нормы права, которые не ограничены скрытым потенциалом мягкого права и саморегулирования, юридическая конструкция которых в действительности определяется в одностороннем порядке технологически сильной стороной именно в интересах последней.

В рамках обеспечения безопасности в цифровом пространстве следует сформировать устоявшуюся «систему взглядов, идей, теорий, представлений, характеризующих интересы какой-либо социальной группы или общества в целом, интерпретирующей социальную реальность и задающей «программу действий» для публичной власти» [1], т. е. цифровую идеологию (далее - ЦИ), которая станет основой для развития концептуальных положений противодействия противоправным действиям в сфере цифровой информации и систем ее передачи.

«Идеология есть та часть коллективного мировоззрения, которая нацелена на понимание и выражение долговременных идеалов и интересов людей. Поэтому идеологические построения имеют, как правило, программный характер и предназначены для обоснования и направления действий разных политических сил по достижению и воспроизводству желательных для них ценностей и прежде всего – общественно-государственного устройства определенного вида и качества» [2, с. 62-68]. Многие авторы рассматривают идеологию через призму цифровизации и предлагают и «идеологию цифровой экономики» [3, с. 486-520] или «идеологию виртуального правового мышления» [4; 5, с. 9-18].

Уникальную реальность, отличную от привычного физического мира формируют цифровые технологии. В этой новой технологической среде возникает и функционирует социальное явление, право, правовая система. Именно цифровые инновации уста-

навливают новые правила, к которым должны приспосабливаться правовые институты, включая институты гражданского права. Таким образом, современное право вынуждено эволюционировать, учитывая вызовы и особенности цифровой эпохи [6, с. 26-39]. В контексте противодействия преступлениям, в связи с отсутствием физического контакта с преступником возникает иллюзия безопасности в цифровой среде, что способствует утрате осторожности.

Представляется, что в современном мире идеология становится неотъемлемой частью общественного устройства, формируя новые модели коммуникации, образования и управления. Следует отметить, что формирование и развитие цифровой идеологии должно способствовать не только развитию новых цифровых технологий, но и обеспечивать многоаспектный подход, при этом основываться на защите права личности в цифровом пространстве и представлять собой не просто актуальное развитие технологий, а представлять собой основу для дальнейшего развития. Рассматриваемое направление требует дифференцированного подхода, междисциплинарного диалога и постоянного обновления этических стандартов. В контексте противодействия преступлениям в цифровой среде - «цифровая идеология» должна стать не только основным понятием для понимания трансформации общественных отношений под влиянием технологий, но и формирующей отношение человека и общества к цифровым технологиям, их использованию и государственному регулированию.

ЦИ должна стать первым и основным элементом для формирования новых социальных, экономических и культурных процессов, поскольку она охватывает совокупность идей, принципов и ценностей, определяющих отношение личности, организаций и государства к цифровым технологиям.

Таким образом, ее сущность заключается в том, что цифровые технологии стали не только инструментом, но и фактором, формирующим мышление, коммуникацию и модели поведения, которые становятся предметом и объектом преступных посягательств. Оказывая влияние на мировоззрение современного человека, она определяет не только способы получения информации, но и формирует отношение к безопасности в цифровом пространстве и интерпретацию реальности.

Исследования показывают, что алгоритмы социальных сетей усиливают эффект «информационного пузыря», ограничивая пользователей схожими взглядами и формируя узкое мировоззрение [7]. В условиях цифрового общества меняется структура обмена информацией, в общении доминирует визуальная, короткая информация в виде картинок, символов, эмодзи, что способствует клиповому мышлению и снижению глубины анализа. Л. А. Рябиченко отмечает, что «поражение мозга может наступить у любого человека, независимо от его статуса, что представляет угрозу для действующих политиков и государственных служащих, активно использующих Интернет и позволяет говорить о цифровизации как об оружии массового поражения высшей нервной системы и синтетических функций человеческого мозга. Безопасность государства требует принятия самых срочных мер по выстраиванию внятной политики информационной защиты личности, человека и государства» [8, с.123].

Исходя из сущности ЦИ можно прийти к выводу что, она может способствовать формированию новых норм этики и морали, связанных с приватностью, ответственностью за формируемый цифровой след. Однако, следует отметить, что при всех имеющихся положительных моментах цифровизация несет риски манипуляций, распространения фейковой информации и потери критического мышления. Общество, развивая цифровую грамотность и чистоплотность сможет осознанно формировать собственные взгляды и ценности в условиях стремительно меняющейся цифровой среды.

Развитие безопасного цифрового общества, экономики, политики, определяет направление развития идеологии, представляющей собой систему взглядов, формирующую отношение к цифровым процессам, инновациям, безопасности и этике в цифровом пространстве, что в свою очередь становится превентивной мерой в противодей-

ствии быстроразвивающейся преступности; оказывает влияет на государственную политику, бизнес-стратегии и повседневную жизнь граждан. По данным Всемирного банка, к 2025 г. более 70% мирового ВВП будет связано с цифровыми технологиями, что требует формирования новых принципов взаимодействия: прозрачности, инклюзивности, защиты персональных данных [9]. Отдельные ученые отмечают, что ЦИ способствует развитию цифровой грамотности, что так необходимо в условиях роста киберугроз и цифрового неравенства, которое проявляется как на микро, так и на макроуровнях. Она определяет стандарты этического поведения в сети, поддерживает инновационные экосистемы и формирует доверие пользователей к цифровым платформам [10, 11] и должна являться неотъемлемым элементом современной ИКТ-среды, оказывающий фундаментальное влияние на формирование цифрового общества и его устойчивое развитие, стать стержнем, определяющим стратегию и тактику обеспечения информационной безопасности; выстраиваться на следующих принципах: суверенитет данных; технологическая независимость; приоритет превентивных мер, которые формируют нормативную и практическую базу политики безопасности.

Под цифровым суверенитетом подразумевается контроль государства и общества критических данных и инфраструктуры. Согласно исследованиям, проведенными в 2023 г. Gartner, 68% организаций уже внедряют механизмы локализации данных для минимизации рисков внешнего вмешательства [12]. Технологическая независимость требует развития собственных решений и снижения зависимости от зарубежных платформ, что позволит снизить уязвимость, но и способствовать инновациям в национальной IT-сфере.

Таким образом, цифровая идеология является не абстрактной концепцией, а комплексом принципов, определяющих вектор развития современной политики цифровой безопасности и устойчивости цифрового общества и концептуальных основ противодействия преступлениям в сфере цифровой информации и систем ее передачи. Обеспечение определенности юрисдикции как условие верховенства права, соблюдения законности, недопустимости, предупреждения и пресечения любых форм правонарушений в сфере цифровой информации и систем ее передачи – общая задача для различных отраслей права.

Говоря о юрисдикции и формах правового обеспечения законности следует отметить, что они не исчезают, а получают новые формы выражения в цифровом пространстве, и являются направлением развития правового регулирования, общественного сознания, криминалистического и технологического развития.

Сложный характер формирования цифрового сознания может прослеживаться через его неразрывную связь с правовой и цифровой культурой через призму юридического мышления, а также с правовым менталитетом и правовой идеологией пользователей цифрового пространства, применяющих цифровые технологии [13, с.80-85]. Исходя из этого актуальной задачей выступает определение смысла полагающих идей, отражающих ценностные ориентиры поведения большей части пользователей цифрового пространства, способных стать основой для консолидации их действий в рамках преодоления деструктивного влияния цифровых преступлений. Такое влияние предполагает необходимость учитывать то, что ЦИ пользователей цифровой информацией как познавательная сторона правосознания личности не возникает самопроизвольно, а вырабатывается и усваивается (что, кому, как, при каких обстоятельствах следует действовать) в рамках использования цифрового пространства.

ЦИ в рассматриваемом ракурсе является нетрадиционным инструментом в противодействии преступлениям в сфере цифровой информации, поскольку фактически каждый субъект общественных отношений, возникающих в цифровом пространстве, должен на основе предусмотренных законодательством критериев, принимать решение о допустимости и целесообразности совершаемых действиях. В современном цифровом обществе цифровая безопасность становится краеугольным камнем национальной, со-

циальной, экономической и финансовой устойчивости.

Представляется, что в контексте заявленного исследования ЦИ должна представлять собой не только набор технологических решений, но и систему ценностей, регулирующих поведение отдельных частных пользователей, организаций и государства в цифровом пространстве как потенциальных жертв цифровых преступлений. Цифровая идеология должна быть направлена, во-первых, формирование культуры ответственного поведения в сети. Согласно данным Международного союза электросвязи, до 90% успешных кибератак происходят из-за человеческого фактора. Обучение пользователей основам цифровой гигиены и этики существенно снижает риски. Во-вторых, способствовать развитию нормативной правовой базы, определять стандарты и процедуры реагирования на инциденты, а также координировать взаимодействие между государством, бизнесом и гражданами. В-третьих, она стимулирование инноваций в области защиты информации, внедрения искусственного интеллекта и машинного обучения для обнаружения угроз.

В связи с выше изложенным представляется возможным выделить основные элементы ЦИ: ценностная база, включающая в себя осознание приоритета безопасности, прозрачности и ответственности в цифровой среде как основа для формирования поведения пользователей и профессионалов; образовательная составляющая, предусматривает систематическое обучение граждан цифровой грамотности, правовым и этическим аспектам онлайн-деятельности; нормативно-правовое реагирование на современные вызовы, с учетом их опережения, при этом обеспечивая защиту личности и инфраструктуры; технологическая инфраструктура основанная на внедрении современных средств цифровой безопасности и развитии механизмов противодействия преступлениям.

Таким образом, цифровая идеология – это инструмент противодействия цифровой преступности, обеспечивающий целостность, устойчивость и доверие к цифровой инфраструктуре общества. IT-преступность становится всё более изощренной, угрожая как частным лицам, так и организациям. В этой связи особое значение приобретает формирование цифровой идеологии как систему ценностей, норм и моделей поведения, направленных на ответственное и безопасное использование цифровых технологий. Цифровая идеология способствует развитию цифровой грамотности, формируя у пользователей критическое мышление и навык распознавания внешних и внутренних цифровых угроз. Пользователи, осознающие риски, чаще применяют многофакторную аутентификацию, обновляют программное обеспечение и осторожнее относятся к подозрительным сообщениям. Исследования показывают, что 80% успешных атак происходят из-за человеческого фактора – неосторожности или незнания [14]. Ответственность пользователей – основной элемент цифровой идеологии. Она предполагает не только защиту собственных данных, но и соблюдение этических норм в сети. Внедрение цифровой идеологии в образовательные программы и корпоративную культуру позволяет существенно снизить уязвимость к IT-угрозам. В условиях стремительного развития технологий только синергия просвещения, личной ответственности и цифровых ценностей позволит эффективно противостоять IT-преступности. В 2023 г. Высшая школа экономики провела исследования, в результате которых выяснилось, что, внедрение идеологических компонентов в цифровое образование снижает уровень правонарушений в сети на 18% [15, с. 7-32; 16, 17].

Современная цифровая идеология формирует новые стандарты в области цифровой безопасности, оказывая значительное влияние на стратегические подходы. В условиях стремительной цифровизации приоритетным становится не только развитие технологий, но и формирование цифрового мышления – системы ценностей, в которой безопасность данных рассматривается как приоритет наравне с инновациями. Государственные стратегии противодействия преступлениям сегодня строятся на принципах цифрового суверенитета и защиты критической инфраструктуры [18]. ЦИ способствует

развитию культуры безопасности, где каждый индивид рассматривает киберугрозы как неотъемлемую часть своей деятельности. В результате формируется комплексный подход, включающий не только технические, но и организационные, правовые и этические меры защиты.

Список литературы:

1. Комиссаров М. А. Сущность и предназначение государственно-правовой идеологии // Теория государства и права. 2025. № 2-1(44). С. 135-150.
2. Усов А.Ю. Идеология экологически сознательного отношения к природе как обязательное условие реализации национального проекта в сфере экологии. Искусство правоведения. 2024. № 3 (11). С. 62-68.
3. Иванов А.Ю. Цифровая экономика и антимонопольное право: единство и борьба противоположностей //Правоведение. 2019. № 4. С. 486-520.
4. Цифровое право. Учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. Москва: Проспект, 2020. 640 с.
5. Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // Lex Russica. 2019. №9 (154). С. 9-18.
6. Карцхия А. А. Цифровое право как будущее классической цивилистики // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, Интернет. 2018. № 1. С. 26-39.
7. Пузырь фильтров // Большая Российская библиотека // URL: https://bigenc.ru/c/puzyr-fil-trov-c57689 [Электронный ресурс]. (дата обращения 05.02.2026).
8. Рябиченко Л. А. Идеология цифрового общества как геополитическая стратегия установления наднационального контроля // Стратегические приоритеты 2017 № 3(15). С. 96-124.
9. Как цифровые технологии меняют экономику и качество жизни // URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/10/10/kak-tsifrovie-tehnologii-menyayut-ekonomiku-i-kachestvo-zhizni (дата обращения 12.12.2026).
10. Бурнашев Р.Ф., Тоирова Д.Т. Развитие цифровой грамотности как основы информационной безопасности личности в современном обществе // Universum: общественные науки: электрон. научн. журн. 2024. 12(115). URL: https: // 7universum.com/ru/social/archive/item/18811 (дата обращения: 17.03.2026).
11. В Кибердоме эксперты обсудили, как повысить цифровую грамотность россиян // URL: https://www.kp.ru/daily/27662/5013178/ (дата обращения: 17.03.2026).
12. Применение искусственного интеллекта на финансовом рынке. Банк России // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?.
13. Тихомиров Ю. А. Право и виртуальное пространство / Ю. А. Тихомиров, О. О. Журавлева, П. П. Кабытов [и др.]. Москва: Проспект, 2025. 176 с.
14. 80% ИТ-инцидентов – из-за человеческого фактора. Как снизить риски //URL: https://companies.rbc.ru/news/ULJGye5QE2/80-it-intsidentov---iz-za-chelovecheskogo-faktora- kak-snizit-riski/. (дата обращения: 17.03.2026).
15. Южаков В. Н., Покида А. Н., Зыбуновская Н.В, Старостина А. Н. Оценка гражданами эффектов и рисков их цифрового взаимодействия с государством: ДИНАМИКА 2022–2025 гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 4. С. 7-32.
16. Цифровая среда в образовательных организациях различных уровней // URL: https://memo.hse.ru/de_level_2022 (дата обращения: 17.03.2026).
17. Цифровой переход: опыт педагогов и образовательных организаций в России и мире // URL: https://fund.yandex.ru/research/digital_transformation?ysclid=mmu983ir3612651065
18. Зиновьева Е. С. Международное управление Интернетом / Е. С. Зиновьева, А. А. Игнатов, А. А. Уланов, Э.Л. Сидоренко [и др.]. Москва: Серпантин Про (ИП Гончаров А.В.), 2025. 186 с.

Semenova I. V. "Digital Ideology" as a Basis for the Development of Conceptual Provisions for Countering Illegal Actions in the Field of Digital Information // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 152-157.

In this article, the author proposes examining digital ideology as fundamental to the development of conceptual provisions for countering crimes in the digital information sphere. In modern society, ideology is becoming an integral part of the structure, influencing methods of communication, education, and governance. Digital ideology should develop not only as a stimulus for new technologies, but also with due regard for its multifaceted nature, including the protection of individual rights in the digital space. It should serve not simply as a reflection of technological progress, but as a foundation for further development in this area. The author proposes developing a digital ideology based on its significance for information security; the need for its conceptual integration into counteraction concepts and its role in the modern information society; and its influence on the formation of worldviews and behavior in a digital society. Its principles, which form the basis of digital security policy, are defined. A model of digital ideology is proposed.

Keywords: digital ideology, concept, principles, security, structural elements.

Spisok literatury:

1. Komissarov M. A. Sushchnost' i prednaznachenie gosudarstvenno-pravovoj ideologii // Teoriya gosudarstva i prava. 2025. № 2-1(44). S. 135-150.

2. Usov A.Yu. Ideologiya ekologicheski soznatel'nogo otnosheniya k prirode kak obyazatel'noe uslovie realizacii nacional'nogo proekta v sfere ekologii. Iskusstvo pravovedeniya. 2024. № 3 (11). S. 62-68.
3. Ivanov A.Yu. Cifrovaya ekonomika i antimonopol'noe pravo: edinstvo i bor'ba protivopolozhnostej //Pravovedenie. 2019. № 4. S. 486-520.
4. Cifrovoe pravo. Uchebnik / pod obshch. red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorovoj. Moskva: Prospekt, 2020. 640 s.
5. Sinyukov V. N. Cifrovoe pravo i problemy etapnoj transformacii rossijskoj pravovoj sistemy // Lex Russica. 2019. №9 (154). S. 9-18.
6. Karckhiya A. A. Cifrovoe pravo kak budushchee klassicheskoj civilistiki // Pravo budushchego: Intellektual'naya sobstvennost', innovacii, Internet. 2018. № 1. S. 26-39.
7. Puzyr' fil'trov // Bol'shaya Rossijskaya biblioteka // URL: https://bigenc.ru/c/puzyr-fil-trov-c57689 [Elektronnyj resurs]. (data obrashcheniya 05.02.2026).
8. Ryabichenko L. A. Ideologiya cifrovogo obshchestva kak geopoliticheskaya strategiya ustanovleniya nadnacional'nogo kontrolya // Strategicheskie prioritety 2017 № 3(15). S. 96-124.
9. Kak cifrovye tekhnologii menyayut ekonomiku i kachestvo zhizni // URL: https://www.vedomosti.ru/press_releases/2025/10/10/kak-tsifrovie-tehnologii-menyayut-ekonomiku-i-kachestvo-zhizni (data obrashcheniya 12.12.2026).
10. Burnashev R.F., Toirova D.T. Razvitie cifrovoj gramotnosti kak osnovy informacionnoj bezopasnosti lichnosti v sovremennom obshchestve // Universum: obshchestvennye nauki: elektron. nauchn. zhurn. 2024. 12(115). URL: https: // 7universum.com/ru/social/archive/item/18811 (data obrashcheniya: 17.03.2026).
11. V Kiberdome eksperty obsudili, kak povysit' cifrovuyu gramotnost' rossiyan // URL: https://www.kp.ru/daily/27662/5013178/ (data obrashcheniya: 17.03.2026).
12. Primenenie iskusstvennogo intellekta na finansovom rynke. Bank Rossii // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?.
13. Tihomirov Yu. A. Pravo i virtual'noe prostranstvo / Yu. A. Tihomirov, O. O. Zhuravleva, P. P. Kabytov [i dr.]. Moskva: Prospekt, 2025. 176 s.
14. 80% IT-incidentov – iz-za chelovecheskogo faktora. Kak snizit' riski //URL: https://companies.rbc.ru/news/ULJGye5QE2/80-it-intsidentov---iz-za-chelovecheskogo-faktora- kak-snizit-riski/. (data obrashcheniya: 17.03.2026).
15. Yuzhakov V. N., Pokida A. N., Zybunovskaya N.V, Starostina A. N. Ocenka grazhdanami effektov i riskov ih cifrovogo vzaimodejstviya s gosudarstvom: DINAMIKA 2022–2025 gg. // Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2025. № 4. S. 7-32.
16. Cifrovaya sreda v obrazovatel'nyh organizaciyah razlichnyh urovnej // URL: https://memo.hse.ru/de_level_2022 (data obrashcheniya: 17.03.2026).
17. Cifrovoj perekhod: opyt pedagogov i obrazovatel'nyh organizacij v Rossii i mire // URL: https://fund.yandex.ru/research/digital_transformation?ysclid=mmu983ir3612651065
18. Zinov'eva E. S. Mezhdunarodnoe upravlenie Internetom / E. S. Zinov'eva, A. A. Ignatov, A. A. Ulanov, E.L. Sidorenko [i dr.]. Moskva: Serpantin Pro (IP Goncharov A.V.), 2025. 186 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 158-165.

УДК 340.132.23

ИНТЕГРАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА)

Соляная М. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье рассмотрены и проанализированы положения Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя». В данном нормативно-правом акте отражены ключевые положения, регламентирующие фундаментальные основы процесса интеграции законодательства Республики Крым и города Севастополя в правовую систему Российской Федерации. В ходе изучения вопроса автором рассмотрены и проанализированы основополагающие (базовые) правовые основы необходимые для урегулирования работы государственно-правового аппарата, изучены положения, направленные на нормализацию и сохранение деятельности юридических лиц, а также проанализированы основные правовые аспекты, регламентирующие процесс организации жизнедеятельности населения. Автором пришел к выводу о прикладной значимости Федерального конституционного закона № 6 «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», необходимость которого обусловлена интеграцией законодательства Республики Крым и города Севастополя в правовое поле Российской Федерации.

Ключевые слова: интеграция законодательства, переходный период, легальность, легитимность, право на самоопределение, референдум, демократическое государство, автономия.

20 марта 2014 г. Государственная Дума Российской Федерации одобрила Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [1].

21.03.2014 г. данный нормативно-правовой акт был одобрен Советом Федерации и со дня вступления в силу подписанного 18.03.2014 г. Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов, вступил в законную силу [2]. Данный Федеральный конституционный закон являлся основополагающим документом, регламентировавшим процесс внедрения Республики Крым и города Севастополя в правовую систему РФ. Принятие в состав РФ новых субъектов, нормативная основа которых была разработана с учетом иного правового поля, предполагает создание переходного периода, необходимого для адаптации и организации работы государственно-правового аппарата, а также нормализации работы всех государственных и частных предприятий.

Для анализа процесса интеграции законодательства Республики Крым и города Севастополя в правовое поле РФ необходимо поднять вопрос о двух неотъемлемых составляющих вышеуказанного процесса, а именно, утверждении 11.03.2014 г. Декларации о независимости АРК и города Севастополя (далее –Декларация) [3], и факта проведения в Республике Крым и городе Севастополе 16.03.2014 г. референдума, в ходе которого население полуострова большинством голосов проголосовало за воссоединение Крыма с РФ на правах нового субъекта РФ.

Необходимо обратить внимание что в преамбуле Декларации о независимости АРК и города Севастополя имеется отсылка о соответствии данного документа международному праву, а именно – положениям Устава ООН и тем международным документам, в которых закреплена норма реализации народами права на самоопределение. Также в Декларации имеется отсылка к факту признания международным Судом ООН одностороннего решения властей Косово и Метохии

провозгласить независимость от Республики Сербия и создания автономного государства – Республики Косово (17.02.2008 г.) [3].

Основываясь на данном международном опыте депутаты Верховной Рады АРК и депутаты Севастопольского городского совета единогласно пришли к решению, что в случае принятии народом на референдуме решения о воссоединении Крыма с РФ на правах нового субъекта РФ, Крым будет выступать как независимый субъект международных отношений.

Статус автономии позволил гражданам полуострова легально и легитимно осуществить выбор своей дальнейшей судьбы, в том числе являясь независимым субъектом международного права заключить двусторонний договор с РФ о принятии в РФ Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов.

Декларация независимости АРК имеет практическую значимость – это легитимация факта Крымского референдума и дальнейшего вхождения Республики Крым и г. Севастополя в состав субъектов РФ. Благодаря принятой Декларации Республика Крым и г. Севастополь, выступая уже самостоятельными субъектами международного права заключили договор с РФ на основании которого в составе РФ образовались два новых субъекта: Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ от 21.03.2014 г. «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» (далее - ФКЗ № 6) закрепляет положения позволяющее непрерывно и достаточно «гибко» изменить как законодательство, так и другие сферы жизни общества, в том числе военную, экономическую, управленческую, банковскую, кредитную и иные направления общественной жизни.

Одним из интересных аспектов ФКЗ № 6 является п. 4 ст. 2: регламентирующий образование в составе РФ новых субъектов, их наименование и статус, в частности государственного (официального) языка: в Республике Крым помимо русского, в этом качестве, закреплены также украинский и крымско-татарский языки [3]. Данное положение не только фиксирует многонациональный состав населения РК, но и демонстрирует уважительное отношение государства ко всем гражданам полуострова, вне зависимости от их национальной принадлежности.

Данный факт также подтверждается ст. 3 Договора между РФ и РК о принятии в РФ Республики Крым и образовании в составе РФ новых субъектов от 18.03.2014 г., в котором указано: «Российская Федерация гарантирует всем народам, проживающим на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя, право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития», а также закрепляет в РК 3 государственных языка – русского, украинского и крымско-татарского [2].

Также одним из важных моментов в Федеральном конституционном законе является четкое установление границ Республики Крым и г. Севастополя с соседним государством – Украиной. С указанием в п. 2 ст. 3 ФКЗ № 6 того, что граница Республики Крым на суше, сопрягаемая с границей Украины, признается границей РФ [1], а значит, в соответствии со ст. 1 Закона № 4730-1 от 01 апреля 1993 г. «О Государственной границе Российской Федерации» на данную территорию распространяется суверенитет РФ [4].

Это подразумевает и политический суверенитет, то есть самостоятельность государства в определении вектора внешней и внутренней политики, возможность осуществлять охрану своих территориальных границ, следить за их неприкосновенностью и нерушимостью, в том числе с применением военной силы. Суверенитет также распространяется и на экономический аспект, заключающийся в возможности государства самостоятельно распоряжаться своими ресурсами, в том числе заниматься их распределением и аккумулированием.

Правовой суверенитет, являющийся частью общего суверенитета Российской

Федерации, распространяется на главенствующую роль и авторитет государства в управлении внутренними делами, включая принятие законов и осуществление контроля за их исполнением и соблюдением. Одним из важных аспектов суверенитета является также возможность представления государства на международно-правовой арене, с правом являться полноценным участником международных отношений.

Федеральный конституционный закон № 6-ФКЗ от 21.03.2014 г. «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» в ст. 6 закрепляет действие переходного периода до 1.01.2015 г. [1].

В п. 3 ст. 7 ФКЗ № 6 закреплено, что Республика Крым и город федерального значения Севастополь, в лице своих уполномоченных органов, наделяются полномочиями по принятию нормативно-правовых актов регионального значения. Единственным условием реализации принятия вышеуказанных законов является их полное соответствие Конституции РФ [1].

В частности, Государственный Совет Республики Крым и Законодательное Собрание города Севастополя обладают компетенциями по избранию органов государственной власти и органов местного самоуправления, в соответствии с собственным законодательством, то есть принятие данными органами/структурами нормативно-правовых актов, которые, как указано в п. 3 ст. 7 и продублировано в п. 4 ст. 7 Федерального конституционного закона [1], должны соответствовать Федеральному закону № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» от 12.06.2002 г. [5]. Интересен также п. 10 ст. 7 ФКЗ № 6 регламентирующий преимущественное право бывших руководителей и/или сотрудников силовых структур на замещение должности в силовых структурах Республики Крым и города Севастополя.

Преимущественное право поступления на службу предоставляется бывшим сотрудникам соответствующих структур, в случае наличия у претендентов гражданства РФ и при условии сдачи ими обязательного экзамена на знание законодательства РФ, а также соблюдения иных требований, предъявляемых законодательством РФ.

Данное право дублируется в ст. 5 ФКЗ № 6, регламентирующей положение органов военного управления и военнослужащих [1]. При анализе вышеуказанного положения о преимущественном праве при поступлении на военную службу в ряды ВС РФ возникает закономерный вопрос о даче присяги на верность РФ, связанное с тем что все сотрудники соответствующих структур, осуществляющие службу в рамках правового поля АРК, входившей в период с 1991 по 2014 гг. в состав Украины, приносили присягу на верность украинскому народу и государству.

Но в соответствии со ст. 28 Федерального закона № 342-ФЗ от 30.11.2011 г. «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6] и со ст. 40 Федерального закона № 53-ФЗ от 28 марта 1998 г. «О воинской обязанности и военной службе» [7] прежние сотрудники силовых структур и военнослужащие, как и сотрудники, впервые поступившие на службу, должны быть приведены к присяге. Соответственно, возникает ситуация нарушения присяги, данной на верность одному государству.

Следует учитывать, что данная ситуация не распространяется на ситуацию распада СССР, так как РФ, став правопреемником, сохранила воинский состав, а также остальные обязательства данные СССР. Данное положение удостоверяется также Указом Президента Российской Федерации от 25.08.2023 г. № 639, п. 3 которого предусмотрено, что «не приводятся к присяге лица, ранее приведенные к Военной присяге в Российской Федерации, а также приведенные к Военной присяге в СССР и проходившие военную службу в Российской Федерации» [8].

Однако п. 3 ст. 40 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» от 28 марта 1998 г. указано, что иностранный гражданин или лицо без

гражданства, поступающее на военную службу в ряды военнослужащих РФ не приносит присягу, а дает обязательство [7]. Согласно существу закона воинская присяга и обязательство имеют равное юридическое значение и положение, однако в законе не упоминается об ограничении в принятии в ряды Военных Сил российской армии лиц, ранее присягнувших на верность другому государству, в связи с чем с точки зрения закона принятие присяги на верность РФ гражданами Крыма, ранее осуществляющими службу в рядах иного войска, не нарушает положений законодательства, что также подтверждается отдельно закреплённой ст. 5 ФКЗ № 6 [1], регламентирующей вопросы воинской обязанности и военной службы. Преимущественное право на замещение должности имели также сотрудники органов Прокуратуры при поступлении на службу в органы новых субъектов: требованиям к претендентам и условия принятия на службу регламентировано п. 3 ст. 8 ФКЗ № 6 [1].

Аналогичный порядок замещения закреплен также для судей. Пунктом 2 ст. 9 ФКЗ № 6 закреплено, что лица, занимающие должность судей на территории РК и города Севастополя на момент принятия в РФ вышеуказанных субъектов, имеют преимущественное право на замещение судейских должностей в рамках правового поля РФ, при условии успешной сдачи экзамена на знание законодательства РФ, а также соответствия иным требованиям, предъявляемым нормативно-правовыми актами РФ, регламентирующими статус судьи и кандидатов на должность судей. Конкурсный отбор указанных лиц осуществляется Высшей квалификационной коллегией судей РФ [1]. Также суды осуществляют правосудие от имени РФ в судейском составе, который был на момент принятия Республики Крым и города Севастополя в состав РФ, до момента создания на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя судейского аппарата.

Важное положение закреплено в ст. 12 ФКЗ № 6, регламентирующей действительность документов, выданных государственными органами, органами местного самоуправления, государственными и частными предприятиями Украины.

Вышеуказанная статья закрепляет срок действия всего спектра документов: имеющих юридическое значение; подтверждающих акты гражданского состояния (свидетельства о рождении, свидетельства о смерти, свидетельства о заключении брака, свидетельства о перемене фамилии, имени, отчества и иные документы); все документы об образовании; документы подтверждающее принадлежность имущества конкретным лицам, документы, связанные с финансовым обеспечением, а именно документы о назначении пенсий, пособий и иных выплат); документов, подтверждающих право на получение медицинской помощи, документы подтверждающие льготы, а также распространяется на документы, подтверждающие юридические факты, в том числе на судебные решения.

Факт действия и действительности вышеуказанных документов подразумевает сохранение их полной юридической силы без необходимости дальнейшего подтверждения, апостилирования, консульское легализации или нострификации. То есть документы, выданные государственными или частными органами в АРК, сохраняют свое юридическое действие в рамках РК и города федерального значения Севастополя, как полноправных субъектов РФ, без ограничения срока действия этих документов и необходимости дополнительного подтверждения со стороны государственных органов [1]. Также в перечень вышеуказанных документов входят таможенные документы и лицензии. Стоит отметить, что вопрос финансового регулирования не затрагивал возможности предоставления лицензий банковским учреждениям и кредитным организациям. Данный вопрос самостоятельно регламентирован в ст. 17 ФКЗ № 6 [1].

Организация банковской деятельности на территории Республики Крым и города Севастополя, в том числе в переходный период, осуществляется только банковскими учреждениями, имеющими лицензию Центрального банка РФ. Однако есть

исключения, заключающиеся в том, что до 1.01.2015 г. на территории Республики Крым и города федерального значения Севастополя банковскую деятельность могли осуществлять банковские учреждения, имеющие лицензию Национального банка Украины, действие которой распространяется до 16.03.2014 г. включительно.

По аналогии, для работников банковских учреждений действует правило о преимущественном праве при замещении должности, в случае наличия у лиц гражданства РФ, и при учете прохождения аттестации установленной ЦБ РФ [1].

Однако, на практике с 2014 г. возникали определенные трудности, связанные с банковскими отношениями между населением Крыма и банками Украины. К примеру, если в предмете договора имелись денежные вклады или обязательства жителей полуострова по отношению к банкам Украины, для обеспечения которых до 2014 г. были наложены запреты и/или ограничения на имущество, приобретённого в ипотеку или оставленного банку под залог, с целью обеспечения дальнейших выплат со стороны физических лиц.

Урегулирование данного вопроса закреплено в Федеральном законе от 30.12.2015 г. № 422-ФЗ «Об особенностях погашения и внесудебном урегулировании задолженности заемщиков, проживающих на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя и в изменениях в Федеральный закон «О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя» [9].

Законом предусмотрена процедура погашения задолженностей перед кредитными учреждениями, осуществлявшими свою деятельность на территории РК и города федерального значения Севастополя, но прекратившими свою деятельность по решению Национального банка Украины.

Для разрешения вышеуказанной задачи в РК был учрежден «Фонд защиты вкладчиков» являющийся автономной некоммерческой организацией, который выступал арбитром между заемщиком и кредитором, и брал на себя обязательства не только по надзору за соблюдением законодательства при разрешении разногласий между сторонами, но и осуществляла компенсационные выплаты, представляла интересы вкладчиков, имеющих открытые счета с денежными средствами в банковских учреждениях Украины, ранее осуществлявших, но прекративших свою деятельность на территории Крыма и Севастополя. Также «Фонд защиты вкладчиков» осуществляет надзор за кредиторами в рамках реализации последними своих полномочий по взыскиванию денежных средств. Согласно вышеуказанному закону процедура исполнения обязательства (погашение задолженности заемщиком путем перечисления денежных средств) реализуется через специально открытый банковский счет, в том числе, частичное исполнение данных обязательств.

Далее, согласно положениям вышеуказанного закона, «Фонд защиты вкладчиков» направляет уведомление о погашении задолженности (полностью или частично), лицу, которое имеет право требовать исполнения обязательства.

В случае полного погашения задолженности, и в соответствии с этим полного исполнения обязательств, обременение с имущества заемщика АНО «Фонд защиты вкладчиков» направляет в адрес плательщика (должника) официальные документы, подтверждающие факт снятия обременения с имущества должника в связи с исполнением последних своих обязательств. Однако вышеуказанная процедура распространяется на те банковские учреждения, которые осуществляли свою деятельность на момент вхождения Республики Крым и города Севастополя в состав РФ, и, прекращая свою деятельность, исполнили все обязательства перед своими вкладчиками.

Но следует учитывать, что на территории полуострова реализовывали свою деятельность банки, которые прекратили свою деятельность без полного или

частичного исполнения своих обязательств перед вкладчиками, то есть присвоили денежные их средства.

Перечень банковских учреждений, не выполнивших финансовые обязательства перед вкладчиками, размещен на официальном сайте АНО «Фонд защиты вкладчиков» и насчитывает 45 наименований. В отношении них ЦБ РФ принято решение об их упразднении, а осуществление выплат будет реализовывать АНО «Фонд защиты вкладчиков» самостоятельно в индивидуальном порядке путем перераспределения поступающих денежных средств в счет оплаты обязательств физическим и юридическим лицам.

В связи с вышеизложенным, на практике возникла коллизия, заключающаяся в том, что количество вкладчиков, не получивших свои денежные средства, многократно превышает количество должников, которые исполняют свои обязательства путем направления денежных средств в АНО «Фонд защиты вкладчиков», в связи с чем выплата денежных средств вкладчикам не осуществляется в необходимом объеме и количестве.

АНО «Фонд защиты вкладчиков» не отказывается от своих обязательств по выплате вышеуказанных денежных средств, однако, осуществление выплат в полном объеме и количестве растягивается на неопределенный срок. Не имея альтернативного варианта возвращения денежных средств вкладчикам, правовая коллизия остается нерешенной в связи с ограниченностью государственного бюджета, и невозможностью взыскать денежные средства с банковских учреждений, прекративших свою детальность, не исполнив своих обязательств перед вкладчиками.

Также одним из проблемных моментов, возникающих в связи со снятием обременений с имущества, является наложение ареста до вступления Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав субъектов Российской Федерации на имущество, находящееся в залоге у банка, в связи с оформлением кредитных обязательств по его приобретению.

Это находит отражение в практике заключения сделок в нотариальной форме. Нотариус при совершении нотариального действия, предметом которого выступает определенное имущество, проверяет в Единой информационной системе нотариата в разделе «аресты и запрещения» [10] сведения о наложенных/снятых арестах или запрещениях в отношении имущества и его правообладателя.

В Республике Крым и городе федерального значения Севастополе возникла коллизионная правовая ситуация, при которой аресты и запрещения, наложенные государственными органами или судом в отношении недвижимого имущества и физических лиц, были внесены в Единую информационную систему нотариата, однако, информацию о снятии арестов или запрещений внести не представляется возможным, в виду отсутствия самого механизма внесения подобных сведений. Зачастую, данный казус приостанавливает работу из-за невозможности доказать информацию о снятии ареста или ограничения еще в период до 2014 г., в связи с чем гражданам приходится обращаться в государственные и судебные органы для подтверждения данного факта.

Препятствие в виде отсутствия сведений о снятии обременений/ограничений, безусловно требует в дальнейшем упразднения, путем внесения актуальной информации об арестах и запретах в отношении недвижимого имущества или физических лиц, исполнивших свои обязательства до вступления Республики Крым и города федерального значения Севастополя в ряды субъектов РФ.

В ст. 22 ФКЗ № 6 закреплено положение о передаче в собственность Республики Крым и города федерального значения Севастополя, после их принятия в состав РФ, архивных документов, являющихся собственностью Украины [1], которые в дальнейшем, согласно положениям Федерального закона 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» от 22.10.2004 г., могут быть переданы в федеральную собственность РФ [11]. Статьей 23 ФКЗ № 6 повторно акцентируется внимание и частично дублируется положение ст. 12 данного закона, о применении нормативно-

правовых актов, действующих на территории АРК и г. Севастополя после присоединения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав субъектов РФ.

Бесспорно, значение Федерального конституционного закона № 6 «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» имеет ключевое значение для регулирования и упорядочивания всех сфер жизнедеятельности при интегрировании законодательства Республики Крым и города Севастополя в правовую систему РФ.

Однако стоит учитывать, что относительной завершенности вышеуказанный закон достиг путем внесения в него большого количества изменений, в основном касающихся изменения сроков регулирования имущественных, градостроительных, земельных отношений, а также отношений, связанных с регистрацией права собственности на недвижимое имущество. Процесс интеграции Республики Крым и города Севастополя в законодательное поле Российской Федерации имеет сложный многогранных характер, затрагивает все сферы жизни общества, именно поэтому, данный процесс имеет длящийся характер, претерпевающий большое количество изменений, продиктованных политическими, экономическими и иными обстоятельствами, однако был реализован в предельно короткий срок.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 21.03.2014 (ред. от 30.11.2024) "О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов - Республики Крым и города федерального значения Севастополя" N 6-ФКЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. — 2026. —Текст: электронный. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (дата обращения: 10.05.2026).
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (Подписан в г. Москве 18.03.2014) // КонсультантПлюс: [сайт]. — 2026. —Текст: электронный. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160398/ (дата обращения: 10.05.2026).
3. Постановление Верховной Рады АРК Об утверждении Декларации о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя 11 марта 2014 года № 1727-6/14 // Гарант : справочно-правовая система [сайт]. — 2026. —Текст: электронный. — URL:https://base.garant.ru/23700204/ (дата обращения: 10.05.2026).
4. Закон РФ "О Государственной границе Российской Федерации" от 01.04.1993 N 4730-1 // КонсультантПлюс: [сайт]. — 2026. — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/ (дата обращения: 10.05.2026).
5. Федеральный закон "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 12.06.2002 N 67-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. — 2026. — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения: 10.05.2026).
6. Федеральный закон "О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" от 30.11.2011 N 342-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. — 2026. — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 10.05.2026).
7. Федеральный закон "О воинской обязанности и военной службе" от 28.03.1998 N 53-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. — 2026. — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/ (дата обращения: 10.05.2026).
8. Указ Президента РФ от 25.08.2023 N 639 "О приведении отдельных категорий лиц к присяге" // КонсультантПлюс: [сайт]. — 2026. — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455457/ (дата обращения: 10.05.2026).
9. Федеральный закон "Об особенностях погашения и внесудебном урегулировании задолженности заемщиков, проживающих на территории Республики Крым или на территории города федерального значения Севастополя, и внесении изменений в Федеральный закон "О защите интересов физических лиц, имеющих вклады в банках и обособленных структурных подразделениях банков, зарегистрированных и (или) действующих на территории Республики Крым и на территории города федерального значения Севастополя" от 30.12.2015 N 422-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. — 2026. — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191460/ (дата обращения: 10.05.2026).
10. "О Единой Информационной Системе нотариата Российской Федерации" (ЕИС) (с изменениями, утверждёнными решениями Правления ФНП от 28-29 января 2010 года, 11 марта 2010 года, 23 июня 2010

года, 29-30 марта 2012 года, 16 мая 2012, 10 июля 2012, 28-29 января 2013) (утв. в новой редакции Правлением Федеральной нотариальной палаты (протокол N 02/13 от 28-29 января 2013 г.)) // Гарант : справочно-правовая система [сайт]. — 2026. —Текст: электронный. — URL: https://base.garant.ru/57743155/ (дата обращения: 10.05.2026).
11. Федеральный закон "Об архивном деле в Российской Федерации" от 22.10.2004 N 125-ФЗ // КонсультантПлюс: [сайт]. — 2026. — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/ (дата обращения: 10.05.2026).

Solyanaya M. A. Integration of the legislation of the republic of Crimea and the city of Sevastopol into the legal system of the Russian Federation (problems of the legal status of subjects of the federation in the conditions of the transitional period) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 158-165.

In this paper, the author analyzes the provisions of Federal Constitutional Law No. 6-FKZ "On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Establishment of New Subjects within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol." This legal act establishes the key provisions governing the integration of the legislation of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the legal system of the Russian Federation. In this study, the author examined and analyzed the fundamental legal framework necessary for regulating the functioning of the state and legal apparatus, examined provisions aimed at normalizing and preserving the activities of legal entities, and analyzed the main legal aspects governing the organization of life for the population of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol. The article concludes that Federal Constitutional Law No. 6 "On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Establishment of New Subjects within the Russian Federation – the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol" – has practical value. Its necessity stems from the integration of the legislation of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol into the legal framework of the Russian Federation.

Keywords: legislative integration, transition period, legality, legitimacy, right to self-determination, referendum, democratic state, autonomy.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 21.03.2014 (red. ot 30.11.2024) \"O prinyatii v Rossijskuyu Federaciyu Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov - Respubliki Krym i goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya\" N 6-FKZ // Konsul'tantPlyus: [sajt]. — 2026. —Tekst: elektronnyj. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/
2. Dogovor mezhdu Rossijskoj Federaciej i Respublikoj Krym o prinyatii v Rossijskuyu Federaciyu Respubliki Krym i obrazovanii v sostave Rossijskoj Federacii novyh sub"ektov (Podpisan v g. Moskve 18.03.2014) // Konsul'tantPlyus: [sajt]. — 2026. —Tekst: elektronnyj. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160398/
3. Postanovlenie Verhovnoj Rady ARK Ob utverzhdenii Deklaracii o nezavisimosti Avtonomnoj Respubliki Krym i goroda Sevastopolya 11 marta 2014 goda № 1727-6/14 // Garant : spravochno-pravovaya sistema [sajt]. — 2026. — Tekst: elektronnyj. — URL:https://base.garant.ru/23700204/
4. Zakon RF \"O Gosudarstvennoj granice Rossijskoj Federacii\" ot 01.04.1993 N 4730-1 // Konsul'tantPlyus: [sajt]. — 2026. — Tekst: elektronnyj. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3140/
5. Federal'nyj zakon \"Ob osnovnyh garantiyah izbiratel'nyh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossijskoj Federacii\" ot 12.06.2002 N 67-FZ // Konsul'tantPlyus: [sajt]. — 2026. — Tekst: elektronnyj. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/
6. Federal'nyj zakon \"O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii\" ot 30.11.2011 N 342-FZ // Konsul'tantPlyus: [sajt]. — 2026. — Tekst: elektronnyj. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/
7. Federal'nyj zakon \"O voinskoj obyazannosti i voennoj sluzhbe\" ot 28.03.1998 N 53-FZ // Konsul'tantPlyus: [sajt]. — 2026. — Tekst: elektronnyj. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260/
8. Ukaz Prezidenta RF ot 25.08.2023 N 639 \"O privedenii otdel'nyh kategorij lic k prisyage\" // Konsul'tantPlyus: [sajt]. — 2026. — Tekst: elektronnyj. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_455457/
9. Federal'nyj zakon \"Ob osobennostyah pogasheniya i vnesudebnom uregulirovanii zadolzhennosti zaemshchikov, prozhivayushchih na territorii Respubliki Krym ili na territorii goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya, i vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon \"O zashchite interesov fizicheskih lic, imeyushchih vklady v bankah i obosoblennyh strukturnyh podrazdeleniyah bankov, zaregistrirovannyh i (ili) dejstvuyushchih na territorii Respubliki Krym i na territorii goroda federal'nogo znacheniya Sevastopolya\" ot 30.12.2015 N 422-FZ // Konsul'tantPlyus: [sajt]. — 2026. — Tekst: elektronnyj. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191460/
10. \"O Edinoj Informacionnoj Sisteme notariata Rossijskoj Federacii\" (EIS) (s izmeneniyami, utverzhdyonnymi resheniyami Pravleniya FNP ot 28-29 yanvarya 2010 goda, 11 marta 2010 goda, 23 iyunya 2010 goda, 29-30 marta 2012 goda, 16 maya 2012, 10 iyulya 2012, 28-29 yanvarya 2013) (utv. v novoj redakcii Pravleniem Federal'noj notarial'noj palaty (protokol N 02/13 ot 28-29 yanvarya 2013 g.)) // Garant : spravochno-pravovaya sistema [sajt]. — 2026. —Tekst: elektronnyj. — URL: https://base.garant.ru/57743155/
11. Federal'nyj zakon \"Ob arhivnom dele v Rossijskoj Federacii\" ot 22.10.2004 N 125-FZ // Konsul'tantPlyus: [sajt]. — 2026. — Tekst: elektronnyj. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1406/.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 166-171.

УДК: 340.1

НАУЧНАЯ ОБОСНОВАННОСТЬ КАК ИМПЕРАТИВ СОВРЕМЕННОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Сущенко Я. А.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

В статье исследуется содержание и формы реализации принципа научной обоснованности в современном законотворческом процессе Российской Федерации. Автор рассматривает эволюцию подходов к пониманию принципа научности в юридической доктрине, выделяет его ключевые критерии и формы реализации, включая использование результатов научных исследований, проведение экспертиз и прогнозирование последствий принятия нормативных актов. На примере законодательства Краснодарского края анализируются региональные механизмы обеспечения научной обоснованности, выявляется их фрагментарный характер и недостаточная эффективность. Особое внимание уделяется перспективам и рискам внедрения технологий искусственного интеллекта в правотворческую деятельность: рассматриваются проблемы «черного ящика», алгоритмической предвзятости и отсутствия ценностного целеполагания. Автор приходит к выводу, что искусственный интеллект может использоваться исключительно как вспомогательный аналитический инструмент под контролем человека, а принцип научной обоснованности выступает критерием, позволяющим отличить подлинное повышение качества законодательства от технократического оптимизма.

Ключевые слова: правотворчество, экспертиза правовых актов, научная экспертиза, научная обоснованность, принципы правотворчества, эффективность права, искусственный интеллект в праве.

Современный этап развития российского общества характеризуется усложнением общественных отношений. Вызовы, с которыми сталкивается государство, повышают требования к качеству законодательства и научной обоснованности законотворческих решений. Как справедливо отмечает С.В. Кабышев, «в условиях современных геостратегических, научно–технологических и социокультурных вызовов потребность в научной обоснованности законодательства резко возрастает» [1].

Между тем, отечественная законотворческая практика нередко демонстрирует отступление от принципа научности. Принимаемые нормативные правовые акты страдают отсутствием глубокой теоретической проработки, недооценкой возможных социально–экономических последствий, слабостью правовых механизмов реализации. Как подчёркивает М.Б. Румянцев: «Принцип научности лежит в основе всего правотворческого процесса, обеспечивает качество и эффективность принимаемых нормативных правовых актов, создает условия их непрерывного совершенствования, определяет целесообразность их применения» [2]. Однако содержание данного принципа всё ещё не имеет достаточной разработанности в науке, что является одной из причин снижения качества законодательных актов.

В статье предпринимается попытка восполнить существующие пробелы в теоретическом осмыслении принципа научной обоснованности правотворчества, проанализировать формы его реализации и оценить перспективы использования технологий искусственного интеллекта в законотворческой деятельности.

Принцип научности занимает особое место в системе принципов правотворчества. В юридической литературе встречаются разные авторские определения данного принципа. Так, И.А. Королев определяет его как «основополагающее положение, согласно которому при принятии решения, связанного с выработкой, изменением, освоением, толкованием и применением норм, обязательно должны использоваться достижения современной науки, а также глубокое и всестороннее изучение практического опыта применения норм», подчёркивая, что данный принцип должен быть внедрён в действующий Уголовный кодекс РФ [3]. В учебной литературе подчёркивается, что «научность означает, что процесс правотворчества должен быть научно обоснован, формироваться на основе достоверной информации и научных методах. Этот принцип основан на идее о том, что в правотворчестве должны учитываться передовые разработки юридической

науки, а также результаты правоприменения» [4]. Профессор А.В. Малько рассматривает научную обоснованность в качестве одного из важнейших принципов современной российской правовой политики, подчёркивая её неразрывную связь с прогнозированием [5]. Действительно, правотворчество без опоры на научный прогноз рискует превратиться в деятельность, лишённую связи с реальными потребностями общественного развития. Ещё О. Конт сформулировал максиму, актуальную для современного законодателя: «На науке основано предвидение, на предвидении – действия» [6].

Приведённое положение Конта закрепляет важную характеристику правотворческой деятельности: законодатель, принимая нормативный акт, всегда претендует на знание: о фактическом положении дел, о причинно–следственных связях, о вероятных последствиях принятых актов. В современной теории права данное свойство характеризуется как способность закона не только регулировать общественные отношения, но и подтверждать определенную картину социальной реальности. Нельзя отказаться от научного обоснования, поскольку, как подчёркивал Ю. Хабермас, только процедурные условия демократического создания правовых статутов обеспечивают легитимность принятого закона [7].

Научная обоснованность выступает основанием доверия к законодателю в условиях, когда современное общество больше не принимает нормы исключительно в силу властного принуждения, легитимность нуждается в аргументации. Именно поэтому принцип научности не может быть сведён к формальной отсылке к научным данным, он требует своего наполнения, которое находит выражение в следующих конкретных формах реализации: 1) использование результатов научных исследований в процессе разработки проектов нормативных актов; 2) проведение оценки фактического воздействия принятых актов, мониторинг правоприменения; 3) применение научных методов познания на всех стадиях правотворческого процесса; 4) проведение обязательной, открытой и независимой научной экспертизы проектов нормативных правовых актов; 5) прогнозирование последствий принятия нормативных правовых актов.

Данная классификация представляется методологически продуктивной, поскольку позволяет перейти от абстрактных рассуждений о необходимости научной обоснованности к конкретным инструментам её обеспечения. Однако данный перечень нельзя назвать исчерпывающим, научные исследования постепенно открывают новые формы. Так, представляется возможным выделить такую форму, как использование технологий искусственного интеллекта в качестве вспомогательного аналитического инструмента на этапах сбора, обработки и предварительного анализа правовой информации.

Содержательное наполнение научной обоснованности законопроекта можно раскрыть через следующие критерии: 1) учёт экономических, социально-политических, экологических и иных факторов развития соответствующей сферы жизнедеятельности общества; 2) встраиваемость принимаемого закона в систему действующих нормативных правовых актов; 3) отсутствие логических противоречий внутри принимаемого акта; 4) подтверждаемость, предполагающая опору на достоверные статистические, социологические и иные фактические данные о состоянии регулируемой сферы; 6) соответствие фундаментальным правовым принципам и ценностным ориентирам правовой системы.

Обеспечение научной обоснованности законопроекта означает создание условий для выработки юридически грамотного, корректного с точки зрения современных требований законодательной техники проекта закона, который отвечал бы потребностям правового регулирования данной сферы общественных отношений.

Следует учитывать, что реализация принципа научности в сфере правотворчества сопряжена с серьёзными трудностями, в первую очередь с социальными рисками. Абсолютизация научной рациональности, игнорирование ценностных, культурных и политических аспектов правотворчества могут привести к отрыву права от реальных общественных потребностей. Научная обоснованность должна гармонично сочетаться с

принципами демократизма, гуманизма и справедливости, образуя единую систему ориентиров для законодателя. «Закрепление в праве ценностей и идеалов, которые находят отклик в душе человека, – это способ, которым мы стремимся убедить его в обязательности следования праву» – заключает в своей работе Г.Э. Адыгезалова [8].

Главный недостаток российской законодательной практики заключается в том, что активный поток принятия новых актов и внесения изменений в существующие не позволяет глубоко осмыслить проблему, провести весь цикл необходимых правовых экспертиз, проработать закон с участием учёных. Следствием этого становится поверхностная научная проработка законопроектов и недооценка возможных последствий их принятия.

Обратимся к региональному опыту на примере Краснодарского края. Действующее законодательство закрепляет ряд механизмов, обеспечивающих реализацию принципа научной обоснованности в правотворческой деятельности. Так Закон Краснодарского края «О стратегическом планировании в Краснодарском крае» создаёт правовую основу для внедрения научно обоснованного прогнозирования в процесс принятия нормативных решений. Данным актом предусмотрено привлечение к разработке документов стратегического планирования общественных, научных и иных организаций, что выступает институциональной гарантией учёта научного знания при формировании приоритетов регионального развития [9].

Закон Краснодарского края «О науке (научной деятельности) и научно–технической политике Краснодарского края» закрепляет гарантии свободы научного творчества, право на обоснованный риск в научной деятельности, свободу доступа к научной информации и иные положения, создающие благоприятные условия для развития научного потенциала края. Указанные гарантии выступают предпосылкой для полноценной реализации принципа научности в правотворческой деятельности региона [10].

Более детально вопросы научной экспертизы рассмотрены в законе Краснодарского края «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края». В этом основополагающем, с точки зрения регионального правотворчества акте закреплено понятия научной экспертизы, под которым понимается «специальное исследование, производимое учеными и специалистами по поручению правотворческого органа Краснодарского края с целью оценки качества проекта нормативного правового акта Краснодарского края и выявления возможных последствий его принятия и действия» [11]. Следует отметить, что кроме определения, закон содержит отдельную главу, посвященную вопросам научной экспертизы, которая включает в себя задачи и виды таких экспертиз, порядок их проведения, статус экспертов.

Вместе с тем анализ регионального законодательства и практики его применения показывает, что использование научного инструментария в правотворчестве носит преимущественно фрагментарный характер. Отсутствуют единые методологические стандарты оценки научной состоятельности законопроектов; научная экспертиза нередко сводится к формальной процедуре, а учет ее результатов не имеет обязательного характера. Развитие технологий искусственного интеллекта актуализирует вопрос о возможности и пределах их применения в законотворческой деятельности. Высказываются предложения об использовании алгоритмов машинного обучения для анализа больших массивов правовой информации, выявления пробелов и коллизий в законодательстве, прогнозирования последствий принятия нормативных актов и даже автоматизированной генерации проектов законов. На первый взгляд, подобные технологии могли бы способствовать повышению научной обоснованности законотворчества. Однако более глубокий анализ обнаруживает серьёзные риски и ограничения.

Прежде всего, следует отметить, что правотворчество – это не технический, а умственно-логический процесс, который требует не только общих знаний о праве и государстве, но и осознание взаимосвязи влияния современных политических, экономических, экологических и иных, на первый взгляд, не связанных с правотворчеством явле-

ний на актуальность принятия или изменения конкретного акта. Искусственный интеллект, при всех его вычислительных возможностях, не обладает способностью к ценностному целеполаганию, которое составляет суть правотворческой деятельности. Принципиальное значение имеет и то обстоятельство, что научность в правотворчестве не сводится к формально–логической обработке данных. Она предполагает содержательное осмысление социальных процессов, учёт культурно–исторического опыта государства или отдельного региона и нравственных установок общества. Также нельзя забывать про проблему «чёрного ящика», один из главных недостатков нейронных сетей настоящего времени. Невозможно считать научно обоснованным тот вывод, в котором нет возможности проследит логику мысли, так как в этом случае утрачивается возможность найти логические ошибки, которые мог допустить ИИ при вычислении. Кроме того, использование ИИ в законотворчестве создаёт иллюзию объективности и научности, тогда как на деле алгоритмы могут воспроизводить и усиливать существующие искажения и предрассудки, заложенные в обучающих данных. Принцип научной обоснованности выступает тем критерием, который позволяет отличить повышение качества законотворчества за счёт внедрения инновационных технологий от неоправданного технократического оптимизма. ИИ может рассматриваться исключительно как вспомогательный инструмент, используемый под контролем человека (законодателя) и обслуживающий его деятельность, но не заменяющий её.

Кроме того, законодательного закрепление возможности использования технологий искусственного интеллекта в правотворчестве в настоящее время нет, как и в целом законодательства, регулирующего вопросы использования ИИ. Однако предприняты законодательные попытки это исправить. 17.03.2026 г. на федеральном портале проектов нормативных правовых актов был опубликован проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [12]. Данный закон должен стать основой, регулирующей использование искусственного интеллекта в России: он закрепляет основные понятия, принципы, права пользователей и обязанности разработчика, ответственность субъектов отношений в сфере ИИ, а также иные вопросы. Возможно принятие данного акта даст толчок для развития данных технологий, что позволит в будущем постепенно внедрять искусственный интеллект в процедуру правотворчества, однако в настоящее время это будет скорее противоречить принципу научной обоснованности.

В заключение остановимся еще раз на основных моментах исследования. Во-первых, научная обоснованность является императивным требованием современного законотворческого процесса, вытекающим из самой природы правотворчества. Реализация принципа научности обеспечивает качество, эффективность и легитимность принимаемых нормативных правовых актов. Во-вторых, в юридической доктрине сложилось несколько подходов к пониманию принципа научности – как требования использования результатов научных исследований, как обязанности применения научных методов, как необходимости прогнозирования последствий и как условия системности и непротиворечивости законодательства. Наиболее продуктивным представляется интегративный подход, объединяющий указанные аспекты в единую систему требований к законотворческой деятельности.

В-третьих, анализ регионального опыта (на примере Краснодарского края) демонстрирует, что, несмотря на наличие определённых правовых механизмов обеспечения научной обоснованности, их реализация носит фрагментарный характер и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Необходимы разработка единых методологических стандартов научной экспертизы, повышение её качества, а также создание действенных механизмов учёта научных рекомендаций.

В-четвёртых, использование технологий искусственного интеллекта в законотворчестве, несмотря на кажущуюся перспективность, сопряжено с ограничениями, обусловленными ценностной природой права и спецификой мышления законодателя. Принцип

научной обоснованности служит тем барьером, который предохраняет от неоправданной подмены научного познания вычислительными процедурами.

Список литературы:

20. Кабышев С.В. Диалог с наукой – основа качества законодательства // Журнал российского права. – 2025. – № 5. – С. 15–28.
21. Румянцев М.Б. Принцип научности правотворчества и его значение // Современное право. – 2018. – № 12. – С. 16–20.
22. Королев И.А. Принцип научной обоснованности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2019. – № 2. – С. 24–28.
23. Правотворческий процесс: учебное пособие / А. Н. Бодак, Г А. Василевич, С.М. Сивец [и др.]; под ред. Г. А. Василевича. – Минск: Вышэйшая школа, 2015. – 271 с.
24. Малько А.В. Научная обоснованность и прогнозирование как важнейшие принципы современной российской правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – №1. – С. 8–14
25. Конт О. Курс положительной философии = Cours de philosophie positive: в 6 томах / Огюст Конт; полный перевод с последнего 5–го французского издания под ред., с примечаниями и статьями С.Е. Савича [и др.].: Э.К. Гартье и К, 1900. – 302 с.
26. Хабермас Ю. Между фактами и нормами / Ю. Хабермас. – Кембридж: МИТ Пресс, 1996. – 331 с.
27. Адыгезалова, Г.Э. О средствах обеспечения «жизни» права с позиции социологического правопонимания // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2015. № 1(22). С. 26–28.
28. Закон Краснодарского края от 6 ноября 2015 года № 3267–КЗ «О стратегическом планировании в Краснодарском крае» (ред. от 06.11.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации parvo.gov.ru – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 01.06.2026).
29. Закон Краснодарского края от 30 июня 1997 года № 93-КЗ «О науке (научной деятельности) и научно–технической политике Краснодарского края» (ред. от 30.12.2022) // Информационный бюллетень ЗС Краснодарского края, № 21, 1997.
30. Закон Краснодарского края от 6 июня 1995 года № 7-КЗ «О правотворчестве и нормативных правовых актах Краснодарского края» (ред. от 03.07.2024) // Информационный бюллетень ЗС Краснодарского края, № 3, 1995.
31. Проект Федерального закона № 166424 «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: https://regulation.gov.ru/ (дата обращения: 06.06.2026).

Sushchenko Y.A. Scientific validity as an imperative of the modern law-making process // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 166-171.

This article examines the content and implementation of the principle of scientific validity in the contemporary lawmaking process in the Russian Federation. The author examines the evolution of approaches to understanding the principle of scientific validity in legal doctrine, highlighting its key criteria and implementation forms, including the use of scientific research results, expert assessments, and forecasting the consequences of adopting regulations. Using the legislation of the Krasnodar Krai as an example, the author analyzes regional mechanisms for ensuring scientific validity, revealing their fragmented nature and insufficient effectiveness. Particular attention is paid to the prospects and risks of introducing artificial intelligence technologies into lawmaking, addressing the problems of "black box" processes, algorithmic bias, and the lack of value-based goal setting. The author concludes that artificial intelligence can be used solely as an auxiliary analytical tool under human supervision, and the principle of scientific validity serves as a criterion for distinguishing genuine improvements in the quality of legislation from technocratic optimism.

Keywords: lawmaking, legal examination, scientific examination, scientific validity, principles of lawmaking, legal effectiveness, artificial intelligence in law.

Spisok literatury:

1. Kabyshev S.V. Dialog s naukoj – osnova kachestva zakonodatel'stva // Zhurnal rossijskogo prava. – 2025. – № 5. – S. 15–28.
2. Rumyancev M.B. Princip nauchnosti pravotvorchestva i ego znachenie // Sovremennoe pravo. – 2018. – № 12. – S. 16–20.
3. Korolev I.A. Princip nauchnoj obosnovannosti // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2019. – № 2. – S. 24–28.
4. Pravotvorcheskij process: uchebnoe posobie / A. N. Bodak, G A. Vasilevich, S.M. Sivec [i dr.]; pod red. G. A. Vasilevicha. – Minsk: Vyshehjshaya shkola, 2015. – 271 s.
5. Mal'ko A.V. Nauchnaya obosnovannost' i prognozirovanie kak vazhnejshie principy sovremennoj rossijskoj pravovoj politiki // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2012. – №1. – S. 8–14
6. Kont O. Kurs polozhitel'noj filosofii = Cours de philosophie positive: v 6 tomah / Ogyust Kont; polnyj perevod s poslednego 5–go francuzskogo izdaniya pod red., s primechaniyami i stat'yami S.E. Savicha [i dr.].: Eh.K. Gart'e i K, 1900. – 302 s.
7. Habermas Yu. Mezhdu faktami i normami / Yu. Habermas. – Kembridzh: MIT Press, 1996. – 331 s.

8. Adygezalova, G.Eh. O sredstvah obespecheniya «zhizni» prava s pozicii sociologicheskogo pravoponimaniya // Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 1(22). – S. 26–28.
9. Zakon Krasnodarskogo kraya ot 6 noyabrya 2015 goda № 3267–KZ «O strategicheskom planirovanii v Krasnodarskom krae» (red. ot 06.11.2024) // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii parvo.gov.ru – URL: http://publication.pravo.gov.ru/ (data obrashcheniya: 01.06.2026).
10. Zakon Krasnodarskogo kraya ot 30 iyunya 1997 goda № 93-KZ «O nauke (nauchnoj deyatel'nosti) i nauchno–tehnicheskoj politike Krasnodarskogo kraya» (red. ot 30.12.2022) // Informacionnyj byulleten' ZS Krasnodarskogo kraya, № 21, 1997.
11. Zakon Krasnodarskogo kraya ot 6 iyunya 1995 goda № 7-KZ «O pravotvorchestve i normativnyh pravovyh aktah Krasnodarskogo kraya» (red. ot 03.07.2024) // Informacionnyj byulleten' ZS Krasnodarskogo kraya, № 3, 1995.
12. Proekt Federal'nogo zakona № 166424 « Ob osnovah gosudarstvennogo regulirovaniya sfer primeneniya tehnologij iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» // Federal'nyj portal proektov normativnyh pravovyh aktov [Ehlektronnyj resurs]. – URL: https://regulation.gov.ru/ (data obrashcheniya: 06.06.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 172-177.

УДК 343.1

ОБЗОР НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО СЕМИНАРА «ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В ВОССОЕДИНЁННЫХ СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Трофимов С. А., Бондарчук И. В., Руденко А. В.

Статья представляет собой обзор научно-практического семинара, который состоялся 27 марта 2026 года в Крымском филиале Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, и где обсуждались важные вопросы обеспечения законодательной деятельности законодательных органов Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей, Республики Крым и города Севастополя. Показано содержание докладов, связанных с широким спектром вопросов государственного строительства: от финансово-экономического обоснования проектов нормативных правовых актов до противодействия деструктивным идеологиям посредством парламентского просвещения, развитием регионального законодательства и др. Подчёркнуто значение института правового мониторинга в обеспечении законодательной деятельности.

Ключевые слова: историческая справедливость; интегрированность субъекта федерации; воссоединённые регионы; федеративные отношения; законотворчество; правовой мониторинг; юридическая техника; законодательный процесс.

Научно-практический семинар «Организационно-правовое обеспечение законодательного процесса в воссоединённых субъектах Российской Федерации» прошёл 27.03.2026 г. в Крымском филиале Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева и был организован при участии Аппарата Государственного Совета РК. Практика проведения широких научно-методологических мероприятий для законодательных органов воссоединённых субъектов РФ в Крыму проводится с 2025 г. [1]. В этот раз участников мероприятия объединило необходимость обсуждения таких актуальных проблем как проведение правового мониторинга, подготовка ежегодных докладов о состоянии регионального законодательства, работа с законопроектами, включая вопросы юридико-технического оформления законопроектов и их сопровождения профильными комитетами законодательных органов, взаимодействие с федеральными органами исполнительной власти, а также выступающие поделились опытом проведения парламентских уроков как формы противодействия неонацистской идеологии. В работе семинара приняло участие более 40 чел. из аппаратов законодательных органов Крыма, Херсонской и Запорожской областей, Донецкой и Луганской народных республик. Целью мероприятия стало обсуждения вопросов взаимодействия нормотворческих субъектов разных уровней организации публичной власти, связанных с ролью федерального центра как интегрирующего фактора в развитии системы правотворчества.

С приветственным словом к участникам семинара обратился директор Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», доктор юридических наук, доцент С. А. Трофимов. Сергей Анатольевич в своём выступлении резюмировал первостепенную важность межпарламентского взаимодействия и непрерывной методологической поддержки воссоединённых субъектов при подготовке ими проектов нормативных правовых актов. Крымский филиал ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева», как подчеркнул С.А. Трофимов, активно реализует программы повышения квалификации для муниципальных и государственных гражданских служащих. Поэтому закономерно, что 5.06.2026 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между Законодательным Собранием Запорожской области и Крымским филиалом Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева о совместной работе в науке, образовании, а также содействии интеграции законодательства Запорожской области в пра-

вовое пространство России. В ходе подписания указанного соглашения Председателем Законодательного Собрания Запорожской области В. А. Емельяненко была, в том числе, отмечена роль и данного научно-практического семинара [2].

Финансово-правовые механизмы обеспечения региональных инициатив. Проблематика выстраивания алгоритмов взаимодействия региональных парламентов с федеральным финансовым ведомством была детально раскрыта в совместном докладе заместителей министра финансов Республики Крым И.В. Загородней и О. В. Чернобай. Чернобай О.В. описала правовой путь, по которому Республика Крым, выступая реципиентом дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, согласно ст. 131 Бюджетного кодекса РФ ежегодно заключает специализированное соглашение с Министерством финансов РФ. Условия данного соглашения формируют строгий императив: региональный Минфин обязан направлять на федеральное согласование проекты законов о бюджете, а также любые нормативные акты, предполагающие изменения объёмов налоговых доходов, источников финансирования дефицита бюджета, расходов на оплату труда государственных служащих, мер социальной поддержки и отчислений на обязательное медицинское страхование. Загородняя И.В., опираясь на многолетнюю практику переходного периода, уточнила, что все инициативы, затрагивающие гарантии и оплату труда государственных гражданских служащих Республики Крым, подлежат безальтернативному согласованию с федеральным центром. Спикеры подробно разобрали алгоритм прохождения документов через Главное правовое управление Президента РФ (ГПУ), которое выступает основным фильтром экспертизы и самостоятельно запрашивает позиции профильных федеральных министерств. Разбирая вопросы сроков рассмотрения и согласования сопроводительных документов к проектам нормативных правовых актов, Загородняя И.В. привела крымскую статистику, согласно которой максимальный срок федерального согласования обычно не превышает полутора месяцев.

Институт правового мониторинга как критерий качества законодательства. Теоретико-прикладные аспекты организации правового мониторинга были раскрыты кандидатом юридических наук, доцентом кафедры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева» Ильей Владимировичем Бондарчуком. Докладчик концептуализировал мониторинг не как пассивную констатацию нормотворческих фактов, а как непрерывный аналитический процесс, нацеленный на оценку качества законов и их правоприменительной практики. В Республике Крым данная деятельность институционализирована Законом РК от 29.12.2016 г. № 340-ЗРК «О мониторинге нормативных правовых актов Республики Крым». Указанный закон регламентирует ежегодное утверждение Президиумом Государственного Совета планов мониторинга конкретных нормативных правовых актов Республики (как правило до 10 законов в год). В качестве примера систематической работы был приведён опыт профильного Комитета Государственного Совета РК по земельным и имущественным отношениям, который на регулярной основе анализирует практику реализации отдельных норм Закона РК «О предоставлении земельных участков, находящихся в собственности Республики Крым или муниципальной собственности и некоторых вопросах земельных отношений». Бондарчук И.В. подробно описал структуру итогового Доклада Государственного Совета РК о состоянии законодательства РК, составляемого по результатам мониторинга. Первый блок документа аккумулирует количественные и качественные показатели нормотворческой активности всех субъектов права законодательной инициативы, включая показатели законотворческой деятельности Главы Республики (инициирующего до 60 % всех принимаемых законов в регионе), а также участие прокуратуры и управления Минюста России по Республике Крым [3; 4].

Юридико-технические стандарты нормотворческой деятельности. Требования к оформлению законопроектов как важный фактор систематизации нормотворческой деятельности раскрыт в выступлениях представителей Правового управления Аппарата

Государственного Совета Республики Крым – Г. В. Меркуловой (заведующий отделом правовых экспертиз) и Е.Н. Олюшкевич (заведующий отделом актуализации законодательства). В своих выступлениях представители Аппарата парламента Крыма подчеркнули роль документов, которые сопровождают законопроект. Привели примеры тех законопроектов, где требуются дополнительные обязательные документы, как например проекты законов, направленные на изменение границ муниципальных образований, либо дополнительных обязательных заключений. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 10 ФЗ от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» проекты законов субъектов РФ об установлении, о введении в действие или прекращении действия налогов (сборов), об изменении налоговых ставок (ставок сборов), порядка и срока уплаты налогов (сборов), установлении (отмене) налоговых льгот (льгот по сборам) и (или) оснований и порядка их применения, другие проекты законов субъектов РФ, предусматривающие расходы, финансовое обеспечение которых осуществляется за счёт средств бюджета субъекта РФ, рассматриваются законодательным органом субъекта РФ по представлению высшего должностного лица субъекта РФ либо при наличии заключения указанного лица. Данное заключение представляется в законодательный орган субъекта РФ в срок, который устанавливается конституцией (уставом) субъекта РФ и не может быть менее двадцати дней. Отдельно был освещён правовой механизм признания нормативных актов утратившими силу с целью избежания наличия множественности правовых норм, которые регулируют одни и те же отношения. Этот процесс, как правило, реализуется либо через включение специальной статьи в новый (отменяющий) закон, либо посредством принятия самостоятельного закона об отмене. Обязательным условием является точное указание всех реквизитов отменяемых законов и ссылок на источники их официального опубликования. Докладчики подробно остановились на положениях:

Национального стандарта РФ ГОСТ Р 57726-2017 «Законопроекты, рассматриваемые законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации. Требования к юридико-техническому оформлению», который утверждён и введён в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28.09.2017 г. № 1263-ст [7];

Правил юридико-технического оформления проектов законов РК, проектов постановлений Государственного Совета РК и проектов постановлений его Президиума, которые утверждены Постановлением Государственного Совета РК от 28.11.2018 г. № 2178-1/18 [10].

Методологическое сопровождение деятельности парламентских комитетов. Архитектуру и процессуальные особенности функционирования профильных комитетов как центров подготовки законодательных решений описала заместитель начальника Организационного управления - заведующий отделом по обеспечению деятельности комитетов и комиссий Аппарата Государственного Совета РК Ю. А. Петлеваная. С большим интересом был выслушан доклад Ю.А. Петлеваной, которая подробно остановилась на организации работы профильных комитетов. Отдельно докладчик акцентировала внимание на практике принятия решений профильными комитетами законодательного органа путём письменного опроса депутатов с использованием листов согласования. Данный метод применяется для оперативного решения неотложных вопросов (например, рассмотрения наградных материалов или федеральных инициатив с жёсткими сроками) и не требует оформления классического протокола — формируется лишь итоговое решение, подкреплённое большинством подписей членов комитета. При очном рассмотрении вопросы протоколируются в полной или краткой форме в течение семи дней, при этом к краткой форме в обязательном порядке прилагаются тексты докладов, завизированные выступающими лицами (например, профильными министрами). Если депутат концептуально не согласен с решением большинства, регламент предоставляет ему право оформить своё несогласие в виде «особого мнения», которое

письменно приобщается к материалам заседания и подлежит передаче в государственный архив по истечении срока полномочий созыва. Отдельно Петлеваная Ю.А. подчеркнула особое значение лингвистической экспертизы: все без исключения законопроекты перед их внесением в повестку проходят скрупулёзную вычитку профильным отделом лингвистов-филологов, который призван обеспечить независимый контроль за стилистической и логической чистотой нормативного текста.

Идеологическая безопасность и профилактика деструктивных паттернов. Интеграция инструментария историко-правового просвещения в механизм противодействия экстремистским течениям была раскрыта в выступлении кандидата исторических наук, заведующей Аналитическим отделом Аппарата Государственного Совета РК Г. В. Дроздовой. Обосновывая актуальность проблемы, Дроздова Г.В. констатировала, что неонацизм и радикальный национализм представляют собой крайне опасные деструктивные явления, угрожающие духовно-нравственным основам общества и прямо запрещённые законодательством. Правовой фундамент просветительской работы регионального парламента базируется на положениях Закона РК от 19.12.2022 г. № 377-ЗРК/2022 «О патриотическом воспитании граждан в Республике Крым» [9] и Указе Президента РФ от 8.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» [8], согласно которому в обязанность органам государственной власти вменено системное занятие историческим просвещением. Ключевой интегративной формой такой работы выступают парламентские уроки, реализуемые на основе событийного подхода. Данный подход предполагает жёсткую привязку образовательных мероприятий к государственным праздникам и памятным датам, инициируя глубокое эмоциональное вовлечение школьников. В выступлении кандидата исторических наук Галины Валентиновны Дроздовой приведены примеры проведения занятий на территории мемориальных комплексов (концлагерь «Красный», сквер памяти на месте лагеря для военнопленных «Картофельный городок»), показаны содержательные основы организации викторин. Подробно рассказано как осуществляется вовлечение подростков в практическую волонтёрскую деятельность, как проводятся «парламентские уроки», приуроченные к годовщине Крымской весны, а также была презентована книга «Дорогами крымской весны», в которой объективно изложены события, которые начались не с февраля 2014 г., а с акта незаконной передачи полуострова Н. С. Хрущевым в 1954 г. [5].

Историко-правовой опыт как базис государственного строительства. Завершающим аккордом семинара стало выступление советника Председателя Государственного Совета РК Е.З. Фикса, который обобщил свой многолетний опыт парламентской и нормотворческой деятельности. Фикс Е.З. настоятельно рекомендовал слушателям выстраивать многоуровневые согласительные процедуры с региональными министерствами ещё до внесения проектов на подпись высшему должностному лицу субъекта во избежание репутационных и правовых коллизий. Особый научный интерес представляет приведённый Е.З. Фиксом пример практического мониторинга результативности законодательства на примере регионального закона об эвакуации транспортных средств [6, с. 190]. Выступающий также поделился успешным опытом внедрения практики дистанционного голосования парламентариев посредством электронных опросных листов, введённой в период пандемических ограничений и доказавшей свою эффективность в условиях сложных обстоятельств.

Анализ комплекса представленных докладов позволяет сделать вывод о том, что процесс гармонизации правовых систем воссоединённых территорий опирается на многоуровневую архитектуру взаимодействия. Опыт РК и Севастополя неоспоримо доказывает, что залогом успешной интеграции выступает соблюдение принципов формальной определённости юридической техники, жёсткая финансово-правовая дисциплина, непрерывный мониторинг результативности принимаемых норм и активное внедрение просветительских механизмов, обеспечивающих защиту исторической памяти и тради-

ционных ценностей. Имплементация рассмотренных крымских практик в деятельность законодательных органов воссоединённых субъектов РФ послужит надёжным фундаментом для ускоренного преодоления правовых коллизий транзитного периода и формирования стабильной институциональной правовой среды.

Список литературы:

1. Бондарчук И. В. Интеграция новых субъектов Российской Федерации в государственно-правовое пространство России: опыт, достижения, перспективы (обзор Всероссийской научно-практической конференции) / И. В. Бондарчук, А. В. Руденко, Д. В. Зарубин // Журнал российского права. 2026. Т. 30, № 2. С. 137–145.
2. Законодательное Собрание Запорожской области и Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева теперь будут взаимодействовать в рамках Соглашения о сотрудничестве / Официальный сайт Законодательного Собрания Запорожской области. URL: https://zs.zo.gov.ru/news/show/zakonodatelnoe_sobranie_zaporozhskoj_oblasti_i_krymskij_filial_rossijskogo_gosudarstvennogo_universi.
3. Бондарчук И. В. Динамика развития регионального законодательства: современные тенденции и перспективы, на примере Республики Крым. Симферополь: ООО "Издательство Типография "Ариал", 2025. 336 с.
4. Правовой мониторинг и его роль в совершенствовании законодательства Республики Крым / С.А. Трофимов, И.В. Бондарчук, А.В. Руденко, И.Ю. Стрельникова // Представительная власть - XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2023. № 5-6(204-205). С. 12-17.
5. Книгу «Дорогами Крымской весны» можно прочитать в электронном формате // Официальный портал Херсонской области. URL: https://gov.khogov.ru/news/knigu-dorogami-krymskoj-vesny-mozhno-prochitat-v-elektronnom-formate/.
6. Нормотворческий процесс в Республике Крым и Севастополе: По материалам 2018 года / И.В. Бондарчук, О.В. Буткевич, А.В. Руденко и др.; Под ред. С.А. Трофимова, И.В. Бондарчука. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2019. 424 с.
7. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 57726-2017 "Законопроекты, рассматриваемые законодательными (представительными) органами субъектов Российской Федерации. Требования к юридико-техническому оформлению" (утв. и введён в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 сентября 2017 г. № 1263-ст) // Стандартинформ, Москва, 2017 г.
8. Указ Президента Российской Федерации от 8 мая 2024 г. № 314 "Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения" // Собрание законодательства Российской Федерации, 13 мая 2024 г. № 20 ст. 2587.
9. Закон Республики Крым от 19 декабря 2022 г. № 377-ЗРК/2022 "О патриотическом воспитании граждан в Республике Крым" // Ведомости Государственного Совета Республики Крым", 19 января 2023 г. № 12 (ч. 2).
10. Постановление Государственного Совета Республики Крым от 28 ноября 2018 г. № 2178-1/18 "Об утверждении Правил юридико-технического оформления проектов законов Республики Крым, проектов постановлений Государственного Совета Республики Крым и проектов постановлений его Президиума" // Ведомости Государственного Совета Республики Крым" от 14 декабря 2018 г. № 11 (ч. 2).

Trofimov S. A., Bondarchuk I. V., Rudenko A. V. review of the scientific and practical seminar "organizational and legal support for the legislative process in the reunified subjects of the Russian Federation" // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 172-177.

The article provides an overview of the scientific and practical seminar that took place on March 27, 2026, at the Crimean branch of the V.M. Lebedev Russian State University of Justice, where important issues related to the legislative activities of the legislative bodies of the Donetsk and Lugansk People's Republics, the Zaporizhzhia and Kherson Regions, the Republic of Crimea, and the city of Sevastopol were discussed. The article highlights the content of the presentations on a wide range of issues related to state building, from the financial and economic justification of draft regulatory legal acts to countering destructive ideologies through parliamentary education, the development of regional legislation, and more. The importance of the legal monitoring institute in ensuring legislative activity has been emphasized.

Keywords: historical justice; integration of the federal subject; reunified regions; federal relations; lawmaking; legal monitoring; legal technique; legislative process.

Spicok literatury:

1. Bondarchuk I. V. Integraciya novy`x sub``ektov Rossijskoj Federacii v gosudarstvenno-pravovoe prostranstvo Rossii: opy`t, dostizheniya, perspektivy` (obzor Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii) / I. V. Bondarchuk, A. V. Rudenko, D. V. Zarubin // Zhurnal rossijskogo prava. 2026. T. 30, № 2. S. 137–145.
2. Zakonodatel`noe Sobranie Zaporozhskoj oblasti i Kry`mskij filial Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta pravosudiya imeni V. M. Lebedeva teper` budut vzaimodejstvovat` v ramkax Soglasheniya o sotrudnichestve / Oficial`ny`j sajt Zakonodatel`nogo Sobraniya Zaporozhskoj oblasti. URL: https://zs.zo.gov.ru/news/show/zakonodatelnoe_sobranie_zaporozhskoj_oblasti_i_krymskij_filial_rossijskogo_gosudarstvennogo_universi.

3. Bondarchuk I. V. Dinamika razvitiya regional`nogo zakonodatel`stva: sovremenny`e tendencii i perspektivy`, na primere Respubliki Kry`m. Simferopol`: OOO Izdatel`stvo Tipografiya Arial, 2025. 336 s.
4. Pravovoj monitoring i ego rol` v sovershenstvovanii zakonodatel`stva Respubliki Kry`m / S.A. Trofimov, I.V. Bondarchuk, A.V. Rudenko, I.Yu. Strel`nikova // Predstavitel`naya vlast` - XXI vek: zakonodatel`stvo, kommentarii, problemy`. 2023. № 5-6(204-205). S. 12-17.
5. Bondarchuk I. V. Peredacha Kry`mskoj oblasti v sostav Ukrainskoj SSR: istoricheskie aspekty` i sovremenny`e pravovy`e vy`zovy` // Kry`mskie yuridicheskie chteniya. 80-letie Velikoj Pobedy`: istoricheskie uroki i sovremenny`e vy`zovy`: Sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Simferopol`, 20 iyunya 2025 goda. Simferopol`: OOO Izdatel`stvo Tipografiya Arial, 2025. S. 46–48.
6. Normotvorcheskij process v Respublike Kry`m i Sevastopole: Po materialam 2018 goda / I.V. Bondarchuk, O.V. Butkevich, A.V. Rudenko i dr.; Pod red. S.A. Trofimova, I.V. Bondarchuka. Simferopol`: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Izdatel`stvo Tipografiya «Arial», 2019. 424 s.
7. Nacional`ny`j standart RF GOST R 57726-2017 Zakonoproekty`, rassmatrivaemy`e zakonodatel`ny`mi (predstavitel`ny`mi) organami sub``ektov Rossijskoj Federacii. Trebovaniya k yuridiko-texnicheskomu oformleniyu (utv. i vvedyon v dejstvie prikazom Federal`nogo agentstva po texnicheskomu regulirovaniyu i metrologii ot 28 sentyabrya 2017 g. № 1263-st) // Standartinform, Moskva, 2017 g.
8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 8 maya 2024 g. № 314 Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti istoricheskogo prosveshheniya // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii, 13 maya 2024 g. № 20 st. 2587.
9. Zakon Respubliki Kry`m ot 19 dekabrya 2022 g. № 377-ZRK/2022 O patrioticheskom vospitanii grazhdan v Respublike Kry`m // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m, 19 yanvarya 2023 g. № 12 (ch. 2).
10. Postanovlenie Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m ot 28 noyabrya 2018 g. № 2178-1/18 Ob utverzhdenii Pravil yuridiko-texnicheskogo oformleniya proektov zakonov Respubliki Kry`m, proektov postanovlenij Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m i proektov postanovlenij ego Prezidiuma // Vedomosti Gosudarstvennogo Soveta Respubliki Kry`m ot 14 dekabrya 2018 g. № 11 (ch. 2).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 178-183.

УДК 339.5

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ПАО «ГМК «НОРИЛЬСКИЙ НИКЕЛЬ» КАК СУБЪЕКТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Туранин В. Ю., Лиликова О. С., Бас М. Н.
Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)
Муниципальное учреждение «Управление имущества Администрации города Норильска»

Статья посвящена анализу правовых аспектов участия публичного акционерного общества «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» (ПАО «ГМК «Норильский никель») во внешнеэкономической деятельности как субъекта предпринимательского права. В работе рассматриваются организационно-правовые формы реализации экспортных операций, включая прямой экспорт, деятельность зарубежных дочерних обществ и международную производственную кооперацию. Особое внимание уделяется позиции ПАО «ГМК «Норильский никель» на рынках цветных и драгоценных металлов, его доле в мировом производстве никеля, меди, палладия и платины, а также участию в международной торговле.

Ключевые слова: ПАО «ГМК «Норильский никель», субъект предпринимательства, внешнеэкономическая деятельность, внешнеторговые операции, экспорт цветных и драгоценных металлов, горно-металлургическая отрасль, правовое регулирование внешнеэкономической деятельности.

В условиях трансформации мирохозяйственных связей и углубления международного разделения труда особую значимость приобретает анализ участия крупных промышленных корпораций во внешнеэкономической деятельности. Публичное акционерное общество «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» (ПАО «ГМК «Норильский никель») занимает доминирующее положение на глобальных рынках никеля, палладия, платины и меди. Вместе с тем, несмотря на очевидные масштабы экспортных операций и присутствие компании в зарубежных странах (Финляндия, в планах - Китай), комплексный анализ организационно-правовых и экономических механизмов, обеспечивающих реализацию внешнеэкономической деятельности данным субъектом предпринимательства, остается недостаточно проработанным. Проблематика исследования заключается в выявлении того, каким образом отраслевая специфика ПАО «ГМК «Норильский никель» влияет на эффективность внешнеэкономических связей, особенно в контексте развития международной внутриотраслевой торговли металлами.

Обзор современных источников показывает, что вопросы внешнеэкономической деятельности горно-металлургических комплексов преимущественно рассматриваются в рамках отраслевых экономических исследований либо макроэкономических аналитических обзоров (работы А.Н. Спартака, В.В. Покровской, обзоры UNCTAD и International Nickel Study Group). Правовые аспекты участия конкретных российских публичных акционерных обществ во внешнеэкономической деятельности, как правило, фрагментарно представлены в корпоративной отчетности и специализированных исследованиях по международному частному праву и договорному праву. При этом целостный анализ, объединяющий статус субъекта предпринимательства, юридические формы реализации экспортной деятельности (включая создание зарубежных дочерних обществ) и отраслевые особенности рынков цветных и драгоценных металлов, отсутствует. Имеющиеся данные носят разрозненный характер и не позволяют сформировать системное представление о том, каким образом ПАО «ГМК «Норильский никель» выстраивает свою внешнеэкономическую стратегию в условиях глобализации и возрастающей внутриотраслевой конкуренции. Указанный пробел в научном знании обусловливает необходимость специального исследования, посвященного именно данному субъекту предпринимательства, с акцентом на его правовую и организационную спе-

цифику. Цель настоящего исследования заключается в выявлении ключевых направлений и экономических результатов участия ПАО «ГМК «Норильский никель» во внешнеэкономической деятельности.

Организационно-правовая предпосылка допуска к внешнеэкономической деятельности. Публичное акционерное общество «Горно-металлургическая компания «Норильский никель» выступает классическим субъектом корпоративных правоотношений, обладающим универсальной предпринимательской правоспособностью. Специфика участия данного хозяйствующего субъекта во внешнеэкономической деятельности (ВЭД) детерминирована его публично-правовым статусом (публичное акционерное общество), который накладывает на него повышенный объем публичных обязанностей: раскрытие информации, соблюдение режима инсайдерской информации, а также особый порядок совершения крупных сделок и сделок с заинтересованностью, которые в контексте ВЭД приобретают трансграничный характер.

Юридический статус Общества позволяет ему выступать в качестве резидента Российской Федерации в сфере валютного регулирования и таможенного дела. В отличие от субъектов малого или среднего предпринимательства, ПАО «ГМК «Норильский никель» обладает структурой вертикально-интегрированного холдинга, что порождает сложную модель участия в ВЭД: через дочерние и зависимые общества, зарегистрированные как на территории РФ, так и в иностранных юрисдикциях. Такая полиюрисдикционная структура требует применения механизмов трансфертного ценообразования в целях налогообложения и соблюдения требований валютного законодательства при осуществлении текущих валютных операций.

Значение внешнеэкономической деятельности для предприятий. В текущих экономических реалиях для любого хозяйствующего субъекта всё более критическое значение приобретает проблема увеличения объёмов выручки от основной деятельности. Одним из легитимных инструментов достижения этой цели выступает повышение результативности экспортных операций, осуществляемых предприятием. Наибольший интерес для коммерческих организаций представляет внешнеэкономическая сфера, которая представляет собой многоуровневую систему правоотношений, складывающихся между субъектами (резидентами и нерезидентами). Система базируется на сочетании публично-правовых и частноправовых интересов сторон, а её нормативную основу образуют гражданско-правовые, хозяйственные (коммерческие), административно-правовые и международно-правовые связи.

Согласно законодательству РФ, «внешнеторговая деятельность – деятельность по осуществлению сделок в области внешней торговли товарами, услугами, информацией и интеллектуальной собственностью» [Собрание законодательства…2003 г]. Реализация внешнеэкономической деятельности на уровне отдельного юридического лица (предприятия) осуществляется путём непосредственного совершения внешнеторговых операций, включая экспорт и импорт товаров, работ, услуг, международную производственную кооперацию, инвестиционную деятельность и прочие формы взаимодействия. Факт выхода компании на зарубежные рынки в статусе экспортёра является объективным свидетельством того, что данное предприятие обладает достаточной экономической и технологической устойчивостью. Конечной стратегической целью любого коммерческого субъекта, осуществляющего внешнеторговую деятельность, признаётся экспорт товаров как способ расширения географического охвата рынков сбыта и интенсификации международной торговли [К. Н. Баскова, С. А. Беляков, 2024]. Ключевой особенностью развития внешнеторговой деятельности на отраслевых рынках металлов на современном этапе является её трансформация в сторону модели международной внутриотраслевой торговли. Экономическая эффективность такого типа торговли обос-

нована возможностью для хозяйствующих субъектов (как производителей, так и покупателей) извлекать экономические выгоды, связанные с эффектом масштаба производства, углублением специализации и повышением уровня переработки (глубины передела) готовой продукции. Сложившиеся тенденции формируют для российских юридических лиц, осуществляющих деятельность в сфере металлургии, необходимость принятия активных мер, направленных на оптимизацию организации их внешнеторговой деятельности, что, в свою очередь, способствует росту её результативности – особенно в контексте продолжающейся глобализации.

ПАО «ГМК «Норильский никель» как субъект предпринимательской деятельности. Субъект предпринимательской деятельности в организационно-правовой форме публичного акционерного общества (ПАО «ГМК «Норильский никель») обладает исключительным правовым статусом на рынках цветных и драгоценных металлов. В соответствии с лицензионными соглашениями, данное юридическое лицо является крупнейшим правообладателем ресурсной базы по добыче никеля, меди, платины и палладия. Уставом корпорации определены следующие основные направления хозяйственной деятельности: геологоразведочные работы (стадия поиска и оценки месторождений), извлечение минерального сырья из недр, процессы обогащения и металлургического передела, а также выпуск и коммерческий оборот цветных и драгоценных металлов. По совокупности производственных показателей общество занимает доминирующее положение, что влечёт за собой стабильность договорно-правовых отношений с контрагентами и предоставление законных социальных гарантий персоналу.

Корпоративная структура включает в себя научно-исследовательское подразделение, образованное путём реорганизации на базе института «Гипроникель» и действующее как совокупность обособленных юридических лиц или структурных единиц. В их числе: «Никельпроект» (наделён функциями генерального проектировщика на основании договорных обязательств), Горно-металлургический опытно-исследовательский центр (осуществляет научные исследования в рамках предмета деятельности по цветной металлургии), а также Проектно-исследовательский центр в Мончегорске (разрабатывает проектно-конструкторскую документацию для Кольской ГМК, являющейся дочерней структурой). Кроме того, эмитент реализует инвестиционные проекты через свое дочернее общество, зарегистрированное в Финляндии - Nornickel Harjavalta [Электронный ресурс]. Завод находится в Финляндии, г. Харьявалта и перерабатывает российское сырье «Норникеля», а также никельсодержащее сырье сторонних поставщиков. Важно отметить, что наличие дочерних обществ, расположенных в различных географических широтах, упрощает экспорт товаров.

Договорные конструкции и применимое право во внешнеторговых контрактах. Участие ПАО ГМК «Норильский никель» во внешнеэкономической деятельности материализуется преимущественно через внешнеторговые контракты купли-продажи товаров (в первую очередь - цветных и драгоценных металлов, а также серы и сопутствующей продукции). Ключевой юридической особенностью таких договоров является выбор применимого права. Однако, учитывая системные экономические ограничения (санкционные режимы), юридическая служба вынуждена инкорпорировать во внешнеэкономические соглашения оговорки о существенном изменении обстоятельств, а также условия о форс-мажоре (форс-мажорные оговорки), распространяющие действие обстоятельств непреодолимой силы на ограничительные меры со стороны иностранных государств. Базисные условия поставки в обязательном порядке унифицируются через правила ИНКОТЕРМС, однако их применение осуществляется с учетом императивных норм национального таможенного законодательства Российской Федерации в части определения момента перехода права собственности и рисков случайной

гибели товара. Существенную долю договорной работы занимают рамочные соглашения (генеральные контракты), в рамках которых происходит биржевое котирование цены с последующим клирингом обязательств. С правовой точки зрения, такие конструкции относят к числу организационных договоров, порождающих для сторон обязанность вести переговоры добросовестно и неукоснительно соблюдать процедуры разрешения разногласий.

Экспорт товаров в современных условиях: показатели. Санкционная политика США и стран Европы в отношении России кардинально изменила сложившиеся экспортно-импортные транспортно-логистические схемы. В первую очередь возросла нагрузка на дальневосточные порты и сухопутные пункты пропуска через российско-китайскую границу. Так, например, экспортная деятельность ПАО «ГМК «Норильский никель» в 2020-2024 гг. осуществлялась в условиях беспрецедентной геополитической неопределенности и множества финансовых вызовов. Введение санкционных ограничений существенно ограничило возможности компании по привлечению финансирования на международных рынках. Доля финансирования, привлеченного на внешних рынках, сократилась с 78% в 2020 г. до 32% в 2024 г., а средневзвешенная процентная ставка увеличилась с 2,8% до 7,2% [В. Д. Пацюк, 2024].

Согласно официально приведенным ПАО «ГМК «Норильский никель» данным [Электронный ресурс], в первом квартале 2026 г. производство никеля составило 42 тыс. тонн, что соответствует уровню первого квартала прошлого года. В первом квартале 2026 г. производство меди группой «Норникель» (включая Забайкальский дивизион) снизилось на 10% относительно первого квартала прошлого года до 99 тыс. тонн в связи с более высокой базой первого квартала прошлого года и за счет перераспределения объемов выпуска товарной продукции между кварталами. Без учета Забайкальского дивизиона производство меди составило 80 тыс. тонн. Забайкальский дивизион в первом квартале 2026 г. увеличил производство меди в концентрате относительно первого квартала 2025 г. на 6% до 18,5 тыс. тонн, в связи с увеличением переработки руды и содержанием металла в руде. В первом квартале 2026 г. производство палладия составило 608 тыс. тр. унций (18% по сравнению с 1 кв. 2025 г.) и платины 136 тыс. тр. унций (-24% по сравнению с 1 кв. 2025 г.). Снижение произошло по причинам аналогичным меди, описанным выше.

Основная часть грузоперевозок выполняется собственными судами компании по основным маршрутам: Дудинка – Мурманск – Архангельск и Дудинка/Мурманск – Гамбург – Роттердам. Дизель-электроходы компании совершают прямые рейсы с экспортной металлопродукцией по восточной части СМП в порт Шанхай [Е. С. Жендарева, А. А. Новаков, М. М. Хайдарова, 2022].

«Норникель», являясь крупнейшим мировым производителем ряда металлов, рассматривает сбыт как одно из основных направлений своей деятельности наряду с производством. «Норникель» реализует свою продукцию по всему миру, как через собственные офисы в Европе, Китае и России, так и через дистрибьюторов в других регионах. Продукция зарегистрирована на ключевых мировых биржевых площадках сырьевых товаров. В частности, в 2024 году Зарубежная площадка прошла аудит на соответствие требованиям LME Responsible Sourcing [Электронный ресурс].

Экспорт металлургической продукции облагается вывозными пошлинами, ставки которых устанавливаются постановлениями Правительства РФ в отношении товаров, вывозимых за пределы государств — участников ЕАЭС. Для Общества характерно использование адвалорных (процент от таможенной стоимости) и специфических (евро за тонну) ставок, а в ряде случаев — комбинированных. Ключевым элементом исчисления пошлины является таможенная стоимость вывозимого товара, определяемая методом

по стоимости сделки с вывозимыми товарами. При этом Общество как экспортер должно документально подтвердить все вычеты из стоимости (транспортные расходы, страховку, погрузку), иначе таможенный орган вправе скорректировать стоимость в сторону увеличения.

Отдельные категории товаров, производимых Обществом, подпадают под режим нетарифного регулирования в рамках ЕАЭС. В частности, экспорт отдельных видов лома и отходов цветных металлов, а также некоторых видов сырья (например, концентратов никеля) может ограничиваться путем установления тарифных квот. Юридический механизм доступа к квоте предполагает распределение объемов между участниками внешнеэкономической деятельности пропорционально их предыдущим экспортным поставкам. Общество, обладая значительными долями рынка, как правило, получает основную часть квоты, однако обязано оформлять разовую лицензию на каждую партию товара, вывозимую в рамках квоты. Кроме того, при экспорте металлов двойного назначения (высокочистый никель, палладий в специальных формах) применяется разрешительный порядок - получение лицензии Министерства промышленности и торговли РФ на основании заключения уполномоченного органа об отсутствии рисков использования товара в военных целях. Это влечет обязанность Общества запрашивать у иностранного контрагента импортный сертификат (или сертификат конечного пользователя).

Заключение. Проведённое исследование участия ПАО «ГМК «Норильский никель» как субъекта предпринимательской деятельности во внешнеэкономических связях позволило получить ряд результатов, имеющих значение для развития научных представлений о правовых и экономических механизмах реализации экспортного потенциала крупными горно-металлургическими корпорациями в условиях глобализации. Вклад автора в развитие научного знания состоит в том, что данным исследованием восполняется существующий пробел в системном анализе внешнеэкономической деятельности конкретного российского публичного акционерного общества горно-металлургического профиля. Установлено, что правовой статус ПАО «ГМК «Норильский никель» как публичного акционерного общества, действующего на основании лицензионных соглашений в сфере недропользования, предопределяет двойственный характер его внешнеэкономической деятельности: с одной стороны, компания попадает под действие публично-правовых ограничений (экспортный контроль, таможенное регулирование стратегического сырья), с другой - обладает широкими частноправовыми возможностями для заключения внешнеторговых контрактов и создания зарубежных дочерних обществ. Выявлено, что корпоративная структура группы, включающая производственные подразделения на территории Российской Федерации (Норильский промышленный район, Кольский полуостров, Забайкалье) и зарубежные активы (Финляндия), формирует сложную многоуровневую конфигурацию внешнеэкономических связей. При этом географическое распределение перерабатывающих мощностей позволяет компании оптимизировать логистику, минимизировать таможенные издержки и использовать преференциальные торговые режимы различных юрисдикций. Экономическая эффективность торговли достигается за счёт эффекта масштаба, углубления передела продукции и специализации производственных подразделений, что подтверждается финансовыми показателями.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 08.12.2003 N 164-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»// Собрание законодательства Российской Федерации от 2003 г. , N 50 , ст. 4850

2. Баскова, К. Н. Экспортная деятельность предприятий как вид внешнеэкономической деятельности / К. Н. Баскова, С. А. Беляков // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : Сборник материалов X Междуна-

родной научно-практической конференции, посвященной 100-летию академика М.Ф. Решетнева и Дню космонавтики. В 3-х томах, Красноярск, 08–12 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2024. – С. 572-574.
3. [Электронный ресурс] — URL: https://nornickel.ru/business/assets/kola-division-finland/ (дата обращения: 10.05.2026)
4. Пацюк В.Д. Анализ эффективности деятельности по отчетности об устойчивом развитии на примере ПАО «ГМК «Норильский никель» / В. Д. Пацюк // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № 1.
5. [Электронный ресурс] — URL: https://nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/nornickel-obyavlyaet-itogi-proizvodstvennoy-deyatelnosti-za-1-kv-2026-g/ (дата обращения: 10.05.2026)
6. Жендарева, Е. С. Перспективные транспортно-логистические схемы доставки продукции Заполярного транспортного филиала ПАО "ГМК "Норильский никель" / Е. С. Жендарева, А. А. Новаков, М. М. Хайдарова // Научные проблемы транспорта Сибири и Дальнего Востока. – 2022. – № 4. – С. 52-56.
7. [Электронный ресурс] — URL: https://ar2024.nornickel.ru/ru/business-overview/sales.html.

Turanin V.Yu., Lilikova O.S., Bas M.N. Legal aspects of participation of pjsc MMC Norilsk nickel as a business entity in foreign economic activities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 178-183.

The article is devoted to the analysis of the legal aspects of participation of the public joint-stock company “Mining and Metallurgical Company “Norilsk Nickel” (PJSC “MMC “Norilsk Nickel”) in foreign economic activity as a subject of business law. The study considers the organizational and legal forms of implementing export operations, including direct export, the activities of foreign subsidiaries, and international production cooperation. Special attention is paid to the position of PJSC MMC Norilsk Nickel in the markets of non-ferrous and precious metals, its share in the global production of nickel, copper, palladium, and platinum, as well as its participation in international trade.

Keywords: PJSC MMC Norilsk Nickel, entrepreneurial entity, foreign economic activity, foreign trade operations, export of non-ferrous and precious metals, mining and metallurgical industry, legal regulation of foreign economic activity.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 08.12.2003 N 164-FZ (red. ot 31.07.2025) «Ob osnovah gosudarstvennogo regulirovaniya vneshnetorgovoj deyatel'nosti»// Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ot 2003 g. , N 50 , st. 4850
2. Baskova, K. N. Eksportnaya deyatel'nost' predpriyatij kak vid vneshneekonomicheskoj deyatel'nosti / K. N. Baskova, S. A. Belyakov // Aktual'nye problemy aviacii i kosmonavtiki : Sbornik materialov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj 100-letiyu akademika M.F. Reshetneva i Dnyu kosmonavtiki. V 3-h tomah, Krasnoyarsk, 08–12 aprelya 2024 goda. – Krasnoyarsk: Sibirskij gosudarstvennyj universitet nauki i tekhnologij im. akad. M.F. Reshetneva, 2024. – S. 572-574. – EDN LYIBRU.
3. [Elektronnyj resurs] — URL: https://nornickel.ru/business/assets/kola-division-finland
4. Pacyuk V.D. Analiz effektivnosti deyatel'nosti po otchetnosti ob ustojchivom razvitii na primere PAO «GMK «Noril'skij nikel'» / V. D. Pacyuk // Vestnik evrazijskoj nauki. – 2024. – T. 16. – № 1.
5. [Elektronnyj resurs] — URL: https://nornickel.ru/news-and-media/press-releases-and-news/nornikel-obyavlyaet-itogi-proizvodstvennoy-deyatelnosti-za-1-kv-2026-g/ (data obrashcheniya: 10.05.2026)
6. Zhendareva, E. S. Perspektivnye transportno-logisticheskie skhemy dostavki produkcii Zapolyarnogo transportnogo filiala PAO \"GMK \"Noril'skij nikel'\" / E. S. Zhendareva, A. A. Novakov, M. M. Hajdarova // Nauchnye problemy transporta Sibiri i Dal'nego Vostoka. – 2022. – № 4. – S. 52-56. – EDN EZZTNT.
7. [Elektronnyj resurs] — URL: https://ar2024.nornickel.ru/ru/business-overview/sales.html
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 184-188.

УДК: 347.77

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ПРАВ НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В ЕАЭС И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Тюнин М. В.

В статье рассмотрены вопросы, связанные с обеспечением гармонизации нормативной правовой базы Евразийского экономического союза (далее – Союз, ЕАЭС) в сфере охраны прав на средства индивидуализации и унификации процедур по их регистрации, а также развитие всестороннего взаимодействия стран Союза, с целью повышения качества международного сотрудничества. Автор обращает внимание, что несмотря на то, что в государствах, входящих в состав ЕАЭС, созданы и успешно функционируют отработанные механизмы правовой охраны прав на средства индивидуализации, а в рамках Союза проводится целенаправленная работа по формированию региональной системы охраны прав на средства индивидуализации, текущее состояние рассматриваемой сферы правовой регламентации характеризуется отсутствием системности взаимодействия и сотрудничества уполномоченных национальных органов государств-членов Союза, длительностью процессов гармонизации и, в необходимых случаях, унификации законодательств стран Союза. В этой связи автор делает вывод, что формирование интеллектуальной среды в Союзе обеспечивает эффективное совместное выполнение работ в сфере охраны прав на средства индивидуализации и имеет определяющее значение для обеспечения эволюции глобальной системы охраны исключительных прав в соответствии с потребностями экономики и с учетом запросов пользователей.

Ключевые слова. ЕАЭС, Союз, средства индивидуализации, правовая охрана, исключительные права, глобализация, гармонизация, экспертиза, унификация, интеграция, эффективность.

В современных условиях необходимо повышать эффективность и качество регистрационной работы, которая должна отвечать интересам потребителей формирующейся в ЕАЭС системы правовой охраны средств индивидуализации. Учет и использование опыта международных региональных объединений, основанного на экспертном взаимодействии в данной сфере, предоставляют возможность организации эффективной работы по повышению качества процедур регистрации прав на средства индивидуализации в Союзе.

Обеспечение гармонизации нормативной правовой базы ЕАЭС в сфере охраны прав на средства индивидуализации и унификации процедур по их регистрации, а также развитие всестороннего взаимодействия стран Союза, способствует повышению качества международного сотрудничества, в частности, в сфере разработки новых технологий рассмотрения поданных заявок и использования результатов поиска и экспертизы, полученных в рамках Союза.

Анализ текущего состояния мирового опыта интеграции между государствами в сфере регистрации прав на средства индивидуализации и перспектив стратегического взаимодействия стран Союза создает необходимые предпосылки для определения приоритетных шагов с целью разработки программ интеграционного взаимодействия между ведомствами государств-членов ЕАЭС.

Несмотря на то, что в государствах, входящих в состав ЕАЭС, созданы и успешно функционируют отработанные механизмы правовой охраны прав на средства индивидуализации, а в рамках Союза проводится целенаправленная работа по формированию региональной системы охраны прав на средства индивидуализации, текущее состояние рассматриваемой сферы правовой регламентации характеризуется отсутствием системности взаимодействия и сотрудничества уполномоченных национальных органов государств-членов, длительностью процессов гармонизации и, в необходимых случаях, унификации законодательств членов Союза, отсутствием надлежащей правовой регламентации соответствующих процедур.

При таких условиях, по нашему мнению, необходимым условием успешной реали-

зации программы сотрудничества уполномоченных в области охраны прав на средства индивидуализации ведомств государств-членов ЕАЭС является гармонизация нормативно-правового регулирования делопроизводства по заявкам на выдачу охранных документов как в части сроков, так и процедур, разработка и утверждение общей методологии поиска необходимой информации и экспертизы поданных заявок, формирование необходимых для этого правовых инструментов.

В ходе выступления на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ), прошедшего в июне 2025 г., Президент РФ В.В. Путин отметил, что «в Российской Федерации на данный момент насчитывается около одного миллиона действующих товарных знаков» [1]. По словам российского лидера, только за 2024 г. предприниматели зарегистрировали в Роспатенте в общей сложности 77 тысяч брендов. Далее В.В. Путин указал: «Необходимо и дальше развивать рынок интеллектуальной собственности, а именно — расширять возможности кредитования под залог патентов и товарных знаков» [1].

В указанной связи, с учетом расширяющейся экономической интеграции государств-членов ЕАЭС следует констатировать, что их правовые системы охраны прав на средства индивидуализации испытывают объективную потребность в гармонизации и, в существенной части, унификации, основывающихся на праве международных договоров, сторонами которых являются страны Союза, призванных создать надлежащие условия формирования евразийской системы охраны прав на средства индивидуализации, которое невозможно без создания унифицированной нормативной правовой базы ЕАЭС, опирающейся на международные стандарты Всемирной организации по интеллектуальной собственности (ВОИС).

Важно отметить, что целью стратегического развития государств-членов Союза в рассматриваемой сфере общественных отношений является сближение законодательных подходов к правовому регулированию современных отношений в сфере охраны прав на средства индивидуализации, достижение которой, несомненно, является одним из главных условий обеспечения интеллектуального развития и глобального экономического роста стран ЕАЭС.

Отмеченное выше экономико-правовое сближение представляет собой многовекторный процесс интеграции, в большей степени включающий в себя глобальную работу по принципиально новым направлениям – установление формальных (процессуальных) правил, определяющих основные требования к порядку подачи заявки на обозначение, для регистрации его в качестве товарного знака, сроки и порядок проведения установленных нормативными правовыми актами административных процедур, и сущностных (материально-правовых) требований, связанных с оценкой указанного обозначения на потенциальную возможность отнесения его к объектам исключительных прав, соответствие условиям охраноспособности, её уровню, требованиям к возможности практического использования.

Устанавливаемые нормами национального законодательства принципиальные требования к регистрации средств индивидуализации, в первую очередь, определяются основными направлениями развития экономики каждого отдельно взятого государства-члена ЕАЭС и зависят от степени вовлеченности в неё средств индивидуализации. Гармонизированная правовая основа открывает возможности для повышения эффективности процессов принятия решений экспертами в рамках Союза.

При этом следует отметить, что в странах ЕАЭС в настоящее время уже присутствуют соответствие в порядке определения объекта, предназначенного для охраны в

качестве средства индивидуализации, идентичные подходы к установлению базовых (основных) условий охраноспособности обозначения, заявленного на регистрацию в качестве средства индивидуализации, а также к объему предоставляемой правовой охраны.

Законодательно установленная практически во всех государствах-членах Союза возможность подавать заявки установленной формы с использованием электронных средств связи обеспечивает надежную основу для совершенствования электронного документооборота в рамках общего информационного пространства ЕАЭС. При этом следует дополнительно отметить интенсивное использование в Союзе единообразных подходов к электронной работе с 3D-объектами, реализуемых на основании апробированного опыта Российской Федерации.

Надежность предоставляемой правовой охраны средств индивидуализации в любом интеграционном объединении является основной характеристикой регистрационной системы в сфере охраны исключительных прав. Соответственно, одной из основных задач интеграционных процессов, происходящих в Союзе в области охраны прав на средства индивидуализации, является обеспечение высокого качества экспертизы заявленных обозначений, предназначенных для регистрации в качестве средства индивидуализации, вне зависимости от того, каким ведомством принимаются соответствующие решения, при одновременном надлежащем правовом обеспечении возможности её оперативного и качественного проведения.

На основе международного и российского опыта проведения аутсорсинга экспертизы, с учетом национальных особенностей регионального взаимодействия и специфики проведения евразийской процедуры в рамках единого интеллектуального пространства представляется целесообразным подготовить и начать реализацию Пилотной программы расширенного информационного поиска и оценки охраноспособности обозначения, заявленного в качестве средства индивидуализации, целью внедрения которой в текущей ситуации является расширение возможностей экспертного взаимодействия органов ЕАЭС с ведущими научными кругами и профильными организациями государств-членов Союза, использование накопленного научно-технического потенциала.

Совместное использование результатов экспертной работы в Союзе возможно лишь при оптимизации соответствующих практик в государствах-членах и согласованности действий уполномоченных национальных ведомств и органов ЕАЭС, а также разработке новых инструментов.

Формирование интеллектуальной среды, обеспечивающей эффективное совместное выполнение работ в области регистрации прав на средства индивидуализации, предполагает комплексное решение следующих основных задач:

1. Создание инфраструктуры информационных систем, обеспечивающей компетентным органам доступ к данным результатов поиска и экспертизы, предоставляемым уполномоченными ведомствами стран Союза.
2. Внедрение унифицированных методов работы, позволяющих профильным экспертам обмениваться информацией и её использовать.
3. Применение единых подходов и требований в:

- системе повышения квалификации экспертов;
- внедрении комплексной системы менеджмента качества;
- использовании утвержденных параметров статистического анализа и экспертных процедур.

Общая политика Союза в области обучения, по нашему мнению, должна быть

направлена на решение следующих задач: рациональное использование обучающих ресурсов; повышение эффективности обучения профильных экспертов.

При этом следует учитывать, что повышение качества сотрудничества между ведомствами стран Союза невозможно без оперативного обмена информацией — как между ведомствами, так и с пользователями цифровых информационных систем и ВОИС, который, в свою очередь, обеспечит необходимые условия для: своевременного реагирования на изменения потребностей информационной системы и её пользователей; незамедлительного учета позиции, пожеланий и требований всех участников процесса взаимодействия; формирования передовых и актуальных инициатив.

Главными принципами взаимодействия в рамках Союза следует считать согласованность регистрационных действий, оптимизацию и максимальную эффективность установленных процедур.

Существующие в настоящее время различия в правовых системах стран Союза обуславливают различия в оценке единства охраноспособности обозначений, для их регистрации в качестве средства индивидуализации. Данное обстоятельство создаёт для заявителей и пользователей дополнительные сложности и приводит к необоснованным финансовым затратам.

Решение данной проблемы, по нашему мнению, лежит в усилении ориентации на потребности пользователей и потребителей. В данной связи уполномоченным органам стран Союза следует: на постоянной основе собирать и анализировать отзывы пользователей; обмениваться передовыми практиками сбора обратной связи; оперативно реагировать на предложения по улучшению качества регистрационной работы.

Такой подход позволит повысить качество услуг для всех без исключения заинтересованных лиц.

Предлагаемые меры, на наш взгляд, позволят обеспечить получение расширенной информации об охраноспособном уровне обозначения, заявленного в качестве средства индивидуализации, в том числе и в тех сферах экономики, в которых имеется узкопрофильная специализация.

В завершение сказанного целесообразно сделать вывод, что государства — члены Союза уделяют особое внимание повышению интенсивности взаимодействия национальных уполномоченных органов как в рамках ЕАЭС, так и в формате открытого диалога с иными участниками процесса регистрации средств индивидуализации, стремясь привлекать к реализации своих инициатив профильные заинтересованные стороны, обеспечивая систематизацию и анализ данных и информации, полученных в рамках обратной связи со стороны пользователей, что способствует модернизации системы охраны прав на средства индивидуализации в целом. Интеграция в процесс регистрации прав на средства индивидуализации ключевых участников рынка, включая представителей промышленности, имеет определяющее значение для обеспечения эволюции глобальной системы охраны исключительных прав в соответствии с потребностями экономики и с учетом запросов пользователей.

Список литературы:

1. Путин рассказал, сколько действующих товарных знаков в России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rospatent.gov.ru/ru/news/23-06-2025-putin-rasskazal-skolko-deystvuyushchih-tovarnyh-znakov-v-rossii

2. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 (ред. от 09.12.2022). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/default.aspx.

3. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». – [Электронный ресурс]. –

Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/ .
4. Решение Высшего Совета Евразийского экономического союза от 11.10.2017 № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 г.». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/default.aspx.
5. Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2022 № 231 «Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий» (вместе с «Положением о Координационном комитете по проведению в Российской Федерации Десятилетия науки и технологий») // СПС «КонсультантПлюс».

Tyunin M.V. Problem issues of protection of rights to means of individualization in the eaeu and ways to solve them // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 184-188.

This article examines issues related to the harmonization of the Eurasian Economic Union's (hereinafter referred to as the Union, EAEU) regulatory framework in the area of protecting individualization rights and unifying registration procedures, as well as the development of comprehensive cooperation among Union countries, with the aim of improving the quality of international cooperation. The author notes that, despite the fact that proven mechanisms for the legal protection of individualization rights have been established and are successfully functioning in the EAEU member states, and targeted work is being carried out within the Union to develop a regional system for the protection of individualization rights, the current state of this area of legal regulation is characterized by a lack of systematic interaction and cooperation between authorized national bodies of the Union member states, a prolonged process of harmonization, and, where necessary, unification of the legislation of the Union countries. In this regard, the author concludes that the formation of an intellectual environment in the Union ensures the effective joint implementation of work in the field of protecting rights to means of individualization and is of decisive importance for ensuring the evolution of the global system of protecting exclusive rights in accordance with the needs of the economy and taking into account the requests of users.

Keywords: EAEU, Union, means of individualization, legal protection, exclusive rights, globalization, harmonization, examination, unification, integration, efficiency.

Spisok literatury:

1. Putin rasskazal, skol`ko dejstvuyushhix tovarny`x znakov v Rossii. – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://rospatent.gov.ru/ru/news/23-06-2025-putin-rasskazal-skolko-deystvuyushchih-tovarnyh-znakov-v-rossii .
2. Dogovor o Evrazijskom e`konomicheskom soyuze ot 29.05.2014 (red. ot 09.12.2022). – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/default.aspx.
3. Deklaraciya o dal`nejshem razvitii e`konomicheskix processov v ramkax Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza do 2030 goda i na period do 2045 goda «Evrazijskij e`konomicheskij put`». – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: https://docs.eaeunion.org/documents/165/7894/ .
4. Reshenie Vy`sshego Soveta Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza ot 11.10.2017 № 12 «Ob osnovny`x napravleniyax realizacii cifrovoj povestki Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza do 2025 g.». – [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: http://www.eurasiancommission.org/ru/Pages/default.aspx .
5. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 25.04.2022 № 231 «Ob ob``yavlenii v Rossijskoj Federacii Desyatiletiya nauki i texnologij» (vmeste s «Polozheniem o Koordinacionnom komitete po provedeniyu v Rossijskoj Federacii Desyatiletiya nauki i texnologij») // SPS «Konsul`tantPlyus».

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 189-198.

УДК 342.25

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ НАДЗОР ЗА МЕСТНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ И САМОУПРАВЛЕНИЕМ В СИСТЕМЕ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВЫХ ФОРМ

Хаустов Н. С.

Новосибирский государственный университет

Статья посвящена эволюции правительственного надзора за местным управлением и самоуправлением в системе власти Российской империи. Цель исследования состоит в выявлении изменений правовых форм, состава субъектов и предмета правительственного надзора в XVIII – начале XX в. Рассмотрены губернаторский, сенатский и ведомственный надзор, ревизионные и разрешительные процедуры, а также воздействие на местные учреждения в губерниях и территориях с особым порядком управления. Показано, что в XVIII – первой половине XIX в. надзор сохранял связь с административным руководством, служебным контролем и ревизиями. Земская и городская реформы 1864–1870 гг. придали ему более определенное содержание, связанное с проверкой законности и соблюдением компетенции выборных органов. Положения 1890 и 1892 гг. расширили основания вмешательства и усилили сочетание надзора с оценкой правильности решений, административной опекой и ревизионным контролем. Обосновано, что эволюция правительственного надзора выражалась в постепенном изменении соотношения надзорных, контрольных и разрешительных форм к институционально оформленной, но внутренне неоднородной системе, сочетавшей надзор за законностью, контроль исполнения и административную опеку. Сложившаяся система обеспечивала связь местного уровня с губернской и центральной администрацией при сохранении самостоятельности местных учреждений.

Ключевые слова: правительственный надзор, местное управление, местное самоуправление, Российская империя, правовые формы надзора, ведомственный контроль, административная опека, земские учреждения, городское общественное управление, губернатор.

Деятельность местных общественных и сословных учреждений, а со второй половины XIX в. также земских и городских органов самоуправления, осуществлялась в Российской империи в пределах установленного государством правового порядка. Расширение территории, усложнение административных и хозяйственных задач и ограниченные возможности центрального аппарата обусловливали необходимость передачи части местных дел общественным и выборным учреждениям. Их связь с губернской и центральной администрацией обеспечивалась посредством множества правовых форм, в частности надзора. Дореформенный период представляет собой этап формирования правовых способов взаимодействия местных учреждений с правительственной властью, которые впоследствии получили развитие в земском и городском законодательстве. Такое взаимодействие центрального, регионального и местного уровней составляло одно из условий сохранения единства политико-правового пространства империи [1, с. 44–47]. Это позволяет сделать вывод, что правительственный надзор выступал правовой формой ограничения деятельности местных органов установленными пределами компетенции и одновременно обеспечивал их участие в осуществлении общегосударственной политики.

Традиционно под формой осуществления государственных функций понимается внешнее выражение однородной деятельности государственных органов. Правовые формы отличаются тем, что основаны на нормах права, реализуются в пределах установленной компетенции и влекут юридические последствия. В зависимости от критерия классификации к ним относят правотворческую, правоприменительную и правоохранительную деятельность. По характеру деятельности государственных органов в качестве самостоятельной формы выделяется также контрольно-надзорная деятельность. Метод, в отличие от формы, характеризует способы и приемы властного воздействия. Поэтому под правовой формой необходимо понимать нормативно

установленный способ осуществления властной деятельности, выражающийся в совершении юридически значимых действий и принятии решений, влекущих возникновение, изменение или прекращение правоотношений [2, с. 3–6; 3, с. 262].

В указанном значении правительственный надзор представлял собой правовую форму деятельности государственных органов, направленную на проверку законности действий местных учреждений, соблюдения ими установленной компетенции и применение предусмотренных законодательством мер реагирования. Надзор следует разграничивать с контролем, предметом которого являлись исполнение правительственных предписаний, состояние делопроизводства, отчетность и финансовая деятельность, а также с административной опекой, выражавшейся в утверждении должностных лиц и постановлений, предварительном разрешении отдельных действий и зависимости юридической силы решений от согласия администрации. В законодательстве Российской империи данные формы часто осуществлялись одними органами и в рамках общих процедур, однако различались по предмету, основаниям и юридическим последствиям.

Органы местного самоуправления организационно не входили в бюрократический государственный аппарат. Вместе с тем их компетенция, порядок формирования, юридическая сила постановлений, ответственность должностных лиц и способы разрешения споров определялись законодательством. Посредством надзора, контроля и административной опеки их деятельность связывалась с губернатором, МВД, Правительствующим Сенатом и иными учреждениями. Поэтому включение местного самоуправления в систему власти означало его правовую и функциональную интеграцию, не тождественную организационному подчинению [4, с. 107–108].

В связи с изложенным важно выявить эволюцию правовых форм правительственного надзора за местным управлением и самоуправлением в XVIII – начале XX в. Изменение рассматриваемой системы определяется по составу надзирающих органов, кругу поднадзорных учреждений, предмету проверки, основаниям административного вмешательства и юридическим последствиям надзорных решений. Такой подход позволяет установить, как изменялось соотношение собственно надзора, контроля и административной опеки и какое место данные формы занимали в системе власти Российской империи.

В первой половине XVIII в. правительственный надзор за местными учреждениями осуществлялся через губернаторов, высшие и центральные государственные учреждения, то есть в рамках административной системы, сложившейся в результате преобразований Петра I. Губернатор возглавлял управление губернией, а провинциальные и уездные звенья находились в ведении воевод. Они исполняли предписания Сената и коллегий, представляли отчеты и сведения, наблюдали за поступлением податей, исполнением повинностей и деятельностью подчиненных должностных лиц. Множественность связей местных органов с центральными учреждениями создавала сложный порядок подчиненности, при котором надзор, контроль и непосредственное управление не получили последовательного разграничения [5, с. 123–125]. Это позволяет сделать вывод, что в отношении назначаемых органов местного управления надзор осуществлялся внутри административной иерархии. Он выражался в проверке исполнения распоряжений вышестоящих учреждений, рассмотрении отчетов, проведении ревизий, рассмотрении жалоб и привлечении должностных лиц к ответственности. Поэтому правительственный надзор за местным управлением в данный период не являлся внешней проверкой деятельности самостоятельного учреждения, а составлял элемент служебного подчинения и административного руководства.

Дальнейшая институционализация правительственного надзора была связана с преодолением приказно-воеводской раздробленности. В предшествующей системе воевода юридически выступал исполнителем распоряжений центральных приказов, однако фактически обладал значительной властью над населением и местными учреждениями. Раздробление центрального управления между различными приказами затрудняло установление постоянного надзора за действиями воевод и создавало условия для злоупотреблений. Учреждение Сената, коллегий и губернаторского управления было направлено на усиление контроля за местной администрацией, повышение ответственности должностных лиц и упорядочение исполнения правительственных предписаний на территории губерний [6, с. 87–88].

Существенное изменение организации местной власти было связано с принятием Учреждения для управления губерний Всероссийской империи 1775 г. Реформа укрепила положение губернатора и наместника, сосредоточила на губернском уровне исполнение законов и правительственных распоряжений, руководство нижестоящими учреждениями и наблюдение за их деятельностью. Губернатор выступал проводником императорской воли на местах и отвечал за состояние вверенной ему территории [7]. Преобразования Екатерины II усилили роль губернского управления и способствовали формированию более устойчивых связей между центральной властью и местной администрацией. Вместе с тем неопределенность границ полномочий приводила к переходу общего надзора в непосредственное управление местными делами [8, с. 86–88, 121]. Поэтому правительственный надзор сохранял тесную связь с непосредственным руководством местными учреждениями. Из этого можно сделать вывод, что губернская реформа создала более устойчивую территориальную организацию власти, в рамках которой центральные предписания реализовывались через наместника, губернатора, губернские и уездные учреждения. Тем самым усиливались системные связи между центральным и местным уровнями управления, однако надзор продолжал сочетаться с осуществлением губернатором распорядительных, контрольных и дисциплинарных полномочий.

Жалованные грамоты дворянству [9] и городам [10] 1785 г. учредили дворянские и городские сословные органы. Губернские и уездные дворянские собрания избирали должностных лиц местного управления и суда. При этом из двух избранных кандидатов наместник или губернатор назначал губернского предводителя дворянства. Грамота городам учредила общую городскую думу и шестигласную думу. Выборное начало, закрепленное законодательством 1785 г., сочеталось с надзором за законностью деятельности сословных учреждений и административной опекой, выражавшейся в назначении или утверждении отдельных избранных должностных лиц. Эти процедуры включали сословные учреждения в общий порядок имперского управления и обеспечивали правительственное наблюдение за их составом и деятельностью [5, с. 139–141; 11, с. 20].

Учреждение министерств в начале XIX в. дополнило территориальное управление ведомственной системой подчинения. Местные учреждения были распределены между соответствующими министерствами, а губернатор стал основным представителем Министерства внутренних дел в губернии и одновременно осуществлял общее наблюдение за местными учреждениями различных ведомств. Сочетание территориальной и ведомственной организации создавало множественность властных связей. Губернатор осуществлял общее наблюдение за состоянием губернии, министерства контролировали подведомственные им местные учреждения, а Сенат проверял исполнение законов и правительственных предписаний. Надзор здесь выступал элементом более широкого механизма административной ответственности и

служебного контроля. Общий наказ гражданским губернаторам 1837 г. закрепил усиление губернаторской власти и ее распространение на деятельность местных учреждений различных ведомств [12]. Широта предоставленных губернатору полномочий сохраняла соединение надзора, контроля и активного административного управления [5, с. 379–387].

Министерская система создала наряду с территориальной губернской вертикалью ведомственные каналы управления и надзора. Общее административно-территориальное деление империи сосуществовало с системой ведомственных округов, границы которых могли не совпадать с губернским делением и охватывать несколько губерний. В результате местные органы одновременно находились в тесной связи с губернской и центральной администрацией. Сенаторские ревизии дополняли эти связи проверкой исполнения законов и правительственных указов, состояния делопроизводства, соблюдения прав населения и законности действий губернских начальств. Законодательное закрепление предметов ведения и ответственности министерств в 1810–1812 гг. упорядочило ведомственную систему, однако сохранило множественность надзорных связей местного уровня с центральной властью [13, с. 283–284].

Единство имперского управления сочеталось с различиями в правовом положении отдельных территорий. В присоединенных регионах верховная власть могла сохранять исторически сложившиеся учреждения, местные узаконения, обычаи и отдельные формы самоуправления. Такое сохранение составляло элемент интеграционной политики и позволяло учитывать социальные, национальные и правовые особенности территории при ее включении в общеимперское пространство [14, с. 5–6]. Е. С. Соколова характеризует данный подход как политико-юридический компромисс, при котором сохранение исторической основы региональных учреждений сопровождалось постепенным распространением на них общеимперского административного и правового порядка [15, с. 273–279].

В первой половине XIX в. указанное соотношение получило нормативное выражение в двухуровневой системе общегосударственного и местного права. Основные государственные законы 1832 г. устанавливали, что законы империи действуют единообразно либо с местными изменениями, пределы которых определяются особыми уставами [16]. Местные законы получали юридическую силу от верховной власти, распространялись на определенные территории и действовали в пределах специально установленных изъятий из общего законодательства [17, с. 53–55]. Правительственный надзор в таких регионах обеспечивал соблюдение законности деятельности местных учреждений и установленных имперским законодательством пределов их обособленности.

К середине XIX в. система правительственного воздействия на местные общественные и сословные учреждения включала надзор за исполнением законов, ведомственную отчетность, ревизии, рассмотрение жалоб, утверждение отдельных должностных лиц, проверку взимания денежных сборов и исполнения повинностей. На территориях с особым порядком управления надзор также обеспечивал соблюдение местных законов в пределах, установленных верховной властью. Эти полномочия обеспечивали юридическую зависимость местных учреждений от губернской и центральной администрации и тем самым включали их в систему имперской власти. Вместе с тем надзор оставался соединенным с административным управлением и контролем, поскольку законодательство еще не закрепляло за местными учреждениями самостоятельную компетенцию, сопоставимую с компетенцией земских и городских органов самоуправления второй половины XIX в.

Новая организация земского управления была закреплена Положением о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г. Исходя из содержания первых статей данного акта, к ведению земств были отнесены вопросы, касающиеся местных хозяйственных польз и нужд. В пределах предоставленной компетенции земские учреждения действовали самостоятельно. Одновременно закон устанавливал случаи утверждения и наблюдения со стороны власти и признавал недействительными постановления, принятые с превышением полномочий [18]. Самостоятельность местных учреждений ограничивалась установленным законом кругом полномочий, а правительственный надзор обеспечивал связь их деятельности с губернской и центральной администрацией. В земской системе эту связь обеспечивали губернатор, министр внутренних дел и Сенат.

Губернатор мог приостановить исполнение земского постановления, противного закону или общим государственным пользам. При неисполнении обязательных повинностей он после безуспешного напоминания и с разрешения министра внутренних дел получал право произвести необходимые распоряжения за счет земства. Земские учреждения могли приносить жалобы на распоряжения губернатора и высших административных властей в Первый департамент Правительствующего Сената. Правительственный надзор охватывал проверку законности и соблюдения пределов компетенции, а Сенат разрешал возникавшие между земствами и администрацией споры. Положение 1864 г. предусматривало также утверждение отдельных постановлений и должностных лиц. Председатель уездной земской управы утверждался губернатором, председатель губернской управы – министром внутренних дел. Утверждению также подлежали некоторые решения по финансовым и хозяйственным вопросам. Тем самым губернаторский надзор обеспечивал соблюдение установленных законом пределов земской деятельности, а Сенат рассматривал споры между земскими учреждениями и администрацией в установленном законом порядке.

Городовое положение 1870 г. распространило аналогичные принципы на городское общественное управление. Городские учреждения действовали самостоятельно в пределах предоставленной им власти, а губернатор наблюдал за законностью их деятельности. Постановления, выходившие за круг городского ведения, признавались недействительными [19]. Особенностью городской модели стало губернское по городским делам присутствие под председательством губернатора, рассматривавшее дела о незаконности городских постановлений.

Законодательство 1864–1870 гг. закрепило правовой механизм включения земских и городских учреждений в систему имперской власти. Губернатор осуществлял надзор, министр внутренних дел участвовал в утверждении наиболее значимых решений и должностных лиц, губернское присутствие рассматривало городские дела, а Сенат разрешал споры о законности и компетенции, то есть выступал дополнительной гарантией соблюдения установленной компетенции.

В 1870–1880-е гг. административная зависимость местного самоуправления усиливалась. Расширялось значение губернаторского утверждения избранных лиц, ограничивались межземские сношения и публикация материалов земских собраний, возрастало влияние администрации на состав земских служащих. Надзор за законностью дополнялся административным усмотрением и разрешительными процедурами [20, с. 80–84; 21, с. 218–221]. К концу 1880-х гг. правительственный надзор сохранял значение основной правовой формы связи местного самоуправления с губернской и центральной администрацией и все более сочетался с контролем и административной опекой.

Положение о губернских и уездных земских учреждениях 1890 г. (далее –

Положение 1890 г.) сохранило ранее сложившиеся основания правительственного надзора и одновременно расширило предмет проверки, полномочия губернатора и значение разрешительных и ревизионных процедур [22]. В именном указе о введении Положения земские учреждения рассматривались как исполняющие «важное государственное дело» и действующие «в должном единении с другими правительственными установлениями» [23]. Земская деятельность связывалась с порядком имперского управления и правительственными требованиями.

Ст. 5 Положения 1890 г. закрепила за губернатором обязанность осуществлять надзор за правильностью и законностью действий земских учреждений. Для этого учреждалось губернское по земским делам присутствие под председательством губернатора. Если губернатор не соглашался с решением большинства присутствия, он приостанавливал его исполнение и передавал дело министру внутренних дел, который мог распорядиться о приведении решения в исполнение либо войти в Сенат с представлением о его отмене. Такая организация связывала земские учреждения с губернской и центральной администрацией и соответствовала общему значению региональной инстанции как звена, соединявшего местное управление с правительством [8, с. 81–82].

Пределы губернаторского вмешательства были расширены. Губернатор мог приостанавливать исполнение постановлений, которые признавал несоответствующими общим государственным пользам и нуждам либо явно нарушающими интересы местного населения. Проверка законности дополнялась оценкой содержания и последствий земского решения. Администрация могла приостанавливать исполнение таких постановлений и инициировать их отмену или изменение даже при отсутствии формального нарушения закона.

Надзор дополнялся контрольными и разрешительными полномочиями. Губернатору предоставлялось право проводить ревизии земских управ, других исполнительных органов земского управления и подведомственных земству учреждений. При выявлении нарушений в их деятельности он мог потребовать восстановления нарушенного порядка, а возникшее разногласие передавалось в губернское присутствие. Председатель губернской земской управы утверждался министром внутренних дел, председатели уездных управ и члены управ – губернатором. Особое значение имела ст. 124 Положения 1890 г., согласно которой председатели и члены земских управ считались состоящими на государственной службе. Признание председателей и членов земских управ состоящими на государственной службе влекло распространение на них отдельных элементов государственно-служебного положения. Замещение должностей зависело от утверждения правительственной властью, а дисциплинарное производство осуществлялось с участием губернатора, губернского присутствия и Совета министра внутренних дел. В совокупности ревизии, утверждение должностных лиц и дисциплинарное производство включали деятельность земских управ в установленный порядок губернского и центрального управления.

Городовое положение 1892 г. распространило указанную модель на городское общественное управление. Губернатору предоставлен надзор за правильностью и законностью действий городского общественного управления, а обсуждение городских постановлений и распоряжений возлагалось на губернское по земским и городским делам присутствие. Надзор за земскими и городскими учреждениями был сосредоточен в губернском присутствии под руководством губернатора [24].

Городовое положение 1892 г. предусматривало отмену или изменение городских постановлений, не соответствовавших общим государственным пользам и нуждам либо явно нарушавших интересы местного населения. В предусмотренных законом случаях

вопрос разрешался Государственным Советом или Комитетом Министров. Составленные городской думой обязательные постановления представлялись губернатору. При отсутствии препятствий к их утверждению губернатор издавал эти постановления, а при отказе в утверждении дело разрешалось в порядке, установленном законом.

Положения 1890 и 1892 гг. сохранили выборные собрания и управы, компетенцию земств и городских дум и возможность обжалования отдельных решений администрации. Одновременно губернские присутствия рассматривали отнесенные законом дела о законности постановлений, финансовой деятельности и ответственности должностных лиц. Присутствия усилили регламентацию земской деятельности и обеспечивали государственную координацию хозяйственной и культурно-просветительской работы земств [21, с. 257–260].

На рубеже XIX–XX вв. система правительственного надзора, основанная на Положениях 1890 и 1892 гг., продолжала действовать. Закон от 12.06.1900 г. ограничил участие земств в продовольственном деле и установил пределы роста земского обложения [25], усилив зависимость земской деятельности от решений центральной власти [5, с. 255–257]. Установленный порядок правительственного надзора и интеграции органов местного самоуправления в систему власти Российской империи сохранялся до 1917 г. Его прекращение было связано с крушением имперской государственности и преобразованием местного управления после Февральской революции.

Проведенное исследование позволяет определить правительственный надзор как правовую форму деятельности государственных органов, направленную на проверку законности и соблюдения компетенции местных учреждений. Его необходимо разграничивать с контролем исполнения, отчетности и финансовой деятельности, а также с административной опекой, выражавшейся в утверждении должностных лиц и постановлений, предварительном разрешении действий и согласовании решений. Эволюция правительственного надзора носила преемственный и нелинейный характер, поскольку возникновение новых правовых форм не сопровождалось полным устранением ранее сложившихся способов административного воздействия. В XVIII – первой половине XIX в. надзор за местным управлением осуществлялся преимущественно внутри административной системы и соединялся со служебным подчинением, непосредственным руководством, отчетностью и ревизиями. Реформы 1864–1870 гг. создали специальный порядок взаимодействия государства с организационно обособленными земскими и городскими учреждениями, закрепив процедуры приостановления постановлений, рассмотрения жалоб и разрешения споров о законности и компетенции. Положения 1890 и 1892 гг. расширили предмет административной проверки и усилили сочетание надзора с контрольными и разрешительными полномочиями.

Роль правительственного надзора в системе власти Российской империи определялась его связующей функцией. В отношении местного управления он обеспечивал соблюдение служебной подчиненности, исполнение предписаний вышестоящих органов и ответственность должностных лиц. В отношении местного самоуправления он создавал правовую связь организационно обособленных выборных органов с губернатором, МВДл, губернскими присутствиями, Сенатом и функционально включал их в систему имперской власти. К 1917 г. надзор так и не был окончательно отделен от контроля и административной опеки, а соотношение этих форм зависело от вида и правового положения поднадзорного учреждения, его компетенции, правового положения территории и конкретного этапа развития

имперского законодательства.

Список литературы:

1. Красняков Н. И. Имперское государство : господство, управление и право // Омские научные чтения – 2022 : юридические науки : материалы V Всероссийской научной конференции, Омск, 7 ноября – 25 декабря 2022 г. : в 5 ч. – Омск : Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2023. – Ч. 5. – С. 44–51.
2. Новикова А. С. О формах реализации функций государства // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2015. – № 113 (09). – С. 1–10.
3. Зульфугарзаде Т. Э. Правовые формы деятельности и методы осуществления функций государства // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). – 2012. – № 7. – С. 258–263.
4. Полещенко Д. А. Государственная власть и местное самоуправление в Российской империи и Российской Федерации // Журнал российского права. – 2010. – № 11 (167). – С. 100–108.
5. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России : научно-педагогические труды / Н. П. Ерошкин ; под ред. А. Е. Иванова, А. Д. Степанского. – 5-е изд., доп. – Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2008. – 710 с.
6. Красняков Н. И. Властеотношения в имперской администрации России XVIII — первой половины XIX в. // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2014. – № 2 (34). – С. 87–91.
7. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи от 7 ноября 1775 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XX. № 14392. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).
8. Красняков Н. И. Российская империя : опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.) : монография / Н. И. Красняков. – Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2023. – 460 с.
9. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства от 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. № 16187. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).
10. Грамота на права и выгоды городам Российской империи от 21 апреля 1785 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XXII. № 16188. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).
11. Шутов А. Ю. Отечественный опыт местного самоуправления: к 150-летию земской реформы в России // Вестник Российской нации. – 2014. – № 2 (34). – С. 18–34.
12. Общий наказ гражданским губернаторам от 3 июня 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XII. Отд. 1. № 10303. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).
13. Красняков Н. И. Эволюция имперской иерархии бюрократии в России в начале XIX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2014. – № 2-2(58). – С. 283–287.
14. Красняков Н. И. Интеграция общеимперского и общественно-территориального самоуправления в Остзейских губерниях Российской империи // Юридическая наука и практика. – 2020. – Т. 16. – № 2. – С. 5–17.
15. Соколова Е. С. К вопросу о политико-юридических стратегиях формирования местного законодательства Российской империи (первая четверть XVIII — вторая четверть XIX вв.) // Вопросы всеобщей истории. – 2017. – № 19. – С. 271–279.
16. Основные государственные законы Российской империи // Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. I. Ч. 1. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).
17. Кодан С. В. Общегосударственное и местное право в Российской империи: формирование и соотношение // Вопросы российской юстиции. – 2015. – № 1. – С. 51–55.
18. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXIX. Отд. 1. № 40457. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).
19. Городовое положение от 16 июня 1870 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XLV. Отд. 1. № 48498. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).
20. Лаптева Л. Е. Земские учреждения в России / Л. Е. Лаптева ; отв. ред. Е. А. Скрипилев. – Москва : Институт государства и права РАН, 1993. – 138 с.
21. Земское самоуправление в России, 1864–1918 : в 2 кн. / отв. ред. Н. Г. Королева ; Институт российской истории РАН. – Москва : Наука, 2005. – Кн. 1 : 1864–1904. – 428 с.
22. Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. X. Отд. 1. № 6927. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).
23. Именной высочайший указ, данный Сенату, о введении в действие нового Положения о губернских и уездных земских учреждениях от 12 июня 1890 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. X. Отд. 1. № 6922. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).
24. Городовое положение от 11 июня 1892 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание

третье. Т. XII. № 8708. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).
25. Высочайше утвержденные Временные правила по обеспечению продовольственных потребностей сельских обывателей от 12 июня 1900 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. XX. Отд. 1. № 18855. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (дата обращения: 20.07.2026).

Khaustov N. S. Governmental supervision over local administration and self-government within the system of authority of the Russian empire: evolution of legal forms // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 189-198.

The article is devoted to the evolution of government supervision of local government and self-government in the system of government of the Russian Empire. The purpose of the study is to identify changes in its legal forms, subjects and subject in the XVIII – early XX century. The gubernatorial, senate and departmental supervision, audit and licensing procedures, as well as the impact on local institutions in provinces and territories with special management procedures are considered. It is shown that in the XVIII – the first half of the XIX century. supervision retained its connection with administrative management, official control and audits. The Zemstvo and city reforms of 1864-1870 gave it a more specific content related to the verification of legality and compliance with the competence of elected bodies. The regulations of 1890 and 1892 expanded the grounds for intervention and supplemented supervision with assessment of the correctness of decisions, approval of officials and audits. It is proved that the evolution of government supervision was expressed in the transition from mixed managerial and control forms to an institutionally designed but internally heterogeneous system combining supervision of legality, control of execution and administrative guardianship. It provided a link between the local level and the provincial and central administration, while maintaining the independence of local institutions.

Keywords: government supervision, local government, local self-government, Russian Empire, legal forms of supervision, departmental control, administrative guardianship, zemstvo institutions, city public administration, governor.

Spisok literatury:

1. Krasnyakov N. I. Imperskoe gosudarstvo : gospodstvo, upravlenie i pravo // Omskie nauchnye chteniya – 2022 : yuridicheskie nauki : materialy V Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Omsk, 7 noyabrya – 25 dekabrya 2022 g. : v 5 ch. – Omsk : Omskij gosudarstvennyj universitet im. F. M. Dostoevskogo, 2023. – CH. 5. – S. 44–51.
2. Novikova A. S. O formah realizacii funkcij gosudarstva // Nauchnyj zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. – 2015. – № 113 (09). – S. 1–10.
3. Zul'fugarzade T. E. Pravovye formy deyatel'nosti i metody osushchestvleniya funkcij gosudarstva // Gornyj informacionno-analiticheskij byulleten' (nauchno-tekhnicheskij zhurnal). – 2012. – № 7. – S. 258–263.
4. Poleshchenko D. A. Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie v Rossijskoj imperii i Rossijskoj Federacii // ZHurnal rossijskogo prava. – 2010. – № 11 (167). – S. 100–108.
5. Eroshkin N. P. Istoriya gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevolyucionnoj Rossii : nauchno-pedagogicheskie trudy / N. P. Eroshkin ; pod red. A. E. Ivanova, A. D. Stepanskogo. – 5-e izd., dop. – Moskva : Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet, 2008. – 710 s.
6. Krasnyakov N. I. Vlasteotnosheniya v imperskoj administracii Rossii XVIII — pervoj poloviny XIX v. // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. – 2014. – № 2 (34). – S. 87–91.
7. Uchrezhdeniya dlya upravleniya gubernij Vserossijskoj imperii ot 7 noyabrya 1775 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. T. XX. № 14392. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
8. Krasnyakov N. I. Rossijskaya imperiya : opyt upravleniya nacional'nymi regionami (seredina XVII – nachalo XX v.) : monografiya / N. I. Krasnyakov. – Novosibirsk : IPC NGU, 2023. – 460 s.
9. Gramota na prava, vol'nosti i preimushchestva blagorodnogo rossijskogo dvoryanstva ot 21 aprelya 1785 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. T. XXII. № 16187. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
10. Gramota na prava i vygody gorodam Rossijskoj imperii ot 21 aprelya 1785 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. T. XXII. № 16188. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
11. SHutov A. YU. Otechestvennyj opyt mestnogo samoupravleniya: k 150-letiyu zemskoj reformy v Rossii // Vestnik Rossijskoj nacii. – 2014. – № 2 (34). – S. 18–34.
12. Obshchij nakaz grazhdanskim gubernatoram ot 3 iyunya 1837 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XII. Otd. 1. № 10303. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
13. Krasnyakov N. I. Evolyuciya imperskoj ierarhii byurokratii v Rossii v nachale XIX v. // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 2-2(58). – S. 283–287.
14. Krasnyakov N. I. Integraciya obshcheimperskogo i obshchestvenno-territorial'nogo samoupravleniya v Ostzejskih guberniyah Rossijskoj imperii // YUridicheskaya nauka i praktika. – 2020. – T. 16. – № 2. – S. 5–17.
15. Sokolova E. S. K voprosu o politiko-yuridicheskih strategiyah formirovaniya mestnogo zakonodatel'stva Rossijskoj imperii (pervaya chetvert' XVIII — vtoraya chetvert' XIX vv.) // Voprosy vseobshchej istorii. – 2017. – № 19. – S. 271–279.
16. Osnovnye gosudarstvennye zakony Rossijskoj imperii // Svod zakonov Rossijskoj imperii. SPb., 1832. T. I. CH.

1. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
17. Kodan S. V. Obshchegosudarstvennoe i mestnoe pravo v Rossijskoj imperii: formirovanie i sootnoshenie // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2015. – № 1. – S. 51–55.
18. Polozhenie o gubernskih i uezdnyh zemskih uchrezhdeniyah ot 1 yanvarya 1864 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XXXIX. Otd. 1. № 40457. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
19. Gorodovoe polozhenie ot 16 iyunya 1870 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie vtoroe. T. XLV. Otd. 1. № 48498. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
20. Lapteva L. E. Zemskie uchrezhdeniya v Rossii / L. E. Lapteva ; otv. red. E. A. Skripilev. – Moskva : Institut gosudarstva i prava RAN, 1993. – 138 s.
21. Zemskoe samoupravlenie v Rossii, 1864–1918 : v 2 kn. / otv. red. N. G. Koroleva ; Institut rossijskoj istorii RAN. – Moskva : Nauka, 2005. – Kn. 1 : 1864–1904. – 428 s.
22. Polozhenie o gubernskih i uezdnyh zemskih uchrezhdeniyah ot 12 iyunya 1890 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. X. Otd. 1. № 6927. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
23. Imennoj vysochajshij ukaz, dannyj Senatu, o vvedenii v dejstvie novogo Polozheniya o gubernskih i uezdnyh zemskih uchrezhdeniyah ot 12 iyunya 1890 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. X. Otd. 1. № 6922. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
24. Gorodovoe polozhenie ot 11 iyunya 1892 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. XII. № 8708. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
25. Vysochajshe utverzhdennye Vremennye pravila po obespecheniyu prodovol'stvennyh potrebnostej sel'skih obyvatelej ot 12 iyunya 1900 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie tret'e. T. XX. Otd. 1. № 18855. – URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/content.html (data obrashcheniya: 20.07.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 199-206.

УДК 340.158

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР В СФЕРЕ ЮСТИЦИИ В 1970-1985 гг.

Черепанов А. В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье исследуются ключевые направления, особенности и итоги реализации государственной политики СССР в сфере юстиции в период с 1970 по 1985 г. Автор проводит комплексный анализ процессов централизации советской правовой системы, начавшихся с воссоздания Министерства юстиции СССР в 1970 г. под руководством В.И. Теребилова. В работе подробно рассматривается разграничение функций отправления правосудия и судебного администрирования, а также институционализация органов, получивших высший конституционный статус в Конституции СССР 1977 года. Особое внимание уделено масштабной кодификации советского права, увенчавшейся изданием многотомного Свода законов СССР, и реформированию юридической службы в народном хозяйстве. Автор доказывает, что в рассматриваемый период в СССР был создан стабильный, жестко централизованный и высокопрофессиональный правовой каркас «общенародного государства». Основными достижениями рассматриваемого периода стало разделение функций судебного управления и правосудия; новая конституализация правовой системы; беспрецедентная систематизация права и создание массовой профессиональной юридической службы.

Ключевые слова: СССР, юстиция, Министерство юстиции, государственная политика, централизация, В.И. Теребилов, Конституция СССР 1977 г., Свод законов СССР, реформирование, юрисконсульт, юридическая служба, систематизация.

Рассматриваемый период был одним из самых стабильных в отечественной истории. В официальной советской историографии его называли периодом «развитого социализма», а перестроечную и постперестроечную эпоху появилось уничижительное определение – «период застоя». 1970-1985 гг. стали временем окончательного организационного оформления советской системы юстиции. Действующая система юстиции современной России во многом унаследовала структуру и институты, заложенные в эпоху «развитого социализма». Понимание механизмов функционирования юстиции в этот период позволяет глубже осмыслить природу изучаемого явления, а также выявить корни многих современных проблем.

В современной историко-правовой науке ряд авторов, в частности А.Я. Кодинцев [1], А.С. Смыкалин [2], Р.Х. Карданова [3], Г.М. Иванова [4], М.С. Семенова [5], А.В. Пыжиков [6] и др. [7-13], занимались исследованием эволюции государственной политики в сфере юстиции в более ранние периоды. Научные обобщающие исследования, посвященные этому времени, практически отсутствуют. Некоторые авторы затрагивают лишь отдельные аспекты рассматриваемой темы.

Предыдущий период, часто называемый «хрущевской оттепелью», был ознаменован экспериментом по децентрализованному управлению юстицией. В 1956 г. было упразднено Министерство юстиции СССР, что было продиктовано стремлением трансформировать систему управления сферой юстиции, созданную в сталинскую эпоху. Однако уже в 60-е годы стало понятно, что отсутствие централизации в области юстиции ведет не только к разобщенности практики, но и росту преступности. Существенными негативными следствиями децентрализации также стало исчезновение скоординированной системы подготовки и повышения квалификации судей, а также проблемы в процессе систематизации советского законодательства.

Процесс централизации системы юстиции был последовательным. Старт процессу реформирования был дан Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР № 634 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» [14], принятым 30.06.1970 г. В документе отмечалось, что несмотря большую роль прокуратуры и суда по укреплению правопорядка их деятельность «не в полной мере отвечает решениям

партии о дальнейшем укреплении социалистической законности» [15].

К существенным недостаткам деятельности было отнесено недостатки в работе по систематизации законодательства, пробелы в организационном и методическом руководстве. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР принял среди прочего два важных решения: инициировать работу по систематизации законодательства и «признать целесообразным образовать союзно-республиканское Министерство юстиции СССР» [16].

Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании союзно-республиканского Министерства юстиции СССР» был издан 31.08.1970 г. [17]. Воссоздание Министерства юстиции СССР в 1970 г. стало важнейшим этапом административных реформ 70-х годов XX в. 10.12.1970 г. Законом СССР [18] этот Указ утвердили и в Конституцию СССР внесли изменения, в соответствии с которыми Министерство юстиции было возрождено. Республиканские Министерства юстиции были восстановлены вслед за общесоюзным.

Министром юстиции был назначен Владимир Иванович Теребилов (1916-2004), исполнявший эти обязанности с 1.09.1970 до 12.04.1984 гг. [12, с. 29].

В августе 1971 г. в связи с проводимой административной реформой Указом Президиума Верховного Совета СССР [20] были внесены изменения и дополнения в общесоюзное законодательство. Этим Указом определялись основные функции Министерства юстиции СССР – «организационное руководство судебными органами союзных республик и военными трибуналами, руководство адвокатурой, нотариатом и иными учреждениями юстиции». Кроме того, были установлены конкретные функции в сфере организационного руководства судами. Организационные и кадровые вопросы, изучение и обобщение судебной практики, ведение судебной статистики – входило в сферу деятельности нового Министерства по осуществлению общего организационного управления судами.

На Министерство юстиции возлагалось и общее руководство адвокатурой. В отношении военных трибуналов Министерство юстиции совместно с Министерством обороны СССР определяли структуру и штаты военных трибуналов и Управления военных трибуналов. Также, как и в отношении судов общей юрисдикции применительно к военным трибуналам Минюст должен был осуществлять проверку организации их работы, обобщать судебную практик и вести судебную статистику.

Правовой статус, структура и детализация функций были законодательно закреплены в Постановлении Совета Министров СССР от 21.03.1972 г. в специальном «Положении о Министерстве юстиции СССР» [20]. Положение, включавшее семнадцать статей, действовало до 1991 г., когда Государственный Совет СССР прекратил деятельность союзного министерства. Незначительные изменения в него вносились лишь в 1976 г.

Документ закрепил четкую вертикаль власти, характерную для советской правовой системы. Статус министерства был союзно-республиканским. Ему подчинялись одноименные министерства союзных республик. Глава ведомства – Министр юстиции - в соответствии со ст. 9 назначался Верховным Советом СССР, а его заместители – Советом Министров СССР. Из вышеуказанных лиц и других руководящих работников Министерства формировалась коллегия Министерства юстиции, члены которой утверждались Советом Министров СССР. Коллегия была призвана обсуждать основные вопросы деятельности ведомства, заслушивать доклады должностных лиц, подчиненных Министерству юстиции, обсуждать проекты разрабатываемых нормативных актов, проблемы систематизации законодательства, кадровые вопросы, отчеты управлений, отделов и других структурных подразделений, подчиненных Минюсту (ст. 13).

Ключевое назначение Министерства обозначалось в 1 статье гласившей: «Министерство юстиции СССР осуществляет организационное руководство судами союзных республик, военными трибуналами, проводит работу по систематизации и подготовляет предложения о кодификации законодательства, осуществляет методическое руководство правовой работой в народном хозяйстве, методическое руководство и координацию работы государственных органов и общественных организаций по пропаганде правовых знаний и разъяснению законодательства среди населения, руководство нотариатом, судебно - экспертными учреждениями, а также общее руководство деятельностью органов записи актов гражданского состояния и адвокатурой, осуществляет в установленном порядке международные связи по правовым вопросам» [21].

Систематизируя основные задачи ведомства можно констатировать, что они сосредотачивались в следующих основных сферах: организационном руководстве судами и смежными институтами (военными трибуналами, нотариатом, адвокатурой, органами ЗАГСа, судебно-экспертными учреждениями); работе по кодификации и систематизации советского законодательства; координации юридической работы в народном хозяйстве; правовом просвещении и научно-обобщающей деятельности (ст. 2-3).

Принятие в 1977 г. новой Конституции СССР [22] стало ключевым событием административных реформ 70-х гг. XX в. Конституцию СССР 1970 г. принято называть «конституцией развитого социалистического». Она закрепляла новые принципы государственного управления, в частности важнейшее нововведение касалось перехода к новой концепции «общенародного государства» (ст. 1), заменившей концепт «диктатуры пролетариата», а также закрепления принципа руководящей роли КПСС в политико-правовой системе страны (ст. 6).

Новая Конституция СССР внесла определенные изменения в систему юстиции. В основном законе появился отдельный конституционный раздел «Правосудие, арбитраж и прокурорский надзор» (раздел VII). В Конституции закреплялся тренд на разделение функций судебного управления и осуществление правосудия. Хозяйственно-управленческие функции, организационное обеспечение деятельности судов передавались исполнительной власти (в данной сфере - минюсту); суды были призваны осуществлять правосудие.

Необходимо отметить, что прямо название ведомства, обеспечивавшее организационно-управленческие функции в сфере юстиции, не упоминалось в тексте Конституции СССР 1977 г. Разработчики документа отказались от поименного перечисления ведомств, используя общие бланковые статьи. Статья 136 прямо гласила, что «перечень общесоюзных и союзно-республиканских министерств и государственных комитетов СССР определяются на основе Конституции Законом о Совете Министров СССР» [22]. Однако вектор на централизацию системы юстиции продолжился.

Необходимо отметить, что значительную роль в разработке новой Конституции СССР сыграл лично министр юстиции В.И. Теребилов и аппарат возглавляемого им ведомства. В.И. Теребилов входил в экспертно-юридический блок Конституционной комиссии СССР, сформированной Верховным Советом СССР, для разработки проекта новой конституции. Полагаем, что под его влиянием помимо прочего (обоснования использованных в Конституции дефиниций «общенародного государства» и «Советы народных депутатов») впервые в истории страны конституционный статус приобрела адвокатура (ст. 161), что стало следствием шестилетней работы созданного в 1970 г. Министерства юстиции направленным на интеграцию адвокатуры в единую государственную систему юстиции. Позднее «именно по его инициативе в 1979 году в стране впервые был принят Закон «Об адвокатуре в СССР». [6, с. 32]. Важнейшей инициати-

вой В.И. Теребилова, являвшегося сторонником закрепления идеи законности, стало закрепление в ст. 58 права на судебную защиту.

Как отмечалось выше практически весь рассматриваемый нами период (1970-1985) Министерство юстиции возглавлял Владимир Иванович Теребилов (1916-2004) – выдающий советский и российский правовед, под руководством которого удалось выстроить централизованную систему обще государственной юстиции. Он выступил главным организатором беспрецедентного по масштабам процесса систематизации нормативных актов, которую в научной литературе по значимости сравнивают с кодификационной работой М.М. Сперанского. Именно он в сентябре 1976 г. был председателем общего руководства подготовки и издания Свода законов (п.5) [23]. В.Д. Сысоев отмечает: «Теребилову и его коллегам потребовалось несколько лет напряженного труда, чтобы привести в определенный порядок основной массив нормативных актов, затем сброшюровать и издать 50 томов Собрания действующего законодательства СССР. Кроме того, было подготовлено 12 томов Свода законов СССР». [12, с. 10]. Решение о подготовке и издании Свода законов СССР было принято в сентябре 1976 г. [23], а конкретный план и сроки работы были определены в марте 1978 г. [23].

В совместном Постановлении ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совмина СССР от 2.09.1976 г. говорилось, что координация работы научных учреждений по систематизации законодательства, связанная с подготовкой Свода законов СССР возлагалась на Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства Министерства юстиции, возглавляемым в те годы Иваном Сергеевичем Самощенко (1969-1978) и Константином Федоровичем Гуценко (1978-1987). Свода вышел в утвержденные планом сроки в 1980-1985 гг.

Проф. С.В. Кодан справедливо отмечает, что «создание Свод законов СССР и сводов законов союзных республик в обеспечении единства законодательного пространства Союза ССР стало завершающим этапом в централизации и согласовании системы законодательства на уровне союзного государства и входящих в его состав республик. Анализ юридической природы Свода законов СССР и сводов союзных республик показывает, что проведенный комплекс теоретических изысканий, разработка методики и технико-юридических приемов создания этих актов позволили отработать и практически реализовать политико-юридическую и теоретико-технологическую конструкцию, которая была призвана обеспечить единство законодательного пространства Союза ССР» [7, с. 291].

С целью реализации задачи подготовки юридических кадров, правового просвещения и научно-обобщающей деятельности в сфере юстиции по инициативе Тербилова был создан Всесоюзный институт повышения квалификации работников юстиции. В совместном постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР говорилось: «Для улучшения переподготовки юридических кадров и повышения их квалификации разрешить: а) Министерству юстиции СССР организовать Всесоюзный институт усовершенствования работников юстиции, а Советам Министров союзных республик - республиканские курсы повышения квалификации работников юстиции» [24].

Еще одним значимым аспектом деятельности Министерства юстиции рассматриваемого периода явилось становление правовой службы в народном хозяйстве. До 1970 г. правовая работа на советских предприятиях носила хаотичный характер. Официальной точкой отсчета реформы стало принятие совместного Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23.12.1970 г. «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве» [25], а главным практическим шагом стало Постановление Совмина СССР от 22.06.1972 г., утвердившее «Общее положение о юридическом отделе (бюро) главном (старшем) юрисконсульте, юрисконсульте министерства, ведомства, исполнитель-

ного комитета совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения» [26].

В Постановлении 1972 г. определялись задачи (п. 2), права (п. 10) и обязанности юрисконсульта (п. 7-9). Так, например, в обязанности юридического отдела и юрисконсульта предприятия, организации и учреждения входило: проверка «требованиям представляемых на подпись руководителю предприятия, организации, учреждения проектов приказов, инструкций, положений и других документов правового характера» (п. 9/а); подготовка проектов приказов; участие в заключении коллективных договоров; претенциозная работа; представление интересов предприятия в суде; юридическая консультация; правовое просвещение и др. (п. 9.). При этом все юридические документы, которые шли на подпись руководителю предприятия юрисконсульт был должен визировать.

Постановление защищало юрисконсульта от произвола руководителя предприятия. Он назначался на должность и подчинялся руководителю, но утверждался вышестоящим ведомством (п. 4). Юрисконсульт был обязан в случае несоответствия действующему законодательству локальных актов, не подписывая документ, дать свое правовое заключение (п. 14). При игнорировании его заключения руководством должен был сообщить вышестоящей организации.

В своих воспоминаниях о Постановлении 1972 г. В.И. Теребилов писал: «это потребовало огромных усилий, ибо многим министрам было трудно помириться с тем, что в его аппарате появится человек, который будет отказываться визировать приказы и договоры, ссылаясь на то, что они противоречат закону» [13, с. 152].

В.Д. Сысоев отмечает, что вклад Министерства юстиции и лично министра в развитие юридической службы трудно переоценить. Когда воссоздавали Минюст СССР «юрисконсультов в народном хозяйстве насчитывалось не многим больше 20 тыс. К концу 70-х гг. их было около 70 тыс.» [11, с. 5].

Подводя итог, можно утверждать, что государственная политика СССР в сфере юстиции в 1970–1985 годах носила ярко выраженный реформаторский характер, став периодом наивысшего расцвета и упорядочения советской правовой системы. Главным вектором этой политики стала централизация системы юстиции, переход от разрозненного республиканского управления к жесткой общесоюзной вертикали под эгидой воссозданного в 1970 г. Министерства юстиции СССР. Основными достижениями рассматриваемого периода стало разделение функций судебного управления и правосудия; новая конституализация правовой системы; беспрецедентная систематизация права и создание массовой профессиональной юридической службы.

Список литературы:

1. Кодинцев, А. Я. Система органов юстиции СССР в середине 30-х годов XX века / А. Я. Кодинцев // Вестник Тюменского государственного университета. — 2009. — № 2. — С. 115–121.
2. Смыкалин А.С. Советское судоустройство: источники, систематизация, литература // Историко-юридические исследования правовых институтов и государственных учреждений СССР, Свердловск, 1986. - С.87-101.
3. Карданова Р. Х. РКП(б) и формирование системы советской юстиции (1917–1922 гг.) / Р. Х. Карданова // История государства и права. — 2007. — № 4. — С. 28–30.
4. Иванова Г.М. Лагерные суды под руководством Министерства юстиции СССР (1945-1954 гг.) // 200 лет министерской системе России: Материалы Межвузовской научной конференции, 31 мая 2002 г. М., 2002. - С 128-145.
5. Семенова М.С. Процесс и причины разработки судебной реформы 1956-1964 гг. в РСФСР // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева.— 2013. — № 3. — С. 56-67.
6. Пыжиков А.В. Государственное строительство и правоохранительная система СССР в 1953-64 гг. /Ин-т молодежи. М.: Социум. 1999. - 127 с.
7. Гутман М.Ю., Никулин А.Г., Сальников В.П. Костяев А.И. К 220-летию Министерства юстиции Российской Федерации Министры юстиции советского союза (1946 - 1991 гг.) // Юридическая наука: история и современность. - 2022. - № 1.- С.17-72.

8. Кодинцев А.Я. Партийное управление органами юстиции СССР в 50-е годы XX века // Журнал Вестник экономики, управления и права. — 2013. — С. 84-88
9. Клён Н.Н. Родом из адвокатуры // Российский адвокат. - 2007. - № 4.- С. 32-33.
10. Кодан С.В. Свод законов СССР и своды законов союзных республик в обеспечении законодательного единства СССР (середина 1970-х - 1980-е гг.) Genesis: исторические исследования. 2022. № 12. С.278-294.
11. Сысоев В. Д. Видный юрист нашего времени. Владимир Иванович Теребилов // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. - 2003.- № 3.- С.3-7.
12. Сысоев В. Д. На службе российской юстиции: Очерк о видном отечественном юристе В. И. Теребилове / В.Д. Сысоев. - М.: НОРМА, 2003. - 110 с.
13. Теребилов В. И. Записки юриста / В.И. Теребилов.- М.: ЛексЭст,- 2003.- 156 с.
14. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 31 мая 1956 года № 634 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31002#7KKenMVXbg1FpbhF (дата обращения: 17.06.2026).
15. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 31 мая 1956 года № 634 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31002#7KKenMVXbg1FpbhF (дата обращения: 17.06.2026).
16. Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 31 мая 1956 года № 634 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31002#7KKenMVXbg1FpbhF (дата обращения: 17.06.2026).
17. Указ Президиума Верховного Совета СССР 31 августа 1970 года N 168-VIII «Об образовании союзно-республиканского Министерства юстиции СССР» // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=39237#BisvnMVt3Kzu1GnE 7KKenMVXbg1FpbhF (дата обращения: 15.06.2026).
18. Закон СССР от 10.12.1970 г. № 565-VIII «Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР об образовании и преобразовании некоторых органов государственного управления и о внесении соответствующих дополнений в статьи 70 и 78 Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1970. – № 50. – Ст. 567.
19. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12.08.1971 г. «О внесении изменений и дополнений в законодательство СССР в связи с образованием союзно-республиканского Министерства юстиции СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1971. – № 33. – Ст.332.
20. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 12.08.1971 г. «О внесении изменений и дополнений в законодательство СССР в связи с образованием союзно-республиканского Министерства юстиции СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1971. – № 33. – Ст.332.
21. Постановление Совета Министров СССР от 21 марта 1972 года № 194 «Положение о Министерстве юстиции СССР» // Законы России URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a512x232.htm (дата обращения: 5.06.2026).
22. Закон СССР от 7 октября 1977 г. N 6367-IX «О порядке введения в действие Конституции (Основного Закона) СССР» // Конституция РФ URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/1592893/(дата обращения: 5.03.2026).
23. Совместное Постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совмина СССР от 2 сентября 1976 г. № 716 «О подготовке и издании Свода законов СССР» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://e-ecolog.ru/docs/4T9W9c8q1TiborQvcZ9kT _/(дата обращения: 19.06.2026).
24. Совместное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР от 30.07.1970 г. № 634 «О мерах по улучшению работы судебных и прокурорских органов» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://e-ecolog.ru/docs/rE9lSG1aB-_Zu6Z88bBW_/
25. Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 23.12.1970 г. № 1025 «Об улучшении правовой работы в народном хозяйстве» // КонсультантПлюс URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1657#wJTG1NVuZDFybVZr (дата обращения: 15.06.2026).
26. Постановление Совмина СССР от 22.06.1972 г. № 467 «Общее положение о юридическом отделе (бюро) главном (старшем) юрисконсульте, юрисконсульте министерства, ведомства, исполнительного комитета совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения» // КонтурНорматив URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=24124

Cherepanov A.V. The USSR state policy in the sphere of justice from 1970 to 1985 // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 199-206.

The article examines the key directions, specific features, and outcomes of the implementation of the USSR state policy in the sphere of justice from 1970 to 1985. The author provides a comprehensive analysis of the centralization of the Soviet legal system, which commenced with the re-establishment of the Ministry of Justice of the USSR in 1970 under the leadership of V.I. Terebilov. The paper thoroughly considers the delimitation of the functions of the

administration of justice and judicial management, as well as the institutionalization of bodies that received the highest constitutional status in the 1977 Constitution of the USSR. Special attention is paid to the large-scale codification of Soviet law, which culminated in the publication of the multi-volume Code of Laws of the USSR, and the reform of the legal service in the national economy. The author argues that a stable, rigidly centralized, and highly professional legal framework of the "state of the whole people" was established in the USSR during the period under review. The main achievements of the analyzed period were the separation of the functions of judicial management and justice; the new constitutionalization of the legal system; the unprecedented systematization of law; and the creation of a mass professional legal service.

Keywords: USSR, justice, Ministry of Justice, state policy, centralization, V.I. Terebilov, 1977 Constitution of the USSR, Code of Laws of the USSR, reforming, legal adviser, legal service, systematization.

Spisok literatury:

1. Kodincev, A. Ya. Sistema organov yusticii SSSR v seredine 30-h godov XX veka / A. Ya. Kodincev // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2009. — № 2. — S. 115–121.
2. Smykalin A.C. Sovetskoe sudoustrojstvo: istochniki, sistematizaciya, literatura // Istoriko-yuridicheskie issledovaniya pravovyh institutov i gosudarstvennyh uchrezhdenij SSSR, Sverdlovsk, 1986.- S.87-101.
3. Kardanova R. H. RKP(b) i formirovanie sistemy sovetskoj yusticii (1917–1922 gg.) / R. H. Kardanova // Istoriya gosudarstva i prava. — 2007. — № 4. — S. 28–30.
4. Ivanova G.M. Lagernye sudy pod rukovodstvom Ministerstva yusticii SSSR (1945-1954 gg.) // 200 let ministerskoj sisteme Rossii: Materialy Mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii, 31 maya 2002 g. M., 2002. - S 128-145.
5. Semenova M.S. Process i prichiny razrabotki sudebnoj reformy 1956-1964 gg. v RSFSR // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva.— 2013. — № 3. — S. 56-67.
6. Pyzhikov A.B. Gosudarstvennoe stroitel'stvo i pravoohranitel'naya sistema SSSR v 1953-64 gg. /In-t molodezhi. M.: Socium. 1999. - 127 s.
7. Gutman M.Yu., Nikulin A.G., Sal'nikov V.P. Kostyaev A.I. K 220-letiyu Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii Ministry yusticii sovetskogo soyuza (1946 - 1991 gg.) // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'.- 2022.- № 1.- S.17-72.
8. Kodincev A.Ya. Partijnoe upravlenie organami yusticii SSSR v 50-e gody HH veka // Zhurnal Vestnik ekonomiki, upravleniya i prava. — 2013. — S. 84-88
9. Klyon N.N. Rodom iz advokatury // Rossijskij advokat.- 2007.- № 4.- S. 32-33.
10. Kodan S.V. Svod zakonov SSSR i svody zakonov soyuznyh respublik v obespechenii zakonodatel'nogo edinstva SSSR (seredina 1970-h - 1980-e gg.) Genesis: istoricheskie issledovaniya. 2022. № 12. S.278-294.
11. Sysoev V. D. Vidnyj yurist nashego vremeni. Vladimir Ivanovich Terebilov // Byulleten' Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii.- 2003.- № 3.- S.3-7.
12. Sysoev V. D. Na sluzhbe rossijskoj yusticii: Ocherk o vidnom otechestvennom yuriste V. I. Terebilove / V.D. Sysoev. - M.: NORMA, 2003.- 110 s.
13. Terebilov V. I. Zapiski yurista / V.I. Terebilov.- M.: LeksEst,- 2003.- 156 s.
14. Postanovlenie CK KPSS i Sovmina SSSR ot 31 maya 1956 goda № 634 «O merah po uluchsheniyu raboty sudebnyh i prokurorskih organov» // Konsul'tantPlyus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31002#7KKenMVXbg1FpbhF (data obrashcheniya: 17.06.2026).
15. Postanovlenie CK KPSS i Sovmina SSSR ot 31 maya 1956 goda № 634 «O merah po uluchsheniyu raboty sudebnyh i prokurorskih organov» // Konsul'tantPlyus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31002#7KKenMVXbg1FpbhF (data obrashcheniya: 17.06.2026).
16. Postanovlenie CK KPSS i Sovmina SSSR ot 31 maya 1956 goda № 634 «O merah po uluchsheniyu raboty sudebnyh i prokurorskih organov» // Konsul'tantPlyus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=31002#7KKenMVXbg1FpbhF
17. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR 31 avgusta 1970 goda N 168-VIII «Ob obrazovanii soyuzno-respublikanskogo Ministerstva yusticii SSSR» // Konsul'tantPlyus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=39237#BisvnMVt3Kzu1GnE 7KKenMVXbg1FpbhF (data obrashcheniya: 15.06.2026).
18. Zakon SSSR ot 10.12.1970 g. № 565-VIII «Ob utverzhdenii Ukazov Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ob obrazovanii i preobrazovanii nekotoryh organov gosudarstvennogo upravleniya i o vnesenii sootvetstvuyushchih dopolnenij v stat'i 70 i 78 Konstitucii (Osnovnogo Zakona) SSSR» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. – 1970. – № 50. – St. 567.
19. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 12.08.1971 g. «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v zakonodatel'stvo SSSR v svyazi s obrazovaniem soyuzno-respublikanskogo Ministerstva yusticii SSSR» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. – 1971. – № 33. – St.332.
20. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 12.08.1971 g. «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v zakonodatel'stvo SSSR v svyazi s obrazovaniem soyuzno-respublikanskogo Ministerstva yusticii SSSR» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR,. – 1971. – № 33. – St.332.
21. Postanovlenie Soveta Ministrov SSSR ot 21 marta 1972 goda № 194 «Polozhenie o Ministerstve yusticii SSSR» // Zakony Rossii URL: https://lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a512x232.htm (data obrashcheniya: 5.06.2026).

22. Zakon SSSR ot 7 oktyabrya 1977 g. N 6367-IX «O poryadke vvedeniya v dejstvie Konstitucii (Osnovnogo Zakona) SSSR» // Konstituciya RF URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/1592893/(data obrashcheniya: 5.03.2026).
23. Sovmestnoe Postanovlenie CK KPSS, Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR i Sovmina SSSR ot 2 sentyabrya 1976 g. № 716 «O podgotovke i izdanii Svoda zakonov SSSR» // Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskih dokumentov. URL: https://e-ecolog.ru/docs/4T9W9c8q1TiborQvcZ9kT _/(data obrashcheniya: 19.06.2026).
24. Sovmestnoe postanovlenie CK KPSS i Sovmina SSSR ot 30.07.1970 g. № 634 «O merah po uluchsheniyu raboty sudebnyh i prokurorskih organov» // Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskih dokumentov. URL: https://e-ecolog.ru/docs/rE9lSG1aB-_Zu6Z88bBW_/ (data obrashcheniya: 15.04.2026).
25. Postanovlenie CK KPSS, Sovmina SSSR ot 23.12.1970 g. № 1025 «Ob uluchshenii pravovoj raboty v narodnom hozyajstve» // KonsulʹtantPlyus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=1657#wJTG1NVuZDFybVZr (data obrashcheniya: 15.06.2026).
26. Postanovlenie Sovmina SSSR ot 22.06.1972 g. № 467 «Obshchee polozhenie o yuridicheskom otdele (byuro) glavnom (starshem) yuriskonsulʹte, yuriskonsulʹte ministerstva, vedomstva, ispolnitelʹnogo komiteta soveta deputatov trudyashchihsya, predpriyatiya, organizacii, uchrezhdeniya» // KonturNormativ URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=24124 (data obrashcheniya: 18.06.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 207-2217.

УДК 34.047

МАШИНОЧИТАЕМОЕ ПРАВО: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Шаваева А. М.
Московский государственный юридический университет имени О.М. Кутафина (МГЮА)

Статья посвящена анализу феномена распространения технологий машиночитаемого права, сложностей при трансформации текстуальных правовых предписаний в машиночитаемый вид, пределов формализации права и изучению инновационного потенциала технологий алгоритмизации права. В настоящее время право находится в догоняющей позиции по отношению к высоким технологиям, что ставит перед правовой доктриной задачу оперативного комплексного исследования появляющихся инструментов и их воздействия на правовую реальность. Возникают вопросы переосмысления самой динамичной природы права и правопонимания. Ученым - правоведам необходимо перманентно вникать в сущность передовых цифровых технологий, чтобы актуализировать свои теоретико-правовые воззрения на происходящую в настоящий момент трансформацию правового регулирования и быть способным к качественно новому научному прогнозированию векторов развития права. Методологическую основу статьи составляет сравнительно-правовой анализ отечественной и зарубежной доктрины машиночитаемого права. Автором приведены выводы, основанные на изучение зарубежного опыта формализации права. Дифференцированная формализуемость правовых элементов рассматривается в качестве предела машиночитаемого права Машиночитаемое право обладает внушительным потенциалом к повышению эффективности правового регулирования, если грамотно определить пределы допустимости использования технологий перевода права в машиночитаемый формат.

Ключевые слова: машиночитаемое право, алгоритмизация права, пределы формализации права, цифровые технологии, цифровизация правового регулирования.

Современная правовая действительность становится всё больше пронизана цифровыми технологиями. Трансформационные процессы в правовом поле порой происходят стремительнее, чем мы успеваем осмыслить. Уже можно говорить об изменении содержания, формы и механизма действия права. В научной среде всё чаще право становится объектом исследования не просто в качестве социального регулятора, но в качестве элемента технологической среды.

По справедливому замечанию проф. А. В. Корнева, цифровые технологии изменяют не только формы юридической деятельности, но и само представление о праве как объекте познания, и это требует переосмысления сложившихся теоретико-правовых конструкций [1]. В контексте распространения применения машиночитаемого права данный вопрос приобретает особую значимость, поскольку возникает проблема определения пределов допустимости трансформации правовых предписаний в машиночитаемый формат.

Всё большую популярность получает концепция нормативности, возникающей в буквальном смысле «по дизайну» (by design). Сущность этой концепции заключается в представлении процесса формирования цифровой среды как процесса создания плода архитектурного труда, то есть право начинает реализовываться не просто как текст нормы, а как заранее встроенная, ожидаемая архитектура поведения субъектов права. Субъект здесь не просто обязан соблюдать закон; сама система технически выстраивается таким образом, чтобы требования закона соблюдались субъектами автоматически, а неправомерное поведение было ограничено. Часть юридических механизмов переносится из области человеческого усмотрения в программно-алгоритмическую среду. Правовые предписания встраиваются в код, алгоритмы, интерфейсы правовых инструментов, и автоматизированность правовых процедур становится одним из характерных признаков такой нормативности. Эти тезисы знакомы правовой науке, так как во многом являются продолжением концепции Лоуренса Лессинга «право как код» («code is law»), центральной мыслью которой является идея о том, что программный код может

быть способен успешно выполнять регулятивную функцию, и быть сопоставим по значимости своего регулятивного воздействия с действием правовых норм [2]. Хотя концепция Лессинга была разработана ещё в XX в., вопросы, поднимаемые автором, получают свое воплощение на наших глазах. О прогрессивной роли технических норм в условиях цифровизации правового регулирования уже также существует много теоретических воззрений. Так, по мнению Т.Я. Хабриевой и Н.Н. Черногора, цифровизация модифицирует сферу правового регулирования, делая её мультисодержательной и включающей отношения, которые практически исключают непосредственное участие в них человека [3]. Право начинает функционировать не только как система закрепленных письменно предписаний, но и как совокупность технических ограничений и алгоритмических сценариев поведения. Реальность такова, что наиболее эффективным социальным регулятором в нынешних условиях всё чаще становятся нормы технико-социальные, обладающие дуальной природой и сочетающие в себе признаки правовых норм и технических.

Как отмечает А.В. Корнев, развитие цифровых технологий ставит перед юридической наукой вопрос о переосмыслении традиционных форм существования и реализации права, поскольку значительная часть общественных процессов постепенно перемещается в цифровую среду [4]. Возникают вопросы, с которыми правовая наука до этого никогда не сталкивалась. Сложно поддается научному прогнозированию будущее права, когда недостаточно ясно, в какой форме оно будет осуществлять регулирование общественных отношений с учётом контекста времени и какое место в правовом регулировании будет отведено человеку.

Изучение процесса возникновения и развития машиночитаемого права получает особую актуальность в складывающихся условиях. В целом на машиночитаемое право часто смотрят как современный способ усовершенствовать правоприменительную практику, исключив ошибки, проистекающие из человеческого фактора. И.В. Понкин утверждает, что развитие машиночитаемого и машиноисполняемого права обусловлено стремлением обеспечить непосредственное взаимодействие правовых норм и цифровых систем без промежуточного участия человека [5].

В настоящее время в доктрине отсутствует единое определение понятия машиночитаемого права. В концепции развития технологий машиночитаемого права, разработанной Министерством экономического развития России и утвержденной Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности 15.09.2021 г. (далее – Концепция), машиночитаемое право определяется как основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения). Онтология машиночитаемого права – описание на формальном языке множества объектов (сфер применения машиночитаемого права, субъектов правоотношений, сделок и т.д.) в области права и связей между ними.

И. В. Понкин определяет машиночитаемое и машиноисполняемое право как концепт («регулирование как код»), инструментальный онтологический формат и способ конструирования/ конвертирования (в компьютернопрограммные образы, выражаемые в машинных кодах или кодоподобных формах) нормативных объектов (воплощенных в текстовые формы естественных языков массивов и комплексов актов нормативно-правового и нормативного технического регулирования и их норм, нормативных актов экстраправовых систем нормативной регламентации и их норм, а равно логики регули-

рования, исключений и иерархий) на семантической основе специально создаваемых языков, гибридизированных из стандартизированных компьютерных языков (машинных кодов или кодоподобных форм) и специальных юридико-технических метаязыков с конвертацией логики нормативных установлений в таксономизированную компьютерно-программную логику многократного операционабельного использования, обеспечивающие компьютерно-программным комплексам технологические возможности автоматически релевантно находить, распознавать (считывать) указаны нормативные объекты непосредственно в первоисточниках (а не во вторичных продуктах — конвертациях), «понимать» (когнитивно воспринимать), редактировать, интерпретировать такие нормативные объекты, реализовывать их или обеспечивать их реализацию (в мере, предписанной или допускаемой для указанных компьютерно-программных комплексов), а также автоматически или полуавтоматически (из документов на естественном языке) генерировать такие объекты или их цифровые модели-двойники [6].

Н. Ф. Порываева определяет машиночитаемое право как совокупность машиночитаемых правовых норм, санкционированных государством и опосредованных в реализации техническими нормами и структурами данных. При этом под машиночитаемыми правовыми нормами автором понимаются «правоположения, изложенные в виде машинных алгоритмов, реализованных на языках программирования (программного кода), понимаемые машиной с последующей машиноисполняемой реализацией» [7]. А.А. Перевозкин дает емкое и объемное определение машиночитаемого права: машиночитаемое право — совокупность правовых норм, изложенных на формальном языке, обеспечивающем однозначность распознавания и смыслового содержания информационными системами [8]. Ключевой особенностью машиночитаемого права автор назыает однозначность его толкования.

И.М. Кузьмин определяет машиночитаемое право как алгоритм обработки правовой информации о содержании правовых норм, основанный на принципах формальной логики и позволяющий автоматизировать отдельные процессы реализации права и видит в развивающихся технологиях алгоритмизации права решение вопросов, возникающих относительно действия права в киберпространстве [9].

Е.А. Березина, изучая природу машиночитаемого права, обращает внимание на сложность процесса формализации права, рассуждая о том, что принципы права, специализированные нормы права и нормы права, содержащие оценочные суждения, попросту невозможно представить в машиночитаемом виде. Автор также говорит о медленном темпе развития машиночитаемого права, называет одним из препятствий распространения технологий машиночитаемого права недостаточную сложность самой предметно области, предполагающей объединение усилий высококвалифицированных юристов и специалистов технических областей [10].

При обращении к зарубежной доктрине мы встречаем похожие теоретические концепции. Интересно, что большинство современных воззрений на машиночитаемое право сконцентрированы не столько на переосмыслении сущности права, сколько на поиске способов представить его в форме, пригодной для автоматизированного исполнения и применения. К примеру, в рамках активно развивающейся концепции Rules as Code учёные Алис Витт, Анна Хаггинс и Гвидо Говернатори понимают под машиночитаемым правом законодательство, представленной в форме, пригодной для непосредственной обработки компьютерными системами. Столь широкое понимание исследуемого явления открывает перед авторами горизонт для комплексного изучения нового для правовой науки исследования. В ядре их исследования – идея об одновременном создании правового текста и его машиночитаемой интерпретации в виде модели, что позволяет использовать правовые нормы не только в качестве социального регулятора,

но и как базу для автоматизированных принятия решений информационными системами. Данный подход призван сократить разрыв между правовым регулированием в традиционном виде и технической реализацией правовых предписаний [11]. Вместе с тем, Витт и соавторы рассуждают и о пределах возможности внедрения технологий машиночитаемого права, говоря о том, что, ввиду фактической неопределенности общественных отношений, некоторые препятствия формализации права являются непреодолимыми [12].

Однако даже сторонники наиболее технологически ориентированных подходов признают в своих трудах существование объективно обусловленных лимитов машиночитаемого права. Об ограничении возможности полной алгоритмизации правового регулирования пишет также учёный Джо Рэй. По его мнению, не представляется возможным заранее сформулировать систему правил, способную гарантировано охватить все возможные варианты поведения и жизненные ситуации, что объективно ограничивает объективные возможности полной алгоритмизации права [13]. Представители школы Computational Law Даниэл Кац и Майкл. Боммарито связывают машиночитаемое право с переводом правовых норм в вычислительную форму, пригодную для автоматизированного исполнения и контроля. В концепции авторов делается акцент на повышении эффективности правовой системы при помощи использования вычислительных методов. Авторы рассуждают о сближении правовой деятельности с другими сферами жизни общества, уже прошедшими цифровую трансформацию [14].

При наличии значительного сходства между отечественной и зарубежной научной доктриной в оценке перспектив развития машиночитаемого права и алгоритмических технологий, особенно в вопросе признания значительного потенциала формализации правовых норм и формализации права и использования цифровых технологий для повышения эффективности правотворческой и правоприменительной деятельности, мы можем сделать вывод о том, что зарубежные авторы в большей степени сосредоточены на технологических аспектах процесса трансформации текстуальных норм в машиночитаемый формат, в то время как российская доктрина традиционно уделяет больше внимания изучению природы права в новых условиях, вопросам правопонимания и главное – допустимых пределов его алгоритмизации. Российские и зарубежные учёные сходятся в одном принципиальном положении: развитие машиночитаемого права ставит перед нами фундаментальный вопрос о границах формализации права и поиске оптимального соотношения между технологическими возможностями алгоритмизации правовых положений и необходимостью сохранения сущностных характеристик права как социального регулятора с аксиологической точки зрения.

Исходя из приведенных определений представляется логичным дать следующее авторское определение машиночитаемого права: это особая форма выражения отдельных правовых норм и правовых конструкций на формальном языке и посредством алгоритмических моделей, обеспечивающих их автоматизированную обработку информационными системами. Машиночитаемость характеризует лишь те элементы права, трансформацию которых в машиночитаемый вид возможно осуществить без потери сущностных признаков элемента и не может являться универсальным свойством права. Вместе с тем, на наш взгляд, машиночитаемое право не следует рассматривать лишь в качестве технического инструмента автоматизации отдельных процедур либо как очередной этап цифровизации юридической деятельности. Возникновение машиночитаемого права навсегда изменило ход истории в правовой плоскости жизни общества. Оно ставит перед нами вопрос о допустимости и пределах перевода права в формализованный вид. Традиционно правовая мысль находила выражение на естественном языке, допускающим возможность толкования, вариативности понимания и эмоциональной

оценки субъектами права правовых предписаний, то машиночитаемый формат требует высокой степени определенности, формальной однозначности. Своим появлением исследуемый феномен актуализирует проблему соотношения юридической формализации и интерпретационной природы права. Ещё Рональд Дворкин утверждал, что право представляет собой интерпретативное понятие [15]. Кажется логичным сказать, что интерпретационная природа права образует объективный предел его алгоритмизации.

В вопросе определения объекта машиночитаемого права также нет единой доктринальной позиции. Исходя их приведенных определений, можно сделать вывод о том, что объектом машиночитаемого права выступает не право, как социальный регулятор в широком смысле, а лишь отдельные правовые конструкции, обладающие различной степенью формальной определенности.

Анализируя нынешнее состояние российской правовой системы в контексте развития технологий алгоритмизации права, обратимся к приведенной ранее Концепции, в которой звучит предположение о том, что в перспективе развитие машиночитаемого права может привести к тому, что нормы, выраженные в алгоритмичном виде, займут доминирующее и центральное положение в системе правового регулирования. При этом роль правовых предписаний, выраженных традиционным, естественным языком, сведется к интерпретации машиночитаемых правовых норм на естественном языке, а также одни и те же нормы права смогут получать выражение как на естественном, так и на машиночитаемом языке и будут действовать одновременно [16]. Концепция формирует весьма оптимистичный сценарий развития машиночитаемого права в России, связывая его широкомасштабное внедрение в различные сферы отечественной правовой системы с повышением ее эффективности; ссылаясь на положительный опыт зарубежных стран, разработчики документа предполагают, что указанные трансформационные процессы преобразуют и улучшат нормотворческую деятельность, процесс отправления правосудия, анализ различного вида отчетности и другой контрольной деятельности.

Вместе с тем, представляется, что в основе подобных идей лежит нормотивисткое понимание права как системы подлежащих формализации правил поведения и процедур и исключаются из вида те свойства права, которые невозможно просчитать и алгоритмизировать. Всё же современное правопонимание отражает сущность и природу права полнее и объемнее: оно включает в себя и ценностный, интерпретационный и социальный компоненты, перевести которые в машиночитаемый вид чаще попросту не представляется возможным. Несмотря на впечатляющий потенциал инструментария машиночитаемого права, невозможно представить способ алгоритмизации таких понятий, как внутреннее убеждение судьи или внутреннее убеждение эксперта, на заключение которого в ходе судебного разбирательства ссылается сторона в качестве обоснования своей правовой позиции, не говоря уже о соблюдении принципов правосудия. Без интерпретационного, аксиологического и коммуникативного аспекта право перестает служить человеку. Следовательно, на наш взгляд, перспективы развития машиночитаемого права требуют глубокой теоретико-правовой оценки допустимых пределов трансформации правовых элементов в алгоритм. Это, по сути, ключевой вопрос дальнейшего развития права. Необходимо определить те элементы правовой системы, которое могут быть подвержены алгоримизации без потери своих сущностных характеристик.

При взгляде на российскую практику внедрения машиночитаемых норм мы видим некий разрыв между декларируемыми стратегическими ориентирами и реальным положением вещей. Наиболее последовательно технологии машиночитаемого права реализованы в сфере налогового администрирования – автоматизированная система контроля налога на добавленную стоимость представляет собой успешно функционирую-

щую алгоритмическую модель правоприменения [17]. Также положительным опытом алгоритмизации можно назвать созданную в ходе реализации федеральных целевых программ развития судебной системы в России государственную автоматизированную систему «Правосудие» [18], предназначенную для обеспечения информационного сопровождения делопроизводства. В рамках системы реализованы такие элементы машиночитаемости, как стандартизированные шаблоны правовых документов, семантическая разметка ряда процессуальных актов, автоматизированный учёт процессуальных сроков. Вместе с тем, по уровню автоматизации российская система уступает китайской модели Smart Court [19], способной интеграции анализа содержания судебных актов с применением методов машинного обучения: в ГАС «Правосудие» исключительной прерогативой судей остается вынесение решений, функции по правовой классификации и оценке доказательств, что вполне соответствует российским конституционным принципам. Также значительными достижениями в этой сфере можно назвать Систему межведомственного электронного взаимодействия [20] и Единый портал государственных и муниципальных услуг [21]. А вот в сфере нормотворчества внедрение технологий машиночитаемого права находится на начальном этапе. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов (regulation.gov.ru) [22] обеспечивает стандартизацию форматов законопроектов, но технологий, позволяющих алгоритмизировать семантическую разметку нормативного текста, в России пока нет.

Наблюдается сразу ряд проблем: методологический дефицит, фрагментарность и разрозненность внедрения машиночитаемого права разными ведомствами в свои цифровые продукты, вытекающий из этих обстоятельств риск чрезмерной формализации права. Сейчас для нас приоритетом должна стать не экстенсивная алгоритмизация правового регулирования, а разработка единой правовой онтологии с предусмотренными механизмами обеспечения соблюдения гарантий прав граждан.

В этой связи ценным будет изучить практику преобразования права в КНР – государстве, осуществляющем планомерную и комплексную работу по распространению технологий машиночитаемого права на протяжении нескольких последних лет (в рамках проведения мероприятий согласно дорожной карте по 2019 по 2025). Алгоритмические механизмы в правовой системе Китая уже давно работают не в пилотном, а в системном масштабе. Так, в марте 2026 г. Верховный Суд Китая опубликовал отчёт о работе за 2025 г., в котором указано, что суды всех уровней по всей стране приняли к рассмотрению и исполнению 37,486 млн дел и рассмотрели 36,2 млн дел, что представляет собой увеличение на 10,8% и 8,9% соответственно по сравнению с предыдущим годом [23].

Наибольший интерес представляет проведенное в 2025 г. масштабное эмпирическое исследование по внедрению цифровых технологий и технологий искусственного интеллекта в судебную систему Китая. Авторами проанализирован большой массив данных, включающий в себя более 146 миллионов решений китайских судов. По результатам исследования выявлено, что применение новейших технологий помогло снизить процент числа обжалованных судебных актов приблизительно на 15%, а число отмененных судебных решений снизилось на 21%. Использование технологий искусственного интеллекта снизило время судопроизводства, сократив срок осуществления отдельных судебных процедур: временной интервал межу вынесением решения суда и его публикаций уменьшился на 23%, что составляет 33,6 дня, а общая продолжительность рассмотрения дела сократилась на 8% (примерно на 7,4 дней). Авторы делают вывод о том, что эта положительная динамика связана с внедрением искусственного интеллекта, а не общей цифровизации судебной системы. Однако критически важно подчеркнуть, что эти результаты были достигнуты посредством автоматизации процес-

са сбора, поиска и систематизации правовой информации, но не посредством замены фигуры судьи искусственным интеллектом или делегирования алгоритмами собственно правовой интерпретации информации по делам.

В целом, результаты исследования наглядно показывают, что применение технологий искусственного интеллекта особенно эффективно при выполнении рутинных задач и наиболее простых операций. Такие задачи, как преобразование аудиозаписей судебных заседаний, работу с текстом по подготовке материалов для публикации судебных решений в текстовую форму и другие технические процедуры выполняются искусственным интеллектом успешно, что и сделало возможным существенно ускорить процесс публикации судебных актов и обработки дел.

Интересным представляется вывод учёных о том, что наиболее выраженный положительный эффект внедрение новейших технологий показало не в наиболее развитых регионах Китая, а, напротив, в тех судах, которые испытывали нехватку кадров и операционных ресурсов. Авторы также подмечают наиболее заметное положительное воздействие от внедрения технологий в гражданско-правовых спорах, обычно подразумевающих работу с большим объемов информации.

Приведённые результаты исследования позволяют говорить о том, что цифровые технологии служат прежде всего для повышения эффективности правовой деятельности, но не способны стать субъектом правоприменения.

Отдельные положения Концепции действительно получают подтверждение в зарубежной практике. Китайский опыт представляется особенно ценным для осмысления природы машиночитаемого права. Он показывает, что алгоритмические технологии приобретают наибольшую практическую ценность, когда берут на себя те функции, которые по своему существу делают могут быть форматизированы. Стало быть, успешность внедрения машиночитаемого права определяется не способностью технологий полностью заменить человеческий фактор в ходе судопроизводства и полной алгоритмизации права как социального регулятора, а способностью разграничивать те элементы правовой системы, которые могут быть переведены в машиночитаемый формат и те составляющие правового регулирования, которые всегда будут зависимы от человеческого усмотрения, интерпретации человеком.

Признание существования объективных пределов формализации права не означает отсутствия у технологий машиночитаемого права потенциала для критического повышения эффективности правовой системы. Технологии способны существенно улучшить работу отдельных направлений правовой деятельности и без полного погружения «в цифру» и тотальной алгоритмизации правового регулирования, если подходить к трансформации отдельных ее элементов дифференцировано. Эффективность внедрения машиночитаемого формата в уместных местах способствует актуализации всей системы правового регулирования государства, увеличивает точность отправления правосудия и помогает оптимизировать государственный бюджет, снимая с государства необходимость переплачивать за операционную составляющую некоторых правовых процедур, а гражданам предоставляет возможность получить более быструю систему судопроизводства.

На наш взгляд, одним из ключевых векторов дальнейшего развития машиночитаемого права выступает проблема дифференцированной формализуемости различных элементов правовой материи. Эта формализуемость одновременно определяет и потенциал, и объективные пределы развития машиночитаемого права. Логично, что наиболее успешно переводятся в машиночитаемый вид нормы-правила, так как они содержат чётко определенные условия реализации правового предписания и юридические последствия их наступления. Структура таких норм (гипотеза – диспозиция – санкция)

лучше всего отображается в логических конструкциях IF – THEN. Также для машиночитаемого права почти идеальным является право налоговое: неслучайно именно отрасль налогового администрирования в настоящий момент является одним из самых успешных примеров цифровизации правового регулирования. Алгоритмические модели также отлично справляются с правовыми презумпциями – при условии формализации условий их опровержения. Довольно интересно обстоят дела с юридическими фикциями: казалось бы, они иррациональны по своей природе, однако компьютеру безразлично, существует ли обрабатываемая им информация в реальности; юридические фикции могут быть успешно трансформированы в машиночитаемый вид, так как изначально они основаны на искусственном конструировании реальности. А вот правовые принципы объективно не поддаются переводу в машиночитаемый вид ввиду самой своей природы. Являясь концентрированным выражением социальных ценностей, они не существуют вне человеческой интерпретации. Невозможно перевести в алгоритмичный вид те правовые категории, которые не исследованы (и никогда, пожалуй, не смогут быть исследованы) самим человеком в полной мере. Также невозможным видится отражение в машиночитаемом формате оценочных понятий, таких как «разумный срок», «значительный ущерб», «исключительные обстоятельства». Эти категории адаптируются под конкретную ситуацию и конкретных субъектов реализации права, в этом и заключается их ценность. О таком правовом явлении, как судебное усмотрение, и говорить излишне. Именно с подобной разношерстностью элементов права связан приведенный выше тезис о том, что машиночитаемость никогда не сможет стать универсальным свойством права, но может быть присуща отдельным его составляющим. Способность правовой конструкции быть представленной в машиночитаемом виде коррелируют степенью её зависимости от человеческой интерпретации и степенью формализированности этой конструкции.

Отдельно стоит сказать о рисках формализации права. Чрезмерная формализация права неизбежно приводит к нарушению базовых человеческих прав и противоречит природе права. К сожалению, этот тезис взят из реальной жизни:

Для минимизирования рисков при алгоритмизации права развитие технологий машиночитаемого права должно происходить на основе принципов прозрачности, проверяемости, юридической определенности, технологической нейтральности и сохранения человеческого контроля над правоприменительной и правотворческой деятельностью. Неудачный опыт применения в Нидерландах системы SyRI (System Risk Indication), предназначенной для автоматизированного выявления фактов мошенничества при получении социальных выплат привел к судебному разбирательству в 2020 г., в результате которого окружной суд Гааги признал применение этой системы незаконным и противоречащим ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на основании недостаточной, по мнению суда, прозрачностью алгоритмического механизма и несоразмерное вмешательство в частную жизнь граждан. Сущность системы сводилась к анализу большого объема данных из различных государственных ресурсов и последующему формированию профилей риска граждан. При этом критерии оценки и механизм работы алгоритма не раскрывались. В подобной ситуации, когда логика принятия машиной решений скрыта от адресата правовой нормы, нарушается право на судебное обжалование и реализация права граждан на защиту. Формальная эффективность автоматизированного правового регулирования не должна противоречить фундаментальным принципам социального правового государства [24].

Другим показательным примером служит опыт Австралии при применении системы Robodept [25]. Она была призвана автоматически выявлять задолженности граждан перед государством. Разработанный алгоритм выявлял разницу, сопоставляя налоговые

сведения о гражданах с данными из системы социального обеспечения. При этом алгоритм не был обучен вникать и учитывать обстоятельства конкретного дела. Программа была признана незаконной, и государству пришлось возвратить гражданам значительные суммы. По данным Королевской комиссии, система затронула около 400 000 граждан, а объем незаконно взысканных государством средств превысил 750 миллионов австралийских долларов.

Опыт Нидерландов и Австралии выявляет основную опасность при внедрении технологий машиночитаемого права. Она заключается в подмене правовой оценкой вычислительной процедурой. Даже самые точно высчитанные тонко настроенным алгоритмом цифры не способны в полной мере отразить общественные отношения объемно и в достаточной для применения государственного императива степени. Чем сильнее правовое явление подвязано на балансе интересов граждан и реализации их гражданских прав, тем выше риск того, что при формализации этого явления эффективность действия права не повысится, а наоборот, нововведения приведут к снижению уровня правовой защищенности субъекта.

Следовательно, пределы развития машиночитаемого права определяются в первую очередь природой права как ценностного социального регулятора и лишь потом – технологическими возможностями времени. Машиночитаемое право обладает значительным потенциалом для комплексного развития права путем оптимизации и повышения эффективности отдельных элементов правовой системы. Однако чрезмерная формализация права ведет к натуральной потере смысла правовой материи и нарушению правовых принципов. В этой связи нельзя переоценить важность поиска подробного и всеобъемлющего ответа на вопрос определения объективных пределов реализации технологий алгоритмизации права.

Список литературы:

1. Корнев А. В. О некоторых особенностях юридической науки и поисках права // Журнал российского права. — 2020. — № 10. — С. 5–15. — DOI: 10.12737/jrl.2020.116.
2. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. — New York : Basic Books, 1999. — 297 p.
3. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 85–102.
4. Корнев А. В. Право в эпоху цифровой трансформации // Государство и право. - 2022. № 3. С. 21–33.
5. Понкин И. В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в RegTech, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. — 2020. — Т. 8. — № 9. — С. 59–69.
6. Понкин И. В., Лаптева А. И. Право и цифра : машиночитаемое право, цифровые модели-двойники, цифровая формализация и цифровая онто-инженерия в праве : учебник / Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». — М. : Буки Веди, 2021. — 174 с.
7. Порываева Н. Ф. Алгоритмизация права : дис. … канд. юрид. наук. — М., 2022. — 186 с.
8. Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 8. — С. 22–37.
9. Кузьмин И. М. Правовые иллюзии и машиночитаемое право // Международный научно-исследовательский журнал. — 2024. — № 3 (141).
10. Березина Е. А. Машиночитаемый формат юридических документов: разработка и применение в зарубежных государствах // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — № 3 (172). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mashinochitaemyy-format-yuridicheskih-dokumentov-razrabotka-i-primenenie-v-zarubezhnyh-gosudarstvah (дата обращения: 02.06.2026).
11. Witt A., Huggins A., Governatori G., Buckley J. Encoding Legislation: A Methodology for Enhancing Technical Validation, Legal Alignment and Interdisciplinarity // Artificial Intelligence and Law. — 2024. — Vol. 32. — No. 2. — P. 293–324.
12. Witt A., Huggins A., Governatori G., Buckley J. Rules as Code: Towards Computational Legislation // Proceedings of the 18th International Conference on Artificial Intelligence and Law (ICAIL). — New York : ACM, 2021. — P. 231–235. — DOI: 10.1145/3462757.3466069.
13. Nay J. J. Law Informs Code: A Legal Informatics Approach to Aligning Artificial Intelligence with Humans // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. — 2023. — Vol. 20. — P. 1–35.
14. Katz D. M., Bommarito M. J. Computational Law and the Future of Legal Systems // MIT Computational Law Report. — 2024. — URL: https://law.mit.edu (дата обращения: 02.06.2026).

15. Dworkin R. Law's Empire. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1986. — 470 p.
16. Концепция развития технологий машиночитаемого права : одобрена Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности (протокол от 15 сент. 2021 г. № 31) // Министерство экономического развития Российской Федерации. — URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/792d50ea6a6f3a9c75f95494c253ab99/31_15092021.pdf
17. Автоматизированная система контроля НДС // Федеральная налоговая служба Российской Федерации. — URL: https://www.nalog.gov.ru (дата обращения: 02.06.2026).
18. О государственной автоматизированной системе Российской Федерации «Правосудие» : постановление Совета судей Российской Федерации от 11 апр. 2002 г. № 75 // Официальный сайт Совета судей РФ. — URL: https://www.ssrf.ru (дата обращения: 02.06.2026).
19. Smart Court Construction in China // Supreme People's Court of the People's Republic of China. — URL: https://www.court.gov.cn (дата обращения: 02.06.2026).
20. О единой системе межведомственного электронного взаимодействия : постановление Правительства Российской Федерации от 8 сент. 2010 г. № 697 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 38. Ст. 4823.
21. Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций). — URL: https://www.gosuslugi.ru (дата обращения: 02.06.2026).
22. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. — URL: https://regulation.gov.ru
23. Supreme People's Court of the People's Republic of China. Work Report of the Supreme People's Court (2025). — Beijing, 2026. — URL: https://www.court.gov.cn (дата обращения: 02.06.2026).
24. Rechtbank Den Haag. NJCM c.s. v. The Netherlands (SyRI). Judgment of 5 February 2020. Case No. C/09/550982/HA ZA 18-388. — URL: https://uitspraken.rechtspraak.nl/inziendocument?id=ECLI:NL:RBDHA:2020:1878
25. Royal Commission into the Robodebt Scheme. Final Report. — Canberra : Commonwealth of Australia, 2023. — URL: https://robodebt.royalcommission.gov.au (дата обращения: 02.06.2026).

Shavaeva A.M. Machine-readable law: a theoretical and legal examination of a new reality // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 207-217.

The article examines the phenomenon of machine-readable law and the challenges arising from the transposition of textual legal rules into machine-readable form, the limits of legal formalisation, and the innovative potential of legal algorithmisation technologies. At present, law occupies a reactive rather than proactive position relative to advanced technologies, posing an urgent task for legal doctrine: to conduct comprehensive and timely scholarly examination of emerging instruments and their impact on legal reality. Fundamental questions are being raised regarding the reinterpretation of the very dynamic nature of law and legal understanding. Legal scholars must engage continuously with the substance of cutting-edge digital technologies so as to update their theoretical and legal perspectives on the ongoing transformation of legal regulation and to develop the capacity for qualitatively new scholarly forecasting of law's developmental trajectories. The methodological foundation of the article is comparative legal analysis of domestic and foreign doctrine on machine-readable law. The author presents conclusions drawn from a study of foreign experience in the formalisation of law. Differentiated formalisability of legal elements is examined as the defining limit of machine-readable law. Machine-readable law possesses considerable potential for enhancing the effectiveness of legal regulation, provided that the permissible boundaries of translating law into machine-readable format are correctly identified.

Key words: machine-readable law, algorithmisation of law, limits of legal formalisation, digital technologies, digitalisation of legal regulation.

Spisok literatury:

1. Kornev A. V. O nekotoryh osobennostyah yuridicheskoj nauki i poiskah prava // Zhurnal rossijskogo prava. — 2020. — № 10. — S. 5–15. — DOI: 10.12737/jrl.2020.116.
2. Lessig L. Code and Other Laws of Cyberspace. — New York : Basic Books, 1999. — 297 p.
3. Habrieva T. Ya., Chernogor N. N. Pravo v usloviyah cifrovoj real'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. — 2018. — № 1. — S. 85–102.
4. Kornev A. V. Pravo v epohu cifrovoj transformacii // Gosudarstvo i pravo. — 2022. — № 3. — S. 21–33.
5. Ponkin I. V. Koncept mashinochitaemogo i mashinoispolnyaemogo prava: aktual'nost', naznachenie, mesto v RegTech, soderzhanie, ontologiya i perspektivy // International Journal of Open Information Technologies. — 2020. — T. 8. — № 9. — S. 59–69.
6. Ponkin I. V., Lapteva A. I. Pravo i cifra : mashinochitaemoe pravo, cifrovye modeli-dvojniki, cifrovaya formalizaciya i cifrovaya onto-inzheneriya v prave : uchebnik / Konsorcium «Analitika. Pravo. Cifra». — M. : Buki Vedi, 2021. — 174 s.
7. Poryvaeva N. F. Algoritmizaciya prava : dis. … kand. yurid. nauk. — M., 2022. — 186 s.
8. Perevozkin A. A. Teoretiko-pravovaya harakteristika mashinochitaemogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — T. 19. — № 8. — S. 22–37. — DOI: 10.17803/1994-1471.2024.165.8.022-037.
9. Kuz'min I. M. Pravovye illyuzii i mashinochitaemoe pravo // Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal. — 2024. — № 3 (141).
10. Berezina E. A. Mashinochitaemyj format yuridicheskih dokumentov: razrabotka i primenenie v zarubezhnyh

gosudarstvah // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2025. — № 3 (172). — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mashinochitaemyy-format-yuridicheskih-dokumentov-razrabotka-i-primenenie-v-zarubezhnyh-gosudarstvah (data obrashcheniya: 02.06.2026).
11. Witt A., Huggins A., Governatori G., Buckley J. Encoding Legislation: A Methodology for Enhancing Technical Validation, Legal Alignment and Interdisciplinarity // Artificial Intelligence and Law. — 2024. — Vol. 32. — No. 2. — P. 293–324.
12. Witt A., Huggins A., Governatori G., Buckley J. Rules as Code: Towards Computational Legislation // Proceedings of the 18th International Conference on Artificial Intelligence and Law (ICAIL). — New York : ACM, 2021. — P. 231–235. — DOI: 10.1145/3462757.3466069.
13. Nay J. J. Law Informs Code: A Legal Informatics Approach to Aligning Artificial Intelligence with Humans // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. — 2023. — Vol. 20. — P. 1–35.
14. Katz D. M., Bommarito M. J. Computational Law and the Future of Legal Systems // MIT Computational Law Report. — 2024. — URL: https://law.mit.edu (data obrashcheniya: 02.06.2026).
15. Dworkin R. Law\'s Empire. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1986. — 470 p.
16. Koncepciya razvitiya tekhnologij mashinochitaemogo prava : odobrena Pravitel'stvennoj komissiej po cifrovomu razvitiyu, ispol'zovaniyu informacionnyh tekhnologij dlya uluchsheniya kachestva zhizni i uslovij vedeniya predprinimatel'skoj deyatel'nosti (protokol ot 15 sent. 2021 g. № 31) // Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii.
17. Avtomatizirovannaya sistema kontrolya NDS // Federal'naya nalogovaya sluzhba Rossijskoj Federacii. — URL: https://www.nalog.gov.ru (data obrashcheniya: 02.06.2026).
18. O gosudarstvennoj avtomatizirovannoj sisteme Rossijskoj Federacii «Pravosudie» : postanovlenie Soveta sudej Rossijskoj Federacii ot 11 apr. 2002 g. № 75 // Oficial'nyj sajt Soveta sudej RF. — URL: https://www.ssrf.ru (data obrashcheniya: 02.06.2026).
19. Smart Court Construction in China // Supreme People\'s Court of the People\'s Republic of China. — URL: https://www.court.gov.cn (data obrashcheniya: 02.06.2026).
20. O edinoj sisteme mezhvedomstvennogo elektronnogo vzaimodejstviya : postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 8 sent. 2010 g. № 697 // Sobranie zakonodatel'stva RF. — 2010. — № 38. — St. 4823.
21. Edinyj portal gosudarstvennyh i municipal'nyh uslug (funkcij). — URL: https://www.gosuslugi.ru.
22. Federal'nyj portal proektov normativnyh pravovyh aktov. — URL: https://regulation.gov.ru
23. Supreme People\'s Court of the People\'s Republic of China. Work Report of the Supreme People\'s Court (2025). — Beijing, 2026. — URL: https://www.court.gov.cn (data obrashcheniya: 02.06.2026).
24. Rechtbank Den Haag. NJCM c.s. v. The Netherlands (SyRI). Judgment of 5 February 2020. Case No. C/09/550982/HA ZA 18-388.
25. Royal Commission into the Robodebt Scheme. Final Report. — Canberra : Commonwealth of Australia, 2023. — URL: https://robodebt.royalcommission.gov.au (data obrashcheniya: 02.06.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 218-224.

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ)

УДК 342.5

ФОРМАЛИЗАЦИЯ СОЛИДАРНОСТИ И СОПРЯЖЕННЫХ КАТЕГОРИЙ В КОНСТИТУЦИЯХ СТРАН БРИКС

Белоцеркович Д. В., Новикова А. Е.
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Страны БРИКС, представляющие различные правовые семьи и цивилизационные традиции, сталкиваются с внутренними (социально-экономическая дифференциация, этноконфессиональное многообразие) и внешними вызовами, что актуализирует поиск общих ценностных оснований конституционного строя. Солидарность и смежные категории выступают ключевыми конституционно-правовыми категориями, обеспечивающими интеграцию общества, однако их закрепление в конституциях БРИКС остается фрагментарно изученным. В этой связи цель данной статьи состоит в выявлении и классификации вариантов формализации солидарности и смежных с ней категорий в конституциях государств БРИКС, включая их ценностные и процедурные аспекты. В результаты осуществленного исследования установлено, что солидарность закрепляется как ценностная основа общества (Бразилия, Египет, Россия, Иран, Саудовская Аравия), принцип межпоколенческой ответственности (Россия), а также как процессуальный механизм – солидарная ответственность правительства, влекущая отставку (Египет). Единство охватывает широкий спектр объектов: от государственной и экономической сфер до генетического наследия (Бразилия), денежной системы (Египет), исламского мира (Иран) и символически фиксируется в символах государства (Индонезия, Эфиопия). Согласие выполняет ценностную функцию (обязанность граждан содействовать согласию – Индия) и процедурную, включающую десятки норм о согласии различных субъектов (от президента и парламента до личности и народа в целом). Авторами сделан вывод о формировании в конституциях стран БРИКС поливариантной модели, сочетающей ценностные декларации с разветвленными процедурными механизмами солидарности, единства и согласия.

Ключевые слова: солидарность, согласие, единство, конституционные ценности, сравнительное правоведение, государство, народ, личность.

Современный этап конституционного развития государств-участников БРИКС характеризуется поиском новых ценностных оснований публично-властной организации общества, что обусловлено как внутренними вызовами (социально-экономическая дифференциация, этноконфессиональное многообразие), так и внешними (риски глобального уровня). В этих условиях солидарность приобретает ключевое значение как конституционно-правовая ценность, обеспечивающая интеграцию общества. Вместе с тем, солидарность в конституционных текстах редко встречается в самостоятельном контексте. Как правило, в конституциях категории «единство» и «согласие» замещают солидарность либо выступают ее функциональными аналогами.

Методологически оправданным, на наш взгляд, представляется обращение к опыту стран БРИКС по ряду причин: данное объединение охватывает государства с различными правовыми семьями, что дает уникальный материал для типологизации; сравнительный анализ позволяет выявить не только общие закономерности формализации солидарности, но и национальные особенности. Исходя из приведенных аргументов, цель настоящей статьи заключается в выявлении подходов к закреплению солидарности, единства и согласия в конституциях стран БРИКС.

В результате анализ конституций стран БРИКС позволил выделить несколько вариантов проявления солидарности. В частности, Конституция Бразилии в качестве одной из основных целей государства формализует построение свободного, справедливого и солидарного общества (ч. I ст. 3 Конституции Бразилии) [1]. В ст. 8 Конституции Египта отмечено, что «общество основано на социальной солидарности» [2].

В современной Конституции России в 2020 г. появились ч. 6 ст. 75, формализующая принцип солидарности поколений и ст. 75.1, согласно которой «в Российской Федерации … обеспечиваются … экономическая, политическая и социальная солидарность»

[8]. Вместе с тем, установлено упоминание согласия и единства. Об их важности в жизни общества и государства, полагаем говорит тот факт, что они отражены в преамбуле Базового закона: «мир и согласие», «сохранение исторически сложившегося государственного единства». При этом именно Президенту Российской Федерации адресовано полномочие поддерживать «гражданский мир и согласие в стране» (ч. 2 ст. 80) [8] и формировать «Совет Безопасности Российской Федерации в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам … поддержания гражданского мира и согласия в стране» (п. «ж» ст. 83) [8].

В ст. 25 Конституции Саудовской Аравии отражено стремление государства «к осуществлению чаяний арабской и исламской нации, солидарности и согласию, укреплению отношений с дружественными государствами» [11]. Таким образом, категории солидарности и согласия, зафиксированы на одном ценностном уровне.

В Конституции Ирана национальное единство и солидарность отражены в одной статье. Так, в качестве одно из основ правления указано «благородство и высшая ценность человека и свобод и его ответственности перед Богом, что обеспечивает равенство, справедливость и политическую, экономическую, социальную и культурную независимость, а также национальное единство и солидарность» [5] (ч. 6 ст. 2).

Оригинальна ст. 64 Конституции Объединенных Арабских Эмиратов (далее – Конституция ОАЭ), в которой формализована солидарная политическая ответственность Председателя Совета министров и министров «перед Президентом Федерации и Высшим советом Федерации за проведение общей внешней и внутренней политики Федерации» [7].

В процессуальном аспекте и упоминание солидарности в ст. 131 Конституции Египта. В частности, «Если Палата представителей принимает решение о вотуме недоверия Премьер-министру, одному из его заместителей, министру или одному из его заместителей, а Правительство объявило о своей солидарности с ним до голосования, Правительство обязано уйти в отставку» [2].

Остальных конституциях стран БРИКС формализация солидарности отсутствует. В этой связи далее обратимся к категории единства. Уточним, что категория единства в России упомянута применительно государству. В ч. 2 ст. 67.1 включено «исторически сложившееся государственное единство» в контексте преемственности. В самом тексте Конституции, кроме данной разновидности категории единства, предусмотрено единство системы государственной власти в качестве одного из принципов, на которых основано федеративное устройство России (ч. 3 ст. 5).

О единстве власти речь идет и в Конституции Южно-Африканской Республики (далее – Конституция ЮАР). Так, все структуры власти и все органы государства на любом уровне обязаны «осуществлять свои полномочия и выполнять свои функции так, чтобы не нарушать географическое, функциональное или институциональное единство власти на других уровнях» [10] (ч. 1 ст. 41).

В ч. 1 ст. 8 Конституции России закреплено единство экономического пространства. Схожи по смыслу нормы;

ч. 4 ст. 33 Конституции Индонезии – «Организация национальной экономики должна осуществляться на основе экономической демократии, поддерживающей принципы единения, действенности и правосудия, преемственности, экологической безопасности, самодостаточности и сохранения баланса в развитии и единстве национальной экономики» [4];

ч. 1 ст. 11 Конституции ОАЭ – «Эмираты Федерации образуют экономический и таможенный союз. Прогрессивное движение в направлении такого единства надлежит регулировать федеральными законами» [7].

В ч. 2 ст. 44 Конституции ЮАР легализована поддержка Парламентом экономического пространства.

Единство страны отражено в конституциях Ирана и Индонезии. В Иране «…свобода, независимость, единство и территориальная целостность страны неотделимы друг от друга» (ст. 9) [5]. В преамбуле Конституции Индонезии отмечается единство Индонезии.

В Конституции Китае имеется отдельная ст. 52 «Единство», согласно которой «граждане Китайской Народной Республики обязаны защищать единство государства и сплоченность всех национальностей страны» [6].

Во многих конституциях государство упомянуто в качестве гаранта единства семьи (ст. 10 Конституции Египта); единства и соблюдения социалистической законности (ч. 2 ст. 5 Конституции Китая). В качестве гарантов также позиционируются различные государственные органы или должностные лица. К примеру:

- в Бразилии для обеспечения эффективности права на пользование экологически сбалансированной окружающей средой органы государственной власти компетентны «сохранять разнообразие и единство генетического наследия страны» [1] (п. 2 ст. 225);

- в Египте «Центральный банк поддерживает единство и целостность денежной и банковской системы» [2] (ст. 220);

- в Эфиопии Палата Федерации «обеспечивает равенство народов Эфиопии, провозглашенное Конституцией, а также способствует сохранению и укреплению их единства, основанного на взаимном согласии» [9] (ч. 4 ст. 62); Правительство обязано способствовать усилению между ними равенства, единства и братства национальностей, народностей и народа [9] (ч. 2 ст. 88).

В ОАЭ предусмотрен принцип единства подготовки и командования для армии Федерации в составе сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил (ст. 138).

В ЮАР Президент обеспечивает единство нации (ст. 83), а Комиссия по поддержке и защите прав культурных, религиозных и языковых сообществ обеспечивает национальное единство (ч. 1 ст. 185).

Таким образом, распространена формулировка национального единства (преамбулах конституции Египта, Индии, ст.ст. 26, ч. 5 ст. 31 Конституции Индонезии, 100 Конституции Ирана, ст. 39 Конституции Саудовской Аравии). С этим смысловым окрасом норма, согласно которой «египетский народ является частью арабской нации, стремящейся усилить ее интеграцию и единство» [2]; народ как гарант национального единства (ст. 4).

Согласно ст. 12 Конституции Саудовской Аравии «укрепление национального единства является обязанностью каждого члена общества» [11]. В данной же Конституции закреплено предназначение «членов Меджлиса аль-Шуры … защищать мусульманское единство» (ст. 2) [11].

В Конституции Ирана мы обнаруживаем формулировку единства народа и исламского мира. В ст. 11 установлено, что «все мусульмане представляют собой единую умму. Правительство Исламской Республики Иран обязано проводить общую политическую линию, опирающуюся на союз исламских народов; оно должно прилагать максимум усилий к тому, чтобы осуществить политическое, экономическое и культурное единство исламского мира» [5].

В качестве оригинальной нормы отметим ст. 36А, которая легализует надпись «Единство в многообразии» на национальном герме Индонезии. Уточним, в аналогичном оригинальном ракурсе ч. 2 ст. 3 и ст. 4 Конституции Эфиопии. В соответствии с ними, «государственный герб в центре полотнища символизирует надежду национальностей, народностей и народов, а также религиозных общин Эфиопии жить совместно,

в равенстве и единстве» [9]; «Государственный гимн Эфиопии устанавливается законом и воспевает идеалы Конституции и решение народов Эфиопии жить в единстве и строить общую судьбу согласно принципам демократии» [9].

Согласие в конституциях стран БРИКС выполняет две основные функции: ценностную и процедурную.

В первом аспекте укажем норму п. «е» ст. 51А Конституции Индии. В соответствии с ней одной из обязанностей граждан Индии указано «содействие согласию и общему духовному братству между всеми народами Индии независимо от их религиозных, лингвистических и региональных или местных различий; отказ от практики нарушения достоинства женщин» [3].

В процессуальном смысле согласие широко используется в конституциях стран БРИКС для урегулирования различных правоотношений.

Приведем конституционно-опосредованное согласие при формировании / прекращении и деятельности органов власти различных уровней:

президента

- для принятия лицом, не являющимся гражданином Индии, пока оно занимает какую-либо оплачиваемую государственную должность или государственную должность, какого-либо титула от иностранного государства (ч. 3 ст. 18 Конституции Индии);
- для принятия лицом, занимающим какую-либо оплачиваемую государственную должность или государственную должность, даров, вознаграждений или назначений на должность любого рода от иностранного государства (ч. 4 ст. 18 Конституции Индии);
- после которого Главный судья Индии может по своему выбору «предложить в письменной форме одному из Судей Высшего суда, обладающему квалификацией для назначения Судьей Верховного суда, участвовать в заседании Суда в качестве Судьи ad hoc в течение такого срока, который будет необходим» (ч. 1 ст. 127 Конституции Индии);

депутатов

- (трех четвертей от общего числа) для приостановки выборов на оккупированных территориях или во всей стране во время войны и военной оккупации страны (ст. 68 Конституции Ирана);
- Совета народных представителей на объявление Президентом войны (ч. 1 ст. 11 Конституции Индонезии);
- заключение Президентом «международных соглашений, которые могут оказать значительное влияние на жизнь народа, влекут за собой расходы из государственного бюджета и (или) требуют изменения действующих либо принятия новых законов» [4] (ч. 2 ст. 11 Конституции Индонезии);
- назначение и смещение Президентом членов Комиссии по судейским делам назначаются и смещают (ч. 3 ст. 24В Конституции Индонезии);
- Палаты народных представителей / Палаты Федерации на арест члена Палаты (ч. 6 ст. 54, ч. 2 ст. 63 Конституции Эфиопии).

Совета министров Федерации на: назначение Президентом Федерации дипломатических представителей Федерации в иностранных государствах и иных высших должностных лиц, как гражданских, так и военных, а также принятие их отставки (ч. 6 ст. 54 Конституции ОАЭ); введение военного положения (ст. 146 Конституции ОАЭ); всех членов Высшего совета Федерации, выраженного единодушным решением на присоединение к ОАЭ любого независимого арабского государства (ст. 1).

Высшего совета Федерации на назначение Президентом Федерации Председателя Совета министров, принятие его отставки (ч. 5 ст. 54 Конституции ОАЭ); судьи на изменение места его службы или занимаемый пост (ст. 164 Конституции Ирана, ст. 97

Конституции ОАЭ); Народного консультативного собрания (50 процентов плюс один голос от общего состава) на изменение статей Конституции (ч. 4 ст. 37 Конституции Индонезии); Духовного лидера страны для принятия первым вице-президентом полномочия Президента (ст. 131 Конституции Ирана); политических партий по поводу продолжения работы коалиции (ч. 2 ст. 60 Конституции Эфиопии); штатов для реализации права Парламентом законодательствовать в отношении двух или более Штатов (ст. 252 Конституции Индии); Эмирата на обращающегося за помощью, и эмирата, вооруженные силы которого предполагается использовать для военной помощи (ст. 143 Конституции ОАЭ); Правительства Штата для поручения ему Президентом выполнение функций в отношении любого вопроса, на который распространяется исполнительная власть (ч. 1 ст. 258 Конституции Индии). Аналогичное положение есть и по поводу принятия поручения от Губернатора Штата (ч. 1 ст. 258А Конституции Индии); муниципалитетов на принятие поручение от национального правительства и провинциальных правительств (ч. 4 ст. 156 Конституции ЮАР); избирателей, влекущее принятие решения Президентов о роспуске Парламента (ст. 137 Конституции Египта).

Согласие личности на: медицинские или научные эксперименты (ст. 60 Конституции Египта, ч. 2 ст. 12 Конституции ЮАР) / письменное согласие на право предоставлять свои органы в качестве донора в течение жизни или после смерти (ст. 61 Конституции Египта); посещение уроков религии (ч. 3 ст. 28 Конституции Индии); брак (ч. 2 ст. 34 Конституции Эфиопии); разрешение споров, касающихся личного и семейного права, на основании религиозного и обычного права (ч. 5 ст. 34 Конституции Эфиопии). В Конституции Эфиопии легализовано согласие людей на административно-территориальное деление (ч. 2 ст. 46).

Подводя итоги осуществленного исследования, отметим, что солидарность в конституциях стран БРИКС формализована в трех вариантах: как ценностная основа общества (Бразилия, Египет, Россия, Иран, Саудовская Аравия), как принцип межпоколенческой ответственности (Россия) и как процессуальный механизм солидарной ответственности правительства, влекущий отставку (Египет).

Единство закреплено в широком спектре объектов: государственное и национальное единство, единство власти, экономического пространства, семьи, генетического наследия (Бразилия), денежной системы (Египет), командования армией (ОАЭ), исламского мира (Иран). Согласие выполняет ценностную функцию (обязанность граждан содействовать согласию в Индии) и процедурную, охватывающую десятки норм о согласии при формировании и деятельности органов власти, изменении территории, реализации прав личности. Уникальна норма Конституции Эфиопии о согласии населения на административно-территориальное деление (ч. 2 ст. 46).

Полагаем, поливариантная модель формализации солидарности, единства и согласия в конституциях БРИКС сочетает ценностные декларации с разветвленными процедурными механизмами, отражая как общие тренды, так и национально-специфические конституционные решения.

Список литературы:

1. Конституция Бразилии от 05 октября 1988 г. // https://worldconstitutions.ru/?p=563&ysclid=mock1hd63d32628461 (дата обращения 09 марта 2026 г.).
2. Конституция Египта от 22 декабря 2012 г. // https://worldconstitutions.ru/?p=730&ysclid=mocjys8wh9420100294 (дата обращения 09 марта 2026 г.).
3. Конституция Индии от 26 ноября 1949 г. // Конституции государств Азии. Том 2. Средняя Азия и Индостан. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010; https://www.consultant.ru/ (дата обращения 09 марта 2026 г.).
4. Конституция Индонезии от 05 июля 1959 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 153-172.

5. Конституция Исламской Республики Иран от 24 октября 1979 г. // Конституции государств Азии. Том 1. Западная Азия. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010; https://www.consultant.ru/ (дата обращения 09 марта 2026 г.).
6. Конституция Китайской Народной Республики от 04 декабря 1982 г. // Конституции государств Азии. Том 3. Дальний Восток. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010. С. 224-258.
7. Конституция Объединенных Арабских Эмиратов от 02 декабря 1971 г. // Конституции государств Азии. Том 1. Западная Азия. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010; https://www.consultant.ru/ (дата обращения 09 марта 2026 г.).
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. №7-ФКЗ, 05 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №6-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №7-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. №8-ФКЗ) // СЗ РФ. 2022. № 710. Ст. 4398.
9. Конституция Федеративной Демократической Республики Эфиопии от 08 декабря 1994 г. // https://worldconstitutions.ru/?p=77&ysclid=mockmevh1n72009610 (дата обращения 09 марта 2026 г.).
10. Конституция Южно-Африканской Республики от 08 мая 1996 г. // https://worldconstitutions.ru/?p=78&ysclid=mocko0r62u305440056 (дата обращения 09 марта 2026 г.).
11. Основной низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия от 01 марта 1992 г. // Конституции государств Азии. Том 1. Западная Азия. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2010; https://www.consultant.ru/ (дата обращения 09 марта 2026 г.).

Belotserkovich D. V., Novikova A. E. Formalization of solidarity and related categories in the constitutions of the brics countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 218-224.

The BRICS countries, representing various legal families and civilizational traditions, face internal (socio-economic differentiation, ethno-confessional diversity) and external challenges, which actualizes the search for common value foundations of the constitutional system. Solidarity and related categories are key constitutional and legal categories ensuring the integration of society, but their consolidation in the constitutions of the BRICS remains fragmentary studied. In this regard, the purpose of this article is to identify and classify options for formalizing solidarity and related categories in the constitutions of the BRICS countries, including their value and procedural aspects. The results of the study revealed that solidarity is consolidated as the value base of society (Brazil, Egypt, Russia, Iran, Saudi Arabia), the principle of intergenerational responsibility (Russia), as well as as a procedural mechanism – the joint responsibility of the government, resulting in resignation (Egypt). Unity covers a wide range of objects: from the state and economic spheres to the genetic heritage (Brazil), the monetary system (Egypt), the Islamic world (Iran) and is symbolically fixed in the symbols of the state (Indonesia, Ethiopia). Consent performs a value function (the duty of citizens to promote consent – India) and a procedural one, which includes dozens of norms on the consent of various subjects (from the president and parliament to the individual and the people as a whole). The authors conclude that the constitutions of the BRICS countries are forming a multivariate model that combines value declarations with extensive procedural mechanisms of solidarity, unity and consent.

Keywords: solidarity, accord, unity, constitutional values, comparative jurisprudence, state, people, personality.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Brazilii ot 05 oktyabrya 1988 g. // https://worldconstitutions.ru/?p=563&ysclid=mock1hd63d32628461 (data obrashcheniya 09 marta 2026 g.).
2. Konstituciya Egipta ot 22 dekabrya 2012 g. // https://worldconstitutions.ru/?p=730&ysclid=mocjys8wh9420100294 (data obrashcheniya 09 marta 2026 g.).
3. Konstituciya Indii ot 26 noyabrya 1949 g. // Konstitucii gosudarstv Azii. Tom 2. Srednyaya Aziya i Indostan. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Norma, 2010; https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya 09 marta 2026 g.).
4. Konstituciya Indonezii ot 05 iyulya 1959 g. // Konstitucii gosudarstv Azii. Tom 3. Dal'nij Vostok. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Norma, 2010. S. 153-172.
5. Konstituciya Islamskoj Respubliki Iran ot 24 oktyabrya 1979 g. // Konstitucii gosudarstv Azii. Tom 1. Zapadnaya Aziya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Norma, 2010; https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya 09 marta 2026 g.).
6. Konstituciya Kitajskoj Narodnoj Respubliki ot 04 dekabrya 1982 g. // Konstitucii gosudarstv Azii. Tom 3. Dal'nij Vostok. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Norma, 2010. S. 224-258.
7. Konstituciya Ob"edinennyh Arabskih Emiratov ot 02 dekabrya 1971 g. // Konstitucii gosudarstv Azii. Tom 1. Zapadnaya Aziya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Norma, 2010; https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya 09 marta 2026 g.).
8. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (s uchetom popravok, vnesennyh zakonami Rossijskoj Federacii o popravkah k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 30 dekabrya

2008 g. №6-FKZ, ot 30 dekabrya 2008 g. №7-FKZ, 05 fevralya 2014 g. № 2-FKZ, ot 21 iyulya 2014 g. № 11-FKZ, 14 marta 2020 g. №1-FKZ, ot 4 oktyabrya 2022 g. №6-FKZ, ot 4 oktyabrya 2022 g. №7-FKZ, ot 4 oktyabrya 2022 g. №8-FKZ) // SZ RF. 2022. № 710. St. 4398.
9. Konstituciya Federativnoj Demokraticheskoj Respubliki Efiopii ot 08 dekabrya 1994 g. // https://worldconstitutions.ru/?p=77&ysclid=mockmevh1n72009610 (data obrashcheniya 09 marta 2026 g.).
10. Konstituciya Yuzhno-Afrikanskoj Respubliki ot 08 maya 1996 g. // https://worldconstitutions.ru/?p=78&ysclid=mocko0r62u305440056 (data obrashcheniya 09 marta 2026 g.).
11. Osnovnoj nizam (Polozhenie) Korolevstva Saudovskaya Araviya ot 01 marta 1992 g. // Konstitucii gosudarstv Azii. Tom 1. Zapadnaya Aziya. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii: Norma, 2010; https://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya 09 marta 2026 g.).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 225-229.

УДК 34.01, 342

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВАЯ ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОСВЯЗИ САМООБРАЗОВАНИЯ И САМОВОСПИТАНИЯ КАК ОСОБОЙ ФОРМЫ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

Бутько Л. В., Лепешкина О. В.

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет

Самообразование и самовоспитание являются особыми формами правового воспитания, направленными на развитие личности и формирование правовой культуры гражданина. Эти процессы основаны на самостоятельном изучении законов, правил и норм общества, а также на осознании своих прав и обязанностей. Через самообразование человек углубляет свои знания о праве, развивает критическое мышление и способность анализа юридической информации. Самовоспитание же направлено на формирование устойчивых нравственных принципов, соблюдение законов и правил поведения, а также на развитие самодисциплины и ответственности. Вместе эти процессы способствуют формированию правовой культуры личности, что важно для гармоничного сосуществования в обществе и соблюдения законов.

Ключевые слова: самообразование, самовоспитание, правовое воспитание, правовая культура, правовое сознание, правосознание, закон, нравственность культура личности.

Понимание и обоснование правового сознания справедливо считается одной из ключевых проблем теоретико-правовой науки. Проблематика его исследования весьма разнообразна. Особое место в ней занимают вопросы правового воспитания, анализируемые через призму самовоспитания и самообразования. Сложность их понимания и дефинирования предопределена рядом факторов, включающих особенности целеполагания субъекта, его потребности, оценки его поведения, выбор способов и форм обретения правовых знаний, учет реалий современного мироустройства и др.

Категории «самовоспитание» и «самообразование» в известной степени выполняют системообразующую роль в процессе организации правового воспитания, выполняя при этом функции его форм. Они, хоть и отличаются собственными качествами (или особенностями), но при этом демонстрируют заметную взаимосвязь. Для ее понимания полезной представляется их характеристика, с одной стороны, обособленная, с другой стороны объединенная.

«Самовоспитание как форма правового воспитания чаще всего понимается как целенаправленная деятельность человека, которая способствует овладению новыми правовыми знаниями, формированию навыков правомерного проведения и правовых убеждений, мотивов и установок, заключающаяся в прикладывании самостоятельных усилий, которые направлены на выработку привычек к активному правомерному поведению» [1, с. 4-9]. Самовоспитание выделяется среди прочих форм развития личности тем, что оно предполагает активное и целенаправленное формирование у индивида внутренней мотивации к соблюдению правовых норм, укрепление его волевых качеств и развитие способности к самооценке на основе установленных законодательством стандартов.

Для этого лицо изучает право, систему действующего законодательства. Это, в свою очередь, способствует выработке и формированию у него уважения к правовым предписаниям и навыков их применения. Однако, стоит отметить, что этим не ограничивается и не исчерпывается влияние самовоспитания как формы правового воспитания. Одним из важных положительных эффектов, оказываемых в ходе реализации рассматриваемой формы, является формирование в сознании воспитываемого таких правовых чувств, как чувство ответственности, дисциплинированности, обязательности, нужности правового регулирования. Перечисленные качества и свойства самовоспитания

способствуют пониманию его сущности и приоритетности в сравнении с другими способами познания права.

Теперь перейдем к рассмотрению самообразования как формы правового воспитания. В упрощенном варианте указанная форма представляет собой приобретение новых знаний самостоятельно, без посторонней помощи. Иными словами, самообразование является самостоятельным постижением и осмыслением правовой действительности, правовых явлений, в ходе которого человек изучает законодательство, практику его применения, научную правовую литературу и т.д. Его суть выражается в независимом усилии, которое направлено на получение нового правового знания [2, с. 54].

Достаточно дискуссионным в юридической науке является вопрос о соотношении самовоспитания и самообразования. В целом можно выделить два основных направления в данном вопросе. Сторонники первого направления считают, что самообразование и самовоспитания являются самостоятельными формами правового обучения, хоть и крайне тесно взаимодействующими друг с другом [3, с. 19]. В качестве сторонника данного направления можно привести позицию М.В. Саакян.

Сторонники же второго подхода считают, что самовоспитание является более широким понятием, а самообразование представляет собой один из его методов. Ярким представителем данного направления является А.С. Бондарев, который подробно занимался вопросами форм правового воспитания. По его мнению, «самообразование, как метод самовоспитания, заключается в том, что субъект права, используя самостоятельные знания, систематическую и целеустремленную работу с разнообразными информационными источниками, приобретает научные знания об объективном и субъективном в праве» [4, с. 11-22]. Помимо усвоения конкретных правовых предписаний, индивид обретает понимание их сущности, основополагающих принципов, исторической обусловленности и значимости как для социума в целом, так и для него лично. Достаточно интересным является тот факт, что законодатель в ст. 2 Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определил понятие образования шире, чем воспитание.

Наиболее оптимальным подходом, на наш взгляд, будет являться рассмотрение самовоспитания и самообразования как целого и частного, т.е. одновременно – как самостоятельных форм правового воспитания и как части одного целого. Данного мнения также придерживается и Ю.Э. Абдуразакова [1, с. 4-9].

Если рассматривать самовоспитание и самообразование как отдельные процессы, то следует подчеркнуть, что самовоспитание отличается более выраженной направленностью на формирование правосознания и совершенствование правовой культуры. Это объясняется тем, что самовоспитание, как уже отмечалось ранее, влияет в первую очередь на формирование у человека привычек к правомерному поведению, поскольку направлено на выработку в сознании конкретного субъекта правовых чувств.

В отличии от этого самообразование направлено на изучение законов и подзаконных актов, учебной и научной литературы, монографических публикаций и т.п. Однако эти все эти знания не всегда могут служить гарантом повышения уровня правосознания и правовой культуры. Так, человек может быть осведомлен о правовых нормах, может разбираться в способах их реализации на практике, однако, это может не оказывать никакого влияния на его правомерное поведение [5, с. 6]. У самого человека должно быть понимание важности и необходимости соблюдения этих норм, которое как раз достигается путем самовоспитания. В этом также и проявляется тесная взаимосвязь рассматриваемых форм, так как одно без другого невозможно, ведь реализация процесса самовоспитания невозможна без изучения и накопления определенных знаний, которые усваиваются в процессе самообучения.

Особое значение в понимании самовоспитания в контексте формы правового воспитания считается определение его этапов. Поскольку данный процесс представляется весьма сложным, его целесообразно представить в виде нескольких этапов.

Важнейшим из этапов признается первый, в ходе которого субъект принимает решение о необходимости правового самовоспитания. Так, успешность правового воспитания в значительной степени зависит от осознания воспитываемым необходимости своего правового совершенствования, поскольку далеко не каждый человек может прийти к такому выбору без наличия определенной правовой базы, которая может быть достигнута путем использования иных форм правового воспитания. По мнению Бондарева А.С. «такая ситуация объясняется тем, что процесс самовоспитания будет носить осознанный и оптимальный характер при наличии у субъекта идеального образа высокого правосознания и правовой культуры. К ним он и будет стремиться. Способствует этому наличие соответствующих знаний и умений использование методов и приемов анализа состояния собственной правовой культуры – уровня развитости каждого из ее элементов» [6, с. 7-15].

В научной литературе второй этап, заключающийся в правовом самопознании субъекта правового самовоспитания, также имеет существенное значение. На этой стадии критически важно, чтобы субъект проводил корректное и беспристрастное исследование своего уровня правосознания и правовой культуры. Он должен максимально приближенно к истине определить, какими правовыми знаниями обладает, какие правовые убеждения и идеи у него уже сформированы для того, чтобы определить направления своих действий в ходе реализации рассматриваемой формы правового воспитания.

Третий этап включает в себя выбор средств, методов и составление плана дальнейшей работы, на основе проделанного в ходе предыдущих двух этапов. Успешность данного этапа и в целом процесса правового самовоспитания напрямую зависит от правильности и эффективности выбранных средств самовоздействия. В юридической литературе в качестве основных средств правового самовоспитания, выделяются следующие средства: а) правовое самоубеждение; б) правовое самоубеждение; в) правовое самообязательство; г) правовое принуждение или самоприказ; д) правовая самостимуляция. Указанные инструменты обладают комплексной природой и внутренней организацией, что обусловливает их потенциал для позитивного воздействия на процесс правового самосовершенствования, особенно при условии их адекватного использования и синергетического применения.

Отдельно необходимо обозначить основные положения, касающиеся каждого из указанных средств правового самовоспитания.

Самоубеждение представляет собой качество личности, которое выражается в его способности сознательно и критико-аналитически оказывать воздействие на свои установки, убеждения, используя логику, обоснованные доводы и аргументы. Данный процесс является достаточно сложным, так как в ходе него субъект примеряет на себя сразу две роли – говоря образно: «адвоката» и «прокурора». Реализуя первую роль, человек старается защитить свои устоявшиеся и сложившиеся правовые установки, убеждения. В роли прокурора, напротив, старается убедить себя в необходимости их развития, замены на более прогрессивные и оптимальные.

Правовое самоубеждение включает в себя три компонента - рациональный, эмоциональный и волевой. В ходе такого сочетания субъект старается доказать самому себе необходимость и значимость права в функционировании всех сфер общественной жизни, формируя тем самым индивидуальное самоубеждение

Следующие два средства правового самовоспитания, на наш взгляд, находятся в особенной взаимосвязи друг с другом. В процессе правового самообязательства и пра-

вового принуждения или самоприказа субъект должен направлять свою волю на реализацию намеченного плана правового воспитания, использовать ее для устранения недостатков в выполнении им своих программ по самообразованию или самоубеждению [7, с. 181]. Субъект самовоспитания может противиться совершенствованию своего правосознания и правовой культуры в силу различных причин, к примеру, при потере мотивации. Однако представляется необходимым в такие моменты, чтобы человек научился перебороть себя и даже в определенной степени заставить себя совершать необходимые действия для достижения, в конечном итоге, положительного результата. Особенно актуально применение данных средств в начале процесса правового самовоспитания, так как на данном этапе у субъекта еще не выработана привычка совершения необходимых действий.

В качестве заключительного средства правового самовоспитания хотелось бы рассмотреть самостимуляцию. Его особенностью признается такое качество, как сочетание в нем целого ряда приемов, выбор которых зависит от специфики и индивидуальности конкретно взятого человека. А именно: данное средство включает в себя такие приемы как: самоодобрение, самопоощрение, самоосуждение и самонаказание. Конкретная реализация отдельно взятого приема будет зависеть от того, что оказывает наибольший импульс к действиям у лица. К примеру, кого-то стимулирует самокритика, кото-то, напротив, самопоощрение, которое может выражаться в самых разнообразных формах, начиная от словесных, заканчивая чем-то материальным.

Четвертым этапом правового самовоспитания является самоконтроль субъекта за процессом правового воспитания. В ходе данного этапа лицо должно проводить анализ своих действий, выбранных способов и методов самовоздействия с целью выявления их эффективности или неэффективности. Очень важно, чтобы субъект самовоспитания своевременно исключал неэффективные средства и методы, производил их замену на новые, потому как разработать идеальный план действий, направленных на правовое самовоспитания с первого раза, представляется крайне затруднительным. В связи с этим очень важно своевременно вносить оптимальные и действенные корректировки в него для достижения положительного результата [8, с. 192].

Самовоспитание и самообразование являются значимыми составляющими правового воспитания, поскольку они служат объединяющим звеном для других его направлений. Однако, для того чтобы эти формы проявили свою полную эффективность, необходимо, чтобы человек уже достиг определенного уровня личностного развития, обладал позитивным правосознанием и достаточно высокой правовой культурой. Следовательно, эти самостоятельные формы правового воспитания находятся в обратной зависимости от других его видов и напрямую обусловлены результатами их применения.

Список литературы:

1. Абдуразакова Ю. Э. Самообразование и самовоспитание как формы правового воспитания// Национальное гуманитарное знание: сборник научных трудов. – Центр научных исследований «ИНТЕРПЛЭЙ». Том 3. – Ростов-на-Дону : ООО "Интерплэй", 2019. – С. 4-9.
2. Гавриков В.П. Теория государства и права : учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. С. 54.
3. Саакян М.В. К вопросу о сущности правосознания и правовой культуры // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №8. С. 19.
4. Бондарев А.С. Правовая культура – цель правового самовоспитания // Правовая культура. 2013. № 2(15). С. 11-22.
5. Шинкевич В.Е. Правосознание и правовая культура как факторы оценки социального здоровья общества // Философия права. 2021. №2 (97). С. 6.
6. Бондарев А.С. Правовое самовоспитание как самостоятельный вид субъктно-субъектной правовой социализации // Вестник Пермского университета. 2013. №2(20). С. 7-15.
7. Рассолова М.М., Клименко А.И. Теория государства и права: учебник. М.: Юнити-Дана, 2021. С. 181.
8. Гусарова М. А. Правосознание как социокультурный феномен: Монография. – Майкоп: Магарин О.Г.,

2017. С. 192.

Butko L.V., Lepeshkina O. V. Public-law dialectics of the relationship between self-education and self-education as a special form of legal education // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 225-229.

Self-education and self-education are special forms of legal education aimed at personal development and the formation of a citizen's legal culture. These processes are based on independent study of the laws, rules and norms of society, as well as awareness of their rights and responsibilities. Through self-education, a person deepens his knowledge of law, develops critical thinking and the ability to analyze legal information. Self-education is aimed at the formation of stable moral principles, compliance with laws and rules of conduct, as well as the development of self-discipline and responsibility. Together, these processes contribute to the formation of a legal culture of the individual, which is important for harmonious coexistence in society and compliance with laws.

Keywords: self-education, self-education, legal education, legal culture, legal consciousness, legal awareness, law, morality, culture of personality.

Spisok literatury:

1. Abdurazakova Yu. E. Samoobrazovanie i samovospitanie kak formy pravovogo vospitaniya// Nacional'noe gumanitarnoe znanie: sbornik nauchnyh trudov. – Centr nauchnyh issledovanij «INTERPLEJ». Tom 3. – Rostov-na-Donu : OOO \"Interplej\", 2019. – S. 4-9.
2. Gavrikov V.P. Teoriya gosudarstva i prava : uchebnik i praktikum dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. — Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2023. S. 54.
3. Saakyan M.V. K voprosu o sushchnosti pravosoznaniya i pravovoj kul'tury // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2023. №8. S. 19.
4. Bondarev A.S. Pravovaya kul'tura – cel' pravovogo samovospitaniya // Pravovaya kul'tura. 2013. № 2(15). S. 11-22.
5. Shinkevich V.E. Pravosoznanie i pravovaya kul'tura kak faktory ocenki social'nogo zdorov'ya obshchestva // Filosofiya prava. 2021. №2 (97). S. 6.
6. Bondarev A.S. Pravovoe samovospitanie kak samostoyatel'nyj vid sub"ktno-sub"ektnoj pravovoj socializacii // Vestnik Permskogo universiteta. 2013. №2(20). S. 7-15.
7. Rassolova M.M., Klimenko A.I. Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik. M.: Yuniti-Dana, 2021. S. 181.
8. Gusarova M. A. Pravosoznanie kak sociokul'turnyj fenomen: Monografiya. – Majkop: Magarin O.G., 2017. S. 192.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 230-238.

УДК 342.5

ГЕНЕЗИС ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Власова У. А.

ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Целью настоящей статьи является исследование генезиса конституционно-правового регулирования института представительства в РСФСР в период 1918–1991 гг. Актуальность темы обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта легитимации конституционно-правового представительства посредством его закрепления в текстах советских конституций. Хронологические рамки исследования ограничены временным периодом 1918–1991 гг. На основе историко-правового и сравнительно-правового методов осуществлен анализ норм конституций РСФСР (1918 г., 1925 г., 1937 г., 1978 г.) на предмет закрепления различных аспектов представительства. Проведенное исследование позволило автору предложить периодизацию этапов отечественного конституционно-правового регулирования представительства: I этап (1918-1925 гг.), II этап (1925-1937 гг.), III этап (1937-1978 гг.), IV этап (1978-1991 гг.). Сделан вывод о том, что рассмотренные этапы заложили институциональный и нормативный фундамент для современного регулирования представительства, но с трансформацией его основ.

Ключевые слова: представительство, конституционно-правовое регулирование, генезис, Основные государственные законы, Конституция РСФСР, народное представительство, представительный орган, представитель, народный депутат, императивный мандат.

Постижение сущности любого социально-правового явления невозможно вне ретроспективного анализа истоков его возникновения, развития и трансформации на пути к становлению в современном, известном нам на сегодняшний день, состоянии. В данном аспекте генезис конституционно-правового регулирования института представительства можно охарактеризовать как процесс, в рамках которого происходило последовательное нормативное оформление представительских отношений.

Конституционно-правовое регулирование представительства в советский период представляет собой сложный и неоднозначный процесс, в рамках которого классовый подход последовательно трансформировался в общенародную модель. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных отдельным аспектам советского конституционализма, комплексный анализ именно становления института представительства в эволюции конституций РСФСР до сих пор не проводился. Восполняя данный пробел, автор ставит целью выделение этапов развития конституционно-правового регулирования представительства на основе анализа норм четырех советских конституций. Методологическая основа включает историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Прежде чем перейти к исследованию непосредственно генезиса конституционно-правового регулирования, стоит сказать о предпосылках возникновения и правового регулирования представительства в целом. В этой связи нельзя не согласиться с мнением С.А. Авакьяна о том, что «категория "представительство" в качестве государственного и политического понятия существовала с давних времен, вне зависимости от юридического оформления» [1, с. 15]. Обобщая многовековую практику самобытных представительных институтов развития российской теоретической мысли в сфере народного представительства, Е.С. Горбатюк отмечает, что «представительный характер носила княжеская власть, боярские думы и советы, а также вечевые собрания в большинстве русских земель и городов» [2, с. 76]. Однако, далеко не все существующие на тот момент формы представительства нашли отражение в правовых документах.

Анализ правовых памятников Древней Руси позволяет выделить отдельные нормативные элементы, которые впоследствии стали прототипами для будущих правовых конструкций. Правовое регулирование представительства в этот период носило фраг-

ментарный характер, однако именно тогда зарождались ключевые принципы представительства. Такие как делегирование властных полномочий, признание легитимности действий посланника (представителя) от верховной власти (князя) и населения, а также на более позднем этапе – формирование основ судебного представительства.

Показательными в данном аспекте выступают договоры Руси с Византией (911 г., 945 г., 975 г.), тексты которых нормативно закрепляют статус посланников как официальных представителей, действующих по поручению князя и русского народа. Формулировки «Мы от (имени) русского народа…посланные от Олега, великого князя...» [3, с. 10], «Мы от (имени) русского народа…посланные Игорем, великим князем русским…» [3, с. 36] и др. формировали понимание представительства как юридически значимого отношения, при котором воля главы государства и народа передавалась конкретному лицу (лицам) для ведения переговоров и заключения соглашений. На более позднем этапе развития Руси было легализовано участие представителей в судебном поединке (прообраз судебного представительства). Псковская судная грамота 1467 г. закрепила возможность участия в нем не только родственников тяжущегося, но и иных лиц, нанимаемых для защиты физически слабых участников процесса (женщин, детей, стариков, увечных) в спорах с более сильными противниками. Данное положение свидетельствует о существовании наемных отношений между представителем и тяжущимся, что нашло отражение и в терминологии грамоты, именующей таких представителей «наймитами» (ст. 22) [4, с.8] и «пособниками» (ст. 72) [4, с. 26]. Перечисленные примеры правового регулирования представительства не являются исчерпывающими, но указанные конструкции позволяют сделать вывод о том, что уже в раннегосударственный период на Руси сформировались отдельные правовые конструкции, которые не образуя собой целостного института, частично формировали нормативную основу для последующей эволюции представительства и его правового регулирования.

Указанные правовые конструкции Древней Руси, хотя и не образовывали целостного института, создали культурно-правовую основу для восприятия представительства как легитимной формы передачи властных полномочий. Именно эта традиция, трансформировавшись в советский период, получила конституционное закрепление – но уже в рамках классового подхода.

В контексте исследования генезиса конституционно-правового регулирования того или иного явления, закономерным представляется обращение к моменту принятия первой отечественной конституции. В историко-правовой науке существует несколько точек зрения, относительно первой российской конституции.

Первая точка зрения связана с признанием Основных государственных законов 1906 г. первой российской конституцией. Данная позиция основывается на том факте, что работа над проектом конституции началась в первой четверти XIX в. и именно в этот период был разработан целый ряд правительственных и неправительственных документов, носивших конституционный характер. Логическим завершением данной работы стало принятие Основных государственных законов Российской империи 1906 г., которые и рассматриваются учеными как первая российская конституция. В частности, И.П. Климов «разделяет позицию той группы исследователей, которые называют Основные государственные законы 1906 г. первой российской конституцией, которая представляла собой монархическую октроированную конституцию» [5, с. 187]. Отмечая, что «Конституция РСФСР 1918 г. может быть обозначена первой лишь среди конституций советского социалистического типа» [5, с. 187].

Вместе с тем данная точка зрения разделяется не всеми исследователями. Например, заслуживает внимания позиция Р.А. Ромашова, полагающего, что Основные государственные законы 1906 г., бесспорно являющиеся актом конституционного значения, не могут

быть признаны первой российской конституцией. Аргументируя свою позицию, автор также отмечает, что «в состав Империи входили Финляндия и Польша, уже имевшие свои национальные конституции. Естественно ни у кого не возникает мысли считать эти акты российскими конституциями, не смотря на то, что они действовали в государственных образованиях, входивших в состав «единой, неделимой России» [6, с. 29].

Еще одним аргументом, обосновывающим невозможность рассмотрения Основных законов 1906 г. в качестве первой конституции, является содержательно-сущностная составляющая данного правового акта. Е.Н. Щендригин, рассматривая содержание Основных государственных законов, отмечает, что «Верховная самодержавная власть принадлежала императору. Он обладает властью законодательной. Ему принадлежит законодательная инициатива. Основные законы России могут быть пересмотрены только по инициативе императора. Носителю верховной власти в законодательной сфере принадлежит право абсолютного вето. Ни один закон не может вступить в силу без подписи императора» [7, с. 39]. То есть, Основные законы закрепили ряд существенных преобразований, например, возможность граждан участвовать в управлении делами государства, но при этом все еще сохранялся приоритет самодержавной власти монарха и отсутствие реального парламентаризма.

Так, несмотря на дискуссионность статуса Основных законов 1906 г., они не закрепили систему советского представительства, поэтому мы берем за точку отсчета Конституцию 1918 г., где представительство получило классовое оформление.

Следовательно, началом развития конституционно-правового регулирования представительства можно считать Конституцию РСФСР 1918 г., поскольку ее нормы содержат положения, затрагивающие различные его проявления. Исходя из этого первоочередной задачей представляется анализ текста конституций Российского государства советского периода (с 1918 г.) с целью выявления норм, легализующих отдельные аспекты представительства.

Как следует из текста Конституции РСФСР 1918 г., закрепленные в ней положения о представительстве, основываются на классовом принципе. Основной закон прямо устанавливает, что «Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов» и «вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» (ст. 1) [8, с. 22], при этом высшим органом провозглашался Всероссийский съезд Советов, а в период между съездами – Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов (ст. 30) [8, с. 25].

В ст. 7 содержится положение, согласно которому «власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам, и их полномочному представительству – Советам Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов» [8, с. 23]. Анализируемая норма закрепляет институт народного представительства как конституционно-правовой механизм делегирования властных полномочий. Однако было бы неверно отождествлять советскую модель с традиционным пониманием народного представительства. В отличие от классической модели, предполагающей равное право каждого гражданина на участие в формировании представительных органов независимо от социального происхождения, имущественного положения и т.п., Конституция РСФСР 1918 г. утверждала классовый характер представительства, закрепляя власть за трудящимися. Такой подход напрямую вытекает из основной задачи анализируемой Конституции, которая закреплена в ст. 9 и заключается в «установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти» [8, с. 23].

В ст. 65 содержится ограничение на участие в выборах для целых социальных групп. Так, в соответствии с данной нормой не избирают и не могут быть избранными лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли; лица, живущие на нетрудовой доход; частные торговцы, коммерческие посредники; служители религиозных культов; служащие и агенты бывшей полиции, члены царствовавшего в России дома; душевнобольные или умалишенные; лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления [8, с. 29].

В контексте вводимых ограничений нельзя не согласиться с мнением Е.Н. Кузнецовой, которая анализируя положения Конституции 1918 г., отмечала: «Отменив сословное неравенство, советская власть закрепила в первой советской Конституции неравенство классовое: юридическое неравенство не исчезло – оно приняло другую дискриминационную форму» [9, с. 13]. Действительно, все рассмотренные нормы, касающиеся представительства, формализованы через призму классовости.

Что касается содержания представительских отношений, то Конституция 1918 г. закрепляла императивный характер мандата депутатов. Прямого упоминания о наказах избирателей в тексте Основного закона нет, однако право отзыва депутата, содержащееся в ст. 78, однозначно указывает на подотчетность депутата избирателям, а не на его самостоятельность. Согласно указанной норме «избиратели, пославшие в Совет депутата, имеют право во всякое время отозвать его и произвести новые выборы согласно общему положению». Тем самым депутаты не обладали свободным мандатом, а были связаны волей трудящихся, что характерно для императивного мандата. Кроме того, гл. 15 устанавливала процедуру проверки и отмены выборов (ст. 71-77), что усиливало контроль избирателей и Советов над составом депутатского корпуса [8, с. 29].

Также Конституцией были введены количественные нормы представительства для Всероссийского, областных, губернских, городских и сельских съездов Советов. Организация власти была выстроена как иерархия съездов Советов и их исполнительных комитетов, а также центральных органов – СНК и народных комиссариатов.

Применительно к иностранным гражданам документ фиксирует, что «Российская Советская Республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик» (ст. 2) [8, с. 22] и одновременно «предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству» (ст. 20) [8, с. 24].

Кроме того, важно отметить, что в ст. 11 Конституции была закреплена возможность создания автономных союзов: «Советы областей, отличающихся особым бытом и национальным составом, могут объединиться в автономные областные союзы, во главе которых, как и во главе всяких могущих быть образованными областных объединений вообще, стоят областные съезды Советов и их исполнительные органы» [8, с. 23]. Несмотря на фрагментарное упоминание и отсутствие нормативного закрепления правового статуса, порядка формирования органов власти в таких союзах, процедуры принятия законов – это стало важным шагом в контексте легитимации представительства в национально-территориальном аспекте.

Примечательно, что Конституция оперирует терминологическими конструкциями «представитель Советской власти», «представитель Совета», «представитель местного Совета», (ст.ст. 67-69). Если первая из формулировок означает лицо, уполномоченное на осуществление представительских функций от имени государства и реализующее его интересы, то две другие конструкции указывают на лицо, которое уполномочено осуществлять представительские функции от конкретного органа власти. Из этого следует, что в нормах Конституции прослеживаются проявления представительства на

уровне государственной власти и на уровне ее отдельных органов.

Несмотря на отсутствие прямого упоминания о возможности создания и участия в профессиональных союзах, в ней содержатся нормы, которые создали юридическую основу для их деятельности. К таковым относится ст. 16, согласно которой «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы союзов Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика … оказывает рабочим и беднейшим крестьянам всяческое содействие, материальное и иное, для их объединения и организации» [8, с. 24]. Также ст. 70 содержит упоминание «профессиональных и иных рабочих организаций» [8, с. 29], что позволяет говорить о закреплении профсоюзных организаций в том числе с целью представления интересов, входящих в них лиц.

Обобщая опыт первой советской конституции, можно выделить I этап (1918-1925 гг.) в регулировании представительства, который характеризуется становлением классового делегированного представительства, основанного на диктатуре пролетариата и ограничениях избирательных прав. Конституция РСФСР 1918 г. юридически оформила переход власти к Советам как органам классового представительства, установив иерархию съездов Советов и исполнительных комитетов. Однако образование СССР потребовало корректировки Основного закона с учетом нового федеративного статуса РСФСР, что обусловило принятие новой конституции и переход ко второму этапу.

Второй этап развития конституционно-правового регулирования представительства связан с Конституцией 1925 г., принятой в развитие и частичное обновление Основного закона 1918 г. Указанная конституция сохранила классовую сущность представительства, откорректировав ее с учетом статуса РСФСР как союзной республики в составе СССР.

Л.М. Дулич, В.П. Вахмистров отмечали, что «Конституция (Основной закон) РСФСР 1925 г. в своих основных чертах мало чем отличалась от предыдущей Конституции», но в то же время подчеркивали, что «в Конституции 1925 г. были несколько смягчены формулировки о подавлении, насилии, уничтожении паразитических слоёв общества» [10, с. 22].

Как и ранее, власть закреплялась за Советами (ст. 1), однако в тексте термин «солдатские», относительно депутатов, был заменен на «красноармейские», а также добавлена категория «казачьи депутаты». Согласно ст. 3 носителем верховной власти признавался Всероссийский съезд как высший орган, а в период между съездами – ВЦИК [8, с. 162].

Конституцией устанавливались нормы представительства на съезды Советов, но уже с учетом нового административно-территориального деления, при этом «общее соотношение между представительством сельского и городского населения на съезды было сохранено из первой советской Конституции» [11, с. 39].

Избирательное право по-прежнему не являлось всеобщим и предоставлялось исключительно трудящимся, а содержание представительских отношений сохраняло императивный мандат депутатов. В ст. 63 устанавливалась подотчетность депутатов избирателям: «члены советов депутатов обязаны регулярно давать отчеты своим избирателям» [8, с. 168]. Также предусматривалась возможность отзыва депутата избирателями (ст. 75), закреплялась процедура проверки правильности выборов избирательными и мандатными комиссиями (ст. 73) [8, с. 168-170].

Если в предшествующей Конституции автономные областные союзы лишь несколько раз упоминались в тексте, то в Конституции РСФСР 1925 г. уже была закреплена отдельная глава, посвященная автономным советским социалистическим республикам и областям, регламентирующая порядок формирования органов государственной власти в автономных образованиях, принятия законов автономных республик и др. (ст. 44) [8, с. 66]. Такое нововведение имело прямое отношение к вопросам представительства, т.к. закрепляло формы выражения воли национальных сообществ – автономные рес-

публики и области посредством собственных представительных органов получали возможность участия в общегосударственном политическом процессе.

В целом, используемый терминологический аппарат Конституции 1925г. в значительной степени воспроизводит конструкции, встречающиеся в предшествующем Основном законе, однако понятие «представитель Советской власти» больше не используется. Подобное изменение не было сугубо редакционным, а отражало трансформацию в политико-правовой парадигме – с образованием СССР РСФСР утратила статус единственного носителя «Советской власти» и стала одной из союзных республик. Соответственно, представитель советской власти постепенно переставал рассматриваться исключительно как агент централизованной власти, и все более позиционировался как выразитель воли трудящихся.

Итак, II этап (1925-1937 гг.) основывался на сохранении классовой сущности при одновременном введении федеративных элементов, что было напрямую связано с вхождением РСФСР в состав СССР на правах союзной республики. Дальнейшие изменения в общественно-политическом строе, связанные с утверждением Конституции СССР 1936 г. и официальным провозглашением победы социализма в СССР, предопределили необходимость принятия Конституции РСФСР 1937 г.

Конституция РСФСР 1937 г. привнесла существенные трансформации в устройство советского государства. В соответствии с рассматриваемой Конституцией, Советы депутатов трудящихся, «выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата», составляют политическую основу РСФСР (ст. 2) [8, с. 68], а также именно в лице Советов депутатов, трудящихся принадлежит вся власть трудящимся города и деревни (ст. 3). Данные положения свидетельствуют об отказе от прежней формулировки с акцентом на установлении диктатуры пролетариата в пользу социалистического государства.

Изменения коснулись и системы высших органов власти: вместо Всероссийских съездов Советов учреждался Верховный Совет РСФСР как высший орган государственной власти. Были закреплены количественные нормы представительства в данный орган: согласно ст. 25 Верховный Совет РСФСР избирается гражданами РСФСР по избирательным округам сроком на 4 года по норме: один депутат на 150 тысяч населения [8, с. 270].

В контексте избирательной системы Конституция РСФСР 1937 г. вводила всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании. В связи с достижением цели ликвидации эксплуататорских классов было исключено лишение политических прав по социальному и иным признакам. Представительские отношения основывались на императивном мандате, ст. 147 прямо устанавливала подотчетность депутатов избирателям и возможность их отзыва. Ст. 146 закрепляла, что кандидаты выставляются по избирательным округам, а право выдвижения предоставляется общественным организациям, что указывает на коллективный, а не на индивидуальный порядок выдвижения, но не отменяет императивности мандата, поскольку ответственность депутата перед избирателями оставалась прямой и непосредственной [8, с. 279].

В контексте общественных организаций данная Конституция уже напрямую закрепила право объединения в профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества (ст. 130) [8, с. 278].

Терминологически Конституция 1937 г. отказалась от конструкции «представитель Совета», характерной для Конституций РСФСР 1918 г. и 1925 г., вводилось понятие «депутат трудящихся». Это обусловливалось трансформацией идеологической составляющей – ранее «представитель Совета» выступал в качестве должностного лица с определенным набором функций (например, удостоверение хода и результатов выбо-

ров), что соответствовало пониманию Советов как органов классовой диктатуры. В свою очередь «депутат трудящихся» рассматривался как равноправный член выборного органа, что было связано с официальным провозглашением ликвидации эксплуататорских классов и построением социализма.

III этап (1937-1978 гг.) связан с закреплением всеобщего, равного и прямого избирательного права, учреждением Верховного Совета РСФСР как высшего органа государственной власти, унификацией норм представительства при сохранении партийного контроля. Конституция 1937 г. ознаменовала отказ от классовых ограничений в избирательной системе, что отражало официальную доктрину построения социалистического общества. Вместе с тем накопление противоречий в советской модели представительства, а также смена идеологии с «диктатуры пролетариата» на «общенародное государство» обусловили принятие Конституции РСФСР 1978 г. и переход к IV этапу.

Конституция РСФСР 1978 г. стала четвертым по счету базовым законом государства, юридически оформившим новый вектор развития советского общества – построение «общенародного государства». В ст. 1 было закреплено положение о том, что РСФСР является социалистическим общенародным государством, призванным выражать волю трудящихся всех наций и народностей республики. Существенное отличие этого документа от прежних версий заключается в том, что высшая власть закреплялась за народом в целом, который мог ее осуществлять как опосредованно (через Советы народных депутатов), так и прямым путем (ст. 2) [12]. Ранее действовавшие акты 1918 г. и 1925 г. провозглашали власть за Советами, а Конституция 1937 г. – за трудящимися города и деревни в лице Советов.

Изменения затронули и систему органов государственной власти. Вместо Советов депутатов, трудящихся учреждались Советы народных депутатов, что подчеркивало народный характер представительства. Высшим органом государственной власти, как и в предыдущем основном законе государства, оставался Верховный Совет РСФСР.

В избирательной системе, сохранялось всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании, однако выдвижение кандидатов, как и прежде, осуществлялось общественными организациями, что сохраняло безальтернативный характер выборов (ст. 96). Содержание представительских отношений по Конституции РСФСР 1978 г. определялось закреплением императивного мандата, сочетавшегося с наказом избирателей. В ст. 98 впервые на конституционном уровне было установлено, что «избиратели дают наказы своим депутатам», а Советы народных депутатов обязаны их рассматривать, учитывать при разработке планов и бюджета, организовывать выполнение и информировать граждан об их реализации. Данное положение означало, что депутат был связан волей избирателей, носившей обязательный характер. Обязанность отчета перед избирателями и возможность отзыва закреплялись в ст. 103, при этом ст. 99 уточняла, что «в своей деятельности депутат руководствуется общегосударственными интересами, учитывает запросы населения избирательного округа, добивается претворения в жизнь наказов избирателей» [12]. Таким образом, представительские отношения строились на принципе императивного мандата, дополненного конституционным закреплением наказов избирателей, что исключало самостоятельность депутата.

Также Конституция 1978 г. ввела термин «народный депутат», что исходило из контекста отказа от классового подхода и замене его общенародной моделью представительства. В ст. 99 закреплено определение понятие «депутата» как «полномочного представителя народа в Совете народных депутатов» [12]. Замена термина «депутат трудящихся» на «народный депутат» символизировала окончательный отказ от классового деления общества и провозглашение равенства всех социальных групп под эгидой «общенародного государства». Тем самым депутат переставал быть исключительно

выразителем интересов пролетариата и становился представителем всего народа.

В контексте рассматриваемого этапа нельзя обойти стороной новеллы, внесенные в текст рассматриваемой Конституции в конце 1980-х –начале 1990-х гг. Закон от 27.10.1989 г. «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» вносил изменения, которыми учреждался новый высший орган государственной власти – Съезд народных депутатов РСФСР [13]. При этом Верховный Совет РСФСР не упразднялся, но утрачивал статус высшего органа власти и становился постоянно действующим законодательным, распорядительным и контрольным органом, подотчетным Съезду. Применительно к избирательной системе вводился принцип альтернативных выборов. В 1990 г. были внесены изменения, согласно которым РСФСР провозглашалась суверенным государством, закреплялась принадлежность всей власти многонациональному народу [14]. Не менее значимыми были изменения, введенные в 1991 г., которыми было исключено упоминание о руководящей роли КПСС в ст. 6, учрежден пост Президента РСФСР и скорректирована формулировка ст. 103, регламентирующей отзыв депутата. Из текста статьи исключались слова «не оправдавший доверие избирателей» и «в любое время», что означало отказ от субъективной абстрактной оценки деятельности депутата в пользу подхода, основанного на объективных критериях.

Так, IV этап (1978-1991 гг.) основан на провозглашении общенародного государства и расширении представительских основ. Конституция 1978 г. утвердила принцип народного суверенитета без классовых ограничений, закрепила институт наказов избирателей, ввела понятие народный депутат. Однако кризис советской политической системы, повлекший радикальные изменения государственного строя, привел к декомпозиции советского государства и советской модели представительства, на смену которой пришла принципиально новая концепция.

Подводя итог, следует сказать, что проведенный анализ конституционных норм дает основания выделить в развитии конституционно-правового регулирования исследуемого феномена 4 этапа, позволяющих систематизировать исторический опыт и выявить закономерности его развития. Историческая эволюция регулирования представительства в советский период прошла путь от классовой диктатуры через формальное всеобщее право к общенародной модели, что создало институциональный фундамент для перехода к принципиально новой модели парламентаризма, закрепленной в Конституции России 1993 г., анализ которой выходит за хронологические рамки настоящего исследования. Таким образом, рассмотренные этапы заложили институциональный и нормативный фундамент для формирования современной модели представительства, но с трансформацией его основ.

Список литературы:

1. Авакьян, С.А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики: монография. – М., 2022. – 484 с.
2. Горбатюк, Е.С. Идея народного представительства в политической истории России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. – 2013. – № 2. – С. 75-81.
3. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X-XII вв. / сост. А. А. Зимин ; под ред. С.В. Юшкова. – Москва : Гос. Изд. Юр. Л-ры, 1952. – 287 с. Текст : электронный. – URL: https://znanium.com/catalog/product/356592
4. Василев, И.И. Псковская судная грамота (1397-1467) : подлинник и перевод на совр. язык с примеч. по установлению переводного текста / Сост. И.И. Василев и Н.В. Кирпичников. – Псков : Изд. Псков. Археолог. о-ва (Тип. Губ. Правления), 1896. – VII, [3]. – 76 с.
5. Климов, И.П. К истории разработки и принятия первой российской конституции (дискуссионные вопросы) // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – № 3. – С. 182-190.
6. Ромашов, Р.А. Конституция РСФСР 1918 г. как источник российского революционного конституционализма // Мир политики и социологии. – 2016. – № 9. – С. 27-34.
7. Щендригин, Е.Н. Основные законы 1906 года как опыт конституционного строительства в России // Мир политики и социологии. – 2015. – № 1. – С. 38-42.

8. Конституции и конституционные акты РСФСР (1918-1937). Сборник документов / Под ред. А.Я. Вышинского; Академия наук СССР. Институт права. – М.: Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1940. – 298 с.
9. Кузнецова, Е.Н. Конституция РСФСР 1918 года и новый законопорядок // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2020. – № 1(40). – С. 11-16
10. Дулич, Л.М. Этапы развития Российской конституции: от конституционной монархии до социалистической конституции 1925 года / Л.М. Дулич, В.П. Вахмистров // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 2(47). – С. 18-23.
11. Саламатова, М.С. Нормы представительства на выборах в РСФСР в 1920-е гг.: законодательство и практика реализации // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6 (55). – С. 36-43.
12. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.04.1978. // URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a1b705d/
13. Закон РСФСР от 27.10.1989 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР». URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/zakony/183129/chapter/3d3a9e2eb4f30c73ea6671464e2a54b5/
14. Закон РСФСР от 15.12.1990 № 423-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР» // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3866#3CTD1OVWOQQx2kVt

Vlasova U.A. The genesis of native constitutional and legal regulation of representation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 230-238.

The purpose of this article is to study the genesis of constitutional and legal regulation of the institution of representation in the RSFSR from 1918 to 1991. The relevance of the topic is determined by the need to understand the historical experience of legitimizing constitutional and legal representation through its enshrinement in the texts of Soviet constitutions. The chronological framework of the study is limited to the time period 1918–1991. Based on historical-legal and comparative-legal methods, an analysis of the norms of the constitutions of the RSFSR (1918, 1925, 1937, 1978) was carried out to enshrine various aspects of representation. The conducted research allowed the author to propose a periodization of the stages of domestic constitutional and legal regulation of representation: Stage I (1918-1925), Stage II (1925-1937), Stage III (1937-1978), Stage IV (1978-1991). It is concluded that the stages considered laid the institutional and normative foundation for the modern regulation of representation, but with a transformation of its foundations.

Keywords: representation, constitutional and legal regulation, genesis, Fundamental state laws, Constitution of the RSFSR, people's representation, representative body, representative, people's deputy, imperative mandate.

Spisok literatury:

1. Avak′yan, S.A. Predstavitel′stvo v konstitutsionnom prave: voprosy teorii i praktiki: monografiya. – M., 2022. – 484 s.
2. Gorbatyuk, E.S. Ideya narodnogo predstavitel′stva v politicheskoj istorii Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Filosofiya. Kul′turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2013. – № 2. – S. 75-81.
3. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 1: Pamyatniki prava Kievskogo gosudarstva. X-XII vv. / sost. A. A. Zimin ; pod red. S.V. Yushkova. – Moskva : Gos. Izd. Yur. L-ry, 1952. – 287 s. Tekst : elektronnyj. – URL: https://znanium.com/catalog/product/356592
4. Vasilev, I.I. Pskovskaya sudnaya gramota (1397-1467) : podlinnik i perevod na sovr. yazyk s primech. po ustanovleniyu perevodnogo teksta / Sost. I.I. Vasilev i N.V. Kirpichnikov. – Pskov : Izd. Pskov. Arkheolog. o-va (Tip. Gub. Pravleniya), 1896. – VII, [3]. – 76 s.
5. Klimov, I.P. K istorii razrabotki i prinyatiya pervoj rossijskoj konstitutsii (diskussionnye voprosy) // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 3. – S. 182-190.
6. Romashov, R.A. Konstitutsiya RSFSR 1918 g. kak istochnik rossijskogo revolyutsionnogo konstitutsionalizma // Mir politiki i sotsiologii. – 2016. – № 9. – S. 27-34.
7. Shchendrigin, E.N. Osnovnye zakony 1906 goda kak opyt konstitutsionnogo stroitel′stva v Rossii // Mir politiki i sotsiologii. – 2015. – № 1. – S. 38-42.
8. Konstitutsii i konstitutsionnye akty RSFSR (1918-1937). Sbornik dokumentov/Pod red.A.Ya. Vyshinskogo; Akademiya nauk SSSR. Institut prava. M.: Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR, 1940. – 298 s.
9. Kuznetsova, E.N. Konstitutsiya RSFSR 1918 goda i novyj zakonoporyadok // Vektor nauki Tol′yattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Yuridicheskie nauki. – 2020. – № 1(40). – S. 11-16
10. Dulich, L.M. Etapy razvitiya Rossijskoj konstitutsii: ot konstitutsionnoj monarkhii do sotsialisticheskoj konstitutsii 1925 goda / L.M. Dulich, V.P. Vakhmistrov // Vestnik Sankt-Peterburgskoj yuridicheskoj akademii. – 2020. – № 2(47). – S. 18-23.
11. Salamatova, M.S. Normy predstavitel′stva na vyborakh v RSFSR v 1920-e gg.: zakonodatel′stvo i praktika realizatsii // Aktual′nye problemy rossijskogo prava. – 2015. – № 6 (55). – S. 36-43.
12. Konstitutsiya (Osnovnoj zakon) Rossijskoj Sovetskoj Federativnoj Sotsialisticheskoj Respubliki ot 12.04.1978. // URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/red_1978/5478721/chapter/2f110921da4c1d9582b6058c8a1b705d/
13. Zakon RSFSR ot 27.10.1989 «Ob izmeneniyakh i dopolneniyakh Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) RSFSR» // URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/zakony/183129/chapter/3d3a9e2eb4f30c73ea6671464e2a54b5/
14. Zakon RSFSR ot 15.12.1990 № 423-1 «Ob izmeneniyakh i dopolneniyakh Konstitutsii (Osnovnogo Zakona) RSFSR» // URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3866#3CTD1OVWOQQx2kVt

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 239-246.

УДК 342.922

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УСТОЙЧИВОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Волков В. Ю.
КрФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»

В настоящей статье исследуются теоретические и практические аспекты административно-правового обеспечения устойчивого экономического развития Российской Федерации. Анализируются конституционные основы формирования политики устойчивого экономического роста, рассматривается система федеральных органов исполнительной власти, реализующих соответствующие полномочия, исследуются административно-правовые режимы и процедуры в контексте обеспечения долгосрочного экономического развития. Особое внимание уделяется проблемам совершенствования законодательства и правоприменительной практики в исследуемой сфере.

Ключевые слова: административно-правовой механизм, государственное управление экономикой, стратегическое планирование, устойчивое экономическое развитие.

Административно-правовое обеспечение устойчивого экономического развития представляет собой сложный многоаспектный феномен, требующий системного подхода к своему исследованию и практической реализации. Эффективность такого обеспечения зависит от согласованного действия нормативных, институциональных, функциональных и обеспечительных элементов механизма административно-правового регулирования.

Конституционная реформа 2020 г. придала новый импульс развитию законодательства об устойчивом экономическом росте в РФ. Появление ст. 75.1 Конституции РФ [1] ознаменовало формирование конституционной аксиологии устойчивого развития, закрепив обязательства государства по созданию условий для долгосрочного сбалансированного экономического роста.

Как справедливо отмечает академик РАН Т.Я. Хабриева, в указанной статье отражена триединая концепция общественно-экономического развития государства, что продолжает традиции государственного строительства России [12, с. 8]. Экономический рост становится не просто верифицированной правом новой ценностью, но и категорией, требующей научного осмысления в контексте взаимодействия экономики и административного права.

Ст. 75.1 Конституции РФ, вступившая в силу в результате общероссийского голосования по поправкам к Конституции 1.07.2020 г., устанавливает: «В Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность». Судья Конституционного Суда РФ (в отставке) Г.А. Гаджиев характеризует данную статью как уникальную, содержащую новую аксиологическую систему и 5 сложнейших концепций, которые юристам предстоит освоить [8]. По его мнению, статья представляет собой насыщенный смыслами юридический текст, отсылающий к огромному массиву информации, накопленному социальной, философской и юридической наукой.

Конституционное закрепление категории «устойчивый экономический рост» имеет принципиальное значение для развития административного законодательства, поскольку оно задает общее целеполагание для всей системы государственного управления экономикой, ориентируя деятельность публичной власти на обеспечение стабильного,

сбалансированного и долгосрочного развития. Одновременно данная категория выступает важным критерием оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти, так как позволяет соотносить принимаемые управленческие решения, реализуемые государственные программы и применяемые административно-правовые механизмы с задачами повышения экономической устойчивости, роста деловой активности и улучшения социально-экономических показателей.

Наряду со ст. 75.1 Конституции РФ, существенное значение для административно-правового обеспечения устойчивого экономического развития имеют и иные конституционные положения, формирующие основу государственного регулирования экономики. Так, ст. 8 Конституции РФ закрепляет единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержку конкуренции и свободу экономической деятельности, что создает базовые условия для функционирования рыночной экономики и определяет пределы административного вмешательства в хозяйственную сферу.

Ст. 34 Конституции РФ гарантирует каждому право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, тем самым закрепляя правовую основу инициативной экономической активности и обязывая государство формировать такие административные механизмы, которые не препятствуют, а способствуют развитию предпринимательства.

В свою очередь, ст. 114 Конституции РФ устанавливает ключевую роль Правительства Российской Федерации в обеспечении проведения единой финансовой, кредитной и денежной политики, а также в осуществлении мер по обеспечению законности, защите прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, что напрямую связано с созданием стабильной, предсказуемой и безопасной среды для устойчивого экономического роста.

В контексте конституционных преобразований существенное значение приобретает обновленная редакция ст. 114 Конституции РФ, где зафиксирована обязанность федерального Правительства создавать условия для развития предпринимательского сектора. Как подчеркивается в аналитических материалах О. Ступниковой, именно эта норма служит гарантом благоприятной среды для бизнеса, что является базисом для стабильного экономического развития [10].

Механизм административно-правового обеспечения устойчивого экономического роста в России представляет собой целенаправленную деятельность органов исполнительной власти. Она включает в себя процессы разработки, реализации и модернизации правовых средств, призванных гарантировать сбалансированность экономической динамики в долгосрочной перспективе с одновременным поддержанием должного уровня социальной защищенности граждан.

При анализе элементного состава механизма административно-правового регулирования принято выделять 4 основные составляющие: нормативную, институциональную, функциональную и обеспечительную.

Нормативная составляющая представлена совокупностью законодательных и подзаконных актов. К ним относятся федеральные законы, а также указы Президента РФ, постановления Правительства РФ и ведомственные нормативные документы, которые регламентируют общественные отношения по поводу гарантирования устойчивого развития экономики.

Институциональная составляющая охватывает структуру органов государственной власти. Речь идет о тех институтах, которые обладают необходимыми властными полномочиями для реализации экономической политики и оперативного управления в рас-

сматриваемой области.

Что касается функционального компонента, то он раскрывается через систему административных процедур, а также разнообразные формы и методы воздействия государства на экономические процессы, применение которых призвано обеспечить достижение параметров устойчивого роста и сохранение сбалансированности хозяйственной системы.

Система законодательства, регулирующего отношения в сфере обеспечения устойчивого экономического развития, включает:

- Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [2] определяет правовые основы стратегического планирования, порядок разработки и реализации документов стратегического планирования, полномочия органов публичной власти в этой сфере. Закон закрепляет такие документы, как прогноз социально-экономического развития РФ на долгосрочный период, стратегия социально-экономического развития РФ, государственные программы РФ;

- Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» [3] устанавливает правовые и организационные основы установления и оценки применения обязательных требований.

Как отмечает заместитель Министра экономического развития РФ А.И. Херсонцев, данный закон стал результатом совместной работы Министерства экономического развития РФ и Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, направленной на реформу контрольно-надзорной деятельности [11];

- Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» определяет организационные и правовые основы защиты конкуренции, включая меры предупреждения и пресечения монополистической деятельности и недобросовестной конкуренции.

- Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» устанавливает правовые и экономические основы инвестиционной деятельности, гарантии равной защиты прав, интересов и имущества субъектов инвестиционной деятельности.

Ключевыми субъектами административно-правового обеспечения устойчивого экономического развития выступает Президент РФ, который определяет основные направления внутренней и внешней политики государства, включая цели и задачи в сфере обеспечения устойчивого экономического развития. Именно Президент утверждает документы стратегического планирования, в том числе Стратегию национальной безопасности РФ и основы государственной политики в различных сферах, а также издает указы, направленные на достижение национальных целей развития, что придает данной деятельности системный и стратегический характер. В соответствии со ст. 114 Конституции РФ Правительство РФ обеспечивает проведение единой финансовой, кредитной и денежной политики, осуществляет управление федеральной собственностью, реализует меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан. В рамках административно-правового обеспечения устойчивого экономического развития Правительство РФ разрабатывает и реализует государственные программы и национальные проекты, а также обеспечивает координацию деятельности федеральных органов исполнительной власти в экономической сфере, выступая центральным звеном в механизме практической реализации государственной политики.

Ключевая роль в ряду субъектов, обеспечивающих устойчивое развитие, отведена Министерству экономического развития РФ. Данный орган исполнительной власти федерального уровня наделен полномочиями по нормативно-правовому регулированию и выработке государственной политики в таких областях, как стратегическое планирова-

ние, инвестиционная деятельность и внешнеэкономические связи. Именно Минэкономразвития обеспечивает создание предпосылок для долгосрочного экономического роста, занимается вопросами повышения инвестиционной привлекательности национальной экономики и отвечает за координацию между долгосрочными стратегическими ориентирами и оперативными управленческими решениями.

Не менее важным субъектом выступает Министерство финансов РФ. Именно на это ведомство возложены функции по формированию и проведению единой государственной политики в финансовой, кредитной и денежно-кредитной сферах. Минфин России обеспечивает необходимое равновесие бюджетной системы и формирует макроэкономические предпосылки, выступающие фундаментом для долгосрочного экономического роста. Качество работы данного министерства напрямую определяет уровень финансовой стабильности государства, степень прогнозируемости бюджетного процесса и достаточность ресурсного обеспечения для выполнения всего комплекса задач в области социально-экономического развития.

Существенное значение для поддержания устойчивого экономического развития имеет деятельность Федеральной антимонопольной службы, которая осуществляет функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о конкуренции. Поддержание конкурентной среды, предупреждение монополистической деятельности и пресечение недобросовестной конкуренции являются необходимыми условиями эффективного функционирования экономики, стимулирования предпринимательской активности и повышения качества рыночных отношений.

В соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации», система стратегического планирования включает документы, разрабатываемые на федеральном уровне, уровне субъектов РФ и муниципальном уровне. Ключевыми документами стратегического планирования в сфере обеспечения устойчивого экономического развития являются:

- Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Указом Президента РФ от 2.07.2021 г. № 400 [6]) определяет национальные интересы и стратегические национальные приоритеты, включая сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, экономическую безопасность.

- Единый план по достижению национальных целей развития РФ на период до 2024 г. и на плановый период до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 1.10.2021 г. № 2765-р [7]) определяет систему мер по достижению национальных целей, включая сохранение населения, здоровье и благополучие людей, возможности для самореализации и развития талантов, комфортную и безопасную среду для жизни, достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство.

Как подчеркивается в выступлении заместителя Министра науки и высшего образования РФ П.А. Кучеренко, эффективность правовых норм служит основой для экономического роста, а реализуемые Минобрнауки программы и проекты направлены на повышение научно-образовательного потенциала страны как фактора долгосрочного развития [11]. Административно-правовое обеспечение устойчивого экономического развития включает систему административных процедур, направленных на создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности, включает комплекс мер, обеспечивающих правовую определенность, доступ к началу и осуществлению хозяйственной деятельности, а также снижение административных барьеров для бизнеса.

Одним из ключевых элементов данной системы выступают регистрационные процедуры, в рамках которых осуществляется государственная регистрация юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в соответствии с Федеральным законом от

8.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Не менее важное значение имеют разрешительные процедуры, связанные с лицензированием отдельных видов деятельности, которое регулируется ФЗ от 4.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Особое место в системе административного регулирования занимают разрешительные режимы в сфере строительства, предусматривающие выдачу разрешений на строительство и ввод объектов в эксплуатацию в соответствии с положениями Градостроительного кодекса РФ. Существенным направлением совершенствования административных процедур в современных условиях является реализация механизма «регуляторных песочниц», предусмотренного ФЗ от 31.07.2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [5], который позволяет устанавливать специальное правовое регулирование для апробации и тестирования инновационных решений в области цифровых технологий, тем самым способствуя развитию предпринимательства и внедрению новых бизнес-моделей.

Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [4] устанавливает новую систему контрольно-надзорной деятельности, основанную на риск-ориентированном подходе. Реформа контрольно-надзорной деятельности, как отмечает А.И. Херсонцев, направлена на снижение административной нагрузки на бизнес при одновременном повышении эффективности контроля [11].

Ключевыми элементами новой системы контроля являются классификация объектов контроля по категориям риска, что позволяет дифференцировать объем и интенсивность контрольных мероприятий в зависимости от степени потенциальной опасности причинения вреда охраняемым законом ценностям, применение профилактических мероприятий, включая предостережения, консультирование и профилактические визиты, направленные на предупреждение нарушений обязательных требований и снижение административной нагрузки на подконтрольных лиц, а также стимулирование добросовестного соблюдения обязательных требований, ориентированное на формирование партнерской модели взаимодействия между государством и хозяйствующими субъектами, повышение уровня правосознания и обеспечение более эффективного достижения целей государственного контроля.

Анализ действующего законодательства и практики его применения позволяет выявить ряд существенных проблем административно-правового обеспечения устойчивого экономического развития. Прежде всего, обращает на себя внимание фрагментарность законодательства, выражающаяся в отсутствии системного закона об устойчивом развитии, который закреплял бы единый понятийный аппарат, основные принципы, цели и механизмы реализации соответствующей государственной политики.

Как отмечается в докладе Г.А. Гаджиева, понятие устойчивого экономического роста требует междисциплинарного осмысления и должно рассматриваться с учетом взаимосвязи экономической теории и юриспруденции [8].

Не менее значимой проблемой является несогласованность стратегического и текущего регулирования, проявляющаяся в разрывах между долгосрочными целями, установленными в документах стратегического планирования, и оперативными решениями органов исполнительной власти. В ряде решений КС РФ подчеркивается связь концепции устойчивого экономического развития с конституционной ценностью ответственности перед нынешними и будущими поколениями.

Кроме того, недостаточно развиты механизмы оценки регулирующего воздействия, поскольку действующая процедура не в полной мере учитывает долгосрочные послед-

ствия принимаемых управленческих решений и степень их соответствия задачам устойчивого развития. Существенные трудности сохраняются и в сфере правоприменения, где по-прежнему наблюдаются административные барьеры, недостаточная прозрачность административных процедур и сложность взаимодействия хозяйствующих субъектов с органами публичной власти, что в конечном итоге сдерживает развитие предпринимательства и снижает инвестиционную активность.

С учетом выявленных проблем актуальными направлениями совершенствования административно-правового обеспечения устойчивого экономического развития являются дальнейшее развитие конституционных основ соответствующего регулирования, включая конкретизацию положений ст. 75.1 Конституции РФ в отраслевом законодательстве и формирование целостной конституционной доктрины устойчивого экономического развития.

Не менее важным представляется совершенствование системы стратегического планирования, направленное на повышение согласованности документов стратегического характера, а также внедрение эффективных механизмов мониторинга и оценки достижения целей устойчивого развития. Как отмечает заместитель Председателя Правления Газпромбанка Е.А. Борисенко, устойчивый экономический рост определяется семнадцатью целями устойчивого развития ООН, и современный бизнес не может существовать в отрыве от задач обеспечения стабильной, справедливой и социально ориентированной экономической среды [9].

Существенное значение имеет развитие экспериментальных правовых режимов, в том числе расширение практики применения «регуляторных песочниц» для апробации инновационных решений в сфере устойчивого развития, включая зеленые технологии и цифровые инновации. Одновременно требуется дальнейшее совершенствование контрольно-надзорной деятельности на основе риск-ориентированного подхода, расширения профилактических мер и повышения эффективности контрольных мероприятий при одновременном снижении административной нагрузки на хозяйствующих субъектов.

Важным направлением выступает цифровизация административных процедур, предполагающая развитие системы межведомственного электронного взаимодействия, предоставление государственных услуг в электронной форме и последовательное внедрение принципа «одного окна». Проведенный анализ позволяет сделать вывод о формировании в РФ целостной системы административно-правового обеспечения устойчивого экономического развития. Конституционная реформа 2020 г. заложила ценностно-целевую основу для развития законодательства в этой сфере, закрепив в ст. 75.1 Конституции РФ обязательства государства по созданию условий для устойчивого экономического роста.

Действующее законодательство включает разветвленную систему нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере стратегического планирования, инвестиционной деятельности, защиты конкуренции, контрольно-надзорной деятельности. Сформирована институциональная система, обеспечивающая реализацию государственной политики в сфере устойчивого экономического развития.

Вместе с тем сохраняются проблемы, требующие дальнейшего совершенствования правового регулирования: фрагментарность законодательства, несогласованность стратегического и текущего регулирования, недостаточная развитость механизмов оценки регулирующего воздействия, проблемы правоприменения.

Перспективными направлениями совершенствования административно-правового обеспечения устойчивого экономического развития являются: развитие конституционных основ, совершенствование стратегического планирования, развитие эксперимен-

тальных правовых режимов, дальнейшая реформа контрольно-надзорной деятельности, цифровизация административных процедур, развитие институтов государственно-частного партнерства.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 26 (часть I). – Ст. 3378.
3. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5007.
4. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31 (часть I). – Ст. 5008.
5. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31.
6. Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.
7. Распоряжение Правительства РФ от 1 октября 2021 г. № 2765-р «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 41. – Ст. 7046.
8. Гаджиев Г.А. Прагматизация новых познавательных структур в праве // XVI Ежегодные научные чтения памяти профессора С.Н. Братуся. – [Электронный ресурс]. – URL: https://ivanovo.ac.ru/about_the_university/faculty/871/news/10306/ (дата обращения: 07.03.2026).
9. Газпромбанк создал Совет по внедрению принципов устойчивого развития // [Электронный ресурс]. – URL: https://arb.ru/b2b/press/gazprombank_sozdal_sovet_po_vnedreniyu_printsipov_ustoychivogo_razvitiya-10419263/ (дата обращения: 02.03.2026).
10. Поправки в Конституцию РФ закладывают основы эффективной экономики. Декан факультета экономики, управления и права Северо-Кавказского института РАНХиГС, кандидат экономических наук Оксана Ступникова // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.ipatovo.org/page.php?id=24823
11. XVI Ежегодные научные чтения памяти профессора С.Н. Братуся на тему: «Устойчивый экономический рост и право» // [Электронный ресурс]. – URL: https://izak.ru/conferences/ezhegodnye-nauchnye-chteniya-pamyati-s-n-bratusya/vi-ezhegodnye-nauchnye-chteniya-pamyati-professora-s-n-bratusya-na-temu-ustoychivyy-ekonomicheskiy-r/ (дата обращения: 02.03.2026).
12. Хабриева Т.Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. № 1. С. 6-12.

Volkov V.Y. Administrative and legal support for the sustainable economic development of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 239-246.

In this article examines the theoretical and practical aspects of administrative and legal support for the sustainable economic development of the Russian Federation. The constitutional foundations of the formation of a policy of sustainable economic growth are analyzed, the system of federal executive authorities exercising relevant powers is considered, administrative and legal regimes and procedures in the context of ensuring long-term economic development are investigated. Special attention is paid to the problems of improving legislation and law enforcement practice in the field under study.

Keywords: administrative and legal mechanism, state economic management, strategic planning, sustainable economic development.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993 s izmeneniyami. odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 01.07.2020) // Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii http://www.pravo.gov.ru. 04.07.2020.
2. Federalnyy zakon ot 28 iyunya 2014 g. № 172-FZ «O strategicheskom planirovanii v Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatelstva RF. – 2014. – № 26 (chast I). – St. 3378.
3. Federalnyy zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 247-FZ «Ob obyazatelnykh trebovaniyakh v Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatelstva RF. – 2020. – № 31 (chast I). – St. 5007.
4. Federalnyy zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 248-FZ «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipalnom kontrole v Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatelstva RF. – 2020. – № 31 (chast I). – St. 5008.
5. Federalnyy zakon ot 31 iyulya 2020 g. № 258-FZ «Ob eksperimentalnykh pravovykh rezhimakh v sfere tsifrovykh innovatsiy v Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatelstva RF. – 2020. – № 31 (chast I).
6. Ukaz Prezidenta RF ot 2 iyulya 2021 g. № 400 «O Strategii natsionalnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii» // Sobraniye zakonodatelstva RF. – 2021. – № 27 (chast II). – St. 5351.

7. Rasporyazheniye Pravitelstva RF ot 1 oktyabrya 2021 g. № 2765-r «Ob utverzhdenii Edinogo plana po dostizheniyu natsionalnykh tseley razvitiya Rossiyskoy Federatsii na period do 2024 goda i na planovyy period do 2030 goda» // Sobraniye zakonodatelstva RF. – 2021. – № 41. – St. 7046.
8. Gadzhiyev G.A. Pragmatizatsiya novykh poznavatelnykh struktur v prave // XVI Ezhegodnyye nauchnyye chteniya pamyati professora S.N. Bratusya. – [Elektronnyy resurs]. – URL: https://ivanovo.ac.ru/about_the_university/faculty/871/news/10306/ (data obrashcheniya: 07.03.2026).
9. Gazprombank sozdal Sovet po vnedreniyu printsipov ustoychivogo razvitiya // [Elektronnyy resurs]. – URL: https://arb.ru/b2b/press/gazprombank_sozdal_sovet_po_vnedreniyu_printsipov_ustoychivogo_razvitiya-10419263/ (data obrashcheniya: 02.03.2026).
10. Popravki v Konstitutsiyu RF zakladyvayut osnovy effektivnoy ekonomiki. Dekan fakulteta ekonomiki. upravleniya i prava Severo-Kavkazskogo instituta RANKhiGS. kandidat ekonomicheskikh nauk Oksana Stupnikova // [Elektronnyy resurs]. – URL: http://www.ipatovo.org/page.php?id=24823
11. KhVI Ezhegodnyye nauchnyye chteniya pamyati professora S.N. Bratusya na temu: «Ustoychivyy ekonomicheskiy rost i pravo» // [Elektronnyy resurs]. – URL: https://izak.ru/conferences/ezhegodnye-nauchnye-chteniya-pamyati-s-n-bratusya/vi-ezhegodnye-nauchnye-chteniya-pamyati-professora-s-n-bratusya-na-temu-ustoychivyy-ekonomicheskiy-r/ (data obrashcheniya: 02.03.2026).
12. Khabriyeva T.Ya. Konstitutsionnaya reforma v Rossii v koordinatakh universalnogo i natsionalnogo // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitelnogo pravovedeniya. – 2021. – T. 17. № 1. – S. 6-12.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 247-252.

УДК 342.553:349.41

МУНИЦИПАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ В СФЕРЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА: ПРОБЛЕМЫ НОРМАТИВНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РАЗГРАНИЧЕНИЯ

Волковская Л. Н.
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

В статье исследуются проблемы реализации муниципальной компетенции в сфере землеустройства и образования земельных участков. Автор обращает внимание на недостаточную нормативную определенность участия органов местного самоуправления в землеустроительной деятельности, а также на смешение публично-правовых и частноправовых механизмов регулирования земельных отношений. Анализируются вопросы подготовки и утверждения схем расположения земельных участков, взаимодействия муниципальных образований с публично-правовой компанией «Роскадастр», финансового обеспечения соответствующих функций и разграничения полномочий в единой системе публичной власти. Обосновывается необходимость более четкого законодательного закрепления статуса муниципальных образований как участников землеустроительных процедур и субъектов публичного управления земельными отношениями.

Ключевые слова: местное самоуправление, землеустройство, земельные участки, муниципальная компетенция, Роскадастр, публичная власть, земельные отношения, градостроительная деятельность, разграничение полномочий, публично-правовое регулирование, муниципальная собственность, субсидиарность.

Законодательство о землеустройстве - весьма примечательное явление в правовой системе современной России, которое, зачастую, с трудом «вписывается» в и без того усложненную структуру взаимоотношений правовых норм конституционного, административного, земельного, градостроительного, гражданского и жилищного законодательства. С точки зрения заявленной темы исследования вопрос о регулировании землеустройства нас интересует, главным образом, в аспекте имеющегося юридического запрета на вмешательство со стороны муниципалитетов, поскольку официально землеустройство рассматривается как сфера исключительного ведения Федерации. Однако так ли это в действительности? Должны ли муниципальные образования полностью воздерживаться от соразмерного участия в землеустроительной деятельности в качестве легитимных органов публичной власти, на которые возложены соответствующие обязательства публично-правового характера в единой системе властеотношений?

Анализ положений Федерального закона «О землеустройстве» показывает, что его нормы направлены на рациональное использование земли, охрану земель, создание благоприятной окружающей среды и улучшение ландшафтов. По своей правовой природе это единая функция всех органов публичной власти, причем даже с определенным приоритетом в пользу муниципальной компетенции, если в правовой системе поддерживается конституционный принцип субсидиарности. Согласно Закону о землеустройстве, объектами данной деятельности являются субъекты РФ, муниципальные образования и их части [1]. В связи с этим возникает вопрос: допустима ли исключительная федеральная компетенция, если муниципальные образования являются одним из основных объектов землеустройства?

Вместе с тем, определяя компетенцию публичных властей, Закон о землеустройстве обходит умолчанием муниципальные образования, сосредоточивая нормативное внимание на полномочиях федеральных органов, осуществление которых может передаваться для осуществления исполнительным органам субъектов РФ в правовой форме постановления Правительства РФ, но не органам местного самоуправления. Данная конструкция демонстрирует неполноту нормативной модели, поскольку муниципали-

теты фактически участвуют в землеустроительных отношениях, но их компетенция не получает должного законодательного выражения.

Вне сомнения, в вопросах землеустройства во многом необходим централизованный подход, то есть единство ряда основных правил для всей территории Российской Федерации. Это выражается, в частности, в формировании единообразной землеустроительной документации и федеральных стандартов ее государственной экспертизы [2], унифицированного описания месторасположения границ объектов землеустройства [3], недифференцированных форм и требований к картам и планам объектов землеустройства [4], административной процедуры согласования и утверждения землеустроительной документации [5]. Следствием подобной унификации является формирование Государственного фонда данных, причем функции по его формированию возложены на публично-правовую компанию «Роскадастр» [6].

Несмотря на позитивный характер данных обстоятельств, поскольку в указанном аспекте землеустройство действительно нуждается в высокой степени унификации, следует отметить, что муниципалитеты вынуждены принимать участие в формировании Государственного фонда данных бесплатно, причем документы фонда становятся объектами федеральной собственности. Федеральный закон о землеустройстве не устанавливает какую-либо компетенцию органов местного самоуправления, но возлагает на них дополнительные организационно-функциональные обязательства, которые связаны с формированием землеустроительной документации.

При этом нельзя сказать, что функции изучения состояния земель, включая обследования, изыскания, оценку качества и инвентаризацию [7], планирование и организацию их рационального использования, перспектив социально-экономического развития страны и ее внутренних публично-правовых территорий [8], могли бы составлять предмет исключительного ведения Российской Федерации. В силу смысла действующего законодательства данная компетенция не разграничена, причем муниципалитеты вынуждены претерпевать дополнительные материально-финансовые издержки вне конституционного механизма их наделения отдельными государственными полномочиями.

О наличии данной проблемы свидетельствует также сложившийся публично-правовой механизм образования земельных участков, подготовки и утверждения схемы расположения земельных участков. Необходимость образования земельных участков организационно-функциональными средствами местного самоуправления обусловлена не столько их публично-правовым статусом, сколько цивилистическими конструкциями: муниципалитет как собственник земельного имущества несет бремя его содержания [9]. Образование земельных участков из земель, которые находятся в публичной собственности, предполагает подготовку документов - проекта межевания территории, проектной документации лесных участков, схемы расположения земельного участка в кадастровом плане территории.

Муниципалитеты могут это сделать самостоятельно, но вправе заключить гражданско-правовой договор с публично-правовой компанией «Роскадастр». Из этого следует, что органы местного самоуправления в любом случае обременены данными публично-правовыми обязательствами и вынуждены финансировать это из средств местного бюджета, но вправе выбрать организационную модель: создать специальную организационную структуру, возложить временные трудовые обязанности на муниципальных служащих либо прибегнуть к помощи сторонней организации. Налицо признаки ограничения конституционного принципа конкурентной экономики, обусловленного спецификой реализации публично-правовой функции образования земельных участков из

земель, находящихся в публичной собственности.

В случае если муниципальные образования предпочитают самостоятельное решение данных вопросов, они вынуждены иметь в своем штате квалифицированных специалистов, которые в достаточной степени осведомлены в ряде специальных нормативно-правовых установлений. Их перечень включает в себя такие федеральные законы, как Федеральный закон «О государственной регистрации недвижимости» [10], Федеральный закон «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» [11], Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [12], Федеральный закон «О содействии развитию жилищного строительства, созданию объектов туристской инфраструктуры и иному развитию территорий» [13], Федеральный закон об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне РФ и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ [14].

В определенных случаях, прежде всего применительно к небольшим муниципальным образованиям на уровне поселений, это практически не представляется возможным. Штат небольшого муниципального образования не должен быть перегружен специалистами в сфере механизма образования земельных участков в ущерб иным, более приоритетным публично-правовым функциям местного самоуправления. С другой стороны, состоявшаяся в январе 2025 г. реформа местного самоуправления, связанная с отказом от поселенческого уровня и укрупнением муниципальных образований до уровня городских и муниципальных округов, может предопределить в долгосрочной перспективе тенденцию к отказу муниципалитетов от гражданско-правовых услуг публично-правовой компании «Роскадастр» и самостоятельному образованию соответствующих земельных участков [15].

При образовании земельных участков органы местного самоуправления либо публично-правовая компания «Роскадастр» в равной степени обязаны соблюдать установленные законом требования к земельным участкам: их предельные размеры, непересечение границ муниципальных образований и населенных пунктов, соблюдение правила ч. 4 ст. 11.9 Земельного кодекса РФ о связанности судьбы земельных участков и расположенных на них объектов строительства, а также запрет каких-либо препятствий рациональному использованию земель, включая вклинивание, вкрапливание, изломанность границ и чересполосицу [16].

Примечательно, что публично-правовая компания «Роскадастр» самостоятельно, вне соразмерной помощи и даже публично-властных решений соответствующих муниципалитетов, не может полностью реализовать взятые на себя гражданско-правовые обязательства. При этом муниципалитет юридически обязан оплачивать выполняемые «Роскадастром» работы и оказываемые им услуги. Полагаем, что с учетом конституционных принципов государственной поддержки местного самоуправления [17] и субсидиарности в механизме разграничения предметов ведения и полномочий [18] более целесообразным было бы нормативное решение о полном финансировании деятельности «Роскадастра» за счет средств федерального бюджета, исключая при этом его гражданско-правовые соглашения с органами муниципальных образований.

В силу норм земельного законодательства муниципальные образования также публично обязаны осуществлять подготовку и утверждение схем расположения земельных участков [19]. В данных административно-правовых процедурах публично-правовой и частноправовой аспекты выглядят более четко разграниченными: если муниципалитет

является субъектом права публичной собственности на землю, он обязан подготовить данную схему как собственник и далее утвердить ее как субъект публичного управления. Если же земельный объект находится в частной собственности, то именно собственник готовит схему, а муниципалитет утверждает ее либо отказывает в ее утверждении.

В общественные отношения, которые складываются в механизме подготовки и утверждения схем расположения земельных участков, законодатель вводит ряд дополнительных элементов. Помимо допустимости гражданско-правового соглашения с «Роскадастром», муниципалитеты обязаны организовать общественные обсуждения или публичные слушания, что является формой непосредственного участия граждан в осуществлении местного самоуправления [20]. Кроме того, форма схемы, требования к формату схемы и требования к подготовке схемы устанавливаются не федеральным законом, не указами Президента РФ или постановлениями Правительства РФ, а подзаконными актами федеральных органов исполнительной власти специальной компетенции.

При подобной усложненности административной процедуры сложно сделать вывод о предпочтительности самостоятельного осуществления муниципалитетами данной публичной функции либо ее возложения на «Роскадастр» вследствие гражданско-правового соглашения. Федеральная публично-правовая компания юридически не уполномочена на организацию и проведение общественных обсуждений или публичных слушаний, поскольку это исключительная прерогатива муниципалитетов. С другой стороны, срочный характер схемы расположения земельного участка стимулирует органы местной власти к тому, чтобы они поддерживали практику заключения соответствующих договоров с данной публично-правовой компанией, сосредоточивая организационно-правовое внимание на выполнении основной публичной функции утверждения схемы расположения земельного участка или отказа в ее утверждении [21].

Выводы. Изложенное позволяет сделать вывод о том, что участие органов местного самоуправления в землеустроительной деятельности носит объективно необходимый характер, несмотря на то что действующее законодательство не всегда последовательно закрепляет соответствующую муниципальную компетенцию. Муниципальные образования оказываются вовлеченными в формирование землеустроительной документации, образование земельных участков, подготовку и утверждение схем их расположения, а также организацию публичных процедур, без которых невозможна легитимная реализация земельно-градостроительных решений.

Вместе с тем действующая нормативная модель характеризуется смешением публично-правовых и частноправовых механизмов. С одной стороны, муниципалитет выступает как собственник земельного имущества, несущий бремя его содержания; с другой - как субъект публичного управления, осуществляющий властные полномочия в сфере земельных отношений. Такое сочетание само по себе допустимо, однако требует более четкого законодательного разграничения функций, источников финансирования и пределов ответственности органов местного самоуправления.

Представляется необходимым совершенствование законодательства о землеустройстве и земельных отношениях в части прямого закрепления муниципальной компетенции, определения форм участия муниципальных образований в землеустроительной деятельности, а также установления финансовых гарантий реализации соответствующих функций. Особое значение имеет нормативная оптимизация взаимодействия муниципалитетов с публично-правовой компанией «Роскадастр», при которой публично значимые функции не должны подменяться гражданско-правовой моделью возмездно-

го оказания услуг за счет местных бюджетов. Именно такая корректировка позволит обеспечить баланс принципов единства публичной власти, самостоятельности местного самоуправления и рационального использования земель.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 18.06.2001 № 78-ФЗ «О землеустройстве» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 26. Ст. 2582.
2. Постановление Правительства РФ от 04.04.2002 № 214 «Об утверждении Положения о государственной экспертизе землеустроительной документации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 15. Ст. 1432.
3. Приказ Минэкономразвития России от 03.06.2011 № 267 «Об утверждении порядка описания местоположения границ объектов землеустройства» // Российская газета. 2011. 22 июля.
4. Постановление Правительства РФ от 30.07.2009 № 621 «Об утверждении формы карты (плана) объекта землеустройства и требований к ее составлению» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 32. Ст. 4038.
5. Приказ Росреестра от 14.02.2023 № П/0036 «Об установлении порядка согласования и утверждения землеустроительной документации, порядка создания и ведения государственного фонда данных, полученных в результате проведения землеустройства, а также порядка их использования» // СПС «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 30.12.2021 № 448-ФЗ «О публично-правовой компании «Роскадастр» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 1. Ст. 17.
7. Гаджиев К.Т. Земли, необходимые для развития муниципальных образований - как правовое понятие // Административное и муниципальное право. 2011. № 4. С. 14-18.
8. Харитонова О.В., Фролова А.В. Некоторые проблемы правового регулирования реализации полномочий органов местного самоуправления в области рационального использования земли и других природных ресурсов, охраны окружающей природной среды // Совершенствование системы и повышение эффективности деятельности органов местного самоуправления в Забайкальском крае: проблемы и пути решения. Чита, 2019. С. 139-143.
9. Тубольцев А.С. Бремя содержания имущества собственником - муниципальным образованием при заключении договоров аренды // Педагогическое образование на Алтае. 2014. № 2. С. 589-591.
10. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2015. № 29. Ст. 4344.
11. Федеральный закон от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости» // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1. Ст. 40.
12. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3018.
13. Федеральный закон от 24.07.2008 № 161-ФЗ «О содействии развитию жилищного строительства, созданию объектов туристской инфраструктуры и иному развитию территорий» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30. Ст. 3617.
14. Федеральный закон от 01.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 18. Ст. 2495.
15. Ржевская М.А., Шаланцев Е.М. Будущее местного самоуправления в России: анализ реформы 2025 года // Реформа местного самоуправления 2025: финансовые, правовые, организационные аспекты. Саратов, 2025. С. 68-73.
16. Ковалько О.В. Вкрапливание, вклинивание, чересполосица и изломанность границ как основание для отказа в утверждении схемы расположения земельного участка // Современные проблемы землепользования и кадастров. М., 2019. С. 176-180.
17. Булах Е.В. Государственная поддержка развития системы местного самоуправления в современной России: перспективы и сдерживающие факторы // Вопросы права и политики. 2013. № 2. С. 22-31.
18. Умнова И.А. Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 45-53.
19. Николаенко А.С., Слипец А.А. Особенности утверждения схемы расположения земельного участка на кадастровом плане территории // Материалы научно-практической конференции, посвященной 155-летию со дня рождения Александра Васильевича Леонтьева. Калуга, 2025. С. 403-407.
20. Астафичев П.А. Свобода участия граждан и их объединений в осуществлении градостроительной деятельности как принцип градостроительного законодательства // Градостроительное право. 2020. № 2. С. 6-10.
21. Тулупова Ю.Г. Целеполагание как элемент правового режима земельного участка: между прошлым и будущим // Право и государство: теория и практика. 2023. № 10. С. 229-232.

Volkovskaya L.N. Municipal competence in the sphere of land management: problems of normative certainty and public-law delimitation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 247-252.

The article examines the problems of implementation of municipal competence in the field of land management

and formation of land plots. The author focuses on the insufficient normative certainty of participation of local self-government bodies in land management activities, as well as on the combination of public-law and private-law mechanisms for regulating land relations. The article analyzes preparation and approval of land plot location schemes, interaction between municipalities and the public-law company Roskadastr, financial support of relevant functions and delimitation of powers within the unified system of public authority.

Keywords: local self-government, land management, land plots, municipal competence, Roskadastr, public authority, land relations, urban planning activity, delimitation of powers, public-law regulation.

Spisok literatury:

1. Federal`ny`j zakon ot 18.06.2001 № 78-FZ «O zemleustrojstve» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2001. № 26. St. 2582.
2. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 04.04.2002 № 214 «Ob utverzhdenii Polozheniya o gosudarstvennoj e`kspertize zemleustroitel`noj dokumentaczii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 15. St. 1432.
3. Prikaz Mine`konomrazvitiya Rossii ot 03.06.2011 № 267 «Ob utverzhdenii poryadka opisaniya mestopolozheniya granicz ob`ektov zemleustrojstva» // Rossijskaya gazeta. 2011. 22 iyulya.
4. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 30.07.2009 № 621 «Ob utverzhdenii formy` karty` (plana) ob`ekta zemleustrojstva i trebovanij k ee sostavleniyu» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2009. № 32. St. 4038.
5. Prikaz Rosreestra ot 14.02.2023 № P/0036 «Ob ustanovlenii poryadka soglasovaniya i utverzhdeniya zemleustroitel`noj dokumentaczii, poryadka sozdaniya i vedeniya gosudarstvennogo fonda danny`x, poluchenny`x v rezul`tate provedeniya zemleustrojstva, a takzhe poryadka ix ispol`zovaniya» // SPS «Konsul`tantPlyus».
6. Federal`ny`j zakon ot 30.12.2021 № 448-FZ «O publichno-pravovoj kompanii «Roskadastr» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2022. № 1. St. 17.
7. Gadzhiev K.T. Zemli, neobxodimy`e dlya razvitiya municzipal`ny`x obrazovanij - kak pravovoe ponyatie // Administrativnoe i municzipal`noe pravo. 2011. № 4. S. 14-18.
8. Xaritonova O.V., Frolova A.V. Nekotory`e problemy` pravovogo regulirovaniya realizaczii polnomochij organov mestnogo samoupravleniya v oblasti raczional`nogo ispol`zovaniya zemli i drugix prirodny`x resursov, oxrany` okruzhayushhej prirodnoj sredy` // Sovershenstvovanie sistemy` i povy`shenie e`ffektivnosti deyatel`nosti organov mestnogo samoupravleniya v Zabajkal`skom krae: problemy` i puti resheniya. Chita, 2019. S. 139-143.
9. Tubol`czev A.S. Bremya soderzhaniya imushhestva sobstvennikom - municzipal`ny`m obrazovaniem pri zaklyuchenii dogovorov arendy` // Pedagogicheskoe obrazovanie na Altae. 2014. № 2. S. 589-591.
10. Federal`ny`j zakon ot 13.07.2015 № 218-FZ «O gosudarstvennoj registraczii nedvizhimosti» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2015. № 29. St. 4344.
11. Federal`ny`j zakon ot 30.12.2004 № 214-FZ «Ob uchastii v dolevom stroitel`stve mnogokvartirny`x domov i iny`x ob`ektov nedvizhimosti» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2005. № 1. St. 40.
12. Federal`ny`j zakon ot 24.07.2002 № 101-FZ «Ob oborote zemel` sel`skoxozyajstvennogo naznacheniya» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2002. № 30. St. 3018.
13. Federal`ny`j zakon ot 24.07.2008 № 161-FZ «O sodejstvii razvitiyu zhilishhnogo stroitel`stva, sozdaniyu ob`ektov turistskoj infrastruktury` i inomu razvitiyu territorij» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2008. № 30. St. 3617.
14. Federal`ny`j zakon ot 01.05.2016 № 119-FZ «Ob osobennostyax predostavleniya grazhdanam zemel`ny`x uchastkov, naxodyashhixsya v gosudarstvennoj ili municzipal`noj sobstvennosti i raspolozhenny`x v Arkticheskoj zone Rossijskoj Federaczii i na drugix territoriyax Severa, Sibiri i Dal`nego Vostoka Rossijskoj Federaczii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2016. № 18. St. 2495.
15. Rzhevskaya M.A., Shalanczev E.M. Budushhee mestnogo samoupravleniya v Rossii: analiz reformy` 2025 goda // Reforma mestnogo samoupravleniya 2025: finansovy`e, pravovy`e, organizaczionny`e aspekty`. Saratov, 2025. S. 68-73.
16. Koval`ko O.V. Vkraplivanie, vklinivanie, cherespolosicza i izlomannost` granicz kak osnovanie dlya otkaza v utverzhdenii sxemy` raspolozheniya zemel`nogo uchastka // Sovremenny`e problemy` zemlepol`zovaniya i kadastrov. M., 2019. S. 176-180.
17. Bulax E.V. Gosudarstvennaya podderzhka razvitiya sistemy` mestnogo samoupravleniya v sovremennoj Rossii: perspektivy` i sderzhivayushhie faktory` // Voprosy` prava i politiki. 2013. № 2. S. 22-31.
18. Umnova I.A. Problemy` defederalizaczii i perspektivy` optimizaczii sovremennoj rossijskoj modeli razgranicheniya predmetov vedeniya i polnomochij v kontekste doktriny` subsidiarnosti // Sravnitel`noe konstituczionnoe obozrenie. 2012. № 2. S. 45-53.
19. Nikolaenko A.S., Slipecz A.A. Osobennosti utverzhdeniya sxemy` raspolozheniya zemel`nogo uchastka na kadastrovom plane territorii // Materialy` nauchno-prakticheskoj konferenczii, posvyashhennoj 155-letiyu so dnya rozhdeniya Aleksandra Vasil`evicha Leont`eva. Kaluga, 2025. S. 403-407.
20. Astafichev P.A. Svoboda uchastiya grazhdan i ix ob`edinenij v osushhestvlenii gradostroitel`noj deyatel`nosti kak princzip gradostroitel`nogo zakonodatel`stva // Gradostroitel`noe pravo. 2020. № 2. S. 6-10.
21. Tulupova Yu.G. Czelepolaganie kak e`lement pravovogo rezhima zemel`nogo uchastka: mezhdu proshly`m i budushhim // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. № 10. S. 229-232.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 253-263.

УДК 342. 5

КОНТРОЛЬНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ ПАРЛАМЕНТОВ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Грушина Н. В., Адельсеитова А. Б.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье исследуется реализация контрольной функции современными парламентами зарубежных государств. Авторы анализирует правовую природу парламентского контроля, его объекты, а также основные формы контрольных процедур, сложившиеся в мировой конституционной практике. На основе сравнительно-правового анализа выделяются три модели парламентского контроля, соответствующие парламентарной, президентской и смешанной формам правления. Особое внимание уделено таким формам контроля, как отчеты правительства и министров, депутатские вопросы, интерпелляция, парламентские слушания, создание следственных комитетов(комиссий), а также процедурам выражения доверия и недоверия правительству. На примерах Великобритании, Франции, США, Италии, ФРГ и других стран раскрываются особенности реализации каждой из указанных процедур. Авторы приходят к выводу, что эффективный парламентский контроль является необходимым условием проведения законодательно оформленного политического курса, предотвращения коррупции и информирования общественности о деятельности исполнительной власти.

Ключевые слова: парламентский контроль, контрольная функция парламента, формы парламентского контроля, сравнительно-правовой анализ, зарубежные государства.

В подавляющем большинстве государств современного типа представительные учреждения наряду с нормотворческой деятельностью реализуют контрольное полномочие, значимость которого сопоставима с законодательной. Данное полномочие, несмотря на многообразие конкретных форм его проявления, в теоретическом плане может быть унифицировано под единым понятием «контроль». Функционирование любого парламента в условиях демократического политического режима предполагает, что регламентная работа высшего представительного органа обязательно включает в себя процедуры контрольного назначения; отсутствие последних делает регулярный законотворческий процесс практически неосуществимым.

Согласно устоявшимся положениям юридической теории, содержание контрольного полномочия законодательного органа раскрывается через осуществляемую им проверочную деятельность в отношении действий, принимаемых решений и исходящих от уполномоченных субъектов государственного аппарата и их официальных представителей, причем такая проверка может носить как прямой, так и косвенный характер. В нормативных правовых актах, равно как и в профильной научной литературе, указанная разновидность деятельности парламента получила устойчивое терминологическое закрепление в виде словосочетания «парламентский контроль».

Обладание механизмом парламентского контроля выступает одной из ключевых прерогатив, которой наделены высшие представительные институты в современных демократических государствах. Обоснование необходимости существования данного механизма в любой стране строится на следующем тезисе: парламент, будучи выразителем народной воли, обязан иметь возможность контролировать процесс реализации государственной политики. Для уяснения сущностных параметров парламентского контроля принципиальное значение имеет вопрос об объектах такого контроля. Как показывает практика, основным объектом здесь выступает исполнительная власть. Конституционная практика свидетельствует, что парламенты в условиях современной демократии способны охватывать контролем всю политическую и административную деятельность органов исполнительной власти. Из этого следует, что предметом парла-

ментского контроля служит политическая деятельность правительства, а потому контроль в отношении исполнительной власти приобретает политическую природу, хотя и реализуется в правовых формах. Вместе с тем парламентский контроль может распространяться также на главу государства, судебную систему и иные институты, однако в таких случаях характер контроля становится исключительно юридическим. Изучение конституций и законодательных актов многих стран мира показывает, что парламенты применяют разнообразные формы контроля за деятельностью исполнительных органов власти. В специальной литературе степень их использования связана с формой правления, и выделяют три модели реализации механизма парламентского контроля [1, с. 421-423]. Наличие института политической ответственности, которая существует в парламентарных странах определяет первую модель Вотум недоверия как форма парламентского контроля, в соответствии с общепринятой практикой, как правило влечет за собой коллективную отставку правительства. Вторая модель присуща странам с президентской формой правления. Рас следовательская деятельность комитетов (комиссий) при этой модели является наиболее активной формой деятельности. Правительство, при такой форме правления, не обладает полномочиями по роспуску парламента. Смешанной формой правления, которая определяет содержание третьей модели, объединяет формы контроля, которые свойственны как первой, так и второй модели, хотя и имеет отдельные особенности. Таким образом, форма правления существенным образом влияет на контрольные функции парламента, содержание моделей позволяют понять, что деятельность высших представительных органов власти в сфере контроля за деятельностью правительства имеет определенные различия, но осуществляется в определенных формах.

В результате компаративного анализа институциональных механизмов законодательного контроля в ряде государств с демократической формой правления представляется возможным выделить следующие юридически значимые формы парламентской супервизии за деятельностью органов исполнительной власти, обладающие, согласно авторской позиции, приоритетным доктринальным и практическим значением: периодические публичные отчёты правительства и профильных министерств о результатах реализации управленческих функций; парламентские запросы (интерпелляции) и устные вопросы депутатов к премьер-министру или отдельным членам кабинета; процедура вотума доверия правительству либо альтернативная инициатива вынесения резолюции порицания; регламентированные слушания в законодательных органах; формирование постоянных, временных и следственных комитетов (комиссий) с контрольными полномочиями. Конструктивные правоотношения между законодательной и исполнительной ветвями власти объективно невозможны в отсутствие устойчивого двустороннего информационного обмена. Одной из предусмотренных конституционными нормами ряда юрисдикций форм такого обмена выступает обязанность правительства по предоставлению парламентскому корпусу развёрнутого доклада о текущей административной деятельности. Указанная модель, в частности, имплементирована в правовую систему США. Возможность осуществлять текущий контроль предоставлена Законодательному Собранию в штатах в США [1, с. 463]. Законодательным органам США присуща контрольная процедура, в соответствии с которой правительство предоставляет отчет, это правило также действует относительно отдельных членов правительства. В подобной ситуации форма правления может повлиять только на итог или результат, который наступает после осуществления данной контрольной функции. Следует также отметить, что вопрос ответственности правительства парламенту не всегда имеет еди-

ное понимание. Практика показывает различные формы контроля, которые могут возникнуть после предоставления и выступления членов правительства, либо главы с отчетом [2, с. 216]. К разновидностям таких отчетов парламентская практика относит также послания глав государств и тронные речи монархов. В США традиционным является выступление главы государства перед Конгрессом. В своем докладе, как правило Президент США определяет основные векторы развития страны, что в последующем активно обсуждается конгрессменами. Периодичность выступлений главы США достаточно активна, в течение года, как показывает практика, президент выступает порядка 25-30 раз. По итогам выступлений президента США конгресс имеет большое количество докладов от исполнительной власти. В Великобритании, также традиционно, при созыве новой сессии парламента является общепринятым правилом выступления монарха с тронной речью.

[1, с. 463-464]. В ряду разновидностей подотчетной деятельности публичной власти выделяются заявления правительственного характера, особенности процедурного режима которых заключаются в следующем: их парламентская апробация не наступает автоматически по истечении установленного временного интервала. Напротив, инициирование дискуссии по данным документам возможно исключительно по требованию либо представителей кабинета министров, либо депутатского корпуса. Указанный формат взаимоотношений ветвей власти свойствен прежде всего французской модели организации исполнительной государственной структуры. Однако, декларации, которые предусмотрены ст. 49 и 50 Конституции Франции, могут привести к политической ответственности правительства-отставки. Поэтому исполнительная власть Франции во многих случаях стремится ограничиться предоставлением парламенту деклараций информационного характера, дебаты по которым не могут быть закончены голосованием. Сама форма таких деклараций, как и дебаты по ним, обычно носят далекий от действительности характер, поэтому актуальное звучание подобные декларации получают крайне редко [1, с. 464]. Особой формой контрольных парламентских процедур является вопрос депутатов к главе правительства или отдельным министрам. Впервые эта процедура появилась в Великобритании еще в 1849 г., когда на каждом заседании стали отводить специальное время для ответа на задаваемые вопросы. Со временем значение вопросов стало другим – их начали рассматривать не только, как средство получения информации, а как один из элементов осуществления контроля. Практикуется задавать вопросы устные и конечно письменные. Следует учесть, что при постановке вопроса предоставляется право выбора изложить вопрос в устной либо в письменной форме. В этом случае особым спросом пользуется процедура постановке вопроса в письменной форме, так как письменной форма предполагает по содержанию вопроса большую информативность как для членов парламента, так и для министров [1, с. 469]. Постановка вопроса, а именно обращение рассматривается как юридическое средство, посредством которого члены парламента имеют возможность обратиться к членам правительства с требованием разъяснить те или иные вопросы. Данная контрольная процедура в большей степени рассматривается как механизм разрешения рабочих вопрос, нежели чем процедуры, которые предполагают применение каких- либо санкций подобных проведению голосования и объявление недоверия правительству. Реализация права обращения членов парламента к правительству позволяет оперативно разрешать вопросы касающихся защиты личных прав и свобод, данная форма не является особой и важной в политической сфере. Основная цель постановки вопросов правительству – устранение препятствий в разрешении вопроса, разоблачение злоупотреблений и их устранение.

Подобные процедуры также способствуют лучшему уяснению проблем, понимания сложных законопроектов, где выступление с докладом члена правительства является оптимальным и эффективным средством. Однако, возможность обращения с вопросами парламентариями имеет и иную сторону, так, например, практика раскрывает особенности взаимоотношений между представителями парламента и правительства, где одна из сторон представляет оппозицию и дает возможность раскрыть слабые стороны политики правительства, что может повлиять на его дальнейшую деятельность.

[1, с. 470-471]. Ознакомление с парламентской практикой парламентов разных государств свидетельствует о существовании различных методов осуществления процедуры постановки вопросов. В Великобритании постоянные правила Палаты общин четко регламентируют порядок обращения парламентариев с вопросами к министрам. В 14.30 по понедельникам, вторникам, средам и четвергам начинается «Час вопросов» и продолжается до 15.30., когда премьер-министр имеет возможность ответить на вопросы, а также еженедельно по вторникам и четвергам в 15.15., а остальные члены правительства – в порядке очереди в определенный день или дни недели. Следует отметить, что данная процедура достаточно эффективна, в течение одного часа иногда задается до 50-60 вопросов. В течение одной сессии даются ответы почти на 25 тыс. вопросов [3, p. 189-196]. Член Палаты общин, задающий вопрос, должен первым делом изложить его в письменной форме и вручить клерку палаты. Такой вопрос отмечается клерком звездочкой, и в таком случае ответ должен быть дан не позднее, чем через двое суток. Для рассмотрения срочных вопросов в палате предусмотрена особая процедура. Член палаты, желающий применения такой процедуры, должен довести свой вопрос до сведения соответствующего министра и спикера Палаты общин до полудня того дня, когда будет задан вопрос. Вопросы такого рода не публикуются и называются вопросами «по личному сообщению» [1, с. 472 - 473].

Некоторые страны придерживаются английского образца процедуры обращения парламентариев с вопросами к членам правительства. Так, в Италии устные вопросы обязательно включаются в повестку дня заседания палат парламента. Рассмотрение таких вопросов происходит в указанное время - в Палате депутатов первые четыре часа каждого заседания отводится на их ответы, в Сенате - первый час каждого заседания. Если вопрос остается без ответа в течение двух месяцев, он считается устаревшим и исключается из списка. Для ответа на письменные вопросы министрам дается 10 дней [4, с. 126]. Каждое заседание бундестага ФРГ также начинается с Часа вопросов. Порядок их рассмотрения определяет глава бундестага. Список вопросов печатается и распространяется среди членов палаты. Автор вопроса или любой парламентарий имеет право на два дополнительных вопроса к министру. Устные вопросы, не получившие ответа в течение отведенного для этого времени, подлежат письменному рассмотрению, и публикуются в официальном отчете палаты о дебатах [5, с. 231]. Совершенно другие методы в процедуре парламентских вопросов применяются во Франции. Конституция 1958 г. (ст. 48) предусматривает, что одно заседание в неделю резервируется в приоритетном порядке для вопросов членов парламента и ответов правительства [6, с. 34]. Традиционной практикой форм вопросов Национального собрания Франции являются письменные и устные вопросы [7, с. 185]. На практике члены парламента довольно широко пользуются процедурой парламентских вопросов. На современном этапе эта тенденция сохраняется. И все же значение такой процедуры не стоит переоценивать. Во многих случаях все сводится к критике правительственной политики в целом, ее отдельных направлений или определенных мер, поэтому процедура парламентских во-

просов во Франции отнюдь не влияет на дальнейшую судьбу правительства.

С точки зрения юридической техники, интерпелляция — это письменная форма требования к отдельному министру или главе правительства сформулированная одним или группой депутатов о предоставлении объяснений по поводу конкретных действий или по вопросу общей политики.

Интерпелляция — это прежде всего требование, обращенное к правительству, дать объяснения по поводу проводимой им внутренней или внешней политики [8, с. 230]. Следует отметить, возможность задавать актуальные, насущные вопросы в форме интерпелляции дает возможность регулярного обмена информацией между парламентом и правительством.

Более эффективным средством контроля над деятельностью правительства является процедура *интерпелляции.* Это основное средство получения информации и осуществления контроля в классических парламентарных системах [1, с. 465]. Интерпелляция является самым эффективным, строгим, с точки зрения процедуры проведения, средством влияния и осуществления контроля над правительством и имеет ряд особенностей. Обсуждение парламентариями вопросов по процедуре интерпелляции всегда приводит к проведению общих дебатов в палате, а также содержит в себе политическую санкцию, именно потому что, дебаты как правило завершаются голосованием по резолюции, где закреплено удовлетворение или не удовлетворение палаты предоставленными правительством объяснениями. Процедура интерпелляции является достаточно действенной, так как министрам предлагается отчитываться о своей деятельности. И логическим завершением данной контрольной процедуры является применение санкций к правительству, которая в соответствии с законодательством большой части демократических государств в форме постановки вопроса о недоверии правительству. Таким образом, интерпелляция это не только возможность получить разъяснения и информацию по проблемным вопросам, а определяется как форма прямого контроля, которая является действенным механизмом в области контрольных функций парламента и достаточно активно применяется.

Институт интерпелляции имеет давнюю историю, еще в 1791 г., и до настоящего времени ее применение является обычной практикой осуществления парламентского контроля во Франции. Согласно положениям регламента Национального собрания, письменное прошение об интерпелляции с указанием на ее предмет (например, об общей политике правительства) депутат передает председателю Палаты. Срок обсуждения интерпелляции устанавливается палатой на вечернем заседании каждый вторник. Вопрос о внесении интерпелляции должен быть поддержан 1/10 депутатов от общего состава Национального собрания. Если интерпелляция не поддержана депутатами, палата проводит обсуждение и принимает решение о целесообразности применения соответствующей процедуры. Премьер-министр высшего органа исполнительной власти Франции или отдельный министр обязаны предоставить ответ не позднее пятнадцати дней с момента внесения интерпелляции. Если премьер-министр или члены правительства не имеют возможности предоставить ответ, в этом случае законодательство их обязывает предоставить мотивированный отказ, который подлежит рассмотрению на заседании сессии палаты парламента. Законодатель четко определяет невозможность перенесения интерпелляции на следующую сессию. В этой связи Национальное собрание Франции может принять решение и дать возможность подготовить предварительное заключение по содержанию интерпелляции от постоянной комиссии, и вопрос должен разрешится в течении очередной сессии.

После проведения обсуждения палата переходит к голосованию, результатом которого является принятие одного из решений: о переходе в повестку дня; о постановке вопроса относительно доверия или недоверия правительству; о создании специальной или следственной комиссии по данному вопросу [7, с. 174 - 175]. Таким образом, следует, что парламентская процедура внесения предложения дает возможность широкого обсуждения правительственной политики.

Важную роль в осуществлении контрольных полномочий парламентов в государствах с президентской и смешанной формами правления играет такая форма контроля как парламентские слушания. Процедура проведения парламентских слушаний применяется в парламентах США, Италии, ФРГ и других странах. Парламентские слушания организуются любым комитетом (комиссией), а иногда и несколькими комитетами парламента, чтобы привлечь внимание государственных органов и общественности к вопросам, имеющим значимость. Процедура проведения парламентских слушаний в странах с указанными формами правления предусматривает участие представителей исполнительной власти, ученых, известных общественных деятелей, экспертов и других лиц. Проводятся парламентские слушания открыто, однако в случае обсуждения вопросов, затрагивающих интересы национальной безопасности, могут проводиться и закрытые слушания. Таким образом, можно сделать вывод, что проведение парламентских слушаний не приводит к принятию обязывающих решений. Но ни в коем случае не вызывает сомнения тот факт, что обсуждение таким средством важнейших вопросов внутренней и внешней политики правительства, привлекает внимание не только лиц, которые в этом заинтересованы, но и всей общественности.

Мировая конституционная теория и практика повсюду отводит видное место такой традиционной форме парламентского контроля за деятельностью органов исполнительной власти, как создание постоянных, специальных и следственных комитетов (комиссий) парламента. Подобный контроль является неотъемлемым атрибутом практической деятельности всех демократических государств, при любой форме правления в государстве. В правовой доктрине присутствует аксиома, которая определяет право проведения расследования исходя из принципа – информированность парламента по всем вопросам, входящим в компетенцию правительства. Прерогативой парламента является предоставление парламентским комитетам либо комиссиям по расследованию оказание помощи в законодательной деятельности. Существует мнение, что именно эти формы контрольной деятельности парламента являются наиболее эффективными. С практической точки зрения, следует отметить, в государствах со смешанной республиканской, а также с парламентарными формами правления отдельные контрольные полномочия в отношении правительства реализуются постоянно действующими комитетами (комиссиями). Однако, следует отметить и выделить, что существуют государства, где упомянутые структуры совершенно не привязаны к профильной деятельности конкретных министерств и это Великобритания.

Что касается контрольных и специальных следственных комитетов (комиссий), то их образование практически всегда является событием неординарным. Предметом их деятельности является изучение отдельных вопросов. При этом они выполняют разные задачи. Если контрольные комиссии изучают состояние административного, финансового и технического управления публичными службами и государственными предприятиями, то специальные следственные комитеты (комиссии) имеют своей целью сбор информации относительно отдельных фактов. В конституционной теории и практике главной формой парламентского контроля нередко называют постановку вопроса в

представительном органе о доверии правительству или внесение резолюции о недоверии правительству. И это вполне справедливо. Ведь в тех странах, где конституционные основы взаимоотношений законодательной и исполнительной власти построены на принципе парламентского правления, ответственность правительства образует фундамент всей системы парламентского контроля.

Возможность парламентской ответственности правительства предполагается в государствах с парламентарной и смешанной формами правления (Великобритания, Испания, Италия и др. Возможность парламентской ответственности правительства предполагается в государствах с парламентарной и смешанной формами правления (Великобритания, Испания, Италия, Франция и др.), а также в некоторых президентских республиках, которым присущи отдельные элементы парламентаризма (Египет).

Анализ современных демократических конституций позволяет говорить о существовании преимущественно двух процедур - парламентской ответственности правительства – процедура постановки вопроса о доверии правительству и процедура вотума недоверия [9, с. 63]. Процедура вынесения вопроса о доверии правительству, как правило имеет место тогда, когда правительство самостоятельно инициирует постановку этого вопроса в соответствии с законодательством и нормативно-правовыми актами, принятие которых правительство может потребовать от парламента. Данная процедура достаточно эффективно для оказания давления на парламент, и может повлиять в дальнейшем при разногласии роспуск парламента или его палат.

Инициатива вынесения вотума недоверия исходит непосредственно от парламента. В целях сохранения стабильности правительственных структур конституционные акты некоторых государств предусматривают усложнённый порядок реализации такой инициативы, требуя, чтобы она поступала от строго определённого круга парламентариев. Кроме того, принятие резолюции о недоверии (порицании) обусловлено необходимостью её одобрения абсолютным либо квалифицированным большинством голосов в соответствующей палате. Стоит отметить, что в теории вопрос о парламентской ответственности правительства может быть поставлен в связи с любым рассматриваемым в парламенте вопросом, имеющим отношение к деятельности правительства либо непосредственно касающимся его политического курса. Наглядным подтверждением служит государственно-политическая практика Великобритании, где каждое голосование в Палате общин по вопросам реализации правительственной политики формально расценивается как выражение отношения палаты к действующему правительству. Указанный подход не предполагает применения специальной процедуры для постановки вопроса о доверии или недоверии правительству [10, с. 67].

Согласно устоявшейся парламентской практике многих стран, правительство обязано уйти в отставку в тех случаях, когда голосование в палате по значимым вопросам общей политики завершилось для него неблагоприятным исходом. Вместе с тем право определять степень важности вопросов общеполитического характера практически всегда остаётся за самим правительством. Стремясь обеспечить стабильность правительств при отсутствии их главной опоры — поддержки парламентского большинства, законодатели многих государств предпринимают попытки закрепить правила, согласно которым далеко не каждое негативное для правительства голосование в палате влечёт за собой его обязательную отставку. Анализ мирового опыта конституционного нормотворчества показывает, что основные законы многих современных стран содержат положения, в силу которых вопрос о доверии либо недоверии правительству не может быть инициирован по любому поводу и в любой ситуации. Ниже приведены отдельные

примеры конституционного регулирования механизма парламентской ответственности правительства.

Итальянская конституция, в прямо выраженной форме, предусматривает порядок постановки вопроса об ответственности правительства. Таким способом законодатель пытается избежать частых правительственных кризисов. Указанная осторожность тем более необходима, поскольку резолюция об отказе в доверии правительству ставится на голосование в каждой из палат парламента. В соответствии с положением Конституции Италии правительство обязано получить доверие обеих палат по своей программе или любому политическому вопросу. Каждая палата выражает доверие правительству путем поименного голосования по положениям мотивированной резолюции. Срок выражения доверия правительства парламентом Италии составляет 10-дневный срок [11, с. 46]. Конституция Италии закрепляет положение о вынесении палатами парламента Италии вотума недоверия правительству по вопросам его политической деятельности. Резолюция недоверия должна быть мотивированной, и подписана не менее чем 1/10 частью членов палаты, после чего выносится на обсуждение палаты, но не позднее 3 дней с момента ее внесения. Во время голосования палатой по резолюции о недоверии правительству не допускается представление на голосование других резолюций [11, с. 47]

Анализ процедур парламентской ответственности правительства современных демократических государств позволяет заметить определенные различия, которые, на наш взгляд, зависят от того, кому принадлежит в парламенте право ставить вопрос о доверии (недоверии) правительству. Следовательно, можно выделить следующие разновидности субъектов, которым принадлежит такое право: 1) правительство и оппозиция (Великобритания); 2) правительство (Франция); 3) парламент ФРГ); 4) палата и председатель правительства (Российская Федерация). Рассмотрим эти примеры более подробно. Регламент Национального собрания Франции предусматривает, что процедура постановки вопроса об ответственности правительства подчиняется трем правилам. Первое правило-правительство вправе поднять вопрос в Национальном собрании о доверии в связи с обсуждением его программы. Второе правило-правительство в ходе осуществления своих функций может поднять вопрос о доверии, требуя от палаты одобрения декларации общей политики. Третье правило-Национальное собрание никогда не может быть инициатором постановки вопроса об ответственности правительства [12, С. 389-402].

Таким образом, процедура парламентской ответственности правительства применяется в двух формах: первая – постановка вопроса о доверии правительству и вторая – принятие резолюции порицания, при этом использование первой формы процедуры парламентской ответственности правительства может привести к применению второй. Так, получение правительством доверия Национального собрания Франции осуществляется путем принятия простым большинством голосов палаты - программы его деятельности или декларации общей политики. В случае неодобрения указанным количеством депутатов предоставленных правительством документов, процедура выражения доверия сводится к процедуре внесения резолюции порицания. Такая резолюция порицания правительства должна быть поддержана 1/10 общего числа членов Национального собрания. Голосование в Палате по резолюции происходит лишь через 48 ч. с момента ее внесения, и считается принятым, если получила поддержку абсолютного большинства членов палаты. Депутаты, которые не приняли участие в голосовании, автоматически считаются проголосовавшими против такой резолюции. В случае от-

клонения палатой резолюции порицания, внесение аналогичной, в течение той же самой сессии парламента, невозможно [6, с. 36-37]. Следовательно, закрепление на конституционном и регламентном уровнях таких процедур парламентской ответственности, когда только правительству принадлежит право ставить вопрос о доверии (недоверии) имеет целью обеспечить длительную работу правительства Республики.

Особая процедура по постановке вопроса о доверии правительству имеется в палате парламента – бундестаге в ФРГ. Регламент Бундестага закрепляет право палаты выразить недоверие Федеральному канцлеру, и тем самым запустить процедуру ухода всего правительства в отставку. Для этого необходимо внести предложение ¼ депутатов палаты, избрать из своего состава заместителя федерального канцлера и после обратиться к Федеральному президенту как к главе государства. Президент должен удовлетворить предложение палаты. Такой кандидат считается назначенным, если за него проголосовало большинство депутатов Бундестага [5, с. 247-249]. Практика постановки вопроса о недоверии правительству, применяемая в ФРГ получила название «конструктивный вотум». Следует отметить, что наравне с возможностями политической ответственности правительства, такая процедура способствует становлению ответственной оппозиции.

Как показывает практика, применение механизма «конструктивного вотум» для смещения канцлера становится возможным лишь в условиях равновесия основных партийно-политических силу внутри Бундестага. В связи с этим, стремясь усовершенствовать парламентские процедуры привлечения правительства к ответственности, представляется обоснованным обратиться к положительному опыту ряда государств, и прежде всего ФРГ, где процесс назначения главы правительства и его кабинета складывается как итог согласования политических интересов как в парламенте, так и в обществе в целом.

Таким образом, приведенные примеры свидетельствуют, что сконструированные конституциями и другими законами процедуры использования такой формы парламентского контроля как постановка вопроса о доверии или о недоверии правительству во многих случаях сковывают парламентскую деятельность. Во-первых, применение такой формы контроля над деятельностью правительства не всегда достигает цели. В одном случае ее использование фактически нивелируется, поскольку вопрос о доверии инициируется правительством в его же интересах, в другом – в случае внесения вотума недоверия правительство может распустить парламент и назначить новые выборы. Поэтому и неудивительно, что правительство часто использует постановку вопроса о доверии для того, чтобы, поставив парламент под угрозу роспуска, обеспечить тем самым его поддержку по всем вопросам. Во-вторых, принятие резолюции порицания в большинстве государств закреплено рядом конституционных норм, главная цель которых-максимально защитить правительство от этой формы парламентского контроля.

Традиционной и наиболее распространенной формой парламентского контроля за финансовой деятельностью исполнительной власти, которая относится к финансовой процедуре является предоставление парламенту финансовых докладов и отчетов. Современные демократические парламенты применяют различные варианты этой процедуры.

Во Франции члены Национального собрания, входящие в состав комитета по вопросам бюджета, обязаны по требованию палаты предоставить от имени комитета доклад о бюджете того или иного министерства. Кроме того, члены такого комитета уполномочены контролировать расходы этого министерства, и требовать от него предоставления

им всей необходимой информации [13, с. 54]. В большинстве государств (Италия, Франция, США) эта процедура происходит законодательным путем. Законопроект об исполнении государственного бюджета за прошлый год в указанных странах вносится правительством на рассмотрение палаты, которая утверждает его как обычный законопроект. Однако, изначально должна быть проведена ревизия соответствующим органом палаты, например, Счетной палатой в Италии [9, с. 63].

Таким образом, современные высшие представительные органы государств в большинстве своем обладают весьма разнообразными и эффективными парламентскими процедурами, благодаря которым они, в течение пленарных заседаний, осуществляют присущую им контрольную функцию. Как свидетельствует политико-правовой опыт стран с устоявшимися демократическими традициями, именно парламентский контроль обеспечивает проведение законодательно оформленного политического курса, определение необходимых изменений в программах и деятельности правительства, предотвращение проявлений коррупции и расточительства. В то же время, парламентский контроль является надежным средством опосредованного информирования общественности о различных аспектах государственного управления.

Список литературы:

1. Парламенты. Сравнительное исследование структуры и деятельности представительных учереждений 55 стран мира / Под ред. М. Аммелера: Вступ. ст. Ф.И. Калиничева и В.В. Евгеньева. - М.: Прогресс, 1967.-512 с.
2. Конституционное право зарубежных стран / Под ред. Страшуна Б.А. - 2-е изд. - М.: БЕК, 1996. - Т.1. - 246 с.
3. Standing Orders of the House of Commons. – L., 1996.- 1023 p.
4. Карпикова И.С. Итальянский парламент. - М.: Издательство Международные отношения, 1965. 164 с.
5. Регламент Бундестага // ФРГ: Конституция и законодательные акты / Под ред. Туманова В.А. – М.: Прогресс, 1991. - С. 213-255.
6. Конституция Франции // Французская Республика: Конституция и законодательные акты /Под ред. Туманова В.А. - М.: Прогресс, 1989. – С. 30-53.
7. Регламент Национального Собрания Франции // Французская Республика: Конституция и законодательные акты / Под ред. Туманова В.А. – М.: Прогресс, 1989. - С.165-231.
8. Мишин А.А. Центральные органы власти буржуазных государств. - М.: Издательство МГУ, 1972. - 285 с.
9. Матвеева О.М. Эволюция института политической ответственности правительства и новые формы парламентского контроля в зарубежных странах (на примере развитых капиталистических стран) // Российский юрид. журнал. - Екатеринбург, 1995. - №2.- С.62-68.
10. Крылов Б.С. Государственный строй Великобритании. - М.: Госюриздат, 1957. - 82 с.
11. Конституция Италии // Италия: Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс, 1988. С.29-61.
12. Маклаков В.В. Парламент Франции // Парламенты мира. – М.: Интерпракс, 1991. - С.387- 440.
13. Керимов А.Д. Парламентское право Франции. – М.: Издательство «Норма», 1998.- 176 с.

Grushina N.V., Adelseitova A.B. Control procedures of parliaments in foreign countries: comparative legal analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 253-263.

The article examines the implementation of the control function by modern parliaments of foreign countries. The author analyzes the legal nature of parliamentary control, its objects, as well as the main forms of control procedures that have developed in world constitutional practice. Based on the comparative legal analysis, three models of parliamentary control are distinguished, corresponding to parliamentary, presidential and mixed forms of government. Special attention is paid to such forms of control as reports from the government and ministers, parliamentary questions, interpellation, parliamentary hearings, the creation of investigative committees (commissions), as well as procedures for expressing confidence and distrust in the government. Using the examples of Great Britain, France, the USA, Italy, Germany and other countries, the specifics of the implementation of each of these procedures are revealed. The authors conclude that effective parliamentary control is a necessary condition for pursuing a legally formalized policy course, preventing corruption and informing the public about the activities of the executive branch.

Keywords: parliamentary control, control function of parliament, forms of parliamentary control, comparative legal analysis, foreign countries.

Spisok literatury:

1. Parlamenty. Sravnitel'noe issledovanie struktury i deyatel'nosti predstavitel'nyh ucherezhdenij 55 stran mira / Pod red. M. Ammelera: Vstup. st. F.I. Kalinicheva i V.V. Evgen'eva. - M.: Progress, 1967.-512 s.

2. Konstitucionnoe pravo zarubezhnyh stran / Pod red. Strashuna B.A. - 2-e izd. - M.: BEK, 1996. - T.1. - 246 s.
3. Standing Orders of the House of Commons. – L., 1996.- 1023 r.
4. Karpikova I.S. Ital'yanskij parlament. - M.: Izdatel'stvo Mezhdunarodnye otnosheniya, 1965. - 164 s.
5. Reglament Bundestaga // FRG: Konstituciya i zakonodatel'nye akty / Pod red. Tumanova V.A. – M.: Progress, 1991. - S.213-255.
6. Konstituciya Francii // Francuzskaya Respublika: Konstituciya i zakonodatel'nye akty /Pod red. Tumanova V.A. - M.: Progress, 1989. – S.30-53.
7. Reglament Nacional'nogo Sobraniya Francii // Francuzskaya Respublika: Konstituciya i zakonodatel'nye akty / Pod red. Tumanova V.A. – M.: Progress, 1989.- S.165-231.
8. Mishin A.A. Central'nye organy vlasti burzhuaznyh gosudarstv. - M.: Izdatel'stvo MGU, 1972. - 285 s.
9. Matveeva O.M. Evolyuciya instituta politicheskoj otvetstvennosti pravitel'stva i novye formy parlamentskogo kontrolya v zarubezhnyh stranah (na primere razvityh kapitalisticheskih stran) // Rossijskij yurid. zhurnal. - Ekaterinburg, 1995. - №2.- S.62-68.
10. Krylov B.S. Gosudarstvennyj stroj Velikobritanii. - M.: Gosyurizdat, 1957. - 82 s.
11. Konstituciya Italii // Italiya: Konstituciya i zakonodatel'nye akty. – M.: Progress, 1988. – S.29-61.
12. Maklakov V.V. Parlament Francii // Parlamenty mira. – M.: Interpraks, 1991. - S.387- 440.
13. Kerimov A.D. Parlamentskoe pravo Francii. – M.: Izdatel'stvo «Norma», 1998.- 176 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 264-269.

УДК 342

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО: МЕЖИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В ПЕРИОД КИЕВСКОЙ РУСИ И МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА

Гоглева К. Ю.

Санкт-Петербургский университет Министерства Внутренних дел Российской Федерации

Предлагаемая читателю статья посвящена вопросам рассмотрения историографии государственно-конфессионального взаимодействия в механизме превентивного обеспечения минимизации публично-правовых и частно-правовых конфликтов, возникающих при реализации свободы вероисповедания, и охватывает период времен зарождения отечественной государственности. Автором доказывается, что процесс урегулирования конфликтных ситуаций в рассматриваемой сфере традиционно для Российской Федерации происходит с позиции права с привлечением, при этом, в качестве средства убеждения противоборствующих субъектов, поддержки конфессиональных сообществ.

Ключевые слова: государственно-конфессиональное взаимодействие, институт Церкви, религиозные сообщества, конфессиональные сообщества, христианство, Крещение Руси, свобода вероисповедания, религиозные права, публично-правовой конфликт, юридическая конфликтология.

Государственно-конфессиональное сотрудничество в современной России весьма прочно утвердилось в качестве систематизированного и развитого конституционно-правового института, оказывающего существенное влияние на гарантирование надлежащего конституционного правопорядка в обществе. Несмотря на то, что история взаимодействия государства и религиозных объединений в России разнообразна и, подчас, полярна: в ней присутствуют периоды легализации государственного статуса православной церкви, воинствующего атеизма советского периода, современной истории светского государства, наша страна смогла не только решить задачу установления порядка, при котором эффективным образом гарантируется свобода совести, религиозного выбора и отправления религиозных обрядов, но и обеспечить межнациональное и межрелигиозное согласие как основу российской государственности.

Это соответствует общемировой тенденции десекуляризации, характеризующейся множеством проявлений всемирного возрождения религии и ее общественного влияния, которые включают в себя изменения в коллективных представлениях и институтах (как формальных, так и неформальных) и, в конечном счете, трансформируют материальный субстрат общества.

В современной России развитие интереса к проблематике государственно-конфессиональных отношений, в общем, и к вопросу публично-правового обеспечения национальной идентичности, в частности, актуализируется вследствие продолжительной и, отчасти, критически направленной общественной полемики по поводу принятия и вступления в силу поправок к Конституции РФ от 2020 г., а также последующей за ними юридизации традиционных российских духовно-нравственных ценностей в Указе Президента РФ в 2022 г. Данные правовые новеллы в значительной степени пересмотрели институциональные основы публично-правового механизма обеспечения гражданской идентичности многонационального народа РФ, основанного на сохранении и укреплении традиционных основ национальной культурной (в том числе и религиозной) идентичности народов РФ. Так, за последние 5 лет 13 раз вносились изменения и дополнения в Федеральный закон от 26.09.1997 г. № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях». В результате произведенной реформы, в частности, введен запрет на использование религиозных символов в образе, искажающем их аутентичное религиозное изображение. А 25.11.2025 г. утверждена Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2036 г.,

комплексный межотраслевой социально ориентированный характер которой предопределяет не только закрепление легального определения таких понятий как: конфликт на национальной (этнической) и (или) религиозной почве; национально-культурные потребности (этнокультурные потребности); общероссийская гражданская идентичность (гражданское самосознание); этнокультурное и языковое многообразие РФ и т.д., но и необходимость доктринального осмысления и обоснования взаимодействия органов публичной власти и институтов религиозного сообщества в решении задач государственной национальной политики РФ.

При этом остаются малоизученными и недостаточно разработанными в конституционном праве России понятия «конфессиональных символов», «национальной культурной идентичности» и их реализации в правовой системе применительно к деятельности органов публичной власти. Нуждаются в дальнейшем теоретическом исследовании проблемы разумного ограничения религиозных прав граждан, разрешения коллизии правоприменения в части обеспечения свободы слова и творчества и свободы совести и вероисповедания, разграничения компетенции между органами светской и религиозной власти в разрешении подобного рода споров, возникающих в обществе, всестороннего и полноценного обеспечения взаимодействия конфессионального сообщества и органов государственной власти в обеспечении формирования гражданской идентичности многонационального народа России, что является критически важным для построения сильной и эффективной политической системы современного российского государства, особо подчеркнутым Президентом России В.В. Путиным: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме. Любой человек, живущий в нашей стране, не должен забывать о своей вере и этнической принадлежности. Но он должен прежде всего быть гражданином России и гордиться этим. Никто не имеет права ставить национальные и религиозные особенности выше законов государства. Однако при этом сами законы государства должны учитывать национальные и религиозные особенности» [1].

Представляется, что легальная возможность разрешения публично-правовых конфликтов в системе межэтнических и межконфессиональных отношений посредством публично-правового обеспечения – надежная гарантия реализации государственных устремлений, состоящих в обеспечении принципа светского государства, основанного не только на функциональном разделении сфер компетенции Церкви и власти и невмешательстве их во внутренние дела друг друга [2], но и на выстраивании надежного и конструктивного взаимодействия органов единой системы публичной власти и традиционных конфессиональных сообществ РФ в обеспечение национальных интересов.

Подобные проблемы в современной России еще не разрешены, они требуют адекватного внимания в теории, законодательстве и правоприменительной практике с учетом необходимости обеспечения национальных интересов и безопасности страны, ее историко-правовых традиций и современных политико-правовых приоритетов. В связи с чем изучение историографии государственно-конфессиональных отношений представляется весьма актуальной задачей как в теории конституционного права, так и в публично-правовых (государственно-правовых) науках в целом, так как ответы на вопросы настоящего необходимо искать в прошлом, анализируя прошедшие события и соотнося их с нынешними реалиями.

Следует отметить, что взаимоотношения публичной власти и Церкви (в понимании этого слова как официального объединения клириков и конфессиональных последователей) выступает объектом доктринального внимания довольно длительный период, в первую очередь, направленного на научное осознание трансформирующей роли религии в формировании правосознания и ценностной ориентации членов социума и их самоидентификации себя как части народа того или иного

государственного образования. Ведь именно религиозные сообщества являются главными институтами формирования культурной национальной идентичности как элемента гражданской идентичности многонационального народа России. И именно поэтому охрана и защита чувств верующих, выраженная в публично-правовом обеспечении конфессиональных символов как элемента национальной идентичности являлась прямой задачей органов государственной власти на протяжении всего периода государственно-конфессиональных отношений и продолжает оставаться таковой.

Несмотря на то, что большинство современных государств относятся к категории «светских», социальное регулирование в них основано на абсолютных ценностях, базирующихся на религиозных догмах, традиционных для народа. Что позволяет говорить об общей мировой тенденции к постсекулярности, при которой характеристика светскости (например, в редакции, произведенной в ч. 1 ст. 14 Конституции Российской Федерации), априори, не равна атеистичности [3; 4].

Ярким примером тому может служить историография государственно-конфессиональных отношений в нашем государстве, законодательная практика которого за прошедший пятилетний период (с конституционных поправок 2020 г.) является прямым закреплением традиционного единения Церкви и государства в единстве государственности, защите суверенитета страны и ее нерушимой целостности [5, с. 23-36].

Ведь именно конфессиональные сообщества являются главными институтами формирования культурной национальной идентичности как элемента гражданской идентичности многонационального народа России. И именно поэтому охрана и защита чувств верующих, выраженная в публично-правовом обеспечении конфессиональных символов как элемента национальной идентичности, профилактика конфликтности в сфере реализации прав верующих, являлась прямой задачей органов государственной власти на протяжении всего периода государственно-конфессиональных отношений в истории российской государственности и продолжает оставаться таковой [6, с. 34].

Путь современной России к подобному «взвешенному» и конструктивному взаимодействию с религиозными организациями не был последователен и планомерен. Российская империя, сформированная как поликонфессиональное государство, неизбежно сталкивалась с проявлениями межрелигиозной розни, в том числе, обусловленной непоследовательностью политических решений государственного аппарата. Так, курс на «веротерпимость» периодически сменялся курсом на «конфессиональную ортодоксальность». Подобные изменения вызывали естественное недовольство общества, связанное с ущемлением их чувств религиозной принадлежности и идентичности в целом, обостряя, тем самым, конфликт между властью и социумом, подрывая устои легитимности института государственного управления.

Дореволюционный период отношений между органами государственной власти и религиозными организациями начинается с периода Крещения Руси в 988 г., знаменуется образованием автокефальной Русской православной церкви в 1448 г. и официальным установлением православной религии в качестве государственной, что, впрочем, не исключало социальной конфликтности, выраженной в попытке распространения в XI-XII вв. иных религиозных учений: «Восстает около 1003 г. некий монах Андреан против поклонения икон, иерархии и законов церковных. …Потом в 1149 г. приходит монах Мартин, родом армянин, в Киевские страны и, написав там сто книжиц под именем Правда, раздает их тайным образом. …Се первая к расколу дверь. Его учение распространялось около 10 лет, и некими той страны жителями и церквами принято яко истинное» [7, с. 37].

Подобного рода «греховное» поведение требовало от власти рефлексии, сопряжённой с легальным разрешением данного рода публично-правовых конфликтов и выраженной в установлении ответственности за подобного рода «покушения» на

главенство государственной роли православия, что и нашло юридическое закрепление в Уставе князя Владимира, созданном в конце X-начале XI вв., на основании норм Византийского Нормоканона. В частности, в Уставе было зафиксировано распространение юрисдикции церковного суда на все христианское население Руси в части применения ответственности за противоправные деяния против Церкви и верующих (например, колдовство, претворение в жизнь языческих обрядов, осквернение мест захоронений и тел усопших и т.д.) [8, с. 148-149].

Дальнейшее развитие законодательства, охраняющего и защищающего чувства верующих и символы их самоидентификации, связано с именем князя Ярослава Мудрого, Церковный Устав которого установил дифференциацию компетенции между церковными и княжескими судами, закрепив области их исключительной и совместной компетенции [9].

В 1613 г. окончание Смутного времени ознаменовалось избранием на Земском Соборе нового правителя русской земли – Михаила Феодоровича Романова, который осуществлял руководство страной, опираясь на своего отца – боярина Федора Никитича Романова (монаха Филарета), насильно принявшего постриг в период правления Ивана Грозного [10]. Период их правления прошел под лозунгом восстановления идеала Московского Православного Царства и отличался развитием православного символизма власти, который выражался буквально во всем: от элементов облачения царя до полной предопределенности придворных правил нормам церковного устава.

Его сын, Алексей Михайлович, продолжил курс отца и деда на возвеличивание Московского Православного Царства, оставаясь заступником Церкви и ее верным слугой. В частности, в 1649 г., на Земском соборе в период Русского царства и правления царя Алексея Михайловича принят первый кодифицированный свод законов единого государства – Соборное уложение, в котором противоправным деяниям, направленным против православия и государства, была посвящена глава «О богохульниках и церковных мятежниках», в которой они признавались особо общественно опасными ввиду сопряженности объекта посягательства с системой государственного управления (ввиду того, что православие было установлено в качестве официальной и единственно признаваемой властью государственной религии, хотя вероотступничество само по себе не составляло отдельного состава преступления в те времена), что естественным образом вытекало из цели укрепления института православия и создания Московского Православного Царства [11, с. 85-86].

Однако жизнь представляет собой весьма динамичный процесс, за которым традиционно консервативный институт Церкви, подчас, не успевает. Так, период царствования Алексея Михайловича характеризуется началом интеграции в славянские традиции западных «веяний». Аксилератором в данном процессе выступило формирование в Москве территории под названием «Немецкая Слобода», заселенной высококвалифицированными специалистами, приглашенными с Запада для реформирования военной системы и промышленной инфраструктуры. Новые реалии социальной жизни произвели перед православной конфессией того времени своего рода вызов по необходимости вынужденной реформации, направленной, с одной стороны, на борьбу с церковными и национальными пороками своего времени (например, с устранением языческих элементов из некоторых церковных обрядов; с отдалением совершения обрядов от тех, что приняты в Греции и в других балканских странах и т.д.), с другой, на недопущение распространения иноверия среди населения, что было сопряжено с угрозой утраты решающего влияния на систему публичного управления.

В результате, в 1653-1655 гг. Алексей Михайлович, в последствие названный «Тишайшим», совместно с патриархом Никоном, инициирует и проводит церковную реформу, которая привела к расколу Православной русской Церкви и обусловила тяжелейшие духовные и социально-политические последствия на столетия вперед [12],

в первую очередь, связанные с расколом самого общества.

Представителей православной веры, которые не согласились с новыми правоустановлениями, назвали «старообрядцами» («раскольниками»). Следует отметить, что предметов «конфликта» между ними и официальной Церковью было достаточно много, однако самый большой резонанс вызвал спор по поводу такого конфессионального символа как порядок крестосложения. Население Русского Царства традиционно придерживалось двуперстного знамения, распространенного на всем Православном Востоке вплоть до XII в., в отличие от греков и других западных православных, которые с середины этого столетия перешли на правило креститься тремя сложенными пальцами. Патриарх Никон проявил категоричность в оценке данного русского обряда, называя его еретическим нововведением, чем затронул глубокие чувства русского народа и нанес непоправимый удар по легитимности «государственной религии» и способности официальной власти ее сохранить и обеспечить реализацию прав верующих.

Государство было вынуждено взять курс на преследование старообрядцев, дабы сохранить остатки своего авторитета в обеспечении защиты «чистоты веры». Так, сын Алексея Михайловича Федор III ввел жесткий запрет на использование конфессиональных символов веры «раскольников», за нарушение которого, согласно решению Духовного собора 1666 г. устанавливалось как церковное, так и царское наказание (за исключением случаев, когда подобного рода деяния совершались духовенством, подсудным лишь церковному суду). Однако данные меры не показали своей достаточной эффективности и результативности в разрешении социальной напряженности и борьбе с общественным мнением о том, что Государь не справился с разрешением конфликта между «старообрядцами» и реформаторами легальным путем и пошел по пути «наименьшего сопротивления», встав на сторону реформаторов (хотя большинство населения и «восставшего» духовенства была против не реформ, а методов и личности самого патриарха Никона). Духовное единство народа было нарушено, как и пал непоколебимый авторитет Церкви, что не могла не сказаться на генезисе правоприменительных технологий государственно-конфессионального взаимодействия в последующие периоды развития российской государственности.

Список литературы:

1. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 января.
2. Из выступления Патриарха Кирилла на Радио «Вера» [Электронный ресурс] // URL: https://citata.radiovera.ru/принцип-светскости-государства-не-д/ (дата обращения 20.01.2026).
3. Принцип светскости государства не делает его атеистическим [Электронный ресурс] // URL: https://citata.radiovera.ru/ (дата обращения: 20.02.2025).
4. Камиль Самигуллин. Светский – не значит атеистический [Электронный ресурс] // URL: https://realnoevremya.ru/news/321106-kamil-samigullin-svetskiy-ne-znachit ateisticheskiy? (дата обращения: 20.02.2025).
5. Овчинников А.И., Нефедовский Г.В. Взаимоотношения церкви и государства в свете конституционной поправки с упоминанием о «вере в Бога» // Административное и муниципальное право. 2020. № 5.
6. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы: на пути к либеральной евгенике? / Юрген Хабермас; [Пер. с нем. М.Л. Хорькова]. М.: Весь Мир, 2002 (Тип. ГУ ГЦ МПП).
7. Наставления, как правильно состязаться с раскольниками. М., 1825 (цит. по: Федоренко Ф. Секты, их вера и дела. М.: Политиздат, 1965).
8. Устав князя Владимира Святославовича: Синодальная редакция // Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984.
9. Устав князя Ярослава: Пространная редакция // Российское законодательство X-XX вв. Т. 1. М.: Юридическая литература, 1984.
10. Зернов Н. Вселенская Церковь и русское православие. Глава Третья. Христианство в России от крещения Руси до воцарения Петра Первого (988-1682). Paris: YMCA-press; London: Содружество Св. Албания и Преподобного Сергия Радонежского, 1952.
11. Соборное уложение 1649 г. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 3. М.: Юридическая литература, 1985.
12. Азбука веры. Русские цари и императоры [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/shemy/russkie-tsari-i-imperatory.shtml#n12 (дата обращения 14.01.2026).

Gogleva K. Yu. Church and state: interinstitutional interaction in the period of Kievan rus' and the kingdom of Moscow // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 264-269.

This article examines the historiography of state-confessional interactions within the framework of preventative measures to minimize public and private law conflicts arising from the exercise of religious freedom, and covers the period since the inception of Russian statehood. The author demonstrates that the process of conflict resolution in this area has traditionally been conducted in the Russian Federation from a legal perspective, with the involvement of religious communities as a means of persuading opposing parties.

Key words: state-confessional interaction, institution of the Church, religious communities, religious communities, Christianity, Baptism of Rus', freedom of religion, religious rights, public-law conflict, legal conflictology.

Spisok literatury:

1. Putin V. V. Rossiya: nacional`ny`j vopros // Nezavisimaya gazeta. 2012. 23 yanvarya.
2. Iz vy`stupleniya Patriarxa Kirilla na Radio «Vera» [E`lektronny`j resurs] // URL: https://citata.radiovera.ru/princip-svetskosti-gosudarstva-ne-d/ (data obrashheniya 20.01.2026).
3. Princip svetskosti gosudarstva ne delaet ego ateisticheskim [E`lektronny`j resurs] // URL: https://citata.radiovera.ru/ (data obrashheniya: 20.02.2025).
4. Kamil` Samigullin. Svetskij – ne znachit ateisticheskij [E`lektronny`j resurs] // URL: https://realnoevremya.ru/news/321106-kamil-samigullin-svetskiy-ne-znachit ateisticheskiy? (data obrashheniya: 20.02.2025).
5. Ovchinnikov A.I., Nefedovskij G.V. Vzaimootnosheniya cerkvi i gosudarstva v svete konstitucionnoj popravki s upominaniem o «vere v Boga» // Administrativnoe i municipal`noe pravo. 2020. № 5.
6. Xabermas Yu. Budushhee chelovecheskoj prirody`: na puti k liberal`noj evgenike? / Yurgen Xabermas; [Per. s nem. M.L. Xor`kova]. M.: Ves` Mir, 2002 (Tip. GU GCz MPP).
7. Nastavleniya, kak pravil`no sostyazat`sya s raskol`nikami. M., 1825 (cit. po: Fedorenko F. Sekty`, ix vera i dela. M.: Politizdat, 1965).
8. Ustav knyazya Vladimira Svyatoslavovicha: Sinodal`naya redakciya // Rossijskoe zakonodatel`stvo X–XX vv.: V 9 t. T. 1. M.: Yuridicheskaya literatura, 1984.
9. Ustav knyazya Yaroslava: Prostrannaya redakciya // Rossijskoe zakonodatel`stvo X-XX vv. T. 1. M.: Yuridicheskaya literatura, 1984.
10. Zernov N. Vselenskaya Cerkov` i russkoe pravoslavie. Glava Tret`ya. Xristianstvo v Rossii ot kreshheniya Rusi do voczareniya Petra Pervogo (988-1682). Paris: YMCA-press; London: Sodruzhestvo Sv. Albaniya i Prepodobnogo Sergiya Radonezhskogo, 1952.
11. Sobornoe ulozhenie 1649 g. // Rossijskoe zakonodatel`stvo X-XX vv. T. 3. M.: Yuridicheskaya literatura, 1985.
12. Azbuka very`. Russkie czari i imperatory` [E`lektronny`j resurs] // URL: https://azbyka.ru/shemy/russkie-tsari-i-imperatory.shtml#n12 (data obrashheniya 14.01.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 270-277.

УДК 342.728

КОНСТИТУЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ И ИНЫХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ НАРОДОВЛАСТИЯ: ОТ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕИ К ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ

Доброрез В. С.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

Данная статья посвящена комплексному анализу конституционных аспектов участия общественных объединений и иных институтов гражданского общества в механизме осуществления народовластия. Особое внимание уделено фундаментальной проблеме имеющегося несоответствия между конституционной идеей полновластия народа и реально функционирующей институциональной моделью гражданского участия, что на практике выражается в таких негативных явлениях, как нарастающий абсентеизм и формально-бюрократический подход к учету общественной воли. В первой части работы было уделено внимание теоретико-методологическим основаниям концепции народного суверенитета, выразившейся в авторской классификации подходов к пониманию категории «народ» как субъекта власти, включающей индивидуалистский, коллективистский и процедурный подходы. Обосновывается тезис о том, что в условиях современного конституционного государства данные подходы не исключают, а взаимно дополняют друг друга, формируя условия для комплексного понимания сущности народовластия. Значительное место в статье отведено разработке оригинальной функциональной классификации институтов гражданского общества. На основе анализа действующего законодательства, включая конституционные поправки 2020 г. и федеральное законодательство, автором выделены и охарактеризованы четыре группы институтов: институты самоорганизации, первично-ориентированные институты, институты-посредники и контролирующие институты. На основе проведенной классификации выявлены препятствия, оказывающие неоднозначное влияние на формирование целостной институциональной модели участия общественных объединений в осуществлении народовластия: асимметрия конституционно-правового статуса различных институтов гражданского общества, преобладание факультативных механизмов учета общественной воли и отсутствие императивных начал в процессе принятия властных решений. Предлагается доктринальное признание общественных объединений полноценными субъектами механизма народовластия через выведение особой «публичной формы» осуществления власти народа. На законодательном уровне обосновывается необходимость закрепления императивной ответственности органов власти за неисполнение предписаний, содержащихся в итоговых документах общественного контроля.

Ключевые слова: народовластие, народный суверенитет, институциональная модель, общественные объединения, гражданское общество, партисипационная демократия, общественный контроль, право на объединение, конституционная идея, непосредственная и представительная демократия.

Как известно, устоявшейся в теории конституционного права и, в сущности, фундаментальной позицией является концепция, в соответствии с которой вся полнота власти принадлежит народу. Поскольку данное положение берет свое начало с давних времен, отметим, что один из представителей озвученной правовой мысли Жан-Жак Руссо (франко-швейцарский философ XVIII в.) отмечал: «сувереном всегда является только народ, … как коллективное существо, осуществляющее законодательную власть непосредственно. Каждый человек должен подчиняться только закону для того, чтобы оставаться свободным» [1, с. 332]. С учетом проведенного анализа позиций в данном направлении было выявлено следующее: ни в доктрине, ни в нормативных актах не встречается единство мнений касательно сущностного содержания понятия «народ» как субъекта власти в конституционно-правовом смысле. Более того, в целом удалось выявить, как минимум, три основных подхода к пониманию анализируемого термина, которым нами была дана авторская классификация, и среди которых:

- индивидуалистский. В соответствии с ним народ не воспринимается как целостный субъект власти, а рассматривается как составной механизм, состоящий из множества одиночных носителей публичной правосубъектности – граждан, обладающих самостоятельным объемом правомочий. В соответствии с данным подходом, народный

суверенитет реализуется посредством индивидуальных юридически значимых действий, каждое из которых порождает правовые последствия в рамках установленной процедуры и, в конечном итоге, приводит к преследуемому каждым из индивидов общему результату;

- коллективистский. Является противоположным предыдущему подходу и основывается на идее, что народ реализует свою волю сообща, посредством функционирования коллективных образований, выступающих в качестве институциональных посредников между гражданином и государством в его праве на реализацию публичной власти. Соответственно, в этой модели народ рассматривается как система взаимосвязанных коллективных субъектов, в том числе – общественных объединений, наделенных полномочиями по представительству интересов;

- процедурный. Наиболее спорный и упоминаемый, как правило, в контексте особенностей института делиберативной демократии (модели, в которой ключевым способом принятия решений считается рациональное публичное обсуждение имеющегося вопроса самими гражданами, а не представителями политической элиты). В отличие от двух предыдущих, данный подход приводит к переосмыслению всей природы народного суверенитета и концентрируется на понимании народа не как статичной совокупности субъектов индивидуального либо коллективного типа, но как непрерывный процесс общественной коммуникации, в ходе которого и формируется общая воля. Соответственно, о народе здесь принято говорить, как о динамике процедурного развития, способного влиять на правовое регулирование. Помимо этого, именно в контексте данного понимания возникает такая коллизия (о которой еще будет упомянуто далее), как соотносимость статичного характера конституционных норм и динамичного характера воли гражданского общества.

Отметим, что в нашем понимании ни один из подходов не может существовать обособленно. В связи с чем и в целях дальнейшего единообразия мысли отметим, что в рамках настоящего исследования «народ» понимается в контексте совокупности трех вышеприведенных подходов, ввиду того, что в современной конституционно-правовой системе каждый из них не исключает, а взаимно дополняет друг друга.

Тем не менее, по прошествии нескольких столетий современные реалии, как видится, способствуют формированию вывода, что практическая реализация конституционных норм в XXI веке демонстрирует несколько парадоксальную ситуацию: увеличение объема декларируемых демократических прав сопоставляется с феноменом повышенной отстраненности некоторых граждан от развиваемых механизмов принятия наиболее значимых решений. Столь планомерно развивающийся абсентеизм, которому уже было уделено внимание в нашем предыдущем исследовании, посвященном, однако, случаям конкретно избирательного абсентеизма [2, с. 163], определяет иную сторону проблематики – состояние не только общества, но и текстов нормативных правовых актов, в том числе Конституции РФ, при котором демократический потенциал не реализуется в полной мере ввиду наблюдаемой нами проблематики «не состыковки» конституционной идеи с имеющимися институциональными моделями, проявляющими себя в результатах правоприменительной деятельности. Обратимся к положениям Основного закона страны.

Так, наиболее значимой для нас в анализируемом аспекте является ст. 3, в том числе часть 2: «народ осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления» [3]. Будучи проанализированной в научных трудах и судебной практике бесчисленное количество раз, данная норма, на первый взгляд, уже не представляет той актуальности в контексте оценки ее уровня значимости и перспективности в плане трансформации возникающих на ее основе от-

ношений. Однако, все это лишь на первый взгляд: в литературе периодически можно встретить любопытную точку зрения о наличии т.н. пробельной сферы регулирования между двумя классическими формами народовластия (непосредственной и представительной), не охватываемой ни одной из них. Так, подобным направлениям мысли уделяли внимание такие исследователи, как, например, Т.В. Калитанова – в отношении толкования места и роли представительной власти (автор отмечала, что выражаемая таким органом воля максимально приближена к воле народа, однако абсолютного тождества между ними достичь невозможно, поскольку всегда существует риск того, что неограниченная власть парламента фактически окажется в руках доминирующих в нем политических сил, в связи с чем институт представительства утратит изначально заложенный в него смысл [4, с. 30]) и А.И. Черкасов (обративший внимание на соотносимость прямой и партисипационной демократии и механизмов реализации последней, смысл которых не в том, чтобы заменить традиционные формы волеизъявления, а в том, чтобы сформировать особую коммуникативную среду, в которой граждане могут участвовать в разработке и принятии решений в т.н. промежуточном пространстве, где акцент смещается с простого выбора или передачи полномочий на совместное осмысление имеющихся проблем [5, с. 202]). В развитие приведенных положений некоторую востребованность в отечественных и зарубежных научных кругах приобрела концепция т.н. «ассоциативной демократии»: последняя представлена конституционно-правовым режимом, при котором общественные объединения выступают обязательными функциональными элементами самого механизма народовластия.

Помимо ст. 3 дополняющими анализируемую конструкцию являются нормы статей 30 (каждый имеет право на объединение) и ст. 32 (граждане имеют право участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей) Конституции РФ [3], формирующие основу для институционализации гражданского участия. С точки зрения конституционного права, право на объединение, предусмотренное ст. 30 Конституции РФ, как видится, не может быть рассмотрено как сугубо личное право, направленное на удовлетворение индивидуальных потребностей: в контексте функционирования института народовластия данное право претерпевает трансформационный процесс в качестве переходной формы от индивидуального политического участия к коллективному взаимодействию. Признавая значимость такой стратегии, отметим, что в условиях отсутствия подобной трансформации народовластие, утратив присущие ему ныне свойства структурированности и функциональной непрерывности, не имело бы столь значимого влияния.

Касательно ст. 32 Конституции РФ, регламентирующей традиционные формы реализации права граждан на участие в управлении делами государства, отметим, что к таковым относимы право избирать и право быть избранным, право на равный доступ к государственной службе и осуществлению правосудия, а также (что вытекает из смысла всей анализируемой нормы) – право на участие в управлении через институты гражданского общества. С учетом постоянно изменяющихся и совершенствующихся моделей и подходов к государственному управлению, часто обусловленных внешними факторами, именно последняя из приведенных форм приобретает решающее значение, что наводит на мысль о потенциальном наличии изначально заложенной конституционной идеи о значительно более широких возможностях участия населения в управлении.

В целом справляясь с поставленной задачей, положения ст. 30 и 32 Конституции РФ закономерно также сталкиваются с особенностями их нормативной детализации и дальнейшей практической реализации при условиях, когда, например, вовлеченность тех же общественных объединений в процессы осуществления народовластия фактически представлена сугубо формально-бюрократическим подходом к участию. Сфокуси-

ровавшись на нормативно-правовой составляющей выделенной проблематики, отметим, что одной из наиболее вероятных причин указанной ситуации следует считать пока еще находящуюся в статусе развивающейся и, в перспективе, в должной степени универсальную и непротиворечивую институциональную модель соответствующего предназначения. В этой связи видится актуальным в рамках настоящего исследования произвести анализ существующих форм участия в реализации народовластия, с последующим концептуальным обоснованием имеющейся среди них наиболее сложной модели взаимодействия институтов гражданского общества и публичной власти. При этом первый из них предполагается рассматривать в аспекте динамичной и постоянно развивающейся функциональной системы, присущей современным моделям развитых конституционных государств, с последующей оценкой наиболее благоприятных и допустимых перспектив такого развития.

В Конституции РФ, как, собственно, и нижестоящих правовых актах, отсутствует единый жесткий перечень институтов гражданского общества. В сущности, их прямое упоминание в Основном законе страны впервые произошло в 2020 г. в результате принятия конституционных поправок, коснувшихся, в том числе, ст. 114 Конституции РФ, в ч. 1 п. е.1) которой среди полномочий Правительства РФ отныне также закреплено принятие мер «по поддержке институтов гражданского общества, в том числе некоммерческих организаций…» [3]. Данная норма породила ошибочное представление об исчерпывающем характере перечня институтов гражданского общества, ограниченного лишь некоммерческими организациями (далее – НКО), что, естественно, неверно и, более того, отрицается самим законодателем. Проведенный анализ правовой доктрины позволил отойти от упрощенного отождествления гражданского общества с НКО и объединить их в следующие группы, преимущественно в зависимости от выполняемой функциональной роли (отметим при этом, что НКО не охватываются какой-либо конкретной категорией и в зависимости от своей формы могут относиться к нескольким из них):

- институты самоорганизации (например, территориальные общественные самоуправления, товарищества собственников жилья и др.). Наиболее приближенные к концепции низового народовластия институты, в условиях функционирования которых во взаимодействии непосредственных и представительных начал напрямую реализуются права граждан на местное самоуправление;

- первично-ориентированные институты. К данной группе, как видится, следует отнести политические партии, профессиональные союзы, национально-культурные автономии и иные объединения, сформированные по социально-групповому признаку. Функциональное назначение данной категории заключается в первичном формировании общественных настроений и потребностей, которые в дальнейшем будут преобразованы в инструменты реализации социально и/или политически значимых функций;

- институты-посредники (например, Общественная палата РФ, общественные палаты субъектов РФ, общественные советы при органах власти и др.). Правовая природа данных институтов осложняется их особым статусом, поскольку их не представляется возможным отнести к категории органов публичной власти в конституционном смысле, но, тем не менее, они реализуют публичные функции, обеспечивая эффективность реализации процедур согласования государственной и общественной воли. Так, например, в соответствии с положениями ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 04.04.2005 № 32 «Об Общественной палате Российской Федерации»: «Общественная палата Российской Федерации обеспечивает взаимодействие граждан, общественных объединений, профессиональных союзов, творческих союзов, объединений работодателей … с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Рос-

сийской Федерации и органами местного самоуправления в целях учета потребностей и интересов граждан…» [6]. Одна из ключевых особенностей анализируемой группы – рекомендательный характер принимаемых ими решений, что, безусловно, не могло не наложить свой отпечаток на эффективность работы таких институтов;

- контролирующие институты (например, общественные наблюдательные комиссии, общественные инспекции, группы общественного контроля и др.). Правовой статус данной группы преимущественно определяется положениями Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». Данная обозначенная группа наделена в большей степени императивными полномочиями в части формирования итоговых документов, обязательных для рассмотрения. Так, в соответствии с ч. 5 ст. 26 вышеуказанного закона: «органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации… обязаны рассматривать направленные им итоговые документы, подготовленные по результатам общественного контроля, и … направлять … обоснованные ответы» [7]. Соответственно анализируемая категория обладает повышенным уровнем значимости, поскольку, призванная реализовать конституционные положения о непосредственном осуществлении народом своей власти, обеспечивает контроль за исполнением принятых иными институциональными структурами решений.

Сформированная классификационная градация, таким образом, во всем ее многообразии подтверждает предположенную нами в начале настоящего исследования идею: институты гражданского общества – общественные объединения, будучи формой реализации предусмотренной статьей 30 Конституции РФ права на объединение, имеют двоякую природу: с одной стороны, они очевидно производны от частной воли индивидов, но с другой – при осуществлении публично значимых функций, таких, как, в том числе, участие в управлении делами государства, они активно внедряются в сферу публичного властвования. Таким образом можно сделать вывод, что практика гражданского участия демонстрирует, в значительной степени, высокую динамику и вариативность форм осуществления, и в указанных условиях приоритетным является учет выделенного нами ранее процедурного подхода к пониманию понятия «народ» как субъекта власти, поскольку именно он позволяет преодолеть ограниченность формально-юридического восприятия народовластия как совокупности четко ограниченных моделей непосредственного и представительного участия. В связи с чем считаем возможным с уверенностью утверждать, что общественные объединения в контексте понимания народовластия выступают не вспомогательными, а полноценными конституционными элементами. Однако, поскольку конституционная доктрина пока еще не выработала единой устойчивой конструкции, позволяющей непротиворечиво определить функционал и выполняемую роль анализируемых элементов, представляется возможным и необходимым обратить внимание на признанные нами существенными обстоятельства, препятствующие формированию целостной институциональной модели участия общественных объединений и иных институтов гражданского общества в осуществлении народовластия.

Итак, первое из них – ярко выраженная асимметрия конституционно-правового статуса различных институтов гражданского общества. Как было продемонстрировано ранее, законодатель в условиях отсутствия единства мнений касательно исчерпывающего характера перечня последних, фактически обусловил возникновение ситуации с разноуровневым характером нормативной регламентации правового статуса институтов гражданского общества, что и позволило нам сгруппировать их по функциональному критерию. Для преодоления выявленных пробелов представляется возможным предложить доктринальный аспект новой модели взаимодействия: так, в должной сте-

пени удачной видится фундаментальная позиция, в соответствии с которой деятельность институтов гражданского общества не должна «подменять» государственные функции, а, напротив, будет выполнять свою уникальную функциональную роль в механизме народовластия, которая органично дополняет государственный механизм там, где он объективно неэффективен в силу своей иерархичности и формализованности. В основе такой модели возможно предложить признание выведенной нами ранее категорийной классификации институтов гражданского общества по функциональному признаку как основной.

Второе – наблюдаемое в результате всего вышеизложенного преобладание факультативных механизмов учета общественной воли при отсутствии императивных начал в процессе принятия властных решений приводит к ситуации, когда правовая природа решений, принимаемых институтами гражданского общества в рамках таких процедур, зачастую не связывает законодателя и правоприменителя необходимостью достижения согласованного решения в отношении представленной общественной позиции. Наиболее ярко данная проблема выражена в опыте функционирования т.н. институтов-посредников, что подтверждается не только вышеприведенными положениями Федерального закона от 04.04.2005 № 32, но и действиями самих органов власти. В качестве примера отметим внесенный в ноябре 2025 г. законопроект в Государственную Думу РФ от субъектов права законодательной инициативы – региональных законодательных органов, предлагающих внести изменения в положения Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» в части отказа от обязательного формирования общественных советов при парламентах регионов. По мнению инициаторов, поскольку «далеко не во всех субъектах Российской Федерации сформированы и действуют общественные советы при законодательных органах (в 36 субъектах Российской Федерации (46 %) созданы общественные советы при региональных парламентах, в то время как в 43 субъектах Российской Федерации (54 %) данные советы не созданы)… необходимость создания общественных советов при законодательных органах субъектов должна определяться каждым законодательным органом самостоятельно, а не являться безусловной обязанностью…» [8].

Как удалось установить, институты-посредники, в частности Общественная палата РФ и общественные советы при органах власти, наделены преимущественно совещательными и рекомендательными полномочиями. При этом очевидно, что конституционная идея, заложенная в ст. 32 Основного закона, предполагает именно участие в управлении, а не только содействие или консультирование органов власти. В связи с чем подобная законодательная инициатива, как видится, вступает в определенное противоречие с самой конституционной идеей, отдаляя столь важный механизм общественного участия от статуса полноценной институциональной модели. Среди положительных аспектов отметим справедливое, в нашем понимании, отклонение вышеуказанного законопроекта Государственной Думой РФ на первом чтении. Однако, считаем, что, поскольку правовая природа решений, принимаемых институтами гражданского общества в рамках большинства доступных им процедур по-прежнему носит рекомендательный характер, действующее законодательство способно в некоторой степени злоупотреблять положением «орган власти учитывает мнение…», должным образом не регламентируя сам механизм юридических последствий в случае отказа от такого «учета». В целях обеспечения соблюдения конституционно определенной обязанности государства создавать институциональные гарантии действенности участия населения в управлении делами государства, считаем возможным предложить все же осуществить пересмотр отдельных положений, а именно – в отношении ч. 5 ст. 26 Федерального закона от 21.07.2014 № 212: провозглашенная обязанность органов власти рассматривать

направленные им итоговые документы, подготовленные по результатам общественного контроля, должна носить обеспечительный характер посредством закрепления императивной и конкретно определенной формы ответственности в отношении этих органов в случае неисполнения таких предписаний.

Представляется, что предложенные нововведения позволят преодолеть существующий разрыв между статичностью конституционных положений и динамикой общественного развития, о котором говорилось в начале настоящего исследования. Более того, именно такая «публичная» форма народовластия способна стать тем недостающим звеном, которое придает конституционной конструкции необходимую гибкость.

Список литературы:

1. Егоянц, Ж. А. Концепция прав и свобод в трудах Жан-Жака Руссо / Ж. А. Егоянц, М. В. Ершова. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 21 (259). – С. 331-333. – URL: https://moluch.ru/archive/259/59452
2. Доброрез, В. С. Современные аспекты развития принципа прозрачности избирательного процесса в контексте необходимости предотвращения незаконного воздействия на свободу волеизъявления граждан РФ / В. С. Доброрез // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 3. – С. 160-168.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Калитанова, Т.В. Власть в демократическом государстве: основы институциализации и функционирования: дис. … канд. юрид. наук : 12.00.01 / Т.В. Калитанова. – Саратов, 2004. – 264 с.
5. Черкасов, А.И. Прямая и партисипационная демократия как средство вовлечения населения в процесс принятия решений на местном уровне / А.И. Черкасов // Труды Института государства и права РАН. – 2018. – №2. – С. 190-215. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pryamaya-i-partisipatsionnaya-demokratiya-kak-sredstvo-vovlecheniya-naseleniya-v-protsess-prinyatiya-resheniy-na-mestnom-urovne
6. Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 26.06.2026) «Об Общественной палате Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/
7. Федеральный закон от 21.07.2014 N 212-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об основах общественного контроля в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/
8. Законопроект № 1065607-8 «О внесении изменений в статьи 9 и 13 Федерального закона «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в части введения диспозитивного принципа формирования общественных советов при законодательных органах субъектов Российской Федерации). – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065607-8

Dobrorez V.S. Constitutional aspects of participation of public associations and other civil society institutions in the exercise of people's power: from a constitutional idea to an institutional model // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 270-277.

This article provides a comprehensive analysis of the constitutional aspects of the participation of public associations and other civil society institutions in the implementation of popular sovereignty. Particular attention is paid to the fundamental problem of the existing discrepancy between the constitutional idea of popular sovereignty and the actual institutional model of civic participation, which in practice manifests itself in such negative phenomena as increasing absenteeism and a formal, bureaucratic approach to taking into account the public will. The first part of the paper focused on the theoretical and methodological foundations of the concept of popular sovereignty, expressed in the author's classification of approaches to understanding the category of "the people" as the subject of power, including individualistic, collectivist, and procedural approaches. The thesis is substantiated that in the context of a modern constitutional state, these approaches do not exclude but rather complement each other, creating the conditions for a comprehensive understanding of the essence of popular sovereignty. A significant portion of the article is devoted to the development of an original functional classification of civil society institutions. Based on an analysis of current legislation, including the 2020 constitutional amendments and federal legislation, the author identifies and characterizes four groups of institutions: self-organization institutions, primary-oriented institutions, intermediary institutions, and oversight institutions. This classification identifies obstacles that have a mixed impact on the development of a coherent institutional model for public associations' participation in the exercise of popular sovereignty: the asymmetry in the constitutional and legal status of various civil society institutions, the prevalence of optional mechanisms for taking public will into account, and the absence of imperative principles in government decision-making. The author proposes doctrinal recognition of public associations as full-fledged actors within the mechanism of popular sovereignty through the development of a special "public form" for the exercise of popular sovereignty. At the legislative level, the need to enshrine the imperative liability of government bodies for failure to comply with the instructions contained in the final documents of public oversight is substantiated.

Keywords: democracy, popular sovereignty, institutional model, public associations, civil society, participatory

democracy, public control, right to association, constitutional idea, direct and representative democracy.

Spisok literatury`:

1. Egoyancz, Zh. A. Koncepciya prav i svobod v trudax Zhan-Zhaka Russo / Zh. A. Egoyancz, M. V. Ershova. — Tekst : neposredstvenny`j // Molodoj ucheny`j. – 2019. – № 21 (259). – S. 331-333. – URL: https://moluch.ru/archive/259/59452
2. Dobrorez, V. S. Sovremenny`e aspekty` razvitiya principa prozrachnosti izbiratel`nogo processa v kontekste neobxodimosti predotvrashheniya nezakonnogo vozdejstviya na svobodu voleiz``yavleniya grazhdan RF / V. S. Dobrorez // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2025. – T. 11, № 3. – S. 160-168.
3. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobreny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
4. Kalitanova, T.V. Vlast` v demokraticheskom gosudarstve: osnovy` institucializacii i funkcionirovaniya: dis. … kand. yurid. nauk : 12.00.01 / T.V. Kalitanova. – Saratov, 2004. – 264 s.
5. Cherkasov, A.I. Pryamaya i partisipacionnaya demokratiya kak sredstvo vovlecheniya naseleniya v process prinyatiya reshenij na mestnom urovne / A.I. Cherkasov // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. – 2018. – №2. – S. 190-215. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pryamaya-i-partisipatsionnaya-demokratiya-kak-sredstvo-vovlecheniya-naseleniya-v-protsess-prinyatiya-resheniy-na-mestnom-urovne
6. Federal`ny`j zakon ot 04.04.2005 № 32-FZ (red. ot 26.06.2026) «Ob Obshhestvennoj palate Rossijskoj Federacii». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/
7. Federal`ny`j zakon ot 21.07.2014 N 212-FZ (red. ot 25.12.2023) «Ob osnovax obshhestvennogo kontrolya v Rossijskoj Federacii». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_165809/
8. Zakonoproekt № 1065607-8 «O vnesenii izmenenij v stat`i 9 i 13 Federal`nogo zakona «Ob osnovax obshhestvenny`x sovetov pri zakonodatel`ny`x organax sub``ektov Rossijskoj Federacii). – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1065607-8

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 278-88.

УДК 340.11

ОСОБЕННОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМЫ ПРАВА ПО СТЕПЕНИ ВЛАСТНОСТИ ПРЕДПИСАНИЯ НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Иванов А. И.
Института права ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»

Исследование посвящено комплексному анализу нормы права как фундаментальной категории юриспруденции и первичного элемента системы права. Проанализирована классификация юридических норм по различным основаниям (юридической силе, времени действия, кругу лиц, функциям, отраслевой принадлежности, характеру диспозиции, степени определенности предписаний и др.), особое внимание уделено делению норм на императивные и диспозитивные. Исследование применение норм права с учетом степени властности предписаний в двух ключевых сферах: в уголовно-процессуальном праве и в уголовном праве.

Ключевые слова: норма права, классификация нормы права, властное предписание, уголовное судопроизводство, уголовное право, уголовный процесс, применение нормы права, публичные отношений, властные нормы.

Фундаментальной категорией юриспруденции, образующей первичный элемент системы права, выступает норма права. В современной доктрине под нормой права традиционно понимается общеобязательное, формально-определенное правило поведения, установленное либо санкционированное государством, направленное на регулирование наиболее значимых общественных отношений и обеспеченное возможностью государственного принуждения. Вместе с тем, следует рассмотреть отдельные понятийные положения, сложившиеся в юридической доктрине.

Так, Е.А. Фролова приводит позицию, согласно которой норма права – это «…установленное или санкционированное государством общеобязательное правило поведения, выраженное в формально-определенных предписаниях, охраняемое мерами государственного принуждения» [1, с. 8]. Представленное определение является нормативистским, точно фиксирующие ключевые внешние признаки позитивного права: государственную природу, формальную определенность, общеобязательность и обеспеченность принуждением. Вместе с тем, определение не лишено недостатков, поскольку не охвачено специализированными (нетипичными) нормами (нормы-принципы, дефиниции и т.д.), которые напрямую не устанавливают правил поведения, но выполняют системообразующую функцию.

М.В. Купчигина при рассмотрении понятии «норма права» отталкиваться от происхождения термина «право», в соответствии с которым автор понимает «…социально-правовые потребности людей» [2, с. 181]. Вместе с тем, под нормой права М.В. Купчигина предлагает понимать «…общепринятое правило поведения, которое применяется не к определенному лицу или ситуации, а к определенной категории общественных отношений. Она содержит стандартные модели поведения людей, способные удовлетворить интересы социальных групп, управляющих обществом…» [2, с. 181]. Определение, представленное М.В. Купчигиной является социально-психологическим, выводящее норму права не из государственного веления, а из социальных потребностей. С точки зрения юридической доктрины дефиниция уязвима – она «размывает» формальную определенность, не указывая на государственное закрепление и охрану, что не позволяет четко отделить правовую норму от корпоративной или моральной. Однако понятие, предложенное М.В. Купчигиной удачно раскрывает социальные корни права.

М.А. Лукьянов в своем исследовании придерживается мнения, что норма права, представленная не иначе, как модель, имеющую систему, «…состоящую из взаимоупорядоченных элементов, как гипотеза, диспозиция и санкция, конкретность содержания

которых достигается широким использованием общеизвестных юридических понятий и терминов…» [3, с. 38]. Структурно-логическое определение М.А. Лукьянов делает акцент на строении нормы как юридической модели. С позиции общей теории права дефиниция является ограниченной, что подтверждается соответствующими обстоятельствами: во-первых, она не учитывает специализированные (нетипичные) норм, которые не имеют трехэлементной структуры, но являются полноценными правовыми нормами. Подход М.А. Лукьянова дает ценное инструментально-аналитическое описание внутренней юридической формы нормы, но как универсальное определение он недостаточен, ввиду отсутствия раскрытия природы их общеобязательности.

Наряду с общим положением нормы права, В.В. Сафронов рассматривает норму права в контексте международного права как «…определенное правило поведения, которое признано участниками правоотношений в качестве юридически обязательного к соблюдению для всех субъектов взаимных правоотношений в сфере международного космического права» [4, с. 762]. Данное понятие носит узкоотраслевой характер и не может служить универсальным определением нормы права. Во-первых, в нем отсутствует указание на формальную определенность и источники закрепления (договор, обычай), что размывает грань между юридической нормой и политической договоренностью. Во-вторых, признание «участниками правоотношений» ставит вопрос: охватывает ли определение императивные нормы общего международного права (jus cogens), которые обязательны для всех субъектов независимо от индивидуального признания. В-третьих, определение не раскрывает механизм обеспечения нормы, что для международного права, с его децентрализованной системой принуждения, особенно важно.

Д.А. Криштопа рассматривает норму права через призму системы права, а именно, через «…составляющих элементов, тесно взаимодействующих между собой и совместно направленных на достижение главной цели правовой нормы – эффективное регулирование социальных отношений, охваченных сферой влияния конкретной нормы» [5, с. 538]. Строгий юридический термин, предложенный Д.А. Криштопы недостаточно специфичен. Он может служить дополнительной, поясняющей характеристикой, раскрывающей функциональное назначение и внутреннюю логику уже определенной иными признаками правовой нормы, но не может использоваться как ее самостоятельное, исчерпывающее определение без риска подмены правовых явлений иными социальными феноменами.

М.С. Ласточкина и А.С. Виноградов обращают свое внимание на норму права как элемент «…механизма правового регулирования. Они регулируют наиболее важные общественные отношения, и от того, как и в какой форме это сделано, в немалой степени зависит сама возможность достижения социально значимых целей, для осуществления которых созданы соответствующие нормы» [6, с. 64]. Подход М.С. Ласточкиной и А.С. Виноградова удачно раскрывает инструментальную ценность и целевую нагрузку нормы в правовой системе, но как универсальный термин он не самодостаточен и требует обязательного дополнения формально-юридическими признаками, конституирующими саму природу правовой нормы.

В.С. Бялт и С.Ю. Чимаров рассматривают обширно понятие нормы права, а именно, как «…правило поведения, которое выражает общественное требование, веление общества, императив… формальное правило поведения, устанавливающее конкретные права и обязанности участников общественных отношений... общее правило поведения… правило поведения, общеобязательность которого обеспечивается организованной принудительной силой государства…» [7, с. 65]. Авторы последовательно подчеркивают, что норма есть одновременно и общественное требование (социальный аспект), и формальное правило с правами и обязанностями (юридико-догматический аспект), и обще-

обязательное веление, обеспеченное силой государства (этатистский аспект). Однако, как строгий научный термин данное определение страдает эклектичностью и внутренней противоречивостью: признаки «веление общества» и «организованная принудительная сила государства» могут вступать в конфликт: не всякое общественное требование становится государственно-обеспеченной нормой, а государство может устанавливать нормы, не выражающие актуального общественного императива.

Исходя из представленных позиций исследователей в области теории права, важно отметить, что ключевыми признаками правовой нормы являются ее нормативность (неперсонифицированность, рассчитанная на многократное применение), системность, представительно-обязывающий характер, государственная гарантированность и формальная определенность. Именно через совокупность норм право обретает свой регулятивный потенциал, упорядочивая социальные связи в различных сферах жизнедеятельности.

Многообразие регулируемых правом общественных отношений предопределяет разветвленную классификацию юридических норм, позволяющую выявить их внутреннюю природу и функциональную роль.

Н.И. Матузов, А.В. Малько считают, что при рассмотрении нормы права, важно обращать внимание на классификацию, которая «…позволяет более четко обозначить место и роль юридических норм в системе правового регулирования, глубже познать их природу и значение» [8, с. 138].

В правовой науке нормы принято классифицировать по различным основаниям: по юридической силе (нормы законов и подзаконных актов), по времени действия (постоянные и временные), по кругу лиц (общие и специальные), по функциям (регулятивные и охранительные), по отраслевой принадлежности, по характеру диспозиции (управомочивающие, обязывающие, запрещающие), а также по степени определенности содержащихся в них предписаний (абсолютно-определенные, относительно-определенные, бланкетные).

Особое теоретическое и практическое значение имеет деление правовых норм по методу правового регулирования и, как его концентрированное выражение, по степени властности предписания. Данная классификация делит весь массив правовых предписаний на императивные (категорические) и диспозитивные нормы [9, с. 314].

Вместе с тем, немаловажным принято считать мнение С.В. Бошно, которая указывает, что метод правового регулирования – это «…совокупность приемов и способов воздействия на субъектов общественных отношений» [10, с. 53]. Исходный тезис о зависимости метода правового регулирования от стратегических функций государства и конкретно-исторических условий его существования абсолютно оправдан.

Действительно, политический режим, сила и авторитет власти, господствующая идеологическая парадигма образуют ту среду, в которой кристаллизуются конкретные правовые средства. Однако, чтобы глубже раскрыть тему, целесообразно сместить аналитический фокус на то, как именно властный метод вписывается в архитектонику публичных отношений, и показать, что императивность не сводится к грубому принуждению, а представляет собой тонко дифференцированный спектр воздействий, основанных на субординационном каркасе.

Любое публичное правоотношение генетически связано с понятием общего блага, которое не может быть обеспечено через координацию равных субъектов. Здесь требуется вертикаль, в рамках которой одна сторона наделена компетенцией принимать односторонние властные решения, обязательные для другой стороны. Именно эта субординация и составляет ядро властного метода. Примечательно, что законодатель сознательно разводит частноправовую и публично-правовую материи: как только в имуще-

ственных отношениях появляется элемент административного или иного властного подчинения, гражданско-правовой инструментарий по общему правилу отступает (п. 3 ст. 2 ГК РФ). Это не случайная оговорка, а принципиальное размежевание: равенство сторон и автономия воли несовместимы с императивным вектором, исходящим от носителя публичной власти. Государственный орган, вступая в гражданский оборот, утрачивает властную природу и действует как юридическое лицо; напротив, в налоговых, административных, уголовно-правовых связях он реализует именно функцию власти, что предопределяет императивный регистр регулирования.

Властный метод в публичной сфере раскрывается через два взаимосвязанных, но не тождественных модуса долженствования – запрет и позитивное обязывание. Запрет очерчивает поведенческие границы через пассивную обязанность воздерживаться от определенных действий. Его своеобразие заключается в том, что правомерное поведение выражается в бездействии; субъект удерживается от запрещенного акта, и именно этим исчерпывается его юридическая обязанность. В уголовном законе запрет часто имплицитен: описание состава преступления в статьях Особенной части УК РФ и формула «наказывается…» указывают на недопустимость описанного деяния без прямого употребления слова «запрещается». Тем самым властный императив встраивается в саму логическую структуру нормы, делая запрет очевидным из системного толкования закона. Такой прием позволяет добиться компактности текста и одновременно жестко обозначает границы дозволенного.

Важный момент, который часто упускают: обязывание всегда корреспондирует с притязанием управомоченного субъекта. В публичной сфере это притязание государства в лице его органов, и оно носит не частноправовой, а компетенционный характер. Неисполнение автоматически запускает механизм юридической ответственности, и здесь властный метод получает свое наиболее концентрированное выражение – принудительное исполнение обязанности или наказание за отказ от нее. Справедливо подмечено, что запрет и обязывание могут сливаться: ст. 125 УК РФ, запрещая оставление в опасности, одновременно обязывает к помощи, превращая бездействие в уголовно наказуемое деяние. Такая нормативная конструкция демонстрирует, что для публичного права важно не просто пассивное воздержание, а гарантированное сохранение социально значимых благ, что усиливает властное звучание метода.

Рассмотрим применение нормы права по степени властности в контексте уголовного судопроизводства [11, с. 328-333], в частности, имеющей прямое влияние на реализацию принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе [12, с. 86-90]. Под степенью властности в уголовно-процессуальном праве следует понимать объем государственно-властных полномочий, предоставленных участнику процесса для принятия решений, обязательных для других участников, а также для осуществления принудительных или разрешительных действий [13, с. 48-57], [14, с. 39-47]. Высокая степень властности присуща суду, прокурору, следователю, органу дознания [15, с. 390-398]. Низкая (или нулевая) – подозреваемому, обвиняемому, защитнику, потерпевшему (за исключением частного обвинения). В аргументацию данному положению Д.А. Исмайлов подтверждает следующим – «…государственный обвинитель, представляющий интересы государства, обладает властными полномочиями, имея возможность инициировать уголовное преследование, вносить ходатайства об изменении меры пресечения. Адвокат, со своей стороны, лишен таких властных инструментов и действует в рамках предоставленных ему полномочий по защите прав и интересов своего подзащитного и не может действовать властно, указывать на необходимость проведения того или иного действия или предоставления соответствующих документов, нежели как сторона обвинения» [16, с. 315].

Данный принцип, закрепленный в статье 15 УПК РФ и конкретизирующий конституционные положения, предполагает не только разделение процессуальных функций, но и обеспечение баланса правовых возможностей участников судопроизводства [17, с. 94]. Преобладание императивного метода регулирования в уголовно-процессуальном праве создает предпосылки для ограничения диспозитивных начал, что в условиях отсутствия четких правовых механизмов защиты может приводить к нарушению равноправия сторон, особенно на досудебных стадиях процесса [18, с. 458-462], [19, с. 87-95], [20, с. 98-102], [21, с. 67-75], [22, с. 40-48], [23, с. 143-150].

Принцип состязательности и равноправия сторон представляет собой один из краеугольных камней современной модели уголовного судопроизводства, определяющий характер взаимоотношений между участниками процесса [24, с. 338-341]. Данный принцип закреплен в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ, согласно которой «судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон».

Нормативная основа и ее властная асимметрия представлена следующим анализом статей Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ) (Таблица 1).

полномочие	**сторона обвинения (следователь, прокурор)**	**сторона защиты (адвокат)**
Возбуждение уголовного дела	Да (ст. 146 УПК РФ) – властное решение	Нет
Проведение следственных действий (обыск, выемка, допрос)	Да (ст. 164-170 УПК РФ) – принудительно	Нет (только опрос с согласия, ч. 3 ст. 86 УПК РФ)
Истребование документов и предметов	Да (ст. 21, 86 УПК РФ) – обязательное исполнение	Да, но без властного механизма принуждения (ст. 86 УПК РФ «может истребовать» без санкции на отказ)
Приобщение доказательств	Да (следователь сам принимает решение)	Нет (ходатайство, которое может быть отклонено)
Доступ к материалам делам с момента возбуждения уголовного дела	Да (полный доступ)	Нет (частичный, с ограничениями)
Обжалование отказа в ходатайстве	–	Ст. 124 УПК РФ – руководителю следственного органа (также властному лицу, заинтересованному в ходе обвинения)

В указанном контексте Д.А. Исмайлов обоснованно критикует указанную асимметрию: «…В правоприменительной практике получается совсем иное, что между следователем и адвокатом связь в сборе доказательства отсутствует. Весь приоритет уделяется стороне обвинения, а защите – минимальный» [25, с. 305].

Вместе с тем, Д.А. Исмайлов, А.В. Мурузиди и Г.А. Ожегова приводят статистику Судебного департамента при Верховном суде РФ за 2020 г.: «…в 2020 году суды вынесли 1163 оправдательных приговора против 530 965 обвинительных…» [25, с. 303], что составляет 0,34% доли оправдательных. Авторы интерпретируют это двояко: либо как «эффективную деятельность правоохранительных органов», либо как карательную функцию правосудия и неверие подсудимых в возможность оправдания.

С точки зрения теории властных отношений в праве, предложения Д.А. Исмайлова можно классифицировать по степени вмешательства в сложившийся баланс: низкий уровень конфликта (технические уточнения): сроки ознакомления, определение «явного затягивания», техсредства. Эти изменения не затрагивают властную природу следо-

вателя, но ограничивают произвол; средний уровень (обжалование прокурору): однако прокурор – тоже сторона обвинения. Более радикальным было бы предложение обжаловать отказы в суд (ст. 125 УПК РФ уже предусматривает это); высокий уровень (адвокатское преследование): это фактически наделение адвоката властными полномочиями, сопоставимыми со следователем. В современных условиях это встретит сопротивление правоохранительного блока, но теоретически обосновано.

Рассмотрев применение нормы права по степени властности предписаний в уголовном процессе, обратимся к применению в области уголовного права на примере норм, устанавливающих ответственность за кражу, терроризм и экстремизм, причинение вреда здоровью человеку. Подавляющее большинство норм Особенной части УК РФ являются императивными. Государство в категоричной форме запрещает совершение определенных деяний под угрозой наказания, что исключает какую-либо вариативность поведения для граждан.

Обратимся к конкретным составам преступлений, предусмотренных Особенной части УК РФ [26, с. 163-169]: Кража (ст. 158 УК РФ), диспозиция которой содержит четкий и однозначный запрет на тайное хищение чужого имущества [27, с. 49-55], [28, с. 251-256]. Этот запрет сформулирован как категорическое предписание, не оставляющее места для его трактовки или изменения по воле сторон; Терроризм (ст. 205 УК РФ), норма которой также является императивной. Она категорически запрещает совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население. Высочайшая общественная опасность терроризма обусловливает и максимальную строгость санкций, что дополнительно подчеркивает императивный характер запрета [29, с. 43-49; 30, с. 425-434; 31, с. 358]; Экстремизм (ст. 282 УК РФ), норма которой запрещает возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Норма не допускает отступлений или выбора вариантов поведения для лиц, на которых направлена [32, с. 689]; Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ). Норма об ответственности за умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью также является императивной. Она категорически запрещает совершение действий, не опасных для жизни человека и не повлекших последствий, указанных в ст. 111 УК РФ, но вызвавших длительное расстройство здоровья или значительную стойкую утрату общей трудоспособности менее чем на 1/3. Общественная опасность данного преступления обусловливает строгость санкций, что дополнительно подчеркивает императивный характер запрета [33, с. 28]; Умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 УК РФ). Норма, запрещающая умышленное причинение легкого вреда здоровью, вызвавшего кратковременное расстройство здоровья или незначительную стойкую утрату общей трудоспособности, также является императивной [34, с. 61-69]. Она не допускает отступлений или выбора вариантов поведения для лиц, на которых направлена.

Несмотря на общий императивный фундамент, в уголовном законе встречаются отдельные диспозитивные элементы. Они предоставляют адресатам норм определенную степень усмотрения, но не в отношении самого запрета, а в отношении посткриминального поведения или процедурных вопросов.

Учитывая вышеизложенное, уголовная ответственность за совершенные преступления базируется на преимущественно императивных нормах, что отражает их высокую общественную опасность. Однако наличие в законе отдельных диспозитивных элементов, таких как стимулирующие примечания и относительно-определенные санкции, свидетельствует о более сложном и гибком подходе законодателя к правовому регулированию, сочетающему неотвратимость наказания с возможностью дифференциации ответственности.

Проведенное исследование подтверждает, что норма права является фундаментальным элементом системы правового регулирования, сочетающим в себе формальную определенность, общеобязательность и государственную гарантированность. Несмотря на многообразие доктринальных подходов к дефиниции правовой нормы, именно совокупность ее классических признаков позволяет отграничить право от иных социальных регуляторов и обеспечивает его регулятивный потенциал. Классификация норм по степени властности предписания, разделяющая весь массив правовых велений на императивные и диспозитивные, имеет не только теоретическое, но и весомое прикладное значение. Анализ конкретных отраслей публичного права показал следующее.

В уголовно-процессуальном праве императивный метод регулирования проявляется через субординационную модель властеотношений. Концентрация государственно-властных полномочий у стороны обвинения на досудебных стадиях закономерно создает асимметрию процессуальных возможностей [35, с. 228-234], ограничивая диспозитивные начала для стороны защиты [36, с. 12-16]. Статистические данные о минимальной доле оправдательных приговоров косвенно подтверждают наличие дисбаланса, при котором формальное равноправие сторон нивелируется фактическим неравенством властного инструментария. Это указывает на необходимость дальнейшей теоретической проработки механизмов, способных сгладить императивную асимметрию без разрушения фундаментальных основ публичного уголовного преследования [37, с. 358].

В уголовном праве нормы об ответственности за кражу (ст. 158 УК РФ), терроризм (ст. 205 УК РФ) и экстремизм (ст. 282 УК РФ) конструируются как преимущественно императивные. Категорический запрет на совершение указанных деяний, не допускающий вариативности поведения и подкрепленный санкцией государства, отражает их высокую общественную опасность [38, с. 33-37], [39, с. 153-162]. Вместе с тем законодатель не сводит регулирование исключительно к жесткому диктату. Наличие диспозитивных элементов — стимулирующих примечаний (например, к ст. 205 УК РФ) и относительно-определенных санкций, оставляющих простор для судейского усмотрения — свидетельствует о гибком подходе. Такое сочетание позволяет, не ослабляя императивности самого запрета, дифференцировать ответственность и стимулировать посткриминальное позитивное поведение.

Список литературы:

1. Фролова, Е. А. Норма права: понятие и классификация / Е. А. Фролова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1(229). – С. 8-11. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_8. – EDN DOJPSC.
2. Купчигина, М. В. Понятие и сущность нормы права. Определение ее признаков / М. В. Купчигина // Устойчивое развитие России - 2024 : Сборник статей III Всероссийской научно-практической конференции, Петрозаводск, 20 июня 2024 года. – Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2024. – С. 180-184. – EDN IRLBSW.
3. Лукьянов, М. А. Понятие и признаки императивной нормы в международном частном праве / М. А. Лукьянов // Modern Science. – 2023. – № 3-2. – С. 36-41. – EDN JQEZMF.
4. Сафронов, В. В. Понятие нормы международного космического права / В. В. Сафронов // Актуальные проблемы авиации и космонавтики : Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию академика М.Ф. Решетнева и Дню космонавтики. В 3-х томах, Красноярск, 08–12 апреля 2024 года. – Красноярск: Сибирский государственный университет науки и технологий им. акад. М.Ф. Решетнева, 2024. – С. 762-764. – EDN MRMRZW.
5. Криштопа, Д. А. Основные подходы к определению понятия структуры нормы права / Д. А. Криштопа // Аллея науки. – 2025. – Т. 1, № 4(103). – С. 536-540. – EDN WUTKPB.
6. Ласточкина, М. С. Норма права: понятие и признаки / М. С. Ласточкина, А. С. Виноградов // Правовая среда в современной России: проблемы и перспективы развития : сборник научных статей II межвузовской научно-практической конференции, Саратов, 22 февраля 2024 года. – Саратов: Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии, 2024. С. 64-68.
7. Бялт, В. С. К вопросу о понятии и признаках нормы права / В. С. Бялт, С. Ю. Чимаров // Тенденции развития науки и образования. – 2022. – № 84-5. – С. 64-66. – DOI 10.18411/trnio-04-2022-205.
8. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – 5-е изд. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2020. – 528 с.

9.Исмайлов, Д. А. Понятие и значение уголовно-процессуального права в современном государстве / Д. А. Исмайлов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 29. – С. 314-321. – EDN EIAPAY.
10. Бошно, С. В. Способы и методы правового регулирования / С. В. Бошно // Право и современные государства. – 2014. – № 3. – С. 52-60. – DOI 10.14420/ru.2014.3.7. – EDN SNADKP.
11. Исмайлов, Д. А. Понятие и значение предварительного расследования в уголовном процессе / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. № 11(87). С. 328-333.
12. Исмайлов, Д. А. Перспективы отечественного законодательства в части правового регулирования предварительного расследования / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 4(32). – С. 86-90. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-04-86-90. – EDN CHLXUL.
13. Исмайлов, Д. А. К вопросу об актуальных проблемах предварительного следствия и дознания в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 2(20). – С. 48-57. – EDN GAABCE.
14. Исмайлов, Д. А. Дознание как форма предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Теология. Философия. Право. 2023. № 2(20). С. 39-47.
15. Лизунов, А. С. К вопросу о субъектах реализации правоохранительной функции государства / А. С. Лизунов, Д. А. Исмайлов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – С. 390-398.
16. Исмайлов, Д. А. Процессуальные проблемы реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве и пути их решения / Д. А. Исмайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. Т. 11, № 2. С. 312-320.
17. Исмайлов, Д. А. Исторический аспект развития и становления принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России / Д. А. Исмайлов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 2(108). – С. 94-102.
18. Исмайлов, Д. А. Проблемы в деятельности участкового уполномоченного полиции и пути их решения / Д. А. Исмайлов, Ю. О. Мещерякова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 458-462.
19. Исмайлов, Д. А. К вопросу об актуальных аспектах прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью участкового уполномоченного полиции / Д. А. Исмайлов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 4, № 79(123). – С. 87-95.
20. Исмайлов, Д. А. Современная правовая основа уголовно-процессуальной деятельности участковых уполномоченных полиции / Д. А. Исмайлов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 3, № 78(122). – С. 99-108.
21. Исмайлов, Д. А. К вопросу об определении места участковых уполномоченных полиции в системе органов дознания / Д. А. Исмайлов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2024. – № 4(20). – С. 67-75.
22. Исмайлов, Д. А. Правоохранительная служба: ретроспективный анализ, проблемы и решения / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – № 4(93). – С. 40-48.
23. Исмайлов, Д. А. К вопросу о нарушении принципа тайны уголовного судопроизводства в совещательной комнате / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2024. – Т. 1, № 2(107). – С. 143-150.
24. Исмайлов, Д. А. Особенности предварительного следствия как формы предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 333-341. – EDN ICQYCD.
25. Исмайлов, Д. А. Проблема обеспечения равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 301-308.
26. Ретроспективный взгляд на эволюцию понятия "преступление" в России / Д. А. Исмайлов, Д. В. Иванчук, А. А. Мишунина, А. О. Мамина // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 10(86). – С. 163-169.
27. Кабанов, П. А. К вопросу о понятии, историческом развитии и становлении института малозначительности деяния по делам о хищении / П. А. Кабанов, Д. А. Исмайлов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2024. – № 1(17). – С. 49-55..
28. Кабанов, П. А. К вопросу о проблемных аспектах уголовно-правовой квалификации малозначительности деяния по делам о хищении / П. А. Кабанов, Д. А. Исмайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т.10, № 2. С. 251-256.
29. Исмайлов, Д. А. Терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации / Д. А. Исмайлов // Академия права. – 2023. – № 3(3). – С. 43-49. – EDN UBNFHE.
30. Ситникова, М. П. Экстремистский и хулиганский мотивы преступлений: проблемные аспекты квалификации / М. П. Ситникова, Д. А. Исмайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 425-434.
31. Исмайлов, Д. А. Терминологический анализ терроризма как криминального явления: криминологический и исторический аспект / Д. А. Исмайлов // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел : сборник материалов Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей, студентов и адъюнктов, Екатеринбург, 24.04.2024 г. – Екатеринбург: Уральский юридиче-

ский институт МВД РВ, 2024. – С. 358-359.
32. Исмайлов, Д. А. Миграция как фактор преступности / Д. А. Исмайлов // Молодежь. Наука. Общество - 2023 : Сборник студенческих работ всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции, Тольятти, 18–22 декабря 2023 г. – Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2024. – С. 688-693.
33. Исмайлов, Д. А. Особенности квалификации преступления, предусмотренного Ч. 1 ст. 117 ук РФ (истязание): теоретико-практический анализ / Д. А. Исмайлов, О. Ю. Савельева // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2024. – № 2(18). – С. 25-32. – EDN DQTXPH.
34. Исмайлов, Д. А. Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди // Теология. Философия. Право. – 2021. – № 2(16). – С. 61-69.
35. Исмайлов, Д. А. Становление и развитие предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди // Социальное управление. – 2023. – Т. 5, № S2. С. 228-234.
36. Исмайлов, Д. А. К вопросу об основных направлениях деятельности, проблемах и перспективах развития судебной системы / Д. А. Исмайлов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 2, № 77(121). – С. 12-16.
37. Исмайлов, Д. А. Современные тенденции в уголовном праве и их влияние на правовую самоосознанность российского общества / Д. А. Исмайлов // Роль юридических наук в развитии правовой культуры российского общества : Сборник статей по материалам III Межвузовской научной студенческой конференции , Владивосток, 28 марта 2024 года. – Владивосток, 2024. – С. 359-361.
38. Исмайлов, Д. А. К вопросу о понятии криминологии и предмета ее изучении / Д. А. Исмайлов // Вестник права. – 2023. – № 2(2). – С. 33-37. – EDN NJKJVU.
39. Исмайлов, Д.А. Основные угрозы национальной безопасности Российской Федерации: криминологический анализ и современные тенденции / Д.А. Исмайлов // Академия права. 2024. № 1(4). С. 153-162.

Ivanov A. I. Application of legal rules according to the degree of authority of the order using the example of public relations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 278-288.

The study is devoted to a comprehensive analysis of the rule of law as a fundamental category of jurisprudence and the primary element of the legal system. The classification of legal norms based on various criteria (legal force, duration, scope, functions, branch affiliation, nature of the disposition, degree of certainty of the instructions, etc.) is analyzed, with a special focus on the division of norms into mandatory and optional. The study examines the application of legal norms, taking into account the degree of authority of the instructions, in two key areas: criminal procedure law and criminal law.

Key words: legal norm, classification of legal norms, authoritative prescription, criminal proceedings, criminal law, criminal process, application of legal norms, public relations, authoritative norms.

Spisok literatury:

1.Frolova, E. A. Norma prava: ponyatie i klassifikaciya / E. A. Frolova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2024. – № 1(229). – S. 8-11. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_8. – EDN DOJPSC.
2.Kupchigina, M. V. Ponyatie i sushhnost` normy` prava. Opredelenie eyo priznakov / M. V. Kupchigina // Ustojchivoe razvitie Rossii - 2024 : Sbornik statej III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Petrozavodsk, 20 iyunya 2024 goda. – Petrozavodsk: Mezhdunarodny`j centr nauchnogo partnerstva «Novaya Nauka» (IP Ivanovskaya I.I.), 2024. – S. 180-184. – EDN IRLBSW.
3.Luk`yanov, M. A. Ponyatie i priznaki imperativnoj normy` v mezhdunarodnom chastnom prave / M. A. Luk`yanov // Modern Science. – 2023. – № 3-2. – S. 36-41. – EDN JQEZMF.
4.Safronov, V. V. Ponyatie normy` mezhdunarodnogo kosmicheskogo prava / V. V. Safronov // Aktual`ny`e problemy` aviacii i kosmonavtiki : Sbornik materialov X Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashhennoj 100-letiyu akademika M.F. Reshetneva i Dnyu kosmonavtiki. V 3-x tomax, Krasnoyarsk, 08–12 aprelya 2024 goda. – Krasnoyarsk, 2024. – S. 762-764. – EDN MRMRZW.
5.Krishtopa, D. A. Osnovny`e podxody` k opredeleniyu ponyatiya struktury` normy` prava / D. A. Krishtopa // Alleya nauki. – 2025. – T. 1, № 4(103). – S. 536-540. – EDN WUTKPB.
6.Lastochkina, M. S. Norma prava: ponyatie i priznaki / M. S. Lastochkina, A. S. Vinogradov // Pravovaya sreda v sovremennoj Rossii: problemy` i perspektivy` razvitiya : sbornik nauchny`x statej II mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Saratov, 22 fevralya 2024 goda. – Saratov: Saratovskij voenny`j ordena Zhukova Krasnoznamenny`j institut vojsk nacional`noj gvardii, 2024. – S. 64-68.
7.Byalt, V. S. K voprosu o ponyatii i priznakax normy` prava / V. S. Byalt, S. Yu. Chimarov // Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2022. – № 84-5. – S. 64-66. – DOI 10.18411/trnio-04-2022-205. 8. Matuzov N.I., Mal`ko A.V. Teoriya gosudarstva i prava / N.I. Matuzov, A.V. Mal`ko. – 5-e izd. – M.: Izdatel`skij dom «Delo» RANXiGS, 2020. – 528 s.
9.Ismajlov, D. A. Ponyatie i znachenie ugolovno-processual`nogo prava v sovremennom gosudarstve / D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2024. – № 29. – S. 314-321..
10.Boshno, S. V. Sposoby` i metody` pravovogo regulirovaniya / S. V. Boshno // Pravo i sovremenny`e gosudarstva. – 2014. – № 3. – S. 52-60..
11.Ismajlov, D. A. Ponyatie i znachenie predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom processe / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. – 2023. – № 11(87). – S. 328-333.

12.Ismajlov, D. A. Perspektivy` otechestvennogo zakonodatel`stva v chasti pravovogo regulirovaniya predvaritel`nogo rassledovaniya / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // E`konomika. Sociologiya. Pravo. – 2023. – № 4(32). – S. 86-90.
13.Ismajlov, D. A. K voprosu ob aktual`ny`x problemax predvaritel`nogo sledstviya i doznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve // Teologiya. Filosofiya. Pravo. 2023. № 2(20). – S. 48-57.
14.Ismajlov, D. A. Doznanie kak forma predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2023. – № 2(20). – S. 39-47.
15.Lizunov, A. S. K voprosu o sub``ektax realizacii pravooxranitel`noj funkcii gosudarstva / A. S. Lizunov, D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2024. – № 31. – S. 390-398. – EDN HWTPTU.
16.Ismajlov, D. A. Processual`ny`e problemy` realizacii principa sostyazatel`nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve i puti ix resheniya / D. A. Ismajlov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2025. – T. 11, № 2. – S. 312-320. – EDN OKIYLQ.
17.Ismajlov, D. A. Istoricheskij aspekt razvitiya i stanovleniya principa sostyazatel`nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii / D. A. Ismajlov // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2025. – № 2(108). – S. 94-102. – EDN VPKSMV.
18.Ismajlov, D. A. Problemy` v deyatel`nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii i puti ix resheniya / D. A. Ismajlov, Yu. O. Meshheryakova // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 3. – S. 458-462. – DOI 10.29039/2413-1733-2024-10-3-458-462.
19.Ismajlov, D. A. K voprosu ob aktual`ny`x aspektax prokurorskogo nadzora za ugolovno-processual`noj deyatel`nost`yu uchastkovogo upolnomochennogo policii / D. A. Ismajlov // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 4, № 79(123). – S. 87-95.
20.Ismajlov, D. A. Sovremennaya pravovaya osnova ugolovno-processual`noj deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii / D.A. Ismajlov // The Newman in Foreign Policy. 2024. T.3, № 78(122).S.99-108.
21.Ismajlov, D. A. K voprosu ob opredelenii mesta uchastkovy`x upolnomochenny`x policii v sisteme organov doznaniya / D. A. Ismajlov // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. – 2024. – № 4(20). – S. 67-75. – EDN FESLHF.
22.Ismajlov, D. A. Pravooxranitel`naya sluzhba: retrospektivny`j analiz, problemy` i resheniya / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi, G. A. Ozhegova // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. – 2022. – № 4(93). – S. 40-48. – EDN DGLXVT.
23.Ismajlov, D. A. K voprosu o narushenii principa tajny` ugolovnogo sudoproizvodstva v soveshhatel`noj komnate / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva. – 2024. – T. 1, № 2(107). – S. 143-150.
24.Ismajlov, D. A. Osobennosti predvaritel`nogo sledstviya kak formy` predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2023. – № 28. – S. 333-341.
25.Ismajlov, D. A. Problema obespecheniya ravnopraviya i sostyazatel`nosti storon v ugolovnom processe / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi, G. A. Ozhegova // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74), № 3. – S. 301-308. – EDN PIEDDH.
26.Retrospektivny`j vzglyad na e`volyuciyu ponyatiya prestuplenie v Rossii / D. A. Ismajlov, D. V. Ivanchuk, A. A. Mishunina, A. O. Mamina // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. 2023. №10(86). S. 163-169.
27.Kabanov, P. A. K voprosu o ponyatii, istoricheskom razvitii i stanovlenii instituta maloznachitel`nosti deyaniya po delam o xishhenii / P. A. Kabanov, D. A. Ismajlov // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. – 2024. – № 1(17). – S. 49-55. – EDN QRKYFI.
28.Kabanov, P. A. K voprosu o problemny`x aspektax ugolovno-pravovoj kvalifikacii maloznachitel`nosti deyaniya po delam o xishhenii / P. A. Kabanov, D. A. Ismajlov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 2. – S. 251-256.
29.Ismajlov, D. A. Terrorizm kak ugroza nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / D. A. Ismajlov // Akademiya prava. – 2023. – № 3(3). – S. 43-49. – EDN UBNFHE.
30.Sitnikova, M. P. E`kstremistskij i xuliganskij motivy` prestuplenij: problemny`e aspekty` kvalifikacii / M. P. Sitnikova, D. A. Ismajlov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 4. – S. 425-434. – EDN IVMQHT.
31.Ismajlov, D. A. Terminologicheskij analiz terrorizma kak kriminal`nogo yavleniya: kriminologicheskij i istoricheskij aspekt / D. A. Ismajlov // Aktual`ny`e problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti organov vnutrennix del : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii kursantov, slushatelej, studentov i ad``yunktov, Ekaterinburg, 24 aprelya 2024 g. – Ekaterinburg: S. 358-359. –.
32.Ismajlov, D. A. Migraciya kak faktor prestupnosti / D. A. Ismajlov // Molodezh`. Nauka. Obshhestvo - 2023 : Sbornik studencheskix rabot vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj mezhdisciplinarnoj konferencii, Tol`yatti, 18–22 dekabrya 2023 g. – Tol`yatti, 2024. – S. 688-693.
33.Ismajlov, D. A. Osobennosti kvalifikacii prestupleniya, predusmotrennogo Ch. 1 st. 117 uk RF (istyazanie): teoretiko-prakticheskij analiz / D. A. Ismajlov, O. Yu. Savel`eva // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. – 2024. – № 2(18). – S. 25-32. – EDN DQTXPH.
34.Ismajlov, D. A. Primenenie mediacii v deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2021. – № 2(16). – S. 61-69. – EDN ZRIGYD.
35.Ismajlov, D. A. Stanovlenie i razvitie predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A.

Ismajlov, A. V. Muruzidi // Social`noe upravlenie. – 2023. – T. 5, № S2. – S. 228-234.
36.Ismajlov, D. A. K voprosu ob osnovny`x napravleniyax deyatel`nosti, problemax i perspektivax razvitiya sudebnoj sistemy` / D. A. Ismajlov // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 2, № 77(121). – S. 12-16.
37.Ismajlov, D. A. Sovremenny`e tendencii v ugolovnom prave i ix vliyanie na pravovuyu samoosoznannost` rossijskogo obshhestva / D. A. Ismajlov // Rol` yuridicheskix nauk v razvitii pravovoj kul`tury` rossijskogo obshhestva : Sbornik statej po materialam III Mezhvuzovskoj nauchnoj studencheskoj konferencii , Vladivostok, 28 marta 2024 goda. – Vladivostok, 2024. – S. 359-361. – EDN MPWNQA.
38.Ismajlov, D. A. K voprosu o ponyatii kriminologii i predmeta ee izuchenii / D. A. Ismajlov // Vestnik prava. – 2023. – № 2(2). – S. 33-37. – EDN NJKJVU.
39.Ismajlov, D. A. Osnovny`e ugrozy` nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: kriminologicheskij analiz i sovremenny`e tendencii / D. A. Ismajlov // Akademiya prava. – 2024. – № 1(4). – S. 153-162.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 289-299.

УДК 336.2; 347.453; 349.44

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННОГО ЖИЛИЩНОГО ФОНДА. ДЕНЕЖНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ ЗА НАЕМ (ПОДНАЕМ) ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ СОТРУДНИКАМ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Казанцева Е. В.
Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Автором проанализировано предоставление сотрудникам органов внутренних дел жилых помещений из специализированного жилищного фонда или денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений выделены пробелы и коллизии действующего законодательства и отмечен плюрализм в судебных решениях по спорам из предоставления служебного жилья или выплаты компенсации. Установлено, что реализация прав сотрудника ОВД на предоставление служебного жилого помещения включает три взаимосвязанных условий: 1) наличие «свободного» служебного жилья по месту прохождения службы в собственности ОВД (в СЖФ МВД РФ субъекта); 2) нуждаемость в жилом помещении; 3) передача рапорта сотрудника ОВД с просьбой предоставить в наем такое жилье. К существенным условиям договора найма СЖП следует отнести: а) «временное» владение и пользование; б) указывается предмет договора; в) указание всех члены семьи нанимателя, в том числе находящиеся на его иждивении; в) закрепление условия о порядке определения и оплаты коммунальные платежей; г) права и обязанности сторон; д) порядок изменения и прекращения договора найма. Автором выделено основные и факультативные условия необходимые для реализации право сотрудника ОВД на получение денежной компенсации за наем (поднаем) жилого помещения. Отмечено, что одним из существенных недостатков реализации анализируемого права является разность в подходе и в понимании критериев, влияющих на положительное решение жилищной комиссией субъекта МВД России, что указывает на необходимость законодательной трансформации.

Ключевые слова: жилое помещение, служебное помещение, компенсация, поднайом, сотрудник ОВД, специализированный жилищный фонд, нуждаемость, договор найма.

В марте 2026 г. подведены итоги работы МВД России, среди ключевых вопросов состояние и перспективы кадровой политики в органах внутренних дел (далее – ОВД). По мнению руководителей госорганов, и системы МВД России, в том числе экспертов и специалистов, одной из причин кадрового дефицита в ОВД, является низкий уровень реализации социальных гарантий сотрудников ОВД. Среди закрепленных законодателем социальных гарантий в Федеральном законе от 19.07.2011 № 247-ФЗ [1], особое место занимает жилищное обеспечение сотрудников.

Проблема жилищного обеспечения сотрудников ОВД опирается на конституционные гарантии и разветвлённую систему специальных нормативных актов. В Конституции РФ закреплено, что человек, а также его права и свободы провозглашены высшей ценностью, что определяет нашу страну социальным государством, которое создает условия, обеспечивающие достойную жизнь каждого человека. Это ставит проблему государственно-правовых гарантий в сфере жилищных прав граждан в число важнейших концепций среди системы прав человека. Концепция права на жилище предусматривает: «каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища» [2]. Государство обязано создавать условия для осуществления этого права. Таким образом, право на жилье исторически считалось общеобязательным благом, распространяющимся и на сотрудников правоохранительных органов.

ОВД, как специализированный государственный орган исполнительной власти в сфере внутренних дел имеет определенную компетенцию, систему, организацию деятельности. Жилищное обеспечение сотрудник ОВД, как и реализация прав в данной сфере имеет определенную специфику, что влечет за собой как положительные, так и отрицательные моменты. Следует отметить, что анализируемой теме в научной доктрине приделается внимание, однако анализ научных трудов позволяет отметить такие

аспекты, как абстрактность изложения материала, цитирование законодательных актов, переписывание позиций коллег.

По мнению автора, жилищное обеспечение сотрудников ОВД включает в себя два направления: 1) Предоставление жилых помещений из специализированного жилищного фонда (далее – СЖФ) или денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений; 2) Получение единовременной социальной выплаты (далее – ЕСВ) для приобретения или строительства жилого помещения.

В статье проанализируем правовое регулирование предоставления жилых помещений из СЖФ или выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений. Жилищное обеспечение сотрудников ОВД, является составной частью жилищных правоотношений, которые в свою очередь являются разновидностью гражданских правоотношений и характеризуются выделением: 1) вещно-правовых правоотношений (для них характерно приобретение и использования жилья на праве собственности); 2) корпоративных правоотношений (связанны с непосредственным участием, напр., жилищные кооперативы); 3) обязательственных правоотношений (вытекающие из различных договоров, например, найм жилья).

Следовательно, обязательства жилищного найма, возникают в связи с получением жилья в пользование сотрудниками ОВД и входят в более широкое понятие жилищных правоотношений.

Предметом жилищного законодательства является совокупность нормативных правовых актов (федерального, регионального и ведомственного законодательства), регулирующих жилищные правоотношения. К нормативным правовым актам, регулирующим отдельные вопросы жилищных правоотношений с участием сотрудников ОВД, относят: федеральные законы, к примеру, Жилищный кодекс РФ [3], ФЗ от 19.07.2011 № 247-ФЗ [1], Гражданский кодекс РФ [4]; региональные законы (в которых предоставляется порядок предоставления служебного жилья сотрудникам ОВД [5]); указы Президента РФ [6]; постановления Правительства РФ [7]; иные нормативные правовые акты различных федеральных органов исполнительной власти (министерств и ведомств [8]) и так далее.

Ключевой дефиницией жилищного законодательства является «жилищный фонд», определяется как совокупность всех находящихся на территории России «жилых помещений» и раскрывается через закрепление исчерпывающего перечня их видов (ч. 1 ст. 19 Жилищного кодекса РФ [3]). Выступая объектом правоотношений жилое помещение содержит в себе два взаимосвязанных требования: содержит все обязательные признаки категории «жилое помещение» (определены в постановлении Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 [9]) и быть зарегистрировано в ЕГРН как «жилое помещение», в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 218 – ФЗ [10]).

Непосредственно зарегистрированное жилое помещение является составной частью жилищного фонда. В законодательстве и научной доктрине закреплено и выработано множество их классификаций. С учетом тематики нашего исследования остановимся на СЖФ, который впервые в России появился в 2004 году, с принятием нового Жилищного кодекса РФ.

СЖФ законодатель определяет, как совокупность жилых помещений, находящихся в собственности государственных или муниципальных органов, предоставляемых определённой категории граждан.

Право МВД РФ иметь СЖФ, закреплено в Указе Президента РФ от 21.12.2016 № 699 [11], и состоит из: 1) служебного жилого помещения; 2) жилого помещения в общежитиях (пп. 7 п. 14 Положения об МВД РФ), которые являются собственность ОВД, и принадлежат МВД РФ на праве собственности.

Порядок формирования СЖФ МВД РФ определен постановлением Правительства РФ от 26.01.2006 № 42 [12] и осуществляется за счёт средств федерального бюджета в рамках финансирования ОВД. Что, по нашему мнению, ставить ОВД перед выбором определения очередности действий в рамках его финансирования, к примеру, приобретение транспортного средства для выполнения задач ОВД или оборудования в медицинские учреждения системы ОВД или же приобретение служебного жилого помещения.

Непосредственно порядок предоставления жилых помещений сотрудникам ОВД из СЖФ, определен приказом МВД России от 28.04.2022 № 301 [13].

Проведенный анализ действующего законодательства позволяет выделить три взаимосвязанных условия реализация прав сотрудника ОВД на предоставление служебного жилого помещения: 1) наличие «свободного» служебного жилья по месту прохождения службы в собственности ОВД (в СЖФ МВД РФ субъекта). Под понятием «свободное» подразумеваем, что в него, при выполнении ряда условий сотрудник ОВД, самостоятельно или с членами своей семьи, может вселиться, с обязательным соответствием минимального размера площади жилого помещения (ст. 7 Федерального закона от 30.12.2012 № 283-ФЗ [14]); 2) нуждаемость сотрудника ОВД в жилом помещении.

Данная категория является самой дискуссионной в научной доктрине, так как с одной стороны она является основным признаком жилищных правоотношений, а с другой – несмотря на ее закрепления в законодательстве, в том числе в Жилищном кодексе РФ, данная дефиниция не раскрывается, а является собирательным понятием. К примеру, основаниями для признания гражданина нуждающимися может быть: проживание в помещении, не отвечающем установленным для жилых помещений требованиям и(или) отсутствие факта найма жилого помещения и(или) обеспечение общей площадью жилого помещения на одного члена семьи менее учётной нормы и так далее. В каждом конкретном случае жилищная комиссия сама должна определить факт нуждаемости.

Факт нуждаемости определяется отсутствием жилого помещения у сотрудника ОВД на праве собственности, или нахождения его жилья (места проживания) в значительной удаленности от места прохождения службы, что затрудняет выполнение им служебных обязанностей.

3) Наличие рапорта сотрудника ОВД с просьбой предоставить в наем такое жилье.

Рапорт с документами, исчерпывающий перечень которых закреплен в указанном приказе, сотрудник ОВД предоставляет в жилищную комиссию по месту службы. По результатам рассмотрения рапорта принимается решение о предоставлении жилого помещения сотруднику или мотивированный отказ в предоставлении. Решение жилищной комиссии оформляется протоколом, который в свою очередь является основанием для заключения договора найма жилого помещения.

Одним из недостатков действующего законодательства является отсутствие единого правового акта, регламентирующего деятельность жилищных комиссий МВД России, что приводит к разности в принятии решений в региональных ОВД.

При положительном решении о предоставлении жилого помещения из СЖФ, с сотрудником ОВД заключения договора найма специализированного жилого помещения (далее – договора найма СЖП). Порядок заключения договора регламентируется гл. 9 и 10 Жилищного кодекса РФ, а также гл. 35 ГК РФ. Следует отметить, что более подробно порядок заключение договора найма СЖП, и определение его существенных условий, закреплен в Гражданском кодексе РФ.

К особенностям (существенным условиям) договора найма СЖП следует отнести: А) условие о передачи СЖП только во «*временное пользование*». Несмотря на времен-

ный характер обязательства, срок не является существенным условием, так как он определяется периодом службы сотрудника в ОВД (п. 13 приказа МВД России № 301 [13]). Следует отметить, что указание на срок, в том числе его период, определяется положением о жилищной комиссии в каждом ОВД самостоятельно. Данные договора, независимо от срока его действия, не подлежат государственной регистрации. Указанная норма приказа противоречит императивной норме (ст. 683 ГК РФ) максимальный срок найма жилого помещения не может превышать 5 лет. Следовательно, срок в договоре найма СЖП, является существенным условием, его максимальный срок не должен превышать пять лет, и содержать указание на пролонгацию (правом продления срока).

При этом есть исключения в сроке пользования СЖП: право проживать сохраняется за сотрудником, если он имеет стаж службы 25 лет и более; право сохраняется если у сотрудника стаж службы менее 25 лет, но на его иждивении находится близкие родственники призваны инвалидами 1 и 2 группы.

Несмотря на законодательное закрепление жилищной комиссиями допускаются нарушения, что требуют от сотрудников ОВД (пенсионеров ОВД) затрачивание сил и средств на отстаивание своего права. Так гражданин Б. (бывший сотрудник ОВД) вышел на пенсию по выслуге лет. В период трудовых отношений с ним был заключен договор найма СЖП, которое являлось и является (на момент подачи иска) единственным местом жительства истца. После увольнения истец получил уведомление от жилищной комиссии о выселении из служебного жилья на основании прекращение служебно-трудовых отношений. Гражданин Б. обратился в Верховный Суд Республики Татарстан, по защите своих прав. В суде установлено, что в период службы истец состоял на учете по улучшению жилищных условий, а также на учет для получения ЕСВ. Обязательство по содержанию служебного помещения выполнял в надлежащей форме. В период судебного спора установлено, что на иждивении истца находятся родственники, двое из которых являются инвалидами, к тому же один из них ветеран боевых действий. На основании указанных доводов суд признал (оставил) право за истцом не только пользования, но и владения жилым помещением, которое является собственностью ОВД [15].

Иную позицию по реализации права на жилье при выселении отметил в 2025 г. Конституционный Суд России: не допускается выселение сотрудника из служебного жилье, если он имеет стаж службы более 25 лет и состоит на учете для получения ЕСВ [16]. Следовательно, сотрудник ОВД (пенсионер ОВД), с целью исключения его выселение из СЖП обязан пребывать на учете получения ЕСВ.

Б) условие о предмете договора найма: раскрывается не только адрес нахождения СЖП, но и его основные характеристики (как жилого помещения) и состояние, перечисляется иное имущество, которое предоставляется в пользование (к примеру, холодильник, стиральная машинка, мебельный гарнитур и т.д.).

В) перечисляются все члены семьи нанимателя (сотрудника ОВД), в том числе находящиеся на его иждивении (указывается ФИО, их степень родства и даты рождения).

Г) условия о порядке определения и оплаты коммунальных платежей. Данное условие характеризует закрепление законодателем возмездности данного договора (ч. 1 ст. 100 Жилищного кодекса РФ).

Д) детализируются права и обязанности сторон, а также порядок изменения и прекращения договора, в том числе условия и порядок вселения членов семьи сотрудника ОВД и их выселения.

Актуальный и интересный вопрос, в рамках нашего исследования, является право на приобретения в собственность СЖП, которое находится во временном пользовании

сотрудника ОВД, в связи с исполнением им служебных обязанностей.

По данному вопросу в законодательстве существуют противоречия. Так, согласно ч. 3 ст. 92 Жилищного кодекса РФ служебное жилье не подлежит отчуждению (исключение договор найма). В ст. 217 ГК РФ закреплено: имущество государственных органов (в том числе имущество МВД России) может быть передано в собственность физического лица, в порядке Закона от 04.07.1991 № 1541-1 [17]. Указанный закон также предусматривает норму, согласно которой служебное жилье «не подлежит» приватизации, законодатель исходит из того, что приватизировать можно только социальное жилье. Следовательно, получить в собственность служебное жилье невозможно.

Таким образом, реализация права сотрудников ОВД на получение жилого помещения из СЖФ МВД России, определена гражданским и жилищным законодательством во взаимосвязи с правилами, утверждёнными приказом МВД России № 301 и жилищной комиссии субъекта МВД России, ее реализация зависит от наличия СЖП, и выполнения требований законодательства сотрудником ОВД.

Отсутствие служебного жилья или комнаты в общежитии является следствием и основанием для получения компенсации за наем (поднаем) жилого помещения, в соответствии с ч. 4 ст. 8 Федерального закона от № 247-ФЗ [1].

Проведенный анализ законодательства получения компенсации позволяет отметить, что указанное право предусматривает наличие выделение автором основных и факультативных условий необходимых для его реализации.

К основным условиям необходимо отнести:

1. Наличие рапорта с просьбой о предоставлении служебного жилого помещения или жилого помещения в общежитиях, являющихся собственностью МВД РФ и ответа жилищной комиссии о невозможности предоставить СЖП сотруднику ОВД.

Как следует из анализа судебных решений, отсутствие рапорта с просьбой о предоставлении служебного жилое помещение из СЖФ МВД России по месту службы, является основанием для законного отказа в получении компенсации за наем (поднаем) жилого помещения. Указанное утверждение подкрепляется судебными решениями «рапорт на предоставления служебного жилое помещение из СЖФ МВД РФ по месту службы является обязательным, как и ответ на него» [18].

2. Сотрудник ОВД не имеет жилого помещения по месту службы. Данное условие подтверждается выпиской из ЕГРН о наличии (отсутствии) у сотрудника ОВД и всех членов его семьи в собственности жилых помещений в субъекте РФ, в котором он проходит службу. Следует отметить, что в законодательстве и в судебной практике принято единство в определении, что доказательством права собственности на недвижимое имущество является выписка из ЕГРП [19].

На взгляд автора, указанная в законодательстве трактовка «не имеющему жилого помещения» является неопределенной, так как позволяет двойственную ее трактовку. Как справедливо отмечает Конституционный Суд России, неопределенность содержания правовой нормы, не будучи в состоянии обеспечить ее единообразное понимание, а значит, и применение, и в свою очередь, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона [20].

Неопределенность нормы, по нашему мнению, состоит в том, что с одной стороны ее рассматривают как отсутствие жилого помещения на праве собственности у сотрудника ОВД (минимум в месте несения службы), что подтверждается выпиской из ЕРГН. А с другой – рассматривается членами жилищной комиссией МВД России субъекта, как отсутствии регистрации места проживания или места пребывания в месте несения службы, так и отсутствие возможности проживания с близкими родственниками.

Спорным основанием для отказа в выплате компенсации является проживание и(или) наличие места регистрации (временного пребывания) сотрудника ОВД в субъекте несения службы, однако не имеющего этого имущества на праве собственности, или проживающего в значительной удаленности от места несения службы.

Позиции судебных инстанций и жилищно-бытовых комиссий разняться. К примеру, ВС Республики Крым, в своем решении за 2018 г. отмечает: отсутствие регистрации (временной, постоянной) по месту проживания по найму жилого помещения, не является основанием об отказе в выплате денежной компенсации. В споре речь идет о соглашении (найме жилого помещения) между свекровью и невесткой (истцом), при этом в соглашении указана только истица заключила соглашение только в отношении себя (без супруга), следовательно, и компенсация рассчитывается только на нее одну. В данном споре суд не установил родственных связей и удовлетворил иск о возмещении компенсации за поднаем [21]. В апелляционном определении ВС Республики Адыгея подобная ситуация, но суд стал на сторону ответчика (МВД России) и признал в споре семейные связи отказав в иске [22].

Иную позицию принимает ВС Республики Крым в 2024 г., отмечая, что наличие регистрации истца по месту проживания своих родителей, которая (истец) при этом не имеет имущества на праве собственности, является основанием для отказа в удовлетворении выплаты компенсации за поднаём. Так как, по мнению суда, истица вселена (проживает) в данном жилом помещении как член семьи собственника, несмотря на то, что не имеет данного имущества на праве собственности. При этом, суд отмечает, что жилищное законодательство закрепляется право пользования данным жилым помещением наравне с собственником. Тем более, когда с близкими родственниками заключено соглашение о найме (в данном примере, договор заключен между дочерью и матерью) [23].

Иная трактовка близких родственников приводится Санкт-Петербургским городским судом в апелляционном определении: членами семьи собственника жилого помещения (сотрудника ОВД) могут являться не только проживающие совместно с ним его супруг, дети и родители, членами семьи собственника жилого помещения могут быть признаны и другие родственники независимо от степени родства при условии, что они вселены в жилое помещение собственником в качестве членов его семьи [24]. Отметим, что в п. 2 ст. 1 Федерального закона № 247-ФЗ к близким родственникам отнесены только лица указанные в первой очереди наследования [1]. Следовательно, отказ в выплате компенсации с указанием на близкое родство в указанном примере, по нашему мнению, было не законным.

Таким образом, можем констатировать плюрализм определения в судебных решениях принадлежности лиц к членам семьи. Разность этого понятия определяется отраслью права, например, в семейном законодательстве дефиниция «близкие родственники» включает только детей, супругов (которые находятся в зарегистрированном браке) и родителей. Уголовно-процессуальное законодательство дает значительно более широкое понимание дефиниции, как и законодательство, в сфере борьбы с коррупцией.

Определенное законодателем в Федеральном законе от 19.07.2011 № 247-ФЗ понятия близкое родство соответствует семейному законодательству, и, следовательно, должно применяться в деятельности ОВД, без допущения самостоятельного расширения понятия. Плюрализм позиций судебных органов, требует от законодателя внесение корректировки в норму (к примеру, дополнить указанием «на праве собственности»), и принятие решения ВС РФ о выработке единой позиции судов в данном направлении.

Что касается вопроса о компенсации поднайма жилого помещения сотрудником ОВД, в связи с удаленностью места жительства от места несения службы, что ставит

его в затруднение из-за ежедневного возвращения в своё жильё, то решение принимается жилищной комиссией в каждом конкретном случае. При этом учитывает дальность расстояния жилого помещения от места службы, время, необходимое сотруднику для следования к месту службы и обратно, условия транспортного сообщения, режим служебного времени и другие обстоятельства, но в большинстве случаев, в такой компенсации отказывают. По нашему мнению, данный вопрос должен быть дополнительно проработан законодателем и в последствии закреплен.

3. Нуждаемость сотрудника в СЖП, и как следствие, его отсутствие.

В подтверждении данного факта, необходимо предоставить ответ жилищной комиссии, об отказе в предоставлении СЖП.

К факультативным условиям предоставления компенсации, необходимо отнести:

1) Предоставление копии действующего договора найма (поднайма) жилого помещения. Определение договора найма жилого помещения и его основное содержание определено гражданским законодательством. Ключевыми признаками является:

- Нанимателем может выступать только действующий сотрудник ОВД, в договоре указываются все члены семьи нанимателя, в том числе находящиеся на его иждивении.
- Наймодателем выступает только дееспособное физическое лицо, являющееся собственником жилого помещения.
- В договоре обязательно включается самостоятельным пунктом условия, что «коммунальные платежи в плату за квартиру не входят и оплачиваются нанимателем в определённом порядке и обговоренные найма».
- Обязательно указывается срок действия договора. Договор заключенный на срок от одного года (максимальный срок – пять лет) подлежит государственной регистрации. После регистрации договора найма (в госреестре) копия договора с выпиской из ЕГРН о временном владении и пользовании данным жилым помещением прикладывается к рапорту.
- Если жилое помещение имеет нескольких собственников, то от других сособственников отбирается письменное согласие на право передачи жилого помещения в наем. Если собственником является несовершеннолетних, к договору, в обязательном порядке, прикладывается согласие органа опеки и попечительства о заключении договора найма с сотрудником ОВД.
- В обязательном порядке к договору прикладываются документы, подтверждающие право на жилое помещение, это может быть: выписка из ЕГРН, договор купли-продажи, дарение, свидетельство о праве собственности выданное до 2015 г. и т.д.

2) Выписка из ЕГРН об отсутствии жилого помещения в собственности сотрудника ОВД и членов его семьи (на которых будет рассчитываться сумма компенсации за поднаем) на территории прохождения службы.

3) Копии документов, удостоверяющих личность сотрудника и членов его семьи.

Мы уже отмечали, что в ст. 1 Федерального закона от 19.07.2011 № 247-ФЗ дается перечень лиц, относящихся к членам семьи сотрудника ОВД.

Из указанного перечня спорным и неопределенным остается понятие находящиеся на полном содержании или находящиеся на «иждивении». Это связано с тем, что законодателем эта дефиниция не определена, и нет закрепленных норм регламентирующих, основания и порядок установления такого факта.

«Иждивение» предполагает, что лицо получает от другого лица полное материальное содержание либо систематическую помощь, которая является для него постоянным и основным источником средств к существованию. «Иждивения» – это процедура, которая позволяет подтвердить юридическое состояние зависимости одного лица (ижди-

венца) от другого (кормильца) в материальном плане.

Анализ научной доктрины позволяет отметить, что существует два способа установления. Первый способ – внесудебный: факт устанавливается государственными социальными службами, которые обязаны вести учет всех лиц, требующих ухода, например, лиц пожилого возраста, лиц, ставших инвалидами и так далее. Также в эту категорию подпадают несовершеннолетние лица, взятые сотрудниками ОВД под опеку или попечительство. Для таких лиц, подтверждающими документами могут выступать: постановления и договор об установлении опеки и(или) попечительства; свидетельство опекуна и(или) попечителя; или решение суда об установлении опеки и(или) попечительства.

Второй – судебный: заинтересованное лицо – сотрудник ОВД (как физическое лицо) обращается с иском в судебные органы по месту жительства. В исковом заявлении просит подтвердить факт нахождения лица на иждивении сотрудника. Суд оценивает не только официальные документы, но и свидетельские показания, медицинские заключения и результаты определенных экспертиз (при необходимости). Важно, чтобы доказательства были последовательными и взаимодополняющими.

Положительное решение судебного органа и будет подтверждающим документом. Жилищная комиссия после получения рапорта, с перечнем необходимых документов, в течение месяца должна его рассмотреть и принять решение (положительное или отрицательное, с обязательным указанием причины отказа). Размеры выплат устанавливаются законодателем, и пересматриваются ежегодно. Так на 2026 г. действует установленная приказам Минтруда № 588-н, предельная стоимость найма одного квадратного метра общей площади жилого помещения [25]. Следует отметить, что для каждого региона устанавливается свой тариф компенсации.

Немаловажным является тот факт, что члены жилищной комиссии обязаны удостовериться в факте фактического проживания сотрудника и членов его семьи в указанном в рапорте и договоре жилом помещении. В случае выявления факта нарушения в получении компенсации на поднаем жилого помещения, например, длительно (которое не связанно с нахождением в отпуске) не проживания по месту жительства указанном в договоре, выплаты прекращаются.

Таким образом, несмотря на то, что указанные нами основные и факультативные условия являются по сути обеспечивающими, их выполнение является необходимым в реализации права на компенсацию за поднаем жилого помещения, выразившегося в написании рапорта на имя руководителя ОВД, с приложением всех документов, и исключающим возможность злоупотребления правом на компенсацию со стороны сотрудника ОВД.

Резюмируя изложенное выше отметим, что одним из жилищных обеспечений сотрудников ОВД является предоставление жилых помещений СЖФ МВД России или денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений закреплено. Федеральное и отраслевое законодательство содержит общие требования для его реализации. Непосредственно реализация указанного права предусмотрена взаимосвязанными правилами приказа МВД России № 301 и жилищной комиссии субъекта МВД России. Установлено, что указанный приказ имеет противоречия гражданскому законодательству, а жилищная комиссия самостоятельно оценивает потребность в предоставлении жилищных помещений и оценке предоставленных документов. Одним из существенных недостатков реализации права сотрудников ОВД на получение СЖП или денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений является разность в подходе и в понимании критериев, влияющих на положительное решение жилищной комиссией субъекта МВД России, что указывает на необходимость законодательной трансформации.

Список литературы:

1.Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС ««КонсультантПлюс».
2.Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС ««КонсультантПлюс».
3.Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ // СПС ««КонсультантПлюс».
4.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // СПС ««КонсультантПлюс».
5.Закон Республики Крым от 6 июля 2015 г. 130-ЗРК/2015 «О регулировании некоторых вопросов в области жилищных отношений в Республике Крым // СПС «КонсультантПлюс».
6.Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 600 «О мерах по обеспечению граждан Российской Федерации доступным и комфортным жильем и повышению качества жилищно-коммунальных услуг» // СПС ««КонсультантПлюс».
7.Постановление Правительства РФ от 30.12.2011 № 1228 «О порядке и размерах выплаты денежной компенсации за наем (поднаем) жилых помещений сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имеющим специальные звания полиции, и членам семей сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, лиц, проходивших службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации и имевших специальные звания полиции, погибших (умерших) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей, либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел, войсках национальной гвардии Российской Федерации»; Постановление Правительства РФ от 21.05.2005 N 315 «Об утверждении Типового договора социального найма жилого помещения» // СПС «КонсультантПлюс».
8.Приказ МВД России от 09.06.2022 № 405 «Об утверждении Порядка предоставления жилых помещений жилищного фонда Российской Федерации по договору социального найма в органах внутренних дел Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
9.Постановление Правительства РФ от 28.01.2006 № 47 «Об утверждении Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции, садового дома жилым домом и жилого дома садовым домом» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О государственной регистрации недвижимости» // СПС ««КонсультантПлюс».
11. Указ Президента РФ от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СПС ««КонсультантПлюс».
12. Постановление Правительства РФ от 26.01.2006 № 42 «Об утверждении Правил отнесения жилого помещения к специализированному жилищному фонду и типовых договоров найма специализированных жилых помещений» // СПС ««КонсультантПлюс».
13. Приказ МВД России от 28.04.2022 № 301 «Об утверждении Порядка предоставления служебных жилых помещений и жилых помещений в общежитиях специализированного жилищного фонда органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС ««КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 30.12.2012 № 283-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС ««КонсультантПлюс».
15. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 5 июня 2023 г. по делу № 33-8502/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 09.10.2025 № 33-П «По делу о проверке конституционности части 3.2 статьи 8 Федерального закона «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Маркова Бориса Викторовича» // СПС ««КонсультантПлюс».
17. Закон РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
18. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 26.06.2018 № 33-4648/18; Апелляционное определение Верховного Суда Республики Адыгея от 30.01.2024 № 33-327/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» // СПС «КонсультантПлюс».
20. Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018 - 2020 годов) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 17.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».
21. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 26.06.2018 № 33-4648/18 // СПС

««КонсультантПлюс».
22. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Адыгея от 30.01.2024 № 33-327/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
23. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Крым от 04.06.2024 № 33-6025/2024// СПС «КонсультантПлюс».
24. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 01.08.2023 № 33-13356/2023 // СПС «КонсультантПлюс».
25. Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 02.10.2025 № 588н «Об утверждении предельной стоимости найма (поднайма) 1 кв. метра общей площади жилого помещения на 2026 год, применяемой для расчета размера возмещения расходов на наем (поднаем) жилого помещения федеральным государственным гражданским служащим, назначенным в порядке ротации на должность федеральной государственной гражданской службы в федеральный государственный орган, расположенный в другой местности в пределах Российской Федерации» // СПС ««КонсультантПлюс».

Kazantseva E. V. Theoretical and practical aspects of providing specialized housing and monetary compensation for renting (subletting) housing for employees of internal affairs bodies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 289-299.

The author analyzes the provision of housing for employees of internal affairs bodies from the specialized housing fund or monetary compensation for the rental (subletting) of housing, highlights the gaps and conflicts in the current legislation, and notes the pluralism in court decisions on disputes related to the provision of service housing or compensation payments. It has been established that the implementation of an internal affairs officer's rights to receive a service housing unit includes three interrelated conditions: 1) availability of "free" official housing at the place of service in the property of the Department of Internal Affairs (in the Housing Fund of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation of the subject); 2) need for housing; 3) submission of a report by an employee of the Department of Internal Affairs requesting the provision of such housing for rent. The essential conditions of the SZhP rental agreement include: a) "temporary" ownership and use; b) the subject of the agreement is specified; c) all members of the tenant's family, including those who are dependent on the tenant, are listed; d) the procedure for determining and paying utility bills is specified; e) the rights and obligations of the parties are specified; and f) the procedure for changing and terminating the rental agreement is specified. The author has identified the essential and optional conditions necessary for the implementation of the right of an internal affairs officer to receive monetary compensation for the rental (sub-rental) of a residential premises. It is noted that one of the significant drawbacks of the implementation of the analyzed right is the difference in approach and understanding of the criteria that influence a positive decision by the housing commission of the Russian Ministry of Internal Affairs, which indicates the need for legislative transformation.

Keywords: residential premises, office premises, compensation, subletting, police officer, specialized housing fund, need, rental agreement.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 19.07.2011 № 247-FZ «O social'nyh garantiyah sotrudnikam organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SPS ««Konsul'tantPlyus».
2. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) // SPS ««Konsul'tantPlyus».
3. Zhilishchnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 29.12.2004 № 188-FZ // SPS ««Konsul'tantPlyus».
4. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ // SPS ««Konsul'tantPlyus».
5. Zakon Respubliki Krym ot 6 iyulya 2015 g. 130-ZRK/2015 «O regulirovanii nekotoryh voprosov v oblasti zhilishchnyh otnoshenij v Respublike Krym // SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Ukaz Prezidenta RF ot 07.05.2012 № 600 «O merah po obespecheniyu grazhdan Rossijskoj Federacii dostupnym i komfortnym zhil'em i povysheniyu kachestva zhilishchno-kommunal'nyh uslug» // SPS ««Konsul'tantPlyus».
7. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.12.2011 № 1228 «O poryadke i razmerah vyplaty denezhnoj kompensacii za naem (podnaem) zhilyh pomeshchenij sotrudnikam organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii, licam, prohodyashchim sluzhbu v vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii i imeyushchim special'nye zvaniya policii, i chlenam semej sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii, lic, prohodivshih sluzhbu v vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii i imevshih special'nye zvaniya policii, pogibshih (umershih) vsledstvie uvech'ya ili inogo povrezhdeniya zdorov'ya, poluchennyh v svyazi s vypolneniem sluzhebnyh obyazannostej, libo vsledstvie zabolevaniya, poluchennogo v period prohozhdeniya sluzhby v organah vnutrennih del, vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii»; Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 21.05.2005 N 315 «Ob utverzhdenii Tipovogo dogovora social'nogo najma zhilogo pomeshcheniya» // SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Prikaz MVD Rossii ot 09.06.2022 № 405 «Ob utverzhdenii Poryadka predostavleniya zhilyh pomeshchenij zhilishchnogo fonda Rossijskoj Federacii po dogovoru social'nogo najma v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii»; // SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 28.01.2006 № 47 «Ob utverzhdenii Polozheniya o priznanii pomeshcheniya zhilym pomeshcheniem, zhilogo pomeshcheniya neprigodnym dlya prozhivaniya, mnogokvartirnogo doma avarijnym i podlezhashchim snosu ili rekonstrukcii, sadovogo doma zhilym domom i zhilogo doma sadovym domom»

// SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Federal'nyj zakon ot 13.07.2015 № 218-FZ (red. ot 28.12.2025) «O gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti» // SPS ««Konsul'tantPlyus».
11. Ukaz Prezidenta RF ot 21.12.2016 № 699 «Ob utverzhdenii Polozheniya o Ministerstve vnutrennih del Rossijskoj Federacii i Tipovogo polozheniya o territorial'nom organe Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii po sub''ektu Rossijskoj Federacii» // SPS ««Konsul'tantPlyus».
12. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26.01.2006 № 42 «Ob utverzhdenii Pravil otneseniya zhilogo pomeshcheniya k specializirovannomu zhilishchnomu fondu i tipovyh dogovorov najma specializirovannyh zhilyh pomeshchenij» // SPS ««Konsul'tantPlyus».
13. Prikaz MVD Rossii ot 28.04.2022 № 301 «Ob utverzhdenii Poryadka predostavleniya sluzhebnyh zhilyh pomeshchenij i zhilyh pomeshchenij v obshchezhitiyah specializirovannogo zhilishchnogo fonda organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii» // SPS ««Konsul'tantPlyus».
14. Federal'nyj zakon ot 30.12.2012 № 283-FZ «O social'nyh garantiyah sotrudnikam nekotoryh federal'nyh organov ispolnitel'noj vlasti i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // SPS ««Konsul'tantPlyus».
15. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Tatarstan ot 5 iyunya 2023 g. po delu № 33-8502/2023 // SPS «Konsul'tantPlyus».
16. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 09.10.2025 № 33-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 3.2 stat'i 8 Federal'nogo zakona «O social'nyh garantiyah sotrudnikam organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» v svyazi s zhaloboj grazhdanina Markova Borisa Viktorovicha» // SPS ««Konsul'tantPlyus».
17. Zakon RF ot 04.07.1991 № 1541-1 «O privatizacii zhilishchnogo fonda v Rossijskoj Federacii» // SPS «Konsul'tantPlyus».
18. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 26.06.2018 № 33-4648/18; Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Adygeya ot 30.01.2024 № 33-327/2024 // SPS «Konsul'tantPlyus».
19. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF № 10, Plenuma VAS RF № 22 ot 29.04.2010 «O nekotoryh voprosah, voznikayushchih v sudebnoj praktike pri razreshenii sporov, svyazannyh s zashchitoj prava sobstvennosti i drugih veshchnyh prav» // SPS «Konsul'tantPlyus».
20. Konstitucionno-pravovaya zashchita predprinimatel'stva: aktual'nye aspekty (na osnove reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii 2018 - 2020 godov) (odobreno resheniem Konstitucionnogo Suda RF ot 17.12.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus».
21. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 26.06.2018 № 33-4648/18 // SPS ««Konsul'tantPlyus».
22. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Adygeya ot 30.01.2024 № 33-327/2024 // SPS «Konsul'tantPlyus».
23. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Respubliki Krym ot 04.06.2024 № 33-6025/2024// SPS «Konsul'tantPlyus».
24. Apellyacionnoe opredelenie Sankt-Peterburgskogo gorodskogo suda ot 01.08.2023 № 33-13356/2023 // SPS «Konsul'tantPlyus».
25. Prikaz Ministerstva truda i social'noj zashchity Rossijskoj Federacii ot 02.10.2025 № 588n «Ob utverzhdenii predel'noj stoimosti najma (podnajma) 1 kv. metra obshchej ploshchadi zhilogo pomeshcheniya na 2026 god, primenyaemoj dlya rascheta razmera vozmeshcheniya raskhodov na naem (podnaem) zhilogo pomeshcheniya federal'nym gosudarstvennym grazhdanskim sluzhashchim, naznachennym v poryadke rotacii na dolzhnost' federal'noj gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhby v federal'nyj gosudarstvennyj organ, raspolozhennyj v drugoj mestnosti v predelah Rossijskoj Federacii» // SPS ««Konsul'tantPlyus».
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 300-306.

УДК 347.772

ДОКАЗЫВАНИЕ ПО ДЕЛАМ О НЕЗАКОННОМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ТОВАРНЫХ ЗНАКОВ С ПРИМЕНЕНИЕМ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Данилов Д. Б.

Краснодарский университет МВД России

В статье исследуются особенности доказывания по делам о незаконном использовании товарных знаков в условиях цифровизации товарного оборота и расширяющегося использования технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ). Обосновывается, что предмет доказывания в указанной категории споров и дел о привлечении к административной ответственности сохраняет традиционную нормативную основу, однако состав доказательственного материала и способы его формирования претерпевают существенные изменения. Показано, что технологии ИИ наиболее эффективны на стадиях выявления, фиксации, первичной сортировки и аналитической обработки цифровых следов нарушения, но не могут рассматриваться как самостоятельный субъект оценки доказательств и как источник особой доказательственной силы. Особое внимание уделено проблемам допустимости, достоверности, относимости и достаточности материалов, полученных или обработанных с применением алгоритмических инструментов. Предлагается минимальный стандарт процессуального раскрытия сведений об использовании ИИ, ориентированный на проверяемость источника данных, воспроизводимость результата и возможность состязательной проверки. В статье использованы позиции российских ученых и отдельные элементы зарубежного опыта, значимые для выработки российского процессуального подхода.

Ключевые слова: товарный знак, незаконное использование товарного знака, доказывание, доказательства, арбитражный процесс, административная ответственность, искусственный интеллект, цифровые доказательства, стандарт доказывания, допустимость доказательств, достоверность доказательств, пределы использования искусственного интеллекта.

Цифровизация торговли, развитие маркетплейсов, рекламных платформ и сервисов автоматизированного продвижения существенно изменили способы незаконного использования товарных знаков. Нарушение все чаще проявляется не только в традиционном обороте товаров, но и в карточках товаров на маркетплейсах, в контекстной рекламе, в доменных именах, в метаданных, в визуальных и текстовых элементах, генерируемых либо распространяемых автоматически. В российском праве базовые ориентиры для разрешения таких споров и дел о привлечении к административной ответственности по-прежнему задаются нормами ч. 4 ГК РФ, АПК РФ, КОАП РФ, разъяснениями Пленума ВС РФ и актами стратегического регулирования в сфере ИИ [1].

Предмет доказывания по делам о незаконном использовании товарных знаков определяется не техническими характеристиками цифровой среды, а юридической конструкцией исключительного права и соответствующего способа защиты. В исковом производстве подлежат установлению наличие у истца исключительного права на обозначение, факт использования ответчиком спорного обозначения в гражданском обороте, тождество либо сходство обозначений до степени смешения, однородность товаров или услуг, отсутствие согласия правообладателя, связь спорного использования с конкретным ответчиком, а также обстоятельства, имеющие значение для выбора способа защиты и определения объема ответственности [2]. В делах о привлечении к административной ответственности дополнительно подлежат установлению событие административного правонарушения, субъект, вина, обстоятельства изъятия и конфискации предметов правонарушения, а также соблюдение процессуального порядка получения доказательств [3].

Пределы доказывания в указанной категории дел должны определяться требованием достаточности доказательств именно для подтверждения юридически значимых обстоятельств, а не любым объемом цифровой информации, обнаруженной в результате автоматизированного поиска. В этом отношении заслуживает внимания позиция М.А. Грязевой, которая пишет о «созревшей необходимости закрепления понятия стандарта

доказывания в процессуальных кодексах» [4, с. 149]. Для споров о товарных знаках данный вывод особенно важен, поскольку здесь широко используются оценочные категории, включая сходство до степени смешения, однородность товаров, восприятие обозначения потребителем и связь конкретного интернет-аккаунта, склада, рекламного кабинета или витрины маркетплейса с лицом, привлекаемым к ответственности. В этой связи результат работы системы ИИ может усиливать уже собранный массив доказательств, но не способен заменить минимально необходимую совокупность первичных данных о праве, факте использования обозначения и отсутствии разрешения правообладателя.

Специфика доказательств по таким делам обусловлена сочетанием традиционных и цифровых источников информации. К числу типичных доказательств относятся свидетельства и выписки, подтверждающие правовую охрану обозначения, лицензионные и дистрибьюторские договоры, переписка сторон, протоколы осмотра интернет-страниц, скриншоты карточек товаров с фиксацией URL-адреса и даты, данные о продавце и его идентификаторах на платформе, материалы контрольной закупки, товарные и транспортные документы, фотографии упаковки и маркировки, экспертные заключения, заключения специалиста и вещественные доказательства [5]. Для интернет-доказательств принципиальное значение приобретают воспроизводимость процедуры фиксации и сохранение цепочки формирования доказательства, поскольку именно на этих этапах наиболее высок риск последующего спора о подлинности цифрового объекта.

Особое значение в современных условиях приобретает процессуальная фиксация цифрового следа нарушения. Для дел о незаконном использовании товарных знаков недостаточно простого представления распечатки интернет-страницы либо изолированного скриншота без указания адреса ресурса, даты и времени доступа, позволяющих индивидуализировать источник информации. Чем значительнее роль цифровой среды в совершении нарушения, тем выше требования к сохранению первичного электронного объекта, а не только его визуального отображения. В доказательственный массив целесообразно включать не только изображения спорной страницы, но и сведения о URL-адресе, истории изменения карточки товара, данных о наличии товара, а при возможности также сведения о заказе, оплате и направлении товара покупателю. Такой подход согласуется с общими положениями арбитражного процессуального законодательства о доказательствах и с разъяснениями ВС РФ о необходимости установления факта использования обозначения в гражданском обороте, а не только внешнего сходства сравниваемых обозначений [5].

Не менее важным является вопрос распределения бремени доказывания между участниками спора и определения пределов их процессуальной активности. Правообладатель должен подтвердить наличие охраняемого права, факт использования спорного обозначения и связь этого использования с ответчиком либо иным привлекаемым лицом. Вместе с тем именно ответчик обычно располагает сведениями о происхождении товара, наличии либо отсутствии разрешения правообладателя, условиях поставки, использовании дистрибьюторских и лицензионных схем, а также о каналах распространения товара в сети Интернет. В делах, связанных с маркетплейсами и иными цифровыми платформами, существенная часть информации находится в сфере контроля самого владельца платформы, который может предоставить сведения об истории публикации карточки товара, о привязанных аккаунтах, IP-адресах, логистических операциях, платежных данных и идентификаторах продавца. В этой связи при недостаточности доступа у правообладателя к таким сведениям особую роль приобретают механизмы истребования доказательств судом, а также оценка поведения лица, уклоняющегося от раскрытия информации, находящейся в его распоряжении. Для рассматриваемой категории дел подобный подход особенно значим, поскольку именно он позволяет преодолеть асимметрию доступа к цифровым следам нарушения.

Использование технологий ИИ в рассматриваемой категории дел наиболее оправда-

но на стадиях выявления нарушения и аналитической обработки массива данных. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 рассматривает ИИ как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека [6]. Вместе с тем в российской доктрине обоснованно подчеркивается, что ключевой проблемой остаются «пределы принятия юридически значимых решений» с использованием ИИ [7, с. 885]. О.Н. Шерстобоев и И.В. Михеева, анализируя зарубежный опыт, специально обращают внимание на «успешно действующие механизмы использования ИИ» в судебной практике на этапе оценки доказательств [8, с. 190]. Для дел о незаконном использовании товарных знаков это означает, что алгоритмические инструменты могут применяться для мониторинга маркетплейсов и социальных сетей, поиска сходных словесных и изобразительных обозначений, распознавания упаковки и логотипов, кластеризации однотипных нарушений, выявления повторяющихся аккаунтов и схем обхода блокировок. Однако правовая оценка обнаруженных совпадений должна оставаться за судом и иными участниками процесса, действующими в пределах процессуальных полномочий.

В качестве еще одного обстоятельства, подлежащего доказыванию выступает вопрос компетенции административных органов (ОВД, таможенные органы и т.п.) в сфере возбуждения дел об указанных административных правонарушениях и обращения в арбитражные суды с соответствующими заявлениями о привлечении к административной ответственности лиц. Доказывание данного обстоятельства целесообразно путем представления предписаний на осуществление проверок, рейдов и т.п., а также положений нормативных актов, определяющих их компетенцию в сфере потребительского рынка, таможенной сфере и т.п. [9, с. 143]

Применительно к делам о привлечении к административной ответственности специфика цифровой доказательственной базы дополняется необходимостью подтверждения законности самой процедуры выявления и фиксации нарушения. Если противоправное использование обозначения первоначально обнаружено посредством автоматизированного мониторинга, в том числе с применением алгоритмических инструментов поиска и сопоставления данных, такой результат может рассматриваться лишь как повод для возбуждения процессуальной деятельности, но не как завершенное доказательство события правонарушения. Административный орган обязан подтвердить свою компетенцию, законность основания проверки, соблюдение порядка осмотра, изъятия и документирования материалов, а также проследить переход от обнаруженного цифрового следа к конкретному товару, конкретному продавцу и конкретному субъекту ответственности. В противном случае возникает риск подмены процессуально оформленного доказательства техническим отчетом, который сам по себе не удостоверяет ни законность получения информации, ни ее полноту, ни связь с предметом доказывания. Для дел данной категории это имеет принципиальное значение, поскольку конфискационные последствия и иные меры государственного принуждения допустимы лишь при безусловном соблюдении процессуальной формы и проверяемости происхождения каждого доказательства.

Проблема допустимости доказательств, полученных или обработанных с применением ИИ, должна решаться через проверку источника исходных данных, способа их получения, воспроизводимости результата и возможности состязательной проверки. Для процессуального законодательства это означает недопустимость придания непрозрачному алгоритмическому выводу статуса самодостаточного доказательства. По смыслу действующих правил о доказательствах значение имеет не сам по себе вывод программы, а исходные данные, способ их обработки и возможность проверить корректность такой обработки в судебном заседании. В связи с этим представляется необходимым формирование минимального стандарта процессуального раскрытия: сторона, ссылающаяся на материалы, сформированные с использованием ИИ, должна раскрывать назначение инструмента, сведения о его операторе, версию программного продук-

та, время и источник получения исходных данных, общие параметры запроса либо настройки, а также сведения о последующей проверке. При оспаривании таких материалов суд должен иметь возможность истребовать исходный массив данных и при необходимости привлечь специалиста.

Отдельную сложность представляет оценка допустимости материалов, сформированных в результате автоматизированного мониторинга интернет-ресурсов, маркетплейсов и рекламных систем. Сам по себе факт машинного поиска совпадающих обозначений или визуально сходных изображений не порочит доказательство, однако требует проверки того, каким именно образом был сформирован поисковый запрос, какие категории данных анализировались системой, какие параметры фильтрации применялись и в какой мере на итоговый результат повлияло вмешательство оператора. При использовании коммерческих сервисов либо внутренних корпоративных систем мониторинга необходимо учитывать, что один и тот же алгоритм может по-разному ранжировать результаты в зависимости от модели обучения, обновления версии продукта, условий доступа к данным и ранее заданных параметров поиска. Следовательно, состязательная проверка возможна лишь тогда, когда сторона, ссылающаяся на такие материалы, раскрывает необходимый технический контур их получения.

Вопрос о достоверности тесно связан с риском подмены первичного доказательства аналитическим отчетом, сформированным системой ИИ. В делах о товарных знаках алгоритм может показать вероятность сходства обозначений, связь между несколькими аккаунтами, аномально совпадающие описания товара, общие фотографии, пересекающиеся контактные данные или повторяемость логистических маршрутов. Но такие корреляции сами по себе не доказывают ни отсутствия согласия правообладателя, ни принадлежности спорной витрины конкретному ответчику, ни самого факта введения товара в гражданский оборот. Поэтому относимость и достаточность материалов, полученных с использованием ИИ, должны оцениваться только в совокупности с первичными доказательствами, позволяющими связать цифровой след с юридически значимым фактом. Отсюда следует и практический вывод: алгоритмически сформированный отчет должен рассматриваться как производный аналитический материал, нуждающийся в подтверждении первичными данными, а не как автономный источник доказательственной силы.

В условиях стремительного развития технологий ИИ современные инструменты позволяют создавать правдоподобные изображения упаковок, модифицировать скриншоты страниц, имитировать переписку и даже воспроизводить структуру интерфейсов маркетплейсов. По этой причине проверка достоверности цифрового доказательства не может ограничиваться внешним восприятием файла либо изображения. Она должна включать сопоставление спорного материала с независимыми источниками данных. Чем выше вероятность технологической манипуляции, тем более весомое значение приобретают первичные следы совершения действия и их непрерывная цепочка хранения.

С практической точки зрения полезно различать несколько уровней доказательственной информации, возникающей при использовании ИИ. К первому уровню относятся первичные сведения о самом нарушении, к ним относятся изображение товара, текст карточки, данные о продавце, сведения о продаже, упаковке, маркировке и вводе товара в оборот. Ко второму уровню относятся производные цифровые признаки, позволяющие связать между собой различные эпизоды нарушения. К третьему уровню относятся собственно алгоритмические выводы. Для предмета доказывания юридически значимыми в прямом смысле являются прежде всего сведения первого уровня; второй уровень играет подтверждающую и связывающую роль; третий уровень носит ориентирующий и вспомогательный характер. Такое разграничение позволяет избежать смешения доказательства как процессуальной категории и аналитической гипотезы как результата машинной обработки.

Зарубежный опыт показывает, что при всей разнице моделей цифровизации правосудия доминирует подход, при котором ИИ сохраняет вспомогательный статус. Китайский опыт, напротив, демонстрирует более интенсивное внедрение интеллектуальных систем в судебную инфраструктуру, однако и здесь подчеркивается необходимость ограничений. Гун Нань характеризует умное правосудие как форму «китайской инновации», но одновременно настаивает на «вспомогательном статусе ИИ» в судебном процессе [10, с. 239]. Этот вывод позволяет избежать подмены процессуальной оценки доказательств техническим ранжированием вероятностей. Инструмент, помогающий обнаружить и структурировать материал, не должен превращаться в замену судебного усмотрения и состязательной проверки.

Практический интерес представляет и новозеландский подход. В Руководстве по использованию генеративного ИИ в судах прямо указано, что ее использование «не является заменой проведения исследований с использованием надежных источников, таких как академические тексты или юридические базы данных» [11]. Для дел о незаконном использовании товарных знаков это правило имеет двойное значение. Оно исключает попытку заменить надлежащую проверку правового статуса обозначения, условий лицензионного использования или процессуальных требований обращением к генеративному сервису. В то же время оно подчеркивает, что цифровой аналитический инструмент должен дополнять, а не вытеснять проверяемые источники информации, будь то реестр Роспатента, документы маркетплейса, результаты нотариального осмотра сайта или материалы контрольной закупки.

Из зарубежных подходов для российской практики особенно важен не перенос конкретных технологических решений, а восприятие общего процессуального принципа. Для дел о незаконном использовании товарных знаков данный принцип имеет особую ценность, поскольку здесь вывод о сходстве обозначений, об однородности товаров, о наличии введения потребителя в заблуждение либо о связи нарушения с определенным субъектом неизбежно включает оценочный компонент. Т.е., ИИ может усиливать способность сторон обнаруживать нарушения и структурировать массив данных, но не может трансформировать саму природу судебного доказывания как интеллектуальной деятельности суда и участников процесса.

Дискуссионным остается и вопрос о процессуальной роли специалиста и эксперта при использовании ИИ. Если спор касается корректности извлечения, сортировки и визуализации цифровых данных, приоритет должен отдаваться заключению специалиста, который объясняет техническую процедуру, пределы примененного метода и степень воспроизводимости результата. Если же требуется специальное исследование объектов, например, сопоставление сложных изобразительных элементов либо установление признаков модификации файла, возможно назначение судебной экспертизы. При этом отчет, автоматически сформированный коммерческим сервисом, не должен получать привилегированного статуса только в силу технологической сложности. Напротив, чем менее прозрачен механизм формирования вывода, тем выше должны быть требования к его внешней проверке и тем осторожнее суд должен подходить к вопросу о достаточности такого материала.

С этим непосредственно связан вопрос о разграничении функций специалиста, эксперта и лица, использовавшего ИИ в доказательственной деятельности. Если сторона самостоятельно применяет программный продукт для поиска и систематизации нарушений, ее пояснения могут раскрывать логику формирования материала, но не заменяют специального знания. Специалист в таком случае способен объяснить техническую сторону извлечения, сохранения и анализа цифровых данных, указать на пределы примененной методики, вероятность ложноположительных и ложноотрицательных результатов, влияние настроек и обучающей выборки на итоговые совпадения. Экспертное исследование необходимо тогда, когда спор выходит за пределы общего восприятия и требует специальных выводов о целостности файла, признаках его модификации, осо-

бенностях машинной генерации изображения, свойствах программной обработки либо иных технических обстоятельствах. При этом ни заключение специалиста, ни экспертное заключение не должны подменять собой решение суда по собственно юридическим вопросам, включая окончательный вывод о сходстве обозначений до степени смешения и о достаточности доказательств в совокупности. И специалист, и эксперт лишь обеспечивают процессуальную переводимость сложного цифрового материала на язык фактов, пригодных для судебной оценки.

С учетом изложенного представляется необходимым закрепить в российском процессуальном праве несколько ориентиров, имеющих значение именно для дел о незаконном использовании товарных знаков. Следует прямо исходить из производного характера материалов, полученных или обработанных с применением ИИ, если они не позволяют суду обратиться к исходным данным. Необходимо сформировать практику обязательного раскрытия технического контура получения такого материала, достаточного для его состязательной проверки. При онлайн-нарушениях приоритет должен сохраняться за такими способами фиксации, которые обеспечивают наибольшую проверяемость первичного цифрового следа. При оценке сходства обозначений и факта использования товарного знака суд не вправе подменять правовой анализ индексом алгоритмического совпадения, каким бы высоким он ни был.

Дальнейшее развитие правового регулирования в рассматриваемой сфере должно быть направлено не на провозглашение абстрактной допустимости или недопустимости ИИ в процессе, а на конкретизацию тех процессуальных гарантий, которые препятствуют подмене доказательства алгоритмическим предположением. Для дел о незаконном использовании товарных знаков наиболее востребованными представляются правила о сохранении первичного цифрового следа, о раскрытии источника и способа алгоритмической обработки, о возможностях истребования данных у цифровых платформ, о критериях оценки синтетических материалов и о пределах использования автоматизированных систем государственными органами при выявлении правонарушений. Научно и практически оправданным является подход, при котором эффективность ИИ признается прежде всего на стадии обнаружения, сортировки и предварительного анализа материалов, тогда как стадия окончательной оценки относимости, допустимости, достоверности и достаточности неизменно сохраняется за судом. Именно такая конструкция позволяет соединить технологическую эффективность с требованиями процессуальной справедливости и состязательности, не допуская подмены классических гарантий доказывания.

Таким образом, использование ИИ в доказывании по делам о незаконном использовании товарных знаков может повысить эффективность выявления и анализа доказательственного материала, но только при условии, что сама доказательственная сила будет по-прежнему выводиться из проверяемых фактов, установленных в процессуальной форме.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. I). Ст. 5496.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
4. Грязева М.А. Некоторые аспекты доказывания и доказательств в спорах о защите интеллектуальных прав // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2025. № 1 (47). С. 148–158.
5. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 7.
6. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.
7. Архипов В.В., Наумов В.Б., Смирнова К.М. Пределы принятия юридически значимых решений с исполь-

зованием искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. Вып. 4. С. 882–906.
8. Шерстобоев О.Н., Михеева И.В. Информационные технологии в судебном процессе: возможности искусственного интеллекта в системе доказывания // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 1. С. 178–195.
9. Данилов Д.Б. Специфика процесса доказывания по делам об административных правонарушениях за незаконное использование товарного знака // Вестник Саратовской государственной академии права. 2011. № 6. С. 142–145.
10. Гун Нань. Судебное применение и ограничения искусственного интеллекта // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2025. Т. 16. Вып. 1. С. 230–251.
11. Guidelines for Use of Generative Artificial Intelligence in Courts and Tribunals. 7 December 2023 // Courts of New Zealand. URL: https://www.courtsofnz.govt.nz/assets/6-Going-to-Court/practice-directions/practice-guidelines/all-benches/20231207-GenAI-Guidelines-Judicial.pdf (accessed: 06.04.2026).

Danilov D.B. Proving cases of illegal use of trademarks using artificial intelligence technologies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 300-306.

The article examines the features of proof in cases of illegal use of trademarks in the context of digitalization of commodity circulation and the expanding use of artificial intelligence technologies (AI). It is substantiated that the subject of proof in this category of disputes and cases of administrative liability retains its traditional normative basis, but the composition of the evidence and the methods of its formation undergo significant changes. It has been shown that AI technologies are most effective at the stages of detection, fixation, primary sorting, and analytical processing of digital traces of a violation, but they cannot be considered as an independent subject of evidence assessment or as a source of special evidentiary value. Special attention is paid to the problems of admissibility, reliability, relatability, and sufficiency of materials obtained or processed using algorithmic tools. The article proposes a minimum standard for the procedural disclosure of information about the use of AI, which is focused on the verifiability of the data source, the reproducibility of the result, and the possibility of adversarial verification. The article uses the positions of Russian scientists and certain elements of foreign experience that are significant for developing a Russian procedural approach.

Keywords: trademark, illegal use of a trademark, proof, evidence, arbitration, administrative liability, artificial intelligence, digital evidence, standard of proof, admissibility of evidence, reliability of evidence, limits of the use of artificial intelligence.

Spisok literatury:

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast` chetvertaya): federal`ny`j zakon ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2006. № 52 (ch. I). St. 5496.
2. Arbitrazhny`j processual`ny`j kodeks Rossijskoj Federacii: federal`ny`j zakon ot 24 iyulya 2002 g. № 95-FZ // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2002. № 30. St. 3012.
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativny`x pravonarusheniyax: federal`ny`j zakon ot 30 dekabrya 2001 g. № 195-FZ // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2002. № 1 (ch. I). St. 1.
4. Gryazeva M.A. Nekotory`e aspekty` dokazy`vaniya i dokazatel`stv v sporax o zashhite intellektual`ny`x prav // Zhurnal Suda po intellektual`ny`m pravam. 2025. № 1 (47). S. 148–158.
5. O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii: postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23 aprelya 2019 g. № 10 // Byulleten` Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2019. № 7.
6. O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490 // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2019. № 41. St. 5700.
7. Arxipov V.V., Naumov V.B., Smirnova K.M. Predely` prinyatiya yuridicheski znachimy`x reshenij s ispol`zovaniem iskusstvennogo intellekta // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2021. T. 12. Vy`p. 4. S. 882–906.
8. Sherstoboev O.N., Mixeeva I.V. Informacionny`e texnologii v sudebnom processe: vozmozhnosti iskusstvennogo intellekta v sisteme dokazy`vaniya // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki. 2024. T. 28. № 1. S. 178–195.
9. Danilov D.B. Specifika processa dokazy`vaniya po delam ob administrativny`x pravonarusheniyax za nezakonnoe ispol`zovanie tovarnogo znaka // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava. 2011. № 6. S. 142–145.
10. Gun Nan`. Sudebnoe primenenie i ogranicheniya iskusstvennogo intellekta // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo. 2025. T. 16. Vy`p. 1. S. 230–251.
11. Guidelines for Use of Generative Artificial Intelligence in Courts and Tribunals. 7 December 2023 // Courts of New Zealand. URL: https://www.courtsofnz.govt.nz/assets/6-Going-to-Court/practice-directions/practice-guidelines/all-benches/20231207-GenAI-Guidelines-Judicial.pdf (accessed: 06.04.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 307-315.

УДК 342. 7

КОЛЛЕГИАЛЬНЫЕ ОМБУДСМЕНЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И СОВРЕМЕННАЯ ПРАКТИКА

Данильченко В. В., Адельсеитова А. Б.

Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского

В статье проводится комплексный анализ коллегиальных моделей института омбудсмена, которые функционируют в форме комиссий, принимающих решения коллегиально, либо объединенных служб, где омбудсмен может действовать автономно. Авторами рассматриваются исторические предпосылки возникновения коллегиальных структур, их эволюция и адаптация к различным правовым системам. Представлен обзор ключевых научных исследований, посвященных данной проблематике, включая труды зарубежных и отечественных ученых. Особое внимание уделяется современной практике деятельности коллегиальных омбудсменов в странах Европы, Африки, Новой Зеландии, на Балканах. На основе эмпирических данных из официальных отчетов и докладов международных организаций выявляются преимущества и недостатки коллегиальных структур. Авторы определяет современные тенденции развития, включая переход к комиссиям с четкой координацией и усиление взаимодействия с конституционными судами и национальными правозащитными учреждениями. Авторы проводят анализ становления института омбудсмена в нашем государстве и подчеркивают отсутствие на современном этапе подобной модели в Российской Федерации, а также не исключают возможное функционирование коллегиальной службы омбудсменов в Российской Федерации. В сравнительном контексте в статье уделяется внимание и специализированным омбудсменам, подчеркивается, что институт специализированных омбудсменов является точечной, профессиональной защитой прав конкретных категорий граждан.

Ключевые слова: коллегиальный омбудсмен, комиссия по расследованиям, народные адвокаты, защита прав человека.

Определяя значимость роли омбудсмена в механизме защиты прав человека и гражданина на современном этапе, следует отметить одну из разновидностей института - коллегиальную службу, при которой функции правозащитного органа осуществляются несколькими лицами одновременно [1]. Такие структуры действуют либо в форме комиссии, принимающей решения коллегиально, либо в виде объединённой службы, где каждый омбудсмен работает автономно [2]. Коллегиальные модели получили распространение в Африке, Европе, Океании, а также на постсоветском пространстве [3]. В настоящей статье будут обобщены научные подходы к изучению коллегиальных омбудсменов и проанализирована их современная практика, а также в контексте повышения эффективности деятельности института омбудсмена будут рассмотрены и специализированные омбудсмены, предполагается проанализировать их роль в деятельности омбудсменов на современном этапе.

Проблематика коллегиальных омбудсменов привлекала внимание как зарубежных, так и отечественных учёных. Среди классических работ следует выделить труды Л. Хилла и Д. Роуэта, посвящённые эволюции института омбудсмена в странах Британского Содружества, где коллегиальные модели рассматривались как адаптация к федеративному устройству [4; 5]. В.В. Бойцова в монографии «Институт омбудсмена в современном праве» (1994) одной из первых в российской науке проанализировала коллегиальные службы Танзании, Нигерии, отметив их способность охватывать широкие сферы контроля [1]. Н.Ю. Хаманева в работах, посвящённых уполномоченному по правам человека, также затрагивала вопросы коллегиальности, указывая на положительный опыт Австрии и Молдовы [2]. Среди современных исследователей можно назвать Е.А. Воронцову, которая в статье «Коллегиальные омбудсмены в странах Африки» (журнал «Право и управление», 2021) проанализировала реформы нигерийской Комиссии по публичным жалобам [6]. А.Ю. Сунгуров в работе «Институт омбудсмена: модели и практика» (2020) уделил внимание сравнительному анализу коллегиальных и еди-

ноличных структур, сделав вывод о большей устойчивости коллегиальных служб в условиях политической нестабильности [3]. Т.А. Сошникова в диссертационном исследовании «Конституционно-правовой статус омбудсмена в странах СНГ» (2018) рассмотрела молдавскую модель трёх парламентских адвокатов как пример успешной коллегиальной организации [7]. Зарубежные авторы, такие как М. Олсон и Ф. Стенд, в совместной работе «Коллегиальные омбудсмены: европейский и африканский опыт» (2022) подчеркнули, что коллегиальные формы особенно эффективны в федеративных государствах и странах с традициями коллективного принятия решений [8]. Таким образом, научная литература фиксирует устойчивый интерес к коллегиальным моделям, однако комплексных сравнительных исследований, охватывающих современное состояние этих служб, по-прежнему недостаточно.

Первой африканской страной, создавшей коллегиальную службу, стала Танзания, где Постоянная комиссия по расследованиям действует с 1966 г. На сегодняшний день комиссия состоит из председателя и двух членов, назначаемых Президентом на два года (с правом однократного переизбрания). По данным ежегодного отчёта за 2023 г., комиссия рассмотрела более 1 200 жалоб, касающихся действий государственных служащих и партийных функционеров, при этом около 65% рекомендаций были выполнены (официальный сайт Комиссии по расследованиям Танзании) [9]. В Нигерии Комиссия по публичным жалобам включает Главного уполномоченного и 22 региональных уполномоченных, назначаемых Президентом на 6 лет [10]. По информации за 2022–2023 гг., комиссия приняла к рассмотрению свыше 5 000 обращений, преимущественно на действия полиции и местных органов власти. Однако эксперты отмечают хроническое недофинансирование и большую нагрузку на региональных уполномоченных (см. доклад Transparency International по Нигерии, 2023) [10]. В Замбии Комиссия по расследованиям сохраняет схожий статус, но сталкивается с проблемой низкой исполнительской дисциплины со стороны правительственных департаментов.

Наиболее совершенной признаётся Коллегия народной правозащиты Австрии [11]. Три члена коллегии избираются Национальным советом на шесть лет с возможностью однократного переизбрания. Согласно отчёту за 2022 г., коллегия получила 8 754 жалобы, из которых 73% были разрешены путём примирения или рекомендаций. Австрийские омбудсмены активно используют публичные отчёты и пресс-конференции, что обеспечивает высокий уровень исполнения рекомендаций (более 80%) [19]. В Германии Комиссия по петициям Бундестага, хотя и не носит названия омбудсмена, выполняет сходные функции. В 2023 году комиссия рассмотрела 17 000 петиций, из них 40% касались нарушений прав граждан в социальной сфере (данные Бундестага) [20]. В Молдове Центр по правам человека объединяет трёх парламентских адвокатов. По итогам 2022 года поступило 1 832 обращения; наиболее частые нарушения – в сфере труда и социального обеспечения. Молдавские адвокаты активно сотрудничают с Конституционным судом: в 2020–2023 годах ими было подано 12 обращений, из которых 9 удовлетворены (годовой доклад Центра за 2023 год) [21]. В Литве действует объединённая служба омбудсменов по разным направлениям (защита прав детей, борьба с дискриминацией и др.); в 2022 году служба обработала 4 500 жалоб, при этом 60% из них были решены положительно для заявителей [22].

В Новой Зеландии работают три омбудсмена с резиденциями в Веллингтоне, Крайстчерче и Окленде. Старший омбудсмен координирует общую деятельность. По отчёту за 2022/2023 финансовый год, поступило 7 200 жалоб, в основном на действия департаментов социального обеспечения и иммиграционной службы. В Федерации Боснии и Герцеговины действуют три омбудсмена, избираемых парламентом; в 2022 году они рассмотрели 2 500 жалоб, связанных с этнической дискриминацией и нарушениями

прав беженцев. В Казахстане обсуждается предложение о введении коллегиальной службы из семи национальных омбудсменов (по числу регионов), однако на сегодня эта инициатива не реализована (см. материалы круглого стола в Мажилисе, 2021) [15;16;17]

На основе анализа практики можно выделить следующие положительные стороны коллегиальных омбудсменов: широкий охват контроля (особенно в федеративных государствах и странах с большой территорией); возможность специализации (например, один омбудсмен курирует социальную сферу, другой – пенитенциарную); повышение престижа и общественного доверия за счёт коллективного принятия решений; снижение риска политической ангажированности. К недостаткам относятся: возможное затягивание процедур из-за необходимости согласования; разрозненность решений при автономной работе; более высокие бюджетные расходы. Современная тенденция – постепенный переход от автономных объединённых служб к комиссиям с чёткой координацией (как в Австрии). Также наблюдается усиление сотрудничества коллегиальных омбудсменов с конституционными судами и национальными правозащитными учреждениями (НПЗУ) в рамках Парижских принципов. Коллегиальные омбудсменские службы, возникшие в Африке, получили развитие в Европе, Океании и на постсоветском пространстве. Научные исследования подчёркивают их эффективность в условиях федеративного устройства и традиций коллективизма. Современная практика показывает, что такие модели успешно справляются с защитой прав человека, особенно при условии адекватного финансирования и координации. Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ результативности коллегиальных и единоличных омбудсменов, а также на изучение их взаимодействия с международными правозащитными механизмами.

В отличие от многих африканских и европейских государств, где коллегиальные омбудсменские службы являются распространённой практикой, Российская Федерация традиционно следует модели единоличного уполномоченного по правам человека как на федеральном, так и на региональном уровнях. Тем не менее отдельные элементы коллегиальности в организации правозащитной деятельности в России присутствуют, а в некоторых субъектах Федерации предпринимались попытки внедрения коллективных форм омбудсмена.

На федеральном уровне институт омбудсмена представлен Уполномоченным по правам человека в РФ, который действует на основании Федерального конституционного закона от 26.02.1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Согласно ст. 1, Уполномоченный является единоличным должностным лицом, назначаемым Государственной Думой на 5 лет. Аналогичную единоличную структуру имеют Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребёнка (с 2009 года) и Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей (с 2012 года). Таким образом, федеральное законодательство не предусматривает коллегиальных омбудсменских служб. Однако, мы наблюдаем тенденцию развития специализированных омбудсменов.

На уровне субъектов РФ ситуация более разнообразна. Большинство региональных уполномоченных по правам человека также являются единоличными органами. Однако, согласно исследовательским данным, в Архангельской области в 1990–2000-х годах существовала коллегиальная омбудсменская служба. В научной литературе (например, в работе В.В. Бойцовой «Институт омбудсмена в современном праве» и более поздних исследованиях) упоминается, что в Архангельской области была апробирована модель, при которой функции омбудсмена выполняла коллегия из нескольких лиц. К сожалению, в настоящее время эта модель не получила широкого распространения, и подробные сведения о её практической деятельности отсутствуют в открытых источниках.

Также в некоторых регионах (Свердловская область, Республика Башкортостан) при уполномоченных создаются общественные экспертные советы или консультативные коллегии, которые помогают в рассмотрении жалоб и выработке рекомендаций, однако эти органы не наделены самостоятельными властными полномочиями и не могут рассматриваться как полноценные коллегиальные омбудсмены.

В ряде субъектов РФ при региональных уполномоченных по правам человека действуют общественные советы, включающие представителей правозащитных организаций, учёных и практикующих юристов. Например, в Москве, Санкт-Петербурге, Татарстане такие советы участвуют в обсуждении наиболее сложных дел, дают заключения на законопроекты, но окончательное решение остаётся за единоличным уполномоченным. Эти структуры можно рассматривать как элементы «мягкой» коллегиальности, однако они не являются омбудсменами в классическом понимании.

Проводя анализ мировых моделей института омбудсменов, в частности, коллегиальных омбудсменов, нельзя оставить без рассмотрения и специализированных омбудсменов: военного, по правам престарелых, несовершеннолетних и др. По своей юридической природе специализированные омбудсмены не всегда имеют коллегиальное производство, тем не менее ряд элементов и особенностей в деятельности специализированных омбудсменов вполне достойно внимания и в данном контексте. Коллегиальное рассмотрение дел является одной из организационных форм, в рамках которой институт специализированных омбудсменов раскрывает свой потенциал наиболее полно. Это позволяет отойти от «универсального солдата» и перейти к точечной, профессиональной защите прав конкретных категорий граждан.

Так, в частности, следует остановиться на реализации своих функций военным омбудсменом, который впервые был учреждён парламентом Швеции 19.05.1915 г. в связи с военной реформой, но прекратил деятельность 14.12.1967 г. Однако, опыт был учтён другими странами: в 1952 г. — в Норвегии в 1956 г. — в ФРГ. Уполномоченный по делам военнослужащих ФРГ назначается Бундестагом тайным голосованием на пять лет с возможностью переизбрания. Кандидат должен быть не моложе 35 лет. Омбудсмен занимает двойную позицию: он независим от парламента при защите прав военных, но выступает вспомогательным органом Бундестага. Рассматривает жалобы военнослужащих, их родственников, доверенных лиц. Может без предупреждения посещать любые воинские части, требовать информацию от министра обороны, готовить ежегодный доклад Бундестагу. Аппарат — 62 чел. [23, с. 77]. Военные омбудсмены действуют также в Израиле, Швейцарии, Австралии (с 1975 г.). Специализированные омбудсмены в сфере здравоохранения функционируют в Великобритании и США [24]. США стали первопроходцами многих моделей: омбудсмен компании (Information Technology Group of Xerox Corp.) [25], адвокатские омбудсмены, омбудсмены по надзору за исправительными учреждениями (после бунта в тюрьме «Аттика»). В женской колонии Миннесоты (1972) омбудсмен (Corrections Commissioner) рассматривал жалобы заключённых, имел свободный доступ к губернатору, за полгода рассмотрел 380 жалоб [26, с. 186]. Аналогичные омбудсмены действуют в Канзасе, Орегоне, Аляске, Гавайях и других штатах, а также в Канаде и Великобритании (назначаются министром внутренних дел на 3–5 лет) [27, p. 5].

Омбудсмены по правам ребёнка впервые появились в 1981 году в Норвегии, затем в Финляндии, ФРГ (Комиссия по правам детей при Бундестаге), Новой Зеландии, Австрии, Израиле, Гватемале, Колумбии, Перу, Швеции (1993), Дании (1994), Исландии (1995).

Омбудсмены по защите прав пожилых людей возникли в США на основе закона 1965 года о престарелых американцах и «омбудсменской программы» долговременного

ухода. Первые проекты — в пяти штатах (1972). Они расследуют жалобы пациентов учреждений долговременного ухода, посещают санатории, пансионы, контролируют соблюдение законов, участвуют в разработке законодательства [12, с. 321-324]. Вузовские (студенческие) омбудсмены впервые появились в США в 1960-е годы (университет Беркли). К 1972 году насчитывалось более 100 университетских служб, сегодня — более 200. Они назначаются ректором или избираются студентами, проводят независимые расследования, их решения носят рекомендательный характер, но подкрепляются авторитетом и ежегодными докладами. В Канаде действуют практически во всех университетах (модель университета Альберты).

Омбудсмен по правам потребителей существует в Швеции (с 1971), Норвегии (с 1973) и Финляндии. В Швеции омбудсмен назначается правительством на три года, может обращаться в Рыночный трибунал, решения которого обязательны [28, с. 47]. Омбудсмен по делам прессы действует в Швеции с 1969 г. на основе добровольного соглашения, рассматривает жалобы на нарушение журналистской этики, может передавать дело в Совет по делам прессы [29, с. 174]. В Ирландии и Канаде — информационные омбудсмены [30]. В Венгрии и ФРГ — уполномоченные по защите личных данных [30]. В Канаде — Уполномоченный по официальным языкам (с 1969) и Уполномоченный по борьбе с этнической дискриминацией (Швеция, 1986) [30, с. 73]. В Венгрии — Уполномоченный по правам национальных и этнических меньшинств [30, с. 13-14]. В Швеции, Финляндии — омбудсмены по обеспечению равенства полов (закон 1980 г. о равенстве прав мужчин и женщин) [101, с. 173]. В Великобритании — омбудсмен по жалобам на действия солиситоров (1974) и коллегиальный орган по жалобам на действия полиции (1976) [101, с. 123-124]. Во Франции — регуляторы (moderateurs) по земельным спорам (1980) и conciliateurs medicaux (1981) [30, с. 138]. В странах Совета Европы вводятся омбудсмены по соблюдению Европейской конвенции о защите прав человека [31, с. 308-310].

Наднациональный омбудсмен ЕС предусмотрен ст. 138 «Е» Маастрихтского договора 1992 г. Назначается Европарламентом на 5 лет после каждых выборов, может быть переизбран без ограничений. Приравнивается по статусу к судье Суда ЕС. Рассматривает жалобы граждан и юридических лиц стран-членов ЕС на «плохое управление» со стороны институтов и органов ЕС (кроме Суда). Жалоба может быть подана напрямую или через депутата Европарламента. Омбудсмен вправе проводить расследования по собственной инициативе. Если он выявляет нарушение, то обращается к соответствующему институту с предложением в трёхмесячный срок принять меры. При неудовлетворительном результате — публикует факт в ежегодном докладе Европарламенту. Сотрудничает с национальными омбудсменами (ст. 12 Исполнительных положений). Бюджет омбудсмена — часть бюджета Европарламента, что создаёт некоторую зависимость.

Региональные омбудсмены действуют в Великобритании (Англия, Уэльс, Шотландия, Северная Ирландия), Франции (Иль-де-Франс), ФРГ (в землях: Рейнланд-Пфальц, Северный Рейн-Вестфалия, Гессен и др.) [32, с. 175], Канаде (все провинции), Швейцарии (кантон Базель), Бельгии, Австрии (семь из девяти земель), Дании (Гренландия), Индии, Австралии, Пакистане, Испании (восемь автономных образований) [33, с. 73-83] и др.

В Канаде региональные омбудсмены — должностные лица легислатур, назначаются по-разному (генерал-губернатором, лейтенант-губернатором, легислатурой). Срок полномочий — от трёх до десяти лет. Рассматривают жалобы граждан, проводят расследования, в том числе по собственной инициативе (Британская Колумбия) [34, с. 89]. Решения носят рекомендательный характер, но при неисполнении омбудсмен может сде-

лать факт публичным. Ежегодные доклады легислатуре.

В США региональные представительские (легислатурные) омбудсмены действуют в штатах Гавайи, Небраска, Айова, Аляска и др. Юрисдикция распространяется на все властные органы штатов, кроме судов, легислатуры, правительства штата. Они исследуют административные акты на предмет законности, разумности, отсутствия дискриминации. Могут вызывать свидетелей, инспектировать помещения, обращаться в суд за принуждением. Рекомендации исполняются добровольно; при отказе — публичность через СМИ.

Местные омбудсмены начали вводиться в США в 1960–1970-х годах. Первые эксперименты: округ Нассау (1966), Буффало (1967), Сан-Леандро (1968), Джеймстаун (1970). Сегодня действуют в округах Дейтон-Монтгомери (Огайо) и Сиэтл-Кинг (Вашингтон). В некоторых городах омбудсмен связан с мэром (Колумбус, Эри, Сент-Питерсберг, Форт-Уэйн). В Швейцарии омбудсмен Цюриха избирается муниципальным советом на четыре года, независим, рассматривает жалобы на любые неправильные действия городских властей. Главный метод — примирение, при неисполнении — доклад муниципальному совету и пресса [28, с. 175-178]. Местные омбудсмены действуют также в Иерусалиме, Хайфе, Тель-Авиве, Берлине, Гессене, Сааре, Джеймстауне (Ямайка), Амстердаме [28, с. 175].

Следует отметить, коллегиальное рассмотрение дел не является обязательным атрибутом и квалифицирующим признаком специализированного омбудсмена. Подавляющее большинство мировых моделей специализированных омбудсменов (военных, детских, потребительских, пенитенциарных и др.) функционируют на принципах единоличного рассмотрения дел.

Соотношение коллегиальности и специализации следует понимать, как факультативное (возможное, но не обязательное) сочетание. Коллегиальность выступает одной из допустимых организационных форм, внутри которой может осуществляться специализация (например, комиссия из трёх узких экспертов), однако обратное утверждение (специализация возможна только в рамках коллегиального органа) неверно. Коллегиальность позволяет отойти от модели «универсального солдата». Однако, ключевой вывод заключается в другом: драйвером эволюции института омбудсмена выступает именно специализация (по субъекту: военные, дети; по отрасли: здравоохранение, пресса; по методу: борьба с дискриминацией), в то время как коллегиальность является лишь одним из инструментов её реализации.

По нашему мнению, нельзя в общем виде утверждать, что коллегиальное рассмотрение дел присуще специализированным омбудсменам. Данный признак характерен лишь для отдельных моделей. Подавляющее большинство специализированных омбудсменов в мире (включая классические образцы в ФРГ, Норвегии, Швеции, США, Канаде, странах ЕС) действуют единолично.

Подводя итоги, следует отметить, что в научной литературе (например, в работах А.Ю. Сунгурова, Т.А. Сошниковой) высказывались предложения о целесообразности введения коллегиальных омбудсменов в крупных федеральных округах или в отдельных регионах с высокой численностью населения. Аргументы в пользу коллегиальной модели: возможность специализации (один член коллегии курирует социальные права, другой – права военнослужащих, третий – права заключённых), снижение риска политической ангажированности, повышение общественного доверия. Однако до настоящего времени эти предложения не были реализованы на практике.

Таким образом, деятельность коллегиальных омбудсменов в РФ представлена лишь отдельными историческими примерами (Архангельская область) и совещательными структурами при региональных уполномоченных. Доминирующей остаётся единолич-

ная модель. Вопрос о целесообразности внедрения полноценных коллегиальных служб в российских регионах остаётся дискуссионным и требует дальнейшего изучения с учётом мирового опыта и национальной специфики.

Список литературы:

1. Бойцова В.В. Институт омбудсмена в современном праве. – М.: Юристъ, 1994. – 210 с.
2. Хаманева Н.Ю. Уполномоченный по правам человека – защитник прав граждан // Государство и право. – 1995. – № 1. – С. 35–42.
3. Сунгуров А.Ю. Институт омбудсмена: модели и практика. – СПб.: Норма, 2020. – 312 с.
4. Hill L. The Ombudsman Revisited // Public Administration. – 1976. – Vol. 54. – P. 45–58.
5. Rowat D. The Ombudsman Plan: Essays on the Worldwide Spread of an Idea. – Toronto: McClelland and Stewart, 1973. – 315 p.
6. Воронцова Е.А. Коллегиальные омбудсмены в странах Африки // Право и управление. – 2021. – № 3. – С. 42–49.
7. Сошникова Т.А. Конституционно-правовой статус омбудсмена в странах СНГ: дис. … канд. юрид. наук. – М., 2018. – 198 с.
8. Olson M., Stend F. Collegial Ombudsmen: European and African Experience // Journal of Comparative Constitutional Law. – 2022. – Vol. 15. – P. 112–130.
9. Официальный сайт Постоянной комиссии по расследованиям Танзании. – URL: http://www.pcrt.go.tz
10. Transparency International Nigeria. Corruption and Public Complaints Commission Report 2023. – Abuja, 2023. – 67 p.
11. Отчёт Коллегии народной правозащиты Австрии за 2022 год. – Вена, 2023. – 120 с.
12. Бойцова В.В. Служба защиты прав человека и гражданина. Мировой опыт. М.: БЕК, 1996. 408 с.
13. Годовой доклад Центра по правам человека Молдовы за 2023 год. – Кишинёв, 2024. URL: www.ohchr.org/ru/countries/moldova at (дата обращения: 22.04.2026).
14. Отчёт Службы омбудсмена Литвы за 2022 год. – Вильнюс, 2023. URL: Seimas Ombudsperson - Annual report 2022.pdf (дата обращения: 22.04.2026).
15. Office of the Ombudsman of New Zealand. Annual Report 2022/2023. – Wellington, 2023. – 110 p.
16. Институт омбудсмена в Боснии и Герцеговине: ежегодный отчёт за 2022 год. – Сараево, 2023. - URL: www.ombudsmen.gov.ba. (дата обращения: 22.04.2026).
17. Хаманева Н.Ю. Охрана прав граждан в зарубежных странах: институт омбудсмена: (сравнительный аспект). М.: ИНИОН АН СССР, 1991. 54 с.
18. Общая характеристика Коллегии народной правозащиты Австрии как наиболее совершенной модели. Volksanwaltschaftsgesetz – VwG (Федеральный закон Австрии о народной правозащите) в редакции от 2012 года (BGBl. I Nr. 86/2012), а также официальный веб-сайт Коллегии народной правозащиты Австрии: Volksanwaltschaft. Die Volksanwaltschaft – Ihre unabhängige Kontrollinstanz. – Wien, 2023. – URL: https://www.volksanwaltschaft.gv.at (дата обращения: 22.04.2026).
19. Volksanwaltschaft. Tätigkeitsbericht 2022. (Годовой отчёт о деятельности Коллегии народной правозащиты Австрии за 2022 год). – Wien, 2023. – S. 25–30, 45. – URL: ttps://www.volksanwaltschaft.gv.at/downloads/taetigkeitsberichte/TB_2022.pdf
20. Deutscher Bundestag. Bericht des Petitionsausschusses für das Jahr 2023* (Отчёт Комиссии по петициям за 2023 г.). – Drucksache 20/8450. – Berlin, 2024. – S. 12, 33. – URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/956890/.../petitionsbericht-2023.pdf (дата обращения: 22.04.2026).
21. Centrul pentru Drepturile Omului din Moldova. Raport anual 2023 (Годовой доклад Центра по правам человека Молдовы за 2023 год). – Chișinău, 2024. – P. 18–22, 47–49. – URL: https://www.ombudsman.md/ro/raport-anual-2023 (дата обращения: 22.04.2026).
22. Seimo kontrolierių įstaiga. 2022 metų veiklos ataskaita* (Отчёт о деятельности Службы контролёров Сейма Литвы за 2022 год). – Vilnius, 2023. – P. 8, 24. – URL: https://www.lrski.lt/lt/veiklos-ataskaitos/2022
23. Соколов А.Н., Трумпель К.Б. Парламентский омбудсмен: генезис, функционирование, тенденции развития. – Калининград: Балтийский институт экономики и финансов, 2000. – 94 с.
24. Тимофеев М. Т. Институт омбудсмена в Великобритании и Ирландии: контроль, основанный на сотрудничестве. М., 2006. С. 22–23.
25. How the Xerox Ombudsman helps Xerox // Business Week. – 1973. – 12th of May. – P. 188.
26. Бойцова В.В. Правовой институт омбудсмана: американский опыт // США – экономика, политика, идеология. – 1995. – № 1 (301). – С. 82-91.
27. Memorandum submitted by the Prison Ombudsman // Minutes of evidence taken before the Select Committee. – 1996. – 35 p.
28. Хиль-Роблес А. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмана). – М.: Ad Marginem, 1997. – 335 с.
29. Хаманева Н.Ю. Контроль омбудсмена за соблюдением прав и свобод граждан // Конституция Российской Федерации и совершенствование механизмов защиты прав человека. – М.: РАН ИГиП, 1994. – С. 139-146.
30. Башимов М. С. Институт омбудсмена (Уполномоченного по правам человека и гражданина) в Россий-

ской Федерации и за рубежом. – М.: МГАДИ, 1997. – 142 с.
31. Хаманева Н.Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. М.: ИГиП РАН, 1997. 216 с.
32. Хаманева Н.Ю. Специфика правового статуса Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и проблемы законодательного регулирования его деятельности // Государство и право. – 1997. – № 9. – С. 21-30
33. Альварес Мануэл Гарсиа. Опыт деятельности регионального Уполномоченного по правам человека // Развитие института Уполномоченного по правам человека в российских регионах: В 2 т. / Под ред. А.Ю. Сунгурова. – СПб.: «БОРВИК СПб», 1999. – Т. 2: Региональный омбудсман. – С. 73-83.
34. Маклаков В.В. Конституционное регулирование прав и свобод граждан: новации зарубежных стран // Конституционная реформа: поиски и решения. – М.: АН СССР ИНИБН, 1991. – С. 88-116.

Danilchenko V.V., Adelseitova A. B. Collegial Ombudsmen: theoretical approaches and contemporary Practice // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 307-315.

The article provides a comprehensive analysis of the collegial models of the institution of the Ombudsman, which function in the form of collegial decision-making commissions or joint services, where each ombudsman acts autonomously. The author examines the historical background of the emergence of collegial structures, their evolution and adaptation to various legal systems. An overview of key scientific studies devoted to this issue, including the works of foreign and domestic scientists, is presented. Special attention is paid to the modern practice of collegiate ombudsmen in Africa, Europe, as well as in Oceania (New Zealand) and the Balkans. Based on empirical data from official reports and reports of international organizations, the advantages and disadvantages of collegial structures are identified. Current development trends are being identified, including the transition to commissions with clear coordination and increased interaction with constitutional courts and national human rights institutions. The author analyzes the formation of the institution of the Ombudsman and emphasizes the absence of a similar model in the Russian Federation at the present stage, and also does not exclude the possible functioning of the collegial ombudsman service in the Russian Federation. In a comparative context, the article pays attention to specialized ombudsmen, emphasizing that the institution of specialized ombudsmen is a targeted, professional protection of the rights of specific categories of citizens.

Keywords: collegial Ombudsman, commission of inquiry, parliamentary lawyers, human rights protection.

Spisok literatury:

1. Bojcova V.V. Institut ombudsmena v sovremennom prave. – M.: Yurist", 1994. – 210 s.
2. Hamaneva N.Yu. Upolnomochennyj po pravam cheloveka – zashchitnik prav grazhdan // Gosudarstvo i pravo. – 1995. – № 1. – S. 35–42.
3. Sungurov A.Yu. Institut ombudsmena: modeli i praktika. – SPb.: Norma, 2020. – 312 s.
4. Hill L. The Ombudsman Revisited // Public Administration. – 1976. – Vol. 54. – P. 45–58.
5. Rowat D. The Ombudsman Plan: Essays on the Worldwide Spread of an Idea. – Toronto: McClelland and Stewart, 1973. – 315 p.
6. Voroncova E.A. Kollegial'nye ombudsmeny v stranah Afriki // Pravo i upravlenie. – 2021. № 3. S. 42–49.
7. Soshnikova T.A. Konstitucionno-pravovoj status ombudsmena v stranah SNG: dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2018. – 198 s.
8. Olson M., Stend F. Collegial Ombudsmen: European and African Experience // Journal of Comparative Constitutional Law. – 2022. – Vol. 15. – P. 112–130.
9. Oficial'nyj sajt Postoyannoj komissii po rassledovaniyam Tanzanii. – URL: http://www.pcrt.go.tz
10. Transparency International Nigeria. Corruption and Public Complaints Commission Report 2023. – Abuja, 2023. – 67 p.
11. Otchyot Kollegii narodnoj pravozashchity Avstrii za 2022 god. – Vena, 2023. – 120 s.
12. Bojcova V.V. Sluzhba zashchity prav cheloveka i grazhdanina. Mirovoj opyt. M.: BEK, 1996. 408 s.
13. Godovoj doklad Centra po pravam cheloveka Moldovy za 2023 god. – Kishinyov, 2024. URL: www.ohchr.org/ru/countries/moldova at (data obrashcheniya: 22.04.2026).
14. Otchyot Sluzhby ombudsmena Litvy za 2022 god. – Vil'nyus, 2023. URL: Seimas Ombudsperson - Annual report 2022.pdf (data obrashcheniya: 22.04.2026).
15. Office of the Ombudsman of New Zealand. Annual Report 2022/2023. – Wellington, 2023. – 110 p.
16. Institut ombudsmena v Bosnii i Gercegovine: ezhegodnyj otchyot za 2022 god. – Saraevo, 2023. . URL: www.ombudsmen.gov.ba. (data obrashcheniya: 22.04.2026).
17. Hamaneva N.Yu. Ohrana prav grazhdan v zarubezhnyh stranah: institut ombudsmena: (sravnitel'nyj aspekt). M.: INION AN SSSR, 1991. 54 s.
18. Obshchaya harakteristika Kollegii narodnoj pravozashchity Avstrii kak naibolee sovershennoj modeli. Volksanwaltschaftsgesetz – VwG (Federal'nyj zakon Avstrii o narodnoj pravozashchite) v redakcii ot 2012 goda (BGBl. I Nr. 86/2012), a takzhe oficial'nyj veb-sajt Kollegii narodnoj pravozashchity Avstrii: Volksanwaltschaft. Die Volksanwaltschaft – Ihre unabhängige Kontrollinstanz. – Wien, 2023. – URL: https://www.volksanwaltschaft.gv.at (data obrashcheniya: 22.04.2026).
19. Volksanwaltschaft. Tätigkeitsbericht 2022. (Godovoj otchyot o deyatel'nosti Kollegii narodnoj pravozashchity Avstrii za 2022 god). – Wien, 2023. – S. 25–30, 45. – URL: ttps://www.volksanwaltschaft.gv.at/downloads/taetigkeitsberichte/TB_2022.pdf

20. Deutscher Bundestag. Bericht des Petitionsausschusses für das Jahr 2023* (Otchyot Komissii po peticiyam za 2023 god). – Drucksache 20/8450. – Berlin, 2024. – S. 12, 33. – URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/956890/.../petitionsbericht-2023.pdf
21. Centrul pentru Drepturile Omului din Moldova. Raport anual 2023 (Godovoj doklad Centra po pravam cheloveka Moldovy za 2023 god). – Chișinău, 2024. – P. 18–22, 47–49. – URL: https://www.ombudsman.md/ro/raport-anual-2023 (data obrashcheniya: 22.04.2026).
22. Seimo kontrolierių įstaiga. 2022 metų veiklos ataskaita* (Otchyot o deyatel'nosti Sluzhby kontrolyorov Sejma Litvy za 2022 god). – Vilnius, 2023. – P. 8, 24. – URL: https://www.lrski.lt/lt/veiklos-ataskaitos/2022
23. Sokolov A.N., Trumpel' K.B. Parlamentskij ombudsmen: genezis, funkcionirovanie, tendencii razvitiya. – Kaliningrad: Baltijskij institut ehkonomiki i finansov, 2000. – 94 s.
24. Timofeev M. T. Institut ombudsmena v Velikobritanii i Irlandii: kontrol', osnovannyj na sotrudnichestve. M., 2006. S. 22–23.
25. How the Xerox Ombudsman helps Xerox // Business Week. – 1973. – 12th of May. – P. 188.
26. Bojcova V.V. Pravovoj institut ombudsmana: amerikanskij opyt // SSHA – ehkonomika, politika, ideologiya. – 1995. – № 1 (301). – S. 82-91.
27. Memorandum submitted by the Prison Ombudsman // Minutes of evidence taken before the Select Committee. – 1996. – 35 r.
28. Hil'-Robles A. Parlamentskij kontrol' za administraciej (institut ombudsmana). M.: Ad Marginem, 1997. 335 s.
29. Hamaneva N.Yu. Kontrol' ombudsmena za soblyudeniem prav i svobod grazhdan // Konstituciya Rossijskoj Federacii i sovershenstvovanie mehanizmov zashchity prav cheloveka. – M.: RAN IGiP, 1994. – S. 139-146.
30. Bashimov M. S. Institut ombudsmena (Upolnomochennogo po pravam cheloveka i grazhdanina) v Rossijskoj Federacii i za rubezhom. – M.: MGADI, 1997. – 142 s.
31. Hamaneva N.Yu. Zashchita prav grazhdan v sfere ispolnitel'noj vlasti. – M.: IGiP RAN, 1997. – 216 s.
32. Hamaneva N.Yu. Specifika pravovogo statusa Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii i problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya ego deyatel'nosti // Gosudarstvo i pravo. – 1997. – № 9. – S. 21-30
33.Al'vares Manuehl Garsia. Opyt deyatel'nosti regional'nogo Upolnomochennogo po pravam cheloveka // Razvitie instituta Upolnomochennogo po pravam cheloveka v rossijskih regionah: V 2 t. / Pod red. A.Yu. Sungurova. – SPb.: «BORVIK SPb», 1999. – T. 2: Regional'nyj ombudsman. – S. 73-83.
34. Maklakov V.V. Konstitucionnoe regulirovanie prav i svobod grazhdan: novacii zarubezhnyh stran // Konstitucionnaya reforma: poiski i resheniya. – M.: AN SSSR INIBN, 1991. – S. 88-116.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 316-324.

УДК 342 (343)

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА ПО ВОПРОСАМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЫБОРОВ: АСПЕКТЫ СОЛИДАРНОСТИ

Капранова Ю. В.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

В статье сквозь призму обеспечения электоральных процессов, предпринимается попытка связать между собой несколько актуальных тем по вопросам: реализации запросов общества на справедливость, социальную солидарность и объединение на основе ценностных смыслов; усиления механизма управления избирательными процессами в части организации перспективных форм взаимодействия общества и государства; повышения эффективности деятельности отдельных органов публичной власти. В статье обозначаются и проходят сквозными векторами следующие вопросы, связанные с реализацией электоральных процессов: дистанционное электронное голосование, общественный контроль и наблюдение, гарантирование избирательных прав граждан. Проводится анализ различных форм взаимодействия МВД России с избирательными комиссиями, институтами гражданского общества по вопросам организации и проведения избирательных кампаний. В ходе рассмотрения форм взаимодействия полиции с гражданами выявлены потребности общества в солидарности, объединения на почве нравственных ценностей. Сделан вывод о том, что уровень доверия граждан к полиции через участие сотрудников ведомства в социальных солидарных акциях и реализацию целого ряда мероприятий по обеспечению открытости полиции, в том числе освещение деятельности полиции в СМИ, онлайн-платформах, в связи с оказанием добровольной, вне рамок прямых обязанностей помощи населению, напрямую связаны. В целом делается вывод о выходе взаимодействия полиции с гражданским обществом за привычный формат (помощь и содействие в раскрытии правонарушений, охрана общественного порядка, отчеты перед гражданами), в виде участия в солидарных акциях. Рассматривается роль и специфика участия патрульно-постовой службы полиции в обеспечении избирательных процессов как одного из подразделений ведомства. В перспективе обозначается, что в случае нормативной регламентации участия сотрудников патрульно-постовой службы полиции в социальных солидарных акциях во взаимодействии с волонтерскими организациями, избирательными комиссиями при доставлении маломобильных граждан на избирательный участок и обратно, подобное сотрудничество будет представлять собой дополнительную гарантию избирательных прав указанной категории граждан, а так же способствовать повышению статуса полиции через объединение общества, молодежи на почве патриотизма, социальной солидарности, нравственных ценностей.

Ключевые слова: выборы, публичная власть, институты гражданского общества, законодательство, МВД России, патрульно-постовая служба полиции, солидарность, волонтеры.

Вопросы организации и гарантирования выборов, избирательных прав граждан как никогда являются актуальными, так как выборы по смыслу Конституции РФ выступают основой российского демократического государства, фундаментом функционирования части органов публичной власти (ст. 1, 3, 32, 81, 84, 92, 96, 102, 112, 130 и др.) [1]. Регламентация детальности участников избирательных кампаний, как непосредственно, так и опосредованно связанных с формированием выборных органов публичной власти в России, выступает важной составной частью выборных процессов. В этом смысле тема, связанная с поиском новых способов гарантирования избирательных прав и свобод граждан, во взаимосвязи с особенностями участия публичных органов и институтов гражданского общества в выборах, никогда не перестанет быть актуальной. Выборы проводятся в России ежегодно, так, уже в сентябре 2026 г. будут в очередной раз избираться: губернаторы (прямыми выборами в семи субъектах РФ, в трех – через законодательные органы субъектов РФ), парламентарии региональные (в тридцати девяти субъектах РФ), федеральные. В организации указанных выборов будет участвовать Центральная избирательная комиссия РФ (ЦИК РФ), а также 89,5 тыс. избирательных комиссий участкового уровня, дополнительно к ним – 2,5 тыс. участковых комиссий в местах временного пребывания голосующих граждан, 2891 территориальных избирательных комиссий. В целях контроля, воспрепятствования нарушению законности, в

дни проведения выборов видеонаблюдением будет охвачено 43 тысячи избирательных комиссий [2].

Запрос на сочетание и реализацию принципов правового, демократического и социального государства, гражданского общества в сопряжении с современными процессами оцифровывания электоральных процессов, в настоящее время очень велик. В этой связи следует отметить обновление части российского законодательства, а также развития различных форм контроля за выборами. В данном направлении в 2025 г. обновлено законодательство в части уточнения терминов «электронное голосование» и «дистанционное голосование» п. 62), п. 62.1) ст. 2 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [3]. Посредством их разграничения установили, что электронным является голосование на избирательном участке с использованием специального вычислительного комплекса, а дистанционным является голосование, посредством специального программного обеспечения на сайте через специальный портал с технического устройства избирателя, хоть это и не указано, но по смыслу, второе осуществляется без прихода на участок. Это уточнение тем важно, что позволяет разграничить виды и способы контроля за выборами, с учетом современных российских реалий технологического обеспечения избирательных процедур обсудить проблемы публичного, посредством видеонаблюдения, и общественного контроля, иные вопросы, в том числе связанные с реализацией дистанционного электронного голосования (цифровое неравенство, особенности технологии блокчейна, анонимность, способ подсчета голосов, контроль и др.) [4, с. 291-294, 5, с. 163-165]. В 41 субъекте РФ в настоящее время апробированы процедуры дистанционного электронного голосования (ДЭГ), однако лишь отдельные субъекты РФ смогут обеспечить данную технологию и принять в ней участие на предстоящих выборах. Нельзя не отметить тот факт, что видеонаблюдение за избирательными комиссиями будет организовано во всех 89 субъектах РФ, но не во всех избирательных комиссиях, официально им будет охвачена лишь их отдельная часть – около 43 тысячах участковых и территориальных, где будут осуществляться ключевые процедурные моменты. В развитие темы участия общественных наблюдателей, а так же международных избирателей в российских выборах, а так же поиска новых гарантийных элементов в механизме управления избирательными процессами, 14.04.2026 г. в России создана первая независимая международная неправительственная ассоциация наблюдения за выборами, которая разрабатывает альтернативные западным стандартам критерии оценки электорального суверенитета, которая так же учитывает равноправие всех участников избирательных наблюдательных процессов (150 участников из 60 стран мира), разность электоральных культур и специфику российского электорального менталитета [6]. Соответствующие начинания были поддержаны Министерством иностранных дел РФ, Общественным Советом при Россотрудничестве, представителями органов исполнительной власти России и зарубежных стран, НКО, парламентариями, партийными деятелями и журналистами.

Развитие управления в сфере избирательных процессов тесно связано с необходимостью совершенствования механизма обеспечения электорального суверенитета России, подразумевает дополнение его структуры новыми гарантийными элементами, в том числе связанными с сопровождением и обеспечением избирательных процессов, предполагающих участие различных органов публичной власти, институтов гражданского общества, а так же их взаимодействие с избирательными комиссиями, как главными субъектами по организации и проведению выборов. В этом смысле интересен опыт отдельных иностранных государств (Франция, Италия), в электоральной практике которых вопросы организации и осуществления электоральных процессов возлагаются не

на специализированные органы по типу избирательных комиссий как в России, а на органы, функционирующие в рамках различных ветвей власти – судебной, исполнительной, в том числе и на органы полиции. Хотя функции организации выборов возлагаются на специальные подразделения в структуре МВД во Франции и Италии [7, с. 2316–2320], однако это свидетельствует о прямой зависимости избирательных процессов от административного ресурса в указанных странах, в отличие от России, которая иначе разрешила данный организационный аспект выборов, так как российские избирательные комиссии не входят ни в одну из ветвей власти. В России функции по организации выборных процессов возложены исключительно на избирательные комиссии. Иные органы публичной власти участвуют частично на тех или иных этапах выборов, например, в ходе назначения даты выборов, или формирования избирательных комиссий того или иного уровня, и др., так или иначе фактически осуществляя сотрудничество с избирательными комиссиями.

В РФ правоохранительные органы, в том числе МВД России, активно сотрудничают с избирательными комиссиями различного уровня, в конечном итоге обеспечивая законность и правопорядок на выборах. В структуре МВД России различные подразделения в различных формах (содействия, взаимодействия [8, с. 154]) участвуют в соответствующих направлениях деятельности. Руководящие подразделения, центральный аппарат, на высшем уровне заключает договоры о взаимодействии ведомства с ЦИК РФ [9], на их основе соответствующие территориальные органы уровня субъектов РФ заключают аналогичные региональные договоры [10]. Такая форма сотрудничества позволяет не только вырабатывать нормативные акты, но и организовывать совещания с участием органов исполнительной власти субъекта РФ, на них основе принимать и вырабатывать совместные решения, в том числе, проводить оперативные мероприятия (например, по выявлению незаконных агитационных материалов, их изъятию и др.), либо совместно с органами публичной власти субъекта РФ проводить обучающие курсы, конкурсы, научно-представительские и просветительские мероприятия на электоральную тематику. Другие подразделения, в ходе ежедневно реализуемых предусмотренных законодательством полномочий сотрудника полиции, в составе соответствующего подразделения (участковых уполномоченных, информационно-аналитического центра, государственной инспекции безопасности дорожного движения и др.), осуществляют содействие в осуществлении деятельности избирательных комиссий, обеспечивая их деятельность, создавая благоприятные условия для реализации полномочий самих членов избирательных комиссий (осуществляют проверку кандидатов на судимость, обеспечивают охрану помещений, сопровождают перевозку избирательных бюллетеней и др.).

Самым приближенным к гражданам подразделением ведомства на этапе проведения голосования по выборам выступает патрульно-постовая служба полиции (далее ППСП). Это самое многочисленное подразделение полиции, преимущественно в составе наряда осуществляющее круглосуточное патрулирование общественных мест, улиц, парков и др. ППСП как одно из подразделений МВД России наравне с иными подразделениями косвенно активно участвует в обеспечении избирательных процессов, в рамках предписанных законом полномочий [11], посредством эффективной охраны общественного порядка, пресечения правонарушений, создания атмосферы спокойствия и общественного благополучия, гарантируя нормальное, штатное функционирование избирательных комиссий, личную безопасность ее членов, а так же безопасность избирателей, кандидатов, политических партий, участвующих в выборах. ППСП в полном соответствии с Федеральным законом «О полиции» [12], иными нормативными актами, регламентирующими ее деятельность, в том числе заключенными соглашения-

ми о сотрудничестве с избирательными комиссиями, в ходе проведения избирательных кампаний активно участвуют, впрочем, как и в межвыборный период, в охране мест публичного пользования, но именно в данный период – организации публичного мероприятия электорального характера, особо уделяя внимание участковым избирательным участкам, выявляя административные и иные правонарушения в избирательной сфере, предусмотренные КоАП РФ, УК РФ, предотвращая угрозы и акты террористического и экстремистского характера, незаконные митинги, незаконную агитацию и др.

Взаимодействие ППСП с органами публичной власти субъектов Российской Федерации и институтами гражданского общества по вопросам организации и проведения выборов, в связи со спецификой полицейской деятельности данного подразделения, преимущественно реализуется в формате просветительских встреч с членами избирательных комиссий, а также в совместном, с представителями гражданского общества, патрулировании улиц при охране общественного порядка в дни голосования (народные дружины, казачьи патрули).

Вопросы выхода сотрудничества органов публичной власти с институтами гражданского общества на новый уровень и решение проблем, связанных с повышением эффективности деятельности отдельных органов публичной власти, могут быть успешно соединены (и частично разрешены) в вопросе обеспечения выборов через удовлетворение потребности общества в социальной солидарности. В настоящий момент в МВД России осуществляется активный поиск средств и способов, повышающих имидж ведомства, привлекательность службы, поскольку это напрямую связанно с эффективностью его функционирования, ведомство испытывает системный кадровый кризис. По словам главы МВД РФ, на 2026 г., в ключевых подразделениях, непосредственно работающих с населением и испытывающих самую большую нагрузку, отмечается нехватка личного состава: среди участковых – более 25 %, уголовного розыска – 30 %, следствия – 27 %, ППСП – 40 % [13]. Хотя и переработаны нормативные акты, регламентирующие деятельность ведомства в целом, а также по направлениям деятельности служб и подразделений, в том числе в сфере предоставления ведомственных государственных услуг, в системе эффективно реализуется противодействие коррупции, в определенной степени преодолеваются проблемы с информационной доступностью и открытостью, однако привлекательность службы низкая, количество поступающих на службу ниже, чем увольняющихся. В целом ощущается значительная работа ведомства по формированию положительного облика полиции, повышению уровня доверия к сотруднику полиции, так как наблюдение за открытыми источниками информации указывает на повсеместно проводимые личные встречи сотрудников ведомства, в том числе руководителей, с гражданами по различным вопросам, в том числе с отчетами, на проведение обучающих курсов и конкурсов, просветительских и профориентирующих мероприятий в образовательных учреждениях и мн. др. Безусловно, самым актуальным и стимулирующим фактором обращения по поводу приема на службу в полицию, в том числе в подразделения ППСП, будет материальный критерий, однако фактор положительного имиджа так же имеет высокий потенциал.

Следует отметить тенденцию последних лет по росту у населения запроса на хорошие новости, положительные эмоции, обеспечение солидарности и поддержки населения, в том числе в лице представителей публичной власти, особенной в той части общества, которая более всего нуждается в помощи. Так, публикации в СМИ связи со случаями добровольного участия сотрудников полиции в спасения несовершеннолетних, оказания помощи беременным женщинам и другим, нуждающимся в защите слоям населения, иными словами, оказание помощи не «по профилю», а по велению нравственных качеств сотрудника, вызывают положительный, теплый отклик у населения,

«работают на имидж» ведомства. В том же ключе воспринимаются гражданами участие сотрудников МВД России в иных социальных тематических, в том числе патриотических акциях, например, «С нами Победа», «Бессмертный полк», их участие в военных парадах как информационных акциях при проведении торжественных мероприятий в честь различных российских праздников, в том числе посвященные государственному празднику Дню победы. Участие МВД России в парадах Победы на Красной площади, во всех субъектах РФ, имеет важнейшее значение для ведомства, поскольку, как отмечалось отдельными исследователями, парады представляют собой информационные акции общегосударственного и мирового масштаба, помимо напоминания о подвиге ветеранов данные акции выполняют так же консолидирующую функцию [14], как социальные акции, объединяющие всю страну.

Добровольчество объединяет граждан, выступает элементом дружеского социально одабриваемого взаимодействия между гражданами, частью волонтерства. В первую очередь, как закреплено в ст. 2 Федерального закона 1995 г. «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [15] волонтерская деятельность осуществляется в целях обеспечения прав граждан нуждающихся в социальной поддержке и защите, лиц, в том числе лиц с ограниченными физическими возможностями, которые не способны реализовать свои права и законные интересы. Следует отметить, что волонтерское движение выступает частью гражданского общества, на добровольных основах решающее многочисленные насущные житейские проблемы российских граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации по различным причинам [16, с. 73-79]. Волонтерами осуществляются мероприятия по решению проблем граждан, исходя из своих собственных представлений о взаимопомощи, солидарности, необходимости оказания социальной пользы безвозмездно. В этой связи, нормативно урегулированное участие полиции в солидарных акциях может выступить одним из направлений повышения имиджа ведомства. Участие сотрудников полиции в солидарных, волонтерских акциях, в целом, в том числе на электоральную тематику, в общественном сознании будет совпадать и по смыслу, и по содержанию с провозглашаемым новым социальным обликом полиции, с конечным целевым предназначением ведомства – «на службе у общества», возрождая патриотизм, социальную активность молодежи, стимулируя к законопослушному подведению через демонстрацию порядка, участия в жизни общества. Социальная функция полиции проявляется лишь во взаимодействии с гражданами, институтами гражданского общества, в достижении социально оправданных результатов. Цели взаимодействия ППСП в случае совпадения профессиональных целей с целями по управлению избирательными процессами, дополнительного гарантирования избирательных прав граждан части немобильных граждан, в том числе участников СВО, будут предопределены, прежде всего, духовно-нравственными ценностями, нравственными координатами, принципами свободы, равенства, патриотизма, справедливости и солидарности.

Современное стремление общества к социальной солидарности [17, с. 70], не случайно, обусловлено современными политическими, экономическими, геополитическими и иными причинами, в том числе «запрограммировано» конституционными поправками 2020 года (ч. 6 ст. 75, ст. 75.1 Конституции РФ). Солидарность может выступить объединяющим стержнем для граждан России в различных сферах жизнедеятельности, в том числе в электоральных правоотношениях. В этом направлении частично уже предпринимаются меры в Ростовской области, правда, пока без подключения сотрудников полиции. При подготовке к избирательной кампании в сентябре 2026 г. Избирательной комиссией Ростовской области 13 марта 2026 г. было проведено совещание по вопросам обеспечения в регионе доступной электоральной среды для маломобильных

избирателей. Было принято решение продолжить оборудование участков пандусами, иными приспособлениями, позволяющими создавать благоприятные условия для голосования пожилых граждан, лиц с ограниченными физическими возможностями, а так же одобрено участие волонтеров в рамках реализации уже зарекомендовавшей себя программы «Дорога на выборы» в целях сопровождения и прибытия маломобильных граждан на избирательный участок и обратно [18], несмотря на то, что Ростовская область уже неоднократно участвовала в ДЭГ, показывала высокие показатели участия по России. Учитывая степень интернетизации региона и ситуации с кибербезопасностью, процент цифровой неграмотности определенной части избирателей, очевидно, что реализация ДЭГ в области не может быть реализована повсеместно, как и в целом по России.

Подобное волонтерское участие как «пилотный проект» реализуется при участии муниципалитетов, Избирательной комиссией Ростовской области на территории Ростовской области уже девять лет, изначально в проекте решались задачи информирования, проблемы абсентеизма, привлечения внимания электората к участию в выборах, однако все более значимым стал фактор поддержки маломобильных граждан. В настоящий условиях, когда количество маломобильных избирателей кратно увеличилось, представляется, что участие представителей власти, сотрудников полиции, а именно ППСП, как наиболее «шагово–доступных» и самых многочисленных сотрудников ведомства, на выборах в мероприятиях по обеспечению прибытия и убытия с участка подобной категории избирателей будет соответствовать положениям ч. 3 ст. 10 Федерального закона «О полиции» в части содействия полиции органам публичной власти по вопросам обеспечения защиты прав и свобод, оказания поддержки гражданских инициатив по вопросам обеспечения правопорядка, а также п. 2) ч. 1 ст. 17.2 Федерального закона 1995 г. «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» в части взаимодействия органов государственной власти с волонтерскими организациями.

ППСП является, как уже упоминалось, выступает подразделением полиции, наиболее приближенным к населению, по специфике деятельности наиболее вовлеченным в общественные процессы на улицах, хорошо знающие маршруты патрулирования, уже закрепленным за обслуживанием определенного участка по голосованию в связи с реализуемым правоохранительными полномочиями, в связи с чем, особенно на выборах, представляется участие сотрудников ППСП в солидарных акциях целесообразно. Полагаем, что такая помощь хорошо физически подготовленных сотрудников ППСП волонтерам (преимущественно женщинам), вызовет социальное одобрение и поддержку у населения. Участие представителей власти, сотрудников полиции, а именно ППСП, в акциях помощи маломобильным гражданам выступит дополнительной гарантией избирательных прав граждан. Следует сделать вывод, что исходя из объема решаемых задач, 100 % вовлеченности в осуществлении правоохранительной деятельности в период проведения выборов на закрепленной территории обслуживания (на которой располагаются и участковые избирательные участки, и иные имеющие значение для избирательных кампаний территории, объекты), а так же из фактора многочисленности, физической подготовленности данного структурного подразделения МВД России, сотрудники ППСП могут и должны принимать участие в мероприятиях по поддержке малоподвижных избирателей, оказывать помощь волонтерам, принимать участие в иных акциях солидарности. Дополнительных изменений в федеральное законодательство, связанных с созданием новых подразделений, структур, их дополнительного финансирования, подобные новшества не потребуют, что не исключает дополнительного материального поощрения сотрудников, на плечи которых будет возлагаться дополнитель-

ная обязанность, указанная, тяжелая в физических аспектах, часть сопровождения выборов.

Таким образом, перспективны направления заключения многосторонних соглашений о взаимодействии органов публичной власти субъектов РФ с избирательными комиссиями субъектов РФ и МВД РФ, переработки действующий соглашений о взаимодействии избирательных комиссий с полицией в части содействия избирательным процессам, в частности в дни выборов, по вопросам обеспечения равного доступа граждан-избирателей с ограниченными возможностями к избирательным участкам и голосованию, адресным взаимодействием с волонтерскими объединениями (по вопросам уточнения списков, адресов, маршрутов доставления лиц с ограниченными возможностями и др.), иными представителями гражданского общества, участия в иных акциях гражданской солидарности. В аспектах развития сотрудничества с гражданским обществом по вопросам обеспечения электоральных процессов, так же перспективны вопросы разработки регламента взаимодействия МВД России с созданной в 2026 г. независимой международной неправительственной ассоциацией наблюдения за выборами, по вопросам оперативного реагирования на нарушения, обмена информацией.

В заключении хочется отметить, что взаимодействие полиции с институтами гражданского общества в настоящее время выходит за рамки привычного формата: помощь и содействие в раскрытии правонарушений, охрана общественного порядка, отчеты перед гражданами. В рамках социального взаимодействия партнерские отношения полиции с гражданами, различными группами общества в соответствии с принципом солидарности оформляются в формат реализации социальных солидарных акций, которые имеют цель оказать помощь гражданам в вопросах, не относящихся прямо к компетенции ведомства, хотя в целом связаны с жизнью, здоровьем граждан, благополучием либо нравственностью населения. Полицейская деятельность на сегодняшний день достигла определенного уровня доверия у населения, однако участие сотрудников ППСП в солидарных акциях, в том числе по поддержке лиц с ограниченными физическими возможностями на выборах, безусловно, поднимет уровень диалога гражданского общества и публичной власти на иной, более высокий уровень, поскольку, сотрудники полиции, оказав физическую помощь и поддержку в волонтерском движении, солидарно поучаствуют в управлении делами государства, взяв на себя соответствующее бремя оказания помощи маломобильным группам населения, что, безусловно, поднимет уровень доверия населения и к органам полиции, и к государству, выборам в целом. Как подчеркивалось, «… гражданское общество выполняет роль уникального и незаменимого инструмента передачи так называемых «сигналов обратной связи» - информации о запросах, потребностях и оценках общества – в адрес государственных структур» [19, с. 39]. Таким участием будет продемонстрировано, что именно государство в лице сотрудника ППСП активно заботиться о каждом избирателе, что действительно каждый голос важен, и это не пустой лозунг. В этой связи общественный контроль за выборами, деятельностью публичной власти в аспекте его фактического, а не формально-юридического оформления и понимания, будет реальным, доступным для оценки каждому члену общества. Соответствующая деятельность полиции во взаимосвязи с объединяющими ценностными гуманными основами, установками социальной взаимопомощи для общества будут признаваться социально одобряемыми, влиять на оценку полиции обществом. При условии нормативного закрепления участия полиции в выборах в подобном сотрудничестве с волонтерскими организациями, формат реализации полицией социальных солидарных акций будет выполнять роль дополнительных гарантий избирательных прав граждан. Участие полиции в подобных социальных солидарных акциях будет не только обеспечивать выборные процессы, но и вовлекать молодежь в

общественно-полезную деятельность, формировать общественное мнение, активную гражданско-патриотическую позицию, объединять общество и государство.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок) // URL.: https://www.garant.ru (дата обращения: 19.04.2026).
2. Видеонаблюдение на выборах в Госдуму будет организовано в 43 000 избиркомов // URL.: https://www.donland.ru/news/23901/ (дата обращения: 18.04.2026).
3. Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 02.05.2026) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // URL.: https://www.garant.ru (дата обращения: 18.04.2026).
4. Капранова Ю.В. О принципах дистанционного электронного голосования в России// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т.9 (75). – № 3. – С. 288-296.
5. Капранова Ю.В. О механизме электронного голосования в России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т.9 (75). № 1. С. 159-168.
6. В ЦИК рассказали о «ценностном банкротстве» западного наблюдения за выборами. Международные институты смогут оценивать национальные голосования объективнее // URL.: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/04/17/1190971 (дата обращения: 19.04.2026).
7. Кадомцева Е. А. Избирательные органы зарубежных стран: сравнительно-правовой аспект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 2316–2320.
8. Капранова Ю.В. Взаимодействие избирательных комиссий с правоохранительными органами // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3 (82). С. 152-158.
9. «Соглашение о взаимодействии Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации» от 02.09.2016 № 08/14295-2016/1/8913 // URL.: https://www.garant.ru (дата обращения: 19.04.2026).
10. «Соглашение о взаимодействии Избирательной комиссии Ростовской области и Главного управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Ростовской области» от 05.12.2017 № 11/3739 // http://www.rostov.izbirkom.ru (дата обращения: 19.04.2026).
11. Приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 «Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России» // URL.: https://www.garant.ru (дата обращения: 19.04.2026).
12. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. 15.12.2025) // URL.: https://www.garant.ru (дата обращения: 19.04.2026).
13. Число уволившихся из МВД за год на 40% превысило количество нанятых сотрудников // URL.: https://www.kommersant.ru (дата обращения: 19.04.2026).
14. Кирюшин А., Шайдуллин Т., Ряхимов Р. Весомый эффект. Парад Победы на Красной площади как информационная акция: исторические аспекты и функции // Армейский сборник. 2022. № 6. URL.: https://army.ric.mil.ru/Stati/item/416323/ (дата обращения 07.05.2026).
15. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // URL.: https://www.garant.ru (дата обращения: 19.04.2026).
16. Семенова И.Ю. Волонтерство (добровольчество) как элемент механизма гражданского общества и правового государства // Oeconomia et Jus. 2019. № 1. С. 73-79.
17. Сауткина В.А. Общественный запрос на солидарность: историческая ретроспектива и современная реальность // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 2. С. 70-85.
18. В Ростовской области обсудили обеспечение избирательных прав // URL.:// https://rostov-leninsky.ikro.ru/ (дата обращения: 19.04.2026).
19. Гриневич К.В. Общественный контроль и правозащитная деятельность как ядро правовой функции гражданского общества// Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2025. Т.11. № 4. С. 35-45.

Kapranova Yu.V. Prospects for the development of cooperation between society and the State on ensuring elections: aspects of solidarity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 316-324.

In the article, through the prism of ensuring electoral processes, an attempt is made to link several relevant topics on the following issues: the realization of society's demands for justice, social solidarity and unification based on value meanings; strengthening the mechanism for managing electoral processes in terms of organizing promising forms of interaction between society and the state; increasing the effectiveness of individual public authorities. The following issues related to the implementation of electoral processes are identified and cross-cutting in the article: remote electronic voting, public control and surveillance, and guaranteeing citizens' electoral rights. The analysis of various forms of interaction of the Ministry of Internal Affairs of Russia with election commissions, civil society institutions on the organization and conduct of election campaigns is carried out. During the review of the forms of interaction between the police and citizens, the needs of society for solidarity and unification based on moral values

were identified. It is concluded that the level of citizens' trust in the police through the participation of department employees in social solidarity actions and the implementation of a number of measures to ensure the openness of the police, including coverage of police activities in the media, online platforms, in connection with the provision of voluntary assistance to the population outside the framework of direct duties, are directly related. In general, it is concluded that the interaction of the police with civil society has gone beyond the usual format (assistance and assistance in uncovering offenses, protecting public order, reporting to citizens), in the form of participation in solidarity actions. The role and specifics of the participation of the police patrol and patrol service in ensuring electoral processes as one of the departments of the department are considered. In the future, it is indicated that in the case of regulatory regulation of the participation of police patrol officers in social solidarity actions in cooperation with volunteer organizations, election commissions when delivering low-mobility citizens to the polling station and back, such cooperation will represent an additional guarantee of the electoral rights of this category of citizens, as well as contribute to improving the status of the police through association society and youth based on patriotism, social solidarity, and moral values.

Keywords: elections, public authorities, civil society institutions, legislation, Ministry of Internal Affairs of Russia, police patrol service, solidarity, volunteers.

Spisok literaturi:

1. Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnim golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.) (s uchetom popravok) // URL.: https://www.garant.ru (data obrashcheniya: 19.04.2026).
2. Videonablyudenie na viborakh v Gosdumu budet organizovano v 43 000 izbirkomov // URL.: https://www.donland.ru/news/23901/ (data obrashcheniya: 18.04.2026).
3. Federalnii zakon ot 12.06.2002 № 67-FZ (red. ot 02.05.2026) «Ob osnovnikh garantiyakh izbiratelnikh prav i prava na uchastie v referendume grazhdan Rossiiskoi Federatsii» // URL.: https://www.garant.ru (data obrashcheniya: 18.04.2026).
4. Kapranova Yu.V. O printsipakh distantsionnogo elektronnogo golosovaniya v Rossii// Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2023. – T.9 (75). – № 3. – S. 288-296;
5. Kapranova Yu.V. O mekhanizme elektronnogo golosovaniya v Rossii // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2023. T.9 (75). № 1. S. 159-168.
6. V TsIK rasskazali o «tsennostnom bankrotstve» zapadnogo nablyudeniya za viborami. Mezhdunarodnie instituti smogut otsenivat natsionalnie golosovaniya obektivnee // URL.: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2026/04/17/1190971 (data obrashcheniya: 19.04.2026).
7. Kadomtseva Ye. A. Izbiratelnie organi zarubezhnikh stran: sravnitelno-pravovoi aspekt // Nauchno-metodicheskii elektronnii zhurnal «Kontsept». 2017. T. 39. S. 2316–2320.
8. Kapranova Yu.V. Vzaimodeistvie izbiratelnikh komissii s pravookhranitelnimi organami // Yurist-Pravoved. 2017. № 3 (82). S. 152-158.
9. «Soglashenie o vzaimodeistvii Tsentralnoi izbiratelnoi komissii Rossiiskoi Federatsii i Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii» ot 02.09.2016 № 08/14295-2016/1/8913 // URL.: https://www.garant.ru (data obrashcheniya: 19.04.2026).
10. «Soglashenie o vzaimodeistvii Izbiratelnoi komissii Rostovskoi oblasti i Glavnogo upravleniya Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii po Rostovskoi oblasti» ot 05.12.2017 № 11/3739 // http://www.rostov.izbirkom.ru (data obrashcheniya: 19.04.2026).
11. Prikaz MVD Rossii ot 28.06.2021 № 495 «Ob utverzhdenii Nastavleniya ob organizatsii sluzhebnoi deyatelnosti stroevikh podrazdelenii patrulno-postovoi sluzhbi politsii territorialnikh organov MVD Rossii» // URL.: https://www.garant.ru (data obrashcheniya: 19.04.2026).
12. Federalnii zakon «O politsii» ot 07.02.2011 № 3-FZ (v red. 15.12.2025) // URL.: https://www.garant.ru (data obrashcheniya: 19.04.2026).
13. Chislo uvolivshikhsya iz MVD za god na 40% previsilo kolichestvo nanyatikh sotrudnikov // URL.: https://www.kommersant.ru (data obrashcheniya: 19.04.2026).
14. Kiryushin A., Shaidullin T., Ryakhimov R. Vesomii effekt. Parad Pobedi na Krasnoi ploshchadi kak informatsionnaya aktsiya: istoricheskie aspekti i funktsii // Armeiskii sbornik. 2022. № 6. URL.: https://army.ric.mil.ru/Stati/item/416323/ (data obrashcheniya 07.05.2026).
15. Federalnii zakon ot 11.08.1995 № 135-FZ «O blagotvoritelnoi deyatelnosti i dobrovolchestve (volonterstve)» // URL.: https://www.garant.ru (data obrashcheniya: 19.04.2026).
16. Semenova I.Yu. Volonterstvo (dobrovolchestvo) kak element mekhanizma grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva // Oeconomia et Jus. 2019. № 1. S. 73-79.
17. Sautkina V.A. Obshchestvennii zapros na solidarnost: istoricheskaya retrospektiva i sovremennaya realnost // Yuzhno-rossiiskii zhurnal sotsialnikh nauk. 2019. T. 20. № 2. S. 70-85.
18. V Rostovskoi oblasti obsudili obespechenie izbiratelnikh prav // URL.:// https://rostov-leninsky.ikro.ru/ (data obrashcheniya: 19.04.2026).
19. Grinevich K.V. Obshchestvennii kontrol i pravozashchitnaya deyatelnost kak yadro pravovoi funktsii grazhdanskogo obshchestva// Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. 2025. T.11. № 4. S. 35-45.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 325-329.

УДК 342.4

ПРИНЦИПЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Кисс С. В.
Крымский филиала Краснодарского университета МВД России

В статье рассмотрены основные принципы осуществления конституционной модернизации как фундаментальных ориентиров, определяющих содержание и пределы политико-правовых преобразований. В статье автор акцентирует на том, что эффективность модернизации напрямую зависит от соблюдения принципов данного процесса: законности, верховенства права, юридического равенства, публичности, гласности, объективности, научности, программности и легитимности. Автором особое внимание акцентируется на том, что данные принципы не должны носить декларативный характер, а требуют реальных действенных механизмов реализации, гарантирующих устойчивость конституционного развития, в частности, и конституционного строя, в целом. Отмечается, что легитимность изменений производна от демократических процедур и прямого волеизъявления народа, а сама модернизация трансформирует не только нормативную базу, но и конституционно-правовую доктрину.

Ключевые слова: принципы конституционной модернизации, принципы правового регулирования, конституционная модернизация, конституционное право, конституционные ценности, законность, верховенство права, легитимность, публичность, юридическое равенство, конституционная реформа.

Исходными критериями осуществления любых трансформационных и модернизационных процессов, как определяющими трендовыми направлениями или ориентирами конечной цели, как известно, являются принципы таких трансформаций и преобразований [1, с. 344].

Система принципов конституционной модернизации в РФ сформирована так, что отражает основные задачи, на решение которых направлены соответствующие изменения. Основными сложностями и противоречиями для российского общества остаются: преодоление коррупционных проявлений [2], повышение социальных стандартов и социальной стабильности [3], угрозы информационного пространства (в особенности, ментальной безопасности несовершеннолетних, как «будущего» государства [4]), обеспечение транспарентности функционирования органов государственного управления [5], создание максимально прозрачных и понятных стандартов законодательного регулирования общественно-политических и социально-экономических отношений в России. Однако, в последнее время все чаще возникают новые задачи, связанные не только с национальными интересами России, но и «стремлением к равноправному международному сотрудничеству в целях решения общих задач и продвижения общих интересов», а также «осознанием особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях» [6]. В целом, конституционная модернизация может охватывать и более широкие, по своему содержанию, проблемы правовой действительности.

В целом, конституционная модернизация невозможна без соблюдения четких требований и логики реализации, которая дополняет поэтапность ее проведения. Алгоритм конституционной модернизации предполагает поэтапную реализацию изменений и поправок. Однако, в отличии от изменений в законодательство и подзаконные акты, конституционная модернизация является более всеобъемлющим процессом, который трансформирует не только правовую составляющую, но и доктринальную. При этом, необходимо проводить моделирование последствий такой модернизации, и эта сложность означает практическое выражение защитного механизма конституционной стабильности и устойчивости публично-политических процессов в стране. Принципы конституционной модернизации, в целом, выступают внешним выражением процессов и

процедур, связанных с функционированием аппарата государства, конституционно-правовым регулированием и общими началами осуществления публичной власти. Проведение конституционной модернизации с соблюдением основных нормативных принципов способствует формированию демократического, социального и правового государства (конечно, если эти принципы не будут являться лишь декларативными статьями Основного закона).

Среди основных принципов осуществления конституционной модернизации можно выделить следующие:

1. Принцип законности относится к фундаментальным принципам. Фактически, принцип законности является одним из важнейших в конституционном праве и конституционном процессе и характеризуется как режим соответствия публичных отношений в конституционной сфере требованиям действующей Конституции и законов государства. Если принцип законности носит только декларативный характер и не имеет механизма своей реализации, то проведение конституционной модернизации ни в коем случае не будет эффективным [1, с. 345].

2. Принцип верховенства права также относится к основополагающим и предусматривает, что органы государственного управления должны выполнять свои функции и полномочия в соответствии с законодательством, а эти функции, а также процедуры принятия управленческих решений по внедрению конституционной модернизации, определяются законодательными актами. Безусловно, принцип верховенства права тесно связан с принципом законности, однако, при их анализе исследователи исходят из того, что принцип верховенства права должен выходить за пределы принципа законности, иначе вопрос о верховенстве права лишается какого-либо самостоятельного смысла [7, с. 188]. И как отмечает Е.А. Федоринова, «только в том случае, когда принцип верховенства права действительно «работает», а не является лишь провозглашением, и при наличии соответствующей правовой среды, можно говорить … о правовой государственности» [8, с. 278]. Безусловно, принцип верховенства права усиливает действие принципа законности.

3. Принцип юридического равенства опирается на конституционное положение о равенстве граждан в реализации конституционных прав и свобод, об отсутствии привилегий либо ограничений по каким-либо основаниям (выделение привилегированных лиц, сословий или социальных групп [9, с. 59]. Этот принцип базируется и на положении Основного закона о взаимной ответственности государства и гражданина, что предусматривает, с одной стороны, обязанность граждан соблюдать требования закона, а с другой – ответственность государства перед гражданином за свою деятельность. В целом, принцип юридического равенства раскрывается в невозможности субъекта властных полномочий (органа публичной власти или должностного лица) путем конституционной модернизации расширять границы собственного властно-распорядительного влияния на публично-политические процессы. Он [принцип] является мерилом юридического равновесия, то есть такого состояния правовой действительности, при котором все органы государственного управления функционируют на основе равенства и уважения к демократическим правам и свободам человека, а потому превышение ими собственных полномочий или злоупотребление властью обязательно расценивается как поведение, которое должно повлечь за собой отрицательные правовые последствия посредством определенной формы юридической ответственности. Причем, к такой ответственности может привлекаться не только глава соответствующего органа публичной (в частности, государственной) власти (уголовная, административная), но и сам орган (конституционно-правовая ответственность).

4. Принцип публичности является ключевым в понимании конституционно-

правовых процессов, поскольку раскрывает происхождение властных полномочий органа, осуществляющего модернизацию. Источником власти такого органа является народ [10] – носитель суверенитета – делегирующий свои суверенные права соответствующему государственному институту. В целом, стратегия конституционной реформы и конституционной модернизации должны обсуждаться публично, а идеи и предложения должны выноситься на рассмотрение общественности – каждый гражданин имеет право знать, какие изменения происходят и произойдут в его государстве, имеет право высказать свое собственное мнение и, возможно, собственные предложения (в том числе, через институты гражданского общества) по модернизации важнейших общественных институтов.

5. Принцип гласности означает необходимость и обязанность государства информировать общество о ходе проведения конституционной модернизации. При этом, доступ общественности к подобным конституционным процессам может раскрываться не только путем информирования через средства массовой информации (в классическом понимании [11, с. 90]), создание положительного имиджа реформ или продвижение таких конституционных изменений политическими силами в качестве собственных предвыборных или политических программ. В этом контексте гласность может выражаться в инструментах таких демократических процессов как референдум, опросы, общественные слушания и другие формы демократических проявлений, присущих гражданскому обществу и правовому государству. Расширение доступа общественности к конституционной модернизации открывает возможности реализации потенциала гражданских инициатив и поиска новых подходов к конституционно-правовому регулированию общественных отношений в РФ.

В целом, привлечение граждан к активному участию в обсуждении и принятии управленческих решений имеет множество преимуществ, и в конечном счете, является средством формирования просвещенного гражданина, а также обеспечивает конституционное положение о народовластии. Такими преимуществами являются, в первую очередь, определение ценностей, поддерживаемых гражданами, и перечня проблем, которые их волнуют; повышение легитимности проведения конституционной модернизации; привлечение плюралистических мнений общества для проработки возможных вариантов проведения реформы; создание позитивного имиджа публичной власти и др.

6. Принцип объективности раскрывается в недопущении реализации конституционной модернизации как способа удовлетворения собственных интересов (или потребностей) правящей элиты. Объективность проявляется в том, что конституционные изменения необходимы только в случае, если такая потребность назрела в обществе. И в этом аспекте актуальным является тезис профессора С.А. Авакьяна о необходимости проведения конституционных реформ в части расширения конституционных основ гражданского общества, демократии, политического участия и общественного контроля [12, с. 6]. Однако, предполагаемые изменения в процессе модернизации должны привести, в конечном итоге, к улучшению общественно-политических условий в обществе и государстве.

Кроме этого, принцип объективности отображает возможные последствия конституционной модернизации, а ключевым аспектом в реализации данного принципа является определение положительных результатов конституционных изменений, их своевременности и безвозвратности. Иными словами, эти изменения не могут утратить актуальность со временем, поскольку в таком случае они будут выступать исключительно в качестве конъюнктурных потребностей правящей политической элиты и выражаться в качестве средств политической борьбы. По сути, конституционная модернизация и изменение текста и сущности Основного закона не может выступать предметом поли-

тических торгов и проявлением политических амбиций.

7. Принцип научности означает, что конституционная модернизация должна основываться на научной основе с применением инструментария науки конституционного права путем широкого использования методов конституционного регулирования. Указанный принцип указывает на то, что любые изменения должны быть обоснованы так, чтобы их применение не вызывало вопросов о необходимости, целесообразности или своевременности изменений. В этом аспекте раскрывается прикладное содержание науки конституционного права, а также практическая значимость отдельных доктринальных положений конституционной модернизации.

8. Принцип программности означает, что в основе конституционной модернизации лежат определенные программы и стратегии, определяющие приоритетные цели и задачи дальнейшего развития общества и государства, пути их достижения, а также установленные для каждой цели ключевые показатели эффективности.

9. Принцип легитимности производен от всех вышеперечисленных принципов, поскольку означает, что любые конституционные изменения должны происходить с учетом действующей процедуры внесения изменений в Основной закон государства. По сути, этот принцип является формой практической реализации принципов законности, публичности, гласности и юридического равенства.

При этом, без соблюдения принципов демократии (в т.ч. принципа непосредственного волеизъявления народа, принципа сочетания непосредственной и представительной демократии и др.), справедливости, социальной направленности, сочетания интересов личности, общества и государства, приоритета прав и свобод человека и гражданина невозможно представить успешное проведение конституционной модернизации в любом демократическом и правовом государстве (каковым и является РФ). При этом, принципы проведения конституционной модернизации должны основываться не только на мировой практике, а, в первую очередь, на собственных традициях государственного строительства. Таким образом, считаем необходимым выделить, что любые конституционно-правовые преобразования происходят на основе отчетливо определенных начал и в четко определенном направлении. Это выражается через существование соответствующей системы принципов, на основе которые осуществляется конституционно-правовое регулирование, определяются пределы и объемы изменений, а также формулируются основные направления и формы проведения конституционно-правовой модернизации в государстве.

Список литературы:

1. Кисс С. В. Принцип законности как фундаментальный принцип конституционной модернизации / С. В. Кисс // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2024. – № 24. – С. 344-346.

2. От замминистра до судьи Верховного суда: главные антикоррупционные дела 2025 года // [Электронный ресурс]. – URL: https://life.ru/p/1820628

3. Гавловская, Г. В. Проблемы и тенденции в социальной сфере россии в условиях устойчивого развития / Г. В. Гавловская, Н. О. Пушкарева // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2020. – № 4-1. – С. 19-28.

4. Буткевич С. А. Предупреждение угроз ментальной безопасности: правовой, криминологический и психолого-педагогический инструментарий / С. А. Буткевич // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 2. – С. 310-322.

5. Кошкидько В. Г. От информации к взаимодействию: комплексное понимание открытости публичных органов власти / В. Г. Кошкидько, А. Н. Пугачев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2026. – № 114. – С. 110-119.

6. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229 // ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/

7. Акопджанова М. О. Воплощение принципа верховенства права в законодательстве и правоприменительной деятельности / М. О. Акопджанова // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 2 (74). –

С. 186-189.
8. Федоринова Е. А. Верховенство права как основополагающий принцип правового государства / Е. А. Федоринова // Право и государство: проблемы методологии, теории и истории : Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 10 мая 2018 года. – Краснодар: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2018. С. 277-281.
9. Булычев Е. Н. Принцип равенства и проблемы его закрепления в Конституции Российской Федерации / Е. Н. Булычев // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 2 (21). – С. 58-62.
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (в действующей редакции) // ИПО «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://base.garant.ru/10103000/?
11. Беше-Головко К. Принцип гласности в России / К. Беше-Головко // Lex Russica (Русский закон). – 2016. – № 1. – С. 90-98.
12. Авакьян С. А. Модернизация публично-политических отношений и конституционное реформирование: проблемы и перспективы / С. А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 3-6.

Kiss S. V. Principles of constitutional modernization // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 339-344.

This article examines the basic principles of constitutional modernization as fundamental guidelines determining the content and scope of political and legal reforms. The author emphasizes that the effectiveness of modernization directly depends on adherence to the principles of this process: legality, the rule of law, legal equality, publicity, transparency, objectivity, scientific rigor, programmatic character, and legitimacy. The author emphasizes that these principles should not be merely declarative, but rather require real, effective implementation mechanisms that guarantee the sustainability of constitutional development in particular and the constitutional order in general. It is noted that the legitimacy of change derives from democratic procedures and the direct expression of the will of the people, and modernization itself transforms not only the regulatory framework but also constitutional and legal doctrine.

Keywords: principles of constitutional modernization, principles of legal regulation, constitutional modernization, constitutional law, constitutional values, legality, rule of law, legitimacy, publicity, legal equality, constitutional reform.

Spisok literatury:

1. Kiss S. V. Princip zakonnosti kak fundamental`ny`j princip konstitucionnoj modernizacii / S. V. Kiss // Aktual`ny`e problemy` bor`by` s prestupleniyami i iny`mi pravonarusheniyami. – 2024. – № 24. – S. 344-346.
2. Ot zamministra do sud`i Verxovnogo suda: glavny`e antikorrupcionny`e dela 2025 goda // [E`lektronny`j resurs]. – URL: https://life.ru/p/1820628
3. Gavlovskaya, G. V. Problemy` i tendencii v social`noj sfere rossii v usloviyax ustojchivogo razvitiya / G. V. Gavlovskaya, N. O. Pushkareva // Vestnik Altajskoj akademii e`konomiki i prava. 2020. № 4-1. S. 19-28.
4. Butkevich S. A. Preduprezhdenie ugroz mental`noj bezopasnosti: pravovoj, kriminologicheskij i psixologo-pedagogicheskij instrumentarij / S. A. Butkevich // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73), № 2. – S. 310-322.
5. Koshkid`ko V. G. Ot informacii k vzaimodejstviyu: kompleksnoe ponimanie otkry`tosti publichny`x organov vlasti / V. G. Koshkid`ko, A. N. Pugachev // Gosudarstvennoe upravlenie. E`lektronny`j vestnik. – 2026. – № 114. – S. 110-119.
6. Koncepciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii : utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 marta 2023 goda № 229 // IPP «Garant.ru» [E`lektronny`j resurs]. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406543869/
7. Akopdzhanova M. O. Voploshhenie principa verxovenstva prava v zakonodatel`stve i pravoprimenitel`noj deyatel`nosti / M. O. Akopdzhanova // Administrativnoe i municipal`noe pravo. – 2014. № 2 (74). S. 186-189.
8. Fedorinova E. A. Verxovenstvo prava kak osnovopolagayushhij princip pravovogo gosudarstva / E. A. Fedorinova // Pravo i gosudarstvo: problemy` metodologii, teorii i istorii : Materialy` Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 10 maya 2018 goda. – Krasnodar: Federal`noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy`sshego professional`nogo obrazovaniya «Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii», 2018. – S. 277-281.
9. Buly`chev E. N. Princip ravenstva i problemy` ego zakrepleniya v Konstitucii Rossijskoj Federacii / E. N. Buly`chev // Evrazijskaya advokatura. – 2016. – № 2 (21). – S. 58-62.
10. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. (v dejstvuyushhej redakcii) // IPO «Garant.ru» [E`lektronny`j resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://base.garant.ru/10103000/?
11. Beshe-Golovko K. Princip glasnosti v Rossii / K. Beshe-Golovko // Lex Russica (Russkij zakon). – 2016. – № 1. – S. 90-98.
12. Avak`yan S. A. Modernizaciya publichno-politicheskix otnoshenij i konstitucionnoe reformirovanie: problemy` i perspektivy` / S. A. Avak`yan // Konstitucionnoe i municipal`noe pravo. – 2019. – № 9. – S. 3-6.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 330-337.

УДК 004.931

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ С ПОМОЩЬЮ БИОМЕТРИЧЕСКОЙ АУТЕНТИФИКАЦИИ

Кислицина И. Н., Лукьянчикова Е. Ф.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет НИУ «БелГУ»

Статья посвящена исследованию биометрической аутентификации как одного из ключевых инструментов обеспечения кибербезопасности. Проанализированы действующие нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие сферу информационной безопасности и оборота биометрических персональных данных. Рассмотрены основные понятия информационной безопасности, кибербезопасности, направления государственной политики в данной сфере. Дана детальная характеристика статических методов, основанных на врожденных признаках (аутентификация по отпечатку пальца, по радужной оболочке глаза, по сетчатке глаза, по цифровому профилю лица, по геометрии руки). Рассмотрены динамические методы, основанные на двигательных признаках (голосовая аутентификация, аутентификация по рукописному почерку). Отмечено применение комбинированных методов биометрической аутентификации. Выявлены достоинства и недостатки методов с правовой и технической точек зрения. Особое внимание уделено рискам использования биометрии, в том числе угрозам, связанным с несанкционированным сбором биометрических данных. На основании проведённого анализа сформулированы перспективы развития правового регулирования биометрической аутентификации в контексте цифровой трансформации.

***Ключевые слова*:** цифровизация, кибербезопасность, информационная безопасность, биометрическая аутентификация, биометрические персональные данные, многофакторная аутентификация, единая биометрическая система, защита информации, статические методы, динамические методы, отпечаток пальца, сетчатка глаза, радужная оболочка глаза.

Цифровизация, которая ещё в начале 2000-х воспринималась преимущественно как сугубо технический процесс, сегодня стала фундаментальной трансформацией самого устройства общества. Государственные реестры, медицинские карты, финансовые транзакции, системы голосования – всё это существует в цифровом пространстве, а значит, становится мишенью. Атаки на информационные системы перестали быть редкостью, они превратились в постоянный фоновый шум, сопровождающий любую цифровую инфраструктуру. По различным оценкам, совокупный экономический ущерб от киберпреступности в мире давно превысил триллион долларов в год, и нет оснований ожидать снижения этого показателя.

Главным слабым звеном информационной системы нередко оказывается пароль. Пароли угадывают, перехватывают, покупают в даркнете целыми базами. Физические носители – токены и смарт-карты – теряются и копируются. По данным ряда исследований, значительная часть успешных взломов корпоративных систем начинается именно с компрометации учётных данных, а не с технически сложной атаки на инфраструктуру. В этой связи возникла необходимость в дополнительных методах защиты информационных систем. Одним из таких методов выступает биометрическая аутентификация.

Вопросам обеспечения кибербезопасности с помощью биометрической аутентификации уделяли внимание И.Л. Бачило, А.М. Прудник, А.М. Ляхов, А.Н. Коваленко, М.В. Шахнова, А.Д. Веселова и другие. Однако, с быстрым внедрением цифровых технологий в повседневную жизнь актуальность обеспечения безопасности компьютерной информации только возрастает.

Целью исследования является изучение и анализ методов биометрической аутентификации с учетом нормативно-правового регулирования этой сферы, определения угроз, связанных с использованием систем биометрической аутентификации и перспективных направлений развития правового регулирования биометрической аутентифика-

ции в контексте цифровой трансформации.

При проведении исследования были использованы различные методы познания. Так, в целях изучения понятий, методов биометрической аутентификации применялся сравнительный анализ, познанию правовой основы обеспечения кибербезопасности способствовал формально-юридический метод.

Нормативно-правовая основа обеспечения кибербезопасности и регулирования биометрических данных. Отечественное законодательство в сфере кибербезопасности и биометрии складывалось постепенно. Ряд норм принимался в ответ на конкретные инциденты или под давлением международных обязательств; некоторые положения по-прежнему существуют в разных актах без достаточной координации между собой. Тем не менее к сегодняшнему дню сложилась многоуровневая система правового регулирования, которую важно понимать в её совокупности.

Конституционный фундамент образуют ст. 23 и 24 Конституции Российской Федерации [1]. Ст. 23 закрепляет право каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; ст. 24 прямо запрещает сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия. Применительно к биометрии эти нормы приобретают особое значение: биометрические данные представляют собой саму личность в её оцифрованном измерении, и обращение с ними без согласия субъекта есть прямое посягательство на конституционно защищённые права.

На законодательном уровне центральное место занимает Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Этот акт устанавливает базовые принципы работы с информацией, требования к её защите, разграничивает открытую и закрытую информацию [2].

Специальное регулирование персональных данных, включая биометрические, сосредоточено в Федеральном законе от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Ст. 11 этого закона устанавливает, что биометрические персональные данные, то есть сведения, позволяющие установить личность на основе физиологических и биологических характеристик, могут обрабатываться исключительно при наличии письменного согласия субъекта [3], причём из этого правила допускается весьма ограниченный круг исключений.

Стратегическое измерение государственной политики в сфере информационной безопасности задаёт Доктрина информационной безопасности РФ, утверждённая Указом Президента РФ от 5.12.2016 г. № 646. Примечательно, что Доктрина оперирует понятием «информационная безопасность» в принципиально широком смысле: это не только защита от технических атак, но и охрана от информационно-психологического воздействия, угроз суверенитету в информационном пространстве [4]. Для правоприменителя это означает, что вопросы биометрической защиты вписаны в политику государственной безопасности, а не просто технической защиты данных.

Стратегия развития информационного общества в РФ на 2017–2030 гг. (утв. Указом Президента от 9.05.2017 г. № 203) ставит задачу создания безопасной цифровой среды как одного из условий развития цифровой экономики [5]. В этом контексте надёжная идентификация и аутентификация пользователей – не просто техническая опция, а элемент государственной стратегии.

Принципиально важным шагом в регулировании биометрии стал Федеральный закон от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» [6]. В результате была законодательно закреплена Единая биометрическая система (ЕБС), определён перечень организаций, уполномоченных на сбор биометрии, установлен прямой запрет на локальное хранение биометрических данных вне ЕБС.

Федеральный закон от 26.07.2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» регулирует отношения в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры РФ в целях ее устойчивого функционирования при проведении в отношении ее компьютерных атак [7].

Однако, действующие нормы не содержат единых технических стандартов для биометрических шаблонов – что именно должно храниться, в каком формате, с применением каких алгоритмов шифрования. Вопрос об ответственности операторов за утечку биометрических данных урегулирован в общем виде (через нормы о персональных данных), без учёта принципиальной специфики биометрии – ее незаменимости. Трансграничная передача биометрических данных также остаётся в «серой зоне». Всё это определяет новые вызовы для законодателя, которые, с учётом темпов технологического развития, не терпят длительного откладывания.

Понятие и содержание кибербезопасности. В законодательстве и научной литературе используются два близких, но нетождественных понятия - «информационная безопасность» и «кибербезопасность», и их смешение нередко порождает путаницу.

Информационная безопасность – понятие более широкое. Оно охватывает защиту информации в любом виде и по любым каналам, включая физические документы, устную речь, психологическое воздействие. Под информационной безопасностью предлагается понимать состояние защищенности национальных интересов страны (жизненно важных интересов личности, общества и государства на сбалансированной основе) в информационной сфере от внутренних и внешних угроз [8].

Кибербезопасность – понятие более узкое и конкретное. Здесь речь идёт о защите цифровых данных, программных систем и сетевой инфраструктуры от несанкционированного доступа, разрушения или модификации.

В профессиональном сообществе принято описывать цели кибербезопасности через так называемую триаду CIA, включающую три свойства, которыми должна обладать защищённая информация:

– конфиденциальность. Это подразумевает, что данные доступны только тем, кому это разрешено, и никому более;

– целостность. Это означает, что данные не могут быть изменены, подделаны или уничтожены без ведома и согласия правообладателя;

– доступность. Это свойство определяется тем, что законные пользователи могут получить доступ к данным тогда, когда им это нужно, без задержек и отказов.

Биометрическая аутентификация работает прежде всего на обеспечение первого свойства: она призвана гарантировать, что доступ к системе получает только тот, кто на это уполномочен, и именно тот человек, а не кто-либо другой.

Биометрическая аутентификация и идентификация: соотношение понятий, принципы работы. Термин «биометрия» образован от греческих слов bios (жизнь) и metreo (измеряю) — дословно «измерение живого». Применительно к кибербезопасности под биометрической аутентификацией понимается процесс верификации личности на основании уникальных физиологических или поведенческих характеристик человека [9]. Не нужно ничего знать и ничего иметь при себе – достаточно быть собой. Именно это свойство делает биометрию принципиально иным классом аутентификации по сравнению с паролями.

В отличии от аутентификации идентификация в информационном поле отвечает на вопрос «Кто это» или «Что это?» и подразумевает под собой определение (распознавание) личности, объекта по какому-либо признаку. Этот признак должен обладать свойством уникальности. Например, только имя не может быть идентификатором, так как у

многих людей одинаковые имена. Но имя в сочетании с фамилией, отчеством, годом рождения, номером ИНН, СНИЛС будет являться идентификационным признаком. В свою очередь, криминалистика определяет, что идентификация – это отождествление объекта самому себе в разные периоды времени и в разных его состояниях. Криминалистическое учение об идентификации говорит о таких свойствах объектов, как индивидуальность, устойчивость и неизменяемость (например, папиллярный узор на ногтевых фалангах пальцев рук, признаки внешности, признаки голоса и др.). Суть криминалистической идентификации в сравнении одного признака (объекта, личности) со многими, имеющимися в базе данных (системе). Положения теории криминалистической идентификации о свойствах идентификационных признаках позволяют определить идентификаторы для целей аутентификации в компьютерном пространстве. Такими идентификаторами могут быть комбинации цифр или букв, штрих-коды или QR-коды, физические (биометрические) признаки – отпечаток пальца, голос, походка, лицо.

Аутентификация, в отличии от идентификации, отвечает на вопрос «Что у тебя есть, чтобы подтвердить идентификатор» и подразумевает подтверждение полученной информации на предыдущем этапе – идентификации. Идентификация и аутентификация – это два взаимосвязанных, неотделимых друг от друга, этапа распознавания пользователя. Идентификация обязательно предшествует аутентификации. Так, пользователь вводит пароль – это идентификация, затем система запрашивает кодовое слово, электронная подпись, отпечаток пальца – это процесс аутентификации. Технически процедура аутентификации состоит из 2-х этапов: сначала – регистрация, в ходе которой система считывает биометрические данные пользователя, преобразует их в математическое описание (шаблон) и сохраняет. При последующих обращениях вновь считанный образец сравнивается с шаблоном в режиме «один к одному» (1:1). Этот процесс получил название – верификация, суть которой заключается в том, что система проверяет, совпадает ли предъявленный образец с шаблоном конкретного пользователя. Режим «один ко многим» (1:N) – это идентификация: система ищет совпадение среди всей базы зарегистрированных пользователей [9].

Методы биометрической аутентификации. Биометрические технологии аутентификации можно разделить на две большие категории методов: физиологические и психологические. Физиологические основаны на статических характеристиках человека, данных ему от рождения. Психологические методы используют динамические черты, которые основываются на поведенческой (динамической) характеристике человека [10].

Статические методы биометрической аутентификации. Статические методы – это методы, опирающиеся на физиологию. Здесь используются такие характеристики, которые закладываются генетически, формируются до рождения и, как правило, не меняются на протяжении всей жизни. Здесь существенным является положение о том, что чем стабильнее признак, тем надёжнее он как идентификатор.

Среди статических методов по распространенности из всех биометрических методов первое место занимает аутентификация по отпечаткам пальцев. Метод дактилоскопирования и идентификации по отпечаткам пальцев известен более ста лет, достаточно изучен и является самым доступным для реализации. Основой метода является уникальность папиллярных узоров, выражающаяся в индивидуальности, устойчивости и неизменяемости на протяжении всей жизни. В процессе аутентификации сканер считывает отпечаток, алгоритм выделяет характерные точки и строит цифровой профиль, который сравнивается с эталоном. При этом, наличие пореза, ожога, мокрая или сухая кожа, генетическое нарушение кожных покровов, отсутствие папиллярных узоров приводят к системным ошибкам. В таких случаях дактилоскопическая аутентификация

становится невозможной. Кроме того, отпечаток пальца можно подделать и, в случае использования малочувствительных сенсоров, система может его не распознать.

Несколько иначе обстоит дело с аутентификацией по радужной оболочке глаза. Этот метод считается одним из самых точных среди всех биометрических технологий: рисунок радужки складывается ещё во внутриутробном периоде, не претерпевает изменений на протяжении всей жизни человека и настолько сложен по структуре, что допускает выделение порядка 200 опорных точек для сравнения. При этом лучшие дактилоскопические системы работают с 60–70 точками. Съёмка производится инфракрасной камерой, причём пользователь практически не замечает самого процесса: никакого яркого света, никакого физического контакта. Именно это выгодно отличает метод от сканирования сетчатки. Вместе с тем оборудование стоит дороже, чем сканеры отпечатков, а у ряда пациентов с глаукомой или катарактой система периодически отказывает в распознавании, что создаёт вполне реальные неудобства и потенциальные правовые коллизии для таких пользователей.

Аутентификация по сетчатке глаза признается наиболее защищённым из применяемых методов, хотя в повседневной жизни он практически не встречается. Уникальность рисунка кровеносных сосудов глазного дна была доказана ещё в 1950-х годах, а саму технологию уже несколько десятилетий используют на объектах, где требования к безопасности заведомо выше любых коммерческих стандартов: ядерные установки, военные командные пункты, хранилища государственных секретов. Инфракрасное излучение низкой интенсивности направляется через зрачок, и выделенные несколько сотен характерных точек записываются в шаблон. Фальсифицировать такой шаблон крайне затруднительно – в том числе потому, что сетчатка быстро деградирует после биологической смерти, и воспользоваться ею постфактум злоумышленник не сможет. В процессе аутентификации человек должен несколько секунд неподвижно смотреть в специальный окуляр, что многие воспринимают неприятно. Кроме того, ряд офтальмологических заболеваний делает процедуру невозможной. Данный метод не годится и для банкоматов или турникетов.

Распознавание лица занимает сегодня самое заметное место в публичном пространстве. Этот метод чаще всего упоминается в средствах массовой информации, вызывает споры об этике слежки и одновременно используется в смартфонах, камерах видеонаблюдения, банках. Метод основан на построении цифрового профиля лица путем выделения определенных характерных элементов: расстояния между уголками глаз, ширину переносицы, контур скул. За счет того, что в построении цифрового профиля лица используется до 80 элементов и трехмерное проецирование, данный метод позволяет определить фотографию вместо живого лица. Однако, в условиях масочного режима или при плохом освещении ошибки распознавания могут быть допущены. Также, использование систем распознавания лиц в публичных местах без информирования граждан прямо противоречит требованиям Федерального закона № 152-ФЗ о письменном согласии субъекта

Аутентификация по геометрии руки является наиболее известных методов. Коммерческие системы на этой основе появились ещё в начале 1970-х, то есть задолго до того, как биометрия стала модной темой. Сканер строит трёхмерную модель кисти по нескольким параметрам: длина и толщина пальцев, расстояния между суставами, рельеф тыльной поверхности. Метод нетребователен к чистоте рук, не зависит от температуры и влажности, что делает его привлекательным для производственных предприятий, где дактилоскопия попросту не работает. При этом, недостатком этого метода признается относительно невысокая уникальность геометрии кисти по сравнению с отпечатком или радужкой. Однако, совместное использование нескольких параметров уменьшают

эту проблему.

Динамические методы биометрической аутентификации. Если статические методы опираются на то, что человек получает от природы раз и навсегда, то динамические – на то, как он действует. Поведенческие действия кажутся менее надёжным основанием для идентификации, однако это не совсем так: подсознательные двигательные привычки весьма устойчивы и воспроизводятся с достаточной степенью постоянства. Другое дело, что они всё же зависят от текущего состояния человека – отсюда и специфические ограничения каждого из методов. Сегодня самыми распространенными динамическими методами биометрической аутентификации являются голосовая аутентификация, аутентификация по рукописному почерку.

Голосовая аутентификация привлекает прежде всего своей доступностью: микрофон и звуковая плата есть в любом компьютере и смартфоне, никакого специализированного железа не нужно. Система строит шаблон из частотных, тембральных и статистических характеристик речи и при каждом обращении сверяет с ним новый образец. Банки активно используют эту технологию в колл-центрах, когда звонящий произносит контрольную фразу, и оператор уже через несколько секунд видит на экране подтверждение личности клиента. Но проблема в том, что человеческий голос куда менее стабилен, чем отпечаток пальца: простуда, стресс, возраст, даже настроение заметно меняют его. Вероятность ложного отказа у данного метода ощутимо выше, чем у статических аналогов. А вероятность ложного допуска, по разным оценкам, составляет порядка 1% - для систем низкого и среднего уровня секретности — это терпимо, для высокозащищённых объектов категорически нет.

Аутентификация по рукописному почерку интересна тем, что система проверяет не изображение подписи, а процесс её создания. Скорость движения пера, характер нажима в разных точках, угол наклона, паузы между штрихами записывается чувствительной поверхностью или специальной ручкой и формирует динамический профиль подписи, скопировать который несравнимо сложнее, чем просто воспроизвести её графическое изображение. Данный метод возможно применять при оформлении договоров, банковских документов, нотариальных актов. Однако, существенным недостатком аутентификации лица по рукописному почерку является то, что почерк нестабилен. Так, у человека, подписывающего документ в состоянии усталости или болезни, могут измениться элементы профиля подписи, что делает невозможным подтверждения личности подписывающего.

Наряду с уже используемыми методами, для аутентификации предлагается использовать клавиатурный почерк. Суть этого метода в том, что каждый человек нажимает клавиши по-своему: у одних характерная задержка перед заглавными буквами, у других – специфический ритм при вводе часто используемых сочетаний. Эти движения поддаются формализации и могут использоваться для так называемой непрерывной аутентификации, когда система не просит пользователя специально «предъявить» биометрию, а тихо наблюдает за ним на протяжении всей рабочей сессии. Если клавиатурный ритм вдруг резко изменился, значит, за компьютером, возможно, сидит другой человек, и система об этом сообщает.

Комбинированные (мультимодальные) системы. Следует учитывать, что ни один из рассмотренных выше методов не является идеальным, у каждого есть слабые места. Именно это и породило мультимодальные системы, объединяющие несколько биометрических методов в рамках одного решения. Так, злоумышленнику одновременно подделать отпечаток пальца, голос и геометрию лица несравнимо сложнее, чем что-то одно. Поэтому, на современных международных пограничных пунктах пропуска, как правило, применяется именно комбинированный подход, т.е, сканирование лица сов-

мещается с дактилоскопией, а в биометрических паспортах хранятся оба типа данных.

Кроме того, биометрия не должна существовать в изоляции от других защитных механизмов. Многофакторная аутентификация (MFA) строится на принципе, что каждый фактор проверяет разную «категорию»: пароль, PIN; токен, смарт-карта и биометрический признак. Когда все категории задействованы, взломать систему становится принципиально труднее – даже если один из факторов скомпрометирован, двух оставшихся злоумышленнику не хватит. Именно многофакторная аутентификация с биометрическим компонентом сегодня рекомендована для защиты корпоративных данных.

Вызовы и перспективы развития биометрической аутентификации. С повсеместным внедрением и использованием систем биометрической аутентификации возникают некоторые риски и угрозы, влияющие обеспечение сохранности и безопасности информации. К таким рискам и угрозам можно отнести: фальсификацию биометрических данных, с помощью которой, используя поддельный отпечаток пальца, запись голоса (в том числе и сгенерированного ИИ), маску и т.д., возможно пройти аутентификацию; кражу биометрических данных в момент передачи, например, через фотографии, аудиозаписи; мошенничество путем выманивания у жертв изображения их лица для подтверждения личности; нарушения порядка регистрации биометрических данных, их хранения со стороны специалистов, в обязанности которых входит сбор, регистрация и хранение таких данных; кибератаки на серверы и станции, используемые для сбора, обработки и хранения биометрических данных.

Еще одним фактором риска для использования биометрической идентификации является человеческий фактор. Несмотря на технические меры защиты, угрозы могут возникать из-за ошибок сотрудников или недостаточного контроля.

Перспективными направлениями в биометрической аутентификации можно назвать аутентификацию по венозному рисунку ладони, которая внедряется в банковских и медицинских учреждениях. Параллельно назрела необходимость в разработке механизмов «отзываемой биометрии». Суть этой идеи состоит в том, чтобы хранить не сам биометрический образец, а его намеренно трансформированный математический аналог, такой, который не позволяет восстановить исходные данные, но при взломе может быть отозван и заменён новым преобразованием тех же данных. Таким образом, кибербезопасность направлена на защиту цифровых данных, программных систем и сетевой инфраструктуры от несанкционированного доступа, разрушения или модификации. Одним из способов защиты является биометрическая аутентификация. Биометрическая аутентификация – это процесс верификации личности на основании уникальных физиологических или поведенческих характеристик человека. Методы биометрической аутентификации могут использоваться как самостоятельно, так и комбинировано. Однако, для обеспечения высокого уровня кибербезопасности с помощью биометрической аутентификации необходимо учитывать возникающие угрозы и риски и своевременно принимать правовые организационные, технические меры.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Российская газета. – 2020. – № 144.

2. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.

3. О персональных данных : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.

4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. – № 50. – Ст. 7074.

5. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : утв. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // СПС «Консультант плюс» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216363&cacheid=58507AE616383D59A1

076185B03ECFB8&mode=splus&rnd=ADmUtAVRKMTxILld#hnavwFVMFj5Vaaj9
6. «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» : Федеральный закон от 29.12.2022 № 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СПС «Консультант плюс» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=494999&cacheid=5C428AF205C2E27EE08799AE4F45A698&mode=splus&rnd=ADmUtAVRKMTxILld#BWTswFVFx85FNywA (дата обращения: 04.20.2026)
7. О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации : Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31. – Ст. 4736.
8. Бачило И. Л. Информационное право : учебник для вузов / И. Л. Бачило. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2026. — 419 с.
9. Прудник А.М. Биометрические методы защиты информации : учеб-метод. пособие / А.М. Прудник, Г.А. Власова, Я.В. Рощупкин. – Минск : БГУИР, 2014. – 123 с.
10. Шаров В. Биометрические методы компьютерной безопасности // URL: https://bytemag.ru/biiometriicheskiie-metodie-komputernoji-bezopasnostii-1046/ (дата обращения: 04.20.2026).

Kislitsina I. N., Lukyanchikova E.F Cybersecurity enforcement through biometric authentication // // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 330-337

This article explores biometric authentication as a key tool for ensuring cybersecurity. It analyzes current Russian legislation governing information security and the circulation of biometric personal data. It examines the key concepts of information security, cybersecurity, and public policy in this area. It provides a detailed description of static methods based on innate characteristics (fingerprint, iris, retina, digital facial profile, and hand geometry authentication). Dynamic methods based on motor characteristics (voice authentication, handwriting authentication) are also considered. The use of combined biometric authentication methods is highlighted. The advantages and disadvantages of these methods are identified from a legal and technical perspective. Particular attention is paid to the risks of using biometrics, including threats associated with deepfake technologies and the unauthorized collection of biometric data. Based on the conducted analysis, prospects for the development of legal regulation of biometric authentication in the context of digital transformation are formulated..

Keywords: digitalization, cybersecurity, information security, biometric authentication, biometric personal data, multi-factor authentication, unified biometric system, information protection, static methods, dynamic methods, fingerprint, retina of the eye, iris.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii : prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12 dekabrya 1993 g. (s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiyskogo golosovaniya 1 iyulya 2020 g.) // Rossiyskaya gazeta. – 2020. – № 144.
2. Ob informatsii, informatsionnykh tekhnologiyakh i o zashchite informatsii : Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 149-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva RF. – 2006. – № 31. – St. 3448.
3. O personal'nykh dannykh : Federal'nyy zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva RF. – 2006. – № 31. – St. 3451.
4. Doktrina informatsionnoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii : utv. Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 5 dekabrya 2016 g. № 646 // Sobraniye zakonodatel'stva RF. – 2016. – № 50. – St. 7074.
5. Strategiya razvitiya informatsionnogo obshchestva v Rossiyskoy Federatsii na 2017–2030 gody : utv. Ukazom Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 9 maya 2017 g. № 203 // SPS «Konsul'tant plyus» URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=216363&cacheid=58507AE616383D59A1076185B03ECFB8&mode=splus&rnd=ADmUtAVRKMTxILld#hnavwFVMFj5Vaaj9 (data obrashcheniya: 05.04.2026).
6. «Ob osushchestvlenii identifikatsii i (ili) autentifikatsii fizicheskikh lits s ispol'zovaniyem biometricheskikh personal'nykh dannykh, o vnesenii izmeneniy v otdel'nyye zakonodatel'nyye akty Rossiyskoy Federatsii i priznanii utrativshimi silu otdel'nykh polozheniy zakonodatel'nykh aktov Rossiyskoy Federatsii» Federal'nyy zakon ot 29.12.2022 № 572-FZ (red. ot 28.12.2024) // SPS «Konsul'tant plyus URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=494999&cacheid=5C428AF205C2E27EE08799AE4F45A698&mode=splus&rnd=ADmUtAVRKMTxILld#BWTswFVFx85FNywA (data obrashcheniya: 05.04.2026).
7. O bezopasnosti kriticheskoy informatsionnoy infrastruktury Rossiyskoy Federatsii : Federal'nyy zakon ot 26 iyulya 2017 g. № 187-FZ // Sobraniye zakonodatel'stva RF. – 2017. – № 31. – St. 4736.
8. Bachilo I. L. Informatsionnoye pravo : uchebnik dlya vuzov / I. L. Bachilo. — 5-ye izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo Yurayt, 2026. — 419 s.
9. Prudnik A.M. Biometricheskiye metody zashchity informatsii : ucheb-metod. posobiye / A.M. Prudnik, G.A. Vlasova, YA.V. Roshchupkin. – Minsk : BGUIR, 2014. – 123 s.
10. Sharov V. Biometricheskiye metody komp'yuternoy bezopasnosti URL: https:// bytemag.ru/biiometriicheskiie-metodie-komputernoji-bezopasnostii-1046/ (data obrashcheniya: 05.04.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 338-346.

УДК 342.7

ОТ СОСЛОВНЫХ ПРИВИЛЕГИЙ К КОНСТИТУЦИОННЫМ ГАРАНТИЯМ: ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В РОССИИ (XVIII-начало XXI вв.)

Киян М. Ш., Хутько Т. В.

КрФ ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

В статье представлен анализ формирования законодательной базы, отражающей эволюционный процесс представлений о правах человека в России в исторический период XVIII-начала XXI вв. Авторами исследованы ключевые нормативные правовые акты, в которых закреплены базовые основы института прав и свобод человека в России. Показан анализ прав человека не как статический набор норм, а как динамичный процесс, обусловленный социокультурными и политическими факторами. Исследование позволило проследить трансформацию института прав человека в России: от жесткой сословной системы, характерной для имперского периода, до современной модели конституционных гарантий. Установлено, что его содержание и форма менялись в зависимости от политического строя, идеологии и социально-экономических условий. Отмечается декларативный характер института прав человека в советский период, присутствует критический анализ прошлого с целью предотвращения ошибок в будущем. Особое внимание уделяется постсоветскому периоду и Конституции РФ 1993 г., провозгласившей приоритет прав и свобод человека. Обоснован вывод о сложном пути формирования баланса между индивидуальными правами и общественными интересами, преемственности правовых традиций в развития института прав и свобод человека в Конституции РФ 1993 г. Предложена авторская периодизация, преодолевающая разрыв между дореволюционным, советским и постсоветским этапами.

Ключевые слова: абсолютизм, общество, государство, институт прав и свобод человека, Советское государство, советские конституции, Конституция РФ 1993 г.

Эволюция прав человека в России - сложный и динамичный процесс, охватывающий столетия и отражающий уникальную историческую, политическую и культурную траекторию развития нашей страны. Он позволяет понять исторические корни и пути развития концепций прав человека в России, выявить преемственность и различия в их становлении и реализации, а также оценить влияние прошлого на современность. Изучение того, как права и свободы трактовались и обеспечивались государством на разных этапах его развития, представляет возможность извлечь ценные уроки для осмысления современного состояния и перспектив развития института прав человека в России. В связи с этим ретроспективный анализ становления и развития представлений о правах человека на разных исторических этапах актуален, так как он представляет возможность выявить системные проблемы в полноценной реализации прав и свобод человека в современной России. Исследование эволюции понятий прав и свобод позволяет раскрыть не только их юридическую сущность, но и понять происходящую трансформацию в социально-политической структуре российского общества. В Российской империи институт прав человека формировался на основе дифференцированного подхода: права и обязанности подданных напрямую зависели от принадлежности лица к определенному сословию. Дворяне и высокопоставленные чины духовенства как представители высшего сословия российского общества были наделены значительными привилегиями, в то время как основная масса населения была лишена основных прав и свобод.

Под влиянием реформ Петра I в XVIII в. социальная и политическая структура России претерпела значительные изменения. С принятием «Табели о рангах» 1722 г. введена новая система чинов и должностей, юридически оформившая статус правящего сословия [1, с. 17]. Был оформлен новый общественный строй, основанный на сословном принципе и идее регулярного государства, что окончательно закрепило переход к абсолютизму и направило Россию на путь европейской модернизации.

Созданные государственные и социальные институты оказали глубокое влияние на формирование системы ценностей российского народа, в которой приоритет отводился служению Отечеству, а коллективные интересы доминировали над индивидуальными свободами. Государство ассоциировалось как источник всех прав и свобод, которые могли быть дарованы или отняты монархом. Права не признавались естественными и неотчуждаемыми, а делегировались монархом определенным категориям населения. Правоприменение в этот период было направлено на укрепление государственного аппарата, где личность рассматривалась как объект попечения или подданства, а не субъект права. Это обусловило специфическую модель отношений между личностью и властью, которая сохранилась в России вплоть до буржуазных революций начала XX в.

Манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» (далее Манифест), подписанный императором Петром III 18.02.1762 г., стал важным законодательным актом, изменившим положение правящего класса - дворянства России в XVIII в. Он освободил дворян от прежней обязательной государственной и военной службы, введённой Петром I, и провозгласил эту службу почётным долгом, который они могли исполнять по собственному желанию. Ранее же дворяне были обязаны неукоснительно нести службу государству, что являлось базовым условием их сословного статуса и привилегий. После принятия Манифеста дворяне получили право выходить в отставку, за исключением военного времени (и трёх месяцев, предшествующих началу военных действий), а также возможность раннего ухода со службы (при условии не менее двенадцатилетней службы для тех, кто не имел офицерского звания) [2].Манифест предоставил право дворянам свободно выезжать за границу, что позволило им учиться, путешествовать и даже поступать на службу в иностранных государствах, сохраняя при этом свой воинский чин по возвращении в Россию. Это явилось достаточно прогрессивным для XVIII в. и отразило тенденции к расширению личной свободы дворян. Однако, Манифест обязывал дворян возвращаться на родину в случае призыва правительства (под угрозой в случае неповиновения конфискации имущества) что сохраняло связь дворянского сословия с государственными интересами и подчинённость государству в исключительных обстоятельствах [2].

Таким образом, Манифест 1762 г. внес кардинальные изменения в представления о правах и свободах в русской системе права, заложив «жалованный» характер прав для привилегированных слоёв общества. В 1785 г. положения Манифеста были подтверждены Екатериной II в Жалованной грамоте дворянству (далее - Грамота), которая закрепила все составляющие правового статуса дворянского сословия: право на благородное дворянское достоинство и честь, на неприкосновенность личности, проявившееся в запрете применения к дворянам телесных наказаний, на свободу передвижения, на выезд в «чужие краи», выход в отставку с государственной службы, неприкосновенность имения, выразившееся в запрете конфискации его даже по «важнейшему преступлению» (ст. ст. 2-5, 15, 19, 18, 23, 20) [3]. Грамота обеспечила долговременный характер прав и обязанностей привилегированного сословия в России. Эти прогрессивные преобразования в правовом статусе дворян резко контрастировали на фоне усиления крепостного права, что объективно отражало социальное неравенство между привилегированным сословием и абсолютно зависимым большинством населения, чьи права были серьёзно ограничены. При этом императрица утверждала, что одной из главных целей самодержавия является внедрение в подданных «разума вольности», достижение всеобщего блага и благосостояния подданных всех сословий. Однако, издаваемые ею законы закрепляли всевластие дворян и полное бесправие крестьянства. Вместе с тем, ряд представителей общественно-политической мысли

XVIII в. (С. Десницкий, И. Третьяков, Н. Новиков, А. Радищев и др.) рассматривали феодально-абсолютистский строй с его крепостным правом, крепостническими учреждениями, сословными правами и привилегиями как грубое нарушение естественного права. Оценивая с позиций рационализма существующие в обществе законы, мораль, религию, они показывали их «неразумность», их антинародный, противоречивый естественному праву характер. Все это превращало просветительство XVIII в. в идеологическую подготовку буржуазной революции [4]. Такая двойственность правового регулирования прав и свобод характеризовала российское общество на протяжении XVIII в., где личная свобода привилегированного сословия дворянства гарантировалась усилением зависимости и полного бесправия других слоёв населения. Сложившаяся специфика правового регулирования прав и свобод стала доминантой в представлениях о правоспособности и правосубъектности человека, а XVIII в. можно считать отправной базой для понимания свободы и оформления правового статуса личности в российском государстве.

В начале XIX в., когда в России появились первые проекты отмены крепостного права и введения парламентаризма, у прогрессивной части общества стали складываться воззрения о необходимости защиты прав людей, что показало растущее общественное внимание к проблеме прав человека как фундаментальной основы отражения легитимности государственной власти [5, с. 61]. Восстание декабристов 1825 г. стало одним из наиболее ярких примеров попытки изменить политическую систему России, установив справедливость и равенство на принципах конституционно-правового государства. Вместе с тем, в 10-м томе Свода законов Российской империи (введен в действие с 1.01.1835 г.) крепостные крестьяне причислялись к движимому имуществу помещиков и были полностью бесправны [6, с. 39], т.е. ни о каких правах человека в отношении крепостных не было и речи.

Рассматривая эволюцию законодательного оформления становления и развития представлений о правах человека в России, нельзя не сказать о реформах второй половины XIX в., значительно расширивших спектр прав населения. Крестьянская реформа 1861 г. формально способствовала уравнению крестьян в правах со всеми другими членами общества, предоставила всем крестьянам право свободно вступать в брак; заниматься торговлей и предпринимательством; основывать торговые и ремесленные заведения, создавать фабрики; переходить в другие сословия (купеческие гильдии и ремесленные цехи); заключать договора и обязательства; поступать в учебные заведения, на гражданскую или военную службу; участвовать в органах самоуправления и занимать общественные должности; иметь равные права наравне с другими сословиями в суде [6, с. 111, 113]. Земская 1864 г. и Городская 1870 г. реформы учреждали органы местного самоуправления, в формировании и работе которых участвовали представители всех сословий на основе принципа выборности.

С проведением Судебной реформы 1864 г. в России начался процесс утверждения законности, построения гражданского общества и правового государства. Основной целью реформы являлось «создание института судебной охраны прав поданных для их комфортного проживания в России» [7, с. 193], для чего ставилась задача «водворить в России суд скорый, правый, милостивый, и равный для всех поданных …, возвысить судебную власть, дать ей настоящую самостоятельность и вообще утвердить в народе нашем то уважение к Закону, без которого невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем действий всех и каждого, от высшего до низшего» [8]. Судебные Уставы 1864 г. впервые учреждали демократические принципы правосудия, которые были призваны обеспечить защиту прав и свобод подданных: вводились институты мировых судей, присяжных заседателей, адвокатуры.

Впервые устанавливался механизм защиты права человека посредством открытого судебного заседания, основанного на принципах состязательности и равенстве сторон.

В начале XX в. попытки ограничения абсолютной власти монарха и введения конституционных норм по вопросам гражданского равенства, гражданских прав и свобод нашли отражение в ряде документов и политических инициативах правительства (созыв первого парламента России - Государственной Думы). Манифест 17.05.1905 г. (далее – Манифест), документ конституционный по форме и содержанию, ввёл институциональные ограничения монархии и даровал «населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов» [9, с. 217]. Обратим внимание, что с юридической точки зрения это означало переход от системы «дарованных» привилегий к признанию естественных прав человека. Государственная Дума I и II созывов сыграла решающую роль в попытке превратить декларативные обещания Манифеста в работающие юридические механизмы. Во исполнение положений Манифеста депутаты Государственной Думы I созыва разработали ряд законопроектов: об амнистии, об отмене смертной казни, о неприкосновенности личности, проект основных законов о гражданском равенстве (о всеобщем равном и прямом избирательном праве, о женском равноправии, о неравноправии наций и сословном неравенстве, свободе совести, печати, союзов и собраний) [10, с. 108-109,112 - 114]. Несмотря на то, что большинство законопроектов не стали законами, их разработка и обсуждение способствовали развитию политического сознания широких слоев населения Российской империи. Выступления в Думе депутатов П.И. Новгородцева, М.М. Ковалевского способствовали формированию концепции «субъективного публичного права», суть которой заключалась в том, что права человека - это не просто самоограничение государства, а юридическое притязание гражданина к власти. Это был фундаментальный сдвиг в эволюции института прав человека в России: подданный превращался в гражданина, наделенного правовой автономией. Законотворческая деятельность 1906 - 1907 гг. способствовала формированию антропоцентричного подхода в праве. Если ранее закон защищал, прежде всего, интересы «престола и Отечества», то думские дискуссии вывели на первый план интересы индивида. Несмотря на временность и ограниченность думских нововведений, они стали важным этапом развития правовой мысли и послужили основой для современных конституционных принципов защиты прав человека.

В результате Октябрьской революции 1917 г. был установлен политический режим советской власти, радикально изменивший основные демократические составляющие идей о правах человека в России.

Революционные преобразования и провозглашение прав трудящихся нашли свое юридическое оформление в Конституция РСФСР 1918 г., впервые закрепившей базовые принципы социалистического строя и правопорядка в послереволюционной России, основные права и свободы трудящихся. В числе основных выделим: право на участие в управлении государственными и общественными делами, право на образование, социальное и политическое равноправие, избирательное право, свобода слова, печати, свобода собраний, митингов, демонстраций, свобода совести (ст. ст. 7, 16, 17, 20, 23, 25, 64, 66, 14, 15, 13) [9, с.214]. При этом, Конституция 1918 г. защищала исключительно интересы рабочих и крестьян, объективно лишая часть населения избирательных прав (ст. 65) [11]. Введенный советской властью институт лишения избирательных прав использовался в качестве превентивной меры для защиты революции, будучи направленным на противников «диктатуры пролетариата», долгие годы (отменен Конституцией СССР 1936 г.) служил инструментом определения

«классовых врагов» [12, с. 122, 137].

Широкие права и свободы советским гражданам предоставила Конституция СССР 1936 г. В отличие от Конституции РСФСР 1918 г. в ней впервые провозглашалось всеобщее, равное избирательное право при тайном голосовании, право на труд, право на отдых, на охрану здоровья, на социальное обеспечение, право личной собственности, неприкосновенность личности, неприкосновенность жилья, тайна переписки, право на референдум (ст. ст. 10,49, 118,119,120, 127,128).

Важнейшим политико-правовым документом, закрепившим основы социалистического общественного строя и формализовавшим права и обязанности граждан в рамках функционирующего государства «развитого социализма», стала Конституция СССР 1977 г. Особое место в ней заняли положения о взаимоотношениях между государством и личностью, равноправии граждан, основных правах, свободах граждан СССР (Раздел II Государство и личность). По Конституции СССР 1977 г. советские граждане впервые получили право на жилище, свободу научного, технического и художественного творчества (ст. 46, 44), право на судебную защиту от посягательств на честь и достоинство, жизнь и здоровье, на личную свободу и имущество (ст. 57), а также допускалось право граждан критиковать деятельность государственных органов и общественных организаций (ст. 49) [13]. В контексте трансформации юридических подходов и формирования нового понимания личности в государстве, эта Конституция сыграла двойственную роль. С одной стороны, она формально расширила перечень прав и свобод граждан. Это создавало видимость прогрессивного развития правовой системы и приближения к международным стандартам в области прав человека, что было важно в условиях «разрядки» международной напряженности. Однако, эти права часто носили декларативный характер и были ограничены принципом «интересов общества» и «социалистической законности», так как ст. 6. Конституции СССР 1977 г. закрепляла роль Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) как «руководящей и направляющей силы советского общества, ядра его политической системы». Это фактически означало подчинение всех государственных и общественных институтов, включая правовую систему, идеологическому контролю партии. Понимание личности в государстве оставалось коллективистским, где интересы индивида подчинялись интересам общества и государства, а права и свободы рассматривались как дарованные государством и реализуемые в рамках социалистического строя.

Подчеркнем, что в отличие от дореволюционного периода России, все советские конституции представляли права человека не как сословные привилегии, а как социально гарантированные права, тесно связанные с коллективистской идеологией социализма. Эти права представлялись как неотъемлемые элементы обеспечения социальной справедливости и равенства граждан. Государство при этом рассматривалось как главный субъект, ответственный за их реализацию и охрану, что значительно отличало советскую правовую систему от предыдущих отечественных исторических моделей. Внутри СССР эти права воспринимались как часть общей социалистической системы, направленной на благосостояние и защиту трудящихся, что обуславливало демократический подход к правовому регулированию прав и свобод граждан и его восприятию в обществе. Вместе с тем, доминирующей стала парадигма, когда декларативно провозглашались равные права для всех, однако на практике зачастую реализовалась иная картина - реальное положение личности в государстве оставалось зависимым от партийной идеологии и политической конъюнктуры. Авторы согласны с точкой зрения Д.Б. Останкова, А.С. Палаткиной, что советский период «создал условия для окончательного разрыва с демократическими идеями прав и

свобод личности и утверждения жестких тоталитарных начал. Формально не отрицая прав и свобод граждан и даже включая их в свои конституции, советская власть даже не пыталась обеспечить политическую свободу, возможность для каждого человека иметь свои мнения и убеждения. Критика существующего строя объявлялась преступлением перед государством» [14].

Фундаментальным переломом в отечественной правовой традиции стала Декларация прав и свобод человека и гражданина, принятая Верховным Советом РСФСР 22.11.1991 г., ознаменовавшая переход от социалистической концепции приоритета государственных интересов к либерально-демократической модели, где высшей ценностью является личность [15]. Документ фактически инкорпорировал нормы международного права, такие как Всеобщая декларация прав человека 1948 г. и Международные пакты 1966 г., в национальное законодательство. На смену классовым интересам приходят общечеловеческие ценности, а права человека признаются неотчуждаемыми, принадлежащими личности от рождения [16].

Декларация 1991 г. заложила основу для ст. 2 Конституции РФ, принятой в 1993 г. и провозгласившей права, и свободы человека высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод - обязанностью государства [17]. Конституция РФ 1993 г. закрепила широкие гарантии гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, интегрированных в национальное законодательство с учётом международных стандартов, ориентированных на признание достоинства личности и индивидуальных свобод, что стало важным шагом вперед, отходом от советской коллективистской модели права.

С начала XXI в. процесс формирования российского института прав человека сопровождался переосмыслением основных элементов советского правового наследия, включавшим как сохранение определённых правовых традиций, так и радикальных реформ, направленных на демократизацию общества и обеспечение верховенства закона. По мнению авторов, новым этапом в развитии института прав человека в России стало принятие в ходе общероссийского голосования поправок к Конституции РФ в 2020 г., а именно: положения о защите семьи, сохранении традиционных ценностей и обеспечении социальных гарантий (индексация пенсий, МРОТ). Права человека теперь стали рассматриваться в неразрывной связи с обязанностями гражданина перед обществом и государством, что обусловило синтез индивидуальных свобод и коллективных ценностей, и ознаменовало переход к этапу правового партикуляризма, где права человека рассматриваются через призму национального суверенитета и историко-культурной идентичности. К 2026 г. фокус сместился на социальные гарантии и цифровую безопасность.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод, что в формировании современного института прав и свобод человека в России роль исторического опыта, его влияние очевидны. Социально-политические условия режима абсолютизма создали предпосылки для разработки системы, направленной на ограничение личной свободы в пользу государства, что было использовано в советской концепции прав человека (коллективных, а не сугубо индивидуальных прав). Советский период трансформировал абсолютистскую идею в доктрину «социалистической законности», где право открыто провозглашалось инструментом диктатуры правящего класса. В Советском государстве институт защиты прав человека представлял собой сложную и противоречивую систему, в которой формально-юридические механизмы сосуществовали с идеологическими установками «социалистической законности». Советская концепция прав человека базировалась на приоритете социально-экономических прав над гражданскими и политическими, а также на неразрывной связи

прав личности с её обязанностями перед государством, и исходила из уже сложившейся модели государственной власти и политического режима, а также коллективистского подхода к правам и обязанностям человека. Правоприменение исторически тяготело к позитивистскому подходу: правом признавалось только то, что зафиксировано в законе. Это создавало теоретический разрыв между «естественным правом» и «позитивным законом», где последний всегда имел приоритет. В постсоветский период, начиная с Конституции РФ 1993 г., Россия формально перешла к либеральной модели, признав права и свободы человека высшей ценностью.

Юридические традиции, сложившиеся веками в России, продолжают оказывать влияние на содержание прав и свобод человека, а также на структуру и функции государственных институтов. Учитывая опыт прошедших эпох, современный законодатель более осознанно формирует баланс между индивидуальными правами и общественными интересами, что помогает избегать односторонних подходов и способствует укреплению правового государства. Таким образом, представленный выше анализ эволюции законодательного оформления становления и развития представлений о правах человека в России является не просто академическим подходом, а образцом для глубокого понимания и конструктивного решения актуальных проблем в сфере прав и свободы человека в РФ. Он позволяет использовать уроки из прошлого, чтобы построить более справедливое будущее.

Список литературы:

1. Балагура, О. В. История государства и права России в период утверждения и развития абсолютизма (конец XVII – XVIII вв.) / О. В. Балагура, М. Ш. Киян, Т. В. Хутько. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2020. – 112 с.
2. Высочайший манифест 18 февраля 1762 года «О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству» // Полн. собр. зак. Рос. Имп., собр. I, т. XV, № 11444. С. 912-915.
3. Грамота на права, вольности и преимущества благородного Российского Дворянства // Полн. собр. зак. Рос. Имп., собр. I, т. XXII, № 16.186. С.344 - 359.
4. История СССР с древнейших времен до конца XVIII в.: Учебник / под ред. Б.А. Рыбакова. М.: Высшая школа, 1983. - 415 с.
5. Жичкина С.Е., Петров А.В. Идея прав и свобод человека и гражданина и ее отражение в законодательстве и конституциях разных периодов Российского государства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. №2.- С. 59-65.
6. Балагура, О. В. Государство и право Российской империи в XIX веке / О. В. Балагура, М. Ш. Киян, Т. В. Хутько. - Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2022. – 144 с.
7. Киян, М. Ш. Судебная защита прав подданных Российской империи по судебной реформе 1864 г / М. Ш. Киян, Т. В. Хутько // Охрана и защита прав и законных интересов в современном праве : Сборник статей по результатам II Международной научно-практической конференции. В 2-х томах, Симферополь, 12 декабря 2022 года / Сост. И.В. Хмиль, под редакцией С.А. Трофимова, Е.В. Евсиковой. Том 1. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. – С. 193-200.
8. Судебный уставы 20 ноября 1864 г. за пятьдесят лет. Том первый. // Петроград; 1914 г. С.5.
9. Балагура, О. В. Государственно-правовое развитие России в начале XX в. (1900-июль 1918 гг.): учебное пособие для бакалавриата и специалитета в схемах, таблицах / О. В. Балагура, М. Ш. Киян, Т. В. Хутько. - Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – 233 с.
10. Киян М.Ш. Представительство от украинских губерний в Государственной Думе Российской империи I и II созывов (1906 -1907 гг.). - Харьков: Основа, 1997. - 191 с.
11. Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) (прекратила действие)// // Справочно-правовая система «Гарант».
12. Саламатова М.С. Институт лишения избирательных прав в Советской России: от Конституции 1918 года к Конституции 1936 ГОДА // Новый ракурс. 2018. №3. С. 122-140.
13. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) // Справочно-правовая система «Гарант». - URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения 6.02.2026).

14. Останков Д.Б., Палаткина А.С. Эволюция представлений о правах человека в России: история и современность // Социально-политические науки. 2019. №2.
15. Постановление ВС РСФСР от 22 ноября 1991 г. N 1920-I «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» // «Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР», 26.12. 1991, N 52, ст. 1865.
16. Шишенина И.В., Рудинский Ф.М. Российская декларация прав и свобод человека и гражданина 1991 г. И основные международные стандарты прав человека. [Электронный ресурс] // URL:https://wiselawyer.ru/poleznoe/17666-rossijskaya-deklaraciya-prav-svobod-cheloveka-grazhdanina
17. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет–портал правовой информации. - URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.11.2025).

Kiyan M. S., Khutko T. V. From class-based privileges to constitutional guarantees: the evolution of the institute of human rights in Russia (18th-Early 21st Centuries) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 338-346.

The article presents an analysis of the formation of the legislative framework that reflects the evolutionary process of ideas about human rights in Russia during the historical period of the 18th to early 21st centuries. The authors have studied the key legal acts that establish the basic foundations of the institution of human rights and freedoms in Russia. The article presents an analysis of human rights not as a static set of norms, but as a dynamic process influenced by sociocultural and political factors. The study allows us to trace the transformation of the institution of human rights in Russia, from the rigid class system of the imperial period to the modern model of constitutional guarantees. It has been established that its content and form have changed depending on the political system, ideology, and socio-economic conditions. The declarative nature of the institution of human rights during the Soviet period is noted, and a critical analysis of the past is present in order to prevent mistakes in the future. Special attention is paid to the post-Soviet period and the 1993 Constitution of the Russian Federation, which declared the priority of human rights and freedoms. The conclusion is substantiated about the complex path of forming a balance between individual rights and public interests, and the continuity of legal traditions in the development of the institution of human rights and freedoms in the 1993 Constitution of the Russian Federation. The author proposes a periodization that overcomes the gap between the pre-revolutionary, Soviet, and post-Soviet stages

Keywords: absolutism, society, state, institution of human rights and freedoms, Soviet state, Soviet constitutions, Constitution of the Russian Federation of 1993.

Spisok literatury:

1. Balagura, O. V. Istoriya gosudarstva i prava Rossii v period utverzhdeniya i razvitiya absolyutizma (konecz XVII – XVIII vv.) / O. V. Balagura, M. Sh. Kiyan, T. V. Xut`ko. – Simferopol`: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Izdatel`stvo Tipografiya «Arial», 2020. – 112 s.
2. Vy`sochajshij manifest 18 fevralya 1762 goda «O darovanii vol`nosti i svobody` vsemu Rossijskomu Dvoryanstvu» // Poln. sobr. zak. Ros. Imp., sobr. I, t. XV, № 11444. S. 912-915.
3. Gramota na prava, vol`nosti i preimushhestva blagorodnogo Rossijskogo Dvoryanstva // Poln. sobr. zak. Ros. Imp., sobr. I, t. XXII, № 16.186. S. 344 - 359.
4. Istoriya SSSR s drevnejshix vremen do koncza XVIII v.: Uchebnik / pod red. B.A. Ry`bakova. M.: Vy`sshaya shkola, 1983. - 415 s.
5. Zhichkina S.E., Petrov A.V. Ideya prav i svobod cheloveka i grazhdanina i ee otrazhenie v zakonodatel`stve i konstituciyax razny`x periodov Rossijskogo gosudarstva // Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo. 2019. №2.- S. 59-65.
6. Balagura, O. V. Gosudarstvo i pravo Rossijskoj imperii v XIX veke / O. V. Balagura, M. Sh. Kiyan, T. V. Xut`ko. - Simferopol`: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Izdatel`stvo Tipografiya «Arial», 2022. – 144 s.
7. Kiyan, M. Sh. Sudebnaya zashhita prav poddanny`x Rossijskoj imperii po sudebnoj reforme 1864 g / M. Sh. Kiyan, T. V. Xut`ko // Oxrana i zashhita prav i zakonny`x interesov v sovremennom prave : Sbornik statej po rezul`tatam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. V 2-x tomax, Simferopol`, 12 dekabrya 2022 goda / Sost. I.V. Xmil`, pod redakciej S.A. Trofimova, E.V. Evsikovoj. Tom 1. – Simferopol`: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Izdatel`stvo Tipografiya «Arial», 2023. – S. 193-200.
8. Sudebny`j ustavy` 20 noyabrya 1864 g. za pyat`desyat let. Tom pervy`j. // Petrograd; 1914 g. S.5.
9. Balagura, O. V. Gosudarstvenno-pravovoe razvitie Rossii v nachale XX v. (1900-iyul` 1918 gg.): uchebnoe posobie dlya bakalavriata i specialiteta v sxemax, tabliczax / O. V. Balagura, M. Sh. Kiyan, T.V. Xut`ko. - Simferopol`: Obshhestvo s ogranichennoj otvetstvennost`yu «Izdatel`stvo Tipografiya «Arial», 2024. – 233 s.
10. Kiyan M.Sh. Predstavitel`stvo ot ukrainskix gubernij v Gosudarstvennoj Dume Rossijskoj imperii I i II sozy`vov (1906 -1907 gg.). - Xar`kov: Osnova, 1997. - 191 s.
11. Konstituciya (Osnovnoj Zakon) Rossijskoj Socialisticheskoj Federativnoj Sovetskoj Respubliki (prinyata V Vserossijskim S``ezdom Sovetov v zasedanii ot 10 iyulya 1918 g.) (prekratila dejstvie)// // Spravochno-pravovaya sistema «Garant». - URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1918/.
12. Salamatova M.S. Institut lisheniya izbiratel`ny`x prav v Sovetskoj Rossii: ot Konstitucii 1918 goda k Konstitucii 1936 GODA // Novy`j rakurs. 2018. №3. S. 122-140. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/institut-lisheniya-izbiratelnyh-prav-v-sovetskoy-rossii-ot-konstitutsii-1918-goda-k-konstitutsii-1936-goda.
13. Konstituciya (Osnovnoj zakon) Soyuza Sovetskix Socialisticheskix Respublik (prinyata na vneocherednoj sed`moj sessii Verxovnogo Soveta SSSR devyatogo sozy`va 7 oktyabrya 1977 g.) // Spravochno-pravovaya sistema

«Garant». - URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/
14. Ostankov D.B., Palatkina A.S. E`volyuciya predstavlenij o pravax cheloveka v Rossii: istoriya i sovremennost` // Social`no-politicheskie nauki. 2019. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-predstavleniy-o-pravah-cheloveka-v-rossii-istoriya-i-sovremennost (data obrashheniya: 17.02.2026).
15. Postanovlenie VS RSFSR ot 22 noyabrya 1991 g. N 1920-I «O Deklaracii prav i svobod cheloveka i grazhdanina» // «Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR», 26.12. 1991, N 52, st. 1865.
16. Shishenina I.V., Rudinskij F.M. Rossijskaya deklaraciya prav i svobod cheloveka i grazhdanina 1991 g. I osnovny`e mezhdunarodny`e standarty` prav cheloveka. [E`lektronny`j resurs] // URL:https://wiselawyer.ru/poleznoe/17666-rossijskaya-deklaraciya-prav-svobod-cheloveka-grazhdanina
17. Konstituciya Rossijskoj Federacii: [prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01 iyulya 2020 g.] // Oficial`ny`j internet–portal pravovoj informacii. - URL: http://www.pravo.gov.ru (data obrashheniya: 01.11.2025).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 347-357.

УДК 34.03

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ДОКУМЕНТОВ, СОЗДАННЫХ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ВЕРИФИКАЦИИ

Комбарова В. С., Щербаков В. А.

Статья посвящена комплексному исследованию юридической значимости документов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, а также анализу моделей ответственности и проблем верификации таких документов. Цель исследования – определить правовую природу ИИ-документов, классифицировать их по функциональному назначению, выявить критерии достоверности и аутентичности, а также разработать предложения по совершенствованию механизмов ответственности и нормативного регулирования. Методология исследования включает формально-юридический и сравнительно-правовой анализ российского законодательства, зарубежных актов, доктринальных источников и судебной практики. В статье раскрывается сущность ИИ-документов, их типология (информационные, рекомендательные, правопорождающие), проблема волеизъявления, кризис традиционных реквизитов, феномен «галлюцинаций» и правовые последствия их возникновения. Практическая значимость работы заключается в разработке предложений по введению обязательной маркировки синтезированного контента, закреплению презумпции ответственности лица, подписавшего ИИ-документ, внедрению принципа «human-in-the-loop» как стандарта профессиональной деятельности, а также по совершенствованию проекта Федерального закона об искусственном интеллекте в части регулирования юридически значимых документов. Научная ценность исследования состоит в систематизации понятийного аппарата, анализе концепции квазисубъекта права применительно к ИИ, формировании теоретической базы для дальнейших междисциплинарных исследований в сфере «Legal Tech».

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронный документооборот, правосубъектность, электронное лицо, верификация, галлюцинации ИИ, юридическая ответственность, маркировка контента, квазисубъект права.

Стремительная коммерциализация генеративных нейросетей – GPT, GigaChat, YandexGPT – и их интенсивное внедрение в юридический документооборот (Legal Tech) порождают принципиально новые вызовы для правовой системы. Современные системы искусственного интеллекта способны не только автоматизировать рутинные операции по классификации, извлечению данных и маршрутизации документов, но и самостоятельно генерировать содержательные тексты: проекты договоров, процессуальные документы, правовые заключения, аналитические справки и обзоры судебной практики. Данное обстоятельство обусловливает нарастающий разрыв между фактической способностью искусственного интеллекта (ИИ) создавать осмысленный текст и традиционной правовой конструкцией документа как акта волеизъявления субъекта права. Центральная рассматриваемая проблема формулируется так при каких условиях документ, полностью или частично сгенерированный искусственным интеллектом, приобретает качество юридической значимости, и каким образом должна распределяться ответственность за его содержание между разработчиком модели, оператором системы, пользователем и иными участниками отношений в сфере ИИ. Достижение цели предполагает решение взаимосвязанных задач: определение правовой природы ИИ-документа, выявление критериев его достоверности и аутентичности, анализ существующих моделей ответственности и формулирование предложений по совершенствованию законодательства.

Фундаментальный вопрос, от разрешения которого зависит правовой режим документов, созданных с использованием ИИ, заключается в правовой квалификации данной технологии: является ли он исключительно техническим средством, инструментом в руках человека, либо же обладает определенной степенью автономии, позволяющей рассматривать его как особого участника правоотношений [1, с. 34]. В российской ци-

вилистической доктрине преобладает подход, согласно которому искусственный интеллект, будучи результатом комплексного программирования, представляет собой сложный объект гражданских прав, в составе которого находятся различные структурные элементы – охраноспособные результаты интеллектуальной деятельности. Признание правосубъектности за ИИ, с этой точки зрения, является ошибочным, поскольку противоречит фундаментальным началам гражданского законодательства.

В юридической науке активно развивается концепция «электронного лица» – особой правовой конструкции, предполагающей предоставление определенной правосубъектности системам искусственного интеллекта [2, с. 31]. Как отмечает С.Г. Чубукова, система субъектов киберправа находится в процессе постоянного развития, обусловленного появлением новых цифровых технологий, и актуальной теоретической проблемой становится развитие теории квазисубъектов права. Под квазисубъектом понимается лицо, не обладающее всеми признаками субъекта права [3, с. 60]. К числу таких квазисубъектов исследователи относят интеллектуальных агентов, киберфизические системы, системы искусственного интеллекта и роботов, которые наделены субъективными правами и обязанностями, но не несут самостоятельной ответственности. Е.С. Тютчева, анализируя свойства ИИ в сравнении с физическими и юридическими лицами, приходит к выводу, что полное использование правосубъектности традиционных лиц как правового базиса при разработке правосубъектности «электронного лица» является некорректным. В настоящих современных условиях «электронное лицо» наиболее близко по своему содержанию к понятию «квазисубъект» [4, с. 56]. Данный вывод имеет принципиальное значение для темы исследования: документ, созданный ИИ, не может рассматриваться как результат самостоятельного волеизъявления машины – он всегда опосредован действиями человека, будь то постановка задачи (промпт), выбор модели, настройка параметров или последующая проверка результата.

Для целей правового анализа представляется необходимым классифицировать документы, создаваемые с использованием технологий искусственного интеллекта, по критерию их функционального назначения и степени влияния на возникновение, изменение или прекращение правоотношений: 1) первую группу составляют информационные документы – справки, выжимки, саммаризации, аналитические обзоры, формируемые ИИ на основе обработки больших массивов данных. Такие документы носят вспомогательный, справочный характер и не порождают непосредственно правовых последствий, однако могут использоваться в качестве основы для принятия юридически значимых решений человеком. Как отмечается в литературе, саммаризация документов уже реализована во многих системах электронного документооборота и является одним из наиболее простых и распространенных способов применения ИИ в этой сфере [5]. 2) Вторую образуют рекомендательные документы – предлагаемые ИИ проекты правовых позиций, маркетинговые планы, медицинские предписания, инвестиционные рекомендации. Особенность данной категории заключается в том, что внешне такие документы могут выглядеть как полноценные экспертные заключения, однако их содержание не является результатом профессионального суждения человека, а представляет собой вероятностный вывод модели, обученной на определенном датасете. 3) Третья, наиболее значимая с правовой точки зрения группа – правопорождающие документы: проекты договоров, исковые заявления, апелляционные и кассационные жалобы, судебные решения и иные процессуальные документы. Именно в этой сфере проблема юридической значимости ИИ-документов приобретает наибольшую остроту, поскольку использование непроверенных или некорректных результатов генерации способно причинить существенный вред участникам правоотношений.

Традиционная теория юридического документа исходит из того, что документ пред-

ставляет собой акт волеизъявления субъекта права, направленный на возникновение, изменение или прекращение правовых отношений. В случае с ИИ-документом возникает принципиальный вопрос: можно ли рассматривать алгоритмический вывод модели как волю, имеющую правовое значение? Ответ на данный вопрос должен быть отрицательным. ИИ, независимо от степени его автономности и сложности архитектуры, не обладает правосубъектностью в том смысле, какой вкладывается в это понятие гражданским законодательством. Как справедливо указывает О.В. Порываева, развитие технологий ИИ ставит перед правовой системой новые вызовы, одним из которых является вопрос о способности ИИ совершать юридически значимые действия и нести ответственность за их последствия [6, с. 32]. До тех пор, пока данный вопрос не получит однозначного законодательного разрешения, юридическая значимость документа, созданного ИИ, может проистекать исключительно из последующего волеизъявления человека – оператора, пользователя, юриста, – который принимает на себя ответственность за содержание сгенерированного текста. Классическая модель удостоверения юридической значимости документа строится на институте подписи как реквизита, идентифицирующего лицо, от которого исходит документ, и подтверждающего его волеизъявление. В электронном документообороте данную функцию выполняет электронная подпись – простая (ПЭП), усиленная неквалифицированная (УНЭП) или усиленная квалифицированная (УКЭП), правовой режим которой установлен ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» [7].

Однако применение электронной подписи к ИИ-документу порождает существенную правовую коллизию: электронная подпись удостоверяет личность подписанта и факт подписания документа определенным лицом, но не позволяет установить, кем именно – человеком или машиной – было создано содержание документа. Иными словами, электронная подпись верифицирует субъекта, но не верифицирует источник смыслового наполнения документа. Подписанный УКЭП проект договора, полностью сгенерированный нейросетью, с формально-юридической точки зрения ничем не отличается от договора, составленного юристом, что создает риск введения контрагентов и публичных органов в заблуждение относительно характера и качества правовой услуги. Одной из наиболее серьезных проблем, связанных с использованием генеративного ИИ в юридической сфере, является феномен так называемых галлюцинаций – ситуаций, при которых результат работы системы содержит неточную или ошибочную информацию, ошибочно представленную как достоверная. В контексте юридической практики галлюцинации ИИ могут проявляться в цитировании несуществующих нормативных актов, ссылках на вымышленные судебные решения, искажении фактических обстоятельств дела или формулировании внутренне противоречивых правовых позиций

Российская судебная практика уже столкнулась с данной проблемой. В Определении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 г. по делу № А27-7831/2025 было установлено, что жалобщик сослался на несуществующие постановления, номера дел и даты принятия которых являются вымышленными. Характер приведенных ссылок свидетельствовал об использовании участником дела инструментов искусственного интеллекта и получении результата в форме галлюцинаций. Арбитражный суд квалифицировал подобные действия как недобросовестное пользование процессуальными правами, противоречащее принципу добросовестности, закрепленному в процессуальном законодательстве [8]. С точки зрения гражданско-правовой доктрины, ситуация подписания юристом или участником дела документа, содержащего галлюцинации ИИ, может быть квалифицирована как существенная ошибка (ст. 178 ГК РФ) либо порок воли, что влечет за собой возможность оспаривания соответствующей сделки или признания процессуального действия ничтожным [9]. Вместе с тем, ссылка на

то, что «это ChatGPT придумал», не может служить процессуальным оправданием: как прямо указано в судебных актах, ответственность за достоверность информации, изложенной в процессуальных документах, полагается исключительно на участника дела.

Одним из наиболее перспективных направлений решения проблемы верификации ИИ-документов является введение обязательной маркировки синтезированного контента. Проект ФЗ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», разработанный Минцифры России, впервые на законодательном уровне предусматривает обязательную маркировку фото, видео и аудио, созданных с помощью нейросетей [10]. В развитие указанных положений в Государственную Думу вносились законопроекты, обязывающие владельцев интернет-ресурсов маркировать сгенерированный ИИ-контент текстом или с помощью машиночитаемой метки в метаданных. Применительно к юридическому документообороту концепция маркировки может быть развита в следующих направлениях. 1) На уровне метаданных электронного документа должна фиксироваться информация о факте использования ИИ при его создании, включая наименование использованной модели, дату генерации и идентификатор пользователя (оператора). 2) Для правопорождающих документов, направляемых в государственные органы и суды, целесообразно установить требование об обязательном декларировании использования ИИ-инструментов, аналогичное тому, которое уже применяется в ряде зарубежных юрисдикций (например, в Канаде). 3) Отсутствие маркировки ИИ-документа, повлекшее введение контрагента или публичного органа в заблуждение, должно рассматриваться как обстоятельство, отягчающее ответственность лица, подписавшего такой документ.

Центральным принципом, определяющим распределение ответственности при использовании ИИ в юридической деятельности, является принцип профессионального человеческого контроля (human-in-the-loop) – использование ИИ допускается исключительно как вспомогательный инструмент, который не может заменить профессиональную деятельность юриста, его критическое мышление, профессиональное суждение и правовую квалификацию [11, с. 198]. Аналогичные подходы закрепляются в зарубежных юрисдикциях: так, профстандарты США, основанные на Правиле 11 Федеральных правил гражданского процесса и Модельных правилах профессионального поведения ABA (Rule 1.1), возлагают на адвокатов персональную ответственность за верификацию всего контента, представляемого в суд, независимо от его технологического происхождения. Принцип human-in-the-loop в контексте ответственности за ИИ-документы означает, что нажатие кнопки «подписать» на тексте, сгенерированном нейросетью, представляет собой юридический акт принятия авторства и ответственности за содержание документа. Лицо, подписавшее ИИ-документ, не вправе впоследствии ссылаться на ошибки алгоритма как на основание освобождения от ответственности, за исключением случаев, когда такие ошибки обусловлены дефектами самой модели, о которых пользователь не мог и не должен был знать.

Т.к. современные системы ИИ характеризуются сложной архитектурой, автономностью, способностью к самообучению и вероятностным характером принимаемых решений, определение субъекта ответственности за вред, причиненный использованием ИИ-документа, представляет значительную сложность. В доктрине предлагаются различные модели распределения ответственности, включая строгую (безвиновную), виновную и дифференцированную [12, с. 71]. Д.А. Казанцев предлагает многомерную матрицу субсидиарной ответственности, сочетающую дифференциацию ролей субъектов с точки зрения их реального влияния на результаты работы ИИ и дифференциацию самих систем согласно риск-ориентированному подходу [13, с. 455]. Применительно к ИИ-документам данная матрица может быть конкретизирована следующим образом:

если вред причинен вследствие дефектов самой модели (порок базы знаний, порок нейросети), ответственность должен нести разработчик, допустивший использование некачественного датасета, некорректных алгоритмов обучения или не обеспечивший достаточный уровень объяснимости (XAI) результатов работы модели [14, с. 8]. Если вред возник вследствие нарушения правил эксплуатации ИИ (порок пользования), ответственность возлагается на пользователя непосредственно использовавшее систему для генерации документа. Оператор системы ИИ, предоставляющий доступ к модели, может нести солидарную или субсидиарную ответственность в случаях, когда им не были приняты достаточные меры для информирования пользователя о рисках и ограничениях модели.

В зарубежной доктрине все чаще звучат предложения о введении модели «разделенной ответственности», при которой ответственность распределяется между юристом и разработчиком в определенной пропорции в зависимости от характера ошибки. Как отмечалось в ходе обсуждений на площадке ТПП РФ, со временем правовая система может прийти к модели, предполагающей, например, 70% ответственности на юристе и 30% на разработчике, если ошибка связана с известным программным дефектом. Данная концепция, будучи на сегодняшний день гипотетической, заслуживает дальнейшей доктринальной проработки. Вопрос о допустимости документов, созданных с использованием ИИ, в качестве доказательств в судебном процессе регулируется общими нормами процессуального законодательства. Согласно ст. 71 ГПК РФ и ст. 75 АПК, письменные доказательства должны отвечать требованиям относимости, допустимости, достоверности и достаточности. Судебная практика исходит из того, что сами по себе ответы ИИ не признаются источником достоверной научно доказанной информации, и отклонение судом ходатайства об исследовании их как доказательства по делу является правомерным.

Суды последовательно занимают критическую позицию в отношении доказательств, подготовленных с использованием нейросетей, подчеркивая, что такие материалы не отвечают критерию достоверности и не позволяют проверить источник сведений. Чатботы на базе ИИ формируют ответы в зависимости от запроса пользователя, представляют собой сгенерированный текст и не содержат ссылок на первоисточники, вследствие чего участники спора должны опираться на достоверные и проверяемые источники информации, а не на ответы нейросетей. Вместе с тем, результаты работы ИИ могут признаваться допустимыми доказательствами при соблюдении ряда условий: использование сертифицированных программных средств, применяемых уполномоченными органами; возможность проверки исходных данных, на которых основан вывод ИИ; обеспечение прозрачности и объяснимости алгоритма. В зарубежной практике для оценки допустимости ИИ-доказательств предлагается использовать стандарты Frye и Daubert, Правило 707 Федеральных правил о доказательствах США, устанавливающее специальные требования к экспертному свидетельству в отношении материалов, сгенерированных машиной [15, с. 42].

Дискуссия о возможности признания деликтоспособности за самим ИИ тесно связана с более широкой проблемой правосубъектности искусственного интеллекта. В зарубежной литературе активно обсуждается концепция «electronic personhood», предполагающая наделение наиболее автономных систем ИИ особым правовым статусом, позволяющим возлагать на них права и обязанности, включая ответственность за причиненный вред [16, с. 90]. Европейский парламент в своей резолюции от 2017 г. предлагал рассмотреть возможность создания специального правового статуса «электронного лица» для сложных автономных роботов. Однако данная концепция не получила воплощения в действующем законодательстве, включая принятый в 2024 г. EU AI Act.

В российской правовой доктрине преобладает скептическое отношение к идее наделения ИИ деликтоспособностью. По действующему законодательству электронные лица не обладают правосубъектностью и не могут нести ответственность за действия третьих лиц. Системы искусственного интеллекта, несмотря на их способность к автономному функционированию, не могут быть субъектами уголовной или гражданско-правовой ответственности, что, однако, не исключает возможности создания специальных компенсационных механизмов, таких как обязательное страхование рисков или формирование целевых компенсационных фондов. Проблема «черного ящика» – непрозрачности алгоритмов принятия решений системами ИИ – создает дополнительные трудности для судебной экспертизы. Как отмечается в литературе, требования полного раскрытия исходного кода или архитектуры моделей ИИ являются необоснованными и трудновыполнимыми [17, с. 291]. Вместо этого предлагается развивать правовые механизмы, обеспечивающие объяснимость результатов работы ИИ и прозрачность процессов принятия решений, а также закреплять право субъекта данных на возражение против решений, принятых исключительно на основе автоматизированной обработки.

Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13.05.2024 г. (EU AI Act) представляет собой наиболее комплексный на сегодняшний день нормативный акт, регулирующий разработку и применение систем искусственного интеллекта. Документ устанавливает риск-ориентированный подход к регулированию, дифференцируя требования к системам ИИ в зависимости от уровня риска, который они представляют для прав и законных интересов граждан [18, с. 26]. Генеративные модели ИИ, включая большие языковые модели (LLM), отнесены к категории систем с ограниченным риском (limited risk), что предполагает применение к ним требований прозрачности, включая обязанность информировать пользователей о факте взаимодействия с ИИ и маркировать синтезированный контент. Применительно к документам, созданным ИИ, европейский подход ориентирует на обязательное раскрытие информации об использовании ИИ-инструментов при создании контента, что коррелирует с рассмотренными выше предложениями о маркировке. В контексте юридической деятельности EU AI Act не устанавливает специальных норм, однако общие требования прозрачности в сочетании с профессиональными стандартами создают правовую рамку, в которой юрист, использующий ИИ-инструменты, несет полную ответственность за проверку и валидацию результатов их работы.

В США регулирование использования ИИ в юридической практике развивается преимущественно через механизмы профессиональной ответственности и судебные прецеденты. Поворотным моментом стало дело Mata v. Avianca (2023), в рамках которого адвокаты были подвергнуты санкциям за представление в суд фиктивных судебных прецедентов, сгенерированных ChatGPT без последующей проверки [19, с. 45]. Данный прецедент установил четкий стандарт: непроверенный результат работы ИИ не может служить заменой полноценному правовому исследованию. Судебная практика США выработала переход от традиционного принципа «доверяй, но проверяй» к более жесткому стандарту «не доверять, пока не проверено», который возлагает на юриста обязанность осуществлять независимую верификацию любого сгенерированного ИИ контента на основе первичных правовых источников. Данный подход представляет значительный интерес для российской правовой системы, поскольку позволяет сочетать стимулирование технологических инноваций с обеспечением надлежащего уровня защиты прав участников правоотношений.

Китай демонстрирует один из наиболее динамичных подходов к правовому регулированию технологий искусственного интеллекта, последовательно выстраивая многоуровневую архитектуру нормативных актов. Ключевым вектором развития китайского

законодательства является обеспечение информационной безопасности и противодействие распространению ложной информации, генерируемой нейросетями. В марте 2025 г. совместным решением ряда ведомств обнародована Директива по маркировке интернет-контента, созданного или составленного с помощью технологий искусственного интеллекта, вступившая в силу 1.09.2025 г. Акт устанавливает императивную обязанность маркировки синтезированного контента на всех этапах его производства и распространения: поставщики ИИ-услуг обязаны добавлять видимые идентификационные знаки, а любое удаление, изменение либо фальсификация таких меток запрещены. Контент, сгенерированный или синтезированный с использованием технологий ИИ (включая тексты, изображения, аудио-, видеоматериалы и виртуальные сцены), должен быть помечен как видимым для человека способом, так и на уровне метаданных. Крупнейшие китайские интернет-платформы (WeChat, Weibo, Bilibili, RedNote) внедряют собственные механизмы автоматического распознавания ИИ-контента и инструменты подачи жалоб на немаркированные материалы.

Параллельно с развитием подзаконного регулирования в КНР ведется активная законопроектная работа, направленная на принятие комплексного закона об искусственном интеллекте. В 2023 - 2024 гг. академическим сообществом были представлены 2 законопроекта: «Закон об искусственном интеллекте (Типовой закон) 1.0 (проект, рекомендованный экспертами)» и «Закон Китайской Народной Республики об искусственном интеллекте (проект, предложенный учеными)». Проекты охватывают широкий спектр вопросов, включая защиту прав пользователей, юридическую ответственность, защиту интеллектуальной собственности, а также специальные сценарии применения ИИ: судебный искусственный интеллект, новости, создаваемые ИИ, медицинский ИИ, биометрия, автономное вождение и системы социального рейтинга [20, с. 51]. Проектируемые нормы об ответственности носят общий характер и предполагают последующую детализацию в отраслевом законодательстве и подзаконных актах.

Япония избрала принципиально иной подход к регулированию искусственного интеллекта, основанный на модели «мягкого права» и приоритете стимулирования инноваций. 28.05.2025 г. В 4.06.2025 г. вступил в силу «Закон о содействии исследованиям, разработкам и использованию технологий, связанных с ИИ» (далее – Закон о продвижении ИИ) – первый в истории страны специальный законодательный акт в данной области. Закон определяет ИИ в широком смысле как технологии, имитирующие человеческое познание, и позиционирует их в качестве драйвера общественного благосостояния и экономической устойчивости [21, с. 43]. Принципиальной особенностью японского Закона о продвижении ИИ является его необязывающий (non-binding) характер: он не создает субъективных прав и юридических обязанностей, не предусматривает штрафных санкций за нарушения и выполняет функцию рамочного политического документа, поощряющего добровольное соблюдение установленных принципов участниками рынка. В соответствии со сложившейся административной традицией, предпочтение отдается «регулированию через руководство» (regulation by guidance), а не принудительному правоприменению. Практические аспекты регулирования конкретизируются в Руководстве для бизнеса в сфере ИИ (AI Guidelines for Business), опубликованном Министерством экономики, торговли и промышленности (METI) и Министерством внутренних дел и коммуникаций (MIC) в апреле 2024 г. и обновленном до версии 1.01 в марте 2025 г. [21, с. 44]. Документ закрепляет 10 межотраслевых принципов, включая прозрачность, подотчетность, безопасность и защиту конфиденциальности, и дифференцирует ожидания в зависимости от роли субъекта (разработчик, провайдер, пользователь), формируя основу для внутренней системы корпоративной подотчетности.

Республика Корея стала первой в мире страной, принявшей и в полном объеме введшей в действие комплексный закон о безопасном использовании искусственного

интеллекта. 22.01.2026 г. вступил в силу Framework Act on the Development of Artificial Intelligence and Establishment of Trust, далее – Основной закон об ИИ, который формирует единую нормативную базу для противодействия дезинформации и иным рискам, связанным с применением генеративных моделей [22]. В отличие от японского подхода, корейский законодатель избрал модель жесткого императивного регулирования с элементами административной ответственности, создав, по оценке Миннауки и ИКТ, «второй в мире всеобъемлющий правовой режим в сфере ИИ». Ключевой новацией Основного закона об ИИ является введение понятия «искусственный интеллект высокого влияния» («high-impact AI»), под которым понимаются системы, способные оказать значительное воздействие или создать риски для жизни, физической безопасности и фундаментальных прав человека. В соответствии с законом к данной категории отнесены ИИ-модели, используемые в таких социально значимых сферах, как атомная энергетика, уголовные расследования, кредитный скоринг, оценка студентов, диагностика в сфере здравоохранения и медицинские устройства. Организации, применяющие высокорисковые ИИ-модели, обязаны уведомлять пользователей о том, что их услуги основаны на ИИ, но и внедрять планы управления рисками, протоколы защиты пользователей и механизмы обеспечения объяснимости алгоритмов.

Принципиально важным для темы настоящего исследования является закрепленный в законе режим прозрачности. Согласно ст. 31 Основного закона об ИИ, контент, созданный с помощью генеративного ИИ, должен в обязательном порядке содержать водяные знаки или иные идентификаторы, указывающие на его искусственное происхождение. Для реалистичных дипфейков требуется нанесение видимых предупреждающих меток, в то время как для явно искусственного контента (например, анимации) допускается использование невидимых цифровых водяных знаков [22]. Данное требование рассматривается корейским законодателем не как факультативная рекомендация, а в качестве «минимальной меры предосторожности для предотвращения злоупотреблений технологиями ИИ, включая создание дипфейков», о чем прямо заявил официальный представитель Миннауки и ИКТ. Основной закон об ИИ предусматривает действенный механизм админответственности: за нарушение требований к прозрачности, включая отсутствие маркировки ИИ-контента, на юридических лиц может быть наложен штраф в размере до 30 миллионов вон (приблизительно 20 400 $ США); устанавливает экстерриториальные требования для глобальных технологических компаний: организации, соответствующие определенным критериям (годовой мировой доход от 1 трлн вон, внутренние продажи от 10 млрд вон или не менее 1 млн ежедневных пользователей в стране), обязаны назначить местного представителя на территории Республики Корея [22]. В настоящее время под данные критерии подпадают, в частности, OpenAI и Google.

В итоге проведенного исследования выявлен системный недостаток действующего правового регулирования, а именно отсутствие законодательно закрепленной презумпции ответственности лица, подписавшего документ, полностью или частично сгенерированный искусственным интеллектом, а также отсутствие нормативных требований к обязательной маркировке такого контента. Пробел создает риски введения участников гражданского оборота и судебных органов в заблуждение относительно подлинного источника формирования содержания документа и порождает правовую неопределенность при распределении убытков, вызванных «галлюцинациями» нейросетей.

Для устранения проблемы предлагается дополнить проект ФЗ «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» статьей, устанавливающей: лицо, подписавшее (в том числе с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи) документ, созданный с применением систем искусственного интеллекта, признается автором содер-

жания такого документа в юридическом смысле и несет полную ответственность за его достоверность; ссылка на ошибки алгоритма не освобождает подписанта от ответственности, за исключением случаев документально подтвержденного дефекта модели, о котором лицо не было и не могло быть своевременно проинформировано разработчиком или оператором системы; в отношении правопорождающих документов (процессуальных обращений, проектов договоров, направляемых контрагенту) вводится императивная обязанность машиночитаемой маркировки в метаданных, фиксирующей факт и параметры использования ИИ.

В развитие данных законодательных новаций предлагается закрепить в ФЗ «Об электронной подписи» норму о том, что проверка квалифицированной электронной подписи на ИИ-документе должна сопровождаться отображением информации о наличии маркировки синтезированного контента, а сертифицированные средства электронной подписи – обеспечивать техническую возможность включения и верификации такой маркировки, а в отраслевые процессуальные кодексы целесообразно внести пункт, закрепляющий обязанность участника судебного разбирательства декларировать использование генеративных систем искусственного интеллекта при подготовке процессуального документа; неисполнение данной обязанности, повлекшее представление суду фиктивных правовых конструкций, следует квалифицировать как злоупотребление процессуальными правами с наложением предусмотренных законом санкций, включая штраф и возложение судебных расходов.

Список литературы:

1. Василевская Л.Ю. Искусственный интеллект: проблемы гражданско-правовой квалификации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. – № 5 (105). – С. 32-40.
2. Кузнецов М.С. Электронное лицо как продукт искусственного интеллекта // Юридические исследования. – 2024. – № 11. – С. 26-37.
3. Чубукова С.Г. Квазисубъекты в киберправе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2023. – № 2 (102). – С. 53-61.
4. Тютчева Е.С. Правосубъектность «электронного лица»: теоретический анализ // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2022. – № 2 (12). – С. 50-58.
5. Постановление Правительства РФ от 08.11.2024 № 1518 (ред. от 29.11.2025) «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций и утверждении программы экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций по эксплуатации беспилотных авиационных систем во Владимирской области, в Калужской области и Нижегородской области» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 46. – ст. 6978.
6. Порываева О.В. Проблема правосубъектности искусственного интеллекта в правовой системе государства // Власть. – 2025. – Т. 33. – № 4. – С. 31-34.
7. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 15. – ст. 2036.
8. Определение Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 14 мая 2026 г. по делу № А27-7831/2025 // Электронное правосудие.
9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. – № 32. – ст. 3301.
10. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (подготовлен Минцифры России, ID проекта 02/04/03-26/00166424) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. – [Электронный ресурс]. – URL: https://regulation.gov.ru/projects/166424/ (дата обращения 19.05.2026).
11. Данилин М.Е., Заяра А.В., Меньшиков О.П. Перспективы эволюции концепции «Human-in-the-loop» в управлении мобильными робототехническими комплексами // Робототехника и техническая кибернетика. – 2025. – Т. 13. – № 3. С. 198-204.
12. Селиванова Е.С., Саркисян В.В. Правовые модели ответственности за вред, причиненный системами ИИ: основания, механизмы и критерии формирования // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12. – № 3. С. 68-77.
13. Казанцев Д.А. Правовые механизмы распределения ответственности за вред, причиненный системами искусственного интеллекта // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Т. 3. № 3. С. 446-471.
14. Avdoshin S.M., Pesotskaya E.Y. Explainable AI for Industry 5.0: Shedding light on the black box // Бизнес-информатика. – 2026. – Т. 20. – № 1. – С. 7-28.

15. Середа А.П., Богдан В.Н., Андрианова М.А., Беренштейн М. Лечение перипротезной инфекции: где и кто? // Травматология и ортопедия России. – 2019. – Т. 25. – № 4. – С. 33-55.
16. Хасимова Л.Н., Гайфутдинова Р.З., Ющенко Н.А. Правовое регулирование цифровых прав как объектов гражданского права по законодательству Российской Федерации // Вестник экономики, права и социологии. 2020. – № 1. – С. 89-92.
17. Головин К.С. Необходимость правового регулирования «черного ящика» искусственного интеллекта // Вестник Костромского государственного университета. – 2024. – Т. 30. – № 3. – С. 290-297.
18. Иванов С.В. Институт искусственного интеллекта в зарубежных системах публичного права // Закон и власть. – 2026. – № 1. – С. 26-30.
19. Мохат П.М. Сравнительно-правовое исследование практики рассмотрения судебных споров, связанных с применением искусственного интеллекта в англосаксонской системе права и России // Юридические исследования. – 2024. – № 8. – С. 40-57.
20. Шейкин А. Г. Правовое регулирование искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике: состояние, перспективы, сравнительный анализ законопроектных предложений (часть 2) // Пролог: журнал о праве. – 2025. – № 2. – С. 43-56.
21. Кочеткова И.В., Осипова М.А. Прогресс и его риски: правовое регулирование использования искусственного интеллекта (ИИ) в Японии // Гражданское право. – 2025. – № 6. – С. 42-45.
22. The Basic Act on the Development of Artificial Intelligence and the Establishment of a Trust-Based Foundation (effective 22.01.2026) (Act № 21311, 20.01.2026, partial amendment) // Official website of Ministry of Government Legislation.

Kombarova V.S. The legal significance of documents created by artificial intelligence: issues of responsibility and verification // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 347-357.

This article is devoted to a comprehensive study of the legal significance of documents created using artificial intelligence technologies, as well as an analysis of liability models and verification problems of such documents. The purpose of the study is to determine the legal nature of AI documents, classify them according to their functional purpose, identify criteria for reliability and authenticity, and develop proposals for improving liability mechanisms and regulatory regulation. The research methodology includes a formal legal and comparative legal analysis of Russian legislation, foreign acts, doctrinal sources and judicial practice. The article reveals the essence of AI documents, their typology (informational, advisory, law-giving), the problem of expression of will, the crisis of traditional props, the phenomenon of "hallucinations" and the legal consequences of their occurrence. The practical significance of the work lies in the development of proposals to introduce mandatory labeling of synthesized content, consolidate the presumption of responsibility of the signatory of the AI document, introduce the principle of human-in-the-loop as a standard of professional activity, as well as to improve the draft Federal Law on Artificial Intelligence in terms of regulating legally significant documents. The scientific value of the research consists in the systematization of the conceptual framework, the analysis of the concept of the quasi-subject of law in relation to AI, the formation of a theoretical basis for further interdisciplinary research in the field of Legal Tech.

Key words: artificial intelligence, electronic document management, legal personality, electronic person, verification, AI hallucinations, legal responsibility, content labeling, quasi-legal entity.

Spisok literatury:

1. Vasilevskaya L.Yu. Iskusstvennyj intellekt: problemy grazhdansko-pravovoj kvalifikacii // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2023. – № 5 (105). – S. 32-40.
2. Kuznecov M.S. Ehlektronnoe lico kak produkt iskusstvennogo intellekta // Yuridicheskie issledovaniya. – 2024. – № 11. – S. 26-37.
3. Chubukova S.G. Kvazisub"ekty v kiberprave // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. – 2023. – № 2 (102). – S. 53-61.
4. Tyutcheva E.S. Pravosub"ektnost' «ehlektronnogo lica»: teoreticheskij analiz // Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. – 2022. – № 2 (12). – S. 50-58.
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 08.11.2024 № 1518 (red. ot 29.11.2025) «Ob ustanovlenii ehksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere cifrovyh i tehnologicheskih innovacij i utverzhdenii programmy ehksperimental'nogo pravovogo rezhima v sfere cifrovyh i tehnologicheskih innovacij po ehkspluatacii bespilotnyh aviacionnyh sistem vo Vladimirskoj oblasti, v Kaluzhskoj oblasti i Nizhegorodskoj oblasti» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2024. – № 46. – st. 6978.
6. Poryvaeva O.V. Problema pravosub"ektnosti iskusstvennogo intellekta v pravovoj sisteme gosudarstva // Vlast'. – 2025. – T. 33. – № 4. – S. 31-34.
7. Federal'nyj zakon ot 06.04.2011 № 63-FZ (red. ot 31.07.2025) «Ob ehlektronnoj podpisi» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2011. – № 15. – st. 2036.
8. Opredelenie Arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 14 maya 2026 g. po delu № A27-7831/2025 // Ehlektronnoe pravosudie. – [Ehlektronnyj resurs]
9. Grazhdanskij kodeks RF (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 31.07.2025, s izm. ot 25.03.2026) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.08.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 1994. – № 32. – st. 3301.
10. Proekt Federal'nogo zakona «Ob osnovah gosudarstvennogo regulirovaniya sfer primeneniya tehnologij is-

kusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» (podgotovlen Mincifry Rossii, ID proekta 02/04/03-26/00166424) // Federal'nyj portal proektov normativnyh pravovyh aktov.
11. Danilin M.E., Zayara A.V., Men'shikov O.P. Perspektivy ehvolyucii koncepcii «Human-in-the-loop» v upravlenii mobil'nymi robototehnicheskimi kompleksami // Robototehnika i tehnicheskaya kibernetika. – 2025. – T. 13. – № 3. S. 198-204.
12. Selivanova E.S., Sarkisyan V.V. Pravovye modeli otvetstvennosti za vred, prichinennyj sistemami II: osnovaniya, mehanizmy i kriterii formirovaniya // Vestnik yuridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta. – 2025. – T. 12. – № 3. S. 68-77.
13. Kazancev D.A. Pravovye mehanizmy raspredeleniya otvetstvennosti za vred, prichinennyj sistemami iskusstvennogo intellekta // Journal of Digital Technologies and Law. – 2025. – T. 3. – № 3. S. 446-471.
14. Avdoshin S.M., Pesotskaya E.Y. Explainable AI for Industry 5.0: Shedding light on the black box // Biznes-informatika. – 2026. – T. 20. – № 1. – S. 7-28.
15. Sereda A.P., Bogdan V.N., Andrianova M.A., Berenshtejn M. Lechenie periproteznoj infekcii: gde i kto? // Travmatologiya i ortopediya Rossii. – 2019. – T. 25. – № 4. – S. 33-55.
16. Hasimova L.N., Gajfutdinova R.Z., Yushchenko N.A. Pravovoe regulirovanie cifrovyh prav kak ob"ektov grazhdanskogo prava po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii // Vestnik ehkonomiki, prava i sociologii. 2020. – № 1. – S. 89-92.
17. Golovin K.S. Neobhodimost' pravovogo regulirovaniya «chernogo yashchika» iskusstvennogo intellekta // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2024. – T. 30. – № 3. – S. 290-297.
18. Ivanov S.V. Institut iskusstvennogo intellekta v zarubezhnyh sistemah publichnogo prava // Zakon i vlast'. – 2026. – № 1. – S. 26-30.
19. Morhat P.M. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie praktiki rassmotreniya sudebnyh sporov, svyazannyh s primeneniem iskusstvennogo intellekta v anglosaksonskoj sisteme prava i Rossii // Yuridicheskie issledovaniya. – 2024. – № 8. – S. 40-57.
20. Shejkin A. G. Pravovoe regulirovanie iskusstvennogo intellekta v Kitajskoj Narodnoj Respublike: sostoyanie, perspektivy, sravnitel'nyj analiz zakonoproektnyh predlozhenij (chast' 2) // Prolog: zhurnal o prave. – 2025. – № 2. – S. 43-56.
21. Kochetkova I.V., Osipova M.A. Progress i ego riski: pravovoe regulirovanie ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta (II) v Yaponii // Grazhdanskoe pravo. – 2025. – № 6. – S. 42-45.
22. The Basic Act on the Development of Artificial Intelligence and the Establishment of a Trust-Based Foundation (effective 22.01.2026) (Act № 21311, 20.01.2026, partial amendment) // Official website of Ministry of Government Legislation.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 358-362.

УДК 342.728

КОНСТИТУЦИОННАЯ ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ВОЛОНТЕРСКОЙ (ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СТРАНАХ СНГ

Нифанов А. Н., Равбышко Р. В.
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Актуальность заявленной темы обусловлена возрастающей ролью волонтерской (добровольческой) деятельности в реализации социально значимых функций государства, оказании помощи уязвимым категориям населения и развитии гражданского общества в постсоветских государствах. Конституционные реформы последних лет (в том числе в Российской Федерации 2020 г. и Республике Казахстан 2026 г.) впервые прямо закрепили волонтерство в текстах основных законов, что требует осмысления с позиций сравнительного конституционного права. Цель данной статьи состоит в выявлении закономерностей и особенностей конституционной легализации волонтерской (добровольческой) деятельности в государствах-участниках СНГ на основе сравнительно-правового анализа. В качестве итога автором выделено пять ключевых блоков конституционных норм, образующих фундамент для легализации волонтерства: организационный, волевой, ценностный, целевой и императивный. На основе анализа конституций 10 стран СНГ обоснованы и поименованы три модели конституционной легализации добровольчества: нейтральная, референциальная и функциональная. Установлено, что наиболее продвинутой с точки зрения юридической техники является функциональная модель, представленная в Конституции Российской Федерации (п. «е.2» ст. 114).

Ключевые слова: волонтерская деятельность, добровольчество, конституционное регулирование, права и свободы человека, право на объединение, благотворительность.

Волонтерская (добровольческая) деятельность за последние десятилетия превратилась в полноценный институт гражданского общества, признаваемый на самом высоком нормативном уровне. Пандемия COVID-19, природные и техногенные катастрофы, вооруженные конфликты и миграционные кризисы наглядно продемонстрировали, что государство не всегда способно оперативно и в полном объеме обеспечить социальную поддержку нуждающимся категориям населения. Именно в этих «точках напряжения» волонтерские организации и объединения граждан берут на себя часть функций по оказанию адресной помощи, ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций и социальной реабилитации пострадавших.

Полагаем, развитие добровольчества невозможно без адекватного правового фундамента. Именно в конституции закладываются базовые принципы, права и свободы, которые затем детализируются в отраслевом законодательстве. Поэтому вопрос о том, как именно волонтерская деятельность закреплена (или не закреплена) в конституциях постсоветских государств, приобретает и теоретическое, и практическое значение – от ответа на него зависит, насколько органично добровольчество может быть встроено в систему публично-правовых отношений, каков объем гарантий для волонтеров и какова степень ответственности государства за создание условий для их работы.

Исходя из этого, цель настоящей статьи – выявить закономерности и особенности конституционной легализации волонтерской деятельности в государствах-участниках СНГ на основе сравнительно-правового анализа действующих конституций (с учетом последних изменений по состоянию на 2026 г.).

Проведенный анализ конституций 10 стран СНГ позволил выделить пять ключевых блоков норм, образующих конституционный фундамент для развития волонтерства. Выбор именно этих блоков обусловлен их теоретической и практической значимостью для легализации добровольческой деятельности. Так, на наш взгляд, волонтерство как социально-правовой феномен может быть конституционно легитимировано только через признание: а) организационной свободы (право на объединение); б) добровольного характера труда (запрет принудительного труда); в) общественной полезности деятель-

ности (поощрение благотворительности); г) адресной направленности (к примеру, социальная защита); д) прямого упоминания. Каждый из выделенных блоков соответствует одному из сущностных признаков волонтерства.

Итак, начнем с непосредственной конституционной легализации волонтерской деятельности. В данном аспекте исключительной особенностью обладает Конституция Российской Федерации в редакции 2020 г., в которой п. «е.2» ст. 114 прямо устанавливает, что Правительство России «осуществляет меры по поддержке добровольческой (волонтерской) деятельности» [10]. Это первый в истории постсоветского конституционализма случай прямого закрепления обязанности государства поддерживать волонтерство на высшем законодательном уровне. Конституция Казахстана в ч. 2 ст. 31 также содержит прямое упоминание поощрения в государстве волонтерской деятельности. Данный подход является качественно новым в регулировании заявленного социально-правового феномена. Последующие выделенные нами четыре блока позволяют «выводить» легитимность волонтерства через толкование, а прямое упоминание является императивной нормой. В российском случае – это позитивная обязанность Правительства поддерживать добровольческую деятельность. В казахстанском – поощрение волонтерства как части социальной политики.

Далее представим выявленные конституционные нормы, способствующие развитию волнтерства в обозначенной нами последовательности блоков.

В числе базовых установлений право граждан на объединение. В ст. 58 Конституции Азербайджана установлено право каждого свободно объединяться с другими (ч. I). В ч. II данной же нормы перечислены формы общественных объединений с указанием гарантирования их свободной деятельности. Важно, что «никто не может быть принужден вступать в какое-либо объединение или оставаться его членом» (ч. III Конституции Азербайджана). Имеет значение запрет объединений, «преследующих цель насильственно свергнуть законную государственную власть» (ч. IV Конституции Азербайджана). Очевидно, что деятельность таких объединений может быть прекращена только в судебном порядке (ч. IV Конституции Азербайджана). Аналогичны положения ст. 45 Конституции Армении, ст. 36 Конституции Беларуси, ст.ст. 6, 26 Конституции Казахстана, ст. 8, 36 Конституции Киргизии, ст. 41 Конституции Молдовы, ст.ст. 6, 8, 28 Конституции Таджикистана [7], ст. 44 Конституции Туркмении, ч.ч. 4, 5 ст. 13 [8], ст. 30 Конституции России. Только в ч. 3 ст. 45 Конституции Армении представлен более широкий перечень ограничения свободы объединений – государственная безопасность, защита общественного порядка, здоровья и нравственности или основных прав и свобод других лиц. Широк перечень запретов и в ст. 5 Конституции Беларуси – «насильственное изменение конституционного строя либо ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды» [3].

Обратим внимание, что в ст. 36 Конституции Беларуси указаны цели объединения граждан – «для осуществления и удовлетворения политических, социальных, экономических, культурных и иных интересов» [3]. При этом в ст. 5 уточнено, что общественные объединения «содействуют реализации и защите прав, свобод и интересов человека и гражданина» [3]

В дополнение к приведенным нормам следует указать:

ч. 2 ст. 6 Конституции Казахстана, согласно которой «не допускается незаконное вмешательство государства в дела общественных объединений и общественных объединений в дела государства, а также возложение на общественные объединения функций государственных органов» [4];

ч. 4 ст. 8 Конституции Киргизии – «…общественные объединения обеспечивают прозрачность своей финансовой и хозяйственной деятельности» [5];

ч. 5 ст. 41 Конституции Молдовы – «тайные объединения запрещены» [6].

На наш взгляд, без конституционного признания права на объединение невозможна институционализация волонтерства. Приведенный блок конституционных норм создает организационно-правовую предпосылку для коллективного осуществления добровольческой деятельности.

Сущностным признаком волонтерства является добровольность, поэтому важны конституционные нормы о запрете принудительного труда:

– «никто не может быть принужден к труду» (ч. III ст. 35 Конституции Азербайджана);

– запрет принудительного труда (ч. 5 ст. 57 Конституции Армении, ст. 41 Конституции Беларуси, ч. 3 ст. 28 Конституции Киргизии, ст. 44 Конституции Молдовы, ч. 2 ст. 37 Конституции России, ст. 35 Конституции Таджикистана, ст. 49 Конституции Туркмении, ст. 44 Конституции Узбекистана [9]).

Отсутствие принуждения отличает волонтерский труд от обязательной трудовой повинности, работы по приговору суда или в условиях чрезвычайного положения. Этот блок формирует принципиальную основу добровольности как имманентного свойства волонтерства.

В третьем блоке конституционных норм мы зафиксировали поддержку благотворительной деятельности.

Так, государство создает возможности / поощряет развитие благотворительной деятельности (ч. V ст. 38 Конституции Азербайджана, ч. 4 ст. 44 Конституции Киргизии, ст. 77 Конституции Узбекистана).

В числе основных целей политики государства Конституция Армении фиксирует стимулирование благотворительности (п. 16 ст. 86).

В Казахстане благотворительность поощряется также, как и волонтерская деятельность (ч. 2 ст. 31)..

Интересно, что в Конституции Молдовы государство поощряет и поддерживает благотворительность только в отношении детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки (ч. 3 ст. 49).

В конституциях Беларуси, Таджикистана и Туркмении заявленного установления нет.

Отметим, что волонтерство и благотворительность – смежные, но не тождественные понятия. Благотворительность может выражаться в материальной помощи, тогда как волонтерство – в безвозмездном труде. Однако конституционное поощрение благотворительности, полагаем, создает ценностно-целевой контекст для развития всех форм общественно полезной деятельности, включая добровольчество. Государство, провозглашающее поддержку благотворительности, логически должно поддерживать и волонтерство.

Нормы о поддержке семьи, детей, инвалидов, пожилых граждан создают целевое поле для приложения волонтерских усилий. Волонтерство традиционно ориентировано на помощь социально уязвимым категориям: инвалидам, пожилым людям, детям-сиротам, малоимущим.. Без конституционного признания нужд уязвимых категорий волонтерство лишается одной из своих главных социальных миссий. Данный блок обосновывает социальную востребованность добровольчества. На конституционном уровне это выражено в следующем многообразии:

– «семья и брак находятся под опекой государства. Материнство, отцовство, детство охраняются законом. Государство оказывает помощь многодетным семьям» [1] (ч. III ст. 34 Конституции Азербайджана);

– «основными целями политики государства в экономической, социальной и культурной сферах являются … осуществление программ по предупреждению, лечению инвалидности, восстановлению здоровья инвалидов, стимулирование участия инвали-

дов в общественной жизни» [2] (п. 8 ст. 86 Конституции Армении);

– «государство проявляет особую заботу о ветеранах войны и труда, о лицах, утративших здоровье при защите государственных и общественных интересов, а также об инвалидах и пожилых людях» [3] (ст. 47 Конституции Беларуси) и прочие нормы.

Уточним, что подобного рода нормы имеются практически в каждой конституции исследуемой группы стран, поэтому не будем их представлять в исчерпывающем объеме.

На основе выявленных блоков можно предложить следующую системную аргументацию конституционного фундамента волонтерства.

Конституционная легализация волонтерской деятельности в странах СНГ носит комплексный характер, поскольку волонтерство не может быть сведено к одному какому-либо праву или свободе. Его конституционное признание складывается из суммы взаимосвязанных элементов:

– организационный элемент (право на объединение) – позволяет волонтерам создавать структуры для системной работы;

– волевой элемент (запрет принудительного труда) – гарантирует свободу и добровольность;

– ценностный элемент (поощрение благотворительности) – помещает волонтерство в контекст одобряемых государством социальных практик;

– целевой элемент (социальная, государственная защита) – определяет приоритетные направления приложения волонтерских усилий;

– императивный элемент (прямое упоминание) – волонтерство включено в базовом законе государства как социально-правовой феномен.

Проведенный анализ конституций десяти государств-участников СНГ позволяет не только констатировать наличие или отсутствие в них норм о волонтерской деятельности, но и выявить глубинные различия в юридической технике конституционного закрепления добровольчества. В зависимости от способа «встраивания» волонтерства в конституционный текст и той роли, которую конституционные нормы играют в его легализации, можно выделить три модели.

Нейтральная модель. В ее рамках волонтерская (добровольческая) деятельность отсутствует в конституционном тексте. Однако это не означает конституционного «безразличия» к добровольчеству. Легитимность волонтерства выводится через толкование и системную взаимосвязь норм, образующих его конституционный фундамент (ранее нами обозначены).

В качестве примеров конституции Азербайджана, Армении, Беларуси, Киргизии, Молдовы, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана.

Референциальная модель. В ее рамках термин «волонтерская (добровольческая) деятельность» прямо присутствует в конституционном тексте. Однако конституционная норма носит декларативно-поощрительный характер: она называет волонтерство в ряду социально одобряемых практик, но не конкретизирует механизмов государственной поддержки и не возлагает на конкретные органы власти обязанностей по его развитию.

Пример – Конституция Республики Казахстан (ч. 2 ст. 31).

Функциональная модель. В ее рамках термин «добровольческая (волонтерская) деятельность» не только прямо назван в конституции, но и включен в описание полномочий конкретного органа государственной власти (Правительство Российской Федерации). Норма приобретает императивный, обеспечительный характер.

Пример – Конституция Российской Федерации (п. «е.2» ст. 114).

В целом конституции стран СНГ создают правовую основу для развития волонтерской деятельности. Однако перспективным направлением развития конституционного регулирования в странах СНГ, на наш взгляд, могло бы стать прямое закрепление обя-

занности государства поддерживать волонтерскую деятельность.

Список литературы:
1. Конституция Республики Азербайджан от 12 ноября 1995 г. // https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution (дата обращения 10.04.2026 г.).
2. Конституция Республики Армения от 6 декабря 2015 г. // https://www.president.am/ru/constitution-2015 (дата обращения 10.04.2026 г.).
3. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. // https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (дата обращения 10.04.2026 г.).
4. Конституция Республики Казахстан от 15 марта 2026 г. // https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K2600000000?ysclid=mnbt1b1xf7508529419 (дата обращения 10.04.2026 г.).
5. Конституция Республики Киргизия от 11 апреля 2021 г. // https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru?ysclid=mgnxd7x3iu314497800 (дата обращения 10.04.2026 г.).
6. Конституция Республики Молдова от 29 июля 1994 г. // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22036 (дата обращения 10.04.2026 г.).
7. Конституция Республики Таджикистан от 06 ноября 1994 г. // https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya?ysclid=m3iisqmhrt957076912 (дата обращения 10.04.2026 г.).
8. Конституция Республики Туркмения от 18 мая 1992 г. // https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya- (дата обращения 10.04.2026 г.).
9. Конституция Республики Узбекистан от 30 апреля 2023 г. // https://constitution.uz/ru (дата обращения 10.04.2026 г.).
10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // СЗ РФ. 2022. № 710. Ст. 4398.

Nifanov A.N. Ravbyshko R. V. Constitutional legalization of volunteer activity in the cis countries // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 358-362.

The relevance of the stated topic is due to the increasing role of volunteerism in the implementation of socially significant functions of the state, assistance to vulnerable categories of the population and the development of civil society in post-Soviet states. The constitutional reforms of recent years (including in the Russian Federation in 2020 and the Republic of Kazakhstan in 2026) have for the first time explicitly enshrined volunteerism in the texts of basic laws, which requires reflection from the perspective of comparative constitutional law. The purpose of this article is to identify patterns and features of the constitutional legalization of volunteer (volunteer) activities in the CIS member states based on comparative legal analysis. As a result, the author identifies five key blocks of constitutional norms that form the foundation for the legalization of volunteerism: organizational, volitional, value-based, targeted and imperative. Based on the analysis of the constitutions of 10 CIS countries, three models of constitutional legalization of volunteerism are substantiated and named: neutral, referential and functional. It is established that the most advanced from the point of view of legal technology is the functional model presented in the Constitution of the Russian Federation (paragraph «E.2» of art. 114).

Keywords: volunteerism, volunteerism, constitutional regulation, human rights and freedoms, the right to association, charity.

Spisok literatury:
1. Konstituciya Respubliki Azerbajdzhan ot 12 noyabrya 1995 g. // https://president.az/ru/pages/view/azerbaijan/constitution (data obrashcheniya 10.04.2026 g.).
2. Konstituciya Respubliki Armeniya ot 6 dekabrya 2015 g. // https://www.president.am/ru/constitution-2015 (data obrashcheniya 10.04.2026 g.).
3. Konstituciya Respubliki Belarus' ot 15 marta 1994 g. // https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/ (data obrashcheniya 10.04.2026 g.).
4. Konstituciya Respubliki Kazahstan ot 15 marta 2026 g. // https://zakon.uchet.kz/rus/docs/K2600000000?ysclid=mnbt1b1xf7508529419 (data obrashcheniya 10.04.2026 g.).
5. Konstituciya Respubliki Kirgiziya ot 11 aprelya 2021 g. // https://cbd.minjust.gov.kg/112213/edition/1202952/ru?ysclid=mgnxd7x3iu314497800 (data obrashcheniya 10.04.2026 g.).
6. Konstituciya Respubliki Moldova ot 29 iyulya 1994 g. // https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/22036 (data obrashcheniya 10.04.2026 g.).
7. Konstituciya Respubliki Tadzhikistan ot 06 noyabrya 1994 g. // https://www.mfa.tj/ru/main/tadzhikistan/konstitutsiya?ysclid=m3iisqmhrt957076912 (data obrashcheniya 10.04.2026 g.).
8. Konstituciya Respubliki Turkmeniya ot 18 maya 1992 g. // https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/27017/konstitutsiya- (data obrashcheniya 10.04.2026 g.).
9. Konstituciya Respubliki Uzbekistan ot 30 aprelya 2023 g. // https://constitution.uz/ru (data obrashcheniya 10.04.2026 g.).
10. Konstituciya Rossijskoj Federacii: prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g. // SZ RF. 2022. № 710. St. 4398. .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 363-367.

УДК: 351.745

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

Овсепян Г. М., Осяк А. Н., Светлова А. П.

Актуальные вызовы современности обуславливают необходимость разработки и внедрения дополнительных мер по противодействию экстремизму. Цель данного исследования – выяснить, как участковые уполномоченные полиции используют свои полномочия для борьбы с экстремизмом. Методологическая база исследования включает общенаучные и специально-юридические методы, с особым акцентом на метод круговой причинности. Полученные выводы свидетельствуют о том, что на подразделения участковых уполномоченных полиции возлагается значительный объем обязанностей по противодействию экстремистской деятельности. Исключительно силами участковых уполномоченных полиции невозможно достичь полного нивелирования экстремизма. Их компетенция в данном вопросе ограничивается фиксацией признаков экстремистской деятельности и последующей передачей соответствующей информации в профильные подразделения правоохранительных органов.

Ключевые слова. Противодействие, экстремизм, терроризм, участковые уполномоченные, правоохранительные органы, взаимодействие.

К сожалению, экстремизм и терроризм стали неотъемлемой частью современной жизни. В ответ на это, на глобальном уровне наблюдается растущая тенденция к увеличению инвестиций – как временных, так и финансовых – в мероприятия, направленные на их ликвидацию. Эта актуальная тема привлекает значительный интерес со стороны научного сообщества [1–4].

Необходимо информировать население о проблеме экстремизма и его профилактике. Распространенное заблуждение, что экстремизм – это что-то далекое и не касающееся обычных людей, является опасным. Экстремистские проявления, к сожалению, не ограничиваются только зонами конфликтов, а встречаются по всей стране, затрагивая различные слои общества.

Научное осмысление экстремизма, проводимое как российскими, так и иностранными учеными, имеет глубокие исторические корни, уходящие в далекое прошлое и продолжающиеся по сей день. Однако, законодательное закрепление понятия экстремистской деятельности произошло позднее, в ст. 1 Федерального закона от 25.07.2002 г. № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» (далее — ФЗ № 114).

Ввиду высокой степени актуальности проблемы экстремизма в современном обществе, ей уделяется повышенное внимание. Анализ правоведческих мнений по данному вопросу свидетельствует о наличии различных подходов к определению экстремизма среди ученых. Для определенной группы отечественных правоведов характерно понимание этого явления, которое выходит за рамки политического, охватывая также конкретные акты насилия или их продвижение [6 с. 208–210].

Экстремизм представляет собой многогранное и неоднозначное явление, охватывающее широкий спектр проявлений. В своей основе экстремизм характеризуется приверженностью радикальным взглядам и действиям, направленным на отрицание и разрушение общепринятых социальных норм, правил и ценностей, включая как законодательные, так и моральные устои [7; 8].

Согласно Федеральному закону № 114, терроризм является формой экстремизма, включающей в себя разнообразные преступные деяния. К ним относятся как непосредственное осуществление террористических актов (включая их организацию, финансирование и исполнение), так и действия, способствующие этому: вовлечение других лиц, создание или участие в незаконных вооруженных группах, подготовка и вербовка террористов, а также любая поддержка террористической деятельности и пропаганда ее

идей.

Следует подчеркнуть, что корень любого экстремизма кроется в неприятии и враждебности по отношению к определенным группам. Именно эта глубокая нетерпимость становится движущей силой для формирования экстремистских объединений, чья деятельность направлена на распространение своих взглядов и применение насилия в их защиту. Классификация экстремизма по используемым средствам предполагает выделение двух основных форм: традиционной и технологической. Можно выделить два основных типа экстремизма.

Несмотря на вариативность способов осуществления, всем формам экстремизма присущи общие имманентные черты: 1) наличие угрозы применения насилия и его фактическая реализация; 2) примитивное, деструктивное восприятие социальных проблем и их решение исключительно через экстремистские действия; 3) идеологический фанатизм и стремление к навязыванию собственных взглядов; 4) для исполнителей характерно полное подчинение и лояльность руководству; 5) руководящее звено действует преимущественно под влиянием аффективных состояний и инстинктов; 6) отсутствие способности к диалогу, компромиссу и толерантности.

Федеральный закон № 114 устанавливает, что основой борьбы с экстремизмом является приоритет мер, направленных на его предупреждение. Согласно ст. 5 данного закона, государственные органы всех уровней (федеральные, региональные и муниципальные) обязаны в первую очередь проводить профилактические меры, направленные на предотвращение экстремизма. К таким мерам относятся просветительская и информационная работа. Основная цель государства в данной сфере заключается в том, чтобы на ранних стадиях определить источники и причины, способствующие возникновению и распространению экстремистских групп, с целью предотвращения их разрушительного воздействия.

Профилактические меры являются ключевыми для успешного противодействия этой деятельности [9, с. 163].

В соответствии с положениями ст. 12 Федерального закона «О полиции» сотрудники органов внутренних дел обязаны: принимать меры, по предупреждению, выявлению и пресечению экстремистской деятельности граждан, общественных объединений, религиозных и иных организаций; участвовать в мероприятиях по противодействию терроризму и в обеспечении правового режима контртеррористической операции, а также в обеспечении защиты потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания граждан.

Исполнение этих обязанностей в первую очередь осуществляется участковыми, которые, согласно действующему законодательству, обладают широкими полномочиями. По приказу руководителя территориального органа или его представителя, за каждым участковым инспектором закрепляется определенный административный участок. Основная цель правоохранительных органов в данном случае – защита жизни и здоровья граждан, проживающих на данной территории [10, с. 153].

В рамках своих должностных обязанностей, участковый уполномоченный осуществляет ежемесячный мониторинг оперативной обстановки на обслуживаемой территории. В случае фиксации негативных тенденций, выражающихся в росте преступности и правонарушений, им предпринимаются соответствующие меры по нормализации ситуации. С целью повышения эффективности профилактической деятельности, он наделен правом внесения предложений своему непосредственному руководителю в территориальном подразделении МВД России. Следовательно, постоянная профилактика играет решающую роль в улучшении оперативной обстановки на обслуживаемой территории. Чтобы предотвратить экстремизм и терроризм, участковые полиции, в

рамках профилактических мер, патрулируют свои районы. Во время обхода они осматривают территорию, в том числе места скопления людей, на предмет спрятанных взрывчаток и других опасных устройств.

В рамках своей профилактической деятельности участковый тесно сотрудничает с другими правоохранительными органами, государственными структурами и активно взаимодействует с жителями. Показательным примером такого сотрудничества является взаимодействие полиции с управляющей компанией.

В Улан-Удэ 4 июня 2024 г. экстренные службы были вызваны сотрудниками управляющей компании, обнаружившими подозрительные предметы в подвале дома по ул. Гагарина. Оперативно прибывшие на место сотрудники провели эвакуацию жителей и обеспечили безопасность прилегающей территории. Специалисты ОМОН Росгвардии, занимающиеся разминированием, обследовали находку. Экспертиза выявила наличие 11 самодельных взрывных устройств. Конструкция каждого включала металлическую емкость объемом от 100 до 250 миллилитров, предварительно заполненную порохом. В качестве поражающих элементов использовались гвозди и шурупы. Кроме того, были найдены различные типы детонаторов, в том числе зажигательного типа. По подозрению в причастности к этому инциденту задержан 51-летний сотрудник ОАО «РЖД», занимающий должность помощника машиниста. Обстоятельства и причины его действий в настоящее время устанавливаются.

В рамках профилактической работы на административном участке, участковый уполномоченный обязан использовать такие формы, как индивидуальные профилактические беседы и прием заявлений от граждан. При обследовании жилого фонда необходимо активно информировать население о порядке действий при обнаружении признаков экстремистской деятельности.

Участковый уполномоченный обязан в первую очередь собирать и анализировать информацию о тех, кто может быть причастен к распространению экстремистских материалов. Его задача – активно находить и останавливать любые незаконные действия в этой сфере. Если участковый уполномоченный полиции в процессе обхода территории получит информацию о причастности кого-либо к совершению преступлений, в том числе экстремистского или террористического характера, он обязан официально уведомить об этом начальника своего подразделения, чтобы были предприняты соответствующие действия. На территории, находящейся в зоне ответственности участкового уполномоченного полиции, находятся учебные заведения, где обучаются студенты и школьники. В последнее время наблюдается рост влияния криминальных и экстремистских группировок на определенные слои населения. В ответ на это, участковому поручено проводить профилактическую работу с учащимися. Для минимизации рисков преступности и потенциального ущерба, он будет взаимодействовать с государственными структурами, общественными объединениями и другими организациями.

В рамках работы по просвещению населения, в мае 2024 года в Дагестане представители прокуратуры, антитеррористической комиссии и полиции провели в Балакуринской средней школе встречу с учениками старших классов. Целью мероприятия было повышение правовой грамотности школьников в вопросах противодействия терроризму и экстремизму, в частности, разъяснение методов вербовки молодежи и последствий участия в подобной деятельности.

В заключение следует отметить, что в контексте современного мира, отмеченного эскалацией политической вражды между различными государствами, этносами и конфессиями, проблема мирного урегулирования конфликтов приобретает особую остроту. С начала XXI в.а наблюдается экспоненциальный рост жертв экстремистских преступлений, что свидетельствует о переходе от локальных конфликтов к актам массово-

го уничтожения. В этой связи становится важным разработать новые политические решения, криминалистические подходы, нормы уголовного права и оперативные мероприятия, которые будут направлены на эффективную борьбу с экстремизмом.

Современное российское законодательство, направленное на противодействие экстремизму, характеризуется наличием недостатков, а его имплементация находится в стадии формирования. Данное обстоятельство обуславливает актуальность проведения комплексных научных изысканий, разработки инновационных правовых механизмов, подтвердивших свою эффективность в практической деятельности, а также совершенствования методов выявления и пресечения правонарушений в указанной сфере. Для достижения более высокого уровня эффективности в противодействии экстремизму представляется целесообразным проведение реформ правовых норм и организационных структур, затрагивающих все подразделения органов внутренних дел, включая институт участковых уполномоченных полиции.

Список литературы:

1. Андриянов В.Н. Конституционно-правовые основы противодействия экстремизму / В.Н. Андриянов. — DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(1).32-42 // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 32–42.
2. Протасевич А.А. О противодействии экстремизму в современном мире / А.А. Протасевич. — DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(1).172-176 // Всероссийский криминологический журнал. — 2021. — Т. 13, № 1. — С. 172–176.
3. Сучков В.В. Экстремизм. Юридическая абстракция. Проблемы демаркации свободы выражения мнения / В.В. Сучков, В.И. Филонов - DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(4).629- 640 // Всероссийский криминологический журнал. — 2023. — Т. 13, № 4. — С. 629–640.
4. Молодежный экстремизм: предупреждение и профилактика: учеб.-метод. пособие / С.К. Бондырева, Н.Н. Бушмарина, Н. И. Клименко [и др.]. — Москва: Изд-во МПСУ, 2024. — 246 с.
5. Долин В.А. Религиозный экстремизм в России: нормативные правовые предписания в системе правовых средств противодействия / В.А. Долин // Проблемы правоохранительной деятельности. — 2020. — № 3. — С. 6–11.
6. Синцов Г.В. Экстремизм в России: понятие и правовая сущность / Г.В. Синцов, Ю.А. Гартина // Вестник Пензенского государственного университета. — 2021. — № 3 (27). — С. 39–43.
7. Криминология. Особенная часть. В 2 т. Т. 2: учебник / отв. ред. О.С. Капинус. — Москва: Юрайт, 2021. — 311 с.
8. Егоров В.Ю. Обучение сотрудников полиции, необходимым качествам, связанным с охраной общественного порядка, раскрытием преступлений и противодействию преступности / В.Ю. Егоров, Е.А. Лайкова // Modern Science. — 2022. — № 6-3. — С. 153–156.
9. Желтобрюх А.В. Обязанности нарядов полиции по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений / А.В. Желтобрюх, А.А. Сошин // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. — 2023. — № 2 (12). — С. 49–54.
10. Балеев С.А. Законодательство о противодействии экстремизму в Российской Федерации и Республике Казахстан: сравнительный анализ / С.А. Балеев, Р.Р. Файзрахманов // Вестник экономики, права и социологии. — 2021. — № 1. — С. 61–64.
11. Кунашев А.А. Некоторые вопросы квалификации насильственных преступлений, совершенных по экстремистским мотивам / А.А. Кунашев // Уголовное право. — 2024. — № 5. — С. 66–68.
12. Плотников В.В. Социально-правовые аспекты правоприменения закона об экстремизме / В.В. Плотников // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Новороссийск, 22-23 сент. 2016 г. / под общ. ред. В.А. Сосова. — Краснодар, 2020. — С. 341–351.
13. Ведманова Е.В. Гарантии реализации права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений в современной России / Е.В. Ведманова, А.А. Сошин // Global and Regional Research. — 2020. — Т. 2, № 3. — С. 124–128.

Hovsepyan G. M., Osyak A. N., Svetlova A. P. Activities of the police station commissioner in countering extremism // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 363-367.

The current challenges of our time necessitate the development and implementation of additional measures to counter extremism. The purpose of this study is to investigate how police district commissioners use their authority to combat extremism. The research methodology includes general scientific and specific legal methods, with a particular focus on the circular causation method. The findings suggest that district commissioners have a significant role in countering extremist activities. However, it is impossible to completely eliminate extremism solely through the efforts of district commissioners. Their competence in this matter is limited to recording signs of extremist activi-

ty and subsequently transmitting the relevant information to specialized law enforcement agencies.

Key words. Counteraction, extremism, terrorism, district commissioners, law enforcement agencies, interaction.

Spisok literatury:

1. Andriyanov V.N. Konstitucionno-pravovye osnovy protivodejstviya ekstremizmu / V.N. Andriyanov. — DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(1).32-42 // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. - 2022. - T. 11, № 1. — S. 32–42.
2. Protasevich A.A. O protivodejstvii ekstremizmu v sovremennom mire / A.A. Protasevich. — DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(1).172-176 // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. — 2021. — T. 13, № 1. — S. 172–176.
3. Suchkov V.V. Ekstremizm. Yuridicheskaya abstrakciya. Problemy demarkacii svobody vyrazheniya mneniya / V.V. Suchkov, V.I. Filonov - DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(4).629- 640 // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. — 2023. — T. 13, № 4. — S. 629–640.
4. Molodezhnyj ekstremizm: preduprezhdenie i profilaktika: ucheb.-metod. posobie / S.K. Bondyreva, N.N. Bushmarina, N. I. Klimenko [i dr.]. — Moskva: Izd-vo MPSU, 2024. — 246 s.
5. Dolin V.A. Religioznyj ekstremizm v Rossii: normativnye pravovye predpisaniya v sisteme pravovyh sredstv protivodejstviya / V.A. Dolin // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. — 2020. № 3. - S. 6–11.
6. Sincov G.V. Ekstremizm v Rossii: ponyatie i pravovaya sushchnost' / G.V. Sincov, Yu.A. Gartina // Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2021. — № 3 (27). — S. 39–43.
7. Kriminologiya. Osobennaya chast'. V 2 t. T. 2: uchebnik / otv. red. O.S. Kapinus. - Moskva: Yurajt, 2021. - 311 s.
8. Egorov V.Yu. Obuchenie sotrudnikov policii, neobhodimym kachestvam, svyazannym s ohranoj obshchestvennogo poryadka, raskrytiem prestuplenij i protivodejstviyu prestupnosti / V.Yu. Egorov, E.A. Lajkova // Modern Science. — 2022. — № 6-3. — S. 153–156.
9. Zheltobryuh A.V. Obyazannosti naryadov policii po preduprezhdeniyu, presecheniyu i raskrytiyu prestuplenij / A.V. Zheltobryuh, A.A. Soshin // Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. — 2023. — № 2 (12). — S. 49–54.
10. Baleev S.A. Zakonodatel'stvo o protivodejstvii ekstremizmu v Rossijskoj Federacii i Respublike Kazahstan: sravnitel'nyj analiz / S.A. Baleev, R.R. Fajzrahmanov // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. — 2021. — № 1. — S. 61–64.
11. Kunashev A.A. Nekotorye voprosy kvalifikacii nasil'stvennyh prestuplenij, sovershennyh po ekstremistskim motivam / A.A. Kunashev // Ugolovnoe pravo. — 2024. — № 5. — S. 66–68.
12. Plotnikov V.V. Social'no-pravovye aspekty pravoprimeneniya zakona ob ekstremizme / V.V. Plotnikov // Aktual'nye problemy prava i pravoprimenitel'noj deyatel'nosti: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Novorossijsk, 22-23 sent. 2016 g. / pod obshch. red. V.A. Sosova. — Krasnodar, 2020. — S. 341–351.
13. Vedmanova E.V. Garantii realizacii prava na tajnu perepiski, telefonnyh peregovorov, pochtovyh, telegrafnyh i inyh soobshchenij v sovremennoj Rossii / E.V. Vedmanova, A.A. Soshin // Global and Regional Research. — 2020. — T. 2, № 3. — S. 124–128.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 368-372.

УДК 34.02

БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО УПРАВЛЕНИЯ

Околёснова О. А.

РГГУ, Москва, Россия

В статье рассматриваются принципы работы блокчейн-технологии, которые могут быть полезны при имплементации в публичное управление государством. Применяя метод правового моделирования, автор создает модель информационно-правового регулирования внедрения блокчейн-технологии в различные сфера публичного управления. Сравнительно-правовой метод позволяет автору рассмотреть, как регулируется применение блокчейна в других странах, выделить особенности и трудности, которые возникают при попытке регулировать новый объект. Применение метода правовой кибернетики в данном исследовании самообусловлено. Техническая сложность объекта исследования и его уникальность с точки зрения информационно-правового регулирования делают незаменимыми системные подходы к его изучению. Метод правового прогнозирования применяется автором для изучение конкретных перспектив развития информационно-правового регулирования применения блокчейн-технологии. Сейчас блокчейн в России находится вне рамок правового поля. Технология обладает рядом свойств, которые, с одной стороны уникальным образом могут быть применены для оптимизации процессов публичного управления, а, с другой стороны, создают сложности правового регулирования беспрецедентностью своей природы. Автором исследованы информационно-правовые особенности природы блокчейн-технологии как объекта регулирования и выработаны предложения информационно-правового регулирования использования блокчейн-технологии в различных сферах публичного управления. Органичная имплементация блокчейн-технологии в процессы управления государством обеспечит качественный скачок в модернизации сферы публичного управления и позволит вывести на новый уровень информатизацию органов публичной власти.

Ключевые слова: публичное управление, блокчейн, информационные технологии, информатизация, программный код, телемедицина, электронный нотариат, регулятор, криптовалюта.

Блокчейн-технология в реализации публично-правового управления. На сегодняшний день оптимизация существующих правоотношений путём применения к ним новых информационно-коммуникационных технологий становится нормой и даже практически традицией. Иной оказывается ситуация, когда появляется новая технология, с трудом вписывающаяся в существующие правовые рамки, но по своим свойствам является столь привлекательной, что вынуждает стремиться не только к её нормативному закреплению, но и к имплементации в различные сферы правового регулирования. Технология блокчейн получила широкую известность, прежде всего, благодаря популярности использования криптовалют. Сейчас этой теме посвящены многочисленные работы известных учёных. В основу функционирования самой знаменитой криптовалюты на сегодня – биткоин – положена технология блокчейна, целью применения которой является обеспечение надежности и достоверности передачи информации о платежах.

Блокчейн – это технология распределенного хранения и шифрования данных, а также подтверждения их достоверности. Информация в таком децентрализованном реестре хранится в блоках транзакций, которые взаимосвязаны между собой.

Информация, которую пользователи вносят в такие блоки, сохраняется на всех компьютерах пользователей, что является одним из способов обеспечения достоверности. Впоследствии содержание сведений, последовательность и дата их внесения в блок подтверждается пользователями, не только исключая возможность внесения несанкционированных изменений «задним числом», но и делая невозможным отмену любых транзакций и любого рода реституцию. Кроме того, это достигается также посредством шифрования данных и присвоение каждому блоку уникального кода. Особенностью этого механизма является сохранение в каждом последующем блоке информации о предыдущем, из чего можно сделать вывод: чем длиннее цепочка таких взаимосвязан-

ных блоков, тем выше степень достоверности и меньше вероятность фальсификации. Подтверждение достоверности осуществляется автоматически. Все это создает беспрецедентные условия для высокого уровня доверия к данным блокчейна со стороны заинтересованных лиц [1, с. 94-117].

Первая важнейшая особенность технологии блокчейн – это повышенный уровень защиты данных от фальсификации. Следующим особенным свойством блокчейна является способ верификации данных – консенсус пользователей, т. е. подтверждение достоверности данных всеми пользователями распределенной цепочки блоков. Принятие решения о достоверности данных происходит при проверке взаимосвязи между блоками в распределенной цепочке данных, без чего невозможно внесение записей в новые блоки. Неразрывная связь блоков в цепочке транзакций сводит вероятность подмены данных к минимуму, устраняя потребность в подтверждении действий пользователями третьими лицами – любого рода посредниками. Самое ценное, что заключает в себе технология блокчейн –информация. На современном этапе развития общества, в котором информация становится главной ценностью, происходят качественные изменения в отношениях общества и государства [2, с. 12-19]. Главным связующим звеном между участниками управления выступает информация [3, с. 141-147]. Сегодня для подтверждения юридически значимых фактов требуется участие таких посредников как нотариусы, финансовые организации, реестродержатели и проч. С внедрением технологии блокчейн рассматривается вариант отказа от их участия в правоотношениях, т.к. подлинность сведений будет подтверждаться автоматически. Аутентичность данных и саморегулирование транзакций пользователями как основные свойства блокчейн-технологии открывают новые горизонты для применения этого механизма в различных сферах.

Принимая во внимание тот факт, что такая схема исключает необходимость участия удостоверяющих посредников при осуществлении любых транзакций, просматривается аналогия с непосредственным участием в управлении делами государства [4], т.е. прямой демократией или «народным правительством» [5, с. 15-18]. Использование технологии блокчейн в модернизации институтов непосредственной демократии может посвоему снять вечный вопрос недоверия граждан к управляющим государственным структурам. Невозможность внесения изменений в уже зафиксированные в базе транзакции устраняют возможность применения в системе коррупционных схем. Призывы к публичности и прозрачности осуществления управления государством обретут форму в децентрализованном распределенном способе хранения информации самых больших объемов. Здесь, по аналогии с описанным Талапиной Э. В. регулированием сети Интернет, открывается много возможностей для новой организации регулирования государственного управления, где результаты договоренностей государственных и негосударственных субъектов могут облекаться в нетрадиционную правовую форму [6, с. 51-75]. Технологии станут и средством, и источником вдохновения для законодателя [7, с. 38-42].

Блокчейн технически повышает эффективность работы с данными, упрощая для участников системы процесс раскрытия и отслеживания информации [8, p. 850]. При успешном функционировании блокчейна направление запросов в органы публичной власти, оказание дорогостоящих посреднических услуг в целях согласования данных не нужно [9, p. 224]. Кроме того, интересной видится удостоверяющая функция блокчейна – подтверждение и идентификация личности при совершении транзакций. Этот механизм открывает возможности технически обеспеченного безопасного и анонимного голосования без возможности фальсификации итогов, подтверждение законных прав, ведение реестров данных и проч.

К возможным сферам применения можно отнести построение государственных ре-

естров на основе блокчейн, построение системы учета налогов с возможностью отказаться от декларирования [10, с. 80-88], найдется место для применения и в сфере образования [11, с. 16-128], страхования [12, с. 202-210], трудовых правоотношений [13, с. 8-17]. Есть вероятность, что блокчейн трансформирует сертификацию и лицензирование, даже позволит полностью от них отказаться [14, с. 18-21].

На сегодняшний день широкой критике подвергается сфера медицины. И не всегда недовольство связано с качеством предоставляемых медицинских услуг. Прежде всего, это касается сведений о пациенте. При сегодняшних возможностях смены медицинского заведения особо актуален вопрос об истории болезни. У пациента нет ни возможности использования этих сведений в других медицинских организациях, ни возможности контроля правильности сведений о состоянии своего здоровья.

Блокчейн-технология позволяет накапливать и хранить информацию в течение всей жизни пациента и, при необходимости, и после его смерти. Возможно обеспечить доступ к ней из любого места. Пациент сможет сам решить, кому предоставить доступ к изменению его данных. Все вносимые сведения будут четко датированы и соотнесены с лицом, сделавшим соответствующую запись. Предыдущие записи нельзя будет удалить или изменить задним числом, что позволить предотврати фальсификацию. Кроме того, с помощью такой технологии можно будет внедрить системы выдачи рецептов, где доступ к части сведений, которые указывают на наличие у конкретного лица рецепта на конкретный препарат получают работники аптек. Это позволит избежать продажи лекарств без рецептов.

Страховые компании также могут получать доступ к картам пациентов для проверки целесообразности расходования средств. Будут доступны все медицинские услуги, оказанные пациенту, это сократит время проверки и повысит её качество. Такие технологии уже внедрены в Эстонии [15]. Широко обсуждается, а в некоторых странах и реализуется, перевод на блокчейн-платформы нотариальных услуг. Предполагается, что основная функция нотариуса – заверение подлинности документов – будет исполняться вычислительными алгоритмами без человеческого фактора. Более того, нотариат – одна из самых «клановых» юридических сфер, куда сложно пробиться и должности, в которой часто передаются по родственным связям, что создает прецеденты для совершения актов коррупции, которая практически невозможна в условиях электронного нотариата [16, с. 18-21]. Сегодня есть примеры попыток реализовать данные идеи. Так, проект «SilentNotary» – сервис хранения документов на блокчейне, который позволит отказаться от походов к нотариусу. По замыслу это децентрализованная система, которая позволяет однозначно установить существование электронного документа на определенный момент времени [17]. Перевод всей сферы нотариальных услуг представляется затруднительным. Нет универсального решения проблемы подтверждения личности в электронном нотариате, и это существенно сдерживает развитие блокчейн-технологий в этой сфере. Также работа нотариуса тесно связана с использованием определённых баз данных, и для реализации электронного нотариата потребуется перевод на блокчейн и этих баз.

Изучение подобных перспектив отказа от ряда правовых субъектов можно рассматривать во взаимосвязи с такими направлениями, как развитие электронного правосудия, блокчейн-обеспечения доказательств, и даже впоследствии до решения вопроса о технологической замене судьи [18, с. 15-25; 19, с. 159-163].

Проф. Рассолов И. М., прогнозирую направления и перспективы правового регулирования в информационной сфере, справедливо отмечает, что переход различных правоотношений в цифровую форму в ближайшие десятилетия станет основным лейтмотивом новых технологических сдвигов в сфере экономики. И это в первую очередь касается правовой деятельности нотариусов, юрисконсультов, банковских юристов. И

одной из основных сквозных цифровых технологий в сфере цифровой экономики он называет именно системы распределенного реестра [20, с. 117-121]. Технология имеет весомый потенциал для использования её при цифровизации различных механизмов публичного управления с поправкой на необходимость учёта её технологических особенностей. Этот факт юристам необходимо держать в поле зрения, работая бок о бок с представителями технологических профессий в процессе модернизации правовой действительности через современные технологии.

Список литературы:

1. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву // Закон. 2017. № 5. С. 94 - 117.
2. Полякова Т. А. О современных тенденциях развития правового регулирования в области обеспечения информационной безопасности при построении информационного общества в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования. 2008. №1. С. 12 - 19.
3. Лапина М. А. Публичное управление в переходный период к информационному обществу // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции (Сорокинские чтения), 20 марта 2015 г. В 3 ч. Ч. I. / сост. Ю.Е.Автрутин, А.И.Каплунов. СПб: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015.С. 141- 147.
4. Статья 33, Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
5. Шавеко, Н. А. Прямая демократия как нормативный идеал: критический анализ // Право и политика. – 2025. № 5. С. 15-28.
6. Талапина Э. В. О возможностях правового регулирования Интернета // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 3. С. 57-75.
7. Талапина, Э. В. Законотворчество под влиянием цифровых технологий / Э. В. Талапина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2024. № 11. С. 38-42.
8. Walch A. The Bitcoin Blockchain as Financial Market Infrastructure: A Consideration of Operational Risk // New York University Journal of Legislation and Public Policy. 2015. Vol. 18. Issue 4. P. 850.
9. Karch G. M. Bitcoin, the Law and Emerging Public Policy: Towards a 21st Century Regulatory Scheme // Florida A & M University Law Review. 2014. Vol. 10. Issue 1. P. 224.
10. Булгаков И.Т. Правовые вопросы использования технологии блокчейн //Закон. №12.2016. С. 80-88.
11. Родохлебова, Л. Г. Применение блокчейн-технологий в образовании / Л. Г. Родохлебова // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: от теории к практике: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 24 сентября 2024 года. – Чебоксары: ООО "Издательский дом "Среда", 2024. – С. 126-128.
12. Голомысов, Д.В. Анализ и перспективы применения технологии блокчейн в сфере страхования / Д. В. Голомысов // Цифровое общество: состояние, проблемы, перспективы: материалы XI Ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 06 июня 2024 г. – М., 2024. – С. 202-210.
13. Киямова, Д. И. Технологии блокчейн в трудовых отношениях: проблемы правового регулирования в России / Д. И. Киямова // Кадровик. – 2025. № 12. С. 8-17.
14. Дмитриева О. А. Технологии «единое окно» и «блокчейн» как пути совершенствования межведомственного информационно-технического взаимодействия // Таможенное дело. 2017. № 3. С. 18 - 21.
15. Эстония использует блокчейн для защиты медицинских данных - URL: https://bitnovosti.com/lenta
16. Поломошнова К. О. Цифровизация нотариата: роль и значение в обеспечении конституционного права на квалифицированную юридическую помощь // Нотариус. – 2025. № 1. С. 18-21.
17. Появляется нотариус на блокчейне? [Электронный ресурс] - URL: https://www.if24.ru/notarius-na-b
18. Клеандров М. И. Размышления на тему: может ли судьей быть робот? // Российское правосудие. 2018. № 6 (146). С. 15-25.
19. Шереметьева, Н. В. Особенности электронного правосудия в КНР // Право и практика. – 2020. № 2. С. 159-163.
20. Рассолов И.М. Будущее информационного права // Право: история и современность.2018.№3.С. 117-121.

Okolesnova, O. A. Blockchain technology in the implementation of public management // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 368-372.

This article examines the operating principles of blockchain technology, which may be useful for its implementation in public administration. Using legal modeling, the author creates a model of information and legal regulation for the introduction of blockchain technology into various areas of public administration. The comparative legal method allows the author to examine how blockchain is regulated in other countries and highlight the specific features and difficulties that arise when attempting to regulate a new subject. The use of legal cybernetics in this study is self-evident. The technical complexity of the subject under study and its uniqueness in terms of information and legal regulation make systemic approaches indispensable. The author applies the method of legal forecasting to examine the specific development prospects for information and legal regulation of blockchain technology. Currently, block-

chain in Russia remains outside the legal framework. The technology possesses a number of properties that, on the one hand, can be uniquely applied to optimize public administration processes, while, on the other hand, creating complexities in legal regulation due to its unprecedented nature. The author examines the information and legal aspects of blockchain technology as an object of regulation and develops proposals for information and legal regulation of its use in various areas of public administration.

Keywords: public administration, blockchain, information technology, informatization, software code, telemedicine, electronic notary services, regulator, cryptocurrency.

Spisok literatury:

1. Savel'ev A. I. Nekotorye pravovye aspekty ispol'zovaniya smart-kontraktov i blokchejn-tekhnologij po rossijskomu pravu // Zakon. 2017. № 5. S. 94 - 117.
2. Polyakova T. A. O sovremennyh tendenciyah razvitiya pravovogo regulirovaniya v oblasti obespecheniya informacionnoj bezopasnosti pri postroenii informacionnogo obshchestva v Rossii // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Informatizaciya obrazovaniya. 2008. № 1 – S. 12 - 19.
3. Lapina M. A. Publichnoe upravlenie v perekhodnyj period k informacionnomu obshchestvu // Aktual'nye problemy administrativnogo i administrativno-processual'nogo prava: materialy ezhegodnoj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sorokinskie chteniya), 20 marta 2015 goda. V 3 chastyah. Ch. I. / sost. Yu. E. Avtrutin, A. I. Kaplunov. SPb: Izd-vo SPb un-ta MVD Rossii, 2015. – S. 141 - 147.
4. Stat'ya 33, Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993) // Sobranie zakonodatel'stva RF, 04.08.2014, № 31, st. 4398.
5. Shaveko, N.A. Pryamaya demokratiya kak normativnyj ideal: kriticheskij analiz//Pravo i politika.2025.№ 5.
6. Talapina E. V. O vozmozhnostyah pravovogo regulirovaniya Interneta // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. 2016. № 3. S. 57-75.
7. Talapina, E. V. Zakonotvorchestvo pod vliyaniem cifrovyh tekhnologij / E. V. Talapina // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. – 2024. № 11. S. 38-42.
8. Walch A. The Bitcoin Blockchain as Financial Market Infrastructure: A Consideration of Operational Risk // New York University Journal of Legislation and Public Policy. 2015. Vol. 18. Issue 4. P. 850.
9. Karch G. M. Bitcoin, the Law and Emerging Public Policy: Towards a 21st Century Regulatory Scheme // Florida A & M University Law Review. 2014. Vol. 10. Issue 1. P. 224.
10. Bulgakov I. T. Pravovye voprosy ispol'zovaniya tekhnologii blokchejn // Zakon. № 12. 2016. S. 80 - 88.
11. Rodohlebova, L. G. Primenenie blokchejn-tekhnologij v obrazovanii / L. G. Rodohlebova // Aktual'nye voprosy gumanitarnyh i social'nyh nauk: ot teorii k praktike: Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Cheboksary, 24 sentyabrya 2024 goda. – Cheboksary: OOO \"Izdatel'skij dom \"Sreda\", 2024. – S. 126-128.
12. Golomysov, D. V. Analiz i perspektivy primeneniya tekhnologii blokchejn v sfere strahovaniya / D. V. Golomysov // Cifrovoe obshchestvo: sostoyanie, problemy, perspektivy: materialy XI Ezhegodnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 06 iyunya 2024 goda. – Moskva, 2024. – S. 202-210.
13. Kiyamova, D. I. Tekhnologii blokchejn v trudovyh otnosheniyah: problemy pravovogo regulirovaniya v Rossii / D. I. Kiyamova // Kadrovik. – 2025. № 12. S. 8-17.
14. Dmitrieva O. A. Tekhnologii «edinoe okno» i «blokchejn» kak puti sovershenstvovaniya mezhvedomstvennogo informacionno-tekhnicheskogo vzaimodejstviya // Tamozhennoe delo. 2017. № 3. S. 18 - 21.
15. Estoniya ispol'zuet blokchejn dlya zashchity medicinskih dannyh. - URL: https://bitnovosti.com/lenta/comment-page-207/ (Data obrashcheniya: 03.04.2026).
16. Polomoshnova K. O. Cifrovizaciya notariata: rol' i znachenie v obespechenii konstitucionnogo prava na kvalificirovannuyu yuridicheskuyu pomoshch' // Notarius. – 2025. № 1. S. 18-21.
17. Poyavlyaetsya notarius na blokchejne? - URL: https://www.if24.ru/notarius-na-blokchejne/
18. Kleandrov M.I. Razmyshleniya na temu: mozhet li sud'ej byt' robot? // Rossijskoe pravosudie. 2018. № 6 (146). S. 15-25.
19. Sheremet'eva, N. V. Osobennosti elektronnogo pravosudiya v KNR // Pravo i praktika. – 2020. № 2. S. 159-163.
20. Rassolov I.M. Budushchee informacionnogo prava // Pravo: istoriya i sovremennost'. 2018.№3.S.117-121.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 373-378.

УДК 342.5

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Робак В. А., Басов А. В.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

Статья посвящена анализу некоторых направлений взаимодействия органов публичной власти и общественных организаций в сфере защиты социально-экономических прав военнослужащих и членов их семей в условиях проведения специальной военной операции. Автором обоснована актуальность темы возрастанием роли Вооруженных Сил Российской Федерации и необходимостью обеспечения гарантированных прав военнослужащих как ключевого фактора поддержания обороноспособности страны. В работе проведен анализ современного состояния системы социальной защиты военнослужащих, выделены положительные тенденции (развитие регионального законодательства, расширение перечня мер поддержки, формирование положительной судебной практики) и системные проблемы (различия в региональных подходах, «разрыв» между нормативным закреплением прав и их реализацией). Особое внимание уделено роли институтов гражданского общества (социально ориентированных некоммерческих организаций, ветеранских объединений, благотворительных фондов и координационных органов) в оказании адресной помощи военнослужащим и членам их семей. Предложено создать специализированный институт – «Уполномоченного по правам военнослужащих, ветеранов и членов их семей», что по мнению авторов позволит перейти от фрагментарного реагирования к системному подходу в защите прав данной категории граждан.

Ключевые слова: военнослужащие, специальная военная операция, социально-экономические права, взаимодействие, прокурорский надзор, Уполномоченный по правам военнослужащих.

В условиях проведения специальной военной операции и возрастания роли Вооружённых Сил РФ обеспечение и защита социально-экономических прав военнослужащих и членов их семей приобретают особое значение для государства. Гарантированность таких прав выступает не только важнейшим элементом социальной политики, но и одним из ключевых факторов поддержания морального духа войск, укрепления обороноспособности страны и сохранения доверия граждан к государственным институтам.

Современная система социальной защиты военнослужащих характеризуется активным развитием как федерального, так и регионального законодательства, расширением перечня гарантий и мер поддержки. Однако, несмотря на разрабатываемые меры, остается значительное количество нарушений в данной сфере. Реализация указанных мер сталкивается с определенными трудностями. По докладу Генпрокурора РФ Федеральному Собранию, прокуроры добивались применения единых мер поддержки для участников СВО, независимо от их статуса, назначения положенных выплат в беззаявительном порядке. В результате скорректировано почти 3 тыс. правовых актов региональных органов власти. Ежедневно поступают жалобы о проблемах с выплатами, оказаниях медицинской помощи, протезированием и доступностью региональных льгот [1, с. 488; 2].

Указанное и обуславливает возрастание роли институтов гражданского общества, деятельность которых способна дополнить деятельность государственных органов и государственного фонда. В этой связи особую научную и практическую актуальность приобретает комплексное исследование форм, механизмов и проблем взаимодействия органов публичной власти и общественных организаций в сфере защиты социально-

экономических прав военнослужащих, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию правовых и организационных основ такого взаимодействия с целью повышения уровня защищённости прав данной категории граждан.

Анализ правоприменительной практики последних лет позволяет сделать вывод о том, что значительная часть предусмотренных законом социальных гарантий действительно реализуется на практике, особенно в части материального обеспечения и предоставления социальных выплат. Так, анализ регионального законодательства различных субъектов РФ, после 2022 г. наблюдается расширение перечня региональных мер поддержки военнослужащих и членов их семей, включая дополнительные выплаты, налоговые льготы и компенсации расходов на жилищно-коммунальные услуги. Следовательно, можно констатировать, что субъекты РФ стали занимать инициативное место в формировании системы социальной защиты военнослужащих, дополняя федеральные меры адресными программами. Показательным положительным примером является развитие региональных программ социальной поддержки участников специальной военной операции и их семей, которые, по справедливому замечанию исследователей, отличаются большей гибкостью и оперативностью по сравнению с унифицированными федеральными мерами [3]. В ряде субъектов РФ были созданы специальные центры сопровождения семей военнослужащих, обеспечивающие не только материальную помощь, но и юридическое, психологическое консультирование. Подобная практика свидетельствует о постепенном переходе от формально-нормативной модели социальной защиты к модели социального патронажа, ориентированной на конкретные жизненные ситуации.

Не менее значимым направлением является развитие судебной защиты социально-экономических прав военнослужащих. Анализ судебной практики показывает, что суды общей юрисдикции и военные суды в последние годы достаточно последовательно «встают» на сторону военнослужащих в спорах, связанных с невыплатой денежных компенсаций, нарушением жилищных прав и отказом в предоставлении социальных гарантий [4, с. 349–351; 5, с. 354-356]. Указанное свидетельствует о формировании положительной правоприменительной практики в пользу защиты прав военнослужащих. В связи с этим в научных исследованиях отмечается, что: «именно судебная практика в ряде случаев компенсирует недостатки нормативного регулирования, «заполняя» правовые пробелы и устраняя противоречия в правоприменительной практике» [6, с. 90]. Вместе с этим, по нашему мнению, указанный способ решения проблемы не должен и не может рассматриваться как основной (универсальный). Одновременно с этим, именно такой механизм демонстрирует «способность» правовой системы адаптироваться и реагировать на возникающие социально значимые запросы и неурегулированность актуальных вопросов в законодательстве.

Вместе с тем, несмотря на сформированность положительной судебной и правоприменительной практики реализация гарантированных прав «сталкивается» с рядом проблем: несоблюдение норм федерального законодательства, наличие различных подходов к определению порядка назначения мер социальной поддержки; различия в требованиях к предоставлению льгот участникам специальной военной операции в зависимости от их места службы и регистрации; низкий уровень медицинских и реабилитационных услуг. Эти обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что нормативное определение прав не во всех случаях трансформируются в реально действующие механизмы обеспечения прав.

Указанное обуславливает необходимость поиска (разработки) системных мер и решений, реализация которых повысит эффективность реализации закрепленных в зако-

нодательстве мер социальной поддержки военнослужащих и членов их семей. При всей значимости существующих форм защиты прав, они не всегда обеспечивают оперативное и комплексное реагирование на возникающие проблемы. В этом контексте всё чаще в научных исследованиях высказываются мнения о целесообразности создания специализированного института, ориентированного исключительно на защиту прав военнослужащих, что позволяет перейти от фрагментарного реагирования к системному подходу.

Взаимодействие органов публичной власти и общественных организаций в сфере защиты социально-экономических прав военнослужащих в последние годы приобретает особое значение, что обусловлено не только усложнением социально-правовых запросов данной категории граждан, но и объективной невозможностью государства в «одиночку» оперативно реагировать на весь спектр возникающих проблем. В научной литературе подчёркивается, что именно в кризисные периоды наиболее отчётливо проявляется потенциал институтов гражданского общества как «партнёров» государства в реализации социальных функций [7, с. 124, 129]. События после 2022 г. стали своеобразным катализатором для формирования новых форм частно-государственного партнерства, в центре которых оказались вопросы поддержки военнослужащих и членов их семей.

Одной из наиболее устойчивых форм такого взаимодействия выступают социально ориентированные некоммерческие организации, деятельность которых направлена на оказание адресной помощи военнослужащим, ветеранам и их семьям. Данные организации обладают рядом преимуществ по сравнению с государственными структурами, включая более гибкую организационную модель, меньшую степень формализованности и возможность оперативного реагирования на индивидуальные запросы. Указанные свойства особенно востребованы в ситуациях, когда требуется не только материальная поддержка, но и комплексное сопровождение, включающее юридическую помощь, психологическую реабилитацию и содействие в социальной адаптации.

Показательным примером практического взаимодействия государства и общественных организаций является деятельность ветеранских объединений. Так, в ряде субъектов РФ региональные ветеранские организации принимают участие в реализации: участвуют во Всероссийском проекте «Диалоги с героями», в проведении уроков мужества и других воспитательных мероприятий; в составлении социальных паспортов участников специальной военной операции; оказание юридической помощи участникам специальной военной операции и членам их семей; организация видеомостов с военнослужащими, находящимися в зоне СВО, и членами их семей; сбор гуманитарной помощи, оказание социальной помощи участникам специальной военной операции и членам их семей [8, с. 63-67].

Особое внимание заслуживает практика создания координационных органов с участием представителей общественных организаций. Таким примером является деятельность Координационного центра помощи Новороссии [13]. В последние годы при органах исполнительной власти всё чаще формируются общественные советы, в задачи которых входит обсуждение вопросов социальной поддержки военнослужащих, анализ правоприменительной практики и выработка рекомендаций по совершенствованию нормативного регулирования [9; 10; 11]. Подобная практика свидетельствует о формировании востребованного и эффективного способа взаимодействия между региональными органами власти и общественными объединениями. Важно отметить, что функционирование подобных площадок обеспечивает выполнение ряда задач, а именно: с одной стороны, обеспечивается

постоянное взаимодействие органов власти с различными группами общественности. Это позволяет перевести разрешение актуальных социальных вопросов из ситуативных мер реагирования в режим последовательной (повседневной) деятельности, основанной на анализе поступающих сведений. С другой стороны, участие представителей различных организаций во взаимодействие с органами власти способствует повышению качества принимаемых решений за счет учета актуальных потребностей.

Отдельного упоминания заслуживают благотворительные фонды, деятельность которых в последние годы значительно активизировалась. Многие из них действуют в тесном взаимодействии с органами государственной власти, получая как информационную, так и организационную поддержку. Е. А. Брылева справедливо указывает, что «мы вновь наблюдаем проявление солидарности гражданского общества и государства. Так, в целях помощи лицам, участвующим (участвовавшим) в выполнении задач в ходе специальной военной операции, а также членам их семей создан ряд благотворительных фондов: «ЗаЩИТа», «Мы гордимся тобой» и др. Пункты приема гуманитарной помощи беженцам Донбасса организованы во всех субъектах РФ по инициативе благотворительных организаций, волонтерских центров, некоммерческих организаций, учреждений сферы культуры и образования, а также религиозных институтов» [12, с. 12-13].

Проведенный анализ показывает, что, несмотря на очевидные преимущества в данном направлении взаимодействия существуют ряд вопросов, которые требуют разрешения. Так, например, деятельность общественных организаций (в том числе благотворительных фондов и ветеранских объединений) частично зависит от уровня государственной поддержки (организационное взаимодействие, информационное сопровождение, финансовое субсидирование). Во-вторых, на сегодня отсутствует единый координационный центр, в задачи которого входит обеспечение единства действий о согласования деятельности всех субъектов (государственных органов, некоммерческих организаций, ветеранских объединений, благотворительных фондов). Отсутствие такого органа в некоторых случаях приводит к фрагментарности принимаемых мер и нередкому дублированию функций. В-третьих, при всей активности общественных организаций их участие в формировании государственной политики в данной сфере остается ограниченным при отсутствии эффективного механизма учета и реализации их предложений. К сожалению, роль данных субъектов, как правило, сводится к реализации уже принятых государством мер, а не к участию в их формировании и корректировке. В-четвертых, наличие «разрыва» между нормативным закреплением прав военнослужащих и их реальной реализацией. Анализ правоприменительной практики в Республике Крым и других субъектах РФ показывает о наличии типичных нарушениях в сферах: назначение социальных выплат, предоставление земельных участков, соблюдение трудовых прав мобилизованных граждан, а также обеспечение коммунальных и жилищных гарантий для членов семей участников СВО [1, с. 489]. В-пятых, отсутствие специализированного государственного института, ориентированного исключительно на защиту прав военнослужащих, приводит к тому, что правозащитная деятельность «разделена» между различными органами и организациями, ни один из которых не несет полной ответственности за комплексное решение проблем данной категории граждан. В этой связи, в рамках открытой научной дискуссии, считаем необходимым поставить вопрос о создании специализированного субъекта основной задачей которого будет защита прав военнослужащих. Именно в этом контексте предлагаем создать институт «Уполномоченного по правам военнослужащих, ветеранов и членов их семей», как специализированного правозащитного государственного органа. Безусловно, указанное предложение не претендует на полноту и требует проведения дополнительного научно-

го исследования.

Список литературы:

1. Басов А. В., Любимский Р. В. Практика реализации мер прокурорского реагирования в сфере обеспечения прав участников СВО: региональная специфика // Евразийский юридический журнал. 2025. № 9 (208). С. 488-490.
2. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации // Генеральная прокуратура Российской Федерации URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=101841631 (дата обращения: 10.05.2026).
3. Антипова А. А. Социальная поддержка военнослужащих и членов их семей в регионах России // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2024. – Т. 15. – № 4. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/05SCSK424.pdf (дата обращения 16.06.2026).
4. Серебрянный И.В., Шумов П. В. Анализ судебной практики по защите социальных прав военнослужащих и приравненных к ним лиц в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. №9. С. 349–351.
5. Трифонова Е. М. Нарушение прав действующих военнослужащих: юридическая защита и ответственность, судебная практика и пути защиты / Е. М. Трифонова. – Текст : непосредственный // Молодой ученый. – 2025. – № 21 (572). – С. 354-356.
6. Половинкин П. Ю., Болховитинов Т. С. Реализация государственной политики в сфере защиты социальных прав военнослужащих // Вектор экономики. 2025. № 4. С. 88–94.
7. Цыбаков Д. Л., Саломатина А. А. Новые направления и каналы государственно-гражданского взаимодействия в России в период специальной военной операции // Управленческое консультирование. 2024. № 5. С. 123–131.
8. Бусловский В. Н. Ветеранская поддержка Вооруженных Сил России в зоне специальной военной операции // Военная мысль. 2023. №11. С. 63-67.
9. При губернаторе создадут Совет по вопросам СВО URL: https://sevastopol.press/2025/02/05/pri-gubernatore-sozdadut-sovet-po-voprosam-svo/ (дата обращения: 10.05.2026).
10. Общественный совет при Роструде в Воронеже: гарантии трудоустройства и защиты трудовых прав для ветеранов СВО URL:https://rostrud.gov.ru/press_center/novosti/1587801/ (дата обращения: 10.05.2026).
11. В Смольном состоялось первое заседание Совета по оказанию поддержки участникам СВО URL: https://spbvedomosti.ru/news/gorod/v-smolnom-sostoyalos-pervoe-zasedanie-soveta-po-okazaniyu-podderzhki-uchastnikam-svo/ (дата обращения: 10.05.2026).
12. Брылева Е. А. Благотворительность как проявление солидарности гражданского общества и государства в условиях проведения специальной военной операции // Ex jure. 2023. № 2. С. 7–16.
13. Координационный центр помощи URL: Новороссии https://kcpn.info/ (дата обращения: 10.05.2026).

Robak V. A., Basov A. V. Interaction between public authorities and public organizations in the sphere of protecting socio-economic rights of military personnel: coordination problems and areas for improvement // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 373-378.

The article is devoted to the analysis of certain areas of interaction between public authorities and public organizations in the sphere of protecting the socio-economic rights of military personnel and their family members in the context of the special military operation. The author substantiates the relevance of the topic by the increasing role of the Armed Forces of the Russian Federation and the need to ensure the guaranteed rights of military personnel as a key factor in maintaining the country's defense capability. The paper analyzes the current state of the system of social protection for military personnel, highlighting positive trends (the development of regional legislation, the expansion of the range of support measures, the formation of positive judicial practice) and systemic problems (differences in regional approaches, the gap between the normative consolidation of rights and their implementation, the low level of medical and rehabilitation services). Special attention is paid to the role of civil society institutions (socially oriented non-profit organizations, veterans' associations, charitable foundations and coordination bodies) in providing targeted assistance to military personnel and their family members. The need to establish a specialized institution – the «Commissioner for the Rights of Military Personnel, Veterans and Their Family Members» – is substantiated, which, according to the authors, will make it possible to move from fragmented response to a systematic approach in protecting the rights of this category of citizens.

Keywords: military personnel, special military operation, socio-economic rights, interaction, prosecutorial supervision, Commissioner for the Rights of Military Personnel.

Spisok literatury:

1. Basov A. V., Lyubimskij R. V. Praktika realizacii mer prokurorskogo reagirovaniya v sfere obespecheniya prav uchastnikov SVO: regional`naya specifika // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2025. № 9 (208). S. 488-490.
2. General`ny`j prokuror Rossijskoj Federacii Igor` Krasnov vy`stupil s dokladom v Sovete Federacii // General`naya prokuratura Rossijskoj Federacii URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=101841631 (data obrashheniya: 10.05.2026).
3. Antipova A. A. Social`naya podderzhka voennosluzhashhix i chlenov ix semej v regionax Rossii // Mir nauki.

Sociologiya, filologiya, kul`turologiya. – 2024. – T. 15. – № 4. – URL: https://sfk-mn.ru/PDF/05SCSK424.pdf (data obrashheniya 16.06.2026).
4. Serebryanny`j I.V., Shumov P. V. Analiz sudebnoj praktiki po zashhite social`ny`x prav voennosluzhashhix i priravnenny`x k nim licz v Rossijskoj Federacii // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2025. №9. S. 349–351.
5. Trifonova E. M. Narushenie prav dejstvuyushhix voennosluzhashhix: yuridicheskaya zashhita i otvetstvennost`, sudebnaya praktika i puti zashhity` / E. M. Trifonova. – Tekst : neposredstvenny`j // Molodoj ucheny`j. – 2025. – № 21 (572). – S. 354-356.
6. Polovinkin P. Yu., Bolxovitinov T. S. Realizaciya gosudarstvennoj politiki v sfere zashhity` social`ny`x prav voennosluzhashhix // Vektor e`konomiki. 2025. № 4. S. 88–94.
7. Cybakov D. L., Salomatina A. A. Novy`e napravleniya i kanaly` gosudarstvenno-grazhdanskogo vzaimodejstviya v Rossii v period special`noj voennoj operacii // Upravlencheskoe konsul`tirovanie. 2024. № 5. S. 123–131.
8. Buslovskij V. N. Veteranskaya podderzhka Vooruzhenny`x Sil Rossii v zone special`noj voennoj operacii // Voennaya my`sl`. 2023. №11. S. 63-67.
9. Pri gubernatore sozdadut Sovet po voprosam SVO URL: https://sevastopol.press/2025/02/05/pri-gubernatore-sozdadut-sovet-po-voprosam-svo/ (data obrashheniya: 10.05.2026).
10. Obshhestvenny`j sovet pri Rostrude v Voronezhe: garantii trudoustrojstva i zashhity` trudovy`x prav dlya veteranov SVO URL: https://rostrud.gov.ru/press_center/novosti/1587801/ (data obrashheniya: 10.05.2026).
11. V Smol`nom sostoyalos` pervoe zasedanie Soveta po okazaniyu podderzhki uchastnikam SVO URL: https://spbvedomosti.ru/news/gorod/v-smolnom-sostoyalos-pervoe-zasedanie-soveta-po-okazaniyu-podderzhki-uchastnikam-svo/ (data obrashheniya: 10.05.2026).
12. Bry`leva E. A. Blagotvoritel`nost` kak proyavlenie solidarnosti grazhdanskogo obshhestva i gosudarstva v usloviyax provedeniya special`noj voennoj operacii // Ex jure. 2023. № 2. S. 7–16.
13. Koordinacionny`j centr pomoshhi URL: Novorossii https://kcpn.info/ (data obrashheniya: 10.05.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 379-385.

УДК 323.21

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОГО СОСТОЯНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Росенко М. И., Рудницкий С. А.

Севастопольский государственный университет

Статья посвящена исследованию публично-правового обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях нестабильности и турбулентности международных отношений, вызванных целенаправленными действиями недружественных государств и территорий. Рассмотрены теоретические и практические аспекты категории «национальная безопасность», разработаны теоретико-методологические подходы правового обеспечения государственной политики по предотвращению и устранению внешних угроз национальной безопасности военного и невоенного происхождения. Отмечена роль системы органов публичной власти в реализации стратегических подходов к обеспечению национальной безопасности. Исходя из масштаба современных внешних угроз национальной безопасности, обоснована необходимость дальнейшего совершенствования нормативной правовой базы и документов стратегического планирования, направленных на обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в различных предметных сферах.

Ключевые слова: национальная безопасность, правовое обеспечение, национальные интересы Российской Федерации, стратегия национальной безопасности, международные отношения, угрозы и вызовы национальной безопасности, государственный суверенитет, турбулентность международных отношений.

В современных условиях необходимости противодействия целому комплексу разнообразных угроз и вызов жизненно важным интересам общества, государства, правам и свободам граждан РФ правовое обеспечение национальной безопасности в полной мере должно отражать многогранность и полиобъектность происходящих внешних и внутренних процессов. Современные угрозы и вызовы национальной безопасности РФ обусловлены значительным уровнем турбулентности международных отношений, нарушающих многостороннюю стратегическую стабильность и требующих разработки принципиально новых правовых механизмов, концептуально основанных на безусловном приоритете российских стратегических национальных интересов. Анализируя внешние факторы влияния на правовое регулирование обеспечения национальной безопасности, можно выделить несколько ключевых тенденций, присущих в настоящий момент исторического процесса универсальному уровню международных отношений.

Во-первых, первоисточником значительного количества угроз и вызовов суверенных государств является теория и практика внешней политики США, состоящая в навязывании политической, экономической, культурной, информационной, военной гегемонии, попытках размывания суверенитета других стран, применении всего спектра средств и методов, начиная от т.н. «мягкой силы» и заканчивая прямым применением военной силы против государственного суверенитета и политической независимости субъектов международного права. При этом американская внешняя политика полностью игнорирует либо напрямую нарушает национальные интересы суверенных государств, которые не согласуются с ее собственными национальными интересами в понимании правящей элиты США.

Одним из методов размывания и подчинения суверенной воли других государств является создание ситуации полной политической, экономической и военно-промышленной зависимости, как это можно показательно проследить на примере нынешней Украины. Рассматривая указанный пример, можно целиком согласиться с системным и обоснованным выводом А.Н. Вылегжанина о том, что «государство, зависимое в военно-политическом плане от власти другого государства, тем не менее явля-

ется государством, но не является суверенным государством в смысле Устава ООН» [1, с. 202]. Именно такие зависимые отношения присущи взаимодействию США и Украины после государственного переворота в Киеве 2014 г., вследствие которого политический режим внутри страны утратил конституционную легитимность и преемственность, а государство потеряло свой полноценный суверенитет во внешних отношениях в том классическом (сущностном, а не формально-догматическом) смысле, который придается данному понятию Уставу ООН.

Во-вторых, одной из особенностей современных внешних вызовов и угроз национальной безопасности России, продуцируемых «коллективным Западом» (имеются ввиду США, их европейские и иные союзники и сателлиты, объединенные общим приоритетом реализации американских национальных интересов в политике, экономике, социокультурной сфере), является их гибридное содержание, состоящее в комбинированном характере политических (прерывание нормальных политических межгосударственных контактов, недружественные заявления и действия, перманентное политическое давление на суверенные государства, дискриминационная визовая политика и т.п.), экономических (односторонние ограничительные меры в экономике и торговле), социокультурных (лоббирование отстранения спортсменов от международных соревнований, блокировка культурных, научных, образовательных проектов и т.п.) военных (прямая и опосредованная военная помощь, подготовка военных кадров, поставки летальных вооружений, предоставление разведывательных данных своим сателлитам с непосредственной целью нанесения ущерба национальным интересам России) мер, принимаемых данными государствами и их блоками (в первую очередь, военно-политическим блоком НАТО, планомерно и методично проводящим политику расширения без учета российских национальных интересов) для нанесения ущерба российским национальным интересам, что воспринимается ими как задача и ожидаемый конечный результат подобных действий.

Часть таких односторонних, политически мотивированных действий оформляется юридически либо квазиюридически. В последнем случае в подконтрольном «коллективному Западу» информационном пространстве делается попытка представить квазиюридическую форму как полноценную юридическую). Примером является, например, одностороннее информационное сопровождение многими западными СМИ принятия резолюций Генассамблеи ООН по вопросам, которые с юридической точки зрения относятся к компетенции Совета Безопасности ООН, в то время как акты Генеральной Ассамблеи являются по своей силе политическими декларациями, имеющей исключительно рекомендательный характер и не представляющими собой источники международного права. Как справедливо в данном контексте отмечает А.Н. Савенков, «реальную угрозу правовому каркасу, правовой форме современной цивилизации представляют такие явления, как законодательная экспансия и правовая интервенция, основанные на агрессивном использовании экстерриториального, а также, поддерживаемого политическими и военными средствами, внутреннего законодательства «супердержавы» США и ее союзников» [2, с. 413].

Иными словами, апологеты американской гегемонии выборочно опираются либо на свое внутренне законодательство без учета норм международного права, либо на те нормы международного права, которые совпадают с их ситуативными интересами, либо вообще на квазиюридические формы выражения воли, имеющие политически мотивированный характер и рекомендательную (в ряде случаев, некую морально-политическую, но не правовую) силу.

В-третьих, отдельным объектом негативного воздействия со стороны недружественных государств в современных условиях становятся традиционные культурные и

духовные основы жизнедеятельности российского общества, историческая память и народное самосознание. Как представляется, эффективным ответом на угрозы традиционным ценностям российского общества, без сохранения и развития которых принципиально невозможно обеспечение национальной безопасности России, помимо внутренних правовых механизмов, направленных на защиту таких ценностей, должно стать укрепление интеграционного проекта государств, обладающих реальным суверенитетом, основанном не на навязываемых западных псевдоценностях, а на подлинных духовно-нравственных ценностях, исторически объективно присущим соответствующим народам. Таким проектом постепенно в процессе эволюции и модернизационного развития становится БРИКС, объединяющий государства на принципиальной основе многополярности и безусловного взаимного уважения государственного суверенитета. По мнению Е.В. Годованика, «кроме экономического потенциала и общего политико-правового видения перспектив развития, для эффективной межгосударственной интеграции важнейшее значение имеет формирование общих культурно-духовных основ, которые в идеале могут и должны выступать критериями вступления в объединение наряду с экономическими и / или политическими характеристиками кандидатов» [3, с. 12].

В-четвертых, одной из реальных угроз национальной безопасности является деятельность индивидуальных и коллективных агентов иностранного влияния, целенаправленно используемых недружественными государствами в информационной, правовой, политической, социально-экономической, культурно-духовной плоскостях для последовательного размывания российских конституционных ценностей и принципов, нарушения народного согласия, провокации конфликтов между различными социальными группами понижения эффективности функционирования единой системы органов публичной власти.

С целью профилактики и пресечения подобных деструктивных действий, отражающих внешние угрозы национальной безопасности РФ, в последнее время был разработан и принят целый комплекс правовых механизмов. Прежде всего, правовые механизмы защиты системы публичной власти, принимаемых ею решений и осуществляемых действий, нашли свою конституционно-правовую регламентацию в изменениях, внесенных в Конституцию РФ в 2020 г.

Изменения, направленные на исключение противоправного иностранного влияния на реализацию национальных интересов России, были внесены, в том числе, и в конституционно-правовой статус Президента РФ. В соответствии с ч. 2 ст. 81, главой государства может быть избран гражданин РФ, помимо прочих предусмотренных требований, не имеющий и никогда не имевший иностранного гражданства либо документа о постоянном проживании на территории другого государства, а также постоянно проживающий на территории РФ не менее 25 лет. Кроме того, Президент РФ не вправе открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами РФ.

Аналогичные требования, кроме срока постоянного проживания в России 25 лет, направленные на недопущение иностранного влияния на государственную политику РФ и ее национальную безопасность, предусмотрены и для сенаторов РФ (ч. 4 ст. 95) и депутатов Государственной Думы (ч. 1 ст. 97).

Другим новым подходом во внутренней политике, применяющимся в российском законодательстве в условиях внешнего целенаправленного недружественного влияния на публичное управление и общественные отношения, характерного для нынешнего этапа международных отношений, является ограничение иностранного влияния в публично значимых сферах (экономике, политике, культуре, образовании, СМИ и т.п.).

Правовым механизмом, направленным на обеспечение национальной безопасности России в указанных условиях, стал институт иностранных агентов, сформированный в российской правовой системе с принятием Федерального закона от 14.07.2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [4]. Хотя само понятие «иностранный агент» было введено в российское законодательство еще в 2012 г., но меры контроля за их деятельностью и, в особенности, механизм привлечения к ответственности и введения ограничений, оставались не до конца разработанными.

Новеллы, принятые в 2022 г., обусловили разработку и принятие целого комплекса мер, направленных на противодействие иностранному влиянию на публично значимые сферы общественных отношений как нормативно признанной угрозе национальной безопасности и государственному суверенитету. Как констатирует С.А. Сайгушинская, рассуждая о качестве и целесообразности введенных ограничений иностранного влияния и механизмов контроля за их соблюдением, «действующие требования являются своевременными, поскольку соответствуют имеющимся рискам и угрозам, технически исполнимыми и не требующими кардинальных изменений или финансовых затрат со стороны лиц, включенных в реестр иностранных агентов» [5, с. 347]. С таким мнением можно согласиться, т.к. действительно нестабильная международная обстановка и усиливающееся информационное давление являются объективными предпосылками для включения правового механизма ограничения недружественного иностранного влияния в общий вектор государственной политики по обеспечению национальной безопасности, а также стимулом для интенсификации процессов цифровизации в госуправлении и процессе осуществления государственной политики в стратегически значимых сферах жизнедеятельности общества и государства, о чем автором отмечалось ранее в исследовании [6].

Под информационным суверенитетом, по определению А.В. Россошанского, имеющего ярко выраженный политологический, а не формально-юридический, характер, следует понимать «способность и намерение субъекта политики производить, распределять и потреблять информацию в зависимости от собственных интересов участия в политике, и использовать информацию как ресурс политического влияния в масштабах и объемах, которые соответствуют его текущим и долгосрочным политическим интересам» [7, с. 19].

Несколько ближе к правовому контексту выявления сущности информационного суверенитета государства находится доктринальная позиция М.М. Кучерявого, по мнению которого имеется ввиду верховенство и независимость госвласти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве [8, с. 10]. При этом, правильно еще и добавить замечание о том, что государственная власть действует в информационной сфере в интересах всего общества с тем, чтобы не допустить или минимизировать деструктивное, дестабилизирующее воздействие на него.

Анализ действующего российского законодательства позволяет выделить и сгруппировать следующие правовые механизмы обеспечения информационного суверенитета государства: 1) Правовые механизмы ограничения доступа к запрещенной действующим законодательством информации (в частности, уголовно-правовые и административно-правовые механизмы привлечения к ответственности за распространение информации определенного содержания; многие из видов такой информации перечислены в ст. 13.15 КоАП РФ: публичное осквернение символов воинской славы России, публичное оскорбление памяти защитников Отечества, различные формы злоупотребления свободой массовой информации и пр.; относительно некоторых форм распро-

странения законодательно запрещенной информации, представляющих повышенную общественную опасность, предусмотрена уголовная ответственность: ст. 280 УК РФ – за публичные призывы к экстремистской деятельности, ст. 207.2 – за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшей тяжкие последствия, и некоторые другие составы преступлений); 2) Правовые механизмы установления требований к организаторам распространения информации через информационно-коммуникационные технологии, включая сеть Интернет; 3) Правовые механизмы ограничения возможности создания средств массовой информации (СМИ) иностранными лицами; 4) Правовые механизмы защиты персональных данных российских граждан и юридических лиц; 5) Правовые механизмы обеспечения условий хранения информации в сети Интернет.

Как справедливо отмечает А.А. Ефремов, «суверенизация» цифрового пространства и информационной сферы в целом является общемировой тенденцией в современном мире, присущей в последние годы многим государствам [9], что представляет собой вполне объяснимый и правильный, с точки зрения защиты публичных интересов, процесс, детерминируемый интенсивным развитием информационно-коммуникационных технологий, естественным образом «размывающих» традиционный государственный суверенитет без эффективного правового регулирования, включающего, помимо регулятивных механизмов, еще и охранительное государственно-правовое противодействие негативным проявлениям информационной свободы, которые неизменно побочно ее сопровождают в результате воздействия как объективных, так и субъективных факторов.

В то же время, Ю.Б. Носова правильно указывает на отсутствие в действующем законодательстве обобщенного определения понятия «запрещенная информация» [10, с. 171], формулирование которого с учетом разрозненных положений различных актов законодательства значительно облегчило бы создание единообразной практики применения судами и административными органами описанных выше правовых механизмов обеспечения информационной безопасности в приоритетном контексте защиты информационного суверенитета РФ.

В целом, в результате проведенного исследования публично-правовых механизмов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в современных условиях нестабильности и турбулентности международных отношений, можно сделать обобщающий вывод о том, что обеспечение национальной безопасности является одной из ключевых функций современного государства, без реализации которой онтологически и функционально невозможно обеспечить суверенитет во всех общественно значимых сферах общественных отношений.

В свою очередь, современные угрозы национальной безопасности суверенных государств связаны как с объективными процессами политической и экономической глобализации, так и субъективными действиями отдельных государств (США, их союзники и сателлиты), направленными на разрушение и подмену реального суверенитета других государств, осуществляемого в интересах своих народов, на псевдосуверенную политико-правовую, финансово-экономическую и культурно-духовную модель, обслуживающую исключительно их собственные национальные интересы в ущерб подлинным интересам государств – объектов внешнего «мягкого» либо вооруженного воздействия, чем порождается состояние турбулентности международных отношений. В данных условиях исключительную важность имеет научная разработка эффективных механизмов обеспечения различных предметных сфер, входящих в комплексную категорию «национальную безопасность», позволяющих противодействовать внешним угрозам и вызовам, детерминированным современным состоянием международных отношений и

проблематичностью функционирования международного правопорядка.

При этом научная обоснованность как необходимое условие разработки правовых механизмов в сфере национальной безопасности состоит из таких элементов, представляющих собой последовательные стадии действий уполномоченных органов публичной власти и должностных лиц, институтов гражданского общества, научного и экспертного сообщества: а) обнаружение проблемных вопросов, пробелов, недостатков в действующем правовом регулировании вопросов, влияющих на эффективное обеспечение национальной безопасности, сбор и анализ информации о выявленной проблеме, потенциальное разрешение которой находится в правотворческой плоскости; б) определение целесообразного нормативного правового акта для оптимального правотворческого решения выявленной проблемы (пробела) в действующем законодательстве; в) анализ состояния регулирования общественных отношений в том или ином сегменте обеспечения национальной безопасности; г) выявление качественных показателей нормативного правового акта, избранного для внедрения определенного правового механизма; д) точное определение объема общественных отношений, которые должны быть включены в разрабатываемый правовой механизм и нормативный правовой акт, выступающий формой его внешнего выражения; е) изучение возможности межотраслевого правового регулирования определенных общественных (эта стадия имеет важное методологическое значение для разработки правовых механизмов обеспечения национальной безопасности ввиду комплексного содержания самой категории «национальная безопасность», объективно нуждающейся в регулировании нормами большого круга отраслей права); ж) анализ соотношения разрабатываемого правового механизма с уже существующими в действующем законодательстве; з) разработка общепринятой в отечественной правовой системе терминологии, понятийно-категориального аппарата, конструкций с их внедрением в разрабатываемый правовой механизм.

Список литературы:

1. Вылегжанин А.Н. Понятие «суверенное государство» и статус Украины после государственного переворота 2014 г. // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. – № 5. – С. 202-213.
2. Савенков А.Н. Государство и право в период кризиса современной цивилизации. – М.: Проспект, 2020. – 448 с.
3. Годованик Е.В. Традиционные семейные ценности как основа правовой интеграции государств БРИКС // Международная и национальная защита прав детей и семьи: итоги и перспективы 30-летия международного года семьи и национального года семьи в РФ : Сборник статей по итогам работы секции «Международная и национальная защита прав детей и семьи» Международной научно-практической конференции «67-е Ежегодное Собрание Российской Ассоциации международного права, РАМП», 1-2 июля 2024 г.: сборник статей / кол. авторов ; под ред. А.Я. Капустина, Е.В. Киселевой, О.В. Сергеевой, А.Е. Тарасовой. – Москва: РУСАЙНС, 2024. – С. 9-15.
4. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием: Федеральный закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://pravo.gov.ru (дата обращения: 04.05.2026).
5. Сайгушинская С.А. Государственное регулирование деятельности иностранных агентов в Российской Федерации: эволюция отраслевого закона в 2012–2022 гг. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2023. – Т. 23. – Вып. 3. – С. 341-348.
6. Росенко М.И. Обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в контексте цифровизации воинского учета и введения геномной регистрация мигрантов // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 5. – С. 222-224.
7. Россошанский А.В. Информационный суверенитет и свобода слова в контексте политической модернизации в современной России // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2012. – № 1. – С. 19-26.
8. Кучерявый М.М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. – 2015. – № 2. – С. 7-14.
9. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 201-215.
10. Носова Ю.Б. Основания для признания информации, размещенной в сети «Интернет», запрещенной к распространению: некоторые проблемы правоприменительной практики // Вестник Воронежского государ-

ственного университета. Серия: Право. – 2022. – № 2. – С. 169-177.

Rosenko M.I., Rudnitskiy S.A. Effectiveness of civil service as a public-law category // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 376-385.

This article examines the public-law framework for the national security of the Russian Federation in the current context of instability and turbulence in international relations caused by the deliberate actions of unfriendly states and territories. The article examines the theoretical and practical aspects of the category "national security," and develops theoretical and methodological approaches to the legal framework for state policy to prevent and eliminate external threats to national security of both military and non-military origin. The role of public authorities in implementing strategic approaches to national security is highlighted. Given the scale of contemporary external threats to national security, the need for further improvement of the regulatory framework and strategic planning documents aimed at ensuring the national security of the Russian Federation in various subject areas is substantiated.

Keywords: national security, legal framework, national interests of the Russian Federation, national security strategy, international relations, threats and challenges to national security, state sovereignty, turbulence in international relations.

Spisok literatury:

1. Vy`legzhanin A.N. Ponyatie «suverennoe gosudarstvo» i status Ukrainy` posle gosudarstvennogo perevorota 2014 g. // Zhurnal rossijskogo prava. – 2023. – T. 27. – № 5. – S. 202-213.
2. Savenkov A.N. Gosudarstvo i pravo v period krizisa sovremennoj civilizacii. – M.: Prospekt, 2020. – 448 s.
3. Godovanik E.V. Tradicionny`e semejny`e cennosti kak osnova pravovoj integracii gosudarstv BRIKS // Mezhdunarodnaya i nacional`naya zashhita prav detej i sem`i: itogi i perspektivy` 30-letiya mezhdunarodnogo goda sem`i i nacional`nogo goda sem`i v RF : Sbornik statej po itogam raboty` sekcii «Mezhdunarodnaya i nacional`naya zashhita prav detej i sem`i» Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «67-e Ezhegodnoe Sobranie Rossijskoj Associacii mezhdunarodnogo prava, RAMP», 1-2 iyulya 2024 g.: sbornik statej / kol. avtorov ; pod red. A.Ya. Kapustina, E.V. Kiselevoj, O.V. Sergeevoj, A.E. Tarasovoj. – Moskva: RUSAJNS, 2024. – S. 9-15.
4. O kontrole za deyatel`nost`yu licz, naxodyashhixsya pod inostranny`m vliyaniem: Federal`ny`j zakon ot 14.07.2022 № 255-FZ // Oficial`ny`j internet-portal pravovoj informacii. – URL: https://pravo.gov.ru (data obrashheniya: 04.05.2026).
5. Sajgushinskaya S.A. Gosudarstvennoe regulirovanie deyatel`nosti inostranny`x agentov v Rossijskoj Federacii: e`volyuciya otraslevogo zakona v 2012–2022 gg. // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. – 2023. – T. 23. – Vy`p. 3. – S. 341-348.
6. Rosenko M.I. Obespechenie nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii v kontekste cifrovizacii voinskogo ucheta i vvedeniya genomnoj registraciya migrantov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2023. – № 5. – S. 222-224.
7. Rossoshanskij A.V. Informacionny`j suverenitet i svoboda slova v kontekste politicheskoj modernizacii v sovremennoj Rossii // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie. – 2012. – № 1. – S. 19-26.
8. Kucheryavy`j M.M. Gosudarstvennaya politika informacionnogo suvereniteta Rossii v usloviyax sovremennogo global`nogo mira // Upravlencheskoe konsul`tirovanie. – 2015. – № 2. – S. 7-14.
9. Efremov A.A. Formirovanie koncepcii informacionnogo suvereniteta gosudarstva // Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. – 2017. – № 1. – S. 201-215.
10. Nosova Yu.B. Osnovaniya dlya priznaniya informacii, razmeshhennoj v seti «Internet», zapreshhennoj k rasprostraneniyu: nekotory`e problemy` pravoprimenitel`noj praktiki // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2022. – № 2. – S. 169-177.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 386-390.

УДК 342

ОСОБЕННОСТИ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В «ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ»: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Сапронов Д. Ю.
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

В статье исследуется соотношение права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных в российском законодательстве, в фокусе — положения Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Автор раскрывает проблему размывания границы между категориями «персональные данные» и «информация о частной жизни» в условиях цифровизации и формирования «цифрового следа» пользователя в сети. Особое внимание уделено трансформации роли отдельных идентификаторов (в том числе номера мобильного телефона) и расширению перечня сведений, позволяющих идентифицировать физическое лицо, в том числе за счёт косвенных данных. Предложена актуализированная формулировка понятия «персональные данные», учитывающая современные технологические возможности идентификации личности, а также выдвинута дискуссионная идея о целесообразности выделения двух контуров регулирования — для данных на бумажных и на электронных носителях. Автор так же предлагает расширенную трактовку понятия «биометрические персональные данные», которая охватывает физические, физиологические и поведенческие признаки лица и позволяет сформировать единообразный подход к правовому регулированию их обработки. В качестве меры по совершенствованию нормативной базы обозначена необходимость концептуального уточнения соответствующих дефиниций в правовой доктрине.

Ключевые слова: персональные данные, защита личной жизни, защита персональных данных, информационное общество, общественный контроль, информационная безопасность, общество, совершенствование законодательства, цифровые сервисы, цифровое право, права человека.

Изучая отечественное законодательство в контексте соотношения права на неприкосновенность частной жизни и права на защиту персональных данных, следует обратиться к формулировке, закреплённой в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее — Закон о персональных данных): «Целью настоящего Федерального закона является обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну» [1]. С научной точки зрения взаимосвязь между категориями «персональные данные» и «право на защиту информации о личной жизни» является установленной и не вызывает концептуальных разногласий. Однако более точных юридических формул, характеризующих правовые подходы к определению соотношения персональных данных и информации о частной жизни физического лица, в российском законодательстве не имеется. Указанная ситуация может приводить к затруднениям при определении конкретных случаев, в которых доступ к персональным данным сопряжён с затрагиванием сведений о частной жизни субъекта.

Особенно это актуально в условиях глобальной цифровизации, когда «активность человека в электронной среде, пользование интернет ресурсами и иными технологиями оставляет его “цифровой след” — совокупность информации, размещаемой пользователем о себе в сети Интернет. Такая информация может в себе содержать различные аспекты частной жизни самого человека (фотографии, личные видео, аудиозаписи, документы, аккаунты в социальных сетях, платежных и других интернет-сервисах), доступна неограниченному кругу лиц в сети Интернет» [2, с. 16-22]. Следовательно, можно констатировать, что с течением времени и развитием информационных технологий, грань между персональными данными и информацией о частной жизни как правовыми категориями стала более размытой. На это повлияло и то, что со временем у человека стал появляться «цифровой след», по которому не только можно получить информацию о его частной жизни, но также получить доступ к сведениям о нём, которые можно

отнести к персональным данным. Исследуя это явление с правовых позиций, следует обратиться к определению персональных данных, которое дал законодатель — «любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» [1], однако в условиях, когда развитие информационно-аналитических технологий достигло значительных высот, перечень информации, которую теперь можно отнести к персональным данным значительно расширился. Существенное влияние на развитие ситуации оказала автоматизация процессов обработки персональных данных, позволившая обеспечить мгновенный доступ к необходимой информации. Согласно оценкам специалистов, в настоящее время идентификация личности может быть осуществлена даже с использованием косвенных данных: «Никнейм, имя-фамилия, дата рождения, телефон, адрес, образование, служба, ИНН (SSN), и т.д. Чаще известно лишь что-то одно, но зачастую этого достаточно чтобы начать» [3]. Именно такая информация и различные идентификаторы физического лица являются теми «крошками», позволяющими определить индивида, к которому они относятся. В современном мире их достаточно много, начиная с номера мобильного телефона или IP-адреса в сети Интернет и заканчивая идентификаторами в различных программах обмена мгновенными сообщениями. Особенную роль в современном мире играет номер мобильного телефона, который со временем стал не только использоваться для адресации при использовании сотовой связи, а превратился в один из способов идентификации физических лиц в Интернет пространстве. Вот что об этом говорят сотовые операторы связи: «…мобильный ID позволяет заходить только по номеру телефона, а все остальные данные о пользователе — ФИО, дата рождения и место регистрации — уже хранятся у оператора связи. А в некоторых случаях не придется даже вводить и номер» [4]. Отсюда следует, что с развитием цифровых сервисов и информационных технологий, различные данные, относящиеся к физическому лицу, изначально не позволявшие достоверно установить его личность, трансформировались в идентификаторы, которые позволяют однозначно идентифицировать физическое лицо. Особенно этому способствуют периодические утечки данных у операторов сотовой связи и других организаций, где в большинстве случаев содержится номер мобильного телефона.

Рассматривая правовое определение «персональные данные», следует обратить внимание на развитие автоматизированных информационных технологий, которые дают возможность используя косвенную информацию о физическом лице, с высокой точностью его идентифицировать. Этот факт оказал серьёзное влияние на общественные отношения, касающиеся персональных данных. С течением времени сама сущность персональных данных стала претерпевать изменения, что потребовало обратить внимание на актуализацию понятийного аппарата в рассматриваемой области, о чём пишут некоторые исследователи в своих работах [5].

Для решения этой задачи следует рассмотреть вопрос совершенствования правового определения понятия «персональные данные» с опорой на изменения в общественных отношениях и появление новых информационных технологий и превращения такой информации об индивидууме в его социально-экономическую характеристику. С учётом всего вышеизложенного предлагается определить правовое понятие «персональные данные» как — «документированную (электронно и\или неэлектронно) информацию, относящуюся прямо или косвенно, к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), позволяющую его идентифицировать полностью или частично, в том числе с применением автоматизированных и неавтоматизированных информационных технологий». Такая формулировка более полно раскрывает сущность понятия «персональные данные» в условиях наступления «цифровой эры»,

что позволит вывести их защиту на более высокий уровень, и повысить её эффективность, а также будет способствовать решению задачи приведения понятийного аппарата в рассматриваемой области в соответствие с реалиями и задачами информационно-правового регулирования обработки персональных данных, а так же учитывает превращение персональных данных в социально-поведенческую характеристику индивидуума. Говоря о правовом определении персональных данных, юридической науке возможно следует рассмотреть вопрос двух контуров регулирования их обработки: первый контур, когда информация о физическом лице документирована на не электронном (бумажном) носителе, и второй контур, в ситуации когда персональные данные обрабатываются в электронном виде. Этот вопрос является в достаточной степени дискуссионным и требует детального исследования юридической наукой. Возможно, с учётом того, что обработка персональных данных на электронном и бумажном носителе всё более кардинально различается, юридическому сообществу и законодателю следует рассмотреть вопрос отдельного регулирования социальных отношений по поводу персональных данных в каждом из контуров.

Помимо традиционных персональных данных в течение времени стало возможно выделить группу характеристик индивидуума, по которым можно определить его личность, используя для этого параметры его физического тела. Эта информация стала называться биометрической. Вот как её характеризуют исследователи: «Биометрические данные (признаки, свойства) личности являются уникальными для каждого человека и подразделяются на анатомические (физиологические) и функциональные (поведенческие)» [6, с. 28-31]. К анатомическим, или как их ещё иногда называют «статическим», относят: дактилоскопическую информацию, геометрию лица, запись голоса, геометрию ладони и др., т.е. те данные, которые неизменны или слабо подвержены изменениями на протяжении всей жизни человека. К функциональным же биометрическим параметрам (динамическим или поведенческим) относятся параметры, которые характеризует «уникальное поведение и подсознательные движения человека в процессе воспроизведения каких-либо действий» [7]. К ним можно отнести кинематику тела, особенности голоса, оценку позы, анализ уникальных привычек и т.д. Применение поведенческой биометрии позволяет определить нетипичные состояния индивидуума и помогает повысить точность идентификации физического лица по биометрическим персональным данным. В соответствии со статьёй 11 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», «биометрические данные — это сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность», однако, как отмечалось ранее, методы биометрической идентификации личности обладают более широким спектром возможностей. Современные технические возможности биометрической идентификации позволяют использовать значительно более широкий набор параметров для установления личности, чем это предусмотрено нормативными актами. Данный факт становится предметом активного обсуждения в среде юристов-исследователей, фокусирующихся на вопросах правового регулирования обработки биометрических данных [8, с. 33-34]. Проведённый анализ показывает, что существующая юридическая трактовка понятия «биометрические данные» не в полной мере отражает сущность регулируемых правоотношений в сфере обработки биометрической информации. Требуется концептуальное уточнение понятия «биометрические данные». Следовательно, биометрические персональные данные можно определить, как «информацию, составляющую совокупность физических, физиологических и\или поведенческих признаков физического лица, используя которую, оператор может выполнить однозначную идентификацию его личности». Приведённое определение способствует формированию еди-

нообразного подхода к правовому регулированию обработки биометрических сведений и учитывает текущие технологические и правовые реалии. В качестве меры по повышению эффективности нормативного регулирования целесообразно рассмотреть внесение в правовую доктрину расширенную трактовку понятия «биометрические персональные данные», отражающую комплексный характер таких сведений.

Таким образом резюмируя всё вышеизложенное можно сделать вывод о том, что изменение социальных отношений, связанных с обработкой персональных данных привело к необходимости пересмотра толкования ряда ключевых для правового регулирования обработки персональных данных понятий.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ "О персональных данных" // "Собрание законодательства РФ", 31.07.2006, № 31 (1 ч.), ст. 3451.
2. Велиева Д. С. Право на неприкосновенность частной жизни и проблемы его обеспечения в условиях развития цифровых технологий // Права человека: история, теория, практика: сборник научных статей. — Курск: Университетская книга, 2022. — С. 16–22.
3. Как найти аккаунты и личные данные человека в сети Деанон по открытым источникам // Вастрик Блог : [Электронный ресурс] URL: https://vas3k.blog/blog/389/ (дата обращения: 7.05.26).
4. Токарев А. Телефон вместо почты: как развивается авторизация через мобильный ID // РБК : [Электронный ресурс].Тренды URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/62cea5f69a79478c4a42cd63 (дата обращения: 7.05.26).
5. Бундин М. В. Персональные данные в системе информации ограниченного доступа, Специальность: 12.00.13 — информационное право, диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2017 год, URL: https://izak.ru/upload/iblock/a61/a61916d1bf3c94d110fd287137213345.pdf (дата обращения: 7.10.23).
6. Степкина Ю. С., Яворский М. А. Анализ динамических методов идентификации личности // Актуальные проблемы правоведения. 2022. № 3 (75). С. 28–31.
7. Что такое поведенческая биометрия и кто применяет её на российском рынке. // Рамблер.Новости : [Электронный ресурс]. URL: https://news.rambler.ru/other/41803543-chto-takoe-povedencheskaya-biometriya-i-kto-primenyaet-ee-na-rossiyskom-rynke/ (дата обращения: 9.10.23).
8. Афанасьев С. Д. Биометрическая идентификация и права человека: демаркационная линия / С. Д. Афанасьев, И. А. Терещенко, Д. А. Яцкевич // Закон. – 2022. – № 3. – С. 33-46.

Sapronov D. Y. Features of Personal Identification in the Digital Age: The Public Law aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 386-390.

The article examines the relationship between the right to privacy and the right to protection of personal data in Russian legislation, focusing on the provisions of Federal Law No. 152-FZ “On Personal Data” dated 27 July 2006. The author highlights the problem of the blurring boundary between the categories of “personal data” and “information about private life” in the context of digitalisation and the formation of a user’s “digital footprint” online. Particular attention is paid to the transformation of the role of individual identifiers (including mobile phone numbers) and the expansion of the range of information that can be used to identify an individual, including through indirect data. An updated formulation of the concept of “personal data” is proposed, taking into account modern technological capabilities for identifying an individual. The paper also puts forward a debatable idea regarding the feasibility of establishing two regulatory frameworks — one for data stored on paper media and another for data processed in electronic form. The author also suggests an expanded interpretation of the term “biometric personal data”, which encompasses physical, physiological, and behavioural characteristics of a person and enables the development of a uniform approach to the legal regulation of their processing. As a measure to improve the regulatory framework, the need for a conceptual clarification of the relevant definitions in legal doctrine is emphasised.

Keywords: personal data, privacy protection, personal data protection, information society, public oversight, information security, society, improvement of legislation, digital services, digital law, human rights.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ \"O personal'nyh dannyh\" // \"Sobranie zakonodatel'stva RF\", 31.07.2006, № 31 (1 ch.), st. 3451.
2. Velieva D. S. Pravo na neprikosnovennost' chastnoj zhizni i problemy ego obespecheniya v usloviyah razvitiya cifrovyh tekhnologij // Prava cheloveka: istoriya, teoriya, praktika: sbornik nauchnyh statej. — Kursk: Universitetskaya kniga, 2022. — S. 16–22..
3. Kak najti akkaunty i lichnye dannye cheloveka v seti Deanon po otkrytym istochnikam // Vastrik Blog : [Elektronnyj resurs] URL: https://vas3k.blog/blog/389/ (data obrashcheniya: 7.05.26).
4. Tokarev A. Telefon vmesto pochty: kak razvivaetsya avtorizaciya cherez mobil'nyj ID // RBK : [Elektronnyj resurs].Trendy URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/cmrm/62cea5f69a79478c4a42cd63 (data obrashcheniya:

7.05.26).
5. Bundin M. V. Personal'nye dannye v sisteme informacii ogranichennogo dostupa, Special'nost': 12.00.13 — informacionnoe pravo, dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskih nauk, 2017 god, URL: https://izak.ru/upload/iblock/a61/a61916d1bf3c94d110fd287137213345.pdf (data obrashcheniya: 7.10.23).
6. Stepkina Yu. S., Yavorskij M. A. Analiz dinamicheskih metodov identifikacii lichnosti // Aktual'nye problemy pravovedeniya. 2022. № 3 (75). S. 28–31.
7. Chto takoe povedencheskaya biometriya i kto primenyaet eyo na rossijskom rynke. // Rambler.Novosti : [Elektronnyj resurs]. URL: https://news.rambler.ru/other/41803543-chto-takoe-povedencheskaya-biometriya-i-kto-primenyaet-ee-na-rossiyskom-rynke/ (data obrashcheniya: 9.10.23).
8. Afanas'ev S. D. Biometricheskaya identifikaciya i prava cheloveka: demarkacionnaya liniya / S. D. Afanas'ev, I. A. Tereshchenko, D. A. Yackevich // Zakon. – 2022. – № 3. – S. 33-46.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 391-400.

УДК 342.25

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОПОРНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Сильванович Ю. Н.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского

В статье проведен анализ концепции опорных населенных пунктов (ОНП) как одного из новых векторов пространственного развития Российской Федерации. Автором исследуется генезис данного института, рассматриваемый через призму конституционных принципов социальных гарантий, единства экономического пространства и равноправия субъектов РФ. Особое внимание уделяется правовой коллизии между конституционным принципом равноправия территориальных единиц (в том числе муниципальных образований) и имеющейся объективной необходимостью наделения некоторых населенных пунктов «привилегированным» статусом. На этом основании произведен предметный анализ утвержденного президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации в 2024 году единого перечня ОНП в РФ и сформирован авторский список критериев относимости ОНП к таковым. Отдельное внимание в работе уделено практическому опыту формирования ОНП на территории Республики Крым как пилотного проекта, поскольку имеющиеся условия, связанные с геополитическими и историческими особенностями, послужили основой для признания данного субъекта РФ удачным примером, отобранным для разработки целевой модели развития опорных населенных пунктов. Также на основе анализа процесса трансформации нормативной дефиниции ОНП в стратегических актах, преимущественно на протяжении 2019–2024 гг., обоснован тезис о том, что правовая природа таких пунктов затрагивает вопросы исключительного предмета ведения федерального центра, в результате чего было сформулировано предложение о введении понятия ОНП в законодательство о стратегическом планировании.

Ключевые слова: опорные населенные пункты, пространственное развитие, конституционные гарантии, территориальное планирование, Республика Крым, муниципальное образование, фрагментарный подход, инфраструктурный центр, разграничение полномочий, единство экономического пространства.

Преследуя цель обеспечить суверенное и равномерное развитие всей территории страны с учетом сложившихся географических факторов (площадь РФ составляет порядка 17,1 млн км², что определяет ее статус как самого большого государства в мире), Россия сталкивается с необходимостью учета таких особенностей, как имеющиеся демографические диспропорции, инфраструктурная фрагментация и экономическая асимметрия регионов. Поскольку РФ на текущем этапе политико-правового и государственно-экономического развития преодолевает многочисленные трудности, связанные с поиском оптимальных моделей организации публичной власти как одной из фундаментальных направлений и условий существования в современном мире, все вышеизложенное в совокупности приводит к переосмыслению ранее существовавшей классической двухуровневой структуры расселения – закрепленной до конституционных поправок 2020 г. модели поселенческого принципа муниципального устройства, предусматривавшей создание городских и сельских поселений в качестве базовых видов муниципальных образований. К настоящему времени на смену такой модели реализуется планомерный переход на одноуровневую систему (который, тем не менее, допускает сохранение смешанной модели организации местного самоуправления для уже сформированных единиц). Анализируя происходящие в данном направлении изменения, отметим, что, как видится, особую актуальность в указанной «повестке» приобрел новообразованный институт

опорных населенных пунктов (далее – ОНП). Однако, учитывая проводимую нами во вступительной части исследования прямую аналогию с процессами, определяющими новый правовой статус муниципальных образований в России, сразу обратим внимание на следующее: в контексте данной работы необходимо учитывать, что процедура включения населенного пункта в единый перечень ОНП в видении автора не затрагивает его существующего правового положения как муниципального образования. Последний, соответственно, сохраняет изначально у него имевшийся статус муниципального образования либо остается частью такового, будь то двухуровневая либо обновленная одноуровневая модель. Соответственно, о формировании опорных населенных пунктов будет уместным говорить сугубо в контексте наделения таких территорий признаком приоритетности, что в перспективе может быть реализовано через установление специального правового режима – с детализацией особых норм, правил и инструментов управления на законодательном уровне, чему будет уделено отдельное внимание далее.

Сама идея создания ОНП не нова и уходит своими корнями первую половину XX в. «Теория центральных мест была сформулирована В. Кристаллером в его ныне классическом труде – диссертации «Центральные места в Южной Германии» … Целью было выявление закономерностей в отношении числа, размеров и пространственного рассредоточения населенных пунктов, выполняющих функции в сфере торговли и услуг» [1, с. 96]. Основываясь на данных трудах, свой вклад развитие теории ОНП внесли и советские ученые, адаптировав немецкую модель под отечественные нужды: таким образом в 1970-х гг. появилась концепция опорного каркаса расселения. «Эта концепция предполагала создание сети населенных пунктов, играющих роль центров развития для окружающих территорий с низкой плотностью населения (Арктика, территория Сибири)» [2, с. 68].

Примечательно, что в РФ к идее развития ОНП обратились значительно позже: в сущности, первым нормативным источником, регламентировавшим общие положения данного института, стала принятая Правительством РФ 13.02.2019 г. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2025 г. (на текущий момент уже утратившая силу). Более того, о легальном толковании сущности ОНП стало возможным судить аж в 2021 г., в связи с внесением изменений в анализируемую Стратегию. Ознакомление с содержанием последней позволяет сделать вывод, что, несмотря на достаточно значительный временной разрыв, концепция ОНП в приоритетной сущности сохранилась по образу того подхода, который был присущ советскому опыту. Таким образом понятие «опорный населенный пункт» стало официально обозначать населенный пункт за пределами городских агломераций, ключевая функция которого – служить «платформой» для ускоренного инфраструктурного развития, которая сможет обеспечивать реализацию гарантий в сфере образования, культуры, медицины и т.д. [3]. На смену предыдущему акту Правительством РФ 28.12.2024 г. принята новая Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Будучи сравнительно более проработанной в анализируемой части, Стратегия представила несколько иной формат понимания, определив ОНП

как населенный пункт, «приоритетное развитие которого способствует достижению национальных целей и обеспечению национальной безопасности» [4], а ранее обозначенное инфраструктурное развитие в вышеприведенных сферах является неотъемлемым направлением реализации потребностей граждан, проживающих на соответствующей территории.

Как видится, подобная трансформация в столь незначительные временные промежутки, проявившая себя в эволюции понятия «опорный населенный пункт» не с точки зрения его отдельных признаков, а применительно к сущностному содержанию, представляет собой в значительной степени уникальный случай резкой смены парадигмы: от социально-инфраструктурного к макрополитическому смыслу. Фактически сохранявшаяся до 2019 (2021) г. правовая пустота привела к нарастанию определенного дисбаланса, выраженного в отрицательной динамике уровня социально-экономической связанности периферийных территорий, в связи с чем и была предпринята первая попытка реанимировать советскую систему межселенного обслуживания, которая в современных реалиях выглядела несколько устаревшей. Таким образом, Стратегия 2024 г. была призвана решить возникшую ситуацию: важно, что инфраструктурное развитие в ранее обозначенных сферах при этом не исключается из содержания государственной политики, однако производится замена его функциональной роли, отличной от основной цели создания ОНП. Среди причин подобной трансформации наиболее значимой представляется полученный результат правоприменительной практики, продемонстрировавший необходимость встраивания пространственного развития в систему документов стратегического планирования в области национальной безопасности, что и получило дальнейшее формальное закрепление в новой дефиниции. Тем не менее отметим, что если ранее ОНП функционировал, прежде всего, как инфраструктурный центр для прилегающих территорий, то теперь он квалифицируется как элемент пространственного фундамента, обеспечивающего реализацию общегосударственных приоритетов. Социальные обязательства при этом переведены из разряда самоцели в категорию сопутствующих, хотя и не менее значимых, направлений деятельности.

Таким образом, институт ОНП преодолел путь к механизму комплексного обеспечения устойчивости территориальной системы РФ в целом. Однако, будучи категорией преимущественно экономико-географического характера, концепция ОНП до сих пор, как видится, не получила должной системной конституционно-правовой интерпретации, что закономерно порождает неопределенность в вопросах компетенции, разграничения предметов ведения и финансового обеспечения. Помимо описываемой пробельности, научно-правовая проблема также заключается в том, что существование ОНП на отдельно взятых территориях ведет к созданию привилегированного статуса у последних и, соответственно, к состоянию, характеризующемуся асимметрией муниципальных образований. Подобная ситуация гипотетически способна привести к потенциальному противоречию конституционным гарантиям, определяющим самостоятельность и равноправие всех территориальных единиц. Все вышеизложенное обуславливает необходимость и актуальность реализации анализа конституци-

онно-правовых основ формирования и развития системы ОНП в РФ с последующим выявлением и разрешением коллизий между принципом равномерности развития и объективной необходимостью в наделении отдельных территорий приоритетным статусом.

Прежде чем говорить о нормативном регулировании ключевых вопросов формирования, следует обратить внимание на правовую природу ОНП. Конституция РФ, будучи принятой в 1993 г., хотя и не содержит прямого упоминания о пространственном планировании, тем не менее в части своей целевой направленности позволяет судить о наличии явных предпосылок к конституционной легитимации указанного института. В первую очередь, речь идет об отдельных положениях Гл. 1 Конституции РФ и, в частности – ст. 2, 7 и 8 соответственно. В соответствии со ст. 2 Конституции РФ, наивысшую ценность для РФ представляют права и свободы человека и гражданина [5], что накладывает на государство фундаментальное обязательство по их признанию и защите. Ч. 1 ст. 7 Конституции РФ подтверждает данную мысль и регламентирует, что Российская Федерация – «социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Там же]. В свою очередь, ст. 8 Конституции РФ гарантирует единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств [Там же]. Все эти нормы, помимо источника формирования, также объединены пространственным измерением: как самоценность человека и его достойный уровень жизни не могут быть территориально селективными, поскольку из буквального токования положений Основного закона страны формируется вывод, что государство обязано создавать условия, при которых равный доступ к социальным благам гарантирован вне зависимости от места проживания, так и концентрацию различного рода ресурсов с их последующим перемещением по всей территории РФ представляется возможным рассматривать как реализацию конституционной обязанности государства по поддержанию концепции связности территории (где формируемая система ОНП, соединяющая сырьевые и производственные зоны, способна выступить правовым механизмом обеспечения подобного «единства»). Тем не менее, закономерным в данных условиях является следующий вопрос: при осуществлении концепции единства пространства предполагается ли «иерархическая централизация» или, напротив, «горизонтальная интеграция»?

В контексте заданного вопроса мы приближаемся к выводу о наличии конституционно-правовых основ для существования ОНП, выходящих за рамки одной из наиболее стабильных ввиду особого порядка внесения изменений Гл. 1 «Основы конституционного строя». Так, однако, уже в Гл. 3, посвященной ключевым вопросам федеративного устройства России, в анализируемом контексте представляют интерес ст. 71-73, определяющие предметы исключительного ведения РФ, субъектов и вопросы их совместной компетенции. Исходя из содержания пунктов «а» и «е» ст. 71 Конституции РФ, относящих к вопросам исключительного ведения РФ принятие Конституции РФ и федеральных законов, а также установление основ федеральной политики и федеральные программы в области государственного, экономического, социального, культурного развития

РФ и т.п. напрашивается вывод, что именно у федерального законодателя имеется возможность внедрения модели ОНП как одного из действенных инструментов политико-правового регулирования. Исходя из данной «подведомственности» президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в РФ в 2024 г. был утвержден единый перечень ОНП в РФ, который насчитывает 2160 населенных пунктов. Помимо, собственно, исчерпывающего списка, данный перечень представляет интерес в связи с выведенными критериями относимости населенных пунктов к ОНП. Проведенный анализ позволяет их объединить в шесть основных категорий, включающих: относимость к основным центрам предоставления социальных услуг (именно этот критерий и закладывался в изначальную Стратегию в качестве ОНП); относимость к ядру городской агломерации при численности населения свыше 250 тыс. чел.; вход в состав городской агломерации и реализация новых инвестиционных проектов, существенно влияющие на экономику; статус крупнейшего по численности населения населенного пункта в городском округе в составе наукограда/ЗАТО; обеспечение функционирования стратегически значимой инфраструктуры; обеспечение национальной безопасности (данный признак в контексте новой Стратегии является определяющим и, как правило, применяется в совокупности с иным, как, например, вход в состав городской агломерации и\или нахождение на приграничной территории) [6]. Столь обширный и категорийно разрозненный перечень также является причиной трудностей, возникающих при осуществлении территориального планирования. Поскольку схема данного планирования РФ предусматривает размещение объектов федерального значения при присвоении населенному пункту статуса ОНП, это закономерно влечет за собой планирование размещения объектов социальной значимости, что формирует еще одну коллизию: не иллюзорная возможность возникновения противоречий между федеральным вектором развития ОНП и вектором территориального планирования субъекта РФ. Не менее очевидным остается факт неизбежного использования модели ОНП в сфере компетенции местного самоуправления. О сложностях, с которыми приходится сталкиваться в отношении последних, уместно говорить в контексте тех поправок, которые были приняты к Конституции РФ в 2021 г. и окончательно закрепили смысл понятия «публичная власть», объединившую в себе государственную власть и местное самоуправление.

Ввиду вышеуказанных обстоятельств возникает вопрос о праве органов власти федерального уровня и/или уровня субъектов РФ императивно принимать решение о статусе отдельных населенных пунктов как опорных, что, учитывая влекущие за таким положением характер и объем предполагаемого финансирования, не может не отразиться на иных, соседних территориальных единицах. В данном выводе мы, в частности, опирались на позицию судьи Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь, который в своих трудах обращал внимание на то, что территориальная организация местного самоуправления должна основываться на балансе интересов [7, с. 61], а политика формирования ОНП способна потенциально создать риск нарушения данного баланса. Однако, поскольку после принятия поправок к Конституции РФ в положениях последней (в частности, ч.

1.1 и ч. 3 ст. 131) допускается некоторое вмешательство государства в организацию местной власти, если это продиктовано конституционно значимыми целями, думается, легитимация ОНП, учитывая ранее проведенный анализ дефиниции данного явления, опирается именно на такие основания. Тем не менее, учитывая все вышеизложенное, представляется актуальным обозначить необходимость в совершенствовании действующего законодательства, нивелирующего столь высокий на текущий момент уровень пробельности в отношении ОНП. Среди приоритетных направлений, с учетом действующей на сегодняшний день Стратегии пространственного развития, видится: во-первых, редактирование Федерального закона от 28.06.2014 № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [8]. Последний, активно оперируя такими терминами, как «социально-экономическое развитие», «стратегический прогноз» и «макрорегион», в целом не учитывает такую дефиницию, как «опорный населенный пункт» в контексте возможных субъектов планирования, что создает пробел в правовом обеспечении статуса ОНП. Во-вторых – пересмотр отдельных положений новопринятого Федерального закона от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», который, закрепляя в п.4 ч.1 статьи 16 в качестве исключительной компетенции представительного органа муниципального образования «утверждение стратегии социально-экономического развития муниципального образования» [9], при этом не предоставляет органам местного самоуправления возможности каким-либо образом повлиять на признание населенного пункта опорным. Позиция автора заключается в необходимости устранения указанных противоречий, которые послужат основой для последующих трансформаций.

В качестве завершающего аспекта исследования в контексте анализируемой проблематики иерархичной централизации ОНП обратим внимание на практический аспект, а именно – опыт в данном отношении субъекта РФ, обладающего уникальным сочетанием географических и инфраструктурных особенностей – Республики Крым. Поскольку для Крыма в связи со сложившимися историко-политическими условиями характерной особенностью стал адаптационный период в национальное законодательство, последний позволил региональному законодателю реализовать гибкий подход к территориальной организации публичной власти, в том числе в вопросах пространственного планирования.

С геополитической точки зрения Крым представляет собой полуостров с высокой плотностью населения в прибрежной полосе и менее заселенной степной зоной на севере и востоке, а имеющаяся конституционная необходимость в обеспечении достойного уровня жизни для всех и каждого во взаимосвязи с такими принципами, как, например, транспортная доступность, закономерно приводит к необходимости применения концепции ОНП как одного из эффективных механизмов развития. В результате нормативное закрепление в статусе опорных приобрели многие населенные пункты, как, например: г. Симферополь, Евпатория Саки, Джанкой, Алушта, Армянск, Судак и др. (по состоянию на лето 2026 г. всего 24 населенных пункта). Большинство из них отнесены к категории ОНП по критерию «населенный пункт, который является основным центром предоставления социальных услуг для одного или нескольких муници-

пальных образований» [6], в качестве исключений – г. Симферополь, являющийся ядром городской агломерации, города Евпатория, Саки и с. Приветное, находящиеся в статусе реализующих новые инвестиционные проекты, существенно влияющие на экономику территории, города Джанкой и Керчь – как обслуживающие критически важную инфраструктуру, а также с. Молочное – как ОНП, обеспечивающий национальную безопасность. После введения ряда санкционных ограничений именно федеральная поддержка анализируемых пунктов является не просто экономически целесообразным решением, но и прямой реализацией конституционной функции государства по обеспечению суверенитета и целостности территории.

Специфика крымского подхода заключается в развитии особого режима вышеперечисленных территорий, при котором наделение населенного пункта статусом опорного влечет за собой не только предоставление каких-либо преимуществ, но и, закономерно, возложение на него повышенных требований по гарантированию социальных обязательств, проявляющихся в конституционных правах граждан на медицинскую помощь, образование и т.д. в условиях имеющейся у Республики Крым пространственной ограниченности. Такой феномен развития «крымской модели» ОНП не является сугубо авторским видением: так, например, подобный правовой эксперимент встраивания полуострова в систему приоритетного развития отразился на принятии Агентством стратегических инициатив решения о включении Крыма в качестве «одного из десяти пилотных регионов, отобранных для разработки целевой модели развития опорных населенных пунктов» [10], с последующим внедрением данной системы в национальный проект «Инфраструктура для жизни». Все это, безусловно, способно оказать плодотворное влияние не только на развитие отдельно взятого субъекта, но и на достижение новых результатов в формировании общенациональной политики внедрения ОНП в рамках концепции пространственного планирования.

Подводя итог исследованию в целом, отметим, что, как удалось установить, система ОНП в РФ, несмотря на отсутствие прямого упоминания в тексте Конституции РФ, имеет под собой фундаментальные конституционно-правовые основания. Последние вытекают из совокупного действия норм о социальном государстве, единстве экономического пространства, принципов разграничения предметов ведения и некоторых иных. Однако, поскольку современное состояние ОНП в части вопросов правового регулирования пока еще характеризуется излишней фрагментарностью норм, данная конституционная модель сталкивается с не иллюзорным риском возможного дисбаланса между политикой пространственного развития и излишней асимметрией ее составных территориальных единиц. Думается, что ранее приведенные предложения в части совершенствования действующего законодательства способны положительно повлиять на ситуацию, при которой институт ОНП станет действительной формой реализации конституционных гарантий.

Список литературы:

1. Маркварт Э. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты / Э. Маркварт, Н.Н. Киселева, Д.П. Соснин // Власть. – 2022. – №2. – С. 95-111.

2. Евлампиева Е.В. Система опорных населенных пунктов как основа пространственного развития Российской Федерации / Е.В. Евлампиева // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. 2025. №2. С. 66-73.
3. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 года № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (с изменениями на 30 сентября 2022 года), утратила силу. – URL: https://docs.cntd.ru/document/552378463?ysclid=mqp7sjj4wr998276202
4. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 года № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года». – URL: https://docs.cntd.ru/document/1310767692?ysclid=mqqaynvf4b979314724
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
6. Единый перечень опорных населенных пунктов Российской Федерации // утвержден президиумом (штабом) Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации (протокол от декабря 2024 г.). – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf/?ysclid=mqxltfo3ey740271311
7. Бондарь Н.С. Местное самоуправление и конституционное правосудие: Конституционализация муниципальной демократии в России / Н.С. Бондарь. - Москва : НОРМА, 2008. – 592 с.
8. Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024) «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/?ysclid=mqxsdnqhjr117268141
9. Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/?ysclid=mqxw8bcbbd349069193
10. АСИ выбрало Крым для пилотного проекта по развитию опорных пунктов // Коммерсантъ. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7674805?ysclid=mr28l2wk17824764939

Silvanovich Yu.N. Formation and development of the system of support settlements in the Russian Federation: constitutional and legal framework and experience of the Republic of Crimea // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 391-400.

This article analyzes the concept of support settlements (STS) as one of the new vectors of spatial development of the Russian Federation. The author examines the genesis of this institution, viewed through the prism of the constitutional principles of social guarantees, the unity of economic space, and the equality of the constituent entities of the Russian Federation. Particular attention is paid to the legal conflict between the constitutional principle of equality of territorial units (including municipalities) and the existing objective need to grant some settlements a "privileged" status. Based on this, a substantive analysis of the unified list of key population centers (HPCs) in the Russian Federation approved by the Presidium (Headquarters) of the Government Commission for Regional Development in the Russian Federation in 2024 was conducted, and a list of criteria for classifying a key population center as such was developed. Particular attention was given to the practical experience of establishing a key population center (HPC) in the Republic of Crimea as a pilot project, as the existing conditions associated with geopolitical and historical features served as the basis for recognizing this constituent entity of the Russian Federation as a successful example, selected for the development of a target model for the development of key population centers. Furthermore, based on an analysis of the process of transforming the regulatory definition of HPCs in strategic acts, primarily between 2019 and 2024, the thesis was substantiated that the legal nature of such items affects matters exclusively within the jurisdiction of the federal center. As a result, a proposal was formulated to introduce the concept of HPCs into strategic planning legislation.

Keywords: core settlements, spatial development, constitutional guarantees, territorial planning, Republic of Crimea, municipal formation, fragmented approach, infrastructure center, delimitation of powers, unity of economic space

Spisok literatury`:

1. Markvart E`. Sistema oporny`x naselenny`x punktov kak mexanizm upravleniya prostranstvenny`m razvitiem: teoreticheskie i prakticheskie aspekty` / E`. Markvart, N.N. Kiseleva, D.P. Sosnin // Vlast`. – 2022. – №2. – S. 95-111.
2. Evlampieva E.V. Sistema oporny`x naselenny`x punktov kak osnova prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii / E.V. Evlampieva // Vestnik BGU. E`konomika i menedzhment. – 2025. – №2. – S. 66-73.
3. Rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 13 fevralya 2019 goda № 207-r «Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» (s izmeneniyami na 30 sentyabrya 2022 goda), utratila silu. – URL: https://docs.cntd.ru/document/552378463?ysclid=mqp7sjj4wr998276202
4. Rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 28 dekabrya 2024 goda № 4146-r «Ob utverzhdenii Strategii prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda s prognozom do 2036 goda». – URL: https://docs.cntd.ru/document/1310767692?ysclid=mqqaynvf4b979314724
5. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobren-

ny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
6. Ediny`j perechen` oporny`x naselenny`x punktov Rossijskoj Federacii // utverzhden prezidiumom (shtabom) Pravitel`stvennoj komissii po regional`nomu razvitiyu v Rossijskoj Federacii (protokol ot dekabrya 2024 g.). – URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda_c_prognozom_do_2036_goda/edinyy_perechen_opornyh_naselennyh_punktov_rf/?ysclid=mqxltfo3ey740271311
7. Bondar` N.S. Mestnoe samoupravlenie i konstitucionnoe pravosudie: Konstitucionalizaciya municipal`noj demokratii v Rossii / N.S. Bondar`. - Moskva : NORMA, 2008. – 592 s.
8. Federal`ny`j zakon ot 28.06.2014 N 172-FZ (red. ot 13.07.2024) «O strategicheskom planirovanii v Rossijskoj Federacii». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/?ysclid=mqxsdnqhjr117268141
9. Federal`ny`j zakon ot 20.03.2025 N 33-FZ (red. ot 09.04.2026) «Ob obshhix principax organizacii mestnogo samoupravleniya v edinoj sisteme publichnoj vlasti». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_501319/?ysclid=mqxw8bcbbd349069193
10. ASI vy`bralo Kry`m dlya pilotnogo proekta po razvitiyu oporny`x punktov // Kommersant``. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7674805?ysclid=mr28l2wk17824764939
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 400-404.

УДК 346.5:659.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Трифонова К. В., Крюков А. А.

В условиях цифровой трансформации экономики и стремительного развития коммуникационных технологий институт рекламы претерпевает фундаментальные изменения. Законодательство о рекламе, призванное обеспечить баланс частных и публичных интересов, сталкивается с вызовами, связанными с появлением новых форматов (нативная реклама, инфлюенс-маркетинг) и ростом трансграничного оборота, при этом существующее правовое регулирование рекламной деятельности нацелено на традиционные способы распространения информации. Авторы анализируют правовую природу рекламы как объекта гражданского оборота, выявляют пробелы в понятийном аппарате Федерального закона «О рекламе», исследуют проблемы квалификации цифрового контента и правоприменительную практику антимонопольного органа. В статье обосновывается необходимость модернизации законодательства путем введения новых правовых категорий и усиления контрольных механизмов в цифровой среде. В частности, внесение изменений в статьи, закрепляющие легальные определения «нативной рекламы», «инфлюенс-маркетинга», «рекламы в социальных сетях», закрепление обязанности владельцев социальных сетей и видеохостингов по мониторингу и маркировке рекламного контента, размещаемого пользователями, дифференциация размеров административных штрафов, в зависимости от выручки, полученной от распространения незаконной рекламы и привлечение отраслевых ассоциаций к разработке кодексов профессиональной этики и процедур досудебного урегулирования споров. В заключении авторы приходят к выводам об устаревании отдельных формулировок ФЗ «О рекламе» и необходимости их модернизации с учетом существующих реалий. Особое внимание уделяется вопросу разграничения рекламной и информационной деятельности в социальных сетях, а также проблеме привлечения к ответственности блогеров.

Ключевые слова: рекламное законодательство, цифровая реклама, нативная реклама, инфлюенс-маркетинг, недобросовестная конкуренция, маркировка рекламы, Федеральная антимонопольная служба.

В эпоху цифровизации рекламная индустрия стала одним из драйверов развития экономики. Согласно данным Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР), по итогам 2025 г. объем российского рекламного рынка впервые превысил 800 млрд руб., при этом более 60% всех бюджетов пришлось на цифровые сегменты [1]. Однако стремительный рост сопровождается появлением новых правовых коллизий. Законодатель, пытаясь реагировать на вызовы времени, зачастую действует точечно, что приводит к фрагментарности регулирования и правовой неопределенности.

Проблема усугубляется тем, что ключевой нормативный акт — Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (далее — Закон о рекламе) [2] — был принят в эпоху, когда доминирующими каналами распространения оставались традиционные СМИ. Современные реалии (таргетированная реклама, реклама у блогеров, использование Big Data) требуют переосмысления базовых категорий. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки единообразных подходов к квалификации рекламного контента в цифровой среде и созданию эффективных механизмов защиты прав потребителей и добросовестных участников рынка.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ проблем правового регулирования рекламной деятельности в РФ и разработка предложений по совершенствованию законодательства.

Основополагающим актом в исследуемой сфере выступает Закон о рекламе, закрепляющий понятие рекламы, общие и специальные требования к ней, а также полномочия контролирующего органа — Федеральной антимонопольной службы (ФАС России). Согласно ст. 3 Закона, реклама — это информация, распространенная любым способом,

в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [2]. Помимо специального закона, рекламные отношения регулируются нормами ГК РФ (о договорах, интеллектуальной собственности), КоАП РФ (ст. 14.3), а также подзаконными актами, в частности, постановлениями Правительства РФ и приказами ФАС России.

В доктрине гражданского права продолжаются дискуссии о правовой природе рекламы. Одни исследователи рассматривают рекламу как разновидность информации (оферту или вызов на оферту) [3, с.78], другие — как самостоятельный объект гражданских прав, имеющий нематериальную природу, но тесно связанный с продвижением товаров (работ, услуг) [4, с.48]. Третья группа исследователей, считает, что: «рекламная деятельность является особым видом деятельности, который включает в себя процесс взаимодействия ее сторон, и результатом этой деятельности является производство, продвижение и исследование рекламного продукта в целях стимулирования потребителя, и (или) создания мнения о товаре или услуге» [5, с.109]. По нашему мнению, рекламу следует рассматривать как сложный правовой феномен, сочетающий в себе информационные, обязательственные и конкурентные элементы.

Рассмотрим основные проблемы правового регулирования:

1. Неопределенность понятийного аппарата и появление новых форм рекламы.

Ключевой проблемой остается размытость легальной дефиниции рекламы. Правоприменительная практика сталкивается с трудностями при отграничении рекламы от иной информации, особенно в условиях развития нативной рекламы (органично интегрированной в контент) и инфлюенс-маркетинга (рекламы через лидеров мнений). Законодатель, стремясь восполнить пробел, в 2024-2025 гг. усилил требования к маркировке интернет-рекламы (ст. 18.1 Закона о рекламе), однако сам критерий отнесения информации к рекламной остался прежним.

Как справедливо отмечает С.В. Максимов, «отсутствие в законе четких критериев "направленности на привлечение внимания" приводит к тому, что любой позитивный пост в социальной сети может быть признан рекламой, что создает коррупциогенные риски и избыточное административное давление» [4, с.48].

2. Регулирование цифровой рекламы и маркировка.

Введение в 2022-2025 гг. обязательной маркировки интернет-рекламы (закон о «Едином реестре интернет-рекламы» (ЕРИР)) породило новую волну споров. С одной стороны, механизм позволил систематизировать учет рекламных бюджетов. С другой — он создал административные барьеры для малого бизнеса и блогеров. Проблемы возникают с идентификацией рекламы в зарубежных соцсетях (признанных нежелательными на территории РФ) и в мессенджерах. Правовой вакуум наблюдается в сфере регулирования рекламных алгоритмов и использования персональных данных для таргетинга. Нормы Федерального закона «О персональных данных» не учитывают специфику рекламных технологий, что приводит к нарушению прав граждан [6].

3. Специфика рекламирования отдельных видов товаров.

Особую сложность представляет реклама товаров, оборот которых ограничен или требует специального разрешения. В частности:

3.1. Финансовые услуги: ФАС регулярно выявляет нарушения, связанные с недостоверными обещаниями высокой доходности, особенно в рекламе инвестиционных платформ и криптовалютных проектов. Отсутствие специального регулирования рекламы цифровых финансовых активов (ЦФА) и криптовалют создает возможности для введения потребителей в заблуждение.

3.2. Фармацевтика: Проблема заключается в рекламе биологически активных доба-

вок (БАД), которая часто содержит указания на лечебные свойства, не подтвержденные клиническими исследованиями. Это прямо нарушает требования ч. 1 ст. 25 Закона о рекламе [2].

4. Контроль, ответственность и судебная практика.

Анализ дел, рассмотренных ФАС России и арбитражными судами за 2023-2025 гг., показывает тенденцию к усложнению доказывания фактов нарушения. Ответчики активно используют аргументы о неверной квалификации информации (не реклама, а справочная информация или «собственный контент»). В качестве примера можно привести Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.04.2024 № Ф05-3456/2024, в котором суд указал, что разграничение рекламы и иной информации должно производиться на основе комплексного анализа содержания сообщения, его целевой направленности и обстоятельств распространения [7].

Проблемы правоприменения также связаны с низким размером административных штрафов (для юридических лиц по ст. 14.3 КоАП РФ — от 100 000 до 500 000 руб.), которые не всегда являются ощутимыми для крупных компаний и не выполняют превентивной функции [8]. Кроме того, длительные сроки рассмотрения дел (до 6-9 месяцев) позволяют недобросовестным рекламодателям извлекать выгоду из противоправного поведения в течение всего периода разбирательства.

Для решения обозначенных проблем представляется необходимым реализовать комплекс мер:

1. Уточнение понятийного аппарата: Внести в Закон о рекламе изменения, закрепляющие легальные определения «нативной рекламы», «инфлюенс-маркетинга», «рекламы в социальных сетях». Это позволит снизить уровень правовой неопределенности и унифицировать правоприменительную практику. Целесообразно разработать методические рекомендации ФАС России по разграничению рекламного и нерекламного контента, аналогичные подходам, выработанным в праве ЕС [9].

2. Совершенствование регулирования цифровой среды: необходимо закрепить обязанности владельцев социальных сетей и видеохостингов по мониторингу и маркировке рекламного контента, размещаемого пользователями. Важно также урегулировать вопрос использования алгоритмов искусственного интеллекта для персонализированного показа рекламы, установив требования к прозрачности таких алгоритмов и получению согласия пользователей.

3. Реформа института ответственности [10, с.178; 5, с.109]. Предлагается дифференцировать размеры административных штрафов, поставив их в зависимость от выручки, полученной от распространения незаконной рекламы (по аналогии с оборотными штрафами за нарушение антимонопольного законодательства). Также требуется внедрение механизма оперативного ограничения доступа к интернет-страницам, распространяющим явно незаконную рекламу (например, рекламу запрещенных веществ), без ожидания решения суда.

4. Развитие саморегулирования: Активное привлечение отраслевых ассоциаций (АКАР, РАМУ) к разработке кодексов профессиональной этики и процедур досудебного урегулирования споров позволит снизить нагрузку на государственные органы и будет способствовать повышению культуры рекламной деятельности.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о наличии системных проблем в правовом регулировании рекламной деятельности в РФ. Основной конфликт заключается в динамике рыночных отношений, порождающих новые технологичные форматы рекламы, и статичности (фрагментарности) законодательства. Правовой вакуум в определении статуса цифровой рекламы, инфлюенс-маркетинга и рекламы в социальных сетях нарушает права как потребителей, так и добросовестных участников рынка.

Модернизация гл. 2 Закона о рекламе [2], направленная на уточнение понятийного аппарата, должна сопровождаться усилением контрольных механизмов и соразмерности ответственности. При этом важно сохранить баланс между публичными интересами (защита потребителей, прозрачность рынка) и частными (свобода предпринимательства и творчества). Дальнейшее развитие рекламного законодательства видится в направлении гармонизации с лучшими международными практиками и активном внедрении механизмов саморегулирования, способных гибко реагировать на технологические изменения.

Список литературы:

1. Отчет Ассоциации коммуникационных агентств России (АКАР) «Объем рекламного рынка России в 2025 году». М., 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size (дата обращения: 10.03.2026).
2. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» (ред. от 01.12.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
3. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в рекламной деятельности. М.: Статут, 2024. С. 78.
4. Максимов С.В. Правовое регулирование рекламы в условиях цифровой экономики: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2025. № 3. С. 48.
5. Пономарёва А. М. Основы рекламной деятельности: организация, планирование, оценка эффективности: учеб.-метод. пособие / А. М. Пономарёва. - М.: Финансы и статистика; ИНФРА-М, 2019. - 192 с.
6. Федеральный закон от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) "О персональных данных".// Парламентская газета. №. 126-127. 03.08.2006
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.04.2024 № Ф05-3456/2024 по делу № А40-212345/2023.//СПС Консультант
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ(ред. от 08.03.2026).// Российская газета. № 256, 31.12.2001
9. Regulation (EU) 2018/302 on addressing unjustified geo-blocking.
10. Шаназарова Е.В., Зыков Д.А., Гудков А.И. Основные проблемы законодательного регулирования рекламной деятельности и пути их решения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 4. 238 с.

Trifonova K.V., Kryukov A. A. Current Issues of Advertising Regulation in the Legislation of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 400-404.

In the context of the digital transformation of the economy and the rapid development of communication technologies, the institute of advertising is undergoing fundamental changes. Advertising legislation, designed to ensure a balance of private and public interests, is facing challenges related to the emergence of new formats (native advertising, influencer marketing) and the growth of cross-border turnover, while the existing legal regulation of advertising activities is aimed at traditional ways of disseminating information. The authors analyze the legal nature of advertising as an object of civil turnover, identify gaps in the conceptual framework of the Federal Law "On Advertising", explore the problems of digital content qualification and the law enforcement practice of the antimonopoly authority. The article substantiates the need to modernize legislation by introducing new legal categories and strengthening control mechanisms in the digital environment. In particular, amendments to the articles fixing the legal definitions of "native advertising", "influencer marketing", "advertising on social networks", fixing the obligation of owners of social networks and video hosting sites to monitor and label advertising content posted by users, differentiating the size of administrative fines, depending on the revenue received from the distribution of illegal advertising and involvement of industry associations in the development of codes of professional ethics and pre-trial dispute resolution procedures. In conclusion, the authors come to conclusions about the obsolescence of certain formulations of the Federal Law "On Advertising" and the need to modernize them taking into account existing realities. Special attention is paid to the issue of distinguishing advertising and information activities on social networks, as well as the problem of holding bloggers accountable.

Keywords: advertising legislation, digital advertising, native advertising, influencer marketing, unfair competition, advertising labeling, Federal Antimonopoly Service.

Spisok literatury:

1. Otchet Assotsiatsii kommunikatsionnykh agentstv Rossii (AKAR) «Ob"yem reklamnogo rynka Rossii v 2025 godu». M., 2026. [Elektronnyy resurs]. URL: https://www.akarussia.ru/knowledge/market_size (data obrashcheniya: 10.03.2026).
2. Federal'nyy zakon ot 13.03.2006 № 38-FZ «O reklame» (red. ot 01.12.2025) // Sobraniye zakonodatel'stva RF. 2006. № 12. St. 1232.
3. Sergeyev A.P. Pravo intellektual'noy sobstvennosti v reklamnoy deyatel'nosti. M.: Statut, 2024. S. 78.
4. Maksimov S.V. Pravovoye regulirovaniye reklamy v usloviyakh tsifrovoy ekonomiki: problemy i perspektivy //

Zhurnal rossiyskogo prava. 2025. № 3. S. 48.
5. Ponomarova A. M. Osnovy reklamnoy deyatel'nosti: organizatsiya, planirovaniye, otsenka effektivnosti: ucheb.-metod. posobiye / A. M. Ponomarova. - M.: Finansy i statistika; INFRA-M, 2019. - 192 s.
6. Federal'nyy zakon ot 27.07.2006 N 152-FZ (red. ot 24.06.2025) "O personal'nykh dannykh".// Parlamentskaya gazeta. №. 126-127. 03.08.2006
7. Postanovleniye Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 12.04.2024 № F05-3456/2024 po delu № A40-212345/2023.//SPS Konsul'tant
8. Kodeks Rossiyskoy Federatsii ob administrativnykh pravonarusheniyakh ot 30.12.2001 N 195-FZ(red. ot 08.03.2026).// Rossiyskaya gazeta. № 256, 31.12.2001
9. Regulation (EU) 2018/302 on addressing unjustified geo-blocking.
10. Shanazarova Ye.V., Zykov D.A., Gudkov A.I. Osnovnyye problemy zakonodatel'nogo regulirovaniya reklamnoy deyatel' nosti i puti ikh resheniya // Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki. 2019. № 4. 238 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 405-410.

УДК: 342.95

СООТНОШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ НАЗНАЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ И ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ ИСПОЛНЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Цындря В. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье актуализируется целесообразность изучения соотношения принципов назначения административных наказаний и принципов государственной политики в области исполнения административных наказаний в Российской Федерации, как важной составляющей научного обеспечения обновления отечественного законодательства об административных правонарушениях. Акцентировано внимание на значении формирования и согласованности системы принципов установления, назначения и административных наказаний, а также их закрепления в законодательства об административной ответственности. Рассмотрены соответствующие принципы, закрепленные в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее - КоАП), Концепции нового КоАП, проектах КоАП и ПКоАП, решениях Конституционного Суда России и Верховного Суда России, а также в научных публикациях. Высказано предположение о некорректности отождествлять рассматриваемыми нами принципы, в связи с отличиями как по содержанию, так и правовым основам закрепления и реализации. Выделены принципы назначения административных наказаний и принципы государственной политики в области исполнения административных наказаний в Российской Федерации, а также выявлены их общие и отличительные черты. Сделан вывод о том, что эти принципы находятся в состоянии взаимодействия, взаимодополняя и развивая друг друга. Предложено учитывать содержание принципов назначения и исполнения административных наказаний в процессе формулирования соответствующих материальных и процессуальных норм права об административной ответственности.

Ключевые слова: принципы, назначение административных наказаний, государственная политика Российской Федерации в области исполнения административных наказаний, КоАП.

Достижение целей и решение задач, стоящих перед Россией на современном этапе её развития, предусматривают построение такой системы взаимоотношений между государством, гражданами, бизнесом и общественностью, при которой обеспечивается прогресс в социально-экономической сфере, безусловное соблюдение их прав, свобод и законных интересов, минимизация рисков и своевременное устранение угроз национальной и общественной безопасности.

Элементом данной системы является наличие законодательства об административной ответственности, которое позволяет оперативно реагировать на негативные изменения в экономической, политической и социальной ситуации, оказывая эффективное воздействие на участников общественных отношений, совершающих противоправные деяния различной степени общественной опасности.

Одной из задач, которые решаются в ходе реформирования института административной ответственности в России является «…дальнейшее развитие основных принципов законодательства об административных правонарушениях» [1].

Основные новации в этой области направлены на защиту динамично меняющихся общественных отношений от противоправных посягательств, обеспечение консолидации основ административной ответственности с базовыми положениями Конституции России и идеологии реформ, осуществляемых в российском государстве, имплементации положений международных договоров, участником которых является РФ (например, Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г.), а также внедрения современных информационно-коммуникационных технологий и элементов цифровизации в отечественный юрисдикционный процесс.

В ходе изучения общих вопросов административно-наказательной политики нами было сделан вывод о том, что принципы административно-наказательной политики

являются результатом отражения общественного восприятия предназначения и целей административных наказаний в целом и отдельных их разновидностей, они производны от принципов административно-деликтной политики, а также связаны с закономерностями отдельных видов государственной деятельности (правотворческой, правоприменительной), воспринимаются, как правило, обязательное к исполнению, формируются с учетом перспектив совершенствования института административных наказаний. В контексте установления административной ответственности принципы – это «…обобщенные основные теоретические положения, по сути, правила для законодательного установления административной ответственности и концентрированно выраженные в законодательстве» [2]

Рассмотрение системы принципов, определяющих основы формирования, развития и реализации административно-деликтного значения имеет важное значение в контексте приведения соответствующей отрасли отечественного законодательства к реалиям общественной жизни, усиления защиты интересов личности общества и государства от противоправных посягательств, обусловленных как внешними, так и внутренними факторами, стремительным внедрением в сферу юриспруденции современных информационно-коммуникационных технологий и средств обработки правовой информации, основанных на использовании искусственного интеллекта.

Кроме этого, существует необходимость обеспечения согласованности между принципами формирования и реализации административно-наказательной политики Российской Федерации и принципами административной ответственности, принципами и правилам назначения наказаний и принципами их исполнения.

Сегодня эти принципы закреплены в действующем Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП) в виде отдельных норм (ст. ст.1.4-1.6), а также как часть общих правил назначения и исполнения административных наказаний (ст. 4.1, ст.ст. 31.2, 31.5, 31.6, 31.11) [2]. В дальнейшем они были конкретизированы в проектах КоАП (ст.ст. 1.10-1.15) и Процессуального кодекса РФ об административных правонарушениях (ст.ст. 1.4-1.12, 1.15) [3-4].

Изучение приведенных выше законов и проектов позволяет сделать вывод о том, что, такие принципы назначения административных наказаний, как справедливость, соразмерность и индивидуализация ответственности, корреспондируются с общими правилами их назначения [6], и включены в подсистему принципов законодательства об административных правонарушениях.

Примеры реализации этих принципов содержаться в решениях КС РФ. Так, обобщив постановления и определения отечественного органа конституционного правосудия А.Н. Жеребцов, в их перечень включает «…индивидуализацию наказания, обеспечение баланса публичных и частных интересов, справедливости, соразмерности (пропорциональности) и разумности, недопустимость избыточного государственного принуждения, дифференциации ответственности» [7].

Административисты предлагают к ним относить и принципы: «…подтверждения необходимости исполнения обязанности, за неисполнение которой административное наказание было назначено, целесообразности, компетентности, пропорциональности; допустимости одновременного назначения административного наказания юридическому и физическому лицу за совершение одного и того же административного правонарушения, освобождения лица, совершившего административное правонарушение, от административного наказания в случаях, предусмотренных КоАП РФ» [8-9].

Попытка обновления системы принципов административной ответственности отражена в Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2019 г.), представившим их систему в виде следующих групп: принци-

пы её установления, общие положения (правила), касающиеся производства по делам об административные правонарушения, принципы применения мер административного наказания (подраздел 2.2 Концепции) [1].

В частности, к ним относятся положения касающиеся: взаимозависимости реформы административно-деликтного законодательства, административной реформе и реформирования отраслевого законодательства, проводимого в рамках реформы контрольно-надзорной деятельности; дифференциации административной ответственности и применения риск-ориентированного подхода при установлении и применения административных наказаний; установления пределов полномочий РФ и её субъектов в области установления административной ответственности, конкретных видов и категорий административных правонарушений и реализации мер наказания за их совершения; конкретизации процедур обоснования необходимости совершенствования административных наказаний как части законотворческого процесса.

В данной статье предлагается уточнить систему принципов исполнения административных наказаний (как части принципов административной ответственности) и определить их соотношение с общими началами государственной политики в области исполнения административных наказаний.

Комплексный анализ принципов назначения и исполнения административных наказаний, содержится в трудах Д.Н. Бахраха, Э.Е. Гензюка, В.В. Денисенка, А.Н. Дерюги, А.С. Дерюги, А.С. Дугенца, И.Ш. Килясханова, А.Н. Жеребцова, А.А. Захарова, О.А. Заярного, С.М. Зырянова, В.В. Игнатенко, Е.В. Ивневой, А.В. Кирина, Н.А. Корсаковой, И.В. Максимова, Е.А. Мамаева, Д.Н. Мышляева, Е.Н. Николенко, М.И.Никулина, В.М. Паламарчука, А.В. Погодина, Ю.И. Попугаева, Е.А. Прошина, О.С. Рогачовой, Н.Г. Салищевой, В.Е. Севрюгина, И.Е. Сенникова, П.П. Серкова, Ю.П. Соловья, Ю.Н. Старилова, А.С. Родионовой, Т.Ю. Фалькиной, А.П. Шергина и др.

В тоже время, принципы исполнения административных наказаний (административно-исполнительного производства по делам об административных правонарушениях [10-13]), в самостоятельную подгруппу не выделяются, а определяются деятельностью уполномоченных субъектов административной юрисдикции, лиц, привлеченных к административной ответственности, а также учреждений и организаций, обеспечивающих исполнение отдельных их видов [14]. Как правило, в научных публикациях они объединяются вместе с принципами назначения административного наказания.

По нашему мнению, отождествлять эти принципы методологически не верно, поскольку они отличаются как по содержанию, так и правовым основам закрепления и реализации. В частности, если принципы назначения административных наказаний определяют порядок выбора административного наказания, исходя из установленных законом правил и обстоятельств конкретного дела, то принципы их исполнения – основы реализации назначенного наказания, соблюдения законности, прав и свобод физических и юридических лиц, подвергнутого данной мере государственного принуждения. Кроме этого, первая группа принципов закреплена в КоАП, а вторая – как в КоАП, так и других законодательных и подзаконных актах, регламентирующих порядок исполнения отдельных видов административных наказаний или процедуру принудительного исполнения постановлений должностных лиц и юрисдикционных органов.

Солидаризуясь с мнением отдельных авторов, предлагаем к ним относить: а) общие принципы процессуальной деятельности; б) принципы, присущие этой стадии производства по делам об административных правонарушениях; принципы исполнительного производства (например, законности, оперативности, неприкосновенности личности [15]; ненанесения несоразмерного вреда деловой репутации юридического лица, надлежащего уведомления лица, привлекаемого к административной ответственности,

реальности исполнения наказания, полноты и срочности исполнения постановления о назначении административного наказания, принудительного обеспечения исполнения и др. [16]). По нашему мнению, их перечень можно дополнить принципами своевременности и индивидуальности исполнения административного наказания.

Переходя к принципам государственной политики в области исполнения административных наказаний, следует обратить внимание на отсутствие их закрепления в нормативных правовых актах.

В ходе исследования содержания административно-наказательной политики и её составляющих, нами предложено относить к ним следующие принципы: урегулирования оснований, порядка и условий исполнения административных наказаний в федеральном законодательстве; обеспечения приоритета прав и законных интересов лиц, подвергнутых административному наказания, исключающих жестокое обращение и унижение человеческого достоинства; закрепления возможности индивидуализации условий исполнения административных наказаний; стимулирования добровольности и сознательности исполнения административных наказаний; конкретизации полномочий субъектов административной юрисдикции и других организаций и учреждений, обеспечивающих исполнение административные наказаний; обеспечения реальности исполнения административных наказаний; внедрения достижений науки и техники в процесс исполнения административных наказаний [17].

При установлении соотношения рассмотренных выше групп принципов предлагается учитывать, что: такие основополагающие идеи, как законность, приоритет прав и свобод человека, индивидуализация наказания, гуманизма, присущи обеим группам принципов; принципы назначения и исполнения административных наказаний являются частью общей концепции государственной политики в области обеспечения правопорядка и общественной безопасности, обеспечивая реализацию государственных целей в сфере защиты публичных интересов; установление принципов государственной политики в области исполнения административных наказаний выступает важным условием соблюдения режима законности в процессе назначения и исполнения административных наказаний; принципы назначения и исполнения административных наказаний служат основой для реализации государственной политики в области их исполнения, определяя политические, государственно-правовые и идеологические основы эффективного и справедливого осуществления данной меры административного принуждения в рамках установленной процедуры; принципы государственной политики в области исполнения административных наказаний отражают общий вектор развития административно-деликтных институтов, а принципы назначения и исполнения административного наказаний – обеспечивает единство реализации конкретных мер административной ответственности применительно к обстоятельствам совершенного правонарушения и личности правонарушителя.

Таким образом, взаимодействуя и взаимодополняя друг друга рассмотренные нами принципы, определяют общие подходы к механизму назначения и исполнения административных наказаний, создают условия для достижения целей административной ответственности и повышения эффективности санкций норм права об административной ответственности, определяют параметры трансформации институтов назначения и исполнения административных наказаний с учётом текущей социально-экономической ситуации и перспектив общественного развития.

Думается, что при разработке концепции административно-наказательной политики и предложений по совершенствованию законодательства об административной ответственности целесообразно формулировать перечень и конкретизировать содержание принципов исполнения административных наказаний.

Считаем, что к перспективным направлениям научного поиска в этой сфере может быть отнесено исследование: соотношения принципов уголовно-исполнительной и административно-исполнительной политики (в области административных правонарушений); вопросов зависимости нарушения законности в процессе привлечения физических и юридических лиц к административной ответственности и несоблюдения принципов исполнения административных наказаний; конструирования норм права, регулирующих исполнение административных наказаний, с учётом взаимосвязи между принципами их установления, назначения и исполнения; специфики отражения рассматриваемых нами принципов в судебной и правоприменительной практике.

Список литературы:

1. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. URL: http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwlAY7khO7NAt9EL.pdf (дата обращения: 24.02.2026).
2. Клепиков С.Н. Законодательная деятельность субъектов Российской Федерации в области установления административной ответственности: дис. ... канд. юрид.: 12.00.14. – Воронеж, 2003. С. 38
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
4. Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (текст по состоянию на 25.05.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
5. Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061) (текст по состоянию на 26.05.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
6. О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 № 5 [Электронный ресурс] // Доступ из справ. - правовой системы «Гарант».
7. Жеребцов, А. Н. Принципы назначения административного наказания и их реализация в деятельности административно-юрисдикционных органов / А. Н. Жеребцов // Общество и право. – 2019. – № 1(67). – С. 78-86.
8. Корсакова, Н.А. Назначение административных наказаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Челябинск, 2011. С. 9, 19-20.
9. Микулин, А. И. Назначение административного наказания: принцип соразмерности / А. И. Микулин // Казанская наука. – 2014. – № 11. – С. 193-195.
10. Шаклеин, С. Н. Принципы назначения и исполнения административных наказаний как основа предмета административной пенологии / С. Н. Шаклеин // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. – 2019. – № 1(2). – С. 461-464.
11. Малахова Н.В. Стадии исполнительного производства по делам об административных правонарушениях // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stadii-ispolnitelnogo-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah (дата обращения: 24.02.2026).
12. Сумачёв А.В. Принципы законодательства об административных правонарушениях: понятие, классификация и характеристика / А.В. Сумачев // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. – № 3. – С. 62-67.
13. Ястребов О. А. Принципы законодательства об административных правонарушениях: вопросы совершенствования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2015. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-zakonodatelstva-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-voprosy-sovershenstvovaniya (дата обращения: 24.02.2026).
14. Михайленко, Е. С. Исполнительное производство по делам об административных правонарушениях: понятие, правовые основы, принципы / Е. С. Михайленко // Молодой ученый. – 2023. – № 2 (449). – С. 308-312.
15. Рыльская А. М., Трушина Ж. Г. Система принципов административно-исполнительного производства в таможенном деле // Юриспруденция. 2010. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-printsipov-administrativno-ispolnitelnogo-proizvodstva-v-tamozhennom-dele (дата обращения: 24.02.2026).
16. Жеребцов, А. Н. Реализация государственной политики Российской Федерации в области назначения административных наказаний: анализ содержания / А. Н. Жеребцов, В. Н. Цындря // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73), № 4. – С. 256-265.
17. Цындря, В. Н. Отражение принципов административных наказаний в концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях / В. Н. Цындря // Теория и практика административного права и процесса: м-лы Междунар. науч.-практич. конф., Краснодар, 03-04.10.2019. – Краснодар: ФГКОУ ВО ПО «Краснодарский университет МВД России», 2019. – С. 244-249.

Tsyndrya V.N. The relationship between the principles of administrative punishments and the principles of state policy in the field of execution of administrative punishments in the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 405-410.

This article highlights the relevance of studying the relationship between the principles of imposing administrative penalties and the principles of state policy on the execution of administrative penalties in the Russian Federation, as an important component of scientific support for updating domestic legislation on administrative offenses. Attention is focused on the importance of developing and coordinating the system of principles for establishing, imposing, and imposing administrative penalties, as well as their codification in administrative liability legislation. The relevant principles enshrined in the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (hereinafter referred to as the Code of Administrative Offenses), the Concept of the New Code of Administrative Offenses, draft Code of Administrative Offenses and the PCoAP, decisions of the Constitutional Court of Russia and the Supreme Court of Russia, as well as scientific publications, are examined. It is suggested that it is inappropriate to equate the principles under consideration due to differences in both content and the legal basis for their codification and implementation. The principles of imposing administrative penalties and the principles of state policy on the execution of administrative penalties in the Russian Federation are highlighted, and their common and distinctive features are identified. It is concluded that these principles interact, complementing and developing each other. It is proposed to consider the content of the principles governing the imposition and execution of administrative penalties when formulating the corresponding substantive and procedural rules of administrative liability law.

Keywords: principles, imposition of administrative penalties, state policy of the Russian Federation on the enforcement of administrative penalties, Code of Administrative Offenses.

Spisok literatury

1. Koncepciya novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah. URL: http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwlAY7khO7NAt9EL.pdf (data obrashcheniya: 24.02.2026).
2. Klepikov S.N. Zakonodatel'naya deyatel'nost' sub''ektov Rossijskoj Federacii v oblasti ustanovleniya administrativnoj otvetstvennosti: dis. ... kand. yurid.: 12.00.14. – Voronezh, 2003. S. 38
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy «Garant».
4. Proekt «Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» (podgotovlen Minyustom Rossii, ID proekta 02/04/01-20/00099059) (tekst po sostoyaniyu na 25.05.2020) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy «Garant».
5. Proekt «Processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah» (podgotovlen Minyustom Rossii, ID proekta 02/04/01-20/00099061) (tekst po sostoyaniyu na 26.05.2020) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy «Garant».
6. O nekotoryh voprosah, voznikayushchih u sudov pri primenenii Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 24.03.2005 № 5 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav. - pravovoj sistemy «Garant».
7. ZHerebcov, A. N. Principy naznacheniya administrativnogo nakazaniya i ih realizaciya v deyatel'nosti administrativno-yurisdikcionnyh organov / A. N. ZHerebcov // Obshchestvo i pravo. – 2019. – № 1(67). – S. 78-86.
8. Korsakova, N.A. Naznachenie administrativnyh nakazanij: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.14. – CHelyabinsk, 2011. S. 9, 19-20.
9. Mikulin, A. I. Naznachenie administrativnogo nakazaniya: princip sorazmernosti / A. I. Mikulin // Kazanskaya nauka. – 2014. – № 11. – S. 193-195.
10. SHaklein, S. N. Principy naznacheniya i ispolneniya administrativnyh nakazanij kak osnova predmeta administrativnoj penologii / S. N. SHaklein // Upravlenie deyatel'nost'yu po obespecheniyu bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: sostoyanie, problemy, puti sovershenstvovaniya. – 2019. – № 1(2). – S. 461-464.
11. Malahova N.V. Stadii ispolnitel'nogo proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2018. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stadii-ispolnitelnogo-proizvodstva-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah (data obrashcheniya: 24.02.2026).
12. Sumachyov A.V. Principy zakonodatel'stva ob administrativnyh pravonarusheniyah: ponyatie, klassifikaciya i harakteristika / A.V. Sumachev // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. – № 3. – S. 62-67.
13. YAstrebov O. A. Principy zakonodatel'stva ob administrativnyh pravonarusheniyah: voprosy sovershenstvovaniya // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina. 2015. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/printsipy-zakonodatelstva-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-voprosy-sovershenstvovaniya (data obrashcheniya: 24.02.2026).
14. Mihajlenko, E. S. Ispolnitel'noe proizvodstvo po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah: ponyatie, pravovye osnovy, principy / E. S. Mihajlenko // Molodoj uchenyj. – 2023. – № 2 (449). – S. 308-312.
15. Ryl'skaya A. M., Trushina ZH. G. Sistema principov administrativno-ispolnitel'nogo proizvodstva v tamozhennom dele // YUrisprudenciya. 2010. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-printsipov-administrativno-ispolnitelnogo-proizvodstva-v-tamozhennom-dele (data obrashcheniya: 24.02.2026).
16. ZHerebcov, A. N. Realizaciya gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v oblasti naznacheniya administrativnyh nakazanij: analiz soderzhaniya / A. N. ZHerebcov, V. N. Cyndrya // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. YUridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73), № 4. – S. 256-265.
17. Cyndrya, V. N. Otrazhenie principov administrativnyh nakazanij v koncepcii novogo Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah / V. N. Cyndrya // Teoriya i praktika administrativnogo prava i processa: m-ly Mezhdunar. nauch.-praktich. konf., Krasnodar, 03-04.10.2019. – Krasnodar: FGKOU VO PO «Krasnodarskij universitet MVD Rossii», 2019. – S. 244-249. .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 411-416.

УДК 351.741

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НАРЯДОВ ПОЛИЦИИ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ПРЕСЕЧЕНИЮ НАРУШЕНИЙ УСТАНОВЛЕННОГО ПОРЯДКА ПРОВЕДЕНИЯ ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Челпанова М. М.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются актуальные проблемы деятельности нарядов полиции по выявлению и пресечению нарушений установленного порядка проведения публичных мероприятий (собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований). Выявлены ключевые правовые, организационные, кадровые, тактические и психологические факторы, снижающие эффективность действий полиции. На основе анализа нормативной правовой базы, правоприменительной и судебной практики, а также обобщения опыта органов внутренних дел предложен комплекс мер по совершенствованию данной деятельности. Предложенные меры направлены на обеспечение баланса между реализацией конституционного права граждан на свободу собраний и поддержанием общественного порядка и безопасности.

Ключевые слова: публичные мероприятия, общественный порядок, наряды полиции, пресечение правонарушений, административное задержание, тактическая подготовка сотрудников полиции, документирование нарушений, профилактика нарушений, взаимодействие полиции с гражданами.

Деятельность полиции в настоящий момент времени складывается из комплекса различных мер, которые формируют из себя симбиоз противодействия установленным нарушениям в нашем государстве. Из них можно выделить различные нормативно-правовые акты разных уровней, комплексы мероприятий, включающих в себя отработку разного рода ситуаций, а также саму подготовку сотрудников к таким ситуациям, где может возникнуть факт нарушения законодательства. В данной работе будет затронута сфера массовых мероприятий, где преобладает большие скопления граждан и вместе с этим повышается риск совершения противоправных действий.

Массовые мероприятия в настоящее время играют значительную роль в жизни общества, являясь неотъемлемым элементом социальной, политической и культурной сферами жизнедеятельности современного мира. Проведение таких мероприятий всегда затрагивает права человека и гражданина, ведь оно неразрывно связано с реализацией некоторых конституционных прав. Этот список включает в себя права на собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования, а также на участие граждан в политической функции, где главным из аспектов таких собраний, закрепленных в ст. 31 Конституции РФ будет их мирный характер.

Помимо выполнения политической функции такие мероприятия выступают важнейшим элементом социализации человека, его культурной идентификации и удовлетворения основных духовных потребностей личности. Таким образом будет реализовываться право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры [9, с. 16–20]. Несмотря на наличие развитой правовой основы и отработанного тактического инструментария, деятельность нарядов полиции по выявлению и пресечению нарушений установленного порядка проведения публичных мероприятий на практике сталкивается с рядом объективных и субъективных факторов, которые существенно снижают эффективность действий полиции.

Из этого следует, что значение массовых мероприятий затрагивает несколько системообразующих функций государства: политическую, где будут служить формой прямого выражения воли граждан, общественного мнения, а также одним из инструментов

взаимодействия с государством; социальную, в которой будут способствовать интеграции новых личностей в общество, укреплению ценностей или снятию общественной напряженности; культурно-досуговую, направленную на реализацию творческого потенциала человека, самореализацию, удовлетворение эстетических потребностей личности; экономическую, где различные крупные события послужат стимулом развития туристической инфраструктуры, помогут создать новые рабочие места и послужат фактором благоприятным для привлечения новых инвестиций.

Проведение любых массовых мероприятий, вне зависимости от их целевой направленности (будь то политический митинг, спортивный праздник или культурный фестиваль), представляет собой значимое вмешательство в сложившуюся жизнедеятельность муниципального образования и неизбежно затрагивает состояние общественного порядка. Данный процесс объективно порождает коллизию двух фундаментальных интересов: с одной стороны, это конституционное право граждан на свободу собраний и доступ к культурным событиям, а с другой – право иных лиц на беспрепятственное пользование городской средой и гарантии личной безопасности. Именно поэтому здесь стоит выделить такое важное понятие, как деятельности полиции по пресечению нарушений установленного порядка проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий пикетирований, которое можно сформировать с точки зрения нескольких подходов.

Таким образом, деятельность нарядов полиции по пресечению нарушений установленного порядка проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий или пикетирований представляет собой комплексную правовую и тактическую деятельность. Она объединяет в себе осуществляемый силами и средствами строевых подразделений полиции процесс выявления признаков нарушений публично-массового характера, немедленное реагирование в формах, предусмотренных КоАП РФ, Федеральным законом «О полиции» и ведомственными приказами МВД России, а также обязательное документирование факта нарушений порядка для последующего привлечения субъектов правонарушения к ответственности.

Совершенствование рассматриваемой деятельности должно носить системный характер и охватывать правовую, организационно-управленческую, тактико-методическую, психолого-педагогическую и информационно-коммуникативную сферы. При этом ключевым критерием эффективности предлагаемых мер выступает не формальное увеличение количества составленных протоколов, а обеспечение баланса между реализацией конституционного права граждан на проведение публичных мероприятий и поддержанием общественного порядка и безопасности.

Ситуация показывает, что одним из наиболее существенных правовых факторов, затрудняющих деятельность нарядов полиции, является оценочный характер ключевых понятий, используемых в ст. 16 Федерального закона № 54-ФЗ («реальная угроза для жизни и здоровья граждан, а также для имущества физических и юридических лиц») [4].

Отсутствие легального (нормативно закреплённого) определения данного понятия порождает неоднозначность правоприменения и служит основанием для обжалования действий нарядов в судебном порядке. В качестве первого направления совершенствования предлагается дополнить ст. 16 Федерального закона № 54-ФЗ частью, содержащей примерный (открытый) перечень обстоятельств, которые могут быть отнесены к «реальной угрозе» [4]: наличие у участников оружия, взрывчатых веществ, легковоспламеняющихся жидкостей, пиротехнических изделий, используемых не по назначению; блокирование транспортных магистралей, создающее препятствия для проезда спецтранспорта (скорой помощи, пожарных машин); попытки проникновения на охраняемые объекты (органы государственной власти, объекты транспортной инфраструктуры); применение насилия в отношении граждан или сотрудников полиции; массовые

беспорядки, сопровождающиеся уничтожением или повреждением имущества.

Закрепление указанных ориентиров на уровне закона позволит наряду полиции более уверенно оценивать ситуацию и минимизирует риск как преждевременного, так и запоздалого применения мер пресечения.

В современных обстоятельствах нужно принимать конкретные меры, которые могут быть как временными, так и постоянными. Учитывая, что при проведении крупных публичных мероприятий документальное оформление участия конкретного нарушителя может объективно требовать больше времени, чем предусмотренные общим правилом 48 ч. (ст. 27.5 КоАП РФ) [2], представляется целесообразным дополнить ст. 27.5 КоАП РФ примечанием, допускающим продление срока административного задержания до 72 ч. при проведении публичных мероприятий с числом участников свыше 500 человек, но при условии судебного контроля (по аналогии с ч. 3 ст. 27.5 для дел об административном выдворении).

Такое изменение позволит избежать ситуации, когда нарушитель освобождается из-за истечения процессуальных сроков до завершения оформления материалов дела. Так учитывается и вышеуказанная проблема дефицита кадров.

В настоящее время отсутствует единый систематизированный документ, регламентирующий деятельность нарядов полиции на всех этапах выявления и пресечения нарушений при проведении публичных мероприятий.

В связи с этим предлагается разработать и ввести в действие Наставление МВД России «Об организации деятельности нарядов полиции по обеспечению общественного порядка при проведении собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований», которое должно содержать: алгоритм действий наряда для каждой фазы публичного мероприятия (до начала, в ходе, при возникновении угроз, после завершения); типовые формы процессуальных документов (рапорт, протокол доставления, протокол задержания); критерии оценки законности и обоснованности применения мер пресечения; порядок взаимодействия нарядов различных подразделений и с органами исполнительной власти субъекта.

Оптимизации кадрового обеспечения и расчёта численности нарядов стоит уделить должное внимание, так как одним из ключевых факторов, снижающих эффективность деятельности, является кадровый некомплект (особенно в подразделениях патрульно-постовой службы), который не позволяет выделять достаточное количество личного состава для охраны общественного порядка при проведении публичных мероприятий.

В качестве решения предлагается: внедрить методику расчёта необходимой численности нарядов, учитывающую не только заявленное число участников, но и прогнозируемый уровень конфликтности, наличие в регионе прецедентов несанкционированных акций, оперативную обстановку в целом; создать в каждом территориальном органе МВД России на уровне субъекта резервный мобильный отряд из числа наиболее подготовленных сотрудников ППСП (по аналогии с ОМОН, но на базе строевых подразделений), который может быть оперативно задействован при проведении публичных мероприятий повышенной сложности.

Действующая система оценки деятельности органов внутренних дел, ориентированная в значительной степени на количественные показатели (число выявленных правонарушений, составленных протоколов), порождает у сотрудников установку на «палочную» систему, при которой качество документирования и законность применения мер пресечения отходят на второй план. Предлагаем совершить конкретные шаги по включению в систему оценки показателей качества, таких как количество судебных решений о возврате материалов для доработки, количество дел, прекращённых за отсутствием состава правонарушения по вине наряда, наличие обоснованных жалоб на действия со-

трудников.

Ввести практику пост-событийного анализа (разбора) каждого случая применения мер пресечения, вызвавшего общественный резонанс или обжалование в суде, с выработкой рекомендаций для нарядов также послужит аспектом совершенствования данной системы предупреждения и пресечения фактов совершения правонарушений и преступлений.

Как показал анализ, оснащённость нарядов полиции нагрудными видеорегистраторами в ряде регионов остаётся недостаточной. Приоритетным направлением должно стать 100% обеспечение сотрудников, задействованных в охране общественного порядка при проведении публичных мероприятий, средствами аудио-, видеофиксации. Кроме того, целесообразно оснащение нарядов средствами громкоговорящей связи (мегафонами) для публичного объявления требований о прекращении нарушений, что повышает правовую определённость и исключает впоследствии споры о содержании вынесенного требования.

Анализ судебной практики и опросы сотрудников ППСП свидетельствуют о том, что наиболее частые ошибки связаны с отсутствием у наряда готового алгоритма действий в нестандартных ситуациях. Поскольку судебная практика показывает, что наиболее часто материалы возвращаются на доработку из-за процессуальных нарушений, необходимо разработать обязательный перечень элементов, подлежащих фиксации при пресечении нарушения: точное время, место и обстоятельства выявления правонарушения; содержание устного требования о прекращении нарушения (дословно, желательно с аудио- или видеозаписью); реакция лица на требование (прекратил действие, отказался, оказал сопротивление); факт разъяснения прав при доставлении и задержании; фамилии, имена, отчества и адреса понятых (при применении специальных средств); время фактического водворения в служебное помещение.

Целесообразно внедрение стандартизированного бланка рапорта сотрудника о выявлении и пресечении нарушения, включающего соответствующие поля и уменьшающего риск пропуска существенных данных. Отработка навыков действий в толпе и при нестандартных ситуациях показана на основе исследования Е.В. Насадюка [6, с. 22–28], выделившего наиболее значимые «сбивающие факторы», необходимо пересмотреть систему профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников ППСП.

Приоритетными направлениями тактической подготовки должны стать: отработка боевых приёмов борьбы в условиях плотного скопления людей (ограниченное пространство, риск задеть посторонних); тренировка принятия решений в условиях дефицита времени с использованием ситуационных задач (метод обучения на конкретных случаях); проведение регулярных тактико-специальных учений с моделированием различных сценариев развития публичного мероприятия (от санкционированного пикетирования до массовых беспорядков).

Системная психологическая подготовка нарядов также имеет место быть, учитывая, что деятельность при проведении массовых мероприятий относится к числу наиболее стрессообразующих, необходимо внедрить на базе этого следующее: предварительную психологическую подготовку перед заступлением на службу по охране общественного порядка при проведении публичных мероприятий (включает инструктаж, снятие излишнего напряжения, настрой на конструктивное взаимодействие); пост-событийную психологическую реабилитацию для сотрудников, участвовавших в пресечении массовых беспорядков или применявших специальные средства; регулярное психологическое тестирование для выявления сотрудников с признаками эмоционального выгорания и своевременного перевода их на иные виды деятельности.

Развитие коммуникативных навыков (переговорные техники) также будет играть немалую роль в сфере осуществления полицией своих обязанностей. Кризис доверия к

полиции как социально-коммуникативный фактор может быть смягчён за счёт повышения коммуникативной компетентности сотрудников.

В программу профессиональной подготовки целесообразно включить модуль «Эффективная коммуникация наряда полиции с организаторами и участниками публичных мероприятий», в рамках которого отрабатываются техники установления контакта и снижения эмоционального напряжения, также алгоритмы информирования организатора о выявленных нарушениях (без конфронтации) и способы доведения официального требования о прекращении нарушения, приёмы работы с пострадавшими и свидетелями. Также, для преодоления «кризиса доверия», выделенного Э.Е. Абдрашитовым, территориальным органам МВД России рекомендуется [5, с. 20–23]: на регулярной основе размещать на официальных сайтах объективную информацию о правонарушениях при проведении публичных мероприятий и принятых мерах; проводить брифинги по итогам значимых публичных мероприятий с участием представителей общественных советов; оперативно и аргументированно реагировать на ложную или неполную информацию в социальных сетях, разъясняя правомерность действий нарядов.

До проведения публичного мероприятия целесообразно через официальные аккаунты МВД России в социальных сетях и СМИ: информировать о правовых последствиях нарушений установленного порядка (размеры штрафов по ст. 20.2 КоАП РФ, возможность административного ареста); размещать разъяснения о порядке проведения пикетирования, использования символики, согласования маршрутов; предоставлять организаторам образцы уведомлений и рекомендации по их оформлению. Это позволит перенести акцент с пресечения на профилактику нарушений, что в долгосрочной перспективе снизит нагрузку на наряды полиции.

Таким образом, основные направления совершенствования деятельности нарядов полиции по выявлению и пресечению нарушений установленного порядка проведения собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований представляют собой комплекс взаимосвязанных мер, охватывающих правовое регулирование - уточнение оценочных понятий в Федеральном законе № 54-ФЗ, дифференциацию сроков административного задержания в КоАП РФ, принятие единого ведомственного наставления МВД России.

Организационно-управленческую сферу – оптимизацию расчёта численности нарядов, создание резервных мобильных отрядов, 100% оснащение сотрудников средствами аудио-, видеофиксации. Тактико-методическую подготовку – внедрение типовых алгоритмов действий для различных сценариев, стандартизацию документирования, систематическую отработку навыков в условиях массового скопления людей. Психолого-педагогическое сопровождение – предварительную психологическую подготовку, постсобытийную реабилитацию, развитие коммуникативных и переговорных навыков. Информационно-коммуникативную деятельность – публичную отчётность о действиях полиции, разъяснительную работу в СМИ и социальных сетях, профилактику нарушений до их совершения.

Реализация предложенных мер не требует кардинального изменения законодательства (за исключением двух точечных поправок) и может осуществляться в рамках текущего правового поля путём принятия ведомственных актов и корректировки программ профессиональной подготовки [7, с. 111–122.].

Ключевым условием успеха является системный (а не фрагментарный) подход, при котором правовые, организационные, тактические и психологические меры реализуются в комплексе и подкрепляются адекватным ресурсным обеспечением.

Таким образом, деятельность нарядов полиции по выявлению и пресечению нарушений установленного порядка проведения публичных мероприятий требует ком-

плексного совершенствования. Предложенные в статье меры позволят повысить эффективность действий полиции, минимизировать процессуальные нарушения и обеспечить надлежащий баланс между реализацией конституционного права граждан на свободу собраний и защитой общественного порядка и безопасности. Только системный подход к совершенствованию деятельности нарядов полиции позволит эффективно противодействовать нарушениям установленного порядка публичных мероприятий в современных условиях.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). URL: https://base.garant.ru/10103000/?ysclid=mftiuf4h35351382391
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.05.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1. URL: https://base.garant.ru/7058580
3. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900. URL: https://base.garant.ru/7057810
4. О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях: Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ (ред. от 05.12.2022) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 25. Ст. 2485. URL: https://base.garant.ru/7678516
5. Абдрашитов Э.Е. Кризис доверия к ОВД как фактор влияния на объективность оценки населением деятельности полиции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2012. № 1 (7). С. 20–23.
6. Насадюк Е.В. Влияние сбивающих факторов на эффективность действий сотрудников ОВД, применяющих физическую силу // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2021. Вып. 9. С. 22–28.
7. Челпанова М.М Органы внутренних дел как субъект административно-правового режима обеспечения безопасности на массовых и публичных мероприятиях // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности в особых условиях. Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2024. С. 111–122.

Chelpanova M.M. Main directions for improving the activities of police team offices to identify and prevente violations of the established procedure for conducting public events // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 411-416.

This article examines current issues related to police efforts to identify and prevent violations of established procedures for holding public events (assemblies, rallies, demonstrations, marches, and pickets). Key legal, organizational, personnel, tactical, and psychological factors that reduce the effectiveness of police actions are identified. Based on an analysis of the regulatory framework, law enforcement, and judicial practice, as well as a summary of the experience of internal affairs agencies, a set of measures to improve these activities is proposed. These measures are aimed at ensuring a balance between the exercise of citizens' constitutional right to freedom of assembly and the maintenance of public order and safety.

Keywords: public events, public order, police, offense prevention, administrative detention, tactical training of police officers, documenting violations, violation prevention, police-citizen interaction.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993). URL: https://base.garant.ru/10103000/?ysclid=mftiuf4h35351382391
2. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 01.05.2026) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2002. № 1 (ch. I). St. 1. URL: https://base.garant.ru/7058580
3. O policii: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ (red. ot 28.11.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2011. № 7. St. 900. URL: https://base.garant.ru/7057810
4. O sobraniyah, mitingah, demonstraciyah, shestviyah i piketirovaniyah: Federal'nyj zakon ot 19.06.2004 № 54-FZ (red. ot 05.12.2022) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2004. № 25. St. 2485. URL: https://base.garant.ru/7678516
5. Abdrashitov E.E. Krizis doveriya k OVD kak faktor vliyaniya na ob''ektivnost' ocenki naseleniem deyatel'nosti policii // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2012. № 1 (7). S. 20–23.
6. Nasadyuk E.V. Vliyanie sbivayushchih faktorov na effektivnost' dejstvij sotrudnikov OVD, primenyayushchih fizicheskuyu silu // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Fizicheskaya kul'tura. Sport. 2021. Vyp. 9. S. 22–28.
7. CHelpanova M.M Organy vnutrennih del kak sub''ekt administrativno-pravovogo rezhima obespecheniya bezopasnosti na massovyh i publichnyh meropriyatiyah // Aktual'nye problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti v osobyh usloviyah. Sbornik nauchnyh trudov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Rostov-na-Donu, 2024. S. 111–122.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 417-425.

УДК 347

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЕЩАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЪЕКТА ИХ СМЕЖНЫХ ПРАВ В СФЕРЕ СПОРТА: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ И ДОКТРИНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Шайхутдинов М. Р.
УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань

В работе анализируются международно-правовые и доктринальные подходы к определению вещательных организаций как субъектов смежных прав. Ключевое внимание уделяется также объекту этих прав: обосновывается позиция, согласно которой таковым выступает не просто технический сигнал, а программа (передача) – целостная совокупность аудиовизуальных материалов, воплощённых в звуках и изображениях. Также в статье обосновывается универсальный характер правового режима вещательных организаций, который в полной мере распространяется на трансляции спортивных событий, обеспечивая их охрану независимо от содержания транслируемого контента. Отдельно анализируется проблемный статус онлайн-вещателей, не имеющих лицензии на вещание: отсутствие публично-правового признания ставит под сомнение возникновение у них смежных прав и требует пересмотра критериев отнесения организаций к вещательным в цифровую эпоху. На основе проведённого анализа в заключение формулируются авторские определения спортивной вещательной организации, а также объекта её смежных прав.

Ключевые слова: спортивные трансляции, вещательные организации, вещательные программы, интеллектуальная собственность в спорте, смежные права, спорт, исключительное право, сигнал, передача, лицензия на вещание.

Согласно отчету SportBusiness «Global Media Report», общая сумма выплат за спортивные трансляции в 2024 г. составила 62,61 млрд. $, что на 12% больше по сравнению с предыдущим годом (55,85 млрд. $) [1]. В 2025 году объем составил 57,75 млрд. $, что ниже прошлогоднего показателя, поскольку в 2024 г. прошли такие крупные соревнования, как Олимпийские игры и чемпионат Европы по футболу. Прогноз на 2026 г., в котором состоится чемпионат мира по футболу, составляет 66,42 млрд $, что означает увеличение на 6,2% по сравнению с 2024 г., в котором прошли сопоставимые по популярности спортивные турниры [2]. Таким образом, прослеживается устойчивая тенденция к развитию рынка спортивных медиаправ. Современный спорт давно перестал быть просто состязанием атлетов, превратившись в масштабную индустрию, ключевым элементом которой является трансляция спортивных событий для многомиллионной аудитории. В этих условиях правовая охрана спортивных трансляций приобретает первостепенное значение.

Ключевым вопросом при определении основ регулирования трансляций спортивных мероприятий является установление субъектного состава возникающих правоотношений, а также объекта, в отношении которого возникают исключительные права вещателей. Как справедливо отмечает А.М. Кучина, «организации вещания – это единственная категория бенефициаров, которой не дается определения в рамках Римской конвенции» [3, с. 33]. Помимо этого, определение организации вещания не дано и в Конвенция о распространении несущих программы сигналов, передаваемых через спутники, от 21 мая 1974 г. (далее Брюссельской конвенции), а также в Соглашении по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности, от 15 апреля 1994 г. (далее Соглашение ТРИПС).

С 1998 г. государства-члены Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) обсуждают в рамках Постоянного комитета по авторскому праву и смежным правам (ПКАП) возможность создания нового международного договора об охране прав вещательных организаций. В рамках развития международно-правового регулирования смежных прав вещательных организаций ключевое значение имеет про-

ект договора ВОИС о вещательных организациях (далее проект договора), последняя редакция которого (SCCR/47/3) была подготовлена по итогам сорок седьмой сессии ПКАП в декабре 2025 г.

Согласно п. (a) ст. 2 проекта договора, «вещательная организация» означает юридическое лицо, которое инициирует и несет редакционную ответственность за публичную трансляцию любыми средствами несущего программу сигнала, включая монтаж и составление сетки вещания программ, переносимых сигналом; программы вещательной организации формируют линейный программный поток [4]. Помимо признаков, закрепленных в проекте договора ВОИС, в отечественной и зарубежной доктрине выделяются дополнительные критерии, позволяющие более точно идентифицировать вещательную организацию как субъекта смежных правоотношений.

Н.В. Бузова в качестве критерия, которому должна удовлетворять вещательная организация, выделяет наличие существенных организационно-технических и финансовых вложений в подготовку, организацию и осуществление вещания [5, с. 30]. А.М. Кучина среди признаков вещательной организации выделяет наличие лицензии на вещание, на основе которой данная организация самостоятельно определяет формат будущих передач, содержание контента, контролирует создание непосредственно самих передач и формирует сетку вещания [3, с. 36]. Кроме того, как замечает Бузова, «в Российской Федерации осуществление вещательной деятельности без соответствующей лицензии невозможно. Без наличия права на вещание, следующего из публичного правоотношения, подтверждаемого лицензией (административным актом уполномоченного органа), не представляется возможным теле- или радиовещание и, как следствие, создание организацией вещания охраняемых результатов» [6, с. 88].

Проект договора также не навязывает единого универсального определения вещательной организации, хотя одновременно с этим пытается его определить. В заключительной части определения вещательной организации указано: «…настоящее определение никоим образом не ущемляет определение вещательных организаций в национальном законодательстве Договаривающихся сторон, применяемом для целей, которые не регулируются настоящим Договором» [4].

Стоит также отметить, что в России согласно ст. 1329 ГК РФ организацией эфирного или кабельного вещания признается юридическое лицо, самостоятельно определяющее содержание радио- и телепередач (совокупности звуков и (или) изображений или их отображений) и осуществляющее их сообщение в эфир или по кабелю своими силами или с помощью третьих лиц [7]. Согласно абз. 15 ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации» (далее Закон о СМИ), под вещателем понимается российское юридическое лицо, осуществляющее формирование телеканала или радиоканала и его распространение в установленном порядке на основании лицензии на телевизионное вещание, радиовещание [8].

Таким образом, российское законодательство закрепляет два взаимосвязанных, но не тождественных понятия: «организация эфирного или кабельного вещания» (ГК РФ) и «вещатель» (Закон о СМИ). Первое используется в контексте возникновения и осуществления смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности, второе – для целей публично-правового регулирования деятельности по распространению массовой информации.

Завершив анализ вещательных организаций как субъектов смежных прав, целесообразно обратиться к исследованию объекта, подлежащего правовой охране, – результата интеллектуальной деятельности вещателя.

Из анализа ст. 13 Международной конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26.10.1961 г. (далее Римской кон-

венции, Конвенции) можно сделать вывод, что исключительные права вещательной организации возникают в отношении своих передач в эфир. Однако в Конвенции не дается определения того, что следует понимать под передачей в эфир, в ст. 3 дается лишь описание самого процесса передачи. В связи с этим необходимо выяснить, чем сущностно является объект вещания.

Наиболее детальное раскрытие данного вопроса дано в диссертационном исследовании А.В. Устиновой. Несмотря на формальное отсутствие определения в тексте, автор, анализируя содержание ст. 13 Конвенции, делает однозначный вывод о том, что объектом прав вещательных организаций в Конвенции следует признавать программу [9, с. 27]. Кроме того, под программой согласно автору необходимо понимать «совокупность материалов, воплощенных в звуках и (или) изображениях и предназначенных для приема публикой» [9, с. 115]. Однако сложились и иные подходы к объяснению того, что является объектом смежного права вещательной организации. По мнению Н.В. Щербак, как объект смежного права «охраняется не какая-то конечная сущность в виде передачи как интеллектуального продукта, а передаваемые сигналы» [10, с. 246-247]. В. Румпхорст отмечает, что «передачи в эфир – это электронные сигналы, которые несут радиовещательные или телевизионные программы и которые транслируются в эфир силами или от имени вещателей для приема публикой. Смежным правом охраняются только сигналы, а не содержание программы, которое несут сигналы» [11, с. 5]. Интересную точку зрения выражает Голамреза Рафия, которая утверждает, что «Объектом охраны является и должен являться тот же объект охраны, который предусмотрен Римской конвенцией и Соглашением ТРИПС, а именно “передача” (broadcast). “Передачу” (broadcast) можно определить как “несущий программу сигнал” или просто “сигнал”, который передает телевизионные программы или контент» [12, с. 291].

Помимо прочего, в п. 3.08 пояснений к ст. 3 проекта договора сказано, что в п. (5) договора проводится различие между носителем и контентом. Охрана сигнала и контента, переносимого сигналом, – это совершенно разные вещи [4].

Однако если рассматривать сигнал как объект смежного права вещательной организации, то возникает вопрос: в отношении чего будет произведена запись? Представляется, что если охраняется исключительно сигнал, то охрана должна предоставляться исключительно ему. Сам жизненный цикл сигнала предопределяет исчерпывающий перечень способов использования объекта охраны. Запись сигнала по своей сути является действием, после которого охраняемый объект (сигнал) перестает существовать как техническое явление, уступая место контенту – программе.

Обоснование данной позиции содержится в заявлении делегации США, представившей на рассмотрение комитета предложение, изложенное в документе SCCR/37/7. Делегация США указала, что предложенный ею подход основан на «едином праве контролировать ретрансляцию вещательного сигнала публике» [13, p. 18]. В рамках данного предложения право вещательных организаций ограничивается исключительно разрешением ретрансляции сигнала.

Таким образом, если исходить из сигнального подхода как концептуальной основы охраны прав вещательных организаций, то правовая охрана должна распространяться исключительно на действия, совершаемые с сигналом в процессе его трансляции. Запись, воспроизведение записи, распространение экземпляров и иные способы использования, связанные с зафиксированным контентом, по своей юридической природе относятся уже к программе, а не к сигналу, и не могут быть охвачены исключительным правом, основанным на сигнальном подходе. В противном случае происходит подмена объекта охраны.

Спортивные вещатели заинтересованы в распоряжении не только самим сигналом,

но и его содержательными элементами. Поскольку наиболее популярные спортивные соревнования, в частности футбольные матчи Лиги чемпионов УЕФА, зачастую проходят в ночное время, значительная часть аудитории просматривает обзоры этих игр на различных социальных ресурсах (ВКонтакте, YouTube и др.). Таким образом, вещатели заинтересованы и в охране таких фрагментов.

Данный аспект находит отражение в судебном деле между ООО «ОККО» и АО «ТЕЛЕСПОРТ ГРУП», в котором в качестве основания для приостановки действия прав, предоставленных лицензиату по договору, а также для приостановления исполнения лицензиаром своих обязательств, ответчик указал на предоставление истцом прав на трансляцию фрагментов матчей на сторонних интернет-платформах [14]. Это подтверждает практическую значимость расширения объектов охраны за пределы «чистого» сигнала. Учитывая вышеизложенное, представляется обоснованной концепция объекта смежного права вещательной организации как программы, содержащей материалы, воплощенные в звуках и (или) изображениях, что резонирует с позицией А.В. Устиновой.

Проведенный анализ позволяет сделать однозначный вывод о том, что спортивные трансляции и осуществляющие их спортивные телеканалы в полной мере подпадают под универсальный правовой режим смежных прав вещательных организаций. Данный вывод основывается на следующих аргументах.

Как обоснованно отмечает А.В. Устинова, объектом смежных прав вещательных организаций в рамках содержательного (программного) подхода является программа как совокупность материалов, воплощенных в звуках и (или) изображениях и предназначенных для приема публикой [9, с. 115]. Спортивная трансляция в полной мере отвечает указанным признакам: она представляет собой сформированную вещательной организацией последовательность аудиовизуальных материалов (изображение спортивного события, комментарии, графические элементы, повторы), воплощенную в звуках и изображениях и предназначенную для приема неопределенным кругом лиц.

При этом правовой режим спортивной трансляции как объекта смежных прав не зависит от того, охраняется ли само спортивное событие авторским правом. Как справедливо указывает Н.В. Бузова, «Передача как материал, вещаемый с футбольного поля или другого спортивного мероприятия, как правило, не подлежит авторско-правовой охране, но сообщение такой передачи охраняется как объект смежных прав организации вещания» [15, с. 201]. Данное положение подтверждается и п. 3.08 пояснений к проекту договора, согласно которому «охрана несущего программу сигнала остается в силе независимо от того, охраняется или нет авторским правом базовый контент» [4].

Спортивный телеканал, осуществляющий формирование и распространение спортивных программ, отвечает всем признакам вещательной организации, установленным как в международном, так и в национальном законодательстве. Исходя из легального определения вещателя в ст. 2 Закона о СМИ, спортивный телеканал в полной мере соответствует всем необходимым критериям. Он, как и любой другой вещатель, осуществляет формирование сетки вещания, производство программ, и их последующее распространение для публики на основании лицензии.

Универсальность правового режима означает, что спортивный телеканал пользуется тем же объемом исключительных прав, что и вещатель, транслирующий новостные или развлекательные программы. Как следует из структуры исключительного права, закрепленной в ст. 1330 ГК РФ, правомочия на запись передачи, воспроизведение записи, распространение передачи, ретрансляцию передачи, публичное исполнение передачи, доведение до всеобщего сведения передачи и прокат оригинала и экземпляров записи предоставляются вещательной организации независимо от тематики транслируемого

контента.

Несмотря на то, что вещательная организация обладает исключительными правами на передаваемый сигнал (программу) как объект смежных прав, это не освобождает ее от необходимости приобретать права на содержание, которое включается в данную программу. Т.е., наличие у вещателя исключительного права на сигнал (программу) не означает автоматического приобретения прав на произведения, исполнения, фонограммы и иные объекты, составляющие контент этой программы.

Согласно ст. 1 Римской конвенции, охрана смежных прав, предоставляемая Конвенцией, не затрагивает и никоим образом не влияет на охрану авторского права [16]. Это означает, что осуществление смежных прав не должно нарушать авторские права на произведения, используемые при создании объектов смежных прав. Аналогичное положение содержится и в ст. 6 Брюссельской конвенции, а в ст. 9 Соглашения ТРИПС есть прямая ссылка на Бернскую конвенция об охране литературных и художественных произведений от 9.09.1886 г., что, в свою очередь, также не освобождает вещателя от необходимости соблюдения авторских прав.

В п. 0.05 пояснений к преамбуле проекта договора заявлена многообещающая цель – не подвергать риску, а признавать права владельцев контента, используемого в эфирном вещании. В самом п. 4 преамбулы сказано, что договаривающиеся стороны признают цель повышения эффективности международной системы охраны прав вещательных организаций без ущерба для авторского права и смежных прав на произведения и другие охраняемые объекты, передаваемые посредством несущих программы сигналов, а также необходимость признания этих прав вещательными организациями [4].

На национальном уровне в законодательстве ряда государств закрепляется подход, основанный на конвенциональном приоритете авторских прав. В подтверждение этого можно привести следующие нормы: ст. 48 Закона об авторском праве КНР [17], ст. L. 122-4 Кодекса интеллектуальной собственности Франции [18], ст. 17 консолидированного текста Закона Испании об интеллектуальной собственности [19], а также ст. 16 Закона Великобритании об авторском праве, промышленных образцах и патентах [20]. Анализ указанных норм в сопоставлении с п. 3 ст. 1303 ГК РФ демонстрирует единообразие подхода: статус вещательной организации как субъекта смежных прав легитимируется лишь при условии строгого соблюдения прав авторов исходных произведений.

Отдельного внимания заслуживают организации, осуществляющие трансляцию контента исключительно в сети «Интернет» (онлайн-вещатели). В связи с отсутствием в действующем законодательстве четкого определения правового статуса таких субъектов возникает необходимость проанализировать, распространяется ли на онлайн-вещателей универсальный правовой режим охраны смежных прав, традиционно применяемый к «классическим» теле- и радиовещателям.

Как ранее уже было обозначено, в качестве вещателя признается российское юридическое лицо, осуществляющее формирование телеканала или радиоканала и его распространение в установленном порядке на основании лицензии на телевизионное вещание, радиовещание. Также согласно ч. 8 п. 6 Постановления Пленума ВС от 15.06.2010 г. № 16, получение лицензии на вещание необходимо в случае использования технических средств эфирного, проводного или кабельного телерадиовещания. Поскольку такие технические средства не используются при распространении массовой информации через сайты в сети Интернет, получение лицензии на вещание лицом, осуществляющим распространение массовой информации через сайт в сети Интернет, не требуется [21].

Вместе с тем, как отмечает Н.В. Бузова, законодательство не предусматривает ли-

цензирования вещания в информационно-телекоммуникационных сетях. Для осуществления такой деятельности необходима регистрация сайта в качестве средства массовой информации. Также автором отмечается тот факт, что субъект, осуществляющий трансляцию только в сети Интернет, с точки зрения публичного права не рассматривается как вещатель, но отсутствие соответствующего статуса ставит под сомнение возникновение исключительного смежного права на вещание как результат интеллектуальной деятельности [6, с. 84-85]. Таким образом, исключение онлайн-трансляторов из круга субъектов, признаваемых вещателями с точки зрения публичного права, влечет за собой правовую неопределенность в вопросе возникновения у них смежных прав. Это подчеркивает острую необходимость актуализации положений ГК РФ с целью синхронизации частноправовой охраны интернет-вещания с фактическим развитием цифровых технологий.

В данном контексте любопытно рассмотреть судебное дело № А40-7912/26-12-71, в котором ООО «ОККО» выступало в качестве истца – обладателя исключительной лицензии на использование аудиовизуальных произведений и сообщений передач. ООО «ОККО» не является вещательной организации, т.к. в реестре лицензий на деятельность по телерадиовещанию нет соответствующей записи [22]. Однако при этом суд удовлетворил требования истца в компенсации ущерба за нарушение исключительных прав на сообщение трансляции финального матча Лиги Чемпионов УЕФА 2025 и Лиги Европы УЕФА 2025 [23]. Таким образом, судом было признано наличие у ООО «ОККО», которое не является вещательной организацией в публично-правовом смысле, исключительных смежных прав, которые, как выявлено выше, традиционно возникают у организаций, имеющих лицензию вещателя.

Это, в свою очередь, говорит о необходимости пересмотра критериев отнесения субъектов к числу организаций вещания в цифровую эпоху, поскольку формальное непризнание онлайн-платформ вещателями вступает в противоречие с их фактической ролью на рынке распространения аудиовизуального контента и объемом принадлежащих им исключительных прав.

Проведенное исследование позволяет определить спортивную вещательную организацию как категорию субъекта смежных прав, обладающую всеми признаками, присущими вещательной организации в целом, но осуществляющую свою деятельность в сфере освещения спортивных событий. Обобщение рассмотренных международно-правовых подходов, доктринальных положений и норм российского законодательства позволяет предложить следующее определение спортивной вещательной организации: «Спортивная вещательная организация – это юридическое лицо, обладающее лицензией на телевизионное или радиовещание, самостоятельно определяющее содержание теле- или радиопередач спортивной тематики, формирующее сетку вещания и осуществляющее распространение сформированного перечня аудиовизуальных материалов (включая видеоряд спортивного события, комментаторское сопровождение, графическое оформление, повторы, студийную аналитику и др.) любыми средствами для публичного восприятия». Также на основе содержательного подхода, разделяемого в настоящем исследовании, представляется возможным определить объект смежных прав спортивной вещательной организации: «Объектом смежных прав спортивной вещательной организации является – передача (программа) как совокупность аудиовизуальных материалов, воплощенных в звуках и (или) изображениях, сформированная вещательной организацией, содержащая освещение спортивного события и предназначенная для приема неопределенным кругом лиц посредством технических средств вещания».

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства в части признания правового статуса онлайн-

вещателей, которые, не обладая традиционной лицензией на вещание, фактически выполняют функции по распространению аудиовизуального контента и нуждаются в адекватной правовой охране результатов своей интеллектуальной деятельности.

Список литературы:

1.Глобальный отчет о медиа за 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sportbusiness.com/global-media-report-2024/ (дата обращения: 27.03.2026).
2.Имран, Ю. Глобальные права на медиаконтент: текущее положение дел / Имран Юсуф. – Текст : электронный // The long game from SportsBusiness : [сайт]. – 2026. – URL: https://longgame.sportbusiness.com/global-media-rights-state-of-play/ (дата обращения: 27.03.2026).
3.Кучина, А. М. Международно-правовое регулирование смежных прав организаций вещания : специальность 5.1.5 «Международно-правовые науки» : дис. на соиск… канд. юрид. наук / Кучина Анастасия Михайловна ; Федер. гос. бюджет. образов. учреждение высш. образования "Дипломат. академ. Минист-ва иностр. дел Российской Федерации". – Москва, 2024. – 198 с. – Текст: непосредственный.
4.Проект договора ВОИС о вещательных организациях [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_47/sccr_47_3.pdf (дата обращения: 24.03.2026).
5.Бузова, Н. В. Исключительные нрава организаций вещания в зарубежном, международном частном и российском праве : специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право» : дис. на соиск… канд. юрид. наук / Бузова Наталья Владимировна ; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Москва, 2006. – 226 с.
6.Бузова Н. В. Организация вещания: «Права на вещание» и «Права для вещания» // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 1 (138). – С. 76-89.
7.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (Ч. 1). Ст. 5496.
8.О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (ред. от 23.07.2025) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 13.02.1992. – № 7 ст. 300.
9.Устинова, А. В. Гражданско-правовая охрана интернет-вещания: сравнительно-правовое исследование : специальность 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки» : дис. на соиск.… канд. юрид. наук / Устинова Анжелика Владимировна ; Федер. гос. авт. обр. учреждение высш. образования "Пермский гос. национальный исслед. ун-т ". – Пермь, 2023. – 235 с. – Текст: непосредственный.
10. Щербак, Н.В. Право интеллектуальной собственности: общее учение. Авторское право и смежные права : учебник для вузов/Н.В. Щербак. – 2-е изд., перераб. и доп. М.:Издательство Юрайт, 2025. 342 с.
11. Румпхорст, В. Смежное право вещателей: невозможно понять? Спонтанно возникший отклик на некоторые ключевые выводы П. Акестер / Вернер Румпхорст. – Текст : электронный // Бюллетень ЮНЕСКО по авторскому праву. Электронная версия русского издания : [сайт]. – 2006. – № 3 (июль-сентябрь) – . – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000147735_rus (дата обращения: 27.03.2026).
12. Rafiei, G. The Possibility of granting new legal protection and IP rights to broadcasting organizations against the unauthorized exploitation of their broadcasts / G. Rafiei. – Neuchâtel, 2015. – 318 p.
13. Отчет тридцать седьмой сессии Постоянного комитета по авторскому праву и смежным правам ВОИС. Документ SCCR/37/9 [Электронный ресурс]. URL.: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_37/sccr_37_9.pdf (дата обращения: 25.03.2026).
14. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2024 г. по делу № А40-276028/23. – текст : электронный // URL: https://kad.arbitr.ru/Card/f5da0bfe-c11a-4c03-a5d1-334c617cf721 (дата обращения: 26.03.2026).
15. Бузова Н. В. Спортивные передачи: актуальные вопросы правовой охраны и защиты прав на них // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 1. – С. 195-213.
16. Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 года // Бюллетень международных договоров. – 2005. – № 7. – С. 3-20.
17. Закон об авторском праве Китайской Народной Республики от 7 сентября 1990 г. – текст : электронный // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21065 (дата обращения: 27.03.2026).
18. Кодекс интеллектуальной собственности Франции от 1 июля 1992 г. – Текст : электронный // URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/585611 (дата обращения: 27.03.2026).
19. Консолидированный текст Закона Испании об интеллектуальной собственности, утвержденного Королевским законодательным указом от 12.04.1996 г. Текст : электронный // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21371 (дата обращения: 27.03.2026).
20. Закон Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии об авторском праве, дизайне и патентах от 15 ноября 1988 г. – Текст: электронный // URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents (дата обращения: 27.03.2026).
21. О практике применения судами Закона РФ «О средствах массовой информации» : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 г. № 16 // официальный сайт Верховного Суда в сети Интернет. – URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2010 (дата обращения: 27.03.2026).

22. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестр лицензий на деятельность по телерадиовещанию) [Электронный ресурс]. – URL: https://rkn.gov.ru/activity/mass-media/for-broadcasters/teleradio/? (дата обращения: 30.03.2026).
23. Решение от 25 марта 2026 г. по делу № А40-7912/26-12-71 Арбитражного суда города Москвы. – текст : электронный // URL: https://ras.arbitr.ru/ (дата обращения: 30.03.2026).

Shaykhutdinov M.R. Legal regulation of broadcasting organizations and their related rights objects in the field of sports: international legal and doctrinal analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 417-425.

The paper analyzes international legal and doctrinal approaches to defining broadcasting organizations as subjects of related rights. Key attention is also paid to the object of these rights: the position is substantiated that such an object is not merely a technical signal, but a programme (broadcast) – an integral set of audiovisual materials embodied in sounds and images. The article also substantiates the universal nature of the legal regime of broadcasting organizations, which fully extends to the transmission of sports events, ensuring their protection regardless of the content of the broadcast material. The problematic status of online broadcasters that do not hold a broadcasting license is analyzed separately: the lack of public legal recognition calls into question the emergence of their related rights and necessitates a revision of the criteria for classifying organizations as broadcasting entities in the digital age. Based on the analysis conducted, original definitions of a sports broadcasting organization and the object of its related rights are formulated.

Keywords: sports broadcasts, broadcasting organizations, broadcast programs, intellectual property in sports, related rights, sport, exclusive right, signal, transmission, broadcasting license.

Spisok literatury:

1. Global'nyj otchet o media za 2024 g. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.sportbusiness.com/global-media-report-2024/ (data obrashcheniya: 27.03.2026).
2. Imran, Y. Global'nye prava na mediakontent: tekushchee polozhenie del / Imran Yusuf. – Tekst : elektronnyj // The long game from SportsBusiness : [sajt]. – 2026. – URL: https://longgame.sportbusiness.com/global-media-rights-state-of-play/ (data obrashcheniya: 27.03.2026).
3. Kuchina, A. M. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie smezhnyh prav organizacij veshchaniya : special'nost' 5.1.5 «Mezhdunarodno-pravovye nauki» : dis. na soisk… kand. yurid. nauk / Kuchina Anastasiya Mihajlovna ; Feder. gos. byudzhet. obrazov. uchrezhdenie vyssh. obrazovaniya "Diplomat. akadem. Minist-va inostr. del Rossijskoj Federacii". – Moskva, 2024. – 198 s. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Proekt dogovora VOIS o veshchatel'nyh organizaciyah [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/ru/sccr_47/sccr_47_3.pdf (data obrashcheniya: 24.03.2026).
5. Buzova, N. V. Isklyuchitel'nye nrava organizacij veshchaniya v zarubezhnom, mezhdunarodnom chastnom i rossijskom prave : special'nost' 12.00.03 «Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo» : dis. na soisk… kand. yurid. nauk / Buzova Natal'ya Vladimirovna ; Moskovskij gos. un-t im. M.V. Lomonosova. – Moskva, 2006. – 226 s. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Buzova N. V. Organizaciya veshchaniya: «Prava na veshchanie» i «Prava dlya veshchaniya» // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. – 2021. – № 1 (138). – S. 76-89.
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya): Federal'nyj zakon ot 18 dekabrya 2006 g. № 230-FZ (red. ot 23.07.2025) // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2006. – № 52 (CH. 1). – St. 5496.
8. O sredstvah massovoj informacii: Zakon RF ot 27 dekabrya 1991 g. № 2124-1 (red. ot 23.07.2025) // Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov Rossijskoj Federacii i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federacii. – 13.02.1992. – № 7 st. 300.
9. Ustinova, A. V. Grazhdansko-pravovaya ohrana internet-veshchaniya: sravnitel'no-pravovoe issledovanie : special'nost' 5.1.3 «Chastno-pravovye (civilisticheskie) nauki» : dis. na soisk.… kand. yurid. nauk / Ustinova Anzhelika Vladimirovna ; Feder. gos. avt. obr. uchrezhdenie vyssh. obrazovaniya "Permskij gos. nacional'nyj issled. un-t ". – Perm', 2023. – 235 s. – Tekst: neposredstvennyj.
10. Shcherbak, N. V. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: obshchee uchenie. Avtorskoe pravo i smezhnye prava : uchebnik dlya vuzov / N. V. Shcherbak. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2025. – 342 s. – Tekst : neposredstvennyj.
11. Rumphorst, V. Smezhnoe pravo veshchatelej: nevozmozhno ponyat'? Spontanno voznikshij otklik na nekotorye klyuchevye vyvody P. Akester / Verner Rumphorst. – Tekst : elektronnyj // Byulleten' YUNESKO po avtorskomu pravu. Elektronnaya versiya russkogo izdaniya : [sajt]. – 2006. – № 3 (iyul'-sentyabr') – . – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000147735_rus (data obrashcheniya: 27.03.2026).
12. Rafiei, G. The Possibility of granting new legal protection and IP rights to broadcasting organizations against the unauthorized exploitation of their broadcasts / G. Rafiei. – Neuchâtel, 2015. – 318 r.
13. Otchet tridcat' sed'moj sessii Postoyannogo komiteta po avtorskomu pravu i smezhnym pravam VOIS. Dokument SCCR/37/9 [Elektronnyj resurs]. URL.: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/copyright/en/sccr_37/sccr_37_9.pdf (data obrashcheniya: 25.03.2026).
14. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 15 noyabrya 2024 g. po delu № A40-276028/23. – tekst : elektronnyj // URL: https://kad.arbitr.ru/Card/f5da0bfe-c11a-4c03-a5d1-334c617cf721 (data obrashcheniya: 26.03.2026).

15. Buzova N. V. Sportivnye peredachi: aktual'nye voprosy pravovoj ohrany i zashchity prav na nih // Pravo. ZHurnal Vysshej shkoly ekonomiki. – 2019. – № 1. – S. 195-213.
16. Mezhdunarodnaya konvenciya ob ohrane prav ispolnitelej, izgotovitelej fonogramm i veshchatel'nyh organizacij ot 26 oktyabrya 1961 goda // Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. – 2005. – № 7. – S. 3-20.
17. Zakon ob avtorskom prave Kitajskoj Narodnoj Respubliki ot 7 sentyabrya 1990 g. – tekst : elektronnyj // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21065 (data obrashcheniya: 27.03.2026).
18. Kodeks intellektual'noj sobstvennosti Francii ot 1 iyulya 1992 g. – Tekst : elektronnyj // URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/text/585611 (data obrashcheniya: 27.03.2026).
19. Konsolidirovannyj tekst Zakona Ispanii ob intellektual'noj sobstvennosti, utverzhdennogo Korolevskim zakonodatel'nym ukazom ot 12.04.1996 g. Tekst : elektronnyj // URL: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21371 (data obrashcheniya: 27.03.2026).
20. Zakon Soedinennogo Korolevstva Velikobritanii i Severnoj Irlandii ob avtorskom prave, dizajne i patentah ot 15 noyabrya 1988 g. – Tekst: elektronnyj // URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents (data obrashcheniya: 27.03.2026).
21. O praktike primeneniya sudami Zakona RF «O sredstvah massovoj informacii» : postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 15.06.2010 g. № 16 // oficial'nyj sajt Verhovnogo Suda v seti Internet. – URL: https://vsrf.ru/documents/own/?category=resolutions_plenum_supreme_court_russian&year=2010 (data obrashcheniya: 27.03.2026).
22. Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby po nadzoru v sfere svyazi, informacionnyh tekhnologij i massovyh kommunikacij (reestr licenzij na deyatel'nost' po teleradioveshchaniyu) [Elektronnyj resurs]. – URL: https://rkn.gov.ru/activity/mass-media/for-broadcasters/teleradio/? (data obrashcheniya: 30.03.2026).
23. Reshenie ot 25 marta 2026 g. po delu № A40-7912/26-12-71 Arbitrazhnogo suda goroda Moskvy. – tekst : elektronnyj // URL: https://ras.arbitr.ru/ (data obrashcheniya: 30.03.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 426-432.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

УДК 343.337.5

ГЕНОЦИД В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНОГО УМЫСЛА

Ахъядов Э. Саид-Мохмадович, Тепсуев М. С., Хаджиев У. К.

В статье исследуется геноцид как особое международное преступление, посягающее на существование национальной, этнической, расовой или религиозной группы, а также как самостоятельный состав, предусмотренный уголовным законодательством Российской Федерации. Раскрываются основные элементы его уголовно-правовой характеристики, включая перечень охраняемых групп, формы объективной стороны и специфику субъективной стороны, выражающуюся в наличии специальной цели уничтожения группы полностью либо частично. Отдельное внимание уделяется проблемам квалификации данного деяния, вопросам его разграничения с преступлениями против человечности и военными преступлениями, а также трудностям доказывания специального умысла. Обосновывается, что именно установление направленности действий на уничтожение группы как таковой имеет решающее значение для правильной уголовно-правовой оценки. По результатам исследования формулируются предложения, направленные на уточнение квалификационных критериев геноцида и обеспечение более единообразного подхода в правоприменительной практике.

Ключевые слова: геноцид, уголовная ответственность, преступления против мира и безопасности человечества, охраняемые группы, специальный умысел, уничтожение группы, квалификация преступлений, разграничение составов, военные преступления, преступления против человечности.

Геноцид обоснованно рассматривается как одно из наиболее тяжких международных преступлений, поскольку его общественная опасность выходит за пределы посягательства на жизнь, здоровье и безопасность отдельных потерпевших. В центре такого деяния находится угроза самому существованию охраняемой группы как устойчивой человеческой общности. «Его особая общественная опасность обусловлена направленностью на уничтожение группы «как таковой», что отличает геноцид от иных массовых насильственных деяний и определяет повышенные требования к юридической квалификации» [2]. Именно данная особенность делает квалификацию геноцида особенно сложной в практическом плане, поскольку требует установления специального умысла (dolus specialis), выражающегося в цели уничтожить национальную, этническую, расовую либо религиозную группу полностью или в определенной ее части [3; 4]. В правоприменительной практике нередко возникают ситуации, когда специальная цель уничтожения подменяется мотивами вражды или ненависти, а массовые насильственные действия получают квалификацию как военные преступления либо преступления против человечности без полноценной проверки признаков именно геноцида. «Следовательно, актуальность исследования определяется необходимостью уточнения квалификационных критериев геноцида и разработки более устойчивых подходов к доказыванию его обязательных признаков» [1].

Исследование направлено на выявление наиболее сложных вопросов, возникающих при квалификации геноцида в уголовном праве, на разработку предложений, ориентированных на повышение определенности правоприменения. В соответствии с этой целью в статье решаются несколько взаимосвязанных задач: раскрываются основные элементы уголовно-правовой характеристики геноцида и его обязательные признаки; исследуются формы объективной стороны с точки зрения их значения для установления цели уничтожения группы; формулируются критерии разграничения геноцида и близких по внешним проявлениям составов, прежде всего преступлений против человечности и военных преступлений; предлагаются ориентиры для

доказывания специального умысла и для выработки более единообразных подходов к квалификации. **Методологическую** базу исследования образуют формально-юридический метод, позволяющий анализировать состав преступления и соотношение уголовно-правовых норм, сравнительно-правовой метод, ориентированный на сопоставление различных подходов к определению и признакам геноцида, а также анализ правоприменительной практики, необходимый для выявления типичных квалификационных ошибок и доказательственных затруднений [9].

Научная новизна исследования заключается в том, что критерии разграничения геноцида со смежными международными преступлениями систематизированы через призму доказывания специального умысла; предложены прикладные ориентиры в виде своеобразного чек-листа оценки совокупности доказательств, способных подтвердить наличие цели уничтожения группы полностью или частично.

Геноцид в уголовно-правовом смысле представляет собой совершение определенного круга действий, имеющих направленность на уничтожение национальной, этнической, расовой либо религиозной группы полностью или частично. Его важное отличие от иных тяжких насильственных преступлений состоит в том, что уголовно-правовая охрана распространяется не только на индивидуальные блага конкретных лиц, но и на существование группы как социальной целостности. Т.к. для правильной квалификации требуется установить: 1) что потерпевшие принадлежат к одной из групп, охраняемых законом; 2) что совершены действия, прямо указанные в уголовно-правовой норме; 2) что виновный преследовал специальную цель уничтожение группы как таковой. Перечень охраняемых групп имеет закрытый характер, поэтому расширительное толкование, например за счет включения политических или социальных групп, в рамках конвенционного подхода недопустимо. Это обстоятельство требует максимально точной идентификации группового признака в каждом деле.

Международно-правовое содержание понятия геноцида сформировалось прежде всего под влиянием конвенционного регулирования и практики его последующего применения. Конвенционная конструкция задает устойчивую модель состава преступления: она определяет перечень охраняемых групп, закрепляет замкнутый перечень форм объективной стороны и подчеркивает необходимость dolus specialis специального умысла, выражающегося в стремлении уничтожить группу полностью либо частично. Для квалификации это обстоятельство имеет решающее значение, поскольку сами по себе масштаб насилия и степень жестокости еще не свидетельствуют о геноциде, если не установлена именно направленность на уничтожение группы. Одновременно конвенционная модель выполняет разграничительную функцию, позволяя отличать геноцид от преступлений против человечности и военных преступлений: последние могут носить массовый и систематический характер, но не требуют доказывания цели уничтожения группы как таковой. Следовательно, конвенционный подход выступает не только как источник содержания нормы, но и как методологическая основа квалификации, задающая рамки толкования признаков состава и оценки доказательств.

В уголовном праве РФ ответственность за геноцид включена в систему норм о преступлениях против мира и безопасности человечества, что отражает исключительную общественную опасность данного деяния и его наднациональную природу [7]. Российская уголовно-правовая модель в целом воспроизводит конвенционный подход: она сохраняет перечень охраняемых групп, формы деяния и закрепляет специальную цель уничтожения группы полностью либо частично как обязательный признак субъективной стороны. Можно сделать вывод, что нормативная конструкция российского уголовного закона ориентирована на международные

стандарты, но эффективность ее применения на практике определяется качеством доказывания группового признака и специального умысла. Именно эти элементы чаще всего становятся наиболее сложными в квалификации и обусловливают необходимость выработки единых критериев правоприменения, в том числе для разграничения геноцида со смежными составами и для оценки всей совокупности доказательств. Геноцид включен в систему преступлений против мира и безопасности человечества, что закреплено в структуре Особенной части УК РФ, а именно в главе 34 [8]. Непосредственный объект этого преступления выражается в охране существования человеческих групп как социальных общностей и в предотвращении практик их уничтожения. Дополнительным объектом выступают жизнь и здоровье членов группы, поскольку формы геноцида неизбежно сопряжены с причинением смерти, тяжкого вреда здоровью либо иного тяжкого физического или психического страдания. Поэтому геноцид отличается от обычных преступлений против личности тем, что причинение вреда отдельным лицам здесь выступает не самоцелью, а способом достижения более широкого результата уничтожения группы «как таковой» (ст. 357 УК РФ).

Согласно ст. 357 УК РФ, объективная сторона геноцида выражается не в любых актах насилия, а только в строго определенных законом формах поведения. Речь идет об убийстве членов охраняемой группы, причинении им тяжкого вреда здоровью, насильственном препятствовании деторождению, передаче детей из одной группы в другую, а также о создании таких условий жизни, при которых физическое уничтожение группы полностью либо частично становится расчетным результатом совершаемых действий. Отдельные формы геноцида имеют такую практическую специфику, что могут проявляться не в одном самостоятельном акте, а в комплексе согласованных решений и действий различного характера - управленческого, организационного либо силового. Поэтому при квалификации необходимо анализировать не изолированный эпизод, а всю совокупность мер с точки зрения их общей целевой направленности. Так, создание условий жизни, рассчитанных на физическое уничтожение группы, способно выражаться в систематическом лишении людей пищи, воды, медицинской помощи, безопасного жилища, в воспрепятствовании эвакуации и в иных действиях, которые объективно ведут к гибели членов группы. Следовательно, для применения ст. 357 УК РФ недостаточно установить только масштабность насильственных действий; требуется доказать, что они соответствуют предусмотренным законом формам геноцида и были ориентированы именно на уничтожение охраняемой группы.

Субъект геноцида по российскому уголовному закону является общим: это вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Однако в реальной практике геноцид обычно носит организованный характер и нередко совершается при участии лиц, располагающих властными, организационными или управленческими ресурсами. В связи с этим при уголовно-правовой оценке особое значение приобретает установление ролей организаторов, руководителей, исполнителей, а также иных соучастников, включая подстрекателей и пособников, по правилам гл. 7 УК РФ о соучастии. Это позволяет обеспечить надлежащую дифференциацию ответственности и охватить уголовно-правовой оценкой не только непосредственных исполнителей насильственных действий, но и тех, кто разрабатывает преступную политику и создает условия для ее реализации.

В конструкции геноцида субъективная сторона имеет принципиальное значение, поскольку включает не только прямой умысел, но и обязательную специальную цель - уничтожить национальную, этническую, расовую либо религиозную группу полностью или в части (ст. 357 УК РФ). Этот элемент выступает основным разграничительным критерием, позволяющим отличать геноцид от иных проявлений масштабного насилия.

Для правоприменения принципиально важно разграничивать специальную цель уничтожения группы и мотивы, которыми может руководствоваться виновный, например ненависть, вражда, политическая выгода. Мотив может сопутствовать совершению преступления, но не способен заменить собой требуемую законом цель [10]. На практике специальный умысел устанавливается не через прямые словесные признания, а через анализ объективных обстоятельств: отбора жертв по групповому признаку, систематичности и масштаба деяний, характера применяемых мер, использования дегуманизирующей риторики, существования приказов, планов либо согласованной политики уничтожения.

Геноцид относится к числу тех преступлений, где вопрос о моменте окончания зависит от конкретной формы деяния. Если речь идет об убийстве или причинении тяжкого вреда здоровью, состав включает материальный элемент причинение соответствующего результата конкретным потерпевшим. Если же деяние выражается в создании губительных условий жизни, насильственном воспрепятствовании деторождению либо передаче детей, то решающим становится совершение действий, объективно направленных на уничтожение группы, при наличии специальной цели. При этом для квалификации по ст. 357 УК РФ не требуется фактического полного уничтожения группы: достаточно установить направленность на ее уничтожение полностью либо частично, подтвержденную совокупностью доказательств. Причинно-следственная связь в таком случае устанавливается между действиями виновных и причиненным вредом, однако центральным остается доказательство того, что эти действия являлись способом реализации цели, предусмотренной ст. 357 УК РФ. Квалификация геноцида на практике серьезно осложняется тем, что массовые акты насилия и систематические репрессивные меры нередко одновременно содержат признаки нескольких международных преступлений. Ошибки возникают в случаях, когда геноцид подменяется более привычными для правоприменителя составами военными преступлениями или преступлениями против человечности, либо когда специальная цель уничтожения группы остается недоказанной и фактически заменяется мотивом ненависти. Решающее значение приобретает разграничение соответствующих составов по объекту, контексту и обязательным признакам субъективной стороны.

Преступления против человечности характеризуются масштабным либо систематическим нападением на гражданское население и посягают прежде всего на основы человеческой безопасности и базовые права личности. Геноцид же, предусмотренный ст. 357 УК РФ, имеет иную направленность: он ориентирован на уничтожение охраняемой группы как таковой. Следовательно, даже если внешне проявления совпадают (массовые убийства, депортации или насильственные меры), разграничение должно проводиться прежде всего по специальной цели. Для признания деяния геноцидом необходимо установить намерение уничтожить национальную, этническую, расовую либо религиозную группу полностью или частично; для преступлений против человечности достаточно доказать умысел на участие в широком или систематическом нападении без цели уничтожения группы. Практическая опасность здесь состоит в том, что при наличии масштабных преступлений правоприменитель может ограничиться констатацией их системности и не исследовать вопрос о наличии специального умысла, что ведет к занижению квалификации по ст. 357 УК РФ.

Военные преступления связаны с вооруженным конфликтом и нарушением правил и обычаев войны; их ключевым признаком выступает связь с конфликтом и нарушение норм международного гуманитарного права. Геноцид же не требует обязательного наличия вооруженного конфликта как контекстуального признака: он может быть совершен и в мирное время, если действия направлены на уничтожение охраняемой

группы. Это означает, что одни и те же фактические действия например, убийства членов группы или создание для нее губительных условий жизни способны одновременно образовывать признаки военных преступлений и геноцида, но только при наличии доказанной специальной цели, предусмотренной ст. 357 УК РФ. Типичной ошибкой является, когда массовые убийства в условиях конфликта автоматически квалифицируются только как военные преступления, без анализа того, не имели ли они направленности на уничтожение группы.

Экстремистские и террористические преступления, как правило, связаны с мотивами и целями политического, идеологического либо религиозного воздействия: запугиванием населения, давлением на государственные органы, разжиганием ненависти, насильственным изменением основ строя и тому подобным [5;6]. Однако наличие идеологической риторики, пропаганды ненависти или даже массового насилия не означает автоматически наличия геноцида. Для последнего требуется специальная цель уничтожения именно национальной, этнической, расовой или религиозной группы, что существенно уже и по перечню охраняемых групп, и по направленности умысла (ст. 357 УК РФ). В правоприменении нередко встречается неверный подход, при котором мотив ненависти воспринимается как достаточное доказательство геноцидального умысла. Между тем корректная юридическая оценка требует рассматривать мотив лишь как возможный косвенный индикатор, тогда как решающим остается установление целевой установки на уничтожение группы и ее подтверждение объективными обстоятельствами: отбором жертв по групповому признаку, системностью насилия, характером применяемых мер и существованием политики уничтожения.

Для международных преступлений характерна ситуация, когда одно событие имеет несколько юридически значимых измерений. Если действия одновременно нарушают правила ведения войны и при этом направлены на уничтожение охраняемой группы, возможно применение совокупности, например, геноцид плюс военные преступления, поскольку объекты уголовно-правовой охраны и обязательные признаки этих составов не совпадают: военные преступления требуют связи с конфликтом, а геноцид специальной цели уничтожения группы (ст. 357 УК РФ). Совокупность также оправдана тогда, когда отдельные эпизоды образуют самостоятельные составы и не исчерпываются геноцидальным планом, например, если имеются самостоятельные военные преступления в отношении лиц, не принадлежащих к охраняемой группе.

Поглощение возможно только в тех случаях, когда более специальная норма полностью охватывает фактические обстоятельства и все признаки менее специальной, а самостоятельного дополнительного объекта и иных признаков, требующих отдельной оценки, уже не остается. Применительно к геноциду такое поглощение встречается ограниченно, поскольку он и смежные международные преступления обычно различаются по объекту, контексту и субъективным признакам. Следовательно, при конкуренции норм приоритет должен определяться не соображениями удобства, а анализом обязательных признаков: там, где доказан специальный умысел на уничтожение группы, возникает квалификация по ст. 357 УК РФ, а при наличии дополнительных самостоятельных эпизодов и контекстных признаков вопрос должен решаться в пользу совокупности.

Повышение определенности квалификации геноцида требует единообразного толкования оценочных категорий, прежде всего понятий «часть группы» и «условия жизни». Под «частью группы» следует понимать не произвольно выбранную количественную долю, а существенную часть, значимую для жизнеспособности группы по численности, территориальной локализации, социальному значению либо репродуктивному потенциалу. Такой подход позволяет избежать как необоснованного

расширения состава, так и неоправданного его сужения в тех случаях, когда уничтожение направлено на ядро группы. Категория «условия жизни, рассчитанные на физическое уничтожение», также нуждается в конкретизации: под ней должны пониматься меры, которые по своей природе и интенсивности объективно ведут к физической гибели группы, например, лишение жизненно необходимых ресурсов, системное блокирование медицинской помощи, принудительное перемещение в зоны, несовместимые с выживанием, и тому подобное, а не любое ухудшение социального положения. Разъяснение этих критериев в доктринальном и методическом плане позволит повысить предсказуемость правоприменения и уменьшить риск подмены специальных признаков общей оценкой масштабности насилия.

Практическое совершенствование квалификации предполагает внедрение чек-листа и алгоритма доказывания специального умысла. Такой чек-лист должен включать: установление охраняемой группы и признаков принадлежности к ней потерпевших; фиксацию форм деяния, соответствующих перечню геноцидальных актов; выявление признаков направленности на уничтожение группы, включая выбор жертв по групповому признаку, системность и повторяемость действий, исключение случайных целей; определение индикаторов специального умысла, к которым относятся приказы, планы, политика, дегуманизирующая риторика, устойчивые практики насилия и условия, исключающие выживание; оценку того, является ли поражаемая часть группы существенной; разграничение геноцида со смежными составами и решение вопроса о наличии совокупности. Алгоритм доказывания должен ориентировать правоприменителя не только на фиксацию факта насилия, но и на установление целевой направленности действий.

Реализация указанных мер способна обеспечить более единообразную квалификацию, уменьшить вероятность подмены геноцида смежными составами и повысить качество доказывания специального умысла, что, в свою очередь, усилит превентивный и охранительный потенциал уголовно-правового запрета.

Проведенный анализ позволяет сформулировать выводы: 1) решающим критерием квалификации является доказанность dolus specialis, поэтому сами по себе массовость и жестокость насилия не могут автоматически влечь квалификацию по ст. 357 УК РФ без установления направленности на уничтожение группы как таковой. 2) Разграничение геноцида с преступлениями против человечности и военными преступлениями должно осуществляться посредством сопоставления объекта, контекста и обязательных субъективных признаков, а при наличии самостоятельных элементов решаться в пользу совокупности. 3) Типичные ошибки практики связаны с подменой специальной цели мотивом ненависти и с недостаточным исследованием критериев «существенной части группы» и «условий жизни, рассчитанных на физическое уничтожение». 4) Предложенные нормативные и практические меры, включая уточнение терминологии, использование чек-листа квалификации и алгоритма доказывания умысла, обладают прикладной ценностью для унификации подходов и повышения качества доказывания по делам о геноциде. Практическая значимость этих предложений заключается в снижении числа квалификационных ошибок и формировании более устойчивых стандартов правоприменения при оценке наиболее тяжких международных преступлений.

Список литературы:

1. Бегларян К.С. Теоретико-исторический анализ понятия «геноцид»//Регион и мир. 2019.№7. С. 40–43.
2. Бадамшин И. Д., Степанов Г. В. Геноцид как социально-правовое явление.
3. Ветошкина Е. Д. Геноцид в российском и международном уголовном праве / под ред. Л. А. Воскобитовой. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 128 с.
4. Федоров А. С. К вопросу о прямом и публичном подстрекательстве к геноциду в международном уголовном праве // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 1 (63). С. 181–193.

5. Сопов Д. В. Разграничение террористического акта и преступлений экстремистского характера // Научный портал МВД России. 2009. № 4. С. 77–82.
6. Ситникова М. П. Правовая природа экстремизма: понятие и признаки.
7. Ким Е. В. Экоцид по законодательству стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 3. С. 505–509.
8. Мулюков Ф. Б. Ответственность за преступления против личности по Уголовному уложению Федеративной Республики Германия // Вестник экономики, права и социологии. 2019. № 3. С. 81–84.
9. Брякина А. В., Алилуева Н. А. Сравнительный анализ методов и способов правовой защиты прав и законных интересов собственников объектов интеллектуальной собственности в ретроспективе // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2015. № II (7). С. 78–80.
10. Гафиятуллин Э. Э. Предубеждение: взгляд через призму межличностной осознанности // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2023. № 4. С. 101–107.

Akhyadov E. Said-Mokhmadovich, Tepsuev M. S., Khadzhiev U.K. Genocide in Criminal Law: Elements of the Offence, Qualification Issues, and Standards for Proving Special Intent // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 426-432.

The article examines genocide as a distinct international crime aimed at the destruction of a national, ethnic, racial, or religious group, as well as an independent offense under the criminal legislation of the Russian Federation. It outlines the main elements of its criminal-law characteristics, including the list of protected groups, the forms of the objective element, and the specific features of the subjective element, expressed in the special intent to destroy a group in whole or in part. Particular attention is given to the problems of legal qualification of this act, the issues of its distinction from crimes against humanity and war crimes, as well as the difficulties involved in proving special intent. It is argued that establishing the directed nature of actions toward the destruction of the group as such is decisive for the proper criminal-law assessment.

Keywords: genocide, criminal liability, crimes against the peace and security of mankind, protected groups, special intent, destruction of a group, offence qualification, delimitation of offences, war crimes, crimes against humanity.

Spisok literatury:

1. Beglaryan K. S. Teoretiko-istoricheskij analiz ponyatiya «genocid» // Region i mir. 2019. № 7. S. 40–43.
2. Badamshin I. D., Stepanov G. V. Genocid kak social'no-pravovoe yavlenie.
3. Vetoshkina E. D. Genocid v rossijskom i mezhdunarodnom ugolovnom prave / pod red. L. A. Voskobitovoj. M.: Norma: INFRA-M, 2015. 128 s.
4. Fedorov A. S. K voprosu o pryamom i publichnom podstrekatel'stve k genocidu v mezhdunarodnom ugolovnom prave // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. 2021. № 1 (63). S. 181–193.
5. Sopov D. V. Razgranichenie terroristicheskogo akta i prestuplenij ekstremistskogo haraktera // Nauchnyj portal MVD Rossii. 2009. № 4. S. 77–82.
6. Sitnikova M. P. Pravovaya priroda ekstremizma: ponyatie i priznaki.
7. Kim E. V. Ekocid po zakonodatel'stvu stran Aziatsko-Tihookeanskogo regiona // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh nauk i tekhnologij «Integral». 2019. № 3. S. 505–509.
8. Mulyukov F. B. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv lichnosti po Ugolovnomu ulozheniyu Federativnoj Respubliki Germaniya // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2019. № 3. S. 81–84.
9. Bryakina A. V., Alilueva N. A. Sravnitel'nyj analiz metodov i sposobov pravovoj zashchity prav i zakonnyh interesov sobstvennikov ob"ektov intellektual'noj sobstvennosti v retrospektive // Nacional'naya associaciya uchenyh (NAU). 2015. № II (7). S. 78–80.
10. Gafiyatullin E. E. Predubezhdenie: vzglyad cherez prizmu mezhlichnostnoj osoznannosti // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psihologiya». 2023. № 4. S. 101–107.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 433-437.

УДК 343.3/.7

ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Безуглый С. Н., Лесников Г. Ю.

Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук

В статье рассмотрены объективные и субъективные признаки вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления. На основе анализа судебной практики автором сделан вывод, что для квалификации действий как преступных необходимо четко устанавливать информационное воздействие взрослого лица на несовершеннолетнего, которое указывает на сущностные характеристики будущего поведения несовершеннолетнего, подпадающего под признаки преступления. Автором отмечается, что субъективная сторона вовлечения характеризуется прямым умыслом и осознанием как возраста вовлекаемого, так и криминообразующих признаков будущего поведения несовершеннолетнего. Сделан вывод о том, что, если разница в возрасте между вовлекаемым и вовлекающим незначительна, то формально состав преступления есть, но возможно применение ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетнего в преступление; умысел; осознание криминообразующих признаков; действия по вовлечению в преступление; субъективная сторона вовлечения; малозначительность деяния.

Борьба с преступностью несовершеннолетних, бесспорно являясь одним из главных направлений деятельности и законодателя, и правоприменителя, требует адекватного обеспечения, которое должно непрерывно совершенствоваться как нормативными средствами, так мерами по обеспечению правоприменительного постоянства. Установление уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) необходимо для предотвращения криминального влияния взрослых лиц на несовершеннолетних, и, как следствие, уменьшения преступности несовершеннолетних.

В теории уголовного права ст. 150 УК РФ является достаточно дискуссионной, а практика ее применения характеризуется отсутствием стабильности даже в условиях наличия разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (далее – ППВС №1) [1].

Объектом ст. 150 УК РФ является нормальное физическое развитие и нравственное воспитание несовершеннолетнего [2, с. 152], а потерпевшим является несовершеннолетнее лицо. К.В. Ображиев [3] совершенно справедливо указывает, что «возраст потерпевшего нельзя считать исключительно количественным признаком, поскольку он характеризует объект посягательства – интересы нормального развития несовершеннолетних». Объективная сторона, описанная в диспозиции ст. 150 УК РФ, выражается в вовлечении несовершеннолетнего в преступление определенным способом (обещания, обман, угроза или иной способ), а последствия как конструктивный признак объективной стороны в законе не описаны. Однако состав преступления по конструкции объективной стороны – материальный, что следует из текста ППВС №1, где четко указывается на термин «последствия». Ранее действовавшее Постановление Пленума [4] указывало, что преступление окончено «с момента вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления» вне зависимости от совершения противоправных действий. Хотя и наблюдается определенный диссонанс при сравнении текста закона и действующих разъяснений Пленума, но, по нашему мнению, последствия выступают четким индикатором результативности действий взрослого лица и логически завершают процесс вовлечения.

Абз. 3 п. 42 ППВС №1 описывает термин вовлечение – «действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление» [1]. В свою очередь,

термин «действия» в разъяснениях имеет множественное число, что соответствует действительным фактическим ситуациям, квалифицируемым как вовлечение. Так, действия по вовлечению могут быть самыми разнообразными и нередко взрослое лицо использует несколько способов. Так, К. предложил несовершеннолетней участвовать совместно в хищении ..., а также пообещав в случае обнаружения совершенного преступления, возместить причиненный ущерб, тем самым помочь избежать уголовной ответственности [5].

Установление действий, которыми несовершеннолетний вовлекается преступление, является безусловно необходимым и позволяет определить наличие вреда объекту посягательства. Так, предложение взрослого несовершеннолетним приобрести различные товары в условиях отсутствия данных о выполнении им каких-либо действий, направленных на вовлечение несовершеннолетних в совершение преступления путем обмана недостаточно для вывода о наличии в его действиях составов преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 150 УК РФ [6]. Совершенно справедливое исключение ст. 150 УК РФ, ввиду отсутствия деяния, которое могло бы причинить вред объекту.

М.Ф. Мингалимова, Ш.Ф. Багаутдинов в своей работе приводят фабулу дела, возбужденного по признакам ст. 150 УК РФ – двое взрослых попросили несовершеннолетнего помочь им с погрузкой металлических изделий на территории со свободным доступом, без охраны и ограждений, сказав, что метал им принадлежит [7]. По приведенной фабуле возникает закономерный вопрос: как просьба о помощи, без явных признаков противоправности такой помощи, причиняет вред социализации, развитию несовершеннолетнего, формирует образ допустимости противоправного поведения? Ответ, по нашему мнению, очевиден. Вовлечение в совершение преступления, должно не только подталкивать несовершеннолетнего к противоправному поведению, но и нарушать процессы его нормальной социализации и нравственно-психического развития (созревания) личности [8].

Действия, образующие состав вовлечения, должны характеризоваться информационным воздействием на несовершеннолетнего, предопределяющим преступное поведение несовершеннолетнего в будущем. Мы полагаем, что привлечение к уголовной ответственности за рассматриваемый состав преступления возможно только в том случае, когда имеются действия, формирующее у несовершеннолетнего представление о сущностных характеристиках его будущего поведения, которое соответствует признакам преступления. В противном случае, нельзя говорить о причинении вреда объекту преступления.

Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления – умышленное преступление, характеризующееся только прямым умыслом. Положения ст. 5 УК РФ предопределяют необходимость скрупулезного установления психического отношения взрослого лица к признакам состава преступления, описанного в ст. 150 УК РФ. Так, «осознание общественной опасности совершаемого деяния определяется, во-первых, возрастом вовлекаемого, а во-вторых, характеристикой и юридической значимостью деяния, в совершение которого он вовлекается» [9, с. 65].

Квалификация ст. 150 УК РФ возможна только при установлении, что, взрослое лицо осознает возраст потерпевшего. Возраст потерпевшего, входя в число криминообразующих признаков ст. 150 УК РФ, предопределяет преступность поведения взрослого лица в условиях достоверного знания о возрасте. Отсутствие признака заведомости в диспозиции и анализ разъяснений высшей судебной инстанции [10] может навести на мысль, что допустима квалификация ст. 150 УК РФ в случаях, когда виновный знал или допускал несовершеннолетие вовлекаемого, однако, в настоящее время это не так. Следует указать, что ранее действовавшее Постановление Пленума [4] прямо указывало:

незнание возраста вовлекаемого – это невозможность привлечения вовлекающего к уголовной ответственности. В ППВС № 1 такая формулировка отсутствует. Анализ судебной практики позволяет констатировать, что суды всегда устанавливают осознание возраста вовлекаемого. Источником знания могут выступать любые обстоятельства: родственные отношения (достигшая восемнадцатилетнего возраста, на которую законом возложены обязанности по воспитанию малолетней дочери) [11]; длительность знакомства, внешние признаки, манера поведения (достоверно знающим в силу длительного знакомства, так и по их внешнему облику, росту и телосложению, что ранее ему знакомые являются несовершеннолетними) [12] [13].

Умыслом виновного должно охватываться вовлечение несовершеннолетнего именно в преступление. Конкретизация преступления, в которое вовлекается несовершеннолетний, по нашему мнению, является безусловно важной, так как предопределяет вменение квалифицированного состава (в п. «б», «в» ч. 4 ст. 150 УК РФ преступление, в которое вовлекается несовершеннолетний, служит основанием для вменения особо квалифицирующих признаков). К примеру, в нижеприведенной ситуации вопросов с конкретизированным умыслом на вовлечение в преступление не возникает. Так, Ф. умышленно предложил несовершеннолетнему совершить угон группой лиц по предварительному сговору, припаркованного перед воротами жилого дома [14].

В свою очередь, не всегда возможно утверждать, что конкретизация преступления является абсолютно точной по отношению к будущему преступному результату. Взрослый может допускать в одних ситуациях признаки, которые повышают степень опасности преступления, в других ситуациях, он может допускать признаки, обусловливающие саму криминальность поведения. Так, ряд хищений становятся преступлениями только в случае ущерба свыше двух тысяч пятисот рублей (при отсутствии квалифицирующих признаков). В такой ситуации конкретизированный умысел на хищение меньшей суммы (при отсутствии иных криминообразующих признаков) должен исключать уголовную ответственность. Побои (ст. 116 УК РФ, ст. 116.1 УК. РФ) являются преступлением только при наличии одного из пяти криминообразующих признаков, в ст. 282 УК РФ тоже имеется состав с преюдицией, который может становиться преступлением, только в случаях наличия специального субъекта (лица, подвергнутого административному наказанию..., имеющего судимость ...). Все те признаки, которые определяют криминальность поведения, обязательно должны осознаваться лицом, вовлекающим в совершение преступления. В противном случае происходит вовлечение не в преступление, а, к примеру, в совершение административного правонарушения. Следовательно, вовлечение в состав с преюдицией возможно только при осознании признаков субъекта. Субъектом вовлечения выступает вменяемое физическое лицо, достигшее восемнадцати лет. Только такое лицо может причинить вред объекту уголовно-правовой охраны. В свою очередь, следует указать, что небольшая разница в возрасте вовлекаемого и вовлекающего может ставить под вопрос и фактическое причинение вреда объекту.

Так, суд принял во внимание, что Ф. исполнилось 18 лет за две недели, т.е. незадолго, до совершения преступления, вместе с тем У. на момент совершения преступления было 17 лет. Небольшая разница в возрасте ... оценивается судом как одно из оснований для вывода об отсутствии состава преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ. ... нельзя говорить о влиянии взрослого лица на несовершеннолетнего, поскольку нет явного превосходства в возрасте [15]. Интерес представляет один из аргументов суда относительно исключения ст. 150 УК РФ – влияние взрослого лица определяется превосходством в возрасте. По нашему мнению, сам возраст еще не предопределяет влияние, могут быть и иные признаки взрослого лица, обусловливающие влияние.

В теории уголовного права совершенно справедливо указывается, что «... молодой возраст самого взрослого лица, может быть признан судом смягчающим наказание взрослого лица обстоятельством» [7]. По нашему мнению, сам факт влияния на несовершеннолетнего определяется в первую очередь способом вовлечения, а последствия выступают индикатором результативности, поэтому небольшая разница в возрасте хотя и может повлиять на общественную опасность поведения, но не отменяет наличие всех признаков преступления – «влиятельность» взрослого лица не является признаком рассматриваемого состава. Если формально состав преступления имеется, а общественная опасность не очень велика, мы полагаем возможным разрешать такие ситуации с помощью положений ч. 2 ст. 14 УК РФ.

В заключении следует отметить, что вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления подлежат дальнейшему исследованию, а применение указанной нормы в соответствии с принципами уголовного права требует практикообразующих решений Верховного Суда РФ, ориентирующих правоприменителя на модели квалификации, отвечающие требованиям закона.

Список литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4.
2. Комментарий к Уголовному кодексу РФ в 4 т. Том 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII / ответственный редактор В.М. Лебедев. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 371 с.
3. Ображиев, К.В. Неопределенный (неконкретизированный) умысел: проблемы теории и практики // Уголовное право. – 2023. – № 7. – СПС «КонсультантПлюс».
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 (ред. от 06.02.2007) «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних»//Бюллетень Верховного Суда РФ.2000.№ 4.
5. Приговор № 1-547/2025 от 11 августа 2025 г. по делу № 1-547/2025 (Калужский районный суд Калужской области) // [Электронный ресурс]: https://sudact.ru/regular/doc/uLgTKhDKZcQO/
6. Кассационное определение от 22 июня 2023 г. по делу № 77-2350/2023 (Четвертый кассационный суд общей юрисдикции) // [Электронный ресурс]: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24757850&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1
7.Мингалимова, Ш.Ф. Багаутдинов, Ш.Ф. Уголовная ответственность за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений // Российская юстиция. – 2023. – № 5. – СПС «КонсультантПлюс».
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой» // Собрание законодательства РФ. – 2023. –№ 23 (Часть II). – Ст. 4272.
9. Щетинина, Н.В. Особенности субъективных признаков вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления или антиобщественных действий // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2016. – № (3). – С. 65-67.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 (ред. от 21.05.2026) «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – №2.
11. Приговор № 1-94/2025 от 5 октября 2025 г. по делу № 1-94/2025 (Солнечный районный суд Хабаровского края) // [Электронный ресурс]: https://sudact.ru/regular/doc/ai4zKEvFNv5J/
12. Приговор № 1-41/2025 от 21 октября 2025 г. по делу № 1-41/2025 (Чкаловский районный суд г. Екатеринбурга) // [Электронный ресурс]: https://sudact.ru/regular/doc/LYMIORnKyHU/
13. Приговор № 1-105/2025 от 3 августа 2025 г. по делу № 1-105/2025 (Кировский районный суд г. Волгограда) // [Электронный ресурс]: https://sudact.ru/regular/doc/b8GUV61cH6Y1/
14. Постановление № 1-126/2025 от 3 сентября 2025 г. по делу № 1-126/2025 (Карасукский районный суд Новосибирской области) // [Электронный ресурс]: https://sudact.ru/regular/doc/9hxrNEpE6FdV/
15. Приговор № 1-235/2025 от 18 августа 2025 г. (Туймазинский межрайонный суд Республики Башкортостан) // [Электронный ресурс]: https://sudact.ru/regular/doc/9jxLRjMd1H1W/

Bezugly S.N., Lesnikov G.Yu. Objective and subjective signs of involvement of a minor in the commitment of a crime // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 433-437.

This article examines the objective and subjective elements of involving a minor in a crime. Based on an analy-

sis of judicial practice, the author concludes that to qualify actions as criminal, it is necessary to clearly establish the informational influence of an adult on a minor, which indicates the essential characteristics of the minor's future behavior that meets the criteria for a crime. The author notes that the subjective aspect of involvement is characterized by direct intent and awareness of both the age of the person involved and the criminal characteristics of the minor's future behavior. It is concluded that if the age difference between the person involved and the person engaging is insignificant, then formally the elements of a crime exist, but Part 2 of Article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation may apply.

Keywords: involvement of a minor in a crime; intent; awareness of the criminal elements; actions to involve in a crime; the subjective side of involvement; insignificance of the act.

Spisok literatury:

1. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 01.02.2011 № 1 (red. ot 09.12.2025) «O sudebnoj praktike primeneniya zakonodatel'stva, reglamentiruyushchego osobennosti ugolovnoj otvetstvennosti i nakazaniya nesovershennoletnih» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. – 2011. – № 4.
2. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu RF v 4 t. Tom 2. Osobennaya chast'. Razdely VII-VIII / otvetstvennyj redaktor V.M. Lebedev. – M.: Izdatel'stvo YUrajt, 2026. – 371 s.
3. Obrazhiev, K.V. Neopredelennyj (nekonkretizirovannyj) umysel: problemy teorii i praktiki // Ugolovnoe pravo. – 2023. – № 7. – SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 14.02.2000 № 7 (red. ot 06.02.2007) «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah nesovershennoletnih» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. – 2000. – № 4.
5. Prigovor № 1-547/2025 ot 11 avgusta 2025 g. po delu № 1-547/2025 (Kaluzhskij rajonnyj sud Kaluzhskoj oblasti) // [Elektronnyj resurs]: https://sudact.ru/regular/doc/uLgTKhDKZcQO/
6. Kassacionnoe opredelenie ot 22 iyunya 2023 g. po delu № 77-2350/2023 (CHetvertyj kassacionnyj sud obshchej yurisdikcii) // [Elektronnyj resurs]: https://4kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=24757850&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1
7. Mingalimova, SH.F. Bagautdinov, SH.F. Ugolovnaya otvetstvennost' za vovlechenie nesovershennoletnih v sovershenie prestuplenij // Rossijskaya yusticiya. – 2023. – № 5. – SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.05.2023 № 26-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti chetvertoj stat'i 150 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i ryada polozhenij statej 42, 45, 145, 146 i 222 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdan M.V. Zolotarevoj i V.V. Frolovoj» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2023. –№ 23 (CHast' II). – St. 4272.
9. SHCHetinina, N.V. Osobennosti sub"ektivnyh priznakov vovlecheniya nesovershennoletnego v sovershenie prestupleniya ili antiobshchestvennyh dejstvij // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № (3). – S. 65-67.
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 04.12.2014 № 16 (red. ot 21.05.2026) «O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah protiv polovoj neprikosnovennosti i polovoj svobody lichnosti» // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. – 2015. – №2.
11. Prigovor № 1-94/2025 ot 5 oktyabrya 2025 g. po delu № 1-94/2025 (Solnechnyj rajonnyj sud Habarovskogo kraya) // [Elektronnyj resurs]: https://sudact.ru/regular/doc/ai4zKEvFNv5J/
12. Prigovor № 1-41/2025 ot 21 oktyabrya 2025 g. po delu № 1-41/2025 (CHkalovskij rajonnyj sud g. Ekaterinburga) // [Elektronnyj resurs]: https://sudact.ru/regular/doc/LYMIORnKyHU/
13. Prigovor № 1-105/2025 ot 3 avgusta 2025 g. po delu № 1-105/2025 (Kirovskij rajonnyj sud g. Volgograda) // [Elektronnyj resurs]: https://sudact.ru/regular/doc/b8GUV61cH6Y1/ (data obrashcheniya: 23.04.2026).
14. Postanovlenie № 1-126/2025 ot 3 sentyabrya 2025 g. po delu № 1-126/2025 (Karasukskij rajonnyj sud Novosibirskoj oblasti) // [Elektronnyj resurs]: https://sudact.ru/regular/doc/9hxrNEpE6FdV/
15. Prigovor № 1-235/2025 ot 18 avgusta 2025 g. (Tujmazinskij mezhrajonnyj sud Respubliki Bashkortostan) // [Elektronnyj resurs]: https://sudact.ru/regular/doc/9jxLRjMd1H1W/ (data obrashcheniya: 23.04.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 438-447.

УДК 343.1

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ, ДОСТОВЕРНОСТИ И СОБИРАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: КОЛЛИЗИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ, ДЕФЕКТЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Богданова А. О.
Сызранский городской суд Самарской области

В статье анализируются актуальные проблемы правового регулирования доказывания в российском уголовном процессе, связанные с допустимостью, достоверностью и процессуальной чистотой доказательств. На основе анализа следственно-судебной практики и позиций Конституционного Суда РФ выявляются системные противоречия и пробелы действующего законодательства. Особое внимание уделяется неэффективности положений ст. 75 УПК РФ о недопустимости показаний, данных в отсутствие защитника, а также распространённой практике подмены подлинных источников доказательств пересказом их содержания сотрудниками правоохранительных органов. Исследуется отсутствие в законе категории «техническая ошибка», что порождает произвольное внесение исправлений в протоколы следственных действий. Рассматриваются проблемы принудительного получения образцов для сравнительного исследования (ст. 202 УПК РФ) и отсутствия легального института электронных доказательств. Обосновывается, что многие дефекты доказывания являются следствием обвинительного уклона и отсутствия реальной состязательности сторон в досудебном производстве. Автором предлагается комплекс законодательных изменений: введение прямого запрета на допрос сотрудников полиции о сведениях, полученных от участников процесса; абсолютный запрет на использование признаний, данных без защитника; закрепление понятия и процедуры исправления технических ошибок; судебный порядок получения образцов для экспертизы; включение электронных доказательств в перечень видов доказательств (ст. 74 УПК РФ). Реализация предложенных мер направлена на повышение предсказуемости судебной практики, укрепление принципов законности, состязательности и справедливости уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, доказательственное право, теория доказывания, допустимость доказательств, достоверность доказательств, принципы уголовного судопроизводства, состязательность, равноправие.

В условиях постоянного реформирования уголовного процесса и усложнения структуры доказательственной деятельности одной из наиболее острых проблем теории и практики остается вопрос о допустимости, достоверности, надежности и процессуальной чистоте доказательств [1, с. 68, 70]. Несмотря на формальную завершенность правового регулирования института доказательств в УПК РФ, реальная следственно-судебная практика демонстрирует значительное количество противоречий, правовых лакун и неоднозначных толкований, которые в совокупности создают риск принятия неправосудных решений. В связи с этим представляется необходимым проведение углубленного анализа актуальных проблем доказывания, выявление причин их возникновения и формулирование предложений по совершенствованию законодательства [2, с. 33; 3, с. 43].

Прежде всего, следует отметить, что российская модель доказательственного права продолжает базироваться на достаточно широком понимании доказательств, согласно которому доказательствами признаются любые сведения, способные установить обстоятельства, имеющие значение для дела. Законодатель в ст. 74 УПК РФ закрепляет формально исчерпывающий перечень видов доказательств [4, с. 101], [5, с. 14], однако сама категория «сведения» при этом остается чрезвычайно широкой. В результате правоприменителю неизбежно приходится разрешать вопрос о допустимости тех данных, правовая природа которых прямо не урегулирована законом, либо которые вызывают сомнения из-за особенностей их получения. Принципиальное значение для понимания источников проблем доказывания имеет реализация принципа состязательности и равноправия сторон. Как отмечает Д.А. Исмайлов, «состязательность сторон является

принципом уголовного процесса, подразумевающим равенство сторон при обвинении и защите в судах» [6, с. 101]. Однако на практике этот принцип, несмотря на его конституционное и отраслевое закрепление (ст. 123 Конституции РФ, ст. 15 УПК РФ), реализуется далеко не в полной мере. В научной литературе подчеркивается, что «состязательность – не панацея и не самоцель. Ее место там, где без нее процесс немыслим, – в суде» [7, с. 68], но именно на досудебных стадиях дисбаланс сторон проявляется наиболее остро.

Одним из наиболее проблемных аспектов выступает вопросы допустимости признательных показаний, а также порядка их получения. Статья 75 УПК РФ, на первый взгляд, содержит четкое и категоричное правило: «показания подозреваемого или обвиняемого, данные в отсутствие защитника и не подтвержденные ими в суде, признаются недопустимыми» [8]. Однако практика демонстрирует, что эта норма фактически не работает в полном объеме. Судебные органы нередко обходят ее действие, ссылаясь на показания оперативных сотрудников и следователей, которые в суде пересказывают содержание признаний, данных на стадии предварительного расследования. Такая практика глубоко противоречит как тексту закона, так и позиции Конституционного Суда РФ, который в Определении № 44-О от 06.02.2004 прямо указал на: «недопустимость воспроизведения содержания допросов обвиняемого через показания сотрудников правоохранительных органов» [9]. Однако в силу законодательной неопределенности и отсутствия прямого запрета на допрос сотрудников полиции [10, с. 40-48; 11, с. 217] о сведениях, полученных ими от фигурантов дела, этот пробел активно используется в правоприменительной практике. Как отмечает Д.А. Исмайлов, «…следователь, применяя стратегии и тактики, направленные на изменение показаний обвиняемого или свидетелей, тем самым нарушают права участников уголовного судопроизводства и действующее законодательство» [12, с. 87; 13, с. 64]. Указанное подтверждает, что проблема кроется не только в пробелах закона, но и в сложившемся обвинительном уклоне [14, с. 149; 15, с. 312].

Непосредственным следствием данного пробела становится подмена подлинного источника доказательства его пересказом, что нарушает не только принцип непосредственности, но и фундаментальные гарантии защиты от самооговора и принуждения. Более того, такая практика создает условия для злоупотреблений, поскольку содержание пересказа невозможно проверить объективными средствами: работники полиции не несут юридической ответственности за точность воспроизведения высказываний подозреваемого, а сам пересказ, по своей природе, не является доказательством фактов, а представляет собой интерпретацию лица, не являвшегося очевидцем событий [16, с. 55].

Проблема признательных показаний имеет и другую сторону: ситуация, когда лицо действительно совершило преступление, подробно описало обстоятельства содеянного и затем отказалось от своих показаний, опасаясь уголовной ответственности или рассчитывая избежать ее. В таких случаях возникает коллизия между необходимостью пресекать самооговоры и задачей не допустить ухода виновного от ответственности. Однако отказ суда от применения ст. 75 УПК РФ даже в очевидных ситуациях самооговора приводит к подрыву принципа законности и фактическому применению доктрины «внутреннего убеждения» как оправдания отхода от процессуальных норм. Такая ситуация свидетельствует о: «недостаточной разработке правового механизма проверки признательных показаний и необходимости изменения законодательства, направленного на обеспечение общей гарантии добровольности любых заявлений обвиняемого» [17].

Следующее актуальное направление проблем доказывания – отсутствие в УПК РФ четкой и нормативно закрепленной категории «техническая ошибка» в процессуальных

документах. На практике протоколы следственных действий нередко содержат исправления, внесенные после их составления, а порой – уже после ознакомления подозреваемого и защитника с делом. Поскольку закон не содержит ни определения, ни порядка внесения исправлений, правоприменитель произвольно квалифицирует такие ошибки: одни суды считают их несущественными, другие признают недопустимыми доказательства целиком. Наличие пространства для правоприменительного усмотрения неизбежно приводит к отсутствию единообразия судебных решений, что прямо противоречит принципу правовой определенности.

Не менее значимой является проблема оценочной категории «существенные нарушения уголовно-процессуального закона», используемой в ст. 389.17 УПК РФ как основание для отмены судебного решения. В отсутствие четких критериев суды вынуждены определять «существенность» субъективно, исходя не из закона, а из внутреннего убеждения, что создает риск произвольного толкования. Конституционный принцип допустимости только тех доказательств, которые получены в строгом соответствии с Федеральным законом (ст. 50 Конституции РФ), вступает в противоречие с ситуацией, когда суды объявляют те или иные нарушения «несущественными» лишь потому, что их устранение усложняет судебное разбирательство.

Также российская судебная практика страдает отсутствием единообразия в оценке доказательств [18, с. 340], что объясняется отсутствием полноценной системы правовых прецедентов. Суды разных регионов при одинаковых фактических обстоятельствах выносят противоположные решения, что подрывает доверие к правосудию и создает ощущение непредсказуемости уголовного судопроизводства [19].

Учитывая изложенное, представляется необходимым сформулировать комплекс законодательных предложений, направленных на исправление выявленных проблем. Так, следует дополнить ст. 56 УПК РФ прямым запретом на допрос сотрудников полиции о сведениях, полученных ими от участников уголовного судопроизводства в рамках служебной деятельности, за исключением обстоятельств, которые они восприняли лично. Это устранит возможность подмены показаний пересказом.

Также представляется целесообразным пересмотреть ст. 75 УПК РФ, установив абсолютный запрет на использование признательных показаний, данных в отсутствие защитника, а также запретив воспроизведение их содержания через иные источники. Введение обязательной видеофиксации допросов также должно стать условием допустимости таких доказательств [20, с. 42]. Кроме того, необходимо нормативно закрепить понятие «техническая ошибка» и разработать процессуальную процедуру внесения изменений в протоколы следственных действий. Такая регламентация устранит практику внесения скрытых корректировок и укрепит принцип неизменности доказательств [21, с. 331]; исключить ч. 7 ст. 235 УПК РФ, допускающую повторную оценку исключенного доказательства как допустимого. Переоценка недопустимого доказательства подрывает саму идею правовой охраны процессуальной формы.

Также современная практика доказывания демонстрирует, что институт получения образцов для сравнительного исследования, предусмотренный ст. 202 УПК РФ, остается одним из наименее урегулированных элементов доказательственного механизма. Законодатель ограничился лишь указанием на недопустимость применения опасных или унижающих достоинство методов (ч. 2 ст. 202 УПК РФ), но не определил порядок получения таких образцов, не урегулировал возможность их принудительного изъятия и не установил обязанность подозреваемого или обвиняемого предоставлять биологический материал по требованию следователя. Этот пробел в регулировании существенно затрудняет проведение ключевых судебных экспертиз – молекулярно-генетических, биологических, дактилоскопических, – и приводит к ситуациям, когда установление причастности лица к преступлению становится невозможным вследствие его отказа от

предоставления образцов. Анализ правоприменения показывает, что «следователи вынуждены прибегать к альтернативным, по сути, обходным методам (получение образцов от родственников, изъятие частных вещей), что снижает качество доказательственной информации и создает риски нарушения прав участников процесса» [22, с. 118-125; 23, с. 460].

Вместе с тем, Конституционный Суд РФ неоднократно подтверждал допустимость принудительного получения образцов при соблюдении принципа соразмерности. Так, в Определении от 24.09.2013 № 1297-О Конституционный Суд указал, что право не свидетельствовать против себя (ст. 51 Конституции РФ) не исключает проведения процессуальных действий, направленных на получение образцов биологических тканей, документов и предметов одежды, поскольку такие действия не являются принуждением лица к самоизобличению в показаниях [24]. Аналогичную позицию Суд подтвердил в Определении от 28.09.2017 № 2211-О, прямо указав, что ст. 202 УПК РФ «допускает возможность принудительного получения образцов при условии обоснованности и соразмерности ограничения конституционных прав личности» [25]. При этом Суд фактически оставил открытым главный вопрос: каким именно процессуальным способом должны быть обеспечены такие действия, в каком порядке и кем принимается решение о принудительном получении образцов, и какие гарантии защиты прав лица должны быть реализованы. Таким образом, судебная практика констатирует допустимость принуждения, но законодатель не определяет механизм его применения, что создает серьезную коллизию между целью расследования и правовыми гарантиями.

Отсутствие нормативно закрепленного порядка принудительного получения образцов приводит к сильной вариативности практики и порождает риски злоупотреблений. Для устранения этого необходимо внести в УПК РФ прямую норму, детально регламентирующую основания, процедуру и пределы принудительного получения образцов у подозреваемого и обвиняемого. Опыт УПК ФРГ (§ 81g StPO) подтверждает эффективность модели, в которой получение ДНК-материала допускается только по постановлению суда и при строгом контроле соразмерности вмешательства [26]. Введение аналогичного механизма в российское законодательство позволит устранить существующие пробелы, обеспечить правовую определенность, исключить незаконное давление на участников процесса и повысить достоверность результатов судебных экспертиз [27, с. 91], что в конечном итоге укрепит качество доказывания в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, современные проблемы доказывания демонстрируют необходимость комплексного пересмотра уголовно-процессуального регулирования, направленного на повышение уровня законности, предсказуемости и справедливости судебного разбирательства. Совершенствование законодательства должно быть ориентировано на обеспечение баланса между публичными интересами и гарантией прав личности, что соответствует конституционной модели уголовного судопроизводства РФ. Как справедливо Д.А. Исмайлов, «уголовно-процессуальное право — это отрасль права, которая устанавливает порядок рассмотрения уголовных дел и обеспечивает справедливость и законность уголовного процесса. Оно определяет права и обязанности участников уголовного процесса, устанавливает процедуры ведения расследования, доказывания и разрешения дела» [28, с. 319]. Без надлежащего правового регулирования доказывания эта цель не может быть достигнута.

Проведенный анализ актуальных проблем доказывания в уголовном судопроизводстве позволяет утверждать, что существующие нормы УПК РФ во многих случаях не обеспечивают ни надлежащего уровня процессуальных гарантий, ни устойчивой судебной практики. Это свидетельствует о необходимости нормативного вмешательства, направленного на устранение выявленных пробелов и создание более предсказуемой,

структурированной и гарантированной модели собирания и оценки доказательств [29, с. 231]. В связи с этим особую значимость приобретает формирование системных изменений, направленных на: «усиление принципов законности, непосредственности, достоверности и недопустимости доказательств, полученных с нарушением установленного порядка» [30, с. 31]. Дополнительным фактором, усугубляющим проблемы доказывания, является отсутствие реального равноправия сторон. Как указывают Д.А. Исмайлов, А.В. Мурузиди и Г.А. Ожегова, «обвиняемый и его защитник в ходе предварительного следствия... сталкиваются с трудностями при попытке приобщить собранные доказательства к материалам уголовного дела», в то время как сторона обвинения изначально обладает властными полномочиями [31, с. 305].

Прежде всего, учитывая выявленную проблему подмены подлинных источников доказательств пересказом сведений сотрудниками правоохранительных органов, представляется обоснованным предложить изменение содержания ст. 56 УПК РФ. Практика допроса оперативных сотрудников и следователей о содержании показаний подозреваемого или обвиняемого, данных в ходе предварительного расследования, входит в прямое противоречие с правовой позицией КС РФ (Определение от 06.02.2004 № 44-О) и нарушает принцип непосредственности исследования доказательств.

В этой связи целесообразно дополнить часть третью статьи 56 УПК РФ положением, устанавливающим: «запрет допроса сотрудников полиции и иных должностных лиц об обстоятельствах, ставших им известными от участников уголовного процесса в связи с исполнением служебных обязанностей, если такие сведения не были восприняты ими лично». Такое изменение позволит исключить использование пересказанных «показаний» в качестве доказательств, обеспечит реальное действие ст. 75 УПК РФ и устранит механизм обхода ее требований.

Следующим направлением совершенствования законодательства является корректировка самой ст. 75 УПК РФ, регулирующей понятие недопустимых доказательств. Несмотря на формальную категоричность действующей редакции, судебная практика допускает использование признательных показаний, данных в отсутствие защитника, путем их воспроизведения через другие источники. Это противоречит как смыслу указанной статьи, так и конституционным гарантиям, закрепленным в ст. 51 Конституции РФ. В связи с этим обоснованным представляется формирование нового содержания части второй ст. 75 УПК РФ, закрепляющего абсолютный запрет на использование признаний, данных без участия защитника, а также запрет на воспроизведение содержания таких признаний через показания сотрудников полиции, понятых или иных лиц.

Не менее актуальным является вопрос о внесении в УПК РФ нормы, регламентирующей порядок исправления технических ошибок в процессуальных документах. Выявленные в практике противоречия и наличие различных подходов к оценке исправлений в протоколах следственных действий свидетельствуют о том, что отсутствие нормативного определения технической ошибки создает условия для произвольного толкования и злоупотреблений.

В этой связи представляется целесообразным дополнить УПК РФ новой ст. 166.1 «Технические ошибки в процессуальных документах», закрепляющей следующее: «технической ошибкой признаются несущественные неточности (описки, опечатки, арифметические погрешности), не затрагивающие содержание документа; исправления допускаются только в ходе следственного действия и заверяются всеми его участниками; внесение изменений после составления протокола либо без удостоверения участников влечет недействительность соответствующих частей документа».

Закрепление данной нормы обеспечит неизменность доказательств, прозрачность процессуального оформления и исключит практику постфактум внесенных корректировок.

Также важным направлением совершенствования законодательства является регламентация порядка принудительного получения образцов для сравнительного исследования в рамках ст. 202 УПК РФ. Как показал анализ, отсутствие законодательного механизма такого получения создает существенные трудности в проведении судебно-генетических и иных экспертиз, что препятствует полноценному доказыванию по уголовным делам. Несмотря на правовую позицию КС РФ, изложенную в Определениях от 24.09.2013 № 1297-О и от 28.09.2017 № 2211-О, допускающих принудительное получение образцов при соблюдении требуемой соразмерности, процессуальный порядок этой процедуры остается неурегулированным. В целях устранения пробела представляется необходимым дополнить ст. 202 УПК РФ новой частью, устанавливающей, что: «получение образцов у подозреваемого или обвиняемого допускается исключительно по постановлению суда, вынесенному на основании ходатайства следователя или дознавателя; процедура должна сопровождаться обязательной видеофиксацией и проводиться с участием специалиста или понятых; применяемые методы не могут быть опасными для жизни и здоровья или унижающими достоинство личности».

Введение данной нормы создаст механизм процессуального контроля и обеспечит соблюдение конституционных прав лица, одновременно предоставив следствию эффективный инструмент получения необходимых материалов.

Также стоит обозначить еще один момент. Анализ действующего уголовно-процессуального законодательства РФ свидетельствует о наличии существенного пробела в нормативном регулировании института электронных доказательств. В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий и перехода значительной части общественных отношений в цифровую среду представляется очевидным, что традиционная система доказательств, закрепленная в УПК РФ, уже не отвечает современным потребностям уголовного судопроизводства. Наиболее проблемным аспектом является: «отсутствие в законе легального определения электронного доказательства и его процессуального статуса» [32, с. 656]. В результате сведения, полученные из информационной среды, вынужденно подводятся под категорию вещественных доказательств, что приводит к концептуальной ошибке: фактически доказательственную информацию несут не физические носители, а данные, которые на них содержатся. Тем не менее, отсутствие прямой нормы заставляет правоприменителя признавать вещественным доказательством именно материальный объект, что противоречит смыслу понятия «доказательство» и приводит к подмене цифрового содержимого его материальной оболочкой.

Зарубежный опыт указывает на необходимость более гибкого и концептуально обоснованного подхода. В США, несмотря на отсутствие формального определения категории «электронные доказательства» в «Федеральных правилах доказывания» [33, с. 206], выработана устойчивая судебная практика, рассматривающая их как производные письменных доказательств, но при этом признающая их самостоятельную процессуальную значимость. В Германии, напротив, прослеживается тенденция к цифровизации самого уголовного процесса, что выражается в создании электронного досье и переходе к исследованию доказательств в цифровой среде. Эти модели демонстрируют: современное уголовное судопроизводство неизбежно выходит за рамки традиционных форм доказательственного материала, что требует нормативного отклика.

Отечественная практика, однако, показывает, что существующая регламентация не обеспечивает ни предсказуемости, ни единообразия. Признание электронного носителя вещественным доказательством производится вынужденно, а положения ст. 164.1 УПК РФ, предусматривающие порядок его изъятия только в рамках расследования отдельных экономических преступлений, создают еще более глубокую коллизию: «если законодатель признает необходимость изъятия электронных носителей только для ограни-

ченного круга составов, то остается неясным, какие правовые основания должны применяться при расследовании иных преступлений, для которых цифровые следы также являются ключевыми» [34, с. 90-95]. Кроме того, отсутствие легального определения «электронного носителя» и отсутствие прямого указания на электронные доказательства в ст. 81 УПК РФ создают ситуацию неопределенности, при которой следователь и суд вынуждены подменять фактическое содержание доказательства его материальной формой.

Для устранения указанных противоречий необходимо системное изменение структуры доказательств в УПК РФ. Так, целесообразно дополнить ст. 74 УПК РФ новым видом доказательств – электронными доказательствами, определив их как сведения, полученные из цифровой среды и представленные в электронной форме, обладающие значением для уголовного дела.

Таким образом, предлагаемые изменения направлены на устранение ключевых проблем доказательственного права и формирование правовой модели, обеспечивающей баланс между интересами государства в раскрытии преступлений и гарантией соблюдения прав личности. Их реализация позволит повысить предсказуемость судебной практики, укрепить доверие к результатам доказывания и обеспечить реальное действие принципов законности, состязательности и справедливости.

Список литературы:

1. Исмайлов, Д. А. К вопросу об определении места участковых уполномоченных полиции в системе органов дознания / Д. А. Исмайлов // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. – 2024. – № 4(20). – С. 67-75.
2. Исмайлов, Д. А. К вопросу о понятии криминологии и предмета ее изучении / Д. А. Исмайлов // Вестник права. – 2023. – № 2(2). – С. 33-37.
3. Исмайлов, Д. А. Терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации / Д. А. Исмайлов // Академия права. – 2023. – № 3(3). – С. 43-49.
4. Исмайлов, Д. А. Современная правовая основа уголовно-процессуальной деятельности участковых уполномоченных полиции // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 3, № 78(122). – С. 99-108.
5. Исмайлов, Д. А. К вопросу об основных направлениях деятельности, проблемах и перспективах развития судебной системы / Д. А. Исмайлов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 2, № 77(121). – С. 12-16.
6. Исмайлов, Д. А. Исторический аспект развития и становления принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России / Д. А. Исмайлов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 2(108). – С. 94-102. – EDN VPKSMV.
7. Давлетов А.А. Состязательность в современном уголовном процессе России // Бизнес, менеджмент и право. 2012. № 2 (26). С. 65-68.
8. Колосова Д.А. Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве//Диалог.2025.№.1(31).С.29-30.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 № 44-О «По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.04.2004. № 14. Ст. 1341.
10. Исмайлов, Д. А. Правоохранительная служба: ретроспективный анализ, проблемы и решения / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – № 4(93). – С. 40-48. – EDN DGLXVT.
11. Исмайлов, Д. А. Проблемы кадровой политики подразделений полиции: причины и решения / Д. А. Исмайлов // XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция : тезисы докладов, Самара, 11–22 апреля 2022 года / Министерство образования и науки Самарской области; Совет ректоров вузов Самарской области; Ассоциация вузов Самарской области. Том 2. – Санкт-Петербург: ООО "Эко-Вектор", 2022. – С. 217-218.
12. Исмайлов, Д. А. Перспективы отечественного законодательства в части правового регулирования предварительного расследования / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 4(32). – С. 86-90. – DOI 10.22281/2542-1697-2023-02-04-86-90.
13. Исмайлов, Д. А. Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди // Теология. Философия. Право. – 2021. – № 2(16). – С. 61-69.
14. Исмайлов, Д. А. К вопросу о нарушении принципа тайны уголовного судопроизводства в совещательной комнате / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2024. – Т. 1, № 2(107). – С. 143-150.
15. Исмайлов, Д. А. Процессуальные проблемы реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве и пути их решения / Д. А. Исмайлов // Ученые записки Крымского федерального универ-

ситета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 2. С. 312-320.
16. Исмайлов, Д. А. К вопросу об актуальных проблемах предварительного следствия и дознания в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 2(20). – С. 48-57.
17. Миронова, А. И. Проблемы собирания доказательств субъектами доказывания в уголовном судопроизводстве / А. И. Миронова // Вестник науки. – 2025. – Т. 4, № 10(91). – С. 208-220.
18. Исмайлов, Д. А. Особенности предварительного следствия как формы предварительного расследования в уголовном судопроизводстве // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 333-341.
19. Приговор Новосибирского областного суда № 22-1341/2025 от 26 мая 2025 г. по делу № 1-1/2024 // Судакт. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RdFghKQLPmLc/ (дата обращения: 27.11.2025).
20. Исмайлов, Д. А. Дознание как форма предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 2(20). С. 39-47.
21. Исмайлов, Д. А. Понятие и значение предварительного расследования в уголовном процессе / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 11(87). – С. 328-333.
22. Глебов, А. К. Проблемы доказывания в уголовном судопроизводстве: актуальные вопросы получения образцов для сравнительного исследования // Вестник науки. 2022. Т. 1, № 11(56). – С. 118-125.
23. Исмайлов, Д. А. Проблемы в деятельности участкового уполномоченного полиции и пути их решения / Д. А. Исмайлов, Ю. О. Мещерякова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 458-462.
24. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 №1297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сойкина Олега Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант-Плюс.
25. Определение Конституционного Суда РФ от 24.09.2013 № 1297-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сойкина Олега Юрьевича на нарушение его конституционных прав статьей 202 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Консультант-Плюс. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=356352&cacheid=76E4214968AAC4BB5BBD45159DC59CA7&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#O7Otl3VKOY8IBIzo
26. Code of Criminal Procedure in the version published on 7 April 1987 (Federal Law Gazette I, p. 1074, 1319) // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stpo/englisch_stpo.html
27. Исмайлов, Д. А. К вопросу об актуальных аспектах прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью участкового уполномоченного полиции / Д. А. Исмайлов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 4, № 79(123). – С. 87-95.
28. Исмайлов, Д. А. Понятие и значение уголовно-процессуального права в современном государстве / Д. А. Исмайлов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 29. – С. 314-321.
29. Исмайлов, Д. А. Становление и развитие предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди // Социальное управление. – 2023. – Т. 5, № S2. – С. 228-234.
30. Гладышева, О. В. Предварительное расследование в отечественном уголовном судопроизводстве: современные тенденции и перспективы развития / О. В. Гладышева // Уголовно-процессуальная деятельность в досудебном производстве : Монография. – Краснодар : Кубанский государственный университет, 2023. – С. 31-50.
31. Исмайлов, Д. А. Проблема обеспечения равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 301-308.
32. Рябова, О. В. Проблемы совершенствования положений УПК РФ в части регламентации электронных доказательств // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 656-659.
33. Сергеев, М. С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве. Опыт США / М. С. Сергеев // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 2. – С. 206-212.
34. Валитова, В. И. Проблема применения «электронных» доказательств в уголовном процессе / В. И. Валитова // Шаг в науку. – 2025. – № 3. – С. 90-95.

Bogdanova A. O. Actual problems of dopustimosti, dostovernosti, and collection of evidence in russian universal jurisdiction: collisions of legal regulation, defects of law application, and ways of comprehension of universal-processual legislation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 438-447.

The article analyzes the current problems of the legal regulation of evidence in the Russian criminal process related to the admissibility, reliability and procedural purity of evidence. Based on the analysis of investigative and judicial practice and the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, systemic contradictions and gaps in current legislation are identified. Particular attention is paid to the ineffectiveness of the provisions of art. 75 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the inadmissibility of testimony given in the absence of a defense lawyer, as well as the widespread practice of replacing genuine sources of evidence with a retelling of their contents by law enforcement officers. The article examines the absence of the category "technical error" in the law, which leads to arbitrary corrections to investigative protocols. The problems of forced obtaining of samples for comparative research (Article 202 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation) and the lack of a legal institution of electronic evidence are considered. It is proved that many defects in evidence are the result of the

accusatory bias and the lack of real competition between the parties in the pre-trial proceedings. The author proposes a set of legislative changes: the introduction of a direct ban on questioning police officers about information received from participants in the process; an absolute ban on the use of confessions given without a lawyer; the consolidation of the concept and procedure for correcting technical errors; the judicial procedure for obtaining samples for examination; the inclusion of electronic evidence in the list of types of evidence (art. 74 CPC RF).

Keywords: criminal proceedings, evidentiary law, theory of proof, admissibility of evidence, reliability of evidence, principles of criminal proceedings, competitiveness, equality.

Spisok literatury:

1. Ismajlov, D. A. K voprosu ob opredelenii mesta uchastkovy`x upolnomochenny`x policii v sisteme organov doznaniya // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. – 2024. – № 4(20). – S. 67-75.
2. Ismajlov, D. A. K voprosu o ponyatii kriminologii i predmeta ee izuchenii / D. A. Ismajlov // Vestnik prava. – 2023. – № 2(2). – S. 33-37.
3. Ismajlov, D. A. Terrorizm kak ugroza nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / D. A. Ismajlov // Akademiya prava. – 2023. – № 3(3). – S. 43-49.
4. Ismajlov, D. A. Sovremennaya pravovaya osnova ugolovno-processual`noj deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii // The Newman in Foreign Policy. 2024. T. 3, № 78(122). S. 99-108.
5. Ismajlov, D. A. K voprosu ob osnovny`x napravleniyax deyatel`nosti, problemax i perspektivax razvitiya sudebnoj sistemy // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 2, № 77(121). – S. 12-16.
6. Ismajlov, D.A. Istoricheskij aspekt razvitiya i stanovleniya principa sostyazatel`nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii.2025.№2(108).S.94-102.
7. Davletov A.A. Sostyazatel`nost` v sovremennom ugolovnom processe Rossii // Biznes, menedzhment i pravo. 2012. № 2 (26). S. 65-68.
8. Kolosova D.A. Problemy` dokazy`vaniya v ugolovnom sudoproizvodstve // Dialog. 2025.№.1(31). S. 29-30.
9. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 06.02.2004 № 44-O «Po zhalobe grazhdanina Dem`yanenko Vladimira Nikolaevicha na narushenie ego konstitucionny`x prav polozheniyami statej 56, 246, 278 i 355 Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 05.04.2004. № 14. St. 1341.
10. Ismajlov, D. A. Pravooxranitel`naya sluzhba: retrospektivny`j analiz, problemy` i resheniya // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2022. № 4(93). S. 40-48.
11. Ismajlov, D. A. Problemy` kadrovoj politiki podrazdelenij policii: prichiny` i resheniya // XLVIII Samarskaya oblastnaya studencheskaya nauchnaya konferenciya : tezisy` dokladov, Samara, 11–22 aprelya 2022 goda / Ministerstvo obrazovaniya i nauki Samarskoj oblasti; Sovet rektorov vuzov Samarskoj oblasti; Associaciya vuzov Samarskoj oblasti. Tom 2. – Sankt-Peterburg: OOO E`ko-Vektor, 2022. – S. 217-218.
12. Ismajlov, D. A. Perspektivy` otechestvennogo zakonodatel`stva v chasti pravovogo regulirovaniya predvaritel`nogo rassledovaniya // E`konomika. Sociologiya. Pravo. – 2023. – № 4(32). – S. 86-90.
13. Ismajlov, D. A. Primenenie mediacii v deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2021. – № 2(16). – S. 61-69.
14. Ismajlov, D. A. K voprosu o narushenii principa tajny` ugolovnogo sudoproizvodstva v soveshhatel`noj komnate / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishheva. – 2024. – T. 1, № 2(107). – S. 143-150.
15. Ismajlov, D. A. Processual`ny`e problemy` realizacii principa sostyazatel`nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve i puti ix resheniya / D. A. Ismajlov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2025. – T. 11, № 2. – S. 312-320.
16. Ismajlov, D. A. K voprosu ob aktual`ny`x problemax predvaritel`nogo sledstviya i doznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2023. – № 2(20). – S. 48-57.
17. Mironova, A. I. Problemy` sobiraniya dokazatel`stv sub``ektami dokazy`vaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / A. I. Mironova // Vestnik nauki. – 2025. – T. 4, № 10(91). – S. 208-220. – EDN AMUTSL.
18. Ismajlov, D. A. Osobennosti predvaritel`nogo sledstviya kak formy` predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2023. – № 28. – S. 333-341.
19. Prigovor Novosibirskogo oblastnogo suda № 22-1341/2025 ot 26 maya 2025 g. po delu № 1-1/2024 // Sudakt. URL: https://sudact.ru/regular/doc/RdFghKQLPmLc/ (data obrashheniya: 27.11.2025).
20. Ismajlov, D. A. Doznanie kak forma predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2023. – № 2(20). – S. 39-47.
21. Ismajlov, D. A. Ponyatie i znachenie predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom processe / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. – 2023. – № 11(87). – S. 328-333.
22. Glebov, A. K. Problemy` dokazy`vaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: aktual`ny`e voprosy` polucheniya obrazczov dlya sravnitel`nogo issledovaniya // Vestnik nauki. 2022. T. 1, № 11(56). S. 118-125.
23. Ismajlov, D. A. Problemy` v deyatel`nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii i puti ix resheniya / D. A. Ismajlov, Yu. O. Meshheryakova // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 3. – S. 458-462.
24. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.09.2013 №1297-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Sojkina Olega Yur`evicha na narushenie ego konstitucionny`x prav stat`ej 202 Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Konsul`tant-Plyus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=356352&cacheid=76E4214968AAC4BB5

BBD45159DC59CA7&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#KwDtl3V0y4x1l4GP2.
25. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 24.09.2013 № 1297-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby` grazhdanina Sojkina Olega Yur`evicha na narushenie ego konstitucionny`x prav stat`ej 202 Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Konsul`tant-Plyus. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=356352&cacheid=76E4214968AAC4BB5BBD45159DC59CA7&mode=splus&rnd=ar2om8UOBXMedqj01#O7Otl3VKOY8IBIzo
26. Code of Criminal Procedure in the version published on 7 April 1987 (Federal Law Gazette I, p. 1074, 1319) // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stpo/englisch_stpo.html
27. Ismajlov, D.A. K voprosu ob aktual`ny`x aspektax prokurorskogo nadzora za ugolovno-processual`noj deyatel`nost`yu uchastkovogo upolnomochennogo policii // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 4, № 79(123). – S. 87-95.
28. Ismajlov, D. A. Ponyatie i znachenie ugolovno-processual`nogo prava v sovremennom gosudarstve // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2024. – № 29. – S. 314-321.
29. Ismajlov, D. A. Stanovlenie i razvitie predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi // Social`noe upravlenie. – 2023. – T. 5, № S2. – S. 228-234.
30. Glady`sheva, O. V. Predvaritel`noe rassledovanie v otechestvennom ugolovnom sudoproizvodstve: sovremenny`e tendencii i perspektivy` razvitiya // Ugolovno-processual`naya deyatel`nost` v dosudebnom proizvodstve : Monografiya. – Krasnodar : Kubanskij gosudarstvenny`j universitet, 2023. S. 31-50.
31. Ismajlov, D. A. Problema obespecheniya ravnopraviya i sostyazatel`nosti storon v ugolovnom processe / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi, G. A. Ozhegova // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74), № 3. – S. 301-308.
32. Ryabova, O. V. Problemy` sovershenstvovaniya polozhenij UPK RF v chasti reglamentacii e`lektronny`x dokazatel`stv / O. V. Ryabova // Yuridicheskaya texnika. – 2023. – № 17. – S. 656-659.
33. Sergeev, M. S. E`lektronny`e dokazatel`stva v ugolovnom sudoproizvodstve. Opy`t SShA // Vestnik e`konomiki, prava i sociologii. – 2016. – № 2. – S. 206-212.
34. Valitova, V. I. Problema primeneniya «e`lektronny`x» dokazatel`stv v ugolovnom processe / V. I. Valitova // Shag v nauku. – 2025. – № 3. – S. 90-95.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 448-455.

УДК 796:351.749

ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИЕМОВ ОБЕЗОРУЖИВАНИЯ СОТРУДНИКАМИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И ВОЕНИЗИРОВАННЫХ ФОРМИРОВАНИЙ

Бокий А. Н.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье анализируются особенности и последние изменения ведомственного регулирования процесса специальной (служебно-прикладной) физической подготовки в органах внутренних дел. Определены способы выполнения приемов защиты от угрозы огнестрельным оружием в непосредственной близости. Проанализированы ведомственные и другие отечественные учебно-методические пособия. Представлен иностранный опыт применения приемов обезоруживания в деятельности правоохранительных органов и военизированных формирований. Автор предложил наиболее оптимальный перечень приемов обезоруживания для системы подготовки органов внутренних дел.

Ключевые слова: органы внутренних дел, специальная подготовка, приемы обезоруживания, структура приема, алгоритм действий.

Для определения наиболее рациональных и эффективных защитных действий при угрозе короткоствольным и длинноствольным оружием необходимо обратиться к анализу литературных источников, в которых отражается соответствующий отечественный и зарубежный опыт. В первую очередь следует обратить внимание на ведомственные издания, посвящённые организации специальной или служебно-прикладной физической подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Одним из основных на сегодняшний день источником является учебник ГУРЛС МВД России 2023 г., допущенный министерством внутренних дел для подготовки курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России, а также для организации профессиональной служебной и физической подготовки сотрудников ведомства [1].

В указанном учебнике рассматриваются три приема в параграфе «Пресечение действий с огнестрельным оружием», среди которых: защита при угрозе пистолетом спереди и сзади в упор, защита при угрозе длинноствольным оружием сзади в упор. Необходимо отметить, что в данном источнике наиболее точно отображается и конкретизируется описательная часть приемов обезоруживания из действующего Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел РФ, утвержденного приказом МВД России от 2.02.2024 г. № 44 (Далее – Порядок). Авторами представлено подробное описание и поэтапное выполнение боевых приемов борьбы [1, с. 462]. Учитывая установленные требования, защиту от угрозы спереди предлагается выполнять рычагом наружу, что является наиболее удобным, безопасным и эффективным вариантом. Однако также в соответствии с Порядком указывается возможность проведения защитных действий с помощью скручивания руки внутрь. Такой вариант считаем возможным, однако требующим дополнительного перехватывания руки в процессе выполнения, что может нарушить целостность приема и скорость его выполнения. Защита при угрозе пистолетом спереди в упор рычагом внутрь требует более тщательной подготовки и отработки действий до полного автоматизма.

Защиту при угрозе пистолетом сзади в упор предлагается выполнять с поворотом кругом и проведением рычага внутрь. Так же как в первом случае предусматривается выполнение данной защиты и рычагом наружу [1, с. 462]. Считаем, что обезоруживание при угрозе пистолетом спереди и сзади в упор необходимо отрабатывать как рычагом

(скручиванием) наружу, так и рычагом (скручиванием) внутрь. Это позволит сформировать устойчивый вариативный навык выполнения приема в зависимости от складывающейся ситуации.

Отметим и некоторые недостатки в описательной части рассматриваемых приемов. Указывая на способ обезоруживания (непосредственного отбора оружия) после скручивания руки наружу, авторы предписывают осуществлять дожим кисти прижатием плеча вооруженной руки сверху голенью к опоре [1, с. 462]. При этом положение задерживаемого лица получается лежа на спине, что может быть небезопасно с точки зрения возможности дальнейшего сопротивления правонарушителя. Действительно, демонстрируемый в учебнике способ отбора оружия проводится в соответствии с описанием данного действия в Порядке [2]. Однако считаем, что дожим кисти и прижатие вооруженной руки сверху голенью возможно и в более подконтрольном положении, когда противник лежит на животе и практически не имеет возможности проводить контрдействия и оказывать сопротивление. Этот тезис подтверждается и содержанием других учебно-методических изданий, анализ которых будет представлен ниже.

При описании алгоритма действий по защите при угрозе короткоствольным оружием в пособии предписывается нанести расслабляющий удар, выполнить болевой прием, обезоружить, подобрать пистолет, сопроводить, сковывая подвижность. При этом действия, начиная с подбора оружия, не имеют описания вообще. Считаем это недостатком по причине технической сложности подбора оружия, при котором необходимо выполнить ряд обязательных установленных нормативно условий.

В рассматриваемом издании приводится прием защиты при угрозе длинноствольным оружием только сзади в упор. Аналогичную защиту спереди, на наш взгляд, также необходимо включать как более простое действие, с которого необходимо изучать данный подраздел. Защита при угрозе длинноствольным огнестрельным оружием сзади в упор выполняется с поворотом кругом и одновременным уходом с линии вероятного огня, длинноствольное оружие отводится от себя. После разворота через правое плечо одновременно правой рукой захватывается цевье, а левой – приклад огнестрельного оружия, наносится расслабляющий удар с последующим выкручиванием захваченного ружья (автомата) [1, с. 463].

Отметим, что представленное в учебнике описание в полной мере соответствует пункту 311.8.4. действующего Порядка, однако, помимо выкручивания ведомственный приказ допускает и вырывание длинноствольного оружия [2]. Вырывание, как правило, производится при одновременном ударе ногой в колено или туловище и может быть достаточно эффективным действием в отдельных случаях (например, когда ружье или автомат не закреплен на корпусе ремнем).

При описании указанного защитного действия мы можем наблюдать отсутствие логически завершенного приема, так как он должен обязательно завершаться ограничением свободы передвижения ассистента. Ни в действующем Порядке, ни в учебно-методических изданиях практически не представлен ход дальнейших действий после вырывания (выкручивания) длинноствольного оружия. Это действительно сложно представить и тем более реализовать ввиду большого количества возможных вариантов. Например, сотрудник после того как оружие оказывается у него в руках может ограничить свободу передвижения правонарушителя, угрожая им, либо убрать (закинуть за спину, откинуть и пр.) оружие и провести прием задержания и сопровождения болевым приемом стоя.

В последнем случае, когда противник остается в положении стоя, прием теряет свою динамику и целостность. На дальнейших этапах исследования мы постараемся устранить данный пробел и предложить два варианта завершения приемов защиты при угро-

зе длинноствольным оружием. В первом случае после изъятия оружия привести противника в подконтрольное положение под угрозой его применения. Во втором – вырывание или выкручивание производить после опрокидывания ассистента и далее, освободившись от оружия и используя болевое воздействие, перевести противника в подконтрольное положение лицом вниз с дальнейшим подъёмом и сопровождением. При данном варианте удастся сохранить целостность приема. Также указанные действия позволят выполнить обезоруживание даже при закрепленном на ремне оружии.

Анализ других ведомственных учебно-методических и учебно-наглядных пособий показывает аналогичную структуру приемов защиты от угрозы оружием [3; 4; 5 6]. В целом это вызвано стремлением и необходимостью полного соответствия предъявляемым требованиям в действующих нормативных документах. Более того, однотипность и некоторая ограниченность выполнения приемов обезоруживания наблюдается в наставлениях и учебно-методических изданиях других военизированных формирований нашей страны [7,8].

При общей схеме и алгоритме выполнения рассматриваемых приемов, безусловно, встречаются и некоторые особенности и различия реализации отдельных элементов. В основном такие интерпретации не противоречат установленным ведомственным требованиям и не влияют на безопасность и эффективность боевых приемов борьбы. Так, в ряде пособий демонстрируется указанный нами выше вариант отбора оружия после скручивания руки наружи и приведения ассистента в положение лицом вниз [9, с. 50; 5, с. 43,]. При этом данный способ соответствует описанию обезоруживания в действующем Порядке, в соответствии с которым оно сопровождается прижиманием плеча вооруженной руки сверху голенью. Как уже было отмечено ранее, данный способ обезоруживания обеспечивает больший контроль и безопасность выполнения приема в целом.

Также имеются отдельные случаи описания в ведомственных учебных пособиях нестандартных и отличающихся от нормативно установленных способов выполнения приемов защиты от угрозы оружием. Из таких положительных примеров можно привести уход с линии огня при угрозе пистолетом спереди подседом с одновременным выталкиванием захваченной вооруженной руки противника вверх. Из нежелательных действий приведем пример защитного действия при угрозе пистолетом в упор в спину (голову) с помощью броска через спину [3, с.73]. При всей эффективности бросковой техники в случае с выполнением приемов обезоруживания она не может обеспечить контроль вооруженной руки противника, также само выполнение броска через спину предусматривает «подтягивание» руки к себе вниз, что несет дополнительную угрозу ранения сотрудника.

Следует отметить отсутствие в ведомственной литературе описания действий при угрозе оружием в различных и вполне возможных случаях. Например, мы практически не увидим приемов обезоруживания при угрозе пистолетом спереди или сзади, направленного в различные части тела (уровень головы, корпуса, лопаток, поясницы), а также с левой или правой стороны. В исследуемых источниках зачастую отсутствуют приемы защиты при угрозе длинноствольным оружием либо представлен один из возможных вариантов – защита при угрозе спереди либо сзади. Как правило, представленные действия не включают описание логически завершенного приема, а заканчиваются вырыванием или выкручиванием оружия.

Таким образом, общими особенностями описания и демонстрации приемов обезоруживания в ведомственной учебно-методической литературе, относящейся к сфере подготовки сотрудников органов внутренних дел, а также сотрудников других военизированных формирований и военнослужащих является, прежде всего, их соответствие

нормативно установленным требованиям, относительная простота и эффективность. Однако есть и общие отрицательные аспекты, способные негативно повлиять на качество специальной подготовки должностных лиц. Среди таких: однотипность представленных приемов, ограниченность их количества по отношению к возможным вариантам или условиям угрозы, отсутствие дополнительных эффективных защитных действий (не регламентированных, но и не противоречащих существующим нормам и требованиям обеспечения безопасности сотрудника и третьих лиц). Одной из задач исследования является определение дополнительных эффективных и относительно безопасных способов защиты при угрозе оружием. Отчасти это возможно за счет анализа содержания тренировочного процесса отечественных школ прикладного рукопашного боя, соответствующих литературных источников, а также международного опыта подготовки силовых структур и военизированных формирований.

Необходимо отметить, что большинство разнообразных и порой нереалистичных способов обезоруживания, содержащихся в неведомственных литературных источниках (выбивание оружия ногой, удары в болевые точки без надежной фиксации вооруженной руки, уходы с линии огня при произведении выстрела и пр.), не применимо в системе подготовки сотрудников правоохранительных органов. Данные приемы не будут рассматриваться нами в работе. В свою очередь существует и ряд эффективных действий, заслуживающих внимание.

В работах известного отечественного специалиста рукопашной подготовки Кадочникова А.А. можно увидеть способы обезоруживания при угрозе пистолетом, схожие с общепринятыми способами в системе подготовки силовых структур и военизированных формирований. Основу составляет техника рычагов, однако указанные защитные действия могут включать отбор оружия еще до приведения противника в подконтрольное положение [10, с. 300].

Подобная техника «выхватывания» оружия из рук противника встречается и в других работах, но среди недостатков представленной техники можно выделить ее небезопасность вследствие выполнения без надежной фиксации руки с оружием. В отдельных случаях авторы предлагают забирать оружие на довольно значительной дистанции и одной рукой [11, с. 158]. В целом считаем технику вырывания допустимой только при создании благоприятных условий в виде ухода с линии огня, сближения с противником, плотного захвата вооруженной руки с исключением возможности свободного хода пистолета или освобождения от захвата с разрывом дистанции.

Практика отбора (выхватывания, вырывания) короткоствольного оружия в положении стойки достаточно распространена в зарубежной практике подготовки сотрудников правоохранительных органов и военизированных формирований. Подготовка полицейских США не отличается четкой структурой и строгой регламентацией изучаемых приемов самозащиты. В действующих инструкциях и методических материалах можно встретить разнообразную технику выполнения защиты при угрозе огнестрельным оружием в зависимости от региона и учебного заведения, в котором эти материалы разработаны. Однако общей особенностью специальной подготовки сотрудников полиции является ориентирование на разработанную в армейских подразделениях систему приемов самозащиты.

В некоторых источниках такая система имеет название «Американский рукопашный бой», которая была разработана бывшим морским пехотинцем Джоном Кари. В 90-ых годах прошлого века эта система сформировалась окончательно и впоследствии постоянно совершенствовалась. Отличалась простой и порой даже примитивной техникой, что способствовало быстрому обучению военнослужащих.

Новая система ближнего боя в общих чертах была создана к 1997-1999 годам усили-

ями полковника Джорджа Бристоля и сержанта Кардо Урсо. Система получила официальное название – Программа боевых искусств корпуса морской пехоты [12]. Принципы и техника, представленные в данной программе, активно используются и получили широкое распространение как в подразделениях армии США, так и в правоохранительных органах страны.

Возвращаясь к анализу зарубежной практики приемов обезоруживания, отметим, что в программе боевых искусств корпуса морской пехоты США, техника защиты при угрозе пистолетом предусматривает вырывание оружия у противника в стойке после ухода с линии атаки, сближения и плотной фиксации руки. При этом предусмотрен шокирующий удар локтем уже фактически после вырывания оружия скручиванием, что, на наш взгляд, не совсем логично. Более безопасными и достаточно эффективными можно назвать описанные в источнике способы вырывания оружия в ходе противодействия пистолету, направленному в голову двумя или одной рукой [12, с.312]. В последнем случае две или одна рука плотно удерживаются между корпусом и плечом обороняющегося до момента отбора (вырывания) оружия.

Аналогичные варианты обезоруживания представлены и в системе израильского рукопашного боя Крав-мага, которая является официально принятой для использования в процессе подготовки бойцов Армии обороны Израиля, также активно используется израильской полицией и другими силами охраны правопорядка. Ключевым отличием от представленного американского опыта изучения приемов обезоруживания является преимущественное использование принципа внезапного опережающего шокирующего воздействия в виде встречных контрударов, в том числе в наиболее уязвимые места (горло, нос, глаза, пах и пр.) [13, с.38].

В случаях противодействия невооруженному нападению защита может выполняться по схеме: блок – встречная атака – разрыв дистанции. При этом дальнейшие действия предусмотрено выполнять по ситуации (от извлечения оружия и угрозы применения до спасения бегством). В случае угрозы огнестрельным оружием такой вариант не подходит, поскольку оружие остается в руках противника, и даже после шокирующего воздействия он может быть способен произвести выстрел. В данном случае считается целесообразным выполнение защитных действий по следующей схеме: блок с уходом с линии огня – захват вооруженной руки – встречная атака – вырывание оружия – разрыв дистанции [13, с. 362].

Считаем возможным интерпретировать и внедрить в отечественную практику подготовки некоторые способы вырывания короткоствольного огнестрельного оружия, которые будут отвечать требованиям безопасности и эффективности.

Отановим внимание на приемах выбивания пистолета. Необходимо сразу сказать, что ныне действующими ведомственными документами такой способ защиты при угрозе короткоствольным оружием не предусмотрен. Последний раз «выбивание» как способ обезоруживания упоминался в уже давно не действующем Наставлении по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел (НФП-96). В пункте 11.6.10 документа также указано, что при угрозе пистолетом спереди или сзади, помимо выполнения рычагов, возможен отбив предплечья и выбивание [14]. При этом техника выбивания пистолета представлена не была.

Отсутствие регламентации приемов выбивания при угрозе оружием в ведомственных нормативных документах можно понять. При выполнении обезоруживания таким способом могут возникать дополнительные риски. Защищающемуся нужно проявить невероятный уровень владения ударной техникой, скоростно-силовые способности и точность для опережения возможного выстрела, на произведение которого требуется меньше секунды.

Естественно, кажутся нереальными и крайне опасными попытки обучить людей выбиванию пистолета ударами руками и даже ногами на более длинной дистанции при отсутствии надежной фиксации вооруженной руки и предварительного ухода с линии огня. Именно такие способы мы можем наблюдать во многих направлениях рукопашной подготовки, среди которых представители Русского стиля (А. Кадочников, В. Старов, М. Рябко), Русского боевого искусства «ИЗВОР» (М. Грудев), системы активной обороны «СТРЕЛА» (В. Крючков) и многие другие.

Подходя критично к рассматриваемым способам обезоруживания, все-таки считаем выбивание пистолета допустимым в отдельных случаях и при соблюдении определенных требований. Во-первых, обязательным является предварительный уход с линии огня с отведением руки с оружием от себя. Во-вторых, необходим захват вооруженной руки противника или ее фиксация с исключением возможности для противника изменения направления ствола оружия. В-третьих, само выбивание оружия должно осуществляться быстрым, сильным и точным ударным воздействием в область кисти, удерживающей оружие, без разрыва захвата конечности. Это позволит произвести выбивание пистолета более эффективно и безопасно, а также завершить действие с дальнейшим задержанием без нарушения темпа и логической структуры боевого приема борьбы.

Таким образом, отечественный и зарубежный опыт применения приемов обезоруживания позволил нам сформировать наиболее оптимальный перечень приемов для системы подготовки сотрудников органов внутренних дел. Считаем, что для формирования готовности к опасным ситуациям, связанным с угрозой применения оружия, сотруднику полиции необходимо иметь устойчивый навык выполнения следующих действий: «Защита при угрозе пистолетом спереди в голову рычагом руки наружу»; «Защита при угрозе пистолетом спереди в голову рычагом руки внутрь»; «Защита при угрозе пистолетом спереди в корпус рычагом руки наружу»; «Защита при угрозе пистолетом спереди в корпус рычагом руки внутрь»; «Защита при угрозе пистолетом сзади в голову рычагом руки наружу»; «Защита при угрозе пистолетом сзади в голову рычагом руки внутрь»; «Защита при угрозе пистолетом сзади в корпус (лопатки/поясница) рычагом руки наружу»; «Защита при угрозе пистолетом сзади в корпус (лопатки/поясница) рычагом руки внутрь»; «Защита при угрозе пистолетом слева в голову рычагом руки наружу»; «Защита при угрозе пистолетом слева в голову рычагом руки внутрь»; «Защита при угрозе пистолетом справа в голову рычагом руки наружу»; «Защита при угрозе пистолетом справа в голову рычагом руки внутрь».

Указанный перечень приемов является основным и выполняется в полном соответствии ведомственным требованиям. В свою очередь, для более полной и качественной подготовки сотрудников считаем также возможным и необходимым дополнить указанный перечень следующими приемами: «Защита при угрозе пистолетом спереди в голову (корпус) вырыванием оружия»; «Защита при угрозе пистолетом сзади в голову (корпус) вырыванием оружия»; «Защита при угрозе пистолетом спереди в голову (корпус) выбиванием оружия»; «Защита при угрозе пистолетом сзади в голову (корпус) выбиванием оружия».

Для подготовки к ситуациям противодействия угрозе длинноствольным оружием считаем необходимым изучение и совершенствование следующих приемов: «Защита при угрозе длинноствольным оружием спереди вырыванием»; «Защита при угрозе длинноствольным оружием сзади вырыванием»; «Защита при угрозе длинноствольным оружием спереди выкручиванием»; «Защита при угрозе длинноствольным оружием сзади выкручиванием»; «Защита при угрозе длинноствольным оружием спереди опрокидыванием»; «Защита при угрозе длинноствольным оружием сзади опрокидыванием».

Список литературы:
1. Профессиональная подготовка полицейских: учебник / под общ. ред. В.Л. Кубышко. – Москва: ГУРЛС МВД России, 2023. Профессиональный цикл. Ч. 1. – 520 с.
2. Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» (в действ. редакции) // ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://base.garant.ru
3. Троян Е.И. Боевые приемы борьбы: учебно-методическое пособие / Е.И. Троян – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России, 2017. – 91 с.
4. Кузнецов С.В. Боевые приемы борьбы: наглядное пособие / С.В. Кузнецов, А. Н. Волков, А.Л. Козицын – М.: ДГСК МВД России, 2018. – 84 с.
5. Питомцев М.Н. Наглядное пособие по боевым приемам борьбы для постоянного состава Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя : учебное наглядное пособие / М.Н. Питомцев, В.А. Хромов, П.А. Ермолов, В.А. Разницын – М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2016. – 57 с.
6. Волков А.Н. Физическая подготовка лиц рядового и начальствующего состава, впервые принимаемых на службу в ОВД, проходящих профессиональное обучение по должности служащего «Полицейский»: учебно-практическое пособие / А.Н. Волков, С.В. Кузнецов. – Нижний Новгород: НА МВД России,2019. – 82 с.
7. Приказ Министра обороны РФ от 20.04.2023 № 230 «Об утверждении Наставления по физической подготовке в Вооруженных Силах Российской Федерации» (в действ. редакции) // ИПП «Гарант.ру» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: http://base.garant.ru
8. Тихонов В.В. Боевые приемы борьбы: учебное пособие / В.В. Тихонов. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2018. – 66 с.
9. Бокий А.Н. Ускоренная методика обучения сотрудников полиции боевым приемам борьбы : учебно-методическое пособие. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023 80 с.
10. Кадочников А.А. Специальный армейский рукопашный бой: Система А. Кадочникова (Серия «Мастера боевых искусств») / А.А. Кадочников, М.Б. Ингерлейб. – Ростов н/Д: Феникс, 2002. – 352 с.
11. Иванов-Катанский С.А. Шаг-маятник: Искусство уклонения от выстрелов, методы скоростной стрельбы и техника обезоруживания / С.А. Иванов-Катанский. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. – 528 с.
12. MCRP 3-02B Marine Corps Martial Arts Program (MCMAP) by US Marine Corps, 21 November 2011 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://info.publicintelligence.net/USMC-MCMAP.pdf
13. Бен Керен Г. Крав-мага. Система израильского рукопашного боя . – «Эксмо», 2017. – 562 с.
14. Наставление по физической подготовке (НФП-96) сотрудников органов внутренних дел. М.: ГУК МВД России. 1996. – 203 с.

Bokiy A.N. Domestic and foreign experience in disarming by law enforcement agencies and military forces // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 448-455.

The article analyzes the features and recent changes in the departmental regulation of the process of special (service-related) physical training in the internal affairs bodies. It defines the methods of performing techniques for defending against a threat of firearms in close proximity. The article analyzes departmental and other domestic educational and methodological manuals. It presents the foreign experience of using disarming techniques in the activities of law enforcement agencies and paramilitary formations. The author proposes the most optimal list of disarming techniques for the training system of internal affairs bodies.

Keywords: internal affairs bodies, special training, disarming techniques, reception structure, and algorithm of actions.

Spisok literatury:
1. Professional'naya podgotovka policejskih: uchebnik / pod obshch. red. V.L. Kubyshko. – Moskva: GURLS MVD Rossii, 2023. Professional'nyj cikl. Ch. 1. – 520 s.
2. Prikaz MVD Rossii ot 02.02.2024 № 44 «Ob utverzhdenii Poryadka organizacii podgotovki kadrov dlya zameshcheniya dolzhnostej v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii» (v dejstv. redakcii) // IPP «Garant.ru» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: http://base.garant.ru
3. Troyan E.I. Boevye priemy bor'by: uchebno-metodicheskoe posobie / E.I. Troyan – Tyumen': Tyumenskij institut povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii, 2017. – 91 s.
4. Kuznecov S.V. Boevye priemy bor'by: naglyadnoe posobie / S.V. Kuznecov, A. N. Volkov, A.L. Kozicyn – M.: DGSK MVD Rossii, 2018. – 84 s.
5. Pitomcev M.N. Naglyadnoe posobie po boevym priemam bor'by dlya postoyannogo sostava Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya : uchebnoe naglyadnoe posobie / M.N. Pitomcev, V.A. Hromov, P.A. Ermolov, V.A. Raznicyn. M.:Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2016. 57 s.
6. Volkov A.N. Fizicheskaya podgotovka lic ryadovogo i nachal'stvuyushchego sostava, vpervye prinimaemyh na sluzhbu v OVD, prohodyashchih professional'noe obuchenie po dolzhnosti sluzhashchego «Policejskij»: uchebno-prakticheskoe posobie / A.N. Volkov, S.V. Kuznecov. – Nizhnij Novgorod: NA MVD Rossii, 2019. – 82 s.
7. Prikaz Ministra oborony RF ot 20.04.2023 № 230 «Ob utverzhdenii Nastavleniya po fizicheskoj podgotovke v Vooruzhennyh Silah Rossijskoj Federacii» (v dejstv. redakcii) // IPP «Garant.ru» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim

dostupa: URL: http://base.garant.ru
8. Tihonov V.V. Boevye priemy bor'by: uchebnoe posobie / V.V. Tihonov. – Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2018. – 66 s.
9. Bokij A.N. Uskorennaya metodika obucheniya sotrudnikov policii boevym priemam bor'by : uchebno-metodicheskoe posobie / A.N. Bokij. – Krasnodar : Krasnodarskij universitet MVD Rossii, 2023. – 80 s.
10. Kadochnikov A.A. Special'nyj armejskij rukopashnyj boj: Sistema A. Kadochnikova (Seriya «Mastera boevyh iskusstv») / A.A. Kadochnikov, M.B. Ingerlejb. – Rostov n/D: Feniks, 2002. – 352 s.
11. Ivanov-Katanskij S.A. Shag-mayatnik: Iskusstvo ukloneniya ot vystrelov, metody skorostnoj strel'by i tekhnika obezoruzhivaniya / S.A. Ivanov-Katanskij. – M.: FAIR-PRESS, 2002. – 528 s.
12. MCRP 3-02B Marine Corps Martial Arts Program (MCMAP) by US Marine Corps, 21 November 2011 // [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://info.publicintelligence.net/USMC-MCMAP.pdf
13. Ben Keren G. Krav-maga. Sistema izrail'skogo rukopashnogo boya . – «Eksmo», 2017. – 562 s.
14. Nastavlenie po fizicheskoj podgotovke (NFP-96) sotrudnikov organov vnutrennih del. M.: GUK MVD Rossii. 1996. – 203 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 456-465.

УДК 343.971:323.28

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПОДРОСТКОВОГО ЭКСТРЕМИЗМА: ПУТИ ИНТЕГРАЦИИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ, ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ СТРАТЕГИЙ

Буткевич С. А.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

Через призму права, педагогики, цифровизации и криминологии проведено комплексное исследование феномена подросткового экстремизма. Рассмотрены механизмы вовлечения несовершеннолетних в данную противоправную активность, включая процессы саморадикализации и саморазрушающего поведения, проактивную и негативную роли социальных медиа. Особое внимание уделено анализу наиболее распространенных форм экстремистских проявлений в образовательной среде и их взаимосвязанностью с ментальным здоровьем и когнитивными способностями. Обоснована необходимость перехода от репрессивных мер к превентивным, интегрирующим усилия семьи, школы, общественности, правоохранительных и других государственных органов. Кроме того, исследован профилактический потенциал социальной рекламы, подготовленной с пониманием подростковой психологии и размещенной на популярных виртуальных площадках и медийных платформах. Охарактеризованы правовые, организационные, информационно-технические и психологические аспекты функционирования медиа- и кибердружин как альтернативы асоциального поведения молодежи и одного из инструментов, используемого гражданским обществом и образовательными учреждениями в сфере обеспечения информационной безопасности. В частности, раскрыта специфика выполнения задач по выявлению запрещенного и опасного контента, профилактике индоктринации киберволонтеров и предложены рекомендации по дальнейшему совершенствованию их деятельности.

Ключевые слова: деструктивный контент, информационная безопасность, медиа- и кибердружины, ментальная безопасность, образовательные организации, подростковый экстремизм, радикальная идеология, социальные медиа.

Когда мы говорим о лицах, причастных к экстремистской либо террористической деятельности, чаще всего возникает образ идеологически убежденного и мотивированного мужчины средних лет, с соответствующей внешностью, атрибутикой и образом жизни. Однако сегодня привлекательным объектом для влияния деструктивных и радикальных сил стали несовершеннолетние, наиболее уязвимые в виртуальном пространстве [1, с. 66; 2, с. 365; 3, с. 92]. Это не случайность, а закономерность, вытекающая из самой природы подросткового возраста – времени личностного кризиса, характеризующегося поиском идентичности, негативным мышлением, отрицанием общепринятых устоев и одновременно острой зависимостью от мнения референтной группы [4, с. 217]. Это болезненный поиск смысла, границ и своего места в мире либо привлекательность авантюры или желание острых ощущений, форсированные кибераддикцией.

Именно комбинация и синергия максимализма, неустойчивой психики и жажды деятельности делает несовершеннолетнего идеальным объектом для вербовщиков и алгоритмов, продвигающих опасный и вредный контент. Другими словами, современный экстремизм, особенно в подростковой среде, зачастую лишен строгой идеологической оболочки «взрослых» приоритетов. Его питательная среда – это не политические манифесты и революционные лозунги, а глубокое личностное неблагополучие, чувства одиночества, несправедливости и тотального отчуждения. Подростковый экстремизм сегодня – это часто форма болезненного, искаженного протеста против внутренней пустоты и внешнего давления. И если мы хотим не бороться с симптомами и ликвидировать последствия, а устранять способствующие ему причины и условия, необходимо кардинально менять используемую методологию и применяемый инструментарий. Т.е. речь должна идти не столько о противодействии, сколько о предотвращении, основанном на понимании психологических и социальных детерминант этого феномена.

Классическая схема «вербовщик – вербуемый» в цифровую эпоху значительно

трансформировалась. Конечно, прямое целенаправленное воздействие со стороны радикальных групп и деструктивных сообществ [5, с. 127; 6, с. 307], в том числе иностранных [7, с. 42], не исчезло. Но куда более масштабную, экзистенциональную и сложноконтролируемую угрозу представляют явления саморадикализации и автодеструктивизма. Т.е. подросток зачастую приходит к таким идеям не через агента влияния или проводника, а через длительное погружение в специфический информационный пузырь социальных сетей, профильных форумов, закрытых чатов или тематических видеоигр [8, с. 27; 9, с. 63]. Алгоритмы платформ, настроенные на удержание внимания, последовательно рекомендуют (де-факто навязывают) контент, который бьет по болевым точкам и самым уязвимым местам. Видеоролики о несправедливости, мемы, оправдывающие насилие против «виновных» групп, нарративы о «тайном знании» и избранности не всегда носят откровенно экстремистский характер, а могут маскироваться под геймерские субстраты, субкультурную эстетику, религиозные наставления, философские течения или сообщества взаимопомощи для «непонятых». Постепенно у подростка формируется искаженная картина мира и ее восприятие, где ненависть, агрессия, жестокость и насилие представляются единственным действенным языком общения с враждебным окружением.

Безусловно, важнейшим фактором уязвимостей является состояние ментального здоровья и когнитивные способности, с прямой корреляцию между экстремистскими установками и комплексом психосоциальных проблем. При этом наиболее значимыми предикторами могут быть проблемное поведение (экстернализация проблем), низкий уровень индивидуального и социального благополучия, отсутствие безопасной семейной и (или) образовательной среды, нарушенные отношения с родителями и сверстниками. Иными словами, радикальные взгляды и деструктивное мировоззрение часто становятся вынужденным деформированным и асимметричным ответом на внутреннюю боль, одиночество и неудовлетворенность базовых потребностей в безопасности, принадлежности и уважении. В этом контексте особую тревогу вызывает рост саморазрушающего поведения (селфхарм) среди подростков. Порезы, ожоги, другие виды самоповреждения – это не просто дань моде или манипуляция, а симптом глубокого эмоционального страдания, способ справиться с невыносимыми чувствами вины, гнева, обиды или пустоты, обрести иллюзию контроля. Тот же психологический фундамент – фрустрация, бессилие, неспособность выразить боль социально приемлемым способом – под воздействием деструктивного и (или) радикального контента может легко трансформироваться из аутоагрессии в конфликтность и враждебность, направленные вовне. Когда внутренний кризис подростка, подпитываемый токсичной инфосредой, достигает точки кипения, он может вылиться в насильственные формы экстремистских и террористических проявлений. Здесь необходимо четко разграничивать понятия.

Так, травля часто является не фоном, а одним из ключевых триггеров и одновременно тренировочным полигоном для насилия. Ее жертва, погруженная в состояние постоянного унижения и безысходности, с одной стороны, находится в группе максимального риска по суицидальному и саморазрушающему поведению. С другой – накопленная ярость и желание мести могут быть перенаправлены радикальными идеологемами, обещающими «силу», «правду» и «восстановление справедливости».

В свою очередь скулшутинг и его мировоззренческое оформление в форме колумбайн-сообществ (запрещены в РФ и внесены в список террористических организаций) представляют собой наиболее опасный синтез всех обсуждаемых проблем. Это не просто вооруженное нападение на одноклассников и учителей, а сложный феномен, включающий идеологическую (романтизация насилия, культ предыдущих «стрелков», героизация или мифологизация актов возмездия), психологическую (глубокое одиночество,

нарциссическая травма, чувство униженности и мести, часто сопровождаемое депрессивными состояниями), социальную (предварительная «сигнализация» в соцсетях, которая часто игнорируется сверстниками или взрослыми [10, с. 407]), культурную (формирование специфической эстетики – образ «шутера», определенный стиль одежды, музыкальные предпочтения, которые делает идею привлекательной для других маргинализированных подростков) компоненты.

Предупреждение этих и подобных явлений требует не столько усиления охраны общеобразовательных организаций и обеспечения их антитеррористической защищенности (что тоже важно, но является мерой последнего рубежа), сколько выстраивания системы раннего обнаружения подобных кризисов. Нужно учиться слышать не только прямые угрозы, но и тихий отчаянный крик, зашифрованный в депрессивных постах, мрачных рисунках, подписках и медийных предпочтениях в социальных сетях, внезапной замкнутости, ухудшении успеваемости и смене круга общения. Устаревшая парадигма, возлагающая ответственность исключительно на правоохранительные органы, которые должны выявлять и пресекать правонарушения, в случае с подростковым экстремизмом не просто неэффективна, но и контрпродуктивна [11, с. 50]. Она приводит к стигматизации и еще большему отчуждению подростков, поэтому необходимо выстраивание целостной экосистемы профилактики, где каждый институт согласованно с другими выполняет свою функцию.

Во-первых, семья как фундамент устойчивости. Проведенные нами ранее исследования однозначно указывали на качество детско-родительских отношений как наиболее важный защитный фактор. Профилактика начинается не с лекций об опасности экстремизма, а с доверительного диалога, внимания к эмоциональному состоянию ребенка и совместного преодоления кризисов. Родители должны быть не контролерами и надзирателями, а надежной базой, куда подросток может всегда вернуться за поддержкой. Важно уметь разговаривать на сложные темы, проявлять уважение к личности подростка, его взглядам и чувствам, вовлекать его в полезный досуг и социально значимые активности.

Во-вторых, школа как пространство социализации и раннего предупреждения. Помимо очевидных мер (правовое информирование и просвещение, привитие традиционных духовно-нравственных ценностей, «разговоры о важном», контроль активностей в социальных сетях), важен мониторинг психологического климата. Выявление фактов травли, случаев оскорблений, работа с изолированными учениками, создание инклюзивной атмосферы – это прямая контрэкстремистская деятельность. Так, в 2012-2021 гг. во Владимирской области функционировала правовая школа по профилактике экстремизма среди молодежи, где студенты вузов на общественных началах в качестве консультантов осуществляли среди своих сверстников правовое просвещение, формирование антиэкстремистского и антитеррористического сознания, воспитание правильного понимания государственной политики в этой сфере, а также их вовлечение в социально-ориентированную деятельность. Полагаем, было бы уместным масштабировать такие инициативы и в других субъектах РФ.

Иначе говоря, общеобразовательная организация должна стать местом, где подросток реализует свою потребность в значимости конструктивным путем. В качестве положительного примера в этой области можно привести активное развитие кадетского и казачьего образования в Республике Крым как целенаправленный процесс воспитания и обучения несовершеннолетних обучающихся в условиях и исторических традициях русских кадетских и казачьих корпусов, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок и опыта в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического развития обучающихся, удовлетворения их

образовательных потребностей и интересов с целью профессиональной подготовки к государственной и военной службе. Особое внимание уделяется формированию и развитию у обучающихся традиционных ценностей, воспитанию патриотизма, готовности к защите Отечества, уважения к ВС РФ, ее историческому и культурному прошлому, верности конституционному и воинскому долгу, дисциплинированности, добросовестного отношения к учебе и труду. Уверены, что ежегодно растущее количество таких классов будет еще одним заслоном на пути распространения экстремизма в подростковой среде.

В-третьих, психологическое сообщество. Безусловно, школьные воспитатели и психологи должны быть включены в систему профилактики наравне с педагогами. Работа с последствиями психологических травм, помощь в развитии навыков эмоциональной регуляции, когнитивно-поведенческая терапия для коррекции заблуждений и искаженных убеждений – все это прямые инструменты снижения риска индоктринации токсичным контентом, укрепления ментального здоровья и развития когнитивных способностей у новых поколений.

В-четвертых, правоохранительные органы, роль которых должна сместиться от реакционной и карательной к координационно-аналитической и экспертной. Это подразумевает: мониторинг интернет-платформ в целях поиска и дальнейшего удаления (запрета, блокирования) деструктивного и радикального контента, закрытых онлайн-сообществ; разработку и передачу образовательным учреждениям актуальных методик по раннему выявлению маркеров и индикаторов в этой сфере; тесное взаимодействие с психологами и социальными службами в рамках программ, где оказавшиеся в группе риска лица получают персонализированный комплекс поддержки (наставничество, социальные услуги, психологическая помощь), а не уголовное преследование [12].

И, наконец, государство и общество в роли создателей позитивных альтернатив. Поддержка молодежных проектов, волонтерских движений, творческих и спортивных инициатив – это прямые инвестиции в создание сильной, ассертивной идентичности, которая не оставит места и времени для деструктивных нарративов и радикальных идеологий. На наш взгляд, не последнюю роль в этой сфере играет и социальная реклама, которая традиционно воспринимается как инструмент информирования социума об общественно значимых и важных проблемах. Однако в контексте противодействия деструктивной идеологии и радикальному мировоззрению ее место и значение должны быть переосмыслены. Речь идет не просто о создании информационных барьеров и фильтров, трансляции запретов, санкций или призывов «не вступать в экстремистские группы», а о формировании и развитии устойчивого ценностного фундамента через эстетически привлекательные, эмоционально насыщенные, психологически выверенные и релевантные образы и смыслы.

Соцреклама, созданная без учета особенностей целевой аудитории, не просто бесполезна, а вызывает отторжение. Подростки остро чувствуют фальшь и попытки манипуляции. Для них критически важны искренность, аутентичность, возможность обратной связи и ведения паритетного диалога, а не только пассивного потребления. На наш взгляд, социальная реклама, если она сделана профессионально и с пониманием психологии несовершеннолетних, обладает колоссальным профилактическим потенциалом. В условиях, когда абсолютное большинство подростков проводит в цифровом пространстве все свободное время, именно агитация, транслируемая на привычных для них площадках, может стать тем «мягким» инструментом, который популяризирует и сформирует ценностные ориентиры без назидательности и отторжения. Вот почему эффективность и действенность социальной рекламы напрямую зависят от того, насколько точно она попадает в картину мира подростка, учитывает его референтные

группы и используемые им коды коммуникации.

Обратим внимание на то, что традиционные каналы потребления инфопродукции для подростков все больше уходят в «фоновый шум». Телесмотрение молодежи снижается, причем чем младше аудитория, тем меньше она смотрит телевизор. Социальная реклама должна присутствовать там, где подростки проводят время:

1. Цифровые платформы нового поколения (соцсети, мессенджеры, видеохостинги и др.). Однако работа с ними требует тонкой настройки: аудитория дефрагментирована, и найти нужный сегмент без качественной аналитики достаточно сложно.

2. Цифровая наружная реклама в образовательных пространствах школ, колледжей и вузов создает уникальные возможности. Это не билборды у шоссе, а носители внутри учебных заведений с аффинитивным охватом, продолжительным контактом в доверительной среде и низким уровнем конкурентного шума. Подросток видит сообщение не между прочим, а в контексте повседневной учебной активности.

3. Игровые миры и метавселенные (метаверсы). Один из самых перспективных форматов – интеграция ценностных и смысловых посылов в компьютерные игры, дополненные, виртуальные миры и другие онлайн-платформы. Такой адресный подход помогает избежать негативной реакции и отторжения целевой аудитории, которая очень чувствительна к прямым попыткам продажи или навязывания услуг, включая пропаганду и агитацию.

Исходя из изложенного, можно выделить несколько ключевых принципов:

– нарратив и персонализация. Подростки верят историям и персонажам, а не баннерам и слоганам. Даже сгенерированные сюжеты, построенные вокруг героев, близких подросткам, обладающих своими характерами и мечтами, создают эмоциональную вовлеченность. Когда персонажи начинают жить своей жизнью, переходить из одного формата в другой (например, из видео в игру), они становятся частью субкультуры, и аудитория начинает воспринимать их как «своих»;

– соавторство. Максимальную эффективность демонстрирует реклама, в создании которой участвуют сами несовершеннолетние. Это может быть конкурс идей, краудсорсинговые проекты, кластеры медийных проектов, вовлечение в съемки или написание сценариев. Когда подросток становится соавтором посыла, он перестает быть внешним воздействием и превращается в часть его собственного мировоззрения. Более того, создаваемый целевой аудиторией контент (арты, пародии, обсуждения, проморолики) представляет собой органичную рекламу, которая действует убедительнее целенаправленного, агрессивного и навязчивого продвижения;

– отказ от прямых запретов («запретный плод сладок»), т.к. табуирование, цензура, ограничения, устрашения и санкции для подростковой среды малоэффективны. Гораздо лучше работают позитивные модели («как круто быть волонтером», «как здорово заниматься спортом», «как интересно изучать историю своей страны» и др.), месседжи, транслирующие не страх и фобии, а привлекательную альтернативу;

– учет «дробления» внимания. Современные подростки потребляют контент фрагментарно и кроссплатформенно: они могут смотреть подкаст любимого блогера, параллельно общаться в социальных медиа и листать короткие видео. У них нет единого лидера мнений – внимание распределяется между десятками каналов и платформ. Это требует от создателей и промоутеров социальной рекламы принципиально иного подхода к медиапланированию: вместо 2-3 крупных интеграций необходима работа с минимум 10-20 релевантными инфлюенсерами и популярными интернет-площадками.

Почеркнем, что наиболее эффективными являются обращения и посылы, апеллирующие к эмоциям (но не к страху), использующие визуальную метафору и ориентированные на конкретные уязвимые группы и виктимные категории. Соответствующие

проекты и инициативы должны использоваться для развития социально значимых коммуникаций и формировать позитивную среду, опциональную деструктивным и радикальным сообществам [13, с. 78; 14, с. 74].

Таким образом, социальная реклама может и должна стать эффективным инструментом продвижения традиционных ценностей в среде несовершеннолетних, но только при условии отказа от устаревших форм интеракций с такой аудиторией и перехода на язык, понятный и близкий подросткам. Интеграция ценностных сообщений в игровые миры, воздаваемые вирусные эдиты и продвигаемые тренды, работа через узнаваемых блогеров, присутствие в социальных медиа и на цифровых наружных носителях в учебных заведениях, вовлечение самих подростков в производство и популяризацию контента – все это позволяет транслировать ценности «мягко», без давления, делая их органичной частью повседневной цифровой культуры и медиапотребления. В нашем случае формируемый в этой сфере тренд, как естественный и осознанный выбор молодежи, – это традиционные духовно-нравственные ценности.

Очевидно, что современное цифровое пространство стало ареной не только свободного обмена информацией, но и распространения деструктивного, запрещенного и откровенно опасного контента. Противодействие этим вызовам требует консолидации усилий не только правоохранительных органов, но и гражданского общества. В последние годы в России активно развивается феномен медиа- и кибердружин – добровольческих формирований, создаваемых, как правило, на базе образовательных организаций высшего образования в качестве альтернативы возможным девиациям в сети Интернет. Эти структуры, сочетая в себе потенциал молодежи, экспертные знания и государственную поддержку, выполняют важнейшую функцию «санитаров» информационного поля. Однако их деятельность, при всей кажущейся простоте, сопряжена с целым комплексом правовых, управленческих и, что особенно важно, психологических рисков. Деятельность медиа- и кибердружин в России пока существует в рамках формирующегося правового поля, которое определяет их взаимодействие с государственными органами. Фактически, кибердружины действуют как структуры общественного содействия, чья деятельность, по сути, представляет собой одну из форм проявления гражданской сознательности в цифровую эпоху.

Организационная модель чаще всего строится по принципу публично-частного партнерства с элементами господдержки. Хотя кибердружины не являются аналогом соответствующих подразделений Главного управления по противодействию экстремизму МВД России, их технический арсенал постоянно расширяется. Изначально их работа сводилась к мониторингу открытых источников и ручному поиску, однако со временем выполнение части задач было автоматизировано благодаря разработке и использовании простых скриптов для мониторинга социальных сетей, анализу ключевых слов и хештегов, связанных с распространением экстремистской идеологии, ее модусов и суррогатов.

Не менее важными и значимыми являются образовательная и профессионально ориентационная функции. Медиадружины активно занимаются созданием конструктивного, позитивного и просоциального контента, направленного на формирование культуры безопасного поведения в сети Интернет. Эта деятельность имеет двойной эффект: с одной стороны, обучающиеся получают необходимые знания, с другой – сами добровольцы, выступая в роли наставников, глубже осваивают предмет и развивают свои педагогические и коммуникативные навыки. Однако наиболее сложным и деликатным аспектом деятельности кибердружин является психологический. Ежедневный контакт с деструктивным, а часто и откровенно шокирующим контентом неизбежно оказывает влияние на психику добровольцев. Возникает дилемма: участник, призванный защи-

щать других от вредоносной информации, сам может стать ее жертвой через механизмы и технологии идеологической обработки, инкультурации, аккультурации или вследствие вторичной травматизации.

В связи с этим, система подбора, обучения и сопровождения членов кибердружин должна быть выстроена с особым вниманием, включая:

а) подбор кандидатов. Основополагающими здесь являются не столько технические умения и навыки, сколько сформированная гражданская позиция, психологическая устойчивость и критическое мышление. Поэтому необходимо проводить психологическое тестирование (психофизиологическое обследование), направленное на оценку эмоциональной стабильности, стрессоустойчивости и степени внушаемости потенциального волонтера;

б) непрерывное обучение и морально-психологическая подготовка. Помимо технических дисциплин (основы кибергигиены, цифровая грамотность, анализ контента), в учебную программу необходимо включать блоки по социальной психологии, механизмам ментального программирования и социальной инженерии, основам психологии экстремистской деятельности. Доброволец должен понимать не только что и где искать, но и как распознавать фейки и манипулятивные техники, чтобы не попасть под их влияние;

в) система психологического сопровождения. Обязательным элементом должна стать работа штатного психолога или привлеченного специалиста, который проводил бы регулярные супервизии, обучал техникам психологической самогигиены и эмоциональной разгрузки. Групповые обсуждения сложных случаев и нестандартных ситуаций помогут снять напряжение и выработать коллективный иммунитет к деструктивным и радикальным нарративам;

г) четкое позиционирование миссии. Важно, чтобы доброволец осознавал свою роль не как борца или цензора, а как помощника, вносящего посильный вклад в обеспечение кибернетической безопасности. Это помогает сформировать здоровую профессиональную дистанцию по отношению к отсматриваемому материалу.

Вклад кибердружин в обеспечение национальной безопасности трудно переоценить. Они действуют как расширенный сенсорный комплекс правоохранительной системы, позволяя выявлять угрозы на самых ранних стадиях, в том числе в закрытых и малопонятных для взрослых сегментах Интернета. Это, несомненно, способствует превентивному предупреждению существующих рисков и заблаговременному прогнозированию потенциальных вызовов, а не просто реагированию на уже свершившиеся инциденты и ликвидации их последствий.

Социальный эффект от их деятельности также огромен. Киберволонтерство стало действенной формой морально-нравственного воспитания, каналом социализации молодежи и инструментом формирования настоящей гражданственности и реальных патриотических ценностей, а не только их декларации и демонстрации. Участие в такой работе дает молодым людям ощущение сопричастности, персональной и солидарной ответственности за развитие страны и события, происходящие в трансформирующемся обществе. Перспективы развития медиа- и кибердружин видятся в следующих направлениях:

1. Формализация их правового статуса, в том числе на ведомственном и региональном уровнях, что позволит стандартизировать их деятельность и унифицировать меры поддержки. Требуется устранение коллизий в законодательстве, поскольку с 1.09.2025 г. их деятельность подпадает под признаки ст. 13.53 КоАП РФ.

2. Тесная интеграция с образовательными программами по направлениям информационная безопасность, юриспруденция и психология, что повысит профессиональный

уровень подготовки добровольцев и их компетентность.

3. Разработка и внедрение специализированного программного обеспечения и ИИ-потенциала для максимальной автоматизации мониторинга, что увеличит эффективность и уменьшит психологическую нагрузку на общественников.

Итак, медиа- и кибердружины представляют собой уникальный и во многом перспективный социальный институт, возникший на стыке гражданских инициатив, образовательной деятельности, правоохранительной активности и государственных интересов в сфере обеспечения информационной безопасности. Их работа позволяет не только оперативно выявлять и нейтрализовать конкретные угрозы в виртуальном пространстве, но и формировать устойчивый общественный иммунитет к деструктивным и радикальным идеологиям. Однако успех этой деятельности напрямую зависит от способностей инициаторов и модераторов таких проектов выстроить и поддерживать сбалансированную систему, где техническая эффективность будет неразрывно связана с продуманной кадровой и психологической политикой. Педагоги, психологи, некоммерческие организации и правоохранители, курирующие кибердружины и способствующие их деятельности, не должны упускать из вида главный риск – возможность индоктринации самих добровольцев. Только комплексный подход, учитывающий все аспекты их функционирования, позволит превратить киберволонтерство из экспериментальной самодеятельности и пилотных проектов в высокопродуктивный инструмент противодействия экстремизму и мощный ресурс обеспечения национальной и ментальной безопасности.

Резюмируя, отметим, что подростковый экстремизм в XXI в. – это сложный симптом системного кризиса, лежащего на стыке юриспруденции, психологии, социологии, педагогики и цифровой культуры. Пытаться лечить его исключительно силовыми формами или запретительными методами – все равно что бороться с высокой температурой, разбивая градусник. Угроза исходит не извне, а из глубинных личностных разломов, которые искусно эксплуатируются цифровыми алгоритмами, вербовщиками, спонсорами и кураторами экстремистских сообществ. Именно поэтому тактика и стратегия противодействия должны быть переориентированы в сторону гуманизации и превенции. Их ядром должна стать триада «безопасная привязанность – психологическое благополучие – позитивная социализация». Задача семьи – обеспечить первое, системы здравоохранения, психологической помощи и просвещения – второе, а школы, государства и общественности – третье. Правоохранительная система призвана не контролировать это триединство, а защищать его, работая с реальными угрозами, потенциальными вызовами, предоставляя другим институтам экспертные инструменты, а их активу – менторскую поддержку.

Создание такой целостной экосистемы – полиаспектная задача беспрецедентной сложности и исключительной важности, требующая преодоления межведомственных барьеров, перераспределения ресурсов и консолидации усилий правоохранителей, институтов гражданского общества и бизнеса. Однако альтернатива, при которой осуществляется только ликвидация (минимизация) последствий радикальной и деструктивной активности одиноких, озлобленных и сбитых с толку подростков в физическом мире, дополненном или виртуальном пространстве, выглядит куда более бесперспективной. Инвестиции в правовое воспитание, благополучие и социальную вовлеченность молодого поколения – это не мягкая социальная политика и либеральные происки, а жесткая необходимость и краеугольный камень обеспечения ментальной и национальной безопасности.

Список литературы:

1. Смыслова В.Н., Краснова К.А. Деятельность неформальных молодежных движений экстремистской

направленности как фактор виктимизации несовершеннолетних // Виктимология. 2021. Т. 8. № 1. С. 64–72.
2. Майоров А.В. Виктимологическое противодействие цифровой виктимизации несовершеннолетних, вовлекаемых в экстремистскую и террористическую деятельность // Виктимология. 2025. Т. 12. № 3. С. 363–374.
3. Демина А.В., Маторина Ю.Н. Вопросы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской направленности с использованием интернет-технологий в условиях новых вызовов // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2025. № 2 (59). С. 89–96.
4. Пучнина М.Ю. Тенденции вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности // Научный бюллетень Воронежского института МВД России. 2024. № 4. С. 215–219.
5. Зырянов И.В., Билоконь В.П. Профилактика вовлечения несовершеннолетних в деструктивную, в том числе экстремистскую деятельность // Евразийский юридический журнал. 2024. № 10 (197). С. 126–128.
6. Чуносов М.А., Таранин М.А. Источники распространения экстремистской идеологии среди несовершеннолетних // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 75-1. С. 305–308.
7. Башлуева Н.Н., Башлуева М.А., Смирнова Л.Я. Проблемы противодействия угрозам и вызовам информационной безопасности личности, общества и государства в условиях цифровизации // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 2. С. 40–46.
8. Суслов Ю.Е., Миронова Т.И. Игра как способ вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую деятельность // Вопросы ювенальной юстиции. 2023. № 4. С. 25–29.
9. Кузнецова М.А., Абдурахимова Л.А. Интернет-игры как инструмент вовлечения несовершеннолетних в экстремистские движения и организации // Вестник Башкирского государственного медицинского университета. 2024. № S2. С. 62–64.
10. Пейзак А.В. Проблема правового регулирования предупреждения преступности несовершеннолетних, вовлеченных в экстремистскую деятельность // Аграрное и земельное право.2025.№10. С.406–407.
11. Занина Т.М. Актуальные проблемы деятельности полиции в предупреждении противоправной деятельности несовершеннолетних экстремистской направленности // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2024. № 1. С. 45–51.
12. Санташов А.Л., Асмандияров В.М., Петрова И.А. Проблемы уголовной политики России по противодействию вовлечению несовершеннолетних в совершение преступлений экстремистской и террористической направленности // Государственная служба и кадры. 2021. № 2. С. 97–98.
13. Долгушев Е.В., Рачковская Н.А., Ефименко В.Н. Выявление экстремистских и террористических проявлений в поведении подростков и профилактическая деятельность в школе // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5 (84). С. 77–79.
14. Абдулганеев Р.Р., Миронов С.Н. Криминологические аспекты предупреждения манипуляций и вербовочных практик экстремистской направленности в отношении несовершеннолетних // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 4 (62). С. 69–76.

Butkevich S.A. Prevention of adolescent extremism: ways to integrate law enforcement, educational and psychological strategies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 456-465.

A comprehensive study of the phenomenon of adolescent extremism has been conducted through the prism of law, pedagogy, digitalization and criminology. The mechanisms of involvement of minors in this illegal activity are considered, including the processes of self-radicalization and self-destructive behavior, the proactive and negative roles of social media. Special attention is paid to the analysis of the most common forms of extremist manifestations in the educational environment and their connections with mental health and cognitive abilities. The necessity of moving from repressive measures to preventive ones, integrating the efforts of the family, schools, the public, law enforcement and other government agencies, is substantiated. In addition, the preventive potential of social advertising, prepared with an understanding of adolescent psychology and placed on popular virtual platforms and media platforms, was investigated. The article describes the legal, organizational, information technology and psychological aspects of the functioning of media and cyber patrols as an alternative to antisocial behavior of young people and one of the tools used by civil society and educational institutions in the field of information security. In particular, the specifics of performing tasks to identify prohibited and dangerous content, prevent indoctrination of cyber volunteers, and provide recommendations for further improvement of their activities.

Key words: destructive content, information security, media and cyber volunteers, mental security, educational organizations, teenage extremism, radical ideology, social media.

Spisok literatury:

1. Smyslova V.N., Krasnova K.A. Deyatel'nost' neformal'nyh molodezhnyh dvizhenij ekstremistskoj napravlennosti kak faktor viktimizacii nesovershennoletnih // Viktimologiya. 2021. T. 8. № 1. S. 64–72.
2. Majorov A.V. Viktimologicheskoe protivodejstvie cifrovoj viktimizacii nesovershennoletnih, vovlekaemyh v ekstremistskuyu i terroristicheskuyu deyatel'nost' // Viktimologiya. 2025. T. 12. № 3. S. 363–374.
3. Demina A.V., Matorina Yu.N. Voprosy vovlecheniya nesovershennoletnih v sovershenie prestuplenij ekstremistskoj napravlennosti s ispol'zovaniem internet-tekhnologij v usloviyah novyh vyzovov // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. № 2 (59). S. 89–96.

4. Puchnina M.Yu. Tendencii vovlecheniya nesovershennoletnih v sovershenie prestuplenij terroristicheskogo haraktera i ekstremistskoj napravlennosti // Nauchnyj byulleten' Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2024. № 4. S. 215–219.
5. Zyryanov I.V., Bilokon' V.P. Profilaktika vovlecheniya nesovershennoletnih v destruktivnuyu, v tom chisle ekstremistskuyu deyatel'nost' // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. 2024. № 10 (197). S. 126–128.
6. Chunosov M.A., Taranin M.A. Istochniki rasprostraneniya ekstremistskoj ideologii sredi nesovershennoletnih // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. 2022. № 75-1. S. 305–308.
7. Bashlueva N.N., Bashlueva M.A., Smirnova L.Ya. Problemy protivodejstviya ugrozam i vyzovam informacionnoj bezopasnosti lichnosti, obshchestva i gosudarstva v usloviyah cifrovizacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2024. T. 17. № 2. S. 40–46.
8. Sm. Suslov Yu.E., Mironova T.I. Igra kak sposob vovlecheniya nesovershennoletnih v ekstremistskuyu deyatel'nost' // Voprosy yuvenal'noj yusticii. 2023. № 4. S. 25–29.
9. Kuznecova M.A., Abdurahimova L.A. Internet-igry kak instrument vovlecheniya nesovershennoletnih v ekstremistskie dvizheniya i organizacii // Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta. 2024. № S2. S. 62–64.
10. Pejzak A.V. Problema pravovogo regulirovaniya preduprezhdeniya prestupnosti nesovershennoletnih, vovlechennyh v ekstremistskuyu deyatel'nost' // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2025. № 10. S. 406–407.
11. Zanina T.M. Aktual'nye problemy deyatel'nosti policii v preduprezhdenii protivopravnoj deyatel'nosti nesovershennoletnih ekstremistskoj napravlennosti // Yuridicheskij vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta. 2024. № 1. S. 45–51.
12. Santashov A.L., Asmandiyarov V.M., Petrova I.A. Problemy ugolovnoj politiki Rossii po protivodejstviyu vovlecheniyu nesovershennoletnih v sovershenie prestuplenij ekstremistskoj i terroristicheskoj napravlennosti // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2021. № 2. S. 97–98.
13. Dolgushev E.V., Rachkovskaya N.A., Efimenko V.N. Vyyavlenie ekstremistskih i terroristicheskih proyavlenij v povedenii podrostkov i profilakticheskaya deyatel'nost' v shkole // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 5 (84). S. 77–79.
14. Abdulganeev R.R., Mironov S.N. Kriminologicheskie aspekty preduprezhdeniya manipulyacij i verbovochnyh praktik ekstremistskoj napravlennosti v otnoshenii nesovershennoletnih // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. T. 16. № 4 (62). S. 69–76.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 466-470.

УДК 343.98

ЗНАЧЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В ДИСТАНЦИОННОМ ОБСЛЕДОВАНИИ МЕСТНОСТИ

Горбенко Т. В.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье рассматриваются актуальные вопросы применения современных технических средств при дистанционном обследовании местности в ходе предварительного расследования. Обосновывается, что цифровизация правоохранительной деятельности и внедрение инновационных технико-криминалистических средств повышают эффективность собирания, фиксации и использования доказательственной информации. Особое внимание уделяется использованию беспилотных летательных аппаратов, подводных дронов и иных технических средств в условиях труднодоступной, удаленной и опасной местности. Показано, что данные технологии позволяют минимизировать риски для участников уголовного судопроизводства, ускорять проведение следственных действий и расширять возможности получения криминалистически значимой информации. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования и практического внедрения современных технических средств в деятельность органов предварительного расследования.

Ключевые слова: дистанционное обследование местности, технические средства криминалистики, предварительное расследование, цифровизация, уголовное судопроизводство, следственные действия, криминалистически значимая информация, технико-криминалистическое обеспечение.

Эффективность работы правоохранительных органов во многом определяется рациональными и действенными методами сбора, исследования и использования доказательств, включая технические средства криминалистического обеспечения уголовного судопроизводства. М.М. Милованова и Т.С. Петранцова отмечают, что «… эффективность деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению различных преступлений прежде всего связана с обновлением и совершенствованием используемых технико-криминалистических средств…» [1, с. 1]. В современных условиях технические средства становятся неотъемлемой частью правоохранительной деятельности, способствуя оптимизации и модернизации процессов раскрытия и расследования преступлений. Ключевым фактором повышения качества предварительного расследования выступает разработка, внедрение и практическое применение передовых технических инструментов для проведения следственных действий и получения криминалистически значимой информации [2, с. 3, 19].

В контексте мировой тенденции к цифровизации Указом Президента РФ В.В. Путина от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» в качестве одной из таких целей названа цифровая трансформация [3], что нашло отражение и в новых задачах, поставленных перед правоохранительными структурами. Практическая потребность в совершенствовании методов расследования вызвала необходимость перехода правоохранительных органов к цифровым стандартам раскрытия и расследования преступлений.

В рассматриваемом контексте справедливо высказывание М.М. Миловановой и Т.С. Петранцовой о том, что «новейшие разработки облегчают отыскание скрытых объектов (тайников, трупов и их частей и др.), обеспечивают высокую степень документальности фиксации обстановки при проведении следственных действий, способствуя тем самым повышению производительности труда следователя, специалиста…» [1, с. 1].

Соответствующие задачи нашли отражение в реализуемой в настоящее время Ведомственной программе цифровой трансформации МВД России на 2023–2025 гг. (далее – Ведомственная программа), в которой приоритет отдается созданию и развитию информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, технологических сервисов и

модернизации деятельности МВД России, а также практическому применению технологий искусственного интеллекта [4]. Согласно данным Ведомственной программы внедрение цифровых технологий уже позволило существенно сократить сроки расследования ряда тяжких преступлений, что подтверждает необходимость дальнейшего развития технико-криминалистического инструментария в этом направлении.

Несмотря на очевидные преимущества современных технических средств, их широкое применение в правоохранительной практике сдерживается отсутствием четкого законодательного регулирования и систематизации, что создает правовые пробелы, порождает неопределенность и препятствует полноценному использованию технического потенциала для обнаружения, фиксации и изъятия следов преступлений. Подтверждением этому служит мнение П.Я. Мусаевой и М.М. Магомаева, которые отмечают, что «технические средства и способы имеют важное значение для раскрытия и расследования сложных и запутанных преступлений… а поэтому необходимо повысить уровень обеспеченности деятельности следственных органов новыми техническими ресурсами» [5, с. 198].

Учитывая территориальные и природные особенности, вляющие на процесс расследования, в аспекте дистанционного обследования местности значимость современного технического оснащения становится особенно очевидной. Как справедливо отмечает Д.Н. Чернятьев, «преступления совершаются везде, разница лишь в особенностях, характерных для той или иной территории» [6]. Эти особенности, включая рельеф, природные факторы, масштабность, удаленность, наличие опасных объектов, существенно усложняют выполнение поисково-познавательных функций, а в некоторых случаях делают их практически невозможными. Именно вследствие таких специфических условий применение технических средств становится не просто желательным, а является необходимым условием эффективного расследования преступлений на местности.

Таким образом, современные технические средства значительно расширяют возможности традиционного расследования. Они позволяют детально изучать обстоятельства преступления на сложной местности или в условиях повышенной опасности, что способствует преодолению ограничений, присущих классическим методам расследования [7, с. 133]. К примеру, использование подводных дронов обеспечивает обследование затопленных участков для поиска вещественных доказательств, а беспилотные летательные аппараты эффективно действуют на территориях с труднодоступным рельефом или в зонах природных катастроф. Благодаря этим техническим средствам минимизируются риски для участников уголовного судопроизводства и обеспечивается доступ к ранее недостижимым участкам, что существенно поышает эффективность дистанционного обследования местности.

Изучение материалов уголовных дел показывает, что определенная доля резонансных преступлений (террористические акты на авиа- и железнодорожном транспорте, а также путях их сообщений; разрушение портовых сооружений; радиоактивное и химическое загрязнение территорий; поджоги лесных массивов и уничтожение объектов животного мира и др.) связана с определенной местностью, оставляя на ней специфическую следовую картину [8]. В силу указанной специфики традиционные методы работы органов предварительного расследования часто не соответствуют современным криминальным реалиям, тогда как особенности тех или иных территорий требуют надлежащей организации и точного проведения следственных действий, что дополнительно подтверждает необходимость широкого использования современных технических средств в дистанционном обследовании местности [9].

Данные Росстата констатируют незначительную долю преступлений, совершаемых на местности, однако их цели и способы зачастую свидетельствуют о повышенной об-

щественной опасности [10]. Практика показывает, что различные участки местности часто становятся местами совершения или сокрытия следов тяжких и особо тяжких преступлений (например, предусмотренных статьями 105, 126, 131, 158, 205, 212, 250, 252, 254, 256, 260 УК РФ [11]. В связи с этим качественное и всестороннее изучение обстановки мест совершения преступлений становится приоритетом [12, с. 27; 13, с. 15], поскольку не только обеспечивает результативность предварительного расследования, но и позволяет определить наиболее эффективные меры предупреждения подобных деяний [14, с. 64].

Результаты исследования подтверждают целесообразность применения технических средств для дистанционного обследования местности и проведения следственных действий, выделяя ключевые преимущества: оперативность передачи и обработки данных; высокое качество аудио- и видеоинформации; повышение безопасности участников уголовного судопроизводства; возможность накопления и многократного использования информации; вовлечение широкого круга субъектов; адаптивность к условиям расследования; сокращение затрат [2, с. 31; 15, с. 24; 16, с. 53].

Современные технические средства благодаря широкому функционалу, высокой скорости выполнения задач в раскрытии и предупреждении преступлений, а также простоте эксплуатации и мобильности рассматриваются как необходимый технико-криминалистический инструментарий [2, с. 23; 17, с. 86]. Как отмечает Т.Ф. Дмитриева, «их инструментальный характер способствует получению качественно более полной и содержательной информации о преступнике, механизме совершения противоправного деяния и достижению целей и задач следственного действия в каждом конкретном случае» [18, с. 222].

Таким образом, эти средства, позволяющие собирать криминалистически значимую информацию удаленно и обеспечивать дистанционную связь с участниками уголовного судопроизводства, создают возможность проводить следственные действия без непосредственного присутствия на месте их проведения, что особенно важно при удаленности, труднодоступности и опасности мест преступлений. В свою очередь дистанционность приобретает решающее значение в современном предварительном расследовании.

Подводя итог, можно заключить, что рост числа преступлений в труднодоступных и опасных местах обуславливает необходимость расширения применения современных технических средств дистанционного обследования местности и апробации новых технико-криминалистических возможностей. Несмотря на их преимущества, следует учитывать технические ограничения и внедрять меры для защиты и сохранности получаемой информации, что станет станет ключевым условием успешного и устойчивого применения данных средств в уголовном судопроизводстве.

Список литературы:

1. Милованова М.М., Петранцова Т.С. Современные технико-криминалистические средства и возможности их применения при расследовании преступлений // Legal Bulletin. – 2020. – №1. С. 1–6.
2. Горбенко Т.В. Дистанционное проведение следственных действий, связанных с обследованием местности: специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки: дис. … канд. юрид. н. / Горбенко Татьяна Витальевна; Краснодарский университет МВД России. – Краснодар, 2025. – 200 с.
3. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: указ Президента Рос. Федерации от 21 июля 2020 г. № 474. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об утверждении Ведомственной программы цифровой трансформации МВД России на 2023–2025 годы [Электронный ресурс]: распоряжение МВД России от 25 янв. 2023 г. № 1/649 (с изм. от 05.10.2023). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Мусаева П.Я., Магомаев М.М. Применение технических средств при производстве следственных действий // Государственная служба и кадры. 2020. № 5. С. 198–199.
6. «Преступления совершаются везде, разница лишь в особенностях»: интервью Дениса Чернятьева – гене-

рал-лейтенанта юстиции, руководителя следственного управления СКР по Башкирии [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5118076 (дата обращения: 12.05.2024).
7. К вопросу о практических аспектах применения беспилотных воздушных судов при проведении осмотра места происшествия / П.В. Севастьянов, В.И. Полов, А.В. Ивашкова и [др.] // Судебная экспертиза и исследования. 2022. № 1. С. 132–137.
8. Судебные решения // Национальный антитеррористический комитет [Электронный ресурс]. URL: http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya.html (дата обращения: 14.02.2024); Расследование катастрофы российского самолета в Египте. Хроника событий [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/proisshestviya/2394818 (дата обращения: 26.12.2023).
9. Противодействие правонарушениям, совершаемым с использованием информационных технологий: сб. ст. по материалам науч.-практ. конф. (III школы-семинара молодых ученых-юристов), г. Москва, 11 нояб. 2020 г. / отв. ред. В.В. Казаков; сост. К.А. Комогорцева; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации; Моск. финансово-юрид. ун-т МФЮА. М.: МФЮА, 2021. 224 с.
10. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/154885?print=1 (дата обращения: 27.02.2025).
11. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Кравец И.П. Организация следственной работы в процессе расследования террористических актов, совершенных посредством взрывов // Научные проблемы водного транспорта. 2012. № 32. С. 24–31.
13. Давыдов Е.В. Технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования актов терроризма, совершенных с применением взрывных устройств: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 216 с.
14. Гузиков В.Г. Особенности технико-криминалистического обеспечения пресечения, раскрытия и расследования преступлений, связанных с терроризмом: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2003. 191 с.
15. Технико-криминалистическое обеспечение следствия: учеб. пособие / В.Н. Чернышов, Э.В. Сысоев, А.В. Селезнев и [др.]. Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2005. 80 с.
16. Красненко Ю.В. Некоторые аспекты использования технических средств субъектами раскрытия и расследования преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2020. № 2. С. 51–55.
17. Горбенко Т.В. Дистанционное проведение следственных действий: технический аспект // Современное состояние, проблемы и перспективы развития судебно-экспертной деятельности частных экспертов: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. М., 2022. С. 84–90.
18. Дмитриева Т.Ф. Криминалистические технологии работы со следами киберпреступлений // Актуальные проблемы государства и права в сравнительно-правовом аспекте: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Витебск, 2021. С. 222.

Gorbenko T.V. The importance of technical means in remote surveillance of the area // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 466-470.

The article discusses the current issues of using modern technical means for remote surveying of the area during the preliminary investigation. It is substantiated that the digitalization of law enforcement activities and the introduction of innovative technical and forensic means increase the efficiency of collecting, recording, and using evidence. Special attention is paid to the use of unmanned aerial vehicles, underwater drones, and other technical means in difficult-to-access, remote, and dangerous areas. It is shown that these technologies minimize the risks for participants in criminal proceedings, accelerate the conduct of investigative actions, and expand the possibilities for obtaining criminally significant information. The author concludes that it is necessary to further improve legal regulation and implement modern technical means in the activities of preliminary investigation bodies.

Keywords: remote terrain survey, forensic technical means, preliminary investigation, digitalization, criminal proceedings, investigative actions, forensic significant information, forensic technical support.

Spisok literatury:

1. Milovanova M.M., Petrantsova T.S. Modern technical and forensic means and their application in the investigation of crimes // Legal Bulletin. – 2020. – No. 1. Pp. 1–6.
2. Gorbenko T.V. Distancionnoe provedenie sledstvenny`x dejstvij, svyazanny`x s obsledovaniem mestnosti: special`nost` 5.1.4. Ugolovno-pravovy`e nauki: dis. … kand. yurid. n. / Gorbenko Tat`yana Vital`evna; Krasnodarskij universitet MVD Rossii. – Krasnodar, 2025. – 200 s.
3. O nacional`ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda [E`lektronny`j resurs]: ukaz Prezidenta Ros. Federacii ot 21 iyulya 2020 g. № 474. Dostup iz sprav. pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
4. Ob utverzhdenii Vedomstvennoj programmy` cifrovoj transformacii MVD Rossii na 2023–2025 gody` [E`lektronny`j resurs]: rasporyazhenie MVD Rossii ot 25 yanv. 2023 g. № 1/649 (s izm. ot 05.10.2023). Dostup iz sprav. pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
5. Musaeva P.Ya., Magomaev M.M. Primenenie texnicheskix sredstv pri proizvodstve sledstvenny`x dejstvij // Gosudarstvennaya sluzhba i kadry`. 2020. № 5. S. 198–199.
6. «Prestupleniya sovershayutsya vezde, raznicza lish` v osobennostyax»: interv`yu Denisa Chernyat`eva – general-lejtenanta yusticii, rukovoditelya sledstvennogo upravleniya SKR po Bashkirii [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/5118076 (data obrashheniya: 12.05.2024).
7. K voprosu o prakticheskix aspektax primeneniya bespilotny`x vozdushny`x sudov pri provedenii osmotra mesta

proisshestviya / P.V. Sevast`yanov, V.I. Polov, A.V. Ivashkova i [dr.] // Sudebnaya e`kspertiza i issledovaniya. 2022. № 1. S. 132–137.
8. Sudebny`e resheniya // Nacional`ny`j antiterroristicheskij komitet [E`lektronny`j resurs]. URL: http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/sudebnye-resheniya.html (data obrashheniya: 14.02.2024); Rassledovanie katastrofy` rossijskogo samoleta v Egipte. Xronika soby`tij [E`lektronny`j resurs]. URL: https://tass.ru/proisshestviya/2394818 (data obrashheniya: 26.12.2023).
9. Protivodejstvie pravonarusheniyam, sovershaemy`m s ispol`zovaniem informacionny`x texnologij: sb. st. po materialam nauch.-prakt. konf. (III shkoly`-seminara molody`x ucheny`x-yuristov), g. Moskva, 11 noyab. 2020 g. / otv. red. V.V. Kazakov; sost. K.A. Komogorceva; Un-t prokuratury` Ros. Federacii; Mosk. finansovo-yurid. un-t MFYuA. M.: MFYuA, 2021. 224 s.
10. Federal`naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki: oficial`ny`j sajt. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/154885?print=1 (data obrashheniya: 27.02.2025).
11. Ugolovny`j kodeks Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]: feder. zakon ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ. Dostup iz sprav. pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
12. Kravecz I.P. Organizaciya sledstvennoj raboty` v processe rassledovaniya terroristicheskix aktov, sovershenny`x posredstvom vzry`vov // Nauchny`e problemy` vodnogo transporta. 2012. № 32. S. 24–31.
13. Davy`dov E.V. Texniko-kriminalisticheskoe obespechenie raskry`tiya i rassledovaniya aktov terrorizma, sovershenny`x s primeneniem vzry`vny`x ustrojstv: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2004. 216 s.
14. Guzikov V.G. Osobennosti texniko-kriminalisticheskogo obespecheniya presecheniya, raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij, svyazanny`x s terrorizmom: dis. ... kand. yurid. nauk. Volgograd, 2003. 191 s.
15. Texniko-kriminalisticheskoe obespechenie sledstviya: ucheb. posobie / V.N. Cherny`shov, E`.V. Sy`soev, A.V. Seleznev i [dr.]. Tambov: Izd-vo Tamb. gos. texn. un-ta, 2005. 80 s.
16. Krasnenko Yu.V. Nekotory`e aspekty` ispol`zovaniya texnicheskix sredstv sub``ektami raskry`tiya i rassledovaniya prestuplenij // Problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti. 2020. № 2. S. 51–55.
17. Gorbenko T.V. Distancionnoe provedenie sledstvenny`x dejstvij: texnicheskij aspekt // Sovremennoe sostoyanie, problemy` i perspektivy` razvitiya sudebno-e`kspertnoj deyatel`nosti chastny`x e`kspertov: sb. materialov Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. M., 2022. S. 84–90.
18. Dmitrieva T.F. Kriminalisticheskie texnologii raboty` so sledami kiberprestuplenij // Aktual`ny`e problemy` gosudarstva i prava v sravnitel`no-pravovom aspekte: materialy` Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Vitebsk, 2021. S. 222.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 471-478.

УДК 343.237

О ПРОБЛЕМЕ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В ОБЩЕЙ ЧАСТИ УК РФ

Горенко М. Г.

Кубанский государственный университет

В статье рассматриваются предусмотренные ст. 35 УК РФ виды преступных объединений и критерии их дифференциации. Обосновывается, что основным критерием последней выступает степень соорганизованности их участников, проявляющаяся прежде всего в характере и прочности субъективных связей между ними. На основе данного критерия раскрываются особенности таких форм соучастия как группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа и преступное сообщество (преступная организация). Делается вывод о недостаточной определенности законодательного описания признаков преступных объединений, что порождает трудности их разграничения в правоприменительной практике.

Ключевые слова: преступное объединение, форма соучастия, группа лиц, организованная группа, преступное сообщество (преступная организация), соучастие в преступлении.

Совместная преступная деятельность представляет собой одну из наиболее опасных форм криминального поведения, поскольку объединение усилий нескольких лиц объективно повышает как возможности совершения преступления, так и степень причиняемого общественным отношениям вреда. Наиболее высокий уровень общественной опасности свойственен преступным объединениям, особенно их организованным формам, в связи с чем они выступают объектом повышенного внимания законодателя. В действующем уголовном законе основные положения, определяющие признаки различных преступных объединений и условия уголовной ответственности за преступления, совершаемые в групповой форме, сформулированы прежде всего в ст. 35 УК РФ. В этой связи представляется обоснованным исходить из того, что система преступных объединений в Общей части уголовного закона включает четыре основных вида: группу лиц, группу лиц по предварительному сговору, организованную группу и преступное сообщество (преступную организацию).

В работе использована совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания, среди которых анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия, системно-структурный, формально-логический. Методологической основой исследования являются научные труды отечественных ученых в области уголовного права, нормативные положения актов международного права, отечественное уголовное законодательство, а также материалы судебной практики Верховного Суда РФ.

В научной литературе не сложилось единой точки зрения относительно критерия, на основании которого законодателем групповые формы соучастия дифференцированы на соответствующие виды преступных объединений. Так, П.В. Агапов таким критерием считает цель деятельности преступных объединений [1, с. 13]. Между тем, если цель допустимо рассматривать в качестве критерия разграничения отдельных специальных разновидностей преступных объединений, то групповые формы соучастия, предусмотренные ст. 35 УК РФ, как это традиционно отмечается в науке уголовного права, дифференцируются законодателем по степени их организованности (соорганизованности). При этом сам данный критерий, равно как и входящие в него признаки, в доктрине трактуется неоднозначно.

Под соорганизованностью обычно понимается комплексный критерий, включающий совокупность признаков, которыми законодатель наделяет различные виды преступных объединений. В качестве основания выделения форм соучастия и, соответственно, дифференциации преступных объединений данный критерий рассматривал

В.С. Комиссаров, относя его к числу социально-психологических и связывая прежде всего со степенью согласованности действий соучастников преступления [2, с. 56]. По мнению А.П. Козлова, соорганизованность преступного объединения характеризуется совокупностью функциональных и субъективных связей между его участниками. Чем сложнее такие взаимосвязи, тем выше уровень организованности преступного объединения [3, с. 201–202]. В этой связи допустимо говорить о различных степенях организованности, которые фактически отражены в построении ст. 35 УК РФ. В указанной норме законодатель последовательно описывает преступные объединения от менее организованных к более организованным. При этом каждый предусмотренный законом вид преступного объединения наделен собственными признаками, которые как по отдельности, так и в совокупности позволяют установить соответствующую степень организованности.

Учитывая сказанное, наименее организованным преступным объединением уголовный закон признает группу лиц (ч. 1 ст. 35 УК РФ) или, как ее нередко именуют в доктрине для разграничения с другими объединениями, группу лиц без предварительного сговора (соглашения). Анализ ч. 1 ст. 35 УК РФ показывает, что выделение данной разновидности преступного объединения основано на характеристике действий входящих в него лиц как соисполнителей и на возникновении совместности умысла в процессе совместного совершения преступления [4, с. 33]. Соответственно, налицо два основных признака, которые законодатель счел существенными.

Первым из них является функциональный признак, выражающийся в характеристике действий участников при совершении преступления как действий соисполнителей. Для рассматриваемого вида преступного объединения данный признак традиционно рассматривается в качестве обязательного, тогда как применительно к другим формам соучастия он носит альтернативный характер [3, с. 233]. Стоит, однако, заметить, что обязательность соисполнительства для данной групповой формы соучастия небесспорна. Некоторые исследователи толкуют ч. 1 ст. 35 УК РФ таким образом, что группа лиц предполагает участие как минимум двух исполнителей, но при этом не исключает наличия иных соучастников (организатора, подстрекателя или пособника), которые непосредственно не участвуют в выполнении объективной стороны преступления. Тем самым допускается возможность сложного соучастия в форме группы лиц без предварительного соглашения [5, с. 6].

Представляется, что для опровержения подобной трактовки действующее законодательство не содержит достаточных нормативных оснований, поэтому функциональный признак, положенный в основу характеристики данного преступного объединения, в действительности не является определяющим ни для раскрытия его содержания, ни для разграничения с иными видами преступных объединений.

Вторым законодательно закрепленным признаком рассматриваемого преступного объединения выступает отсутствие предварительного сговора, что означает отсутствие договоренности между соучастниками о совершении преступления до начала его исполнения. При этом, как указывает А.П. Козлов, подобное отсутствие предварительного соглашения может проявляться по-разному. В одних случаях сговор между соучастниками не возникает вовсе и о совместности их преступной деятельности свидетельствуют лишь конклюдентные действия, когда поведение участников становится взаимно согласованным уже в процессе совершения преступления, а в других – согласованность действий возникает непосредственно на стадии исполнения преступления, то есть после начала реализации объективной стороны [3, с. 233]. По крайней мере, именно указанные признаки лежат в основе законодательного определения рассматриваемого преступного объединения, что следует из содержания ч. 1 ст. 35 УК РФ. Вместе с тем,

по нашему мнению, они не исчерпывают тех характеристик, которые позволяют раскрыть сущность данной формы соучастия и отграничить ее от иных преступных объединений.

Представляется, что ключевое значение здесь имеет специфика субъективных связей между соучастниками, а сущность группы лиц определяется не столько самим фактом отсутствия предварительного сговора, сколько внезапностью формирования совместной преступной деятельности. При формировании этой разновидности преступного объединения субъективные связи между несколькими лицами возникают непосредственно в момент совершения преступления, зачастую в одном и том же месте и в одних и тех же обстоятельствах. В определенный момент волевые усилия лиц, формирующих преступную группу, оказываются направленными на достижение общего преступного результата без каких-либо предшествующих согласительных действий.

Именно эта ситуативность и мгновенность формирования совместной преступной деятельности во многом определяет специфику рассматриваемого преступного объединения. Более того, в отдельных случаях подобная спонтанность может обусловливать и более высокую степень общественной опасности по сравнению с более организованными формами соучастия. Думается, что отсутствие устойчивых связей и предварительной согласованности действий способно приводить к непредсказуемому развитию преступной ситуации и, как следствие, к наступлению более тяжких общественно опасных последствий. Отсутствие предварительного сговора также характеризует группу лиц как преступное объединение с минимальной и ограниченной субъективной связью между его участниками. Такой ее характер объясняется тем, что она возникает лишь в момент начала либо уже в процессе совершения преступления. Соучастники при этом осведомлены только о том, что они присоединились к совместной преступной деятельности и что их действия направлены на совершение одного и того же преступления [6, с. 63].

Следующей разновидностью преступного объединения является группа лиц с предварительным соглашением (сговором) (ч. 2 ст. 35 УК РФ). В отличие от группы лиц данная форма соучастия предполагает наличие предварительной договоренности между соучастниками о совместном совершении преступления. Тем самым законодатель связывает выделение данного преступного объединения прежде всего с особенностями субъективной связи между соучастниками, которая возникает до начала исполнения преступления и свидетельствует о более высокой степени согласованности их действий. Соответствующая договоренность может выражаться в любой форме и не требует детальной разработки плана преступления либо обязательного распределения ролей между участниками объединения. Достаточно, чтобы до начала исполнения преступления между ними было достигнуто соглашение о совместности действий, направленных на совершение преступления. Именно данная характеристика, исходя из содержания ч. 2 ст. 35 УК РФ, выступает единственным, прямо закрепленным законодателем признаком, позволяющим определять преступное объединение как группу лиц с предварительным соглашением.

Кроме того, представляется, что группу лиц с предварительным соглашением отличает не столько сам момент достижения договоренности (заранее), сколько более тесная сплоченность ее участников и более устойчивые субъективные связи между ними. Обращение к судебной практике показывает, что при оценке наличия предварительного сговора учитываются и такие обстоятельства, как достижение договоренности о распределении ролей между участниками (п. 9 постановления Пленума ВС РФ от 27.12.2002 г. № 29 [7]), а также согласование не только факта совместного совершения преступления, но и характера будущих действий, например вопроса о применении

насилия в процессе его совершения (п. 5 постановления Пленума ВС РФ от 15.11.2007 г. № 45 [8]. Соответственно, предмет предварительного сговора может охватывать не только договоренность о совместности совершения преступления, что в минимальной форме возможно и для группы лиц без предварительного соглашения, но и характер такой совместности, порядок взаимодействия участников и выполняемые ими роли.

Разновидности преступных объединений более высокой степени организованности описываются законодателем в ч. 3–4 ст. 35 УК РФ и подразделяются на организованную группу и преступное сообщество (преступную организацию). Организованная группа, в отличие от группы лиц с предварительным соглашением, характеризуется более устойчивыми субъективными связями между входящими в нее лицами. Именно признак устойчивости позволяет разграничить две названные разновидности при наличии общего объединяющего фактора (заранее достигнутого соглашения о совершении преступления). Участники организованной группы, как и участники группы лиц по предварительному сговору, заранее договариваются о совершении преступления, однако их совместная преступная деятельность должна носить более устойчивый характер.

В научной литературе признак устойчивости, будучи законодательно закрепленным в качестве конституирующего для организованной группы, традиционно признается оценочным. Отсутствие его легальной дефиниции в уголовном законе предопределяет необходимость в каждом случае индивидуальной правовой оценки. Последняя должна основываться на комплексном исследовании всей совокупности объективных и субъективных параметров деятельности соответствующего преступного формирования [5, с. 11]. Критериальный аппарат для установления данного признака в значительной степени сформирован правовыми позициями Верховного Суда РФ. Сложившаяся судебная практика относит к индикаторам устойчивости следующие обстоятельства: 1) стабильность ее состава, тесная взаимосвязь между ее членами, согласованность их действий, постоянство форм и методов преступной деятельности, длительность существования и количество совершенных преступлений (п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 17.01.1997 г. № 1 [9]); 2) тщательное планирование преступления, а также предварительное приискание орудий и средств его совершения (п. 10 постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 г. № 1 [10]); 3) распределение ролей между участниками, наличие организатора и (или) руководителя (п. 16 постановления Пленума ВС РФ от 09.07.2013 г. № 24 [11]).

В доктрине наряду с указанными признаками выделяются и дополнительные характеристики устойчивости преступного объединения. Так, по мнению А.В. Шеслера, о ней могут свидетельствовать стойкость преступных намерений участников, структурная определенность объединения, постоянство форм и методов преступной деятельности, стабильность состава лидеров и активных участников [4, с. 34]. Д.А. Безбородов дополнительно относит к таким признакам продолжительное по времени существование группы, тщательную подготовку к совершению преступлений, устойчивый характер распределения ролей, при котором каждый участник выполняет, как правило, относительно узкую функцию, обеспеченность орудиями и средствами совершения преступления, долгосрочный характер взаимодействия соучастников, осознание ими своей роли в составе организованной группы [6, с. 69].

Помимо устойчивости и предварительного объединения нескольких лиц организованная группа характеризуется наличием специальной цели – совершение одного или нескольких преступлений. Причем во втором случае точное количество преступлений заранее не определяется [12, с. 7].

Интересным видится сравнительно-правовой аспект целеполагания преступной деятельности. Так, на уровне международного уголовного права, как следует из Конвенции

ООН против транснациональной организованной преступности от 15.11.2000 г., организованная группа представляет собой объединение лиц, действующих согласованно в течение определенного периода времени «с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений … с тем, чтобы получить, прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду» [13]. Заметим, что российский законодатель, в отличие от международного подхода, не включает цель получения соответствующей выгоды в число обязательных признаков организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ). Исходя из этого становится понятным, что в отечественной системе уголовного права данный критерий имеет факультативный характер. Противоположная ситуация складывается при определении преступного сообщества (преступной организации) в ч. 4 ст. 35 УК РФ, в которой корыстная цель прямо указана как один из сущностных (конститутивных) признаков преступного объединения.

Преступное сообщество (преступная организация) является, пожалуй, наиболее неоднозначной разновидностью преступного объединения в уголовном праве. Прежде всего это связано с недостаточно четким законодательным разграничением между данным видом соучастия и организованной группой, на что справедливо обращают внимание отдельные исследователи [14, с. 125]. Формальное определение, закрепленное в законе, указывает, что преступное сообщество (преступная организация) создается на базе «структурированной организованной группы» либо представляет собой «объединение организованных групп». Однако подобная конструкция оставляет открытым ряд вопросов для науки и правоприменения. Остается неясным, при достижении какого именно качественного уровня развития и количественного состава внутренних элементов организованную группу можно признать структурированной в смысле закона [14, с. 131]. Т.е., сам законодатель обозначает направление разграничения, но не доводит его до нормативной определенности.

Полагаем необходимым в данном случае исходить из иных признаков, прямо обозначенных в законе. К их числу относится, прежде всего, наличие единого руководства, которое для преступного сообщества выступает обязательным признаком, тогда как применительно к организованной группе оно носит лишь возможный характер. Не менее важен и такой оценочный критерий, как сплоченность участников сообщества, также выделяемый в уголовно-правовой науке. Однако даже анализ этих специальных признаков не приводит к формированию безусловных и однозначных разграничительных линий между выше обозначенными формами соучастия. А используемые в литературе и практике разграничительные категории «устойчивость», «структурированность», «сплоченность» во многом содержательно близки друг другу, вследствие чего границы между ними остаются весьма размытыми [15, с. 729–730].

В этой связи представляется более оправданным обращать внимание на такой признак, как характер организационного устройства преступного объединения. Для преступного сообщества более типичной является разветвленная структура, предполагающая объединение двух и более подразделений, нередко обладающих определенной функциональной специализацией (п. 3 постановления Пленума ВС РФ от 10.06.2010 г. № 12 [16]). Так, Д.А. Безбородов характеризует преступное сообщество (преступную организацию) как многоуровневое, многозвенное и многоступенчатое преступное объединение [6, с. 72], функционирующее в системе строгой криминальной иерархии, предполагающее формирование собственной криминальной субкультуры, имеющее устойчивые источники финансирования.

В научной литературе указываются и иные характеристики, свидетельствующие о наиболее высокой степени организованности преступного объединения. Так, Л.М. Прозументов обращает внимание на то, что показателями более высокой степени организо-

ванности преступного сообщества является более сложная внутренняя структура, а также систематичность преступной деятельности и вытекающая из нее особая цель деятельность, и, кроме того, направленность на совершение тяжких либо особо тяжких преступлений. Хотя в научной литературе отмечается, что этот признак не является специфическим и может быть свойствен организованной группе [17, с. 138], он позволяет рассматривать преступное сообщество и с точки зрения степени общественной опасности соответствующего объединения, которая в данном случае, безусловно, достигает своего наивысшего уровня.

Как представляется, именно при характеристике преступного сообщества наиболее отчетливо проявляется неопределенность законодательного описания признаков преступных объединений. Признаки данной формы соучастия сформулированы в уголовном законе достаточно абстрактно и во многом носят оценочный характер, что неизбежно порождает трудности при их практическом применении. Наличие столь значительного числа оценочных категорий в нормах Общей части УК РФ едва ли можно признать удачным законодательным решением. Понятия и признаки преступных объединений должны быть сформулированы максимально определенно, что неоднократно подчеркивалось в научной литературе, где обращается внимание на необходимость использования универсальных (и однозначных) критериев, не зависящих от субъективного восприятия правоприменителя [17, с. 140]. Однако достижение такой определенности возможно лишь при условии более четкого нормативного оформления характеристик всех видов преступных объединений, поскольку только в этом случае правоприменитель способен ясно видеть границы между ними.

В заключение отметим, что реальные формы совместной преступной деятельности отличаются значительным многообразием. Преступные объединения могут различаться по численности участников, характеру их взаимодействия, целям объединения, продолжительности существования и иным параметрам. Однако при всем разнообразии возможных конфигураций совместной преступной деятельности законодатель стремится свести их к относительно ограниченному числу типовых форм на основе, как представляется, единого критерия, а именно степени соорганизованности участников преступного объединения, которая в наибольшей мере проявляется в характере и прочности субъективных связей между ними. Именно через призму этих связей уголовный закон и проводит дифференциацию преступных объединений, закрепляя в ст. 35 УК РФ 4 их основных разновидности.

Так, по степени возрастания внутренней организации форм преступных объединений, следует отметить, что наименее организованной формой является группа лиц. Ее отличительная черта – ситуативный и минимально выраженный характер субъективной взаимосвязи между участниками, которая, формируется непосредственно в процессе совершения преступного деяния. Следующей ступенью в этой иерархии выступает группа лиц по предварительному сговору. Ее качественное отличие заключается в наличии заранее установленной связи участников, которая основана на достигнутой до начала исполнения преступления договоренности о совместной преступной деятельности. Более высокой степенью соорганизованности характеризуется организованная группа. Данная характеристика выражается в устойчивости связей и относительно стабильном характере взаимодействия ее участников. Наконец, преступное сообщество (преступная организация) представляет собой наиболее сложную форму преступного объединения, для которой типична не просто устойчивость взаимодействия, а формирование структурированной системы устойчивых связей, обеспечивающей длительное и многоуровневое осуществление преступной деятельности. Тем самым, несмотря на объективное многообразие форм совместной преступной деятельности, уголовный за-

кон предлагает достаточно компактную модель их систематизации, основанную на постепенном усилении степени соорганизованности участников преступного объединения.

Список литературы:

1. Агапов П.В. Основы противодействия организованной преступной деятельности: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 60 с.
2. Коняхин В.П., Батютина Т.Ю. Взгляды профессора Владимира Сергеевича Комиссарова на институт соучастия в преступлении в контексте современного российского, международного и зарубежного уголовного законодательства // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 3 (73). С. 53–58.
3. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. 359 с.
4. Шеслер А.В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex Russica. 2015. Т. 103, № 6. С. 30–38.
5. Ображиев К.В. Проблемы установления формы соучастия при квалификации групповых преступлений // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2017. № 4 (60). С. 4–13.
6. Актуальные проблемы уголовного права: учение о преступлении: науч.-практ. Пособие (автор главы – Д.А. Безбородов) / под общ. ред. А.Н. Попова. СПб., 2017. 188 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (ред. от 15.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» (ред. от 26.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72601/.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13102/.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21893/.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (ред. от 09.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.
12. Зайнутдинова А.Р. Ответственность за организованные формы соучастия в преступлении по российскому уголовному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. 15 с.
13. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15 ноября 2000 г. Резолюцией 55/25 на 62-м пленарном заседании 55-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (с изм. от 15.11.2000) // СПС «КонсультантПлюс».
14. Куфелкина И.Ю. Преступные объединения: понятие, виды и вопросы совершенствования законодательной техники в сфере борьбы с ними // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 165, № 6. С. 128–138.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней)» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Якушева Т.В. Противодействие преступным сообществам (преступным организациям) и лидерам криминальной среды: деструктивные тенденции, поиск новых законодательных решений // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 5. С. 723–734.
17. Прозументов Л.М. Преступное сообщество (преступная организация) как форма соучастия в преступлении // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 352. С. 138–142.

Gorenko M. G. On the problem of delineation of criminal associations in the General part of the Criminal code of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 471-478.

The article discusses the types of criminal associations provided for in Article 35 of the Criminal Code of the Russian Federation and the criteria for their differentiation. It is proved that the main criterion of the latter is the degree of co-organization of their participants, manifested primarily in the nature and strength of the subjective connections between them. Based on this criterion, the features of such forms of complicity as a group of persons, a group of persons by prior agreement, an organized group and a criminal community (criminal organization) are revealed. The conclusion is drawn about the lack of certainty of the legislative description of the signs of criminal associations, which makes it difficult to distinguish them in law enforcement practice.

Keywords: criminal association, a form of complicity, a group of persons, an organized group, a criminal community (criminal organization), complicity in a crime.

Spisok literatury:

1. Agapov P.V. Fundamentals of countering organized criminal activity: abstract of the dissertation of Dr. Yurid.

nauk. M., 2013. 60 s.
2. Konyakhin V.P., Batyutina T.Y. The views of Professor Vladimir Sergeevich Komissarov on the institution of complicity in crime in the context of modern Russian, international and foreign criminal legislation // The rule of law: theory and practice. 2023. No. 3 (73). S. 53-58.
3. Kozlov A.P. Complicity: traditions and reality. St. Petersburg, 2001. 359 s.
4. Shesler A.V. Prospects for improving criminal law norms on complicity in crime // Lex Russica. 2015. Vol. 103, No. 6. S. 30-38.
5. Obrazhiev K.V. Problems of establishing the form of complicity in the qualification of group crimes // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2017. No. 4 (60). S. 4-13.
6. Actual problems of criminal law: the doctrine of crime: scientific and practical. The manual (the author of the chapter is D.A. Bezborodov) / under the general editorship of A.N. Popov. – St. Petersburg, 2017. 188 s.
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2002 No. 29 «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery» (as amended on December 15, 2022) // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 15, 2007 No. 45 «On judicial practice in criminal cases of hooliganism and other crimes committed for hooligan motives» (as amended on 11/26/2024) // SPS «ConsultantPlus».
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 17, 1997 No. 1 «On the practice of courts applying legislation on liability for banditry» // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13102/.
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 27, 1999 No. 1 «On judicial practice in cases of murder (art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)» (as amended on 03.03.2015) // SPS «ConsultantPlus».
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 09, 2013 No. 24 «On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes» (as amended on December 09, 2025) // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092 /.
12. Zainutdinova A.R. Responsibility for organized forms of complicity in a crime under Russian criminal law: abstract of the dissertation of the cand. jurid. sciences'. Kazan, 2001. 15 s.
13. Convention against Transnational Organized Crime (adopted in New York on November 15, 2000 Resolution 55/25 at the 62nd plenary meeting of the 55th session of the UN General Assembly) (as amended. dated 11.15.2000) // SPS «ConsultantPlus». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121543.
14. Kufelkina I.Y. Criminal associations: the concept, types and issues of improving legislative technology in the field of combating them // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanities. 2023. Vol. 165, N. 6.
15. Yakusheva T.V. Countering criminal communities (criminal organizations) and leaders of the criminal environment: destructive trends, search new legislative decisions // All-Russian Journal of Criminology. 2020. Vol. 14, No. 5. S. 723-734.
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 10, 2010 No. 12 «On judicial practice of considering criminal cases concerning the organization of a criminal community (criminal organization) or participation in it» // SPS «ConsultantPlus».
17. Prosumentov L.M. Criminal community (criminal organization) as a form of complicity in a crime // Bulletin of Tomsk State University. 2011. No. 352. S. 138-142.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 479-483.

УДК 343.01

ПЕНАЛИЗАЦИЯ, ДЕПЕНАЛИЗАЦИЯ И РЕПЕНАЛИЗАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КАК ЗНАЧИМЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Горшкова Н. А.
Владимирский юридического института Федеральной службы исполнения наказаний

В статье рассматриваются теоретико-правовые подходы к определению пенализации, депенализации и репенализации. Изучаются законодательные и практические аспекты данных процессов. Доказывается, что законодательная пенализация первична по отношению к депенализации и репенализации. Устанавливается, что пенализация, депенализация и репенализация не всегда сопровождают процессы закрепления деяний в качестве общественно опасных или изменения их криминальных свойств. Тем сам автор определяет относительную самостоятельность уголовно-правовой сущности данных базисных явлений современной уголовной политики.

Ключевые слова: уголовная политика; пенализация; депенализация; репенализация; уголовная ответственность; наказание; назначение наказания.

Современное отечественное уголовное законодательство является весьма динамичным. Это обусловлено беспрецедентно сложными общественно-политическими процессами, которые прямо влияют на поведение граждан, некоторые из которых прибегают к деятельности по дестабилизации внутригосударственной безопасности. Все это в своей совокупности вынуждает российской государство принимать меры должного реагирования, проявляющиеся в первую очередь в криминализации наиболее общественно опасных деяний, а также в изменении уже существующих уголовно-правовых подходов к юридической оценки отдельных преступных проявлений.

Не менее важными составляющими общего процесса государственного обеспечения безопасности с использованием уголовно-правовых средств являются процессы пенализации, депенализации и репенализации. Постольку, поскольку «конечный эффект уголовного закона обеспечивается назначением справедливого наказания» [1, с. 555], обозначенные области вот уже долгие годы находятся в центре повышенного внимания законодателя, ученых и практиков. Именно наказание, выступающее центральным элементом всей системы уголовного права вообще и пенализации – в частности, является мерилом справедливости и соразмерности реакции государства на то или иное преступное поведение.

Пенализацию можно рассматривать в узком и широком смыслах. В узком смысле пенализация обусловлена законотворческой деятельностью, при которой, по мнению специалистов, происходит определение «характера наказуемости криминализированного деяния» [2, с. 241], «пределы наказуемости деяния» [3, с. 147] или «процесс формирования уголовной наказуемости» [4, с. 50]. При этом данный процесс подчинен общим и специальным принципам [5, с. 101-104] и лежит в основе функционального назначения уголовного права в системе социального управления [6, с. 420]. В науке уголовного права общепризнанно, что если происходит криминализация деяния, т.е. законодатель вводит какую-либо статью в Особенную часть УК РФ, то ее обязательно сопровождает пенализация данного деяния. Эти правовые явления существуют фактически параллельно друг другу. В этой связи некоторые исследователи убеждены, что пенализация выступает составной частью процесса криминализации [7, с. 6].

Отчасти разделяя указанный подход подчеркнем, что пенализация определяет

степень общественной опасности конкретного деяния, поскольку раскрывает содержательный смысл видов и размеров уголовных наказаний, предусмотренных санкцией конкретной статьи Особенной части УК РФ. Но помимо этого, пенализация затрагивает и нормы Общей части УК РФ, в которых содержатся общие и частные вопросы наказания и его назначения, а также освобождения от уголовной ответственности и наказания. Например, М. Т. Валеев выделяет как минимум шесть способов осуществления пенализации в Общей и Особенной частях УК РФ [8, с. 8]. Ввиду сказанного, при изучении пенализации не следует ограничиваться сугубо рамками санкций статей Особенной части УК РФ, поскольку они фактически подчинены пенологическим основам, которые заложены в нормах Общей части УК РФ.

Соответственно, в узком смысле пенализацию можно интерпретировать и как процесс и как результат законотворческой деятельности, юридическую сущность которой необходимо уяснять исходя из смысла и содержания статей Общей части УК РФ и санкций статей Особенной части УК РФ. Если речь идет о нормах Особенной части УК РФ, то пенализация всегда следует за криминализацией, чего нельзя сказать о нормах Общей части УК РФ. В целом такого рода пенализацию в теории уголовного права принято именовать законодательной (легальной).

В широком смысле пенализация, помимо названного выше, охватывает также процесс и результат правоприменительной деятельности. Такая пенализация именуется в теории уголовного права судебной (практической). В рамках нее осуществляется предметная деятельность должностных лиц уполномоченных органов, согласно которой законодательная пенализация индивидуализируется по отношению к конкретному субъекту преступления. Подчеркнем, что использование на практике установленных видов и размеров уголовного наказания, конгруэнтно санкциям норм Особенной части УК РФ, а также варьируется в зависимости от используемых правил назначения наказания. В конечном счете это приводит к тому, что легальная и практическая пенализация не совпадают: пенальный потенциал первой гораздо выше, чем последней. В этом состоит суть экономии уголовной репрессии, что полностью соответствует базисному принципу гуманизма.

Пенализация весьма «подвижный» институт, который в современных условиях уголовной политики и направлений реализации уголовной ответственности обладает разными тенденциями. В этой связи учеными справедливо выделяются такие сопутствующие явления, как «депенализация» и «репенализация». В теории уголовного права можно встретить подход, согласно которому названные процессы именуют «изменением интенсивности пенализации» [9, с. 63]. Нельзя сказать, что они обладают полной самостоятельностью, поскольку фактически вторичны по отношению к пенализации. Иными словами, если отсутствует пенализация, то в последующем не возникнут депенализация и репенализация.

Т. Р. Сабитов раскрывает понятие депенализации как «установление в законе различных видов освобождения от уголовной ответственности и наказания» [10, с. 136-137]. На наш взгляд, такой подход неоправданно сужает область депенализации. По мнению А. П. Кузнецова депенализация – это «исключение мер государственного принуждения из системы наказаний, т.е. исключение видов наказаний из системы наказаний, отказ от наказания виновного, освобождение его от уголовной ответственности» [11, с. 18]. Будучи солидарными с высказыванием автора, отметим, что в названной интерпретации при депенализации законодатель обеспечивает полный отказ от наказуемости преступления посредствам декриминализации общественно опасного деяния (норма статьи Особенной части УК РФ признается утратившей силу). В таком случае депенализация следует за декриминализацией. Так в 2011 г. была

декриминализирована и депенализирована клевета (ст. 129 УК РФ), оскорбление (ст. 130 УК РФ) и т.д. Либо же законодатель осуществляет упразднение нормы Общей части УК РФ, которая содержала юридические основы пенализации. Так, в 2003 г. была депенализирована конфискация имущества (ст. 52 УК РФ), положения ч. 2 ст. 65, ст. 77 УК РФ, в 2023 г. был депенализирован п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ и т.п. С практической стороны депенализация обеспечивает отсутствие наказуемости как лиц в будущем, так и тех лиц, в отношении которых ранее было возбуждено уголовное дело, либо они были осуждены. Оснований для практической депенализации достаточно много. Причем они содержатся в нормах уголовного (например, гл. 11, 12, 13, 15 УК РФ) и уголовно-процессуального (например, ст. 24, 27 УПК РФ) законов, что существенно расширяет данную сферу с точки зрения правоприменительного аспекта. Например, с 2024 г. практическая депенализация наблюдается в соответствии с новыми положениями ст.ст. 78.1, 80.2 и ч. 3.1 ст. 86 УК РФ [12].

Соответственно, с одной стороны депенализацию можно рассматривать как процесс, который протекает в плоскости законодательной деятельности, посредствам которого отдельные положения Общей или Особенной частей УК РФ о наказании и практики его реализации утрачивают свою юридическую силу [13, с. 80]. С другой стороны – как процесс, проходящий в правоприменительной деятельности, выражающийся в мотивированном отказе от привлечения лица к уголовной ответственности и назначения ему наказания с использованием индивидуально доступных уголовно-правовых механизмов.

Еще одним важным правовым явлением необходимо признать репенализацию. Под репенализацией предлагаем понимать законодательное изменение содержательной части вида какого-либо наказания, его места в общей системе уголовных наказаний, либо технико-юридических параметров его закрепления в санкциях норм статей Особенной части УК РФ, а также изменения процедурного порядка его назначения. Некоторые авторы именуют данный вид пенализации «частичной» [14, с. 10], однако мы считаем, что этот термин не в полной мере охватывает сущность рассматриваемой деятельности, ограничивает ее. Так, примеров репенализации можно встретить гораздо больше чем депенализации и даже пенализации. Например, в разделе III, нормы, в которые не вносились бы изменения за период действия УК РФ с 1996 г., можно буквально «посчитать по пальцам». А с начала проведения специальной военной операции данный процесс масштабировался в разы и затронул статьи Особенной части УК РФ [15, с. 198-203]. Наиболее яркими примерами законодательной репенализации последних лет служит реформа 2023 г., которая сопровождалась ослаблением мер ответственности по отдельным преступлениям экономической направленности (ст. 199, 199.1, 199.2, 199.4 УК РФ) [16], а также одна из масштабных реформ 2025 г., коснувшаяся пересмотра государственного подхода к уголовно-правовой сущности наказания в виде принудительных работ, а также – категорий лиц, которым возможно назначение исправительных работ [17].

В практической плоскости репенализация может применяться не всегда. В частности, она имеет обратную силу только в случаях, когда ей предшествовало законодательное улучшение положения подозреваемого, обвиняемого или осужденного. В ситуациях же когда законодательная репенализация меняет положение указанных лиц в худшую с точки зрения уголовного закона сторону, в практической деятельности репенализация реализуется только постфактум. Так, например, было в ситуациях законодательной репенализации положений ст. 72 УК РФ об исчислении сроков наказаний и зачета наказания в 2018 г. [18] и 2023 г. [19], при репенализации ст. 48 УК РФ в 2024 г. [20]. Таким образом, пенализация, депенализация и репенализация

составляют пенологическую концепцию уголовного права. Первична всегда законодательная пенализация, поскольку посредствам нее закладывается основа наказуемости того или иного запрещенного уголовным законом поведения. Законодательные депенализация и репенализация – вторичны, поскольку обусловлены социальной, политической, экономической, либо криминологической необходимостью государственного вмешательства в уже существующие основы наказуемости преступных деяний. Практическая пенализация, депенализация и репенализация выступают следствием правоприменительной деятельности и всегда подчинены законодательным основам пенальной политики.

Законодательная пенализация норм Особенной части УК РФ неразрывно связана с криминализацией деяния. Законодательная депенализация может быть, как связана, так и не связана с декриминализацией. Законодательная репенализация существует в качестве самостоятельного явления, поскольку охватывает исключительно изменения в определении наказуемости преступлений, ее пределов, правил как в рамках норм Общей, так и Особенной частей УК РФ.

Список литературы:

1. Ходжалиев, С.А. Правила назначения уголовного наказания. теоретико-методологические аспекты / С.А. Ходжалиев // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 555–556.
2. Антонов, И.М. К вопросу о законодательной пенализации / И.М. Антонов // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 2(206). – С. 241–243.
3. Амосова, А.А. Получение взятки: проблемы дифференциации уголовной ответственности и пенализации: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. / А.А. Амосова. – Краснодар, 2022. – 219 с.
4. Новикова, Е.В. К вопросу о пенализации преступлений / Е. В. Новикова // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2018. Т. 8, № 5. С. 49–56.
5. Каземиров, А.М. Принципы пенализации / А.М. Каземиров // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2016. – № 2(18). – С. 101–104.
6. Асланян, Р.Г. Теоретические основы построения Особенной части российского уголовного права: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.4. / Р.Г. Асланян. – Краснодар, 2023. – 617 с.
7. Агафонов, А.В. Понятие и факторы пенализации общественно опасных деяний / А.В. Агафонов // Уголовно-правовое воздействие: теория и практика: сборник научных статей международной научно-практической конференции, Омск, 26 ноября 2024 г. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. С. 5.
8. Валеев, М.Т. История развития смыслового способа пенализации / М.Т. Валеев // Уголовная юстиция. – 2021. – № 18. – С. 8–17.
9. Плаксина, Т.А. Изменение интенсивности пенализации, не связанное с дифференциацией и дедифференциацией ответственности, как разновидность уголовно-правового нормообразования / Т.А. Плаксина // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2013. – № S3(32). – С. 63–65.
10. Сабитов, Т.Р. Принципы криминализации и пенализации общественно опасных деяний / Т.Р. Сабитов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2011. Т.7, №1. С.135.
11. Кузнецов, А.П. Криминализация - декриминализация, пенализация - депенализация как содержание уголовной политики / А.П. Кузнецов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 1(35). – С. 16–18.
12. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 13, ст. 1687.
13. Горшкова, Н.А. Влияние депенализации на численность осужденных / Н.А. Горшкова // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2024. – № 4(42). – С. 79–84.
14. Алыева, К.М. Формы пенализации преступлений / К.М. Алыева // Сибирский юридический форум: современные проблемы науки и практики в уголовном праве и криминологии: Материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 27–28 июня 2024 г. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2024. – С. 9–10.
15. Прохорова, М.Л. Уголовно-правовая политика периода специальной военной операции: новые вызовы – адекватные ответы / М.Л. Прохорова, М.Г. Горенко // Вестник Владимирского юридического института. – 2025. – № 2(75). – С. 198–203.
16. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 18 марта 2023 г. № 78-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 12, ст. 1891.
17. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу пункта 7.1 части первой статьи 299 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: [федер.

закон от 23 июля 2025 г. № 218-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. 2025. № 30 (Ч. I), ст. 4367.
18. О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации: [федер. закон от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 28, ст. 4150.
19. О внесении изменения в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 609-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 52, ст. 9522.
20. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [федер. закон от 14 февраля 2024 г. № 11-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 8, ст. 1038.

Gorshkova N. A. Penalization, depenalization, and repenalization of crimes as significant areas of modern criminal policy // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 479-483.

The article examines the theoretical and legal approaches to the definition of penalization, depenalization, and repenalization. It studies the legislative and practical aspects of these processes. The author argues that legislative penalization is primary in relation to depenalization and repenalization. It is established that penalization, depenalization, and repenalization do not always accompany the processes of establishing acts as socially dangerous or changing their criminal properties. Thus, the author defines the relative independence of the criminal law essence of these fundamental phenomena in modern criminal policy.

Keywords: criminal policy; penalization; depenalization; repenalization; criminal liability; punishment; sentencing

Spisok literatury:

1. Khodzhaliev, S.A. Pravila naznacheniya ugolovnogo nakazaniya. teoretiko-metodologicheskie aspekty / S.A. Khodzhaliev // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2025. – № 1. – S. 555–556.
2. Antonov, I.M. K voprosu o zakonodatel′noj penalizatsii / I.M. Antonov // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2022. – № 2(206). – S. 241–243.
3. Amosova, A.A. Poluchenie vzyatki: problemy differentsiatsii ugolovnoj otvetstvennosti i penalizatsii: dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.4. / A.A. Amosova. – Krasnodar, 2022. – 219 s.
4. Novikova, E.V. K voprosu o penalizatsii prestuplenij / E. V. Novikova // Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 4. Pravovedenie. – 2018. – T. 8, № 5. – S. 49–56.
5. Kazemirov, A.M. Printsipy penalizatsii / A.M. Kazemirov // Vestnik Sibirskogo instituta biznesa i informatsionnykh tekhnologij. – 2016. – № 2(18). – S. 101–104.
6. Aslanyan, R.G. Teoreticheskie osnovy postroeniya Osobennoj chasti rossijskogo ugolovnogo prava: dis. ... d-ra yurid. nauk: 5.1.4. / R.G. Aslanyan. – Krasnodar, 2023. – 617 s.
7. Agafonov, A.V. Ponyatie i faktory penalizatsii obshchestvenno opasnykh deyanij / A.V. Agafonov // Ugolovno-pravovoe vozdejstvie: teoriya i praktika: sbornik nauchnykh statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii, Omsk, 26 noyabrya 2024 g. – Kursk: ZAO «Universitetskaya kniga», 2025. S. 5–7.
8. Valeev, M.T. Istoriya razvitiya smyslovogo sposoba penalizatsii / M.T. Valeev // Ugolovnaya yustitsiya. – 2021. – № 18. – S. 8–17.
9. Plaksina, T.A. Izmenenie intensivnosti penalizatsii, ne svyazannoe s differentsiatsiej i dedifferentsiatsiej otvetstvennosti, kak raznovidnost′ ugolovno-pravovogo normoobrazovaniya / T.A. Plaksina // Vestnik Altajskoj akademii ekonomiki i prava. – 2013. – № S3(32). – S. 63–65.
10. Sabitov, T.R. Printsipy kriminalizatsii i penalizatsii obshchestvenno opasnykh deyanij / T.R. Sabitov // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2011. – T. 7, № 1. – S. 135–142.
11. Kuznetsov, A.P. Kriminalizatsiya - dekriminalizatsiya, penalizatsiya - depenalizatsiya kak soderzhanie ugolovnoj politiki / A.P. Kuznetsov // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 1(35). – S. 16–18.
12. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federatsii i Ugolovno-protsessual′nyj kodeks Rossijskoj Federatsii: [feder. zakon ot 23 marta 2024 g. № 64-FZ] // Sobranie zakonodatel′stva RF. – 2024. – № 13, st. 1687.
13. Gorshkova, N.A. Vliyanie depenalizatsii na chislennost′ osuzhdennykh / N.A. Gorshkova // Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel′naya praktika. – 2024. – № 4(42). – S. 79–84.
14. Alyeva, K.M. Formy penalizatsii prestuplenij / K.M. Alyeva // Sibirskij yuridicheskij forum: sovremennye problemy nauki i praktiki v ugolovnom prave i kriminologii: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferentsii, Barnaul, 27–28 iyunya 2024 g. – Barnaul: Barnaul′skij yuridicheskij institut MVD RF, 2024. – S. 9–10.
15. Prokhorova, M.L. Ugolovno-pravovaya politika perioda spetsial′noj voennoj operatsii: novye vyzovy – adekvatnye otvety / M.L. Prokhorova, M.G. Gorenko // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2025. – № 2(75). – S. 198–203.
16. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federatsii i Ugolovno-protsessual′nyj kodeks Rossijskoj Federatsii: [feder. zakon ot 18 marta 2023 g. № 78-FZ] // Sobranie zakonodatel′stva RF. – 2023. – № 12, st. 1891.
17. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federatsii i priznanii utrativshim silu punkta 7.1 chasti pervoj stat′i 299 Ugolovno-protsessual′nogo kodeksa Rossijskoj Federatsii: [feder. zakon ot 23 iyulya 2025 g. № 218-FZ] // Sobranie zakonodatel′stva RF. – 2025. – № 30 (Chast′ I), st. 4367.
18. O vnesenii izmenenij v stat′yu 72 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii: [feder. zakon ot 3 iyulya 2018 g. № 186-FZ] // Sobranie zakonodatel′stva RF. – 2018. – № 28, st. 4150.
19. O vnesenii izmeneniya v stat′yu 72 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federatsii Federal′nyj zakon ot 19 dekabrya 2023 g. № 609-FZ // Sobranie zakonodatel′stva RF. – 2023. – № 52, st. 9522.
20. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federatsii i Ugolovno-protsessual′nyj kodeks Rossijskoj Federatsii: [feder. zakon ot 14 fevralya 2024 g. № 11-FZ] // Sobranie zakonodatel′stva RF. – 2024. – № 8, st. 1038..

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 484-490.

УДК 343.2/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕПРАВОМЕРНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЙРОСЕТЕЙ: ГРАНИЦЫ ВИНЫ И ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ

Даниленко Ю. А., Мележик С. О.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

В статье исследуются актуальные проблемы уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых с использованием технологий искусственного интеллекта и нейросетей. Особое внимание уделено вопросам генерации запрещённого контента — фейковых новостей, призывов к экстремизму, материалов с участием несовершеннолетних и определен круг лиц, подлежащих ответственности (разработчик, пользователь, платформа). Проанализированы границы вины и особенности установления причинной связи в условиях автономного функционирования самообучаемых программ. Изучены современные законодательные инициативы, предлагающие введение специальных квалифицирующих признаков за преступления с использованием ИИ. Сформулированы выводы о необходимости дифференцированного подхода к определению субъекта преступления и учёта специфики алгоритмической причинности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, уголовная ответственность, вина, причинная связь, дипфейк, запрещённый контент, субъект преступления, компьютерная информация.

Развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ) и нейронных сетей открыло новую эпоху в цифровой трансформации общества. Современные генеративные модели способны создавать контент, практически неотличимый от созданного человеком, однако несут в себе беспрецедентные риски. Искусственный интеллект активно используется для генерации запрещённого контента: фейковых новостей, призывов к экстремизму, материалов с участием несовершеннолетних, дипфейков и иных общественно опасных продуктов [9; 11].

Актуальность темы обусловлена тем, что традиционные уголовно-правовые институты вины и причинной связи, сформированные в доцифровую эпоху, оказываются недостаточно приспособленными для квалификации деяний, совершённых с использованием автономных самообучаемых систем. Цифровые средства, снабжённые технологиями искусственного интеллекта, уже выходят из-под строгого контроля физического лица-оператора, а возможные негативные последствия от использования «умной машины» не укладываются в привычные рамки теории вины [8, с. 45]. Цель настоящей статьи — исследовать границы уголовно-правовой ответственности за неправомерное использование нейросетей, определить круг субъектов такой ответственности и проанализировать проблемы установления вины и причинной связи в контексте генерации ИИ запрещённого контента.

В российском законодательстве определение искусственного интеллекта было впервые сформулировано Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 [3], а впоследствии закреплено Федеральным законом от 24.04.2020 № 123-ФЗ [2]. Согласно данному определению, под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека и получать результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека [2]. В уголовно-правовой доктрине ИИ рассматривается как сложная компьютерная программа, способная к самообучению и автономному принятию решений [9, с. 44]. Важно подчеркнуть, что, несмотря на способность к самостоятельным действиям, ИИ не обладает правосубъектностью и не может быть субъектом преступления, выступая лишь инструментом, аналогичным, например, автомобилю или компьютеру [9, с. 108].

Ключевой особенностью нейросетей, порождающей наибольшие риски, является их

способность генерировать контент, формально и содержательно соответствующий признакам запрещённого, при отсутствии прямого умысла со стороны пользователя. Генеративно-состязательные сети (GAN) позволяют создавать дипфейки — сфальсифицированный аудио- и видеоконтент [6, с. 47; 12, с. 97]. Дипфейк не просто создаёт конкуренцию объективному освещению событий, а претендует на то, чтобы подменить саму реальность [6, с. 98], что создаёт экзистенциальную угрозу социальной коммуникации.

Использование ИИ для распространения фейковых новостей представляет серьёзную угрозу информационной безопасности. Дипфейк-технологии позволяют создавать реалистичные видео- и аудиоматериалы с участием публичных лиц, распространяющие заведомо ложную информацию [6, с. 99]. Такие действия могут квалифицироваться по статьям о клевете, публичных призывах к экстремистской деятельности и иным составам [4, с. 60]. Распространение ИИ-фейков о чрезвычайных ситуациях может влечь административную и уголовную ответственность [5, с. 112]. Неконтролируемое распространение технологий ИИ создаёт потенциальные и реальные угрозы, стимулируя научную дискуссию об отдельных запретах [9, с. 76].

Особую опасность представляет использование нейросетей для генерации контента экстремистской и террористической направленности [11]. В российском правовом поле пользователь несёт ответственность за умышленный поиск экстремистских материалов независимо от того, использует ли он поисковую систему или ИИ-модель [7, с. 45]. Создание с помощью ИИ изображений с экстремистской символикой может повлечь административную и уголовную ответственность [10, с. 62]. В зарубежной практике, например, в Великобритании, создание, хранение или распространение AI-сгенерированного CSAM уже признано уголовным преступлением, а Закон о безопасности в Интернете возлагает на платформы обязанность активно выявлять и удалять такой контент [17]. Одной из наиболее острых проблем является генерация материалов с сексуальным насилием над детьми (CSAM). По данным исследований, в наборах данных, использованных для обучения популярных моделей (таких как Stable Diffusion), были обнаружены сотни известных изображений CSAM [17]. В Европе операция с участием 19 стран привела к 25 арестам, связанным с платформой, распространявшей исключительно AI-сгенерированный контент [17]. В российском уголовном праве для квалификации не имеет значения, кем создан контент — человеком или ИИ: если изображения подпадают под критерии порнографии с участием несовершеннолетних, это образует состав преступления, предусмотренный ст. 242.1 УК РФ [1; 5, с. 115].

Технология дипфейка представляет собой мощный инструмент для совершения широкого спектра преступлений: мошенничества, вымогательства, клеветы, фальсификации доказательств [6, с. 48; 12, с. 100]. Она создаёт угрозу не только частным интересам, но и общественной безопасности, подменяя саму реальность [12, с. 105]. В ответ на эти вызовы в Государственную Думу РФ внесены законопроекты, предлагающие ввести уголовную ответственность за незаконное создание дипфейков и признать использование ИИ отягчающим обстоятельством [4, с. 65; 6, с. 50]. Минцифры также предложило поправки в ряд статей УК РФ, предусматривающие повышенную ответственность за преступления с использованием ИИ [1; 5, с. 118].

Одним из центральных вопросов является определение круга лиц, подлежащих ответственности за противоправный результат. В научной литературе выделяются: разработчик программного обеспечения; изготовитель или продавец устройств, работающих под управлением ИИ; пользователь и иные вовлечённые лица [9, с. 80; 10, с. 63]. Аналогичного подхода придерживается и формирующееся российское законодательство: разработчикам, операторам и владельцам ИИ-технологий грозит ответственность за незаконный результат, если они заведомо знали или должны были знать о возможности его

получения, а пользователей наказывают за умышленное использование преступного результата [4, с. 62].

Разработчик нейросети может нести ответственность в случаях, когда противоправный результат стал следствием конструктивных недостатков либо неправомерного вмешательства в код [9, с. 88]. При умышленной форме вины квалификация не вызывает сложностей. Однако при неосторожности возникают проблемы: необходимо доказать, что разработчик при необходимой внимательности и предусмотрительности мог предвидеть наступление вредных последствий [9, с. 90]. Особая сложность возникает, когда нейросеть в процессе самообучения приобретает способность генерировать запрещённый контент, не предусмотренную создателями. В таких случаях ответственность разработчика возможна лишь при доказанности знания или возможности знания о такой опасности [14, p. 380]. Пользователь является наиболее очевидным субъектом ответственности, когда он умышленно использует технологию для генерации запрещённого контента. Как разъясняется в правовых документах, «пользователь несёт ответственность за умышленный поиск экстремистских материалов независимо от того, использует ли он поисковик или ИИ вроде ChatGPT» [7, с. 45; 10, с. 64]. Даже передача персональных данных в чат-бот может повлечь уголовную ответственность по ст. 272.1 УК РФ [1]. Разработчики ИИ стараются ограничить возможности использования продуктов в противоправных целях, но обход таких ограничений свидетельствует о прямом умысле [16, p. 65]. Операторы и владельцы ИИ-технологий несут ответственность, если они заведомо знали или должны были знать о возможности получения незаконного результата [4, с. 66]. В зарубежной практике на платформы возлагается обязанность активно выявлять и удалять запрещённый контент [17]. В российском контексте компании, использующие личную информацию граждан, являются операторами персональных данных и обязаны соблюдать требования к их обработке [2; 1].

Наиболее сложным является случай, когда вред причиняется автономными действиями ИИ при отсутствии вины как разработчика, так и пользователя. Пример — причинение смерти пешеходу беспилотным транспортным средством, передвигавшимся в автономном режиме [13]. В таких ситуациях вред трактуется как невиновный, что исключает уголовную ответственность, а возмещение вреда возможно лишь в рамках гражданского законодательства [14, p. 389].

Проблема установления вины при использовании нейросетей является одной из наиболее сложных в уголовно-правовой науке. Содержание вины ИИ обнаруживает сходство с интеллектуальными и волевыми процессами человека, что в перспективе может привести к признанию ИИ субъектом преступления [16; 15, p. 135]. В действующем российском уголовном праве вина рассматривается как психическое отношение лица к деянию и его последствиям в форме умысла или неосторожности [1]. Применительно к ИИ можно выделить следующие проблемы: *Умышленная форма вины*. Когда пользователь целенаправленно использует нейросеть для генерации запрещённого контента, его умысел очевиден. Сложность представляет доказывание такого умысла, особенно если пользователь ссылается на «случайный» результат работы нейросети [8, с. 47]. Тогда необходимо анализировать формулировку запросов, историю взаимодействия и иные объективные данные. *Неосторожная форма вины*. Если пользователь не имел намерения создать запрещённый контент, но его действия привели к такому результату, возникает вопрос: мог ли и должен ли он был предвидеть последствия? Ответственность за неосторожное причинение вреда возможна, если будет доказано, что лицо при необходимой внимательности могло избежать наступления общественно опасных последствий [9, с. 92]. *Невиновное причинение вреда* (казус). Когда вред причинён в результате автономных действий нейросети, которые не могли быть предвиде-

ны ни разработчиком, ни пользователем, имеет место казус, исключающий уголовную ответственность [14, p. 385].

Цифровые средства с ИИ выходят из-под строгого контроля оператора, а негативные последствия не укладываются в привычные рамки теории вины [8, с. 48]. Это требует выработки новых подходов, учитывающих автономность интеллектуальных систем и их способность к самостоятельному принятию решений [15, p. 139]. Установление причинно-следственной связи при использовании ИИ затруднено в силу следующих обстоятельств. *Множественность факторов*. Результат работы нейросети зависит от архитектуры модели, состава обучающих данных, алгоритмов фильтрации, пользовательского запроса и случайных параметров генерации. Выделить вклад каждого фактора в наступление противоправного результата зачастую невозможно [5, с. 117]. *Автономность ИИ*. Способность к самообучению и самостоятельному принятию решений создаёт ситуацию «чёрного ящика», в которой внутренние процессы алгоритма непрозрачны. Это затрудняет установление того, явилось ли последствие закономерным результатом действий обвиняемого или случайным следствием работы алгоритма [16, p. 65]. Проблема «*алгоритмической причинности*». В зарубежной доктрине обсуждается концепция алгоритмической ответственности, предполагающая, что разработчик или оператор ИИ должен нести ответственность за вред, причинённый алгоритмом, даже при отсутствии прямой причинной связи [14, p. 388]. В российском праве эта концепция пока не получила развития, однако её разработка становится всё более очевидной необходимостью [9, с. 120]. В настоящее время в России активно формируется нормативная база. Среди ключевых законодательных инициатив: 1. Законопроект № 885494-8 (апрель 2025 г.) о дополнении ст. 63 УК РФ новым отягчающим обстоятельством — совершением преступления с использованием ИИ [4, с. 67]; 2. Поправки Минцифры в ст. 158, 159, 163, 272 и 274 УК РФ, предусматривающие специальные квалификации для преступлений с ИИ [5, с. 120]; 3. Законопроект № 1133088-8 (январь 2026 г.) об уголовной ответственности за незаконное создание дипфейков [4, с. 68]; 4. Предложения о введении обязательной маркировки ИИ-контента и ответственности за её отсутствие вплоть до уголовной [12, с. 105].

В науке высказываются различные позиции. Одни учёные рассматривают ИИ исключительно как орудие или средство преступления, другие допускают в перспективе признание ИИ субъектом преступления при достижении определённого уровня самосознания [9, с. 130; 15, p. 140]. Предлагается дополнить УК РФ квалифицирующим признаком «совершение преступления с использованием технологии дипфейк» [6, с. 51]. Существующих правовых механизмов пока недостаточно: отсутствует чёткая ответственность за использование ИИ в преступных схемах, что затрудняет расследование и даёт преступникам цифровое прикрытие [10, с. 65]. Вместе с тем важно, чтобы внедрение новых норм сопровождалось экспертизой и чётким определением границ допустимого использования ИИ [4, с. 69].

В мировой практике также ведётся поиск решений. В Великобритании создание AI-генерированного CSAM является уголовным преступлением, а ФЗ «О связи» от 07.07.2003 126-ФЗ обязывает платформы активно выявлять такой контент [17]. В США принят «TAKE IT DOWN Act» (май 2025 г.), направленный против дипфейк-порнографии и AI-генерируемого CSAM [17]. В ЕС действует AI Act, устанавливающий стандарты безопасности и этические нормы [14, p. 390]. В Японии с 2017 г. допускается регистрация ИИ в качестве субъекта права интеллектуальной собственности [7, с. 42]. Общей тенденцией является движение к специальным нормам при сохранении принципа: ИИ не субъект, ответственность несут люди [16, p. 72].

Применение существующих уголовно-правовых механизмов к деяниям, совершён-

ным с использованием нейросетей, сталкивается с трудностями, которые выходят за рамки привычной догматики. Обращает на себя внимание разрыв между скоростью технологических изменений и консервативностью законодательного процесса. Новые модели искусственного интеллекта появляются с такой частотой, что законодатель объективно не успевает не только принять необходимые поправки, но даже провести их квалифицированную экспертизу. В результате правоприменитель оказывается в ситуации, когда общественно опасное поведение фактически существует, а норма, позволяющая дать ему адекватную уголовно-правовую оценку, отсутствует либо требует расширительного толкования, граничащего с аналогией.

Не меньшую сложность представляет доказывание субъективной стороны. Если пользователь утверждает, что запрещённый контент был сгенерирован нейросетью автономно, без его прямого умысла, перед следствием встаёт задача реконструкции истинной роли человека в этом процессе. Сама по себе формулировка запроса может быть двусмысленной, а результат генерации — непредсказуемым в силу стохастической природы больших языковых моделей. В таких условиях разграничение умысла и неосторожности превращается в сложную экспертно-психологическую задачу, требующую анализа цифровых следов, истории взаимодействия с программой и контекста использования технологии. Существующие методики расследования киберпреступлений далеко не всегда позволяют с достоверностью установить, действовал ли пользователь с намерением получить противоправный результат или стал жертвой случайного стечения алгоритмических факторов.

Проблема усугубляется трансграничным характером использования нейросетей. Серверы, на которых функционируют генеративные модели, могут находиться в одной юрисдикции, разработчик — в другой, пользователь — в третьей, а вредоносный контент распространяется среди неопределённого круга лиц по всему миру. Такая распределённость создаёт благоприятную среду для уклонения от ответственности, поскольку каждое звено цепочки может ссылаться на законодательство своей страны и отсутствие единых международных стандартов. Отдельные инициативы, такие как европейский Закон об ИИ, закладывают основы для гармонизации подходов, однако их имплементация требует времени и политической воли, которыми располагают далеко не все государства.

В этих условиях особое значение приобретает развитие института комплаенса в сфере искусственного интеллекта. Разработчики и операторы платформ, внедряющие системы фильтрации контента, механизмы логирования запросов и процедуры реагирования на инциденты, объективно снижают риск противоправного использования своих продуктов. Однако возникает вопрос о пределах таких обязанностей: чрезмерно жёсткие требования могут затормозить развитие технологий и привести к утечке инноваций в юрисдикции с более мягким регулированием. Достижение баланса между безопасностью и свободой технологического прогресса остаётся одной из наиболее сложных задач, стоящих перед законодателем и правоприменителем.

Нельзя игнорировать этическое измерение проблемы. Уголовное право традиционно обращено к человеку как к субъекту, способному осознавать значение своих действий и руководить ими. Появление систем, имитирующих когнитивные функции, ставит вопрос о том, не потребуется ли в отдалённой перспективе пересмотр самих оснований уголовной ответственности. Пока что ответ очевиден: искусственный интеллект остаётся инструментом, а ответственность несут люди. Однако по мере роста автономности и непредсказуемости нейросетей эта парадигма будет испытываться на прочность, и законодательство должно быть готово к эволюционному ответу на эти вызовы.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы: 1) Су-

ществующие уголовно-правовые нормы не в полной мере приспособлены для регулирования отношений, связанных с нейросетями, в то время как количество преступлений данной категории неуклонно растёт. 2) Ключевой проблемой является определение субъектов ответственности. Разработчик, пользователь и оператор платформы могут нести ответственность в зависимости от степени их вины и роли в механизме причинения вреда. 3) Установление вины требует дифференцированного подхода: умышленное использование ИИ для генерации запрещённого контента должно влечь повышенную ответственность; неосторожное причинение вреда наказуемо при условии возможности его предвидения; невиновное причинение вреда исключает уголовную ответственность. 4) Проблема причинной связи осложняется автономностью и непрозрачностью алгоритмов, что требует разработки концепции «алгоритмической ответственности». 5) Формирующаяся российская нормативная база движется по пути признания использования ИИ отягчающим обстоятельством и введения специальных составов, что требует тщательной проработки во избежание чрезмерной криминализации.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.04.2023) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954; СПС «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона „О персональных данных“» // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 17. — Ст. 2721.
3. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2019. — № 41. — Ст. 5703.
4. Бодров Н. Ф., Лебедева А. К. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты противодействия распространению и использованию дипфейков в Российской Федерации // Юридическая наука и практика. — 2023. — Т. 34, № 41. — С. 55–68.
5. Гребенькова Л. А., Захарова Е. Р. Проблемы уголовно-правового регулирования искусственного интеллекта и пути их решения // Вестник МГПУ. Юридические науки. 2023. № 4 (52). С. 108–120.
6. Дипфейк (deepfake) и уголовный закон // Вестник Казанского юридического института МВД России. — 2024. — С. 97–105.
7. Камышанский В. П., Корецкий А. В. Понятие и правовой статус носителя искусственного интеллекта // Власть закона. — 2019. — № 1 (37). — С. 42–50.
8. Лапшин В. Ф., Анисимов И. В. Уголовно-правовое значение вины в условиях цифровой трансформации общества // Вестник Тюменского государственного университета. — 2025.
9. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : монография. — Киров : Вятский государственный университет, 2020. 152 с.
10. Петрикова С. В., Анощенкова С. В., Лаврушкина А. А. К вопросу о признании субъектами уголовной ответственности разработчиков и пользователей искусственного интеллекта // Законодательство. — 2021. — № 5. — С. 60–65.
11. Скляров С. В., Евдокимов К. Н. Современные подходы к определению понятия, структуры и сущности компьютерной преступности в Российской Федерации // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10. — № 2. — С. 322–330.
12. Социально-правовая обусловленность формирования механизма уголовно-правового противодействия преступлениям, совершённым с использованием технологии deepfake // Российский следователь. — 2025. — № 6. — С. 47–51.
13. Artificial intelligence // Britannica.
14. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence // Computer Law & Security Review. — 2015. — Vol. 31. — I. 3. — P. 376–389.
15. Radutniy O.E. Criminal Liability of the Artificial Intelligence // Problems of Legality. 2017. I. 138.
16. Sunde I. M. A new thing under the sun?: Crime in the digitized society // NSfK's 58. Research Seminar: New challenges in criminology. — Bifröst : Scandinavian Research Council for Criminology. — P. 60–79.
17. The legal framework and legal gaps for AI-generated child sexual abuse material // Computer Law & Security Review. — 2025.

Danilenko Yu. A., Melezhik S. O. Criminal liability for the illegal use of neural networks: the limits of guilt and causality // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 484-490.

The article examines current problems of criminal-legal assessment of acts committed using artificial intelli-

gence and neural network technologies. Particular attention is paid to the generation of prohibited content — fake news, calls for extremism, materials involving minors — and to determining the circle of persons subject to liability (developer, user, platform). The boundaries of guilt and the specific features of establishing causation in the context of autonomous functioning of self-learning programs are analyzed.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, criminal liability, guilt, causation, deepfake, prohibited content, subject of crime, computer information.

Spisok literatury:

1. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 14.04.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 2954.
2. Federal Law of 24.04.2020 No. 123-FZ "On conducting an experiment to establish special regulation for creating the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the subject of the Russian Federation – the federal city of Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law 'On Personal Data'"//Collected Legislation of the Russian Federation. 2020.No.17. Art.2721.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 No. 490 "On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2019. – No. 41. – Art. 5703.
4. Bodrov N. F., Lebedeva A. K. Criminal-Law and Criminalistic Aspects of Countering the Dissemination and Use of Deepfakes in the Russian Federation // Legal Science and Practice. 2023. Vol. 34, No.41. Pp. 55.
5. Greben'kova L.A., Zakharova E.R. Problems of Criminal-Law Regulation of Artificial Intelligence and Ways to Solve Them // Bulletin of Moscow City Pedagogical University. Legal Sciences. 2023. No.4(52).
6. Deepfake and Criminal Law // Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. – 2024. – Pp. 97–105.
7. Kamyshansky V. P., Koretsky A. V. Concept and Legal Status of an Artificial Intelligence Carrier // The Power of Law. – 2019. – No. 1 (37). – Pp. 42–50.
8. Lapshin V. F., Anisimov I. V. Criminal-Law Significance of Guilt in the Context of Digital Transformation of Society // Bulletin of Tyumen State University. – 2025.
9. Mosechkin I. N. Artificial Intelligence in Criminal Law: Prospects for Improving Protection and Regulation : monograph. – Kirov : Vyatka State University, 2020. – 152 p.
10. Petrikova S. V., Anoschenkova S. V., Lavrushkina A. A. On the Issue of Recognizing Developers and Users of Artificial Intelligence as Subjects of Criminal Liability // Legislation. – 2021. – No. 5. – Pp. 60–65.
11. Sklyarov S. V., Evdokimov K. N. Modern Approaches to Defining the Concept, Structure and Essence of Computer Crime in the Russian Federation // Russian Journal of Criminology. 2016. Vol.10, No 2. Pp. 322.
12. Social and Legal Conditionality of Forming a Mechanism for Criminal-Law Counteraction to Crimes Committed with the Use of Deepfake Technology // Russian Investigator. – 2025. – No. 6. – Pp. 47–51.
13. Artificial intelligence // Britannica.
14. Čerka P., Grigienė J., Sirbikytė G. Liability for damages caused by artificial intelligence // Computer Law & Security Review. – 2015. – Vol. 31, Iss. 3. – P. 376–389.
15. Radutniy O.E. Criminal Liability of the Artificial Intelligence // Problems of Legality.2017.Iss.138.
16. Sunde I. M. A new thing under the sun?: Crime in the digitized society // NSfK's 58. Research Seminar: New challenges in criminology. – Bifröst : Scandinavian Research Council for Criminology. – P. 60–79.
17. The legal framework and legal gaps for AI-generated child sexual abuse material // Computer Law & Security Review. – 2025. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S2212473X2500077X.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 491-495.

УДК 343.9 ББК 67.51

ЛАТЕНТНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: ПРИЧИНЫ И МЕХАНИЗМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Доборез И. А.

Крымский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации

В статье рассматривается актуальная в криминологии проблема латентной преступности. Предлагается авторская классификация видов латентных преступлений. Автор моделирует ситуации, при которых преступление становится латентным. Работа имеет важное научное и прикладное значение, результаты исследования не только расширяют имеющиеся знания о природе латентной преступности, но и дают новые значимые для криминологии выводы, а также могут использоваться в практической деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: латентные преступления, сокрытие, противодействие, выявление, классификация, моделирование, преступность, криминология, криминологическая характеристика, правоохранительные органы.

Углубление и систематизация научных знаний о криминологически значимой проблеме латентной преступности. Ожидаемый результат – предложение авторской классификации видов латентных преступлений в зависимости от механизма их образования. Использование полученных результатов в практической деятельности позволит правоохранительным органам эффективно противодействовать латентной преступности. Методология: диалектика, анализ и синтез, системный, формально-юридический, логический, системный.

Выводы. Предложена авторская классификация видов латентных преступлений в зависимости от механизма их образования. Предлагаются меры правового и организационно-технического характера, направленные на противодействие латентной преступности.

Научная и практическая значимость. Работа имеет важное научное и практическое значение для обеспечения законности и правопорядка. Проблема противодействия латентной преступности является одной из ключевых в криминологии, данное исследование вносит вклад в ее решение.

В криминологии проблема латентной преступности признается одной из наиболее существенных, ей посвящено достаточное количество исследований, многие из которых имеют важное научное значение. Однако научное познание данной проблемы не выработало в полной мере действенных прикладных механизмов, позволяющих выявлять латентные преступления. Настоящее исследование направлено на то, чтобы смоделировать типичные ситуации, при которых преступление становится латентным, и предложить практические меры по выявлению таких преступлений.

Обращаясь к имеющемуся опыту изучения рассматриваемой проблемы, следует отметить, что устоявшееся в криминологии деление латентных преступлений на скрытые и скрываемые видится нам приемлемым и достаточным для целей практического разрешения проблемы противодействия латентной преступности. В то же время, это не препятствует активной научной дискуссии по вопросам определения дефиниции латентной преступности, механизмов ее образования, видов и классификаций, сравнительному анализу латентной преступности в России и других странах, о чем свидетельствуют исследования Р.М. Акутаева, А.М. Зацепина, А.Н. Игнатова, С.М. Иншакова, В.Е. Квашиса, П.А. Кривенцова и иных криминологов [1-8].

В свою очередь, развивая данный дискурс, считаем возможным предложить авторскую классификацию латентных преступлений, выделив их виды и подвиды в зависимости от механизма сокрытия. Моделируя типичные ситуации образования латентных преступлений для каждого из видов, будут предложены способы их выявления.

1. Скрытые преступления – которые совершены, но о которых не известно правоохранительным органам.

По нашему мнению, их можно разделить на следующие подвиды.

1.1. Абсолютно скрытые преступления. То есть не известные не только правоохранительным органам и иным ответственным лицам (органы контроля, экспертные учреждения и пр.) и общественности, но и самому преступнику, который не осознает свои действия как преступление.

Смоделируем ситуацию, при которой одно лицо неумышленно причиняет смерть другому, и не осознает причинно-следственных связей между своим действием и наступившими последствиями. Например, один человек толкнул другого, тот упал и поднялся без видимых последствий, но в результате падения произошла травма внутренних органов и развилось внутреннее кровотечение, что привело к смерти. В такой ситуации, при отсутствии свидетелей, если лицо, совершившее данное деяние, покинуло место его совершения до момента ухудшения состояния потерпевшего и его смерти, то есть не осознавало, что им совершено преступление – велика вероятность того, что смерть потерпевшего будет расценена правоохранительными органами как несчастный случай, произошедший в результате падения.

1.2. Преступления, известные только самому преступнику.

Речь идет о таких деяниях, которые осознаются лицом, их совершающим, как преступные, но в результате которых нет явных потерпевших, либо в результате которых не наступили очевидные последствия, либо не причинен очевидный ущерб.

Моделируя подпадающие под указанные признаки ситуации, следует отнести к таким преступлениям, например, незначительную рубку леса, браконьерство, хищения (без выявления недостачи либо с ее списанием на естественные причины без фиксации нарушения), подделка официальных документов, и т.д. Такие преступления не влекут очевидных последствий, как правило, не фиксируются, не документируются, и, соответственно, не попадают в статистику совершенных преступлений.

1.3 Преступления, совершенные в условиях очевидности.

В эту группу следует включить деяния, совершенные при очевидцах (свидетелях), которые не уведомили об этом правоохранительные органы.

В свою очередь, этот вид латентных преступлений возможно разделить в зависимости от причин такого несообщения на следующие подвиды.

1.3.1. Очевидцы (свидетели) не осознают и не расценивают деяние как противоправное. Это возможно в силу возраста или состояния здоровья свидетелей, или по причине неверной оценки происходящего. Например, отдыхающие у водоема люди не придают значения вылову рыбы, осуществляемому иными лицами браконьерским способом, не осознавая деяние преступным.

1.3.2. Очевидцы осознают противоправность деяния, однако руководствуются различными мотивами, не сообщая о нем в правоохранительные органы. Мотивы таких действий могут быть различны: страх, равнодушие и безразличие, внутренняя поддержка противоправных действий и пр. В таком случае такие лица могут нести ответственность за несообщение о совершенном преступлении (ст. 205.6 УК РФ).

1.4. Преступления с наличием потерпевшего лица, которое не сообщает о совершении преступления в правоохранительные органы.

Типичными моделями таких ситуаций являются следующие. Например, зачастую жертвы сексуального насилия не сообщают о совершенных в их отношении противоправных действиях из чувства стыда, страха общественного осуждения, в результате уговоров либо примирения, подкупа, жалости и т.д.

В ряде случаев, потерпевшие не обращаются в правоохранительные органы в тех случаях, когда причиненный им ущерб возмещается непосредственно после совершения преступления, до заявления в правоохранительные органы.

В среде организованной преступности не принято сотрудничать с правоохранитель-

ными органами, члены организованных преступных групп зачастую не сообщают о совершенных даже в их отношении преступлениях (вплоть до покушений на убийство).

1.5. Преступления, которые фактически совершаются обеими сторонами.

Речь идет о ситуациях, когда обе стороны совершают деяния, подпадающие под признаки состава преступления. Например, передача взятки образует состав преступления в действиях как взяткодателя, так и взяткополучателя. Аналогичным образом, сбыт и приобретение наркотического вещества образует состав преступления в деяниях обеих сторон. В подобных ситуациях наблюдается наиболее высокая степень латентности деяний, так как обе стороны осознают противоправный характер совершаемых ими деяний, и максимально стремятся избежать ответственности.

1.6. Преступление имеется в действиях лишь одной стороны – как правило, оказывающей незаконную услугу, но другая сторона, осознавая ее противоправность, не заинтересована в том, чтобы такие деяния были дезавуированы.

Моделируя типичные ситуации, к данному пункту следует отнести, например, организацию занятия проституцией, незаконные организацию и проведение азартных игр и т.п.

1.7. Отдельно следует выделить такую категорию латентных преступлений, как семейное насилие.

По нашему мнению, это один из наиболее специфических видов латентной преступности, которому в последние годы посвящен ряд отдельных научных исследований. По оценкам различных исследований, латентность преступлений, совершаемых в форме семейного насилия, является крайне высокой. Правоохранительным органам становится известно о фактах семейного насилия в случаях причинения жертве смерти, либо явных телесных повреждений, требующих медицинской помощи, когда о таких фактах становится известно медицинским учреждениям, социальным службам, правоохранительным органам. Жертвами семейного насилия являются в подавляющем большинстве случаев женщины. Особенностью данной модели (типичной ситуации) является то, что противоправные деяния совершаются, как правило, многократно, на протяжении определенного периода, в паре - лица состоят в зарегистрированном браке или фактических семейных отношениях (сожительствуют). При этом зачастую жертва даже в случае вмешательства правоохранительных органов отказывается от сотрудничества с ними [9-11].

1.8. Ситуации, когда деяние официально задокументировано (органами контроля, экспертами, органами государственной власти, иными компетентными специалистами и т.п.), но в силу разного рода причин деяние не получает оценки на предмет нарушения уголовного закона со стороны правоохранительных органов.

Типичными моделями таких ситуаций являются следующие: медицинские учреждения не сообщают в правоохранительные органы о поступивших пациентах с признаками травм криминального характера; по результатам ревизии о выявленных нарушениях не сообщается в правоохранительные органы; результаты служебных проверок не направляются в правоохранительные органы для оценки их на предмет наличия состава преступления.

2. Скрываемые преступления – составляют второй основной вид латентных преступлений. К ним относятся все те случаи, когда правоохранительным органам стало известно о совершенном преступлении, но не предпринимаются меры к возбуждению уголовного дела и его расследованию.

Сокрытие преступлений осуществляется правоохранительными органами посредством нескольких возможных видов действий.

2.1. О преступлении известно правоохранительным органам, но они его документально не регистрируют.

2.2. Факт совершения преступления известен правоохранительным органам, но рассматривается, например, в рамках законодательства об обращениях граждан, без приня-

тия мер в соответствии с уголовно-процессуальным законом.

2.3. Преступление квалифицируется как иное противоправное деяние, как правило, административное правонарушение. При этом в возбуждении уголовного дела может быть отказано со ссылкой на указанные обстоятельства, либо же такое обращение рассматривается без принятия процессуального решения в рамках УПК РФ.

2.4. Преступление зарегистрировано, но квалификация неверная (занижена или завышена). Так, зачастую убийства квалифицируются как тяжкие телесные, повлекшие смерть, и наоборот, в зависимости от перспектив раскрытия такого преступления, что влияет на ведомственные результаты работы правоохранительных органов и их оценку вышестоящим руководством. Либо же в рамках одной статьи не вменяются квалифицирующие признаки, что делает преступление менее тяжким (например, квалификация по ч. 1 ст. 105 УК РФ, при наличии признаков ч. 2 ст. 105 УК РФ).

2.5. Преступление зарегистрировано, но как один эпизод преступной деятельности, а остальные - укрыты. Либо же многоэпизодное преступление квалифицировано как длящееся, совершенное с единым умыслом. В ряде случаев, наоборот, искусственно создаются эпизоды, выделяемые из длящегося преступления (с целью наращивания показателей раскрытых преступлений), но в таких случаях речь идет об искусственном наращивании показателей и соответственно искажении отчетности путем завышения ведомственных показателей работы.

2.6. Заявление (сообщение) о преступлении зарегистрировано, но в возбуждении уголовного дела отказывается ввиду малозначительности, изменения обстановки и иным причинам.

Таковы основные виды латентных преступлений в зависимости от механизма их образования.

Выявление и постановка на учет таких преступлений возможна посредством принятия следующих мер правового и организационного характера.

1. Активизация использования технических способов контроля в сфере общественной безопасности, внедрение систем видеонаблюдения и фиксации правонарушений и преступлений с применением систем искусственного интеллекта.

2. Пересмотр подходов к оценке ведомственной статистики в качестве основного критерия эффективности деятельности правоохранительных органов. Оценка эффективности правоохранительных органов должна проводится в том числе с учетом выявления ими латентных преступлений.

3. Создание новых и активизация уже действующих внутриведомственных, межведомственных и внешних (надзорных) механизмов противодействия латентной преступности.

4. Пересмотр ведомственных нормативных правовых актов (прежде всего органов контроля и надзора), регламентирующих порядок уведомления правоохранительных органов о признаках совершенных преступлений и правонарушений. С введением и распространением информационных систем упрощается автоматическая обработка и учет такой информации.

Список литературы:

1. Акутаев Р.М. Проблемы латентной преступности : учеб. Пособие. Махачкала, 2009.
2. Зацепин А.М., Доброрез И.А. Криминологическая политика осуществления прокурорского надзора за органами предварительного расследования // Правопорядок. 2025. № 4(47). с. 147-157.
3. Игнатов А.Н. Латентность преступности: понятие, виды и механизм образования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 6. С. 167-173.
4. Иншаков С.М. Латентная преступность как объект исследования // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 1(16). С. 107-130.
5. Квашис В.Е. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы методологии и методики / В.Е.Квашис, Н.В. Генрих // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 17-21.
6. Кривенцов П.А. Латентная преступность в России: криминологическое исследование : автореф. дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2015.

7. Криминология. Учебник для юридических вузов. Под общ. ред. д.ю.н., проф. А.И. Долговой – М.: НОРМА – ИНФРА-М, 1999. – 784 с. С. 135.
8. Теохаров А.К. Понятие и природа латентной преступности // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 4. С. 132–139.
9. Абдраманова Н.К.К., Алауханов Е.О. Латентность домашнего насилия в Республике Казахстан на современном этапе // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. 2020. №38. С. 5-14.
10. Саламова С.Я. Домашнее насилие в современной России: общая характеристика // Lex Russica. 2018. №9 (142). С. 129-137.
11. Слободянюк М.В. Домашнее насилие: криминологическая характеристика // Вопросы российской юстиции. 2019. №3. С. 835-840.

Dobrorez I. A. Latent crime: causes and mechanisms of formation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 491-495.

The article discusses the problem of latent crime, which is relevant in criminology. The author proposes a classification of types of latent crimes. The author models situations in which a crime becomes latent. The work is of great scientific and applied importance, the results of the study not only expand the existing knowledge about the nature of latent crime, but also provide new conclusions that are significant for criminology, and can also be used in the practical activities of law enforcement agencies.

Keywords: latent crimes, concealment, counteraction, detection, classification, modeling, crime, criminology, criminological characteristics, law enforcement agencies.

Spisok literatury:

1. Akutayev R.M. Problems of Latent Crime: Textbook. Manual. Makhachkala, 2009.
2. Zatsepin A.M., Dobrorez I.A. Criminological Policy of Prosecutorial Supervision of the Preliminary Investigation Bodies // Law and Order. 2025. No. 4(47). pp. 147-157.
3. Ignatov A.N. Latent Crime: Concept, Types, and Mechanism of Formation // Humanities, Social Sciences, and Economics. 2025. No. 6. Pp. 167-173.
4. Inshakov S.M. Latent Crime as an Object of Research // Criminology: Yesterday, Today, and Tomorrow. 2009. No. 1(16). Pp. 107-130.
5. Kvashis V.E. Comparative analysis of latent crime in Russia and foreign countries: problems of methodology and techniques / V.E. Kvashis, N.V. Genrikh // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2(36). Pp. 17-21.
6. Kriventsov P.A. Latent Crime in Russia: criminological research : abstract of the dissertation. ... kand. jurid. sciences': 12.00.08. Moscow, 2015.
7. Criminology. Textbook for Law Schools. Under the General Ed. of Dr. of Law, Prof. A.I. Dolgova – M.: NORMA – INFRA-M, 1999. – 784 p. P. 135.
8. Teokharov A.K. The Concept and Nature of Latent Crime // Journal of Legal and Economic Research. 2023. No. 4. Pp. 132–139.
9. Abdramanova N.K.K., Alauhanov E.O. Latency of Domestic Violence in the Republic of Kazakhstan at the Present Stage // Vestn. Tom. state. univ. Law. 2020. No. 38. Pp. 5-14.
10. Salamova S.Ya. Domestic Violence in Modern Russia: General Characteristics // Lex Russica. 2018. No. 9 (142). Pp. 129-137.
11. Slobodyanyuk M.V. Domestic Violence: Criminological Characteristics // Issues of Russian Justice. 2019. No. 3. Pp. 835-840.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 496-507.

УДК 343.85

ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ И В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

Ережипалиев Д. И., Огурцова М. Л.

Университет прокуратуры Российской Федерации

Статья посвящена вопросам профилактики преступлений несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, совершаемых с использованием сети «Интернет». Рассматриваются ключевые риски цифровой среды, включая травлю, пропаганду суицида, криминальных норм, ценностей и моделей поведения, вовлечение несовершеннолетних в преступную и иную деструктивную деятельность, представляющую опасность для их жизни и здоровья. Авторы отмечают, что возникновение новых вызовов современности обусловливает необходимость совершенствования механизмов профилактики преступлений среди несовершеннолетних в информационном пространстве, в том числе выработки дополнительных мер, направленных на противодействие распространению противоправной и иной деструктивной информации, активизацию профилактической и воспитательной работы в образовательной и информационной среде. В статье подчеркивается важность межведомственного взаимодействия правоохранительные и контролирующих органов, а также органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, проведения системного мониторинга новых социально негативных явлений в детско-молодежной среде, развития цифровой грамотности среди несовершеннолетних, профилактики компьютерной и мобильной зависимости у подрастающего поколения, совершенствования работы по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию детей, развития созидательного позитивного контента для детей и подростков.

Ключевые слова: профилактика преступлений, несовершеннолетние, сеть «Интернет», травля, суицид, развратные действия, вовлечение, деструктивная информация, межведомственное взаимодействие, цифровая грамотность.

В Российской Федерации прилагаются значительные усилия законодательного и организационного характера, направленные на профилактику несовершеннолетних и в отношении несовершеннолетних, совершенных с использованием сети «Интернет» [1]. И это неслучайно, поскольку число подростков, совершивших преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, неуклонно растет [2, С. 209].

Органами прокуратуры уделяется серьезное внимание пресечению распространения деструктивной информации, в том числе побуждающей подростков к совершению действий, представляющих угрозу их жизни или здоровью, оправдывающей противоправное поведение. Прокурорами во внесудебном и судебном порядке ограничивается возможность пользования сайтами, содержащими деструктивный контент. За 8 месяцев 2024 г. по требованию прокуроров заблокирован доступ к противоправной информации либо удалена такая информация с 54,8 тыс. интернет-ресурсов (в 2023 г. – 95,4 тыс.) [3].

Общение в социальных сетях и мессенджерах представляет собой превалирующую форму досуговой деятельности среди значительной части детей и подростков [4, С. 17]. Тем не менее, в силу возрастных психологических особенностей, данная группа является наиболее уязвимой и подвержена многочисленным рискам, исходящим из среды интернета [5, С. 45]. К таким рискам относятся: пропаганда суицидальных действий, распространение антисоциальных норм, ценностей и моделей поведения, травля, а также вовлечение в деятельность преступных, экстремистских и террористических организа-

ций.

В контексте неблагоприятной геополитической обстановки, обусловленной недобросовестной внешней политикой ряда государств, особую значимость обретает проблема противодействия вовлечению несовершеннолетних через сеть «Интернет» в совершение преступлений и антиобщественных деяний. К таковым относятся: диверсии, террористические и экстремистские акты, целью которых является нанесение ущерба критически важным и потенциально опасным объектам, зданиям органов власти и управления, транспортной и военной инфраструктуре, а также приобщение к движениям, пропагандирующим асоциальное поведение, идеологию, направленную на разжигание расовой, национальной или религиозной вражды, и криминальную субкультуру.

В структуре преступности несовершеннолетних на преступления, совершенные с применением информационно-телекоммуникационных технологий либо в сфере компьютерной информации, приходится порядка трети от общего числа деяний, осуществленных несовершеннолетними или при их соучастии. При этом фиксируется устойчивая тенденция к увеличению количества подобных правонарушений [6, С. 27].

Деструктивная информация в сети «Интернет» нередко побуждает детей к агрессивному, жестокому и антиобщественному поведению. С помощью сети «Интернет» детей вовлекают в совершение вооруженных нападений в учебных заведениях. В 2024 г. зафиксировано 13 фактов вооруженных нападений в школах, из них 11 пресечены полицией. По итогам профилактических рейдов против идеологии насилия и массовых убийств среди молодежи, проведенных Федеральной службой безопасности совместно с другими правоохранительными органами в 81 субъекте Российской Федерации, в пяти городах задержаны шесть человек за подготовку вооруженных нападений, в том числе на школы, выявлены 57 администраторов каналов и чатов в Telegram с террористическим и неонацистским контентом. Кроме того, приняты меры профилактики в отношении 305 несовершеннолетних, попавших под воздействие зарубежных модераторов, пропагандирующих деструктивную идеологию [7].

Специалисты отмечают, что все несовершеннолетние, готовившие вооруженные нападения на школы, являлись приверженцами интернет-сообщества «колумбайнеров», оказавшего на них деструктивное психологическое воздействие. Всем подросткам, совершившим нападения на образовательные организации, было свойственно ощущение непонимания, неприятия и отторжения со стороны окружающих их людей. Компенсацию дефицита общения и замену реальной социализации подростки изучаемой группы нашли в сети «Интернет». Присоединение к группам, исповедующим идеологию «колумбайнеров», дает им ролевую модель, которая позволяет перейти из категории «изгоев» в категорию «героев» [8, С. 64–65].

Организация бесконтактной наркоторговли посредством сети «Интернет», включающая передачу веществ через тайниковые системы, расчеты с использованием электронных платежных сервисов и коммуникацию через интернет-приложения, является еще одним направлением криминальной активности. Согласно данным 2024 года, более 3500 преступлений, совершенных подростками, относились к сфере незаконного оборота наркотических веществ. Доля несовершеннолетних обвиняемых, осужденных за сбыт наркотиков, составила 10%; уголовное преследование 119 несовершеннолетних наркосбытчиков было прекращено ввиду недостижения ими 16-летнего возраста – порога уголовной ответственности [9].

Активное вовлечение несовершеннолетних в сбыт наркотических веществ с использованием сети «Интернет», пропаганда легкого заработка формируют у подростков

стойкие корыстные мотивы, направленные на получение быстрого заработка для удовлетворения своих материальных и иных потребностей.

Проблема суицидов среди несовершеннолетних, спровоцированных манипулятивным воздействием в социальных сетях, сохраняет актуальность. Цифровая среда, функционируя для подростков как источник суицидогенного контента, платформа для обмена травматичным опытом и инструмент поиска сообщников или объектов воздействия, существенно катализирует переход от суицидальных мыслей к их практической реализации.

В специальной литературе выделяют прямое и косвенное воздействие суицидального контента на несовершеннолетних. Так, косвенное воздействие на суицидальное поведение подростка может осуществляться за счет просмотра «суицидального» контента, прочтения статей про методы и способы суицида, комиксов и манг, просмотра аниме о персонажах, наносящих различные самоповреждения, либо изуродованных лиц, которые по сюжету совершали самоубийство [11, С. 110].

Прямое же воздействие происходит при участии несовершеннолетних в так называемых «группах смерти», которые создаются в социальных сетях и склоняют детей к совершению суицидов, размещают в сети «Интернет» информацию, побуждающую детей к совершению членовредительства, нанесению телесных повреждений и вреда организму, пропагандируют деструктивные формы поведения и образа жизни, насаждают среди подростков разрушительные идеи о никчемности жизни и восхваляют смерть. Отличительной особенностью этих сообществ является вовлечение подростков в игру, суть которой заключается в выполнении заданий. Их исполнение снижает боязнь смерти, формирует у ребенка положительное отношение к суициду и подчиняет его волю. Об исполнении необходимо отчитываться, направляя «куратору» фото- и видеоматериалы.

Дети также вовлекаются в совершение мошеннических действий с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Так, например, несовершеннолетние находят объявления граждан в сервисе «Авито» и, в последующем, в ходе электронной переписки в «WhatsApp» путем обмана убеждают переходить по присылаемой ими ссылке, якобы с целью получения оплаты. Граждане, переходя по ней, попадают на фишинговый сайт, где вводят реквизиты своей банковской карты. При этом граждане под влиянием обмана вводят в специальное поле фишингового сайта пароль для подтверждения операции по переводу денежных средств. После чего злоумышленники посредством платежного сервиса вносят реквизиты банковских карт граждан в поле «плательщик» и свои – в поле «получатель» и, используя указанный пароль, похищают денежные средства граждан.

Кроме того, в противоправной деятельности активно используется институт подставных лиц из числа несовершеннолетних, на чье имя осуществляется регистрация платежных инструментов, абонентских номеров и учетных записей. Данный инструментарий впоследствии задействуется в схемах по отмыванию и транзиту доходов, добытых незаконным путем. Данные лица используются для дистанционных хищений, массовой рассылки противоправных материалов и иных противоправных деяний. Также фиксируется практика установки несовершеннолетними в местах проживания технических устройств, SIM-боксов, прокси-серверов и аналогичной инфраструктуры, предназначенной для совершения киберпреступлений.

Детям также предлагают почасовую аренду их аккаунтов в WhatsApp, поскольку для системы мониторинга мессенджера они идентифицируются как благонадежные, в связи

с чем соединение во время звонков не разрывается. Вышеуказанным способом школьники могут зарабатывать от 80 тысяч рублей в месяц, для этого нужно пройти идентификацию, предоставив свои паспортные данные. Согласно оценкам профессионального сообщества, собирая таким образом персональные данные, злоумышленники создают базы данных вступивших с ними в контакт несовершеннолетних. Обладая паспортными и иными данными детей, преступники могут путем обещаний, обмана, угроз или иным способом повторно вовлечь детей в противоправную деятельность [12].

Помимо того, что дети вовлекаются в совершение преступлений, они нередко сами становятся жертвами преступлений, совершаемых с использованием сети «Интернет». Результаты анализа официальных статистических показателей и документов следственно-судебной, а также прокурорской практики указывают на интенсификацию совершения в информационной среде преступных деяний сексуального характера, направленных против несовершеннолетних, и на формирование новых, нетипичных способов их нравственной деформации, сексуального растления и коммерческой сексуальной эксплуатации, детерминирующих ухудшение психического и физического состояния. Отмечается системный характер использования глобальной сети для втягивания подростков в противоправные практики индустрии секса и порнографии, включая принуждение к коммерческой сексуальной эксплуатации. Правонарушители преследуют цели извлечения незаконного дохода, а также удовлетворения личных корыстных устремлений и извращенных сексуальных потребностей [13, С. 101].

Выявление преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних с использованием сети «Интернет», сопряжено с рядом существенных сложностей, обусловленных спецификой цифровой среды, включая анонимность субъектов, трансграничный характер противоправных деяний, трудности фиксации и сохранения цифровых доказательств, а также необходимостью применения специализированных технических средств и методов расследования. Так, одной из проблем является размещение серверов и создание сайтов с запрещенным контентом за пределами России, включая государства, с которыми не действуют договоры об оказании взаимной правовой помощи. Другой проблемой установления лиц, вовлекающих несовершеннолетних в противоправную деятельность, является регистрация пользователей в сети «Интернет» под вымышленными именами, использование VPN-программ, техническая невозможность идентифицировать по IP-адресу региональную принадлежность, что обусловливает необходимость интенсификации работы оперативных подразделений по выявлению, пресечению и раскрытию таких преступлений.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что у оперативных подразделений имеются проблемы, связанные с отсутствием технической возможности установления и получения данных о лицах, совершивших преступления с использованием IP-телефонии, в том числе с подменой номера; отсутствием возможности оперативного получения информации от операторов мобильной связи, сведений из социальной сети «ВКонтакте», а также данных от платежных систем «Киви», «PayPal» и др. Кроме того, имеют место случаи, когда запросы правоохранительных органов исполняются необоснованно длительное время, а в ряде случаев – некачественно, что препятствует своевременному документированию противоправной деятельности в данной сфере и установлению лиц, совершивших преступления. Значительные трудности при раскрытии преступлений создает использование преступниками сервисов обмена мгновенными (шифрованными) сообщениями, анонимных почтовых сервисов.

Выявление и расследование уголовных дел указанных категорий также представляет

сложность в связи с неочевидностью совершенных преступлений, необходимостью специальных познаний в области телекоммуникации и овладения следователями специальными методиками расследования преступлений, совершаемых несовершеннолетними, и преступлений против несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет», задействования значительных следственно-оперативных технических ресурсов, проведения большого объема следственных действий в разных регионах страны, необходимостью проведения различных экспертиз.

В ходе доследственных проверочных мероприятий, как правило, остается без выдвижения и последующей отработки версия о том, что на несовершеннолетнего могло быть оказано внешнее деструктивное воздействие, направленное на понуждение его к действиям, сопряженным с опасностью для жизни. Не производится должным образом изъятие и экспертиза электронных устройств потерпевшего (планшеты, компьютеры, мобильные телефоны), а также анализ релевантной цифровой информации (аккаунты в социальных сетях, скриншоты переписки с организаторами и участниками интернет-сообществ). Указанные носители подлежат исследованию с привлечением специалиста в области расследования ИТ-преступлений против несовершеннолетних, однако данное требование не всегда исполняется.

Тем самым следователями порой не предпринимаются действия для обнаружения и закрепления содержащейся на электронных носителях информации, которая могла бы являться доказательством по делу, не производится правовая оценка содержания и направленности электронной информации на предмет наличия или отсутствия составов преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»).

Принимая во внимание вышесказанное, особую значимость приобретает проблематика модернизации ресурсной базы правоприменительных структур в области раскрытия, превенции и расследования преступных деяний данного вида. Это касается как материально-технических, программно-аппаратных и кадровых аспектов, так и, в частности, совершенствования системы профессиональной подготовки, повышения квалификационного уровня и профильной специализации следователей, задействованных в их расследовании. [14, С. 81].

Профилактика совершения преступлений несовершеннолетними в интернет-пространстве будет эффективна лишь при межведомственном взаимодействии правоохранительных органов, органов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также родителей, которые, в первую очередь, должны отслеживать безопасность пользования детьми сетью «Интернет».

Однако деятельность субъектов системы профилактики детской безнадзорности и правонарушений не всегда адаптирована современным информационным вызовам; принимаемые превентивные меры не отвечают текущим требованиям профилактики криминализирующего воздействия медиасреды на несовершеннолетних [15, С. 4]. Прокуратурой выявляются существенные упущения в работе КДНиЗП, выражающиеся в неэффективном выполнении координирующей роли, несвоевременном принятии мер по организации профилактической работы с несовершеннолетними, вовлеченными в деструктивные сообщества в сети «Интернет». Деятельность некоторых комиссий сводится к формальному мониторингу отчетов субъектов профилактики и недостаточно глубокому анализу причин и условий, способствовавших совершению несовершеннолетними преступлений, без должного учета влияния интернет-среды.

Зачастую межведомственные планы индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними составляются однотипно, без учета условия их жизни и воспитания, уровня психического развития, иных особенностей личности, вовлеченности в деструктивные сообщества в сети «Интернет», контроль за исполнением запланированных мероприятий не осуществляется.

Больше всего нарушений законов выявляется прокурорами в деятельности образовательных организаций. Результаты проверок показывают, что ими не ведется работа по выявлению и учету несовершеннолетних, совершающих преступления, правонарушения и иные антиобщественные действия, вовлеченных в группы криминальной направленности в сети «Интернет». Нередки факты сокрытия школами совершения детьми правонарушений и преступлений. В связи с этим не все учащиеся своевременно вовлекаются в орбиту профилактической работы, что способствует безнаказанности и вседозволенности. Подобные нарушения выявляются повсеместно.

Образовательными организациями не принимаются надлежащие меры по реализации программ и методик, направленных на формирование законопослушного поведения несовершеннолетних, в том числе на профилактику интернет-зависимости, предупреждение рисков вовлечения детей в противоправную деятельность. Не все педагогические работники обладают необходимыми профессиональными навыками по выявлению учащихся, склонных к суициду или вовлеченных в группы с деструктивным контентом в сети «Интернет», а применяемые методики тестирования зачастую малоэффективны.

Следует подчеркнуть, что отклоняющееся поведение лиц, не достигших совершеннолетия, в том числе формирующееся под воздействием деструктивного интернет-контента, в значительной мере обусловлено нехваткой социально-психологической помощи в образовательных организациях, прежде всего для обучающихся, демонстрирующих поведенческие расстройства и трудности в освоении учебных программ. Дефицит кадрового состава педагогов-психологов создает барьеры для своевременного распознавания учащихся с девиациями. Сложившаяся диспропорция между численностью профильных специалистов и общим контингентом обучающихся не позволяет организовать ни эффективную профилактику правонарушений, ни полноценное психолого-педагогическое сопровождение детей и подростков, как ставших жертвами физического, сексуального или психологического насилия (внутри семьи, в школьной среде либо со стороны сверстников), так и проявляющих агрессивные (в том числе направленные на себя) поведенческие реакции.

Кроме того, не всегда работа педагогов-психологов по выявлению детей из группы риска является эффективной. Применяемая ими методика неэффективна, поскольку проводимые тесты отражают состояние несовершеннолетних во время их проведения, без учета высокой степени изменчивости поведения подростков.

Классными руководителями не своевременно выявляется девиантное поведение обучающихся, необходимая педагогическая коррекция не проводится. Взаимодействие классных руководителей с обучающимися при проведении внеурочных классных часов зачастую не направлено на создание условий эффективной воспитательной деятельности при реализации целей и задач воспитания и социализации подрастающего поколения.

Следует отметить, что образовательные организации не всегда обеспечивают организацию общедоступных спортивных секций, технических и иных кружков, клубов и привлечение к участию в них несовершеннолетних, находящихся в социально опасном

положении.

Одним из наиболее распространенных нарушений в деятельности образовательных учреждений является неудовлетворительная организация защиты детей от противоправного контента в образовательной среде, ненадлежащее применение административных и организационных мер, технических и программно-аппаратных средств защиты детей от вредной информации в местах, доступных для детей.

Так, прокурорами выявляются факты отсутствия на компьютерах, используемых учащимися в учебной деятельности, программного обеспечения, блокирующего доступ к негативной информации, предоставления в образовательных организациях открытого доступа к сети «Интернет» в местах общего пользования (библиотеке, коридорах и т.п.), позволяющего свободно посетить сайты, содержащие деструктивную информацию, установки на школьные компьютеры игр с возрастными ограничениями 16+ и 18+, в которых содержатся сцены насилия и убийства.

Указанные нарушения распространены не только в образовательных организациях, но и в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, специализированных реабилитационных учреждениях.

Не во всех образовательных организациях своевременно обновляется федеральный список экстремистских материалов, а также проводятся сверки поступающей литературы с указанным списком.

Деятельность профильных подразделений органов внутренних дел, ответственных за организацию профилактики вовлечения несовершеннолетних в группы, пропагандирующие нормы уголовной субкультуры и антиобщественное поведение, не во всех случаях соответствует требованиям законодательства. Отмечается дефицит оперативной информации у сотрудников полиции о существовании криминально ориентированных подростковых групп и их участниках. Работа по разобщению антиобщественных формирований часто оказывается недостаточно эффективной, а профилактические мероприятия нередко реализуются с запозданием.

Прокуроры также указывают на неудовлетворительную работу органов внутренних дел по выявлению запрещенной информации в сети «Интернет», в том числе склоняющей несовершеннолетних к осуществлению заработка путем распространения наркотиков, суицидальному поведению, пропагандирующей криминальную субкультуру, по принятию мер, направленных на ограничения доступа к такой информации, установленной в ходе расследования уголовных дел и при производстве по делам об административных правонарушениях (заполнение электронной формы на сайте Роскомнадзора или направление материалов в органы прокуратуры для решения вопроса о предъявлении в суд административного искового заявления) [20, С. 3–8].

Проводимые органами внутренних дел профилактические мероприятия как правило сводятся к беседам о недопустимости совершения правонарушений. При этом причины и условия, повлекшие совершение правонарушения, как и сами обстоятельства, при которых оно совершено, при постановке на учет не выясняются. Личностные особенности подростков не изучаются, информация об их окружении, о вовлеченности в деструктивные Интернет-сообщества не собирается [15, С. 3]. Не случайно 24 апреля 2025 г. на межведомственном совещании в Генеральной прокуратуре Российской Федерации обсуждены вопросы профилактики криминальных проявлений в молодежной среде [17].

Не меньшего внимания требуют вопросы: ограничения доступа детей к обороту видеоигр с деструктивным контентом; профилактики компьютерной и мобильной зави-

симости у подрастающего поколения; защиты персональных данных несовершеннолетних; их защиты от различного рода мошенничества в сети «Интернет» (совершаемого путем рассылки электронных писем, создания поддельных сайтов, телефонного разговора, в том числе сгенерированного с использованием алгоритмов искусственного интеллекта и машинного обучения, и др.), избытка бесполезных, противоречивых или навязчивых данных, которые перегружают внимание подростков.

Кроме того, с учетом усугубления криминогенной ситуации в сфере посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних назрела необходимость в совершенствовании уголовного законодательства. До настоящего времени не во всех составах преступлений сексуального характера в Уголовном кодексе Российской Федерации должным образом учтена повышенная степень общественной опасности преступлений, совершаемых в отношении детей в публичной форме, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. Результаты пилотного исследования клинико-психологического профиля несовершеннолетних жертв кибергруминга свидетельствуют, что дистанционный характер коммуникации с грумером и отсутствие физического контакта не исключают возникновения у пострадавших негативных последствий. Перенесенное насилие и эксплуатация способны вызывать у жертв широкий спектр реакций – от транзиторного дискомфорта до клинически выраженных психопатологических расстройств. Серьезную угрозу развитию ребенка представляют социальные последствия, включая огласку происшедшего, зачастую влекущую последующий буллинг или социальную изоляцию [18, С. 89].

В случаях публичного распространения интимных фото-видеоматериалов несовершеннолетних потерпевших такой способ совершения развратных действий может обусловить особо негативные последствия для их психосексуального и социального развития детей: отклонения в психике и поведении детей, рост половой деморализации, расторможение влечений с невротизацией или асоциальным поведением. Повышенная степень общественной опасности публичного совершения развратных действий обусловлена, как правило, многоэпизодностью преступных посягательств на половую неприкосновенность несовершеннолетних; значительным числом потерпевших в результате использования в преступных целях возможностей сетевых рассылок интимного контента для массового растления неопределенно широкого круга детей; обманом потерпевших относительно личности и истинных мотивов действий преступника; мотивацией деяния (содеянное может быть не связано с возбуждением или удовлетворением сексуальных потребностей виновного, а преследовать корыстные, прагматические (шантажа, вымогательства), конъюнктурные или иные цели, что позволяет отнести его к коммерческой сексуальной эксплуатации детей и торговле детьми. Учитывая изложенное, в условиях современной криминогенной ситуации предлагается ст. 135 УК дополнить квалифицирующим признаком «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет» [19, С. 63]. Совершение развратных действий указанным способом представляет собой новый активно развивающийся вид злоупотребления в отношении несовершеннолетних.

Кроме того, в целях совершенствования профилактики преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних с использованием сети «Интернет», полагаем целесообразным:

– принять меры по выявлению граждан, прежде всего из числа молодежи, связанных с лицами, поддерживающими или интересующимися деструктивным контентом, для организации в отношении них профилактической работы;

– включать в образовательные программы высшего юридического образования и программы повышения квалификации, обеспечивая своевременную актуализацию таких разделов с учетом интенсивного развития информационно-телекоммуникационных технологий и их использования в преступных целях;

– реализовывать в образовательных организациях комплекс мероприятий по выявлению несовершеннолетних, подверженных влиянию деструктивной идеологии, проведения с ними индивидуальной профилактической работы;

– активизировать работу психиатрических и психологических служб в части осуществления на постоянной основе системного мониторинга психоэмоционального состояния обучающихся, обеспечить доступность оказания экстренной психологической помощи детям, а также решить вопрос об укомплектованности образовательных организаций психологами и социальными педагогами, медицинских организаций – детскими психиатрами;

– проработать вопрос о создании единого алгоритма принятия, передачи и обработки информации о попытках совершения суицидов среди несовершеннолетних [21, С. 365];

– уделять особое внимание работе по правовому просвещению и правовому информированию в сфере защиты прав несовершеннолетних, проводить мероприятия, направленные на повышение уровня медиаграмотности детей и их законных представителей [22, С. 27];

– совершенствовать разъяснительную работу о методах воздействия и вовлечения молодежи в диверсионно-террористическую, мошенническую и иную преступную деятельность, а также об ответственности за совершение преступлений;

– продолжить работу по созданию необходимых условий для вовлечения детей в досуговую занятость и физкультурно-спортивную деятельность, в особенности детей, находящихся в трудной жизненной ситуации и имеющих склонность к девиантному поведению, обратив особое внимание на реализацию данных мероприятий в новых субъектах Российской Федерации. Важно организовать работу по закреплению за несовершеннолетними, в отношении которых проводится индивидуально-профилактическая работа, наставников, способных по своим деловым и моральным качествам содействовать физическому, интеллектуальному, психическому, духовно-нравственному развитию детей;

– совершенствовать работу по патриотическому и духовно-нравственному воспитанию несовершеннолетних путем привлечения к этой работе ветеранов боевых действий, участников специальной военной операции, представителей Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи «Движение первых», региональных отделений Российского общества «Знание», образовательного центра «Сириус», волонтеров.

Полагаем, что именно комплексный подход к профилактике преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних в преступную и иную деструктивную деятельность, представляющую опасность для их жизни и здоровья, в том числе с использованием сети «Интернет» [15, С. 3], позволит создать дополнительные гарантии по обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетних.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 01.04.2025 № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и ком-

муникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502182/ – Текст :электронный.

2. Деятельность прокуратуры по профилактике правонарушений : монография / под науч. ред. В. В. Меркурьева. Москва : Проспект, 2023. С. 209. 456 с.

3. Единый портал прокуратуры Российской Федерации. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98418092 (дата обращения: 30.07.2025) – Текст :электронный.

4. Ережипалиев Д.И. Современное состояние и тенденции преступности несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2023. № 4. С. 13–19.

5. Деятельность прокурора по защите прав несовершеннолетних: монография / под общ. ред. Р.В. Жубрина. М.: ИД «Городец», 2024. 312с.

6. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры. 2024 год: информ.-аналит. записка / под общ. ред. ректора Университета прокуратуры Российской Федерации д-ра юрид. наук, проф. И.М. Мацкевича. – М.: Ун-т прокуратуры Рос. Федерации, 2025. 204 с.

7. Официальный сайт агентства ТАСС. URL: https://tass.ru/obschestvo/23946229 (дата обращения: 30.07.2025) – Текст :электронный.

8. Дети и преступления с использованием интернет-технологий: монография / под ред. В.Д. Бадмаевой. Е.Г. Дозорцевой – М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2024. 207 с.

9. Официальный сайт агентства ТАСС. URL: https://tass.ru/interviews/23587463 (дата обращения: 30.07.2025) – Текст :электронный.

10. Ережипалиев Д.И. Роль негативного информационного воздействия в детерминации преступности несовершеннолетних // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения) : Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 23–24 марта 2023 года. Москва: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», 2023. 676 с.

11. Дети и преступления с использованием интернет-технологий: монография / под ред. В.Д. Бадмаевой. Е.Г. Дозорцевой – М.: ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2024. 207 с.

12. Официальный сайт РИА Новости. URL: https://ria.ru/20250527/moshenniki-2019438489.html (дата обращения: 30.07.2025) – Текст :электронный.

13. Концептуальные основы законопроекта «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (об усилении уголовной ответственности за нравственное растление, сексуальное развращение и эксплуатацию несовершеннолетних) // Сборник «Социально-правовая защита несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации и растления». Материалы парламентских слушаний. 4 февраля 2002. – М. 2003. Издание Государственной Думы. С. 98–111.

14. Ережипалиев Д.И., Зяблина М.В. Выявление, предупреждение и расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних / // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2020. № 5(79). С. 80–84.

15. Жубрин Р.В., Ережипалиев Д.И. Обеспечение законности в сфере профилактики правонарушений несовершеннолетних средствами прокурорского надзора // Законность. 2021. № 6(1040). С. 3–7.

16. Личность несовершеннолетнего преступника : монография / под общ. ред. Р. В. Жубрина. Москва : Проспект, 2024. 376 с.

17. Единый портал органов прокуратуры. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=102744041 (дата обращения: 30.07.2025). – Текст :электронный.

18. Дети и преступления с использованием интернет-технологий: Монография / Под ред. В.Д. Бадмаевой, Е.Г. Дозорцевой – М.: ФГБУ “НМИЦ ПН им. В.П. Сербского” Минздрава России, 2024. 207 с.

19. Пристанская О.В. Об истории и перспективах совершенствования уголовного законодательства в сфере защиты детей от преступлений сексуального характера (1996–2022 гг.) // Прокуроры на страже детства (к 80-летию профильного подразделения Генеральной прокуратуры Российской Федерации): сб. материалов науч.-практ. семинара (Москва, 30 янв. 2024 г.) / под общ. ред. Р.В. Жубрина; [науч. ред. Д.И. Ережипалиев; сост. В.И. Мещерякова, О.В. Морозова, М.Л. Огурцова]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2024. С. 63.

20. Ережипалиев Д.И., Огурцова М.Л. Особенности проведения прокурорских проверок исполнения законов в сфере информационной безопасности несовершеннолетних // Законность. 2022. № 5(1051). С. 3–8.

21. Ережипалиев Д.И. Проблемы криминологической оценки вовлеченности детей в суицидальное поведение // Методология и методики проведения криминологических исследований и экспертиз (Долговские чтения): Сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с между-

народным участием, Москва, 21–22 марта 2024 года. – Москва: Университет прокуратуры РФ, 2024. С. 365–369.

22. Деятельность прокуратуры по правовому просвещению и правовому информированию в сфере защиты прав несовершеннолетних: науч. практ. пособие / [рук. авт. коллектива Д.И. Ережипалиев и др.]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2023. 97 с.

Erezhipaliev D.I., Ogurtsova M.L. Prevention of crimes committed by minors and against minors using the Internet// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 496-507.

The article is devoted to the issues of prevention of crimes committed by minors and against minors using the Internet. The key risks of the digital environment are considered, including bullying, promotion of suicide, criminal norms, values, and behavioral patterns, as well as the involvement of minors in criminal and other destructive activities that pose a threat to their lives and health. The authors note that the emergence of new modern challenges necessitates the improvement of mechanisms for preventing crimes among minors in the information space, including the development of additional measures aimed at countering the spread of illegal and other destructive information, and intensifying preventive and educational work in the educational and information environment. The article emphasizes the importance of interdepartmental interaction between law enforcement and supervisory agencies, as well as agencies responsible for preventing child neglect and juvenile delinquency, conducting systematic monitoring of new socially negative phenomena in the child and youth environment, developing digital literacy among minors, preventing computer and mobile addiction among the younger generation, improving work on patriotic and spiritual and moral education of children, and developing positive and creative content for children and adolescents.

Keywords: crime prevention, minors, Internet, bullying, suicide, lewd acts, involvement, destructive information, interdepartmental interaction, digital literacy.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 01.04.2025 № 41-FZ «O sozdanii gosudarstvennoj informacionnoj sistemy protivodejstviya pravonarusheniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionnyh i kommunikacionnyh tekhnologij, i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502182/ – Tekst :elektronnyj.

2. Deyatel'nost' prokuratury po profilaktike pravonarushenij : monografiya / pod nauch. red. V. V. Merkur'eva. Moskva : Prospekt, 2023. S. 209. 456 s.

3. Edinyj portal prokuratury Rossijskoj Federacii. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=98418092 (data obrashcheniya: 30.07.2025) – Tekst :elektronnyj.

4. Erezhipaliev D.I. Sovremennoe sostoyanie i tendencii prestupnosti nesovershennoletnih // Voprosy yuvenal'noj yusticii. 2023. № 4. S. 13–19.

5. Deyatel'nost' prokurora po zashchite prav nesovershennoletnih: monografiya / pod obshch. red. R.V. ZHubrina. M.: ID «Gorodec», 2024. 312s.

6. Sostoyanie zakonnosti i pravoporyadka v Rossijskoj Federacii i rabota organov prokuratury. 2024 god: inform.-analit. zapiska / pod obshch. red. rektora Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii d-ra yurid. nauk, prof. I.M. Mackevicha. – M.: Un-t prokuratury Ros. Federacii, 2025. 204 s.

7. Oficial'nyj sajt agentstva TASS. URL: https://tass.ru/obschestvo/23946229 (data obrashcheniya: 30.07.2025) – Tekst :elektronnyj.

8. Deti i prestupleniya s ispol'zovaniem internet-tekhnologij: monografiya / pod red. V.D. Badmaevoj. E.G. Dozorcevoj – M.: FGBU «NMIC PN im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2024. 207 s.

9. Oficial'nyj sajt agentstva TASS. URL: https://tass.ru/interviews/23587463 (data obrashcheniya: 30.07.2025) – Tekst :elektronnyj.

10. Erezhipaliev D.I. Rol' negativnogo informacionnogo vozdejstviya v determinacii prestupnosti nesovershennoletnih // Lichnost' prestupnika v izmenyayushchemsya mire (Dolgovskie chteniya) : Sbornik materialov III Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Moskva, 23–24 marta 2023 goda. Moskva: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya «Universitet prokuratury Rossijskoj Federacii», 2023. 676 s.

11. Deti i prestupleniya s ispol'zovaniem internet-tekhnologij: monografiya / pod red. V.D. Badmaevoj. E.G. Dozorcevoj – M.: FGBU «NMIC PN im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2024. 207 s.

12. Oficial'nyj sajt RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20250527/moshenniki-2019438489.html (data obrashcheniya: 30.07.2025) – Tekst :elektronnyj.

13. Konceptual'nye osnovy zakonoproekta «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii» (ob usilenii ugolovnoj otvetstvennosti za nravstvennoe rastlenie, seksual'noe razvrashchenie

i ekspluataciyu nesovershennoletnih) // Sbornik «Social'no-pravovaya zashchita nesovershennoletnih ot seksual'noj ekspluatacii i rastleniya». Materialy parlamentskih slushanij. 4 fevralya 2002. – M. 2003. Izdanie Gosudarstvennoj Dumy. S. 98–111.

14. Erezhipaliev D.I., Zyablina M.V. Vyyavlenie, preduprezhdenie i rassledovanie prestuplenij, sovershennyh nesovershennoletnimi i v otnoshenii nesovershennoletnih / // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2020. № 5(79). S. 80–84.

15. ZHubrin R.V., Erezhipaliev D.I. Obespechenie zakonnosti v sfere profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih sredstvami prokurorskogo nadzora // Zakonnost'. 2021. № 6(1040). S. 3–7.

16. Lichnost' nesovershennoletnego prestupnika : monografiya / pod obshch. red. R. V. ZHubrina. Moskva : Prospekt, 2024. 376 s.

17. Edinyj portal organov prokuratury. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=102744041 (data obrashcheniya: 30.07.2025). – Tekst :elektronnyj.

18. Deti i prestupleniya s ispol'zovaniem internet-tekhnologij: Monografiya / Pod red. V.D. Badmaevoj, E.G. Dozorcevoj – M.: FGBU "NMIC PN im. V.P. Serbskogo" Minzdrava Rossii, 2024. 207 s.

19. Andreev B.V., Pristanskaya O.V., Pak P.N., Romanova M.V. Informacionnye tekhnologii v rassledovanii prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem sotovoj svyazi. Nauchno-metodicheskoe posobie. M., 2009. 122 s.

20. Erezhipaliev D.I., Ogurcova M.L. Osobennosti provedeniya prokurorskih proverok ispolneniya zakonov v sfere informacionnoj bezopasnosti nesovershennoletnih // Zakonnost'. 2022. № 5(1051). S. 3–8.

21. Erezhipaliev D.I. Problemy kriminologicheskoj ocenki vovlechennosti detej v suicidal'noe povedenie // Metodologiya i metodiki provedeniya kriminologicheskih issledovanij i ekspertiz (Dolgovskie chteniya): Sbornik materialov IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Moskva, 21–22 marta 2024 goda. – Moskva: Universitet prokuratury RF, 2024. S. 365–369.

22. Deyatel'nost' prokuratury po pravovomu prosveshcheniyu i pravovomu informirovaniyu v sfere zashchity prav nesovershennoletnih: nauch. prakt. posobie / [ruk. avt. kollektiva D.I. Erezhipaliev i dr.]; Un-t prokuratury Ros. Federacii. M., 2023. 97 s.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 508-516.

УДК 343.1

ОСОБЕННОСТЬ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ СТОРОН В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Исмайлов Д. А.
г. Тольятти Самарской области

Исследуется принцип состязательности сторон в уголовном судопроизводстве на стадии возбуждения уголовного дела, в ходе которого констатируется сохранение инквизиционной парадигмы, выражающейся в монополизации обвинительной власти ключевых процессуальных ресурсов при отсутствии равных возможностей для стороны защиты. Выявлены основные законодательные проблемы: неопределенность понятия «процессуальные действия, затрагивающие права и свободы лица», отсутствие реального механизма сбора доказательств стороной защиты. На основе анализа правовых позиций Конституционного и Верховного судов РФ, а также практик ЕСПЧ предлагаются конкретные изменения в уголовно-процессуальное законодательство. Сделан вывод о необходимости трансформации формального права на защиту в действенный инструмент, уравновешивающий властные полномочия обвинения.

Ключевые слова: принципы уголовного судопроизводства, уголовный процесс, принцип состязательности сторон, равноправие сторон, сторона защиты, сторона обвинения, инквизиционный процесс, стадии уголовного дела, возбуждение уголовного дела, полномочия защитника, полномочия стороны обвинения.

Отечественный уголовный процесс на досудебных стадиях демонстрирует устойчивую приверженность розыскной (инквизиционной) парадигме, что находит выражение в монополизации со стороны обвинительной власти ключевых процессуальных ресурсов [1, с. 230]. Известно, что розыскной процесс представлен типом организации судопроизводства, при котором функция предварительного расследования реализуется единым публичным субъектом [2, с. 86], соединяющим в своей деятельности обвинительные полномочия с дискреционными квазисудебными прерогативами по принятию ключевых процессуальных решений. Субъекты, реализующие функцию обвинения, – дознаватель, начальник органа дознания, следователь, руководитель следственного органа и прокурор – действуют в логике публичного преследования, обладая императивными властно-распорядительными прерогативами, тогда как сторона защиты поставлена в положение, при котором ее участие опосредовано производными механизмами подачи заявлений и ходатайств, лишенными принудительной силы [3, с. 41-42; 4, с. 68; 5, с. 390; 6, с. 88]. Наибольшую остроту данная процессуальная асимметрия приобретает на стадии возбуждения уголовного дела – исходном моменте возникновения уголовно-процессуальных правоотношений, характеризующихся неопределенностью субъектного состава и минимальным объемом формализованных гарантий [7, с. 50; 8, с. 41; 9, с. 328]. Речь идет о проявлении центральной проблемы – провозглашенный и регламентированный принцип состязательности сторон вступает в неразрешенную коллизию со структурным неравенством процессуальных возможностей, вследствие чего декларируемый принцип подменяется фактической монополией обвинительной власти на принятие юридически значимых решений – от получения объяснений до назначения доследственных проверочных мероприятий [10, с. 334-335].

Состязательность сторон в уголовном судопроизводстве регламентирована законодателем в ст. 15 УПК РФ и является принципом, занимающим «…центральное место…, обеспечивая баланс интересов сторон» [11, с. 312] и «…равных прав участников уголовного судопроизводства» [12, с. 304], в частности, «…при обвинении и защите в судах» [13, с. 100]. Отечественный уголовный процесс традиционно подразделяется на ряд последовательных, но относительно самостоятельных этапов – стадий, каждая из которых имеет собственные задачи, субъектный состав и принимаемые итоговые про-

цессуальные решения. Именно досудебная стадия возбуждения уголовного дела является первоначальным этапом, на котором должностные лица правоохранительных органов рассматривают поступившие сообщения о преступлении и устанавливают наличие или отсутствие признаков состава преступления для последующего производства по уголовному делу [14, с. 33; 15, с. 43; 16, с. 163; 17, с. 153; 18, с. 425; 19, с. 458; 20, с. 251; 21, с. 358-359; 22, с. 688].

Рассматриваемый этап и стадия уголовного судопроизводства является входом в уголовно-процессуальные отношения. В подтверждение приведенного положения на данном этапе еще не сформированы классические процессуальные статусы, установленные публичным правом: формально отсутствуют статусы подозреваемого и обвиняемого, а лицо, в отношении которого ведется проверка, обладает лишь ограниченным набором прав. Институт защиты как полноценная процессуальная функция еще не институционализирован – защитник допускается лишь к участию в отдельных проверочных действиях, затрагивающих права конкретного лица, но не обладает всем арсеналом средств, присущих последующим стадиям.

Так, С.В. Баринов и М.В. Попова обосновывают необходимость и важность участия адвоката на этапе предварительной проверки сообщения о преступлении и отмечают, что с 2013 г. в уголовно-процессуальное законодательство внесены изменения – ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, прямо предусматривающие обеспечение участия защитника до возбуждения уголовного дела [23, с. 215]. Это нововведение признается значимым, поскольку позволяет принимать законные и обоснованные решения, предотвращает самооговор, незаконное привлечение к ответственности и нарушение конституционных прав граждан. Авторы также предлагают уточнить ч. 1 ст. 49 УПК РФ, включив в понятие защитника не только подозреваемого (обвиняемого), но и лиц, в отношении которых проводится проверка. Вместе с тем, С.В. Баринов и М.В. Попова подчеркивают, что участие защитника способствует предотвращению самооговора, необоснованного признания вины и незаконного привлечения к уголовной ответственности на стадии возбуждения уголовного дела.

И.В. Головинская и В.А. Новожилов исследуют процессуальное значение участия адвоката на стадии доследственной проверки, и в качестве вывода придерживаются мнения, что право на квалифицированную юридическую помощь защитника возникает с момента фактического ограничения прав лица, а не с формального признания подозреваемым или возбуждения уголовного дела – «…Конституционный суд Российской Федерации призвал рассматривать и применять значительно шире, чем приводится в уголовно-процессуальном толковании, устанавливая гарантии адвокатской помощи с момента реального ограничения основных прав и свобод конкретного лица, не связывая этот момент исключительно с формальным началом уголовного дела…» [24, с. 27]. Отмечается, что законодательная формулировка ч. 3 ст. 49 УПК РФ носит юридико-технический характер и не должна ограничивать конституционное право на помощь адвоката. Автор приходят к выводу, что участие защитника на стадии проверки сообщения является полноценной реализацией права на защиту, гарантией объективности и законности действий должностных лиц.

Действительно, основной причиной процессуального дисбаланса является процессуальный статус лица, в отношении которого ведется доследственная проверка. До момента официального возбуждения уголовного дела такое лицо не обладает статусом подозреваемого или обвиняемого. Согласно ч. 3 ст. 49 УПК РФ, защитник вправе вступить в дело лишь с момента вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого, возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица, фактического задержания по подозрению в совершении преступления, вручения уведомления о подо-

зрении (ст. 223.1 УПК РФ), начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица (ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ). Однако правоприменительная практика и доктрина отмечают, что механизм расширения возможности защиты на более ранней стадии остается малоэффективным из-за неопределенности процессуального статуса адвоката, неясности перечня таких «затрагивающих прав и свобод» действий и отсутствия у защитника реальных полномочий по сбору доказательств. Из практики ЕСПЧ и решений КС РФ (постановление от 27.06.2000 № 11-П) следует, что право на защиту возникает с момента, когда лицо фактически становится объектом уголовного преследования, в том числе при проведении оперативно-розыскных мероприятий [25]. Однако на практике это правило применяется не всегда последовательно, и адвокату бывает сложно доказать, что его доверитель уже фактически является подозреваемым (например, после дачи объяснения в качестве свидетеля) [26, с. 65-67].

ВС РФ и суды кассационной инстанции последовательно признают, что нарушение принципа состязательности сторон является существенным и влечет отмену судебных решений, даже если суд действовал с целью установления объективной истины [27, с. 14-15; 28, с. 359]. В подтверждение этого, ВС отменил обвинительный приговор Ленинского райсуда г. Ставрополя по обвинению гр. А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ, поскольку суд первой инстанции проигнорировал доводы защиты о невиновности и не привел в приговоре мотивов, по которым они были отвергнуты [29]. Аналогичное решение вынесено президиумом Томского облсуда, указав, что суд первой инстанции нарушил принцип состязательности, в нарушение ст. 274, 285 УПК РФ самостоятельно определял объем письменных доказательств для исследования, фактически подменив собой стороны, что привело к обвинительному уклону и нарушению прав защиты [30, с. 39; 31, с. 243]. Также судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ в своем апелляционном определении подтвердила, что стороны процесса самостоятельно определяют объем доказательств и порядок их представления. Вмешательство суда в этот процесс является нарушением принципа состязательности (ст. 274 УПК РФ) [32].

Вместе с тем КС РФ, хотя и не всегда напрямую, но в своих решениях формирует правовые подходы, обеспечивающие защиту прав граждан на досудебной стадии. Так, в постановлении № 23-П от 2019 г. КС РФ указал, что «…регулирование порядка исчисления разумного срока уголовного судопроизводства с момента начала осуществления уголовного преследования направлено прежде всего на обеспечение права на судопроизводство в разумный срок для лиц, привлеченных в качестве подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых начато производство одного из связанных с проверкой сообщения о преступлении…» [33]. Развивая этот подход, КС РФ и суды общей юрисдикции последовательно исходят из того, что гарантии состязательности и защиты прав должны действовать уже на стадии возбуждения уголовного дела, а любые процессуальные нарушения, способные затронуть права граждан в этот период, подлежат самостоятельному судебному контролю. В частности, обязанность государства в лице правоохранительных органов заключается не только в уведомлении, но и в незамедлительном его осуществлении, поскольку задержка с таким уведомлением создает для лица неопределенность статуса и лишает возможности своевременно воспользоваться правами подозреваемого, включая право на защиту. Именно поэтому неисполнение требования о незамедлительном уведомлении лица о возбуждении в отношении него уголовного дела само по себе является предметом судебного контроля, так как может причинить ущерб конституционным правам подозреваемого.

Рассмотрим апелляционное постановление Мосгорсуда от 03.08.2020 по делу № 10-

13810/2020 в аспекте реализации состязательности сторон на стадии возбуждения уголовного дела. Данное решение является показательным примером того, как суд апелляционной инстанции восстанавливает состязательность, нарушенную как на досудебной стадии, так и на стадии судебного контроля - необоснованным отказом районного суда в принятии жалобы [34]. Анализ представленных материалов подтверждает, что стадия возбуждения уголовного дела действительно выполняет функцию «входа» в уголовно-процессуальные отношения. При этом институт защиты на данном этапе сталкивается с рядом объективных ограничений и законодательных противоречий, заключающихся в неформализованном статусе лица и «усеченной» функции защиты, неоднозначности в определении момента начала защиты.

Ключевая проблема заключается в расхождении между формальными нормами уголовно-процессуального закона и правовыми позициями высших судов. По закону защитник вступает в дело после возбуждения дела, тогда как согласно позиции высших судов – с момента, когда права лица фактически ограничены.

Несмотря на формальные ограничения, защитник обладает рядом важных правомочий на стадии возбуждения уголовного дела: разъяснение конституционного права не свидетельствовать против себя, получение предметов, документов и иных сведений, опрос лиц с их согласия (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), заявление ходатайств и подача жалоб, участие в следственных и иных процессуальных действиях.

Проведем сравнительный анализ представленных полномочий сторон уголовного судопроизводства на стадии возбуждения уголовного дела при соблюдении принципа состязательности сторон.

Таб. 1. Сравнительный анализ полномочий стороны обвинения и защиты на стадии возбуждения уголовного дела.

Критерий сравнения	**Сторона обвинения**	**Сторона защиты**
природа полномочий	властные, государственно-публичные	диспозитивные, обеспечительные (защита прав)
инициация деятельности	начинается по факту поступления сообщения о преступлении	начинается по инициативе лица или его законного представителя
основные функции	публично-правовая обязанность по приему, регистрации и разрешению сообщения о преступлении	обеспечение права на защиту, оказание квалифицированной юридической помощи
характер действий	процессуальные действия, однозначно регламентированные УПК РФ	действия, направленные на помощь доверителю, включая не всегда четко регламентированный сбор доказательств
возможность воздействия на процесс	определяют ход и сроки проверки, принимают властные решения	в основном пассивно реагируют на действия обвинения (обжалование, заявление ходатайств)
обязанность доказывания	является активным субъектом доказывания	не имеет обязанности доказывать невиновность; лишь представляет доказательства в пользу доверителя

Представленный сравнительный анализ подтверждает, что на стадии возбуждения уголовного дела реализация принципа состязательности сторон крайне затруднена, поскольку отсутствуют равные возможности для стороны защиты по сравнению с обвинением, о чем свидетельствует наличие инквизиционного типа уголовного судопроизводства.

Известно, что стадия возбуждения уголовного дела начинается с проведения доследственной проверки, которая является «серым полем», представляющим «скрытое

следствие», не урегулированное действующим законодательством. Следователь, дознаватель, орган дознания вынуждены собирать доказательства, не имея для этого полноценных процессуальных документов, предусмотренных УПК РФ только для стадии расследования [35, с. 100; 36, с. 140-143] отождествляя указанный этап расследования с этапом предварительного расследования, начинающегося с возбуждения уголовного дела. В российском уголовно-процессуальном праве действительно существует научная позиция, согласно которой стадия доследственной проверки по своей сути тождественна предварительному расследованию, а значит, все следственные действия могут и должны проводиться уже на этапе проверки сообщения о преступлении, т.е. до формального возбуждения уголовного дела.

В.М. Быков утверждает, что гносеологическая природа проверки сообщения о преступлении ничем не отличается от предварительного расследования: в обоих случаях осуществляется собирание, проверка и оценка фактических данных. Отсюда следует вывод о необходимости полного уравнивания процессуальных средств, т.е. разрешения производства любых следственных действий уже на этапе проверки [37, с. 57]. Автор предлагает либо вовсе ликвидировать стадию, либо распространить на неё режим расследования без изъятий. И.Л. Петрухин, один из авторов Концепции судебной реформы, доказывал, что стадия возбуждения уголовного дела должна быть упразднена. В его концепции любое зарегистрированное сообщение о преступлении автоматически запускает полномасштабное расследование, в рамках которого допустимы все без исключения следственные действия. Доследственная проверка, таким образом, поглощается предварительным расследованием, переставая существовать как обособленный и усечённый по средствам этап [38, с. 67].

Таким образом, стадия доследственной проверки и стадия предварительного расследования считаются одним явлением с точки зрения познавательной деятельности, поэтому любые следственные действия должны быть доступны правоприменителю немедленно после получения информации о преступлении – без формального разделения на «до» и «после» возбуждения уголовного дела [39, с. 319-320].

Проведя исследование, отметим, что стадия возбуждения уголовного дела – уникальный вызов для сторон уголовного судопроизводства: принцип состязательности на этом этапе фактически отсутствует, а деятельность правоохранительных органов сталкивается с серьезными правовыми и организационными трудностями. Среди ключевых проблем, имеющих место быть при реализации состязательности сторон в уголовном судопроизводстве на стадии возбуждения уголовного дела:

1. Уголовно-процессуальное законодательство допускает участие защитника с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, однако само понятие таких действий не раскрыто, что ведет к их произвольному толкованию. Для решения проблемы предлагается дополнить ст. 5 УПК РФ п. 56.1 следующего содержания: «Процессуальные действия, затрагивающие права и свободы лица – действия, проводимые в порядке ст. 144 УПК РФ, которые связаны с получением объяснений от лица, в отношении которого ведется проверка, изъятием у него документов и предметов, получение образцов для сравнительного исследования, освидетельствованием, а также иные действия, в ходе которых возможно получение сведений, могущих быть использованными для уголовного преследования данного лица», и следовательно, изложить п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ в следующей редакции: «с момента начала осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке статьи 144 УПК РФ, перечень которых установлен пунктом 56.1 статьи 5 УПК РФ»;

2. Правоприменительная проблема также связана с недостаточной урегулированностью механизма сбора доказательств защитником на стадии возбуждения уголовного дела: закон предоставляет защитнику право собирать доказательства, но механизм их процессуального оформления не прописан, что делает его полномочия фиктивными. Предлагается дополнить ст. 86 УПК РФ ч. 4 в следующей редакции: «Сведения, предметы и документы, собранные защитником в порядке части третьей настоящей статьи, оформляются им в виде справки, акта опроса лица (с его согласия), а также иного документа, составленного с участием понятых (не менее двух) или с применением технических средств фиксации информации. Указанные документы подлежат приобщению к материалам проверки сообщения о преступлении по ходатайству защитника. Отказ в приобщении может быть обжалован в порядке, установленном статьёй 125 УПК РФ». Предложенные изменения направлены на реальное обеспечение состязательности сторон уже на стадии возбуждения уголовного дела. Они ликвидируют неопределенность в допуске защитника, создают четкий механизм сбора доказательств стороной защиты, гарантируют доступ к материалам проверки, что позволит превратить формальное право на защиту в действенный инструмент, уравновешивающий властные полномочия стороны обвинения на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1.Исмайлов, Д. А. Становление и развитие предварительного расследования в уголовном судопроизводстве / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди // Социальное управление. – 2023. – Т. 5, № S2. – С. 228-234.
2.Исмайлов, Д. А. Перспективы отечественного законодательства в части правового регулирования предварительного расследования // Экономика. Социология. Право. – 2023. – № 4(32). – С. 86-90.
3.Исмайлов, Д. А. Правоохранительная служба: ретроспективный анализ, проблемы и решения / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2022. – № 4(93). – С. 40-48. – EDN DGLXVT.
4.Исмайлов, Д. А. К вопросу об определении места участковых уполномоченных полиции в системе органов дознания // Общество, право, государственность: ретроспектива и перспектива. 2024. № 4(20). – С. 67-75.
5.Лизунов, А. С. К вопросу о субъектах реализации правоохранительной функции государства / А. С. Лизунов, Д. А. Исмайлов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – С. 390-398.
6.Исмайлов, Д. А. К вопросу об актуальных аспектах прокурорского надзора за уголовно-процессуальной деятельностью участкового уполномоченного полиции / Д. А. Исмайлов // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 4, № 79(123). – С. 87-95. – EDN NBYKMX.
7.Исмайлов, Д. А. К вопросу об актуальных проблемах предварительного следствия и дознания в уголовном судопроизводстве // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 2(20). – С. 48-57.
8.допроизводстве / Д.А. Исмайлов, К.И. Курбачевская // Теология. Философия. Право. – 2023. – № 2(20). – С. 39-47.
9.Исмайлов, Д. А. Понятие и значение предварительного расследования в уголовном процессе / Д. А. Исмайлов, К. И. Курбачевская // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № 11(87). – С. 328-333.
10. Исмайлов, Д. А. Особенности предварительного следствия как формы предварительного расследования в уголовном судопроизводстве // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 28. – С. 333-341.
11. Исмайлов, Д. А. Процессуальные проблемы реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве и пути их решения / Д. А. Исмайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11, № 2. С. 312-320.
12. Исмайлов, Д. А. Проблема обеспечения равноправия и состязательности сторон в уголовном процессе / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди, Г. А. Ожегова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 3. – С. 301-308.
13. Исмайлов, Д. А. Исторический аспект развития и становления принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве России / Д. А. Исмайлов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2025. – № 2(108). – С. 94-102. – EDN VPKSMV.
14. Исмайлов, Д. А. К вопросу о понятии криминологии и предмета ее изучении / Д. А. Исмайлов // Вестник права. – 2023. – № 2(2). – С. 33-37. – EDN NJKJVU.
15. Исмайлов, Д. А. Терроризм как угроза национальной безопасности Российской Федерации // Академия права. – 2023. – № 3(3). – С. 43-49. – EDN UBNFHE.
16. Ретроспективный взгляд на эволюцию понятия "преступление" в России / Д.А. Исмайлов, Д.В. Иванчук, А.А. Мишунина, А.О. Мамина // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 10(86). С. 163.
17. Исмайлов, Д. А. Основные угрозы национальной безопасности Российской Федерации: криминологический анализ и современные тенденции // Академия права. – 2024. – № 1(4). – С. 153-162.

18. Ситникова, М. П. Экстремистский и хулиганский мотивы преступлений: проблемные аспекты квалификации / М. П. Ситникова, Д. А. Исмайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 4. – С. 425-434.
19. Исмайлов, Д. А. Проблемы в деятельности участкового уполномоченного полиции и пути их решения / Д. А. Исмайлов, Ю. О. Мещерякова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 3. – С. 458-462.
20. Кабанов, П. А. К вопросу о проблемных аспектах уголовно-правовой квалификации малозначительности деяния по делам о хищении / П. А. Кабанов, Д. А. Исмайлов // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10, № 2. С. 251-256.
21. Исмайлов, Д. А. Терминологический анализ терроризма как криминального явления: криминологический и исторический аспект // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности органов внутренних дел : сборник материалов Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей, студентов и адъюнктов, Екатеринбург, 24 апреля 2024 г. – Екатеринбург: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. – С. 358-359.
22. Исмайлов, Д. А. Миграция как фактор преступности / Д. А. Исмайлов // Молодежь. Наука. Общество - 2023 : Сборник студенческих работ всероссийской студенческой научно-практической междисциплинарной конференции, Тольятти, 18–22 декабря 2023 года. – Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2024. – С. 688-693. – EDN RTEEEW.
23. Баринов, С. В. Участие защитника на стадии возбуждения уголовного дела / С. В. Баринов, М. В. Попова // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. – 2023. – № 1. – С. 214-220. –
24. Головинская, И. В. Участие защитника на этапе проверки сообщения о преступлении // Вестник Владимирского юридического института. 2025. № 2(75). С. 23-28.
25. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 N 11-П // Российская газета, № 128.
26. Исмайлов, Д. А. Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции / Д. А. Исмайлов, А. В. Мурузиди // Теология. Философия. Право. – 2021. – № 2(16). – С. 61-69.
27. Исмайлов, Д. А. К вопросу об основных направлениях деятельности, проблемах и перспективах развития судебной системы // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 2, № 77(121). – С. 12-16.
28. Исмайлов, Д. А. Современные тенденции в уголовном праве и их влияние на правовую самоосознанность российского общества / Д. А. Исмайлов // Роль юридических наук в развитии правовой культуры российского общества : Сборник статей по материалам III Межвузовской научной студенческой конференции , Владивосток, 28 марта 2024 года. – Владивосток, 2024. – С. 359-361.
29. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации от 24.07.2024 № 19-УД24-21-К5 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
30. Отчерцова, О. В. Состязательность на предварительном следствии как путь к объективной истине / О. В. Отчерцова // Евразийская адвокатура. – 2016. – № 2(21). – С. 38-41. – EDN VUWJAH.
31. Исмайлов, Д. А. Проблемы документооборота в деятельности сотрудников органов внутренних дел / Д. А. Исмайлов, Е. С. Вершинина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 243-250. – EDN HOLZOZ.
32. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 06.04.2017 N 46-АПУ17-2 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
33. Постановление Конституционного Суда РФ от 13.06.2019 N 23-П "По делу о проверке конституционности части третьей статьи 6.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Б.А. Сотникова" // Российская газета, № 134, 24.06.2019.
34. Апелляционное постановление Московского городского суда от 03.08.2020 по делу N 10-13810/2020 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
35. Исмайлов, Д. А. Современная правовая основа уголовно-процессуальной деятельности участковых уполномоченных полиции // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – Т. 3, № 78(122). – С. 99-108.
36. Исмайлов, Д. А. Анализ причин кадрового голода участковых уполномоченных полиции: проблемы и пути решения // Административная деятельность органов внутренних дел в современных условиях: Сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции, Нижний Новгород, 24.05.2025 г. Нижний Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2025. С. 140-143.
37. Быков, В. М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / В. М. Быков // Журнал российского права. – 2006. – № 7(115). – С. 53-67. – EDN OOTULB.
38. Петрухин, И. Л. Возбуждение уголовного дела по действующему УПК РФ / И. Л. Петрухин // Государство и право. – 2005. – № 1. – С. 64-70. – EDN HRXPZH.
39. Исмайлов, Д. А. Понятие и значение уголовно-процессуального права в современном государстве / Д. А. Исмайлов // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 29. – С. 314-321. – EDN EIAPAY.

Ismailov D. A. Features of the implementation of the principle of adversary proceedings in criminal proceedings at the stage of initiation of a criminal case // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 508-516.

The article examines the principle of adversarial proceedings in criminal proceedings at the stage of initiating a criminal case, during which it is stated that the inquisitorial paradigm has been preserved, resulting in the monopolization of key procedural resources by the prosecutor's office and the lack of equal opportunities for the defense. The

article identifies the main legislative issues, including the uncertainty surrounding the concept of "procedural actions affecting the rights and freedoms of a person" and the lack of a real mechanism for the defense to collect evidence. Based on an analysis of the legal positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, as well as the practices of the European Court of Human Rights, the article proposes specific changes to the criminal procedure legislation. The article concludes that it is necessary to transform the formal right to defense into an effective tool that balances the prosecution's power.

Key words: principles of criminal proceedings, criminal process, principle of adversarial proceedings, equality of the parties, defense side, prosecution side, inquisitorial process, stages of a criminal case, initiation of a criminal case, powers of a defense attorney, powers of the prosecution side

Spisok literatury:

1.Ismajlov, D. A. Stanovlenie i razvitie predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi // Social`noe upravlenie. – 2023. – T. 5, № S2. – S. 228-234. – EDN UOBFWQ.
2.Ismajlov, D. A. Perspektivy` otechestvennogo zakonodatel`stva v chasti pravovogo regulirovaniya predvaritel`nogo rassledovaniya // E`konomika. Sociologiya. Pravo. – 2023. – № 4(32). – S. 86-90.
3.Ismajlov, D. A. Pravooxranitel`naya sluzhba: retrospektivny`j analiz, problemy` i resheniya / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi, G. A. Ozhegova // Nauchny`j vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. – 2022. – № 4(93). – S. 40-48. – EDN DGLXVT.
4.Ismajlov, D. A. K voprosu ob opredelenii mesta uchastkovy`x upolnomochenny`x policii v sisteme organov doznaniya // Obshhestvo, pravo, gosudarstvennost`: retrospektiva i perspektiva. – 2024. – № 4(20). – S. 67-75.
5.Lizunov, A. S. K voprosu o sub``ektax realizacii pravooxranitel`noj funkcii gosudarstva / A. S. Lizunov, D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2024. – № 31. – S. 390-398. – EDN HWTPTU.
6.Ismajlov, D. A. K voprosu ob aktual`ny`x aspektax prokurorskogo nadzora za ugolovno-processual`noj deyatel`nost`yu uchastkovogo upolnomochennogo policii / D. A. Ismajlov // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 4, № 79(123). – S. 87-95. – EDN NBYKMX.
7.Ismajlov, D. A. K voprosu ob aktual`ny`x problemax predvaritel`nogo sledstviya i doznaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D.A. Ismajlov, K.I. Kurbachevskaya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. 2023. № 2(20). S..
8. Ismajlov, D. A. Doznanie kak forma predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2023. – № 2(20). – S. 39-47.
9. Ismajlov, D. A. Ponyatie i znachenie predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom processe / D. A. Ismajlov, K. I. Kurbachevskaya // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. – 2023. – № 11(87). – S. 328-333.
10. Ismajlov, D. A. Osobennosti predvaritel`nogo sledstviya kak formy` predvaritel`nogo rassledovaniya v ugolovnom sudoproizvodstve / D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2023. – № 28. – S. 333-341.
11. Ismajlov, D. A. Processual`ny`e problemy` realizacii principa sostyazatel`nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve i puti ix resheniya / D. A. Ismajlov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2025. – T. 11, № 2. – S. 312-320. – EDN OKIYLQ.
12. Ismajlov, D. A. Problema obespecheniya ravnopraviya i sostyazatel`nosti storon v ugolovnom processe // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74), № 3. – S. 301-308. – EDN PIEDDH.
13. Ismajlov, D. A. Istoricheskij aspekt razvitiya i stanovleniya principa sostyazatel`nosti storon v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. №2(108). S. 94.
14. Ismajlov, D. A. K voprosu o ponyatii kriminologii i predmeta ee izuchenii / D. A. Ismajlov // Vestnik prava. – 2023. – № 2(2). – S. 33-37. – EDN NJKJVU.
15. Ismajlov, D. A. Terrorizm kak ugroza nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii / D. A. Ismajlov // Akademiya prava. – 2023. – № 3(3). – S. 43-49. – EDN UBNFHE.
16. Retrospektivny`j vzglyad na e`volyuciyu ponyatiya prestuplenie v Rossii / D. A. Ismajlov, D. V. Ivanchuk, A. A. Mishunina, A. O. Mamina // Skif. Voprosy` studencheskoj nauki. – 2023. – № 10(86). – S. 163-169.
17. Ismajlov, D. A. Osnovny`e ugrozy` nacional`noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: kriminologicheskij analiz i sovremenny`e tendencii / D. A. Ismajlov // Akademiya prava. – 2024. – № 1(4). – S. 153-162.
18. Sitnikova, M. P. E`kstremistskij i xuliganskij motivy` prestuplenij: problemny`e aspekty` kvalifikacii / M. P. Sitnikova, D. A. Ismajlov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 4. – S. 425-434. – EDN IVMQHT.
19. Ismajlov, D. A. Problemy` v deyatel`nosti uchastkovogo upolnomochennogo policii i puti ix resheniya / D. A. Ismajlov, Yu. O. Meshheryakova // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 3. – S. 458-462.
20. Kabanov, P. A. K voprosu o problemny`x aspektax ugolovno-pravovoj kvalifikacii maloznachitel`nosti deyaniya po delam o xishhenii / P. A. Kabanov, D. A. Ismajlov // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 2. – S. 251-256.
21. Ismajlov, D. A. Terminologicheskij analiz terrorizma kak kriminal`nogo yavleniya: kriminologicheskij i istoricheskij aspekt / D. A. Ismajlov // Aktual`ny`e problemy` pravooxranitel`noj deyatel`nosti organov vnutrennix del : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii kursantov, slushatelej, studentov i ad``yunktov, Ekaterinburg, 24 aprelya 2024 goda. – Ekaterinburg: Ural`skij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennix del Rossijskoj Federacii, 2024. – S. 358-359. – EDN MWDGFJ.
22. Ismajlov, D. A. Migraciya kak faktor prestupnosti // Molodezh`. Nauka. Obshhestvo - 2023 : Sbornik

studencheskix rabot vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoj mezhdisciplinarnoj konferencii, Tol`yatti, 18–22 dekabrya 2023 g. – Tol`yatti: Tol`yattinskij gosudarstvenny`j universitet, 2024. – S. 688-693.
23. Barinov, S. V. Uchastie zashhitnika na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela / S. V. Barinov, M. V. Popova // Vestnik Moskovskogo gumanitarno-e`konomicheskogo instituta. – 2023. – № 1. – S. 214-220.
24. Golovinskaya, I. V. Uchastie zashhitnika na e`tape proverki soobshheniya o prestuplenii / I. V. Golovinskaya, V. A. Novozhilov // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. 2025. № 2(75). S. 23-28.
25. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.06.2000 N 11-P // Rossijskaya gazeta, № 128, 04.07.2000.
26. Ismajlov, D. A. Primenenie mediacii v deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii / D. A. Ismajlov, A. V. Muruzidi // Teologiya. Filosofiya. Pravo. – 2021. – № 2(16). – S. 61-69. – EDN ZRIGYD.
27. Ismajlov, D. A. K voprosu ob osnovny`x napravleniyax deyatel`nosti, problemax i perspektivax razvitiya sudebnoj sistemy` / D. A. Ismajlov // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 2, № 77(121). – S. 12-16.
28. Ismajlov, D. A. Sovremenny`e tendencii v ugolovnom prave i ix vliyanie na pravovuyu samoosoznannost` rossijskogo obshhestva / D. A. Ismajlov // Rol` yuridicheskix nauk v razvitii pravovoj kul`tury` rossijskogo obshhestva : Sbornik statej po materialam III Mezhvuzovskoj nauchnoj studencheskoj konferencii , Vladivostok, 28 marta 2024 g. – Vladivostok, 2024. – S. 359-361. – EDN MPWNQA.
29. Opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovny`m delam Verxovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 24.07.2024 № 19-UD24-21-K5 // Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
30. Otcherczova, O. V. Sostyazatel`nost` na predvaritel`nom sledstvii kak put` k ob``ektivnoj istine / O. V. Otcherczova // Evrazijskaya advokatura. – 2016. – № 2(21). – S. 38-41. – EDN VUWJAH.
31. Ismajlov, D. A. Problemy` dokumentooborota v deyatel`nosti sotrudnikov organov vnutrennix del // Ucheny`e zapiski Kry`mskogo federal`nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2024. – T. 10, № 2. – S. 243-250. – EDN HOLZOZ.
32. Apellyacionnoe opredelenie Sudebnoj kollegii po ugolovny`m delam Verxovnogo Suda RF ot 06.04.2017 N 46-APU17-2 // Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
33. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 13.06.2019 N 23-P Po delu o proverke konstitucionnosti chasti tret`ej stat`i 6.1 Ugolovno-processual`nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanina B.A. Sotnikova // Rossijskaya gazeta, № 134, 24.06.2019.
34. Apellyacionnoe postanovlenie Moskovskogo gorodskogo suda ot 03.08.2020 po delu N 10-13810/2020 // Dostup iz spravochno-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».
35. Ismajlov, D. A. Sovremennaya pravovaya osnova ugolovno-processual`noj deyatel`nosti uchastkovy`x upolnomochenny`x policii // The Newman in Foreign Policy. – 2024. – T. 3, № 78(122). – S. 99-108.
36. Ismajlov, D. A. Analiz prichin kadrovogo goloda uchastkovy`x upolnomochenny`x policii: problemy` i puti resheniya // Administrativnaya deyatel`nost` organov vnutrennix del v sovremenny`x usloviyax: Sbornik nauchny`x statej po itogam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Nizhnij Novgorod, 24 aprelya 2025 goda. – Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskaya akademiya MVD Rossii, 2025. – S. 140-143.
37. By`kov, V. M. Problemy` stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela / V. M. By`kov // Zhurnal rossijskogo prava. – 2006. – № 7(115). – S. 53-67. – EDN OOTULB.
38. Petruxin, I. L. Vozbuzhdenie ugolovnogo dela po dejstvuyushhemu UPK RF / I. L. Petruxin // Gosudarstvo i pravo. – 2005. – № 1. – S. 64-70. – EDN HRXPZH.
39. Ismajlov, D. A. Ponyatie i znachenie ugolovno-processual`nogo prava v sovremennom gosudarstve / D. A. Ismajlov // Voprosy` rossijskoj yusticii. – 2024. – № 29. – S. 314-321. – EDN EIAPAY.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 517-524.

УДК: 342.9

ПРАВОВАЯ ОСНОВА ОКАЗАНИЯ ПОЛИЦИЕЙ ПОМОЩИ ЛИЦАМ, КОТОРЫЕ В НЕЙ НУЖДАЮТСЯ

Заброда Д. Г.

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

В статье изложены результаты систематизации массива законодательных и подзаконных актов, составляющих правовую основу деятельности полиции по оказанию помощи лицам, которые нуждаются в её защите от правонарушений и других противоправных посягательств. Объем нормативных правовых актов, которые подвергнуты нами структурному анализу, определён исходя из рассмотрения «полицейской» помощи в широком понимании. К основным критериям систематизации отнесены: место нормативного правового акта в иерархии источников правового регулирования общественных отношений в этой сфере; особенности оказания отдельных видов полицейской помощи; специфика деятельности сотрудников подразделений полиции, которые наиболее часто оказывают помощь гражданам. Выявлены основные взаимосвязи между законодательными и подзаконными актами, регламентирующими данный вид деятельности полиции, обращено внимание на пробелы в законодательном регулировании оснований и порядка оказания «полицейской» помощи. Выделены основные направления совершенствования отечественного законодательства, регламентирующего оказание «полицейской» помощи.

Ключевые слова: правовая основа, систематизация, законодательные акты, нормативные правовые акты, «полицейская» помощь, полиция.

Построение системы отношений между полицией и гражданами базируется на признании прав и свобод человека, необходимости их защиты от противоправных и иных посягательств социальным предназначением, функцией, приоритетом в деятельности данного правоохранительного органа и критерием оценивания эффективности его работы. В частности, основные этические требования к сотрудникам органов внутренних дел (далее – ОВД) требуют от них «…быть мужественным и решительным перед лицом опасности при пресечении правонарушений, защите граждан от преступных посягательств, проявлять готовность к оказанию помощи пострадавшим» (п. 6.4) [1].

Вопросы правового регулирования «полицейской» помощи в современной юридической литературе изучаются в контексте изучения социального предназначения полиции, а также как вид её обязанностей и основной обязанности её сотрудников.

Непосредственная характеристика нормативного содержания данного вида деятельности полиции осуществлена в публикациях Э.Х. Абишева, Д.В. Бекетова, К.С. Бельского, Л.В. Густовой, М.И. Еропкина, В.И. Ковшевацкого, С.Г. Костина, Б.М. Лазарева, И.Д. Мотровича, Р.А. Романова, А.Н. Сандугей, Ю.П. Соловья, В.И. Сургутскова, В.В. Тадтаева и др.

Указанными авторами актуализирована в целом проблема отсутствия нормативных параметров «полицейской» помощи, выделены основные признаки этого вида деятельности полиции, исходя из нормативного содержания полномочий полиции, приведены примеры, иллюстрирующие отдельные проявления «полицейской» помощи в практике сотрудников органов внутренних дел, акцентировано внимание на необходимости более глубокого изучения данной темы в контексте защиты прав человека и др. Изучение теории, нормативно-правового регулирования и практики деятельности полиции позволяют рассматривать «полицейскую» помощь в узком и широком аспектах.

В первом случае, её содержание ограничивается объектом угрозы, устраняя которую в рамках помощи, осуществляют сотрудники полиции: преступные и иные противоправные посягательства (ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О полиции») [2].

В этой публикации планируется раскрыть правовую основу «полицейской» помощи в её широком понимании, как «…совокупности законодательных и подзаконных актов, устанавливающих основания, порядок, формы и методы деятельности сотрудников полиции по пресечению преступлений и иных противоправных посягательств, устране-

нию их последствий, а также оказание гражданам и иных видов поддержки в связи с совершением в отношении них противоправных деяний» [3].

Нами отмечено, что среди специалистов, изучающих особенности полицейской помощи, отсутствует единое мнение о критериях систематизации нормативных актов, составляющих её правовую основу. Думается, что к ним могут быть отнесены: место нормативного правового акта в иерархии источников правового регулирования общественных отношений в этой сфере; особенности оказания отдельных видов полицейской помощи; специфика деятельности сотрудников подразделений полиции, которые наиболее часто оказывают помощь гражданам.

С учетом положений статьи 3 ФЗ «О полиции», а также общих подходов к иерархизации источников права, нормативные-правовые акты, регулирующие оказание «полицейской» помощи в рамках первого критерия, предлагается охарактеризовать в контексте конституционного, международного, законодательного и подзаконного уровней [2].

Так, нормы Конституции России относят защиту прав и свобод человека к обязанности государства, а также устанавливает общие цели и содержание деятельности государственных органов исполнительной власти (в том числе и органов внутренних дел) в сфере обеспечения прав и свобод человека (ст.ст. 2,17,18). В тексте основного закона понятие «помощь» используется при раскрытии сущности прав граждан на медицинскую помощь (ст. 41, п. «ж» ч. 1 ст. 72, ч. 1 ст. 132), квалифицированную юридическую помощь (ст. 48). К сожалению, другие виды помощи, в том числе и «полицейской» в Конституции не упоминаются.

В ходе реализации своих полномочий в период чрезвычайного положения, а также в случае привлечения полиции к обеспечению режима военного положения, её деятельность организуется с учётом целей этих правовых режимов, установленных соответствующими федеральными конституционными законами. В этих законодательных актах: спасение жизни людей (как часть деятельности по оказанию помощи), относится к задачам сил Единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (п. «д» ч. 2 ст. 18 ФКЗ №3, п. 2 ст. 2 ФКЗ № 1); необходимая помощь лицам, пострадавшим во время чрезвычайного положения включена в число гарантий имущественных и специальных прав граждан, обеспечиваемых государством (ч. 3 ст. 29 ФКЗ № 3) [4-6].

Среди международных актов, содержащих положения о деятельности полиции по оказанию помощи физическим лицам, можно выделить:

1) Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (резолюция 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979), устанавливающий, что служба обществу, которую осуществляют сотрудники полиции, состоит в «…оказание услуг и помощи тем членам общины, которые по личным, экономическим, социальным или другим причинам чрезвычайного характера нуждаются в немедленной помощи» (пп. «с», ст. 1). Кроме этого, в ст. 6 дается разъяснение термина «медицинская помощь» и определяется, что полицейские «…обеспечивают оказание медицинской помощи жертвам правонарушений или несчастных случаев, происходящих в ходе правонарушений» [7];

2) модельный закон «О полиции (милиции)» (постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 20-12 от 07.12.2002), предусматривает обязанность полиции «…принимать меры к оказанию помощи пострадавшим от преступлений и иных правонарушений, несчастных случаев, а также людям, оказавшимся в опасной для жизни и здоровья ситуации» (п. 2 ст.10) и её сотрудников «…оказывать помощь (в том числе первую медицинскую) гражданам, пострадавшим от преступлений, административных правонарушений и происшествий, а также оказавшимся в беспомощном или ином опасном для жизни положении» (п. 1 ст. 36); «…принимать неотложные меры по спасению людей и оказанию первой медицинской помощи, а также сохранности оставшегося без присмотра имущества во время аварий,

стихийных бедствий, пожаров и других чрезвычайных происшествий» (п. 1 ст. 16), а также её право «…в случае необходимости - отстранить водителя от управления транспортным средством для того, чтобы добраться до места стихийного бедствия, для доставки в медицинские учреждения граждан, нуждающихся в срочной медицинской помощи» [8].

До прекращения членства России в Совете Европы, отдельные аспекты «полицейской» помощи были отражены и в Декларации о полиции (принята Резолюцией № 690 (1979) Парламентской ассамблеи Совета Европы «Декларация о полиции» (от 08.05.1979) [9], а также Европейский кодекс полицейской этики ((Рекомендация Комитета министров Совета Европы 19.09.2001 (Rec. (2001)10)) [10]. Базовые положения, определяющие сущность «полицейской» помощи, отражённые в международных документах, имплементированы в действующее российское законодательство о полиции (например, при описании предназначения полиции, правил предоставления первой помощи) и применяются в процессе реализации обязанностей полиции и её сотрудников в повседневной деятельности по спасению граждан и их защите от противоправных посягательств, несчастных случаев и т.п.) [11-12].

Ключевую роль в регулировании «полицейской» помощи играют *федеральные законы*. В текстах изученных нами правовых актов содержаться как общие положения, определяющие сущность и сферу применения данного вида деятельности полиции, так и раскрывающие отдельные аспекты её содержания (например, полномочия полиции, порядок и условия реализации некоторых их них), а также основы взаимодействия полиции с государственными и иными органами (организациями), участвующими в её оказании.

Так, в Федеральных законах «полицейская» помощь рассматривается как: 1) элемент социального предназначения полиции (ч. 2 ст. 1); составляющая часть защиты личности и государственной защиты (п. 1, п. 11 ч. 1 ст. 2); обязанность полиции (п. 3 ч. 1 ст. 12), право полиции (п. 37 ч. 1 ст. 13); действия, сопровождающие применение отдельных мер государственного принуждения (ч. 1, п. 11, ч. 2, ч. 8, 10, 13 ст. 14; п. 1 ч. 3, ч. 8 ст. 15; п. 1, 8 ч. 1, ч. 4 ст. 15.1; п. 7 ч. 2 ст. 16), огнестрельного оружия (ч. 4 ст. 19 и п. 1, ч.1 ст. 23), основные обязанности (п. 1 ч. 2 ст. 27) и права сотрудников полиции (п. 3 ч. 3 ст. 28); гарантии правовой защиты сотрудника полиции (ч. 6, 7 ст. 30) (ФЗ № 3-ФЗ «О полиции») [2]; 2) форма профилактического воздействия, в реализации которой участвует полиция (п. 10 ч. 1 ст. 17, ст. 27 ФЗ № 182-ФЗ «*Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»)* [13]; задача подразделений по делам несовершеннолетних ОВД (п. 3 ч. 1 ст. 21, ч. 7.1 ст. 22 ФЗ № 120-ФЗ «*Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних*») [14]; 4) обязанность полиции оказывать первую помощь пострадавшим в дорожно-транспортных происшествиях (ч. 1 ст. 23 ФЗ № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения») [15]; 5) форма бесплатной юридической помощи, оказываемой ОВД по вопросам их компетенции в виде правового консультирования (ч. 1 ст. 16 ФЗ №324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации») [16]; 6) способ действий сотрудников полиции по предотвращению действий, угрожающих жизни и здоровью окружающих со стороны госпитализируемого лица или других лиц, в процессе реализации мер обеспечения безопасности при оказании психиатрической помощи (пп. 3- 5 ст. 30 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании») [17]; 7) функция ОВД, реализуемая при взаимодействии с уголовно-исполнительными инспекциями ФСИН по вопросам применения исполнительной и постпенитенциарной пробации (ч. 3 ст. 7 ФЗ № 1-ФЗ «О пробации в Российской Федерации») [18] и др.

К сожалению, отдельные нормы права, устанавливающие основания и порядок оказания полицейской помощи, в рассмотренных выше законах, отсутствует. Более того, сам термин «помощь» раскрывается с использованием понятий «содействие», «защи-

та», «поддержка». Указанное обстоятельство, по нашему мнению, создает правовую неопределённость, влияющую на определение оснований, объема и выбор сотрудниками полиции конкретных методов её оказания.

Следует отметить, что в подзаконных актах, принимаемых Президентом Российской Федерации и Правительством Российской Федерации, содержаться основные положения, определяющие сущность государственной политики в области оказания помощи (поддержки) (например, социальной, медицинской, юридической и т.п.) различным категориям граждан (в рамках стратегий, концепций, государственных программ и планов по их реализации), которые должны учитываться при разработке соответствующих нормативных актов МВД России, регламентирующих формы и методы «полицейской» помощи.

Так, защита граждан от противоправных посягательств, отнесена к национальным интересам Российского государства (п.п. 2 п. 25 Указа Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»), что определяет основу социального предназначения, функцию и содержание принципа деятельности полиции [19]. В постановлении Правительства РФ от 15.04.2014 № 345 определено, что деятельность ОВД по «…защите прав граждан, личности от противоправных посягательств окажет влияние на достижение таких национальных целей, как комфортная и безопасная среда для жизни, цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы» [20]. Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р «…содействие восстановлению имущественных и иных прав граждан, нарушенных в результате совершенных в отношении их противоправных деяний, оказание им правовой и психологической помощи» отнесено к числу задач государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, частью которой являются соответствующие подразделения полиции [21].

К следующей группе подзаконных актов относятся нормативные правовые акты МВД России, в которых конкретизируется порядок реализации сотрудниками полиции полномочий по оказанию помощи физическим лицам в различных ситуациях.

Например, определяя задачи и способы деятельности патрульно-постовой службы полиции (далее – ППС), приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 уточняет: категории лиц, которым оказывается помощь: пострадавшие от преступлений, административных правонарушений и несчастных случаев; граждане, находящиеся в беспомощном либо ином состоянии, опасном для их жизни и здоровья (п. 10.2); граждане, терпящие бедствия на воде (п. 181.4); места оказания помощи нарядами ППС: улицы и иные общественные места; объекты транспорта и транспортной инфраструктуры (п. 122.5); отдельные элементы процедуры оказания первой помощи, лицам, которые в ней нуждаются (п. 10.6, п.15.12, 122.8, 131.6, 154) [22].

Правила оказания полицией первой помощи лицам, находящимся в общественных местах в состоянии опьянения (алкогольного или наркотического), определены приказом МВД России от 13.04.2021 № 212 (п. 5) [23], а лицам, пострадавшим в дорожно-транспортном происшествии, в приказе МВД России от 13.04.2021 № 212 (п. 93) [24]. В свою очередь, непосредственно порядок оказания первой помощи (ситуации её оказания, перечень состояний, при которых она оказывается, мероприятий по её оказанию и последовательность их проведения), регламентирован приказом Минздрава России от 03.05.2024 № 220н [25]. Ссылка на этот правовой акт содержится в приказах МВД России, устанавливающих особенности деятельности ППС, ПДН ОВД, ДПС ГИБДД, дежурных частей ОВД, изоляторов временного содержания ОВД и др. Различные аспекты оказания полицией помощи несовершеннолетним (первой, психологической, юридической), как совершившим противоправные деяния и антиобщественные действия, так и оказавшимся без контроля взрослых, либо пострадавших от правонарушений, от-

ражены в приказах МВД России от 15.10.2023 №845 и от 27.11.2023 № 908 [26-27] и др.

В целом, приведенные выше законодательные и подзаконные акты составляют правовую основу оказания «полицейской» помощи.

В тоже время, отсутствие в ФЗ «О полиции» правовой нормы, содержащей соответствующие предписания, предполагает, что сотрудники полиции самостоятельно принимают решения об основаниях и способах оказания «полицейской» помощи, ориентируясь на миссию российской полиции в современной обществе, понимании соотношения служебного и общественного долга, этические стандарты поведения сотрудников ОВД, а также позитивные примеры полицейской практики.

Что касается групп нормативных актов, выделенных нами на основе других критериев (видов помощи и подразделений полиции, наиболее часто её оказывающих), то к ним относятся приказы МВД России, регламентирующие особенности реализации функций полиции по охране общественного порядка и обеспечении безопасности в общественных местах, безопасности дорожного движения, предупреждения, выявления и пресечения административных правонарушений и преступлений, обеспечения правовых режимов чрезвычайной положения или чрезвычайной ситуации, а также акты, устанавливающие правовой статус ДПС ГИБДД МВД России, ППС, участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних ОВД, дежурных частей, для которых оказание «полицейской» помощи рассматривается как типовая ситуация несения службы.

По нашему мнению, содержавшиеся в них положения позволяют охарактеризовать: особенности оказания полицией отдельных видов помощи (например, первой помощи пострадавшим на месте происшествия или несчастного случая; помощи в ходе розыска пропавших граждан, лиц, утративших связь с семьей, находящихся в болезненном состоянии; помощи в розыске потерянных (забытых) вещей; помощи в охране имущества граждан в период чрезвычайных ситуаций или оставшегося временно бесхозным в результате противоправных действий; психологической и юридической помощи жертвам преступлений; помощи в устройстве несовершеннолетних, оказавшихся в социально-опасном положении; помощи иностранцам, испытывающим трудности в общении и ориентировании в обстановке; помощи в сопровождении лиц, нуждающихся в экстренной или неотложной медицинской помощи и др.); конкретизировать полномочия подразделений полиции, которые, наиболее часто оказывают помощь гражданам в типовых условиях несения службы (например, сотрудников ППС – во время несения службы по охране правопорядка в общественных местах при выявлении лиц, утративших способность самостоятельно передвигаться или ориентироваться в пространстве, как вследствие опьянения, так и в результате болезненного состояния, малолетства или пожилого возраста; сотрудников ДПС ГИБДД МВД России – в ходе оказания первой помощи лицам, пострадавшим в результате дорожно-транспортного происшествия, содействии в эвакуации автомобилей в следствие неисправности, сложных метеоусловий, сопровождении граждан в медицинские учреждения и др.; участковых уполномоченных полиции, предоставляющих первую и психологическую помощь пострадавшим в результате семейно-бытового насилия, консультирующих граждан по правовым вопросам, содействующим подучётным лицам в социальной реабилитации и ресоциализации, а также участвующим в оказании помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми и др.).

В процессе анализа правовой основы «полицейской помощи», установлено, что: в нормативных актах отсутствуют правовые нормы, регламентирующие содержание этого вида деятельности полиции; особенности оказания первой помощи лицам, пострадавшим от правонарушений, устанавливаются приказом Минздрава России, который не включен в перечень нормативных правовых актов, составляющих правовую основу деятельности полиции в соответствие с ч. 1 ст. 3 ФЗ «О полиции»; число видов помощи, оказываемой сотрудниками полиции, увеличилось в связи с развитием законодатель-

ства о профилактике правонарушений и пробации; частично детализация содержания «полицейской» помощи осуществлена лишь в Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России (приказ МВД России от 28.06.2021 № 495).

Думается, что совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности полиции по оказанию помощи физическим лицам будет способствовать закрепление в ФЗ «О полиции» положений, определяющих поводы, основания, условия и порядок её оказания (например, в виде отдельной статьи или части статьи); уточнение в приказах МВД России, регламентирующих деятельность подразделений полиции, наиболее часто оказывающих «полицейскую» помощь, порядка её оказания в типовых ситуациях (например, при дорожно-транспортном происшествии, угрозе здоровью, несчастном случае, пожаре и т.п.), а также особенностей оказания различным категориям гражданам, процессуального оформления действий полицейских, которые её оказывали, определение порядка взаимодействия полиции с другими субъектами оказания помощи гражданам в ситуациях, угрожающих их жизни, здоровью или имуществу (например, МЧС России, Минздрава России и др.).

К перспективным направлениям исследования данной проблематики предлагается относить: изучение практики оказания «полицейской» помощи с использованием методов контент-анализа публикаций в средствах массовой информации, текстов проектов нормативных актов, а также опроса сотрудников ОВД и граждан; анализ отечественного и зарубежного опыта полицейской деятельности по оказанию полицией помощи и услуг населению, а также его закрепления в нормативных актах; обобщение практики стимулирования сотрудников полиции, проявивших решительность и мужество в ситуациях оказания помощи гражданам, спасения их жизни и здоровья; формулирование предложений для устранения пробелов в правовом регулировании оказания «полицейской» помощи.

Список литературы:

1. Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 26.06.2020 № 469 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»
2. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Заброда, Д. Г. Оказание полицией помощи лицам, нуждающимся в её защите от противоправных посягательств / Д. Г. Заброда // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2024. – № 2(70). – С. 178-183.
4. О чрезвычайном положении: Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. О военном положении: Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 №1-ФКЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
6. О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций: Постановление Правительства РФ от 30.12.2003 № 794 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»
7. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка (Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1979) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml
8. Модельный закон «О полиции (милиции)» (принят на двадцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 20-12 от 07.12.2002) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. Декларация о полиции (принята в г. Страсбурге 08.05.1979 на 31-й сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. Европейский кодекс полицейской этики [Текст] = European code of police ethics / Council of Europe; [сост.: СПб ОО «Гражданский контроль»]. — Санкт-Петербург, 2006. – 76 с.
11. Гуляков, А. Д. К вопросу о роли норм международного права в правовом статусе полиции в современной России / А. Д. Гуляков, В. С. Виноградова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 120–126.
12. Хозикова Е.С. Сравнительная характеристика отдельных нормативных правовых актов применительно к деятельности сотрудников МВД России // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2015. №4-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnaya-harakteristika-otdelnyh-normativnyh-pravovyh-aktov-

primenitelno-k-deyatelnosti-sotrudnikov-mvd-rossii (дата обращения: 07.03.2026).
13. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
14. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 02.06.1999 № 120-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
15. О безопасности дорожного движения: Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
16. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011№ 324-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
17. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при её оказании: Федеральный закон от 02.07.1992 № 3185-1 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
18. О пробации в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
19. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
20. Государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: Постановление Правительства РФ от 11.09.2021 №1541 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
21. Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий: Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2024 № 4154-р [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
22. Об утверждении Наставления об организации служебной деятельности строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции территориальных органов МВД России: приказ МВД России от 28.06.2021 № 495 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
23. Порядок доставления лиц, находящихся в состоянии алкогольного, наркотического или иного токсического опьянения, в медицинские организации или специализированные организации либо в служебные помещения территориальных органов или подразделений полиции: приказ МВД России 13.04.2021 № 212 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
24. Порядок осуществления надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения: приказ МВД России от 13.04.2021 № 212 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
25. Порядок оказания первой помощи: приказ Минздрава России от 03.05.2024 № 220н [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
26. Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15.10.2023 №845 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
27. Наставление по организации деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел: приказ МВД России от 27.11.2023 № 908 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Zabroda D.G. Legal basis for the provision of assistance by the police to persons in need // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 517-524.

This article presents the results of systematizing a body of legislative and regulatory acts that form the legal basis for police activities in providing assistance to individuals in need of protection from offenses and other unlawful acts. The scope of regulatory legal acts subjected to our structural analysis was determined based on a broad understanding of "police" assistance. The key criteria for systematization include: the place of the regulatory legal act in the hierarchy of sources of legal regulation of public relations in this area; the specifics of providing individual types of police assistance; and the specific activities of police officers who most frequently provide assistance to citizens. The article identifies the key relationships between legislative and regulatory acts governing this type of police activity, and draws attention to gaps in the legislative regulation of the grounds and procedures for providing "police" assistance. The article also identifies key areas for improving domestic legislation governing the provision of «police» assistance.

Keywords: legal basis, systematization, legislative acts, regulatory legal acts, «police» assistance, police.

Spisok literatury:

1.Kodeks etiki i sluzhebnogo povedeniya sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: prikaz MVD Rossii ot 26.06.2020 № 469 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant»
2.O policii: Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
3.Zabroda, D. G. Okazanie policiej pomoshchi licam, nuzhdayushchimsya v eyo zashchite ot protivopravnyh posyagatel'stv / D. G. Zabroda // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. – 2024. – № 2(70). – S. 178-183.
4.O chrezvychajnom polozhenii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.05.2001 № 3-FKZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

5.O voennom polozhenii: Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 30.01.2002 №1-FKZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
6.O edinoj gosudarstvennoj sisteme preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.12.2003 № 794 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant»
7.Kodeks povedeniya dolzhnostnyh lic po podderzhaniyu pravoporyadka (Prinyat rezolyuciej 34/169 General'noj Assamblei OON ot 17.12.1979) // https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml
8.Model'nyj zakon «O policii (milicii)» (prinyat na dvadcatom plenarnom zasedanii Mezhparlamentskoj Assamblei gosudarstv-uchastnikov SNG (postanovlenie № 20-12 ot 07.12.2002) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
9.Deklaraciya o policii (prinyata v g. Strasburge 08.05.1979 na 31-j sessii Parlamentskoj assamblei Soveta Evropy) [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
10. Evropejskij kodeks policejskoj etiki [Tekst] = European code of police ethics / Council of Europe; [sost.: SPb OO «Grazhdanskij kontrol'»]. — Sankt-Peterburg, 2006. – 76 s.
11. Gulyakov, A. D. K voprosu o roli norm mezhdunarodnogo prava v pravovom statuse policii v sovremennoj Rossii / A. D. Gulyakov, V. S. Vinogradova // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshchestvennye nauki. – 2014. – № 2 (30). – S. 120–126;
12. Hozikova E.S. Sravnitel'naya harakteristika otdel'nyh normativnyh pravovyh aktov primenitel'no k deyatel'nosti sotrudnikov MVD Rossii // Izvestiya TulGU. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2015. №4-2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sravnitelnaya-harakteristika-otdelnyh-normativnyh-pravovyh-aktov-primenitelno-k-deyatelnosti-sotrudnikov-mvd-rossii (data obrashcheniya: 07.03.2026).
13. Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 23.06.2016 № 182-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
14. Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih: Federal'nyj zakon ot 02.06.1999 № 120-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
15. O bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: Federal'nyj zakon ot 10.12.1995 № 196-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
16. O besplatnoj yuridicheskoj pomoshchi v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 21.11.2011№ 324-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
17. O psihiatricheskoj pomoshchi i garantiyah prav grazhdan pri eyo okazanii: Federal'nyj zakon ot 02.07.1992 № 3185-1 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
18. O probacii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 06.02.2023 № 10-FZ [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
19. O Strategii nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 02.07.2021 № 400 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
20. Gosudarstvennaya programma Rossijskoj Federacii «Obespechenie obshchestvennogo poryadka i protivodejstvie prestupnosti»: Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 11.09.2021 №1541 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
21. Koncepciya gosudarstvennoj sistemy protivodejstviya protivopravnym deyaniyam, sovershaemym s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 30.12.2024 № 4154-r [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
22. Ob utverzhdenii Nastavleniya ob organizacii sluzhebnoj deyatel'nosti stroevyh podrazdelenij patrul'no-postovoj sluzhby policii territorial'nyh organov MVD Rossii: prikaz MVD Rossii ot 28.06.2021 № 495 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
23. Poryadok dostavleniya lic, nahodyashchihsya v sostoyanii alkogol'nogo, narkoticheskogo ili inogo toksicheskogo op'yaneniya, v medicinskie organizacii ili specializirovannye organizacii libo v sluzhebnye pomeshcheniya territorial'nyh organov ili podrazdelenij policii: prikaz MVD Rossii 13.04.2021 № 212 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
24. Poryadok osushchestvleniya nadzora za soblyudeniem uchastnikami dorozhnogo dvizheniya trebovanij zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii o bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: prikaz MVD Rossii ot 13.04.2021 № 212 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
25. Poryadok okazaniya pervoj pomoshchi: prikaz Minzdrava Rossii ot 03.05.2024 № 220n [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
26. Instrukciya po organizacii deyatel'nosti podrazdelenij po delam nesovershennoletnih organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: prikaz MVD Rossii ot 15.10.2023 №845 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».
27. Nastavlenie po organizacii deyatel'nosti centrov vremennogo soderzhaniya dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej organov vnutrennih del: prikaz MVD Rossii ot 27.11.2023 № 908 [Elektronnyj resurs] // Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant»
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 525-532.

УДК 343

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НЕЗАКОННОЙ ОХОТЕ В РОССИИ КАК ОПАСНОМУ КРИМИНАЛЬНОМУ ПРОМЫСЛУ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Зарубина К. А.[1]
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

В статье произведён анализ эволюции уголовно-правовых мер противодействия профессиональной незаконной охоте в России. Установлено, что правовую регламентацию общественные отношения в сфере охраны объектов животного мира впервые получают в Соборном Уложении 1649 г. Далее отечественное законодательство расширяет круг общественно опасных деяний, посягающих на животный мир, с выделением специальных составов преступлений для профессиональных браконьеров-охотников. Определено, что незаконная охота как разновидность преступной деятельности по мере развития отечественного профессионального преступного мира постепенно приобретала черты криминального профессионализма, что находило отражение в действующем законодательстве. Также установлено, что в современности профессиональные браконьеры-охотники наносят значительный ущерб благосостоянию общества и государства, а их деятельность имеет все признаки профессиональной преступной. Хотя адекватных мер противодействия уголовно-правовыми средствами этой деятельности в настоящее время законодатель не предлагает, вследствие чего отмечена необходимость модернизации отечественного уголовного законодательства с целью усиления борьбы с профессиональной преступностью в целом и с её отдельными видами (такими как промысел профессиональных браконьеров-охотников), в частности.

Ключевые слова: профессиональная преступность, криминальный профессионализм, меры противодействия преступности, уголовный закон, браконьеры, охота, животный мир.

Браконьерство в настоящее время определяют, как незаконную добычу, охоту, отлов диких животных, рыбы, а также морепродуктов или растений. Незаконная охота, в свою очередь, составляет важную часть промысла браконьеров. В современности это представляет собой серьёзную опасность как для всего мира в целом, так и для России, в частности. Однако данный преступный промысел имел длительную историю формирования и развития, равно как и меры противодействия этому криминальному «ремеслу».

В одном из первых фундаментальных памятников отечественного права – Соборном уложении 1649 г. (далее – Уложение 1649 г.) – наиболее подробно получают правовую регламентацию общественные отношения в сфере охраны объектов животного мира. В указанном нормативном правовом акте выделяются два направления охраны биосистемы от преступных посягательств. Во-первых, это противодействие незаконной охоте на отдельные виды диких животных, а, во-вторых, это запрет на незаконную ловлю рыбы. При этом именно незаконной охоте уделяется наиболее пристальное внимание. Так, в ст. 214 (Гл. X «О суде») Уложения 1649 г. устанавливался запрет на бобриную охоту с использованием капканов. Кроме того, этой нормой запрещалось отгонять этих животных с тех земель, где они проживали [1].

Далее чередой царских указов в России был наложен запрет на охоту в окрестностях Москвы (1683 г.) [2, с. 789] и Санкт-Петербурга (1732 г.) [3, с. 925], а после обозначены конкретные «запретные зоны»: в зоне 20 вёрст от Москвы (1730 г.) [4, с. 260], в зоне до 100 вёрст от Санкт-Петербурга (1737 г.) [5, с. 6], в зоне 50 вёрст от Москвы (1738 г.) [6, с. 491], в зоне до 100 вёрст от Москвы (1741 г.) [7, с. 551]. Специальным законом об охоте в Российской империи был Именной, объявленный из Сената указ «О неловлении и нестрелянии никому зверей и птиц марта с 1 по 29 июня» от 17 июля 1763 г., в кото-

[1] НИР подготовлена в рамках выполнения Госзадания Правовые меры обеспечения стратегических приоритетов по противодействию угрозам национальной безопасности (FENM-2025-0010). Регистрационный номер 1024031900131-7-5.5.1

ром налагался запрет не охоту на всех зверей (кроме хищников) в период их активного размножения [8, с. 310]. Однако конкретных санкций за нарушение указанных запретов представленные нормативные правовые акты, а равно и механизмов реализации данных запретов не дают [9, с. 35–37]. Кроме того, особо следует обратить внимание на то, что налагаемые запреты были связаны не с необходимостью сдерживания реализации преступных промыслов, связанных с незаконной охотой на постоянной (профессиональной) основе, а с ограничением истребления диких животных исключительно для собственного потребления, а также ради «забавы», поскольку охота в рассматриваемый период, воспринималась привилегированной частью населения не иначе как «статусное хобби».

Дальнейшая эволюция отечественного законодательства привела к изданию в 1845 г. первого Уголовного кодекса Российской империи – Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложения 1845 г.), в котором, помимо прочего, устанавливалась ответственность за незаконную охоту на диких животных [10, с. 42–46]. Первоначально определим, что в ст. 586 Уложения 1845 г. отдельно предусматривалась ответственность за «самовольное производство охоты или ловли зверей и птиц в казённых лесах или других местах, принадлежащих казне. В ст. 1133 раздела «О нарушении постановлений против безвременного и излишнего истребления служащих на пищу диких животных и рыбы», фактически повторяющей указ 1763 г., указывается: «За всякую какого-либо рода охоту, кроме лишь ловли и истребления хищных зверей и птиц, с 1 марта по 29 июня во всех тех местах, где оная в сие время года законами именно не дозволена, виновный в том подвергается денежному наказанию». И далее следуют интересные замечания законодателя. Так, за использование для охоты и ловли зверей и птиц «недозволенных орудий» и запрещённых способов («капканов, самострелов, тенетов», вырытых вблизи селений ям) преступника могли привлечь к более суровому наказанию. По-другому, представленная норма указывает на наличие у преступника хотя бы минимальных знаний, умений и навыков в этом «ремесле». Помимо прочего, закон запретил привоз в город дичи, добытой в запрещённое для охоты время [11, с. 252–254, 465–466]. Это, в свою очередь, указывает на цель перепродажи добытой дичи, а значит, на извлечение прибыли от преступной деятельности.

Так, нормы Уложения 1845 г. уже указывают, в первую очередь, не на распространение в рассматриваемый период «традиционной» незаконной охоты, имеющей цель пропитания или получения удовольствия от самого процесса добычи дичи, а на формирование и развитие промысла профессиональных браконьеров-охотников, имеющих определённую преступную специализацию, квалификацию и извлекающих от противозаконной деятельности прибыль.

Уголовное уложение 1903 г. стало новым шагом в развитии правового регулирования противодействия незаконной охоте. В рассматриваемом нормативном правовом акте были объединены некогда разрозненные составы преступлений в сфере охраны объектов животного мира. В связи с установлением ведения охоты по специальному охотничьему билету, прописывалась ответственность за безбилетную охоту. Между тем, особое внимание для производства анализа развития промысла профессиональных браконьеров-охотников в начале XX в. следует уделить норме уголовного закона, предусматривающей привлечение к ответственности за продажу и покупку для продажи дичи, убитой в запрещённое время (ст. 251 Уголовного уложения 1903 г.) [12, с. 92]. Как видим, закон в данном случае преследует не просто охоту в запрещённое время, а добычу дичи с целью перепродажи, т.е. не с целью собственного потребления. Перепродажа, в свою очередь, подразумевает извлечение прибыли от данного «ремесла», а охота в запрещённое время делает этот промысел преступным. Вследствие этого можно заключить, что в России в начале XX в. промысел профессиональных браконьеров-охотников уже сформировался, и это нашло отражение в действующем в рассматриваемый период законодательстве.

В новых советских реалиях курс на противодействие профессиональной незаконной охоте средствами уголовного законодательства был поддержан. Так, уже Постановлением Совета народных комиссаров «О сроках охоты и праве на охотничье оружие» от 29 мая 1919 г. за посягательства на животный мир была установлена уголовная ответственность [13, с. 85], а в Декрете СНК РСФСР «Об охоте» от 20 июля 1920 г. были определены основные принципы занятия охотой на законных основаниях [14, с. 173–174]. С 1921 г. охота стала условно подразделяться на промысловую, спортивную и любительскую, и дальнейший интерес законодателя был обращён именно к промысловой охоте, связанной не только с заготовлением дичи и пушнины для государства, но и с незаконными посягательствами «профессионалов» на животный мир [15, с. 66–71].

Отметим, что с формированием системы советского уголовного законодательства уже в первых нормах уголовного закона нашли отражение правовые начала борьбы с опасным криминальным «ремеслом» профессиональных браконьеров-охотников и лиц, способствующих осуществлению этого промысла. Так, в ст. 99 УК РСФСР 1922 г. устанавливалось: за охоту в недозволенное время, в недозволенных местах и недозволенными способами, и приемами виновных надлежало лишать свободы или наказывать принудительными работами на срок до одного года с конфискацией незаконно добытого, а равно орудий охоты или лова, или штрафом до пятисот рублей золотом [16]. По мнению одного из создателей первого советского Уголовного кодекса Г.В. Швекова: «Значение ст. 99 УК РСФСР трудно переоценить. Она создала широкую основу для организации беспощадной борьбы с проявлениями хищнического и бесхозяйственного отношения к природным богатствам страны» [17, с. 197].

Между тем, в УК РСФСР 1926 г. указанная норма не была включена, и уголовная ответственность в сфере охраны объектов живой природы была установлена только за производство рыбного, звериного и других водных добывающих промыслов в морях, реках и озерах, имеющих общегосударственное значение, без надлежащего на то разрешения, либо в запретное время, либо в недозволенных местах и недозволенными орудиями, способами и приемами (ст. 86 УК РСФСР 1926 г.) [18]. Незаконная охота, в свою очередь, оставалась в числе административных правонарушений. Однако, в 1928 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР специальным постановлением дополнил Уголовный кодекс РСФСР ст. 86.1 следующего содержания: «Производство охоты в запрещённых местах, в запрещённые сроки или запрещёнными способами или орудиями» наказывается лишением свободы или принудительными работами на срок до шесть месяцев или штрафом до трёхсот рублями с обязательной конфискацией добытого» [19, с. 599–600]. В 1932 г. санкции по указанной норме были разработаны более детально, принудительные работы заменялись исправительно-трудовыми [18]. Важным было дополнение ст. 86.1 УК РСФСР 1922 г. словами «с конфискацией орудий охоты или без таковой», вследствие чего исключалась возможность повторного совершения указанных деяний в будущем, а значит, и профессиональный характер, по усмотрению законодателя, такая деятельность не могла приобретать. Хотя, в целом, справедливо отметить, на криминальный профессионализм данная норма попрежнему не указывала, поэтому к тождественному наказанию надлежало приговаривать как браконьеров-охотников, совершивших указанное преступление единожды, так и «профессионалов», «зарабатывающих» на незаконной охоте.

Хотя, справедливости ради, укажем, что действие п. «е» ст. 25 УК РСФСР 1922 г., предусматривающей при назначении наказания учитывать «совершено ли преступление профессиональным преступником или рецидивистом, или оно совершено в первый раз» в сочетании со ст. 99 данного кодекса, позволяющей привлечь к ответственности за незаконную охоту, давало возможность правоприменителям назначить более суровое наказание [16]. Однако, как уже упоминалось ранее, в УК РСФСР 1926 г. не была включена ст. 99, равно как и п. «е» ст. 25 УК РСФСР 1922 г., вследствие чего противодействовать уголовно-правовыми средствами промыслу профессиональных браконье-

ров-охотников было затруднительно.

В 1950-е гг. издана серия нормативно-правовых документов, регламентирующих использование, охрану отдельных видов животных, а также мест их обитания [15, с. 66–71]. В новом УК РСФСР 1960 г., по справедливому утверждению отдельных исследователей [20, с. 199–202], составы преступлений, устанавливающих ответственность за посягательства на животный мир, также были разработаны более детально. Так, ст. 166 УК РСФСР 1960 г. запрещала под угрозой наказания охоту без надлежащего на то разрешения или в запрещенных местах, либо в запрещенные сроки, запрещенными орудиями и способами [21]. Далее в ст. 166 УК РСФСР Указом Президиума ВС РСФСР от 15.12.1972 г. «Об усилении ответственности за нарушения правил охоты, уклонение от обязательной сдачи государству, незаконную продажу, скупку и переработку пушнины» были внесены изменения. Так, более сурово законом стала наказываться незаконная охота с причинением крупного ущерба, что автоматически «приближает» указанный состав преступления к составу преступления, обладающего высоким потенциалом применения криминального профессионализма, поскольку крупный ущерб традиционно уголовным законодательством оценивается именно с точки зрения материальной ценности предмета преступления, в данном случае – стоимости убитой дичи Это даёт основание заключить, что в рассматриваемой ситуации совершение преступником такого деяния предлагает извлечение от незаконной охоты выгоды именно материального характера или по-другому прибыли (причём существенной), а, в свою очередь, извлечение прибыли от совершения преступления сопряжённое с обладанием виновным специальных преступных «охотничьих» умений и навыков позволяет отнести указанное деяние к криминальному промыслу преступников-профессионалов.

Кроме того, Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 15.12.1972 г. «Об усилении ответственности за нарушения правил охоты, уклонение от обязательной сдачи государству, незаконную продажу, скупку и переработку пушнины» в УК РСФСР 1960 г.добавлена ст. 166.1. Теперь уголовным законом наряду с прочим преследовалась продажа, скупка или обмен шкурок ценных видов пушных зверей, добытых охотой, не имеющих государственного клейма (штампа), подлежащих обязательной сдаче государству (если указанные действия совершены после применения мер административного взыскания за идентичные нарушения) (ст. 166.1 УК РСФСР 1960 г.) [22]. С одной стороны, указанная норма не содержит признаков, позволяющих идентифицировать данное деяние как промысел профессиональных преступников, поскольку представленная статья полностью соответствует курсу внутренней политики советского государства, направленного на борьбу со спекуляцией, однако, с другой стороны, именно введение в действие этой нормы позволяет утверждать, что незаконная охота в ряде случаев в рассматриваемый период имела «продолжение», поскольку, как раз, незаконная продажа и скупка шкурок пушных зверей позволяла «замкнуть» преступную «цепочку», давая возможность лицам, промышляющим незаконной охотой сбыть «товар» и получить за него вознаграждение. Вследствие этого можно утверждать, что введение представленной нормы в УК РСФСР 1960 г. также указывает на развитие «ремесла» профессиональных браконьеров-охотников, промышляющих, как раз, незаконной охотой и извлекающих от этого вида деятельности постоянную прибыль.

Как видим, именно в советский период уголовное законодательство стало более решительно бороться с «ремеслом» профессиональных браконьеров, промышляющих незаконной охотой с целью дальнейшей продажи дичи, добытой преступным путём, и извлечения прибыли. На это указывают отдельные нормы советского уголовного законодательства. Однако целенаправленной борьбы верховная власть средствами уголовного закона с указанным криминальным промыслом, как и в дореволюционное время, не вела.

В современном УК РФ посягательства на объекты животного мира влекут за собой ответственность согласно ряду статей, помещённых в специальную Гл. 26 (Экологиче-

ские преступления). За незаконную охоту по представленным в законе основаниям уголовную ответственность устанавливает ст. 258 УК РФ. При этом с точки зрения характеристики противодействия промыслу профессиональных браконьеров-охотников уголовно-правовыми средствами интересно такое обстоятельство, как совершение обозначенного деяния с причинением крупного и как квалифицирующий признак – особо крупного ущерба. Как уже определялось ранее, именно указание на данное обстоятельство позволяет уголовно-правовыми средствами идентифицировать корыстный мотив совершаемого деяния, что, в свою очередь, косвенно указывает на криминальный профессионализм преступника. Между тем, современный уголовный закон в полной мере не позволяет вычленить из остальной массы правонарушителей именно «профессионалов» и привлечь их к ответственности соизмеримо с характером и степенью общественной опасности совершаемых ими деяний. Хотя объективная потребность в этом сегодня существует.

Так, отдельные исследователи справедливо отмечают, что именно в настоящее время несмотря на то, что браконьеры (в числе которых и профессиональные охотники), на первый взгляд, не вписываются в «общую схему профессиональной преступности», они наносят значительный ущерб благосостоянию общества и государства, и их деятельность имеет все признаки профессиональной противоправной [23, с. 38–40]. Другие учёные уточняют, что к таким признакам сегодня следует отнести восприятие профессиональными браконьерами-охотниками своей противоправной деятельности, как основного источника дохода, обладание данными лицами специальными навыками, умениями и знаниями, связанными с особенностями охоты, а также специальным оборудованием (например, нарезным оружием) и средствами передвижения, указывающими на наличие криминальной квалификации. В свою очередь, связи с лицами, осуществляющими перепродажу добытой дичи на постоянной основе, свидетельствуют о включенности профессиональных браконьеров-охотников в систему криминальных отношений, что также позволяет отождествлять их с преступниками-профессионалами [24, с. 56–60]. Однако, как также справедливо отмечают отдельные современные исследователи, уголовный закон даже в условиях такого опасного положения трансформации профессионального криминального мира по-прежнему не отвечает новым запросам времени [25, с. 43–47]. В связи с этим считаем важным указать на необходимость модернизации современного уголовного законодательства в рамках усиления борьбы с профессиональной преступностью в целом и с её отдельными видами (такими как промысел профессиональных браконьеров-охотников), в частности.

В качестве возможных мер совершенствования российского законодательства предлагаем: для пресечения преступных взаимодействий между профессиональными браконьерами и профессиональными «скупщиками» пушнины по аналогии со ст. 166.1 УК РСФСР 1960 г. ввести административную ответственность за скупку и перепродажу шкурок ценных видов пушных зверей, добытых незаконной охотой, в первый раз и уголовную ответственность за совершение указанного деяния повторно; в ч. 2 ст. 258 УК РФ установить новый квалифицирующий признак – совершение деяний, предусмотренных ч. 1 настоящей статьи повторно.

Полагаем, что, несмотря на то, что представленные меры также не в состоянии в полной мере «вычленить» все преступления, совершаемые «профессионалами» в данной сфере среди всего массива посягательств на животный мир, указанные изменения позволят сдержать дальнейшее развитие рассматриваемого вида криминального промысла.

Таким образом, метаморфозы, происходящие с развитием охотничьего промысла в истории российского государства, находили своё объективное отражение в отечественном законодательстве. Если в дореволюционное время (вплоть до принятия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и Уголовного уложения 1903 г.) незаконная охота преследовалась, в первую очередь, в связи с причинением указанными

деяниями вреда животному миру и биосистеме в целом, то с середины XIX в. незаконная охота стала справедливо оцениваться государством не только как «статусное хобби» или средство для добычи пропитания традиционным для общества способом, но и как опасный криминальный промысел, позволяющий таким охотникам «зарабатывать» на этом «псевдо хобби». В советский период курс на ужесточение борьбы уголовно-правовыми средствами с таким опасным преступным промыслом как промысел профессиональных браконьеров-охотников стал определяться более отчётливо. Нормы действующего в этот период законодательства предусматривали уголовную ответственность и за «традиционную» незаконную охоту (например, ст. 99 УК РСФСР 1922 г.) и за совершение указанного деяния профессиональным преступником (п. «е» ст. 25 УК РСФСР 1922 г.), и за незаконную охоту в крупном размере (ст. 166 УК РСФСР 1960 г.), и за продажу, скупку или обмен шкурок ценных видов пушных зверей, добытых охотой (если указанные действия совершены после применения мер административного взыскания за идентичные нарушения) (ст. 166.1 УК РСФСР 1960 г.). Представленные статьи позволяли ужесточить ответственность за повторность совершаемых деяний, за причинение крупного ущерба преступлением (по-другому, извлечение значительной прибыли), за способствование организации промысла профессиональных браконьеров-охотников «полного цикла» (со скупкой и перепродажей шкурок ценных видов пушных зверей, добытых охотой). Нормы современного уголовного закона на профессиональный характер промысла браконьеров-охотников указывают также опосредованно, что, по нашему усмотрению, не позволяет в полной мере, соизмеримо с характером и степенью общественной опасности совершаемых деяний привлекать к уголовной ответственности данных лиц. В связи с этим в условиях угроз и вызовов современности, связанных с «выходом» профессиональных браконьеров-охотников на новый «криминальный уровень» и значительным наращиванием их преступного потенциала, считаем необходимым дальнейшую модернизацию норм УК РФ в указанном направлении.

Список литературы:

1. Соборное Уложение 1649 г. [Электронный документ]. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm (дата обращения 04.01.2025) – Текст: электронный.
2. Именной, сказанный всякий чинов людям «О невыезде на псовую охоту около Москвы в ближайших местах и неистреблении птиц» от 8 мая 1683 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. 2. – СПб., 1830. – 974 с. – Текст: непосредственный.
3. Именной, объявленный Генерал-Полицмейстером Салтыковым «О воспрещении заячьей охоты в окрестностях Санкт-Петербурга» от 18 сентября 1732 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. 8. – СПб., 1830. – 1014 с. – Текст: непосредственный.
4. Именной «О запрещении около Москвы в 20 верстах ездить на охоту» от 2 апреля 1730 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. 8. – СПб., 1830. – 1014 с.
5. Сенатский в следствие Именного, объявленного Обер-Егермейстером Волынским «О размножении около Санкт-Петербурга и Петергофа зайцев, о присылке оных из других мест и о запрещении стрелять и ловить их около Санкт-Петербурга и Петергофа расстоянием на сто вёрст» от 3 января 1737 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. 10. – СПб., 1830. – 995 с.
6. Именной, объявленный из Кабинета Ея Величества Обер-Гофмейстеру Графу Салтыкову «О запрещении ездить на охоту ближе пятидесяти вёрст от Москвы» от 6 мая 1738 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. 10. – СПб., 1830. – 995 с. – Текст: непосредственный.
7. Именной, объявленный из Сената «О невыезде около Москвы со псовою охотою на сто верст расстояния во все стороны» от 19 декабря 1741 г.// Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. 11. – СПб., 1830. – 988 с. – Текст: непосредственный.
8. Именной, объявленный из Сената указ «О неловлении и нестрелянии никому зверей и птиц марта с 1 по 29 июня» от 17 июля 1763 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – Т. 16. – СПб., 1830. – 1016 с. – Текст: непосредственный.
9. Бакуменко А.А., Соболь И.А. Историческая эволюция правового механизма противодействия незаконной охоте в России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – № 2. – С. 35–37. – Текст: непосредственный.
10. Вестов Ф.А., Джораев А. Отдельные аспекты развития законодательства досоветского периода об уголовной ответственности за незаконную охоту // Базис. – 2023. – № 2 (14). – С. 42–46.
11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. – СПб., 1845. – 922 с.
12. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. – СПб.: кн. маг. В.П. Анисимова,

1903. – 253 с. – Текст: непосредственный.
13. Декрет Совета Народных Комиссаров. О сроках охоты и о праве на охотничье оружие. 27 мая 1919 г. // Собр. Узак. – 1919. – № 21. – С. 85. – Текст: непосредственный.
14. Декрет СНК. Об охоте. 20 июля 1920 г. // Собр. Узак. 1920. № 66. С. 173–174.
15. Гартфельд А.А. Виды ответственности за незаконную охоту (браконьерство) в России в первой половине XX века // Человек: преступление и наказание. – 2017. – № 1. – С. 66–71.
16. УК РФССР 1922 г. [Электронный документ]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22 (дата обращения 05.01.2025) – Текст: электронный.
17. Швеков Г.В. Первый советский Уголовный кодекс. – М., 1970. – 207 с. – Текст: непосредственный.
18. УК РФССР 1926 г. [Электронный документ]. URL: http://museumreforms.ru/node/13973.
19. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1928 г. № 47. Отдел первый / Народ. комиссариат юстиции. – М.: Б. и., б. г. – 618 с. – Текст: непосредственный.
20. Щербаков А.А. История становления уголовной ответственности за незаконную охоту // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – №7–2. – С. 199–202.
21. УК РФССР 1960 г. [Электронный документ]. URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13887
22. Указ Президиума Верховного совета РСФСР от 15 декабря 1972 г. «Об усилении ответственности за нарушения правил охоты, уклонение от обязательной сдачи государству, незаконную продажу, скупку и переработку пушнины» [Электронный документ]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7936.htm (дата обращения 05.01.2025) – Текст: электронный.
23. Ишигеев В.С., Бондарь А.Я. Браконьерство как новый вид криминального профессионализма // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 3 (54). – С. 38–40.
24. Репецкая А.Л. Характеристика трансформаций криминальных профессий постсоветского периода // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 4. – С. 56–60. – Текст: непосредственный.
25. Данчева С.Я. История уголовной политики российского государства в борьбе с профессиональной преступностью // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. – 2010. – № 5 (181). – С. 43–47.

Zarubina K. A. Countering criminal legal means of professional illegal hunting in Russia as a dangerous criminal trade: history and modernity // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 525-532.

This study analyzes the evolution of criminal law measures to counteract professional illegal hunting in Russia. It is established that for the first time public relations in the field of protection of wildlife are legally regulated in the Cathedral Code of 1649. Further, domestic legislation expands the range of socially dangerous acts encroaching on wildlife, with the allocation of special crimes for professional poachers-hunters. It is determined that illegal hunting as a type of criminal activity gradually acquired the features of criminal professionalism as the domestic professional criminal world developed, which was reflected in the current legislation. It has also been established that in modern times, professional poachers-hunters cause significant damage to the welfare of society and the state, and their activities have all the signs of professional illegality. Although the legislator currently does not propose adequate measures to counteract this activity by criminal legal means, as a result, it is noted that there is a need to modernize modern domestic criminal legislation in the framework of strengthening the fight against professional crime in general and with its individual types (such as the fishing of professional poachers and hunters), in particular.

Keywords: professional crime, criminal professionalism, crime prevention measures, criminal law, poachers, hunting, wildlife.

Spisok literatury:

1. Sobornoe Ulozhenie 1649 g. [Jelektronnyj dokument]. URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm (data obrashhenija 04.01.2025) – Tekst: jelektronnyj.
2. Imennoj, skazannyj vsjakij chinov ljudjam «O nevyezde na psovuju ohotu okolo Moskvy v blizhajshih mestah i neistreblenii ptic» ot 8 maja 1683 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. – T. 2. – SPb., 1830. – 974 s. – Tekst: neposredstvennyj.
3. Imennoj, ob#javlennyj General-Policmejsterom Saltykovym «O vospreshhenii zajach'ej ohoty v okrestnostjah Sankt-Peterburga» ot 18 sentjabrja 1732 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. – T. 8. – SPb., 1830. – 1014 s. – Tekst: neposredstvennyj.
4. Imennoj «O zapreshhenii okolo Moskvy v 20 verstah ezdit' na ohotu» ot 2 aprelja 1730 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. – T. 8. – SPb., 1830. – 1014 s. – Tekst: neposredstvennyj.
5. Senatskij v sledstvie Imennogo, ob#javlennogo Ober-Egermejsterom Volynskim «O razmnozhenii okolo Sankt-Peterburga i Petergofa zajcev, o prisylke onyh iz drugih mest i o zapreshhenii streljat' i lovit' ih okolo Sankt-Peterburga i Petergofa rasstojaniem na sto vjorst» ot 3 janvarja 1737 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. – T. 10. – SPb., 1830. – 995 s. – Tekst: neposredstvennyj.
6. Imennoj, ob#javlennyj iz Kabineta Eja Velichestva Ober-Gofmejsteru Grafu Saltykovu «O zapreshhenii ezdit' na ohotu blizhe pjatidesjati vjorst ot Moskvy» ot 6 maja 1738 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. – T. 10. – SPb., 1830. – 995 s. – Tekst: neposredstvennyj.
7. Imennoj, ob#javlennyj iz Senata «O nevyezde okolo Moskvy so psovoju ohotoju na sto verst rasstojanija vo vse storony» ot 19 dekabrja 1741 g.// Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. – T. 11. – SPb., 1830. – 988 s. – Tekst: neposredstvennyj.

8. Imennoj, ob#javlennyj iz Senata ukaz «O nelovlenii i nestreljanii nikomu zverej i ptic marta s 1 po 29 ijunja» ot 17 ijulja 1763 g. // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie pervoe. – T. 16. – SPb., 1830. – 1016 s. – Tekst: neposredstvennyj.
9. Bakumenko A.A., Sobol' I.A. Istoricheskaja jevoljucija pravovogo mehanizma protivodejstvija nezakonnoj ohote v Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2012. – № 2. – S. 35–37.
10. Vestov F.A., Dzhoraev A. Otdel'nye aspekty razvitija zakonodatel'stva dosovetskogo perioda ob ugolovnoj otvetstvennosti za nezakonnuju ohotu // Bazis. – 2023. – № 2 (14). – S. 42–46. – Tekst: neposredstvennyj.
11. Ulozhenie o nakazanijah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1845 g. – SPb., 1845. – 922 s.
12. Novoe ugolovnoe ulozhenie, vysochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g. – SPb.: kn. mag. V.P. Anisimova, 1903. – 253 s. – Tekst: neposredstvennyj.
13. Dekret Soveta Narodnyh Komissarov. O srokah ohoty i o prave na ohotnich'e oruzhie. 27 maja 1919 g. // Sobr. Uzak. – 1919. – № 21. – S. 85. – Tekst: neposredstvennyj.
14. Dekret Soveta Narodnyh Komissarov. Ob ohote. 20 ijulja 1920 g. // Sobr. Uzak. 1920. № 66. S. 173–174.
15. Gartfel'd A.A. Vidy otvetstvennosti za nezakonnuju ohotu (brakon'erstvo) v Rossii v pervoj polovine HH veka // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. – 2017. – № 1. – S. 66–71. – Tekst: neposredstvennyj.
16. UK RFSSR 1922 g. [Jelektronnyj dokument]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/ugkod_22
17. Shvekov G.V. Pervyj sovetskij Ugolovnyj kodeks. – M., 1970. – 207 s. – Tekst: neposredstvennyj.
18. UK RFSSR 1926 g. [Jelektronnyj dokument]. URL: http://museumreforms.ru/node/13973 (data obrashhenija 05.01.2025) – Tekst: jelektronnyj.
19. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij Raboche-Krest'janskogo pravitel'stva RSFSR za 1928 g. № 47. Otdel pervyj / Narod. komissariat justicii. – M.: B. i., b. g. – 618 s. – Tekst: neposredstvennyj.
20. Shherbakov A.A. Istorija stanovlenija ugolovnoj otvetstvennosti za nezakonnuju ohotu // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2020. – №7–2. – S. 199–202. – Tekst: neposredstvennyj.
21. UK RFSSR 1960 g. [Jelektronnyj dokument]. URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13887 (
22. Ukaz Prezidiuma Verhovnogo soveta RSFSR ot 15 dekabrja 1972 g. «Ob usilenii otvetstvennosti za narushenija pravil ohoty, uklonenie ot objazatel'noj sdachi gosudarstvu, nezakonnuju prodazhu, skupku i pererabotku pushniny» [Jelektronnyj dokument]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_7936.htm
23. Ishigeev V.S., Bondar' A.Ja. Brakon'erstvo kak novyj vid kriminal'nogo professionalizma // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. – 2013. – № 3 (54). – S. 38–40. – Tekst: neposredstvennyj.
24. Repeckaja A.L. Harakteristika transformacij kriminal'nyh professij postsovetskogo perioda // Sibirskij juridicheskij vestnik. – 2017. – № 4. – S. 56–60. – Tekst: neposredstvennyj.
25. Dancheva S.Ja. Istorija ugolovnoj politiki rossijskogo gosudarstva v bor'be s professional'noj prestupnost'ju // Vestnik JuUrGU. Serija: Pravo. – 2010. – № 5 (181). – S. 43–47.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 533-546.

УДК 343.148.5/342.9

МЕТОДИКА СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Капранов А. В.

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростовский филиал Российской таможенной академии

Статья посвящена исследованию методики производства судебно-экономических экспертиз по делам о преступлениях совершенных в сфере закупок товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд. Автор раскрывает суть судебно-экономической экспертизы как процессуального инструмента, позволяющего определить размер имущественного вреда по государственным и муниципальным контрактам путем исследования экономического содержания закупочных процедур. Обосновывается на примере типичных схем, способов совершения преступлений, что выбор методов судебно-экономической экспертизы напрямую зависит от понимания механизма реализации противоправной схемы в сфере государственных и муниципальных закупок. Методика судебно-экономической экспертизы по делам о преступлениях, совершенных в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд базируется на комплексном применении методов, адаптированных к специфике закупочного цикла. Делается вывод о том, что результативность судебно-экономической экспертизы непосредственно обусловлена соблюдением процессуального порядка ее назначения и производства, учета типиных схем преступного поведения.

Ключевые слова: государственные и муниципальные закупки, судебная практика, типовые схемы преступления, судебно-экономическая экспертиза, производство экспертизы, эксперт, методика, методы экспертного исследования.

В рамках противодействия преступлениями в сфере государственных и муниципальных закупок судебно-экономическая экспертиза выступает в качестве фундаментального инструмента финансово-криминалистического расследования. С учетом того, что правонарушения в сфере государственных и муниципальных закупок являются не просто частным проявлением нарушения закона, а самостоятельным, комплексным явлением, обладающим специфическим правовым содержанием, суть которых состоит в системном нарушении фундаментальных принципов контрактной системы для достижения противоправных целей, основная задача экспертизы данного вида – обеспечение беспристрастного выяснения фактов, складывающихся на различных стадиях закупочного процесса и касающихся неправомерного расходования бюджетных средств, нанесения экономического ущерба и получения незаконной прибыли.

Содержание судебно-экономической экспертизы в контексте государственных и муниципальных закупок определяется её предметом, включающим совокупность финансово-хозяйственных операций и сопутствующей документации на этапах закупочного цикла. В рамках экспертизы проводится экономический анализ этих материалов, направленный на выявление любых признаков, которые могут свидетельствовать о нарушении нормальных рыночных условий или нецелесообразности использования бюджетных средств.

Эффективность проведения судебно-экономической экспертизы в контексте расследования правонарушений в сфере государственных и муниципальных закупок обусловлена наличием четкой методологической базы, широкого круга апробированных методов данного вида экспертизы. Данная база позволяет эксперту реализовывать комплексный подход к решению широкого круга задач, варьирующихся от проверки экономической обоснованности начальной цены контракта до выявления и анализа сложных коррупционных схем и фактов хищения бюджетных средств.

При рассмотрении дел о нарушениях в сфере государственных и муниципальных закупок методика приобретает выраженную специфику, обусловленную особенностями нормативно-правового регулирования контрактной системы, многоаспектной природой объектов исследования [1, с. 449] и необходимостью всестороннего анализа движения бюджетных средств. Как отмечает Капустина Ю.А., методика судебно-экономической экспертизы – это «программа действий, предписывающая эксперту использовать в определенной последовательности и взаимосвязи методы исследования объектов, приемы и технические средства

для решения экспертной задачи» [2, с. 67].

В структуру методики производства судебно-экономической экспертизы по указанной категории дел входят следующие базовые элементы: специфичные объекты экспертного исследования; типовые экспертные задачи; определенный алгоритм (последовательность) действий эксперта; методы исследования. Обратимся к анализу каждого из перечисленных элементов применительно к рассматриваемой категории дел. Объекты исследования при производстве судебно-экономической экспертизы по делам о преступлениях, совершаемых в сфере государственных закупок целесообразно классифицировать по следующим группам: 1) документы, отражающие движение денежных средств: расширенные выписки по расчетным, текущим, лицевым счетам с приложенными платежными документами, банковские ордера; 2) документы, фиксирующие договорные отношения и их исполнение: государственные и муниципальные контракты, договоры субподряда, счета-фактур, товарные накладные, акты о приемке выполненных работ, справки о стоимости выполненных работ; 3) документы, содержащие сведения об участниках закупки: данные о государственной регистрации, ИНН, уставы, приказы о назначении руководителей, сведения об открытых счетах в кредитных организациях; 4) иные материалы дела: протоколы следственных и судебных действий, заключения иных экспертиз, материалы «чернового» (неофициального) учета [3, с. 45-51].

Помимо перечисленных объектов, Россинская Е.Р. и Майлис Н.П. предлагают относить к их числу также следующие документы: «бухгалтерская и налоговая отчетность – бухгалтерский баланс и приложение к нему, налоговые декларации; калькуляции – сметы предстоящих расходов, финансовые и бизнес-планы, технико-экономические обоснования заключения сделки; организационно-распорядительные документы – приказы, распоряжения, поручения, положения, регламентирующие финансово-хозяйствующую деятельность; документы, изъятые у контрагентов» [4, с. 119].

Помимо традиционных документальных источников, судебно-экономическая экспертиза активно использует цифровую информацию, поступающую от контрольно-надзорных органов, подключая, таким образом, ресурсы цифровой криминалистики [5, с. 380]. Ключевым инструментом для сбора такой информации выступает мобильное приложение «Инспектор», правовые основы применения которого закреплены в ФЗ 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [6]. Приложение позволяет проводить контрольные мероприятия дистанционно, используя систему авторизации через «Госуслуги». Оно обеспечивает строгий контроль геопозиции, мгновенно выявляя попытки её подмены и уведомляя об этом участников закупки. Все материалы, полученные в ходе проверки, автоматически сохраняются на защищенных серверах. История проведенных мероприятий хранится в течение пяти лет и доступна как инспектору, так и контролируемому лицу, что предоставляет возможность для обжалования результатов [7].

Пилотный проект приложения, запущенный в мае 2024 г., продемонстрировал высокую результативность, что позволило закрепить за ним с начала 2025 г. статус основного инструмента для дистанционного контроля. Эффективность внедрения подтверждается статистикой: по итогам 2025 г. с помощью МП «Инспектор» было проведено 51 тыс. проверок (в 25 раз больше, чем годом ранее) [8]. Главное преимущество приложения – это создание цифрового следа каждого контрольного мероприятия. Для эксперта-экономиста это означает появление нового, документально зафиксированного источника информации, позволяющего выявлять расхождения между фактическим состоянием дел на объекте и его отражением в учетной документации участников закупки.

Исходя из специфики указанных объектов экспертного исследования, в зависимости от обстоятельств расследуемого правонарушения перед экспертом-экономистом могут быть поставлены следующие типовые задачи: анализ соответствия примененной цены государственного и муниципального контракта нормам законодательства о контрактной системе; определение размера материального ущерба, причиненного государственному или муниципальному бюджету в связи с нарушениями при заключении и исполнении контрактов; выявление в закупочной документации условий, ограничивающих количество потенциальных

участников; определение аффилированности участников закупки и заказчика; выявление признаков сговора между участниками закупки; анализ финансового состояния участников закупки и др. [9]. Производство судебно-экономической экспертизы представляет собой строго регламентированную процессуальным законом последовательность действий эксперта, направленных на установление объективной истины по делу. Согласно ст. 8 ФЗ 2001 г. «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в основе данного процесса лежат принципы полноты, всесторонности, объективности и научной обоснованности проводимых исследований (далее Федеральный закон № 73-ФЗ) [10].

На подготовительном этапе эксперт осуществляет анализ поступивших материалов, оценивает их достаточность для дачи заключения и определяет методы предстоящего исследования. Эксперт обязан принять порученную ему экспертизу к производству лишь при наличии двух необходимых условий – соответствия поставленных вопросов его компетенции и достаточности представленных материалов для дачи заключения.

Последующие действия эксперта включают изучение процессуального документа о назначении экспертизы (постановление следователя либо определение суда). Далее производится сверка наличия всех объектов исследования, поименованных в указанном документе. Параллельно осуществляется оценка состояния представленных документов на предмет их пригодности для экспертного исследования: проверяется отсутствие признаков подделки либо повреждений, препятствующих однозначному прочтению и толкованию содержащихся в них сведений.

В рамках рассматриваемой стадии осуществляется определение и обоснование выбора конкретных методов исследования, подходящих характеру представленных объектов и содержанию экспертных задач. Под методами судебно-экономической экспертизы, солидаризируясь с Лесняк В.В., Селезнева Е.М. и Аракельянц Э.С., предлагаем понимать: «совокупность приемов, используемых экспертом-экономистом при исследовании документов бухгалтерского, статистического, оперативного учета, управленческого учета записей счетных регистров в совокупности с документами гражданско-правового характера и другими материалами дела и даче заключения по поставленным перед ним вопросам, входящим в его компетенцию» [11, с 113]. Следует выделять общие и специальные методы исследования. Общими принято называть методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, абстрагирования, системного анализа, аналогии и др. К специальным, уже более предметно учитывающим специфику экспертизы данного вида, традиционно относят: методы расчетно-аналитические и методы документального контроля [12, с. 90]. В ходе исследовательского этапа эксперт последовательно применяет указанные методы. Данный этап подразделяется на три стадии: аналитическую, сравнительную и синтезирующую.

Аналитическая стадия (стадия раздельного исследования) представляет собой изучение экспертом каждой группы документов в отдельности. Используя методы формальной и нормативно-правовой проверки, эксперт анализирует внешние формы документов, наличие всех реквизитов, подписей, печатей, соответствие унифицированным формам с целью установления их соответствия требованиям законодательства о контрактной системе и о бухгалтерском учете. Применяя метод сравнения и аналогии, эксперт осуществляет проверку обоснованности выбора метода определения начальной (максимальной) цены контракта (далее – НМКЦ) на предмет его соответствия требованиям Федерального закона 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд [13] и методическим рекомендациям Минэкономразвития России 2013 г. № 567 [14].

В рамках стадии сравнительного анализа осуществляется сопоставление разных экземпляров одного документа, находящихся у различных сторон участников сделки в рамках проведения одной и той же операции. Эксперт проводит анализ исполнения государственного контракта, руководствуясь гл. 37 ГК РФ [15] и нормативными актами по бухгалтерскому учету. Используя метод взаимной сверки, он сопоставляет акты с данными журнала работ и складского учета, выявляя завышение сметной стоимости. С помощью расчетно-аналитических методов эксперт изучает структуру затрат на предмет их экономической обоснованности и документального подтверждения.

Синтезирующая стадия предполагает объединение результатов аналитических процедур и сравнительного анализа в целостную доказательственную базу. На данной стадии эксперт с помощью расчетно-аналитических и документальных (метод арифметической проверки) методов устанавливает величину стоимостных отклонений и исчисляет размер ущерба, причиненного бюджетной системе. Заключительный этап предполагает формулирование выводов и процессуальное оформление результатов. Данный этап имеет процессуально значимый характер, поскольку именно от качества его реализации зависит доказательственное значение результатов экспертного исследования. Эксперт обязан детально изложить ход проведенного исследования с указанием примененных методов и перечня изученных документов.

Итоговые выводы формулируются в виде четких и однозначных ответов на поставленные перед экспертом вопросы. Обоснованность выводов должна быть подтверждена ссылками на конкретные материалы дела (номера листов, реквизиты первичных документов). Сложные расчеты, таблицы, схемы движения денежных средств и графические материалы подлежат вынесению в приложение, которое является неотъемлемой частью заключения эксперта. Такая структуризация обеспечивает наглядность представленных выводов и создает условия для их проверки следствием и судом.

В зависимости от субъектов экспертной деятельности, реализующих методику судебно-экономической экспертизы по делам о правонарушениях в сфере государственных и муниципальных закупок, в деятельности различных экспертов отмечается определенная специфика ее применения. При общей методологической основе процедурные возможности производства экспертизы у государственных и частных экспертов имеют существенные отличия, что обусловлено их неодинаковым процессуальным статусом и организационно-правовым положением. Деятельность государственных экспертов регламентируется унифицированными ведомственными методиками, прошедшими апробацию и рекомендованных к применению. Исследование строго алгоритмизировано, что обеспечивает воспроизводимость результатов и возможность ведомственного контроля. Государственные эксперты обладают доступом к закрытым ведомственным информационным массивам и ориентируются преимущественно на материалы уголовного дела и официальные статистические данные. В сфере закупок для государственных и муниципальных нужд, например, при исследовании НМЦК, государственные эксперты опираются на ведомственные рекомендации, базирующиеся на приоритете методов, установленных законодательством о контрактной системе.

Частные эксперты в своей деятельности так же руководствуются положениями процессуального законодательства и Федерального закона № 73-ФЗ (ст. 41). Однако при этом следование ведомственным методикам для них не обязательно, если иное не предусмотрено законом или заданием на экспертизу. Выбор оптимальной методики исследования осуществляется частными экспертами самостоятельно – с учетом поставленных задач, специфики документов и актуальных научных разработок, что позволяет внедрять авторские подходы и современные экономико-математические методы. В сфере государственных и муниципальных закупок частные эксперты значительно чаще применяют подходы, заимствованные из оценки бизнеса и имущества, при анализе НМЦК и расчете ущерба. Данная тенденция обусловлена наличием у многих частных экспертов квалификации оценщика. В своей деятельности они активно используют профессиональные базы данных (СПАРК, Контур.Фокус) для проверки контрагентов и результаты мониторинга цен из открытых источников (электронные торговые площадки, сайты производителей). Таким образом, регламентированная методика государственных экспертов гарантирует стабильность и единообразие экспертных исследований, в то время как методы частных экспертов обеспечивают гибкость и соответствие текущим экономическим условиям.

Анализ следственной и судебной практики позволяет выделить несколько (не менее шести) типовых схем совершения преступлений, реализуемых в в сфере закупок товаров и услуг для государственных и муниципальных нужд, предопределяющих в дальнейшем выбор экспертом тех или иных методов. К таким типовым схемам предлагаем относить: искусственное дробление закупок, картельные сговоры, «заточка» технического задания, со-

здание подставных или фиктивных организаций, посредничество по «откатам», нецелевое расходование («распил») бюджетных средств. При осуществлении закупки неконкурентным способом (закупка у единственного поставщика [16, с. 457-464), самой распространенной схемой совершения преступлений является необоснованное деление лотов (искусственное дробление закупок) – преднамеренное разделение одной крупной закупки на несколько мелких. Заказчики прибегают к разукрупнению заказов преимущественно для ускорения поставки товаров (выполнения работ, оказания услуг), упрощения закупочных процедур или в целях извлечения личной выгоды.

Признаками искусственного дробления являются: регулярное приобретение одних и тех же товаров, услуг или работ, причем закупки совершаются либо в сжатые сроки, либо в течение одного рабочего дня; заключение большого количества небольших контрактов с одной и той же компанией, несмотря на то, что на рынке есть другие поставщики, готовые предложить аналогичные товары, услуги или работы; применение сумм, которые находятся на грани установленных лимитов (например, согласно п. 4 и 5 ч. 1 ст. 93 ФЗ № 44-ФЗ это суммы до 600 тыс. руб.), что позволяет осуществлять закупки у одного поставщика; заказчик не может предоставить убедительных причин или доказательств того, почему весь необходимый объем товаров, услуг или работ не был приобретен единовременно в рамках одной закупки, что указывает на отсутствие экономического или производственного обоснования для такого подхода.

Так, например, в 2021 г. одна из школ Крымского района Краснодарского края заключила 23 муниципальных контракта на выполнение работ по капитальному ремонту помещений с единственным поставщиком по правилам малых закупок. Сумма каждой сделки не превышала 600 000 руб., общая сумма всех контрактов составила свыше 12 млн. руб. Финансирование выполнения указанных работ осуществлялось за счет средств краевого и местного бюджетов. Прокуратура усмотрела в действиях заказчика искусственное дробление закупки, ввиду идентичности работ и их осуществления в одном здании, и потребовала признать сделки недействительными. Разрешая спор, суды первой и апелляционной инстанции указали [17], что подрядчик как профессиональный участник рынка, зная о нарушениях, выполнял работы без законных оснований, что лишает его права на оплату. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 17.10.2024 [18], оставило без изменения решения предыдущих инстанций, признало муниципальные контракты недействительными. Суды установили, что контракты были заключены в обход конкурентных процедур, предусмотренных законом № 44-ФЗ. На это указывали следующие признаки: идентичный предмет контрактов и близкие даты их заключения, непрерывность работ и единые подходы к их выполнению, отсутствие объективных оснований для разделения закупки на множество мелких контрактов.

При осуществлении закупки конкурентными способами, недобросовестные участники торгов, на этапе проведения процедуры закупки и определения победителя, могут заключать между собой неформальные соглашения с целью поддержания цен на торгах. Такие договоренности называют сговорами. Выделяют два основных вида сговоров: картельный (картель) и между организатором торгов и исполнителем контракта.

В соответствии с ФЗ 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [19] картелем признаются соглашения между хозяйствующими субъектами-конкурентами, осуществляющими продажу или приобретение товаров на одном товарном рынке, которые могут привести к искусственному завышению или занижению цен, недобросовестной конкуренции на торгах, разделению рынка по различным критериям (территория, объем, ассортимент, участники), сокращению предложения или отказу от сотрудничества с определенными продавцами или покупателями .

Основные схемы реализации картельного сговора, по предложению С.Б. Лапиной, подразделяются на следующие виды: «подача неконкурентоспособного предложения»; «ограничение участия»; «сговор аффилированных друг с другом участников открытого аукциона (не менее трех) против других участников торгов» [20, с. 264-271].

Последняя схема заключается в сговоре трех хозяйствующих субъектов, направленном против добросовестных участников торгов. При проведении электронного аукциона, рас-

сматриваемая схема получила название «Таран». Реализация схемы «Таран» предполагает следующий порядок действий: два участника картеля в начальный период торгов (на первых минутах) осуществляют последовательное и существенное снижение цены лота, с целью введения в заблуждение добросовестных участников аукциона и их отказа от дальнейшей конкурентной борьбы. В заключительный период аукциона (на последних секундах) третий участник сговора делает ценовое предложение, которое незначительно превышает предложение «таранов», но остается ниже предложений добросовестных участников, отказавшихся от торгов. По результатам рассмотрения вторых частей поступивших заявок, документация двух первых участников, осуществивших снижение цены, признается не соответствующей требованиям проведения торгов, по причине неполноты или несоответствия документов законодательству, что делает невозможным заключение с ними государственных контрактов. В итоге, контракт заключается государственным заказчиком с третьим участником картеля.

В качестве примера картельного сговора рассмотрим дело Управления Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области (, которое выявило сговор двух участников закупок с целью поддержания цен на торгах. Было установлено, что в 2020 и 2021 гг. ООО «ГрандМедТех» и индивидуальный предприниматель совместно участвовали в четырнадцати электронных аукционах по оказанию услуг по ремонту и обслуживанию медицинского оборудования. Они действовали по схеме, когда один участник намеренно предлагал минимальное снижение цены, чтобы второй участник сговора мог выиграть торги по завышенной стоимости. Решением УФАС по Новосибирской области от 24.08.2023 № 054/01/11-752/2023[21] ООО «ГрандМедТех» и индивидуальный предпринимать были признаны нарушившими п. 2 ч. 1 ст. 11 Федерального закона № 135-ФЗ – заключение и реализация антиконкурентного соглашения (картеля), которое привело или могло привести к повышению, снижению или поддержанию цен на торгах.

ООО «ГрандМедТех» попыталось оспорить решение антимонопольной службы, однако решение Арбитражного суда Новосибирской области от 19.01.2024 [22], постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16.04.2024 № 07АП-1612/24 [23] и постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.08.2024 № Ф04-3154/2024 [24] по делу № А45-32427/2023 подтвердили наличие устного картельного сговора. Доказательствами послужили: использование общей инфраструктуры (подача заявок с одного IP-адреса), идентичность первых частей заявок, наличие кадровых и финансовых связей, а также единая модель поведения на торгах, направленная на устранение конкуренции и получение необоснованных преимуществ. При сговоре заказчика и исполнителя контракта распространенной схемой является так называемая «заточка» технического задания. Схема заключается в преднамеренном составлении технического задания так, чтобы ему соответствовал только определенный поставщик. Так, Кириллова О.Ю., Хальфин Р.М. и Малышева Г.К. отмечают, что «техническое задание может: содержать сжатые сроки исполнения контрактов; быть укрупнено за счет объединения в один лот абсолютно различных товаров, работ и услуг; быть экономически нецелесообразным, невыгодным (особенно работы и услуги)» [25, с. 60-67].

В результате такой «заточки» единственный участник получает неконкурентные преимущества, а сама процедура выбора теряет свой смысл, превращаясь в формальность, не позволяющую выбрать наиболее выгодное предложение на рынке. Это типичная, подготовительная схема, которая почти всегда реализуется в связке с другими.

Еще одной схемой совершения преступлений при определении победителя закупки является создание недобросовестными государственными и муниципальными служащими фиктивных (подставных) организаций. Этот способ часто используется в комбинации с другими схемами для сокрытия незаконного воздействия на процесс заключения контракта. Коррумпированный чиновник, используя фиктивную компанию, получает возможность влиять на ход конкурсных процедур и оказывать давление на добросовестных участников, чтобы обеспечить победу своей подставной фирмы и извлечь неправомерную выгоду. Нередко предполагается, что компания не сможет выполнить условия контракта, вплоть до полного отсутствия поставки товаров или оказания услуг. Как отмечают Михайлова Н.С. и Марков

С.Е., типичная фиктивная организация обладает следующими признаками: «наличие номинального учредителя; регистрация предприятия на фиктивный адрес или по утраченным документам; одно и то же физическое лицо является учредителем в нескольких фирмах; отсутствие фактического управления и ведения деятельности хозяйствующего субъекта; частая «миграция» юридического лица в форме смены юридического адреса, слияние (поглощение) с другими юридическими лицами; кадровый состав не соответствует масштабам организации; финансовая (в том числе налоговая) отчетность носит сомнительный характер: показатели деятельности нулевые либо содержат противоречия; финансово-хозяйственная деятельность организации строится на основании заключения агентских или иных посреднических договоров без объективных на то экономических или иных причин; отсутствие логической связи в управленческой деятельности (крупные сделки при минимальном объеме собственных средств)» [26, с. 179-192].

Основной схемой при проведении конкурса в государственных и муниципальных закупках является посредничество по откатам. Под «откатом» следует понимать «получение должностным лицом в качестве взятки денежных средств, эквивалентных части цены закупки, за содействие юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю в том, чтобы одержать победу при проведении конкурентных процедур закупки» [27, с 166168]. Содействие может проявляться в различных формах: передачи конфиденциальной инормации, либо приемка исполнения по контракту без фактиечской сверки объема выполненных услуг и работ и мн.др. В декабре 2025 г. Кировский районный суд г. Красноярска вынес приговор двум фигурантам дела о коррупции при государственных закупках сельхозтехники. Бывший заместитель директора департамента Министерства науки и высшего образования России и исполнительный директор ООО «КМ-Финанс» были признаны виновными по ч. 6 ст. 290 УК РФ (получение взятки), ч. 5 ст. 291 УК РФ (дача взятки) и получили по 8 лет колонии строго режима каждый [28].

Суд установил, что в 2022 г. чиновник обещал помочь ООО «КМ-Финанс» выиграть контракты на лизинг сельхозтехники, потребовав за это 2% от стоимости техники в виде отката. Эти средства должны были быть переведены на счета подконтрольных ему индивидуальных предпринимателей. В 2022-2023 гг. заместитель директора департамента продвигал интересы ООО «КМ-Финанс», направляя её коммерческие предложения в научные учреждения и рекомендуя заключать с ней государственные контракты. В результате проведенных электронных аукционов с данной компанией было заключено тридцать три контракта на общую сумму 930,4 млн. руб. Представитель компании договорился о передаче государственному служащему вознаграждения в размере 11,9 млн. руб. Часть оговоренной суммы была передана чиновнику по мере выполнения условий контракта. В период с 2023 г. по 2024 г. заместитель директора департамента получил 6 млн. рублей от представителя ООО «КМ-ФИНАНС» [29]. Помимо схемы «откат», используется схема «распил», предполагающая завышение цены на контракт по закупке, а далее перераспределение разницы между коррупционными должностными лицами государственных и муниципальных органов и исполнителем [27, с. 166-168].

Рассмотренные типовые схемы действуют как единая, взаимосвязанная цепь. Так, «заточка» технического задания под определенного поставщика создает условия для ограничения конкуренции, что часто приводит к созданию картельных сговоров или фиктивных организаций, а также искусственному дроблению закупки. Когда определенный участник выигрывает по заранее «заточенным» правилам, это становиться основой для последующей схемы «отката» должностному лицу заказчика. Наконец, гарантированное заключение контракта на заведомо невыгодных условиях позволяет осуществить последнюю стадию – «распил» бюджетных средств, а далее актуализирует вопрос о легализации незаконных доходов. Незаконные доходы, полученные должностными лицами или отдельными организациями, обычно легализуются через несложные схемы. Одна из таких схем предполагает, что должностное лицо, являясь конечным владельцем ряда компаний, зарегистрированных на территории РФ с льготным налогообложением, переводит им свои преступные доходы. Затем, эти компании приобретают акции российских организаций, работающих в прибыльных секторах экономики. Через некоторое время акции выгодно перепродаются, а полученные

средства от сделок поступают на банковские счета компаний, подконтрольных должностному лицу, и обмениваются на иностранную валюту, завершая процесс легализации (отмывания).

Итак, проведем обзор специфики выбора методики исходя из типичных схем совершения преступления. При обнаружении признаков умышленного деления крупной закупки на несколько мелких, целью экспертного исследования является: установить, имела ли место единая хозяйственная операция или же это было искусственным дроблением для обхода конкурентных процедур. Эксперт-экономист прибегает к двум ключевым методам исследования: системному и хронологическому анализу. Метод системного анализа направлен на «изучение объекта исследования как совокупности элементов, образующих систему» [4, с. 128]. Применительно к государственным закупкам этот метод позволяет доказать, что несколько мелких закупок являются составными частями одной крупной сделки. Хронологический анализ позволяет производить исследование согласованности документов во временной (хронологической) последовательности. В контексте дробления закупок этот метод позволяет эксперту обнаружить временные отклонения, указывающие на искусственность разделения контрактов.

В рамках производства экспертизы данные методы образуют единый алгоритм. На первом этапе эксперт-экономист использует хронологический анализ для выявления группы подозрительных контрактов, заключенных за короткий промежуток времени. Для этого он исследует даты утверждения планов-графиков закупок и подписания контрактов, а также даты выполнения работ, оформления товарных накладных и платежных поручений. В ходе данного исследования эксперт может обнаружить признаки дробления: факты массового заключения однотипных контрактов с одним поставщиком в течение 1–3 дней, совпадение дат в актах выполненных работ по нескольким контрактам, заключенным в разные даты, и непрерывный характер выполнения работ. Выявленные обстоятельства в совокупности могут указывать на осуществление единого производственного процесса, искусственно разделенного на несколько сделок.

На втором этапе эксперт-экономист с помощью системного анализа исследует эти контракты как единое целое: сравнивает предметы договоров, смет, объемы работ и сведения об исполнителях, а также исследует технические задания к контрактам, данные ЕИС и электронных торговых площадок. В результате анализа сметной документации и технических заданий он может установить технологическую взаимосвязь работ. Например, заключение пяти отдельных контрактов на различные этапы капитального ремонта при их фактической неделимости указывает на необходимость проведения единой закупки. На третьем этапе эксперт-экономист формулирует вывод о том, что совокупность выявленных признаков (единство предмета, технологическая взаимосвязь работ) свидетельствует об искусственном дроблении единой закупки с целью уклонения от конкурентных процедур.

В ходе расследования случаев картельного сговора среди участников закупок, реализуемого по схеме «Таран» для создания видимости конкуренции, первостепенное значение приобретает оценка обоснования НМЦК контракта. Обоснование НМЦК контракта подразумевает расчет, к которому в обязательном порядке прилагаются подтверждающие документы, информационные источники или ссылки на них, использованные при определении указанной цены. В рамках данной оценки эксперт изучает извещение о закупке, техническое задание, а также всю сопутствующую проектно-сметную документацию. Помимо этого, как отмечают Чухнина Г.Я. и Урусова А.Б., «изучается принятый метод установления цены, правомерность его использования в конкретном случае, оценивается правильность определения цены в соответствии с данным методом» [30, с. 447-454].

При определении НМЦК предпочтительным выступает метод сопоставимых рыночных цен, иначе обозначаемый как анализ рынка, в рамках которого осуществляется установление НМЦК посредством сбора и анализа данных о рыночных ценах на идентичные или, при их отсутствии, однородные товары, работы или услуги, которые планируется закупить. Эксперт-экономист проверяет обоснование НМЦК, рассчитывая коэффициент вариации цен. Этот процесс начинается с определения того, является ли закупаемый объект идентичным или однородным. Затем собираются ценовые предложения от различных исполнителей

(рекомендуется не менее трех). Для оценки однородности полученных цен рассчитывается коэффициент вариации, после чего НМЦК контракта определяется с помощью рекомендованной формулы.

Согласно п. 3.20. раздела III Приказа Минэкономразвития России «коэффициент определяется по следующей формуле:

$$V = \sigma / ц \times 100\%$$

где:

V – коэффициент вариации;

σ – среднее квадратичное отклонение;

ц – средняя арифметическая величина цены единицы товара, работы, услуги» [14].

При превышении коэффициентом вариации порога в 33%, выборка характеризуется как неоднородная, что может указывать на наличие сговора или преднамеренного искажения данных при формировании предложений.

В п. 3.21. раздела III Приказа Минэкономразвития России «НМЦК методом сопоставимых рыночных цен (анализа рынка) определяется по следующей формуле:

$$НМЦК_{рын} = v/n \times \sum(n)_i = 1ц_i$$

где:

$НМЦК_{рын}$ – НМЦК, определяемая методом сопоставимых рыночных цен (анализа рынка);

v – количество (объем) закупаемого товара (работы, услуги);

n – количество значений, используемых в расчете;

i – номер источника ценовой информации;

ц_i – цена единицы товара, работы, услуги, представленная в источнике с номером i, скорректированная с учетом коэффициентов (индексов), применяемых для пересчета цен товаров, работ, услуг [14]».

При выявлении случаев, когда на торгах фиксируется резкое снижение цены со стороны «дружественного» участника, а объявленный победитель затем не подписывает контракт, экспертиза направлена на поиск признаков согласованности действий (сговора). В такой ситуации эксперт-экономист производит анализ аффилированности – поиск наличия формальных и неформальных связей, через которые одно лицо может влиять на другое. Анализ опирается на данные Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), базу данных ФАС России, информацию с электронных торговых площадок и специализированных сервисов. Для обнаружения связей эксперт изучает официальные реестры и протоколы, сопоставляет составы участников, руководителей и учредителей, проверяет адреса массовой регистрации. Если такие связи обнаруживаются, дополнительно оценивается экономическая целесообразность сделок и их юридическое оформление.

При расследовании схемы «Заточка», когда техническое задание намеренно подгоняется под конкретного поставщика, экспертиза направлена на выявление избыточных, уникальных или ограничивающих конкуренцию требований. Для этого используется сравнительный анализ, заключающийся во взаимном сопоставлении по различным показателям ряда документов, отражающих аналогичные операции [31, с. 71], и метод документальной (нормативно-правовой) проверки, позволяющий «установить соответствие отраженных в документах операций (действий) требованиям законодательных актов, выяснить правомерность самых различных производственных, хозяйственных и иных операций и выявить факты нарушений установленных правил» [32, с. 78].

Эксперт сопоставляет заявленные в техническом задании требования с объективными техническими и функциональными характеристиками товара, работы или услуги, которые действительно необходимы заказчику. Основная задача – выявить избыточные требования, которым может соответствовать продукция только одного производителя (или связанного с ним поставщика). Методологически это достигается путем сравнения технического задания с действующими ГОСТами, СНиПами, иными нормативными документами и коммерческими предложениями от потенциальных поставщиков. В процессе исследования нередко выявляются такие условия контракта по закупкам, которые заведомо не могут быт выполнены большинством участников торгов, и потенциально доступны лишь одному участнику.

При расследовании случаев создания фиктивных организаций, экспертиза направлена на

установление неспособности контрагента выполнить договор и выявление конечных получателей денежных средств. Ключевым методом при экспертном исследовании является анализ транзитных операций, заключающийся в выявлении и оценке фиктивных сделок, в рамках которых материальные активы формально (фиктивно) проходят через кампанию, не имея под собой реальных следов хозяйственной деятельности.

Эксперт-экономист изучает банковские выписки, отчеты о движении денежных средств и первичные документы с целью обнаружения характерных признаков: быстрое поступление денежных средств от заказчика и их списание в течение 2-3 дней на счета физических лиц с последующим закрытием этих счетов, обналичивание через зарплатные ведомости для неучтенных лиц или перевод на счета компаний, находящихся в специальных административных районах страны. Дополнительно эксперт может применить метод взаимного контроля, с помощью которого «изучаются различные бухгалтерские документы, прямо или косвенно отображающие проверяемый факт хозяйственной жизни» [12, с. 101]. В данном случае сопоставляется первичная документация с данными бухгалтерского учета субподрядчиков. Обнаружение в цепочке организаций, не представляющих отчетность или предоставляющих «нулевую», является основанием для вывода о том, что заявленный поставщик фактически не выполнял контракт.

При расследовании случаев посредничества, связанного с получением «откатов», экспертное исследование направлено на установление размера необоснованного завышения части цены контракта и определение конечных выгодоприобретателей от движения денежных средств. Ключевыми при исследовании являются оценка обоснования НМЦК контракта и анализ движения денежных средств, который позволяет оценить финансовое состояние хозяйствующего субъекта путем изучения входящих и исходящих платежей. Порядок оценки обоснования НМЦК контракта подробно описан в пункте о картельном сговоре – схеме «Таран».

Полученные от заказчика денежные средства становятся объектом анализа их дальнейшего движения по цепочке контрагентов. Эксперт-экономист изучает пути движения платежей с целью обнаружения нетипичных финансовых операций или участия фиктивных компаний, через которые денежные средства выводятся из легального оборота. Признаками «откатов» служат следующие операции: снятие наличных денежных средств, переводы на личные счета физических лиц (включая близких родственников должностных лиц), а также перечисление средств на счета компаний, учредителями которых являются подставные лица. Данный метод тесно связан с анализом транзитных операций, описанным в пункте о создании фиктивных организаций.

В рамках расследования хищений бюджетных средств путем их «распила», экспертиза направлена на установление расхождений между фактическим объемом выполненных работ (оказанных услуг, поставленных товаров) и их документальным оформлением и оплатой. Эксперт-экономист применяет два основных метода: документальную (формальную и арифметическую) и фактическую проверки. Дятлова А.Ф. и Колесников Е.Н. определяют формальную проверку как «внешний осмотр бухгалтерского документа и его изучение на наличие и правильность заполнения необходимых или обязательных реквизитов» [12, с. 100]. По мнению Остаева Г.Я., арифметическая проверка заключается в «определении правильности подсчета итоговых показателей конкретного документа с помощью арифметических действий» [33, с. 91]. При документальной проверке первичной учетной документации, например, товарных накладных, счетов-фактур, эксперт выявляет количественные и качественные несоответствия (например, случаи включения в акты неиспользованных материалов).

Цель фактической проверки заключается в «установлении фактического состояния имущества, проверке объективной возможности и реальности совершения тех или иных хозяйственных операций» [31, с. 78]. В рассматриваемой сфере при фактической сверке документов с реально оказанными услугами, предоставленными товарами может быть выявлено несоответствие принятого товара заявленным характеристикам в документации, предоставление определенных благ (услуг) не в полном объеме, либо неудовлетворительного качества. Помимо методов документальной проверки, для выявления схемы «распил» прибега-

ют к методам, используемым при расследовании схем «откатов», создания фиктивных организаций и картельного сговора участников закупки (схемы «Таран»): анализ транзитных операций и движения денежных средств, оценка обоснования НМЦК контракта методом сопоставимых рыночных цен (анализ рынка).

Таким образом, методика судебно-экономической экспертизы по делам о правонарушениях в сфере государственных и муниципальных закупок представляет собой многоуровневую систему, включающую специфические объекты, типовые задачи, последовательные этапы исследования, алгоритмы, а также комплекс методов. Многообразие и особенности преступных схем, характерных для государственных и муниципальных закупок, определяют специфику применения методов судебно-экономической экспертизы. Поскольку каждому этапу закупочного цикла присущи свои типичные способы совершения преступлений, эксперт должен владеть широким спектром методов исследования – от документальной проверки до сложных расчетно-аналитических процедур. Качество экспертного заключения зависит от полноты материалов, корректности выбора методов, экономической квалификации и процессуального статуса эксперта. Последний фактор обуславливает принципиальные различия в подходах государственных и частных экспертов в выборе методов и производстве методики.

Список литературы:

1. Аблятипова Н.А., Волкова И.Ю. К вопросу о правомерности применения конструкции рамочного договора к контракту для государственных или муниципальных нужд // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2024. Т. 10 (76). № 1. С. 449-456.
2. Капустина Ю. А. Судебная экономическая экспертиза: учебное пособие. Екатеринбург: УГЛТУ, 2021.151 с.
3. Звонарева Е.В., Москаленко В.Н. Особенности производства судебных бухгалтерских экспертиз при наступлении ответственности за преступления в сфере закупок товаров, работ и услуг // Закупки товаров, работ и услуг для нужд правоохранительных органов Российской Федерации: проблемы организации, контроля, учета и правоприменения. Материалы Межведомственной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 24 мая 2024 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 2024. С.45-51.
4. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебное пособие для студентов вузов / Е. Р. Россинская, Н. Д. Эриашвили, Ж. А. Кеворкова [и др.]; под редакцией Е. Р. Россинской [и др.]. 4-е изд. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 400 с.
5. Семенова И.В. Цифровая криминалистика: криминалистические инструменты и технологии, применяемые при проведении расследования// Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2025. Т. 11. № 2. С. 377-383.
6. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 17.04.2026) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.04.2026).
7. Болотов С. «Приложение «Инспектор» поможет бизнесу избежать повторной проверки нарушений» // «Российская газета»: офиц. сайт. (дата обращения: 19.03.2026).
8. Григоренко Д. В России зафиксировано сокращение числа проверок по итогам 2025 года: новости // Правительство Российской Федерации: офиц. сайт. (Дата обращения: 19.03.2026).
9. Лапшина Е.Г. Использование судебно-экономической информации при выявлении и расследовании преступлений в сфере публичных закупок // Вестник науки. 2025. № 6 (87). С.606-616.
10. Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 22.07.2024) «О государственной судебно-экспертной деятельности в российской Федерации» // Официальный интернет-портал справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 26.02.2026).
11. Лесняк В.В, Селезнева Е.М., Аракельянц Э.С. Судебная экономическая (бухгалтерская) экспертиза: учебное пособие. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2019. 212 с.
12. Основы судебной экономической экспертизы: учебник / А. Ф. Дятлова, Е. Н. Колесникова, Н. П. Майлис [и др.]; под науч. ред. Н. П. Майлис; под общ. ред. Н. Д. Эриашвили; Международный научно-исследовательский центр судебной экспертизы и исследований. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юнити-Дана, 2023. 240 с.
13. Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Официальный интернет-портал справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Приказ Минэкономразвития России от 02.10.2013 № 567 «Об утверждении Методических рекомендаций по применению методов определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта, заключаемого с единственным поставщиком (подрядчиком, исполнителем) // Официальный интернет-портал справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения:27.02.2026).

15. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Официальный интернет-портал справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 05.04.2026).
16. Павлов А.Г. Закупки у единственного поставщика: между необходимостью и риском // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2025. Т. 11 (77). № 3. С. 457-464.
17. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2025 № 15АП-17783/2024 по делу № А32-30063/2024 // Официальный интернет-портал справочной правовой системы «Консультант-Плюс». (Дата обращения: 17.12.2025)
18. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 17.10.2024 по делу № А32-30063/2024 // Официальный интернет-ресурс базы судебных актов, судебных решений и нормативных документов «СудАкт». (Дата обращения: 17.12.2025).
19. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 29.04.2026) «О защите конкуренции» // Официальный интернет-портал справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Лапина С.Б. Картелизация торгов при проведении госзакупок как один из факторов теневизации экономических процессов в России: сущность и меры противодействия // Вестник экономической безопасности. 2020. №3. С. 264-271.
21. Решение Управления Федеральной антимонопольной службы по Новосибирской области от 24.08.2023 № 054/01/11-752/2023 // Официальный интернет-портал справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (Дата обращения: 17.12.2025).
22. Решение Арбитражного суда Новосибирской области от 19.01.2024 по делу № А45-32427/2023 // Официальный интернет-ресурс базы судебных актов, судебных решений и нормативных документов «СудАкт». (Дата обращения: 17.12.2025).
23. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 16.04.2024 № 07АП-1612/24 по делу № А45-32427/2023 // Официальный интернет-портал справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 17.12.2025).
24. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 08.08.2024 № Ф04-3154/2024 по делу № А45-32427/2023 // Официальный интернет-портал справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 17.12.2025).
25. Кириллова О.Ю., Хальфин Р.М., Малышев Г.К. Общественный контроль как инструмент предотвращения недобросовестной конкуренции в сфере государственных и муниципальных закупок // Российское и конкурентное право и экономика. 2021. №1 (25). С.60-67.
26. Михайлова Н.С., Марков С.Е. Фиктивные предприятия: найти и обезвредить // ЭКО. 2018. №10 (532) – С.179-192.
27. Исаичева М.М. Преступления в сфере государственных закупок, совершаемые должностными лицами. Способы совершения и проблемы квалификации // Государственная служба и кадры. 2019. №3. С.166-168.
28. В Красноярске вынесен приговор о получении взятки в размере 6,8 млн рублей бывшим заместителем директора департамента Министерства образования и науки России: новости // Прокуратура Красноярского края: офиц. сайт. (Дата обращения: 20.12.2025).
29. Утверждено обвинительное заключение по уголовному делу о взяточничестве: новости // Генеральная прокуратура Российской Федерации: офиц. сайт. (Дата обращения: 20.12.2025).
30. Чухнина Г.Я., Блохина А.М., Урусова А.Б. Судебная экономическая экспертиза как инструмент противодействия злоупотреблениям в сфере государственных закупок // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Том 15. № 4 А. С.447-454.
31. Джойс Э.А. Судебная бухгалтерия: учебное наглядное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2021. 132 с.
32. Колесникова Е.Н., Эриашвили Н.Д. Судебная бухгалтерия: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2020. 143 с
33. Остаев Г.Я., Хосиев Б. Н., Эриашвили Н.Д. Основы судебной экономической экспертизы: учебное пособие. М.: Юнити-Дана, 2021. 207 с.

Kapranov A.V. Methods of forensic economic expertise in the field of state and municipal procurement // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 533-546.

The article is devoted to the study of methods of conducting forensic economic examinations in cases of crimes committed in the field of procurement of goods and services for state and municipal needs. The author reveals the essence of forensic economic expertise as a procedural tool that makes it possible to determine the amount of property damage under state and municipal contracts by examining the economic content of procurement procedures. Based on the example of typical schemes and methods of committing crimes, it is proved that the choice of methods of forensic economic examination directly depends on understanding the mechanism of implementation of an illegal scheme in the field of state and municipal procurement. The methodology of forensic economic expertise in cases of crimes committed in the field of procurement of goods, works, and services for state and municipal needs is based on the integrated application of methods adapted to the specifics of the procurement cycle. It is concluded that the effectiveness of forensic economic expertise is directly determined by compliance with the procedural procedure for its

appointment and production, taking into account typical patterns of criminal behavior.

Keywords: state and municipal procurement, judicial practice, typical schemes of crime, forensic economic expertise, expert examination, methodology, methods of expert research.

Spisok literaturi:

1. Ablyatipova N.A., Volkova I.Yu. K voprosu o pravomernosti primeneniya konstruktsii ramochnogo dogovora k kontraktu dlya gosudarstvennikh ili munitsipalnikh nuzhd // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. 2024. T. 10 (76). № 1. S. 449-456.
2. Kapustina Yu. A. Sudebnaya ekonomicheskaya ekspertiza: uchebnoe posobie. Yekaterinburg: UGLTU, 2021.151 s.
3. Zvonareva Ye.V., Moskalenko V.N. Osobennosti proizvodstva sudebnikh bukhgalterskikh ekspertiz pri nastuplenii otvetstvennosti za prestupleniya v sfere zakupok tovarov, rabot i uslug // Zakupki tovarov, rabot i uslug dlya nuzhd pravookhranitelnikh organov Rossiiskoi Federatsii: problemi organizatsii, kontrolya, ucheta i pravoprimeneniya. Materiali Mezhvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Sankt-Peterburg, 24 maya 2024 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii universitet MVD RF, 2024. S.45-51.
4. Sudebno-bukhgalterskaya ekspertiza: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / Ye. R. Rossinskaya, N. D. Eriashvili, Zh. A. Kevorkova [i dr.]; pod redaktsiei Ye. R. Rossinskoi [i dr.]. 4-e izd. M., 2023. 400 s.
5. Semenova I.V. Tsifrovaya kriminalistika: kriminalisticheskie instrumenti i tekhnologii, primenyaemie pri provedenii rassledovaniya// Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. 2025. T. 11. № 2. S. 377-383.
6. Federalnii zakon ot 31.07.2020 № 248-FZ (red. ot 17.04.2026) «O gosudarstvennom kontrole (nadzore) i munitsipalnom kontrole v Rossiiskoi Federatsii» // Ofitsialnii internet-portal spravochnoi pravovoi sistemi «Konsultant-Plyus». (data obrashcheniya: 19.04.2026).
7. Bolotov S. «Prilozhenie «Inspektor» pomozhet biznesu izbezhat povtornoi proverki narushenii» // «Rossiiskaya gazeta»: ofits. sait. (data obrashcheniya: 19.03.2026).
8. Grigorenko D. V Rossii zafiksirovano sokrashchenie chisla proverok po itogam 2025 goda: novosti // Pravitelstvo Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait. (Data obrashcheniya: 19.03.2026).
9. Lapshina Ye.G. Ispolzovanie sudebno-ekonomicheskoi informatsii pri viyavlenii i rassledovanii prestuplenii v sfere publichnikh zakupok // Vestnik nauki. 2025. № 6 (87). S.606-616.
10. Federalnii zakon ot 31.05.2001 № 73-FZ (red. ot 22.07.2024) «O gosudarstvennoi sudebno-ekspertnoi deyatelnosti v rossiiskoi Federatsii» // Ofitsialnii internet-portal spravochnoi pravovoi sistemi «KonsultantPlyus». (Data obrashcheniya: 26.02.2026).
11. Lesnyak V.V, Selezneva Ye.M., Arakelyants E.S. Sudebnaya ekonomicheskaya (bukhgalterskaya) ekspertiza: uchebnoe posobie. Rostov-na-Donu: Donskoi gosudarstvennii tekhnicheskii universitet, 2019. 212 s.
12. Osnovi sudebnoi ekonomicheskoi ekspertizi: uchebnik / A. F. Dyatlova, Ye. N. Kolesnikova, N. P. Mailis [i dr.]; pod nauch. red. N. P. Mailis; pod obshch. red. N. D. Eriashvili; Mezhdunarodnii nauchno-issledovatelskii tsentr sudebnoi ekspertizi i issledovanii. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Yuniti-Dana, 2023.
13. Federalnii zakon ot 5 aprelya 2013 g. № 44-FZ (red. ot 28.12.2025) «O kontraktnoi sisteme v sfere zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennikh i munitsipalnikh nuzhd» // Ofitsialnii internet-portal spravochnoi pravovoi sistemi «KonsultantPlyus». (Data obrashcheniya:27.02.2026).
14. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 02.10.2013 № 567 «Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendatsii po primeneniyu metodov opredeleniya nachalnoi (maksimalnoi) tseni kontrakta, tseni kontrakta, zaklyuchaemogo s yedinstvennim postavshchikom (podryadchikom, ispolnitelem) // Ofitsialnii internet-portal spravochnoi pravovoi sistemi «KonsultantPlyus». (Data obrashcheniya:27.02.2026).
15. Grazhdanskii kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ (red. ot 24.06.2025, s izm. ot 16.12.2025) // Ofitsialnii internet-portal spravochnoi pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».
16. Pavlov A.G. Zakupki u yedinstvennogo postavshchika: mezhdu neobkhodimostyu i riskom // Uchenie zapiski Krimskogo federalnogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. 2025. T. 11 (77). № 3. S. 457-464.
17. Postanovlenie Pyatnadtsatogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 24.01.2025 № 15AP-17783/2024 po delu № A32-30063/2024 // Ofitsialnii internet-portal spravochnoi pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».
18. Reshenie Arbitrazhnogo suda Krasnodarskogo kraya ot 17.10.2024 po delu № A32-30063/2024 // Ofitsialnii internet-resurs bazi sudebnikh aktov, sudebnikh reshenii i normativnikh dokumentov «SudAkt».
19. Federalnii zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ (red. ot 29.04.2026) «O zashchite konkurentsii» // Ofitsialnii internet-portal spravochnoi pravovoi sistemi «KonsultantPlyus». (Data obrashcheniya: 17.12.2025).
20. Lapina S.B. Kartelizatsiya torgov pri provedenii goszakupok kak odin iz faktorov tenevizatsii ekonomicheskikh protsessov v Rossii: sushchnost i meri protivodeistviya // Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti. 2020. №3. S.264-271.
21. Reshenie Upravleniya Federalnoi antimonopolnoi sluzhbi po Novosibirskoi oblasti ot 24.08.2023 № 054/01/11-752/2023 // Ofitsialnii internet-portal spravochnoi pravovoi sistemi «KonsultantPlyus».
22. Reshenie Arbitrazhnogo suda Novosibirskoi oblasti ot 19.01.2024 po delu № A45-32427/2023 // Ofitsialnii internet-resurs bazi sudebnikh aktov, sudebnikh reshenii i normativnikh dokumentov «SudAkt»..
23. Postanovlenie Sedmogo arbitrazhnogo apellyatsionnogo suda ot 16.04.2024 № 07AP-1612/24 po delu № A45-32427/2023 // Ofitsialnii internet-portal spravochnoi pravovoi sistemi «KonsultantPlyus»

24. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga ot 08.08.2024 № F04-3154/2024 po delu № A45-32427/2023 // Ofitsialnii internet-portal spravochnoi pravovoi sistemi «KonsultantPlyus»
25. Kirillova O.Yu., Khalfin R.M., Malishev G.K. Obshchestvennii kontrol kak instrument predotvrashcheniya nedobrosovestnoi konkurentsii v sfere gosudarstvennikh i munitsipalnikh zakupok // Rossiiskoe i konkurentnoe pravo i ekonomika. 2021. №1 (25). S.60-67.
26. Mikhailova N.S., Markov S.E. Fiktivnie predpriyatiya: naiti i obezvredit // EKO. 2018. №10 (532).
27. Isaicheva M.M. Prestupleniya v sfere gosudarstvennikh zakupok, sovershaemie dolzhnostnimi litsami. Sposobi soversheniya i problemi kvalifikatsii // Gosudarstvennaya sluzhba i kadri. 2019. №3. S.166-168.
28. V Krasnoyarske vinesen prigovor o poluchenii vzyatki v razmere 6,8 mln rublei bivshim zamestitelem direktora departamenta Ministerstva obrazovaniya i nauki Rossii: novosti // Prokuratura Krasnoyarskogo kraya: ofits. sait. (Data obrashcheniya: 20.12.2025).
29. Utverzhdeno obvinitelnoe zaklyuchenie po ugolovnomu delu o vzyatochnichestve: novosti // Generalnaya prokuratura Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait. (Data obrashcheniya: 20.12.2025).
30. Chukhnina G.Ya., Blokhina A.M., Urusova A.B. Sudebnaya ekonomicheskaya ekspertiza kak instrument protivodeistviya zloupotrebleniyam v sfere gosudarstvennikh zakupok // Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra. 2025. Tom 15. № 4 A. S.447-454.
31. Dzhois E.A. Sudebnaya bukhgalteriya: uchebnoe naglyadnoe posobie. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2021. 132 s.
32. Kolesnikova Ye.N., Eriashvili N.D. Sudebnaya bukhgalteriya: uchebnoe posobie. M.: Yuniti-Dana, 2020.
33. Ostaev G.Ya., Khosiev B. N., Eriashvili N.D. Osnovi sudebnoi ekonomicheskoi ekspertizi: uchebnoe posobie. M.: Yuniti-Dana, 2021. 207 s.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 547-555.

УДК 343.9

СУБЪЕКТЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ: НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ И ПУТИ ИХ УСТРАНЕНИЯ

Кондратюк С. В., Запорожец М. А.

Представлен анализ системы криминологической профилактики правонарушений. Выявлены основные недостатки действующей законодательной модели: нечеткость понятийного аппарата, размытость полномочий субъектов профилактики, отсутствие эффективного межведомственного взаимодействия, формализм профилактической работы на муниципальном уровне, низкий уровень использования современных информационных технологий. Особое внимание уделено критическому анализу норм о предостережении, координационной роли прокуратуры, проблемам правового регулирования на региональном и муниципальном уровнях. Обоснована необходимость укрепления муниципального звена как ключевого элемента системы профилактики. Предложены пути совершенствования законодательства: уточнение понятийного аппарата, расширение превентивных полномочий прокуратуры, стандартизация профилактической деятельности органов местного самоуправления, цифровая модернизация информационного обеспечения, усиление научного сопровождения профилактической деятельности. Установлена необходимость комплексного подхода к реформированию системы криминологической профилактики.

Ключевые слова: профилактика, система профилактики правонарушений, субъекты профилактики, координационная деятельность прокуратуры.

В условиях современной трансформации общественных отношений эффективная система профилактики преступлений, реализуемая криминологическими методами, становится элементом антикриминальной политики государства [1-3]. Новый Федеральный закон от 23.06.2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – Закон № 182-ФЗ) укрепил правовое регулирование профилактической деятельности [4-6]. Данный нормативный акт конкретизировал принципы, направления, виды и формы профилактического воздействия, а также определил круг субъектов профилактической деятельности [7-9]. Однако, по нашим наблюдениям, созданная законодательная модель все еще содержит ряд недостатков, которые снижают эффективность функционирования системы криминологической профилактики. К ним относим: нечёткость понятийного аппарата, неопределённость круга полномочий субъектов профилактики, отсутствие эффективного межведомственного взаимодействия, формализм в реализации профилактических мер на муниципальном уровне, а также низкий уровень использования современных информационных технологий.

Цель статьи: предложить решения по минимизации недостатков, присущих современной системе криминологической профилактики. Закон № 182-ФЗ устанавливает правовые и организационные основы системы профилактики правонарушений, определяет её цели, задачи, принципы и основные направления деятельности [10-12]. Согласно ст. 2 указанного Закона, криминологическую профилактику можно представить системой мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения ими подобных деяний [13-15].

В соответствии со ст. 5 Закона № 182-ФЗ, в субъектный состав криминологической профилактики включены федеральные органы исполнительной власти; органы прокуратуры РФ; следственные органы СК РФ; органы госвласти субъектов РФ; органы местного самоуправления. Самостоятельной группой участников профилактической деятельности названы граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие содействие указанным субъектам профилактики, в пределах своей компе-

тенции [16-18].

Федеральные органы исполнительной власти формируют антикриминальную политику и вырабатывают нормативно-правовое обеспечение профилактической деятельности. Ими создаются ведомственные координационные органы, что обеспечивает оперативное взаимодействия субъектов профилактики. Органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления наделены полномочиями по нормативно-правовому регулированию профилактики на региональном и муниципальном уровнях, принятию целевых программ, а также по осуществлению профилактических мер. Отметим, что органы прокуратуры РФ реализуют профилактику преимущественно через надзор за исполнением законов иными ее субъектами. Такое положение прокуратуры в системе субъектов криминологической профилактики ограничивает, по мнению авторов, их превентивный потенциал [19-21].

Внимания заслуживает принцип координации, закреплённый в ст. 30 Закона, что предусматривает создание межведомственных, ведомственных и региональных координационных органов [22-24]. Однако, как отмечается в научной литературе, механизмы их функционирования прописаны недостаточно конкретно, что на практике ведёт к дублированию функций и снижению эффективности взаимодействия.

К недостаткам Закона № 182-ФЗ относим некорректное определение правонарушения, данное в п. 1 ст. 2 Закона. Указанное понятие сведено к проявлениям поведения, влекущим уголовную или административную ответственность. Но при этом исключены малозначительные деяния или деяния, совершённые при обстоятельствах, исключающих уголовную / административную ответственность. Авторы справедливо отмечают правовую неопределённость данной формулировки, что сужает сферу профилактического воздействия [25-27]. Возражение также вызывает понятие антиобщественного поведения, что закреплено в п. 6 ст. 2 Закона № 182-ФЗ и определено как действия, не влекущие уголовно / административной ответственности, но нарушающие общепринятые нормы морали и права других лиц. Полагаем, что нечеткость критериев «общепринятости» и «морали» предоставляет правоприменителям простор для усмотрения, что может вести к нарушению прав граждан, подпадающих под профилактическое воздействие.

В научной литературе криминологического направления подвергается критике ст. 20 Закона № 182-ФЗ, регламентирующая объявление официального предостережения о недопустимости действий, создающих условия для правонарушений, либо для антиобщественного поведения [28-30]. Закон позволяет применять эту меру при отсутствии состава правонарушения, основываясь лишь на предположении о «создании условий» для таких действий. Более того, ч. 3 ст. 20 Закона № 182-ФЗ устанавливает возможность привлечения к ответственности за неисполнение предостережения, что, по сути, вводит ответственность за деяния, не являющиеся противоправными. Как отмечают исследователи, такая правовая конструкция обладает криминогенным потенциалом, так как позволяет привлекать к ответственности за правомерные, но «неодобряемые» действия. Это противоречит принципу законности и создаёт угрозу произвольного применения мер профилактического воздействия.

Анализируемый Закон не обеспечивает достаточную чёткость в распределении полномочий между субъектами профилактики. Так, законом не определён орган, уполномоченный осуществлять профилактический надзор. Как подчеркивают исследователи, роль прокуратуры фактически сводится к надзору за исполнением законов иными субъектами, что минимизирует ее собственный профилактический потенциал. Не предусмотрены действенные механизмы вовлечения прокуратуры в планирование и координацию профилактической деятельности [31-33].

Закон № 182-ФЗ предоставляет субъектам РФ право на собственное правовое регулирование в сфере профилактики. Однако, по мнению авторов, накопленный регионами позитивный опыт законотворчества не был в должной мере учтён при разработке рассматриваемого Закона [34-36]. В результате, региональное законодательство отличается некоторой хаотичностью. В разных субъектах РФ по-разному определяются ключевые понятия, формы и методы профилактики, что препятствует формированию единого правового пространства и затрудняет межрегиональное взаимодействие.

Муниципальный уровень является ключевым звеном в системе профилактики, поскольку именно здесь происходит непосредственное взаимодействие с населением, многие социальные проблемы локализованы именно на этом уровне. Однако, здесь выявлен ряд недостатков в профилактической работе. Так, деятельность органов муниципального контроля традиционно ориентирована на выявление и пресечение уже совершённых правонарушений. Профилактика, понимаемая как предупредительная работа по недопущению преступлений и проступков, не стала обязательной составляющей их работы. Отсутствуют утверждённые методики проведения профилактических мероприятий, анализа и оценки возникающих при этом рисков [37-39]. Не созданы средства формирования компетенций в области правового консультирования и проведения профилактических бесед. Кроме того, муниципальные образования испытывают острый дефицит финансовых и кадровых ресурсов, выделяемых на профилактику. Не закреплены партнёрские отношения с предпринимателями, не задействованы механизмы стимулирования добровольного выполнения профилактических мероприятий.

Затронем роль информационного обеспечения криминологической профилактики. Авторами признается значение правового просвещения и информирования населения [40-42]. Однако, можно отметить декларативный характер ст. 31 Закона № 182-ФЗ, посвящённой информационному обеспечению криминологической профилактики. Указанной законодательной нормой предусмотрена только возможность публикации профилактических материалов в средствах массовой информации (далее – СМИ), учреждённых органами власти. Для этой цели допустимо и создание специализированных сайтов. Однако, Закон не устанавливает обязанности СМИ, включая негосударственной формы собственности, на безвозмездной основе размещать профилактическую информацию. Также в Законе не сформулировано требований к объёму, формату и периодичности размещения такой информации. Не определены механизмы использования социальных сетей и мессенджеров для профилактической работы. Межу тем, как справедливо отмечают исследователи, СМИ, руководствуясь коммерческими интересами и запросами аудитории, зачастую отдают предпочтение сенсационным новостям о совершённых преступлениях, а не материалам правозащитного и профилактического характера. В результате, ограничен доступ к информационным площадкам для представителей учреждений образовательных и медицинских, а также для некоммерческих организаций. Можем констатировать, что несмотря на высокую распространенность различных Интернет-ресурсов, потенциал цифровых платформ для задач криминологической профилактики используется недостаточно. Также, официальные сайты органов власти нередко засорены устаревшей информацией формального содержания. Авторы обращают внимание на несовершенство регулирования социальной рекламы [43-45]. Установленную квоту в 5% от общего объёма рекламы, по нашему мнению, нельзя признать достаточной для размещения материалов, направленных на профилактику правонарушений. Кроме того, рассматриваемый Закон не гарантирует её размещение на популярных площадках, что снижает действенность такой информации. Исследователи справедливо предлагают законодательно закрепить достаточного объема специальную квоту для социальной рекламы профилактической направленности.

На основе проведённого анализа сформулируем предложения по совершенствованию законодательства в области профилактической деятельности. Требуется уточнение понятийного аппарата Закона № 182-ФЗ – конкретизировать определение правонарушения, понятия «антиобщественное поведение», учитывая объективные критерии его оценки, например, неоднократность, публичность, причинение реального беспокойства окружающим, исключив ссылку на «общепринятую мораль». Необходима корректировка норм о применении предостережений и иных мер профилактического воздействия. Соответственно, в Законе № 182-ФЗ следует привести исчерпывающий перечень оснований для объявления официального предостережения, исключив расплывчатые формулировки о «создании условий». Требует конкретизации мера ответственности за неисполнение предостережения. По нашему мнению, такая ответственность может наступать только в случае, если последующие действия образуют самостоятельный состав правонарушения. Одновременно необходимо закрепить гарантии прав лиц, в отношении которых применяются меры индивидуальной профилактики – право на получение разъяснений, касающихся основания применения профилактических мер, а также право на их обжалование [46-48]. Распределение полномочий между субъектами криминологической профилактики также подлежит конкретизации. Для этого предлагаем определить Законом № 182-ФЗ федеральный орган исполнительной власти, ответственный за организацию и методическое обеспечение профилактической деятельности, а также расширить превентивные полномочия органов прокуратуры, предусмотрев для них право на внесение предложений по совершенствованию мероприятий профилактического направления, а также на проведение прокурорских проверок их эффективности.

Укрепления требует и муниципальное звено криминологической профилактики. Следует разработать стандарты профилактической деятельности для органов местного самоуправления, утвердив модельные муниципальные правовые акты, регламентирующие порядок проведения профилактических мероприятий, взаимодействия с контрольными органами, бизнесом и населением, одновременно внедрив систему оценки рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям. В программы профессиональной подготовки муниципальных служащих предлагаем включить учебные модули по основам риск-ориентированного подхода в криминологии, по психологии общения и методикам проведения профилактических бесед. Важным представляется создание системы наставничества и обмена эффективными практиками между муниципалитетами. Рационально было бы рассмотреть развитие социального партнёрства: создать на муниципальном уровне, с участием представителей бизнеса, некоммерческих организаций, активных граждан, общественные советы по профилактике правонарушений.

В плане модернизации информационного обеспечения профилактической деятельности, предлагаем законодательно закрепить обязанность СМИ и крупных интернет-площадок размещать, в пределах установленной квоты, профилактические материалы, предоставляемые субъектами профилактики. Целесообразным будет интегрирование региональных и муниципальных порталов по профилактике правонарушений, с порталами Госуслуг. Нужно развивать официальные аккаунты субъектов профилактики и наладить работу онлайн-приёмных для консультаций и рассылок предупреждений. Одновременно, в сети Интернет следует укрепить систему мониторинга общественных настроений и криминогенной обстановки.

По линии научного сопровождения криминологической профилактики предлагаем наделить межведомственную комиссию при Правительстве Российской Федерации полномочиями по утверждению методик криминологической профилактики, разработанных научными коллективами. Такая межведомственная комиссия может распреде-

лять ресурсы между научными коллективами и оценивать эффективность деятельности субъектов профилактики, обеспечивать участие представителей науки, бизнеса и правозащитных организаций в работе субъектов профилактики.

Вывод. Определен круг субъектов и выявлены проблемы реализации мер криминологической профилактики: нечёткость понятийного аппарата Закона № 182-ФЗ; размытость границ полномочий субъектов профилактики в части применения предупредительных мер; слабость и формализм профилактической работы на муниципальном уровне; архаичность подходов к информационному обеспечению и недостаточное использование цифровых технологий. Устранение выявленных недостатков требует комплексного подхода, включающего: совершенствование федерального законодательства в части конкретизации понятий, процедур и гарантий прав граждан; институциональное укрепление муниципального звена через стандартизацию его деятельности, повышение компетенций и развитие социального партнёрства; цифровую модернизацию информационного обеспечения с закреплением обязанностей медиа-среды и активным использованием онлайн-платформ; усиление координационного начала и научной обоснованности профилактической составляющей антикриминальной политики.

Список литературы:

1. Санинский Р.А. Концептуальные основы противодействия и специального предупреждения теневой экономики / Р.А. Санинский// диссертация ... доктора юридических наук: 5.1.4. Казань 2025. 437 с.
2. Жариков Ю.С. Уголовная политика. Взаимодействие субъектов правоохранительной системы в процессе противодействия преступности (правовые и организационные аспекты): Учебное пособие для магистрантов / Ю.С. Жариков. Москва: Ай Пи Ар Медиа, 2020. 207 с.
3. Юридический конфликт: Монография. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2017. 312 с.
4. Научно-практический комментарий к федеральному закону «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». М.: Типография «Ваш формат», 2020. 151 с.
5. Амирбеков К.И. О юрисдикции Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» в налоговой сфере / К.И. Амирбеков // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 5(103). С. 21-27.
6. Афанасьева О.Р. Отдельные проблемы правоприменения федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Пробелы в российском законодательстве. 2021. Т. 14, № 6. С. 210-214.
7. Герасимов С.И. Будущее профилактики правонарушений (к характеристике потенциала Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации») // Вестник Российской правовой академии. 2018. № 3. С. 45-51.
8. Яковлева М.А. Развитие системы профилактики преступности: ключевые концепции и направления // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16, № 1(59). С. 138-145.
9. Скиба А.П. Направления развития Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» с учетом принятия Федерального закона «о пробации в Российской Федерации» / А.П. Скиба // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19, № 2. С. 181-191.
10. Жеребцов А.Н. Административная ответственность в миграционном праве Российской Федерации: материальные и процессуальные аспекты: научно-практическое пособие / А.Н. Жеребцов, Е.А. Малышев. Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2019. 252 с.
11. Мацкевич И.М. Круглый стол о проблемах мониторинга закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / И.М. Мацкевич, А.П. Скиба // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 3. С. 148-177.
12. Готчина Л.В. Некоторые оценки понятийного аппарата проекта Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / Л.В. Готчина // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2014. № 3(30). С. 58-63.
13. Винокуров А.Ю. О предмете и пределах прокурорского надзора за исполнением Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / А.Ю. Винокуров // Право и политика. 2016. № 8. С. 1037-1042.
14. Титушкина Е.Ю. Государственная система профилактики правонарушений несовершеннолетних в свете положений Федерального закона от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / Е.Ю. Титушкина, А.Ю. Подколзина // Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института. 2017. № 3(23). С. 342-347.
15. Воеводина Т.Г. Роль органов прокуратуры в профилактике правонарушений несовершеннолетних в свете Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 103-107.
16. Галиев Р.С. Правовые и организационные основы взаимодействия органов местного самоуправления и

органов внутренних дел Российской Федерации: учебное пособие / Р.С. Галиев, П.Д. Фризен, А.А. Лихова. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. 80 с.
17. Комментарий к Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (постатейный) / А.Н. Жеребцов, А.О. Облезова, А.В. Семенова [и др.], 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: вопросы изучения и предупреждения. Казань: Казанский юридический институт МВД России, 2021. 464 с.
19. Деятельность прокуратуры по профилактике правонарушений / В.В. Меркурьев, Л.И. Александрова, К.И. Амирбеков [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. 456 с.
20. Концептуальные проблемы обеспечения законности в современных условиях / К.И. Амирбеков, М.С. Андрианов, Н.Д. Бут. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2024. 320 с.
21. Актуальные проблемы прокурорской деятельности. Деятельность прокурора по обеспечению безопасности в Российской Федерации: проблемы теории и практики / О.Н. Коршунова, Н.А. Васильчикова, И.Б. Ломакина [и др.]. Москва: ООО «Директ-Медиа», 2025. 320 с.
22. Ступаченко Е.В. Взаимодействие органов прокуратуры с постоянно действующими координационными совещаниями по обеспечению правопорядка в субъектах Российской Федерации / Е.В. Ступаченко. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. 208 с.
23. Обоснование необходимости повышения коэффициента активности законодателя в сфере профилактики правонарушений // Вопросы российского и международного права. 2019.Т.9, №3-1.С.131-138.
24. Попов С.А. Система правоохранительных органов в сфере противодействия коррупции / С.А. Попов // Закон и право. 2020. № 1. С. 137-139.
25. Зикеев В.А. Критический анализ Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / В.А. Зикеев // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2017. № 2(36). С. 67-72.
26. Горбунов В.Ю. К вопросу об ответственности за невыполнение требований официального предостережения о недопущении совершения правонарушения (на примере деятельности полиции) / В.Ю. Горбунов, М.Н. Ситкина // Право и образование. 2023. № 9. С. 64-70.
27. Казак И.Б. К вопросу о научной и правовой природе института «предостережения» в уголовно-исполнительной системе и проблеме его применения // Аграрное и земельное право. 2023. № 11(227). С. 253-255.
28. Семенюк Р.А. Государственная система профилактики правонарушений в Российской Федерации / Р.А. Семенюк. Барнаул: Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Барнаульский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2019. 48 с.
29. Иванова С.И. Объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения как форма профилактического воздействия / С.И. Иванова // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. № 2(9). С. 35-39.
30. Бучакова М.А. Предостережение как форма профилактического воздействия / М.А. Бучакова, А.А. Гайдуков // Алтайский юридический вестник. 2025. № 4(52). С. 65-72.
31. Секретарёв А.С. О вступлении в силу Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Прокурорская практика. 2016., С. 32-33.
32. Мариничева А.Ю. О прокурорском противодействии экстремизму / А.Ю. Мариничева // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 118-121.
33. Фантров П.П. Прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии экстремизму и терроризму / П.П. Фантров. Волгоград: Перископ-Волга, 2025. 460 с.
34. Лихолет Е.Н. Официальное предостережение как мера профилактики правонарушений / Е.Н. Лихолет, Д.М. Бондаренко // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1(229). С. 113-116.
35. Лизунов А.С. Право полиции на официальное предостережение в исторической ретроспективе / А.С. Лизунов // Юридическая техника. 2023. № 17. С. 548-551.
36. Лизунов А.С. К вопросу о повышении эффективности профилактического воздействия выносимого полицией официального предостережения // Административное право и процесс. 2022. № 4. С. 85-88.
37. Бышков П.А. Правовые основы профилактической деятельности органов и должностных лиц муниципального контроля // Закон и право. 2018. № 9. С. 38–44.
38. Ноздрачев А.Ф. Реформа государственного контроля (надзора) и муниципального контроля / А.Ф. Ноздрачев, С.М. Зырянов, А.В. Калмыкова // Журнал российского права. 2017. № 9(249). С. 34-46.
39. Саидов З.А. К вопросу об упорядочении контрольно-надзорной деятельности в сфере экономики / З.А. Саидов // Российская юстиция. 2017. № 1. С. 65-67.
40. Каширина О.Н. Информационное обеспечение деятельности субъектов ранней профилактики преступности / О.Н. Каширина // Законность. 2021. № 7(1041). С. 41-44.
41. Бутова М.В. Использование автоматизированной информационной системы в деятельности сотрудников органов внутренних дел по предупреждению правонарушений несовершеннолетних / М.В. Бутова // Охрана, безопасность, связь. 2021. № 6-2. С. 190-195.
42. Лесовик И.В. Формирование правовой культуры несовершеннолетних субъектами системы профилактики правонарушений / И.В. Лесовик, Е.А. Супонина. Воронеж: Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. 79 с.
43. Законность: состояние и тенденции в 2020–2024 годах. Деятельность прокуратуры по ее обеспечению /

А.Л. Аристархов, Н.Д. Бут, А.С. Васнецова [и др.]. Москва: ИД «Городец», 2026. 472 с.
44. Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом / Н.Ш. Козаев. Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2019. 480 с.
45. Современный имидж правоохранительных органов: мифы и реалии. М., Проспект, 2024. 312 с.
46. Юридическая ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: современное состояние и тенденции развития / А.Г. Гришаков, Л.В. Кузнецова, В.В. Тырышкин [и др.]. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2025. 152 с.
47. Майоров А. В. О юрисдикции субъектов виктимологической профилактики в свете принятия Федерального закона № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» / А.В. Майоров // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 1(24). С. 135-140.
48. Бурлаков В.Н. Закон о профилактике правонарушений: история, настоящее, будущее // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016.№ 6(329). С.134-150.

Kondratyuk S.V., Zaporozhets M.A. Subjects of criminological prevention: shortcomings in work and ways to eliminate them // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 547-555.

The analysis of the criminological crime prevention system is presented. The main disadvantages of the current legislative model are revealed: the vagueness of the conceptual framework, the blurred powers of the subjects of prevention, the lack of effective interdepartmental interaction, the formalism of preventive work at the municipal level, and the low level of use of modern information technologies. Special attention is paid to the critical analysis of the norms on prevention, the coordinating role of the prosecutor's office, and the problems of legal regulation at the regional and municipal levels. The necessity of strengthening the municipal unit as a key element of the prevention system is substantiated. Ways to improve legislation are proposed: clarification of the conceptual framework, expansion of the preventive powers of the prosecutor's office, standardization of preventive activities of local governments, digital modernization of information support, strengthening scientific support for preventive activities. The necessity of an integrated approach to the reform of the criminological prevention system has been established.

Key words: prevention, crime prevention system, prevention subjects, coordination activities of the prosecutor's office.

Spisok literatury:

1.Saninskij R.A. Konceptual'nye osnovy protivodejstviya i special'nogo preduprezhdeniya tenevoj ekonomiki / R.A. Saninskij// dissertaciya ... doktora yuridicheskih nauk: 5.1.4. Kazan' 2025. 437 s.
2.ZHarikov YU.S. Ugolovnaya politika. Vzaimodejstvie sub''ektov pravoohranitel'noj sistemy v processe protivodejstviya prestupnosti (pravovye i organizacionnye aspekty): Uchebnoe posobie dlya magistrantov / YU.S. ZHarikov. Moskva: Aj Pi Ar Media, 2020. 207 s.
3.YUridicheskij konflikt: Monografiya / YU.A. Tihomirov, O.A. Akopyan, S.B. Bal'haeva [i dr.]; Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Nauchno-izdatel'skij centr INFRA-M», 2017. 312 s.
4.Nauchno-prakticheskij kommentarij k federal'nomu zakonu «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii». Moskva: Tipografiya «Vash format», 2020. 151 s.
5.Amirbekov K.I. O yurisdikcii Federal'nogo zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» v nalogovoj sfere / K.I. Amirbekov // Vestnik Universiteta prokuratury Rossijskoj Federacii. 2024. № 5(103). S. 21-27.
6.Afanas'eva O.R. Otdel'nye problemy pravoprimeneniya federal'nogo zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» / O.R. Afanas'eva, M.V. Goncharova // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. T. 14, № 6. S. 210-214.
7.Gerasimov S.I. Budushchee profilaktiki pravonarushenij (k harakteristike potenciala Federal'nogo zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii») / S.I. Gerasimov // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. 2018. № 3. S. 45-51.
8.YAkovleva M.A. Razvitie sistemy profilaktiki prestupnosti: klyuchevye koncepcii i napravleniya / // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2025. T. 16, № 1(59). S. 138-145.
9.Skiba A.P. Napravleniya razvitiya Federal'nogo zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» s uchetom prinyatiya Federal'nogo zakona «o probacii v Rossijskoj Federacii» / A.P. Skiba // Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. 2024. T. 19, № 2. S. 181-191.
10. ZHerebcov A.N. Administrativnaya otvetstvennost' v migracionnom prave Rossijskoj Federacii: material'nye i processual'nye aspekty: nauchno-prakticheskoe posobie / A.N. ZHerebcov, E.A. Malyshev. Moskva: YUridicheskij Dom «YUsticinform», 2019. 252 s.
11. Mackevich I.M. Kruglyj stol o problemah monitoringa zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2019. № 3. S. 148-177.
12. Gotchina L.V. Nekotorye ocenki ponyatijnogo apparata proekta Federal'nogo zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» / L.V. Gotchina // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2014. № 3(30). S. 58-63.
13. Vinokurov A.YU. O predmete i predelah prokurorskogo nadzora za ispolneniem Federal'nogo zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» / A.YU. Vinokurov // Pravo i politika. 2016. № 8. S. 1037-1042.
14. Titushkina E.YU. Gosudarstvennaya sistema profilaktiki pravonarushenij nesovershennoletnih v svete polozhenij Federal'nogo zakona ot 23.06.2016 № 182-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» / E.YU. Titushkina, A.YU. Podkolzina // Vestnik Severo-Kavkazskogo gumanitarnogo instituta.

2017. № 3(23). S. 342-347.
15. Voevodina T.G. Rol' organov prokuratury v profilaktike pravonarushenij nesovershennoletnih v svete Federal'nogo zakona ot 23 iyunya 2016 g. № 182-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» / T.G. Voevodina // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. 2017. № 11. S. 103-107.
16. Galiev R.S. Pravovye i organizacionnye osnovy vzaimodejstviya organov mestnogo samoupravleniya i organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: uchebnoe posobie / R.S. Galiev, P.D. Frizen, A.A. Lihova. Barnaul: Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2025. 80 s.
17. Kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 25 iyulya 2002 g. № 115-FZ «O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii» (postatejnyj) / A.N. ZHerebcov, A.O. Oblezova, A.V. Semenova [i dr.], 2016. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
18. Demidova-Petrova E.V. Prestupnost' nesovershennoletnih v sovremennoj Rossii: voprosy izucheniya i preduprezhdeniya. Kazan': Kazanskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2021. 464 s.
19. Deyatel'nost' prokuratury po profilaktike pravonarushenij / V.V. Merkur'ev, L.I. Aleksandrova, K.I. Amirbekov [i dr.]. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Prospekt», 2023. 456 s.
20. Konceptual'nye problemy obespecheniya zakonnosti v sovremennyh usloviyah / K.I. Amirbekov, M.S. Andrianov, N.D. But [i dr.]. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Prospekt», 2024. 320 s.
21. Aktual'nye problemy prokurorskoj deyatel'nosti. Deyatel'nost' prokurora po obespecheniyu bezopasnosti v Rossijskoj Federacii: problemy teorii i praktiki. Moskva: OOO «Direkt-Media», 2025. 320 s.
22. Stupachenko E.V. Vzaimodejstvie organov prokuratury s postoyanno dejstvuyushchimi koordinacionnymi soveshchaniyami po obespecheniyu pravoporyadka v sub''ektah Rossijskoj Federacii / E.V. Stupachenko. Moskva: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Prospekt», 2022. 208 s.
23. Obosnovanie neobhodimosti povysheniya koefficienta aktivnosti zakonodatelya v sfere profilaktiki pravonarushenij // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2019. T. 9, № 3-1. S. 131-138.
24. Popov S.A. Sistema pravoohranitel'nyh organov v sfere protivodejstviya korrupcii / S.A. Popov // Zakon i pravo. 2020. № 1. S. 137-139.
25. Zikeev V.A. Kriticheskij analiz Federal'nogo zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 2(36). S. 67-72.
26. Gorbunov V.YU. K voprosu ob otvetstvennosti za nevypolnenie trebovanij oficial'nogo predosterezheniya o nedopushchenii soversheniya pravonarusheniya (na primere deyatel'nosti policii) / V.YU. Gorbunov, M.N. Sitkina // Pravo i obrazovanie. 2023. № 9. S. 64-70.
27. Kazak I.B. K voprosu o nauchnoj i pravovoj prirode instituta «predosterezheniya» v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme i probleme ego primeneniya // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2023.№11(227). S. 253-255.
28. Semenyuk R.A. Gosudarstvennaya sistema profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii. Barnaul: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Barnaul'skij yuridicheskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii», 2019. 48 s.
29. Ivanova S.I. Ob''yavlenie oficial'nogo predosterezheniya (predosterezheniya) o nedopustimosti dejstvij, sozdayushchih usloviya dlya soversheniya pravonarushenij, libo nedopustimosti prodolzheniya antiobshchestvennogo povedeniya kak forma profilakticheskogo vozdejstviya / S.I. Ivanova // Vestnik Tyumenskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov MVD Rossii. 2017. № 2(9). S. 35-39.
30. Buchakova M.A. Predosterezhenie kak forma profilakticheskogo vozdejstviya / M.A. Buchakova, A.A. Gajdukov // Altajskij yuridicheskij vestnik. 2025. № 4(52). S. 65-72.
31. Sekretaryov A.S. O vstuplenii v silu Federal'nogo zakona «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» // Prokurorskaya praktika. 2016., S. 32-33.
32. Marinicheva A.YU. O prokurorskom protivodejstvii ekstremizmu / A.YU. Marinicheva // Ugolovnaya yusticiya. 2018. № 12. S. 118-121.
33. Fantrov P.P. Prokurorskij nadzor za ispolneniem zakonodatel'stva o protivodejstvii ekstremizmu i terrorizmu / P.P. Fantrov. Volgograd: Periskop-Volga, 2025. 460 s.
34. Liholet E.N. Oficial'noe predosterezhenie kak mera profilaktiki // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2024. № 1(229). S. 113-116.
35. Lizunov A.S. Pravo policii na oficial'noe predosterezhenie v istoricheskoj retrospektive / A.S. Lizunov // YUridicheskaya tekhnika. 2023. № 17. S. 548-551.
36. Lizunov A.S. K voprosu o povyshenii effektivnosti profilakticheskogo vozdejstviya vynosimogo policiej oficial'nogo predosterezheniya // Administrativnoe pravo i process. 2022. № 4. S. 85-88.
37. Byshkov P.A. Pravovye osnovy profilakticheskoj deyatel'nosti organov i dolzhnostnyh lic municipal'nogo kontrolya // Zakon i pravo. 2018. № 9. S. 38–44.
38. Nozdrachev A.F. Reforma gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i municipal'nogo kontrolya / A.F. Nozdrachev, S.M. Zyryanov, A.V. Kalmykova // ZHurnal rossijskogo prava. 2017. № 9(249). S. 34-46.
39. Saidov Z.A. K voprosu ob uporyadochenii kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti v sfere ekonomiki / Z.A. Saidov // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 1. S. 65-67.
40. Kashirina O.N. Informacionnoe obespechenie deyatel'nosti sub''ektov rannej profilaktiki prestupnosti / O.N. Kashirina // Zakonnost'. 2021. № 7(1041). S. 41-44.
41. Butova M.V. Ispol'zovanie avtomatizirovannoj informacionnoj sistemy v deyatel'nosti sotrudnikov organov vnutrennih del po preduprezhdeniyu pravonarushenij nesovershennoletnih / M.V. Butova // Ohrana, bezopasnost', svyaz'. 2021. № 6-2. S. 190-195.
42. Lesovik I.V. Formirovanie pravovoj kul'tury nesovershennoletnih sub''ektami sistemy profilaktiki pravonarushenij. Voronezh: Voronezhskij institut Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii, 2018. 79 s.
43. Zakonnost': sostoyanie i tendencii v 2020–2024 godah. Deyatel'nost' prokuratury po ee obespecheniyu / A.L.

Aristarhov, N.D. But, A.S. Vasnecova [i dr.]. Moskva: ID «Gorodec», 2026. 472 s.
44. Kozaev N.SH. Sovremennye problemy ugolovnogo prava, obuslovlennye nauchno-tekhnicheskim progressom / N.SH. Kozaev. Moskva: Izdatel'stvo «YUrlitinform», 2019. 480 s.
45. Sovremennyj imidzh pravoohranitel'nyh organov: mify i realii / D.R. Beloded, A.A. Brovkina, E.E. Gavrina [i dr.]. Moskva: Izdatel'stvo Prospekt, 2024. 312 s.
46. YUridicheskaya otvetstvennost' za ugrozu ubijstvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu: sovremennoe sostoyanie i tendencii razvitiya / A.G. Grishakov, L.V. Kuznecova, V.V. Tyryshkin [i dr.]. Barnaul: Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2025. 152 s.
47. Majorov A. V. O yurisdikcii sub''ektov viktimologicheskoj profilaktiki v svete prinyatiya Federal'nogo zakona № 182-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» / A.V. Majorov // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2020. № 1(24). S. 135-140.
48. Burlakov V.N. Zakon o profilaktike pravonarushenij: istoriya, nastoyashchee, budushchee / V.N. Burlakov, V.I. Poludnyakov // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 2016. № 6(329). S. 134-150.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 556-563.

УДК 343.163

ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЙ РИСК ПРИ ПОДДЕРЖАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНЕНИЯ В СУДЕБНОМ РАЗБИРАТЕЛЬСТВЕ С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ[1]

Кулаевский А. В., Шаталкина Н. А., Бондаренко Д. С.
ФГБОУ ВО Алтайский государственный университет

В статье исследуются особенности тактико-криминалистического обеспечения поддержания государственного обвинения в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей. Проанализированы три ключевых этапа деятельности государственного обвинителя: подготовка к судебному заседанию, участие в судебном следствии и участие в судебных прениях. Обоснована высокая степень тактико-криминалистического риска при выборе операциональных тактико-криминалистических средств на каждом из этапов. Рассмотрены алгоритмы принятия тактических решений в условиях информационной неопределенности, особенности реализации принципа наглядности при представлении доказательств присяжным заседателям, тактика проведения допросов и судебных прений. Особое внимание уделяется специфике воздействия применяемых тактических приемов не только на сторону защиты, но и на присяжных заседателей как непрофессиональных участников судебного разбирательства.

Ключевые слова: тактико-криминалистический риск; государственный обвинитель; суд присяжных; присяжные заседатели; тактические приемы; принцип наглядности; судебные прения; допрос; тактические решения; уголовное судопроизводство.

Криминалистические научные достижения позволяют существенно повысить эффективность деятельности государственного обвинителя в судебном разбирательстве. Практическая потребность в тактико-криминалистическом обеспечении прокурорских работников на судебных стадиях уголовного процесса объясняется, в том числе высокой степенью тактико-криминалистического риска их деятельности при выборе операционных тактико-криминалистических средств [1, с. 32-33]. В этой связи тактика государственного обвинителя неоднократно становилась предметом исследования учёных-криминалистов том числе таких авторов, как Н.Т. Антипова, Л.Т. Волнянская, П.И. Зинченко, С.Л. Кисленко, А.Ю. Корчагин, В.Г. Ульянов [2, с. 10; 3, с. 5; 4, с. 15; 5, с. 20; 6, с. 30; 7, с. 25] и др.

Особую актуальность тактико-криминалистическое обеспечение судебных заседаний приобретает при рассмотрении дел с участием присяжных заседателей. Это связано, прежде всего, с сохраняющейся тенденцией по увеличению процента отмененных оправдательных приговоров, вынесенных судом присяжных. Так, из общего числа лиц, в отношении которых судами присяжных в первой половине 2025 г. вынесены приговоры (444 подсудимых), 144 оправданы (32%, в первой половине 2024 г. — 25%), 300 осуждены (68%), при этом за первое полугодие 2025 г. были отменены 35 обвинительных приговоров и 74 оправдательных (приблизительно каждый второй) [8, с. 5]. По мнению отдельных авторов, такие негативные показатели напрямую связаны с недостатками в работе гособвинителей [6, с. 45]. Особая сложность поддержания государственного обвинения по делам, рассматриваемым с участием присяжных заседателей, следует и из положений приказа Генеральной прокуратуры от 25.12.2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», определяющих, что оно должно поручаться только прокурорам, обладающим соответствующими личностными и профессиональными качествами

[1] Статья подготовлена в рамках реализации Программы развития университета на 2021– 2030 гг. в рамках реализации программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030», проект «Разработка тренажёра виртуальной реальности судебного разбирательства с участием присяжных заседателей».

(пункт 4.1).

Кроме того, суд с участием присяжных заседателей характеризуется рядом специфичных особенностей: в состав суда входят непрофессиональные судьи – присяжные заседатели; при наличии общественного резонанса присяжные заседатели могут формировать своё мнение под влиянием информации, распространяемой средствами массовой информации; нестандартность судебного разбирательства предъявляет повышенные требования к уровню подготовки участников процесса, что обусловливает необходимость принятия мер по оптимизации деятельности государственного обвинителя в суде с участием присяжных заседателей. Исследованием тактико-криминалистического обеспечения судебного разбирательства с участием присяжных заседателей занимались К.С. Егоров, А.С. Кудрявицкий, Н.В. Маткова, А.И. Симак, А.Е. Хорошева и др. [9, с. 10; 10, с. 20; 11, с. 15; 12, с. 5; 13, с. 30].

Тактико-криминалистическое обеспечение поддержания государственного обвинения в судебном разбирательстве с участием присяжных заседаний можно разделить на три этапа: подготовку к судебному заседанию, участие в судебном следствии, участие в судебных прениях. Названные этапы имеют свои особенности и характеризуются тактико-криминалистическим риском при выборе и применении операциональных тактико-криминалистических средств, поскольку на каждом из них государственному обвинителю приходится принимать и реализовывать тактические решения в условиях недостатка информации.

Полагаем, что в ситуациях информационной неопределенности государственным обвинителям целесообразно использовать алгоритмы принятия тактических решений, разработанные для следователей и включающие в себя этапы: 1) осознание тактического риска; 2) попытка корректирования тактической задачи; 3) разработка возможных вариантов тактических решений, состоящих из различной совокупности операциональных тактических средств и различной последовательности их использования; 4) подготовка мер по минимизации тактического риска и нейтрализации негативных последствий по каждому из решений; 5) выбор начального варианта тактического решения [14, с. 50-51].

Рассмотрим возможные варианты применения государственным обвинителем тактических приёмов с позиций реализации отдельных действий приведённого алгоритма на разных этапах судебного разбирательства.

1. Тактика подготовки поддержания государственного обвинения. При подготовке к судебному разбирательству степень тактико-криминалистического риска особенно высока, поскольку на данном этапе государственный обвинитель может лишь предполагать, какую линию поведения выберут участники уголовного судопроизводства: подсудимый, защитник, потерпевший, свидетели. Нередки случаи, когда именно на судебных стадиях допрошенные в ходе предварительного расследования лица меняют ранее данные показания, а сторона защиты начинает оказывать активное противодействие стороне обвинения и суду в установлении истины. Для минимизации тактического риска государственному обвинителю следует уменьшить степень информационной неопределённости посредством детального анализа материалов уголовного дела, уделяя особенное внимание изучению личности подсудимого, потерпевшего и ключевых свидетелей. Значимым этапом подготовки является изучение личности кандидатов в присяжные заседатели, поскольку это напрямую будет определять выбор тактических приёмов и их комбинирование в тактические комплексы.

Ч. 2 ст. 274 УПК РФ определяет, что доказательства суду первой инстанции предъявляет сторона обвинения. Тактико-криминалистический риск будет проявляться в принятии тактических решений не только при выборе тех или иных операциональных

тактико-криминалистических средств, но и при определении последовательности судебных действий с учётом их возможного воздействия на присяжных заседателей. Для снижения степени тактического риска государственному обвинителю следует выстроить мысленную модель будущего судебного разбирательства, разработать подробный план судебного следствия с учётом приведённого выше алгоритма, выявить возможные недостатки в доказательственной базе, собранной по делу органом предварительного расследования, и продумать способы их восполнения. Повышенного внимания будет требовать подготовка к производству допросов как к наиболее рискованным судебным действиям. Необходимо определить последовательность допросов, какие будут применяться при их производстве тактические приёмы и тактические комбинации, заранее сформулировать вопросы для всех допрашиваемых лиц.

Заблаговременно должны быть решены организационные вопросы, связанные с технической подготовкой для демонстрации в зале суда фото-, видео- или аудиоматериалов либо производства допроса и иных судебных действий посредством систем видео-конференц-связи в порядке ст. 278.1 УПК РФ.

Особое значение следует уделять подготовке государственного обвинителя к судебным прениям, в основном подготовка проявляется в планировании речи. На этом этапе продумываются структура выступления, логика изложения и ключевые тезисы. Содержание речи должно быть ориентировано на вопросы, разрешаемые судом при вынесении приговора: доказанность события преступления, совершение деяния подсудимым, его виновность и необходимость назначения наказания. Речь должна аргументировано убеждать коллегию присяжных в доказанности виновности лица и в неубедительности доводов стороны защиты, оспаривающих данный факт.

2. Тактика поддержания государственного обвинения на этапе судебного следствия. Большой научный интерес представляет тактико-криминалистическое обеспечение реализации принципа наглядности на этапе судебного следствия в суде с участием присяжных заседателей, от которого, как нам представляется, во многом зависит формирование тактики поддержания государственного обвинения.

Реализация указанного принципа позволяет минимизировать тактико-криминалистический риск наступления негативных последствий в виде непонимания присяжными заседателями значимых особенностей доказательств, предъявляемых на судебном следствии. Это позволит нейтрализовать и возможные негативные последствия в виде формирования у присяжных заседателей убеждённости в недостоверности отдельных доказательств в связи с неполным их предъявлением. Принцип наглядности является ключевой технологией формирования внутреннего убеждения, предоставляющей возможность для полного, всестороннего и объективного познания преступления в судебных разбирательствах с участием присяжных [15, с. 10].

Поскольку присяжные не имеют теоретических знаний и навыков участия в уголовном судопроизводстве, информация должна представляться максимально наглядно. Учитывая такую специфику представления доказательств в зале судебного заседания, важно выстраивать тактические приёмы с целью получения полного понимания присяжными сути рассматриваемого дела.

Полагаем, что принцип наглядности в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей может применяться в двух формах. Во-первых, при исследовании доказательств, собранных в ходе предварительного расследования. Помимо изучения протоколов следственных действий, содержащихся в материалах уголовного дела, присяжным заседателям должны предъявляться все имеющиеся к ним приложения в виде фототаблиц, чертежей, схем, моделей и т.д. При наличии аудио-видеозаписей присяжным заседателям должна быть предоставлена возможность их

просмотра и прослушивания, что позволит им оценить данные доказательства с точки зрения достоверности содержащейся в них информации. Во-вторых, при применении различных способов иллюстрации обстоятельств, связанных с преступным событием, создаваемых самим государственным обвинителем в ходе судебного следствия. Так, использованием секундомера для демонстрации продолжительности периода времени, значимого для преступного события, подготовкой диаграмм и схем, отражающих структуру преступных связей или механизм преступных действий, использованием измерительной рулетки или линейки для демонстрации размеров и расстояний и т. д.

Между тем, реализация рассматриваемого принципа несёт в себе и риск наступления негативных последствий - использование средств визуализации может повлечь за собой ложное понимание значимых обстоятельств уголовного дела. Например, при использовании манекена для демонстрации присяжным заседателям особенностей причинения телесных повреждений потерпевшему их восприятие может искажаться в связи с несоответствием размера манекена росту и телосложению потерпевшего. Даже в случае акцентирования государственным обвинителем внимания на несоответствии размеров особенности функционирования когнитивных и психологических механизмов головного мозга будут приводить к неверному представлению присяжными заседателями о механизме преступления. Для нейтрализации названных последствий государственный обвинитель должен при подготовке средств визуализации обеспечивать их максимальное соответствие фактическим обстоятельствам дела, которые таким образом визуализируются.

Следует учесть наступление негативного последствия в виде формирования у присяжных заседателей негативного отношения к подсудимому либо иным участникам уголовного процесса, например, в связи с демонстрацией фототаблиц и видеозаписей, являющихся приложениями к протоколам следственных действий. Так, мощное эмоциональное воздействие могут оказать фотографии трупов, являющихся жертвами преступлений, при показе их на большом экране. Для минимизации тактического риска государственный обвинитель должен тщательно анализировать материалы уголовных дел при решении вопроса о способе их предъявления присяжным заседателям. Как было отмечено выше, с тактических позиций одним из наиболее рискованных судебных действий является допрос. Это объясняется невозможностью достоверного прогнозирования поведения допрашиваемых лиц. Кроме того, отрицательный результат допроса может быть связан не только с умышленной дачей заведомо ложных показаний, но и с добросовестным заблуждением участников судопроизводства. Особенно эта проблема актуальна для судебного следствия, которое всегда находится во временном разрыве с преступными событиями. Решение и тактической задачи «разоблачение заведомо ложных показаний», и тактической задачи «преодоление добросовестного заблуждения» возможно посредством применения тактического приема «предъявление доказательств». Однако следует учесть, что его успешное применение требует от государственного обвинителя постоянной оценки судебной ситуации в ходе допроса для определения правильного момента и последовательности предъявления доказательств, выбора наиболее точных комментариев, которые будут психологически воздействовать не только на допрашиваемое лицо, но и на присяжных заседателей.

Кроме того, для разоблачения заведомо ложных показаний в ходе допроса государственный обвинитель может использовать тактический приём ««использование фактора внезапности». Данное тактическое средство предполагает неожиданное озвучивание фактов или постановку вопросов, которые допрашиваемый не ожидал услышать, и при правильном его применении приводит к созданию обстановки сильного психического напряжения [16, с. 127]. Находясь в растерянном состоянии,

допрашиваемый может непроизвольно проговориться об обстоятельствах, которые он планировал скрыть. Таким образом, положительным результатом применения рассматриваемого тактического приема будет являться получение достоверных показаний на судебном следствии.

При принятии тактического решения о его реализации государственному обвинителю следует учесть и возможные негативные последствия. Допрашиваемое лицо может отреагировать агрессивно, заняв оборонительную позицию, что существенно затруднит его последующий допрос. Помимо этого, намеренное создание государственным обвинителем состояния психологического дискомфорта и стресса у допрашиваемого может привести к формированию у присяжных заседателей представления о нарушении этических границ и несоблюдении принципа уважения чести и достоинства личности (ст. 9 УПК РФ), что в последующем повлияет на содержание вердикта. Также имеется риск того, что при ответе на неожиданный вопрос допрашиваемый затронет обстоятельства, которые не могут обсуждаться в присутствии присяжных заседателей, а это является одним из оснований для пересмотра вынесенного приговора.

Так, в ходе допроса подсудимый заявил, что в ходе предварительного следствия сотрудники правоохранительных органов угрожали ему и применяли пытки, протокол допроса он подписал, так как его заставили, т.е. вопреки положениям, предусмотренным ст.ст. 334, 335 УПК РФ, довел до присяжных заседателей информацию, не подлежащую обсуждению в их присутствии. Это обстоятельство стало одним из оснований для отмены в апелляционном порядке приговора, вынесенного судом с участием присяжных заседателей [17, с. 5].

3. Тактика поддержания государственного обвинения в судебных прениях. Тактика поддержания государственного обвинения в судебных прениях представляет собой совокупность профессиональных приёмов финального убеждения, базирующуюся на всестороннем анализе материалов судебного следствия. Прения сторон являются для государственного обвинителя последней процессуальной возможностью объединить доказательства в единую картину обвинения и представить суду аргументированные ответы на ключевые вопросы, подлежащие разрешению при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ).

В своей речи государственный обвинитель высказывает предложение о виде и размере наказания, при этом ссылаясь на принцип законности, справедливости и соразмерности, что сформирует у присяжных дополнительное понимание о предлагаемом наказании. При наличии нескольких подсудимых может применяться приём «дифференциация ответственности», когда наказание предлагается с учётом роли каждого из соучастников. В завершение обвинитель в краткой форме подводит итог выступления и формулирует просьбу к суду: признать подсудимого виновным и назначить справедливое наказание.

На этапе судебных прений степень тактико-криминалистического риска будет ниже в сравнении с рассмотренными выше этапами судебного разбирательства, что связано с повышением степени информационной определенности после окончания судебного следствия. Однако вероятность наступления негативных последствий в результате неверного выбора операциональных тактико-криминалистических средств при выступлении с обвинительной речью или репликой, безусловно, будет сохраняться. Несмотря на итоги судебного следствия и наличие весомых улик, подтверждающих виновность подсудимого, менее убедительная речь стороны обвинения в сравнении с речью стороны защиты может повлечь вынесение коллегией присяжных заседателей оправдательного вердикта. Эффективность выступления в прениях обеспечивается преимущественно на стадии подготовки, которая предшествует непосредственному

произнесению речи, но она обязательно должна корректироваться с учётом изменения судебной ситуации.

С нашей точки зрения, особенно действенным на этапе судебных прений будет применение государственным обвинителем тактического приема «реконструкция событий», который формирует структуру обвинительной речи и её направленность. На необходимость использования таких тактических приёмов обращал внимание и А.А. Корчагин, утверждая, что «одним из условий успешности поддержания государственного обвинения по делам об убийствах является использование государственным обвинителем при подготовке к судебному разбирательству метода реконструкции события преступления» [18, с. 15]. В своем выступлении обвинитель, основываясь на исследованных в судебном следствии доказательствах, последовательно излагает суду свое видение совершенного преступления. Таким образом, разрозненные фактические данные, следующие из материалов уголовного дела, сплетаются в непротиворечивую картину произошедшего события. Это помогает присяжным заседателям систематизировать большой объем информации, который был представлен им в ходе длительного судебного следствия, акцентировать их внимание на доказанности вины подсудимого и несостоятельности контраргументов стороны защиты. При этом важно избежать в речи обвинительного уклона, что предусматривает объективный и всесторонний подход при анализе имеющихся доказательств и обстоятельств преступления.

Усилить тактический потенциал рассмотренного выше приема позволит использование его в рамках тактической комбинации с тактическим приемом «нейтрализация доводов защиты», который заключается в разборе и опровержении наиболее вероятных возражений стороны защиты. Системные свойства тактико-криминалистических комплексов позволяют минимизировать тактико-криминалистический риск после применения одного тактического приема реализацией последующего.

Кроме того, тактический прием «реконструкция событий» целесообразно применять параллельно с принципом наглядности, например, представить таблицу с группами доказательств по видам (показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства и др.), после чего демонстрируется их место в общей доказательственной картине. При этом должен учитываться тактический риск наступления негативного результата при использовании средств визуализации и способы их минимизации, рассмотренные выше.

Представляет интерес использование в обвинительной речи тактического приема, именуемого «ложной привязкой», когда государственный обвинитель весомые и вызывающие доверие у присяжных заседателей выводы эксперта выдает за свои. Это усиливает его обвинительную речь в суде [18, с. 16]. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что если присяжные заседатели самостоятельно или с подачи стороны защиты распознают использование государственным обвинителем чужих умозаключений, это может, напротив, повлечь отрицательный результат. Присяжные заседатели воспримут это как манипуляцию и нарушение этических принципов, что приведёт к снижению доверия к государственному обвинителю.

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что поддержание государственного обвинения в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей характеризуется высокой степенью тактико-криминалистического риска при выборе операциональных тактико-криминалистических средств. При этом с тактических позиций деятельность прокурорского работника будет характеризоваться специфическими особенностями, отличающими её от аналогичной деятельности при рассмотрении уголовного дела профессиональными судьями. Это обусловлено тем, что

принятие неверного тактического решения будет сопровождаться не только наступлением негативных последствий в связи с неблагоприятным воздействием на сторону защиты, но и в связи с неблагоприятным воздействием на присяжных заседателей.

Список литературы:

1. Князьков А.С. Тактико-криминалистические средства досудебного производства: дис. … д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2014. 506 с.
2. Антипова Н.Т. Государственное обвинение в суде: проблемы законодательного регулирования и практики: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. 225 с.
3. Волнянская Л.Т. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о преступлениях несовершеннолетних: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2007. 266 с.
4. Зинченко П.И. Тактика производства допроса государственным обвинителем: дис. … канд. юрид. наук. М., 2011. 224 с.
5. Кисленко С.Л. Концептуальные основы криминалистического обеспечения деятельности государственного обвинителя в суде первой инстанции: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2023. 513 с.
6. Корчагин А.Ю. Организационно-тактические и методические основы криминалистического обеспечения судебного разбирательства уголовных дел: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2008. 356 с.
7. Ульянов В.Г. Государственное обвинение в Российском уголовном судопроизводстве: процессуальные и криминалистические аспекты: дис. … д-ра юрид. наук. Краснодар, 2002. 390 с.
8. Суд присяжных: итоги 2025 года и прогноз на 2026-й // Адвокатская газета. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2025-goda-i-prognoz-na-2026-y/
9. Егоров К.С. Проблемы криминалистического обеспечения судебного следствия: дис. … канд. юрид. наук. М., 1994. 232 с.
10. Кудрявицкий А.С. Оперативно-розыскное и криминалистическое обеспечение судебного разбирательства дел о преступлениях, совершаемых организованными преступными сообществами: дис. … канд. юрид. наук. Тюмень, 2011. 228 с.
11. Маткова Н.В. Криминалистическая стратегия и тактика поддержания государственного обвинения в суде присяжных заседателей: ситуационная обусловленность: дис. … канд. юрид. наук. Калининград, 2023. 252 с.
12. Симак А.И. Криминалистическое обеспечение судебного следствия по уголовным делам в суде первой инстанции: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013. 26 с.
13. Хорошева А.Е. Теоретико-методологические основы и практика криминалистического обеспечения судебного исследования преступлений: на примере деяний, связанных с причинением смерти: дис. … д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2026. 655 с.
14. Князьков А.С., Шаталкина Н.А. Алгоритм принятия решения в ситуации тактико-криминалистического риска // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 3 (102). С. 48-55.

Kulaevskiy A.V., Shatalkina N.A. Tactical and forensic risk in supporting state prosecution in jury trial proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 556-563.

The article examines the specifics of tactical and forensic support for maintaining state prosecution in criminal proceedings involving a jury. Three key stages of the state prosecutor's activity are analyzed: preparation for the court session, participation in judicial examination, and participation in judicial debates. The high degree of tactical and forensic risk in selecting operational tactical and forensic means at each stage is substantiated. Algorithms for tactical decision-making under conditions of informational uncertainty are considered, as well as features of implementing the principle of visual presentation in submitting evidence to jurors, tactics of conducting examinations and judicial debates. Special attention is paid to the specifics of the impact of applied tactical techniques not only on the defense but also on jurors as non-professional participants in the trial.

Keywords: tactical and forensic risk; state prosecutor; jury trial; jurors; tactical techniques; principle of visual presentation; judicial debates; interrogation; tactical decisions; criminal proceedings.

Spisok literatur:

1. Knyaz`kov A.S. Taktiko-kriminalisticheskie sredstva dosudebnogo proizvodstva: dis. … d-ra yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2014. 506 s.
2. Antipova N.T. Gosudarstvennoe obvinenie v sude: problemy zakonodatelnogo regulirovaniya i praktiki: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2004. 225 s.
3. Volnyanskaya L.T. Kriminalisticheskie aspekty` podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya po delam o prestupleniyax nesovershennoletnix: dis. … kand. yurid. nauk. SPb., 2007. 266 s.
4. Zinchenko P.I. Taktika proizvodstva doprosa gosudarstvenny`m obvinitelem: dis. … kand. yurid. nauk. M., 2011. 224 s.
5. Kislenko S.L. Konceptualnye osnovy kriminalisticheskogo obespecheniya deyatelnosti gosudarstvennogo obvinitelya v sude pervoj instancii: dis. … d-ra yurid. nauk. Saratov, 2023. 513 s.

6. Korchagin A.Yu. Organizacionno-takticheskie i metodicheskie osnovy kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo razbiratelstva ugolovny`x del: dis. … d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2008. 356 s.
7. Ulyanov V.G. Gosudarstvennoe obvinenie v Rossijskom ugolovnom sudoproizvodstve: processualnye i kriminalisticheskie aspekty: dis. … d-ra yurid. nauk. Krasnodar, 2002. 390 s.
8. Sud prisyazhny`x: itogi 2025 goda i prognoz na 2026-j // Advokatskaya gazeta. URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/sud-prisyazhnykh-itogi-2025-goda-i-prognoz-na-2026-y/
9. Egorov K.S. Problemy` kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo sledstviya: dis. … kand. yurid. nauk. M., 1994. 232 s.
10.Kudryaviczkij A.S. Operativno-rozysknoe i kriminalisticheskoe obespechenie sudebnogo razbiratelstva del o prestupleniyax, sovershaemyx organizovannymi prestupnymi soobshhestvami: dis. … kand. yurid. nauk. Tyumen`, 2011. 228 s.
11.Matkova N.V. Kriminalisticheskaya strategiya i taktika podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya v sude prisyazhnyx zasedatelej: situacionnaya obuslovlennost: dis. … kand. yurid. nauk. Kaliningrad, 2023. Simak A.I. Kriminalisticheskoe obespechenie sudebnogo sledstviya po ugolovny`m delam v sude pervoj instancii: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2013. 26 s.
12.Xorosheva A.E. Teoretiko-metodologicheskie osnovy i praktika kriminalisticheskogo obespecheniya sudebnogo issledovaniya prestuplenij: na primere deyanij, svyazannyx s prichineniem smerti: dis. … d-ra yurid. nauk. Ekaterinburg, 2026. 655 s.
13.Knyazkov A.S., Shatalkina N.A. Algoritm prinyatiya resheniya v situacii taktiko-kriminalisticheskogo riska // Yurist-Pravoved`. 2022. № 3 (102). S. 48-55.
14.Xolopov A.V. Kriminalisticheskoe obespechenie realizacii principa naglyadnosti v sudebnyx razbiratelstvax s uchastiem prisyazhny`x zasedatelej // KriminalistЪ. 2018. № 2 (23).
15.Makarenko I.A. Problemy dopustimosti psixologicheskogo vozdejstviya na nesovershennoletnix uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». 2011. № 2. S. 127.
16.Apellyacionnoe opredelenie tret`ego apellyacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 27 aprelya 2021 g. po delu № 55-142/2021. URL: https://3ap.sudrf.ru (data obrashheniya: 20.05.2026).
17. Korchagin A.A. Osobennosti taktiki podgotovki podderzhaniya gosudarstvennogo obvineniya v sude po delam ob ubijstvax // Problemy ekonomiki i yuridicheskoj praktiki. 2011. № 1.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 564-571.

УДК 342.95

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кустов А. М., Титова К. А., Корчагин А. А.

В статье обосновывается актуальность использования криминалистических знаний в производстве по делам об административных правонарушениях ввиду схожести механизмов совершения административных деликтов и преступлений, а также отсутствия в КоАП РФ и КАС РФ детализированных рекомендаций по собиранию, проверке и оценке доказательств. Авторы вводят понятие криминалистического обеспечения административного расследования и судебного рассмотрения административных дел, выделяя его теоретическую (научные основы, принципы, методы, эмпирическая база) и практическую (криминалистическая техника, тактика, методика) составляющие. Особое внимание уделяется тактике получения объяснений, осмотра места происшествия, применения технико-криминалистических средств, а также адаптации положений криминалистической идентификации, диагностики и ситуалогии к административному судопроизводству. Делается вывод о необходимости создания частной теории организации и управления административным расследованием и судебным разбирательством, что позволит повысить эффективность противодействия административным правонарушениям.

Ключевые слова: криминалистические знания, административное правонарушение, оценка доказательств, административное расследование, административное судопроизводство.

Правонарушения классифицируются на преступления и иные проступки. Среди последних по распространенности на первом месте находятся административные, которые по своему характеру и содержанию имеют схожий характер с преступлениями, отличаясь лишь только степенью общественной опасности, а также характером, размером причиненного вреда. Схожесть преступлений и административных правонарушений, по-нашему мнению, обуславливает практическую значимость и целесообразность использования положений криминалистики в административном процессе [1, с. 192]. Административные правонарушения совершаются повсеместно, в любой области человеческой деятельности, то есть носят даже более распространенный характер, чем преступления, при этом их выявление, расследование и судебное рассмотрение, зачастую вызывает не меньше трудностей, чем при уголовном преследовании. Принципы административного процесса включают в свое содержание также принцип законности, как универсальный, общеправовой, один из наиболее важнейших [9, с. 122]. Условием его обеспечения является получение доказательств, позволяющих принимать законные решения по административному делу [2, с. 80]. КоАП РФ закрепляет перечень доказательств, но не содержит рекомендаций по их собиранию, проверке, оценке, что в свою очередь является важнейших условием для признания их законными. Криминалистика как раз может и должна обеспечить своими рекомендациями административное судопроизводство. Актуально, можно и нужно говорить о необходимости разработки криминалистического обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. В юридической науке в настоящее время есть работы, посвященные криминалистическому обеспечению уголовного судопроизводства [10, с. 161], но отсутствуют работы монографического типа, посвященные использованию достижений криминалистики в административном процессе. При этом в ст.28.7 КоАП РФ предусматривается обширный список административных правонарушений, преследование по которым предполагает необходимость осуществления расследования [11, с. 81]. Целью его является выявление обстоятельств, подлежащих выяснению по делу об административном правонарушении (ст. 26.1 КоАП РФ). Это предполагает сбор доказательств, указанных в гл.26 КоАП РФ, то есть проведено доказывание. Гл. 26 КоАП РФ не упоминает о способах и приемах получения доказательств. Высокая результативность административного расследования нами связывается с необходимостью

разработки и активного использования в практической деятельности типовых моделей механизма совершения административного правонарушения, криминалистической характеристики административных правонарушений, планирования административного расследования, выдвижения и проверки версий, выделения ситуаций расследования административных правонарушений, тактики проведения отдельных процессуальных действий, направленных на установление обстоятельств, образующих состав административного правонарушения, разработанных в рамках криминалистики вопросов, рекомендаций, которые могут использоваться для организации, управления административным расследованием. Соответственно актуально создание частной теории организации и управления административным судопроизводствам.

Криминалистическое обеспечение процесса доказывания по делам об административных правонарушениях можно определить, как основанную на изучении действующего административного законодательства, а также практики расследования дел об административных правонарушениях научно-обоснованную, учебно-методическую, организационную и практическую деятельность по разработке и предоставлению практическим работникам криминалистических рекомендаций по выявлению и расследованию дел об административных правонарушениях, осуществляемую в рамках действующего законодательства. Под типовой моделью механизма совершения административного правонарушения можно понимать процесс взаимодействия участников события правонарушения и окружающей среды в процессе подготовки, совершения, сокрытия административного правонарушения, в результате которого остаются следы-отражения, содержащие криминалистически значимую информацию о самом событии административного правонарушения и его участниках [12, с. 21–25]. Соотнесение разработанной на основании изучения практики типовой модели механизма административного правонарушения, с обстоятельствами конкретного административного правонарушения, дает возможность высказаться о наличии, отсутствии значимых юридических данных о элементах состава административного правонарушения и обстоятельствах его совершения.

Криминалистическую характеристику административного правонарушения можно определить, как научно разработанную на основе изучения дел об административных правонарушениях систему сведений об устойчивых, взаимосвязанных криминалистически значимых свойствах и признаках административных правонарушений, необходимых для их выявления, выдвижения версий планирования и осуществления их расследования [13, с. 165]. В ее содержание включаются сведения о таких элементах административного правонарушения, как: о личности правонарушителя, личности потерпевших о правонарушения, способах подготовки, совершения и сокрытия, места, времени, обстановки, следах-последствиях совершения, мотивах и целях правонарушений. В процессе административного расследования лицо, его производящее, сопоставляет модель типовой криминалистической характеристики соответствующего административного правонарушения с конкретным расследуемым правонарушением и определяет, информация о каких элементах криминалистической характеристики правонарушения имеется в наличии, а о каких еще необходимо установить.

Ситуацию расследования административного правонарушения можно определить, как обусловленную объективными и субъективными факторами обстановку, складывающуюся на определенный момент расследования административного правонарушения, характеризующуюся наличием либо отсутствием криминалистической значимой информации о событии правонарушения и составляющих его структуру элементах. Объективные факторы связаны с внешними условиями, в которых осуществляется административное расследование (место, время, организационные, материально-технические условия и т.п.). Субъективные факторы связаны с характеристикой, поведением, физическим, психическим состоянием субъектов, участвующих в административном расследовании. Особо здесь необходимо выделить поведение заинтересованных субъектов, связанное с оказанием противодействия административному расследова-

нию. Задачей науки административного права является выделение на основе изучения административной практики типовых ситуаций административного расследования, и разработка на этой основе рекомендаций по осуществлению расследования в той или иной ситуации. Составление плана по делу об административном правонарушении – это мысленная, динамическая деятельность лица, производящего административное расследование, направленную на определение и последующую реализацию процессуальных, организационных действий с целью достижения целей административного расследования наиболее оптимальным способом с наименьшими затратами временных и материальных ресурсов с учетом складывающихся ситуаций административного расследования. Версиями по делам о административных правонарушениях можно понимать основанные на фактических данных совершенного правонарушения, а также обстоятельств его расследования обоснованные предположения о событии правонарушения в целом, а также о его отдельных обстоятельствах. Здесь, как и в криминалистике, при расследовании уголовных дел, практически значимо создание рекомендаций по выдвижению и проверке версий по делам об административных правонарушениях, группировка их по разным основаниям (субъекту выдвижения (расследующим лицом и лицом, в отношении которого ведется расследование, потерпевшими лицами, в зависимости от времени выдвижения и т.д.)).

Организацию расследования дела об административном правонарушении можно определить, как обусловленную действующим законодательством деятельность лица, производящего расследование, направленную на создание оптимальных условий для всестороннего исследования материалов административного дела, установления обстоятельств, подлежащих установлению и доказыванию и вынесение законного решения по делу [3, с. 10–11]. Управление расследованием дела об административном правонарушении –процесс, выражающийся в мыслительной и связанной с ней материальной деятельности лица, производящего административное расследование, направленный на планирование, организацию, контроль деятельности по расследованию для решения задач расследования, как условия достижения его цели – законного и обоснованного решения по делу. Положения криминалистического обеспечения предварительного расследования, разрабатываемые в криминалистической науке, вполне применимы к расследованию дел об административных правонарушениях. Объектом изучения криминалистического обеспечения расследования по делам об административных правонарушениях, полагаем, является деятельность по подготовке, совершению, сокрытию административных правонарушений, с одной стороны, и процессуальная деятельность по их выявлению и административному расследованию, а также судебном рассмотрению дел об административных правонарушениях. Предметом будут являться закономерности указанных видов деятельности, выражающиеся в особенностях способов совершения, места, времени, механизма следообразования, поведения участников противоправной деятельности и деятельности по выявлению, расследованию и судебному рассмотрению дел об административных правонарушениях, закономерности возникающих ситуаций совершения административных правонарушений и ситуаций их административного расследования и судебного рассмотрения.

Криминалистическое расследование дел об административных правонарушениях включает в себя в качестве составляющих ее структурных элементов теоретическую и практическую части. В теоретическую часть в качестве составляющих входят научные основы (понятие криминалистического обеспечения, методы, принципы, правовое регулирование, теоретическая база (разработанные в науке криминалистике применимые к административному праву информационные модели (обстоятельства, подлежащие доказыванию, криминалистическая характеристика административных правонарушений, типовые модели механизмов их совершения, типовые ситуации административного расследования и судебного разбирательства)), эмпирическая база, организационная деятельность, учебно-методическая деятельность. К методам криминалистического обеспече-

ния можно отнести теоретические (анализ, синтез, абстрагирование, обобщение, индукция, дедукция, аналогия, формализация, моделирование), эмпирические (наблюдение, описание, сравнение, измерение), междисциплинарные (статистический и математический, историко-правовой, социокультурный (позволяет определить, как административные правонарушения и борьба с ними влияют на социальную жизнь общества)) методы. К принципам криминалистического обеспечения расследования дел об административных правонарушениях отнем законность, теоретическую обоснованность и практическая ценность криминалистического обеспечения, конкретность криминалистического обеспечения, плановая основа расследования, этапность расследования, ситуационность расследования, соблюдение этических норм в расследовании, плановая основа судебного рассмотрения, соблюдение этических норм при рассмотрении дела об убийстве в суде.

К правовым основам относится действующее законодательство, регулирующее административное судопроизводство. Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам об административных правонарушениях, образующие предмет доказывания, закреплены в ст. 26.1 КоАП РФ. Эмпирическую базу образует практическая деятельность по административному расследованию и судебному рассмотрению административных дел. Организационная деятельность предполагает организацию функционирования органов по расследованию административных правонарушений (их создание, определение структуры, полномочий, создание условий для их деятельности, организацию внедрения в практику методических рекомендаций по выявлению и расследованию дел об административных правонарушениях.). Учебно-методическая деятельность включает в себя обучение практических работникам навыкам расследования дел об административных правонарушениях, разработку соответствующих учебно-методических пособий, методических рекомендаций по осуществлению таковой деятельности.

В прикладную (практическую) часть входят вопросы применения технических средств при административном расследовании, тактические особенности проведения процессуальных действий в ходе административного расследования и в ходе судебного рассмотрения дел об административных правонарушениях, методика расследования отдельных видов следов административных правонарушений, по которым КоАП РФ требует проведения административного расследования. Статьи 12.24 и ч.2 ст.12.30 закрепляют осуществление осмотра места происшествия по делам о нарушениях правил дорожного движения. В ходе таких осмотров как раз первостепенное значение имеет грамотное применение технических средств и приемов выявления, фиксации, изъятия следов дорожно-транспортного происшествия, разработанных в рамках криминалистической техники [4, с. 2].

Также к практической части, считаем, можно отнести разработанные в рамках криминалистики тактические рекомендации и приемы, которые могут быть применимы при осуществлении процессуальных действий в рамках административного расследования или в рамках деятельности по выявлению и фиксации административного деликта. Ст. 26.3 КоАП РФ предусматривает получение объяснений от лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении. Но КоАП РФ в этом случае ничего не говорит о тактике получения объяснения, какие вопросы могут быть заданы, какие доказательства и в каком порядке могут предъявляться, приемы, направленные на изобличение ложных объяснений. Ничего не говорится о ситуациях получения объяснений, которые также могут носить конфликтный и бесконфликтный характер, и особенностях получения объяснений при каждой из них. Представляется, в данном случае вполне могут быть применимы разработанные в рамках криминалистической тактике тактические приемы проведения допросов лиц с учетом их роли в административном производстве. В рамках методики расследования дел

об административных правонарушениях должны разрабатываться рекомендации по расследованию отдельных видов административных правонарушений, по которым КоАП РФ предусмотрено проведение их административного расследования.

Помимо необходимости криминалистического обеспечения административного расследования следует говорить о практической необходимости разработки и применения криминалистических рекомендаций для судебного рассмотрения административных дел, по направлениям применения административного законодательства, устанавливающего порядок и условия привлечения к административной ответственности по административным правонарушениям разных категорий, сформулированных КоАП РФ. Гл. 14 КАС РФ регламентирует порядок осуществления правосудия по делам об административных правонарушениях. Уже даже беглый анализ содержащихся в ней правовых норм, по-нашему мнению, с очевидностью указывает на необходимость и практическую применимость положений криминалистической науки применительно к административному судебному разбирательству. Полагаем, что речь следует вести именно о криминалистическом обеспечении судебной деятельности по административным делам, содержащего в себе, как составные, обеспечение административного расследования и судебного рассмотрения административных дел. Речь должна идти не просто о применении криминалистических рекомендаций в с уде по административным делам, а именно о криминалистическом их обеспечении, как комплексном структурном образовании, включающим в свое содержание взаимосвязанные составляющие элементы, такие как: научная основа, организационная основа, правовая основа, учебно-методическая основа, как составляющие ее теоретической части, и практические криминалистические рекомендации, разработанные в рамках криминалистической техники, тактики и методики, адаптированные для применения в административной практике судов.

Научные основы криминалистического обеспечения судопроизводства по административным делам образуют научные представления о данной научной категории (ее понятие, принципы, образующие ее научное содержание), система, теоретические научные знания о данной категории и знания, основанные на изучении практики (эмпирические знания). К научным основам рассматриваемой категории также можно отнести имеющиеся в настоящее время теоретические и практические знания об административном процессе, административном праве, административном судопроизводстве. Безусловно включаются и научные гипотезы, например, основанные на изучении тенденций развития административной науки и правовой ее практики, предположения о направлениях ее развития. Равно, как и судья, в процессе подготовки к судебному заседанию, в процессе его назначения, изучая поступившие к нему материалы административного дела, строит основанные на них гипотезы (предположения) относительно имевших место быть фактов, их доказанности, обоснованности, достаточности, относимости, гипотезы относительно того, как возможно будет проходить рассмотрение административного дела. Исходя из этого уже решает вопрос о выборе соответствующей своей тактики его проведения.

Входят в содержание научных основ и уже существующие, а также разрабатываемые в науке научные концепции, как способы понимания происходящих в сфере административного судопроизводства процессов, явлений, фактов. Например, концепции, в рамках которых предпринимаются попытки объяснения тенденций развития тех или иных видов административных правонарушений. Частью научных основ являются и эмпирические законы, которым подчиняются и административные правоотношения. Речь идет о устойчивой, повторяемой связи между элементами административных правонарушений, образующих в своей совокупности их состав. Так называемые корреляционные связи, устанавливая которые можно получать информацию или строить пред-

положения о каждом из элементов состава административного правонарушения, дело о котором рассматривает суд. В содержание научных основ включаются и существующие в науке административного права научные парадигмы, то есть существующие научные установки, научные модели, примеры постановки и разрешения научных проблем. К содержанию научных основ относится и разработанный научный аппарат, то есть разработанные в науке административного права понятия (понятия административного правонарушения, понятие его состава), которыми оперируют затем практические работники, в том числе и судьи. Также необходимо отнести научно-методические основы, то есть методы и способы познания административной практики, методы и способы познания, используемые в науке административного права. К организационным основам относятся вопросы, связанные с организацией деятельности по рассмотрению в судах дел об административных правонарушениях (создание необходимых материальных условий, организация работы судей, формирование штатного состава, обеспечение деятельности судов). Правовые основы составляют нормативные акты (законы и другие нормативные акты, которыми в своей деятельности руководствуются правоприменители). Учебно-методическое обеспечение включает в свое содержание обучение, как теоретическим основам в области административного судопроизводства, так и обучение практическим навыкам по их практическому применению в ходе и административных расследований, и судебных производств по административным делам.

Прикладная (практическая) составляющая криминалистического обеспечения судебного рассмотрения административных дел предполагает разработку и внедрение в практику практических рекомендаций использованию криминалистической техники, тактики и методики в административном судопроизводстве при судебном рассмотрении дел. Гл. 14 КАС РФ предусматривает процессуальные действия, к которым применимы положения из криминалистической техники, тактики и методики. Речь идет о получении объяснений в суде ст.159 КАС РФ. В криминалистической науке много уделено внимание тактике допроса, но тактике получения объяснений пока еще уделено недостаточно внимания, что обуславливает, полагаем, актуальность решения этого вопроса. Также можно говорить о разработке тактик допроса в суде по административным делам, исследования вещественных доказательств, назначения экспертиз [5, с. 322; 8, с. 80], допросов экспертов и специалистов [6, с. 210–211], тактики проведения осмотров [7, с. 66]. Использование технических средств при судебном рассмотрении может осуществляться с применением рекомендаций криминалистической техники. Применимы и положения многих частных криминалистических теорий: идентификации, организации предварительного расследования и проведения отдельных следственных действий, криминалистической диагностики, ситуалогии, противодействии расследованию, теория криминалистической характеристики личности участников судопроизводства и использовании ее в судебном разбирательстве, теория временных связей, способах обнаружения, фиксации и исследовании криминалистически значимой информации, учение о регистрации и использовании ее в расследовании и судебном разбирательстве. Рассмотрение дел в суде неизбежно связано также с возникновением и развитием различных ситуаций судебного разбирательства, о которых ничего не говорится в административном законодательстве, но тем не менее, они есть и требуют их изучения, классификации и разработки соответствующих алгоритмов по их разрешению, с привлечение в процесс специалистов [14, с. 257], что опять же имеет место быть в криминалистической науке и может быть адаптировано к административному судопроизводству. Также необходимо говорить о планировании судебного разбирательства, выдвижении и проверки версий в суде. Таким образом, считаем, что разработка и внедрение в практику криминалистического обеспечения процесса расследования (доказывания) по делам об административных правонарушениях будет создавать необходимые условия для эф-

фективного противодействия данным видам общественно опасных деяний.

Список литературы

1. Рец Д. С. Применение криминалистических методов в административном производстве / Д. С. Рец // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2015. – №3. – С.191–195.
2. Пилявец С. В. К вопросу о формировании института специальных знаний в административном процессе / С. В. Пилявец // В сборнике: II Балтийский юридический форум "закон и правопорядок в третьем тысячелетии". Материалы международной научно-практической конференции. – Санкт-Петербургский университет МВД России, 2014. – С. 79–80.
3. Асаенок Б. В. Оценка достоверности результатов экспертизы в административном процессе / Б. В. Асаенок // Актуальные вопросы современной юридической науки: теория, практика, методика : Материалы Международной заочной научно-практической конференции, Могилев, 20 мая 2016 года / Ответственный редактор В.Е. Бурый. – Могилев: Учреждение образования "Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь", 2016. – С. 322–325.
4. Асаенок Б. В. Организационно-правовые основы использования специальных знаний в административном процессе таможенных органов / Б. В. Асаенок // В сборнике: Управление в области таможенного дела. Сборник материалов V Международной научной конференции. – Минск, 2018. – С. 10–16.
5. Пилявец С. В. Некоторые теоретические аспекты использования специальных знаний в административном процессе / С. В. Пилявец //Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2014. – № 14-1. – С. 210–213.
6. Голованов А. А. Криминалистическое обеспечение административного расследования: основные направления [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-obespechenie-administrativnogo-rassledovaniya-osnovnye-napravleniya/viewer/,свободный. – Загл. с экрана.
7. Хлус А. М. Проблемы интеграции криминалистических знани в административном процессе // Современные проблемы права и управления : 4-я Международная научная конференция: сборник докладов, Тула, 02–03 октября 2014 г. / Под ред. И.Б. Богородицкого, Ю.В. Киселевич (ответственный редактор). – Тула : Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Институт законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, 2014. – С. 66–69.
8. Экспертиза в административном судопроизводстве : учебно-методическое пособие / Ю. Д. Левкин, С. В. Ледащев, О. Р. Рузевич, В. Ю. Картухин. – Владимир : Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации", 2018. – 80 с.
9. Купеева Д. Ч. Законность и усмотрение в административном процессе / Д. Ч. Купеева // Человек: преступление наказание. – 2011. – №2. – С.122–124.
10. Кустов А. М. Криминалистическое обеспечение борьбы с корыстно-насильственной преступностью: современный подход / А. М. Кустов // Наука и новация: современные проблемы теории и практики права : сборник материалов международной научно-практической конференции в рамках IV Международного Фестиваля науки, Москва, 20–21 февраля 2019 года. – Москва : Московский государственный областной университет, 2019. – С. 160–163.
11. Денисова А. Ю. Административное расследование в системе производства по делам об административных правонарушениях / А. Ю. Денисова // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2019. – № 1. – С. 80-84.
12. Кустов А. М. Механизм преступления и противодействие его расследованию / А. М. Кустов. – Ставрополь : Ставропольский университет, 1997. – 132 с.
13. Корчагин, А. А. Криминалистическая характеристика преступлений коррупционной направленности и ее значение в расследовании преступлений // Актуальные проблемы теории и практики противодействия коррупции в России и за рубежом : материалы международной научно-практической конференции, Омск, 17.02.2017 г. – Омск: Омская юридическая академия, 2017.–С. 162–168.
14. Титова К. А. К вопросу об участии специалиста в административном судопроизводстве / К. А. Титова // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика : Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 16 июня 2022 года / Редколлегия: К.Д. Рыдченко, А.А. Поделякин, А.Д. Абрамкин [и др.]. – Краснодар: ФГОУ ВПО "Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации", 2022. – С. 257–259.

Kustov A. M., Titova K. A. Korchagin A. A. Possibilities of using criminalistics in administrative proceedings // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 564-571.

This article substantiates the relevance of using forensic science in administrative offense proceedings given the similarities between the mechanisms of administrative offenses and crimes, as well as the lack of detailed recommendations for collecting, verifying, and evaluating evidence in the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation. The authors introduce the concept of forensic support for administrative investigations and judicial review of administrative cases, highlighting its theoretical (scientific foundations, principles, methods, empirical base) and practical (forensic technology, tactics, methodology) components. Particular attention is paid to tactics for obtaining explanations, inspecting the crime scene,

using forensic equipment, and adapting the provisions of forensic identification, diagnostics, and situational analysis to administrative proceedings. It is concluded that it is necessary to develop a specific theory of the organization and management of administrative investigations and judicial proceedings, which will improve the effectiveness of countering administrative offenses.

Key words: forensic knowledge, administrative offense, evidence assessment, administrative investigation, administrative proceedings.

Spisok literatury:

1. Rec D. S. Primenenie kriminalisticheskih metodov v administrativnom proizvodstve / D. S. Rec // Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova. – 2015. – №3. – S.191–195.
2. Pilyavec S. V. K voprosu o formirovanii instituta special'nyh znanij v administrativnom processe / V sbornike: II Baltijskij yuridicheskij forum \"Zakon i pravoporyadok v tret'em tysyacheletii\". Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. – Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 2014. – S. 79–80.
3. Asaenok B. V. Ocenka dostovernosti rezul'tatov ekspertizy v administrativnom processe / B. V. Asaenok // Aktual'nye voprosy sovremennoj yuridicheskoj nauki: teoriya, praktika, metodika : Materialy Mezhdunarodnoj zaochnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Mogilev, 20 maya 2016 goda / Otvetstvennyj redaktor V.E. Buryj. – Mogilev: Uchrezhdenie obrazovaniya \"Mogilevskij institut Ministerstva vnutrennih del Respubliki Belarus'", 2016. – S. 322–325.
4. Asaenok B. V. Organizacionno-pravovye osnovy ispol'zovaniya special'nyh znanij v administrativnom processe tamozhennyh organov / B. V. Asaenok // V sbornike: Upravlenie v oblasti tamozhennogo dela. Sbornik materialov V Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Minsk, 2018. – S. 10–16.
5. Pilyavec S. V. Nekotorye teoreticheskie aspekty ispol'zovaniya special'nyh znanij v administrativnom processe / //Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2014. № 14-1. S. 210–213.
6. Golovanov A. A. Kriminalisticheskoe obespechenie administrativnogo rassledovaniya: osnovnye napravleniya [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa : https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskoe-obespechenie-administrativnogo-rassledovaniya-osnovnye-napravleniya/viewer/,svobodnyj. – Zagl. s ekrana.
7. Hlus A. M. Problemy integracii kriminalisticheskih znani v administrativnom processe / A. M. Hlus // Sovremennye problemy prava i upravleniya : 4-ya Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya: sbornik dokladov, Tula, 02–03 oktyabrya 2014 goda / Pod redakciej I.B. Bogorodickogo, Yu.V. Kiselevich (otvetstvennyj redaktor). – Tula : Negosudarstvennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya Institut zakonovedeniya i upravleniya Vserossijskoj policejskoj associacii, 2014. – S. 66–69.
8. Ekspertiza v administrativnom sudoproizvodstve : uchebno-metodicheskoe posobie / Yu. D. Levkin, S. V. Ledashchev, O. R. Ruzevich, V. Yu. Kartuhin. – Vladimir : Vladimirskij filial federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniya vysshego obrazovaniya \"Rossijskaya akademiya narodnogo hozyajstva i gosudarstvennoj sluzhby pri Prezidente Rossijskoj Federacii\", 2018. – 80 s.
9. Kupeeva D. Ch. Zakonnost' i usmotrenie v administrativnom processe / D. Ch. Kupeeva // Chelovek: prestuplenie nakazanie. – 2011. – №2. – S.122–124.
10. Kustov A. M. Kriminalisticheskoe obespechenie bor'by s korystno-nasil'stvennoj prestupnost'yu: sovremennyj podhod / A. M. Kustov // Nauka i novaciya: sovremennye problemy teorii i praktiki prava : sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii v ramkah IV Mezhdunarodnogo Festivalya nauki, Moskva, 20–21 fevralya 2019 goda. – M. : Moskovskij gosudarstvennyj oblastnoj universitet, 2019. – S. 160–163.
11. Denisova A. Yu. Administrativnoe rassledovanie v sisteme proizvodstva po delam ob administrativnyh pravonarusheniyah / A. Yu. Denisova // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. – 2019. – № 1. – S. 80-84.
12. Kustov A. M. Mekhanizm prestupleniya i protivodejstvie ego rassledovaniyu / A. M. Kustov. – Stavropol' : Stavropol'skij universitet, 1997. – 132 s.
13. Korchagin, A. A. Kriminalisticheskaya harakteristika prestuplenij korrupcionnoj napravlennosti i ee znachenie v rassledovanii prestuplenij / A. A. Korchagin // Aktual'nye problemy teorii i praktiki protivodejstviya korrupcii v Rossii i za rubezhom : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Omsk, 17 fevralya 2017 goda. – Omsk: Omskaya yuridicheskaya akademiya, 2017. – S. 162– 168.
14. Titova K. A. K voprosu ob uchastii specialista v administrativnom sudoproizvodstve / K. A. Titova // Administrativno-pravovoe regulirovanie pravoohranitel'noj deyatel'nosti: teoriya i praktika : Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Krasnodar, 16 iyunya 2022 g. / Redkollegiya: K.D. Rydchenko, A.A. Podelyakin, A.D. Abramkin [i dr.]. – Krasnodar: Federal'noe gosudarstvennoe kazennoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya \"Krasnodarskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii\", 2022. – S. 257–259.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 572-577.

УДК 343.2

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ В ОСОБЫЙ ПЕРИОД

Новокшонов Д. В.

Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

В статье анализируется комплекс проблем, связанных с реализацией уголовно-процессуальной политики Российской Федерации в особые правовые режимы. Исследуются нормативные коллизии, возникающие при применении действующего уголовно-процессуального законодательства на территориях где введено военное положение. Выявлены системные недостатки, включая отсутствие процессуальных алгоритмов для реализации уголовно-процессуальных норм в период военного положения. Проведен анализ отечественного опыта регулирования судопроизводства в кризисные периоды. Делается вывод о необходимости отказа от точечных правок в пользу разработки целостного законодательного акта, кодекса военного времени, который обеспечит конституционные гарантии в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: уголовно-процессуальная политика, особый правовой режим, специальная военная операция, законодательство военного времени, уголовное судопроизводство, гарантии прав личности.

Понимание уголовно-процессуальной политики, как ключевого направления уголовной политики Российской Федерации, базируется на структурной модели, разработанной профе. А.И. Александровым и В.Н. Кудрявцевым. В развитии своих более ранних идей, ученые в работе «Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности» предлагают развернутую классификацию, выделяя шесть самостоятельных, но взаимосвязанных направлений: уголовно-правовая политика, уголовно-процессуальная политика, уголовно-розыскная политика, уголовно-исполнительная политика, уголовно-привентивная политика, уголовно-организационная политика. В статье автор рассмотрит один из элементов уголовной политики – уголовно-процессуальную [2, с. 23]. В условиях военного положения, частичной мобилизации и интеграции новых субъектов РФ, прослеживается очевидное смещение уголовно-процессуальной политики в сторону ужесточения. Происходит усиление санкций, в научный и практический оборот внедряются новые терминологические конструкции (например, разъяснения Пленума ВС РФ, касающиеся особенностей прохождения службы в периоды мобилизации и военного времени) [4, с. 66]. Сложившаяся ситуация свидетельствует о консерватизме уголовно-процессуальной науки и законодательства, которые запаздывают с формированием необходимых механизмов, обеспечивающих паритет публичных и частных начал. Бесспорно, приоритет борьбы с преступностью остается присущей функцией любого суверенного государства. Вместе с тем, избранная парадигма не должна нивелировать необходимость соблюдения конституционных гарантий прав личности даже в особые периоды функционирования государства. Следует констатировать, что искомый процессуальный баланс на данный момент не достигнут, что актуализирует потребность в поиске принципиально новых концептуальных решений.

Обращение к историческому наследию позволяет выявить существенные резервы, которые могли бы быть адаптированы к современности. Как в дореволюционный период, так и в эпоху становления советской процессуальной школы, законодателем последовательно разрабатывались механизмы обеспечения непрерывности судопроизводства в чрезвычайных ситуациях.

Характерной особенностью как революционного, так и последующего советского законодательства являлось наделение военных судов полномочиями по отправлению правосудия в условиях, когда гражданская судебная система утрачивала способность к функционированию [16, с. 153]. Анализ действующей системы федеральных конституционных законов обнаруживает парадоксальную ситуацию. При наличии рамочных

норм, декларирующих возможность особого порядка судопроизводства, отсутствует их процессуальная конкретизация. Как минимум три базовых закона содержат отсылки к необходимости специального регулирования в условиях экстраординарных режимов. Ст. 35 ФКЗ «О чрезвычайном положении» устанавливает общие параметры осуществления судебной власти. Ст. 16 ФКЗ «О военном положении» предусматривает полномочие ВС РФ по изменению территориальной подсудности дел в случае объективной невозможности отправления правосудия судами общей юрисдикции. В свою очередь, ФКЗ «О военных судах Российской Федерации» также содержит указание на то, что особенности их деятельности в военное время подлежат регламентации специальными законами.

Однако приходится констатировать, что до настоящего времени не принято ни одного федерального конституционного закона, который раскрывал бы процессуальные механизмы функционирования военных судов в условиях военного положения, определял особенности их юрисдикции или порядок взаимодействия с иными элементами судебной системы [15, с. 18]. Более того, отсутствуют какие-либо нормативно установленные процедуры реализации полномочий ВС по изменению подсудности. Таким образом, на высшем уровне обозначен лишь общий вектор возможного правового регулирования, но его процессуальное наполнение отсутствует, что создает ситуацию нормативной неопределенности. В данном случае регулятивная ценность уголовно-процессуальной политики оказывается нереализованной, поскольку она не обеспечивает баланс между публичными интересами и конституционными правами. Даже в условиях действия особых режимов гражданин не может быть лишен фундаментальных прав, составляющих основу его статуса. Речь идет о праве на доступ к правосудию, на получение квалифицированной юридической помощи, а также о праве, закрепленном в ч. 1 ст. 47 Конституции РФ, праве каждого на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Данное конституционное право легитимирует концепцию законного суда как необходимой гарантии справедливого правосудия.

Конституционно-правовая доктрина исходит из того, что даже в условиях чрезвычайного положения основные права и свободы не могут подвергаться ограничениям, несоразмерным породившим их обстоятельствам. ФКЗ «О чрезвычайном положении», допуская определенные изъятия, не отменяет действия фундаментальных гарантий. Однако возникает коллизия, сохраняя эти права в декларативной форме. Законодатель не создает процессуального механизма их реализации в условиях, когда ординарная судебная система неспособна к функционированию. Отсутствие законодательно определенного алгоритма действий порождает феномен, который можно охарактеризовать как «юрисдикционная неопределенность» или «судебный вакуум». На территориях, перешедших под юрисдикцию РФ в ходе специальной военной операции (ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области), де-юре созданы федеральные суды. Однако де-факто значительная их часть не может осуществлять правосудие в установленном порядке по объективным причинам, связанным с боевыми действиями, кадровым дефицитом и угрозами безопасности [3, с. 262].

Возникает принципиальный вопрос, остающийся без ответа, какой именно суд должен рассматривать уголовные дела, подсудные данным территориям, в условиях невозможности отправления правосудия местными судами? Должна ли осуществляться экстерриториальная передача дел в иные регионы, и если да, то каков процессуальный порядок такой передачи? Или следует активизировать деятельность военных судов, наделив их соответствующей компетенцией? Отсутствие законодательных ответов не только создает угрозу для реализации конституционных прав граждан, но и ставит под

сомнение способность государства обеспечить верховенство права на всей территории своей юрисдикции.

Указанный нормативный вакуум наглядно проявляется в ситуации, складывающаяся в сфере осуществления правосудия на территориях с особыми режимами. Так, на отдельных территориях, еще не перешедших под полный оперативный контроль РФ, формально созданы городские суды, но их деятельность невозможна по объективным причинам. В сложившейся практике все уголовные дела, подсудные данным судам, передаются для рассмотрения в суды, действующие на освобожденных территориях. Несмотря на внешнюю прагматичность подобного решения, оно порождает принципиальную проблему, касающуюся процессуальной легитимности такой трансформации подсудности. Механизм изменения территориальной юрисдикции, фактически применяемый на практике, до сих пор не обрел необходимого нормативного закрепления. Отсутствие законодательно регламентированной процедуры неизбежно ставит под сомнение реализацию конституционного права граждан на судебную защиту. В этой связи приходится констатировать отсутствие целостной, внутренне непротиворечивой уголовно-процессуальной политики, адаптированной к условиям досудебного производства в рамках специальных правовых режимов [11, с. 70]. Пристального научного осмысления заслуживают законодательные новеллы, призванные упорядочить досудебное производство, однако отличающиеся фрагментарностью и дефицитом системных гарантий. Реагируя на запросы правоприменительной практики, хотя и с определенной задержкой, законодатель увеличил предельные сроки задержания подозреваемых. Согласно внесенным корректировкам, на территориях, где введено военное положение, допускается задержание лиц, подозреваемых в особо тяжких преступлениях, на срок до 30 суток без судебного решения. Более того, ст. 100 УПК РФ предусматривает возможность продления срока предъявления обвинения до 45 суток с момента задержания [13, с. 12].

Ключевая проблема, однако, заключается в отсутствии процессуального механизма реализации этих предписаний, а также правовых средств, способных нейтрализовать вынужденное ограничение прав участников процесса. Увеличение сроков задержания при одновременном ослаблении судебного контроля нарушает равновесие в системе сдержек и противовесов, характерной для состязательного процесса. Представляется, что подобные упрощения процедуры объективно требуют адекватных гарантий, восполняющих отступление от ординарного порядка судопроизводства [5, с. 86]. В связи с изложенным представляется необходимым предложить концептуальный подход, согласно которому любое ограничение прав личности в особый период должно быть соразмерным и сопровождаться внедрением дополнительных процессуальных гарантий. Если объективные обстоятельства препятствуют выполнению требования ч. 3 ст. 91 УПК РФ о доставлении задержанного в суд в течение 48 ч., законодатель обязан сформировать правовой механизм, компенсирующий данное отступление [12, с. 6].

В качестве возможных элементов такого механизма могут рассматриваться: *Усиление прокурорского надзора за законностью задержания на всем его протяжении*. Введение особого порядка судебного контроля, при котором суд должен быть определен заранее на уровне закона. Это позволит реализовать предписание ч. 1 ст. 47 Конституции РФ даже в особых условиях. Создание экстерриториальных судебных присутствий или наделение военных судов дополнительными полномочиями. Позиция автора заключается в том, что если государство вынужденно ограничивает права, включая право на своевременный судебный контроль, оно обязано предоставить процессуальный механизм, компенсирующий подобного рода ограничения. Указанный механизм должен быть легализован и имплементирован в систему регулирования, применяемого в зоне проведения специальной военной операции [9, с. 131]. Фрагментарное внесение изме-

нений в действующий УПК не способно разрешить комплекс проблем. Предпочтительным видится путь принятия универсального законодательного акта, который бы системно регулировал все аспекты судопроизводства в экстраординарных ситуациях. Таким актом мог бы стать либо специальный раздел УПК РФ «Производство по уголовным делам в условиях действия особых правовых режимов», либо самостоятельный федеральный конституционный закон, регламентирующий особенности судопроизводства в военное время. Однако «заимствование чужих уголовно-процессуальных институтов», – считает А.И. Александров, и мы с ним полностью согласны, – должно быть творческим и крайне осторожным» [1, с. 11]. Отечественная правовая система уже имела опыт подобного регулирования. Положение о военных трибуналах 1958 г., действовавшее вплоть до 1999 г., содержало развернутую регламентацию деятельности военных судов в особых условиях. Утрата этого правового наследия при отсутствии адекватной замены и породила тот «судебный вакуум», который сегодня наблюдается [7, с. 100]. Принятие системного законодательного акта позволило бы не только восполнить существующие пробелы, но и создать целостную систему регулирования, способную обеспечить баланс между публичными интересами борьбы с преступностью и конституционными гарантиями прав личности [10, с. 7]. ФЗ от 2.10.2024 г. № 340-ФЗ в УПК РФ внесены существенные коррективы, предусматривающие обязанность суда, следователя и дознавателя прекращать уголовное преследование в отношении лиц, производство по делам, которых ранее было приостановлено. Данная новелла представляет собой характерный пример использования процессуального инструментария для достижения целей, лежащих за пределами уголовной юстиции в сфере военной и оборонной политики [14, с. 166]. Законодатель, руководствуясь тактическими задачами комплектования Вооруженных Сил, последовательно расширяет перечень оснований для приостановления и последующего прекращения уголовного преследования. Установлена корреляция между заключением контракта с Минобороны и наступлением процессуальных последствий. Первоначально на органы следствия возлагается обязанность приостановить производство, а затем прекратить уголовное преследование. Сегодня аналогичные полномочия распространены и на судебные инстанции. Исторические параллели в данном контексте представляют несомненный научный интерес. В период ВОВ советским законодательством предусматривалась возможность постановления обвинительных приговоров с отсрочкой исполнения и последующим направлением осужденных в действующую армию. Принципиальное различие советского подхода заключалось в том, что государственная воля реализовывалась в отношении лиц, уже осужденных за совершенное преступление. Современная правовая модель распространяет преференции на субъектов, чья виновность еще не установлена вступившим в законную силу приговором суда [6, с. 62]. Представляется, что уголовно-процессуальная политика современной России, особенно в условиях функционирования особых правовых режимов, должна исходить из императива поиска разумного паритета между интересами личности, общества и государства. Сильное государство, каковым является РФ, обязано обеспечивать согласованную защиту всех трех категорий интересов, не допуская необоснованного приоритета одного из них в ущерб другим [8, с. 169].

Достижение указанного баланса видится на пути разработки системного законодательного акта уголовно-процессуального закона военного времени либо соответствующего раздела УПК РФ, который бы четко регламентировал особенности досудебного и судебного производства в условиях действия специальных режимов. Такой акт должен содержать не только нормы, расширяющие полномочия государства, но и механизмы, обеспечивающие защиту прав потерпевших, а также систему гарантий от необоснованного ограничения конституционных прав.

Подводя итого следует сказать, что современная уголовно-процессуальная политика в условиях действия особых правовых режимов характеризуется фрагментарностью и неспособностью обеспечить баланс между публичными и частными началами. Нормативная база содержит лишь рамочные установки, не обеспеченные процессуальными механизмами реализации, что порождает юрисдикционную неопределенность. Внесение точечных изменений при отсутствии компенсаторных механизмов создает риски роста рецидивной преступности. Обращение к историческому опыту демонстрирует наличие в отечественной традиции эффективных регуляторов, утрата которых не восполнена. Выход видится в концептуальном переосмыслении политики и принятии системного законодательного акта, который бы комплексно регламентировал особенности судопроизводства в особых правовых режимах.

Список литературы:

1. Александров А.И. Уголовно-процессуальная политика Российской Федерации на современном этапе: понятие и основные направления / А. И. Александров // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. – 2010. – № 2(36). – С. 10-19.
2. Александров А.И. Уголовная политика и уголовный процесс в российской государственности / А. И. Александров, В. Н. Кудрявцев. – 2-е издание, переработанное и дополненное. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2024. – 448 с.
3. Бодаевский В.П. Уголовная политика и отрасли криминального цикла как внешние факторы, влияющие на систему военно- уголовных норм / В. П. Бодаевский // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74), № 2. – С. 262-274.
4. Ермолович Я.Н. Совершенствование уголовно-процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности лиц, поступивших на военную службу по мобилизации или в военное время (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в статью 78.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 2 октября 2024 года № 340-ФЗ) / Я. Н. Ермолович // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2025. – № 2(331). – С. 65-70.
5. Кондрат И.Н. Концепция Российской уголовной политики: некоторые размышления о совершенствовании уголовного и уголовно-процессуального законодательства / И. Н. Кондрат // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 7. – С. 86-101.
6. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации / А. И. Коробеев. – Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 1987. – 270 с.
7. Латыпов В.С. Национальный интерес в современной уголовно-процессуальной политике России / В. С. Латыпов, А. Ю. Терехов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2025. №1(72). С. 99-106.
8. Милюков С.Ф. Военно-полевая уголовная политика: основные контуры / С. Ф. Милюков // Вестник Владимирского юридического института. – 2025. – № 2(75). – С. 169-173.
9. Пудовочкин Ю.Е. Уголовная политика и уголовное право сильного государства / Ю.Е. Пудовочкин, М.М. Бабаев // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 2(147). – С. 131-144.
10. Петухов Н.А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 7-12.
11. Сальников В.П. Уголовно-процессуальная политика как элемент уголовной политики современной России // Юридическая наука: история и современность. – 2016. – № 9. – С. 70-97.
12. Савенков А.Н. Вопросы совершенствования уголовного права, процесса и уголовно-правовой политики / А. Н. Савенков // Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 5-13.
13. Сафронов Д.М. Особенности применения задержания в условиях военного положения / Д. М. Сафронов // Российский следователь. – 2024. – № 8. – С. 11-15.
14. Таршева М.Н. Уголовно-процессуальная политика России: основные аспекты / М. Н. Таршева // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3(107). – С. 165-170.
15. Третьяков И.Л. Уголовная политика в системе государственной политики / И. Л. Третьяков // Мир политики и социологии. – 2013. – № 10. – С. 17-32.
16. Третьяков И.Л. Уголовная политика в контексте естественно-исторического процесса / И. Л. Третьяков // Мир политики и социологии. – 2013. – № 9. – С. 152-164.

Novokshonov D.V. On the issue of criminal procedure policy in a special period // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 572-577.

The article analyzes a complex of problems related to the implementation of the criminal procedure policy of the Russian Federation in special legal regimes. It examines the regulatory conflicts that arise when applying the current criminal procedure legislation in territories where martial law has been declared. The article identifies systemic shortcomings, including the lack of procedural algorithms for implementing criminal procedure norms during martial law. It also analyzes the domestic experience of regulating legal proceedings during crisis periods. The article

concludes that it is necessary to abandon point-based amendments in favor of developing a comprehensive legislative act, a wartime code, which will ensure constitutional guarantees in criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure policy, special legal regime, special military operation, wartime legislation, criminal proceedings, guarantees of individual rights.

Spisok literatury:

1. Aleksandrov A.I. Ugolovno-processual'naya politika Rossijskoj Federacii na sovremennom ehtape: ponyatie i osnovnye napravleniya / A. I. Aleksandrov // Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossijskoj tamozhennoj akademii. – 2010. – № 2(36). – S. 10-19.
2. Aleksandrov A.I. Ugolovnaya politika i ugolovnyj process v rossijskoj gosudarstvennosti / A. I. Aleksandrov, V. N. Kudryavcev. – 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe. – Moskva: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Prospekt", 2024. – 448 s.
3. Bodaevskij V.P. Ugolovnaya politika i otrasli kriminal'nogo cikla kak vneshnie faktory, vliyayushchie na sistemu voenno- ugolovnyh norm / V. P. Bodaevskij // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2022. – T. 8 (74), № 2. – S. 262-274.
4. Ermolovich Ya.N. Sovershenstvovanie ugolovno-processual'nogo mehanizma osvobozhdeniya ot ugolovnoj otvetstvennosti lic, postupivshih na voennuyu sluzhbu po mobilizacii ili v voennoe vremya (nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu «O vnesenii izmenenij v stat'yu 78.1 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» ot 2 oktyabrya 2024 goda № 340-FZ) // Pravo v Vooruzhennyh Silah - Voenno-pravovoe obozrenie. – 2025. – № 2(331). – S. 65-70.
5. Kondrat I.N. Koncepciya Rossijskoj ugolovnoj politiki: nekotorye razmyshleniya o sovershenstvovanii ugolovnogo i ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2016. – № 7. – S. 86-101.
6. Korobeev A.I. Sovetskaya ugolovno-pravovaya politika: problemy kriminalizacii i penalizacii / A. I. Korobeev. – Vladivostok: Dal'nevostochnyj federal'nyj universitet, 1987. – 270 s.
7. Latypov V.S. Nacional'nyj interes v sovremennoj ugolovno-processual'noj politike Rossii / V. S. Latypov, A. Yu. Terehov // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2025. – № 1(72). – S. 99-106.
8. Milyukov S.F. Voenno-polevaya ugolovnaya politika: osnovnye kontury / S. F. Milyukov // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2025. – № 2(75). – S. 169-173.
9. Pudovochkin Yu.E. Ugolovnaya politika i ugolovnoe pravo sil'nogo gosudarstva / Yu.E. Pudovochkin, M.M. Babaev // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2023. – T. 18, № 2(147). – S. 131-144.
10. Petuhov N.A. Primenenie ugolovnoj politiki Rossii na voenno-sluzhebnyh otnosheniyah: puti vyhoda i dal'nejshie napravleniya normativno-pravovogo regulirovaniya/Voenno-yuridicheskij zhurnal. 2016. № 1. 11. Sal'nikov V.P. Ugolovno-processual'naya politika kak ehlement ugolovnoj politiki sovremennoj Rossii / // Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'. – 2016. – № 9. – S. 70-97.
12. Savenkov A.N. Voprosy sovershenstvovaniya ugolovnogo prava, processa i ugolovno-pravovoj politiki / A. N. Savenkov // Gosudarstvo i pravo. – 2018. – № 3. – P. 5-13.
13. Safronov D.M. Osobennosti primeneniya zaderzhaniya v usloviyah voennogo polozheniya / D. M. Safronov // Rossijskij sledovatel'. – 2024. – № 8. – S. 11-15.
14. Tarsheva M.N. Ugolovno-processual'naya politika Rossii: osnovnye aspekty / M. N. Tarsheva // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2025. – № 3(107). – S. 165-170.
15. Tret'yakov I.L. Ugolovnaya politika v sisteme gosudarstvennoj politiki // Mir politiki i sociologii. – 2013. – № 10. – S. 17-32.
16. Tret'yakov I.L. Ugolovnaya politika v kontekste estestvenno-istoricheskogo processa / I. L. Tret'yakov // Mir politiki i sociologii. – 2013. – № 9. – S. 152-164.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 578-586.

***УДК* 343.3/.7**.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Павлычев М. М.
судья коллегии по уголовным делам Краснодарского краевого суда

В статье осуществлен анализ проблемных аспектов уголовно-правового обеспечения продовольственной безопасности на современном этапе развития российского общества. Представленный в публикации анализ статистики выявленных нарушений по линии Роспотребнадзора и Россельхознадзора за период 2022–2025 гг. по качеству продукции и ее безопасности свидетельствует о сложившейся неблагоприятной ситуации, что обоснованно используется в статье как аргумент, обуславливающий необходимость совершенствования положений уголовного законодательства в соответствующей части. Опираясь на отечественный и зарубежный опыт регламентации уголовной ответственности за деяния, связанные с нарушением требований и стандартов в области качества продовольственных товаров, условий их реализации и хранения, автор выявляет пробелы и коллизии в УК РФ и предлагает пути их преодоления. Помимо этого, в статье рассмотрен вопрос о правоприменительных проблемах квалификации указанных преступлений и отграничения от административных правонарушений. Особое внимание обращено к вопросу источников уголовного права, в силу бланкетности диспозиции ст. 238 УК РФ, ст. 14.4 и 14.43 КоАП РФ. Автор так же формулирует уточненные дефиниции таких категорий как «производство», «хранение» продукции; предлагает новые подходы к дифференциации уголовной ответственности в рамках ст. 238 УК РФ.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, уголовная ответственность, бланкетная диспозиция, источники права, квалификация, производство, хранение, перевозка, незаконная выдача, недопустимый риск.

Вопросы продовольственной безопасности всегда стояли на повестке дня любого государства, однако в XX в. они вышли на уровень национальных приоритетов. В п. «g» Преамбулы Всеобщей декларации о ликвидации голода и недоедания 1974 г. [1] был впервые закреплен термин «продовольственная безопасность». В настоящее время он органично вошел в систему национального законодательства РФ. Доктрина продовольственной безопасности РФ принята в 2010 г., в 2020 г. утверждена ее новая редакция, а 2025 г. [2], в нее внесены дополнения в части уточнения стратегических целей продовольственной безопасности РФ (п. 171) и основных задач обеспечения глобальной продовольственной безопасности (п. 172). Продовольственная безопасность обеспечивает суверенитет и достижение необходимого качества жизни населения страны. Продтовары занимают приоритетное место в потребительской корзине человека, обеспечивая его товарами первой необходимости. Минфин РФ к продовольственным относит широкий спектр товаров, которые отвечают основному критерию – употребление в пищу [3]. Обеспечение соблюдения требований к производству и реализации указанных товаров уголовно-правовыми мерами осуществлялось в России начиная с середины XVIII в. [4, с. 631] Наиболее развернутая система криминализованных нарушений требований о качестве продовольственных товаров была сформирована в Уголовном уложении 1903 г., устанавливавшем ответственность за нарушение требований о чистоте (ст. 209); подделку продовольственных товаров (ст. 210); производство вредных продовольственных товаров (ст. 211); реализацию хлеба с вредными примесями (ст. 212) [5, с. 80, 81].

Актуальна обозначенная проблема и в XXI в. Статистика по линии Роспотребнадзора РФ свидетельствует о значительном числе реализуемых в России продовольственных товаров ненадлежащего качества. Так, в 2024 г. выявлено 333 млн. просроченных молочных товаров [6]; в 2025 г. общая доля фальсификата и несоответствия качеству указанных продуктов составила порядка 18 % [6]. К наиболее некачественным, по данным Роспотребнадзора, в 2025 г. относились сыр и спортивное питание [7]. За 9 мес. 2025 г. из более чем 16,3 тыс. проб продукции животного происхождения и кормов, проверенных лабораториями ведомства, 2,5 тыс. оказались неспособными удовлетво-

рить заявленный качественный состав, в том числе были фальсифицированы. Помимо этого, около 1,8 тыс. из 44 тыс. проб не соответствовали установленным требованиям по показателям безопасности [8].

Приведенные данные свидетельствуют о важности развития правовых мер противодействия производству и реализации некачественных продовольственных товаров, уголовно-правовые среди них занимают центральное место. Так, в ст. 238 УК РФ осуществлена криминализация следующий действий в отношении товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровью потребителей: производство; хранение; перевозка; сбыт; выполнение работ; оказание услуг. Кроме того, ч. 1 ст. 238 УК РФ устанавливает уголовную ответственности за выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности. Таким образом, законодатель осуществил криминализацию широкого круга соответствующих деяний, что говорит о его стремлении к исчерпывающей уголовно-правовой защите населения от некачественной продукции, товаров и услуг. Несмотря на это, в монографических источниках обосновываются предложения о дополнении объективной стороны рассматриваемого состава преступления. Так, по мнению И.С. Чуб, необходимо расширить диспозицию анализируемой нормы, дополнив ее указанием на недоброкачественные товары, продукцию, работы или услуги [9, с. 7]. Указанная новелла представляется спорной по той причине, что она будет способствовать еще большему нивелированию границ между административной (ст. 14.4 и 14.43 КоАП РФ) и уголовной ответственностью, что нарушает принцип постепенного перехода от менее строгого ее вида к более строгому при реализации мер противодействия тому или иному противоправному поведению.

В правоприменительной практике возникает целый ряд проблемных вопросов, связанных с квалификацией указанных деяний. В качестве основной проблемы правоприменения многие авторы называют «излишнюю диспозитивность» и бланкетность положений ст. 238 УК РФ [10, с. 14]. Помимо этого, значительные сложности для установления юридических признаков состава указанного преступления создает обширный массив подзаконных нормативных актов, определяющих требования относительно качества и безопасности товаров, продукции, работ и услуг [10, с. 14]. Отмеченные проблемы ученые связывают с отсутствием единообразного понимания как теоретиками, так и практическими работниками сущности состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ [11, с. 76].

В данном случае возникают следующие проблемы: 1) отсутствие унифицированного толкования ключевых категорий, закрепленных в диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ, в законодательных актах; 2) регулирование вопросов качества и безопасности товаров и услуг, в том числе, международными правовыми актами, в частности ЕАЭС [12]; 3) наличие широкого круга подзаконных нормативных источников.

Так, обязательным признаком объекта названного преступления выступает его предмет: «товары и продукция, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей». Несмотря на то, что вопросам качества товаров и услуг посвящен целый ряд нормативных правовых актов федерального уровня, единого подхода к раскрытию содержания категории «требования безопасности» в них не представлено. Так, в Законе «О защите прав потребителей» она раскрывается через тождественное словосочетание с акцентом на обычные условия использования [13]. Более развернутую трактовку содержит ст. 1 ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» [14]. В ней основной акцент законодатель делает на таких характеристиках пищевых продуктов, как безвредность и отсутствие опасности для человека. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на использование обладающих дискретностью сочетаний: «состояние обоснованной уверенности», «при обычных

условиях». Оптимальной следует признать дефиницию безопасности продуктов, закрепленную в ст. 2 ФЗ «О техническом регулировании» [15]. Однако и она не лишена проблемы законодательной формализации, поскольку содержит упоминание о «допустимом риске». Вместе с тем в части обеспечения безопасности здоровья населения никакие риски не допустимы.

Представляется, что применительно к товарам потребления (производство, хранение, перевозка, сбыт) указанная категория неприменима, в силу чего рассматриваемая дефиниция нуждается в существенном уточнении. В свете обозначенной проблемы обоснованными представляются разработка и принятие единого закона, определяющего признаки отнесения товаров, работ и услуг к качественным и безопасным. В виде примера можно привести Закон Социалистической Республики Вьетнам «О качестве продукции и товаров» от 21.12.2013 г. [16].

Бланкетные нормы в рассматриваемой части содержатся в многочисленных подзаконных нормативных актах: Технические регламенты, ГОСты. В частности, в РФ в отношении пищевых продуктов действуют: ГОСТ Р 72236–2025 «Реализация фермерской продукции. Информация для потребителей. Общие требования» [17], ГОСТ 31936–2025 «Продукция из мяса птицы. Полуфабрикаты из мяса и субпродуктов птицы. Общие технические условия» [18]; ГОСТ 8756.18–2025 «Консервы. Методы определения герметичности упаковки» [19]; ГОСТ 23327–98 «Молоко и молочные продукты. Метод измерения массовой доли общего азота по Кьельдалю и определение массовой доли белка» [20]; ГОСТ Р 72207–2025 «Молоко питьевое низколактозное для детского питания. Технические условия» [21]; ГОСТ Р 72206–2025 «Коктейли молочные для детей раннего, дошкольного и школьного возраста. Технические условия» [22]; ГОСТ Р 72163–2025 «Добавки пищевые. Дикрахмалфосфат ацетилированный Е1414. Технические условия» [23] и др.

В научных источниках ведется дискуссия о допустимости использования в качестве источников уголовного права Технических регламентов и ГОСТов. Актуальность этому вопросу придает позиция Верховного Суда РФ, который в одном из актов правоприменения указал, что ГОСТ не является нормативным правовым актом, поскольку по своей правовой природе национальные стандарты являются нормативными техническими актами, которые не содержат правовых норм или правил поведения [24]. Росстандарт утверждает ГОСТЫ в рамках его полномочий, предусмотренных п. 12 ст. 9 Закона о стандартизации [25], п. 1, подп. 5.2.2, 5.4.6 п. 5, подп. 9.8 п. 9 Положения о Росстандарте [26]. Однако в его полномочия не входит нормативно-правовое регулирование в сфере стандартизации. Вместе с тем производители товаров, которые подлежат обязательной сертификации, обязаны соблюдать соответствующие государственные стандарты. Их полный список перечислен в постановлении Правительства РФ от 23.12.2021 №2425 [27].

По мнению Л.Д. Гаухмана, источниками уголовного права может быть только уголовный закон и законы иной отраслевой принадлежности. При этом недопустимо включать в их круг подзаконные нормативные акты и тем более технические акты [28, с. 51]. Действительно, принцип разделения властей не допускает включение органов исполнительной власти в процесс создания уголовно-правовых норм. Данный вывод находит поддержку у отечественных авторов, которые обоснованно указывают на особое место уголовной ответственности в системе юридической ответственности, поскольку она предполагает существенные ограничения прав и свобод человека и гражданина [29, с. 174-176].

Обращаясь к правовой природе бланкетных норм, следует подчеркнуть их особый, а именно вспомогательный характер для уяснения содержания признаков состава преступления. По своей сути – это ресурс легального толкования в рамках уголовно-правовых отношений. В силу сказанного спорно утверждение Н.И. Пикурова о том, что

бланкетные положения подзаконных нормативных актов не предназначены регулировать уголовно-правовые отношения [30, с. 160].

В случае, когда уголовная ответственность устанавливается в отношении деяний сложной правовой природы, имеющих специфическое правовое урегулирование, невозможно обойтись без отсылки к источникам иной отраслевой принадлежности. В этой связи нельзя не поддержать вывод В.Н. Кудрявцева, что в технических нормах содержится необходимая для верной правовой оценки детализация общественно опасных деяний [31, с. 112].

Вместе с тем анализ содержания ГОСТОВ дает основание для вывода о том, что они формируют общеобязательные правила поведения, что противоречит их правовой природе. Так, например, в ГОСТ Р 72236–2025 «Реализация фермерской продукции. Информация для потребителей. Общие требования» закреплена дефиниция фермерской продукции, понятие даты изготовления фермерской продукции и сроков ее годности [32]. Закрепление дефиниций характерно для каждого ГОСТА (например, Раздел 3. Термины и определения ГОСТ 31936–2025 «Продукция из мяса птицы. Полуфабрикаты из мяса и субпродуктов птицы. Общие технические условия» и др.). При этом остается открытым вопрос о допустимости формирования нормативных предписаний в источниках технического характера. Указанное обстоятельство свидетельствует об обоснованности ранее высказанного предложения о принятии самостоятельного нормативного источника, посвященного регламентации качества товара, работ и услуг. В силу сложившейся правовой неопределенности в научных источниках предлагаются авторские трактовки деяний, составляющих объективную сторону состава преступления, описанного в ч. 1 ст. 238 УК РФ. В частности, по мнению А.В. Суханова, признаками товаров ненадлежащего качества выступают: 1) изготовление из некачественного сырья; 2) незаконное изготовление подакцизных товаров; 3) создание реальной угрозы причинения вреда жизни и здоровью потребителей [10, с. 14]. К признакам продукции, не отвечающей требованиям безопасности, он относит: 1) несоответствие целевому назначению; 2) значительное сокращение срока службы; 3) наличие дефектов как исправимых, так и неисправимых [10, с. 14]. В данном случае доктринальное толкование отличается от закрепленного в законодательстве, что вряд ли оправдано в силу надлежащего уровня легальной регламентации. Дефиниция товара представлена в п. 1 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О защите конкуренции» [33]. В ней обоснованно находит отражение подход к товару как объекту гражданско-правового оборота.

В отечественном законодательстве закреплена и легальная дефиниция категории «продукция». Так, согласно абз. 19 ст. 2 ФЗ от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» под ней понимается «результат деятельности, представленный в материально-вещественной форме и предназначенный для дальнейшего использования в хозяйственных и иных целях»[34]. Гражданский кодекс РФ от 30.11.1994 г. (ч. 1) в ст. 136 определяет продукцию как поступления, полученные в результате использования имущества. К продукции в зависимости от цели использования относятся: продукция производственного назначения; товары народного потребления; здания и сооружения любого назначения (ст. 5.1 ФЗ № 184-ФЗ). Таким образом, категория «продукция» значительно шире, нежели категория «товар». Общероссийский классификатор продукции включает обе группы товаров: и товары народного потреблении, и товары производственного назначения [35].

В этой связи спорным представляется использование в диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ указанных категорий в качестве альтернативных, так они являют собой часть (товар) и целое (продукция). В силу сказанного в целях оптимизации содержания указанной нормы целесообразно исключить из нее указание на товар.

К числу наказуемых в ч. 1 ст. 238 УК РФ законодатель относит производство

товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности. Производство – это термин, который имеет несколько значений, но в экономической сфере под ним понимается процесс, который направлен на получение или создание материальных и нематериальных благ с использованием имеющихся в распоряжении ресурсов [36]. Производство представляет собой деятельность субъектов предпринимательской деятельности по созданию нового продукта посредством переработки того или иного сырья с целью получения прибыли [37, с. 432].

Нормативного определения понятия «производство» применительно к ст. 238 УК РФ нигде не дано, что, безусловно, затрудняет определение его содержания [38, с. 26]. В научных источниках обращено внимание на нетождественность терминов «производство» и «изготовление» [39, с. 135]. Причем их соотношение устанавливается посредством категорий «общее» и «частное». Производство рассматривается как сложный процесс по серийному получению продукции, в который включено не только ее изготовление, но и сырьевой цикл и реализация. Подобный подход не находит отражения в трудах представителей уголовно-правовой науки. Так, И.А. Шеина отождествляет производство и изготовление, включая в последнее помимо создания товара его восстановление и переработку [40, с. 94]. И.С. Чуб категория производство рассматривается значительно *уже* и включает в себя только деятельность по изготовлению разнообразных товаров и продукции [41, с. 18]. Еще более ограниченное понимание производства представлено С.А. Пискуновым [42, с. 18], сводящим его к этапу выпуска готовой продукции [42, с. 18].

Полагаем, что под *производством* следует понимать предпринимательскую деятельность по созданию продукции на основе преобразования сырья, материальных и трудовых ресурсов в рамках технологических процессов.

К числу уголовно-наказуемых законодатель относит также хранение товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности. Толкование указанной категории не вызывает сложностей в правоприменительной практике и дискуссий среди теоретиков уголовного права. *Хранение* указанных товаров представляет собой их размещение на какой-либо территории либо в помещениях, обеспечение их неприкосновенности и защиты от доступа третьих лиц.

Унифицированным толкованием отличается и категория «перевозка».

К числу наказуемых деяний, в рассматриваемой норме отнесен сбыт. В данном случае следует прибегать к трактовке указанной категории, исходя из ее экономической природы. На это указывает и толкование цели сбыта представленное в п. 7 постановления Пленума ВС РФ от 25.06.2019 № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» [43], где обращено внимание на такие составляющие сбыта, как «…предпродажная подготовка, рекламирование, наличие договоренности с торговыми организациями, потребителями об их реализации, размещение товара, продукции в местах торговли и т.п.» [43]. Сходную точку зрения высказывает Д.И. Баркан, понимая под сбытом деятельность, направленную на продвижение продукции [44, с. 129]. На взгляд М.Ф. Гончаренко, сбыт включает в себя: создание инфраструктуры рынка по организации продаж и изучения конъюнктуры потребительского спроса [45, с. 125–126]. В данном случае представлено доктринальное толкование, в основе которого лежит не правовой, а экономический подход, в силу чего он трудно применим к уяснению специфика категории «сбыт» для целей юридической квалификации. Сходное широкое толкование рассматриваемой категории представлено А.А. Суриным и С.А. Шевченко [46, с. 166]. Представляется, что для целей квалификации содеянного по ст. 238 УК РФ категория «сбыт» должна пониматься, исходя не из широкой ее трактовки в экономическом смысле, а на основе сложившейся в уголовном законодательстве РФ традиции ее предметного по-

нимания как целенаправленной деятельности, направленной на реализацию товара: приискание покупателя; размещение рекламы; непосредственная реализация товара на оптовом или розничном рынках.

В диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ криминализованы также неправомерные выдача, а также использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности. Толкование указанных категория отличается унифицированным пониманием и не вызывает трудностей в правоприменительной практике. Пленум ВС РФ в названном постановлении от 25.06.2019 № 18 уточняет содержание категории «использование», сводя ее к предъявлению документа (п. 9). Не ставя под сомнение необходимость криминализации указанного деяния, нельзя не обратить внимание на необоснованное его помещение в диспозицию указанной нормы. Степень его общественной опасности значительно выше, поскольку связана с деятельностью специального субъекта – уполномоченного должностного лица, который вопреки интересам службы совершает преступное деяние. Таким образом, в данном случае вред причиняется двум объектам уголовно-правовой охраны: общественным отношениям в сфере обеспечения сохранения и укрепления здоровья населения и общественным отношениям в сфере реализации интересов государственной службы. В силу этого указанное деяние должно быть помещено в ч. 3 ст. 238 УК РФ. Спорным представляется предложение о его криминализации в самостоятельной норме гл. 32 УК РФ [47,с. 7–8], так как основным непосредственным объектом в данном случае выступает не порядок управления, а общественные отношения в сфере сохранения и укрепления здоровья населения, именно они страдают в результате выдачи официального документа о качестве товара при его объективном отсутствии.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что в уголовном законодательстве России осуществлена необходимая криминализация деяний в сфере производства и реализации некачественной продукции, товаров и услуг. В диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ в развитие правовых традиций, уходящих вглубь XVIII в., к числу наказуемых отнесены: 1) производство, хранение, перевозка, сбыт товаров и продукции, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей; 2) выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей; 3) неправомерная выдача официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности; 4) неправомерное использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности. Под производством следует понимать предпринимательскую деятельность по созданию продукции, на основе преобразования сырья, материальных и трудовых ресурсов в рамках технологических процессов. Хранение указанных товаров представляет собой их размещение на какой-либо территории либо в помещениях, обеспечение их неприкосновенности и защиты от доступа третьих лиц.

Квалификация указанных деяния вызывает трудности в правоприменительной практике, так как их описание обладает дискретностью, а установление юридических признаков требует обращения к источникам иной отраслевой принадлежности, в том числе и обладающим техническим содержанием. Законодательство в рассматриваемой части отличается разрозненностью подходов к легальному толкованию одних и тех же категорий. Данная ситуация требует принятия специального закона, направленного на регламентацию требований к качеству продукции, работ и услуг.

Совершение неправомерной выдачи официального документа обладает более высокой степенью общественной опасности, нежели иные, перечисленные в ч. 1 ст. 238 УК РФ противоправные деяния, что требует его регламентации в качестве особо квалифицированного вида преступления. Помимо этого, следует отказаться от использования в

качестве альтернативных предметов преступления «товаров» и «продукции», оставив в диспозиции ч. 1 ст. 238 УК РФ указание лишь на последнюю.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания. Принята 16 ноября 1974 года Всемирной продовольственной конференцией, созванной в соответствии с резолюцией 3180 (XXVIII) Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1973 года и принятая резолюцией 3348 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1974 года // Официальный сайт ООН – [Электронный ресурс].
2. Указ Президента Российской Федерации от 10 марта 2025 г. № 141 «О внесении изменений в Доктрину продовольственной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20» // Официальный сайт Президента России – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/51703.
3. Письмо Министерства финансов Российской Федерации № 03-07-04/03 от 31.03.2010 // Справочно-правовая система СКБ «Контур» – [Электронный ресурс].
4. Сенатский указ от 18 сентября 1713 г. о качестве мяса // Законодательство Петра I. М.: Юрид. лит, 1997. С. 631.
5. Новое уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. С прил. предм. алф. указ. Неофиц. изд. Санкт-Петербург: кн. маг. В.П. Анисимова, 1903. С. 80, 81.
6. Роспотребнадзор нашел тонны поддельного сыра и масла на прилавках // Парламентская газета. 2026. 28 января – [Электронный ресурс].
7. В Роскачестве назвали самые проблемные категории товаров в 2025 г. // BFM.ru. 2026. 3 января – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bfm.ru/news/594381.
8. Россельхознадзор выявил 2500 проб некачественной продукции в 2025 г. // Царьград/Tsargrad. 2025. 18 ноября – [Электронный ресурс].
9. Чуб И.С. Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности: проблемы законодательного описания и дифференциации уголовной ответственности: дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. С. 7.
10. Суханов А.В. Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2014. С. 14.
11. Гайков В.Т., Шишина О.И. К вопросу об усилении уголовно-правовой защиты прав потребителей // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.2014.№1.С. 76.
12. См.: Технический регламент Таможенного союза. ТР ТС 015/2011. О безопасности зерна (с изменениями на 15 сентября 2017 г.) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» – [Электронный ресурс].; Технический регламент Таможенного союза. ТР ТС 021/2011. О безопасности пищевой продукции (с изменениями на 22 апреля 2024 года) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» – [Электронный ресурс]. Технический регламент Таможенного союза. ТР ТС 022/2011. Пищевая продукция в части ее маркировки (с изменениями на 22 апреля 2024 г.) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» – [Электронный ресурс]; Технический регламент Таможенного союза. ТР ТС 024/2011. Технический регламент на масложировую продукцию (с изменениями на 12 декабря 2023 года) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» – [Электронный ресурс]; Технический регламент Таможенного союза. ТР ТС 023/2011. Технический регламент на соковую продукцию из фруктов и овощей; Технический регламент Таможенного союза. О безопасности упаковки. ТР ТС 005/2011 (с изменениями на 6 сентября 2024 года) // Электронный фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации Консорциума «Кодекс» и др.
13. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // СПС «КонсультантПлюс» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/.
14. О качестве и безопасности пищевых продуктов: Федеральный закон от 02.01.2000 № 29-ФЗ (в ред. от 07.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс» – https://www.consultant.ru/
15. О техническом регулировании: Федеральный закон от 27.12.2002 № 184-ФЗ (в ред. от 23.07.2025 № 262-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40241/.
16. О качестве продукции и товаров: Закон Социалистической Республики Вьетнам от 21 декабря 2013 года // Официальный сайт Федеральной службы по ветеринарному и фитосанитарному надзору (Россельхознадзор) – https://fsvps.gov.ru/files/zakon-o-kachestve-produkcii-i-tovarov-o/.
17. ГОСТ Р 72236–2025 «Реализация фермерской продукции. Информация для потребителей. Общие требования». М.: Российский институт стандартизации, 2025. – [Электронный ресурс].
18. ГОСТ 31936–2025 «Продукция из мяса птицы. Полуфабрикаты из мяса и субпродуктов птицы. Общие технические условия». М.: Российский институт стандартизации, 2025 – [Электронный ресурс].
19. ГОСТ 8756.18–2025 «Консервы. Методы определения герметичности упаковки». М.: Российский институт стандартизации, 2025.
20. ГОСТ 23327–98 «Молоко и молочные продукты. Метод измерения массовой доли общего азота по Кьельдалю и определение массовой доли белка». М.: Стандартинформ, 2009.

21. ГОСТ Р 72207–2025 «Молоко питьевое низколактозное для детского питания. Технические условия». М.: Российский институт стандартизации, 2025.
22. ГОСТ Р 72206–2025 «Коктейли молочные для детей раннего, дошкольного и школьного возраста. Технические условия». М.: Российский институт стандартизации, 2025.
23. ГОСТ Р 72163–2025 «Добавки пищевые. Дикрахмалфосфат ацетилированный Е1414. Технические условия». М.: Российский институт стандартизации, 2025.
Апелляционное определение Верховный суд РФ от 12.03.2024 г. Дело № АПЛ24-32 // https://vsrf.ru /lk/practice/stor_pdf/2346574. Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского

Pavlychev M. M. Criminal legal measures to ensure food security in the Russian federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 578-586.

The article analyzes the problematic aspects of criminal law support for food security at the current stage of development of Russian society. The analysis of statistics on violations identified by Rospotrebnadzor and Rosselkhoznadzor for the period 2022-2025 regarding product quality and safety, carried out in the publication, testifies to the current unfavorable situation, which is justifiably used in the article as an argument for the need to improve the provisions of criminal legislation in this area. Drawing on domestic and international experience in regulating criminal liability for acts related to the violation of requirements and standards in the field of food quality, conditions of their sale and storage, the author identifies gaps and conflicts in the Criminal Code of the Russian Federation and proposes ways to overcome them. In addition, the article considers the issue of law enforcement problems in the classification of these crimes and their distinction from administrative offenses. Particular emphasis is placed on the issue of the sources of criminal law, due to the blanket disposition of Articles 238, 14.4 and 14.43 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. The author also formulates clarified definitions of categories such as "production" and "storage" of products.

Keywords: food safety, criminal liability, blanket provisions, sources of law, qualifications, production, storage, transportation, illegal issuance, unacceptable risk.

Spisok literatury:

1. Vseobshchaya deklaraciya o likvidacii goloda i nedoedaniya. Prinyata 16 noyabrya 1974 goda Vsemirnoj prodovol'stvennoj konferenciej, sozvannoj v sootvetstvii s rezolyuciej 3180 (XXVIII) General'noj Assamblei ot 17 dekabrya 1973 goda i prinyataya rezolyuciej 3348 (XXIX) General'noj Assamblei ot 17 dekabrya 1974 goda // Oficial'nyj sajt OON – [Elektronnyj resurs]. –https://www.un.org/ru
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 marta 2025 g. № 141 «O vnesenii izmenenij v Doktrinu prodovol'stvennoj bezopasnosti Rossijskoj Federacii, utverzhdennuyu Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 yanvarya 2020 g. № 20».
3. Pis'mo Ministerstva finansov Rossijskoj Federacii № 03-07-04/03 ot 31.03.2010 // Spravochno-pravovaya sistema SKB «Kontur». – [https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=8&documentId=162385.
4. Senatskij ukaz ot 18 sentyabrya 1713 g. o kachestve myasa // Zakonodatel'stvo Petra I. M.: YUrid. lit, 1997. S. 631.
5. Novoe ugolovnoe ulozhenie, vysochajshe utverzhdennoe 22 marta 1903 g. S pril. predm. alf. ukaz. Neofic. izd. Sankt-Peterburg: kn. mag. V.P. Anisimova, 1903. S. 80, 81.
6. Rospotrebnadzor nashel tonny poddel'nogo syra i masla na prilavkah // Parlamentskaya gazeta. 2026. 28 yanvarya.
7. V Roskachestve nazvali samye problemnye kategorii tovarov v 2025 godu // BFM.ru. 2026. 3 yanvarya.
8. Rossel'hoznadzor vyyavil 2500 prob nekachestvennoj produkcii v 2025 godu // Car'grad/Tsargrad. 2025. 18 noyabrya.
9. CHub I.S. Proizvodstvo, hranenie, perevozka libo sbyt tovarov i produkcii, vypolnenie rabot ili okazanie uslug, ne otvechayushchih trebovaniyam bezopasnosti: problemy zakonodatel'nogo opisaniya i differenciacii ugolovnoj otvetstvennosti: dis. … kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2011. S. 7.
10. Suhanov A.V. Proizvodstvo, hranenie, perevozka libo sbyt tovarov i produkcii, vypolnenie rabot ili okazanie uslug, ne otvechayushchih trebovaniyam bezopasnosti: dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov n/D., 2014. S. 14.
11. Gajkov V.T., SHishina O.I. K voprosu ob usilenii ugolovno-pravovoj zashchity prav potrebitelej // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. 2014. № 1. S. 76.
12. Sm.: Tekhnicheskij reglament Tamozhennogo soyuza. TR TS 015/2011. O bezopasnosti zerna (s izmeneniyami na 15 sentyabrya 2017 goda); Tekhnicheskij reglament Tamozhennogo soyuza. TR TS 021/2011. O bezopasnosti pishchevoj produkcii (s izmeneniyami na 22 aprelya 2024 goda); Tekhnicheskij reglament Tamozhennogo soyuza. TR TS 022/2011; Pishchevaya produkciya v chasti ee markirovki (s izmeneniyami na 22 aprelya 2024 goda); Tekhnicheskij reglament Tamozhennogo soyuza; Tekhnicheskij reglament na maslozhirovuyu produkciyu (s izmeneniyami na 12.12.2023); Tekhnicheskij reglament Tamozhennogo soyuza. TR TS 023/2011. Tekhnicheskij reglament na sokovuyu produkciyu iz fruktov i ovoshchej Tekhnicheskij reglament Tamozhennogo soyuza. O bezopasnosti upakovki. TR TS 005/2011 (s izmeneniyami na 6 sentyabrya 2024 g).
13. Zakon RF ot 07.02.1992 № 2300–1 (red. ot 28.12.2025, s izm. ot 17.02.2026) «O zashchite prav potrebitelej» (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2026) // SPS «Konsul'tantPlyus».
14. O kachestve i bezopasnosti pishchevyh produktov: Federal'nyj zakon ot 02.01.2000
№ 29-FZ (v red. ot 07.06.2025) // SPS «Konsul'tantPlyus»
15. O tekhnicheskom regulirovanii: Federal'nyj zakon ot 27.12.2002 № 184-FZ (v red. ot 23.07.2025 № 262-FZ) // SPS «Konsul'tantPlyus».
16. O kachestve produkcii i tovarov: Zakon Socialisticheskoj Respubliki V'etnam ot 21 dekabrya 2013 goda // Oficial'nyj sajt Federal'noj sluzhby po veterinarnomu i fitosanitarnomu nadzoru (Rossel'hoznadzor).
17. GOST R 72236–2025 «Realizaciya fermerskoj produkcii. Informaciya dlya potrebitelej. Obshchie trebovaniya». M.: Rossijskij institut standartizacii, 2025.

18. GOST 31936–2025 «Produkciya iz myasa pticy. Polufabrikaty iz myasa i subproduktov pticy. Obshchie tekhnicheskie usloviya». M.: Rossijskij institut standartizacii, 2025.
19. GOST 8756.18–2025 «Konservy. Metody opredeleniya germetichnosti upakovki». M.: Rossijskij institut standartizacii, 2025.
20. GOST 23327–98 «Moloko i molochnye produkty. Metod izmereniya massovoj doli obshchego azota po K'el'dalyu i opredelenie massovoj doli belka». M.: Standartinform, 2009.
21. GOST R 72207–2025 «Moloko pit'evoe nizkolaktoznoe dlya detskogo pitaniya. Tekhnicheskie usloviya». M.: Rossijskij institut standartizacii, 2025.
22. GOST R 72206–2025 «Koktejli molochnye dlya detej rannego, doshkol'nogo i shkol'nogo vozrasta. Tekhnicheskie usloviya». M.:
23. GOST R 72163–2025 «Dobavki pishchevye. Dikrahmalfosfat acetilirovannyj E1414. Tekhnicheskie usloviya». M.: Rossijskij institut standartizacii, 2025.
24. Apellyacionnoe opredelenie Verhovnyj sud RF ot 12 marta 2024 g. Delo № APL24-32 // https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2346574.
25. O standartizacii v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29.06.2015 № 162-FZ (v red. ot 30.12.2020) // SPS «Konsul'tantPlyus».
26. O Federal'nom agentstve po tekhnicheskomu regulirovaniyu i metrologii: utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 17 iyunya 2004 g. № 294 (v red. ot 20.02.2025) // SPS «Konsul'tantPlyus».
27. Ob utverzhdenii edinogo perechnya produkcii, podlezhashchej obyazatel'noj sertifikacii, i edinogo perechnya produkcii, podlezhashchej deklarirovaniyu sootvetstviya, vnesenii izmenenij v postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 31 dekabrya 2020 g. № 2467 i priznanii utrativshimi silu nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii»: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 23.12.2021 № 2425 (red. ot 28.01.2026) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.03.2026)
28. Gauhman L.D. Problemy UK RF: blanketnost', deklarativnost', kazuistichnost' // Ugolovnoe pravo v XXI veke. M., 2002. S. 51.
29. Pudovochkin YU.E., Pirvagidov S.S. Ponyatie, principy i istochniki ugolovnogo prava: sravnitel'no-pravovoj analiz zakonodatel'stva Rossii i stran Sodruzhestva Nezavisimyh gosudarstv. SPb., 2003. S. 174-176.
30. Pikurov N.I. Ugolovnoe pravo v sisteme mezhotraslevyh svyazej. Volgograd, 1998. S. 160.
31. Kudryavcev V.N. Obshchaya teoriya kvalifikacii prestuplenij. M., 2001. S. 112.
32. GOST R 72236–2025 «Realizaciya fermerskoj produkcii. Informaciya dlya potrebitelej..
33. O zashchite konkurencii: Federal'nyj zakon ot 26.07.2006 № 135-FZ (red. ot 31.07.2025) // SPS «Konsul'tantPlyus».
34. O tekhnicheskom regulirovanii: Federal'nogo zakona ot 27 dekabrya 2002 № 184-FZ (red. ot 23.07.2025) // SPS «Konsul'tantPlyus».
35. OK 034–2014 (KPES 2008). Obshcherossijskij klassifikator produkcii po vidam ekonomicheskoj deyatel'nosti (OKPD 2) (utv. prikazom Rosstandarta ot 31.01.2014 № 14-st) // SPS «Konsul'tantPlyus».
36. CHto takoe proizvodstvo: rol' v ekonomike, faktory, processy i problemy // Prajm. 2023. 12 dekabrya. –
ika i socium. 2017. № 6 (37). S. 432.
38. Tyunin V.I. Nekotorye problemy ugolovnoj otvetstvennosti za prestuplenie, predusmotrennoe chast'yu 1 stat'i 238 ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Obshchestvo i pravo. 2017. № 1 (59). S. 26.
39. Hromov E.V. Problemy kvalifikacii deyanij po st. 238 UK RF // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2016. № 11 (72). S. 135.
40. SHeina I.A. Ugolovno-pravovye mery protivodejstviya proizvodstva, hraneniya, perevozki libo sbyta tovarov i produkcii, vypolneniyu rabot ili okazaniyu uslug, ne otvechayushchih trebovaniyam bezopasnosti: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2016. S. 94.
41. CHub I.S. Proizvodstvo, hranenie, perevozka libo sbyt tovarov i produkcii, vypolnenie rabot ili okazanie uslug, ne otvechayushchih trebovaniyam bezopasnosti: problemy zakonodatel'nogo opisaniya i differenciacii ugolovnoj otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2011. S. 18.
42. Piskunov S.A. Prestupleniya, sovershaemye na potrebitel'skom rynke v sfere proizvodstva, hraneniya, sbyta tovarov i vypolneniya rabot, ne otvechayushchih trebovaniyam bezopasnosti: ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. S. 18.
43. O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, predusmotrennyh stat'ej 238 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 25.06.2019 № 18
44. Barkan D.I. Upravlenie sbytom: ucheb. pos. SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2014. S. 129.
45. Goncharenko M.F. Organizaciya sistemy sbyta produkcii na promyshlennyh predpriyatiyah s uchetom otraslevyh rynkov // Studencheskaya nauka i XXI vek. 2017. №14. S. 425–426.
46. Surina A.A., SHevchenko S.A. Sbyt kak ekonomicheskaya kategoriya: sushchnost' i soderzhanie // Ekonomika i biznes: teoriya i praktika. 2021. № 2-3 (73). S. 166.
47. Kamalieva L.A. Protivodejstvie proizvodstvu, hraneniyu, perevozke libo sbytu tovarov i produkcii, vypolneniyu rabot ili okazaniyu uslug, ne otvechayushchih trebovaniyam bezopasnosti: ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy: dis. ... kand. yurid. nauk. Kazan', 2011. S. 7–8.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 587-596.

УДК 343.9:343.7:351.74

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ Г. МОСКВЫ)

Пестрецов М. А., Ильин А. Е.

Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России

В статье рассматриваются особенности оперативно-розыскной профилактики преступлений против собственности на материалах судебной практики города Москвы. Анализируются кражи, мошенничества, грабежи, разбои и иные формы хищений, имеющие наибольшее профилактическое значение для деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел. Отдельное внимание уделяется дистанционным мошенничествам, хищениям с банковских счетов, действиям курьеров телефонных мошенников и преступлениям, совершаемым в общественных местах. На основе изучения нормативных правовых актов, статистических данных и отдельных судебных материалов обосновывается необходимость раннего выявления криминогенных ситуаций, установления лиц, склонных к совершению имущественных преступлений, анализа способов совершения хищений и взаимодействия оперативных подразделений с участковыми уполномоченными полиции, следственными подразделениями, банками, операторами связи и иными организациями.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскная профилактика, преступления против собственности, кража, мошенничество, грабеж, разбой, хищение, Москва, судебная практика, органы внутренних дел.

Преступления против собственности традиционно занимают значительное место в структуре преступности крупных городов. Для Москвы данная проблема имеет особое значение, поскольку высокая плотность населения, развитая транспортная система, активный оборот наличных и безналичных денежных средств, широкое использование банковских карт, электронных сервисов и маркетплейсов создают условия для разнообразных форм имущественных посягательств. При этом современное хищение все чаще не ограничивается непосредственным изъятием вещи: оно может включать дистанционное воздействие на потерпевшего, использование банковских счетов, мобильных приложений, подставных курьеров, сим-карт, электронных объявлений и иных средств маскировки преступной деятельности.

По данным прокуратуры Москвы, за январь-декабрь 2025 г. в столице было зарегистрировано 120 216 преступлений. Значительную часть в структуре преступности составили преступления против собственности: 43 602 мошенничества, 31 058 краж, 757 грабежей и 227 разбойных нападений [12]. Эти показатели подтверждают, что имущественная преступность сохраняет высокую распространенность в городской среде и требует не только реагирования на уже совершенные деяния, но и предварительного выявления устойчивых способов хищений, лиц, склонных к их совершению, каналов сбыта похищенного имущества, посредников, криминальных связей и повторяющихся схем преступного поведения.

Актуальность темы обусловлена тем, что преступления против собственности обладают высокой повторяемостью, серийностью и адаптивностью к изменению социальной и технологической среды. Судебная практика г. Москвы показывает, что наряду с традиционными кражами, грабежами и разбоями устойчивое распространение получили дистанционные мошенничества, хищения с банковских счетов, преступления с участием курьеров, а также хищения, совершаемые группами лиц по предварительному сговору. В этих условиях оперативно-розыскная профилактика должна быть направлена не только на раскрытие конкретного преступления, но и на предупреждение новых эпизодов. Цель статьи состоит в анализе содержания оперативно-розыскной профилактики преступлений против собственности с учетом судебной практики г. Москвы. Для

достижения указанной цели необходимо рассмотреть нормативную основу профилактики, выделить основные криминологические признаки имущественных преступлений, проанализировать отдельные материалы судебной практики и определить направления повышения эффективности профилактической работы оперативных подразделений ОВД.

Правовую основу противодействия преступлениям против собственности образует совокупность уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, оперативно-розыскных и профилактических норм. Уголовный кодекс Российской Федерации закрепляет ответственность за преступления против собственности в главе 21. К ним относятся кража, мошенничество, присвоение или растрата, грабеж, разбой, вымогательство, причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения и иные деяния [1].

Для оперативных подразделений органов внутренних дел особое значение имеют статьи 158, 159, 161, 162 и 163 УК РФ, поскольку именно эти составы наиболее часто встречаются в практике противодействия имущественной преступности. При этом специфика оперативно-розыскной профилактики определяется не только уголовно-правовой квалификацией, но и способом совершения преступления, личностью вероятного преступника, условиями выбора потерпевшего, местом совершения деяния и возможностью повторения преступного поведения.

Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет задачи ОРД, среди которых указаны выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, а также выявление и установление лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших [3]. Следовательно, профилактическая направленность прямо включена в содержание оперативно-розыскной деятельности. Оперативное подразделение действует не только после поступления заявления о преступлении, но и на более ранней стадии, когда имеются сведения о подготовке имущественного посягательства, серийном характере хищений, лицах, скупающих похищенное, либо о каналах вовлечения граждан в мошеннические схемы.

ФЗ «О полиции» закрепляет обязанности полиции по предупреждению и пресечению преступлений, выявлению причин преступлений и условий, способствующих их совершению, а также принятию мер по их устранению в пределах полномочий [4]. Данные положения связывают оперативно-розыскную профилактику с общей профилактической деятельностью полиции, однако не отождествляют их. Оперативно-розыскная профилактика имеет специальный характер, поскольку опирается на возможности оперативного получения и проверки информации, анализ криминальных связей, выявление скрытых способов подготовки преступления и документирование обстоятельств, имеющих значение для последующего расследования.

ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» также имеет значение для рассматриваемой темы, поскольку определяет общие направления профилактики правонарушений, включая выявление причин и условий правонарушений, профилактическое воздействие, индивидуальную профилактическую работу и информационное обеспечение профилактики [5]. Для оперативных подразделений эти положения важны в той части, в которой они позволяют рассматривать предупреждение имущественных преступлений как системную деятельность, связанную с обменом информацией между субъектами профилактики.

УПК РФ определяет порядок возбуждения уголовного дела, доказывания, использования результатов оперативно-розыскной деятельности и защиты прав участников процесса [2]. Особое значение имеет ст. 89 УПК РФ, согласно которой результаты ОРД

могут использоваться в доказывании только при соблюдении требований, предъявляемых к доказательствам [2]. Поэтому профилактическая работа оперативных подразделений должна быть организована так, чтобы полученная информация могла не только помочь предупредить преступление, но и при необходимости быть законно использована при расследовании. Оперативно-розыскная профилактика преступлений против собственности представляет собой деятельность уполномоченных подразделений ОВД, направленную на выявление и устранение условий, способствующих совершению имущественных преступлений, установление лиц, склонных к их совершению, предупреждение конкретных преступных действий, пресечение серийных хищений и получение информации о криминальных связях.

В отличие от общей профилактики, которая может выражаться в правовом информировании, патрулировании, административном надзоре, работе с обращениями граждан и профилактических беседах, оперативно-розыскная профилактика связана с выявлением скрытых процессов. Она применяется тогда, когда имущественное преступление еще не совершено, готовится, продолжается либо имеет признаки серийности. Практическое значение такой деятельности особенно велико по делам о квартирных кражах, карманных кражах, хищениях с банковских счетов, дистанционных мошенничествах, грабежах в общественных местах и групповых посягательствах на имущество граждан.

Содержание оперативно-розыскной профилактики имущественных преступлений включает несколько элементов.

1. Это анализ оперативной обстановки. В условиях Москвы такой анализ должен учитывать территориальное распределение преступлений, концентрацию хищений в общественных местах, на транспорте, около торговых центров, банковских отделений, банкоматов, рынков, мест массового отдыха, а также в жилых районах с повышенной мобильностью населения. Судебная практика подтверждает, что место совершения преступления нередко имеет значение для понимания способа его подготовки: одни преступления совершаются в условиях внезапного выбора потерпевшего, другие – после предварительного наблюдения, третьи – в дистанционной форме с использованием заранее подготовленных сценариев обмана.

2. Оперативно-розыскная профилактика предполагает выявление лиц, склонных к совершению имущественных преступлений. К ним могут относиться лица, ранее судимые за кражи, грабежи, разбои и мошенничества; лица, совершающие административные правонарушения имущественного характера; участники групп, специализирующихся на сбыте похищенного; курьеры и посредники телефонных мошенников; лица, регулярно использующие чужие банковские карты, документы или сим-карты. При этом профилактическая работа должна строиться не на формальном признаке судимости, а на совокупности данных о поведении лица, его связях, источниках дохода и возможном участии в подготовке новых преступлений.

2. Важным элементом является выявление способов совершения имущественных преступлений. Для современной Москвы характерно сочетание традиционных и цифровых способов хищения. К традиционным относятся тайное изъятие имущества, открытое хищение, нападение с целью завладения имуществом, проникновение в жилище, хищение имущества из автомобилей. К современным формам относятся дистанционные мошенничества, хищения с банковских счетов, использование поддельных объявлений, перевод денежных средств на счета подставных лиц, получение наличных через курьеров, использование социальной инженерии.

4. Профилактика требует установления каналов реализации похищенного имущества и движения денежных средств. По многим имущественным преступлениям имен-

но сбыт похищенного или последующее распоряжение денежными средствами позволяет выйти на группу лиц, организатора, посредника или повторяемую преступную схему. Это особенно важно при хищениях мобильных телефонов, банковских карт, автомобилей, ювелирных изделий, бытовой техники, а также при мошенничествах с переводом денежных средств на подконтрольные счета.

5. Оперативно-розыскная профилактика предполагает взаимодействие с иными подразделениями и организациями. По делам о преступлениях против собственности значимы сведения участковых уполномоченных полиции, патрульно-постовой службы, подразделений уголовного розыска, следствия, дознания, банков, операторов связи, транспортных организаций, служб безопасности торговых объектов и управляющих компаний. Эффективность профилактики зависит от того, насколько быстро информация о подозрительных действиях превращается в проверяемую оперативную версию.

Судебная практика имеет значение не только для квалификации преступлений и назначения наказания. Для оперативно-розыскной профилактики она выступает источником сведений о реальных способах совершения имущественных преступлений, типичных ошибках преступников, признаках серийности, роли отдельных участников, поведении потерпевших и условиях, способствовавших преступлению.

Анализ открытых судебных материалов Москвы показывает, что значительная часть имущественных преступлений связана с повторяемыми ситуациями. Так, по делам о кражах суды нередко устанавливают тайное хищение имущества из помещений, с банковских счетов, из личных вещей потерпевших, а также хищение банковских карт с последующим расходованием денежных средств. В одном из приговоров Савеловского районного суда г. Москвы действия виновного квалифицированы по ст. 158 УК РФ как тайное хищение чужого имущества с банковского счета [13]. Для профилактики такие дела важны тем, что показывают уязвимость граждан при хранении банковских карт, телефонов, паролей и документов, а также необходимость оперативного реагирования на первые признаки несанкционированного использования платежных средств.

Особое место занимают дела о телефонном и дистанционном мошенничестве. В материалах Измайловского районного суда г. Москвы отражен приговор в отношении лиц, выполнявших роль курьеров в составе организованной группы телефонных мошенников. Судом установлено, что потерпевшие передавали денежные средства под влиянием обмана о необходимости внесения сбережений на «безопасный счет», а курьеры прибывали по адресам граждан, получали наличные деньги и передавали их дальше. Совокупный ущерб составил более 7 млн рублей [14]. Для оперативно-розыскной профилактики этот пример показывает, что курьер является не случайным исполнителем, а важным звеном преступной схемы, через которое можно установить организаторов, маршруты движения денежных средств и повторяемые адреса получения денег. Сходные профилактические выводы следуют из материалов Пресненского районного суда г. Москвы по делу о покушении на мошенничество в крупном размере. Суд установил, что фигурант, выполняя роль курьера, прибывал на автомобиле такси к потерпевшим, забирал у них денежные средства, переводил их на банковские счета неустановленных лиц и получал вознаграждение [15]. Данный пример показывает значение взаимодействия оперативных подразделений с банками, агрегаторами такси, операторами связи и службами видеонаблюдения. На стадии профилактики такие сведения позволяют выявлять повторяемые маршруты, номера телефонов, счета, используемые для вывода денежных средств, а также лиц, вовлекаемых в роль курьеров.

Судебная практика по делам о кражах с банковских карт также имеет существенное профилактическое значение. В материалах Чертановского районного суда г. Москвы отражено дело, в котором подсудимые были признаны виновными в краже в особо

крупном размере денежных средств с банковской карты умершего участника специальной военной операции. Суд установил, что виновные завладели банковской картой и в течение определенного периода совершали покупки на территории Москвы на общую сумму более 2,5 млн руб. [16]. Для профилактики данный пример важен тем, что показывает необходимость быстрого выявления нетипичных операций по банковским картам, особенно в ситуациях, когда владелец карты не может контролировать свои счета.

Практика по делам о грабежах также показывает, что имущественные преступления в общественных местах сохраняют актуальность. В одном из судебных материалов Timiryazevcкого районного суда г. Москвы действия лица квалифицированы по ч. 1 ст. 161 УК РФ как грабеж, то есть открытое хищение чужого имущества [17]. По таким делам профилактическое значение имеют сведения о местах концентрации преступлений, времени их совершения, состоянии потерпевшего, наличии видеокамер, маршрутах отхода преступника и возможности быстрого задержания по горячим следам. Судебные материалы по делам о мошенничестве также демонстрируют важность правильного разграничения гражданско-правового спора и преступления. Московский городской суд в одном из материалов указывал на недопустимость обвинительного приговора, основанного на предположениях, и на необходимость подтверждения виновности совокупностью доказательств [18]. Для оперативно-розыскной профилактики это имеет принципиальное значение: выявление имущественного конфликта само по себе не означает наличия преступления. Оперативная проверка должна быть направлена на установление признаков обмана, корыстной цели, заведомости действий, роли участников и реального причинения имущественного ущерба.

Таким образом, судебная практика позволяет выделить несколько устойчивых профилактических направлений: предупреждение дистанционных мошенничеств; выявление курьеров и посредников; контроль за сбытом похищенного; работа с лицами, ранее совершавшими имущественные преступления; анализ операций с банковскими картами и счетами; профилактика хищений в общественных местах; проверка информации о серийных эпизодах; своевременное отделение уголовно-правовой ситуации от гражданско-правового конфликта.

На основе анализа нормативных положений и судебной практики можно выделить основные направления оперативно-розыскной профилактики преступлений против собственности в условиях Москвы. 1-е - информационно-аналитическая работа. Включает сбор и сопоставление сведений о месте, времени, способе совершения преступлений, личности потерпевших, используемых транспортных средствах, банковских счетах, телефонных номерах, IP-адресах, местах сбыта похищенного имущества и иных данных. Такая работа позволяет выявлять серийность преступлений и устанавливать связи между эпизодами, которые при изолированном рассмотрении могут казаться самостоятельными.

Особое значение имеет анализ территориальной концентрации преступлений. Для Москвы характерны различия между административными округами, транспортными узлами, жилыми массивами, зонами торговли и местами массового пребывания граждан. Данные прокуратуры Москвы за 11 месяцев 2024 г. показывают различный уровень зарегистрированной преступности по округам: наиболее высокие показатели указаны по ЮВАО, ВАО, ЦАО, СВАО и ЗАО [12]. Для оперативных подразделений это означает необходимость точечного распределения сил и профилактических мероприятий с учетом реальной нагрузки на территорию.

2. Индивидуальная профилактика лиц, склонных к совершению имущественных преступлений. Она должна включать не только учет ранее судимых лиц, но и анализ их фактического поведения после освобождения, круга общения, источников дохода, свя-

зи с местами сбыта похищенного имущества, участия в группах, занимающихся хищениями или мошенничествами. Судебная практика показывает, что многие имущественные преступления совершаются не случайно, а в результате устойчивой ориентации лица на противоправное получение дохода.

3. Выявление и пресечение деятельности курьеров, посредников и иных вспомогательных участников мошеннических схем. Практика судов по делам о телефонных мошенничествах показывает, что курьер может выполнять ключевую функцию: получать наличные деньги у потерпевшего, переводить их на счета других лиц, обеспечивать разрыв между организатором и потерпевшим [14; 15]. Поэтому профилактика должна быть направлена не только на предупреждение граждан о мошенниках, но и на выявление лиц, регулярно выполняющих такие поручения.

4. Профилактика хищений с банковских счетов и банковских карт. Судебная практика свидетельствует, что хищение может быть совершено как путем дистанционного обмана потерпевшего, так и путем физического завладения картой с последующим расходованием денежных средств [13; 16]. Для предупреждения таких преступлений важны оперативный обмен информацией с банковскими организациями, выявление нетипичных операций, анализ мест совершения покупок, получение видеозаписей, установление лиц, использующих чужие карты.

5. Профилактика преступлений в общественных местах. По данным прокуратуры Москвы, за 11 месяцев 2024 г. в общественных местах было совершено 27 254 преступления, в том числе 14 436 – на улицах [12]. Для предупреждения имущественных преступлений в таких местах необходимо учитывать маршруты движения граждан, работу камер видеонаблюдения, режим освещения, концентрацию торговых объектов, состояние транспортной инфраструктуры и наличие лиц, ранее замеченных в совершении краж, грабежей или иных противоправных действий.

6. Установление каналов сбыта похищенного имущества. Кражи телефонов, ювелирных изделий, бытовой техники, автомобильных деталей и иных предметов часто связаны с последующей реализацией. Если оперативное подразделение ограничивается только поиском исполнителя, не выявляя скупщиков и посредников, профилактический эффект снижается. Установление канала сбыта позволяет пресечь не один эпизод, а более широкую преступную деятельность.

7. Взаимодействие с организациями, располагающими значимой информацией. К ним относятся банки, операторы связи, транспортные компании, службы такси, торговые сети, ломбарды, управляющие организации, службы безопасности торговых центров. Такое взаимодействие должно осуществляться в пределах закона, но при этом быть достаточно оперативным, поскольку имущественные преступления часто требуют быстрого реагирования.

Несмотря на наличие правовой основы и практического опыта, оперативно-розыскная профилактика преступлений против собственности сталкивается с рядом проблем. Первая проблема состоит в высокой латентности имущественных преступлений, особенно дистанционных мошенничеств. Не каждый потерпевший сразу обращается в полицию, некоторые лица пытаются самостоятельно вернуть деньги, а часть граждан испытывает стыд или недоверие к возможности раскрытия преступления. В результате время, необходимое для фиксации операций, установления счетов, номеров телефонов и маршрутов движения денежных средств, может быть упущено. Вторая проблема связана с быстрым изменением способов совершения преступлений. Телефонные мошенники, лица, совершающие хищения с банковских счетов, и организаторы дистанционных схем регулярно изменяют сценарии обмана. Если раньше распространенными были сообщения о блокировке карты или выигрыше, то позднее получили

распространение схемы с «безопасным счетом», участием «сотрудников банка», «правоохранителей», «службы безопасности», а также вовлечением потерпевших в передачу наличных курьерам. Судебная практика Москвы подтверждает, что курьерская схема продолжает использоваться и причиняет значительный ущерб гражданам [14; 15].

Третья заключается в разделении преступной роли между несколькими участниками. Организатор, лицо, осуществляющее звонок, владелец счета, курьер, водитель, скупщик похищенного и конечный получатель денежных средств могут не знать друг друга лично. Это усложняет выявление всей группы и требует от оперативных подразделений не только задержания непосредственного исполнителя, но и установления всей цепочки взаимодействия. Четвертая касается разграничения оперативно-розыскной профилактики и уголовно-процессуального доказывания. Оперативная информация может указывать на готовящееся или совершенное преступление, но для ее дальнейшего использования требуется надлежащее процессуальное оформление. Нарушение этого требования снижает доказательственное значение материалов и может затруднить привлечение виновных лиц к ответственности [2].

Пятая связана с необходимостью защиты прав граждан. Оперативно-розыскная профилактика не должна превращаться в необоснованное вмешательство в частную жизнь или произвольное ограничение прав лица на основании предположений. Особенно это важно по делам о мошенничестве, где имущественный конфликт может иметь гражданско-правовую природу. Судебная практика показывает, что обвинение не может основываться на субъективном восприятии потерпевшего или непроверенных предположениях [18]. Для повышения эффективности оперативно-розыскной профилактики преступлений против собственности в Москве целесообразно выделить несколько практических направлений: 1) усиливать аналитическую обработку судебной практики. Приговоры и апелляционные решения должны рассматриваться не только как итог уголовного дела, но и как источник информации о способах совершения преступлений, ошибках потерпевших, поведении преступников, местах и времени совершения хищений, используемых технических средствах и каналах распоряжения похищенным; 2) формировать типовые профилактические признаки по отдельным категориям имущественных преступлений. Так, для телефонного мошенничества такими признаками являются участие курьера, срочное снятие наличных, легенда о «безопасном счете», использование такси, перевод денег на счета третьих лиц. Для краж с банковских карт – нетипичные операции, покупки в короткий промежуток времени, использование карты после смерти или беспомощного состояния владельца, снятие наличных в разных местах; 3) развивать взаимодействие с банками и операторами связи. При этом такое взаимодействие должно строиться строго в пределах закона, с соблюдением требований о банковской тайне, персональных данных и процессуального порядка получения сведений. Цель взаимодействия состоит не в произвольном доступе к информации, а в своевременном реагировании на признаки преступной деятельности; 4) уделять больше внимания профилактике вовлечения граждан в роль курьеров, посредников и владельцев счетов. Значительная часть таких лиц может воспринимать свои действия как временный заработок, не осознавая в полной мере участия в преступной схеме. Профилактическая работа должна быть направлена на разъяснение уголовно-правовых последствий участия в получении, перевозке и переводе денежных средств, полученных от потерпевших; 5) активнее использовать возможности городской инфраструктуры безопасности: камеры видеонаблюдения, данные о перемещении транспорта, информацию служб безопасности торговых объектов, сведения управляющих организаций. Для Москвы это направление имеет особое значение, поскольку городская среда позволяет фиксировать значительное количество действий до, во время и после совер-

шения преступления; 6) сохранять баланс между профилактической активностью и соблюдением прав граждан. Оперативно-розыскная профилактика эффективна только тогда, когда она осуществляется законно. Необоснованное вмешательство в частную жизнь, формальный подход к проверке сведений, подмена оперативной информации доказательствами или игнорирование гражданско-правовой природы спора способны привести к нарушению прав и снижению доверия к правоохранительной деятельности.

Оперативно-розыскная профилактика преступлений против собственности в условиях Москвы представляет собой сложное направление деятельности органов внутренних дел, требующее сочетания анализа оперативной обстановки, изучения судебной практики, индивидуальной профилактической работы, межведомственного взаимодействия и строгого соблюдения закона. Судебная практика г. Москвы показывает, что наиболее значимыми для профилактики остаются кражи, мошенничества, грабежи, разбои, хищения с банковских счетов и преступления, совершаемые с использованием информационных технологий. Особую опасность представляют дистанционные мошенничества и курьерские схемы, поскольку они позволяют организаторам преступлений дистанцироваться от потерпевшего и использовать исполнителей низшего звена для получения денежных средств.

Профилактическое значение судебной практики состоит в том, что она раскрывает реальные способы совершения преступлений, роли участников, условия выбора потерпевших и обстоятельства, способствующие причинению ущерба. Для оперативных подразделений такие материалы должны использоваться не только в учебных целях, но и при планировании профилактических мероприятий, анализе серийных эпизодов, выявлении криминальных связей и оценке эффективности принимаемых мер. Повышение результативности оперативно-розыскной профилактики преступлений против собственности возможно при соблюдении нескольких условий: регулярный анализ судебной практики, своевременное выявление лиц и групп, специализирующихся на имущественных преступлениях, взаимодействие с банками и операторами связи, изучение способов сбыта похищенного имущества, профилактика вовлечения граждан в преступные схемы и надлежащее документирование оперативной информации. При этом основным требованием остается законность, поскольку предупреждение преступлений не может достигаться за счет необоснованного ограничения прав граждан.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
3. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349.
4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900.
5. Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.
6. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.
7. Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-I «О банках и банковской деятельности» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР. 1990. № 27. Ст. 357.
8. Приказ МВД России от 29 августа 2014 г. № 736 «Об утверждении Инструкции о порядке приема, регистрации и разрешения в территориальных органах МВД России заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях».
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2018. № 2.

11. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Статистические сведения о состоянии преступности в 2025 году: официальный информационный материал.
12. Прокуратура города Москвы. Статистические данные о состоянии преступности в Москве за 11 месяцев 2024 года: официальный информационный материал от 10 декабря 2024 г.
13. Приговор Савеловского районного суда г. Москвы по делу о краже денежных средств с банковского счета по ст. 158 УК РФ // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы.
14. Приговор Измайловского районного суда г. Москвы в отношении курьеров телефонных мошенников по ст. 159 УК РФ // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. 25.06.2024.
15. Приговор Пресненского районного суда г. Москвы по делу о покушении на мошенничество в крупном размере по ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 159 УК РФ // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. 20 октября 2025 г.
16. Приговор Чертановского районного суда г. Москвы по делу о краже денежных средств с банковской карты в особо крупном размере по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. 7 апреля 2026 г.
17. Приговор Тимiryazevcкого районного суда г. Москвы по делу о грабеже по ч. 1 ст. 161 УК РФ // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы.
18. Материал Московского городского суда об отмене приговора по делу о покушении на мошенничество в крупном размере // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. 26.04.2018.
19. Аванесов Г.А. Криминология: учебник. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 327-348, 412-414.
20. Антонян Ю.М. Криминология: учебник. М.: Юрайт, 2020. С. 233-251, 302-319.
21. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М.: Норма, 2001. С. 145-149, 220-221.
22. Галахов С.С. Оперативно-розыскная профилактика преступлений: теоретические и организационные основы. М.: ВНИИ МВД России, 2009. С. 18-36, 54-73.
23. Долгова А.И. Криминология: учебник для вузов. М.: Норма, 2016. С. 266-283, 284-301.
24. Железняков А.С. Предупреждение преступлений против собственности в деятельности органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 4. С. 126-130.
25. Колесников В.В. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019. С. 74-91, 156-173.
26. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М.: Норма, 2010. С. 58-63.
27. Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 242-254, 512-536.
28. Овчинский С.С. Оперативно-розыскная информация. М.: ИНФРА-М, 2000. С. 37-58, 112-135.
29. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. М.: Норма, 2013. С. 84-103, 186-205.

Pestretsov M.A., Ilyin A.E. Operational investigative prevention of crimes against property (based on the materials of judicial practice in Moscow) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 587-596.

The article examines the features of operational investigative prevention of crimes against property based on the materials of judicial practice of the city of Moscow. The article analyzes thefts, frauds, robberies, robberies and other forms of theft that are of the greatest preventive importance for the activities of operational units of law enforcement agencies. Special attention is paid to remote fraud, theft from bank accounts, the actions of telephone fraud couriers and crimes committed in public places. Based on the study of regulatory legal acts, statistical data and individual court materials, the necessity of early detection of criminogenic situations, identification of persons prone to commit property crimes, analysis of methods of committing theft and interaction of operational units with district police officers, investigative units, banks, telecom operators and other organizations is substantiated.

Keywords: operational investigative activities, operational investigative prevention, crimes against property, theft, fraud, robbery, robbery, embezzlement, Moscow, judicial practice, law enforcement agencies.

Spisok literatury:

1. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13 iyunya 1996 g. № 63-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1996. № 25. St. 2954.
2. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 g. № 174-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2001. № 52 (ch. I). St. 4921.
3. Federal'nyj zakon ot 12 avgusta 1995 g. № 144-FZ «Ob operativno-rozysknoj deyatel'nosti» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1995. № 33. St. 3349.
4. Federal'nyj zakon ot 7 fevralya 2011 g. № 3-FZ «O policii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 7. St. 900.
5. Federal'nyj zakon ot 23 iyunya 2016 g. № 182-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2016. № 26 (ch. I). St. 3851.
6. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. № 152-FZ «O personal'nyh dannyh» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2006. № 31 (ch. I). St. 3451.
7. Federal'nyj zakon ot 2 dekabrya 1990 g. № 395-I «O bankah i bankovskoj deyatel'nosti» // Vedomosti S"ezda narodnyh deputatov RSFSR. 1990. № 27. St. 357.
8. Prikaz MVD Rossii ot 29 avgusta 2014 g. № 736 «Ob utverzhdenii Instrukcii o poryadke priema, registracii i razresheniya v territorial'nyh organah MVD Rossii zayavlenij i soobshchenij o prestupleniyah, ob administrativnyh pravonarusheniyah, o proisshestviyah».
9. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27.1.22002 g. № 29 «O sudebnoj praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboe» // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2003. № 2.

10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 30.11.2017 g. № 48 «O sudebnoj praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate» // Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii. 2018. № 2.
11. Ministerstvo vnutrennih del Rossijskoj Federacii. Statisticheskie svedeniya o sostoyanii prestupnosti v 2025 godu: oficial'nyj informacionnyj material.
12. Prokuratura goroda Moskvy. Statisticheskie dannye o sostoyanii prestupnosti v Moskve za 11 mesyacev 2024 goda: oficial'nyj informacionnyj material ot 10 dekabrya 2024 g.
13. Prigovor Savelovskogo rajonnogo suda g. Moskvy po delu o krazhe denezhnyh sredstv s bankovskogo scheta po st. 158 UK RF // Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii goroda Moskvy.
14. Prigovor Izmajlovskogo rajonnogo suda g. Moskvy v otnoshenii kur'erov telefonnyh moshennikov po st. 159 UK RF // Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii goroda Moskvy. 25 iyunya 2024 g.
15. Prigovor Presnenskogo rajonnogo suda g. Moskvy po delu o pokushenii na moshennichestvo v krupnom razmere po ch. 3 st. 30, ch. 3 st. 159 UK RF // Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii g. Moskvy. 20.10.2025 g.
16. Prigovor CHertanovskogo rajonnogo suda g. Moskvy po delu o krazhe denezhnyh sredstv s bankovskoj karty v osobo krupnom razmere po p. «b» ch. 4 st. 158 UK RF // Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii goroda Moskvy. 7 aprelya 2026 g.
17. Prigovor Timiryazevskogo rajonnogo suda g. Moskvy po delu o grabezhe po ch. 1 st. 161 UK RF // Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii goroda Moskvy.
18. Material Moskovskogo gorodskogo suda ob otmene prigovora po delu o pokushenii na moshennichestvo v krupnom razmere // Oficial'nyj portal sudov obshchej yurisdikcii goroda Moskvy. 26 aprelya 2018 g.
19. Avanesov G.A. Kriminologiya: uchebnik. M.: YUNITI-DANA, 2012. S. 327-348, 412-414.
20. Antonyan YU.M. Kriminologiya: uchebnik. M.: YUrajt, 2020. S. 233-251, 302-319.
21. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. M.: Norma, 2001. S. 145-149, 220-221.
22. Galahov S.S. Operativno-rozysknaya profilaktika prestuplenij: teoreticheskie i organizacionnye osnovy. M.: VNII MVD Rossii, 2009. S. 18-36, 54-73.
23. Dolgova A.I. Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov. M.: Norma, 2016. S. 266-283, 284-301.
24. ZHeleznyakov A.S. Preduprezhdenie prestuplenij protiv sobstvennosti v deyatel'nosti organov vnutrennih del // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 4. S. 126-130.
25. Kolesnikov V.V. Operativno-rozysknaya deyatel'nost' organov vnutrennih del: uchebnoe posobie. M.: YUNITI-DANA, 2019. S. 74-91, 156-173.
26. Kriminologiya: uchebnik / pod red. V.N. Kudryavceva, V.E. Eminova. M.: Norma, 2010. S. 58-63,
27. Luneev V.V. Prestupnost' XX veka: mirovye, regional'nye i rossijskie tendencii. M.: Volters Kluver, 2005.
28. Ovchinskij S.S. Operativno-rozysknaya informaciya. M.: INFRA-M, 2000. S. 37-58, 112-135.
29. SHumilov A.YU. Operativno-rozysknaya deyatel'nost': uchebnik. M.: Norma, 2013. S. 84-103, 186-205.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 597-602.

УДК 343.3

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 304 УК РФ И ОСОБЕННОСТИ ЕГО КОРРЕЛЯЦИИ С ОПЕРАТИВНЫМ ЭКСПЕРИМЕНТОМ

Рудик М. В., Юшина Ю. В.

В статье раскрыты отдельные вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, а также исследовано понятие «провокация взятки (коммерческого подкупа)». Опасность преступления, также состоит в том, что провокация взятки (коммерческого подкупа) может использоваться как действенный способ влияния на неугодных лиц, подрывая репутацию, как должностного лица, так и возможных конкурентов по бизнесу. Не менее значимыми остаются вопросы уголовной ответственности лиц, провоцирующих дачу взятки, так как особенности квалификации их действий уже много лет вызывают оживленную дискуссию. Кроме этого, авторами проведено сопоставление указанного преступления с предусмотренным в ФЗ об ОРД РФ оперативным экспериментом, что позволило выявить существующие различия между ними.

Ключевые слова: оперативный эксперимент, провокация, правоохранительная деятельность, инициативные действия, коррупция, шантаж, умысел, взяточничество, взятка, подкуп.

Коррупция, под которой, обычно понимают подкуп (продажность) должностных лиц, обмен власти на деньги, другое имущество или услуги, и одним из традиционных проявлений которой выступает взяточничество, является общечеловеческим «приобретением», правовым, экономическим и моральным феноменом, предупреждение и борьба с которым, на наш взгляд, затруднительны, без адекватных норм именно уголовного законодательства.

Несмотря на множество действенных антикоррупционных мер, можно отметить возросшие масштабы, живучесть и приспосабливаемость коррупции, так, в 2024 г. в России зарегистрировано 38 503 преступления коррупционной направленности, из них 23 240, связанных непосредственно со взяточничеством, что на 14,6 % больше, чем в 2023 г. Кроме того, за этот период выявлено таких преступлений как получение взятки - 7610, дача взятки-6749, посредничество во взяточничестве-2634 [1].

В 1 квартале 2025 г. выявлено 15 458 преступления коррупционной направленности, что на 24 % больше чем за аналогичный период 2024 г. [2].

За 9 месяцев 2025 г. число расследованных коррупционных преступлений составило 26 200, из которых 19 000 по тяжким и особо тяжким составам, что на 22,5 % больше, чем за аналогичный период времени. Следователями Следственного комитета Российской Федерации за указанный период направлено в суд 408 уголовных дел в отношении 900 коррупционеров, что более чем в два раза превышает показатели прошлого отчетного периода [3].

В связи с этим вопросы борьбы с коррупционными проявлениями и поиск достаточных мер, связанных с их предупреждением, продолжают оставаться актуальными и требующими научного исследования.

Полагаем, что комплекс разумных уголовно-правовых норм выступает необходимым и очевидным условием любой эффективной антикоррупционной компании.

Указанное в полной мере относится и к преступлению, предусмотренному ст. 304 УК РФ, ведь, как показывает практика его применения, отдельные законодательные предписания нормы не лишены недостатков, а также имеют сходство с оперативным экспериментом, что затрудняет ее смысл и реализацию на практике.

Происходящие принципиальные изменения, в том числе социально-экономической обстановки в нашем государстве, приведенные статистические показатели, ставят перед

уголовным законодательством новые дилеммы, одной из которых выступает – определение путей противодействия различным коррупционным проявлениям.

В настоящее время, не менее значимыми остаются вопросы уголовной ответственности лиц, провоцирующих дачу взятки, так как особенности квалификации их действий уже много лет вызывают оживленную дискуссию среди юристов-правоведов, мнения, которых, на наш взгляд, можно разделить на две противоположные группы. Одна группа исследователей выступает за декриминализацию преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, указывая, что эта норма только усложняет борьбу с преступностью, а по мнению другой группы, такое исключение из уголовного законодательства провокации взятки является неуместным и не допустимым, поскольку, повлечет за собой масштабные злоупотребления со стороны должностных лиц правоохранительных органов. В этом контексте, считаем актуальным и справедливым мнение, высказанное в юридической литературе более ста лет назад ученым Н. Зильберштейном: «Чем слабее уголовно-розыскной аппарат, тем чаще его агенты применяют провокационные методы» [4, с. 18-19].

Изначально, деяние, связанное с провокацией взятки, было криминализировано в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г., так, согласно ст. 115 ответственности подлежало исключительно должностное лицо за заведомое создание условий и обстановки, вызывающих предложение взятки, в целях дальнейшего изобличения лица, дающего взятку.

Исследование состава этого преступления, позволяет выделить его особенности: а) непременное наличие у виновного (должностного лица) умысла, что подчеркивается словом «заведомое»; б) преступление, связано с организацией условий для частного лица, при которых создается видимость того, что от него требуют определенное вознаграждение (взятку); в) цель виновного состоит в изобличении лица, дающего взятку и последующая передача его правосудию. Обращает внимание достаточно суровая санкция этой нормы, предусматривающая для виновных наказание в ввиде лишения свободы до 3-х лет либо высшую меру [5].

Не углубляясь далеко в историю борьбы со взяточничеством, отметим, что ст. 115 находилась в уголовном законодательстве около сорока лет, а затем была декриминализирована в Уголовном кодексе 1960 г., ввиду отсутствия ее практической значимости. Однако, полагаем, в настоящее время, неоспоримым фактом является то, что в результате совершения провокации взятки, нарушается или создается угроза функционирования нормальной деятельности органов правосудия, кроме указанного может быть нанесен ущерб конституционным правам и свободам человека и гражданина.

Аксиоматичным утверждением остается тот факт, что при совершении провокационных действий, нарушается установленный порядок получения фактических данных (доказательств) по уголовному делу, что противоречит уголовно-процессуальному законодательству и может лишить граждан их права на защиту от произвольного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Опасность преступления, также состоит в том, что провокация взятки (коммерческого подкупа) может использоваться как определенный способ влияния на неугодных лиц, подрывая репутацию, как должностного лица, так и возможных конкурентов по бизнесу.

Таким образом, актуальность проблем правовой оценки преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ, подтверждается официальными статистическими данными, свидетельствующими о росте коррупционной преступности, значительным количеством научных изысканий по данной теме и количественными показателями практики применения ст. 304 УК РФ.

На наш взгляд, труднодоказуемости анализируемого состава преступления помимо существующих в диспозиции ст. 304 УК РФ терминов «провокация», «без его согла-

сия» способствует указание законодателем на конкретную цель преступления «искусственное создание доказательств совершения преступления или шантаж».

Поэтому, считаем необходимым проанализировать каждый из этих терминов.

Итак, «провокация» – это определенное действие, состоящее в умышленной психологической манипуляции и оказании давления на потенциальную жертву с целью склонения ее к желаемому поведению. Можно утверждать, что это своеобразный эксперимент, направленный на проверку возможного поведения жертвы в зависимости от той или иной ситуации. Конкретные способы провокации (просьба, совет, указание, и т.д.) не влияют на квалификацию этого преступления.

Согласно действующему законодательству ответственность по ст. 304 УК РФ наступает лишь в отношении получения взятки «взяткодателем», за рамками указанного состава остаются провокационные действия, склоняющие лицо к даче взятки (ст. 291 УК РФ) или к посредничеству во взяточничестве (ст. 292.1 УК РФ) [6].

Природа провокации состоит в определенной искусственности действий жертвы провокации: она действует в обстановке, которая специально создана, чтобы подтолкнуть ее к желаемому для провокатора поведению.

Чаще всего субъект, уговаривает должностное лицо оказать помощь в решении вопросов за вознаграждение, в момент его передачи происходит задержание.

Так, в 2022 г. бывший старший следователь СО по Заводскому району г. Саратова СУ СКР по региону Артур Давыдов был признан виновным в получении должностным лицом взятки в крупном размере, сопряженном с вымогательством (п. «б, в» ч. 5 ст. 290 УК РФ), и провокации взятки (ст. 304 УК РФ).

Согласно материалам дела, он потребовал 1 миллион руб. у руководства ИК-7 Красноармейского района за вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по факту смерти осужденного в колонии [7]. Тем не менее, не исключены случаи оставления денежных средств в отсутствии провоцируемого в его автомобиле, личном кабинете, вручение предмета преступления путем обмана, например, в виде подарка, скидки, кроме этого возможны варианты зачисления денежных средств на банковский счет без предварительного согласия и уведомления должностного лица. Полагаем, что подобные действия не подлежат квалификации по ст. 304 УК РФ, а в зависимости от иных объективных и субъективных признаков могут быть оценены как иные преступления против правосудия.

Как указано в п. 32 Постановления Пленума Верховного Суда от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и иных коррупционных преступлениях», ответственность по ст. 304 УК РФ наступает только в случаях, если провоцируемое лицо заведомо для виновного не только не давало согласия, но и не совершало никаких действий, говорящих о таком согласии, или напрямую выразило несогласие в получении вознаграждения [8].

Иными словами, должностному лицу, либо лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой (иной) организации, вопреки его стремлению и отсутствии договоренности и согласования каким-либо способом была предпринята попытка передачи денег, либо иного предмета взятки.

Искусственное создание доказательств совершения преступления, как и шантаж выступают альтернативными целями преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ. Однако, как справедливо указывает С.В. Ермаков, указание на специальную цель в этой норме излишне, так как она не характерна для этого деяния. Довольно часто субъекты могут иметь стремление к получению продвижений по карьерной лестнице, к личным выгодам и благам (премии, звания) либо к созданию видимости эффективной борьбы с преступностью и улучшению показателей по службе [9].

Под искусственным созданием доказательств преступления понимается деятельность по умышленному искажению фактических данных, что может проявлятся в их фальсификации, изменении и искажении.

Эта деятельность содержит следующие отличительные признаки: а) совершается исключительно активными действиями при отсутствии прямой причинно-следственной связи с реальной обстановкой; б) имеет направленность на создание ложных материальных объектов или следов преступления, или на умышленную утрату достоверных материальных носителей информации (подделка документов, изменение обстановки после совершения преступления); в) цель этой деятельности – зафиксировать ложную информацию, которая не соответствует действительности.

Под шантажом понимается высказанная прямо или косвенно угроза разглашения как компроментирующих, так и любых сведений, которые потерпевший желает сохранить в тайне. Тем не менее, нельзя не отметить тот факт, что ни в УК РФ, ни в многочисленных разъяснениях Пленума ВС РФ определение термина «шантаж» не приводится, а изучение уголовно-правовой доктрины позволяет установить определенную противоположность в понимании и толковании этого термина.

Стоит подчеркнуть, что большинство авторов, исследующих термин «шантаж» пришли к выводу о том, что не всегда сведения, которые потерпевший желает уберечь от достояния иных лиц носят позорящий или компроментирующий характер.

Ими могут выступать определенные факты (в том числе правдивые) из личной или семейной жизни, например, о состоянии здоровья либо данные об усыновлении (удочерении) ребенка, зная о наличии которых, субъект вынуждает потерпевшее лицо совершить выгодные для него действия.

Кроме указанного, правоприменительной проблемой и предметом обсуждения на сегодняшний день остаются вопросы отграничения провокации взятки от правомерных оперативно-розыскных мероприятий (далее-ОРМ), направленных на изобличение виновных в коррупционных преступлениях, а также на получение дополнительной информации, необходимой для возбуждения уголовного дела.

Так, согласно ст. 8 ФЗ об ОРД: «проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждение, пресечения и раскрытия преступлений (кроме небольшой тяжести ч. 2 ст. 15 УК РФ), а также для установления лиц их подготавливающих, совершающих или совершивших». Т.е. объектом в этом случае выступает лицо, в отношении которого фигурировали определенные сведения, которые явились основанием для проведения ОРМ. Ими могут выступать, например, заявление потерпевшего о вымогательстве взятки, рапорт сотрудника правоохранительного органа, аудио-видео запись, подтверждающая факт вымогательства. Информация абстрактного и предположительного характера (необоснованные большие денежные траты должностного лица, жизнь не по средствам и пр.) на наш взгляд, не является основанием для проведения оперативного эксперимента.

Как справедливо указывает Н.В. Румянцев: «Умысел на совершение противоправных действий у лица, в отношении которого планируется проведение оперативного эксперимента, формируется независимо от действий оперативных сотрудников, а инициатива по подготовке или совершению преступления исходит от объекта оперативной заинтересованности» [10, с. 39-42].

Полагаем, что при проведении соответствующих закону оперативно-розыскных мероприятий, а именно – оперативного эксперимента, под контроль правоохранительных органов берутся уже существующие в объективной действительности процессы, посягающие на охраняемые уголовно-правовые объекты.

Данный тезис подтверждается мнением В.П. Котина, который указывал на то, что

«В случае правомерной оперативно-розыскной деятельности правоохранители лишь наблюдают и фиксируют события и факты, а в случае провокации взятки-инициируют поведение должностных лиц [11, с. 85]. Соответственно, при проведении такого опытного ОРМ как оперативный эксперимент, происходит комплексное моделирование сотрудниками оперативно-розыскных подразделений ситуации, приближенной к реальной действительности с целью выявления, предупреждения и пресечения фактов взяточничества должностными лицами. В такой ситуации лицо в отношении которого проводится эксперимент стоит перед добровольным выбором тех, или иных действий, а впоследствии сотрудниками правоохранительных органов полученная информация может быть использована для: а) подтверждения или опровержения уже имеющихся версий либо выдвижения новых; б) дальнейшего изобличения лица или группы лиц, склонных к совершению коррупционных преступлений; в) задержание взяточника непосредственно на месте совершения преступления; г) выявления факторов (причин и условий), способствующих взяточничеству.

Таким образом, оперативный эксперимент следует отграничивать от провокации взятки (коммерческого подкупа) по следующим критериям: при оперативном эксперименте активные действия по получению взятки предпринимаются самим должностным лицом, а сотрудники оперативных подразделений лишь наблюдают и фиксируют дальнейшее развитие событий; основанием оперативного эксперимента вступает информация о готовности взяточника совершить или продолжить преступные действия; оперативный эксперимент преследует своей целью выявить и зафиксировать наличный факт вымогательства взятки либо коммерческого подкупа с последующим изобличением виновного; при провокации взятки исключительно сотрудники правоохранительных органов являются инициаторами дачи взятки субъекту, подталкивая и искусственно создавая провокационную ситуацию; целью преступления, указанного ст. 304 УК РФ является шантаж, либо искусственное создание доказательств. Указанные выше доводы позволили раскрыть понятие провокация взятки (коммерческого подкупа), провести отграничение преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ от оперативного эксперимента, что способствует разрешению конфликтной ситуации, сложившейся в связи с необходимостью результативной борьбы с коррупционными проявлениями с одной стороны, и, соблюдением конституционных прав и интересов личности с другой.

Список литературы:

1. Состояние преступности в России: Электронный ресурс https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf. (Дата обращения 19.02.2026).
2. Состояние коррупционной преступности в России: Электронный ресурс: https://tsargrad.tv/novost/korrupcija-v-rossii-rost-prestuplenij-na-24-za-pervyj-kvartal-2025-goda_1288065 (Дата обращения 19.02.2026).
3. Следственный комитет РФ в 2025 году возбудил более 24 тысяч дел о коррупции. Электронный ресурс: https://www.rbc.ru/politics/09/12/2025/69367d529a7947508c8dd594?utm_referrer=https%3A%2F%.
4. Зильберштейн Н. Ответственность за дачу взятки при провокации//Вестник советской юстиции. -1925. -№1. - С.18-19.
5. Сучков Р.Н. История борьбы со взяточничеством по УК 1922 г. Электронный ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-borby-sovzyatochnichestvom-otvetstvennost-po-uk-rsfsr-1922-goda/viewer (Дата обращения 19.04.2026).
6. Ровнейко В.В./Провокация взятки как коррупционное преступление, совершенное с использованием служебного положения. Электронный ресурс https://cyberleninka.ru/article/n/provokatsiya-vzyatki-kak-korruptsionnoe-prestuplenie-sovershennoe-s-ispolzovaniem-sluzhebnogo-polozheniya.
7. Взятка не дошла до прокурора. Электронный ресурс https://www.kommersant.ru/doc/5435531.
8. Электронный ресурс: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/(Дата обращения 24.04.2026).
9. Электронный ресурс: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-ugolovno-pravovoy-kvalifikatsii-po-statie-304-uk-rf-deystviy-sotrudnikov-operativnyh-podrazdeleniy-dopustivshih-provokatsiyu/viewer
10. Румянцев Н.В. Оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие/Н.В. Румян-

цев//Человек: преступление и наказание. - 2018.Т. 26 (1-4), №1. С. 39-42.
11. Котин В.П. Провокация взятки (к проблеме совершенствования законодательства) // Государство и право. - 1996. - №2. - С.85.

Rudik M.V., Yshina Y.V., Comparative legal analysis of the institution of jury trials in Russia and foreign countries: prospects for the introduction of a mandatory participation system // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 597-602.

The article examines specific aspects of the classification of the crime under Article 304 of the Russian Criminal Code and examines the concept of "provocation of a bribe (commercial bribery)." The danger of this crime also lies in the fact that the solicitation of a bribe (commercial bribery) can be used as an effective means of influencing undesirable individuals, undermining the reputation of both the official and potential business competitors. The issue of criminal liability for those soliciting bribes remains no less significant, as the specifics of classifying their actions have been the subject of heated debate for many years. Furthermore, the authors compared this crime with the operational experiment envisaged by the Federal Law on Operational Investigative Activities of the Russian Federation, revealing fundamental differences between them.

Keywords: Operational experiment, provocation, law enforcement activity, proactive actions, corruption, blackmail, intent, bribery, bribe, payoff.

Spisok literatury:

1. Sostoyanie prestupnosti v Rossii: Elektronnyj resurs https://portal.tpu.ru/SHARED/n/NIKOLAENKOVS/student/risk_management/Sbornik_UOS_2024.pdf. (Data obrashcheniya 19.02.2026).
2. Sostoyanie korrupcionnoj prestupnosti v Rossii: Elektronnyj resurs: https://tsargrad.tv/novost/korrupcija-v-rossii-rost-prestuplenij-na-24-za-pervyj-kvartal-2025-goda_1288065 (Data obrashcheniya 19.02.2026).
3. Sledstvennyj komitet RF v 2025 godu vozbudil bolee 24 tysyach del o korrupcii. Elektronnyj re-surs: https://www.rbc.ru/politics/09/12/2025/69367d529a7947508c8dd594?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (Data obrashcheniya 19.04.2026).
4. Zil'bershtejn N. Otvetstvennost' za dachu vzyatki pri provokacii//Vestnik sovetskoj yusticii. -1925. - №1. - S.18-19.
5. Suchkov R.N. Istoriya bor'by so vzyatochnichestvom po UK 1922 g. Elektronnyj resurs: https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-borby-sovzyatochnichestvom-otvetstvennost-po-uk-rsfsr-1922-goda/viewer (Data obrashcheniya 19.04.2026).
6. Rovnejko V.V./Provokaciya vzyatki kak korrupcionnoe prestuplenie, sovershennoe s ispol'zovaniem sluzhebnogo polozheniya. Elektronnyj resurs https://cyberleninka.ru/article/n/provokatsiya-vzyatki-kak-korruptsionnoe-prestuplenie-sovershennoe-s-ispolzovaniem-sluzhebnogo-polozheniya.
7. Vzyatka ne doshla do prokurora. Elektronnyj resurs https://www.kommersant.ru/doc/5435531. (Data obrashcheniya: 09.02.2026).
8. Elektronnyj resurs: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_149092/.
9. Elektronnyj resurs: https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-ugolovno-pravovoy-kvalifikatsii-po-statie-304-uk-rf-deystviy-sotrudnikov-operativnyh-podrazdeleniy-dopustivshih-provokatsiyu/viewer.
10. Rumyancev N.V. Operativnyj eksperiment kak operativno-rozysknoe meropriyatie / N.V. Rumyan-cev // Chelovek: prestuplenie i nakazanie. - 2018.T. 26 (1-4), №1. S. 39-42.
11. Kotin V.P. Provokaciya vzyatki (k probleme sovershenstvovaniya zakonodatel'stva) // Gosudarstvo i pravo. - 1996. - №2. - S.85.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 603-614.

УДК 343.2/.7

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ ПРИ ПОМОЩИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Сергиенко Н. Б., Садковый И. А., Кузнецов В. В.,

Крымский филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»

В работе проводится комплексный анализ теоретических и практических аспектов уголовно-правовой ответственности за преступления, совершаемые с использованием технологий искусственного интеллекта. В условиях стремительного развития и интеграции систем искусственного интеллекта в различные сферы общественной жизни, традиционные институты уголовного права сталкиваются с беспрецедентными вызовами, требующими доктринального и нормативного уточнения. Авторы обращают внимание на существующие пробелы и противоречия в действующем законодательстве Российской Федерации, а также изучают зарубежные модели правового регулирования, направленные на противодействие таким преступлениям. Особое внимание уделяется проблемам определения субъекта преступления, квалификации деяний, совершённых с помощью автономных систем, и необходимости выработки новых механизмов привлечения к ответственности. В завершении предлагается концептуальный подход к нормативному регулированию, основанный на классификации систем искусственного интеллекта и дифференциации ответственности в зависимости от их вида и характера причинённого вреда, что призвано обеспечить баланс между стимулированием инновационного развития и защитой прав граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, уголовная ответственность, преступления, субъект, разработчик, пользователь, отягчающие обстоятельства, деяния, квалификация, состав.

Современная цивилизация стоит на пороге новой эры, определяемой беспрецедентным развитием и интеграцией искусственного интеллекта (далее – ИИ). Алгоритмы, лежащие в его основе, способны комплексно обрабатывать колоссальные объемы данных, принимать сложные решения и инициировать действия, которые ранее были прерогативой человеческого разума.

Уже сегодня ИИ больше не является пассивным инструментом в руках человека. Он становится активным, автономным агентом, способным генерировать непредсказуемые последствия. Несмотря на то, что ИИ изначально разрабатывался для нейтральных или позитивных целей, объективно существующие функциональные возможности современных ИИ-систем создают предпосылки для злоупотребления. Анализ показывает, что потенциал современных систем ИИ не исключает их последующей эксплуатации в целях совершения противоправных действий [1, с. 74].

По мере того, как алгоритмы обретают все большую автономность – от систем беспилотного транспорта до сложного программного обеспечения, управляющего критически важной инфраструктурой, – неизбежно возникает вопрос: как правовая система должна реагировать на возможные вредоносные действия, инициированные или опосредованные участием ИИ?

Традиционные институты уголовного права, веками выстраивавшиеся на концепциях вины (dolus, culpa), субъекта (persona) и других, закономерно оказываются в ситуации правовой и доктринальной неопределенности. Непрозрачность логики алгоритмов, инициирующих или усиливающих вредоносное воздействие, в сочетании с фрагментацией субъектности (неясным распределением ответственности между создателем, опе-

ратором и машинной системой) создают непреодолимые с точки зрения существующих подходов противоречия, затрудняющие как уголовно-правовую квалификацию соответствующего деяния, так и определение надлежащего субъекта и объема его уголовной ответственности.

Указанные методологические и квалификационные противоречия актуализируют острую необходимость в доктринальном и нормативном уточнении юридической природы уголовно-правовой ответственности за общественно опасные деяния, совершённые с помощью технологий ИИ.

В теории уголовного права успело сформироваться множество подходов к определению правовой природы подобного рода преступлений.

Например, М.Г. Амирова и А.Г. Таилова под такими преступлениями понимают, общественно опасные деяния, при совершении которых технологии ИИ выступают в качестве орудия, средства или способа совершения преступления [2, с. 2].

В то же время И.В. Савельев понимает под ним виновно совершённое в условиях функционирования технологий ИИ общественно опасное деяние, запрещённое уголовным законом под угрозой наказания [3, с. 483]. При этом автор особо акцентирует внимание на «осложнённости» преступного деяния, возникающей в результате использования ИИ. С точки зрения теории уголовного права это квалифицируется как качественное усложнение объективной стороны преступления, выражающееся в специфических методах воздействия на охраняемые законом объекты.

Следует отметить, что дискуссия о потенциальных общественно опасных последствиях, связанных с развитием систем ИИ, начала формироваться в академической среде достаточно давно. В частности, С.А. Аверинская и А.А. Севостьянова выступили с новаторским для того времени предложением о дополнении уголовного законодательства [4, с. 95]. Авторы обосновали необходимость введения законодательного запрета на разработку и использование ИИ в целях, противоречащих правопорядку. При этом исследователи отвергли идею включения использования ИИ в качестве квалифицирующего признака в существующие статьи Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Они мотивировали это тем, что повсеместное применение ИИ в человеческой деятельности неизбежно привело бы к расширению диспозиций составов преступлений и соответственно потребовало бы включения этого признака практически в каждую статью, что было бы методологически нецелесообразно. Поэтому наиболее рациональным решением была признана необходимость разработки и введения нового, самостоятельного состава уголовно наказуемого деяния.

В противовес отмеченной выше позиции ряд авторов предлагают не выделять данную категорию преступлений в отдельный состав, а лишь расширить перечень отягчающих обстоятельств, закрепив применение технологий ИИ наряду с остальными. Так, П. Зубицкий указывал, что внесение такой поправки в ст. 63 УК РФ предоставило бы суду возможность более объективной оценки совершённого деяния для правильного избрания наказания правонарушителю [5].

Однако, если обратиться к позиции высших судов, в частности, к Постановлению Пленума Верховного Суда № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания», п. 30(2) документа прямо закрепляет, что перечень отягчающих наказание обстоятельств является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит [6]. При чём интересно, что данный пункт был внесён в Постановление относительно недавно, а именно 23 декабря 2025 года, что свидетельствует об уже сформировавшейся позиции законодателя по данному вопросу [7].

Именно поэтому одна из наиболее масштабных попыток урегулировать вопрос уголовной ответственности за деяния, совершённые при помощи ИИ, не увенчалась успехом. Так, в апреле 2025 года в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, направленный на официальное закрепление совершения преступления с использованием технологий ИИ в качестве отягчающего обстоятельства [8]. В пояснительной записке к документу авторы подчеркнули острую необходимость в усилении защиты граждан от кибермошенничества, признанного в качестве одной из наиболее серьезных угроз в рамках современной цифровой эпохи. Тем не менее, представленный законопроект был возвращен субъектам законодательной инициативы по причине несоответствия законодательству.

Говоря о формировании нормативно-правовой базы в отношении технологий ИИ, можно констатировать, что со стороны законодателя прослеживается осознание потенциальных рисков их противоправного использования. Данный вывод следует из анализа Распоряжении Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р, утверждающего Концепцию развития регулирования отношений в сфере технологий ИИ и робототехники до 2024 года [9]. В этом документе особое внимание уделяется необходимости разработки механизмов привлечения к ответственности (гражданско-правовой, уголовной и административной) в ситуациях, когда вред причиняется автономными системами ИИ и робототехники в результате принятых ими решений.

Вопрос о юридическом определении уголовной ответственности за преступные действия, инициированные или совершённые с использованием ИИ, на данный момент всё ещё остается предметом дискуссий и не имеет окончательного нормативного оформления. Законодатель постепенно вырабатывает единый подход к данной категории преступлений, однако для него характерна осторожность, выражающаяся в уклонении от однозначных формулировок. Регулирование ответственности за общественно опасные последствия использования ИИ пока носят опосредованный характер, что отражает текущий этап становления данной правовой категории.

К примеру, в рамках Национальной стратегии развития ИИ до 2030 года провозглашается принцип обеспечения безопасности технологий ИИ, определяемый как один из ключевых, лежащих в основе их разработки и использования (подп. «б» п. 19) [10]. Документ также устанавливает строгий запрет на использование ИИ с противоправными целями – умышленное причинение вреда гражданам и юридическим лицам.

Очевидно, что указанные формулировки носят общий, фундаментальный характер, на основе которых в дальнейшем и будет формироваться специальное законодательство по вопросу обеспечения безопасности при использовании ИИ.

В то время как правовое регулирование мер по защите от преступных деяний, совершаемых с использованием ИИ, с точки зрения юридической техники характеризуется лишь базовой проработанностью, правоприменительная практика демонстрирует опережающее реагирование. Речь идет об учреждении специализированных подразделений в структуре правоохранительных органов. В рамках отечественного правового поля одним из таких примеров является созданное в 2022 году Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий МВД России – самостоятельное структурное подразделение центрального аппарата Министерства внутренних дел Российской Федерации [11].

Аналогичные по статусу и полномочиям подразделения существуют и в других государствах. Так, в ЕС функционирует Европейское агентство по сетевой и информационной безопасности (ENISA), в США – Агентство по кибербезопасности и защите ин-

фраструктуры (CISA) [12; 13]. При МВД Республики Беларусь действует Главное управление по противодействию киберпреступности (ГУПК) [14].

Что касается правоприменительной практики в сфере преступлений, совершаемых с использованием ИИ, то следует констатировать её фактическое отсутствие в рамках российского правового поля. В сложившейся ситуации представляется целесообразным обратиться к зарубежному опыту и рассмотреть специфику привлечения к уголовной ответственности за подобного рода деяния.

Так, в правовой системе США, где нет специализированного федерального законодательства, регулирующего ответственность за деяния с использованием ИИ, Министерство юстиции США (DOJ) предписало органам прокуратуры квалифицировать применение этих технологий в преступных целях как фактор, повышающий степень общественной опасности, и требовать более сурового наказания [15]. Показательным в этом контексте является решение суда по делу United States v. Vasquez (2024 г.), в котором использование дипфейк-технологий было приравнено к отягчающим обстоятельствам, что привело к пропорциональному ужесточению наказания [16].

Учитывая особенности российской правовой системы (романо-германская правовая семья), реализация подобной методики в контексте правоприменения представляется возможной исключительно в рамках институционального толкования, находящего своё отражение в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Такой подход позволит избежать фрагментарности правоприменительной практики и обеспечит системное единство в вопросах квалификации деяний, связанных с применением высокотехнологичных систем ИИ.

Опыт государств – участников СНГ в вопросах формирования судебной практики по делам, связанным с использованием технологий ИИ, также заслуживает внимания. Показательным примером является задержание ГУБК при МВД Азербайджана 21-летнего Миргусейна Атакишиева, который создавал фото- и видеомонтажи с изображениями граждан оскорбительного содержания, размещал их в социальных сетях и вымогал денежные средства за их удаление [17].

К сожалению, в официальных источниках отсутствует информация о квалификации данного деяния, что, на наш взгляд, обусловлено отсутствием положений специального законодательства, регулирующего данный вопрос. Тем не менее, можно предположить, что действия Атакишиева могут подпадать под несколько статей, связанных с вымогательством (ст. 182 УК АР), нарушением неприкосновенности частной жизни (ст. 153 УК АР) и незаконным использованием информационных технологий (ст. 272 УК АР) [18]. Приговор суда по данному делу станет показательным.

Исходя из проанализированного следует, что в контексте формирования законодательной базы в области уголовной ответственности за преступления, совершённые с помощью ИИ, прослеживается возвышение практического аспекта над теоретическим и общеправовым. Это обуславливается тем, что ИИ уже повсеместно используется во всех сферах общественной жизни, и сложившиеся вследствие этого общественные отношения в силу своей динамики и непредсказуемости пока не могут быть в полной мере урегулированы законодательно.

Тем не менее, попытки урегулировать данный вопрос в рамках отечественного законодательства всё ещё активно предпринимаются. Помимо упомянутого выше законопроекта от 2025 года, уже в январе 2026 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ представило законопроект, регламентирующий введение уголовной ответственности за преступления, совершённые с использованием ИИ.

Предлагаемый механизм заключается в дополнении существующих составов преступлений (кража, мошенничество, вымогательство, неправомерное воздействие на информационную систему и нарушение правил эксплуатации средств хранения информации) отдельными, специально оговоренными видами преступлений, совершаемых с использованием ИИ [19].

Возвращаясь к действующему законодательству, авторы констатируют наличие существенного пробела: в настоящее время уголовное законодательство РФ не содержит явных императивных норм, прямо запрещающих совершение общественно опасных деяний с помощью систем ИИ и устанавливающих за это уголовную ответственность. Единственным разделом УК РФ, потенциально применимым для рассмотрения преступлений, связанных с использованием технологий ИИ, является глава 28 УК РФ «Преступления в сфере компьютерной информации». Однако применение норм этой главы возможно только при расширительном толковании, поскольку она не была разработана с учетом специфики автономных интеллектуальных систем.

Для восполнения нормативного пробела и обеспечения безопасности систем ИИ активно внедряются инструменты стандартизации, в частности, осуществляется разработка соответствующих ГОСТов (например, ГОСТ Р 70462.1-2022 и др.) [20]. Эти стандарты призваны регламентировать обязательные критерии качества и безопасности, которым должны соответствовать системы ИИ.

Что касается проблемы субъектного состава в контексте преступлений, совершаемых при помощи ИИ, то если обратиться к положениям УК РФ, ст. 19 закрепляет, что ответственность может нести только физическое лицо [21]. Учитывая, что основанием для привлечения к уголовной ответственности является наличие всех элементов состава преступления (ст. 8 УК РФ), возникает необходимость в теоретическом осмыслении критериев выбора надлежащего субъекта в ситуациях, когда объективная сторона деяния реализуется с помощью ИИ.

Для всестороннего рассмотрения поставленного вопроса следует также обратиться к Кодексу этики в сфере ИИ [22]. Из его положений следует, что ответственность, независимо от уровня автономности системы, должна возлагаться на человека – физическое лицо, признанное субъектом ответственности в соответствии с действующим российским законодательством.

К аналогичному выводу в одном из предыдущих исследований, посвящённом ИИ, пришли и авторы настоящей работы: учитывая текущий уровень развития ИИ, его следует рассматривать лишь в качестве высокотехнологичного инструмента, используемого человеком в своей деятельности [23, с. 371].

Установление субъектного состава подобного рода деяний сопряжено с необходимостью проведения комплексного анализа, учитывающего специфику правоотношений, охватывающих различные правовые и технические аспекты их реализации.

Например, если пользователь сам непосредственно задействует систему ИИ при совершении преступного деяния, то его вина очевидна. Так, в конце прошлого года была зафиксирована очередная схема мошенничества с использованием технологий ИИ – создание поддельных фотографий дорожно-транспортных происшествий, не имевших место в реальной жизни, в целях незаконного получения страховых выплат [24].

Однако, если углубиться в специфику совершаемых ИИ действий, то, как отмечалось, в их основе лежат алгоритмы, созданные на основе программирования, осуществляемого разработчиком на этапе создания самой системы. В таком случае разумно ли

указать, что именно разработчик должен предусмотреть возможность использования его «программы» в преступных целях и не допустить этого?

Однозначного ответа на данный вопрос ни в науке, ни в праве пока нет. В настоящее время всё ещё продолжают вырабатываться различные методики, позволяющие разграничить зоны ответственности между участниками процесса создания и использования такой системы.

В научной среде преобладает мнение, что определяющим фактором в вопросе установления субъекта ответственности выступает уровень контроля, осуществляемого над системой ИИ [25]. Именно поэтому в качестве наиболее перспективной модели, по мнению ряда авторов, вступает дифференциация ответственности по этапам его жизненного цикла.

На разных этапах этого цикла субъектами ответственности могут выступать разработчики, эксперты по оценке параметров систем, производители, сами эксплуатанты, а также иные субъекты, чьи действия могут повлиять на результаты работы ИИ или решения, принятые с его помощью.

При этом важно указать, что перечень лиц, потенциально вовлеченных в процесс создания и эксплуатации ИИ, не является исчерпывающим.

С точки зрения эффективности правоприменения, концепция разграничения ответственности в зависимости от конкретного этапа жизненного цикла ИИ, на наш взгляд, представляется неоптимальной и методологически излишне усложнённой. Такая детализация существенно повышает требования к специализированной экспертизе органов уголовного преследования, что, в свою очередь, критически затрудняет процесс доказывания причинно-следственной связи и установления субъективной стороны вины.

В условиях отсутствия унифицированного и целостного подхода в рамках отечественного правового регулирования для формирования наиболее объективной и обоснованной позиции по вопросу ответственности за деяния, совершённые с использованием ИИ, следует обратиться к опыту зарубежных юрисдикций. Для выявления эффективных и проверенных на практике механизмов устранения правовой неопределенности необходим сравнительный анализ зарубежных моделей регулирования.

Так, в США в октябре 2023 года был введён в действие указ о безопасном, надежном и доверенном ИИ [26]. Правовой режим, установленный данным актом, обязывал разработчиков раскрывать информацию об алгоритмических основах и результатах тестирования технологий. По сути, этот документ закреплял превентивный контроль, при котором разработчики делегируют доступ к определённым данным уполномоченным подразделениям правоохранительных органов для последующего мониторинга рисков безопасности.

Однако ввиду смены политического курса 23 января 2025 года президент Дональд Трамп подписал уже другой указ «О снятии барьеров для американского лидерства в области ИИ» [27]. Характерной чертой настоящего документа является отсутствие конкретных правовых решений: документ содержит лишь концептуальные установки и обязывает законодательные органы власти представить план по разработке нормативных положений в сфере ИИ в течение полугода.

Провозглашая глобальное лидерство как ключевой приоритет национальной безопасности (разд. 1, 2), указ закрепляет отказ от жёсткой законодательной регламентации в пользу стратегического планирования, в результате чего сфера ИИ в США пока остаётся без специализированного закона.

Вместе с тем отсутствие детального законодательного регулирования в сфере ИИ не является препятствием для формирования правоприменительной практики в США. Гибкость англо-саксонской правовой системы позволяет органам судебной власти самостоятельно достаточно эффективно адаптировать существующие правовые институты к новым реалиям.

Правовое регулирование в Европейском союзе, в свою очередь, основано на риск-ориентированном подходе, закреплённом в Регламенте ЕС об ИИ [28]. Эта модель предусматривает классификацию технологий ИИ по степени потенциального вреда, что определяет уровень правового регулирования. Регламент выделяет четыре основные категории: недопустимый риск, системы которого подлежат полному запрету ввиду их способности к неконтролируемому, самостоятельному развитию за пределами программных ограничений; высокий риск, требующий строгого соблюдения стандартов качества данных и управления рисками (применяется в области критической инфраструктуры); ограниченный риск, который обязывает системы (например, чат-боты и генераторы контента) обеспечивать прозрачность взаимодействия с пользователем; и, наконец, минимальный риск, для которого предписаны лишь добровольные рекомендации (например, для спам-фильтров и игрового ИИ).

Что касается ответственности, то в первом случае сам факт несанкционированного создания такой системы является преступлением. Во втором случае, ошибки, допущенные разработчиком при программировании и повлекшие общественно опасные последствия (при условии надлежащего использования системы сторонними лицами) также могут являться основанием для привлечения к уголовной ответственности. В последних же двух случаях не устанавливается императивных требований к качеству программирования, а пользователи уведомляются об ответственности за использование системы ИИ через пользовательское соглашение.

Совершенно иной подход выработан по вопросу уголовной ответственности и её персонализации в Китае. В отличие от риск-ориентированной модели ЕС, правовая система Китайской Народной Республики демонстрирует подход, направленный на централизацию уголовно-правовой ответственности на уровне разработчиков генеративных систем ИИ. Это наглядно иллюстрируется «Временными мерами по управлению генеративными системами ИИ» от 2023 г. [29]. Статья 4 настоящего документа устанавливает прямую и всеобъемлющую ответственность разработчика за любой контент, генерируемый платформой. В его обязанности входит не только проверка точности и достоверности данных, но и активное превентивное модерирование, направленное на предотвращение создания материалов, угрожающих государственному строю или общественной нравственности.

Резюмируя результаты сравнительно-правового анализа, следует констатировать отсутствие международно-правового консенсуса в вопросах уголовно-правовой квалификации деяний, совершённых с использованием технологий ИИ. Однако факт принятия различных нормативных актов свидетельствует о формировании основы для последующего специализированного правового контроля, который является закономерным и необходимым этапом адаптации уголовного законодательства к реалиям цифровизации.

Проведенный анализ позволил авторам разработать концептуальные основы нормативного регулирования уголовной ответственности за использование систем ИИ в противоправных целях. Такой подход предполагает адаптацию норм уголовного законодательства к специфике цифровых технологий, обеспечивая соразмерную реакцию госу-

дарства на общественно опасные последствия, наступившие в результате применения ИИ.

По аналогии с методикой, реализованной в Регламенте ЕС, предлагается осуществить распределение моделей ИИ по видам и системно закрепить ответственность за общественно опасные деяния, возникшие в результате их использования.

К первому виду следует отнести специализированные системы ИИ, изъятые из гражданского оборота (например, функционирующие в сфере национальной обороны, критической инфраструктуры и смежных областях). В случае причинения общественно опасного вреда в результате эксплуатации систем данной категории, ответственность будет нести государство (его должностные лица).

Ко второму виду можно отнести специализированные системы ИИ, ограниченные в обороте и интегрированные в иные сферы деятельности (например, в здравоохранение). В отношении данного класса систем определение субъекта уголовной ответственности будет зависеть от характера преступного деяния и причинно-следственной связи. Если будет установлено, что общественно опасные последствия стали результатом неправомерных действий пользователя (оператора системы), ответственность разработчика исключается. Напротив, в случае выявления дефекта в программном обеспечении (например, ошибки в алгоритме) бремя уголовной ответственности ложится на разработчика.

И наконец, к третьему виду следует отнести такие системы ИИ, взаимодействие с которыми осуществляется посредством принятия пользователем условий соответствующего соглашения. При квалификации деяний, совершённых с использованием таких систем, приоритетное значение приобретают субъективные признаки состава преступления: цель, мотив и умысел. Если будет установлено, что пользователь осознавал противоправность своего поведения при взаимодействии с автономной системой, а также наличие волевого элемента, направленного на достижение общественно опасного результата, субъект подлежит привлечению к уголовной ответственности в общем порядке

Однако в случае обнаружения в ходе предварительного расследования умышленного сокрытия или упущения разработчиком критически важных программных элементов, его вина будет определяться соразмерно наступившим в результате этого последствиям. Если же такое упущение будет совершено разработчиком по неосторожности, то степень его ответственности должна зависеть от последствий для пользователя. При этом если будет установлено, что пользователь злонамеренно воспользовался данным пробелом с противоправной целью, разработчику может быть смягчена ответственность с указанием на необходимость устранения пробела в алгоритмах.

Предложенная концепция обладает высокой степенью доктринальной обоснованности в силу ряда факторов:

Во-первых, системная классификация категорий ИИ в совокупности с дифференциацией ответственности за их неправомерное использование формирует необходимый фундамент для комплексного правового регулирования.

Во-вторых, такой подход обеспечивает преемственность уголовного законодательства: минимизация вмешательства в сложившиеся правовые институты позволяет снизить риски возникновения коллизий и пробелов, которые часто сопутствуют масштабным законотворческим преобразованиям.

В-третьих, в отличие от модели регулирования, принятой, к примеру, в КНР, предлагаемый подход не создает необоснованных препятствий для технологического про-

гресса, поскольку побуждает разработчиков систем ИИ придерживаться принципу добросовестности и, соответственно, практически исключает риски неоправданной криминализации.

Таким образом, установление чётких критериев ответственности, основанных на анализе специфики каждой категории ИИ и характера причинённого вреда, позволит достичь оптимального баланса между стимулированием инновационного развития и обеспечением эффективной защиты прав и законных интересов граждан.

Список литературы:

1. Букалерова, Л.А. К вопросу о значении искусственного интеллекта в уголовном праве / Л.А. Букалерова, Т.Н. Уторова, Д.О. Сизов // Пенитенциарная наука. 2020. № 1. С. 70–75.
2. Амирова, М.Г. Уголовно-правовая ответственность за преступления, совершенные с использованием систем искусственного интеллекта / М.Г. Амирова, А.Г. Таилова // Human Progress. 2025. Том 11, Вып. 5. С. 1–7.
3. Савельев, И.В. Преступление, осложненное искусственным интеллектом: перспективы ближайших уголовно-правовых преобразований / И.В. Савельев // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. С. 475–488.
4. Аверинская, С.А. Создание искусственного интеллекта с целью злонамеренного использования в уголовном праве Российской Федерации / С.А. Аверинская, А.А. Севостьянова // Закон и право. 2019. № 2. С. 94–96.
5. Зубицкий, П. Использование искусственного интеллекта при совершении преступлений // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-pri-sovershenii-prestupleniy/ (дата обращения: 11.03.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=mmopdyku4214077568 (дата обращения: 13.03.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 40 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 декабря 2015 года № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522784/#dst100046 (дата обращения: 13.03.2026).
8. Проект Федерального закона № 885494-8 «О внесении изменения в статью 63 Уголовного кодекса Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/885494-8?ysclid=ml16s2nw27486165479 (дата обращения: 11.03.2026).
9. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // [Электронный ресурс]. –URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/?ysclid=mmopz71v87437172543 (дата обращения: 11.03.2026).
10. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.
11. Приказ МВД России от 29.12.2022 № 1110 «Об утверждении Положения об Управлении по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий Министерства внутренних дел Российской Федерации» // [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/406374891/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (дата обращения: 13.03.2026).
12. Регламент (ЕС) 2019/881 Европейского парламента и Совета от 17 апреля 2019 года об Агентстве Европейского союза по кибербезопасности (ENISA) и о сертификации в области кибербезопасности информационных и коммуникационных технологий, а также об отмене Регламента (ЕС) № 526/2013 (Закон о кибербезопасности) (текст с учетом особенностей ЕЭЗ) // [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/881/oj/eng (дата обращения: 13.03.2026).
13. Закон об кибербезопасности и агентстве безопасности инфраструктуры от 16 ноября 2018 года // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.congress.gov/115/plaws/publ278/PLAW-115publ278.pdf (дата обращения: 13.03.2026).
14. Министерство внутренних дел Республики Беларусь: офиц. сайт // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mvd.gov.by/ru/page/upravlenie-k/istoriya-urpsvt#! (дата обращения: 13.03.2026).

15. Министерство юстиции США (DOJ): офиц. сайт // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.justice.gov/opa (дата обращения: 13.03.2026).
16. United States v. Vasquez // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pacermonitor.com/public/case/54396440/United_States_of_America_v_Vasquez (дата обращения: 13.03.2026).
17. В Азербайджане задержали мужчину, шантажировавшего женщин ИИ-фото и видео // [Электронный ресурс]. – URL: https://report.az/ru/proisshestviya/v-azerbajdzhane-zaderzhali-muzhchinu-shantazhirovavshego-zhenshin-ii-foto-i-video (дата обращения: 13.03.2026).
18. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изм. и доп. по состоянию на 11.04.2025 г.) // [Электронный ресурс]. – URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353&ysclid=mmryixxtao206007823 (дата обращения: 13.03.2026).
19. Сизова, Н. Минцифры предлагает уголовную ответственность за применение ИИ в криминале [Электронный ресурс] // Ведомости. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/06/09/1116134-sest-za-neiroset (дата обращения: 11.03.2026).
20. Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 70462.1-2022 «Информационные технологии. Интеллект искусственный. Оценка робастности нейронных сетей» // [Электронный ресурс]. – URL: https://rosgosts.ru/file/gost/35/020/gost_r_70462.1-2022.pdf?ysclid=mmrye17mvh54390797 (дата обращения: 11.03.2026).
21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 19.06.1996. № 25. Ст. 2954.
22. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26 октября 2021 г.) // [Электронный ресурс]. – URL: https://base.garant.ru/406862712/948c9c0734b6e944a4727660f2d5a027/ (дата обращения: 11.03.2026).
23. Кузнецов, В.В. К вопросу о правовом регулировании авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при помощи ИИ / В.В. Кузнецов, И.А. Садковый, Е.В. Рышкова // Образование и право. 2025. № 10. С. 369–374.
24. МВД: Мошенники начали создавать дипфейки фотографий ДТП для оформления страховых выплат // [Электронный ресурс]. – URL: https://clck.ru/3RbJsb (дата обращения: 13.03.2026).
25. Прокуратура республики разъясняет: «Ответственность за убытки, причиненные в результате использования искусственного интеллекта» // [Электронный ресурс]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_06/activity/legal-education/explain/e5871325/ (дата обращения: 11.03.2026).
26. Указ Байдена обязал разработчиков ИИ делиться с властями США информацией // [Электронный ресурс]. – URL: https://ria.ru/20231030/ssha-1906127953.html?ysclid=mmryfxrirr127616951 (дата обращения: 11.03.2026).
27. Трамп отменил стандарты безопасности ИИ, введенные при Байдене // [Электронный ресурс]. – URL: https://rb.ru/news/trum-ai-biden/?ysclid=mmqozs45bz827912466 (дата обращения: 11.03.2026).
28. Закон об искусственном интеллекте (Регламент (ЕС) 2024/1689) // [Электронный ресурс]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (дата обращения: 11.03.2026).
29. Регулирование использования искусственного интеллекта: опыт Китая [Электронный ресурс] // URL: https://zakon.ru/blog/2024/02/29/regulirovanie_ispolzovaniya_iskusstvennogo_intellekta_opyt_kitaya (дата обращения: 11.03.2026).

Sadkovy I. A., Kuznetsov V. V., Sergienko N. B. Criminal liability for crimes committed with the help of artificial intelligence// Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 603-614.

The paper provides a comprehensive analysis of the theoretical and practical aspects of criminal liability for crimes committed using artificial intelligence technologies. With the rapid development and integration of artificial intelligence systems into various spheres of public life, traditional criminal law institutions are facing unprecedented challenges that require doctrinal and regulatory clarification. The authors draw attention to the existing gaps and contradictions in the current legislation of the Russian Federation, and also study foreign models of legal regulation aimed at countering such crimes. Special attention is paid to the problems of determining the subject of a crime, the qualification of acts committed with the help of autonomous systems, and the need to develop new mechanisms for bringing to justice. In conclusion, a conceptual approach to regulatory regulation is proposed based on the classification of artificial intelligence systems and the differentiation of responsibility depending on their type and nature of the harm caused, which is designed to ensure a balance between stimulating innovative development and protecting the rights of citizens.

Keywords: artificial intelligence, criminal liability, crimes, subject, developer, user, aggravating circumstances, acts, qualification, composition.

Spisok literatury:

1. Bukalerova, L.A. K voprosu o znachenii iskusstvennogo intellekta v ugolovnom prave / L.A. Bukalerova, T.N. Utorova, D.O. Sizov // Penitenciarnaya nauka. 2020. № 1. S. 70–75.
2. Amirova, M.G. Ugolovno-pravovaya otvetstvennost' za prestupleniya, sovershennye s ispol'zovaniem sistem iskusstvennogo intellekta / M.G. Amirova, A.G. Tailova // Human Progress. 2025. Tom 11, Vyp. 5. S. 1–7.
3. Savel'ev, I.V. Prestuplenie, oslozhnennoe iskusstvennym intellektom: perspektivy blizhajshih ugolovno-pravovyh preobrazovanij / I.V. Savel'ev // Voprosy rossijskoj yusticii. 2020. № 7. S. 475–488.
4. Averinskaya, S.A. Sozdanie iskusstvennogo intellekta s cel'yu zlonamerennogo ispol'zovaniya v ugolovnom prave Rossijskoj Federacii / S.A. Averinskaya, A.A. Sevost'yanova // Zakon i pravo. 2019. № 2. S. 94–96.
5. Zubickij, P. Ispol'zovanie iskusstvennogo intellekta pri sovershenii prestuplenij // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.advgazeta.ru/mneniya/ispolzovanie-iskusstvennogo-intellekta-pri-sovershenii-prestupleniy/ (data obrashcheniya: 11.03.2026).
6. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 22.12.2015 № 58 (red. ot 23.12.2025) «O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugolovnogo nakazaniya» // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=mmopdyku4214077568 (data obrashcheniya: 13.03.2026).
7. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 23.12.2025 № 40 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22 dekabrya 2015 goda № 58 «O praktike naznacheniya sudami Rossijskoj Federacii ugolovnogo nakazaniya» // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522784/#dst100046 (data obrashcheniya: 13.03.2026).
8. Proekt Federal'nogo zakona № 885494-8 «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 63 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/885494-8?ysclid=ml16s2nw27486165479 (data obrashcheniya: 11.03.2026).
9. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 19.08.2020 № 2129-r «Ob utverzhdenii Koncepcii razvitiya regulirovaniya otnoshenij v sfere tekhnologij iskusstvennogo intellekta i robototekhniki do 2024 goda» // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_360681/?ysclid=mmopz71v87437172543 (data obrashcheniya: 11.03.2026).
10. Ukaz Prezidenta RF ot 10 oktyabrya 2019 g. № 490 (red. ot 15.02.2024) «O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 14.10.2019. № 41. St. 5700.
11. Prikaz MVD Rossii ot 29.12.2022 № 1110 «Ob utverzhdenii Polozheniya ob Upravlenii po organizacii bor'by s protivopravnym ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii» // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://base.garant.ru/406374891/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/ (data obrashcheniya: 13.03.2026).
12. Reglament (ES) 2019/881 Evropejskogo parlamenta i Soveta ot 17 aprelya 2019 goda ob Agentstve Evropejskogo soyuza po kiberbezopasnosti (ENISA) i o sertifikacii v oblasti kiberbezopasnosti informacionnyh i kommunikacionnyh tekhnologij, a takzhe ob otmene Reglamenta (ES) № 526/2013 (Zakon o kiberbezopasnosti) (tekst s uchetom osobennostej EEZ) // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/881/oj/eng (data obrashcheniya: 13.03.2026).
13. Zakon ob kiberbezopasnosti i agentstve bezopasnosti infrastruktury ot 16 noyabrya 2018 goda // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.congress.gov/115/plaws/publ278/PLAW-115publ278.pdf (data obrashcheniya: 13.03.2026).
14. Ministerstvo vnutrennih del Respubliki Belarus': ofic. sajt // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.mvd.gov.by/ru/page/upravlenie-k/istoriya-urpsvt#! (data obrashcheniya: 13.03.2026).
15. Ministerstvo yusticii SSHA (DOJ): ofic. sajt // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.justice.gov/opa (data obrashcheniya: 13.03.2026).
16. United States v. Vasquez // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.pacermonitor.com/public/case/54396440/United_States_of_America_v_Vasquez (data obrashcheniya: 13.03.2026).
17. V Azerbajdzhane zaderzhali muzhchinu, shantazhirovavshego zhenshchin II-foto i video // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://report.az/ru/proisshestviya/v-azerbajdzhane-zaderzhali-muzhchinu-shantazhirovavshego-zhenshin-ii-foto-i-video (data obrashcheniya: 13.03.2026).
18. Ugolovnyj kodeks Azerbajdzhanskoj Respubliki (utverzhden Zakonom Azerbajdzhanskoj Respubliki ot 30 dekabrya 1999 goda № 787-IQ) (s izm. i dop. po sostoyaniyu na 11.04.2025 g.) // [Elektronnyj resurs]. – URL:

https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353&ysclid=mmryixxtao206007823 (data obrashcheniya: 13.03.2026).
19. Sizova, N. Mincifry predlagaet ugolovnuyu otvetstvennost' za primenenie II v kriminale [Elektronnyj resurs] // Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2025/06/09/1116134-sest-za-neiroset (data obrashcheniya: 11.03.2026).
20. Nacional'nyj standart RF GOST R 70462.1-2022 «Informacionnye tekhnologii. Intellekt iskusstvennyj. Ocenka robastnosti nejronnyh setej» // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://rosgosts.ru/file/gost/35/020/gost_r_70462.1-2022.pdf?ysclid=mmrye17mvh54390797 (data obrashcheniya: 11.03.2026).
21. Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 20.02.2026) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 19.06.1996. № 25. St. 2954.
22. Kodeks etiki v sfere iskusstvennogo intellekta (ot 26 oktyabrya 2021 g.) // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://base.garant.ru/406862712/948c9c0734b6e944a4727660f2d5a027/ (data obrashcheniya: 11.03.2026).
23. Kuznecov, V.V. K voprosu o pravovom regulirovanii avtorskih prav na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti, sozdannye pri pomoshchi II / V.V. Kuznecov, I.A. Sadkovyj, E.V. Ryshkova // Obrazovanie i pravo. 2025. № 10. S. 369–374.
24. MVD: Moshenniki nachali sozdavat' dipfejki fotografij DTP dlya oformleniya strahovyh vyplat // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://clck.ru/3RbJsb (data obrashcheniya: 13.03.2026).
25. Prokuratura respubliki raz"yasnyaet: «Otvetstvennost' za ubytki, prichinennye v rezul'tate ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta» // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_06/activity/legal-education/explain/e5871325/ (data obrashcheniya: 11.03.2026).
26. Ukaz Bajdena obyazal razrabotchikov II delit'sya s vlastyami SSHA informaciej // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://ria.ru/20231030/ssha-1906127953.html?ysclid=mmryfxrirr127616951 (data obrashcheniya: 11.03.2026).
27. Tramp otmenil standarty bezopasnosti II, vvedennye pri Bajdene // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://rb.ru/news/trum-ai-biden/?ysclid=mmqozs45bz827912466 (data obrashcheniya: 11.03.2026).
28. Zakon ob iskusstvennom intellekte (Reglament (ES) 2024/1689) // [Elektronnyj resurs]. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng (data obrashcheniya: 11.03.2026).
29. Regulirovanie ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta: opyt Kitaya [Elektronnyj resurs] // URL: https://zakon.ru/blog/2024/02/29/regulirovanie_ispolzovaniya_iskusstvennogo_intellekta_opyt_kitaya (data obrashcheniya: 11.03.2026).

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 615-624.

УДК 343.2/.7

«ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ» КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

Скворцова О. В., Бабенко А. Н.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

На данный момент развитие социума происходит под активным воздействием цифровизации. Такой процесс прямо предопределяет качественное изменение способов социального взаимодействия. А также находит свое отражения и в рамках совершения экономических и иных преступлений. Активное использование информационно-телекоммуникационных сетей, внедрение систем биометрической аутентификации, закономерно привели к формированию новых объектов уголовно-правовой охраны. К числу таковых относится «цифровая идентичность личности», не предусмотренная в качестве объекта действующим уголовным законом. В настоящей работе на основе анализа теоретических подходов, зарубежного законодательства и судебной практики выявляются пробелы действующего Уголовного кодекса Российской Федерации в части квалификации деяний, совершаемых с использованием цифровой идентичности третьих лиц. Обосновывается необходимость признания цифровой идентичности самостоятельным либо дополнительным объектом уголовно-правовой охраны и формулируется трехуровневая модель такой защиты. Предлагаются направления совершенствования законодательства, а именно, дополнение главы 19 УК РФ новой статьей, либо внесение изменений в статью 63 УК РФ в части включения еще одного отягчающего обстоятельства.

Ключевые слова: цифровая идентичность, кража личности, дипфейк, мошенничество, экономические преступления, уголовная ответственность.

Развитие сети Интернет и средств массовой информации фактически создало новую основу общества, в котором каждый может реализовать свои информационные права. Такая доступность информационно-телекоммуникационных технологий, с одной стороны, естественно обеспечивает реализацию конституционных прав граждан (ст. 29 Конституции Российской Федерации (далее – Конституции РФ) [1]). Но с другой стороны, неизбежно породила новый слой общественных отношений, связанных с формированием, использованием и защитой цифрового отображения физического лица. Традиционные институты уголовного права сталкиваются с коллизиями, на которые законодатель часто реагирует точечными изменениями, которые не всегда имеют системный характер. В условиях, когда различные сделки, финансовые транзакции и доступ к имуществу все чаще опосредуются не физическим присутствием лица, а его цифровым профилем, само понятие «идентичность» из социально-психологической категории в действительности превратилось в объект товарно-денежных отношений. Как отмечает М.А. Ефремова, «о каждом Интернет-пользователе сегодня можно говорить, как о „цифровой личности”» – сложном системном образовании, объединяющем помимо аутентификационных сведений также накапливаемый в сети информационный след, поведенческие характеристики лица и его взаимодействие с иными субъектами [2]. В особенности подмена такой «личности» в качестве способа совершения экономических и иных преступлений остается, так или иначе, высокодоходной, но при этом наименее урегулированной, поскольку сама правовая природа цифровой идентичности как объекта охраны до сих пор не получила однозначной доктринальной оценки, что и обуславливает актуальность и направления настоящего исследования. Определение того, каким именно общественным отношениям, благам или интересам причиняется вред таким преступным деянием, лежит в плоскости учения об объекте преступления.

Само понятие «цифровая идентичность» заимствовано юридической наукой из сферы информационных технологий. Как указывают О.А. Степанов и М.М. Степанов, «генезис „цифровой личности” в настоящее время крайне мало изучен, отсутствует

единая терминология и подходы к определению данного понятия» [3]. Можно говорить, что в широком смысле цифровая идентичность представляет собой совокупность структурированных и неструктурированных данных, зафиксированных в электронной форме. Такая совокупность позволяет уникальным образом идентифицировать физическое лицо в цифровой среде. Е.А. Русскевич обоснованно разграничивает два аспекта цифрового профиля [4]. Узкий (государственный) смысл предполагает понимание цифрового профиля как «ресурса персональных данных человека для реализации прав и свобод и несения обязанностей перед государством» [5]. С иной стороны, это «сумма всей виртуальной информации, доступной о лице (отражает совокупность психологических, эмоциональных, физических, социальных характеристик гражданина)» [6]. Представляется, что для уголовного права определяющее значение имеет именно второе, широкое толкование. Данный вывод обусловлен тем, что преступник в большей степени взаимодействует не только, к примеру, с государственными реестрами, а с множеством независимых цифровых платформ.

Видится, что структурно цифровая идентичность включает следующие элементы: 1) учетные данные; 2) официальные идентификаторы в цифровой форме (ИНН, СНИЛС, номер паспорта и др.); 3) биометрические данные (фотография, голос, отпечатки пальцев); 4) поведенческие цифровые следы (история браузера, геолокация, паттерны коммуникации); 5) репутационные данные (рейтинги, отзывы, цифровая репутация); 6) связанные имущественные активы (электронные кошельки, привязанные банковские карты) [2].

Как справедливо отмечают, цифровая идентичность – это своего рода «цифровой паспорт реальной личности в виртуальном мире» [2]. Причем действующее законодательство не возлагает на пользователей обязанность предоставлять аутентичную информацию, что тоже может порождать феномен «идеализированной» идентичности, отличной от реальной.

Анализ действующего УК РФ [7] показывает, что законодатель пока не выделяет «цифровую идентичность» в качестве самостоятельного родового или видового объекта. Однако такое отсутствие порождает не только теоретическую неопределенность. Такой пробел влечет за собой и практические вопросы квалификации деяний, в которых «цифровая идентичность» выступает либо целью, либо средством преступного посягательства. В правоприменительной практике указанная проблема преодолевается через обращение к категории способа совершения преступления, где особое место занимает ее подмена. И указанный способ в условиях цифровой среды закономерно приобретает самостоятельное криминообразующее значение.

В свою очередь, в зарубежной доктрине и законодательстве для обозначения данного феномена используется термин «identity theft» – «кража личности». Как указывает М.С. Трубеева, «англоязычный термин „identity theft” был введен в оборот в конце XX в. и дословно переводится как „кража личности”» [8]. В ряде работ встречается и иное, более ёмкое обозначение такого явления – «похищение идентичности». В США в 1998 г. был принят Закон о предотвращении кражи личности и присвоении чужих данных, которым УК США был дополнен положениями, устанавливающими ответственность за «незаконное использование средств идентификации другого лица с намерением совершить или способствовать совершению любого противоправного деяния» [9]. Сходная норма закреплена и в УК Канады (ст. 402.2), предусматривающая ответственность за «получение или хранение идентификационной информации другого лица с намерением использовать ее для совершения преступлений, включающих

мошенничество, обман или ложь» [9].

Подмена цифровой идентичности при совершении преступлений в экономической сфере представляет собой сложную поэтапную противоправную деятельность. Первый этап заключается в незаконном сборе персональных либо иных идентификационных данных, принадлежащих физическому или юридическому лицу. Второй этап предполагает использование полученных сведений для того, чтобы выдать себя за данного субъекта. И третий этап связан с непосредственным совершением распорядительных действий в отношении имущества, выступая при этом от лица подложной идентичности. Как подчёркивается в доктрине, «кража личности является злодеянием, которое предоставляет возможность совершать другие общественно опасные деяния более эффективно» [8]. Из этого следует, что главная ценность цифровой идентичности для преступника заключается в её инструментальной функции. Сама по себе, не имея материальной ценности, она дает доступ к денежным средствам, правам на имущество и прочим активам.

В том числе, в источниках уголовного права и криминологии отсутствует единый подход к определению самого феномена «подменной цифровой идентичности» (далее – ПЦИ). Исходя из предложенных определений, можно выделить условно три основные концептуальные группы, по-разному определяющие сущность ПЦИ: технолого-криминалистическую, синтетическую и квалификационную.

Первая группа акцентирует внимание на способе создания подменной идентичности, прежде всего через призму технологии «deepfake» (дипфейк). И.С. Алихаджиева определяет данную технологию как «технологию цифрового клонирования внешности и голоса человека, позволяющую создавать гиперреалистичные поддельные аудиовизуальные материалы» [10]. В рамках этого подхода ПЦИ рассматривается не как статичный набор данных, а как динамический процесс имитации личности. В.А. Данилова и Д.М. Левкин уточняют, что дипфейк порождает «синтезированные динамические изображения», которые стирают грань между подлинным и искусственно созданными биометрическими данными [11].

Вторая группа подходов ориентирована на зарубежную концепцию «synthetic identity» (синтезированная идентичность) и активно развивается в работах О.С. Болотаевой. Сторонники этой позиции исходят из того, что преступник не просто копирует данные конкретной жертвы, а комбинирует реальные персональные данные (номера СНИЛС, ИНН и т.д.) с вымышленной информацией, создавая уникальную, но фиктивную личность. О.С. Болотаева подчеркивает, что в свете развития искусственного интеллекта «институт согласия на использование персональных данных требует пересмотра», поскольку биометрические средства индивидуализации становятся товаром, применимым для создания подложных идентификаторов [12]. В данном контексте ПЦИ выступает не как инструмент одноразового обмана, а как долгосрочный ресурс.

И третья группа подходов наиболее полно представлена в работах И.И. Буновой, которая исследует проблему через призму уголовно-правовой охраны личности. И.И. Бунова вводит в оборот понятие «цифровой двойник» и «цифровой профиль», предлагая рассматривать их в качестве самостоятельного предмета преступного посягательства. Она отмечает, что цифровой двойник и цифровой профиль, являясь отражением личности в цифровом пространстве, не обладают полным набором признаков ни физического лица (потерпевшего), ни материального предмета (предмета преступления)» [13]. При этом такие действия объективно влекут за собой фактическое наступление негативных последствий. Таким образом, ПЦИ в рамках данного подхода трактуется как синтетическая форма репрезентации личности, которая требует

выделения в качестве отдельного объекта уголовно-правовой охраны.

Следовательно, представляется, что для целей уголовно-правового анализа более точным будет выделить интегративный подход, который позволит охватить как случаи создания полностью синтезированной идентичности, так и ситуации временной подмены (имитации) идентичности реального лица с использованием технологий искусственного интеллекта. В контексте этого, В.Ф. Джафарли в своей концепции криминологической безопасности обоснованно указывает на «появление на данный момент двух реальностей – традиционной и цифровой, что приводит к стремительному преобразованию преступности из реальной в виртуальную, сопровождающемуся увеличением ее латентности» [14]. Фактически, данный способ совершения преступления характеризуется использованием информационно-телекоммуникационных технологий для создания ложного представления о субъекте правоотношений, что позволяет предполагаемому преступнику осуществить неправомерное завладение чужим имуществом или приобрести право на него. И соответственно, ПЦИ выступает как способ, который, по мнению С.С. Волкова, «меняет не объект охраны, а параметры объективной стороны и доказательственную модель» [15].

В связи с тем, что специальной уголовно-правовой нормы, регламентирующей ответственность за создание или использование ПЦИ в УК РФ нет, это влечёт квалификацию по общим составам и сопутствующие правоприменительные трудности. Так, при совершении хищений с использованием «дипфейк»-технологий наиболее часто такие действия квалифицируют по ст. 159.6 УК РФ. Фактически «обман как способ совершения данного преступления выражается во вводе, копировании, модификации, удалении, блокировании или ином вмешательстве в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации, в результате которого система обработки данных передаёт имущество или право на него» [16]. Но «дипфейк» как синтезированный аудиовизуальный образ не всегда может быть отнесён к компьютерной информации в смысле примечания к ст. 272 УК РФ. Сгенерированное с помощью каких-либо нейросетей видеоизображение рассчитано на непосредственное визуальное и слуховое восприятие человеком, а не на машинное считывание. Однако, даже несмотря на такую теоретическую допустимость применения ст. 159.6 УК РФ, на практике деяния чаще квалифицируются по ст. 159 УК РФ. Примером рассматриваемой коллизии может служить уголовное дело, возбужденное в ноябре 2025 г. в г. Ялте, где злоумышленники с использованием технологии «дипфейка» для имитации голоса и внешности руководителя похитили денежные средства сотрудниц [17]. Несмотря на применение высокотехнологичных методов подмены личности, правоприменитель признал «дипфейк» не компьютерной информацией, а формой визуального обмана потерпевшего. Как справедливо отмечают эксперты, «использование подделки охватывается способом совершаемого преступления, хотя подделка сама по себе является общественно опасным деянием и признается преступлением. По аналогии этот подход применим к использованию «дипфейков» – они тоже не требуют дополнительной правовой оценки» [18]. И учитывая, что конструкция простого мошенничества подразумевает хищение чужого имущества или приобретение на него права путем обмана или злоупотребления доверием, где способ обмана не имеет квалифицирующего значения для основного состава. В результате лицо, совершившее хищение с помощью подмены личности, несет ответственность наравне с лицом, использовавшим устную ложь, что фактически не отражает повышенную общественную опасность деяния. Кроме того, «традиционные мошеннические способы (обман и злоупотребление доверием) дополняются в ст. 159.6 УК РФ новыми для главы

21 УК РФ противоправными приёмами, а возможно и вообще ими заменяются» [16].

Особого внимания заслуживает квалификация действий, связанных с созданием подменной цифровой идентичности, по ст. 272 УК РФ. В судебной практике встречаются случаи привлечения к ответственности по данной статье за несанкционированное получение доступа к персональным данным абонентов с их последующим копированием для создания фейка [19]. Однако, исходя из того, что «изображение человека неразрывно связано с несколькими нормами уголовного закона, в первую очередь – о защите неприкосновенности частной жизни и о клевете, подлинность изображений может выступать единственным критерием для отграничения этих преступлений» [20]. Формальным объектом клеветы выступают честь и достоинство личности, а не подлинность распространяемой информации. Но распространение заведомо ложных сведений с использованием «дипфейка» создаёт качественно иной уровень общественной опасности по сравнению с традиционной клеветой: синтезированное видео воспринимается адресатом не как субъективное мнение или слух, а как объективное доказательство позорящего факта, что многократно усиливает причиняемый ущерб. Вместе с тем, «отдельные действия, совершаемые с изображениями, остаются за пределами уголовного закона, хотя по своим негативным последствиям они не уступают тем, что предусмотрены в качестве преступных» [20]. Судебная практика по ст. 128.1 УК РФ демонстрирует, что клевета в информационно-телекоммуникационных сетях квалифицируется по ч. 2 указанной статьи, если распространение сведений осуществлялось публично с использованием сети Интернет. Тем не менее, как указывается в литературе, «такая квалификация спорна, так как не отражает использование злоумышленником достоверной персональной информации потерпевшего» [21]. Применительно к «дипфейкам» эта проблема усугубляется тем, что синтезированное изображение может не содержать заведомо ложных сведений в классическом понимании, поскольку сам факт создания поддельного видео не может быть достоверно установлен, однако порочащий характер такого видео не вызывает сомнений. Иными словами, хотя и подделку видео легко доказать, смысл ст. 128.1 УК требует не доказательства такой подделки, а доказательства ложности утверждения о фактах, которого в видео нет, – поэтому «дипфейк» выпадает из состава, несмотря на очевидный порочащий эффект.

В контексте «дипфейков», «часто полученные изображения относят к порнографическим, а в уголовном законе для них применим только состав клеветы, порождающий трудности в установлении заведомой ложности и порочащего характера сведений» [20]. Вполне применимой также может оказаться ст. 242.2 УК РФ (в части изготовления и оборота порнографических материалов с использованием изображения несовершеннолетнего). Однако, применение только ст. 242.2 УК РФ в случаях с поддельными данными нельзя признать достаточным. Эта норма не учитывает ту форму неимущественного вреда, которая выражается в нравственных страданиях потерпевшего лица. Следовательно, без использования статьи о клевете – иных вариантов уголовно-правовой оценки не существует. Даже если синтезированное изображение и не является подлинной записью интимного характера, вызываемые им последствия сопоставимы с теми, что наступают при утечке реальных фотографий. Речь идёт об общественном порицании, переживании стыда и унижения со стороны потерпевшего, а также иных серьёзных последствиях.

Более того, в 2026 г. в Государственную Думу внесён законопроект № 1133088-8, предусматривающий дополнение ст. 272.1 УК РФ указанием на «автоматизированную обработку» персональных данных как самостоятельное преступное действие. Как поясняется в законопроекте, действующая редакция «исключает ответственность лица,

непосредственно осуществляющего „неправомерную алгоритмическую обработку чужих персональных данных для создания дипфейка", которое, не участвуя в распространении или хранении, может избежать уголовной ответственности» [21]. Указывают, что законопроект «сделает преступлением сам технический процесс изменения или улучшения персональных данных при помощи нейросетей и алгоритмов, помимо их кражи, передачи или неправомерного хранения» [23]. В целом, криминализация самого технического процесса без учета его направленности и наступивших последствий противоречит принципу субъективного вменения. Уголовное право охраняет не технологические операции как таковые, а общественные отношения, которым этими операциями причиняется вред. В этой связи более обоснованным представляется подход, при котором ответственность наступает за использование измененной цифровой идентичности в целях введения в заблуждение третьих лиц. Именно получение неправомерного доступа к благам, имуществу или информации посредством подмененной идентичности образует действительную общественную опасность. Технический же процесс изменения данных, напротив, должен оставаться за рамками уголовно-правового регулирования, если только он не сопряжен с незаконным доступом к оригинальным данным или их уничтожением.

Далее, к примеру, при использовании подменной цифровой идентичности для вымогательства (ст. 163 УК РФ) также возникает вопрос о квалификации угрозы распространения синтезированного видео, изображающего потерпевшего в компрометирующей ситуации. В соответствии с позицией Пленума ВС РФ, под сведениями, позорящими потерпевшего, понимаются сведения, порочащие его честь, достоинство или подрывающие репутацию, и при этом не имеет значения, соответствуют ли действительности сведения, под угрозой распространения которых совершается вымогательство [24]. Таким образом, угроза распространения «дипфейка», даже если потерпевший не совершал соответствующих действий, может квалифицироваться как вымогательство. Следовательно, распространение виновным заведомо ложных порочащих сведений в ходе вымогательства образует реальную совокупность вместе со ст. 128.1 УК РФ.

Если же брать квалификацию по ст. 165 УК РФ, такое допустимо в ситуациях, где применение подменной цифровой идентичности не сопряжено с хищением, а ориентировано на причинение вреда иными способами. И применение статьи к случаям использования «дипфейков» затруднено в связи со сложностью подтверждения того обстоятельства, что ущерб явился прямым следствием именно создания подменной идентичности, а не иных факторов. Таким образом, анализ перечисленных составов свидетельствует, что фрагментарность действующего регулирования, отсутствие единообразных подходов к квалификации и неспособность существующих норм адекватно отразить степень общественной опасности соответствующих деяний свидетельствуют о необходимости системного совершенствования уголовного законодательства в части противодействия преступлениям, совершаемым с использованием подменной цифровой идентичности. Экономический аспект цифровой идентичности также требует отдельного анализа. Если основываться на том, что многие авторы рассматривают «кражу идентичности» именно как разновидность ст. 159 УК РФ или ст. 272 УК РФ в совокупности с хищением – такой подход, однако, все равно не учитывает ситуаций, когда кража не приводит к непосредственному имущественному ущербу, но причиняет вред личным неимущественным правам (например, лицо теряет возможность пользоваться своими цифровыми сервисами в связи с блокировкой аккаунта после взлома). В таких случаях потерпевший не может ссылаться на ст. 159 или ст. 158 УК РФ, поскольку отсутствует прямой имущественный ущерб. Ст. 272 УК

РФ защищает лишь конфиденциальность и целостность информации, но не «право на идентичность» как таковое. Тем самым возникает определенный разрыв между реальным вредом и имеющимися составами.

Представляется, что данный разрыв может быть преодолен с помощью более широкого подхода к пониманию объекта преступного посягательства. Применительно к цифровой идентичности мы сталкиваемся с ситуацией, когда одно и то же деяние посягает не на один, а на два или более непосредственных объекта, один из которых является основным (например, собственность), а другой – дополнительным (право на цифровую идентичность). В зависимости от конкретного состава меняется и приоритет объектов. В связи с этим нам представляется обоснованным предложить трехуровневую модель уголовно-правовой охраны цифровой идентичности, которая отражала бы ее структурную сложность.

Первый уровень – отчасти уже имеющийся в УК РФ, который бы предполагал охрану цифровой идентичности как предмета преступления. Здесь применимы ст. ст. 272, 272.1, 273, 274.1 УК РФ. В данном случае идентичность выступает как информация, обладающая определенными признаками (конфиденциальность, защищенность, целостность). Такой подход позволит эффективно бороться со взломом аккаунтов, кражей паролей и баз данных и т. п., однако он недостаточен для защиты от посягательств на саму содержательную сторону цифровой идентичности.

Второй уровень – охрана цифровой идентичности как способа совершения преступления. В этом случае идентичность другого лица используется как инструмент для достижения преступного результата – хищения, легализации доходов и т. д. В этих ситуациях идентичность является не предметом, а средством. Уголовно-правовая квалификация должна строиться на основе совокупности преступлений: неправомерный доступ (ст. 272 УК РФ) или незаконное использование персональных данных (ст. 272.1 УК РФ) плюс соответствующее экономическое или иное преступление (мошенничество, вымогательство и пр.). Именно такой подход, к сожалению, не всегда реализуется на практике, когда деяния квалифицируются лишь по конечному результату без оценки самостоятельного вреда от «присвоения» цифровой идентичности.

Третий уровень – охрана цифровой идентичности как самостоятельного нематериального блага, тесно связанного с личностью, ее честью, достоинством, автономией и репутацией. Здесь ставится вопрос о признании того, что цифровая идентичность является проекцией физического лица в виртуальном пространстве и, как таковая, заслуживает уголовно-правовой защиты не только в силу содержащихся в ней сведений, но и в силу ее социальной функции – быть публичным лицом субъекта. Посягательства на этот объект могут выражаться в создании поддельного аккаунта (без клеветы или разглашения тайны) – деяние, которое в настоящее время не криминализировано, но может причинять существенный вред; в манипуляции цифровой идентичностью с целью подрыва репутации; в «цифровом преследовании» с использованием нескольких аккаунтов и т. д. В этой связи можно говорить о формировании в теории уголовного права концепции «права на цифровую идентичность» как одного из личных неимущественных прав, охраняемых уголовным законом.

Признание цифровой идентичности самостоятельным (или, по крайней мере, дополнительным) объектом уголовно-правовой охраны требует изменений в законодательстве. Либо путем дополнения гл. 19 УК РФ новой статьей, например, ст. 137.1 «Нарушение права на цифровую идентичность», устанавливающей ответственность за незаконное создание и использование цифрового образа (аккаунта,

профиля) другого лица без его согласия, повлекшее причинение соответствующего вреда. При этом здесь следует разграничивать деяния, совершенные из корыстных побуждений или в иных личных целях. Во-вторых, можно дополнить ст. 63 УК РФ пунктом, где в качестве отягчающего обстоятельства указывается на совершение преступления «с использованием технологий подмены личности (цифровых двойников, «дипфейков», синтезированных биометрических данных)». Такое дополнение позволило бы судам учитывать повышенную общественную опасность деяний, совершенных под видом другого лица в цифровой среде, даже если соответствующий специальный состав пока не введен.

Дальнейшее развитие цифровых технологий будет усиливать значение цифровой идентичности как объекта социальных связей и благ. Вынесение ее на уровень самостоятельной ценности, нуждающейся в защите, не означает немедленного создания новых составов, но, так или иначе, требует от законодателя и правоприменителя системного взгляда, обеспечивающего баланс между эффективным противодействием и соблюдением фундаментальных принципов уголовного права.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 №6-ФКЗ, от 04.10.2022 №7-ФКЗ, от 04.10.2022 №8-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013 – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
2. Ефремова, М. А. Цифровая идентичность: проблемы уголовно-правовой охраны / М.А. Ефремова // Правопорядок: история, теория, практика. – 2025. – №3 (46).
3. Степанов, О. А., Степанов, М. М. Правовое регулирование генезиса цифровой личности / О.А. Степанов, М.М. Степанов // Правоприменение. – 2022. – №3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-genezisa-tsifrovoy-lichnosti – Режим доступа : ограниченный. – Текст : электронный.
4. Русскевич, Е. А. Цифровой профиль как предмет преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина: вопросы квалификации / Е.А. Русскевич // Аналитические материалы Союза криминалистов и криминологов. – 2021.
5. Пучков, В. О. Основные проблемы цифрового образа субъекта гражданского права в цивилистической доктрине и судебной практике / В. О. Пучков // Арбитражные споры. – 2020. – № 3(91). – С. 143-158.
6. Цифровое право : Учебник / А. Дюфло, Л. В. Андреева, В. В. Блажеев [и др.] ; Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2019. – 640 с.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон N 63-ФЗ от 13.06.1996 (ред. от 09.04.2026)
8. Трубеева, М. С. Соотношение понятий «кража личности» и мошенничество в сфере компьютерной информации / М.С. Трубеева // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 32.
9. Cavoukian A., Stoikopoulos A. Defining Identity Theft // 2007 International Conference on Privacy, Security and Trust. – 2007. – P. 1-3. – URL : https://ieeexplore.ieee.org/document/4285319 .
10. Алихаджиева, И. С. Перспективы установления уголовной ответственности за совершение преступлений с использованием технологий подмены личности (законопроект № 718538-8) / И.С. Алихаджиева // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 154-171.
11. Данилова, В. А., Левкин, Д. М. Правовые аспекты регулирования «deepfake» технологии в России / В.А. Данилова, Д.М. Левкин // Право и государство: теория и практика. – 2022. – №7 (211).
12. Болотаева, О. С. Правовая охрана средства индивидуализации физических лиц в условиях развития цифровых технологий / О.С. Болотаева // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: История. Политология. Право. – 2024. – № 3 (35). – С. 12-16.
13. Бунова, И. И. О научной концепции уголовно-правовой охраны личных прав человека в условиях трансформации / И.И. Бунова // Образование. Наука. Научные кадры. – 2025. – №4.
14. Джафарли В.Ф. Личность цифрового преступника: лекция / В.Ф. Джафарли // Юридический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. – Москва. – 2024.
15. Волков С.С. Уголовно-правовая характеристика экономических преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий / С.С. Волков // Полицейская и следственная деятельность. – 2026. – № 1.
16. Григорян, Г. Р. Мошенничество в сфере компьютерной информации в системе имущественных преступлений / Г. Р. Григорян // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : Материалы XV Международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 406-408.
17. В Ялте мошенники использовали дипфейк, чтобы выманить деньги у сотрудниц компании // Крымское

информационное агентство «КИА». – 2025. – 4 ноября.
18. Дипфейки: изменения в УК РФ / ООО «Интеллект-Про». – 2024. – 7 октября. – URL : https://www.intellectpro.ru/press/works/dipfeyki_izmeneniya_v_uk_rf/
19. Приговор Фрунзенского районного суда г. Владимира от 26 января 2024 г. по делу № 1-40/2024. – URL : https://sudact.ru/regular/doc/nnDVOPbpMhNJ/?ysclid=movsmod93s982992983
20. Алексеева, Т. С. Использование изображений человека для посягательств на конституционные права: уголовно-правовая оценка / Т.С. Алексеева // Пермский юридический альманах. – 2024. – № 7.
21. Судебная практика по статье 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации : подборка / СПС «КонсультантПлюс».
22. Законопроект № 1133088-8 «О внесении изменения в статью 272.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» / Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности // Гос. Дума Федер. Собр. Рос. Федерации. – Москва, 2026.
23. Ответственность для производителей дипфейков : депутаты предложили расширить ст. 272.1 УК РФ и добавить в нее ответственность за «автоматизированную обработку персональных данных» / ООО «Интеллект-Про». – 2026. – 29 января.
24. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» / СПС «КонсультантПлюс».

Skvortsova O.V., Babenko A.N. "Digital identity" as an object of criminal law protection // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 615-624.

At the moment, the development of society is taking place under the active influence of digitalization. This process directly determines the qualitative change in the ways of social interaction. It is also reflected in the commission of economic and other crimes. The active use of information and telecommunication networks, the introduction of biometric authentication systems, naturally led to the formation of new objects of criminal law protection. These include the "digital identity of a person", which is not provided for as an object by the current criminal law. Based on the analysis of theoretical approaches, foreign legislation and judicial practice, the current work identifies gaps in the current Criminal Code of the Russian Federation regarding the qualification of acts committed using the digital identity of third parties. The necessity of recognizing digital identity as an independent or additional object of criminal law protection is substantiated and a three-level model of such protection is formulated. The directions of legislative improvement are proposed, namely, the addition of Chapter 19 of the Criminal Code of the Russian Federation to a new chapter, or the introduction of amendments to Article 63 of the Criminal Code of the Russian Federation regarding the inclusion of another aggravating circumstance.

Keywords: digital identity, identity theft, deepfake, fraud, economic crimes, criminal liability.

Spisok literatury:

1. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniyem 12.12.1993. s uchetom popravok. vnesennykh federalnymi konstitutsionnymi zakonami ot 04.10.2022 № 5-FKZ. ot 04.10.2022 №6-FKZ. ot 04.10.2022 №7-FKZ. ot 04.10.2022 №8-FKZ // Ofitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii.
2. Efremova. M. A. Tsifrovaya identichnost: problemy ugolovno-pravovoy okhrany / M.A. Efremova // Pravoporyadok: istoriya. teoriya. praktika. – 2025. – №3 (46).
3. Stepanov. O. A. Stepanov. M. M. Pravovoye regulirovaniye genezisa tsifrovoy lichnosti / O.A. Stepanov. M.M. Stepanov // Pravoprimeneniye. – 2022. – №3.
4. Russkevich. E. A. Tsifrovoy profil kak predmet prestupleniy protiv konstitutsionnykh prav i svobod cheloveka i grazhdanina: voprosy kvalifikatsii / E.A. Russkevich // Analiticheskiye materialy Soyuza kriminalistov i kriminologov. – 2021.
5. Puchkov. V. O. Osnovnyye problemy tsifrovogo obraza subyekta grazhdanskogo prava v tsivilisticheskoy doktrine i sudebnoy praktike / V. O. Puchkov // Arbitrazhnyye spory. – 2020. – № 3(91). – S. 143-158. –.
6. Tsifrovoye pravo : Uchebnik / A. Dyuflo. L. V. Andreyeva. V. V. Blazheyev [i dr.] ; Moskovskiy gosudarstvennyy yuridicheskiy universitet imeni O. E. Kutafina (MGYuA). – Moskva : Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu "Prospekt". 2019. – 640 s.
7. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii : Federalnyy zakon N 63-FZ ot 13.06.1996 (red. ot 09.04.2026) // KonsultantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofits. sayt].
8. Trubeyeva. M. S. Sootnosheniye ponyatiy «krazha lichnosti» i moshennichestvo v sfere kompyuternoy informatsii / M.S. Trubeyeva // Voprosy rossiyskoy yustitsii. – 2024. – № 32.
9. Cavoukian A.. Stoikopoulos A. Defining Identity Theft // 2007 International Conference on Privacy. Security and Trust. – 2007. – P. 1-3.
10. Alikhadzhiyeva. I. S. Perspektivy ustanovleniya ugolovnoy otvetstvennosti za sovershеniye prestupleniy s ispolzovaniyem tekhnologiy podmeny lichnosti (zakonoproyekt № 718538-8) / I.S. Alikhadzhiyeva // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2025. T. 15. № 2. – S. 154-171.
11. Danilova. V. A.. Levkin. D. M. Pravovyye aspekty regulirovaniya «deepfake» tekhnologii v Rossii / V.A. Danilova. D.M. Levkin // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2022. – №7 (211).
12. Bolotayeva. O. S. Pravovaya okhrana sredstva individualizatsii fizicheskikh lits v usloviyakh razvitiya tsifrovykh tekhnologiy / O.S. Bolotayeva // Vestnik Severo-Vostochnogo federalnogo universiteta im. M.K. Ammosova.

Seriya: Istoriya. Politologiya. Pravo. – 2024. – № 3 (35). – S. 12-16.
13. Bunova. I. I. O nauchnoy kontseptsii ugolovno-pravovoy okhrany lichnykh prav cheloveka v usloviyakh transformatsii / I.I. Bunova // Obrazovaniye. Nauka. Nauchnyye kadry. – 2025. – №4.
14. Dzhafarli V.F. Lichnost tsifrovogo prestupnika: lektsiya / V.F. Dzhafarli // Yuridicheskiy fakultet MGU imeni M.V. Lomonosova. – Moskva. – 2024.
15. Volkov S.S. Ugolovno-pravovaya kharakteristika ekonomicheskikh prestupleniy. sovershayemykh s ispolzovaniyem tsifrovykh tekhnologiy / S.S. Volkov // Politseyskaya i sledstvennaya deyatelnost. – 2026. – № 1. –
16. Grigoryan. G. R. Moshennichestvo v sfere kompyuternoy informatsii v sisteme imushchestvennykh prestupleniy / G. R. Grigoryan // Ugolovnoye pravo: strategiya razvitiya v XXI veke : Materialy XV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. – 2018. – S. 406-408.
17. V Yalte moshenniki ispolzovali dipfeyk. chtoby vymanit dengi u sotrudnits kompanii // Krymskoye informatsionnoye agentstvo «KIA». – 2025. – 4 noyabrya.
18. Dipfeyki: izmeneniya v UK RF / OOO «Intellekt-Pro». – 2024. – 7 oktyabrya.
19. Prigovor Frunzenskogo rayonnogo suda g. Vladimira ot 26 yanvarya 2024 g. po delu № 1-40/2024.
20. Alekseyeva. T. S. Ispolzovaniye izobrazheniy cheloveka dlya posyagatelstv na konstitutsionnyye prava: ugolovno-pravovaya otsenka / T.S. Alekseyeva // Permskiy yuridicheskiy almanakh. – 2024. – № 7.
21. Sudebnaya praktika po statye 128.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii : podborka / SPS «KonsultantPlyus».
22. Zakonoproyekt № 1133088-8 «O vnesenii izmeneniya v statyu 272.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» / Avtomatizirovannaya sistema obespecheniya zakonodatelnoy deyatelnosti // Gos. Duma Feder. Sobr. Ros. Federatsii. – Moskva. 2026.
23. Otvetstvennost dlya proizvoditeley dipfeykov : deputaty predlozhili rasshirit st. 272.1 UK RF i dobavit v neye otvetstvennost za «avtomatizirovannuyu obrabotku personalnykh dannykh» / OOO «Intellekt-Pro». – 2026. – 29 yanvarya.
24. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 24.02.2005 № 3 (red. ot 09.12.2025) «O sudebnoy praktike po delam o zashchite chesti i dostoinstva grazhdan. a takzhe delovoy reputatsii grazhdan i yuridicheskikh lits» / SPS «KonsultantPlyus».
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 625- 629.

УДК 343.352+366.1

ПРОИЗВОДНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: КОНЦЕПЦИЯ ИНСТИТУТА РЕВИЗИИ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ

Чесебиева К. Ю.

Кубанский государственный университет

Статья посвящена проблеме классификации уголовно-правовых последствий и выделению в их структуре самостоятельной категории – производных последствий преступления. Обосновывается, что наряду с основными последствиями (наказание, судимость, иные меры уголовно-правового характера), прямо предусмотренными Уголовным кодексом Российской Федерации, существуют производные последствия, вытекающие из логики права и возникающие в связи с самим фактом совершения преступления, вне зависимости от реализации уголовной ответственности. На примере коррупционных преступлений доказывается необходимость признания в качестве такого производного последствия пересмотра всех юридически значимых решений, принятых должностным лицом, привлеченным к уголовной ответственности или освобожденным от нее по нереабилитирующим основаниям. В работе анализируются существующие правовые механизмы, выявляются их пробелы и предлагается имплементация нового правового института, направленного на повышение эффективности антикоррупционной политики.

Ключевые слова: уголовно-правовые последствия преступления, производные последствия, коррупционные преступления, пересмотр решений, должностное лицо, антикоррупционная политика, нереабилитирующие основания, конфискация.

Современная уголовно-правовая наука по-разному подходит к вопросу сути и содержания последствий преступления. Однозначно, что преступление, как и любое иное деяние, порождает последствия. То есть, преступление есть причина тех последствий, которые возникли в результате его совершения. При этом теория уголовного права выделяет общественно опасные последствия, которые связаны с негативным изменением объективной реальности и выражаются в причинении вреда (ущерба, урона, убытков) объекту уголовно-правовой охраны [1], [2, с. 20], [3], при этом преступление выступает юридически значимым фактом, которое порождает новые, ранее не существовавшие отношения, которые подчинены логике уголовного законодательства, суть которых выражается в однозначной реакции государства на преступление. То есть новые уголовно-правовые отношения являются последствием ранее совершенного преступления. При этом последствия преступления в виде вреда либо угрозы его наступления, являются исходной точкой для возникновения уголовно-правовых последствий, которые чаще всего являются негативными для лица его совершившего.

Характеристика уголовно-правовых последствий органично вытекает из вопросов уголовной ответственности и наказания, иных мер уголовно-правого воздействия и уголовно-правового регулирования, но при этом уголовно-правовые последствия преступления, как справедливо отмечает Ю.Е. Пудовочкин являясь одной из фундаментальных категорий современной теории уголовного права, остаются одной из слабо разработанных категорий. По его мнению, состояние научной разработанности данной проблемы характеризуется фрагментарностью, существенной пробельностью, несистемностью и непоследовательностью [4, с. 128], что как следствие в совокупности обедняет теорию уголовного права.

В уголовно-правовой литературе представлена публикация М.Н. Каплина, который сформулировал авторскую систему уголовно-правовых последствий преступления, закрепленных в УК РФ, по степени обобщения им предложены 1) общие последствия (группы мер: уголовная ответственность, наказание, иные меры, освобождение от уголовной ответственности и наказания, судимость); 2) специальные последствия (виды

мер: судебный штраф, конфискация имущества); 3) частные последствия (продление испытательного срока, отмена отсрочки) [5, с. 66].

Тезис о том, что все что порождено уголовно-правовыми отношениями, должно обладать уголовно-правовыми последствиями является не верным, так как деяние схожее с преступлением и квалифицированное, на первоначальном этапе, как преступление в последствии может быть признано малозначительным или общественно полезным, исключающим преступность деяния (необходимая оборона или крайняя необходимость). Но при этом сохранение общественной опасности деяния и применение различных иных уголовно-правовых мер, не связанных с наказанием, априори порождает уголовно-правовые последствия преступления.

На основании вышеизложенного полагаем, что уголовно-правовые последствия преступления могут быть классифицированы на основные – те, которые прямо предусмотрены УК РФ в качестве реакции государства на преступление (наказание, судимость, иные меры уголовно-правового характера), и производные – те, которые вытекают из логики права и обусловлены самим фактом совершения уголовно наказуемого деяния, вне зависимости от реализации уголовной ответственности.

Одним из примеров производного последствия преступления может служить ситуация, когда совершение несовершеннолетним преступления исключает привлечение его к уголовной ответственности в силу недостижения возраста, но при этом выступает основанием возникновения новых правовых отношений, связанных с привлечением родителей или иных законных представителей несовершеннолетнего к ответственности, в том числе уголовной. Указанный правовой эффект не является прямым следствием наказания, предусмотренного УК РФ, но с неизбежностью порождается фактом совершения уголовно наказуемого деяния.

Вопрос уголовно-правовых последствий коррупционных преступлений теорией уголовного права не рассматривался, однако данная проблема в контексте противодействия коррупционным преступлениям приобретает особую актуальность. Коррупция, будучи системным явлением, поражающим основы публичной власти, порождает не только непосредственный вред в виде незаконного обогащения должностных лиц, но и глубокие деформации всего правового пространства, в котором принимаются юридически значимые решения. В этой связи возникает закономерный вопрос: какова судьба тех решений, которые были приняты должностным лицом, впоследствии признанным коррупционером?

Коррупционные преступления обладают существенной спецификой, обусловленной особым статусом специального субъекта преступления – должностного лица, наделенного властными, организационно-распорядительными или административно-хозяйственными функциями (примечания к ст. 285 и ст. 318 УК РФ). Принимаемые таким лицом решения имеют публично-правовое значение и влекут юридические последствия для неопределенного круга лиц.

Действующее законодательство предусматривает как основные, так и производные последствия коррупционных преступлений. К основным можно отнести наказания, которые применяются к виновным лицам, а также конфискацию имущества, полученного преступным путем (ст. 104^1 УК РФ) [6, с. 122, 237], судебный штраф (ст. 76^2 УК РФ), к производным следует относить увольнение (освобождение от должности) лиц, замещающих государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ, муниципальные должности, в связи с утратой доверия (ст. 13^1 Федерального закона «О противодействии коррупции»), внесение в реестр лиц, уволенных в связи с утратой доверия (ст. 15 Федерального закона «О противодействии коррупции»). Однако указанные меры не решают проблему того, что юридически значимые решения, принятые коррумпированным должностным лицом, сохраняют свою силу, продолжая деформи-

ровать общественные отношения.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует, что автоматической отмены решений принятых должностным лицом органов публичной власти или судебных актов в связи с привлечением должностного лица к уголовной ответственности за коррупционные преступления не существует. Правовой механизм ревизии (аудита) потенциально коррупционных решений предусмотрен только в отношении судебных решений по новым или вновь открывшимся обстоятельствам (ст. 413 УПК РФ, ст. 392 ГПК РФ, ст. 311 АПК РФ), однако его применение крайне затруднительно. Должно быть доказано, что коррупционные действия судьи противоправно повлияли на конкретное судебное решение. Если судья получал взятку «за общее покровительство» без привязки к конкретному делу, пересмотр может оказаться невозможным. Таким образом, существующий механизм не обеспечивает полноценной ревизии общественных отношений от последствий коррупционных деяний.

Представляется, что производным уголовно-правовым последствием коррупционных преступлений должна стать ревизия (аудит), а в случае подтверждения отмена (пересмотр) всех юридически значимых решений, которые принимались должностным лицом с использованием властных полномочий, организационно-распорядительных и/или административно-хозяйственных функций, при условии если оно привлечено к уголовной ответственности либо в отношении него принято решение о прекращении уголовного преследования по не реабилитирующим основаниям. В качестве примера можно привести ситуацию с судьей, привлеченным к уголовной ответственности за коррупционное преступление. Все принятые им решения должны быть пересмотрены на предмет их законности, и в случае признания их таковыми они должны быть отменены как незаконно принятые. При этом важно подчеркнуть, что речь идет не об автоматической отмене всех решений, а о процедуре проверки их законности, инициируемой в связи с установлением факта коррупционного поведения должностного лица.

Отметим, что идея автоматического пересмотра коррупционно заангажированных судебных решений поддавалась обоснованной критике со стороны представителей адвокатского сообщества, так например А. Якимович отмечает, что дезавуировать все решения судьи, который был пойман за руку или к нему были применены инструменты так называемого антикоррупционного законодательства – это идея примитивная, и потому она является большой ошибкой, так как судебное решение проходит много уровневую проверку в вышестоящих инстанциях, далее адвокат указывает, что если есть вопросы к судебному решению, то его нужно обжаловать [6]. Соглашаясь с этой мыслью, отметим, что фактически следует информировать лиц, участвовавших в деле о факте привлечения судьи к уголовной ответственности за коррупционное преступление и пускай они сами решают обжаловать ли по вновь открывшимся обстоятельствам результаты ранее принятого решения по делу или нет, отмечается что бремя доказывания связи между обвинением судьи и неправосудностью конкретного приговора лежит на стороне, инициирующей пересмотр [7]. Кроме того, вопрос о пересмотре решений потенциально коррупционно заангажированных судебных решений может быть инициирован по представлению прокуратуры. Представление прокуратуры о пересмотре дела должны основываться на материалах проведенной прокурорской проверки, в результате которой будет выявлены коррупционные признаки, на основании которых судья принимал противозаконные решения.

Имплементация такого правового механизма будет способствовать достижению нескольких целей: снижению коррупционных издержек и рисков, поскольку потенциальные коррупционеры будут осознавать, что принятые ими решения могут быть отменены; повышению эффективности мер, направленных на борьбу с коррупцией, за счет комплексного воздействия на последствия коррупционных деяний; обеспечению по-

следовательности и наступательности реализации уголовно-правовой политики в сфере борьбы с коррупцией; системному и содержательному дополнению существующего механизма конфискации имущества, поскольку наряду с изъятием незаконно полученных материальных благ будет происходить и устранение нематериальных последствий коррупции в виде незаконных правовых актов.

С учетом вышеизложенного представляется необходимым.

Дополнить отечественное процессуальное (процедурное) законодательство положениями, предусматривающими возможность пересмотра (ревизии, аудита) юридически значимых решений, принятых должностным лицом, в отношении которого вступил в законную силу обвинительный приговор за коррупционное преступление либо вынесено постановление (определение) о прекращении уголовного дела по не реабилитирующему основанию. Предусмотреть особый процессуальный (процедурный) порядок инициирования такого пересмотра, наделив соответствующими полномочиями прокурора, а также лиц, чьи права и законные интересы были затронуты соответствующими решениями.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости выделения в теории уголовного права самостоятельной категории производных уголовно-правовых последствий, которые возникают в связи с фактом совершения преступления и вытекают из логики права. Применительно к коррупционным преступлениям таким производным последствием должна стать отмена (пересмотр) юридически значимых решений, принятых коррумпированным должностным лицом.

Имплементация предложенного правового механизма позволит не только устранить негативные последствия коррупционных деяний в правовой сфере, но и окажет существенное превентивное воздействие, повысив риски коррупционного поведения. Данный механизм органично дополнит существующие меры противодействия коррупции, включая конфискацию имущества, и будет способствовать формированию целостной и последовательной антикоррупционной политики государства.

Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на детальную разработку процессуального порядка реализации предлагаемого механизма, определение критериев и пределов ревизии (аудита, пересмотра) решений, а также на изучение зарубежного опыта в данной сфере.

Список литературы:

1. Бабаев М.М., Квашис В Е. Социальные последствия преступности: методологические и прикладные проблемы // Научный портал МВД России. – 2010. – № 1.
2. Кузнецова,Н.Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. – Москва: Госюриздат, 1958. – 219 с.
3. Мальцев В.В. Последствия преступления в уголовном праве // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2010. – № 2 (13).
4. Пудовочкин Ю.Е. Понятия и система уголовно-правовых последствий совершения преступления // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2021. – № 1 (89). – С. 126–136.
5. Каплин М.Н. Виды уголовно-правовых последствий преступления // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). – 2019. – № 8. – С. 62–71.
6. Никонов П. В. Теоретические основы уголовно-правового противодействия преступлениям, связанным с дачей и получением взятки и иными видами незаконного вознаграждения : дис. … д-ра юрид. наук : 5.1.4. – М., 2024. – 568 с.
7. Якимович А. Не надо пытаться рушить имеющуюся правовую систему. – URL:https://www.kommersant.ru/doc/8293726 (дата обращения: 22.04.2026).
8. Вахромов И. Коррупция в храме правосудия: что делать с приговорами, когда судью обвиняют во взяточничестве? – URL: // https://staging.zakon.ru/blog/2025/12/30/korrupciya_v_hrame_pravosudiya_chto_delat_s_prigovorami_kogda_sudyu_obvinyayut_vo_vzyatochnichestve (дата обращения: 12.04.2026).

Chesebieva Ks. Yu. Derivative criminal-legal consequences of corruption crimes: the concept of the institute for reviewing legally significant decisions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university.

Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 625-629.
The article is devoted to the problem of classifying criminal-legal consequences and distinguishing an independent category within their structure — derivative consequences of a crime. The author substantiates that along with the main consequences (punishment, criminal record, other measures of a criminal-legal nature) directly provided for by the Criminal Code, there are derivative consequences arising from the logic of law and emerging in connection with the very fact of committing a crime, regardless of the implementation of criminal liability. Using the example of corruption crimes, the necessity of recognizing the review of all legally significant decisions made by an official brought to criminal liability or released on non-rehabilitating grounds as such a derivative consequence is proven. The paper analyzes existing legal mechanisms, identifies their gaps, and proposes the implementation of a new legal institution aimed at increasing the effectiveness of anti-corruption policy.

Keywords: criminal-legal consequences, derivative consequences, corruption crimes, review of decisions, official, anti-corruption policy, non-rehabilitating grounds, confiscation.

Spisok literatury:

1. Babaev M.M., Kvashis V E. Social`ny`e posledstviya prestupnosti: metodologicheskie i prikladny`e problemy` // Nauchny`j portal MVD Rossii. – 2010. – № 1.
2. Kuzneczova,N.F. Znachenie prestupny`x posledstvij dlya ugolovnoj otvetstvennosti. – Moskva: Gosyurizdat, 1958. – 219 s.
3. Mal`cev V.V. Posledstviya prestupleniya v ugolovnom prave // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. – 2010. – № 2 (13).
4. Pudovochkin Yu.E. Ponyatiya i sistema ugolovno-pravovy`x posledstvij sovershheniya prestupleniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 1 (89). – S. 126–136.
5. Kaplin M.N. Vidy` ugolovno-pravovy`x posledstvij prestupleniya // Aktual`ny`e problemy` ugolovnogo prava na sovremennom e`tape (voprosy` differenciacii otvetstvennosti i zakonodatel`noj texniki). – 2019. – № 8. – S. 62–71.
6. Nikonov P. V. Theoretical Foundations of Criminal-Law Counteraction to Crimes Related to Giving and Receiving Bribes and Other Types of Illegal Remuneration: dis. … Doctor of Law: 5.1.4. – M., 2024. – 568 p.
7 Yakimovich A. Ne nado py`tat`sya rushit` imeyushhuyusya pravovuyu sistemu. – URL:https://www.kommersant.ru/doc/8293726 (data obrashheniya: 22.04.2026).
8. Vaxromov I. Korrupciya v xrame pravosudiya: chto delat` s prigovorami, kogda sud`yu obvinyayut vo vzyatochnichestve? – URL: // https://staging.zakon.ru/blog/2025/12/30/korrupciya_v_hrame_pravosudiya_chto_delat_s_prigovorami_kogda_sudyu_obvinyayut_vo_vzyatochnichestve (data obrashheniya: 12.04.2026).

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 630-643.

УДК 343.14

ПРОКУРОР НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА В СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОМ ИЗМЕРЕНИИ ОПЫТА РОССИИ И КИТАЯ

Юрченко Л. В., Кошман В. А.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

В статье рассматривается проблема положения прокурора в уголовном процессе в разрезе его полномочий в отношении возбуждения уголовного дела. Описываются исторические тенденции изменения российского законодательства полномочий прокурора на стадии возбуждения уголовного дела. Подчеркивается неоднозначность реформы 2007 г., которая поменяла модель участия прокурора. Указывается на большое количество разногласий среди взглядов отечественных ученых на необходимость возврата полномочий прокурора по возбуждению уголовного дела. Анализ прокурорских полномочий в рамках китайской законодательной модели выявляет недостатки, аналогичные тем, которые были присущи в советской модели сталинского периода. Автором демонстрируется, что эта проблема решается на уровне ведомственных приказов, которые, однако, вносят еще больше разлада. Основная суть проблемы – в отсутствии отлаженного взаимодействия между китайскими органами общественной безопасности и прокуратурой, чрезмерно широкий уровень усмотрения для органов предварительного следствия. Показаны пути решения проблем на уровне внесения изменений в законодательные акты.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, полномочия прокурора, уголовный процесс КНР, органы общественной безопасности, статус прокурора.

На современном этапе развития уголовно-процессуального законодательства встает вопрос о месте прокурора в рамках уголовного судопроизводства. В связи с этим исследовательский интерес проведение сравнительного анализа не просто действующего законодательства, что неоднократно совершалось другими исследователями, а тех вопросов, с которыми сталкиваются практические работники в связи с реализацией поставленных действующим законодательством задач. Поэтому в данной статье используется проблемно-ориентированный подход, который позволяет отойти от ограничений формально-юридического анализа. Для этого нами был проведен анализ конкретного вопроса – какие проблемы возникают при осуществлении прокурором своих полномочий на этапе возбуждения уголовного дела? Основной упор нами сделан не на казуистическо-описательный подход, а рассмотрение данной проблемы с точки зрения соответствия задач прокурора на данной стадии уголовного судопроизводства общей его роли на этапе досудебного следствия. Центральный вопрос исследования – достаточно ли прокурору полномочий, предоставляемых законодательством, не используются ли дополнительные правовые механизмы для компенсации недочетов регулирования на уровне действующего уголовно-процессуального законодательства

Задача стадии возбуждения уголовного дела как «фильтра» различных форм получения сведений о преступлении, проверки изложенных в них фактов, ставит перед прокурором нетривиальную задачу определить недостатки «доследственной» проверки, проверить правильность квалификации на основании доступных сведений и определить есть ли основания для инициирования уголовного преследования. Изучение проблемных моментов на этом этапе в других странах представляет научный и практический интерес в сопоставлении их с таковыми в российской практике. В этом свете сравнение с КНР представляет особый интерес, так как модель их судопроизводства во многом была заимствована из СССР. Хотя в 1950-70-е года она фактически не действовала, и становление современного китайского права следует рассматривать с конца 1970-х гг., тем не менее, соответствующая роль прокуратуры как надзорного органа сохраняется и сегодня.

Стадия возбуждения уголовного дела образует первый и принципиальный этап уго-

ловного судопроизводства, на котором ещё до начала собственно расследования определяется сама возможность вовлечения лица в орбиту уголовно-процессуальных отношений. Здесь решается, будут ли в дальнейшем задействованы средства уголовного преследования, сохранит ли заявитель статус действующего лица процесса или его сообщение о преступлении не получит процессуального движения. Прокурор как орган, обеспечивающий законность на досудебных стадиях, выходит на эту начальную позицию ещё до того, как материал поступает в прокуратуру в установленном порядке. Его активность приобретает характер сквозного контроля и определяет уровень защиты прав участников будущего процесса. Сопоставительный взгляд на российский и китайский опыт открывает пласт проблем, общих для обеих юрисдикций, и одновременно показывает, насколько различными могут быть подходы законодателя при кажущемся внешнем сходстве моделей.

Выбор законодательства Китая основан на сходстве законодательных систем, так как до 1956 г. им осуществлялась активная рецепция советского уголовного и уголовно-процессуального права. При этом Китай сохранил многие основы социалистического права, которые кристаллизованы в идее социалистического государства с рыночной экономикой. Россия пошла по пути более радикальных реформ, связанных с построением демократического правового государства, – формировании прокуратуры как государственного органа, который не входит не в одну из ветвей власти [1], что, в частности, выразилось в уменьшении роли прокуратуры в осуществлении надзора на досудебном производстве, выделении из нее следствия в самостоятельный федеральный орган власти. Несмотря на длительный период фактического недействия процессуальных норм в Китае в 1950–1970-е годы и последующее обособленное развитие национального права с конца 1970-х годов, базовая роль прокуратуры как самостоятельного надзорного органа в обеих странах сохранилась. Именно это обстоятельство и делает корректным сравнение современного состояния. Оба правопорядка решают сходные задачи и опираются на близкую институциональную традицию, но используют разные регулятивные инструменты, и потому различия отчётливо проявляются как раз там, где исходные посылки совпадают.

В нашей статье мы ставим целью раскрыть проблемные аспекты деятельности прокурора в КНР и России на стадии возбуждения уголовного дела и ее составляющей – «доследственной» проверки. Из-за того, что на данный момент изучение уголовного процесса КНР в России находится на начальном этапе своего становления, в исследованиях преобладает формальный подход, который заключается в простом переводе положений действующего китайского законодательства без должного анализа научных публикаций китайских исследователей по соответствующим вопросам. Заполнение данного пробела является также одной из целей данной статьи, а также определяет ее актуальность.

Применительно к отечественной науке непрерывная актуальность темы поддерживается многократными изменениями уголовно-процессуального закона [19, с. 6]. На сегодняшний день прокурор лишён права самостоятельно возбуждать уголовное дело, а отсутствие необходимой правовой базы, обеспечивающей законность на первоначальном этапе уголовного процесса, поддерживает устойчивую дискуссию среди учёных и практиков. Часть исследователей последовательно выступает за наделение прокурора теми полномочиями, которыми он обладал до июня 2007 г. [20, с. 64]. Иную позицию занимает А. М. Багмет, по результатам анализа реформы предварительного следствия делающий вывод о том, что возвращение прокурору права на возбуждение уголовных дел фактически свело бы на нет всю проводимую последние годы реформу [21, с. 20]. За этим теоретическим спором стоит вопрос куда более прикладного свойства – способна ли действующая редакция статьи 37 УПК РФ обеспечить надёжный фильтр со-

общений о преступлении.

Историческая ретроспектива показывает, что отечественный законодатель достаточно долго искал баланс между активной обвинительной ролью прокурора и его надзорной функцией. УПК РСФСР 1922 г. [7] наделял прокурора широкими полномочиями: «правом возбуждать уголовное преследование перед следственными и судебными органами по всем преступлениям (ст. 9), отказывать в производстве дознания или предварительного следствия при отсутствии признаков преступления (ст. 100)». Полномочия прокурора в нормах УПК РСФСР 1922 г. конкретизировались не столько самим текстом кодекса, сколько правоприменительной практикой, что для первого советского уголовно-процессуального закона представляло собой характерную особенность. УПК РСФСР 1923 г. добавил возможность отказа в возбуждении уголовного преследования по мотивам малозначительности и нецелесообразности – впервые в уголовно-процессуальном законе появился элемент прокурорского усмотрения как самостоятельная категория [8].

Кодекс 1960 г. легализовал термин «отказ в возбуждении уголовного дела» (ст. 113), и это стало немаловажным шагом для советского уголовного процесса [9]. Прокурор согласно ст. 3 УПК РСФСР был обязан в пределах своей компетенции возбуждать уголовное дело, а по ряду дел он мог инициировать расследование даже при отсутствии жалобы потерпевшего (ст. 5, ст. 27 УПК РСФСР). Роль прокурора на стадии возбуждения уголовного дела состояла прежде всего в осуществлении надзора за деятельностью органов предварительного расследования по рассмотрению поступивших сообщений с целью выяснения наличия или отсутствия правовых предпосылок для возбуждения уголовного дела. Закон СССР «О прокуратуре СССР» 1979 г., систематизировал совокупность надзорных полномочий, накопленных к тому времени, и стал первой законодательной попыткой свести разрозненные нормы в целостную модель. По замечанию Э. Р. Исламовой, «нормы УПК РСФСР 1960 г., регламентировавшие полномочия прокурора в стадии возбуждения уголовного дела, оставались несовершенными, а ст. 116 не охватывала всей полноты надзорной деятельности» [22]. Анализ источников и научных трудов показывает, что в период советской власти прокурор стал основным органом уголовного преследования и не должен был перекладывать обязанность по возбуждению уголовного дела на следователя, продолжая при этом осуществлять прокурорский надзор. Однако в текстах самих уголовно-процессуальных законов полномочия прокурора оставались не до конца конкретизированными и вырабатывались правоприменительной практикой, что в условиях позднесоветского периода создавало риск институциональной зависимости от ведомственных интерпретаций.

Принятый в 2001 г. УПК РФ оказался кульминацией постсоветской реформы досудебных стадий и зафиксировал максимальную полноту полномочий прокурора в стадии возбуждения уголовного дела за всю последующую историю [2]. Прокурор был уполномочен самостоятельно возбуждать уголовное дело публичного обвинения, давать согласие на возбуждение уголовных дел любой категории следователю и дознавателю, а в ряде случаев по делам частного и частно-публичного обвинения мог инициировать преследование даже при отсутствии заявления потерпевшего. Надзорная функция прокурора заключалась в праве проверять исполнение закона при приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении правоохранительными органами. Эта конструкция воспроизводила советскую логику самостоятельной обвинительной активности прокурора, дополненную процедурными гарантиями состязательности. Принятие ФЗ от 5.06.2007 г. № 87-ФЗ радикально изменило процессуальный статус прокурора [5]. Была ликвидирована процедура согласования возбуждения уголовного дела, прокурор лишился права самостоятельно возбуждать уголовное дело и был отстранён от руководства расследованием. За ним сохранилось право проверки исполнения закона при

приёме, регистрации и разрешении сообщений о преступлении и право направлять в компетентные органы материалы о выявленных нарушениях для решения вопроса об уголовном преследовании. Оставшиеся полномочия значительно снизили активность прокурора и ограничили возможность реализации возложенной на него функции уголовного преследования, превратив надзор скорее в реактивную, чем в инициативную деятельность.

При рассмотрении пореформенной роли прокурора видно, что ряд его полномочий отошли руководителю следственного органа. Цель законодателя в создании независимого следствия предопределило такие изменения. Тем не менее, некоторые ошибки возникли вскоре. Определённый дисбаланс попытался скорректировать Федеральный закон от 2812.2010 г. № 404-ФЗ, дополнивший ч. 2 ст. 37 УПК РФ п. 5.1 [6]. Прокурор получил право истребовать и проверять законность и обоснованность решений следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела. В случае несогласия он выносит мотивированное постановление об отмене незаконного процессуального решения и в течение пяти суток возвращает материал для проведения дополнительной проверки в порядке ч. 6 ст. 148 УПК РФ. Таким образом, признание необходимости контроля за возбуждением уголовного дела, отказом в нем со стороны органов предварительного следствия показала невозможность осуществления прокурором своих задач без соответствующих полномочий. Тем не менее, само право возбуждать уголовное дело прокурору так и не возвращено ни ФЗ от 28.12.2010 г., ни последующими изменениями уголовно-процессуального закона, что и составляет нерв научной дискуссии последних полутора десятилетий.

Масштаб надзорной нагрузки на стадии возбуждения уголовного дела хорошо иллюстрируется официальной статистикой. Так, например, по данным Генеральной прокуратуры РФ, ежегодное количество материалов, по которым выносятся постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, исчисляется миллионами – только в 2017 г. таких материалов было около 6,3 млн, при этом прокурорами было отменено 2 381 432 постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [17]. Эти показатели свидетельствуют о системном характере соответствующих нарушений и о том, что предусмотренные ст. 37 УПК РФ инструменты, по существу, остаются основным каналом восстановления прав заявителей и потерпевших на данном этапе. Численные параметры надзорной активности здесь не вспомогательный фон, а центральный аргумент, обосновывающий саму постановку вопроса о достаточности прокурорского инструментария.

Сторонники возвращения прокурору права возбуждать уголовное дело опираются на устойчивую традицию отечественного процессуального права. А. В. Чубыкин аргументированно доказывает, что «лишение прокурора этого права не соответствует традиционному представлению о его роли в уголовном процессе и оставляет его без эффективного средства реагирования при выявлении нарушений закона» [23]. Восстановление полномочия в указанных случаях, по его обоснованному мнению, «является именно тем средством, которое способно вернуть прокурорскому надзору необходимую действенность. Логика рассуждения здесь не сводится к ссылке на исторический образец. Речь идёт о том, что без права на инициирование уголовного преследования прокурор вынужден полагаться на готовность следственного органа исправить выявленное нарушение, а это ставит надзор в положение зависимости от тех, чью деятельность он призван контролировать». В близком ключе высказывается В. И. Толмосов, исходящий из того, что «возвращение прокурору права возбуждать уголовные дела – насущная практическая потребность современного этапа развития нашего государства, без законодательного удовлетворения которой наши пожелания не выйдут за рамки

благих намерений» [24, с. 125].

Самую развёрнутую теоретическую защиту полномочий прокурора предложил С. А. Шейфер [25]. Он рекомендует оценивать «роль прокурора в современном досудебном производстве не на основе ведомственных показателей работы поднадзорных следственных органов и не на основе очередных, не всегда взвешенных, изменений УПК, а на наиболее фундаментальной основе – функции, осуществляемой прокурором в состязательном уголовном процессе. Этой функцией является обвинение, а само уголовное преследование определяется как обнаружение преступлений и преследование виновных. Прокурор выступает носителем обвинительной власти, и потому при наличии оснований он должен иметь возможность как возбудить уголовное преследование, так и отказаться от него». В подобной постановке вопроса полномочия прокурора на стадии возбуждения уголовного дела выходят за рамки технической нормы УПК и превращаются в индикатор степени состязательности всего уголовного судопроизводства.

Иная линия аргументации представлена авторами, расценивающими сужение полномочий прокурора как закономерный итог реформы предварительного следствия. О. Н. Шекшуева приходит к выводу о достаточности имеющихся у прокурора полномочий для эффективного достижения назначения уголовного судопроизводства – ключевая проблема, по её мнению, состоит не в объёме прав, а в их недоиспользовании [26, с. 151]. И. С. Дикарев рассматривает «лишение прокурора права возбуждать уголовное дело как логическое продолжение судебной реформы, повлекшее постепенное, но твёрдое устранение прокурора от выполнения обязанностей, связанных с осуществлением уголовного преследования на досудебных стадиях» [27, с. 28]. Линию о достаточности существующего инструментария проводил и бывший Генеральный прокурор РФ, отмечавший, что инструментарий Генеральной прокуратуры остаточен, а различия позиций ведомств урегулированы законом [28].

Мы придерживаемся мнения тех авторов, кто указывает на традиционные полномочия прокурора, исходя из принципа состязательности, по реализации функций уголовного преследования и прокурорского надзора на первой стадии уголовного процесса, в частности права прокурора на возбуждение уголовного дела (уголовного преследования). Законодатель наделил прокурора полномочиями по возбуждению производства по административным правонарушениям (ст. 1 ФЗ "О прокуратуре Российской Федерации" от 17.01.1992 N 2202-1, ч. 1 ст. 28) [4], что никоим образом не умаляет самостоятельности субъектов, уполномоченных осуществлять административное преследование, проводить соответствующие действия дальнейшему производству по административным правонарушениям. Особенность производства по административным правонарушениям и уголовного судопроизводства, отличающих их от иных видов судопроизводств (например, гражданского, административного и др.), состоит в принципе презумпции невиновности (ст. 1.5 КоАП РФ [3], ст. 14 УПК РФ [2]), возлагающего обязанность в доказывании вины на соответствующие органы и должностные лица. Поэтому полагаем, необходимым вернуть полномочия прокурора по возбуждению уголовного дела как субъекту, осуществляющему уголовное преследование. Что ни в коем случае не затронет процессуальную самостоятельность и независимость органов предварительного следствия.

Правовая основа надзора за органами предварительного расследования формируется Конституцией РФ [1], УПК РФ и ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации». Организация надзора за досудебным производством конкретизируется приказами Генерального прокурора РФ, в частности от 5.09.2011 г. № 277, от 27.11.2007 г. № 189, от 1.11.2011 г. № 373, от 3.06.2013 г. № 262, от 30.01.2013 г. № 45, от 26.01.2017 г. № 33. Эти акты задают организационно-методическую рамку, в пределах которой прокурор реализует свои процессуальные полномочия. Полномочия прокурора на досудебных стадиях за-

креплены прежде всего в частях 2 и 2.1 ст. 37 УПК РФ и охватывают надзор за возбуждением уголовного дела, производством следственных действий, применением мер процессуального принуждения, рассмотрением отводов, ходатайств и жалоб, международным сотрудничеством в сфере уголовного судопроизводства, принятием процессуальных решений о приостановлении и прекращении уголовных дел [2].

При выявлении нарушений прокурор применяет различные меры процессуального реагирования. Он отменяет незаконные или необоснованные постановления о возбуждении уголовного дела в течение 24 ч. с момента получения материалов, на основании которых было принято процессуальное решение. Возвращение уголовного дела следователю осуществляется при установлении обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела судом, отсутствии достаточных доказательств виновности обвиняемого, неправильной квалификации содеянного или неполноте проведённого предварительного расследования. Доказательства, полученные с нарушением норм уголовно-процессуального законодательства, признаются недопустимыми и исключаются из обвинительного заключения. При установлении достаточных данных, указывающих на признаки преступления в действиях должностных лиц, прокурор направляет материалы в следственные органы. Требования прокурора, направляемые руководителю следственного органа, обязательны для исполнения и нацелены на отмену незаконного процессуального решения и устранение конкретных нарушений. Представление вносится при выявлении нарушений системного, общего характера и содержит предложения по устранению нарушений, причин и условий, способствовавших их появлению, а равно по привлечению виновных лиц к ответственности.

Если оставаться в логике УПК РФ, центр тяжести надзорных полномочий прокурора по-прежнему лежит в реактивной области. Сопоставление с китайской моделью обнажает иной набор проблем при поверхностной похожести оснований и помогает увидеть институциональные пределы того, что может дать само по себе ужесточение или смягчение полномочий прокурора в рамках одного национального правопорядка. В КНР возбуждение уголовного дела отнесено не к компетенции отдельного следователя, а к компетенции начальника органа общественной безопасности уровня района и выше, и такое решение закреплено ст. 178 Положения о порядке производства по уголовным делам органами общественной безопасности от 14.05.1998 г. [12]. Прокуратуре ст. 113 УПК КНР предоставлено право обязать орган общественной безопасности отменить решение об отказе в возбуждении уголовного дела [10]. Этим формальное законодательное полномочие, по существу, и исчерпывается. Ситуацию усугубляет отсутствие четких и единых стандартов осуществления надзора за незаконным возбуждением уголовного дела [30, с.7]. Целый пласт работы, связанный с незаконным или необоснованным возбуждением, остаётся за рамками УПК КНР и регулируется межведомственными актами, что ставит прокуратуру в положение, при котором её надзорная активность одновременно гарантирована Конституцией страны и фрагментирована в подзаконных источниках.

Ст. 559 Правил уголовного преследования, осуществляемого органами прокуратуры КНР, обязывает прокурора инициативно проверять законность возбуждения уголовного дела в случаях, когда оно ещё не поступило в прокуратуру в рамках иных процедур и одновременно имеет место вмешательство в гражданские или экономические споры, использование уголовного преследования в качестве средства мести либо получения иных незаконных выгод. Ст. 564 этих же Правил устанавливает форму реагирования на невыполнение требования прокуратуры органами общественной безопасности после получения соответствующего уведомления, а также вводит трёхмесячный срок, по истечении которого прокуратура вправе требовать предоставления информации о ходе дела. Это означает, что прокуратура в КНР как субъект уголовного процесса не наделе-

на собственно уголовно-процессуальными полномочиями, достаточными для решения поставленных перед ней задач, и работает преимущественно через инструменты прокурорского реагирования, предусмотренные законом о Народной прокуратуре [13].

Совместный приказ Высшей народной прокуратуры КНР и Министерства общественной безопасности от 1.10.2010 г. относит окончательное решение об отмене постановлений органа общественной безопасности исключительно к компетенции вышестоящих, а не низовых прокуратур (ст. 9) [14]. Сроки рассмотрения жалоб в самом органе общественной безопасности составляют 30 дней, а при повторном обращении в вышестоящий орган ещё 30 дней. Прокуратура обязана рассмотреть обращение в течение 7 дней. На уровне правоприменительной практики это объективно делает прокурорский путь более привлекательным для заявителя, но одновременно ослабляет реактивность всей надзорной модели, поскольку наиболее весомое решение принимается не там, куда обратился заявитель, а на ступень выше, при существенной задержке во времени. Ключевые надзорные полномочия прокурора в КНР укоренены не в УПК, а в подзаконных и межведомственных актах, что в целом характерно для законодательной техники этой страны. Подобная конструкция входит в противоречие с конституционным принципом социалистической законности и одновременно отражает специфическую правовую идеологию, рассматривающую закон как абстрактную и заведомо несовершенную норму, неспособную охватить динамику реальных общественных отношений. Закон в этой парадигме выполняет роль рамочного ориентира, а полнота регулирования смещается на уровень ведомственных актов и конкретных управленческих решений. На уровне правовой философии — это позиция, родственная социологическому подходу к правопониманию, и она формирует характерную тенденцию китайского права – стремление к чрезмерной детализации именно на подзаконном уровне.

«Правила Верховной народной прокуратуры и Министерства общественной безопасности о стандартах возбуждения и уголовного преследования по уголовным делам, подследственным органам общественной безопасности» от 25.06.2008 г. № 36 [15] содержат конкретные перечни доказательств и признаков по отдельным составам, фактически опускаясь до уровня инструкций для низовых сотрудников и устанавливая правила, отсутствующие в УК и УПК КНР. Этой же логике следует распространение методов больших данных и искусственного интеллекта в работе органов уголовного преследования – попытка преодолеть правовую неопределённость на уровне закона технологическими и стандартизирующими средствами. Возникает парадоксальный эффект, при котором чем более абстрактно сформулирована норма УПК, тем более развёрнутым становится её ведомственное сопровождение, и тем менее устойчивым оказывается обязательное единство правоприменительной практики, ради которого она формально вводилась.

Иллюстрацией подобной регулятивной разрозненности служит ситуация, сложившаяся после вступления в силу в 2018 г. нового закона КНР о деятельности надзорных органов [11]. Возникла новая категория процессуальных дел, прежде всего по должностным преступлениям, расследуемым вне общего уголовно-процессуального порядка. После окончания надзорного производства материалы передаются в прокуратуру, которая решает вопрос об инициировании уголовного преследования. Однозначного ответа на вопрос, обязательно ли при этом отдельное возбуждение уголовного дела, дано не было. Прокуратуры Пекина и Чжэцзяна сочли возбуждение обязательной стадией уголовного судопроизводства, тогда как ряд других региональных прокуратур заняли противоположную позицию. Подобная разноголосица недопустима применительно к стадии, открывающей уголовное преследование, и она прямо иллюстрирует риски, заложенные в самой модели регулирования через межведомственные акты при пробельности базового кодекса.

Масштаб правоприменительной нагрузки в КНР ниже российского. По данным Высшей народной прокуратуры КНР [18], в 2023 г. органы прокуратуры осуществили надзор за возбуждением и прекращением уголовных дел по 145 тыс. материалов, из которых 139 тыс. дел были возбуждены либо прекращены после вмешательства прокуратуры. Одновременно по нарушениям при производстве следственных действий было внесено 526 тыс. предписаний с уровнем их исполнения органами общественной безопасности 99,9%. Эти цифры показывают, что описанные институциональные проблемы – не локальный сбой, а системное явление, отражающееся на правах значительного числа граждан и хозяйствующих субъектов.

В китайской науке проблема активно обсуждается, однако конкретные решения предлагают лишь отдельные публикации последних лет. Чжу Лян ошибочно усматривает противоречие между ст. 109 и 112 УПК КНР в части стандартов возбуждения уголовного дела при выявлении признаков преступления самими органами общественной безопасности и прокуратурой [30]. Такого противоречия, на наш взгляд, нет, поскольку выявление признаков преступной деятельности данными органами уже предполагает их собственную правовую оценку фактов, тогда как при поступлении материалов извне такая оценка только формируется и потому остаётся открытой к более тщательной проверке. Различие, которое Чжу Лян принимает за коллизию, в действительности отражает естественную асимметрию между процессуальными ролями и не требует нормативной коррекции.

Генеральный прокурор КНР Ин Юн в одной из своих публикаций показывает, как ряд положений учения Си Цзиньпина может содействовать решению проблемы чрезмерного вмешательства органов общественной безопасности в экономические споры [31]. Логика рассуждения опирается на политико-правовую установку об ограничении уголовно-правовой репрессии в сфере, регулируемой гражданским и хозяйственным законодательством, и на необходимость согласованного применения методов уголовного преследования с задачами экономического развития. Подобный подход концентрирует внимание на ценностной стороне прокурорской деятельности, но в одиночку, без сопровождающих процедурных решений, оставляет без ответа вопрос о том, какими процессуальными средствами эта установка должна быть переведена в обязательную для нижестоящих прокуроров практику.

Лань Нань предлагает активнее применять 4 принципа при осуществлении прокуратурой полномочий на стадии возбуждения уголовного дела [32]. Чжу Цзяньюй на основе комплексного анализа выделяет противоречивое положение органов общественной безопасности, которое подталкивает их сначала возбуждать уголовное дело, а затем его прекращать [33]. Это противоречие является логическим следствием некорректности нормы УПК КНР, возлагающей на стадию возбуждения уголовного дела обязанность решать вопрос о привлечении к уголовной ответственности при заведомой недостаточности доказательственной базы. В обеих подходах заложена общая интуиция – изменения должны идти на уровне самой нормы УПК, а не путём накопления новых ведомственных актов поверх существующих.

Не умаляя сильных сторон корректных методологических подходов, нельзя обойти стороной проблему квалификационного характера. Рядовые работники низовых прокуратур, как правило, начинающие сотрудники, далеко не все из которых получили образование в ведущих юридических вузах страны, и условия высокой правовой неопределённости существенно ограничивают восприятие сложных теоретико-правовых конструкций. Регулярные методические семинары и подготовка Верховной народной прокуратурой образцов работы прокурора на материале конкретных ситуаций представляют собой ценный [34], но недостаточный инструмент. Такие мероприятия длятся всего несколько дней и не способны заменить ни системное юридическое образование, ни

чёткую и непротиворечивую регламентацию полномочий на уровне закона. Преподаватели профильных юридических специальностей зачастую не имеют опыта работы в прокуратуре и понимания того, как соответствующие вопросы решаются на практике, что замыкает круг подготовки кадров в плоскости теоретического академического обсуждения.

В контексте задач прокуратуры по снижению нагрузки на бизнес, недопущению чрезмерных обеспечительных мер и предотвращению давления в гражданско-правовых спорах возникает та же системная сложность. Рядовой работник органов общественной безопасности должен отличать гражданско-правовые деликты от общеоценочных составов преступлений и в условиях короткого срока «доследственной» проверки определять наличие общественной опасности и оснований для привлечения к уголовной ответственности. Авторы ряда публикаций обозначают в качестве причин проблем на этапе возбуждения уголовного дела непонимание различий между преступлением и иными видами правонарушений, чрезмерный упор на традиционные подходы в уголовном праве, использование уголовных дел в коррупционных и иных личных интересах [35]. Уголовное право КНР, как и российское, содержит составы и в сфере хозяйственной деятельности, что делает юридически корректное разграничение особенно важным и одновременно особенно труднодостижимым на низовом уровне. Если последовательно собрать выявленные дефекты в единую картину, китайская модель прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела сталкивается с пятью взаимосвязанными проблемами. Органы общественной безопасности в силу ст. 111–113 УПК КНР [10] не имеют однозначной обязанности возбуждать уголовное дело, поскольку нормы оперируют такими критериями, как «следует ли подвергать лицо уголовной ответственности» и «не является ли деяние малозначительным». Сам по себе вопрос о привлечении к уголовной ответственности относится к юрисдикции суда и не может быть решён органом общественной безопасности. Параллельно не определены ни перечень действий «доследственной» проверки, ни конкретные цели, ни стандарты её полноты, что в сочетании с общим сроком в 3 дня [16] делает объём обязанностей этих органов неопределённым. Сжатые сроки и невозможность собрать достаточную доказательственную базу не позволяют органам общественной безопасности по существу решать тот вопрос, который перед ними формально поставлен. Прокурору предоставлено лишь право указать на необходимость возбуждения уголовного дела при наличии оснований, тогда как в УПК КНР отсутствуют чёткие критерии и процедура для иных управомочивающих решений. И в завершение этого ряда не сформирован обязательный механизм передачи прокурору всех материалов «доследственных» проверок – надзор инициируется по обращению заявителя, потерпевшего либо в инициативном порядке, единая система обмена материалами на практике не создана.

Совокупный эффект перечисленных дефектов сводится к смещению целевого назначения стадии возбуждения уголовного дела. Цели, поставленные перед прокуратурой, не соответствуют предоставленным ей законодательно полномочиям. Органы общественной безопасности, наоборот, наделены полномочиями, которые им процессуально несвойственны, и обязаны решать чрезмерные для них задачи. В сочетании с отсутствием судебного контроля за решениями прокуратуры и органов общественной безопасности на стадии возбуждения уголовного дела складывается ситуация, при которой уровень защиты прав заявителя и потерпевшего оказывается недостаточным. Стадия, призванная играть роль фильтра сообщений о преступлении и защиты лиц от необоснованного уголовного преследования, превращается в инструмент усмотрения низовых органов общественной безопасности и низовых прокуратур. Это нарушает баланс прав граждан, прежде всего право на возмездие в отношении лиц, совершивших преступление, и одновременно создаёт почву для неконтролируемого начала уголовно-

го преследования.

Сравнение российской и китайской моделей высвечивает общую проблему. На этапе, призванном играть роль фильтра сообщений о преступлении, прокурор фактически отстранён от ключевого решения – инициирования уголовного преследования. В России это произошло в результате реформы 2007 г., в Китае вследствие того, что соответствующие полномочия так и не были закреплены в УПК и распылены между ведомственными актами. Различие, однако, существенное. В российском правопорядке сохраняется развитая система ведомственного, судебного и прокурорского контроля, а сам УПК остаётся основным источником регулирования. В Китае центр тяжести смещён в подзаконное нормотворчество, что порождает противоречие с принципом социалистической законности и стимулирует тенденцию к чрезмерной детализации на уровне инструкций. Общая черта – сочетание широкой постановки задач с узким набором процессуальных инструментов, что неизбежно снижает уровень защиты прав заявителя и потерпевшего и превращает стадию возбуждения уголовного дела из фильтра в инструмент усмотрения низовых органов.

На основе проведённого сопоставления могут быть сформулированы предложения, имеющие сравнительно-правовой потенциал. Применительно к российскому правопорядку аргументы С. А. Шейфера, А. В. Чубыкина и В. И. Толмосова о возвращении прокурору права возбуждать уголовное дело сохраняют силу как минимум для случаев выявления существенных нарушений закона, на которые невозможно эффективно отреагировать средствами действующей редакции статьи 37 УПК РФ. Восстановление этого полномочия не требует пересмотра сложившейся системы предварительного следствия, а лишь возвращает прокурору возможность активного процессуального реагирования в той узкой группе ситуаций, в которой текущий инструментарий объективно недостаточен.

Применительно к КНР представляется необходимым на уровне УПК чётко определить задачи стадии возбуждения уголовного дела и закрепить её обязательность для начала уголовного преследования, описать цели, порядок и сроки «доследственной» проверки, установить перечень допустимых действий, имеющих доказательственное значение, ввести критерий полноты проверки сообщения о преступлении. Необходимо возложить на все органы, осуществляющие досудебное расследование, обязанность передавать прокурору как решения о возбуждении и об отказе в возбуждении уголовного дела, так и материалы «доследственной» проверки. Общеоценочные критерии возбуждения целесообразно заменить наличием обоснованного убеждения в фактах, свидетельствующих о совершении преступления. Только при таком пересмотре основной закон становится способным служить опорной моделью для всех нижестоящих ведомственных актов, а сама прокуратура получает процессуальный инструмент, соответствующий объёму её надзорных задач.

Сравнительно-правовое сопоставление показывает, что независимо от особенностей правовой системы эффективность прокурорского надзора на стадии возбуждения уголовного дела напрямую связана с тем, насколько последовательно закон закрепляет именно за прокурором функцию обвинения и обеспечивает его необходимыми процессуальными инструментами. Российский опыт демонстрирует риски чрезмерного сужения этих инструментов на уровне УПК, китайский – риски их размытия в подзаконных и межведомственных актах. В обоих случаях ключевым ориентиром реформ остаётся восстановление баланса между задачами, поставленными перед прокурором, и предоставленными ему полномочиями, и именно этот баланс задаёт пределы того, в какой мере стадия возбуждения уголовного дела способна выполнить своё базовое назначение – отделять обоснованное обращение к уголовно-процессуальным механизмам от неоправданного расширения сферы их применения.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.] // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Офиц. сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ – Режим доступа : свободный. – Текст : электронный.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон N 174-ФЗ от 18.12.2001 (ред. от 09.04.2026) // КонсультантПлюс : справочная правовая система [Офиц. сайт].
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 25.05.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.06.2026) // КонсультантПлюс : О прокуратуре Российской Федерации : Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 // КонсультантПлюс :
4. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ // Российская газета. – № 122. – 08.06.2007.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия : Федеральный закон от 28.12.2010 № 404-ФЗ // Российская газета. – № 296. – 30.12.2010.
6. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден Постановлением Всероссийским центральным исполнительным комитетом РСФСР от 25 мая 1922 года.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден Постановлением Всероссийским центральным исполнительным комитетом РСФСР от 15 февраля 1923 года //Источник: « «Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства» (СУ РСФСР), 1923. – № 7. – ст. 106.
8. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР : утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 г. (ред. от 29.12.2001, с изм. от 26.11.2002).
9. Уголовно-процессуальный кодекс Китайской Народной Республики (принят на 2-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 1 июля 1979 г., с изменениями, внесёнными 26.10.2018).// Посольство Китайской народной республики в Российской Федерации [Офиц. сайт].
10. Закон Китайской Народной Республики о деятельности надзорных органов (принят на 1-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 20.03.2018)
11. Положение о порядке производства по уголовным делам органами общественной безопасности (утверждено Министерством общественной безопасности КНРи 14.05.1998).
12. Жэньминь цзяньчаюань синши сунсун гуйцзэ [人民检察院刑事诉讼规则] / Порядок уголовного судопроизводства народной прокуратуры // Сайт Верховной народной прокуратуры КНР [Электронный ресурс]
13. «О порядке рассмотрения уголовных дел органами прокуратуры и органами общественной безопасности» : Совместный приказ Высшей народной прокуратуры Китайской Народной Республики и Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики от 01.10.2010.
14. «Правила Верховной народной прокуратуры и Министерства общественной безопасности о стандартахЦзуйгао жэньминь цзяньчаюань гунъаньбу гуаньюй синши лицзянь цзяньду югуань вэньти дэ гуйдин (шисин) [最高人民检察院公安部关于刑事立案监督有关问题的规定（试行）] / Положение Верховной народной прокуратуры и Министерства общественной безопасности КНР по вопросам надзора за возбуждением уголовных дел (пробный порядок) // Сайт Верховной народной прокуратуры КНР
15. Гунъаньбу гуаньюй гайгэ ваньшань шоуань лицзянь чжиду дэ ицзянь (Гунтунцзы [2015] 32 хао) [公安部关于改革完善受案立案制度的意见（公通字〔2015〕32号）] / Положение Министерства общественной безопасности о реформе и совершенствовании системы приёма и регистрации дел (Общественное уведомление [2015] № 32) [Электронный ресурс].
16. О ведомственной статистике [Электронный ресурс]: данные о результатах рассмотрения сообщений о преступлениях // Фонд поддержки пострадавших от преступлений: офиц. сайт.
17. 2023 нянь цюаньго цзяньча цзигуань чжуяо баньань шуцзюй [2023年全国检察机关主要办案数据 / Основные данные о работе органов прокуратуры Китайской Народной Республики за 2023 год] // Сайт Верховной народной прокуратуры КНР [Электронный ресурс].
18. Синельщиков Ю. П. Перспективы развития законодательства о прокуратуре в сфере досудебного уголовного процесса // Законность. – 2015. – № 10. – С. 6-9.
19. Житник К. С. Правовое положение прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Евразийский научный журнал. – 2017. – № 6. – С.64-65
20. Багмет А.М. Следственный судья – «новое» или «старое»? //Следствие в России: три века в поисках концепции: материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12 октября 2017 года). – М.: Московская академия Следственного комитета РФ, 2017. – С.19-21.
21. Исламова Э. Р. Проблемы обеспечения законности в стадии возбуждения уголовного дела // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2014. – №2 (6). – С.58-63.
22. Чубыкин А. В. Процессуальный статус прокурора в стадии возбуждения уголовного дела: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09 / Академия Генеральной прокуратуры РФ. М., 2014. 203с
23. Толмосов В. И. О возвращении прокурорам права возбуждать уголовные дела // Вестник Самарской гуманитарной академии. – 2014. – № 1 (15). – С. 125.С.121-127.
24. Шейфер С. А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С. А. Шейфер. — Москва : НОРМА, ИНФРА-М, 2013. — 191 с.
25. Шекшуева О. Н. К вопросу о полномочиях прокурора в уголовном процессе // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – №2. – С.150-156.

26. Дикарев И.С. Спорные вопросы организации досудебного производства по уголовным делам // Российская юстиция. – 2016. – №5. – С.27-30.
27. Выступление кандидата на должность Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 21 января 2020 г. [Электронный ресурс] // РБК: офиц. сайт.
28. Цин, Е. Вэйфа лицзянь дэ цзяньча цзяньду цзичжи яньцзю [叶青。违法立案的检察监督机制研究] / Е Цин. Исследование механизма прокурорского надзора за незаконным возбуждением уголовных дел // Гоцзя цзяньчагуань сюэюань сюэбао [国家检察官学院学报] / Журнал Национального института прокуратуры. – 2024. – № 1. – С. 7.
29. Чжу Лян. Лунь синши лицзянь бяочжунь дэ саньчжун июнь [朱良。论刑事立案标准的三重意蕴] / Чжу Лян. О трёхуровневом значении стандарта возбуждения уголовного дела // Гуйчжоу шэхуэй кэсюэ [贵州社会科学] / Общественные науки Гуйчжоу. – 2022. – № 3. – С. 97. (на кит. яз.)
30. Ин Юн. Сюэси цзюй у Си Цзиньпин фачжи сысян, и «сань гэ шань юй» цзо ши гао чжисяо бань хао мэй и гэ синши аньцзянь [应勇：学思践悟习近平法治思想 以“三个善于”做实高质效办好每一个案件] / Ин Юн. Учебные размышления об изучении идеологии Си Цзиньпина по правовому управлению: содействие высококачественному и эффективному рассмотрению каждого уголовного дела в соответствии с «тремя умениями» // Сайт Верховной народной прокуратуры КНР [Электронный ресурс].
31. Лань Нань. Синши лицзянь цзяньду сюйяо баво сыгэ бяочжунь [兰楠：刑事立案监督需要把握四个标准] / Лань Нань. Правовое регулирование надзора за уголовным преследованием: необходимость соблюдения четырёх ключевых критериев// Сайт Верховной народной прокуратуры КНР [Электронный ресурс]. –
32. Чжу Цзяньюй. Гунань цзигуань синши лицзянь цзедуань цзыю цайлян цюань си — и «цинцзе сяньчжу вэйсяо, бу жэньвэй ши фаньцзуй» вэй шицзяо [朱剑宇：公安机关刑事立案阶段自由裁量权探析——以“情节显著轻微不认为是犯罪”为视角] / Чжу Цзяньюй. Анализ свободы усмотрения в уголовном преследовании органов внутренних дел: взгляд на «существенно незначительные обстоятельства, не считающиеся преступлением» // Гунань цзяоюй [公安教育] / Полицейское образование. – 2023. – № 6. – С. 41. Хоу Яхуэй, Чжоу Хуэйюн, Лю Чжунци. Цзяньчи фалюй цзяньду сяньфа динвэй, цзяцян синши лицзянь хэ чжэньча ходун цзяньду [侯亚辉, 周惠永, 刘中琦: 坚持法律监督宪法定位 加强刑事立案和侦查活动监督] / Хоу Яхуэй, Чжоу Хуэйюн, Лю Чжунци. Утверждение конституционного статуса надзора за соблюдением законов и его усиление на стадии возбуждения уголовного дела и в надзоре за деятельностью органов предварительного расследования // Чжунго цзяньчагуань [中国检察官] / Китайский прокурор. – 2025. – № 6. – С. 6-7.
33. Лю Юнцзюнь, Ли Гуйфан. Шао бу шэнь су шэнь я бэйцзин ся дэ синши лицзянь гайгэ яньцзю [刘用军, 李桂芳: 少捕慎诉慎押背景下的刑事立案改革研究] / Лю Юнцзюнь, Ли Гуйфан. Исследование реформы возбуждения уголовного дела в условиях политики «меньшего количества арестов, осмотрительности при предъявлении обвинения и уменьшения применения содержания под стражей» // Хэбэй цзинча сюэюань сюэбао [河北科技师范学院学报（社会科学版）] / Вестник Хэбэйского педагогического университета науки и техники (Социальные науки). – 2023. – № 3. – С. 99.

Yurchenko L.V., Koshman V.A. Prosecutor at the stage of initiating a criminal case in the comparative legal aspect of the experience of Russia and of China // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 630-643.

This article examines problems in the legal status of the prosecutor during criminal proceeding, specifically regarding his powers during the stage of initiating a criminal case. It describes historical trends in changes to Russian legislation concerning the prosecutor's powers to initiate criminal proceedings. The author highlights the controversial nature of the 2007 reform, which altered the model of prosecutorial participation. Significant disagreement among domestic scholars is noted regarding whether the prosecutor's power to initiate criminal cases should be restored. An analysis of prosecutorial powers within the Chinese legislative model reveals flaws similar to those found in the Soviet model during reign of the Stalin. The author demonstrates that this issue is currently addressed through executive department’s orders, which, however, create further inconsistency. The core of the problem lies in the lack of well-functioning coordination between Chinese public security organs and the prosecutor's office, as well as the excessive discretionary power granted to investigative authorities. Finally, the article proposes solutions through amendments to legislative acts.

Keywords: initiation of criminal proceedings, prosecutorial powers, criminal procedure of the PRC, public security organs, status of the prosecutor.

Spisok literatury:

1.Konstituciya Rossijskoj Federacii [prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 g. s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 g.] // Konsul'tantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofic. sajt].
2.Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon N 174-FZ ot 18.12.2001 (red. ot 09.04.2026) // Konsul'tantPlyus
3.Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah\" ot 30.12.2001 N 195-FZ (red. ot 25.05.2026) (s izm. i dop., vstup. v silu s 05.06.2026) // Konsul'tantPlyus.
4.O prokurature Rossijskoj Federacii : Federal'nyj zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 // Konsul'tantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofic. sajt].
5.O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii i Federal'nyj zakon «O prokurature Rossijskoj Federacii» : Federal'nyj zakon ot 05.06.2007 № 87-FZ // Rossijskaya gazeta. – № 122.
6. O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s sovershenstvovaniem deyatel'nosti organov predvaritel'nogo sledstviya : Federal'nyj zakon ot 28.12.2010 № 404-FZ // Rossijskaya gazeta.

– № 296. – 30.12.2010.
7. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR : utverzhden Postanovleniem Vserossijskim central'nym ispolnitel'nym komitetom RSFSR ot 25 maya 1922 g. – URL : https: //docs.cntd.ru/document/901757376?ysclid=mq57qia7zd890432167/ – Rezhim dostupa : svobodnyj
8. Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR : utverzhden Postanovleniem Vserossijskim central'nym ispolnitel'nym komitetom RSFSR ot 15 fevralya 1923 goda //Istochnik: « «Sobranie uzakonenij i rasporyazhenij Rabochego i Krest'yanskogo pravitel'stva» (SU RSFSR), 1923. – № 7. – st. 106.
9.Ugolovno-processual'nyj kodeks RSFSR : utverzhden Verhovnym Sovetom RSFSR 27.10.1960 g. (red. ot 29.12.2001, s izm. ot 26.11.2002) // Konsul'tantPlyus : spravochnaya pravovaya sistema [Ofic. sajt].
10. Ugolovno-processual'nyj kodeks Kitajskoj Narodnoj Respubliki (prinyat na 2-j sessii Vsekitajskogo sobraniya narodnyh predstavitelej 5-go sozyva 1 iyulya 1979 g., s izmeneniyami, vnesyonnymi 26.10.2018).//
11. Zakon Kitajskoj Narodnoj Respubliki o deyatel'nosti nadzornyh organov (prinyat na 1-j sessii Vsekitajskogo sobraniya narodnyh predstavitelej 13-go sozyva 20.03.2018)
12. Polozhenie o poryadke proizvodstva po ugolovnym delam organami obshchestvennoj bezopasnosti (utverzhdeno Ministerstvom obshchestvennoj bezopasnosti Kitajskoj Narodnoj Respubliki 14.05.1998).
13. Zhen'min' czyan'chayuan' sinshi sunsun gujcze [人民检察院刑事诉讼规则] / Poryadok ugolovnogo sudoproizvodstva narodnoj prokuratury // Sajt Verhovnoj narodnoj prokuratury KNR [Elektronnyj resurs]
14. «O poryadke rassmotreniya ugolovnyh del organami prokuratury i organami obshchestvennoj bezopasnosti» : Sovmestnyj prikaz Vysshej narodnoj prokuratury Kitajskoj Narodnoj Respubliki i Ministerstva obshchestvennoj bezopasnosti Kitajskoj Narodnoj Respubliki ot 01.10.2010.
15. «Pravila Verhovnoj narodnoj prokuratury i Ministerstva obshchestvennoj bezopasnosti o standartahCzujgao zhen'min' czyan'chayuan' gun''an'bu guan'yuj sinshi liczyan' czyan'du yuguan' ven'ti de gujdin (shisin) [最高人民检察院公安部关于刑事立案监督有关问题的规定（试行）] / Polozhenie Verhovnoj narodnoj prokuratury i Ministerstva obshchestvennoj bezopasnosti KNR po voprosam nadzora za vozbuzhdeniem ugolovnyh del (probnyj poryadok) // Sajt Verhovnoj narodnoj prokuratury KNR [Elektronnyj resurs].
16. Gun''an'bu guan'yuj gajge van'shan' shouan' liczyan' chzhidu de iczyan' (Guntunczy [2015] 32 hao) [公安部关于改革完善受案立案制度的意见（公通字〔2015〕32号）] / Polozhenie Ministerstva obshchestvennoj bezopasnosti o reforme i sovershenstvovanii sistemy priyoma i registracii del (Obshchestvennoe uvedomlenie [2015] № 32) [Elektronnyj resurs].
17. O vedomstvennoj statistike [Elektronnyj resurs]: dannye o rezul'tatah rassmotreniya soobshchenij o prestupleniyah // Fond podderzhki postradavshih ot prestuplenij: ofic. sajt. – URL: https://fondpp.org/news/newscast/o-vedomstvennoj-statistike/ (data obrashcheniya: 07.05.2026)
18. 2023 nyan' cyuan'go czyan'cha cziguan' chzhuyao ban'an' shuczyuj [2023年全国检察机关主要办案数据 / Osnovnye dannye o rabote organov prokuratury Kitajskoj Narodnoj Respubliki za 2023 god] // Sajt Verhovnoj narodnoj prokuratury KNR [Elektronnyj resurs].
19. Sinel'shchikov Yu. P. Perspektivy razvitiya zakonodatel'stva o prokurature v sfere dosudebnogo ugolovnogo processa // Zakonnost'. – 2015. – № 10. – C. 6-9.
20. Zhitnik K. S. Pravovoe polozhenie prokurora na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Evrazijskij nauchnyj zhurnal. – 2017. – № 6. – S. 64-65
21. Bagmet A.M. Sledstvennyj sud'ya – «novoe» ili «staroe»? //Sledstvie v Rossii: tri veka v poiskah koncepcii: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Moskva, 12 oktyabrya 2017 goda). – M.: Moskovskaya akademiya Sledstvennogo komiteta Rossijskoj Federacii, 2017. – S.19-21 S.20
22. Islamova E. R. Problemy obespecheniya zakonnosti v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. – 2014. – №2 (6). – S.58-63.
23. Chubykin A. V. Processual'nyj status prokurora v stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela: dis. … kand. yurid. nauk: 12.00.09 / Akademiya General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – M., 2014. – 203s
24. Tolmosov V. I. O vozvrashchenii prokuroram prava vozbuzhdat' ugolovnye dela // Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. – 2014. – № 1 (15). – S. 125.S.121-127.
25. Shejfer S. A. Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoj, sudebnoj i prokurorskoj vlasti / S. A. Shejfer. — Moskva : NORMA, INFRA-M, 2013. — 191 s.
26. Shekshueva O. N. K voprosu o polnomochiyah prokurora v ugolovnom processe // Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik. – 2019. – №2. – S.150-156.
27. Dikarev I.S. Spornye voprosy organizacii dosudebnogo proizvodstva po ugolovnym delam // Rossijskaya yusticiya. – 2016. – №5. – S.27-30.
28. Vystuplenie kandidata na dolzhnost' General'nogo prokurora Rossijskoj Federacii I. V. Krasnova na zasedanii Soveta Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii 21 yanvarya 2020 g.
29. Cin, E. Vejfa liczyan' de czyan'cha czyan'du czichzhi yan'czyu [叶青。违法立案的检察监督机制研究] / E Cin. Issledovanie mekhanizma prokurorskogo nadzora za nezakonnym vozbuzhdeniem ugolovnyh del // Goczya czyan'chaguan' syueyuan' syuebao [国家检察官学院学报] / Zhurnal Nacional'nogo instituta prokuratury. 2024. № 1. – S. 7.
30. Chzhu Lyan. Lun' sinshi liczyan' byaochzhun' de san'chzhun iyun' [朱良。论刑事立案标准的三重意蕴] / Chzhu Lyan. O tryohurovnevom znachenii standarta vozbuzhdeniya ugolovnogo dela // Gujchzhou shekhuej kesyue [贵州社会科学] / Obshchestvennye nauki Gujchzhou. – 2022. – № 3. – S. 97. (na kit. yaz.)
31. In Yun. Syuesi czyuj u Si Czin'pin fachzhi sysyan, i «san' ge shan' yuj» czo shi gao chzhisyao ban' hao mej i ge sinshi an'czyan' [应勇：学思践悟习近平法治思想 以"三个善于"做实高质效办好每一个案件] / In Yun. Uchebnye razmyshleniya ob izuchenii ideologii Si Czin'pina po pravovomu upravleniyu: sodejstvie vysokokachestvennomu i effektivnomu rassmotreniyu kazhdogo ugolovnogo dela v sootvetstvii s «tremya umeniyami» // Sajt Verhovnoj narodnoj proku-

ratury KNR [Elektronnyj resurs].
32. Lan' Nan'. Sinshi liczyan' czyan'du syujyao bavo syge byaochzhun' [兰楠: 刑事立案监督需要把握四个标准] / Lan' Nan'. Pravovoe regulirovanie nadzora za ugolovnym presledovaniem: neobhodimost' soblyudeniya chetyryoh klyuchevyh kriteriev// Sajt Verhovnoj narodnoj prokuratury KNR [Elektronnyj resurs].
33. Chzhu Czyan'yuj. Gunan' cziguan' sinshi liczyan' czeduan' czyyu cajlyan cyuan' si — i «cincze syan'chzhu vejsyao, bu zhen'vej shi fan'czuj» vej shiczyao [朱剑宇: 公安机关刑事立案阶段自由裁量权探析——以"情节显著轻微不认为是犯罪"为视角] / Chzhu Czyan'yuj. Analiz svobody usmotreniya v ugolovnom presledovanii organov vnutrennih del: vzglyad na «sushchestvenno neznachitel'nye obstoyatel'stva, ne schitayushchiesya prestupleniem» // Gunan' czyaoyuj [公安教育] / Policejskoe obrazovanie. – 2023. – № 6. – S. 41. (na kit. yaz.)
34. Hou Yahuej, Chzhou Huejyun, Lyu Chzhunci. Czyan'chi falyuj czyan'du syan'fa dinvej, czyacyan sinshi liczyan' he chzhen'cha hodun czyan'du [侯亚辉, 周惠永, 刘中琦: 坚持法律监督宪法定位 加强刑事立案和侦查活动监督] / Hou Yahuej, Chzhou Huejyun, Lyu Chzhunci. Utverzhdenie konstitucionnogo statusa nadzora za soblyudeniem zakonov i ego usilenie na stadii vozbuzhdeniya ugolovnogo dela i v nadzore za deyatel'nost'yu organov predvaritel'nogo rassledovaniya// Chzhungo czyan'chaguan' [中国检察官] / Kitajskij prokuror. 2025. № 6. S. 6-7.
35. Lyu Yunczyun', Li Gujfan. Shao bu shen' su shen' ya bejczin sya de sinshi liczyan' gajge yan'czyu [刘用军, 李桂芳: 少捕慎诉慎押背景下的刑事立案改革研究] / Lyu Yunczyun', Li Gujfan. Issledovanie reformy vozbuzhdeniya ugolovnogo dela v usloviyah politiki «men'shego kolichestva arestov, osmotritel'nosti pri pred"yavlenii obvineniya i umen'sheniya primeneniya soderzhaniya pod strazhej»// Hebej czincha syueyuan' syuebao [河北科技师范学院学报（社会科学版）] / Vestnik Hebejskogo pedagogicheskogo universiteta nauki i tekhniki (Social'nye nauki). – 2023. – № 3. – S. 99.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 644-651.

УДК 342

ФЕНОМЕН ПЕНИТЕРНЦИАРНОЙ ПРОБАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ И ИСРАВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Яковлева М. А.
Санкт-Петербургский университет МВД России

Статья посвящена пенитенциарной пробации и ее влиянию на трансформацию духовно-нравственной личностной парадигмы лица, отбывающего наказание в виде лишения свободы. Автором обосновывается: исследуемый вид пробации - эффективный инструмент профилактики преступности, призванный нивелировать отрицательные явления последующей криминализации личности в условиях изоляции от общества. Доказано: указанный результат достигается через целенаправленные и систематические меры воздействия на личность, цель которых - как предоставление помощи в коррекции поведения и в успешной реинтеграции в общество после освобождения, так и профилактика рецидива преступности. Отражена авторская дефиниция категории «профилактика преступности в пенитенциарном учреждении в рамках пробации». Доказано: с целью совершенствования механизма пенитенциарной пробации, воздействующего на профилактику преступности и духовно-нравственную личностную парадигму осужденного, требуются изменения законодательства в части: дополнения Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» новым направлением профилактики правонарушений; формирования на уровне Приказа ФСИН РФ Методических рекомендаций по организации патриотического воспитания осужденных к лишению свободы.

Ключевые слова: пробация, пенитенциарная пробация, личность осужденного, лишение свободы, исправление личности преступника, профилактика преступности, социальная работа, воспитательная работа, психологическая лаборатория, коррекция социального поведения, патриотизм.

Не вызывает сомнения тот факт, что преступность на протяжении веков признана крайне отрицательным социальным явлением, которое оказывает влияние на социально-экономическое, политическое, духовно-нравственное состояние государства, общества, на личную, национальную, международную безопасность. Как демонстрируют исторические источники, на формирование мировых концепций о данном социальном явлении, о необходимости ее профилактики оказали влияние трактаты представителей древней китайской философии моизма (Моцзы, Конфуций, как и - этической философии - Д. Абдерский, Протагор, Сократ, Аристотель, Платон, , позднее - в конце XIX - начале XX в. - научные труды лидеров интегративной научной доктрины в науке криминологии (Э. Х Сазерленд, Р. К. Мертон - теория дифференциальной ассоциации, Д. Глейзера - теория дифференциальной идентификации, Р. Айкерса - теория социального научения).

В указанные исторические периоды, как и позднее (теории напряжения в лице Р. Агнью, фрустрации статуса - А. Коэна, и др.) общепризнано: профилактика преступности - важная сфера деятельности государства, направленная на нейтрализацию ее причинного комплекса [1, с. 3]. И в современном обществе в сложных условиях криминализации многих ее сегментов, детерминирующих значительный удельный вес, в том числе, - IT - деяний, мошеннических, коррупционных, иных экономических посягательств, законодателем предпринимаются попытки воздействия на преступность, в том числе, посредством правовых инструментов пробации. Данный феномен, внедренный в российскую правовую систему ФЗ «О пробации в Российской Федерации», демонстрирует общепризнанность мировой практики об особой роли пробации в направлении профилактики преступности, и, соответственно, - нивелирования явлений криминализации личности и на пенитенциарном, и - постпенитенциарном этапах. В данном контексте профилактика преступлений, в соответствии с положениями ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», - деятельность, призванная не только к обнаружению, но и к устранению способствующих преступности причин и условий на всех уровнях, включая допенитенциарный, пенитенциарный, постпенитенциарный, как и на компенсацию таковых механизмами детерминации пра-

вомерного поведения, посредством правовых инструментариев в сфере пробации.

Выступая в качестве основной цели уголовно-исполнительного законодательства и стратегической задачи российского государства, указанной в Концепции развития УИС на период до 2030 г., пробация, в результате, имеет особо значение в сфере обеспечения исправления личности, профилактики преступности, обеспечения безопасности (национальной, общественной и личной), охраны конституционного строя, развития духовно-нравственных ценностей личности. Данный подход подчеркивается и в ст.1 УИК РФ, на основании которой, основная цель уголовно-исполнительного законодательства - предупреждение совершения новых посягательств, исправление преступной личности, а в качестве задач выступает установление гуманных условий отбывания наказаний, применение средств исправления, которые не умаляют честь и достоинство и призваны обеспечить их надлежащую охрану, защиту, содействуя декриминализации личности, совершенствованию духовно-нравственного потенциал. В результате реализации названных нормативов, назначение пенитенциарной пробации - в коррекции социального поведения (исправление личности преступника), в подготовке к освобождению полноценной личности, к успешной ресоциализации и социальной реабилитации, адаптации на постпенитенциарном этапе, что обуславливает статус пенитенциарной пробации как эффективного средства профилактики преступности, как одного «из наиболее эффективных способов борьбы с данным негативным явлением» [2, с. 276] и важнейшей меры положительного воздействия на личность.

Необходимо отметить: ввиду того, что личность осужденного - разновидность личности преступника, абстрактная «модель» индивида, отбывающего наказание в виде лишения свободы, и включающая: 1) комплекс психологических и социальных, ментальных качеств преступника, как особого психологического, социального типа личности, отличающегося определенной степенью общественной опасности, уровнем социопсихологической патологии, ментальной зависимости от криминальной субкультуры, и 2) систему опосредованных психикой преступника социальных, характерологических свойств личности, детерминирующих последующие отклонения в поведении под воздействием микросреды изоляции от общества.

В качестве основных средств исправления личности и профилактики преступности (п.3 ч.1 ст.5 ФЗ «О пробации»), целесообразно признать: 1) социальную и воспитательную, психологическую работу с осужденным, 2) общественное воздействие на личность, 3) содействие в трудовой, образовательной деятельности, 4) обучение профессии (при межведомственном взаимодействии учреждений УИС с образовательными, производственными, трудовыми организациями). Личность осужденного, в целом, между тем, следует детектировать от личности преступника по причине влияния условий пенитенциарной среды, поэтапного исправления под воздействием социальных, психологических и воспитательных процессов, посредством которых характеристики личности преступника трансформируются в положительном (отрицательном) направлении, проявляясь в отношении к правопорядку, законности, режиму, трудовой, образовательной деятельности, персоналу, к другим осужденным. В результате, происходит не только положительная трансформация личности, но и удовлетворение потребностей государства, общества, граждан в обеспечении национальной, общественной, личной безопасности, в профилактике деяний.

На пенитенциарном этапе в качестве основных субъектов, реализующих полномочия по восстановлению прежних и учреждению новых положительных социальных связей, по формированию новой личностной парадигмы, целесообразно признать учреждения уголовно-исполнительной системы, в целом, и непосредственно: 1) сотрудников подразделения пробации, группы организации трудовой деятельности и воспитательной работы и должностных лиц исправительного центра уголовно-

исполнительной системы (ИЦ, УФИЦ (УИЦ)); 2) специалистов групп пробации созданного в учреждении (вне учреждения) изолированного участка, который функционирует в статусе исправительного центра (УФИЦ (УИЦ)) и на территории которого проживают и реализуют свою трудовую деятельность лица, которым осуществлена замена лишения свободы на наказание, не связанное с изоляцией; 3) администрацию и сотрудников подразделений воспитательной работы с осужденными, психологической лаборатории, социальной работы, иных отделов (служб) учреждения, медицинских организаций уголовно-исполнительной системы.

Так, социальная работа, реализуемая на основании упомянутого ФЗ «О пробации…..» и Приказа Минюста РФ «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (разд. III), содействует профилактике преступности, посредством развития и укрепления установок личности к правопослушной жизни, нивелированию отрицательного влияния уголовного наказания и изоляции от общества, характеризующейся системой отрицательных последствий [3, с. 6]. В качестве таковых последствий выступают: клинические явления дезадаптации; формирование или развитие групповых ценностей преступного мира, криминальной субкультуры; усугубление явлений педагогической запущенности и криминализации; объективизация проявлений социальной депривации (культурной и сенсорной, органической, пр.). Указанные и иные отрицательные последствия лишения свободы детерминирует последующую деформацию в личностной сфере, а также - психопатические расстройства, неадекватность в оценке событий.

Социальная работа в пенитенциарном учреждении, призванная минимизировать проявления социальной депривации осужденного, начинающаяся с комплексной социальной диагностики личности осужденного, направлена на: 1) выявление индивидуальных особенностей (первичных - биологические и криминологические, социально-демографические, психологические, социально-психологические, психопатологические, отражающие корреляцию индивидуального психосоциотипа темперамента, и вторичных, - объективных, субъективных детерминант преступного поведения и их последствий); 2) формирование индивидуальной пробационной программы, включающей систему мероприятий, реализуемых во взаимосвязи с психологическими мерами воздействия и мерами воспитания подразделениями психологической лаборатории и воспитательной работы. Анкетирование сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы, исполняющих наказание в виде лишения свободы, демонстрирует, что социальная диагностика осуществляется преимущественно в следующих формах: ознакомление с личностью осужденного, документами, сбор первичных данных, анкетирование и тестирование, диагностическая беседа, что позволяет выявить: 1) особенности личности: установки (социальные, асоциальные), уровень психофизического развития, соответствующих отклонений, образования, ответственности, конфликтности, отношения к труду; 2) специфику межличностных социально - полезных связей; 3) уровень влияния криминальной субкультуры на личность (сплоченность с лицами асоциального поведения, повышение уровня криминогенной активности, семейный анамнез).

В процессе анкетирования сотрудников учреждений, исполняющих обязанности в сфере социальной работы, выявлена корреляция исправления личности преступника с эффективностью социальной терапии, представляющей собой важный элемент пенитенциарной пробации, призванный, посредством целенаправленного и систематического воздействия на состояние, поведение, на психику осужденного, к социальному и психологическому оздоровлению личности, предупреждению рисков ее десоциализации и усугублению дисфункций, к формированию правомерного поведения и личной

уверенности в разрешении социальных проблем.

Воспитательная работа, реализуемая в пенитенциарном учреждении, в целях исправления личности преступника и профилактики преступности, выступая одновременно инструментом преодоления различных деформаций развития [4, с. 21] (духовно-нравственных, интеллектуальных) и формирования уважительного отношения к личности, обществу, государству, его традициям [5, с. 36], осуществляется соответствующим подразделением при взаимодействии с иными структурами учреждения (ст. 109 УИК РФ, Приказ Минюста РФ «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с Федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» (IV)).

Полагаем: в рамках мероприятий по воспитательной работе, призванной к «очеловечиванию негуманного человека через приобщение к общечеловеческим ценностям» [6, с. 146], осуществляемой в формах индивидуальных и групповых лекций, бесед, равно, как и собраний, конференций, в рамках аттестации и анкетирований, тестирований и конкурсов, праздничных и иных концертов, других мероприятий (информационных, спортивных и культурно-художественных), требуется более пристальное внимание сотрудников подразделения к формированию положительных качеств личности осужденного, - в особенности качеств патриотизма. Изложенная позиция, ввиду того, что патриотизм представляет собой наиболее яркую форму проявления национальной российской идентичности (наряду с духовностью) и одну из ведущих прогрессивных гарантий сохранения самобытности, культуры, исторических традиций русского народа, в полной мере соответствует позиции Президента РФ, отраженной в Указах «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.», «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В соответствии с изложенным, представляется, что, в целях более эффективного профилактического воздействия на личность осужденного, важной задачей воспитательной работы на пенитенциарном этапе пробации должно быть признано развитие осознанного высоконравственного выбора осужденным личной патриотической позиции, которая не сводится исключительно к заключению контракта с ВС РФ и, тем самым, освобождению лица от уголовного наказания по основаниям ч.1 ст. 80.2 УК РФ, а демонстрирует истинную любовь к Родине, осмысление добра и зла, морали, иных традиционных российских высоконравственных ценностей. В указанной связи, как и поскольку «объединяющая национальная идея должна распространяться не только на законопослушных граждан, но и на осужденных, являющихся гражданами нашего государства» [7, с. 77], формирование, развитие чувств патриотизма у лиц, осужденных к наказанию в виде лишения свободы, способствующее и исправлению преступника, и профилактике деяний, должно выступать неотъемлемой частью пенитенциарной концепции воспитательной работы каждого учреждения.

Обозначенный подход требует разработки (в рамках Приказа Минюста РФ) Методических рекомендаций по организации патриотического воспитания осужденных к лишению свободы, которые включают реализуемые на целенаправленной и систематической основе следующие методы патриотического воспитания: метод усвоения новых морально-нравственных патриотических установок; метод организации эффективной трудовой деятельности, направленной на пользу Родине; метод приобщения осужденных к социально-полезному творчеству, демонстрирующему патриотические мотивации; метод замены асоциального поведения на социально-одобряемое патриотическое поведение; метод развития уважения к своей Родине, посредством формирования и генезиса правильной гражданской позиции осужденной личности. Патриотическое вос-

питание осужденных лиц к лишению свободы, выступающее в качестве полиструктурного развивающегося явления, включающего культурную и информационную, историческую, экологическую, цивилизационную, религиозную и географическую составляющие [8, с. 71], способствует повышению нравственной и правовой культуры, стремлению к самосовершенствованию, самовоспитанию, удовлетворению личных творческих, трудовых, образовательных потребностей, исправлению личности преступника, профилактике рецидива.

Социальная и воспитательная работа, призванная к совершенствованию личности, ее исправлению, и реализуемая при взаимодействии с иными субъектами пробации, является более результативной, посредством ее корреляции с деятельностью специалистов психологической лаборатории, осуществляющей деятельность в сфере: психологической диагностики (анализ, описание психологических, социально-психологических и возрастно-психологических особенностей личности); консультирования, выявляющего уровень осмысления психологических проблем личности; анализа динамики психологических и иных расстройств; психологической коррекции через систему психологических методик; психологического просвещения.

С целью исправления личности преступника и профилактики деяний на пенитенциарном этапе пробации, необходимо использование психологических методик, утвержденных на уровне приказов ФСИН. Методики «PsychometricExpert» (Автоматизированное рабочее место психолога), представляющей собой многофункциональную компьютерную диагностическую систему, созданную в Ярославском госуниверситете и внедряемую с 2003 г. в системе ФСИН России на базе межрегиональной лаборатории УФСИН России по Ярославской обл. (впоследствии – в других УФСИН России). Методика включает: электронный учебник по психодиагностике, экспериментальной психологии и математической статистике; инструменты по планированию, проведению диагностики личности; системы статистического анализа, психодиагностических подметодик, обеспечивающих психолога необходимым инструментарием (бланками, ключами, тестами, анкетами, иными экспериментальными методами анализа личности); среду интеграции диагностических приложений; справочные системы (мультимедийные, иные). Так, по информации начальника психологической службы отделения по воспитательной работе с осужденными УФСИН России по Ярославской обл., возможности названной Методики позволяют реализовать различные мероприятия в сфере психодиагностики личности осужденного, повысить эффективность психокоррекционной и психопрофилактической работы, обусловив исправление личности нарушителя закона и профилактику деяний.

С целью применения указанной и иных прогрессивных методик анализа личности осужденного, необходимы: увеличение образовательного уровня и численности психологов, осуществляющих профессиональную деятельность в психологических лабораториях учреждений уголовно-исполнительной системы; реализация психологической работы, начиная со следственного изолятора и, соответственно, - включение в его штат специалиста – психолога; внедрение в штат уголовно-исполнительного учреждения психиатра, осуществляющего пенитенциарно-психиатрическую деятельность, сопровождение лиц с диагностируемыми отклонениями; предоставление психологической помощи осужденным к лишению свободы и на добровольной основе, так и в требуемых случаях, - по инициативе сотрудника уголовно-исполнительного учреждения.

Особое значение в сфере исправления лиц, нарушивших уголовный закон, и профилактики деяний в рамках пенитенциарной пробации приобретает подготовка к освобождению, включающая, в том числе: содействие в предстоящем трудоустройстве, в получении образования, в профессиональной подготовке (переподготовке); информи-

рование о системе государственных, муниципальных органов, организаций, действующих в сфере социальной поддержки; предоставление помощи в получении характеристик, документов, справок, копий, выписок, в открытии лицевого счета и присвоении номера налогоплательщика; организация коллективных и индивидуальных занятий в рамках подготовки осужденного к освобождению.

Так, в уголовно - исправительных учреждениях УФСИН России по Волгоградской обл. на целенаправленной и систематической основе такие занятия организованы с привлечением представителей потенциальных работодателей, органов занятости, центров социальной защиты населения, ОВД области. Осужденные к лишению свободы на этапе предосвобождения, в целях эффективности последующей ресоциализации, социальной адаптации, повышения уровня социальной грамотности, информируются в отношении: банка данных о вакантных рабочих местах в регионе; правил предоставления услуг органами занятости населения; системы прав и обязанностей освобожденного при поиске работы; прохождения обучения, переобучения в рамках федерального проекта «Демография» по программам повышения квалификации и профессиональной переподготовки.

Посредством бесед, осужденные получают информацию по следующей тематике: «Порядок постановки на учет граждан, ищущих работу, их права и обязанности в сфере занятости населения, социальные гарантии», «Рецидив преступления. Ответственность за вновь совершенное преступление». В пенитенциарных учреждениях УФСИН России по Республике Коми подготовка осужденных к освобождению реализуется на основании социальных проектов, являющихся победителями Фонда Президентских грантов и грантов Главы Республики. В рамках проекта проводятся такие регулярные мероприятия, как лекции на тему: «Где искать работу после освобождения», «Регуляция эмоций», «Государственная социальная помощь в виде пособия основании социального контракта», «Азбука карьерного роста» «Анозогнозия», «Модель изменения поведения», «Пять позиций восприятия».

Целенаправленность и систематичность реализации указанных мероприятий способствует исправлению личности преступника, к основным из критериев которого целесообразно отнести: правомерное поведение; негативная оценка совершенного преступления (признание вины, раскаяние в совершении преступления, осуждение своего преступного поведения, возмещение причиненного вреда (материального и (либо) морального)); правильная оценка обстоятельств, способствующих совершению преступления, преступления, наказания; низкий уровень криминализации личности и негативное отношение к криминальной субкультуре; мотивация к психолого-пенитенциарным и воспитательным мероприятиям, реабилитации лиц, страдающих зависимостью; стремление к самовоспитанию, повышению уровня правосознания, правовой культуры, интеллектуального, профессионального и образовательного развития; участие в общественной работе; низкий уровень конфликтности и агрессивности, эгоистичности и цинизма; высокий уровень ответственности и самоконтроля; нервно-психическая устойчивость (переносимость экстремальных ситуаций, адаптивная гибкость, способность к прощению, жизнерадостность, склонность к положительным переменам); адекватность самооценки эмоционального состояния, равно, как и поведения; положительная система гуманистических, иных ценностных ориентаций; сохранение (восстановление) социально – полезных связей; положительные изменения в структуре характера.

Принимая во внимание вышеизложенное, как и основные цели пенитенциарной пробации, реализуемые по следующим ведущим направлениям, предлагается следующее понятие «профилактика преступности в пенитенциарном учреждении в рамках пенитенциарной пробации»: система мер социального и воспитательного, правового, организационного и информационного, психологического характера, направленных на

воспитание, перевоспитание личности преступника, в соответствии с принципами гуманности, законности и справедливости, недопустимости противоправного поведения; на выявление и ограничение детерминант преступности; на устранение обстоятельств, оказывающих влияние совершение преступления. При этом, меры, реализуемые в рамках пенитенциарной пробации, целесообразно дифференцировать на: первичные, предполагающие исправление и профилактику рецидива у лиц со сформированным ранее правонарушающим поведением, и вторичные, направленные на нейтрализацию новых криминальных тенденций, которые могут возникнуть в условиях особого влияния на личность осужденного явлений криминальной субкультуры.

На постпенитенциарном этапе пробации, не делающем акцент, в соответствии с законодательством о пробации, на исправлении личности преступника, в качестве средств профилактики преступности целесообразно признать ресоциализацию, социальную адаптацию и реабилитацию освобожденного, реализуемую субъектами постпенитенциарной пробации при взаимодействии с субъектами профилактики правонарушений, включая ОВД РФ, осуществляющие, наряду с иными мерами профилактики преступности, меры по административному надзору [9, с. 187]. Пенитенциарная пробация, таким образом, - эффективный инструмент профилактики преступности [10, с. 223], формирующий, с учетом персонального подхода, методы исправления личности. При этом, необходимо признать: поскольку пенитенциарная преступность, именуемая также «наказательной», «рецидивной», характеризуется признаками регрессии, возрождением криминальной активности, спецификой слагающих ее деяний [11, с. 104], выступая частью национальной преступности, детерминирующей постпенитенциарную преступность, ее профилактика требует более совершенного подхода к координации усилий всех субъектов профилактики (специализированных, полуспециализированных, неспециализированных). Изложенные выводы вытекают из позиции законодателя о пробации, из экспертных мнений, озвученных на совещаниях в МВД РФ, Минюсте РФ, посвященных совершенствованию национальной системы пробации, из итогов авторского анкетирования, из экспертных опросов осужденных к наказанию в виде лишения свободы, освобожденных, сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы.

Список литературы:

1. Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. - М.: Юридическая литература, 1972. - 102 с.
2. Новицкий А.А. Профилактика преступлений в Российской Федерации // Вопросы студенческой науки. - 2020. - №11 (51). - С.276-279.
3. Лузгин С.А., Кузнецов М.И., Казанцев В.Н. Социальная работа в уголовно-исполнительной системе / Ю.И. Калинина. - Рязань: Академия права управления ФСИН, 2006. - 355 с.
4. Еремеева А.А. Пенитенциарная социальная работа по восстановлению, поддержанию и укреплению социальных связей осужденных: автореф. дис. социолог. наук. 22.00.04. Нижний Новгород, 2022. 34 с.
5. Валежина Я.О. Особенности воспитательной работы с вновь прибывшими осужденными в местах лишения свободы // Актуальные вопросы уголовно-исполнительной системы России в условиях реформирования. Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции адъюнктов, курсантов, студентов и слушателей. - Вологда, 2019. - С.35-39.
6. Сластенин В.А. Методика воспитательной работы. - М.: Academia, 2019. - 17 с.
7. Первозванский В.Б., Силенков В.И. Ресоциализация осужденных и гуманизация исполнения наказания в виде лишения свободы как средства реализации национальной идеи // Вестник Кузбасского института. - 2017. - № 3. - С. 74–81.
8. Горина Е.Е. Проблемы и перспективы развития патриотического воспитания в уголовно-исполнительной системе на современном этапе // Социальные отношения. - 2022. - № 3 (42). - С. 69-76.
9. Ковалев О.Г. К вопросу взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с субъектами пробации в свете реализации Федерального закона 06.02.2023 № 10-ФЗ «О Пробации в Российской Федерации» // Право и управление. - 2024. - № 10. - С.184-198.
10. Кунц Е.В. Пробация как инструмент профилактики внутренней угрозы национальной безопасности // Вестник Саратовской государственной юридической академии (Научно-практический дискурс института пробации (Послесловие 4.1 Саратовского юридического форума)). 2025. № 5 (166). С. 221.
11. Ваганов А.Б. Понятие, содержание и особенности пенитенциарной преступности // Трибуна молодого ученого. - 2011. - С.103-106.

Yakovleva M. A.The phenomenon of penitentiary probation in the context of crime prevention and personality development // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 644-651.

This article examines penitentiary probation and its impact on the transformation of the spiritual and moral personality paradigm of individuals serving a prison sentence. The author argues that this type of probation is an effective crime prevention tool designed to mitigate the negative effects of subsequent criminalization in isolation from society. This result is proven to be achieved through targeted and systematic measures aimed at both providing assistance in behavioral correction and successful reintegration into society after release, as well as preventing recidivism. The article presents the author's definition of the category "crime prevention in a penitentiary institution within the framework of probation." It has been proven that, in order to improve the penitentiary probation mechanism, which impacts crime prevention and the spiritual and moral development of convicted individuals, legislative amendments are required, including: supplementing the Federal Law "On the Fundamentals of the Crime Prevention System in the Russian Federation" with a new crime prevention focus; and developing, at the level of the Federal Penitentiary Service of Russia Order.

Key words: probation, penitentiary probation, personality of the convicted person, imprisonment, correction of the personality of the criminal, crime prevention, social work, educational work, psychological laboratory, correction of social behavior, patriotism.

Spisok literatury:

1. Lekar' A.G. Profilaktika prestuplenij. - M.: Yuridicheskaya literatura, 1972. - 102 s.
2. Novickij A.A. Profilaktika prestuplenij v Rossijskoj Federacii // Voprosy studencheskoj nauki. - 2020. - №11 (51). - S.276-279.
3. Luzgin S.A., Kuznecov M.I., Kazancev V.N. Social'naya rabota v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme / Yu.I. Kalinina. - Ryazan': Akademiya prava upravleniya Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniya, 2006. - 355 s.
4. Eremeeva A.A. Penitenciarnaya social'naya rabota po vosstanovleniyu, podderzhaniyu i ukrepleniyu social'nyh svyazej osuzhdennyh: avtoref. dis. sociolog. nauk. 22.00.04. - Nizhnij Novgorod, 2022. - 34 s.
5. Valezhina Ya.O. Osobennosti vospitatel'noj raboty s vnov' pribyvshimi osuzhdennymi v mestah lisheniya svobody // Aktual'nye voprosy ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii v usloviyah reformirovaniya. Sbornik materialov mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii ad"yunktov, kursantov, studentov i slushatelej. - Vologda, 2019. - S.35-39.
6. Slastenin V.A. Metodika vospitatel'noj raboty. - M.: Academia, 2019. - 17 s.
7. Pervozvanskij V.B., Silenkov V.I. Resocializaciya osuzhdennyh i gumanizaciya ispolneniya nakazaniya v vide lisheniya svobody kak sredstva realizacii nacional'noj idei // Vestnik Kuzbasskogo instituta. - 2017. - № 3. - S. 74–81.
8. Gorina E.E. Problemy i perspektivy razvitiya patrioticheskogo vospitaniya v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme na sovremennom etape // Social'nye otnosheniya. - 2022. - № 3 (42). - S. 69-76.
9. Kovalev O.G. K voprosu vzaimodejstviya ugolovno-ispolnitel'nyh inspekcij s sub"ektami probacii v svete realizacii Federal'nogo zakona 06.02.2023 № 10-FZ «O Probacii v Rossijskoj Federacii» // Pravo i upravlenie. - 2024. - № 10. - S.184-198.
10. Kunc E.V. Probaciya kak instrument profilaktiki vnutrennej ugrozy nacional'noj bezopasnosti // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. - 2025. - № 5 (166). - S.221-224.
11. Vaganov A.B. Ponyatie, soderzhanie i osobennosti penitenciarnoj prestupnosti // Tribuna molodogo uchenogo. - 2011. - S.103-106.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 652-657.

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

УДК 346

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАЩИТЫ КОНКУРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Бабурина П. М.

Институт правоведения Российского государственного гуманитарного университета

В статье анализируется роль здоровой конкуренции как фактора, влияющего инвестиционный климат и экономику, рассматриваются современные вызовы для антимонопольного регулирования в условиях цифровизации. Необходимость изменений в антимонопольном законодательстве была обусловлена, в том числе, появлением новых форм монополизации, в частности цифровых экосистем, которые требуют адаптации существующих правовых норм. Такие цифровые платформы как маркетплейсы, агрегаторы, магазины приложений стали играть значительную роль на рынке обращения товаров и услуг, при этом появились дополнительные возможности для нарушения прав других участников рынка. Автор выделяет концептуальные различия между традиционными и цифровыми монополиями, обосновывает необходимость введения новых критериев оценки доминирующего положения, например, сетевого эффекта, и формулирует вывод о том, что принятые законодательные изменения являются важным, но лишь начальным этапом в формировании гибкой системы регулирования цифровых рынков. Подчеркивается необходимость дальнейшего мониторинга правоприменительной практики и развития специального регулирования для крупнейших цифровых платформ.

Ключевые слова: конкуренция, монополистическая деятельность, инвестиционный климат, антимонопольное регулирование, цифровая экономика, цифровые платформы, сетевой эффект.

Наличие здоровой конкуренции выступает одним из основных факторов, влияющих на рыночную экономику. Она представляет собой процесс соперничества хозяйствующих субъектов, осуществляемый на паритетных началах, при котором каждый участник рынка стремится к достижению оптимальных результатов хозяйственной деятельности. Важнейшей характеристикой конкуренции является её правовая регламентация: процесс соперничества должен протекать в строго установленных законодательством рамках, обеспечивающих соблюдение принципов добросовестности и равенства условий.

Существую различные подходы к трактовке понятия конкуренции в целом. Так, Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «общественная идея конкуренции состоит в том, что обеспечение личного существования со стороны каждого хозяйства ведет к наилучшему обеспечению интересов общества… Среди торговых представителей открывается ожесточенная борьба перед потребителями… Каждое предприятие стремится привлечь к себе и отвлечь от другого возможно больше число потребителей…», А. Смит понимал сущность конкуренции как совокупность взаимонезависимых попыток различных продавцов установить контроль на рынке, Йозеф А. Шумпетер в своей теории экономического развития определял конкуренцию как борьбу старого с новым. Следует отметить, что в правовой и экономической теории подходы к понятию конкуренции разнятся.

В целом, с теоретико-правовой точки зрения конкуренцию можно определить как естественное состояние рыночной экономики, при котором хозяйствующие субъекты, руководствуясь установленными и гарантированными государством правилами поведения, на паритетных началах вступают в соперничество за достижение лучших результатов хозяйствования на соответствующем товарном или финансовом рынке. Ключевым признаком конкуренции является отсутствие возможности у какого-либо субъекта или группы лиц в одностороннем порядке определять общие условия обращения товаров, работ или услуг на данном рынке, что обеспечивает поддержание рыночного

равновесия и предотвращает возникновение монополий.

Противоположным по своей сущности и негативным по экономическим последствиям явлением по отношению к конкуренции выступает монополистическая деятельность. Она характеризуется отрицанием конкурентной борьбы и установлением контроля одного или нескольких хозяйствующих субъектов над рынком.

Согласно ст. 4 Федерального закона «О защите конкуренции», монополистическая деятельность определяется как злоупотребление хозяйствующим субъектом, группой лиц своим доминирующим положением на рынке, заключение соглашений или осуществление согласованных действий, запрещённых антимонопольным законодательством, а также совершение иных действий (бездействия), признанных монополистической деятельностью в соответствии с федеральными законами.

С экономической точки зрения монополистическая деятельность выражается в приобретении и удержании рыночной власти, позволяющей субъекту или их группе устанавливать и поддерживать цены на уровне, существенно превышающем конкурентный, в течение длительного периода времени с целью извлечения сверхприбыли. Такое поведение приводит к нарушению рыночного механизма, снижению эффективности распределения ресурсов, ограничению инновационной активности и ущемлению интересов потребителей.

Именно на поддержание рыночного равновесия и направлено действие Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции», принятие которого в 2006 г. ознаменовало качественно новый этап в развитии российского антимонопольного законодательства. Данный закон был призван действовать в двух направлениях: во-первых, защищать конкуренцию, определяя правила поведения на рынке, во-вторых, противодействовать деятельности монополий, а также унифицировать правовое регулирование конкуренции как на товарном рынке, так и на рынке финансовом. Но, следует отметить, что до сих существует некоторое дублирование этого закона, которое может вводить в заблуждение лиц, применяющих его на практике, а именно наличие частично действующего Закона РСФСР от 22.03.1991 № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», в котором действует лишь одна статья.

Он провозгласил в качестве своих основных целей обеспечение единства экономического пространства РФ, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности, защиту конкуренции как ключевого института рыночной экономики, а также создание благоприятных условий для эффективного функционирования товарных и финансовых рынков. Принципиальной новеллой данного нормативного акта стало установление единых правовых основ защиты конкуренции на всех видах рынков — как товарных, так и финансовых, что позволило преодолеть прежнюю фрагментарность антимонопольного регулирования.

С момента принятия ФЗ № 135-ФЗ прошло 20 лет и в настоящее время перед отечественным законодателем встали новые задачи по развитию законодательства, регулирующего конкуренцию, обусловленные вызовами времени, цифровизацией экономики, правоприменительной практикой. Появление и активное развитие экосистем, новые виды антиконкурентных действий, цифровизация экономики влекут за собой необходимость изменения правовых норм. Следует отметить, что цифровые монополии существенно отличаются от монополий традиционных и постепенно их развитие становится проблемой для всей экономики.

Традиционные монополии, как естественные, так и искусственные, обычно возникают в секторах с высокой капиталоёмкостью, значительными барьерами входа и контролем над материальными ресурсами. Это может быть железнодорожное сообщение,

сфера ЖКХ или добыча полезных ископаемых. В качестве отличительных черт можно выделить следующие: доминирование за счёт контроля над физической инфраструктурой; возможность регулирования через тарифное регулирование и прямое государственное вмешательство; относительно стабильная рыночная структура; монопольная власть проявляется преимущественно в завышении цен и ограничении объёмов производства.

Если же говорить о цифровых монополиях, то они обладают принципиально иной природой и иными характеристиками: доминирование достигается посредством контроля над Big Data, алгоритмами (например, таргетированной рекламой), а также посредством развития экоисистем; высокая динамичность и способность быстро масштабироваться; цена не является основным инструментом проявлением монополистического влияния (например, используются непрозрачные алгоритмы либо практикуется покупка и последующее закрытие еще только потенциальных конкурентов, так называемый killer acquisitions); трудность применения традиционных критериев доминирования, так как зачастую рыночная доля часто не отражает реальной власти. В частности, это характерно для экосистем, так как охватывают сразу несколько рынков товаров, работ или услуг.

При это необходимо отметить сложность оценки вредного воздействия тех же экосистем на состояние конкуренции, исключительно руководствуясь тем, используют они недобросовестные приемы или нет, здесь можно утверждать, что они в любом случае потенциально опасны. И их положение должно отдельно регламентироваться антимонопольным законодательством по аналогии с субъектами, занимающими доминирующее положение, которые еще не монополии, но уже имеют существенное влияние на рынок и могут им воспользоваться в своих интересах. Банк России в своем Докладе для общественных обсуждений также выражал озабоченность относительно экосистем, однако, мегарегулятор сосредоточил свое внимание не на состоянии конкуренции на рынке финансовых услуг, а на проблеме сохранения персональных данных клиентов экосистем. И если щупальца «спрута» традиционной монополии достаточно легко обнаружить, то в цифровой среде определить реальное влияние той или иной компании достаточно сложно. Для цифровой монополии характерны такие признаки как динамическое доминирование, сильные прямые и косвенные сетевые эффекты, возможность управлять огромными базами данных и наличие соответствующих ресурсов, как технологических, так и энергетических. Эти монополии, как правило, носят как раз экосистемный характер.

Если говорить про отечественный опыт регулирования цифровых рынков, то можно отметить следующее. Такие цифровые платформы как маркетплейсы, агрегаторы, магазины приложений приобрели значительное влияние на условия обращения товаров и услуг, что создаёт риски монополизации и ущемления интересов других участников рынка. В ответ на эти вызовы Федеральная антимонопольная служба разработала комплекс мер, известный как «пятый антимонопольный пакет».

Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ, вступивший в силу 1.09.2023 г., стал одним из ключевых элементов нового пакета изменений. Он направлен на модернизацию антимонопольного регулирования в условиях цифровизации экономики и предотвращение злоупотреблений доминирующим положением владельцами цифровых платформ.

Среди основных нововведений можно выделить следующие. Во-первых, в ст. 4 Закона о защите конкуренции было введено понятие сетевого эффекта — свойства товарного рынка, при котором потребительская ценность цифровой платформы зависит от количества пользователей на ней. Во-вторых, законодательно закреплено определение

цифровой платформы как программы для электронных вычислительных машин в информационно-телекоммуникационных сетях, позволяющей заключать сделки между продавцами и покупателями. При этом антимонопольный орган теперь обязан выявлять наличие сетевых эффектов и оценивать, может ли владелец платформы оказывать решающее влияние на общие условия обращения товара, устранять конкурентов или создавать барьеры для входа на рынок. Данное нововведение учитывает особенности цифровых рынков, где традиционные показатели (доля рынка, барьеры входа и т.д.) часто оказываются недостаточными.

В-третьих, ст. 10.1 вводит специальный запрет для владельцев цифровых платформ. Им запрещаются действия (или бездействие), которые приводят или могут привести к недопущению, ограничению, устранению конкуренции и (или) ущемлению интересов других лиц. Для применения этого запрета одновременно должны быть выполнены три условия: наличие сетевого эффекта, позволяющего владельцу платформы оказывать решающее влияние на условия обращения товара (в том числе устранять конкурентов или затруднять доступ на рынок); доля сделок, совершаемых через платформу, превышает 35% от общего объёма на соответствующем товарном рынке; выручка владельца платформы за предшествующий календарный год превышает 2 млрд руб. В-четвёртых, были расширены критерии обязательного предварительного согласования сделок с ФАС. Теперь согласие антимонопольного органа требуется, если цена приобретаемых активов или прав превышает 7 млрд руб. Это требование действует дополнительно к уже существующим критериям по активам и выручке. Новое правило особенно важно для IT-компаний и платформ, обладающих высокой стоимостью интеллектуальной собственности при относительно небольшой балансовой стоимости материальных активов. В-пятых, была усилена роль экспертизы при рассмотрении ходатайств о согласовании сделок, дел о нарушении антимонопольного законодательства и контроле исполнения предписаний. Стороны могут предлагать кандидатуры экспертов и вопросы, заявлять отводы. Однако, окончательное решение о назначении принимает ФАС.

Если оценивать данные изменения, внесенные в законодательство, регулирующее конкуренцию, в качестве попытки его адаптации к реалиям цифровой экономики то, безусловно, можно выделить положительные аспекты.

В качестве таковых можно выделить введение специальных инструментов анализа, например, оценка того же сетевого эффекта, определение новых пороговых значений для сделок, подлежащих контролю, что сместило фокус внимания исключительно с компаний, обладающих высокой балансовой стоимостью активов к другим компаниям, обладающим более низкой стоимостью, однако, имеющих не меньшую возможность влиять на рынок и его участников. В целом, можно утверждать, что принятие «пятого пакета» это новый этап в развитии российского антимонопольного законодательства в условиях цифровизации экономики. Конечно, сохраняется ряд проблем. Так, введенные оценочные категории такие как, например, «сетевой эффект», могут привести к правовой неопределённости на начальном этапе.

Существует опасность «зарегулировать» деятельность компаний, излишне замедлить сделки, создать дополнительные сложности особенно для компаний, развивающих и внедряющих инновационные продукты. Также необходима актуализация ряда приказов ФАС, в частности Приказа ФАС № 220 и Приказа ФАС №433.

Также остаются вопросы экстерриториальности применения норм к иностранным платформам, особенно учитывая санкции и геополитическую обстановку.

Как было сказано выше, пятый антимонопольный пакет представляет собой важный этап эволюции российского конкурентного права. Он заполняет пробелы в регулировании цифровых рынков и создаёт основу для дальнейшего развития института регулиро-

вания цифровых платформ, дополняя профильное законодательство.

Для повышения эффективности применения пакета необходимо принять ряд мер, в частности, необходимы разъяснения ФАС по методике анализа сетевых эффектов, анализ правоприменительной практики и судебное толкование ключевых понятий. В долгосрочной перспективе было бы целесообразно рассмотреть вопрос о дальнейшем развитии специального регулирования крупнейших цифровых экосистем с учётом международного опыта, особенно опыта КНР, так как именно в Китае продажи в сфере электронной коммерции растут семимильными шагами, и специалисты отмечают несколько глобальных основных тенденций в развитии цифровизации в целом и экосистем в частности. Также следует сказать, что Правительство утвердило Национальный план развития конкуренции на 2026–2030 гг., где цифровые платформы выделены как приоритетное направление.

Как и любое явление, цифровые монополии имеют как плюсы, так и минусы. В качестве первых можно выделить безусловное удобство для потребителей, а также инновационную деятельность платформ. В качестве вторых очевидны риски для конкуренции и возможности для злоупотреблений. Следует также отметить, что в современных условиях дополнительным вызовом нашей стране является необходимость обеспечения технологического суверенитета при одновременном развитии конкуренции на внутренних рынках. Таким образом, цифровые монополии, цифровые рынки и цифровая торговля в целом требуют формирования новых подходов к антимонопольному регулированию, подходов технологичных, гибких и ориентированных на долгосрочное сохранение конкурентного процесса в условиях цифровой трансформации экономики.

Список литературы:

9. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. СПб., 1908. С. 109.
10. Адам Смит «Исследование о природе и причинах богатства народов» М.: ЭКСМО, 2007.
11. Шумпетер Й.А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. М.: Эксмо, 2007.
12. О защите конкуренции: федеральный закон [от 26.07.2006 № 135-ФЗ] // СЗ РФ - 2006. - №31. - Ч. 1. - Ст. 3434.
13. О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: закон РСФСР [от 22.03.1991 № 948-1] // Ведомости СНД и ВС РСФСР - 1991. - № 16. - Ст. 499.
14. П.М. Бабурина «К вопросу о роли экосистем в цифровизации рынка финансовых услуг» // Юридические наука и практика: цифровая трансформация и сохранение традиций: XXV Всероссийская научная конференция Муромцевские чтения. Москва, 2025 г. – С. 218 – 228.
15. О персональных данных: федеральный закон [от 27.07.2006 № 152-ФЗ] // СЗ РФ – 2006. - № 31. - Ч.1. - Ст. 3451.
16. О внесении изменений в Федеральный закон "О защите конкуренции: федеральный закон [от 10.07.2023 № 301-ФЗ] // СЗ РФ. – 2023. - № 29. - Ст. 5319.
17. Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке: приказ ФАС России [от 28.04.2010 № 220] // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти – 2010. - № 34.
18. Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции в целях установления доминирующего положения кредитной организации: приказ ФАС России [от 28.06.2012 № 433] // Российская газет – 2012. - № 168.
19. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: федеральный закон [от 31.07.2025 № 289-ФЗ] // СЗ РФ – 2025. - № 31. - Ст. 4643 (вступает в силу с 1 октября 2026 года).
20. The future of digital innovation in china megatrends shaping one of the worlds fastest evolving digital ecosystems URL: https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/the-future-of-digital-innovation-in-china-megatrends-shaping-one-of-the-worlds-fastest-evolving-digital-ecosystems (дата обращения 15.05.26)

Baburina P.M. Features of legal regulation of competition protection in modern conditions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 652-657..

The article analyzes the role of healthy competition as a factor influencing the investment climate and the economy, examines modern challenges for antimonopoly regulation in the context of digitalization. The need for changes in antimonopoly legislation was caused, among other things, by the emergence of new forms of monopolization, in particular digital ecosystems, which require adaptation of existing legal norms. Digital platforms such as marketplac-

es, aggregators, and app stores have begun to play a significant role in the market for the circulation of goods and services, while additional opportunities have emerged for violating the rights of other market participants. The author highlights the conceptual differences between traditional and digital monopolies, justifies the need to introduce new criteria for assessing a dominant position, for example, the network effect, and formulates the conclusion that the adopted legislative changes are an important, but only the initial stage in the formation of a flexible system of regulation of digital markets. The need for further monitoring of law enforcement practices and the development of special regulation for the largest digital platforms is emphasized.

Keywords: competition, monopolistic activity, investment climate, antimonopoly regulation, digital economy, digital platforms, network effect.

Spisok literatury:

1. Shershenevich G.F. Course of commercial law. St. Petersburg, 1908. P. 109.
2. Adam Smith "Research on the nature and causes of the wealth of nations" M.: EKSMO, 2007.
3. Schumpeter J.A. Theory of economic development. Capitalism, socialism and democracy. Moscow: Eksmo, 2007.
4. On protection of competition: Federal Law [dated July 26, 2006, No. 135-FZ] // SZ RF - 2006. - No. 31. - Part 1. - Art. 3434.
5. On competition and restriction of monopolistic activity in commodity markets: the law of the RSFSR [dated 03/22/1991 No. 948-1] // Vedomosti SND and VS RSFSR - 1991. - No. 16. - Art. 499.
6. P.M. Baburina "On the role of ecosystems in the digitalization of the financial services market" // Legal science and practice: digital transformation and preservation of traditions: XXV All-Russian Scientific Conference Muromtsev Readings. Moscow, 2025, pp. 218-228.
7. On personal data: Federal Law [dated 27.07.2006 No. 152-FZ] // SZ RF – 2006. No. 31. Part 1. Art. 3451.
8. On Amendments to the Federal Law "On Protection of Competition: Federal the law [dated 07/10/2023 No. 301-FZ] // Federal Law of the Russian Federation. – 2023. - No. 29. - Article 5319.
9. On approval of the Procedure for analyzing the state of competition in the commodity market: order of the FAS of Russia [dated 04/28/2010 No. 220] // Bulletin of Regulatory Acts of Federal Executive Authorities – 2010. - No. 34.
10. On approval of the Procedure for analyzing the state of competition in order to establish the dominant Position of a credit institution: order of the FAS of Russia [dated 06/28/2012 No. 433] // Rossiyskaya gazeta – 2012. - No. 168.
11. On certain issues of regulating the platform economy in the Russian Federation: Federal Law [dated 07/31/2025 No. 289-FZ] // SZ RF – 2025. - No. 31. - Art. 4643 (effective October 1, 2026).
12. The future of digital innovation in China: Megatrends are shaping one of the fastest-growing digital ecosystems in the world. URL: https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/the-future-of-digital-innovation-in-china-megatrends-shaping-one-of-the-worlds-fastest-evolving-digital-ecosystems (publication date 05/15/26).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. С. 658-662.

УДК 347.9

ОГОВОРКА О ПУБЛИЧНОМ ПОРЯДКЕ И ПРОБЛЕМЫ ОКАЗАНИЯ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ КОЛЛИЗИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Годованик Е. В., Квач С. С., Квач И.В.

В статье исследовано взаимодействие института оговорки о публичном порядке (order public) и обязательств государств по оказанию правовой помощи в международном гражданском и арбитражном процессе. Анализируются доктринальные основы и практические проявления коллизий, возникающих при отказе в оказании правовой помощи по мотивам нарушения публичного порядка. Рассматриваются подходы к ограничительному толкованию оговорки, критерии приемлемости ее применения в данной сфере и возможные механизмы минимизации конфликтов для обеспечения эффективного доступа к правосудию в трансграничных спорах.

Ключевые слова: оговорка о публичном порядке, правовая помощь, международный гражданский процесс, экзекватура, исполнение судебных поручений, Гаагские конвенции, отказ в правовой помощи, международное сотрудничество, доступ к правосудию, конфликт юрисдикций.

Международная правовая помощь – краеугольный камень эффективного функционирования системы транснационального правосудия. Она охватывает широкий спектр процессуальных действий: вручение документов за рубежом, получение доказательств на территории иностранного государства, признание и исполнение иностранных судебных и арбитражных решений. Однако предоставление такой помощи не является абсолютной обязанностью государств.

Одним из наиболее значимых, но и наиболее проблематичных оснований для отказа в ее оказании выступает оговорка о публичном порядке (ст. 13 Гаагской конвенции по вопросам гражданского процесса 1954 г. [1], ст. 12 Гаагской конвенции о вручении за границей судебных и внесудебных документов 1965 г. [2], ст. 11 Гаагской конвенции о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам 1970 г. [3], ст. V Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г.) [4]. Ее применение в контексте правовой помощи порождает фундаментальную коллизию между принципом международной вежливости и сотрудничества, с одной стороны, и необходимостью защиты основополагающих ценностей национального правопорядка – с другой.

Доктринальная сущность оговорки о публичном порядке в контексте правовой помощи. Публичный порядок в международном частном праве понимается как совокупность основополагающих, императивных принципов правовой, политической, экономической и моральной системы государства, соблюдение которых считается необходимым для поддержания его суверенитета и социального устройства. Оговорка (резервирование) о публичном порядке – это механизм, позволяющий государству отказаться от применения иностранного права, признания иностранного судебного решения или исполнения процессуальных действий, если их последствия явным образом противоречат этим фундаментальным основам (order public international). В сфере правовой помощи специфика оговорки заключается в ее применении не к материальным нормам иностранного права, а к процессуальным действиям или решениям, инициированным иностранным юрисдикционным органом.

Как отмечается в профильной литературе, «в правоприменительной практике российских судов обнаруживаются различные факторы, оказывающие влияние на оценку иностранных решений с точки зрения их соответствия российскому публичному порядку. В качестве основания для отказа в признании и приведении в исполнение арбит-

ражных решений рассматривались лишение права выбора арбитра в нарушение применимых правил арбитража; нарушение принципа независимости и беспристрастности арбитров; вынесение решения составом арбитров в нарушение арбитражной оговорки; нарушение принципа равноправия спорящих сторон, состязательности процесса, беспристрастности рассмотрения конфликта, справедливости выносимого решения; нарушение принципа мирного (досудебного) разрешения споров и проч». [5, с.70]. Статистика показывает, что «за десять лет арбитражные суды отказались привести в исполнение 20 иностранных арбитражных решений из-за нарушения публичного порядка РФ. Это около 40 % от всех отказов» [6].

Рассмотрим основные проблемы применения оговорки при оказании правовой помощи:

1. Проблема «двойного фильтра» при исполнении решений. Первый фильтр (на стадии экзекватуры) - Государство, запрашиваемое о признании и исполнении иностранного решения, проверяет, не противоречит ли само решение (его содержание или процедура вынесения) его публичному порядку (ст. V(2)(b) Нью-Йоркской конвенции 1958 г. [4]). Второй фильтр (на стадии оказания помощи в исполнении) - Даже если решение признано, конкретные меры по его принудительному исполнению (арест имущества, выселение и т.д.) могут быть заблокированы, если их реализация на территории запрашиваемого государства нарушает его публичный порядок. Например, исполнение решения о взыскании штрафных санкций, многократно превышающих компенсационный ущерб (punitive damages), может быть ограничено или отвергнуто в странах, где такая практика противоречит принципу соразмерности.

2. Проблема отказа в исполнении судебных поручений (Letters Rogatory). Запрос о совершении процессуального действия (допрос свидетеля, осмотр имущества, получение документа) может быть отклонен, если запрашиваемое действие само по себе противоречит публичному порядку запрашиваемого государства. Классический пример – отказ в исполнении поручения о проведении «досудебного открытия доказательств» в объеме, характерном для common law, если это противоречит процессуальным принципам страны исполнения (например, чрезмерно обременительно или нарушает конфиденциальность). Ст. 12(b) Гаагской Конвенции 1970 г. [3] прямо предусматривает такой отказ, если исполнение «нарушает суверенитет или безопасность» или «противоречит order public» запрашиваемого государства.

3. Проблема вручения документов.Отказ во вручении судебных документов по мотивам order public встречается реже, но возможен, если содержание документа явно и грубо противоречит основам правопорядка (например, содержит откровенно расистские призывы или требования, явно незаконные с точки зрения запрашиваемого государства). В последнее время в литературе всё чаще звучат тезисы о необходимости ввести «упрощённый механизм направления иностранных судебных поручений, соответствующий современным темпам передачи информации» [7, с.108].

4. Проблема «скрытой материальной проверки». Основная доктринальная претензия к применению оговорки в сфере правовой помощи – риск ее использования для косвенной переоценки существа дела (revision au fond), что прямо запрещено большинством конвенций (напр., ст. V Нью-Йоркской конвенции). Запрашиваемое государство, отказывая в помощи под предлогом order public, может фактически не соглашаться с материально-правовыми выводами иностранного суда или арбитража, а не с процедурными аспектами или последствиями исполнения на своей территории. Это подрывает саму идею взаимного доверия и признания юрисдикции.

5. Проблема неопределенности и разнородности понятия order public. Содержание публичного порядка не кодифицировано, динамично и варьируется от страны к стране.

То, что является фундаментальным принципом в одном государстве (например, строгие правила защиты данных), может не рассматриваться таковым в другом. Это создает правовую неопределенность, риск произвольного применения оговорки и затрудняет прогнозирование возможности получения правовой помощи.

Интересно, что в большинстве современных исследований «авторы отмечают некоторую размытость категории «публичный порядок» и, как следствие, редкие случаи в практике государственных судов, когда данное основание используется для отмены решений международных коммерческих арбитражей» [8, с.77].

Для смягчения описанных проблем доктрина и передовая судебная практика выработали ряд принципов ограничительного применения оговорки о публичном порядке в контексте правовой помощи:

1. Принцип исключительности - оговорка должна применяться лишь в исключительных случаях, когда противоречие публичному порядку является явным, непосредственным и непреодолимым. Недостаточно простого различия в правовых нормах или подходах. При этом, «суд, приводящий в исполнение решение иностранного арбитража, не вправе переоценивать его выводы по существу спора – возможна лишь проверка процессуальных оснований недействительности решения» [9, с.17].

2. Принцип «международного» публичного порядка (Order Public International). Оговорка должна ссылаться не на любые императивные нормы внутреннего права, а только на основополагающие принципы, составляющие саму сущность правопорядка данного государства в его международных аспектах. Это сужает сферу ее действия. Необходимо учитывать, что «оговорка о публичном порядке преимущественно защищает внутренний публичный порядок, восполняя недостаточность или отсутствие внутригосударственных механизмов, подменяя сверхимперативные нормы» [10, с.39].

3. Принцип конкретных последствий. Оценке подлежат не абстрактные нормы или решение в целом, а конкретные последствия признания или исполнения решения (или совершения процессуального действия) на территории запрашиваемого государства. Противоречие должно касаться именно этих последствий.

4. Отказ от пересмотра по существу. Категорически недопустимо использование оговорки для переоценки правильности применения материального или процессуального права иностранным судом или арбитражем. Проверке подлежит лишь результат применения этого права с точки зрения его воздействия на местный order public при исполнении.

5. Принцип пропорциональности: Даже при наличии конфликта с публичным порядком следует исследовать возможность частичного исполнения или применения корректирующих мер, а не автоматического полного отказа в помощи.

Для минимизации конфликтов и обеспечения эффективной правовой помощи предлагаются следующие меры:

1. Гармонизация стандартов. Продвижение на международном уровне (через Гаагскую конференцию по МЧП, UNCITRAL) более четких и единообразных подходов к пониманию order public в контексте правовой помощи, включая разработку рекомендаций или примерных перечней неприемлемых последствий.

2. Детализация конвенционных норм. Включение в новые международные договоры или протоколы к существующим более детализированных положений о применении оговорки, конкретизирующих критерии «явного противоречия» и процедуры консультаций между государствами при возникновении сомнений.

3. Расширение сферы прямого взаимодействия судов. Развитие механизмов прямого общения между судами запрашивающего и запрашиваемого государств (напр., в рамках Регламентов ЕС) для уточнения целей и содержания поручений, что может предот-

вратить отказы на основе непонимания или неверной интерпретации.

4. Повышение осведомленности и обучение. Информирование судей и практикующих юристов о доктрине ограничительного применения оговорки и международных стандартах в сфере правовой помощи для снижения риска ее необоснованного использования.

5. Альтернативные механизмы сотрудничества. Поощрение использования современных технологий (видеоконференцсвязь для допросов, электронный обмен документами) и упрощенных процедур, которые могут обойти чувствительные моменты, связанные с order public.

Оговорка о публичном порядке остается необходимым инструментом защиты суверенных основ государства в процессе международного сотрудничества по оказанию правовой помощи. Однако ее неконтролируемое или расширительное применение превращается в серьезное препятствие для доступа к правосудию в трансграничных спорах, подрывает предсказуемость и эффективность международного гражданского оборота. Преодоление возникающих проблем лежит на пути последовательного внедрения в национальную практику доктрины ограничительного и исключительного применения оговорки, строгого следования принципам международного публичного порядка и оценки конкретных последствий, а также активного развития международно-правовых механизмов, направленных на гармонизацию стандартов и повышение доверия между юрисдикциями. Только на этом пути можно достичь баланса между защитой фундаментальных национальных ценностей и неуклонным выполнением обязательств по обеспечению эффективной международной правовой помощи как гарантии права на справедливое судебное разбирательство в глобализированном мире. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на анализе конкретных прецедентов отказа и разработке более тонких критериев разграничения допустимого и недопустимого вмешательства order public в процесс сотрудничества судов.

Список литературы:

1. Конвенция по вопросам гражданского процесса [рус., англ.] (Заключена в г. Гааге 01.03.1954) (с изм. от 25.10.1980) // СПП «ГАРАНТ».
2. Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским или торговым делам (заключена в г. Гааге 15.11.1965) // Собрание законодательства РФ. – 13.12.2004. – № 50. – Ст. 4951.
3. Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским или торговым делам (Гаага, 18 марта 1970 г.) // СПП «ГАРАНТ».
4. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 г.) // СПП «ГАРАНТ».
5. Грибанова С.В. Оговорка о публичном порядке как защитный механизм Российской правовой системы и институт международного частного права // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Естественные, общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 66-70.
6. Исследование Российской арбитражной ассоциации о применении Нью-Йоркской конвенции российскими судами в 2008– 2017 гг. // URL: https://arbitration.ru/ (дата обращения: 22.05.2026).
7. Карандашева Н.Н. Онлайн-механизм направления иностранных судебных поручений // Правовая информатика. – 2024. – № 1. – С. 105-113.
8. Зыков Р.О. Order public нормы антимонопольного права Европейского Союза как основание для отмены решения арбитража // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2007. – № 1(13). – С. 77-84.
9. Михайлов С.В., Фатхи В.И. К вопросу о применении оговорки о публичном порядке в судебной практике // Юристъ-Правоведъ. – 2021. – № 2. – С. 16-20.
10. Войтович Е.П. Оговорка о публичном порядке как основание отказа в применении иностранного семейного права // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 3. – С. 26-43.

Godovanik E.V., Kvach S.S., Kvach I.V. The public policy clause and the problems of providing legal assistance in international civil procedure: doctrinal conflicts and ways to overcome them // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 658-662.

The article examines the interaction of the institution of a public policy clause (order public) and the obligations of States to provide legal assistance in international civil and arbitration proceedings. The article analyzes the doctrinal foundations and practical manifestations of conflicts that arise when refusing to provide legal assistance based on violations of public order. Approaches to the restrictive interpretation of a reservation, criteria for the acceptability of

its application in this area, and possible conflict minimization mechanisms to ensure effective access to justice in cross-border disputes are considered.

Keywords: public policy clause, legal aid, international civil procedure, exequatura, execution of court orders, The Hague Conventions, denial of legal aid, international cooperation, access to justice, conflict of jurisdictions.

Spisok literatury:

1. Convention on Civil Procedure [Russian, English] (Concluded in The Hague on March 1, 1954) (as amended on October 25, 1980) // SPP "GARANT".
2. Convention on the Service Abroad of Judicial and Extrajudicial Documents in Civil or Commercial Matters (concluded in The Hague on November 15, 1965) // Collected Legislation of the Russian Federation. - December 13, 2004. - No. 50. - Article 4951.
3. Convention on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters (The Hague, March 18, 1970) // SPP "GARANT".
4. UN Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (New York, June 10, 1958) // SPP "GARANT".
5. Gribanova S.V. The Public Order Clause as a Protective Mechanism of the Russian Legal System and the Institution of Private International Law // Bulletin of Ivanovo State University. Series: Natural and Social Sciences. - 2021. - No. 1. - Pp. 66-70.
6. Study of the Russian Arbitration Association on the Application of the New York Convention by Russian Courts in 2008-2017 // URL: https://arbitration.ru/ (date of access: 22.05.2026).
7. Karandasheva N.N. Online Mechanism for Sending Foreign Judicial Letters // Legal Informatics. - 2024. - No. 1. - Pp. 105-113.
8. Zykov R.O. Public order norms of the antitrust law of the European Union as a basis for annulment of an arbitration award // Bulletin of international commercial arbitration. - 2007. - No. 1 (13). - P. 77-84.
9. Mikhailov S.V., Fathi V.I. On the issue of applying the public order clause in judicial practice // Jurist-Pravoved. - 2021. - No. 2. - P. 16-20.
10. Voytovich E.P. Public order clause as a basis for refusing to apply foreign family law // Law. Journal of the Higher School of Economics. - 2020. - No. 3. - P. 26-43.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 663-668.

УДК 342

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ И ПЛАТЁЖЕСПОСОБНОСТИ СТРАХОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Иванова О.Г., Доросинская А.М.

Крымский филиал РГУП имени В.М. Лебедева

В статье анализируются правовые нормы, регулирующие деятельность страховщиков, а также меры государственного контроля и надзора за их финансовым состоянием**.** Особое внимание уделяется требованиям к размеру уставного капитала, резервам, инвестиционной деятельности и отчётности страховых компаний. Определено, что экономическая безопасность страховой компании состоит в обеспечении ее финансовой устойчивости, поддержания платежеспособности, оптимального уровня ликвидности активов. Правовые механизмы должны работать именно на достижение этих показателей.

Авторами предложена концепция о комплексе мер направленных на предотвращение возможных угроз и рисков, связанных с деятельностью компании. Эти меры включают в себя организационные, экономические и правовые действия, которые осуществляются для защиты компании от потенциальных и реальных угроз со стороны физических и юридических лиц, сотрудников и руководства компании, третьих лиц. Целью этой системы мер, в том числе и правовых, является предотвращение экономических потерь и обеспечение финансовой устойчивости и платежеспособности страховой компании.

Ключевые слова: страховые организации, финансовая устойчивость, платёжеспособность, законодательство, уставный капитал, резервы, инвестиции, отчётность**.**

В силу своей значительной финансовой составляющей, страхование нередко становится объектом экономических злоупотреблений и противоправных действий, таких как мошеннические схемы и неправомерное завладение страховыми выплатами. Вместе с тем, защита имущественных интересов граждан и хозяйствующих субъектов экономики является одной из главных целей института страхования. По этой причине гарантия экономической безопасности в области страхования, особенно финансовой стабильности страховых фирм, приобретает исключительно важное и необходимое значение с практической стороны.

Финансовая устойчивость страховой компании подразумевает ее умение быстро приспосабливаться к меняющимся условиям как внутри, так и снаружи, а также к вероятности появления разного рода рисков и опасностей. В трактовке А.Е. Суглобова, экономическая безопасность страховой компании – это интегральное понятие,Ю которое отражает совокупность условий и факторов: они связаны как с внутренними характеристиками самой компании, так и с внешними влияниями и характером ее взаимодействия с субъектами внешней среды [1].

Таким образом, экономическая безопасность страховой компании состоит в обеспечении ее финансовой устойчивости, поддержания платежеспособности, оптимального уровня ликвидности активов. Правовые механизмы должны работать именно на достижение этих показателей.

По сути, речь идёт о комплексе мер, направленных на предотвращение возможных угроз и рисков, связанных с деятельностью компании. Эти меры включают в

себя организационные, экономические и правовые действия, которые осуществляются для защиты компании от потенциальных и реальных угроз со стороны физических и юридических лиц, сотрудников и руководства компании, третьих лиц. Целью этой системы мер, в том числе и правовых, является предотвращение экономических потерь и обеспечение финансовой устойчивости и платежеспособности страховой компании.

Регулирование деятельности страховых компаний направлено на формирование правового поля для их деятельности, понятные механизмы надзора и контроля в сфере страхового дела, обеспечение гарантий финансовой стабильности страховщиков.

Во многом указанные аспекты урегулированы Положением Банка России от 16.11.2021 N 781-П «О требованиях к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков» [2]. Законодатель также в настоящее время уделяет большое внимание этому вопросу. Так, в Заключении [3] Комитета ГД ФС РФ по финансовому рынку от 12.02.2025 «По проекту федерального закона N 405773-8 «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[3] отмечено, что законопроект направлен на создание российскими страховщиками эффективной системы корпоративного управления и применения риск-ориентированного подхода к оценке финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков. Так, законопроектом предлагается дополнить статьей, регулирующей страховой организацией, обществом взаимного страхования системы управления рисками и капиталом. Основными целями внедрения данной системы является:

- усиление финансовой устойчивости, как обеспечение страховых организаций достаточными запасами капитала для покрытия возможных убытков и соблюдения регуляторных требований;
- управление рисками, то есть разработка стратегий и процессов для идентификации, анализа и минимизации рисков, связанных с деятельностью страховых компаний;
- адаптация к изменениям, которая заключается в возможности быстрой реакции на изменения внешней среды, такие как изменения в законодательстве, экономической ситуации или потребительский предпочтениях;
- соблюдение регуляторных норм, обеспечение соответствия новым требованиям со стороны и органов надзора и повешение доверия со стороны клиентов.

Страховая организация обязана назначить квалифицированное лицо или создать специальное подразделение для реализации функций по управлению рисками и капиталом. В соответствии с установленными требованиями, страховщик обязан на регулярной основе осуществлять независимую оценку собственных рисков и достаточности капитала, обеспечивая их соответствие характеру и масштабам осуществляемых операций. Оценка должна проводится в сроки и в порядке, определенном нормативными актами, издаваемыми регуляторными органами. Таким образом, страховщики обязаны внедрять процедуры и механизмы, позволяющие им, во-первых, идентифицировать риски, то есть определять все потенциальные риски, связанные с их деятельностью, включая страховые, финансовые, операционные и репутационные. Во-вторых, оценивать риски и капитал, путем проведения анализа и вычисления необходимого объема капитала, достаточного для покрытия выявлен-

ных рисков. В-третьих, мониторить параметры риска, то есть устанавливать системы мониторинга и контроля, которые позволят отслеживать изменения в рисках и соответствующий уровень капитала. В-четвертых, разрабатывать стратегии управления рисками, направленных на снижение рисков и поддержание финансовой устойчивости. В результате принятия этого законопроекта предполагается улучшение прозрачности и общей устойчивости страхового сервиса, что благоприятно повлияет на экономику в целом.

Надзор в страховой сфере включает в себя несколько ключевых аспектов. Во-первых, это лицензирование страховых компаний и других участников рынка, а также ведение государственных реестров, в которых фиксируются данные об этих субъектах, объединениях страховщиков и саморегулируемых организациях финансовой сферы.

Во-вторых, он предполагает аккредитацию филиалов зарубежных страховых фирм, работающих на территории России.

В-третьих, страховой надзор подразумевает контроль за соблюдением законодательных требований, предъявляемых к страховщикам. Это включает в себя инспекции на местах для оценки деятельности компаний, проверку достоверности отчетов, а также мониторинг их финансовой устойчивости и способности выполнять принятые обязательства.

В-четвертых, осуществляется выдача разрешений на увеличение уставного капитала страховых организаций за счет иностранных инвестиций и на совершение сделок с участием иностранных инвесторов, связанных с передачей акций или долей в уставных капиталах страховых компаний.

В-пятых, в случаях, предусмотренных законом о несостоятельности (банкротстве), принимаются решения о назначении временной администрации, приостановлении или ограничении полномочий руководящих органов страховой компании.

Наконец, надзорный орган принимает решения о назначении временной администрации в отношении иностранных страховых организаций и о приостановлении полномочий руководителей их филиалов [4].

Габуния Филипп, директор Департамента страхового рынка Банка России указывал, что «капитал страховщика формируют прежде всего для поддержания финансовой устойчивости и обеспечения способности выполнять принятые обязательства. Важное условие — активы, принимаемые в расчёт капитала, должны быть свободны от обременений: это позволяет компании при необходимости незамедлительно использовать капитал, например, в кризисной ситуации. Практика надзора Банка России показывает, что стоимость активов нередко оказывается сильно завышенной — иногда кратно или даже в десятки раз. Как правило, это происходит, когда у поднадзорного субъекта не хватает капитала и он ищет оценщика, готового дать высокую оценку недвижимости. Чаще всего на подобные завышения идут оценочные фирмы, для которых оценочная деятельность не является приоритетной [5]».

Из этого можно сделать вывод, что страховой надзор со стороны Банка России имеет важное значение для обеспечения стабильности и надёжности страховой системы в целом, он помогает предотвратить ситуации, когда страховая компания не может выплатить страховое возмещение из-за финансовых проблем, способствует повышению доверия страхователей к страховому рынку, помогает предотвратить банкротства и финансовые кризисы в страховом секторе.

Говоря о механизмах обеспечения финансовой устойчивости и платёжеспособности страховых организаций, невозможно обойти и вопрос пополнения собственных доходов страховых компаний. Особенности ведения основной деятельности страховой компании не предусматривают получение высокого дохода, поэтому для страховщиков важно сформировать источники дополнительного получения доходов. Наиболее привлекательным источником является инвестиционная деятельность, поскольку в силу отраслевой специфики страховые компании аккумулируют на своих счетах достаточно большие объемы средств, как собственных, так и страховых резервов. Инвестирование в сфере страхования означает направленное вложение страховых резервов и других финансов страховой организации в разнообразные инвестиционные инструменты с целью извлечения дохода. Рациональная система распределения собственных капиталов и страховых резервов в инвестиционные активы способна выступать важным финансовым ресурсом для роста экономики государства.

Именно поэтому в соответствии с ч. 4 статьи 25 Закона о страховом деле страховщики обязаны соблюдать требования финансовой устойчивости и платежеспособности в части формирования страховых резервов, порядка и условий инвестирования собственных средств (капитала) и средств страховых резервов.

Ст. 51.2 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. N 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» относит страховые организации и иностранные страховые организации к квалифицированным инвесторам.

Инвестиционная активность страховой организации ограничена: вкладывать можно лишь ту долю финансовых ресурсов, которая временно не связана с выполнением страховых обязательств. Эти свободные средства и определяют инвестиционные возможности компании.

Согласимся с трактовкой В. Э. Янова: под инвестиционным потенциалом стоит понимать все денежные ресурсы страховщика, свободные от обязательств (как страховых, так и долговых) и предназначенные для инвестирования ради получения дополнительного дохода — при этом происхождение средств значения не имеет [6].

Усиление финансовой устойчивости, благодаря высокой эффективности инвестиционного портфеля, позволяет повысить качество предоставляемых страховщиком услуг, тем самым улучшить его положение на страховом рынке. Помимо этого, крайне важным фактором является то, что инвестирование способствует развитию не только страхового бизнеса за счет получения инвестиционного дохода, но и улучшению инвестиционного климата в стране в целом.

Страховщик обязан формировать портфель инструментов таким образом, чтобы его структура соответствовала нормативам, что в свою очередь обеспечит соблюдение принципа диверсификации, т.е. распределения инвестиционных рисков на различные виды вложений. Совокупность инвестиционных инструментов, используемых в страховой компании, составляет её инвестиционный портфель.

Таким образом, страховые компании занимают уникальную нишу на финансовом рынке, выступая в качестве его неотъемлемого элемента, поскольку, во-первых, они являются прямыми конкурентами других финансовых институтов в борьбе за временно свободные средства населения. Во-вторых, они сами выступают в роли клиентов, приобретая необходимые услуги на рынке. В-третьих, они выполняют функцию поставщиков, предлагая остальным участникам (инвесторам и эмитентам) за-

щиту от финансовых рисков.

На основе вышеизложенного, к правовым инструментам, которые будут способствовать финансовой устойчивости и платёжеспособности страховых компаний можно с уверенностью отнести лицензирование их деятельности; установление требований к минимальному размеру уставного капитала, нормативное регулирование резервов и активов, страховой надзор и контроль за финансовой отчётностью, а также проведение проверок и аудита.

Интересную мысль в своей статье высказала Больде А.В.: «Репутация организации также влияет на управление рисками платежеспособности, поскольку она непосредственно связана с доверием клиентов, поставщиков и кредиторов. Хорошая репутация может уменьшить риски, связанные с кредитованием и привлечением инвестиций, позволяя организации получить более выгодные условия. В то время как плохая репутация, напротив, зачастую приводит к финансовым потерям, поскольку снижает вероятность новых сделок, увеличивает стоимость заемных средств и ведет к потере клиентов» [7]. Действительно, репутация в современном цифровом мире превращается в измеримый актив, который напрямую влияет на денежные потоки и ликвидность (негативный новостной фон может спровоцировать отток клиентов и ужесточение требований со стороны контрагентов в самые короткие сроки); репутация влияет на операционную гибкость; репутационный риск тесно переплетается с регуляторным и влечёт повышенное внимание со стороны регулятора. Таким образом, управление репутацией должно быть встроено в систему менеджмента как полноценный контур раннего предупреждения проблем.

Достижение главной цели обеспечения экономической безопасности страховой компании – устойчивое развитие и максимально эффективное функционирование всех структурных подразделений, а также создание высокого потенциала развития и роста компании в будущем, возможно осуществишь лишь посредством сбалансированного развития и поддержания на высоком уровне каждой структурной составляющей экономической безопасности страховой компании, а также, не нарушая основополагающие принципы.

Список литературы:

1. Суглобов, А.Е. Экономическая безопасность предприятия: учебное пособие / А.Е. Суглобов, С.А. Хмелев, Е.А. Орлова. - М.: Юнити, - 2016. - 639 с.;
2. Положение Банка России от 16.11.2021 N 781-П (ред. от 05.11.2024) «О требованиях к финансовой устойчивости и платежеспособности страховщиков» // "Вестник Банка России", N 24, 21.04.2022.
3. Заключение Комитета ГД ФС РФ по финансовому рынку от 12.02.2025 "По проекту федерального закона N 405773-8 "О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об организации страхового дела в Российской Федерации" и отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС КонсультантПлюс
4. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. / А.П. Алексеенко, А.М. Баринов, А.Ю. Бушев и др.; под ред. В.Ф. Попондопуло. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. Т. 2. 640 с.
5. Новые правила для устойчивости [Интервью с Ф. Габунией] // Современные страховые технологии. 2021. N 1. С. 4 - 7.
6. Янов В.Э. Инвестиционная деятельность страховых компаний: принципы организации, регулирование и оптимизация: Диссерт. на соискание ученой степени к. э. н., С. -Петербург, 2001.
7. Больде Анна Викторовна Риски управления платежеспособностью организации // Экономика и парадигма нового времени. 2025. №8 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/riski-upravleniya-platezhesposobnostyu-organizatsii (дата обращения: 25.06.2026).

Ivanova O.G., Dorosinskaya A.M. Legal mechanisms for ensuring financial stability and solvency of

insurance companies. // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 663-668.

The article analyzes the legal norms governing the activities of insurers, as well as measures of state control and supervision over their financial condition. Particular attention is paid to the requirements for the size of the authorized capital, reserves, investment activities and reporting of insurance companies.
It is determined that the economic security of an insurance company consists in ensuring its financial stability, maintaining solvency, and an optimal level of asset liquidity. Legal mechanisms should work precisely to achieve these indicators.
The authors proposed a concept of a set of measures aimed at preventing possible threats and risks associated with the company's activities. These measures include organizational, economic and legal actions that are carried out to protect the company from potential and real threats from individuals and legal entities, employees and management of the company, and third parties. The purpose of this system of measures, including legal ones, is to prevent economic losses and ensure the financial stability and solvency of the insurance company.
Keywords: insurance organizations, financial stability, solvency, legislation, authorized capital, reserves, investments, reporting.

Spisok literatury:

1.Suglobov, A.E. Ekonomicheskaya bezopasnost' predpriyatiya: uchebnoe posobie / A.E. Suglobov, S.A. Hmelev, E.A. Orlova. - M.: YUniti, - 2016. - 639 c.;
2.Polozhenie Banka Rossii ot 16.11.2021 N 781-P (red. ot 05.11.2024) «O trebovaniyah k finansovoj ustojchivosti i platezhesposobnosti strahovshchikov» // "Vestnik Banka Rossii", N 24, 21.04.2022.
3.Zaklyuchenie Komiteta GD FS RF po finansovomu rynku ot 12.02.2025 "Po proektu federal'nogo zakona N 405773-8 "O vnesenii izmenenij v Zakon Rossijskoj Federacii "Ob organizacii strahovogo dela v Rossijskoj Federacii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" // SPS Konsul'tantPlyus
4.Predprinimatel'skoe pravo: uchebnik: v 2 t. / A.P. Alekseenko, A.M. Barinov, A.YU. Bushev i dr.; pod red. V.F. Popondopulo. 6-e izd., pererab. i dop. Moskva: Prospekt, 2023. T. 2. 640 s.
5.Novye pravila dlya ustojchivosti [Interv'yu s F. Gabuniej] // Sovremennye strahovye tekhnologii. 2021. N 1. S. 4 - 7.
6.YAnov V.E. Investicionnaya deyatel'nost' strahovyh kompanij: principy organizacii, regulirovanie i optimizaciya: Dissert. na soiskanie uchenoj stepeni k. e. n., S. -Peterburg, 2001.
7. Bol'de Anna Viktorovna Riski upravleniya platezhesposobnost'yu organizatsii // Ekonomika i paradigma novogo vremeni. 2025. №8 (41). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/riski-upravleniya-platezhesposobnostyu-organizatsii.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 669-677.

УДК 349.2

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ФОРМИРОВАНИЕ ТРУДОВОГО ПРАВА РОССИИ

Лиликова О. С.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

Необходимость обеспечения основных прав человека в сфере труда обусловливает целесообразность выделения в системе трудового права самостоятельного правового института с соответствующим названием, нормы которого закрепляли бы индивидуальные и коллективные трудовые права, правовые средства их обеспечения, характеристику права на труд как одного из важнейших трудовых прав человека и гражданина. Систему основных трудовых прав составляют права, регламентация и обеспечение которых осуществляется с помощью трех групп источников: первая - международно-правовые акты всемирного уровня (акты ООН, МОТ), вторая - акты регионального уровня (акты СНГ, Совета Европы, Европейского Союза, других региональных организаций), третья - акты национального законодательства, которыми установлены гарантии осуществления и защиты основных трудовых прав. В статье анализируется влияние международного законодательства на формирование трудового права России. Автором делается вывод о том, что в настоящее время российское законодательство не в полной мере отвечает требованиям международных стандартов в области защиты трудовых прав человека.

Ключевые слова: международное законодательство, международные стандарты трудовых прав, права человека, российское законодательство, трудовые права.

Комплексность законодательной регламентации всех основных прав и свобод человека и гражданина на международном уровне – это, безусловно, специфическая черта законодательного регулирования трудовых прав в рамках международно-правового поля. Иными словами, в международном законодательстве нет таких основополагающих международно-правовых документов, которые бы отдельно посвящались каждому из основных прав человека. Вместо этого действует иной подход: все фундаментальные международно-правовые акты сосредотачивают в себе несколько разделов, которые регламентируют вопросы реализации и обеспечения тех или иных прав человека, в том числе и трудовых прав.

Международно-правовая регламентация трудовых прав осуществляется в комплексе, то есть наряду с регламентацией других социально-экономических прав. Среди социальных прав, провозглашенных в международных актах и актах региональных организаций, трудовые права занимают важнейшее место.

Трудовым правам, имеющим общие черты с другими основными правами человека, в то же время присущи признаки юридического своеобразия. Трудовые права являются менее универсальными, что проявляется в их распространении лишь на участников трудовых правоотношений. Последние могут быть как индивидуальными, так и коллективными. Реализация трудовых прав зависит от уровня экономического развития и связана с выполнением государством определенных обязанностей в сфере социальной политики. Некоторые трудовые права сформулированы в виде оценочных базовых положений, например, право на справедливые и благоприятные условия труда, право на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование для нее самой и ее семьи, и на дополнительные средства социального обеспечения в случае необходимости.

Среди основных трудовых прав, закрепленных в международных актах, есть минимальные социальные стандарты рабочего времени, времени отдыха, заработной платы, охраны труда и т.п. Их реализация в юридической практике России требует установления соответствующих государственных социальных стандартов и социальных гарантий. Основные трудовые права конкретизируются в трудовых правах, предусмотрен-

ных нормами различных отраслевых институтов (заработной платы, рабочего времени, времени отдыха, охраны труда и др.). Так, например, в результате проведения конституционной реформы в 2020 г. в ст. 75 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) [1] появилось положение о том, что российским государством гарантируется минимальный размер оплаты труда не менее величины прожиточного минимума трудоспособного населения в целом по РФ.

Международные стандарты трудовых прав закладывают основу на принципах свободы, равенства и недискриминации, рассматривая трудовые права как неотчуждаемые блага, идентичные фундаментальным правам личности. С другой стороны, объем и содержание трудовых прав регулируются государством, а их утверждение и обеспечение лежит в ведении российского государства, создающего необходимые условия для реализации трудовых прав человека. Система трудовых прав представляет собой совокупность индивидуальных и коллективных прав, обладающих динамичностью и способных к развитию. Важнейшим аспектом данной системы является тесная взаимосвязь индивидуальных и коллективных трудовых прав, однако реализация последних допускается лишь в пределах, не ограничивающих уровень индивидуальных трудовых прав, закрепленных нормами российского законодательства.

Основными тенденциями развития трудовых прав в начале XXI в. являются следующие: единство частных и публичных начал; усиление значения международных стандартов трудовых прав; новый комплексный подход к трудовым правам и их правовому значению, создание условий для всестороннего развития человеческой личности; недопущение ухудшения положения работников по сравнению с уровнем, предусмотренным действующим законодательством, и запрет на злоупотребление трудовыми правами; признание диалога работников и работодателей (их представителей) основным принципом реализации трудовых прав и свобод.

Значительное влияние на трудовые права осуществляют процессы глобализации мировой экономики, в связи с чем особую значимость в глобальной экономике приобретает принцип уважения прав работников и правовых норм на основании справедливости, солидарности и гендерного равенства. Среди основных направлений влияния процессов глобализации на трудовые права человека нужно выделить рост роли транснациональных корпораций, активизацию трудовой миграции, усиление значения международных трудовых стандартов.

Сравнительно-правовой анализ международных трудовых норм и законодательства РФ, посвященных основным трудовым правам, позволяет прийти к выводу, что законодательство России не полностью соответствует требованиям международных трудовых норм об основных трудовых правах. Для обеспечения их полной согласованности необходимо внести в Конституцию РФ, отечественное трудовое законодательство соответствующие изменения и дополнения. К примеру, ст. 13 Конвенции № 158 МОТ «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» [2] устанавливает правило о том, что консультации с представителями работников, использование механизмов по смягчению отрицательных последствий при увольнении работника по любому основанию носят обязательный характер. Подчеркнем, что данное правило на сегодняшний день в отечественном трудовом законодательстве прямо не сформулировано. Такое положение дел, безусловно, не соответствует требованиям, отраженным в международно-правовых стандартах.

Особое значение для регулирования трудовых прав в РФ играют двусторонние международные соглашения. Например, в 2019 г. Россией было подписано соглашение с Таджикистаном [3], 2017 году – Узбекистаном [4].

Обеспечение трудовых прав граждан в США является частью общего механизма юридического гарантирования прав наемных работников. Стоит отметить, что в США

действует разветвленное и эффективное законодательство, которое защищает человека от дискриминации в сфере трудоустройства. Во всех законах относительно трудоустройства красной нитью проходит идея равенства возможностей, а также идея защиты человека от дискриминации в трудовых отношениях. Следует обратить внимание на то, что законодательство, запрещающее отдельные формы дискриминации, стало развиваться в США с 1866 г., когда отмена рабства повлекла за собой принятие законов, запрещающих расовую дискриминацию и дискриминацию по цвету кожи, в частности, и в трудовых отношениях.

В 1963 г. Конгресс США ввел норму равной оплаты труда для работников разного пола. Через год, в 1964 г., было утвержден Титул 7 Акта о гражданских правах [5], который запрещал дискриминацию по признаку пола, расы, национальности, цвета кожи и религии в сфере предпринимательской деятельности. Позже, в 1967 г., законодательство было дополнено и дискриминация по возрасту стала незаконной. В дальнейшем разработка антидискриминационного законодательства была продолжена, а в его нормах был детализирован запрет по ограничению прав работников всех сферах.

Большое значение в сфере правового регулирования обеспечения прав всех категорий работников имеет федеральное законодательство. К числу фундаментальных актов этой группы прежде всего принадлежат следующие: 1) Закон Вагнера 1935 г., который легализовал право рабочих на создание профсоюзов, заключение коллективных договоров, на забастовку; 2) Закон о справедливых трудовых стандартах от 1938 г., установивший, в частности, федеральный минимум почасовой оплаты труда; 3) Закон о трудовых отношениях Тафта-Хартли от 1947 г., который запретил многие формы забастовочной борьбы, очертил роль президента в такой ситуации и др.; 4) Закон Лендрама Гриффина 1959 г., потребовавший отчетности и гласности по вопросам, касающимся взаимоотношений между профсоюзами и нанимателями; урегулировал процедуру выборов должностных лиц и финансовую деятельность профсоюзов, а также отношения между членами организаций и их руководителей, и некоторые другие аспекты деятельности союзов; 5) Закон о равной оплате 1963 г., в соответствии с которым работодатель обязан платить женщине не меньше, чем мужчине, за равный труд; 6) Закон о гражданских правах 1964 г., запретивший дискриминацию по признакам расы, цвета кожи, национального происхождения, пола и религиозных убеждений в различных сферах социальной жизни, в частности во время найма на работу, труда, увольнения и т.п.; 7) Закон о недопущении дискриминации в сфере занятости в связи с возрастом 1967 г., запретивший дискриминацию по возрасту при приеме на работу и обязательном увольнении на пенсию; 8) Закон о реабилитации инвалидов 1913 г., запрещающий дискриминацию инвалидов государственными ведомствами, подрядчиками и субподрядчиками, работающими по контрактам с федеральными властями, а также организациями, получающими федеральную помощь и др.

Кроме того, ключевым источником норм трудового права в США выступают коллективные договоры, поскольку основное функционирование системы борьбы за улучшение условий труда регулируется трудовым законодательством, а сами условия труда закрепляются в коллективных соглашениях. Стоит отметить, что значительная часть норм, регулирующих трудовые отношения при индивидуальном найме, содержится именно в этих документах. Кроме того, особую роль играет общее право, сформированное в ходе судебных разбирательств.

Правовое регулирование обеспечения трудовых прав работников в Канаде, как и в США, происходит на основе общего трудового законодательства и специального. Например, в Канаде трудовое законодательство, как и в большинстве стран мира, является кодифицированным. Структурно Трудовой кодекс Канады состоит из 16 разделов и 265 статей [6].

Что касается вопросов, связанных с организацией и управлением трудом на предприятиях, деятельности профсоюзных организаций, ведения коллективных переговоров, то эти вопросы подробно регламентируются в Разделе III «Приобретение и прекращение права на ведение коллективных переговоров», Разделе IV – «Ведение коллективных переговоров и коллективных договоров», Разделе V – «Примирение и первая конвенция.

При этом в Трудовом кодексе Канады закрепляются базовые юридические гарантии трудовых прав работников всех категорий, а также механизмы регулирования основных институтов трудового права: оплаты труда, рабочего времени и т.п.

Своеобразным также является опыт Великобритании в области правового регулирования обеспечения трудовых прав работников.

Трудовое право в Великобритании не систематизировано в форме Трудового кодекса, напротив, его характеризует разнообразие источников: как определяемых законодательством, так и тех, что им не установлены, которые могут комплексно взаимодействовать друг с другом.

Объясняется этот момент особенностями исторического развития Великобритании. Сегодня в стране законодательные акты в сфере труда направлены на комплексное регулирование индивидуальных и коллективных отношений всех категорий работников, в частности налоговиков. К основной группе правовых источников трудовой отрасли относятся следующие: Закон «О трудовых правах» 1996 г. [7], который содержит большинство прав, гарантированных работникам в сфере труда, и регулирует вопросы, которые касаются заключения трудового договора, трудового стажа, отстранения от работы, предоставления отпусков, защиты от несправедливого увольнения, выходного пособия, гарантий в случае банкротства работодателя; Закон «О профессиональных союзах и трудовых отношениях» 1992 г. [8], который определяет правовой статус профсоюзов и их членов, закрепляет порядок ведения коллективных переговоров, а также реализации права на забастовку.

На сегодняшний день основным источником трудового права в России является Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ) [9], который заменил действовавший ранее Кодекс законодательства о труде (КЗОТ). Данный нормативный правовой акт является единственным кодифицированным источником трудового права, в связи с чем он приобретает особую роль в сфере нормативного правового регулирования рассматриваемой сферы. Отметить, что проект ТК РФ разрабатывался около десяти лет. Начало разработки кодекса было связано с принятием Постановления ВС РСФСР от 19.04.1991 г. № 1029-1 «О порядке введения в действия Закона РСФСР «О повышении социальных гарантий для трудящихся». В ст. 5 указанного постановления было сказано, что необходимо «…подготовить к началу 1992 г. проект нового трудового кодекса РСФСР…», а функция по разработке нового кодекса была возложена на Комиссию Совета Республики по социальной политике и Комитету ВС РСФСР по законодательству.

Отметим, что первая задача, которая стояла перед лицами, разрабатывающими новый трудовой кодекс, заключалась в создании нормативного правового акта, который не просто бы объединил все действующие на тот момент акты о труде, а объединил бы в себе их содержание. Этот подход принципиально отличал разрабатываемый проект от существовавшего КЗоТ, так как КЗоТ представлял собой именно объединение разрозненных нормативных правовых актов, в совокупности формирующих систему законодательства о труде. Как отмечают некоторые ученые, такой подход был выбран не случайно: после Октябрьской революции 1917 года было принято очень много отдельных декретов, постановлений и пр., и просто не было возможности сформировать из них какой-то один нормативный правовой акт. Следовательно, их объединение под одним названием было наиболее удобным выходом из сложившейся ситуации. Кроме того,

КЗоТ подразумевал возможность своего дополнения посредством принятия новых нормативных правовых актов. При разработке нового Трудового кодекса от такой практики было решено отойти, заменив все существующие законы и постановления единым документом общего значения.

Еще одной задачей, стоящей перед лицами, осуществляющими законотворческую деятельность, являлось включение в новый проект норм о профсоюзах, которые в середине 90-х гг. стали играть чрезвычайно важную роль в регулировании трудовых отношений. При этом, само руководство профсоюзов считало, что до того, как будет принят новый трудовой кодекс, необходимо внести изменения в действующий КЗоТ в части включения в него нормативных правовых актов, регламентирующих отдельные вопросы заключения коллективных договоров, индексации заработных плат и пр., что в итоге и было сделано. Так, в 1992 г. принят Закон РФ от 25.09.1992 г. № 3543-1 «О внесении изменений и дополнений в Кодекс законов о труде РСФСР». Впоследствии, эти изменения нашли свое отражение в тексте принятого ТК РФ.

Следующим препятствием на пути разработки и принятия нового трудового кодекса стало то, что после образования РФ, вместо ранее существовавшего РСФСР, трудовое законодательство оказалось в совместном ведении федерации и ее субъектов, что также было необходимо учитывать при разработке ТК РФ. Кроме того, устанавливалось, что законопроекты по предметам совместного ведения направляются республикам в составе РФ, соответствующие предложения которых рассматриваются в ВС РФ. Исходя из новых правил законотворчества были приняты «Основы законодательства Российской Федерации об охране труда» [10] и Закон РФ от 19.02.1993 г. № 4520-1 «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» [11].

Подобные нововведения вызвали весьма неоднозначную реакцию в научном сообществе. Прежде всего, в контексте правильного наименования разрабатываемого нормативного правового акта. Так, одни предлагали назвать его Трудовым кодексом, другие – Основами законодательства о труде. Окончательную точку в этом споре поставила Конституция РФ, где в п. «к» ст. 72 было указано, что в совместном ведении находится именно трудовое законодательство, следовательно, выбор названия «Трудовой кодекс» был логичным и обоснованным. Именно поэтому в 1994 г. Министерство труда представило на рассмотрение первый проект Трудового кодекса, который, впрочем, был далеко не совершенным. Сложности, которые существовали в период его разработки, отсутствие единого подхода к пониманию того, что вообще должно содержаться в документе и какие аспекты трудовых отношений он должен регулировать привели к тому, что проект оказался очень «сырым», в нем отсутствовали нормы, которые должны были урегулировать наиболее значимые аспекты трудовых отношений, например, деятельности профсоюзов, основ социального партнерства и пр. Более того, сам проект был разработан без приглашения представителей профсоюзов, что вызвало бурную реакцию общественности и отказ принимать проект в качестве окончательного варианта.

Таким образом, разработка трудового кодекса продолжилась, и только в 2001 г. был принят нормативный правовой акт, который является основным источником трудового права и по сей день.

Ввиду того, что разработка ТК РФ проводилась в достаточно неоднозначных, спорных условиях, и его разработка длилась не один год, а подходы к определению содержания неоднократно менялись, дискуссии относительно преимуществ и недостатков ТК РФ ведутся в научной среде уже не один год. Во многом это обусловлено противоречивостью нормативного правового акта в некоторых аспектах, а также динамикой изменений, происходящих в сфере трудового права и законодательства. Кроме того, существуют исследователи, которые до сих пор считают, что КЗОТ был наиболее оп-

тимальным вариантом кодификации трудового законодательства, а ТК РФ не выполняет возложенные на него функции. В этой связи в контексте рассматриваемого вопроса, нам бы хотелось выявить основные преимущества и недостатки ТК РФ как основного источника трудового права в РФ, проанализировать их и сделать общий вывод об эффективности действия указанного акта в целом.

Начнем с преимуществ. Первое, с чего нужно начать, это с того, что многие ученые говорят о том, что КЗОТ обладал более четкой структурой, по сравнению с ТК РФ, однако, на наш взгляд, это совсем не так. Наоборот, по сравнению с ним ТК РФ обладает более логичной и четкой структурой, и, как совершенно верно замечает А.С. Лукьяненко, в большей степени соответствует «теоретическим представлениям о системе трудового права» [12, с. 3717].

Вторым преимуществом является то, что именно в ТК РФ впервые были закреплены нормы, запрещающие дискриминацию труда. В частности, речь идет о ст. 3, где указано, что «каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав». В контексте рассматриваемого вопроса отметим, что данное положение нередко подвергается критике. Например, Т.В. Нутрихина говорит о том, что хотя в ст. 3 и указан принцип запрета дискриминации в трудовой сфере, однако фактически она существует [13, с. 63]. При этом ученый ссылается ст. 253 ТК РФ, которая закрепляет ограничения на привлечение женщин к осуществлению трудовой деятельности на вредных производствах и некоторых иных видах работ, а также на нормы приказа Минтруда России от 18.07.2019 г. № 512н, в котором перечислены производства, где применение труда женщин ограничено [14].

На наш взгляд, данная позиция не совсем верная. Ограничение женского труда на некоторых видах производства обусловлена не каким-то дискриминационными признаками, а физиологическими возможностями женщин и более существенным вредом, который может нанести ее здоровью вредное производство. Так, на не которых видах работ, связанных с тяжелыми физическими нагрузками (например, подземные работы в шахтах) женский труд не может применяться априори, так как женщины физически не смогут выполнить ту работу, которые выполняют мужчины. Именно поэтому на шахтах женщины задействованы или в качестве административного, или обслуживающего персонала.

Еще одним преимуществом ТК РФ стало включение в текст кодекса норм о социальном партнерстве, а также о профессиональной подготовке и переподготовке кадров, которых ранее в трудовом законодательстве не существовало вовсе. Таким образом, можно констатировать, что современный ТК РФ обладает множеством преимуществ, которые существенно отличают его от законов в сфере трудового права, существовавших ранее. Одновременно с этим отметим, что ТК РФ обладает и рядом присущих ему недостатков, которые нельзя не учитывать при анализе данного нормативного правового акта. Рассмотрим их подробнее.

Итак, в качестве первого недостатка можно выделить отсутствие «гибкости». Как совершенно верно отмечает А.Л. Сафонов, ТК РФ обладает линейным характером, что не всегда позволяет использовать его нормы своевременно для регулирования возникающих новых трудовых отношений [15, с. 25]. Например, такая ситуация произошла в период пандемии коронавирусной инфекции, когда многим работникам пришлось перейти на дистанционную форму работы, но в ТК РФ не было ни слова сказано о том, как такую деятельность регулировать с точки зрения трудового права. Несмотря на то, что впоследствии этот недостаток был устранен, а ТК РФ дополнен необходимыми нормами, все равно это произошло несвоевременно, что привело к многочисленным нарушениям в сфере трудового законодательства.

Второй недостаток – это отсутствие некоторых терминологических определений,

которые необходимы в тексте ТК РФ. Например, в ст. 209 перечисляются основные понятия, используемые в сфере охраны труда граждан. При этом, законодатель оперирует термином «особые условия оплаты труда», которые подразумевают специфический порядок исчисления заработной платы работников, осуществляющих свою деятельность на вредных производствах или в специфических климатических условиях (например, в условиях Крайнего Севера). Однако суть каждого из условий применительно к конкретным критериям раскрывается в иных нормативных правовых актах. Таким образом, мы считаем, что в ст. 209 ТК РФ должно быть закреплено определение, раскрывающее общий смысл термина «особые условия оплаты труда», чтобы восполнить обозначенный нами терминологический пробел.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что ТК РФ принимался в весьма неоднозначных социально-политических условиях, что во многом было связано с развалом СССР и созданием нового государства – Российской Федерации, которой требовалась новая нормативная правовая база для регулирования общественных отношений, в том числе и трудовых. Сам процесс разработки и принятия современного ТК РФ длился 10 лет (с 1991 по 2001 г.), и был сопряжен с множеством трудностей правотворческого и организационного характера, например, отсутствия единого подхода к пониманию концепции содержания нового нормативного правового акта, отсутствие слаженной работы и сотрудничества между органами государственной власти и представителями трудящихся, невключением в первые проекты текста ТК РФ норм о коллективных договорах, социальном сотрудничестве и пр. Неоднозначная история принятия закона и обусловила существование ряда преимуществ и недостатков ТК РФ, рассмотренных в статье.

Сегодня, являясь основным источником трудового права в России, обладает как рядом преимуществ, так и недостатков. В целом, справедливым будет утверждать, что это свойственно для всех нормативных правовых актов, действующих в России, однако особую актуальность это приобретает именно для сферы трудовых отношений. Проведенный нами анализ позволил выявить следующие преимущества ТК РФ: более четкая и логичная структурированность кодекса по сравнению с ранее действовавшим КЗОТ; закрепление принципа запрета дискриминации в сфере трудовых отношений; включение в текст кодекса норм о социальном партнерстве, а также о профессиональной подготовке и переподготовке кадров, которых ранее в трудовом законодательстве не существовало вовсе.

В числе недостатков мы можем выделить отсутствие «гибкости» ТК РФ как источника трудового права, а также отсутствие некоторых терминов, необходимых для включения в текст ТК РФ, например, «особые условия оплаты труда». При этом несмотря на наличие недостатков, мы считаем, что ТК РФ справляется с возложенными на него функциями, и осуществляет действительно эффективное регулирование трудовых отношений, существующих в России на сегодняшний день.

Таким образом, комплексность законодательной регламентации всех основных прав и свобод человека и гражданина на международном уровне – это, безусловно, специфическая черта законодательного регулирования трудовых прав в рамках международно-правового поля. Иными словами, в международном законодательстве нет таких основополагающих международно-правовых документов, которые бы отдельно посвящались каждому из основных прав человека. Вместо этого действует иной подход: все фундаментальные международно-правовые акты сосредотачивают в себе несколько разделов, которые регламентируют вопросы реализации и обеспечения тех или иных прав человека, в том числе и трудовых прав.

Сравнительно-правовой анализ норм международного и российского законодательства в сфере труда позволяет сделать вывод о том, что российское законодательство не

в полной мере отвечает требованиям международных стандартов в области защиты трудовых прав человека. Полагаем, что действующие в России нормы трудового законодательства необходимо привести в полное соответствие с положениями международных нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы трудовых правоотношений.

Список литературы:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: https://base.garant.ru/10103000/?ysclid=mjcl43lmk5323935764
2. Конвенция № 158 Международной организации труда «О прекращении трудовых отношений по инициативе предпринимателя» (Заключена в г. Женеве 22.06.1982) // Конвенции и рекомендации, принятые Международной конференцией труда. 1957-1990. Т. II. Женева: Международное бюро труда, 1991. С. 1983-1989.
3. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Таджикистан об организованном наборе граждан Республики Таджикистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации // Бюллетень международных договоров. 2020. № 8.
4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Узбекистан об организованном наборе и привлечении граждан Республики Узбекистан для осуществления временной трудовой деятельности на территории Российской Федерации // Бюллетень международных договоров. 2018. № 5.
5. Закон о гражданских правах 1964 года [Электронный ресурс] - URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/civil-rights-act (дата обращения: 14.04.2026).
6. Трудовой кодекс Канады (R. S. C., 1985, c. L-2) [Электронный ресурс] - URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/fra/lois/l-2/ (дата обращения: 14.04.2026)
7. Закон Великобритании «О трудовых правах» 1996 год [Электронный ресурс] - URL: https://citiesinsider.com/country/united-kingdom/CountryWide/employment-contracts/ru
8. Закон о профсоюзах и трудовых отношениях (объединение) 1992 года - Trade Union and Labour Relations (Consolidation) Act 1992 [Электронный ресурс] - URL:https://dev.abcdef.wiki/wiki/Trade_Union_and_Labour_Relations_%28Consolidation%29_Act_1992 (дата обращения: 14.04.2026)
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) [Электронный ресурс] // «Гарант»: [справочная правовая система]. URL: https://base.garant.ru/12125268/
10. Основы законодательства Российской Федерации об охране труда (утв. ВС РФ 06.08.1993 № 5600-1) (ред. от 18.07.1995) // Ведомости СНД и ВС РФ. 02.09.1993. № 35. Ст. 1412 (утратил силу)
11. Закон РФ от 19.02.1993 № 4520-1 (ред. от 25.12.2023) «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» // Ведомости СНД и ВС РФ. 22.04.1993. № 16. Ст. 551.
12. Лукьяненко А.С. Достоинства и недостатки Трудового кодекса Российской Федерации // Концепт. - 2017. - № 39. - С. 3716-3720.
13. Нутрихина Т. В. Достойный труд по трудовому кодексу России // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. - 2022. - № 1. - С. 61-65
14. Приказ Минтруда России от 18.07.2019 № 512н (ред. от 25.12.2024) "Об утверждении перечня производств, работ и должностей с вредными и (или) опасными условиями труда, на которых ограничивается применение труда женщин" // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 15.08.2019.
15. Сафонов А.Л. Трудовой кодекс: 20 лет спустя // Социально-трудовые исследования. - 2022. - № 2 (47). - С. 20-29.

Lilikova O.S. The Influence of International Law on the Formation of Russian Labor Law // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 669-677.

The need to ensure fundamental human rights in the field of labor makes it expedient to establish an independent legal institution with a corresponding name in the system of labor law, whose norms would establish individual and collective labor rights, legal means of ensuring them, and the characteristics of the right to work as one of the most important labor rights of individuals and citizens. The system of basic labor rights is made up of rights that are regulated and ensured by three groups of sources: the first is international legal acts of a global level (acts of the UN, the ILO), the second is acts of a regional level (acts of the CIS, the Council of Europe, the European Union, and other regional organizations), and the third is acts of national legislation that establish guarantees for the implementation and protection of basic labor rights. The article analyzes the influence of international legislation on the formation of Russian labor law. The author concludes that Russian legislation currently does not fully meet the requirements of international standards in the field of protection of human labor rights.

Keywords: international legislation, international standards of labor rights, human rights, Russian legislation, labor rights.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: https://base.garant.ru/10103000/?ysclid=mjcl43lmk5323935764 (data obrashcheniya: 19.12.2025).
2. Konvenciya № 158 Mezhdunarodnoj organizacii truda «O prekrashchenii trudovyh otnoshenij po iniciative predprinimatelya» (Zaklyuchena v g. Zheneve 22.06.1982) // Konvencii i rekomendacii, prinyatye Mezhdunarodnoj konferenciej truda. 1957-1990. T. II. Zheneva: Mezhdunarodnoe byuro truda, 1991. S. 1983-1989.
3. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Tadzhikistan ob organizovannom nabore grazhdan Respubliki Tadzhikistan dlya osushchestvleniya vremennoj trudovoj deyatel'nosti na territorii Rossijskoj Federacii // Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2020. № 8.
4. Soglashenie mezhdu Pravitel'stvom Rossijskoj Federacii i Pravitel'stvom Respubliki Uzbekistan ob organizovannom nabore i privlechenii grazhdan Respubliki Uzbekistan dlya osushchestvleniya vremennoj trudovoj deyatel'nosti na territorii Rossijskoj Federacii // Byulleten' mezhdunarodnyh dogovorov. 2018. № 5.
5. Zakon o grazhdanskih pravah 1964 goda [Elektronnyj resurs] - URL: https://www.archives.gov/milestone-documents/civil-rights-act (data obrashcheniya: 14.04.2026).
6. Trudovoj kodeks Kanady (R. S. C., 1985, c. L-2) [Elektronnyj resurs] - URL: https://laws-lois.justice.gc.ca/fra/lois/l-2/ (data obrashcheniya: 14.04.2026)
7. Zakon Velikobritanii «O trudovyh pravah» 1996 god [Elektronnyj resurs] - URL: https://citiesinsider.com/country/united-kingdom/CountryWide/employment-contracts/ru
8. Zakon o profsoyuzah i trudovyh otnosheniyah (ob''edinenie) 1992 goda - Trade Union and Labour Relations (Consolidation) Act 1992.
9. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federacii ot 30.12.2001 № 197-FZ (red. ot 07.04.2025) [Elektronnyj resurs] // «Garant»: [spravochnaya pravovaya sistema]. URL: https://base.garant.ru/12125268/
10. Osnovy zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii ob ohrane truda (utv. VS RF 06.08.1993 № 5600-1) (red. ot 18.07.1995) // Vedomosti SND i VS RF. 02.09.1993. № 35. St. 1412 (utratil silu)
11. Zakon RF ot 19.02.1993 № 4520-1 (red. ot 25.12.2023) «O gosudarstvennyh garantiyah i kompensaciyah dlya lic, rabotayushchih i prozhivayushchih v rajonah Krajnego Severa i priravnennyh k nim mestnostyah» // Vedomosti SND i VS RF. 22.04.1993. № 16. St. 551.
12. Luk'yanenko A.S. Dostoinstva i nedostatki Trudovogo kodeksa Rossijskoj Federacii // Koncept. - 2017. - № 39. - S. 3716-3720.
13. Nutrihina T. V. Dostojnyj trud po trudovomu kodeksu Rossii // Vestnik SGUPS: gumanitarnye issledovaniya. - 2022. - № 1. - S. 61-65
14. Prikaz Mintruda Rossii ot 18.07.2019 № 512n (red. ot 25.12.2024) \"Ob utverzhdenii perechnya proizvodstv, rabot i dolzhnostej s vrednymi i (ili) opasnymi usloviyami truda, na kotoryh ogranichivaetsya primenenie truda zhenshchin\" // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii http://pravo.gov.ru, 15.08.2019.
Safonov A.L. Trudovoj kodeks: 20 let spustya // Social'no-trudovye issledovaniya. - 2022. № 2 (47). S. 20-29.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 678-685.

УДК 347.965

РОЛЬ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Ляхова А. И., Соловьёва А. И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье исследуется фактическая роль постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации в адвокатской деятельности. Обосновывается, что данные разъяснения, не являясь формальными источниками права, выступают обязательным практическим ориентиром для адвокатов при формировании правовой позиции, обосновании доводов в процессуальных документах и прогнозировании судебных решений. Целью исследования является комплексный анализ теоретических и прикладных аспектов применения постановлений Пленума Верховного Суда РФ в адвокатской деятельности, включая их правовую природу, аргументативный потенциал и влияние на стратегию защиты. В работе рассмотрены различные доктринальные подходы к признанию данных постановлений источниками права, проанализированы конкретные примеры из судебной практики, демонстрирующие их эффективность для адвокатской аргументации. Результаты исследования показали, что постановления Пленума ВС РФ занимают положение «квазинормативных» разъяснений, фактически обязательных для нижестоящих судов, и служат важнейшим инструментом в работе адвоката. В статье систематизированы проблемные аспекты их применения (риски подмены законодательного регулирования, игнорирование разъяснений на местах, отсутствие единой статистики использования) и предложены путей их решения с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова: адвокат, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, судебная практика, правоприменительная деятельность, источник права, правовая позиция, защита прав доверителя.

В системе российского права постановления Пленума Верховного Суда РФ играют важную роль. Не являясь формально источниками права в классическом понимании (они не включены в перечень официальной признаваемой иерархии нормативных правовых актов), однако эти акты фактически регулируют многие моменты правоприменительной практики. Для адвокатской деятельности, целью которой является квалифицированная защита прав и законных интересов доверителей, постановления Пленума ВС РФ выступают не просто «рекомендациями», а обязательным ориентиром. Вопрос о правовой природе данных разъяснений остается одним из наиболее дискуссионных в юридической науке.

Целью данной статьи является комплексный анализ роли постановлений Пленума Верховного Суда РФ в адвокатской деятельности, включая теоретические аспекты их правовой природы, практическое значение для формирования правовых позиций и актуальные примеры из судебной практики.

Согласно п. 7 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»: «Верховный Суд Российской Федерации: 1) в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации дает судам разъяснения по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения;…» [1].

По мнению О. Ф. Харебова, разъяснения, даваемые Пленумом ВС РФ, по своей правовой природе являются исключительно интерпретационными актами. Их главное предназначение — раскрывать содержание уже действующих норм, а не дополнять или изменять их: «Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации имеют своей целью правильно разъяснить закон, тем самым помочь судебным и иным правоприменительным органам единообразно применять действующие нормы права, не нарушая принципа законности. Задачей данных постановлений является не формирование новых нормативных правовых актов, более того, не расширение существующих норм права, а формирование единообразного понимания некоторых положений с точки зрения содержания нормы и общей структуры законодательства России» [2, с. 91].

Признание ППВС РФ полноценными источниками права является дискуссионным моментом, так как сторонники традиционного подхода утверждают, что по своей правовой природе постановления Пленума ВС являются актами толкования, а не нормативного регулирования. Их возведение в ранг источников права означало бы вторжение судебной власти в прерогативы законодателя, что несовместимо с конституционным принципом разделения властей. Можно привести несколько аргументов: 1) как отмечает Л.А. Грось, «суд — носитель государственной власти, компетенция которого состоит в применении права, а не создании правовых норм» [3, с. 38]; 2) в отличие от депутатов, судьи не избираются народом, что ставит под сомнение их право создавать общеобязательные правила поведения; 3) российская правовая система относится к континентальной системе, в которой приоритет отдаётся нормативным актам, тогда как решения судов не являются самостоятельным источником правовых норм.

Противоположная позиция сторонников «широкого» подхода может включать следующие ответные аргументы: 1) восполнение пробелов: как отмечается на сайте zakon.ru: «Пленум ВС РФ №13 от 30.06.2020 г. закрепил прецедентную практику в арбитражном судопроизводстве. Указанным Постановлением, по сути, разрешались проблемы с единообразием судебной практики, с другой стороны – проблемы наличия пробелов в законодательстве и правоприменении» [4]; 2) косвенная легитимность заключается в том, что Судьи ВС РФ назначаются Советом Федерации по представлению Президента, который, в свою очередь, избирается народом, что в конечном счете легитимизирует их правотворческую деятельность; 3) граница между англо-саксонской и романо-германской семьями права постепенно размывается, например, как отметил бывший представитель правительства в Конституционном Суде Михаил Барщевский на Петербургском международном юридическом форуме (ПМЮФ-2025): «Действительно, постановления Пленума ВС становятся источником права — как бы мне этого ни хотелось. Возможно, мы переходим к прецедентной системе» [5].

Конституционный Суд РФ, как следует из разъяснения Минюстиции Новосибирской области, подготовленного на основе правовых позиций КС РФ, исходит из того, что «постановления Пленума Верховного Суда РФ не являются нормативными актами, обладающими общеобязательной силой для неопределённого круга лиц, однако их исполнение является обязательным для ограниченной категории субъектов — всех судов нижестоящих инстанций» [6].

Вопрос об обязательности постановлений Пленума ВС РФ для нижестоящих судов имеет прочную нормативную основу. Приведем также пример, согласно п. 5 ч. 3 ст. 311 АПК РФ: «Новыми обстоятельствами являются: … определение либо изменение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации или в постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации практики применения правовой нормы, если в соответствующем акте Верховного Суда Российской Федерации содержится указание на возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в силу данного обстоятельства» [7].

Проведённый анализ различных подходов даёт основания для собственного суждения: постановления Пленума ВС РФ целесообразно квалифицировать в качестве вторичных (производных) источников права, производных от нормативного правового акта. Они не обладают самостоятельной нормативной силой, однако их систематическое и единообразное применение нижестоящими судами, подкрепленное возможностью отмены судебных актов при их игнорировании, фактически придает им обязательную силу. Стоит также отметить то, что процессуальные кодексы прямо предусматривают возможность ссылок на постановления Пленума ВС РФ в мотивировочной части судебных решений (например, п. 5 ч. 4 ст. 170 АПК РФ). Таким образом, постановления Пленума занимают положение между общеобязательными нормативно-правовыми ак-

тами и судебной практикой, выступая в роли «квазинормативных» разъяснений.

В адвокатской деятельности постановления Пленума ВС РФ являются одним из наиболее эффективных способов обоснования правовой позиции. Ссылки на разъяснения высшей судебной инстанции позволяют адвокату:

1) укрепить свою аргументацию и показать суду, что позиция защиты основана не только на буквальном прочтении закона, но и на официальном толковании Верховного Суда РФ, тем самым обеспечив защиту законных прав и интересов доверителя. Так, например, в Апелляционное постановлении № 22К-1156/2019 от 27 марта 2019 г. по делу № 22К-1156/2019, содержится информация о том, что: «в апелляционной жалобе адвокат Загороднев Ю.А. в интересах обвиняемого К., ссылаясь на незаконность, необоснованность, немотивированность постановления суда и просит его отменить, изменить К. меру пресечения на подписку о невыезде. В доводах указывает, что в представленном в суд материале отсутствуют фактические данные, свидетельствующие о том, что К. может скрыться от следствия и суда, будет заниматься преступной деятельностью, угрожать участникам судопроизводства, уничтожать доказательства, иным путем воспрепятствовать производству по делу, а также основания для избрания ему меры пресечения в виде заключения под стражу. *Ссылаясь на постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2013 года «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога»,* суд не указал причины, по которым применение в отношении него меры пресечения в виде подписки о невыезде невозможно. Полагает, что только одна тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения по приговору наказания в виде лишения свободы на длительный срок, не могут признаваться достаточными для продления срока содержания под стражей» [8]. Эта ссылка стала весомым аргументом для проверки законности ареста в вышестоящей инстанции, однако на исход дела не повлияла, в итоге суд оставил жалобу без удовлетворения.

Можно привести ещё один пример дела, где адвокат в защиту мужчины, стрелявшего в сторону предполагаемого преступника, с самого начала ссылался на Постановление Пленума ВС РФ № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне...», чтобы доказать правомерность действий. Однако суды первой и апелляционной инстанций его доводы игнорировали. Только ВС РФ в кассации встал на сторону защиты, отменил приговор и прекратил уголовное дело, признав, что нижестоящие суды не учли разъяснения Пленума [9];

2) ссылаться в исковых заявлениях, жалобах, иных документах и в судебных прениях на постановления Пленума. Потому, что, например, если противоположная сторона будет ссылаться на закон по-своему, вы сможете обосновать свою точку зрения именно разъяснениями Пленума, что также отмечают их особую роль. Например, Адвокат Б.А. Эльмурзаев подал кассационную жалобу на апелляционное постановление ВС Республики Дагестан, которым было отменено решение о прекращении уголовного дела его подзащитного. Защитник указывал на процессуальные нарушения, допущенные нижестоящими инстанциями, ссылаясь на необходимость единообразного применения уголовно-процессуального закона, что напрямую коррелирует с задачами разъяснений Пленума ВС РФ. В итоге Пятый кассационный суд общей юрисдикции принял жалобу адвоката к своему производству, что подтверждает учет его правовой позиции на этапе кассационного обжалования [10];

3) возможность прогнозировать судебное решение и выстраивать стратегию защиты с учетом устоявшихся подходов высшей судебной инстанции. Например, адвокаты по гражданским делам в целях обоснования заявленных требований о взыскании неустойки, компенсации морального вреда и штрафа по делам о защите прав потребителей широко используется Постановление Пленума ВС РФ № 17. Данный акт в большинстве

случаев играет определяющую роль при принятии судебного решения в пользу потребителя. Вместе с тем, при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации основополагающим является иное разъяснение Пленума Верховного Суда РФ — Постановление Пленума ВС РФ от 24.02.2005 № 3. Адвокаты опираются на его разъяснения, чтобы доказать факт распространения порочащих сведений, и эта ссылка часто приводит к удовлетворению исков;

4) своевременно отслеживать изменения в правоприменительной практике и корректировать свою позицию.

Интенсивность работы Пленума ВС РФ в последние годы неуклонно возрастает. В 2025 г. данный орган принял 11 постановлений, призванных обеспечить единообразие судебной практики. Принятые акты содержат разъяснения по широкому кругу вопросов, включая порядок избрания мер пресечения, методику назначения наказаний, а также процедурные аспекты рассмотрения отдельных категорий дел.

Однако, несмотря на их активное использование, в открытом доступе не существует официальной или обобщенной статистики, которая бы точно отражала частоту их применения адвокатами в процессуальных документах или выступлениях в суде. В данном случае можно отметить проблему отсутствия систематизированных данных, которая в эпоху цифровизации могла бы решиться, путем создания, например, отдельного раздела на сайте адвокатов, в котором была бы отображена статистика использования ППВС РФ при работе с делом доверителя, а также устанавливалась бы успешность их применения. Также специализированной официальной статистики об удовлетворении ходатайств, в которых адвокаты ссылаются на постановления Пленума ВС РФ, не существует, однако в данном случае может помочь анализ актуальной судебной практики по схожим делам в конкретном регионе или у определенного судьи. Оценка того, как применяются разъяснения Пленума, — лучший способ спрогнозировать исход.

При отсутствии реальных цифр успешность и частоту применения могут подтвердить только косвенные показатели: 1) большое количество ППВС РФ по разъяснению законодательства напрямую увеличивает и «нормативную базу» для аргументации адвокатов, и их востребованность в судах; 2) изучение и применение ППВС РФ — необходимое условие для квалифицированной юридической помощи; 3) для адвокатов регулярно проводятся специальные семинары и обзоры, посвященные новым постановлениям Пленума.

Пример практического использования постановлений Пленума в адвокатской деятельности: в определении ВС РФ от 29.07.2025 г. № 304-ЭС25-5969 (7) по делу № А75-3066/2023 суд при рассмотрении вопроса об уплате государственной пошлины руководствовался разъяснениями, содержащимися в Обзорах судебной практики ВС РФ № 2, 3 (2024), утвержденных Президиумом ВС РФ 27.11.2024 г. Адвокаты, ссылаясь на данные разъяснения, могут обосновывать правомерность освобождения от уплаты госпошлины или предоставления отсрочки/рассрочки ее уплаты.

Теперь рассмотрим конкретные примеры ППВС РФ, регулирующие адвокатскую деятельность. Так, например, Постановление Пленума ВС РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» разъясняет нижестоящим судам ключевые аспекты ведения уголовных процессов. Приведем несколько примеров положений данного ППВС РФ, согласно абзц. 3 и 4 п. 12: «В том же порядке суд при отводе единственного адвоката, осуществляющего защиту обвиняемого, принимает меры к обеспечению участия в судебном заседании другого адвоката.

Когда защиту обвиняемого осуществляют несколько приглашенных им адвокатов, неявка кого-либо из них при надлежащем уведомлении о дате, времени и месте судебного разбирательства не препятствует его проведению при участии хотя бы одного из

адвокатов» [11]. Показательна в этом отношении ситуация, когда Судебная коллегия по уголовным делам ВС РФ при проверке приговора обнаруживает: суд первой инстанции, получив заявленный отвод единственному защитнику, не предпринял мер для приглашения другого адвоката, а лишь перенёс судебное заседание. Такое бездействие расценивается как существенное нарушение уголовно-процессуального закона, посягающее на право обвиняемого на защиту, и влечёт безусловную отмену судебного решения.

Абзц. 3 п. 13: «Заявление обвиняемого об отказе от защитника ввиду отсутствия средств на оплату услуг адвоката либо неявки в судебное заседание приглашенного им или назначенного ему адвоката, а также об отказе от услуг конкретного адвоката не может расцениваться как отказ от помощи защитника, предусмотренный статьей 52 УПК РФ» [12].

Стоит отметить то, что Пленум ВС в своих решениях последовательно расширяет и разъясняет гарантии адвокатской деятельности, обеспечивая реальную возможность для квалифицированной защиты. Так, согласно п. 10 ППВС РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»: «В тех случаях, когда в ходе проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном статьей 144 УПК РФ, подсудимый обращался с письменным или устным заявлением о явке с повинной, и сторона обвинения ссылается на указанные в этом заявлении сведения как на одно из доказательств его виновности, суду надлежит проверять, в частности, разъяснялись ли подсудимому при принятии от него такого заявления с учетом требований ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ права не свидетельствовать против самого себя, пользоваться услугами адвоката, приносить жалобы на действия (бездействие) и решения органов предварительного расследования в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ; была ли обеспечена возможность осуществления этих прав» [12]. Исходя из этого явка с повинной может быть признана допустимым доказательством только в том случае, если она была получена с соблюдением права подозреваемого на защиту — то есть в присутствии адвоката и с разъяснением ст. 51 Конституции РФ (право не свидетельствовать против себя). Это важная гарантия против принуждения к самооговору.

В 2025 г. Пленум ВС РФ принял ряд важных постановлений, существенно влияющих на адвокатскую практику. К ним можно отнести, например:

Постановление Пленума ВС РФ от 27.05.2025 № 2 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» внесло уточнения в правила определения подсудности уголовных дел, а также в процедуру обжалования судебных решений, вынесенных по итогам рассмотрения ходатайств о передаче дела в другой суд (как в случае удовлетворения, так и при отказе в удовлетворении такого ходатайства).

Постановление Пленума ВС РФ от 23.12.2025 № 43 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам», как отмечают авторы сайта Ассоциации юристов России: «по своему содержанию он фиксирует новую логику правоприменения — от дел экстремистской направленности до экономических преступлений и незаконной миграции. Для корпоративных юристов, адвокатов и собственников бизнеса это постановление представляет практический интерес не столько из-за расширения перечня норм, сколько из-за уточнения границ уголовной ответственности, перераспределения бремени доказывания и усиления процессуальных гарантий» [13].

Эти примеры показывают, как Пленум ВС РФ через свои постановления влияет на повседневную практику адвокатов, расширяя их права, упрощая формальности и устанавливая стандарты для всего юридического сообщества.

Для адвокатской деятельности постановления Пленума ВС РФ выступают: эффек-

тивным инструментом аргументации, прогнозирования судебных решений и выработки стратегии защиты; источником актуальных разъяснений по вопросам применения законодательства, включая меры пресечения, подсудность, кассационное обжалование и иные процессуальные институты.

Приходя к выводу, можно отметить следующие проблемные аспекты применения постановлений Пленума: 1) выходит за пределы федерального законодательства: расширяя в своих постановлениях круг решений, которые может принять суд, Пленум ВС РФ нередко выходит за пределы сугубо интерпретационной функции, фактически занимаясь нормотворчеством. Они создают опасный прецедент, когда судебное толкование начинает подменять законодательный акт. Так, в юридической литературе приводится пример, когда Пленум ВС РФ подвергся критике за расширение своих полномочий в Постановлении от 10.02.2009 г. № 1 (был расширен круг решений, которые могут быть приняты судом без судебного заседания и без участия заинтересованных лиц при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ). Также важно также разграничивать два разных по степени тяжести явления: восполнение пробелов в законодательстве, когда Пленум ВС РФ конкретизирует слишком общее правило, и прямое противоречие закону, когда разъяснение Пленума вступает в коллизию с действующей нормой. В первом случае речь идет о правомерной интерпретационной деятельности, направленной на обеспечение единообразия и пояснения судебной практики, а во втором — о превышении полномочий, что недопустимо в правовом государстве; 2) игнорирование разъяснений Пленума на местах как системная проблема: в ходе традиционного совещания судей судов общей юрисдикции, арбитражных и военных судов, которое состоялось 19.02.2026 г.а, Президент России Владимир Путин затронул ряд ключевых вопросов, касающихся укрепления судебной системы и обеспечения единства правоприменительной практики.. Он прямо указал на существующую проблему – «субъективное толкование» норм судьями на местах»; 3) исключение ссылок на ЕСПЧ: авторы сайта Московской городской коллегия адвокатов отмечают: «Верховный Суд исключил ссылки на ЕСПЧ из практики. 9 декабря 2025 года Пленум Верховного Суда РФ убрал все упоминания Европейской конвенции и ЕСПЧ из своих постановлений. Внесены изменения в 20+ документов, вместо них – ссылки на Международный пакт о гражданских и политических правах» [14]; 4) отсутствие единой базы статистики применения ППВС РФ в адвокатской деятельности, которая может решиться путем использования современных цифровых технологий. Внедрение такой базы данных отобразила бы существенную роль ППВС РФ для адвокатов, а также имела бы практико-ориентированную направленность при работе с делами доверителей.

Таким образом, перед адвокатами встают новые вызовы: необходимость постоянного мониторинга быстро меняющихся и отменяющихся разъяснений, освоение новых технологических инструментов и выработка стратегий защиты в цифровой среде. Однако, расширение предмета разъяснений открывает и новые возможности для защиты прав доверителей.

Список литературы:

1. Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» : (ред. от 02.08.2019) // СПС КонсультантПлюс.
2. Харебов О. Ф. Правовая природа разъяснений верховного суда РФ / О. Ф. Харебов // Вестник магистратуры. 2019. - №4-1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-razyasneniy-verhovnogo-suda-rf (дата обращения: 15.03.2026).
3. Грось Л.А. О постановлении пленума Верховного Суда РФ «О судебном решении» // Арбитражный и гражданский процесс. - 2004. - № 10. - С. 37-43.
4. Применение доктринальных положений в праве: пример из судебной практики / сайт Zakon.ru // [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://zakon.ru/blog/2021/3/24/primenenie_doktrinalnyh_polozhenij_v_prave_primer_iz_sudebnoj_praktiki (дата

обращения: 05.04.2026).
5. На ПМЮФ поспорили о прецедентной системе права / Финанс инфо // [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://vk.com/@-174648275-rss-747504312-387803724?subtype=primary (дата обращения: 05.04.2026).
6. Обязательно ли применять постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации / Министерство юстиции Новосибирской области // [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://minjust.nso.ru/news/3370 (дата обращения: 05.04.2026).
7. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» № 95-ФЗ от 24.07.2002 : (ред. от 15.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.
8. Апелляционное постановление № 22К-1156/2019 от 27 марта 2019 г. по делу № 22К-1156/2019 / СудАкт: Судебные и нормативные акты РФСудебные и нормативные акты РФ // [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://sudact.ru/regular/doc/fTgaxIMF4JgE/ (дата обращения: 05.04.2026).
9. Адвокат добился в ВС прекращения дела в отношении мужчины, стрелявшего под ноги предполагаемому преступнику / Общество | Селдон Новости // [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://myseldon.com/ru/news/index/278193898?requestId=55abd886-1bad-4f10-84ac-b1b207a4ca74 (дата обращения: 05.04.2026).
10. Кассационное определение № 77-1483/2021 от 01.12.2021 Пятого кассационного суда общей юрисдикции / ГРАЖДАНСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАКОНЫ КОММЕНТАРИИ СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА // [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/kassatsionnoe-opredelenie-_-77-1483_2021-ot-01.12.2021-pyatogo-kassatsionnogo-suda-obschey-yurisdiktsii (дата обращения: 05.04.2026).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» : (ред. от 09.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре» : (ред. от ред. от 09.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.
13. Пленум Верховного Суда РФ № 43 от 23 декабря 2025 года / сайт Ассоциация юристов России // [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://alrf.ru/articles/plenum-verkhovnogo-suda-rf-43-ot-23-dekabrya 2025 goda/#menu-item-3 (дата обращения: 02.04.2026).
14. Верховный Суд исключил ссылки на ЕСПЧ из практики | Разъяснения Пленума ВС РФ - Московская городская коллегия адвокатов / сайт Московская городская коллегия адвокатов Юридические услуги адвокатов Московской городской коллегии адвокатов // [Электронный ресурс]. — Режим доступа — URL: https://advokat15ak.ru/верховный-суд-исключил-ссылки-на-еспч/#main-navigation (дата обращения: 02.04.2026).

Lyahova A.I., Solov'yova A.I. Role of rulings of the plenum of the supreme court of the Russian Federation in the activity of lawyers // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 678-685.

This article examines the actual role of the rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in advocacy practice. It is argued that, while not constituting formal sources of law, these interpretative clarifications serve as binding practical guidelines for advocates when shaping their legal position, substantiating arguments in procedural documents, and forecasting judicial decisions. The aim of the research is a comprehensive analysis of the theoretical and applied aspects of the application of the Plenum's rulings in advocacy, including their legal nature, their potential as persuasive authority, and their impact on defence strategy. The paper reviews various doctrinal approaches to recognising these rulings as sources of law and analyses concrete examples from judicial practice demonstrating their effectiveness in advocacy reasoning. The findings show that the rulings of the Plenum of the Supreme Court occupy the status of 'quasi‑normative' clarifications, which are de facto binding upon lower courts, and constitute a crucial tool in an advocate's work. The article systematises problematic aspects of their application (risks of substituting legislative regulation, disregard of clarifications at the local level, and the absence of unified statistics on their use) and suggests ways to address these issues by employing digital technologies.

Keywords: advocate, rulings of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice, law‑enforcement activity, source of law, legal position, protection of client's rights.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj konstitucionnyj zakon ot 05.02.2014 № 3-FKZ «O Verhovnom Sude Rossijskoj Federacii» : (red. ot 02.08.2019) // SPS Konsul'tantPlyus.
2. Harebov O. F. Pravovaya priroda raz"yasnenij verhovnogo suda RF / O. F. Harebov // Vestnik magistratury. 2019. - №4-1 [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa — URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-priroda-razyasneniy-verhovnogo-suda-rf (data obrashcheniya: 15.03.2026).
3. Gros' L.A. O postanovlenii plenuma Verhovnogo Suda RF «O sudebnom reshenii» // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. - 2004. - № 10. - S. 37-43.
4. Primenenie doktrinal'nyh polozhenij v prave: primer iz sudebnoj praktiki / sajt Zakon.ru // [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa — URL: https://zakon.ru/blog/2021/3/24/primenenie_doktrinalnyh_polozhenij_v_prave_primer_iz_sudebnoj_praktiki (data

obrashcheniya: 05.04.2026).
5. Na PMYUF posporili o precedentnoj sisteme prava / Finans info // [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa — URL: https://vk.com/@-174648275-rss-747504312-387803724?subtype=primary (data obrashcheniya: 05.04.2026).
6. Obyazatel'no li primenyat' postanovleniya Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii / Ministerstvo yusticii Novosibirskoj oblasti // [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa — URL: https://minjust.nso.ru/news/3370 (data obrashcheniya: 05.04.2026).
7. «Arbitrazhnyj processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii» № 95-FZ ot 24.07.2002 : (red. ot 15.12.2025) // SPS Konsul'tantPlyus.
8. Apellyacionnoe postanovlenie № 22K-1156/2019 ot 27 marta 2019 g. po delu № 22K-1156/2019 / SudAkt: Sudebnye i normativnye akty RFSudebnye i normativnye akty RF // [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa — URL: https://sudact.ru/regular/doc/fTgaxIMF4JgE/ (data obrashcheniya: 05.04.2026).
9. Advokat dobilsya v VS prekrashcheniya dela v otnoshenii muzhchiny, strelyavshego pod nogi predpolagaemomu prestupniku / Obshchestvo | Seldon Novosti // [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa — URL: https://myseldon.com/ru/news/index/278193898?requestId=55abd886-1bad-4f10-84ac-b1b207a4ca74 (data obrashcheniya: 05.04.2026).
10. Kassacionnoe opredelenie № 77-1483/2021 ot 01.12.2021 Pyatogo kassacionnogo suda obshchej yurisdikcii / GRAZHDANSKOE ZAKONODATEL'STVO ZAKONY KOMMENTARII SUDEBNAYA PRAKTIKA // [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa — URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/sou/kassatsionnoe-opredelenie-_-77-1483_2021-ot-01.12.2021-pyatogo-kassatsionnogo-suda-obschey-yurisdiktsii (data obrashcheniya: 05.04.2026).
11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30.06.2015 № 29 «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, obespechivayushchego pravo na zashchitu v ugolovnom sudoproizvodstve» : (red. ot 09.12.2025) // SPS Konsul'tantPlyus.
12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29.11.2016 № 55 «O sudebnom prigovore» : (red. ot red. ot 09.12.2025) // SPS Konsul'tantPlyus.
13. Plenum Verhovnogo Suda RF № 43 ot 23 dekabrya 2025 goda / sajt Associaciya yuristov Rossii // [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa — URL: https://alrf.ru/articles/plenum-verkhovnogo-suda-rf-43-ot-23-dekabrya 2025 goda/#menu-item-3 (data obrashcheniya: 02.04.2026).
14. Verhovnyj Sud isklyuchil ssylki na ESPCH iz praktiki | Raz"yasneniya Plenuma VS RF - Moskovskaya gorodskaya kollegiya advokatov / sajt Moskovskaya gorodskaya kollegiya advokatov YUridicheskie uslugi advokatov Moskovskoj gorodskoj kollegii advokatov // [Elektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa — URL: https://advokat15ak.ru/verhovnyj-sud-isklyuchil-ssylki-na-espch/#main-navigation (data obrashcheniya: 02.04.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 686-693.

УДК 347.2

ОСНОВАНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ИНТЕРЕСОВ ЛИЦ ПРИ ПРИНУДИТЕЛЬНОМ ПРЕКРАЩЕНИИ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Назаркулов Ж. Н.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Статья посвящена комплексному анализу оснований гражданско-правовой защиты интересов лиц в процедурах принудительного изъятия земельных участков. Автор обосновывает необходимость перехода от узкого понимания нарушенных прав к гибкой правовой конструкции защиты, учитывающей природу законных интересов всех участников правоотношений. В работе критически анализируется судебная практика, выявляющая недостатки процедурных гарантий и нарушение баланса между публичным интересом и частной собственностью. Особое внимание уделено положению третьих лиц (арендаторов, залогодержателей, членов семьи собственника жилого помещения), чьи интересы зачастую игнорируются. Сформулировано понятие «оспаривание интереса» как поведения, выражающего отрицание фактического наличия интереса у субъекта или его правовой значимости. Обоснована целесообразность признания интересов третьих лиц самостоятельным объектом защиты и легитимации превентивных мер при создании фактических препятствий в реализации интересов.

Ключевые слова: субъективное право, законный интерес, гражданско-правовая защита, оспаривание интереса, нарушение прав, фактическое изъятие, справедливая компенсация.

В современной правовой системе принцип неприкосновенности собственности является основой стабильного гражданского оборота, обеспечивая возможность правообладателя использовать имущество в своих интересах. Данный принцип является конституционным принципом (ст. 35 Конституции РФ), получившим свое развитие в гражданском законодательстве (ст. 1, 209 ГК РФ). В то же время достаточно актуальной является проблема гражданско-правовой защиты при принудительном прекращении права собственности. Центральное место в дискуссии о пределах вмешательства государства в частную сферу занимает проблема соотношения субъективных прав и законных интересов, а также определения модели соотношения частных и публичных интересов при осуществлении и прекращении права собственности в том числе на недвижимое имущество.

Субъективное право собственности понимается как юридически обеспеченная мера возможного поведения, гарантирующая господство лица над вещью. В доктрине гражданского права подчеркивается, что субъективное право всегда обеспечено защитой от нарушения, поскольку «право всегда предполагает момент защиты» [1]. При принудительном прекращения субъективного права собственности правовая защита направлена на восстановление имущественной сферы правообладателя посредством института возмещения (ч. 3 ст. 35 Конституции РФ, ст. 281 ГК РФ). Однако категория «интерес» («законный интерес») значительно шире и отражает основные стремления участников гражданских отношений с целью удовлетворения своих потребностей, которые не всегда облекаются в правовую форму субъективных прав, но подлежат защите [2]. Ситуация осложняется тем, что гражданское законодательство традиционно связывает возникновение права на защиту с фактом нарушения субъективного права (ст. 11 ГК РФ). В цивилистической доктрине понятие «нарушение» зачастую сводится к прямому посягательству на юридический титул. В контексте принудительного изъятия это приводит к тому, что вне сферы правовой защиты оказывается значительная часть интересов.

В гражданском обороте собственник далеко не всегда является единственным носителем субъективных прав, связанных с имуществом. Имущество может быть предме-

том залога, аренды, обременяется сервитутами, выступает объектом сложных обязательственных связей. Соответственно принудительное прекращение права собственности неизбежно затрагивает интересы иных лиц (залогодержателей, арендаторов, сервитуариев). Разграничение механизмов защиты субъективных прав и законных интересов при принудительном изъятии имущества имеет не только терминологическое, но и функциональное значение.

В доктринальной дискуссии отмечается, что термин «нарушение» этимологически и юридически предполагает выход за границы дозволенного поведения, что применимо к субъективному праву, но вступает в противоречие с природой интереса. Развитие получила концепция «юридических препятствий в реализации прав и законных интересов» в рамках которой негативное воздействие на сферу интереса описывается не через категорию «нарушение», а через систему препятствий – нормативных, правоприменительных, организационных [3]. Опираясь на эту концепцию приходим к выводу, что относительно интересов чаще всего имеет место не нарушение в строгом смысле (как правонарушение, посягающее на субъективное право), а именно создание препятствий их реализации. Поскольку создание препятствий не всегда влечет нарушение субъективных прав, постольку терминологически корректнее говорить о препятствиях в реализации законных интересов, а не об их нарушении. Напротив, нарушение субъективных прав неизбежно создает препятствие к реализации законного интереса.

Учитывая позицию, что по отношению к интересам возможно только создание препятствий в их реализации, а не нарушение, о гражданско-правовой защите можно говорить только в случае прекращения права собственности либо очевидного нарушения субъективного права. Именно в рассматриваемой сфере принудительного прекращения права собственности чрезвычайно важно обеспечить превентивную защиту, позволяющую субъекту реагировать на действия органов власти еще до прекращения субъективного права. Анализ судебной практики показывает, что суды нередко отказывают в защите именно ввиду отсутствия нарушения права в узком смысле этого слова, – например, когда собственник не лишен титула, а лишь ограничен в возможности использования имущества; когда участник правоотношений не может доказать наличие у него субъективного права, но его интерес очевидно затрагивается. В некоторых случаях, связанных с нарушением процедуры изъятия участка, высшая судебная инстанция признает нарушенным интерес собственника уже с момента фактического изъятия земельного участка для публичных нужд [4].

Некоторые ученые, исследуя данную проблему, указывают на необходимость переосмысления традиционного понимания нарушения, предлагая различать посягательства, непосредственно нарушающие интерес, и действия, создающие угрозу его нарушения [5]. В.А. Гончарова, исследуя нарушение прав и охраняемых законом интересов как условие возникновения права на защиту участников оспоримой сделки, указывает что нарушение охраняемого законом интереса может состоять не только в прямом лишении блага, но и в создании экономически неблагоприятных, юридически неопределенных условий реализации интереса [6]. Е.Л. Сидорова в систему мер защиты прав и интересов лиц при изъятии земельных участков включает специальные меры, реализация которых осуществляется в связи с «правомерным нарушением» субъективного права [7].

Показательным в данном случае является Постановление Пленума ВС РФ от 16.10.2009 г. № 19, в котором разъясняется содержание термина «нарушение законных интересов граждан или организаций» в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий. Пленум прямо указал, что под нарушением законных интересов следует понимать, в частности, «создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не проти-

воречащих нормам права и общественной нравственности» [8].

А.В. Рыжик, развивая теорию интереса собственника в российском гражданском праве, обращает внимание на необходимость мер, способных не только компенсировать уже причиненный вред, но и пресекать действия, создающие препятствия в реализации интересов собственника, в том числе при вмешательстве публичной власти в сферу частной собственности [9]. Как справедливо отмечает Л.А. Чеговадзе, «правовое регулирование действий по защите субъективных прав и действий по защите интересов субъектов различается и проявляется это в несовпадении оснований и последствий защиты» [10]. Данный тезис подчеркивает, что принудительное прекращение права собственности, являясь формально правомерным актом, не может рассматриваться как нарушение права в традиционном смысле, однако оно выступает специфическим основанием защиты интересов.

Таким образом, назрела необходимость перехода от узкого доктринального подхода к более широкой модели защиты, основанной на признании значимости законного интереса всех участников правоотношений, вовлекаемых в сферу принудительного изъятия имущества. Основанием для защиты должен выступать не только факт нарушения субъективного права, но и любое существенное посягательство на законный интерес, в том числе создание препятствий в его реализации.

Важным дополнением к системе оснований гражданско-правовой защиты является тот факт, что наряду с категорией «нарушение», законодатель оперирует категорией «оспаривание» (ст. 11 ГК РФ). В процессуальном аспекте это находит прямое отражение в нормах гражданского процессуального законодательства (ст. 3 ГПК РФ), которое устанавливает возможность судебной защиты не только нарушенных, но и оспариваемых законных интересов. В научно-исследовательском дискурсе феноменам непризнания или оспаривания интереса уделяется значительное внимание. Под непризнанием или оспариванием понимаются ситуации, когда контрагент или субъект публичной власти ставит под сомнение сам факт существования интереса, его законность или юридическую значимость [11; 12]. При этом, хотя законодательство прямо закрепляет возможность защиты оспариваемых интересов, само понятие «оспаривание» применительно к интересу как правило не раскрывается и в основном применяется по аналогии с разработками, касающимися оспаривания права. Ключевыми для понимания несовершенства современной модели гражданско-правовой защиты интересов при принудительном прекращении права собственности являются недостатки, проявляющиеся в спорах об изъятии объектов недвижимости для государственных и муниципальных нужд.

Объекты недвижимости являются сложными объектами, обладающими уникальной ценностью, что формирует комплекс законных интересов правообладателей [13]. Анализ судебной практики показывает, что в этой категории дел наиболее остро проявляются проблемы, связанные с отсутствием необходимой проверки реальности и обоснованности заявленной государственной или муниципальной нужды, соблюдением процедуры принятия решения об изъятии, обеспечением полноты компенсации, а также защитой прав и законных интересов арендаторов и иных пользователей изымаемого имущества [14]. В этих случаях речь идет не о нарушении субъективного права собственности, а об оспаривании охраняемого законом интереса. Так, в спорах об изъятии земельных участков суды часто придерживаются подхода, в соответствии с которым нарушение считается не наступившим, пока право собственности в ЕГРН не прекращено. Это игнорирует интересы правообладателей, чьи земельные участки попадают под резервирование [15]. Судебная практика подчеркивает, что принудительное изъятие земельных участков допустимо лишь в случае имеющихся объективных публичных интересов, оправдывающих необходимость такого изъятия, и удовлетворение которых

посредством лишения иных лиц собственности допускается лишь в исключительных случаях [16]. Ключевой проблемой является сложность оспаривания целесообразности изъятия земельного участка. ВС РФ неоднократно указывал на недопустимость изъятия земельных участков в целях не соответствующих перечню ст. 49 ЗК РФ, и на необходимость оценки реального содержательного характера проекта. В одном из дел суд указал, что строительство объекта, который по своей экономической модели и источникам финансирования ориентирован преимущественно на извлечение прибыли частной компанией, при отсутствии убедительных доказательств общественной необходимости и невозможности достижения целей иными способами, не может быть признано основанием для изъятия земельного участка для муниципальных нужд [17].

Дополнительной проблемой является формальный подход судов к проверке обоснованности изъятия недвижимости. В ряде дел суды ограничиваются лишь констатацией наличия утвержденного проекта планировки территории или соответствующей лицензии у организации изыскателя. При этом игнорируется обязанность проверить проект на соответствие критериям исключительности и невозможности удовлетворения публичных нужд иным способом. Показательным в данном случае является практика об изъятии земельного участка для целей недропользования, где суд отметил, что наличие лицензии на пользование недрами и включение проекта в стратегические планы развития региона не являются безусловным доказательством наличия государственных нужд, позволяющих изъять земельный участок. Суд обязан проверить, действительно ли реализация проекта направлена на удовлетворение общественно значимых потребностей, каковы его экологические и социальные последствия, существуют ли альтернативные варианты размещения объекта [18].

Помимо оспаривания публичной нужды значительный пласт судебной практики связан с нарушением процедурных гарантий. Суды нередко признают решения незаконными в случаях, когда госорганы прибегают к фактическому изъятию (занятию) земельного участка без соблюдения установленного порядка, когда собственник лишается фактически владения всем или частью своего земельного участка и (или) возможности использовать его по назначению. Это проявляется в начале строительных работ, установке ограждений или сносе строений до подписания соглашения с собственником или вступления в силу решения суда о принудительном изъятии [19]. Такие действия квалифицируются как нарушение права собственности, влекущее не только отмену решения, но и возмещение убытков, причиненных фактическим лишением имущества [20].

Отдельной проблемой остается определение выкупной цены изымаемого земельного участка, которая включает рыночную стоимость участка и находящегося на нем недвижимого имущества, а также все убытки, причиненные собственнику, включая убытки, которые он несет в связи с невозможностью исполнения своих обязательств перед третьими лицами, в том числе упущенную выгоду. Анализ судебной практики свидетельствует от том, что конституционная модель предварительного и равноценного возмещения (ст. 35 Конституции РФ) не всегда реализуется в полной мере. В значительном числе случаев размер возмещения отличается от реальной рыночной стоимости имущества в момент его фактического изъятия, не возмещаются некоторые виды убытков, предварительность возмещения носит номинальный характер, а собственник в течение длительного времени фактически лишен имущества без соответствующей денежной компенсации [21].

Земельные споры подтверждают, что узкое понимание защиты, привязанной к моменту прекращения права собственности, не способно обеспечить справедливости при принудительном изъятии имущества. Нарушение интереса посредством несоблюдения предварительности и равноценности возмещения, игнорирования фактического лише-

ния возможности использовать имущество и других процедурных гарантий необходимо рассматривать как достаточное основание для применения необходимых средств гражданско-правовой защиты. Особую актуальность в практике изъятия земельных участков приобретает проблема защиты интересов третьих лиц, чьи интересы производны от прав собственника.

Земельные участки часто обременены правами лиц, использующих их для осуществления деятельности, в том числе предпринимательской. Для арендатора препятствия в реализации интереса проявляются, например, в ограничении доступа к арендованному помещению или земельному участку в связи с подготовкой к изъятию, в отключении энергоснабжения и коммуникаций, при отсутствии реальной необходимости прекращения использования имущества. В земельных спорах арендаторы часто сталкиваются с тем, что их убытки либо не учитываются вовсе, либо их возмещение перекладывается на собственника, который не заинтересован в их доказывании. Такие ситуации приводят к тому, что третьи лица вынуждены защищать свои интересы в рамках отдельных судебных процессов (рассматриваются судами как договорные споры), хотя по своей природе они связаны с действиями, создающими препятствия в реализации охраняемого законом интереса арендатора, в стабильности использования имущества на согласованный срок.

Особого внимания в процедуре принудительного отчуждения земельных участков заслуживает нарушение интересов залогодержателей. Это обусловлено занижением выкупной стоимости изымаемых объектов, в результате чего размер денежной компенсации оказывается ниже суммы обеспеченного обязательства. Существующий порядок распределения возмещения зачастую не гарантирует залогодержателю безусловный приоритет в возможности получения средств от публично-правового образования. В условиях отсутствия эффективного контроля залогодержателя над стадиями согласования выкупной цены, изъятие превращается в инструмент принудительной трансформации обеспеченного требования в необеспеченное.

Практика изъятия земельных участков в рамках ликвидации аварийного жилья и реализации программ комплексного развития территорий демонстрирует нарушения не только имущественного интереса собственника жилого помещения, но и интересов членов его семьи и иных проживающих лиц, в том числе бывших членов семьи, не являющихся собственниками. Несмотря на то, что закон связывает изъятие земельного участка с прекращением всех обременений, механизм компенсации не учитывает риски бывших членов семьи.

Российское законодательство традиционно связывало объем гарантий прежде всего с правом собственности или договором социального найма, оставляя проживающих на основании семейных отношений лиц в уязвимом положении. Важным прецедентом в защите интересов таких лиц является Постановление КС РФ от 27.12.2024 г. № 21-П в котором суд указал на неконституционность ситуации, при которой бывшие члены семьи собственника, сохраняя статус нуждающихся в жилье и фактически проживая в нем, полностью исключаются из механизмов компенсации и расселения лишь потому, что их вещное право прекращено ранее, а формально программы сноса ориентированы на собственников и нанимателей [22].

Проведенное исследование позволяет констатировать, что современный механизм принудительного прекращения права собственности характеризуется системным нарушением баланса между публичным интересом и защитой частной собственности, что проявляется в нарушении законности оснований и процедурных гарантий, а также несоблюдении принципа справедливого возмещения. В рамках совершенствования правовой доктрины представляется необходимым переход от узкого понимания нарушения, связывающего возникновение права на защиту с фактом нарушения субъективного

права, к более гибкой конструкции, при которой нарушение интереса рассматривается как юридически значимое неблагоприятное изменение условий его реализации, выражающееся в лишении или существенном ограничении возможностей удовлетворения правомерных потребностей субъекта. При этом оспаривание или непризнание интереса со стороны госорганов должно служить самостоятельным основанием для судебной защиты, а интересы третьих лиц - признаны самостоятельным объектом гражданско-правовой защиты.

Список литературы:

1. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. – М.: Издание Бр. Башмаковых, 1911. – 698 с.
2. Назаркулов Ж.Н. Интересы как объект гражданско-правовой защиты // Цивилист. – 2025. – № 6 (58). – С. 89-94.
3. Юридические препятствия в реализации прав и законных интересов: вопросы идентификации и преодоления: монография / В.М. Абдрашитов и др.; под ред. В.Ю. Панченко, А.А. Петрова. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. – 396 с.
4. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 82-КГ13-5 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 2.
5. Бурмистрова С.А. Устранение угрозы нарушения и пресечение нарушения как способы защиты правовых интересов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 5. – С. 25-29.
6. Гончарова В.А. Нарушение прав и охраняемых законом интересов как условие возникновения права на защиту участников оспоримой сделки // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2018. – № 28. – С. 117-124.
7. Сидорова Е.Л. Защита прав и интересов физических и юридических лиц при изъятии земельных участков для государственных или муниципальных нужд: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2010. – 23 с.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/
9. Рыжик А.В. Теория интереса собственника в российском гражданском праве: автореф. дис. …. д-ра юрид. наук. – М., 2022.
10. Чеговадзе Л. А. Защита прав и интересов субъектов гражданского права // Защита частных прав: проблемы теории и практики: материалы 2-й ежегодной международной научно-практической конференции, Иркутск, 20–21 июня 2013 года / под редакцией Н.П. Асланян, Ю.В. Виниченко. – Иркутск: Байкальский государственный университет экономики и права, 2013. – С. 163-168.
11. Галкин В.И. Соотношение частных и публичных интересов при осуществлении права собственности на недвижимое имущество: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2020. – 31 с.
12. Груздев В.В. Гражданско-правовая защита имущественных интересов личности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. – Томск, 2014. – 52 с.
13. Семенова Е.Г. Концептуальная модель правового режима недвижимости как объекта имущественных прав: дис. … доктора юрид. наук. – М., 2021. – 404 с.
14. Обзор судебной практики по делам, связанным с изъятием для государственных или муниципальных нужд земельных участков в целях размещения объектов транспорта (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10.12.2015). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190296/
15. Фазлиева Л.К. Резервирование земельных участков через призму полномочий органов местного самоуправления // Алтайский юридический вестник. - 2021. - № 1 (33). - С. 34-37.
16. Жаров Е. Изъятие земельных участков в связи с осуществлением недропользования. Практика Верховного Суда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2026/03/04/izyatie_zemelnyh_uchastkov_v_svyazi_s_osuschestvleniem_nedropolzovaniya__praktika_verhovnogo_suda
17. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 27 октября 2015 г. по делу № А07-21632/2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/2866a1e6-a918-45cd-8cdb-c92359ba7bd9
18. Определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 17 июня 2025 г. по делу № А60-58852/2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/01b35343-d649-4f1d-9226-31722fcd2134/75aaef88-500d-40eb-b05b-8893f2032eb7/A60-58852-2023_20250630_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True
19. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 15 июня 2021 г. № 4-КГ21–25-К1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15062021-n-4-kg21-25-k1/
20. Григорьев М. Фактическое изъятие земельных участков для публичных нужд: способы защиты прав землевладельцев // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2015. – № 1.
21. Чиконова Л.В. Защита прав собственников нежилых помещений при изъятии земельного участка в интересах общества: проблемы и пути решения // Вестник Волжского университета имени В.Н. Тамищева. –

2022. – № 3, том 1. – С. 96-107.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 апреля 2024 г. № 21-П «По делу о проверке конституционности части 6 статьи 32 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Я.В. Штраус» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/408938131/

Nazarkulov Zh.N. Grounds for civil legal protection of personal interests in the case of forced termination of ownership rights: doctrinal and practical aspects // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 686-693.

This article provides a comprehensive analysis of the grounds for civil protection of the interests of individuals in land seizure proceedings. The author substantiates the need to move from a narrow understanding of violated rights to a flexible legal framework for protection that takes into account the nature of the legitimate interests of all parties to the legal relationship. The paper critically analyzes judicial practice, revealing shortcomings in procedural guarantees and an imbalance between public interests and private property. Particular attention is paid to the position of third parties (tenants, mortgagees, and family members of the owner of residential premises), whose interests are often ignored. The concept of "challenging an interest" is formulated as behavior that expresses a denial of the actual existence of an interest by the subject or its legal significance. The advisability of recognizing the interests of third parties as an independent object of protection and legitimizing preventive measures when actual obstacles to the realization of these interests are created is substantiated.

Keywords: subjective right, legitimate interest, civil protection, challenging an interest, violation of rights, actual seizure, fair compensation.

Spisok literatury:

1. SHershenevich G. F. Obshchaya teoriya prava. – M.: Izdanie Br. Bashmakovyh, 1911. – 698 s.
2. Nazarkulov ZH.N. Interesy kak ob"ekt grazhdansko-pravovoj zashchity // Civilist. 2025. № 6 (58). S. 89-94.
3. YUridicheskie prepyatstviya v realizacii prav i zakonnyh interesov: voprosy identifikacii i preodoleniya: monografiya / V.M. Abdrashitov i dr.; pod red. V.YU. Panchenko, A.A. Petrova. – Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t, 2016. – 396 s.
4. Opredelenie sudebnoj kollegii Verhovnogo Suda RF ot 25 marta 2014 g. № 82-KG13-5 // Byulleten' Verhovnogo Suda RF. – 2015. – № 2.
5. Burmistrova S.A. Ustranenie ugrozy narusheniya i presechenie narusheniya kak sposoby zashchity pravovyh interesov // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2018. – № 5. – S. 25-29.
6. Goncharova V.A. Narushenie prav i ohranyaemyh zakonom interesov kak uslovie vozniknoveniya prava na zashchitu uchastnikov osporimoj sdelki // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. – 2018. – № 28. – S. 117-124.
7. Sidorova E.L. Zashchita prav i interesov fizicheskih i yuridicheskih lic pri iz"yatii zemel'nyh uchastkov dlya gosudarstvennyh ili municipal'nyh nuzhd: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2010. – 23 s.
8. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 16 oktyabrya 2009 g. № 19 (red. ot 11.06.2020) «O sudebnoj praktike po delam o zloupotreblenii dolzhnostnymi polnomochiyami i o prevyshenii dolzhnostnyh polnomochij» https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_93013/
9. Ryzhik A.V. Teoriya interesa sobstvennika v rossijskom grazhdanskom prave: avtoref. dis. …. d-ra yurid. nauk. M., 2022.
10. CHegovadze L. A. Zashchita prav i interesov sub"ektov grazhdanskogo prava // Zashchita chastnyh prav: problemy teorii i praktiki: materialy 2-j ezhegodnoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Irkutsk, 20–21 iyunya 2013 goda / pod redakciej N.P. Aslanyan, YU.V. Vinichenko. – Irkutsk: Bajkal'skij gosudarstvennyj universitet ekonomiki i prava, 2013. – S. 163-168.
11. Galkin V.I. Sootnoshenie chastnyh i publichnyh interesov pri osushchestvlenii prava sobstvennosti na nedvizhimoe imushchestvo: avtoref. dis. … kand. yurid. nauk. – M., 2020. – 31 s.
12. Gruzdev V.V. Grazhdansko-pravovaya zashchita imushchestvennyh interesov lichnosti: avtoref. dis. … d-ra yurid. nauk. – Tomsk, 2014. – 52 s.
13. Semenova E.G. Konceptual'naya model' pravovogo rezhima nedvizhimosti kak ob"ekta imushchestvennyh prav: dis. … doktora yurid. nauk. – M., 2021. – 404 s.
14. Obzor sudebnoj praktiki po delam, svyazannym s iz"yatiem dlya gosudarstvennyh ili municipal'nyh nuzhd zemel'nyh uchastkov v celyah razmeshcheniya ob"ektov transporta (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 10.12.2015). [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190296/
15. Fazlieva L.K. Rezervirovanie zemel'nyh uchastkov cherez prizmu polnomochij organov mestnogo samoupravleniya // Altajskij yuridicheskij vestnik. - 2021. - № 1 (33). - S. 34-37.
16. ZHarov E. Iz"yatie zemel'nyh uchastkov v svyazi s osushchestvleniem nedropol'zovaniya. Praktika Verhovnogo Suda. [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://zakon.ru/blog/2026/03/04/izyatie_zemelnyh_uchastkov_v_svyazi_s_osuschestvleniem_nedropolzovaniya__praktika_verhovnogo_suda
17. Opredelenie sudebnoj kollegii Verhovnogo Suda RF ot 27 oktyabrya 2015 g. po delu № A07-21632/2013 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://kad.arbitr.ru/Card/2866a1e6-a918-45cd-8cdb-c92359ba7bd9
18. Opredelenie sudebnoj kollegii Verhovnogo Suda RF ot 17 iyunya 2025 g. po delu № A60-58852/2023 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/01b35343-d649-4f1d-9226-

31722fcd2134/75aaef88-500d-40eb-b05b-8893f2032eb7/A60-58852-2023_20250630_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True
19. Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda RF ot 15 iyunya 2021 g. № 4-KG21–25-K1 [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-15062021-n-4-kg21-25-k1/
20. Grigor'ev M. Fakticheskoe iz''yatie zemel'nyh uchastkov dlya publichnyh nuzhd: sposoby zashchity prav zemlevladel'cev // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. – 2015. – № 1.
21. CHikonova L.V. Zashchita prav sobstvennikov nezhilyh pomeshchenij pri iz''yatii zemel'nogo uchastka v interesah obshchestva: problemy i puti resheniya // Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tamishcheva. – 2022. – № 3, tom 1. – S. 96-107.
22. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25 aprelya 2024 g. № 21-P «Po delu o proverke konstitucionnosti chasti 6 stat'i 32 ZHilishchnogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhaloboj grazhdanki YA.V. SHtraus» [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: https://base.garant.ru/408938131/
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 694-698.

УДК: 347

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ВНЕКОНКУРСНОГО ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА

Николова Е. В.

Юридический институт Севастопольского государственного университета

В статье анализируется проблема внеконкурсной защиты кредитора от сделок должника, направленных на уменьшение имущественной базы исполнения обязательства. Показано, что действующие нормы ГК РФ о злоупотреблении правом, способах защиты гражданских прав и недействительности сделок применимы к подобным ситуациям лишь фрагментарно и не образуют самостоятельного механизма оспаривания сделок, совершённых во вред кредитору вне дела о банкротстве. Автор обосновывает необходимость законодательного закрепления специальной нормы о внеконкурсном оспаривании как средства повышения правовой определённости и баланса между автономией должника и защитой имущественного интереса кредитора.

Ключевые слова: внеконкурсное оспаривание; злоупотребление правом; недействительность сделки; банкротство.

Развитие гражданского оборота предполагает устойчивость сделок, предсказуемость имущественных последствий и уважение автономии участников частноправовых отношений. Вместе с тем формальная устойчивость сделки не всегда обеспечивает справедливое распределение правовых рисков. В обязательственном правоотношении кредитор заинтересован не только в признании за ним требования к должнику, но и в сохранении реальной имущественной возможности исполнения. Если должник распоряжается активами таким образом, что взыскание становится практически невозможным, субъективное право кредитора сохраняется лишь формально и утрачивает экономическое содержание.

Проблема приобретает особое значение вне дела о банкротстве. В конкурсной процедуре законодательство о несостоятельности содержит специальные правила оспаривания сделок должника, направленные на восстановление конкурсной массы и защиту совокупности кредиторов. Вне такой процедуры кредитор вынужден использовать общие гражданско-правовые нормы о добросовестности, злоупотреблении правом, недействительности сделок и последствиях их совершения. Эти нормы позволяют реагировать на наиболее очевидные случаи недобросовестного поведения, однако не образуют самостоятельной и достаточно определённой модели защиты обязательственного требования от вывода имущества должника.

В этой связи показательно замечание К.А. Усачевой, согласно которому «внеконкурсное оспаривание позволяет кредитору получить доступ к выведенным активам должника, не дожидаясь долгого, сложного и дорогостоящего банкротного процесса, и тем самым удовлетворить свои (прежде неисполнимые) требования к должнику» [1]. Данная позиция подчёркивает функциональное назначение института: он направлен не на ограничение оборота само по себе, а на восстановление реальной имущественной основы исполнения обязательства. Вопрос о законодательном закреплении внеконкурсного оспаривания имеет не только техническое, но и системное значение. Его разрешение связано с определением границ свободы распоряжения имуществом, пределов судебного вмешательства в сделку должника, защиты добросовестного приобретателя и согласования индивидуальной кредиторской защиты с исполнительным и банкротным режимами. Отсутствие специальной нормы приводит к тому, что сходные фактические ситуации могут квалифицироваться через разные основания, а правовые последствия удовлетворения требований кредитора остаются зависимыми от судебной оценки общих категорий.

Действующее гражданское законодательство содержит нормы, которые позволяют

суду оценивать поведение участников оборота с точки зрения добросовестности, пределов осуществления гражданских прав и допустимости последствий сделки. К таким положениям относятся статьи 10, 12, 166-181, 170 и 174.1 ГК РФ [2]. Каждая из них имеет самостоятельное назначение и может применяться к отдельным аспектам поведения должника. Однако ни одна из указанных норм не формирует специального состава, позволяющего кредитору вне возбужденного дела о банкротстве оспаривать сделку должника именно потому, что она совершена во вред возможности исполнения обязательства.

При применении статьи 10 ГК РФ, устанавливающей запрет злоупотребления правом, суд оценивает недобросовестную направленность поведения лица, однако сама по себе эта норма не определяет субъектный состав внеконкурсного спора, критерии вреда кредитору, особенности добросовестности приобретателя и последствия удовлетворения требования. Статья 12 ГК РФ называет способы защиты гражданских прав, но не раскрывает специального механизма восстановления имущественной возможности исполнения, нарушенной сделкой должника [2].

Нормы о недействительности сделок также не решают проблему полностью. Общая конструкция недействительности ориентирована на порок сделки, её несоответствие требованиям закона, воле сторон или иным условиям действительности. Однако при выводе имущества должника сделка нередко является реальной, исполняется сторонами, оформляется в надлежащей форме и сопровождается государственной регистрацией, если она необходима. Проблема состоит не в фиктивности юридического факта, а в его экономическом и правовом воздействии на возможность кредитора получить исполнение. Ст. 170 ГК РФ применима при мнимости или притворности сделки и необходима в случаях, когда стороны лишь создают видимость правового результата либо прикрывают одну сделку другой [2]. Но недобросовестный вывод имущества может осуществляться через реальный договор, в котором имущество действительно передаётся приобретателю, а должник формально утрачивает титул. В подобных ситуациях ссылка только на мнимость или притворность сужает защиту кредитора и не охватывает случаи, где вред причиняется не формальным заключением сделки, а её реальным исполнением.

Иное назначение имеет ст. 174.1 ГК РФ, поскольку связана с распоряжением имуществом вопреки запрету или ограничению распоряжения [2]. Внеконкурсное оспаривание рассчитано также на ситуации, когда должник выводит имущество до установления обеспечительных или исполнительных мер. Поэтому данная статья может служить ориентиром для построения нормы о внеконкурсном оспаривании, но не заменяет её. Иначе кредитор получал бы защиту только после того, как запрет уже установлен, хотя на практике значительная часть спорных распоряжений совершается до такой стадии. Следствием отсутствия специального регулирования является квалификационная неопределённость. Один и тот же фактический состав может рассматриваться как злоупотребление правом, мнимая или притворная сделка, нарушение закона либо иное недобросовестное поведение. Для кредитора это означает неопределённость основания иска и предмета доказывания. Для должника и приобретателя - неопределённость пределов допустимого распоряжения имуществом. Для суда имеется риск подмены специальных условий кредиторской защиты общими оценочными категориями. Поэтому законодательное закрепление рассматриваемого института должно пониматься не как дублирование ст. 10 ГК РФ, а как конкретизация её значения применительно к особой ситуации сделки, препятствующей исполнению обязательства.

Необходимость специальной нормы определяется не отсутствием в российском праве каких-либо средств противодействия недобросовестному выводу имущества, а фрагментарностью их применения. Общие положения гражданского законодательства позволяют пресекать злоупотребление, но не дают завершённого ответа на вопросы о надлежащем истце, круге ответчиков, предмете доказывания, сроках защиты и право-

вых последствиях удовлетворения требования. При отсутствии таких ответов внеконкурсный иск существует преимущественно как результат судебного применения общих норм к специальной имущественной ситуации.

Сходный вывод формулируют Н.В. Кагальницкова и О.С. Толстова, отмечая, что «в российском законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие оспаривания действий должника, совершенных в ущерб интересам его кредиторов» [3]. Тем самым доктрина фиксирует не только практическую востребованность соответствующего способа защиты, но и нормативный пробел, преодоление которого в настоящее время во многом возложено на судебное усмотрение.

Кодификация должна преследовать цель нормативной определённости и необходима она для того, чтобы заранее обозначить условия, при которых кредитор вправе вмешиваться в последствия сделки, участником которой он не является. Обязательственное требование само по себе не предоставляет кредитору общего контроля за активами должника. Должник сохраняет право вести обычную хозяйственную деятельность, заменять один актив другим, совершать возмездные сделки, привлекать финансирование, отчуждать имущество. Иное понимание превращало бы наличие задолженности в ограничение гражданской правоспособности должника, не установленное законом. Историко-доктринальное обоснование такой защиты присутствовало уже в дореволюционной цивилистике. А.Х. Гольмстен писал о предоставлении кредитору, «лишенному фактической возможности взыскать причитающуюся ему сумму с должника, права требовать уничтожения актов», совершённых должником во вред кредитору [4]. Данный тезис важен тем, что кредиторское оспаривание возникает не из общего контроля за должником, а из необходимости восстановить возможность принудительного удовлетворения требования.

Вместе с тем свобода распоряжения имуществом не может использоваться как средство устранения имущественной основы исполнения. Если должник осознаёт наличие требования кредитора и совершает сделку, вследствие которой взыскание становится невозможным или существенно затруднённым, такая сделка выходит за пределы обычного имущественного поведения. Она затрагивает не только интересы её сторон, но и охраняемую законом возможность кредитора получить исполнение.

Законодательная формула должна быть ограничительной. Чрезмерно широкое закрепление, при котором оспоримой становится любая сделка должника при наличии задолженности, нарушило бы устойчивость оборота и создало бы неоправданные риски для контрагентов. Чрезмерно узкое закрепление, сведённое к фиктивным или притворным сделкам, также не решило бы проблему, поскольку вывод активов часто осуществляется через внешне действительные и исполненные договоры.

Кроме того, при определении предметных границ будущего законодательного регулирования следует учитывать, что вред кредитору может причиняться не только классической гражданско-правовой сделкой, но и иными юридически значимыми действиями должника. Ещё Д.Д. Гримм указывал, что «фраудаторный характер могут приобрести не только сделки, как односторонние, так и двусторонние, но и иные распоряжения», включая признание несуществующего долга, пропуск исковой давности и иные упущения [5]. Данная позиция имеет значение для современного регулирования, поскольку чрезмерное сужение института только до договоров об отчуждении имущества оставило бы вне защиты значительную часть недобросовестного поведения должника. В сходном направлении С.А. Кузнецов отмечает, что дозволение закона оспаривать «сделки» должника в широком смысле соответствует целям института несостоятельности, поскольку «направленными на причинение имущественных потерь на стороне кредитора могут быть не только сделки в общегражданском их понимании, но и другие юридические акты» [6]. Хотя данный вывод сформулирован применительно к банкротному регулированию, он подтверждает общий частноправовой тезис: защита кредитора должна соотноситься не только с формой поведения должника, но прежде всего с его

имущественным результатом и воздействием на возможность исполнения обязательства.

Следовательно, вопрос о законодательном закреплении внеконкурсного оспаривания должен рассматриваться прежде всего, как вопрос о признании самостоятельного значения данной формы кредиторской защиты. На данном этапе принципиальное значение имеет не детальное конструирование состава соответствующего требования, а обоснование самой необходимости специальной нормы, способной устранить фрагментарность применения общих положений гражданского законодательства. Вместе с тем пределы такой защиты должны быть выражены не менее определённо, чем её основания. Как отмечает Х. Кодиоль, «кредиторское оспаривание» «не может иметь целью создание кредитору или кредиторам лучшего положения, чем то, которое существовало бы без оспариваемого действия» [7]. Следовательно, специальная норма должна не перераспределять имущественные преимущества в пользу кредитора сверх его нарушенного интереса, а лишь нейтрализовать вред, причинённый уменьшением имущественной базы должника.

Такой подход соответствует общему направлению развития гражданского законодательства, при котором решения, первоначально выработанные доктриной и правоприменением, получают нормативное оформление при достижении устойчивости и практической значимости. Реформа положений о сделках и исковой давности, проведённая ФЗ от 7.05.2013 г. № 100-ФЗ, показала возможность включения в ГК РФ уточняющих конструкций, повышающих предсказуемость оборота [8]. Дополнительным аргументом в пользу законодательного закрепления внеконкурсного оспаривания выступает сравнительно-правовой опыт. Положения австрийского, немецкого и французского законодательства демонстрируют, что защита кредитора от сделок должника, уменьшающих имущественную возможность исполнения, может быть предметом самостоятельной и достаточно детальной нормативной регламентации вне рамок банкротства [9]. Как справедливо отмечала К.А. Усачева, на современном этапе сформирована «европейская правовая традиция понимания внеконкурсного оспаривания» [10]. Указанная традиция имеет значение не как основание для механического заимствования иностранных моделей, а как подтверждение того, что рассматриваемый институт способен быть встроен в систему частного права без разрушения принципов устойчивости оборота, автономии воли и защиты добросовестного приобретателя.

В данной связи представляется целесообразным воспринять положительные аспекты законодательной регламентации внеконкурсного оспаривания сделок должника в зарубежных правопорядках применительно к отечественному законодательству. Такое восприятие должно выражаться не в прямом воспроизведении отдельных иностранных конструкций, а в использовании их общего системного значения: определении условий предъявления кредитором соответствующего требования, установлении критериев вреда кредитору, учёте добросовестности приобретателя и закреплении специальных последствий удовлетворения иска.

Следовательно, внеконкурсное оспаривание сделок должника, совершённых во вред кредитору, нуждается в самостоятельном законодательном закреплении. Необходимость такой нормы обусловлена не отсутствием в действующем праве отдельных средств защиты, а их недостаточной системностью и неопределённостью при применении к ситуации вывода имущества должника вне дела о банкротстве. Законодательное признание данного института позволило бы придать кредиторской защите более предсказуемый характер, не подменяя при этом свободу гражданского оборота общим контролем кредитора за имущественным поведением должника.

Список литературы:

1.Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание поведения должника, причиняющего вред его кредиторам: российское право и европейская правовая традиция // Вестник гражданского права. 2017. № 5. С. 8–54.
2.Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 10.06.2026) //

СПС КонсультантПлюс.
3. Кагальницкова Н.В., Толстова О.С. Теоретико-правовые проблемы внеконкурсного оспаривания сделок должника, совершенных с целью причинения вреда его кредиторам // Legal Concept = Правовая парадигма. 2023. Т. 22. № 1. С. 159–166.
4. Гольмстен, А.Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе. – Москва : Издание книг ком, 2019. – 264 с.
5. Гримм, Д. Д. Оспаривание актов, совершенных во вред кредиторам: по поводу законопроекта, внесенного в Государственную Думу / Д. Д. Гримм // Вестник гражданского права. 2010. № 4. С.126–191.
6. Кузнецов, С. А. Основные проблемы правового института несостоятельности (банкротства) : монография / С. А. Кузнецов. – Москва : Инфотропик Медиа, 2015. – 304 с.
7. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам (окончание) // Вестник гражданского права. – 2017. Т.17 – №4.– С. 199-261.
8. Федеральный закон «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 07.05.2013 № 100-ФЗ
9. Николова Е.В. Правовое регулирование внеконкурсного оспаривания в зарубежных странах / Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: сборник статей по итогам II Международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией, 15.03.2024 г. Симферополь, 2024. С. 1129-1133.
10. Усачева К.А. Внеконкурсное оспаривание во французском праве: до и после реформы // Закон. – 2017. – №12. – С. 192.

Nikolova E. V. On the issue of the need for legislative regulation of out-of-bankruptcy challenges to the debtor's transactions // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 694-698.

The article analyzes the issue of out-of-bankruptcy protection of a creditor against transactions of the debtor aimed at reducing the asset base available for the performance of an obligation. It is demonstrated that the current provisions of the Civil Code of the Russian Federation concerning abuse of rights, remedies for the protection of civil rights, and invalidity of transactions are applicable to such situations only fragmentarily and do not constitute an independent mechanism for challenging transactions entered into to the detriment of a creditor outside bankruptcy proceedings. The author substantiates the need for legislative recognition of a special rule on out-of-bankruptcy challenges as a means of enhancing legal certainty and ensuring a balance between the debtor's autonomy and the protection of the creditor's proprietary interest.

Keywords: out-of-bankruptcy challenge; abuse of rights; invalidity of a transaction; bankruptcy.

1. Usacheva K.A. Vnekonkursnoe osparivanie povedeniya dolzhnika, prichinyayushchego vred ego kreditoram: rossijskoe pravo i evropejskaya pravovaya tradiciya // Vestnik grazhdanskogo prava. 2017. № 5. S. 8–54.
2. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 10.06.2026) //
3. Kagal'nickova N.V., Tolstova O.S. Teoretiko-pravovye problemy vnekonkursnogo osparivaniya sdelok dolzhnika, sovershennyh s cel'yu prichineniya vreda ego kreditoram // Legal Concept = Pravovaya paradigma. 2023. T. 22. № 1. S. 159–166.
4. Gol'msten, A.H. Uchenie o prave kreditora oprovergat' yuridicheskie akty, sovershennye dolzhnikom v ego ushcherb, v sovremennoj yuridicheskoj literature / pod red. A.G. Smirnyh. M.: Izdanie knig kom, 2019. 264 s.
5. Grimm, D. D. Osparivanie aktov, sovershennyh vo vred kreditoram: po povodu zakonoproekta, vnesennogo v Gosudarstvennuyu Dumu / D. D. Grimm // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2010. – № 4. – S. 126–191.
6. Kuznecov, S. A. Osnovnye problemy pravovogo instituta nesostoyatel'nosti (bankrotstva) : monografiya / S. A. Kuznecov. – Moskva : Infotropik Media, 2015. – 304 s.
7. Kociol' H. Osnovy i spornye voprosy osparivaniya dejstvij dolzhnika, sovershennyh vo vred ego kreditoram (okonchanie) // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2017. T.17 – №4.– S. 199-261.
8. Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v podrazdely 4 i 5 razdela I chasti pervoj i stat'yu 1153 chasti tret'ej Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» ot 07.05.2013 № 100-FZ // SPS Konsul'tantPlyus.
9. Nikolova E.V. Pravovoe regulirovanie vnekonkursnogo osparivaniya v zarubezhnyh stranah / Voprosy sudebnoj deyatel'nosti i pravoprimeneniya v sovremennyh usloviyah: sbornik statej po itogam II Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvyashchennoj prazdnovaniyu 10-letnej godovshchiny vossoedineniya Kryma s Rossijskoj Federaciej, 15 marta 2024 g. – Simferopol', 2024. — S. 1129-1133.
10. Usacheva K.A. Vnekonkursnoe osparivanie vo francuzskom prave: do i posle reformy//Zakon.2017. №12
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 699-705.

УДК 347.45/.47

ПРАВООВОВОЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТИТУТА ПРИОБРЕТАЕЛЬНОЙ ДАВНОСТИ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рыбалка Е. А.

ФГКОУ ВО РЮИ МВД России

Приобретательная давность – это правовой механизм, уходящий корнями в Древнее время, ставший естественным следствием развития гражданского общества, чье развитие привело к возникновению частной собственности, детерминирующей возникновение помимо самого права собственности на неё, но и механизма приобретения её, в случае выбывания из гражданского оборота вещных прав, вследствие отсутствия фактического владения, пользования и распоряжения им титульным владельцем. С развитием гражданского общества, а именно с упрочением частной формы собственности, институт приобретательной давности набирает всё более весомое значение для стабильного функционирования имущественных правоотношений, обеспечивая оборот имущества в гражданской сфере, нивелируя его выбывание вследствие отсутствия титульного владельца, устанавливая возможность третьему лицу, добросовестно, открыто и непрерывно владеющим им - установить за собой право собственности на данное имущество. Констатируя высокую значимость рассматриваемого института, необходимым является анализ текущего законодательства РФ, устоявшейся судебной практики относительно института приобретательной давности в РФ, для выявления его изъянов и дальнейшего совершенствования. Немаловажным в свете совершенствования данного института, стала концепция развития гражданского законодательства РФ, в которой были предприняты умозаключения по привнесению качественных изменений в институт приобретательной давности. Несмотря на данные изменения, отраженные в концепции, их качественный характер остается предметом дискуссии и одним из объектов исследования в настоящей работе, анализ которых позволяет определить актуальные направления совершенствования законодательства РФ в сфере приобретательной давности.

Ключевые слова: приобретательная давность, гражданское законодательство, добросовестность, публичные интересы, концепция, презумпция.

Институт приобретательной давности является неотъемлемым механизмом стабильного функционирования гражданско-правовых отношений в условиях рыночной среды. Представляя собой способ приобретения права собственности на бесхозяйные вещи, данный механизм обеспечивает сохранение вещи в рамках гражданско-правового оборота, позволяя фактическому пользователю извлекать из неё выгоду и в конечном итоге становится её полноправным собственником, несмотря на наличие титульного владельца, из хозяйствования которого данная вещь выбыла.

Актуальность данного института подтверждают отечественные ученые-цивилисты из разных временных эпох, от дореволюционной и до современной. Ученый из дореволюционной России – С.А. Муромцев положительно характеризовал приобретательную давность, отмечая в ней приоритет «общего блага» над частным, который еще и поддерживал авторитет судебной системы, для которой не было необходимости выяснять различные обстоятельства, вследствие которых произошло выбытье собственности у титульного владельца, в пользу самого данного факта [1, с. 685]. Такого же умозаключения придерживался и современник названного автора – А.Д. Любавский, обращающий также внимание на то, что хоть и обеспечивается практицизм в отношении бесхозяйного имущества по приобретательной давности, но тем самым не достигается абсолютная справедливость, нарушая нравственную сторону закона, в виде права собственности титульного владельца. Но автор далее заключает, что жертва такая необходима, так как она устраняет неопределенность в вещно-правовых отношениях в пользу стабильного гражданско-делового оборота [2, с. 475]. Современный ученый-цивилист Л.В. Щенникова определяет приобретательную давность в качестве скрепы вещно-правового регулирования, обеспечивающей обновление субъектов права собственно-

сти, нивелируя бесхозяйственность вещей, тем самым стабилизируя вещные правоотношения, порождая стимул общественно- экономического развития [3]. Таким образом, несмотря на различные взгляды по отношению к приобретательной давности, общим для всех представленных позиций является констатация важности механизма приобретательной давности для вещных правоотношений, обеспечивая целостное и стабильное функционирование гражданского оборота, неразрывно связанное с экономической составляющей государства. Несмотря на существующие долгосрочные изъяны данного механизма, порождающие дискуссионность по вопросам добросовестности, открытости и непрерывности во владении имуществом для получения права собственности на него посредством приобретательной давности, рассматриваемый институт нисколько не утрачивает своей значимости, ввиду его непосредственной связи с рыночной экономикой общества, стабилизирующейся благодаря нивелированию бесхозных, неэксплуатируемых вещей через рассматриваемый институт.

Анализируя текущее состояние института приобретательной давности, в первую очередь стоит начать с его законодательной дефиниции. Диспозиция приобретательной давности лаконично установлена в одной статье – 234 ГК РФ, закрепляющей субъектов, порядок приобретения имущества и критерии, легализующие приобретение права собственности таким способом. Несмотря на лаконичные формулировки диспозиции приобретательной давности, их сущностная характеристика дополняется разъяснениями вышестоящих судов: Постановление Пленума ВС РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" [4].

В условиях превалирования частной собственности, актуальным становится развитие вещного права, для обеспечения добросовестного и стабильного функционирования гражданских правоотношений. Для достижения указанных целей, на основании Указа Президента РФ от 18.07.2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» была подготовлена Концепция развития гражданского законодательства РФ, одним из главных направлений которого стало создание в ГК комплекса взаимосвязанных институтов вещного права, ввиду возрастающей актуальности вещных правоотношений в рамках рыночной экономики, с необходимостью их законодательного урегулирования, посредством нивелирования тезисного, пунктирного содержания диспозиций, в пользу расширительного, полного толкования их положений. Результатом разработанной Концепции стали следующие положения в отношении института приобретательной давности: отказ от добросовестности в качестве критерия приобретения права собственности по приобретательной давности; увеличить срок приобретательной давности на недвижимое имущество, изменив его с 15-ти лет до 30 лет; исчислять срок приобретательной давности с момента фактического начала давностного владения, а не с момента истечения срока исковой давности по виндикационному иску [5].

Стоит отметить, что из всех вышеперечисленных предложений Концепции было принято только последнее, вследствие своего надлежащего обоснования и актуальности изменения, так как исчисление срока исковой давности по виндикационному иску создавало привязку к тому факту, когда титульный владелец узнал или должен был узнать о выбытии своего имущества, что порождало бы неопределенность и зачастую колоссальные сроки для приобретательной давности. Ввиду чего, исчисление срока исковой давности с момента фактического начала давностного владения является рациональным решением и сулит определенность для приобретательной давности, коррелируя с разумными сроками, в течение которых титульный владелец или иное третье лицо вправе обжаловать давностное владение.

Иная ситуация с другими предложениями, не нашедших свое должное обоснование в Концепции, вследствие чего они не стали составной частью ГК РФ. Однако, факт непринятия законодателем данных положений вследствие их необоснованности – не основание для того, чтобы исключать их правовой анализ с перспективой их доработки и последующего принятия на законодательном уровне. Так, рассматривая перспективные направления совершенствования института приобретательной давности с учетом Концепции, нельзя не отметить спорную природу критерия добросовестности в приобретательной давности, с одновременным отражением его важности для данного института, несмотря на категоричный подход законодателя, изложенный в Концепции и направленный на устранение данного критерия.

Легальное определение понятия добросовестности для приобретательной давности отсутствует, что является катализатором научных дискуссий по определению сущностной характеристики данного критерия по приобретательной давности. Так, В.В. Белозерцева обращает внимание на спорную правовую природу критерия добросовестности по приобретательной давности в контексте его применения к земельным участкам, ввиду того, что лицо, занимающее земельный участок, не может не подозревать о наличии у него титульного владельца, из-за чего нельзя утверждать о добросовестности давностного владельца [6]. Аналогичной позиции придерживается и А.В. Ульянов, констатирующий, что на текущий момент отсутствует легальный, непротиворечивый механизм приобретения права собственности по давности, соответствующий изложенным законодательным критериям [7, с. 85].

Нельзя не согласится с вышеназванными позициями авторов, отмечая спорный характер критерия добросовестности при анализе его правового содержания, ввиду отсутствия его легального определения, порождая противоречия в научной и судебной деятельности. В отличие от категоричной позиции законодателя, изложенной в концепции по поводу устранения добросовестности в качестве критерия определения права собственности по приобретательной давности, мы считаем этот критерий важным и неотъемлемым для законного характера установления права собственности давностного владения. В противном случае это позволяло бы лицам, незаконными путями завладевших имуществом – узаконить право собственности на него, совершив при этом правонарушение/преступление, тем самым подрывая саму законодательную основу РФ, нивелируя законный гражданский деловой оборот. Поэтому нивелирование критерия добросовестности в качестве фактора для установления приобретательной давности – неотъемлемый критерий для законных гражданских правоотношений, который нуждается в своих корректировках и уточнениях, с целью его унификации и нивелированию разночтений.

При этом, стоит отметить зарубежный опыт, где в зависимости от наличия или отсутствия критерия добросовестности давностного владельца, порождает различные правовые последствия для последнего. В большинстве государств, как правило критерий добросовестности является обязательным для возникновения права собственности давностного владельца и только незначительные примеры демонстрируют обратное. Так, ГК Японии устанавливает различные сроки для получения права собственности, вследствие приобретательной давности в зависимости от наличия или отсутствия добросовестности со стороны давностного владельца. В случае наличия добросовестности и отсутствия халатности – срок приобретения имущества составляет 10 лет, а при отсутствии добросовестности срок увеличивается до 20 лет [8]. Аналогичные по содержанию, но различные по срокам - положения ГК Арабской Республики Египет, где срок приобретательной давности как на движимое, так и недвижимое имущество составляет 15 лет. Однако, в случае установления факта добросовестности давностного владельца в приобретении названного имущества – срок приобретательной давности на все виды

имущества сокращается до 5 лет [9].

Таким образом, вышеназванные примеры зарубежного опыта демонстрируют гибкость сроков приобретательной давности, в зависимости от наличия добросовестности в действиях приобретателя, ввиду чего, указанный срок может быть увеличен, так и уменьшен. В контексте российского права, актуально рассмотреть перспективу, где в случае отсутствия добросовестности со стороны приобретателя, для последнего срок приобретательной давности будет установлен в 30 лет на недвижимое имущество, в 15 лет на движимое имущество, а при наличии факта добросовестности – текущие законодательные сроки. Данный подход расширяет круг субъектов приобретательной давности, минуя категоричность относительно наличия критерия добросовестности давностного владельца.

Возвращаясь к юридической характеристике критерия добросовестности стоит отметить, что несмотря на отсутствие его легальной характеристики, данный критерий нашел свое разъяснение в судебной правоприменительной практике. В силу данного факта и происходят различные толкования и подходы в его определении из-за того, что зачастую анализ рассматриваемого критерия происходит без учета существующей судебной практики, что является непозволительным при анализе приобретательной давности. Как правило, ученые, анализируя критерий добросовестности в приобретательной давности, рассматривает его через призму гражданской добросовестности, установленной в ст. 302 ГК РФ, минуя особенности и специфику добросовестности по приобретательной давности, синтезируя её с другим институтом – приобретения имущества добросовестным приобретателем. Так, в Постановлении КС РФ от 26.11.2020 N 48-П "По делу о проверке конституционности п. 1 ст. 234 ГК РФ в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова" суд разъяснил о недопустимости совмещения 2-х институтов: добросовестности по приобретательной давности и добросовестности в отношении возмездно приобретенного имущества, ввиду различных функций данных институтов: 1) добросовестность по приобретательной давности: защита частных и/или публичных интересов, путем достижения правовой определенности в отношении имущества, его возвращения в гражданский оборот и реализации фискальных целей; 2) добросовестность в отношении возмездно приобретенного имущества: защита от виндикационного иска добросовестного приобретателя имущества для охраны его права собственности на спорное и-во. Таким образом, несмотря на отсутствие легальной характеристики добросовестности в приобретательной давности, данный критерий находит свое разъяснение в судебной практике, от чего ГК РФ не нуждается в закреплении характеристики данного критерия, из-за дублирования праворазъяснительных положений и созданием текстовой перегруженности кодекса. При характеристике критерия добросовестности необходимо исходить из того, что данный критерий носит не абсолютный характер, установленный п. 5 ст. 10 ГК РФ, а отдельный, частный институциональный характер, в контексте самой приобретательной давности, где данный критерий может быть рассмотрен лишь в совокупности с иными необходимыми элементами, образующих право собственности на вещь посредством приобретательной давности [11].

Однако, несмотря на указанный факт юридической и правоприменительной урегулированности критерия добросовестности в приобретательной давности, это не сулит урегулированности в ином направлении института. Стоит отметить, что для владения вещью, с последующим приобретением на неё права собственности, данное и-во не требует процедуры признания его бесхозяйственным, что также подтверждается праворазъяснительной позицией, изложенной в разд.6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 28.04.1997 N 13 "Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав", в частности разъясняющей, что нормы о приобретательной давности распространяются на любое и-во, в том числе и на

бесхозяйственное, а не исключительно на него [12]. Таким образом, для установления права собственности вследствие приобретательной давности, необходимы лишь факты добросовестности, непрерывности и открытости владения им третьим лицом в течение установленного времени, минуя формальные критерии бесхозяйности текущего титульного владельца. Лишь в процессе установления права собственности нового владельца, факт бесхозяйности может быть использован в качестве дополнительного доказательства, свидетельствующего о добросовестности приобретателя. Однако, не во всех случаях критерий бесхозяйности и-ва может быть применим, особенно что касается государственного / муниципального и-ва, что можно констатировать сложившейся судебной практикой.

В соответствии с Постановлением Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 8.12.2025 г. по делу N А38-3913/2024 - исковые требования заявитель мотивировал тем, что на спорном земельном участке находится его гараж, принадлежащий ему на праве собственности с 2007 г. Истец неоднократно предпринимал попытки оформить право собственности на спорный земельный участок, однако уполномоченный орган отказывал ему в удовлетворении требований, ввиду чего, заявитель считает, что уполномоченным органом нарушаются его права в качестве давностного владельца, а также положения, разъясняемые в п. 2, 5 Постановления Пленума ВС РФ от 24.08.1993 № 8 "О некоторых вопросах применения судами Закона Российской Федерации "О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации".

Суд, исследовав материалы дела, констатировал право собственности заявителя на гараж, а также ведение последнего хозяйства на данном земельном участке. Однако, данный земельный участок находится в государственной собственности, поэтому его приобретение отдельно регулируется нормами земельного законодательства. Суд сделал вывод о том, что в силу отсутствия положений земельного кодекса о приобретательной давности на недвижимое имущество, являющейся государственной или муниципальной собственностью, к данном земельному участку не могут применяться положения о приобретательной давности и, соответственно, приобретение права собственности на данный земельный участок может быть реализовано только при соблюдении конкретных административных процедур, связанных с решением уполномоченного органа государственной или муниципальной власти на предоставление данного участка частному лицу. В удовлетворении исковых требований заявителю было отказано [13]. Приведенный пример судебной практики демонстрирует сложившуюся тенденцию, в виде контекстной презумпции приоритета публичных интересов над частными, а также конкурированию нормам ГК РФ и ЗК РФ, вследствие чего, возникает коллизия законодательных актов, из-за несовершенной юридической техники по вопросу приобретательной давности. Так как в практической среде заявители исходят из общих начал о приобретательной давности, устанавливаемые в ГК РФ, но впоследствии получают отказ в удовлетворении своих требований из-за положений ЗК РФ, непосредственно влияющих на право лиц приобрести имущество по приобретательной давности, ввиду установления отдельного порядка приобретения имущества, находящегося в государственном / муниципальном ведении.

Однако, в противовес нарастающей тенденции приоритета публичных интересов над частными, в Постановлении КС РФ от 26.11.2020 N 48-П "По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова» дано разъяснение о том, что сама по себе презумпция государственной собственности на землю не может опровергать добросовестность давностного владельца, ставя частный сектор в заведомо невыгодное положение по отношению к публичным образованиям, тем самым нарушая принцип равенства субъектов гражданского права и конституционные положения о равенстве всех

форм собственности [10]. По нашему мнению, перед законодателем стоит выбор, где ему предстоит избрать одну из складывающихся дефиниций: 1) констатировать презумпцию государственной собственности на землю, отразив её путем отсылочных норм ГК РФ на ЗК РФ, с целью устранения коллизии между данными НПА, тем самым легально установить приоритет публичных интересов над частными со ссылками на административные пути приобретения права собственности на земельный участок без учета приобретательной давности; 2) расширение пределов добросовестности давностного владельца, который вправе приобретать государственные/муниципальные земельные участки, нивелируя заведомо невыгодное соотношение частных интересов перед публичными образованиями, с учетом праворазъяснительной позиции Конституционного Суда РФ.

Подводя общие выводы работы, следует отметить, что несмотря на нереализованные положения Концепции, их базисная основа стала фундаментом для умозаключений по данной работе, выразившихся в выявлении актуальных законотворческих направлениях и сущностного содержания института приобретательной давности через призму его составных элементов. Автор пришел к выводам о том, что несмотря на отринутые положения Концепции, их идеи могут быть взяты за основу дальнейшего совершенствования законодательства в следующих аспектах: законодательно установить повышенный и пониженный сроки приобретательной давности в зависимости от наличия или отсутствия в действиях давностного приобретателя добросовестности; в сфере приобретения права собственности на государственный/муниципальный земельный участок избрать одну из законодательных дефиниций, а именно: 1) установить презумпцию государственной собственности на землю, легально отразив её посредством отсылочных норм ГК РФ на ЗК РФ, с целью устранения коллизии между данными нормативно-правовыми актами, установив приоритет публичных интересов над частными со ссылками на административные пути приобретения права собственности на земельный участок, оставляя без учетным приобретательную давность; 2) расширить пределы добросовестности давностного владельца, который вправе приобретать государственные/муниципальные земельные участки, нивелируя заведомо невыгодное соотношение частных интересов перед публичными образованиями, с учетом праворазъяснительной позиции КС РФ.

В теоретических аспектах при анализе юридической природы добросовестности приобретательной давности, для целостного понимания данного критерия, необходимо рассматривать данный критерий с учетом сложившейся судебной практики, и отделять его от иных, схожих институтов добросовестности, рассматривая его лишь в совокупности с иными критериями для приобретательной давности.

Список литературы:

1. Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М.: Статут, 2003. 685 с.
2. Любавский А. Д. О давности в гражданских делах // Журнал Министерства Юстиции. 1863. Т. XVIII, декабрь. С. 475-526.
3. Щенникова, Л.В. Институт приобретательной давности: законодательство, доктрина, судебная практика // Вестник Пермского университета. Юридические науки. - № 6. – 2024.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ N 10, Пленума ВАС РФ N 22 от 29.04.2010 (ред. от 12.12.2023) "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" // СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента Российской Федерации от 18 июля 2008 года № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.03.2026).
6. Белозерцева В. В. Некоторые аспекты приобретения права собственности на землю в силу приобретательной давности // Право и государство: теория и практика. 2021. № 9. С. 196-199.
7. Ульянов А. В. Приобретение права собственности на земельный участок по давности владения: проблемы и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 5. С. 85-89.
8. Гражданский Кодекс Японии от 1896 г.
9. Гражданский Кодекс Египта от 1948 г. URL: https://constitutions.ru/?p=23917.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.11.2020 N 48-П "По делу о проверке конституционно-

сти пункта 1 статьи 234 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.В. Волкова" // СПС «КонсультантПлюс».
11. Гражданский Кодекс РФ // СПС «КонсультантПлюс».
12. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 28.04.1997 N 13 "Обзор практики разрешения споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав" // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 8.12.2025 г. по делу N А38-3913/202

Rybalka E.A. Legal improvement of the institute of purchasable period of time in the light of the concept of development of the civil law of the Russian Federation // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 699-705.

The statute of limitations is a legal mechanism that goes back to ancient times, which became a natural consequence of the development of civil society, whose development led to the emergence of private property, which determines the emergence of not only the right of ownership to it, but also a mechanism for acquiring it, in case of withdrawal from civil circulation of property rights, due to the lack of actual ownership, use and disposing of them by the titular owner. With the development of civil society, namely with the consolidation of the private form of ownership, the institution of the statute of limitations is gaining more and more significant importance for the stable functioning of property relations, ensuring the turnover of property in the civil sphere, leveling its disposal due to the absence of the titular owner, establishing the possibility for a third party, conscientiously, openly and continuously owning it, to establish ownership for this property. Despite these changes reflected in the concept, their qualitative nature remains the subject of discussion and one of the objects of research in this work, the analysis of which allows us to identify relevant areas for improving the legislation of the Russian Federation in the field of prescription.

Keywords: acquisition limitation period, civil legislation, good faith, public interests, concept, presumption.

Spisok literatury:

1. Muromtsev S. A. The civil law of Ancient Rome. Moscow: Statute, 2003. 685 p.
2. Lyubavsky A.D. On the limitation period in civil cases // Journal of the Ministry of Justice. 1863. Vol. XVIII, December. pp. 475-526.
3. Schennikova, L.V. INSTITUTE OF ACQUISITION LIMITATION: LEGISLATION, DOCTRINE, JUDICIAL PRACTICE // Bulletin of Perm University. Legal sciences. - No. 6. – 2024.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 22 dated 04/29/2010 (as amended on 12.12.2023) "On certain issues arising in Judicial Practice in Resolving Disputes related to the protection of Property Rights and other
5. Decree of the President of the Russian Federation dated July 18, 2008 No. 1108 "On improving the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus" (accessed: 03/13/2026).
6. Belozertseva V. V. Some aspects of the acquisition of land ownership due to the statute of limitations. // Law and the State: theory and practice. 2021. No. 9. pp. 196-199.
7. Ulyanov A.V. Acquisition of ownership of a land plot by prescription: problems and prospects // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2023. No. 5. pp. 85-89.
8. The Civil Code of Japan from 1896.
9. Egyptian Civil Code of 1948.
10. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/26/2020 N 48-P "In the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of Article 234 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.V. Volkov" // SPS "ConsultantPlus".
11. The Civil Code of the Russian Federation // SPS "ConsultantPlus".
12. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 04/28/1997 N 13 "Review of dispute resolution practices related to the protection of property rights and other proprietary rights" // SPS "ConsultantPlus".
13. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 8.12.2025 in case no. A38-3913/2
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 706-711.

УДК 342.537

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО МОНИТОРИНГА И ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Бондарчук И. В., Руденко А. В.

Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева»

Обзорная статья посвящена переосмыслению инструментов и целей современной правотворческой практики. В ней обсуждаются методы правового мониторинга и оценки регулирующего воздействия (ОРВ, в международной терминологии Regulatory Impact Assessment, RIA). Именно указанные инструменты позволяют соединить правотворческую деятельность с эмпирическим анализом её последствий и обеспечить обратную связь между законодателем и обществом. Данной тематике посвящён круглый стол, собравший ведущих исследователей и практиков в области оценки регулирующего воздействия и мониторинга законодательства. Соорганизаторами круглого стола выступили Крымский филиал ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева», Клуб правовой доктрины (Doctrine Legal Club – DLC) и Редакция журнала «Право и современные государства» (Law and modern states – L&S). 28.09.2025 г. они провели дискуссию в онлайн-формате на тему «Мониторинг целей законодательства».

Ключевые слова: правовой мониторинг, оценка регулирующего воздействия, правотворчество, законодательство, парламент, Россия, Венгрия, Великобритания, Германия, Швейцария, Франция, Финляндия, СНГ, Узбекистан.

Современная правотворческая практика переживает этап глубокого переосмысления своих инструментов и целей. В условиях усложнения общественных отношений, цифровизации управления и роста требований к эффективности государственного регулирования особое значение приобретают такие юридические технологии как правовой мониторинг и оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ, в международной терминологии Regulatory Impact Assessment, RIA). Именно они позволяют соединить правотворческую деятельность с эмпирическим анализом её последствий и обеспечить обратную связь между законодателем и обществом.

Данной теме был посвящён международный круглый стол, собравший 28 сентября 2025 г. ведущих исследователей и практиков в области оценки регулирующего воздействия и мониторинга законодательства, в докладах которых были отражены критерии качества нормативных правовых актов, этапы их разработки и сравнительный анализ зарубежного опыта. В частности, проф., д.ю.н. Ю.Г. Арзамасов (Россия) изложил теоретические основы мониторинга законодательства и представил обзор международных моделей оценки регулирующего воздействия; доктор философии по юридическим наукам (PhD) Сабохат А. С. (Узбекистан) описала практику внедрения ОРВ в национальную систему правового регулирования; доцент, кандидат юридических наук В. С. Елисеева представила региональные методики оценки эффективности законов (на примере Нижегородской обл.). Выступления позволили определить общие принципы и особенности подходов в разных странах, а также обозначить направления дальнейших исследований и совершенствования нормотворческого процесса.

Научная часть международного круглого стола была открыта тезисом проф. Ю.Г. Арзамасова о том, что глобальной целью законодательства является «сделать нашу жизнь лучше, упорядочить общественные отношения». В этом контексте он напомнил, что мониторинг нормативно-правовых актов – это научно и методологически обоснованная система комплексной оценки содержания и формы актов на плановой основе. Такое определение подчёркивает стратегическую роль правового анализа как инструмента повышения качества законодательства. Было отмечено, что в России правовой мониторинг исторически развивался через последовательные структуры. Сначала это

была комиссия Совета Федерации по методологии реализации конституционных полномочий, затем Центр мониторинга при Совете Федерации, а теперь соответствующие подразделения Минюста РФ[1]. Следует добавить, что долгое время вопросы правового мониторинга разрабатывались в основном учеными-правоведами. При этом Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (далее – ИЗиСП) всегда был на переднем крае научных исследований в области как аналитического изучения и оценки действия законов, так и разработки и внедрения механизмов правового мониторинга [2 с. 6; 3].

Теоретико-методологические основания. Ю.Г. Арзамасов представил обстоятельный доклад, в котором последовательно изложил концептуальные основы мониторинга законодательства и этапы эволюции института оценки регулирующего воздействия. Он напомнил, что в научных работах начала 2000-х годов мониторинг определялся как научно и методологически обоснованная система комплексной оценки содержания и формы нормативных правовых актов, осуществляемая на плановой основе посредством получения различных видов информации, наблюдения, анализа, контроля и прогноза. Так, учеными ИЗиСП под правовым мониторингом понимался комплексный структурный и информационно-аналитический механизм анализа и оценки нормативного правового акта на всех этапах его создания и применения [4].

Следовательно, правовой мониторинг рассматривается как непрерывный процесс, включающий наблюдение, анализ, оценку и прогноз развития законодательства. Его цель — создание качественной и эффективной системы нормативных актов, а инструмент — получение достоверных данных о том, как право функционирует в действительности. Ю.Г. Арзамасов подчеркнул, что в структуре нормотворческого цикла мониторинг и ОРВ занимают разные, но взаимосвязанные позиции. Правовой мониторинг обеспечивает ретроспективную оценку фактических последствий, ОРВ — предварительный прогноз регулирующих эффектов. По мнению Ю.Г. Арзамасова, в современном мире система мониторинга должна отвечать принципам научности, системности, открытости и воспроизводимости, а сама процедура оценки должна быть встроенной в регуляторный цикл, включающий стадии выявления проблемы, анализа альтернатив, принятия решения и последующей проверки результатов. В глобальном плане, как отметил ученый, цель законодательства - сделать нашу жизнь лучше, упорядочить общественные отношения. Но чтобы это действительно происходило, необходимо не только создавать нормы, но и анализировать их последствия.

Сравнительно-правовой обзор. Особое место в докладе Ю. Г. Арзамасова занял компаративный анализ практик оценки регулирующего воздействия в ряде государств. Он привёл обширный обзор законодательства и методических документов Швейцарии, Франции, Финляндии, Германии, Великобритании и ЕС. В Швейцарии институт оценки закреплён на конституционном уровне: пояснительные доклады с результатами анализа последствий представляются одновременно с проектом закона. Основное внимание уделяется экономическим параметрам — бюджетным издержкам, влиянию на кантоны и общины, соотношению выгод и затрат.

Во Франции регуляторная оценка опирается на органические законы, развивающие конституционные положения. При этом практическая реализация во многом зависит от качества экспертных заключений и участия профильных министерств.

Финская модель характеризуется комплексностью и прозрачностью: каждая инициатива сопровождается детальным расчётом ожидаемых выгод и издержек. Однако, как отметил Ю.Г.Арзамасов, слабое место финской практики — недостаточное внимание к неэкономическим аспектам.

В Германии ключевым документом служит практическое руководство по процедуре

ОРВ. Подготовка проектов децентрализована, но финансово-экономическое обоснование и оценка воздействия рассматриваются совместно. Примечательна развитая практика ретроспективной оценки — проверки того, насколько закон был «принят рынком» и соответствует ли достигнутый результат изначальным целям.

В Великобритании и странах англосаксонской правовой семьи процедуры ОРВ интегрированы в парламентский процесс: проекты сопровождаются так называемыми «зелёными» и «белыми» докладами, а последующая оценка часто осуществляется независимыми комиссиями или судами. На уровне ЕС институт RIA приобрёл комплексный характер: оцениваются экономические, социальные и экологические последствия, а также влияние директив и программ на государства-члены.

Ю.Г. Арзамасов подчеркнул, что для России важно не просто заимствовать отдельные элементы, а адаптировать лучшие практики с учётом национальной специфики и административных возможностей.

Опыт Узбекистана. С.А. Султанова представила доклад, который посвящён развитию института оценки регулирующего воздействия в Республике Узбекистан. В её выступлении был прослежен путь от первых попыток (2008 г.) системы оценки воздействия актов законодательства (СОВАЗ) до современной концепции «умного регулирования». Ключевой вехой стало создание в 2013 г. портала regulation.gov.uz — платформы для публичного обсуждения проектов нормативных актов. В 2018–2021 гг. был принят ряд документов, закрепивших процедуру ОРВ, включая Закон «О нормативно-правовых актах», где в ст. 35 впервые определены требования к оценке воздействия.

Особенностью узбекской модели стало ограничение круга актов, подлежащих обязательной оценке: оцениваются только те, что затрагивают предпринимательскую деятельность, права граждан и экологическую сферу. Такой фильтр, как отметила докладчик, позволяет концентрировать ресурсы на действительно значимых проектах и избегать формализма. Система координируется Министерством юстиции, разработаны методические указания и формы отчётности. В то же время сохраняются такие трудности как дефицит специалистов, дублирование функций и неполное покрытие актов. По состоянию на 2023 г. оценка проводилась примерно по 60 % документов, подлежащих анализу [5]. В качестве решения предложено введение двухступенчатой системы — упрощённой и расширенной оценки, а также критериев порогового воздействия. Обсуждались также идеи внедрения принципа «one in – two out» (отмена двух устаревших актов при принятии одного нового) и создания отдельного агентства по регуляторной политике [6].

Региональная практика (Нижегородская область). В. С. Елисеева представила результаты многолетней работы по мониторингу законодательства в Нижегородской области. Региональная система функционирует с 2008 г. и охватывает ежегодно 10–12 законов. Мониторинг осуществляется профильными комитетами Законодательного собрания, а аналитические материалы включают оценку юридической техники, антикоррупционной экспертизы и фактической эффективности.

В докладе В.С. Елисеевой выделены три группы критериев качества нормативных актов: 1) соответствие требованиям юридической техники (ясность формулировок, логика, структура, терминология); 2) соблюдение антикоррупционных стандартов; 3) эффективность, определяемая соотношением поставленных целей и достигнутых результатов. Ученый отметила, что часто цели формулируются декларативно — «повышение эффективности», «совершенствование регулирования», без указания конкретных показателей. Это делает невозможной объективную оценку и приводит к субъективизму экспертов. Она предложила систему универсальных индикаторов: наличие уполномоченных органов, прозрачность процедур, количество обращений граждан, уровень ис-

полнения предписаний. При этом подчеркнула, что универсализация имеет пределы, когда «наилучшие результаты достигаются при анализе актов, где цели заданы количественно, например, в стратегических программах».

Дискуссия. В ходе обсуждения участники выделили несколько ключевых проблемных направлений. 1. Необходимость разграничения функций мониторинга, правовой экспертизы и ОРВ. Было отмечено, что правовая экспертиза проверяет юридическую корректность, а ОРВ анализирует последствия применения акта. Другими словами, они не дублируют, а взаимно дополняют друг друга (Ю.Г. Арзамасов). 2. Вопрос охвата: следует ли оценивать все нормативные акты или только те, что имеют значительное воздействие. Опыт Узбекистана показал эффективность фильтрации по критериям предмета регулирования. 3. Обсуждалась проблема кадрового и ресурсного обеспечения. Султанова констатировала, что нагрузка ложится на тех же специалистов, которые проводят правовую экспертизу. Следовательно, необходима профессионализация и подготовка экспертов по оценке воздействия. В.С. Елисеева предложила объединить ресурсы региональных парламентов, университетов и экспертных центров, создав сетевые лаборатории мониторинга законодательства [7].

Институциональные предложения. В результате дискуссии были сформулированы конкретные предложения: разделение процедур на упрощённую и расширенную оценку, в зависимости от масштаба последствий; введение пороговых критериев (thresholds), определяющих необходимость углублённой оценки; создание единого центра координации по вопросам регуляторной политики; закрепление ретроспективной оценки как обязательного этапа жизненного цикла нормативного акта; стандартизация пояснительных записок с использованием принципа SMART-целеполагания.

Цифровизация и открытые данные. Участники круглого стола обратили особое внимание на значение цифровых инструментов. Так, С.А. Султанова охарактеризовала портал regulation.gov.uz как «универсальную платформу публичного участия», позволяющую проводить общественные консультации. Другие участники поддержали идею создания федерального электронного реестра оценок, доступного в открытом формате. Ю. Г. Арзамасов предложил использовать технологии искусственного интеллекта для выявления коллизий и дублирования норм, подчеркнув, что цифровизация не заменяет эксперта, но усиливает его аналитические возможности.

Научно-образовательный аспект. В заключительной части круглого стола обсуждалась проблема подготовки кадров в сфере проведения правового мониторинга и ОРВ. Участники пришли к выводу, что эффективная реализация процедур ОРВ требует междисциплинарной компетенции: знания права, экономики, социологии и методов оценки.

Ю. Г. Арзамасов предложил разработать университетскую программу «Правовое регулирование и оценка воздействия», где теоретические курсы сочетались бы с практическими кейсами. В. С. Елисеева поддержала идею, подчеркнув, что ОРВ — это не только инструмент, это новая культура управления, основанная на данных и ответственности.

Методологические рекомендации. На основе обсуждения участники обозначили ряд рекомендаций: 1) разработать федеральный закон о мониторинге законодательства, который установит принципы, порядок, сроки и структуру отчётности; 2) утвердить стандарт пояснительной записки к проекту нормативного акта с обязательными разделами: цели, альтернативы, ожидаемые последствия, показатели оценки; 3) ввести обязательную ретроспективную оценку через 2 года после вступления акта в силу; 4) создать систему обучения и аттестации специалистов по ОРВ; 5) использовать публичные порталы для общественного контроля и «обратной связи».

Заключение. По итогам круглого стола все сошлись во мнении, что институт оценки регулирующего воздействия и мониторинга законодательства является ключевым элементом современной правотворческой системы. Он обеспечивает не только повышение качества законов, но и формирует новую культуру публичного управления, основанную на данных, аналитике и ответственности.

Опыт зарубежных стран показывает, что эффективность ОРВ зависит не от формы документов, а от системности подхода. Узбекистан продемонстрировал успешную адаптацию международных стандартов [8], а Нижегородская область — возможности региональной инициативы [9].

Результаты дискуссии позволяют сделать следующие выводы: необходим переход от формального к аналитическому типу оценки; следует развивать многоаспектный анализ — экономический, социальный, экологический; цифровизация и открытые данные — основа прозрачности и доверия; ретроспективная оценка должна стать обязательной нормой правотворчества; требуется институциональная консолидация и профессионализация кадров.

Список литературы:

1. Арзамасов Ю.Г. Расширение целей оценки регулирующего воздействия: европейский и российский опыт. Доклад от 28 сентября 2025 года на онлайн-круглом столе на тему «Мониторинг целей законодательства» – URL: https://dzen.ru/video/watch/68efd03c75682d136be29bc2 (дата обращения: 16.10.2025).
2. Механизм правового мониторинга: научно-практическое пособие / [Д.Б. Горохов, А.А. Каширкина, А.Н. Морозов и др.; отв. ред. А.В. Павлушкин]. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. – 160 с.
3. Арзамасов Ю.Г. Идейные истоки правового мониторинга и роль ученых ИЗиСП в становлении теории эффективности правового регулирования // Журнал российского права. 2023. № 11. С. 140-158.
4. Правовой мониторинг: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова, Д.Б. Горохова. М.: ИД «Юриспруденция», 2009.
5. Sultanova S. Normative fixing of the assessment of regulatory impact in the Republic of Uzbekistan – the basis for a holistic analysis of regulatory impact // Tematics journal of Law, Vol-4, Issue-12, 2020.-P.135-145. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3770741 (дата обращения: 16.10.2025).
6. Султанова С.А. Перспективы дальнейшего развития оценки регуляторного воздействия в Республике Узбекистан // Scienceproblems.uz Актуальные проблемы социально гуманитарных наук. № S/10 (4) – 2024. – URL: https://scienceproblems.uz/index.php/journal/article/view/2809/2574 (дата обращения: 16.10.2025).
7. Шахов Б.Е. Участие Научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области в мониторинге правоприменения / Б. Е. Шахов, В. С. Елисеева // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности : научный ежегодник факультета права Нижегородского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». Том Выпуск 3. Нижний Новгород: ООО «Растр», 2016. С. 72-81.
8. Султанова С.А. О некоторых тенденциях развития института оценки регуляторного воздействия в Республики Узбекистан // Huquqiy tadqiqotlar jurnali Журнал правовых исследований Journal of law research – T.:2023, 8-jild, 9-son, B.13-20. – URL: https://tadqiqot.uz/index.php/law/issue/view/558 (дата обращения: 16.10.2025).
9. Елисеева В.С. Динамика изменений законодательства в системе юридико-технических требований к нормативным правовым актам / В. С. Елисеева // Юридическая техника. – 2023. – № 17. – С. 269-274.

Bondarchuk I.V., Rudenko A.V. Improving legal monitoring and regulatory impact assessment: russian and international experience // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 706-711.

This review article is devoted to rethinking the instruments and objectives of contemporary legislative practice. It examines methods of legal monitoring and regulatory impact assessment (ORV; in international terminology, Regulatory Impact Assessment, RIA). These instruments enable the integration of legislative drafting with empirical analysis of its consequences and establish feedback mechanisms between the legislature and society. A roundtable discussion on this subject convened leading scholars and practitioners specializing in regulatory impact assessment and legislative monitoring. The event was organized by the Crimean branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, the Doctrine Legal Club (DLC) and the Editorial Board of the journal *Law and Modern States* (*Law and Modern States* – L&S), which held an online discussion on September 28, 2025, on the topic “Monitoring the Objectives of Legislation” (the video conference was organized by the).

Keywords: legal monitoring, regulatory impact assessment, legislative drafting, legislation, parliament, Russia, Hungary, United Kingdom, Germany, Switzerland, France, Finland, CIS, Uzbekistan.

Spicok literatury:

1. Arzamasov YU.G. Rasshirenie celej ocenki reguliruyushchego vozdejstviya: evropejskij i rossijskij opyt. Doklad ot 28 sentyabrya 2025 goda na onlajn-kruglom stole na temu «Monitoring celej zakonodatel'stva» – URL: https://dzen.ru/video/watch/68efd03c75682d136be29bc2 (data obrashcheniya: 16.10.2025).
2. Mekhanizm pravovogo monitoringa: nauchno-prakticheskoe posobie / [D.B. Gorohov, A.A. Kashirkina, A.N. Morozov i dr.; otv. red. A.V. Pavlushkin]. – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve RF, 2012. – 160 s.
3. Arzamasov YU. G. Idejnye istoki pravovogo monitoringa i rol' uchenyh IZiSP v stanovlenii teorii effektivnosti pravovogo regulirovaniya // ZHurnal rossijskogo prava. 2023. № 11. S. 140-158.
4. Pravovoj monitoring: nauchno-prakticheskoe posobie / pod red. YU.A. Tihomirova, D.B. Gorohova. M.: ID «YUrisprudenciya», 2009.
5. Sultanova S. Normative fixing of the assessment of regulatory impact in the Republic of Uzbekistan – the basis for a holistic analysis of regulatory impact // Tematics journal of Law, Vol-4, Issue-12, 2020.-P.135-145. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3770741 (data obrashcheniya: 16.10.2025).
6. Sultanova S. A. Perspektivy dal'nejshego razvitiya ocenki regulyatornogo vozdejstviya v Respublike Uzbekistan // Scienceproblems.uz Aktual'nye problemy social'no gumanitarnyh nauk. № S/10 (4) – 2024. – URL: https://scienceproblems.uz/index.php/journal/article/view/2809/2574 (data obrashcheniya: 16.10.2025).
7. Shahov B. E. Uchastie Nauchno-konsul'tativnogo soveta pri Zakonodatel'nom Sobranii Nizhegorodskoj oblasti v monitoringe pravoprimeneniya / B. E. SHahov, V. S. Eliseeva // Narod i vlast': vzaimodejstvie v istorii i sovremennosti : nauchnyj ezhegodnik fakul'teta prava Nizhegorodskogo filiala Nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta «Vysshaya shkola ekonomiki». Tom Vypusk 3. Nizhnij Novgorod: OOO «Rastr», 2016. S. 72-81.
8. Sultanova S. A. O nekotoryh tendenciyah razvitiya instituta ocenki regulyatornogo vozdejstviya v Respubliki Uzbekistan // Huquqiy tadqiqotlar jurnali ZHurnal pravovyh issledovanij Journal of law research –T.:2023, 8-jild, 9-son, B.13-20. – URL: https://tadqiqot.uz/index.php/law/issue/view/558 (data obrashcheniya: 16.10.2025).
9. Eliseeva V. S. Dinamika izmenenij zakonodatel'stva v sisteme yuridiko-tekhnicheskih trebovanij k normativnym pravovym aktam / V. S. Eliseeva // YUridicheskaya tekhnika. – 2023. – № 17. – S. 269-274.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 712-717.

УДК 34.05+347.9

ОПТИМИЗАЦИЯ РАБОТЫ РАЙОННЫХ СУДОВ НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН: ИТОГИ 2025 ГОДА И СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ

Габазов Т. С.

Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова

В данной статье представлены результаты анализа статистики работы районных (городских) судов Республики Дагестан за 2025 год. Авторы установили, что судебная нагрузка неуклонно растет, особенно в судах крупных городов (Махачкала, Дербент и Хасавюрт), и неравномерно распределена по региону. В ответ на выявленные проблемы был предложен комплексный план оптимизации, включающий цифровизацию судебных процедур (разработка услуг «онлайн-правосудия», внедрение веб-конференций и алгоритмов искусственного интеллекта), активное использование упрощенных процессуальных форм, специализацию судей, создание выездных судебных присутствий в горных районах и межведомственное сотрудничество для устранения причин возникновения споров. Отмечается необходимость учёта географических и социокультурных особенностей Дагестана. Успешная реализация предложенных мер, по мнению автора, может послужить образцом для других регионов России.

Ключевые слова: судебная нагрузка, электронное правосудие, веб-конференция, упрощённое производство, медиация, межведомственное взаимодействие.

Эффективная судебная система является не только основополагающей гарантией защиты прав отдельных лиц и организаций, но и ключевым показателем зрелости правовой системы страны. На фоне все более активной социально-экономической деятельности и все более сложных социальных отношений постоянно возрастает и нагрузка на судебные органы.

Республика Дагестан, крупнейший по численности населения и динамично развивающийся регион Северного Кавказа, в полной мере ощущает эту тенденцию. Статистический анализ деятельности районных (городских) судов в 2025 г., предоставленный Управлением Судебного департамента в Республике Дагестан в ответ на запрос автора (письмо № 4006350 от 15.04.2026), служит основой для системного переосмысления подходов к организации судебной работы и разработки комплекса мер, направленных на оптимизацию судебной деятельности (Таблица 1).

Таблица 1. Гражданские дела, рассмотренные районными (городскими) судами Республики Дагестан за 2025 г. [8].

№№	Районные/городские суды	Количество дел
1.	Акушинский районный суд	344
2.	Ахтынский районный суд	414
3.	Бабаюртовский районный суд	519
4.	Ботлихский районный суд	589
5.	Буйнакский городской суд	1036
6.	Буйнакский районный суд	883
7.	Гергебильский районный суд	196
8.	Гунибский районный суд	258
9.	Городской суд г. Дагестанские Огни	532
10.	Дербентский городской суд	2620
11.	Дербентский районный суд	1410
12.	Избербашский городской суд	922
13.	Казбековский районный суд	713
14.	Кайтагский районный суд	606
15.	Карабудахкентский районный суд	1539
16.	Каспийский городской суд	2189
17.	Каякентский районный суд	786

18.	Кизилюртовский городской суд	838
19.	Кизилюртовский районный суд	1086
20.	Кизлярский городской суд	697
21.	Кизлярский районный суд	815
22.	Кировский районный суд г. Махачкалы	3833
23.	Кумторкалинский районный суд	636
24.	Лакский районный суд	209
25.	Левашинский районный суд	770
26.	Ленинский районный суд г. Махачкалы	4890
27.	Магарамкентский районный суд	640
28.	Новолакский районный суд	571
29.	Ногайский районный суд	329
30.	Сергокалинский районный суд	316
31.	Советский районный суд г. Махачкалы	3967
32.	Сулейман-Стальский районный суд	531
33.	Табасаранский районный суд	816
34.	Тарумовский районный суд	306
35.	Тляратинский районный суд	491
36.	Унцукульский районный суд	265
37.	Хасавюртовский городской суд	2104
38.	Хасавюртовский районный суд	1551
39.	Хивский районный суд	281
40.	Хунзахский районный суд	800
41.	Шамильский районный суд	336
Итого:		**42634**

Текущее состояние судебной нагрузки: сигналы статистики. Согласно данным, представленным в распоряжение автора, в 2025 г. районными и городскими судами Республики Дагестан было рассмотрено более 42 тысяч гражданских дел. При сохранении общего тренда прошлых лет зафиксирован прирост по целому ряду категорий: споры, вытекающие из жилищных, земельных и наследственных правоотношений; дела о защите прав потребителей; иски, связанные с кредитными обязательствами и страховыми выплатами. Среднемесячная нагрузка на одного судью в отдельных судах превышает установленные научно-обоснованные нормы [1; 2], что закономерно сказывается на сроках рассмотрения дел и, при определённых обстоятельствах, на качестве итоговых судебных актов.

Особенности региона — высокая плотность населения в равнинной и предгорной зонах в сочетании с труднодоступностью отдельных высокогорных районов — создают дополнительный организационный вызов для судебной системы [7]. Неравномерность распределения дел между судами, когда в Махачкалинских, Хасавюртовских или Дербентских судах нагрузка значительно превышает показатели периферийных районных звеньев, указывает на необходимость гибкого перераспределения кадровых и материальных ресурсов. Статистические данные за 2025 г. наглядно демонстрирует, что экстенсивный путь решения проблем за счёт простого увеличения штатной численности судей и аппарата во многом себя исчерпал. Сегодня требуется комплексная технологическая, процессуальная и организационная модернизация судебной системы.

Информационно-цифровая платформа как стержень оптимизации. Цифровизация судопроизводства сегодня переходит из разряда факультативных сервисов в статус базового условия надлежащего функционирования судебной системы. В рамках реализации федеральной концепции электронного правосудия в Дагестане уже достигнуты определённые успехи: обеспечена работа порталов судов, внедрены системы аудиопротоколирования и видеоконференц-связи. Между тем, статистический анализ на 2025 г. выявляет значительный резерв для углубления цифровой

трансформации в регионе.

Первоочередное внимание следует направить на развитие сервиса «онлайн правосудие», интегрирующего такие возможности как подачи документов в электронном виде, удалённого ознакомления с материалами дела, автоматизированного расчёта госпошлины и отслеживания движения дела (активно перенимать практику арбитражных судов). Передача значительной части технической работы (регистрация, сканирование и распределение заявок) искусственному интеллекту и роботизированным алгоритмам позволит высвободить ценное время для секретарей и помощников судей, дав им возможность выполнять действительно важные задачи, требующие участия человека [6].

Практика проведения судебных слушаний посредством веб-конференций становится все более распространенной и заслуживает особого внимания. Для региона с его сложным географическим ландшафтом, когда сторона вынуждена тратить целый день на дорогу из отдалённого горного села в районный центр для участия в получасовом процессе, онлайн-заседания становятся не просто удобством, а инструментом реального и подлинного доступа к правосудию. В данном случае оптимизация должна быть сосредоточена на создании точек подключения, оснащенных защищенной видеосвязью и технической поддержкой, во всех муниципалитетах (возможно с использованием ресурсов МФЦ), что снизит нагрузку на участников судебных процессов и судей, а также количество отложений по причине неявки сторон.

Процессуальные механизмы снижения судебной нагрузки. Само процессуальное законодательство обладает огромным потенциалом для оптимизации судебной нагрузки. Приказное производство, упрощённое производство по искам не превышающих определенный лимит, — все эти инструменты призваны снизить нагрузку на суды при рассмотрении бесспорных требований и малозначительных дел по существу в традиционном состязательном процессе.

Статистика 2025 г. показывает, что в судах Дагестана доля дел, рассмотренных в упрощённом порядке, хоть и растёт, но не достигает показателей, характерных для многих регионов с сопоставимым уровнем нагрузки. Это объясняется как недостаточной осведомлённостью сторон (участников гражданского оборота), так и консервативным подходом части судейского сообщества [4].

Необходима целенаправленная работа по популяризации упрощённых форм среди профессиональных юридических сообществ — адвокатов, корпоративных юристов, практикующих представителей, а также дополнительное обучение судей нюансам работы с такими категориями дел.

Целесообразно не ждать, пока сумма долга станет критической, а работать с заинтересованными сторонами (например, с должниками, управляющими компаниями, банками) на ранних этапах. Это позволяет предотвратить накопление огромных задолженностей и шире использовать возможность вынесения судебного приказа с целью упрощения их взыскания. Идея заключается в переходе от реактивной модели (взыскание уже накопленных огромных долгов) к проактивной (предотвращение роста долга и использование быстрых инструментов взыскания).

Это позволит перенаправить высвободившуюся судейскую энергию на рассмотрение сложных, социально значимых споров, где требуется полная судебная процедура и глубокое исследование доказательств.

Другим направлением является активное внедрение института досудебного урегулирования и медиации [3]. Республика Дагестан обладает глубокими традициями общинного и третейского разрешения конфликтов, опирающимися на уважение к старейшинам и местные обычаи. Интеграция примирительных процедур в современное правовое поле способна существенно сократить поток судебных споров. Для этого требуется создание при районных судах постоянно действующих комнат примирения с участием профессиональных медиаторов и представителей общественности,

пользующихся доверием населения [5]. Управление Судебного департамента совместно с Верховным Судом республики могли бы выступить с такой инициативой, получив тем самым эффективный инструмент разгрузки судов.

Кадровое и организационное обеспечение: баланс ресурсов. Никакая цифровизация и процессуальная оптимизация не дадут нужного эффекта без решения кадровых вопросов. Статистические сведения за 2025 г. отчётливо высвечивают проблему диспропорции нагрузки не только между судами, но и внутри них. Специализация судей, при которой один состав рассматривает преимущественно уголовные дела, другой — общегражданские иски, а третий — административные иски, давно доказала свою эффективность в крупных судах. В условиях Дагестана, где значительный пласт составляют споры, связанные с правом собственности на земельные участки, недвижимость, семейными и наследственными конфликтами, введение узкой специализации позволит судьям наработать непревзойдённую экспертность, ускорит процесс и повысит качество правосудия. Помощники судей, освобождённые от выполнения технических функций благодаря цифровым сервисам, должны быть переориентированы на аналитическую работу: подготовку проектов судебных актов, обобщение судебной практики, мониторинг соблюдения сроков. Такой подход потребует повышения оплаты труда помощников и установления чётких критериев карьерного роста, что позволит привлечь в аппарат судов высококвалифицированных юристов.

Необходим и механизм оперативного перераспределения дел между судьями внутри суда и, в экстраординарных случаях, между разными судами региона. Подобная вариативная подсудность, осуществляемая по мотивированному решению председателя Верховного Суда республики, дала бы возможность в моменты пиковой нагрузки разгружать наиболее перегруженные узлы системы, не допуская образования судебных «завалов».

Учёт региональной специфики: доступность правосудия в горной местности. Республика Дагестан — это более 600 тысяч жителей, проживающих в высокогорных районах с ограниченной транспортной доступностью в зимний период. Оптимизация работы судов не может рассматриваться в отрыве от задачи обеспечения равного доступа к правосудию для всех граждан, независимо от места их проживания. Закреплённая в процессуальных кодексах возможность проведения выездных судебных заседаний используется районными судами явно недостаточно, отчасти из-за отсутствия надлежащего финансирования и транспортных средств.

Системным решением могло бы стать формирование постоянно действующих выездных судебных присутствий в административных центрах отдалённых муниципальных районов. Такие присутствия, оснащённые необходимым оборудованием для видеоконференц-связи с головным судом, позволили бы жителям горной местности не ездить за сотни километров, а прибыть в обустроенное помещение, откуда можно участвовать в процессе дистанционно либо, при необходимости, непосредственно общаться с прибывшим судьёй. Совмещение ВКС-технологий и выездной работы создаст эффективную модель, ориентированную на конечного потребителя судебной услуги — гражданина.

Повышение квалификации и профессиональная культура. Качество и скорость правосудия напрямую зависят от уровня подготовки и постоянного профессионального развития судей и сотрудников аппарата. Анализ ошибок, выявляемых апелляционной и кассационной инстанциями, показывает, что определённая доля отмен и изменений решений связана не со сложностью правовой коллизии, а с недостаточной проработкой материалов на стадии подготовки. Внедрение модульной системы повышения квалификации с акцентом на практические аспекты — составление мотивированных решений, анализ новых правовых позиций ВС РФ, управление судебным процессом — должно стать приоритетом. Эту функцию могли бы взять на себя учебные центры,

специально создаваемые в регионах для этой цели, при активном участии более опытных сотрудников судов (и не обязательно только судей), а также преподавателей ВУЗов, в том числе в формате дистанционного обучения.

Одновременно важна работа над профессиональной культурой в широком смысле: соблюдение этики, уважительное отношение к участникам процесса, недопустимость волокиты. Внутренний аудит и регулярный мониторинг сроков рассмотрения, проводимый Управлением Судебного департамента, Верховным Судом Республики являются важным дисциплинирующим фактором, однако гораздо продуктивнее формировать среду, в которой оперативное и качественное правосудие становится внутренней профессиональной ценностью.

Взаимодействие с заинтересованными сторонами. Оптимизация работы судов — задача, не решаемая исключительно силами судейского сообщества. Здесь требуется скоординированное взаимодействие с органами прокуратуры, адвокатуры, нотариата, региональными властями и муниципалитетами. Действенной мерой является создание межведомственных рабочих групп по анализу причин роста определённых категорий споров и выработке превентивных мер. Яркий пример — земельные конфликты, во многом порождённые несовершенством кадастрового учёта и отсутствием актуальных генеральных планов поселений. Совместные усилия могут быть направлены не на купирование последствий в виде потока исков, а на устранение коренной причины.

Также необходимо расширение практики заключения соглашений о досудебном порядке урегулирования споров с крупнейшими кредитными организациями, ресурсоснабжающими предприятиями, операторами связи. Такие структуры генерируют значительный массив однотипных дел, и перенос акцента на внесудебное добровольное урегулирование, стимулированное налоговыми или тарифными преференциями, способен радикально оздоровить ситуацию с нагрузкой на мировой и районный уровни судебной системы. Статистические сведения, собранные по итогам 2025 г. Управлением Судебного департамента в Республике, дают трезвое, лишённое иллюзий представление о состоянии правосудия в регионе. Видна напряжённая, самоотверженная работа судей и аппарата, но также очевидны и системные ограничения, преодолеть которые можно лишь комплексной программой оптимизации. Цифровизация и внедрение электронных сервисов, процессуальная модернизация с упором на упрощённые и примирительные процедуры, кадровая специализация и выравнивание нагрузки, географическая доступность правосудия через выездные присутствия и ВКС, постоянное повышение квалификации и межведомственная координация — таковы ключевые направления движения. Реализация такой программы потребует политической воли и тесного сотрудничества ВС Республики Дагестан, Судебного департамента, органов государственной власти региона и федеральных структур. Однако инвестиции в судебную инфраструктуру и человеческий капитал неизбежно окупаются ростом доверия общества к суду, повышением инвестиционной привлекательности региона и, в конечном счёте, укреплением правового государства. Опыт Дагестана, обладающего уникальным переплетением культурных, географических и социальных факторов, при успешной реализации намеченных преобразований может стать образцом для многих субъектов РФ, решающих сходные задачи по совершенствованию правосудия.

Список литературы:

1.Постановление Минтруда РФ № 41б, Минюста РФ № 06-74-125 от 27.06.1996 «Об утверждении Норм нагрузки судей, судебных исполнителей и работников аппарата районных (городских) судов»// URL: https://cloud.consultant.ru (дата обращения 01.05.2026).

2.Постановление Минтруда РФ № 41а, Минюста РФ № 06-74-124 от 27.06.1996 «Нормы нагрузки судей и работников аппарата судов субъекта РФ»// URL: https://cloud.consultant.ru

3.Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // URL: https://cloud.consultant.ru.

4.Комлев, Н. Ю. О реформировании института упрощенного производства в современном гражданском

процессе / Н. Ю. Комлев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 2(32). – С. 183-188. – DOI 10.24420/KUI.2018.32.13964.
5. Микогазиева С.М. «Медиация как преемственная модель территориальных восстановительных практик (срез по Республике Дагестан)»// URL: https://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8643/uid45584_report.pdf (дата обращения 28.05.2026).
6. Панарина, М. М. Предметные области использования информационных технологий в судопроизводстве и информатизация судебного процесса для оптимизации служебной нагрузки судей и работников аппаратов судов // Вестник гражданского процесса. – 2025. – Т. 15, № 3. – С. 276-284.
7. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан// URL: https://05.rosstat.gov.ru/naselenie (дата обращения 05.05.2026).
8. Письмо Управления Судебного департамента в Республике Дагестан за исх. № 4006350 от 15.04.2026

Gabazov T.S. Optimizing the Work of District Courts Using the Example of the Republic of Dagestan: Results for 2025 and Strategic Benchmarks // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 712-717.

This article presents the results of an analysis of statistical data on the work of district (city) courts in the Republic of Dagestan for 2025. The author identifies a steady increase in judicial workload, particularly in large city courts (Makhachkala, Derbent, Khasavyurt), and its uneven distribution across the region. Based on the identified problems, a comprehensive optimization program is proposed, including the digitalization of legal proceedings (development of the "Online Justice" service, implementation of web conferencing and AI algorithms), the active use of simplified procedural forms, the specialization of judges, mobile court presences in mountainous areas, as well as interdepartmental cooperation to eliminate the causes of disputes. The need to take into account the geographical and sociocultural characteristics of Dagestan is noted. The author believes that successful implementation of the proposed measures could serve as a model for other regions of Russia.

Keywords: judicial workload, e-justice, web conferencing, simplified proceedings, mediation, interdepartmental cooperation.

Spisok literatury:

1. Postanovlenie Mintruda RF № 41b, Minyusta RF № 06-74-125 ot 27.06.1996 «Ob utverzhdenii Norm nagruzki sudej, sudebnyh ispolnitelej i rabotnikov apparata rajonnyh (gorodskih) sudov»// URL: https://cloud.consultant.ru (data obrashcheniya 01.05.2026).
2. Postanovlenie Mintruda RF № 41a, Minyusta RF № 06-74-124 ot 27.06.1996 «Normy nagruzki sudej i rabotnikov apparata sudov sub"ekta RF»// URL: https://cloud.consultant.ru (data obrashcheniya 01.05.2026).
3. Federal'nyj zakon ot 27.07.2010 № 193-FZ «Ob al'ternativnoj procedure uregulirovaniya sporov s uchastiem posrednika (procedure mediacii)» // URL: https://cloud.consultant.ru (data obrashcheniya 01.06.2026).
4. Komlev, N. YU. O reformirovanii instituta uproshchennogo proizvodstva v sovremennom grazhdanskom processe // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 2(32). – S. 183-188.
5. Mikogazieva S.M. «Mediaciya kak preemstvennaya model' territorial'nyh vosstanovitel'nyh praktik (srez po Respublike Dagestan)»// URL: https://conf.msu.ru/archive/Lomonosov_2016/data/8643/uid45584_report.pdf
6. Panarina, M. M. Predmetnye oblasti ispol'zovaniya informacionnyh tekhnologij v sudoproizvodstve i informatizaciya sudebnogo processa dlya optimizacii sluzhebnoj nagruzki sudej i rabotnikov apparatov sudov / M. M. Panarina // Vestnik grazhdanskogo processa. – 2025. – T. 15, № 3. – S. 276-284.
7. Oficial'nyj sajt Territorial'nogo organa Federal'noj sluzhby gosudarstvennoj statistiki po Respublike Dagestan// URL: https://05.rosstat.gov.ru/naselenie (data obrashcheniya 05.05.2026).
8. Pis'mo Upravleniya Sudebnogo departamenta v Respublike Dagestan za iskh. № 4006350 ot 15.04.2026 g.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 718-727.

УДК: 347 (091)

ДИНАМИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ КООПЕРАЦИИ В СССР В ПЕРИОД НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Новикова Ю. О.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Владимирский филиал)

Статья посвящена вопросам правового регулирования сельскохозяйственной кооперации в период Новой экономической политики. Отмечено, что кооперативное законодательство в начале означенного периода (1921-2926 гг.) было нацелено на демократизацию деятельности сельскохозяйственных кооперативов, которая строилась на принципах самоуправления, самоорганизации и добровольного членства. Однако, показано, что основной спецификой правового регулирования сельскохозяйственной кооперации периода Новой экономической политики становится обязательная система контрактации, как связующее звено между городом и деревней. Государственная власть использовала рыночные механизмы, в которых реализовывали деятельность сельскохозяйственные кооперативы с целью улучшения благосостояния, прежде всего, крестьянского населения. Однако, к концу означенного периода политика построения социалистического государства предопределила судьбу сельскохозяйственного кооператива как частноправового института трансформируя последних в крупную кооперативную государственную систему колхозов.

Ключевые слова: сельскохозяйственная кооперация, сельскохозяйственный товарищество, контрактация, контракционный договор, кооперативное законодательство, кооперативное движение, кооперативное строительство.

В современном мире кооперативное движение является социальным институтом, который мобилизует внутренние силы для модернизации экономики стран, стимулирует население к самодеятельности и является одной из основ гражданского общества. По подсчетам теоретика кооперационного движения А.П. Корелина, Международный кооперативный альянс – крупнейший центр развития кооперации уже к началу XXI в. включал в себя 192 национальных кооперативных союзов из 76 стран и 625,6 млн. членов кооперативных товариществ [1, с. 5].

Создание благоприятных условий для обеспечения и рентабельности сельскохозяйственного производства, сохранения занятости сельского населения, повышение его финансового благосостояния и духовного роста являются ключевыми факторами устойчивого развития сельских территорий.

Данная проблематика привлекала и до сих пор привлекает внимание многих юристов, историков, экономистов. Аспектам трансформации кооперативного законодательства, возникновению и развитию разных форм и видов элементов кооперативного движения в России на различных этапах его становления посвятили свои труды С.В. Тычинин, М.И. Козырь, З.С. Беляева, А.В. Лубков, Т.А. Селиверстов, А.О. Бунин, О.А. Липич, В.В. Кулаков, В.В. Бурданов, Н.П. Шилова и многие другие исследователи, которые внесли значительный вклад в изучение теоретических и практических основ кооперативного строительства. Особое место в кооперативной историографии занимают работы В.И. Ленина, написанные в 1920-е годы. В своих трудах он отошел от предыдущей концепции кооперации, которая выражалась в том, что кооперация, по его мнению, это низшая ступень развития общества, поскольку являлась одним из видов государственного капитализма [2, с. 17].

Говоря о значении кооперативного движения в можно согласиться с С.В. Тычининым, который определил значение кооперации следующим образом: 1) кооперация является инструментом повышения благосостояния широких масс населения не только в материальном, но и духовном направлении. Причем основным субъектом правоотно-

шений в кооперативном движении становятся отнюдь не привилегированные ни в материальном, ни в социальном плане участники; 2) кооперация является площадкой для концентрации процесса производства без концентрации собственности, тем самым достигает цели построения «третьего пути» развития общественных отношений, которые уходят от крайностей рыночной и централизованной экономики; 3) кооперативы являются одной из основ построения социальной экономики, в которой роль последних сводится к реализации своей деятельности, основанной на свободной предпринимательской инициативе, удовлетворяя нужды своих членов в условиях демократического самоуправления и принятия решений, связанных с деятельностью предприятия; 4) кооперация способствует уменьшению числа бюрократических структур государства за счет отсутствия в ее деятельности политических задач, и это позволяет ей влиять на систему общественных отношений в целом; 5) кооперация, рассматривающая в качестве своих задач всеобъемлющую занятость население, пропорциональное распределение доходов, сохранение и приумножение продовольственных товаров и прочее, может стать лучшим партнером для стран с демократической формой правления; 6) идеалом кооперации служат объединение интересов личности и общества, координация общих усилий в достижении поставленных хозяйственных целей; 7) кооперация служит эффективным инструментом в улучшении экономического положения населения, особенно в периоды социально-экономических кризисов и пр. [3, с. 18-19].

К 1917 г. сельскохозяйственная кооперация включала в себя 2 100 кооперативов и 9 сельскохозяйственных Союзов. В отличии от кредитной (16 055 кооперативов, 191 Союзов) и потребительский кооперации (20 000 кооперативов, 221 Союзов) [4, с. 295, 302], сельскохозяйственная кооперация не была столь многочисленной, однако, задачи, которые выполняли сельскохозяйственные кооперативы были очень значимы для страны. Первая попытка сломать сложившуюся к 1917 г. в России кооперативную систему и приспособить ее к построению бесклассового бестоварного строя была предпринята советской властью в 1918-1920 гг., при этом осуществлялась она самым изощренным образам. Характеристика В.И. Лениным этих методов как «штурмовые», стали непосредственным способом перехода к коммунистическому перераспределению и производству [5, с. 204].

В марте 1921 г. состоялся X Съезд РКП(б), принявший решение о переходе к новой экономической политике (далее – НЭП), что существенным образом изменило условия функционирования кооперации. Переход государства к новой экономической политики предопределило дальнейшую судьбу и сельскохозяйственной кооперации. Правовое регулирование кооперации всех видов стало вынужденной мерой советского правительства, поскольку для построения новой формы государства необходимы были финансовые ресурсы, которые могла дать, на тот момент, только кооперация, основанная на частной собственности на средства производства.

В создавшейся на рубеже 1920-х годов критической ситуации, выражавшейся в остром конфликте власти с крестьянским населением, правительство было вынуждено пойти на ослабление этого штурма и попытаться решить эту задачу обходными путями. Идея состояла в том, чтобы встроить в экономическую систему государства элементы рыночной экономики, за счет которых возможно было выйти из кризисной ситуации в экономики и продолжить строительство коммунистического строя. Одним их таких элементов была кооперация, которая уже ни раз показывала свою экономическую эффективность в деле повышения благосостояния населения. Важно отметить, что поиск путей государственного регулирования, в частности, сельскохозяйственной кооперации, свелся к заимствованию многих норм кооперативного права Временного правительства. В основу кооперативных законов периода новой экономической политики

стали были положены новеллы Постановлений 1917 г., регулирующих кооперацию, которые впоследствии были реципированы Советским правительством в годы новой экономической политики. В период НЭП было принято четыре основных кооперативных закона, касающихся правового урегулирования промысловой, потребительской и кредитной кооперации.

Вынужденные меры советского правительства по возрождению кооперации, основанной на частном капитале, частном труде и самостоятельности, во всех сферах экономической жизни диктовали и основы ее правовое регулирование. Этими Декретами советское правительство дало возможность возродить государственную кооперацию на основе тех принципах, на основании которых она существовала до принятия закона 1919 г. «О потребительских коммунах» [6]. При этом, советское правительство реципировало большую часть норм из имперского кооперативного законодательства, а также законодательства Временного правительства. Однако, принципиальным моментом кооперативного законодательства периода НЭП заключалось в том, что государственная власть решала задачу необходимости сомкнуть экономически развивающиеся мелкокрестьянские кооперативные товарищества с социалистической промышленностью, обеспечив последней ведущую роль в вытеснении, прежде всего, частного капитала, который связывали деревню и город.

Первым в этом смысле стал Декрет СНК от 21 мая 1921 г. «Об обмене», который ст. 3 наделил физических и юридических лиц правом свободно обменивать, продавать и покупать оставшиеся после уплаты натурального налога, продукты сельского хозяйства на рынках, базарах, с лотков, и ларей, а также в закрытых торговых помещениях. При этом, означенным Декретом не устанавливались требования к организации торговли и функционированию торговых помещений.

На местах нормы этого закона реализовывались посредствам разрешительной системы, путем выдачи Губисполкомами разрешения на право торговли [7]. Несмотря на то, что в данном Декрете прямо не ставился вопрос восстановления частной торговли, однако, он стал одним из шагов советского правительства, позволивших возродить легальную розничную торговлю, в том числе, в сельском хозяйстве.

Это было необходимым условием развития сельскохозяйственной кооперации, которая основывалась на продаже оборудования, инвентаря, посевных культур, участвовавших в сельскохозяйственном производстве. И первым законом, направленным на регламентацию деятельности сельскохозяйственной кооперации, стал Декрет ВЦИК и СНК от 16.08.1921 г. «О сельско-хозяйственной кооперации [8].

С целью упорядочения регистрации сельскохозяйственных кооперативов и их учета, комиссариат Земледелия СССР издал Положение о регистрации сельскохозяйственных кооперативов и их союзов от 1.12.1921 г. [9] Постановление содержало четкую регламентацию процесса регистрации кооперативных товариществ. На основании п. 10-11 документа регистрации сельскохозяйственного кооператива производилась на основании заявления, подписанного не менее 5 членами товарищества в Губземотдел и утвержденного устава общества. При регистрации заявления должны были быть представлен устав в четырех экз.

П. 15 Постановления утверждено конкретный перечень пунктов уставных документов сельскохозяйственных кооперативов.

Таким образом, пытаясь восстановить деятельность сельскохозяйственной кооперации, государственная власть шла на самые широкие демократические начала деятельности низовой сети. Советская власть внимательно отнеслась к тому историческому опыту построения кооперативного законодательства, который реализовал в своей практике законодатель Российской Империи. В 1922-1923 гг. разработаны примерные уста-

вы 11 форм сельскохозяйственной кооперации [10, с. 39-43], положения которых положительно отличались от положений дореволюционных уставных документов сельскохозяйственных кооперативов. Уставы сельскохозкооперативов периода НЭП не содержали ограничения, связанные социальным статусом его членов, производственные процессы являлись функцией индивидуальных крестьянских хозяйств, а не государства, восстанавливались паевые и вступительные взносы, сумму которых устанавливались собранием членов кооператива, читая прибыль кооперативной деятельности отчислялась в основной и специальный капиталы, на оплату дивиденда на пай, общие кооперативные цели.

Таблица 1 - Общая картина первичной сети сельскохозяйственной кооперации (по состоянию на 1 октября) [11, с. 434].

год	общее к-во кооперативов	в сфере обмена	подсобно-производственные	прочие
1922	7080	3500	1700	1880
1923	15445	4184	1868	9393

Динамика роста численности сельскохозяйственных кооперативов подтверждала возможность нормальной кооперативной деятельности в рамках, установленных Декретом ВЦИК и СНК от 16.08.1921 г. «О сельско-хозяйственной кооперации». К 1.01.1924 г. вся сеть кооперативных товариществ сельскохозяйственной кооперации включала в себя 19 700 товариществ, которые объединили более миллиона человек (1. 270.000), 1 июля 1924 г. - 1.600.000 [12, с. 111]. Рост союзной сети сельскохозяйственной кооперации также имела положительную динамику. На 1.01.1924 г. числился 301 местный союз, на 1 июля - 310 и на 1 октября – 323 [12, с. 110]. Основным отличием в деятельности сельскохозкооперативах является процесс реализации контрактации сельского хозяйства. По мнению Т.Г. Намнека это означало решение задачи установления более тесной связи «до и после акта купли-продажи», воздействуя на производственный процесс планирующим, регулирующим и направляющим образом со стороны государства. Для этого необходимым было найти такие кооперативные формы хозяйствования, которые бы дали, при сложившихся социально-экономических условиях, скорейший реорганизационный эффект в виде трансформации простых кооперативных форм к высшим. Контрактация являлась одним из факторов «смычки» промышленности и сельского хозяйства [13, с. 111].

Контрактация в 1920-е годы использовалось советской властью как средство поголовного производственного кооперирования крестьянских хозяйств, а также как фактор массового колхозного строительства, по которому шло крестьянское хозяйство. Крестьянин, контрактующая организация (кооперативное товарищество), государство – вот такая схема стояла в основе реализации задач в области перехода к кооперированию производства в крупный народнохозяйственный комплекс.

По утверждению В.П. Данилова «Контрактация не только стимулировала расширение посевных площадей, но и способствовала повышению урожайности (вследствие внедрения сортовых семян, агротехнических улучшений и т.п.)» [14, с. 254].

Важным шагом на пути укрепления позиций сельскохозяйственной кооперации было принятие СНК СССР 22.07.1924 г. Постановления «О возврате имущества сельскохозяйственной, промысловой и кредитной кооперации», в соответствии с которым всем трем видам кооперации, указанным в документе, возвращалось имущество (предприятия, строения, склады), которые было национализировано в результате кооперативной политики «военного коммунизма» (п. 1,2). Возврат имущества имел заявительный характер в Президиум губернского исполкома (п. 9,10) [15]. Сроки возврата имущества кооперативам в Постановлении не были обозначены, однако, 1.02.1926 г. был принято

новое Постановление СНК «Об изменении ст. 8 и 11 постановления СНК от 22.07.1924 г. о возврате имущества сельскохозяйственной, промысловой и кредитной кооперации» [16] с тем, чтобы продлить процесс подачи заявлений сельскохозяйственных кооперативов о возврате имущества не более, чем на 4 мес. с момента принятия означенного документа (пу. 1, 2). При этом, право продления закреплялось за республиканскими советами народных комиссаров. Таким образом, процесс возврата национализированного кооперативного имущества был санкционирован советским государством сроком на 2 года.

Понимая роль сельскохозяйственной кооперации в деле развития крестьянских хозяйств, правительство издало Декрет от 21.08.1924 г. «О содействии деятельности сельско-хозяйственных кооперативных товариществ», на основании которого центральные исполнительные комитеты союзных республик должны были широко содействовать успешному развитию сельскохозяйственных товариществ, находящихся на их территории. Содействие выражалось, во-первых, в предоставлении преимуществ для сельскохозяйственных товариществ в вопросах поставок, подрядов и иных операций сельскохозяйственной продукции; во-вторых, в привлечении местных хозяйственных органов, в зависимости от их финансового положения, к активному участию в операциях сельскохозяйственных кооперативных товариществ; в-третьих, в содействии организации и строительству сельскохозяйственных кооперативных товариществ [17]. А 22.08.1924 г. принимается очередное Постановление ЦИК и СНК СССР «О сельскохозяйственной кооперации» [18]. Издание данного Постановления о сельскохозяйственной кооперации стал прямым следствием, проводимой ВКП(б), политики в отношении сельского хозяйства. Еще в Резолюции XII Съезда ВКП(б), проходившего 17-25 апреля 1923 г. советское правительство указало на интенсификацию укрепления сельскохозяйственной кооперации, ее материальной мощи. Особенно ставился вопрос о привлечении в кооперативное строительство широких народных масс. Сельскохозяйственные товарищества, по мнению РКП(б), должны получать государственную поддержку в вопросах финансовой поддержки «прогрессивных» крестьянских хозяйств [19, с. 719-720].

Основными положениями XIII Съезда ВКП(б), проходившем с 23 по 31 мая 1924 г. о кооперации являлись следующие: 1) главной задачей сельскохозяйственной кооперации становится овладение рынком и его организация; 2) решающая роль кооперации в деле строительства социализма; 3) укрепление и рост кооперации в деревне являлась основой борьбы с кулацко-ростовщической зависимости; 4) в области сельскохозяйственной кооперации особое внимание необходимо было уделять производственно-сбытовым объединениям как наиболее массовой кооперации, удовлетворяющей продовольственные нужды населения; 5) усиление развитие кооперации как центра развития культурно-просветительской деятельности.

Такой, в самых общих чертах, был взгляд советской власти на сельскохозяйственную кооперацию, в частности, который отразился в выше означенном Постановлении ЦИК СССР и СНК СССР от 22.08.1924 г. «О сельскохозяйственной кооперации». В преамбуле означенного Постановления 1924 г. законодатель подчеркнул необходимость развития сельскохозяйственной кооперации с целью восстановления крестьянского хозяйства и благосостояния населения, а также вовлечения в нее трудовых масс, которые в последствии станут основой формирования социалистического государства.

Эта мысль фиксировалась и в иных, ранее принятых, нормативных правовых актах советского правительства. Так, в Декрете от 17.05.1921 г. «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной промышленности и кустарной сельскохозяйственной кооперации». в Декрете «О сельскохозяйственной кооперации» 1921 г. Постановлением 1924 г. положены начала для кооперирования сельскохозяйственно-

го населения на всей территории СССР [18]. В документе урегулирован правовой статус сельскохозяйственных кооперативов и их Союзов, конкретнее их возникновение, права и обязанности, ликвидация, а также определены цели и задачи их деятельности. В соответствии со ст. 1 документа правом образовывать сельскохозяйственные кооперативы предоставлялось всем гражданам СССР, которые занимались сельских хозяйством и связанными с ним промыслами, однако, только тем, кто имел право избирать в Советы. В отличии от Декрета 1921 г. это было новеллой, т.к. последний не заключал необходимость наличия данного права. Таким образом, социальный состав членства в сельскохозяйственном кооперативе был определен, в том числе, и политическими правами граждан.

Членство в сельскохозяйственном кооперативе строилось на добровольном начале (ст. 1,6), т.е., как и в Декрете «О сельскохозяйственной кооперации» 1921 г. повторяется принцип добровольного кооперирования крестьянского населения. При этом, на основании статей 3,5,19,20 строительство кооперативной сети также свободно, то есть не было урегулирована строгая система ее построения.

Задачами сельскохозяйственного кооператива определялись достаточно широко: 1) кредитование населения; 2) продажа и покупка, производство продуктов сельского хозяйства; 3) распространение сельскохозяйственных знаний путем устройства чтений, бесед, популярных библиотек, выставок, показательных и опытных участков, издания периодической и непериодической литературы и т.п. [18].

На основании означенного документа создавалось достаточно большое количества различных товариществ, относимых к сельскохозяйственной кооперации (сельскохозяйственные кооперативные товарищества, сельскохозяйственные кооперативные товарищества по обработке земли, сельскохозяйственные кооперативные товарищества по переработке картофеля, сельскохозяйственные кооперативные пчеловодные товарищества, кооперативные маслодельные артели, кооперативные садоводные (огородные) товарищества, кооперативные товарищества по животноводству, кооперативные коневодные товарищества, кооперативные машинные товарищества, торфяные товарищества, мелиоративные товарищества, кооперативные товарищества по электрификации сельского хозяйства, смешанные сельско-хозяйственные кредитные кооперативное товарищества и др. [20]

Уставные документы сельскохозяйственных кооперативов содержат большое количество разнообразных задач. Так, например, задачами земледельческой трудовой артели являлись: 1) общая обработка земли; 2) общее ведение скотоводства; 3) реализация кустарных ремесел; 4) организация мастерских по обработке продуктов сельского хозяйства и др. Задачами сельскохозяйственного кооперативного товарищества по обработке земли являлись: 1) организация сельскохозяйственных работ; 2) снабжение членов товарищества всеми необходимыми товарами сельскохозяйственного назначения; 3) содействие производительности хозяйства; 4) организация мероприятий по сохранению плодородности земли; 5) организация сбыта продукции, производимой членами товарищества; 6) кредитование для сельскохозяйственных нужд и др. [21]. Сельскохозяйственные кооперативные товарищества по переработке и сбыту картофеля ставили своей целью снабжение членов товарищества посевным материалом, организация сбыта и переработки продукции сельского хозяйства, распространение агрокультурных знаний, организация картофельно-терочные, сушильные, паточные, маслобойные заводы, организация мельниц, предприятий для переработки продуктов сельского хозяйства и пр. [22]. Сельскохозяйственные кооперативные пчеловодческие товарищества ставили своей целью снабжение своих членов всеми необходимыми предметами пчеловодства, кредитования членов на поддержание и улучшение пчеловодного хозяйства, рас-

пространение агрокультурных знаний и пр. [23]. Примерный Устав сельскохозяйственной маслодельной, сыроваренной артели закрепил целью деятельности товарищества организацию наиболее выгодную переработку и сбыт молочных продуктов, снабжение своих членов всем необходимым для организации молочного производства продуктов, распространение сельскохозяйственных знаний и др. [24].

Таким образом, набор задач сельскохозяйственной кооперации был чрезвычайно широк. Деятельность кооперативов была нацелена не только на повышение финансового благосостояния крестьянского населения, но и культурного.

В 1921-1924 гг. советская власть оказывала всяческое содействие для деятельности сельскохозяйственных кооперативов. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 7.12.1923 г. «О налоговых льготах для кооперативных организаций» сельскохозяйственные товарищества с годовым оборотом менее 20 000 руб. освобождались от государственного промыслового налога (ст. 2). К остальным сельскохозтовариществам на основании ст. 3 ставка промыслового налога была понижена на 50 % в случае, если обслуживают только своих членов, на 25%, если они обслуживают не только членов товарищества [25]. Принятые государственной властью меры, выразились в стремительной регистрации новых сельскохозяйственных кооперативов.

Таблица №2. Общая картина первичной сети сельскохозяйственной кооперации (по состоянию на 1 октября) [11, с. 434].

год	общее ко-во кооперативов	в сфере обмена	подсобно-производственные	прочие
1924	25798	22214	1408	2176
1925	26318	22420	1516	2382

На 1.10.1924 г. низовая сеть сельскохозяйственной кооперации включала в себя уже 25 798 товариществ, которые объединили 2 056 500 чел., к 1925 г. 26 318 и членов. То есть, с 1 января по 1 октября 1924 г. рост числа кооперативов выражался в 31,20 %, а числа их членов их — в 61,5% [12, с. 111]. А к 1926 г. их число составило 33 500 кооперативов с членством в 5 948 тыс. крестьян [26, с. 166].

С целью развития процесса контрактации в сельскохозяйственной кооперации, а также противодействия саботажа выполнения плана хлебозаготовительных работ Политбюро ЦК ВКП(б) принял Протокол № 86 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27.06.1929 г. «О расширении прав местных советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов», в котором утвердил ряд административных и уголовных санкций за отказ от сдачи хлеба [27]. Так, например, в соответствии с подпунктом б пункта 1 (Приложение № 2 к Постановлению) за отказ отдельных групп хозяйств и прямое противодействие их сдаче хлебных продуктов применялась норма ч. 3 ст. 61 УК РСФСР.

Данная директива в полном объеме была закреплена Постановлением ВЦИК и СНК от 28.06. 1929 г. «О расширении прав местных советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» [28].

В период с 1929-1932 гг. в связи с новым курсом экономического развития страны проходило упразднение кооперации. Задачами контрактации продолжали становится построение крупных колхозов на основе массовых форм производственного кооперирования крестьянских хозяйств. Задача построения более сложных форм кооперирования ставилась в уде упомянутом выше Постановлении ЦИК и СНК СССР от 18.09.1929 г. «О сельскохозяйственной кооперации и ее работе». Означенным документом, наряду с организацией колхозов, закреплена необходимость массового создания в качестве низового звена сельскохозяйственной производственных товариществ поселкового типа специального направления (зерновых, льноводных, свекловодных, семеноводческих,

хлопководческих и т. п.) по основным отраслям местного сельскохозяйственного производства. При этом, на основании п. 9 Постановления сельскохозяйственные кредитные товарищества и сельскохозяйственные кредитные союзы должны были передать в месячный срок свои производственно-сбытовые и снабженческие функции специальным производственным организациям сельскохозяйственной кооперации. Тем самым советское правительство ликвидировало данное направление сельскохозяйственной кооперации.

Таким образом, сельскохозяйственные кооперативные товарищества подверглись формально-юридической ликвидации как самостоятельные субъекты хозяйственной деятельности. Сказанное позволяет нам сделать вывод о том, что с начала 1930-х гг. XX в. сельскохозяйственная кооперация становится элементом жестко регламентированной командно-административной экономики. С этого момента сельскохозяйственная кооперация становится инструментом реализации политики государства в вопросах сельскохозяйственных заготовок и торговли на селе. Сеть сельской потребительской кооперации реорганизовывалась в сторону укрупнения путем ликвидации мелких сельпо или их слияния в более крупные.

Список литературы

1. Корелин А.П. Кооперация и кооперативное движение в России, 1860–1917 гг. М.: РОССПЭН, 2009.
2. Прижигалинский В.П., Гиркин В.А. Кооперация в переходной экономике. Ставрополь, 2000. 248 с.
3. Тычинин С.В. Гражданско-правовое регулирование потребительской кооперации в России: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2004. 405 с.
4. Лубков А.В. Кооперативное движение центральной России. 1907-1918 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 479 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Издательство политической литературы, 1969. Т. 44. 747 с.
6. Декрет Совета Народных Комиссаров «О потребительских коммунах» 20 марта 1919 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 279-281.
7. Декрет СНК от 21 мая 1921 г. «Об обмене» // Решения Партии и Правительства по хозяйственным вопросам (1917-1967). Т. 1. М., 1967. - С. 233, 273.
8. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О сельско-хозяйственной кооперации» // СУ РСФСР, 1921, № 61, Ст. 434.
9. Положение о регистрации сельскохозяйственных кооперативов и их союзов, утвержденное Народным Комиссариатом Земледелия СССР от 1 декабря 1921 г. // Деревицкий В.А. Сборник законоположений по кредитным учреждениям Банки, ломбарды, о-ва взаимного кредита, с.-х. банки, о-ва с.-х. кредита, кредит. кооперация, Действующие декреты, узаконения, уставы, постановления, инструкции, циркуляры и пр. Союза ССР, РСФСР, а также наиболее существенные союзных республик УССР, БССР и ЗСФСР / Сост. В.А.Деревицкий и В.В.Варзар. М., 1925. С. 223-424.
10. Сельскохозяйственная кооперация: Сборник декретов, постановлений, циркуляров, инструкций и разъяснений по вопросам сельскохозяйственной кооперации с приложением примерных уставов. М., 1924. С. 161-254; Примерный устав кооперативного товарищества по животноводству. Народный Комиссариат Земледелия. Кооперативный отдел. Вологда, 1925. 27 с; Устав Владимирского районного Союза кустарно-промысловых, кредитных и сельскохозяйственных кооперативов «Артсоюз» // Материалы к очередному собранию уполномоченных 1924. Отчеты за 1923-1924 гг. План на 1924-1925 гг. Владимир, 1924. С. 39-43.
11. Файн Л.Е. Российская кооперация: историко-теоретический очерк: 1861-1930. М-во образования Рос. Федерации. Иван. гос. ун-т. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2002. 598 с.
12. Минин А.А. Сельскохозяйственная кооперация // Народное хозяйство СССР за 1923-24 год (IV Статистико-экономический ежегодник), М., 1924. С. 110-120.
13. Намнек Т.Г. Контрактация, как кооперативная проблема // Плановое Хозяйство. 1928. № 2. С. 155.
14. Данилов В.П. Советская доколхозная деревня. Население, землепользование, хозяйство. М.: Наука, 1977. 318 с.
15. Постановление СНК от 22 июля 1924 г. «О возврате имущества сельскохозяйственной, промысловой и кредитной кооперации» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1924 г. № 1-30 (отдел первый). М., 1924. С. 39-41.
16. Постановление СНК от 1 февраля 1926 г. «Об изменении ст. ст. 8 и 11 постановления Советов Народных Комиссаров Союза от 22 июля 1924 г. о возврате имущества сельскохозяйственной, промысловой и кредитной кооперации» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР за 1926 г. № 1-41.

Отдел первый. М., Б.г. С. 212-213.
17. Декрет ВЦИК от 21 августа 1924 г. «О содействии деятельности сельско-хозяйственных кооперативных товариществ» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства за 1924 г. № 73-90. Отдел первый. М., Б. г. - С. 1015-1016.
18. Постановление ЦИК и СНК СССР от 22 августа 1924 г. «О сельскохозяйственной кооперации» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. В 5 т.: Сб. док. за 50 лет. Т. 1. 1917-1928 гг. М.: Политиздат, 1967. С. 439-443.
19. Резолюция XII Съезда ВКП(б) 17-25 апреля 1923 г. «О работе РКП в деревне» // XII Съезда ВКП(б), проходившего 17-25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1968. С 717-723.
20. Бердичевский Н.Г. Закон о сельскохозяйственной кооперации, 22 августа 1924 г.: практический постатейный комментарий. М.: тип. Центросоюза, 1925. 83 с.
21. Примерный Устав земледельческой трудовой артели. Вятка: 1-я типография Бумажно-полигр. треста, 1922. С. 3-5.
22. Устав Сельско-Хозяйственного Кооперативного Товарищества по переработке и сбыту картофеля: устав примерный. М.: КНИГОСОЮЗ, 1929. С. 8-9.
23. Примерный устав сельскохозяйственного кооперативного пчеловодного товарищества. М.: Новая деревня, 1924. С. 6-7.
24. Устав сельско-хозяйственной кооперативной маслодельной, сыроваренной артели. М.: Новая деревня, 1925. С. 6-7.
25. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 декабря 1923 г. «О налоговых льготах для кооперативных организаций» // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1927 г. № 35-69. Отдел первый. М., б. г. С. 1013.
26. Айхенвальд А.Ю. Советская экономика: Экономика и экон. политика СССР. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. 370 с.
27. Протокол № 86 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27 июня 1929 г. «О расширении прав местных советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов». Электронный ресурс https://istmat.org/node/59696 (дата обращения: 16.01.2026).
28. Постановление ВЦИК и СНК от 28 июня 1929 г. «О расширении прав местных советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1929 г. №43-90. Отдел первый. М., Б.

Novikova Y.O. Dynamics of legal regulation of agricultural cooperation in the USSR during the New Economic Policy (historical and legal aspects) // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 717-727.

The article is devoted to the issues of legal regulation of agricultural cooperation during the period of the New Economic Policy. It is noted that the cooperative legislation at the beginning of this period (1921-1926) was aimed at democratizing the activities of agricultural cooperatives, which were based on the principles of self-government, self-organization, and voluntary membership. However, it is shown that the main specificity of the legal regulation of agricultural cooperation during the period of the New Economic Policy was the mandatory system of contracting, which served as a link between the city and the countryside. The government used market mechanisms to implement agricultural cooperatives in order to improve the welfare of the peasant population. However, by the end of this period, the policy of building a socialist state had determined the fate of agricultural cooperatives as a private legal institution, transforming them into public legal entities.

Keywords: agricultural cooperation, agricultural partnership, contracting, contractual agreement, cooperative legislation, cooperative movement, cooperative construction.

Spisok literatury:

1. Korelin A.P. Cooperation and the Cooperative Movement in Russia, 1860–1917. Moscow: ROSSPEN, 2009.
2. Prizhigalinsky V.P., Girkin V.A. Cooperation in the Transitional Economy. Stavropol, 2000. 248 p.
3. Tychinin S.V. Civil-Law Regulation of Consumer Cooperatives in Russia: Doctor of Law Dissertation. St. Petersburg, 2004. 405 p.
4. Lubkov A.V. The Cooperative Movement in Central Russia. 1907–1918: Doctor of History Dissertation. Moscow, 1998. 479 p.
5. Lenin V.I. Complete Works: in 55 volumes. Moscow: Political Literature Publishing House, 1969. Vol. 44. 747 p.
6. Decree of the Council of People's Commissars "On Consumer Communes" of March 20, 1919 // Collection of Government Legislation and Orders for 1919. Administration of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow, 1943. Pp. 279-281.
7. Decree of the Council of People's Commissars of May 21, 1921 "On Exchange" // Decisions of the Party and Government on Economic Issues (1917-1967). T. 1. M., 1967. - P. 233, 273.
8. Decree of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR of August 16,

1921 "On Agricultural Cooperatives" // SU RSFSR, 1921, No. 61, Art. 434.
9. Regulation on the registration of agricultural cooperatives and their unions, approved by the People's Commissariat of Agriculture of the USSR of December 1, 1921 // Derevitsky V.A. Collection of regulations on credit institutions Banks, pawnshops, mutual credit islands, agricultural banks, agricultural credit islands, credit. Cooperation, Current decrees, regulations, charters, resolutions, instructions, circulars, etc. of the USSR, RSFSR, as well as the most significant ones of the union republics of the Ukrainian SSR, BSSR and ZSFSR / Comp. V.A. Derevitsky and V.V. Varzar. Moscow, 1925. pp. 223-424.
10. Agricultural cooperation: Collection of decrees, resolutions, circulars, instructions and clarifications on issues of agricultural cooperation with an appendix of model charters. Moscow, 1924. pp. 161-254; Model charter of a cooperative partnership for livestock breeding. People's Commissariat of Agriculture. Cooperative department. Vologda, 1925. 27 p. Charter of the Vladimir District Union of Handicraft, Credit, and Agricultural Cooperatives "Artsoyuz" // Materials for the regular meeting of authorized representatives of 1924. Reports for 1923-1924. Plan for 1924-1925. Vladimir, 1924. pp. 39-43.
11. Fain L.E. Russian cooperation: historical and theoretical essay: 1861-1930. Ministry of Education of the Russian Federation. Ivan. state University. Ivanovo: Ivan. state University, 2002. 598 p.
12. Minin A.A. Agricultural cooperation // National economy of the USSR for 1923-24 (IV Statistical and economic yearbook), Moscow, 1924. pp. 110-120.
13. Namnek T.G. Contracting as a Cooperative Problem // Planned Economy. 1928. No. 2. P. 155.
14. Danilov V.P. Soviet Pre-Collective Farm Village. Population, Land Use, Economy. M.:Nauka, 1977.
15. Resolution of the Council of People's Commissars of July 22, 1924 "On the Return of Property to Agricultural, Industrial, and Credit Cooperatives" // Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1924, Nos. 1-30 (Section One). Moscow, 1924. Pp. 39-41.
16. Resolution of the Council of People's Commissars of February 1, 1926 "On Amending Art. 8 and 11 of the Resolution of the Council of People's Commissars of the Union of July 22, 1924, on the return of property to agricultural, industrial, and credit cooperatives" // Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1926, No. 1-41. Section One. Moscow, Bolshevik Republic. Pp. 212-213.
17. Decree of the All-Russian Central Executive Committee of August 21, 1924, "On Assistance to the Activities of Agricultural Cooperative Partnerships" // Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government for 1924, No. 73-90. Section One. Moscow, Bolshevik Republic. Pp. 1015-1016. 18. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of August 22, 1924 "On Agricultural Cooperatives" // Decisions of the Party and Government on Economic Issues. In 5 volumes: Coll. documents for 50 years. Vol. 1. 1917-1928. Moscow: Politizdat, 1967. Pp. 439-443.
19. Resolution of the XII Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), April 17-25, 1923 "On the Work of the RCP in the Village" // XII Congress of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), held April 17-25, 1923. Verbatim report. Moscow, 1968. Pp. 717-723.
20. Berdichevsky N.G. Law on Agricultural Cooperatives, August 22, 1924: practical article-by-article commentary. Moscow: type. Centrosoyuz, 1925. 83 p.
21. Model Charter of an Agricultural Labor Artel. Vyatka: 1st Printing House of the Paper and Printing Trust, 1922. pp. 3-5.
22. Charter of the Agricultural Cooperative Partnership for the Processing and Marketing of Potatoes: model charter. Moscow: KNIGOSOYUZ, 1929. pp. 8-9.
23. Model Charter of an Agricultural Cooperative Beekeeping Partnership. Moscow: Novaya Derevnya, 1924. pp. 6-7.
24. Charter of an Agricultural Cooperative Butter and Cheese Artel. Moscow: Novaya Derevnya, 1925. p.7.
25. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of December 7, 1923 "On tax breaks for cooperative organizations" // Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the USSR for 1927, No. 35-69. Section One. Moscow, no. 1, p. 1013.
26. Aikhenvald A. Yu. Soviet economy: Economy and economic policy of the USSR. Moscow; Leningrad: State publishing house, 1927. 370 p.
27. Protocol No. 86 of the meeting of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) of June 27, 1929, "On expanding the rights of local councils in relation to assisting in the implementation of national tasks and plans." Electronic resource https://istmat.org/node/59696.
28. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of June 28, 1929 "On expanding the rights of local councils in relation to assisting in the implementation of national tasks and plans" // Collection of laws and orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR for 1929, No. 43-90. Section One. Moscow, Bashkortostan, p. 846.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 728-734.

УДК 340.12

ЭВОЛЮЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ ПОД ДАВЛЕНИЕМ ГЛОБАЛЬНЫХ ИННОВАЦИЙ

Козырева А. Б.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В научной статье исследуется трансформация правовых систем в условиях глобальных технологических инноваций через призму смены социологических парадигм. Анализируется переход от классической модели структурного функционализма Толкотта Парсонса к конфликтной теории Ральфа Дарендорфа применительно к эволюции юридических традиций. Автор доказывает, что современные юридические традиции эволюционируют не путем поиска универсального компромисса, а через институционализацию неизбежных конфликтов за контроль над новыми ресурсами (данными, алгоритмами). Эффективность права будущего зависит от перехода регуляторов к управлению противоречиями: вместо подавления конфликтов предлагается их легализация и перевод в конструктивное русло с помощью механизмов медиации, арбитража и гибкого нормотворчества.

Ключевые слова: юридическая традиция, социальные изменения, теория конфликта, структурный функционализм, Толкотт Парсонс, Ральф Дарендорф, глобальные инновации, цифровизация, институционализация конфликтов.

Стремительное развитие искусственного интеллекта, распределенных реестров, интернета вещей и биотехнологий ставит перед юриспруденцией беспрецедентные вызовы. Традиционные правовые системы, исторически ориентированные на фиксацию статичных статусов субъектов и объектов, демонстрируют низкую адаптивность к динамике цифровых сред. Классический юридический дискурс ищет выход в создании новых универсальных кодексов или поиске глобального этического консенсуса. Однако данный подход игнорирует фундаментальное свойство технологического прогресса – его перманентную генерацию неравенства и борьбы за ресурсы. В связи с изложенным, целью настоящей научной статьи является выявление и описание смены теоретической оптики при изучении эволюции права: переход от парадигмы социального порядка к парадигме управляемого конфликта.

Классическая социологическая модель правового регулирования опирается на теорию структурного функционализма **Толкотта Парсонса**. В этом ключе общество рассматривается как саморегулирующаяся система, стремящаяся к равновесию (AGIL: адаптация, целедостижение, интеграция, латентность). Право выступает главным механизмом интеграции, обеспечивая нормативный порядок путем сглаживания социальных противоречий [1]. Важно отметить, что применительно к технологиям эта парадигма порождает иллюзию возможности создания идеального цифрового законодательства. Регуляторы пытаются выработать исчерпывающие нормы для блокчейна или нейросетей, надеясь раз и навсегда устранить неопределенность и достичь универсального компромисса между государством, корпорациями и гражданами. В условиях взрывного развития технологий такой поиск абсолютного согласия обречен на провал, так как любая норма устаревает быстрее, чем проходит цикл ее принятия. Глобальные технологические инновации разрушают предпосылки парсонианского консенсуса. Появление принципиально новых ресурсов, к которым можно отнести большие данные, вычислительные мощности, проприетарные алгоритмы и др., создает новые оси стратификации. Владение этими ресурсами определяет распределение власти, капитала и влияния.

В указанных условиях методологически более продуктивной становится конфликтная теория **Ральфа Дарендорфа**. Согласно ей, любое сложное общество пронизано

имманентными властными отношениями и борьбой групп интересов [2]. Социальный порядок поддерживается не отсутствием конфликтов, а наличием процедур их канализации [3]. Дифференциация доступа к данным и контролю над алгоритмами неизбежно генерирует антагонизм между техно-корпорациями, государственными структурами и гражданским обществом. Т.е., юридические традиции перестают быть инструментом достижения утопического единства и становятся ареной фиксации результатов этой борьбы. В парадигме Дарендорфа общество концептуализируется не как монолитная ценностно-нормативная система, а как агломерация «императивно-координированных ассоциаций» [4]. Любая социальная структура, обладающая иерархией, по определению содержит квази-группы – латентные объединения субъектов, занимающих схожие позиции в структуре господства и подчинения. Властные отношения рассматриваются здесь как имманентное свойство социальной материи, ее конститутивная характеристика, а не как девиация или временный сбой коммуникации.

Применительно к цифровому обществу данный постулат трансформируется следующим образом: техносфера представляет собой глобальную макросоциальную ассоциацию, архитектура которой априори предполагает асимметрию контроля. Код, протоколы доступа, права собственности на серверную инфраструктуру и проприетарные архитектуры нейронных сетей формируют жесткую матрицу доминирования. Глобальные технологические инновации не элиминируют эту властную вертикаль, но лишь модифицируют ее конфигурацию, создавая новые страты: владельцев вычислительных мощностей, агрегаторов данных, архитекторов алгоритмических решений и конечных поставщиков поведенческой информации. Из изложенного следует закономерный вывод о трансформации функций юридических традиций. В рамках классического правосознания закон рассматривался как инструмент поиска универсального блага и гармонизации общественных отношений. Однако в условиях перманентной борьбы за контроль над алгоритмическим управлением право утрачивает свою утопическую телеологию. Оно десакрализуется и инструментализируется. Юридическая доктрина, законодательный процесс и судебная практика перестают быть пространством выработки абстрактной справедливости.

Правовая система превращается в высокоинституционализированную арену, где происходит фиксация временного баланса сил между конкурирующими квази-группами. Каждый новый нормативный акт (будь то Общий регламент по защите данных GDPR, антимонопольные предписания в отношении цифровых платформ или законы о суверенном интернете) представляет собой не достижение финального общественного договора, а юридический слепок текущего расклада политических и экономических ресурсов. Закон становится картой сложившихся фронтов: он фиксирует, какая из сторон смогла пролоббировать свои интересы на данном историческом отрезке. При этом любая такая фиксация носит транзиторный характер: изменение технологического стека или перераспределение вычислительных мощностей немедленно запускает новый цикл правовой неопределенности и последующего противоборства. Таким образом, эволюция права переходит от кодификации ценностей к процессуальному управлению непрерывной борьбой за распределение власти в цифровом пространстве.

Стоит отметить, что эволюция современных юридических традиций демонстрирует отказ от идеи всеобъемлющего компромисса. Вместо попыток примирить интересы владельцев платформ, пользователей и национальных государств, право начинает формироваться вокруг признания конфликта базовой нормой взаимодействия. По мнению автора, конфликт за данные и алгоритмы проявляется на трех уровнях.

Первый уровень – экономический, который заключается в борьбе за монополизацию дата-активов и интеллектуальной собственности на машинное обучение.

В парадигме цифровой экономики экономический конфликт утрачивает классическую форму противостояния вокруг материальных средств производства. Базовым ресурсом постиндустриального общества становятся данные, а основным инструментом конвертации этих ресурсов в прибавочную стоимость – алгоритмы машинного обучения (Machine Learning, ML). Экономическая ось антагонизма формируется вокруг двух взаимосвязанных объектов присвоения: первичного сырья (необработанных данных) и высокотехнологичного продукта (моделей ИИ), что детерминирует специфические формы борьбы за установление асимметричного контроля над цепочками создания стоимости. На наш взгляд, экономический аспект рассматриваемого конфликта представляет собой перманентную борьбу за перераспределение монопольной власти над инфраструктурой познания. Юридические традиции здесь перестают выполнять роль нейтрального арбитра и превращаются в инструмент фиксации сложившихся олигополистических структур. Эффективность правового регулирования будет определяться способностью государства деконструировать непрозрачные механизмы извлечения информационной ренты, переводя закрытую алгоритмическую экспертизу в плоскость проверяемых публичных реестров и обязывающих стандартов аудита ИИ-систем.

Второй уровень – геополитический, суть которого состоит в противостоянии юрисдикций (например, экстерриториальность GDPR против концепции государственного суверенитета над данными). Геополитическое измерение конфликта за контроль над технологическими ресурсами манифестирует себя как фундаментальное столкновение конкурирующих парадигм глобального управления. В условиях, когда трансграничные потоки данных становятся критической инфраструктурой мировой экономики, право перестает быть исключительно внутренним делом государства. Оно инструментализируется в качестве инструмента геостратегического доминирования, а юрисдикционная принадлежность информационных потоков становится новым фронтиром международного противоборства [5]. Суть данного антагонизма заключается в диалектическом противоречии между двумя несовместимыми моделями организации информационного пространства.

Юридическое регулирование данных превращается из технико-процедурной задачи в арену утверждения цивилизационных моделей. Правовые традиции эволюционируют от поиска единых протоколов взаимодействия к возведению юрисдикционных стен. Эффективность права в данном контексте определяется не степенью гуманности заложенных в него ценностей, а способностью государственной машины обеспечить принудительное исполнение своих норм в децентрализованной, алгоритмически опосредованной и глобально распределенной среде. Результатом этого геополитического антагонизма становится неизбежная фрагментация глобального правопорядка и формирование асимметричных зон технологического влияния.

Третий уровень – антропологический, который заключается в столкновении алгоритмической детерминации поведения человека с традиционными представлениями о свободной воле и юридической ответственности. Антропологическая ось рассматриваемого антагонизма представляет собой наиболее глубокий, эпистемологический уровень трансформации правовых систем. Данный конфликт разворачивается не в плоскости распределения экономических ресурсов или геополитического влияния, а в области переопределения самой сущности субъекта права. Традиционная западная юриспруденция, опирающаяся на многовековую философскую традицию от Просвещения до экзистенциализма, базируется на презумпции автономного рационального актора. Внедрение технологий машинного обучения и предиктивной аналитики ставит под сомнение легитимность этой антропологической модели, создавая фундаментальное

напряжение между кибернетической реальностью и догмой классического правопорядка.

Антропологический конфликт требует от юридических традиций радикального пересмотра понятия «субъект». По нашему мнению, право будущего вынуждено будет отказаться от фикции абсолютно свободного актора. Вместо этого оно должно выработать новые категории ответственности для гибридных агентов, признать ограниченную автономию человека в среде тотальной цифровой медиации и институционализировать право на оспаривание не просто конкретного решения, но самой прогностической логики алгоритма (право на несводимость человеческой судьбы к вероятностному распределению). Антропологическая арена борьбы становится пространством защиты остаточного гуманизма перед лицом императивной эффективности вычислительных систем. Правовые институты больше не стремятся скрыть представленные противоречия за ширмой абстрактной справедливости. Напротив, они фиксируют границы противоборствующих коалиций. Примером служит фрагментация международного информационного пространства на региональные блоки со своими стандартами хранения данных, а также бесконечные антимонопольные разбирательства, которые не уничтожают доминирование Big Tech, но жестко очерчивают правила ведения корпоративной войны. Важным представляется, что эффективность правовой системы в XXI в. определяется ее способностью перейти от репрессивной функции (подавления отклонений от нормы) к модеративной – управлению противоречиями. Поскольку уничтожить конфликт за контроль над технологиями невозможно без остановки самого прогресса, единственным жизнеспособным сценарием становится его легализация и перевод в конструктивное русло. Этот переход требует внедрения специфических механизмов, на содержании которых целесообразно остановиться подробнее.

Медиация – создание специализированных площадок для досудебного урегулирования споров между пользователями и владельцами алгоритмов. Вместо бинарного вердикта «законно/незаконно» стороны вырабатывают динамические соглашения об использовании персональных данных, корректируемые по мере обновления моделей ИИ. В контексте перехода от парадигмы структурного функционализма к конфликтологической теории Р. Дарендорфа, институт медиации перестает рассматриваться исключительно как альтернативный метод разрешения споров [6]. Он трансформируется в ключевой элемент правовой инфраструктуры, предназначенный для непрерывного управления латентными противоречиями между субъектами данных и операторами систем искусственного интеллекта. В отличие от традиционного правосудия, ориентированного на ретроспективное установление факта правонарушения и вынесение окончательного (дискретного) вердикта, техно-ориентированная медиация носит проспективный и процессуальный характер. По мнению автора, медиация в условиях алгоритмизации общества выполняет функцию эволюционного стабилизатора. Она позволяет конвертировать деструктивный социальный антагонизм в рутинный процесс технократических переговоров. Правовая система делегирует часть регулирующих полномочий самим участникам конфликта, обеспечивая гибкость нормирования, которая недостижима в рамках громоздкой законодательной процедуры, тем самым поддерживая социальную стабильность в условиях перманентной технологической турбулентности.

Арбитраж (гибкая юрисдикция) – формирование третейских судов с экспертным составом (включающим инженеров-создателей систем), способных разрешать споры о причинно-следственных связях в работе «черных ящиков». Арбитраж признает техническую сложность инцидента фактором риска, распределяя ответственность пропорционально уровню контроля каждой из сторон над системой [7]. В контексте эволюции юридических традиций под давлением глобальных инноваций, традиционный государ-

ственный суд (суд общей юрисдикции) демонстрирует системную некомпетентность при разрешении споров, связанных с функционированием сложных алгоритмических систем. Его эпистемологический аппарат, основанный на оценке свидетельских показаний и формальных документов, оказывается бессилен перед лицом так называемой «проблемы черного ящика» и нелинейной каузальности нейронных сетей. В этих условиях институционализация конфликта требует формирования специализированных третейских судов – арбитражных институтов с гибкой юрисдикцией, чья процессуальная логика адаптирована под физико-математическую природу объектов спора. Такой подход решает проблему «сверхисковой ответственности»: он не парализует инновации страхом перед непредсказуемыми исками за действия автономного софта, но создает мощные экономические стимулы для каждого участника цепочки поставок ИИ инвестировать в прозрачность и безопасность своих сегментов контроля. Т.о., арбитраж перестает быть инструментом простого возмездия и становится механизмом тонкой настройки рыночных стимулов, интернализирующим издержки технологической сложности.

Гибкое нормотворчество – отказ от жестких статутов в пользу экспериментальных правовых режимов. Государство временно легализует использование новой технологии в ограниченной среде, позволяя конфликту интересов проявиться эмпирически. На основе собранных данных о реальных сбоях и злоупотреблениях формируется точечное регулирование. Это превращает закон из догмы в протокол тестирования гипотез. Именно гибкое нормотворчество, наиболее репрезентативным воплощением которого выступают регуляторные песочницы (Regulatory Sandboxes), представляет собой фундаментальный эпистемологический сдвиг в методологии государственного управления [8]. Данный институт знаменует собой отказ от классической легистской парадигмы, согласно которой право является закрытой системой априорных предписаний, в пользу эволюционной модели регулирования, импортирующей принципы научного метода непосредственно в законодательный процесс. Вышеупомянутые Regulatory Sandboxes превращают государственную власть из карающего надзирателя в главного архитектора экспериментов. Правовая система становится самообучающейся средой, способной поддерживать гомеостаз в обществе путем непрерывного тестирования нормативных гипотез на малых выборках перед их глобальным развертыванием, что радикально снижает энтропию правового регулирования в эпоху перманентных технологических шоков.

Аудит и совместный надзор – легализация независимого технического аудита закрытых алгоритмов. Конфликт за прозрачность решается не запретом на разработку, а созданием институтов сертифицированных проверяющих, чьи полномочия закреплены законом. Институт аудита превращает абстрактное требование прозрачности в измеримый технический параметр. Правовая система признает невозможность полного когнитивного контроля человека над сложностью современных ИИ и делегирует функцию этого контроля специализированному экспертному сообществу. Юридические традиции эволюционируют от попыток административно-командного подавления инноваций к созданию сложной инфраструктуры распределенного доверия, где безопасность гарантируется не доброй волей корпораций, а неизбежностью профессиональной эмпирической проверки. В рассматриваемой парадигме, на наш взгляд, задача законодателя смещается с написания идеального текста закона на проектирование устойчивых экосистем, внутри которых конкуренция за данные будет приводить к развитию, а не к коллапсу социальной ткани. Значит, трансформация правовых систем в эпоху глобальной технологизации требует отказа от эссенциалистского понимания права как инструмента всеобщего блага.

Опираясь на конфликтную теорию Ральфа Дарендорфа, можно утверждать, что будущее принадлежит юридическим традициям, способным абсорбировать социальную напряженность. Эволюция идет от мертворожденных поисков универсального компромисса в духе Толкотта Парсонса к прагматичной архитектуре управления неизбежными столкновениями. Право будущего станет успешным ровно настолько, насколько эффективно оно сможет институционализировать конфликты за контроль над данными и алгоритмами, предоставляя враждующим сторонам легальные каналы для арбитража, медиации и гибкой настройки правил игры.

Представляется, что дальнейшие научные исследования должны сместить фокус с содержания конкретных норм на изучение устойчивости самих процедур разрешения техногенных противоречий.

Список литературы:

1. Посконин, В. В. Культурологическое правопонимание Толкотта Парсонса: Теоретико-методологический аспект: специальность12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Посконин Владимир Васильевич. – Санкт-Петербург, 1996. – 27 с.
2. Добринская, Д. Е. Социальное неравенство и теории классов: концепции Томаса Х. Маршалла, Ральфа Дарендорфа, Эрика О. Райта: специальность 22.00.01 «Теория, методология и история социологии»: диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Москва, 2010. 143 с.
3. Солдатенкова, О. В. Общая теория конфликта Ральфа Дарендорфа: критика функционалистских теорий и классической теории классовой борьбы К. Маркса // Коммуникации. Общество. духовность - 2024: Материалы XXIV международной научно-практической конференции, Ухта, 23–24 мая 2024 года. – Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2024. – С. 97-103.
4. Дарендорф Р. Дорога к свободе: демократизация и ее проблемы в Восточной Европе / Р. Дарендорф // Вопросы философии. – 1990. – № 9. – С. 23-48.
5. Актуальные проблемы юридической конфликтологии: обзор Всероссийского научно-практического круглого стола «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы» (Всероссийский государственный университет юстиции, 18.01.2024) // Правовая культура. – 2024. – № 4 (59). – С. 114-127.
6. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт // Иностранная литература. 1993. № 4. С. 237-247.
7. Камышанский, Д. Ю. Зарубежный опыт разрешения юридических конфликтов на примере Соединенных Штатов Америки // Арбитражный и гражданский процесс. – 2025. – № 11. – С. 42-45.
8. Wushour, E. Towards principled data flow rules: a constructive approach to the digital Silk Road / Wushour Elizati // Etnosocium (multinational society). – 2026. – № 1(211). – P. 134-149.

Kozyreva A. B. Evolution of legal traditions under pressure of global innovations // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 728-734.

The scientific article explores the transformation of legal systems in the context of global technological innovations through the lens of changing sociological paradigms. It analyzes the transition from the classical model of structural functionalism by Talcott Parsons to the conflict theory of Ralph Dahrendorf in relation to the evolution of legal traditions. The author argues that modern legal traditions evolve not through the search for a universal compromise, but rather through the institutionalization of inevitable conflicts over control over new resources (data and algorithms). The effectiveness of future law depends on regulators' transition to conflict management: instead of suppressing conflicts, it is proposed to legalize and channel them constructively through mechanisms of mediation, arbitration, and flexible rulemaking.

Key words: legal tradition, social change, conflict theory, structural functionalism, Talcott Parsons, Ralph Dahrendorf, global innovation, digitalization, and the institutionalization of conflicts.

Spisok literatury:

1. Poskonin, V. V. Kul'turologicheskoe pravoponimanie Tolkotta Parsonsa: Teoretiko-metodologicheskij aspekt: special'nost'12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenij o prave i gosudarstve»: avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskih nauk. Sankt-Peterburg, 1996. – 27 s.
2. Dobrinskaya, D. E. Social'noe neravenstvo i teorii klassov: koncepcii Tomasa H. Marshalla, Ral'fa Darendorfa, Erika O. Rajta: special'nost' 22.00.01 «Teoriya, metodologiya i istoriya sociologii»: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskih nauk. – Moskva, 2010. – 143 s.
3. Soldatenkova, O. V. Obshchaya teoriya konflikta Ral'fa Darendorfa: kritika funkcionalistskih teorij i klassicheskoj teorii klassovoj bor'by K. Marksa // Kommunikacii. Obshchestvo. duhovnost' - 2024: Materialy XXIV mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Uhta, 23–24 maya 2024 goda. – Uhta: Uhtinskij gosudarstvennyj tekhnicheskij universitet, 2024. – S. 97-103.
4. Darendorf R. Doroga k svobode: demokratizaciya i ee problemy v Vostochnoj Evrope / R. Darendorf // Voprosy filosofii. – 1990. – № 9. – S. 23-48.

5. Aktual'nye problemy yuridicheskoj konfliktologii: obzor Vserossijskogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola «YUridicheskaya konfliktologiya: problemy i perspektivy» (Vserossijskij gosudarstvennyj universitet yusticii, 18.01.2024) // Pravovaya kul'tura. – 2024. – № 4 (59). – S. 114-127.
6. Darendorf R. Sovremennyj social'nyj konflikt // Inostrannaya literatura. – 1993. – № 4. – S. 237-247.
7. Kamyshanskij, D. YU. Zarubezhnyj opyt razresheniya yuridicheskih konfliktov na primere Soedinennyh SHtatov Ameriki / D. YU. Kamyshanskij // Arbitrazhnyj i grazhdanskij process. – 2025. – № 11. – S. 42-45.
8. Wushour, E. Towards principled data flow rules: a constructive approach to the digital Silk Road / Wushour Elizati // Etnosocium (multinational society). – 2026. – № 1(211). – P. 134-149.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 735-740.

УДК: 5.1.2.

ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ В ЦИФРОВЫХ КОДЕКСАХ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Сапронов Д. Ю., Тедеев А. А.

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова

В статье рассматриваются публично-правовые аспекты регулирования персональных данных и процессов кодификации информационного законодательства в государствах Центральной Азии (на примере Казахстана, Кыргызстана, а также законопроектных инициатив Узбекистана). Анализируются особенности преодоления фрагментарности отраслевого регулирования информационной среды. Особое внимание уделено конституционным нормам о защите личной информации и подробному анализу положений Цифровых кодексов Казахстана и Кыргызстана.

Ключевые слова: персональные данные, цифровые кодекс, цифровой кодекс, информационное государственное управления, кодификация законодательства, информационная безопасность, совершенствование законодательства, цифровой кодекс, цифровое право.

Динамичные процессы цифровой трансформации государственного управления и социально-экономических отношений в странах Центральной Азии вышли на качественно новый этап институционального развития. Масштабное внедрение передовых технологий, таких как системы искусственного интеллекта и механизмы обработки больших массивов информации потребовало принципиального переосмысления устоявшихся подходов к правовому регулированию информационных отношений. Что ставит перед научным юридическим сообществом и государством необходимость решения проблемы кодификации информационного законодательства. Переход от точечного, отраслевого регулирования к комплексным систематизированным актам — Цифровым кодексам — продиктован объективной необходимостью упорядочения публично-правовых отношений в виртуальной среде. Такой подход позволяет не просто систематизировать разрозненные нормы, но и заложить прочный правовой фундамент для обеспечения цифрового суверенитета, информационной безопасности и устойчивого развития национальной цифровой экосистемы государств региона.

Особое значение в структуре принимаемых и разрабатываемых Цифровых кодексов приобретают институты, регулирующие оборот персональных данных и идентификацию личности в информационном пространстве. В современном информационном обществе идентификация выступает одной из ключевых, фундаментальных основ общественных отношений. Она служит неотъемлемым условием предоставления государственных услуг, функционирования систем электронного правительства и используется в электронной коммерции. С позиций публичного права, необходимость урегулировать отношения связанные с идентификацией личности ставит важную задачу по поиску баланса между обеспечением национальной безопасности и защитой конституционных прав граждан на тайну частной жизни и защиту личной информации.

До недавнего времени регулирование использования информационно-коммуникационных технологий государств Центральной Азии развивалось преимущественно в рамках отраслевого регулирования, из-за чего законодательство нередко приобретало вид «лоскутного одеяла», состоящего из многочисленных, иногда слабо связанных между собой нормативных актов (об информации, о персональных данных, об электронной подписи, о защите информации и др.). Подобная фрагментарность неизбежно порождает правовые лакуны, межотраслевые коллизии и регуляторный дуализм, существенно снижая эффективность правоприменения и создавая риски неправомерного использования чувствительной информации.

Для преодоления этой проблемы необходимо, чтобы профильное законодательство носило строго системный, внутренне согласованный и не противоречивых характер. Интеграция норм, связанных с обработкой персональных данных в Цифровой кодекс призвана гармонизировать регулирование их обработки, обеспечив тем самым прозрачность, контролируемость и юридическую определенность для всех участников информационного взаимодействия.

Перед тем как переходить к рассмотрению кодификации информационного законодательства целесообразно рассмотреть конституционные основы защиты персональных данных в тех государствах, где Цифровые кодексы приняты.

Институт защиты персональных данных тесно связан с конституционными правами человека и гражданина. В новой Конституции Республики Казахстан [1], принятой на референдуме в марте 2026 г. и вступившей в силу 1.07.2026 г., изменился подход к защите информации о физических лицах. В Конституции Казахстана 1995 г. [2] этот вопрос затрагивался лишь общими положениям связанными с тайной частной жизни, с принятием нового документа защита информации о населении получила новую более глубокую проработку. В ст. 21 новой Конституции Казахстана закреплены: не только право на неприкосновенность частной жизни, но и прям гарантируется законом защита персональных данных от незаконного сбора в том числе с применением информационных технологий. Впервые понятие «персональные данные» вынесено на конституционный уровень, а также отдельно обозначены угрозы и риски, связанные с применением цифровых технологий для безопасности информации о населении. Кроме этого, в ст.21 закреплена тайна банковских операций, переписки и иных сообщений предаваемых с помощью цифровых технологий, эти права могут быть ограничены только законом. Эта норма выводит на новый уровень защиту не только финансовой информации индивида, но и запрещает без санкции государства доступ всем видам переписок для которых используются цифровые технологии. В данной статье также закрепляется право индивида на доступ к информации о себе, которая затрагивает его права и свободы. Эта основа для права человека на «прозрачность цифрового следа».

С течением времени и развитием информационно-коммуникационных технологий возникла необходимость в консолидации, норм, которые регулируют информационные отношения, поэтому в 2026 в Республике Казахстан был принял и вступил в силу Цифровой кодекс Республики Казахстан [3]. Принятие этого документа вывело регулирование информационных отношений на совершенно новый уровень.

Не обошла стороной кодификация информационного законодательства и такой важный вопрос как защита персональных данных. В Цифровом кодексе РК нормы относящиеся к вопросу защиты персональных данных закреплены в ст.ст. 16, 17, 21, 31, 37, 76, 77 и гл. 9. 1). В ст.16 устанавливается, что обработка массивов информации, которые содержат персональные данные осуществляется только в соответствии со специальным законодательством о защите персональных данных. Интересным представляется норма (п.7. ст.17), которая оговаривает, что сведения, о физических лицах, которые попали в общий доступ в результате неправомерного доступа к ним не могут считаться «открытыми данными» и требуют немедленного удаления с информационных ресурсов. 2) Ст.ст 21 и 31 устанавливают разграничение понятий «рынок данных» и «торговля личной информацией», в соответствии со ст.21 персональные данные запрещены к свободному гражданскому обороту и не могут выступать в качестве товара, кроме этого п.9 ст.31 запрещает оборот персональных данных без обработки для владельцев платформ и оговаривает ограничения по хранению данных за пределами Республики Казахстан. 3) В ст.37 даётся определение понятия «субъекта цифровых данных», устанавливается юридическая связь между физическими лицами, к которым относятся персональные

данные и понятием «субъекты персональных данных». п.3 статьи определяет, что сбор и передача персональных данных может осуществляться только с согласия «субъекта цифровых данных», таким образом. Таким образом законодатель ввёл в юридически оборот дополнительную юридическую фикцию — «субъекта цифровых данных», которая используется наряду с понятием «субъект персональных данных». Также в статье оговаривается право «субъекта цифровых данных» на защиту своих неимущественных прав. 4) В ст.41 закреплено право индивида требовать от операторов персональных данных требовать анонимизации или ограничения обработки своих персональных данных, однако в целях выполнения государственных функций это право может быть ограничено. 5) Концепция «цифрового пространства» зафиксирована в статьях 76 и 77, в соответствии с этой концепцией любой запрос к персональным данным человека фиксируется как «цифровое событие» и гражданину предоставляется право список таких обращений к его данным.

Вопрос идентификации личности в цифровой среде урегулирован в гл. 9 Цифрового кодекса Республики Казахстан. Примечательно, что законодатель разграничил процедуры «цифровой аутентификации» и «цифрового подтверждения». В ст. 47 устанавливает перечень событий, которые считаются «цифровым подтверждением» и оговаривает конечные пункты доставки этих подтверждений. В п. 4 статьи императивно определено, что «цифровое подтверждение» не является «цифрой подписью», такой подход чётко разграничивает эти две сущности и область их использования и применения. А ст. 48 закреплены положения, связанные с регулированием «биометрической идентификации». Таким образом, принятие Цифрового кодекса в Казахстане на доктринальном уровне переформатировало регулирование обработки персональных данных с «просто защиты» такой информации в плоскость фундаментальных гарантий. Нормы принятого Цифрового кодекс в области обработки персональных данных наложили ограничения на торговлю не обработанными идентификационными данными физических лиц и заложили правой фундамент для защиты граждан от злоупотреблений со стороны операторов персональных данных.

В Кыргызской Республики в принятой в 2021 г. Конституции понятие «персональные данные» напрямую не употребляется, законодатель в Кыргызстане пошёл по классическому пути, когда защита персональных данных гарантирована через конституционные права на неприкосновенность частной жизни, личную тайну, и тайну переписки.

1) В ст. 31 гарантируется неприкосновенность частной жизни и тайна переписки, что особенно важно прямо оговорено, в том числе и в электронном формате. Это право может быть ограничено законом или по решению суда. Явное указание на электронный формат сообщений стало свидетельством того, что неприкосновенность частной жизни императивно распространяется и на информационное пространство.

2) Ст. 30 гарантирует право на доступ к информации о себе, эта норма даёт право индивиду запрашивать у операторов персональных данных сведения о том, какая именно информация нём обрабатывается.

Резюмируя, можно отметить, что Конституция Кыргызской Республики в вопросе институционализации защиты персональных данных пошла по традиционному пути, декларации права на тайну частной жизни, вместе с тем, в действующей редакции было учтено, информационные отношения происходят не только в реальном пространстве, но и в информационном, что является фундаментальной основой информационного общества.

Цифровой кодекс Кыргызской Республики представляет собой один из интересных примеров кодификации информационного законодательства на пространстве СНГ. Кодекс устраняет разрозненность информационного законодательства и выстраивает си-

стему регулирования через внедрение ряда правовых конструкций.

В принятом в Кыргызской Республики можно выделить ряд правовых конструкций, а именно: «цифрой профиль», «цифровая идентичность», централизованная система управления согласиями, кодексом установлен правовой статус регулятора (Государственного агентства по защите персональных данных при Кабинете Министров КР) как центрального органа публичного контроля в области защиты персональных данных. документ устанавливает правила трансграничной передачи и локализации массивов информации содержащих персональные данных, кроме этого в документе закреплены основные понятия в области цифрового взаимодействия, в том числе и связанные с персональными данным .

Говоря о персональных и их месте в Цифровом кодексе Кыргызстана следует отметить, что документы даёт правовые определения самих «персональных данных» которые определены как «цифровые данные, содержащие информацию персонального характера», а так же дано определения понятий «персональные записи - цифровые записи, содержащие информацию персонального характера» и «персональные ресурсы - цифровые ресурсы, состоящие из персональных записей», кроме этого дано правовое определение «утечка персональных данных - разновидность неправомерной обработки персональных данных, в результате которой персональные данные становятся доступны лицам, не имеющим законного основания для доступа к ним», так же дано определение информации персонального характера «информация (независимо от ее достоверности) о физическом лице, которое может быть идентифицировано либо на основании этой информации, либо на основании этой информации в совокупности с другой информацией, к которой владелец записей имеет доступ или может его получить», понятие «субъект персональных данных» заменено на «принципал данных (записей)», положения об обработке персональных данных закреплены в гл.11 кодекса.

Ключевые принципы обработки, которые устанавливает кодекс: 1) законность, справедливость и прозрачность — обработка только на законных основаниях и в открытом для принципала порядке; 2) ограничение цели — запрет изменять или расширять цели обработки без повторного согласия граждан; 3) минимизация данных — объём и характер данных должны строго соответствовать заявленным целям без избыточности; 4) сбор персональных данных — только после получения согласия, кроме установленных ч. 1 ст.79 кодекса исключений и др.

Кодекс в ст. 80 устанавливает требования к обработке специальных категорий персональных данных, а также сведений о детях в ст. 81.

В ст.82 установлены требования связанные с оценкой воздействия обрабатываемых персональных данных. Документ также устанавливает правила остановки обработки персональных данных и ограничения их обработки. В документе используется ролевая модель операторов персональных данных, а именно «владелец персональных данных» и «обработчик персональных данных», в документе прописаны правила их взаимодействия между собой. Кроме этого, Цифровой кодекс определяет правовой режим совместного владения данными о физических лицах.

Защита персональных данных урегулируется ст. 88 рассматриваемого нормативно-правового акта, среди прочего установлено требование к назначению ответственного за защиту обрабатываемых данных, а также необходимость реализации конструктивной защиты данных при их обработке. Это требование является интересным с точки зрения обязанности оператора персональных данных закладывать на этапе разработки системы обработки персональных данных систему их защиты.

Ст. 89 кодекса устанавливает требования передачи информации, содержащей сведения о физических лицах за пределы Кыргызской Республики.

Роль и обязанности отраслевого регулятора в сфере персональных данных достаточно подробно прописаны в ст. 90 кодекса. Отдельно стоит отметить, что законодатель установил требования к квалификации, опыту и знаниям Руководителя отраслевого регулятора отдельно в п. 2 ст. 90. Такой подход говорит о том, что законодатель понимает стратегическую важность отраслевого регулятора для государства. Именно поэтому требования установлены на уровне законодательства. Рассмотрев Цифровой кодекс Кыргызской Республики можно сделать вывод о том, что законодатель пошёл по пути централизации регулирования информационных отношений, т.к. в условиях широкого распространения информационно-коммуникационных технологий такой подход давно назрел и стал жизненно необходим.

Сравнивая подходы к кодификации законодательства регулирующего защиту персональных в Кыргызской Республике и Республике Казахстан можно отметить, что в Казахстане основной массив норм в этой области сосредоточен в специальном Законе Республики Казахстан от 21 мая 2013 г. N 94-V «О персональных данных и их защите» в то время как в Кыргызской Республике, специальное регулирование в сфере персональных данных сосредоточено в Цифровом кодексе Кыргызстана. Обе модели регулирования успешно применяются, только с течением времени будет понятно какой из подходов окажется наиболее успешным.

Говоря о Цифровых кодексах на территории СНГ следует так же упомянуть разработку такого документа в Узбекистане. Впервые о его разработке заговорили в 2021 г. [4]. В 2022 г. был представлен проект документа для общественного обсуждения [5]. Рассматривая этот проект можно сделать вывод о том, что законодатель предполагал пойти по пути Казахстана и закрепить в будущем документе лишь общие положение о персональных данных, а само регулирование осуществлять через специальный нормативно-правовой акт. Такой подход позволяет, не внося правки в Цифровой кодекс, как основу регулирования информационных отношений, как разрабатывать новый нормативный акт, так и вносить изменения в действующие специализированные нормативно-правовые акты. Помимо рассмотренных выше стран СНГ, работы по разработке кодификации информационного законодательства ведутся в Азербайджане, по сообщениям СМИ в 2024 г. проект Цифрового кодекса Азербайджана был представлен правительству в 2024 г. [6]. Однако в открытых источниках найти текст проекта не удаётся, но по аналогии с уже принятыми в других государствах нормативными актами, в документе обязательно будет уделено внимание как идентификации личности в виртуальном пространстве, так и защите персональных данных, поскольку эти вопросы являются одними из фундаментальных в условиях современного информационного общества.

Таким образом рассматривая вопрос кодификации законодательства на постсоветском пространстве можно сделать вывод о том, что это объектовый процесс, который связан с процессами формирования и становления информационного общества. И необходимость выстраивания стройной и непротиворечивой системы регулирования информационных отношений является стратегически важным приоритетом для всех развитых государств. Поскольку именно регламентация отношений в информационной среде оказывает значительное влияние на эффективность современной экономики. И одним из ключевых направлений — является вопрос правовой защиты персональных данных, эта область лежит в основе функционирования информационного общества, так как для получения тех или иных услуг в цифровом пространстве необходимо провести процесс идентификации. Именно поэтому в принятых Цифровых кодексах в обязательном порядке присутствует блок норм, связанный регулированием обработки и защиты персональных данных. В зависимости от модели регулирования, этот блок норм может задавать правовые основы защиты персональных данных и содержать

ссылки на специальное законодательство или же полностью охватывать эту область общественных отношений. Какой их подходов является более жизнеспособным и эффективным покажет время.

Таким образом, проведённый анализ показывает, что при проведении в государствах Центральной Азии систематизации законодательства в форме его кодификации, подтверждается закономерность необходимости комплексного тетрасегментного социального регулирования информационных (цифровых) технологических систем. Напомним, под тетрасегментностью понимается взаимопроникающее сочетание регламентирующего воздействия правовых норм, этических правил, саморегулирования и программного кода (алгоритма). Приведённый выше опыт кодификации информационного законодательства, как представляется может быть учтён при осуществлении соответствующего совершенствования регламентации информационных (цифровых) отношений в Российской Федерации.

Список литературы:

1. Конституция Республики // РГП на ПХВ «Институт законодательства и правовой информации Республики Казахстан» Министерства юстиции Республики Казахстан : [Электронный ресурс] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000 (дата обращения: 12.07.2026).
2. Конституция Республики Казахстан (принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 года) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 19.09.2022 г.) (прекратила действие) // ИС “Параграф”: [Электронный ресурс] URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1005029 (дата обращения: 12.07.2026).
3. Кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 года № 255-VIII «Цифровой кодекс Республики Казахстан») // ИС “Параграф”: [Электронный ресурс] URL: https://prg.kz/document/?doc_id=38546537 (дата обращения: 12.07.2026).
4. Проект Информационного кодекса: Расплывчатые формулировки, ограничения для СМИ и блогеров // Gazeta News : [Электронный ресурс] URL: https://www.gazeta.uz/ru/2022/12/28/information-code/
5. O‘zbekiston Respublikasi QonuniЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ АХБОРОТ КОДЕКСИНИ ТАСДИҚЛАШ ҲАҚИДА // regulation.gov.uz : [Электронный ресурс] URL https://regulation.gov.uz/oz/d/72848 (дата обращения: 12.07.2026).
6. В Азербайджане разработан Цифровой кодекс // APA GROUP : [Электронный ресурс] URL: https://ru.apa.az/ikt/v-azerbaidzane-razrabotan-cifrovoi-kodeks-597293 (дата обращения: 12.07.2026).

Sapronov D. Y., TedeevA. A. Personal data in digital codes of central asian states: public law aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 735-740.

The article examines the public law aspects of personal data regulation and the processes of codifying information legislation in Central Asian states (focusing on Kazakhstan and Kyrgyzstan, as well as legislative initiatives in Uzbekistan). It analyzes the specifics of overcoming the fragmentation of sector-specific regulation of the information environment. Particular attention is paid to constitutional norms on personal information protection and a detailed analysis of the provisions of the Digital Codes of Kazakhstan and Kyrgyzstan.

Keywords: personal data, digital code, digital public administration, codification of legislation, information security, improvement of legislation, digital law.

Spisok literatury:

1. Konstituciya Respubliki // RGP na PHV «Institut zakonodatel'stva i pravovoj informacii Respubliki Kazahstan» Ministerstva yusticii Respubliki Kazahstan : [Elektronnyj resurs] URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000000
2. Konstituciya Respubliki Kazahstan (prinyata na respublikanskom referendume 30 avgusta 1995 goda) (s izmeneniyami i dopolneniyami po sostoyaniyu na 19.09.2022 g.) (prekratila dejstvie) // IS “Paragraf”: [Elektronnyj resurs] URL: https://prg.kz/document/?doc_id=1005029
3. Kodeks Respubliki Kazahstan ot 9 yanvarya 2026 goda № 255-VIII «Cifrovoj kodeks Respubliki Kazahstan») // IS “Paragraf”: [Elektronnyj resurs] URL: https://prg.kz/document/?doc_id=38546537
4. Proekt Informacionnogo kodeksa: Rasplyvchatye formulirovki, ogranicheniya dlya SMI i blogerov // Gazeta News : [Elektronnyj resurs] URL: https://www.gazeta.uz/ru/2022/12/28/information-code/
5. O‘zbekiston Respublikasi QonuniЎZBEKISTON RESPUBLIKASI AHBOROT KODEKSINI TASDIҚLASh ҲAҚIDA // regulation.gov.uz : [Elektronnyj resurs] URL https://regulation.gov.uz/oz/d/72848
6. V Azerbajdzhane razrabotan Cifrovoj kodeks // APA GROUP : [Elektronnyj resurs] URL: https://ru.apa.az/ikt/v-azerbaidzane-razrabotan-cifrovoi-kodeks-597293

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 741-749.

УДК 346.5:341.24

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВНЕШНИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ И РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕНОЛОГИЙ

Мереджанова Л. А., Анохина А. А.
Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»

Статья посвящена анализу влияния международных санкций на исполнение предпринимательских договоров и разработке правовых механизмов защиты бизнеса от санкционных рисков. Рассматриваются ключевые аспекты воздействия санкций на экономическую деятельность, включая ограничения на поставки товаров, доступ к финансовым ресурсам и репутационные риски. Особое внимание уделяется российской практике, где с 2014 г., а особенно после 2022 г., санкции создали значительные вызовы для бизнеса. В статье анализируются юридические риски, связанные с нарушением или обходом санкций, а также судебная практика, включая применение концепции форс-мажора. Предлагаются механизмы минимизации рисков, такие как санкционный комплаенс, специальные договорные оговорки, страхование политических рисков и выбор нейтральных юрисдикций. Рассматривается международный опыт адаптации бизнеса к санкциям, включая локализацию производства, диверсификацию рынков и развитие сотрудничества с дружественными странами. Особое внимание уделено малому и среднему бизнесу, который сталкивается с финансовыми и технологическими ограничениями, а также мерам государственной поддержки. В заключение подчёркивается, что санкции, несмотря на создаваемые трудности, могут стать стимулом для технологической независимости, модернизации экономики и укрепления международного сотрудничества.

Ключевые слова: санкции, предпринимательские договоры, правовые механизмы, санкционный комплаенс, форс-мажор, международное сотрудничество, импортозамещение, контрагенты, антисанкционные меры, страхование политических рисков.

Международные санкции в современном правовом пространстве приобрели статус одного из наиболее действенных и одновременно разрушительных инструментов экономического принуждения. Их применение затрагивает не только политические интересы государств, но и конкретные хозяйственные отношения субъектов предпринимательской деятельности, вынуждая последних адаптироваться к быстро меняющимся правовым условиям. Публично-правовое регулирование предпринимательства в этих условиях выходит за рамки традиционного лицензирования и контрольно-надзорной деятельности, приобретая качественно новое содержание, обусловленное необходимостью соответствия требованиям национального и иностранного санкционного законодательства. Параллельно с нарастанием санкционного давления происходит стремительная цифровизация предпринимательской среды. Развитие информационных технологий открывает перед бизнесом новые возможности — дистанционное заключение сделок, автоматизация комплаенс-процедур, использование распределённых реестров и электронного документооборота. Вместе с тем технологический прогресс порождает и принципиально новые правовые вопросы, связанные с регулированием цифровых активов, платформенной экономики, трансграничного оборота данных и применения искусственного интеллекта в коммерческих отношениях.

Сочетание этих двух факторов — внешних экономических ограничений и технологических трансформаций — формирует принципиально новую среду публично-правового регулирования предпринимательства. Законодатель и правоприменитель РФ оказываются перед необходимостью одновременно решать задачи защиты национального бизнеса от санкционного давления и создания адекватной нормативной базы для цифровой экономики. Указанные обстоятельства определяют как актуальность настоящего исследования, так и его практическую значимость для предпринимательского сообщества.

Публично-правовое регулирование предпринимательской деятельности традиционно осуществляется посредством совокупности методов — лицензирования, стандартизации, технического регулирования, государственного контроля и надзора. Однако условия беспрецедентного санкционного давления, с которым Россия столкнулась в 2022 г., потребовали существенного расширения государственного инструментария воздействия на экономические отношения. Введение более 15 000 санкционных ограничений со стороны США, ЕС, Великобритании и других государств затронуло ключевые секторы отечественной экономики [1, с. 63]. В ответ на внешние ограничения законодатель предпринял ряд системных мер, направленных на обеспечение непрерывности хозяйственной деятельности - принят ФЗ от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», расширивший полномочия Правительства РФ в сфере экономического регулирования в условиях внешнего давления [2]. Закон предоставил правительству право устанавливать особый порядок исполнения обязательств, в том числе по кредитным договорам, договорам займа и договорам лизинга, что существенно расширило границы публично-правового вмешательства в частноправовые отношения.

Введены ограничения на вывоз капитала, установлены правила обязательной продажи валютной выручки экспортёрами, мораторий на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям кредиторов в отношении отдельных должников. Постановлением Правительства РФ от 28.03.2022 № 497 был введён мораторий на банкротство, который охватил широкий круг субъектов, создал режим, отличный от стандартного гражданско-правового регулирования несостоятельности [3]. Такие меры представляют собой элементы экстраординарного публично-правового регулирования, применяемого в условиях системного кризиса.

Существенную роль в системе антисанкционного регулирования сыграли и нормы о параллельном импорте. Приказ Минпромтора РФ от 19.04.2022 № 1532 легализовал ввоз на территорию России ряда товаров без согласия правообладателей, фактически изменив принцип исчерпания исключительного права в отношении определённых товарных групп [4]. Это решение породило обширную дискуссию о соотношении публичного интереса в обеспечении товарного рынка и частных прав субъектов интеллектуальной собственности.

Однако, введённые меры господдержки отличались непоследовательностью и недостаточной системностью. Отсутствие единого кодифицированного акта о санкционном регулировании, множественность субъектов нормотворчества и высокая динамика принимаемых решений создавали правовую неопределённость для участников предпринимательских отношений. По замечанию ряда исследователей, нормативная база антисанкционного регулирования складывалась реактивно, в ответ на конкретные вызовы, а не на основе заранее разработанной правовой концепции [5, с. 118]. Влияние санкций на договорные отношения носит многоаспектный характер. С точки зрения частного права возникает вопрос о судьбе договорного обязательства, исполнение которого стало невозможным или существенно затруднённым вследствие введения ограничительных мер. Российское гражданское законодательство предусматривает несколько правовых конструкций, позволяющих урегулировать подобные ситуации.

Речь идёт о применении института форс-мажора, закреплённого в п. 3 ст. 401 ГК РФ. Согласно указанной норме лицо, не исполнившее обязательство, освобождается от ответственности, если докажет, что ненадлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие чрезвычайных и непредотвратимых при данных условиях обстоятельств [6]. ТПП РФ в 2022 г. приступила к массовой выдаче сертификатов о форс-мажоре в связи с санкционными ограничениями, что свидетельствовало о признании санкций

обстоятельствами непреодолимой силы на уровне делового сообщества. Однако суды подходят к данному вопросу значительно осторожнее. В ряде решений арбитражные суды указали, что санкции сами по себе не являются обстоятельствами форс-мажора применительно к конкретному контракту — необходимо доказать, что именно ограничения явились причиной неисполнения, а не иные обстоятельства хозяйственной деятельности должника [7, с. 214].

Альтернативным инструментом является институт существенного изменения обстоятельств, предусмотренный ст. 451 ГК РФ, позволяющий стороне требовать изменения или расторжения договора, если обстоятельства изменились настолько, что стороны не заключили бы договор на прежних условиях, если бы могли это разумно предвидеть [6]. Применение данной нормы к санкционным ситуациям представляется более обоснованным, т.к. не требует доказательства полной невозможности исполнения, а лишь существенного изменения условий хозяйственной деятельности, но и эта конструкция имеет ограничения: суды традиционно сдержанно применяют ст. 451 ГК РФ, исходя из принципа стабильности договорных обязательств. Значительную проблему представляют вторичные санкции. Их угроза со стороны США оказала существенное воздействие на поведение контрагентов из нейтральных государств, которые стали отказываться от сотрудничества компаниями РФ даже при отсутствии прямых запретов в национальном законодательстве своих стран [8, с. 47]. Это явление получило в зарубежной доктрине наименование «overcompliance» и создаёт дополнительные правовые трудности для российского бизнеса.

Юридические риски контрагентов, нарушивших санкционные требования, весьма значительны. Они включают уголовное преследование в юрисдикциях, вводивших санкции, гражданско-правовые иски со стороны госорганов, блокировку активов, отказ в доступе к финансовым системам. Известны случаи, когда европейские компании, продолжавшие деловые отношения с подсанкционными российскими структурами, подвергались крупным штрафам [9, с. 88]. Для российских же компаний главным риском является утрата контрагентов, разрыв цепочек поставок и невозможность проведения международных расчётов.

Адаптация российского бизнеса к санкционным условиям потребовала разработки и внедрения комплекса правовых механизмов, направленных на минимизацию рисков и обеспечение непрерывности хозяйственной деятельности. Среди наиболее востребованных инструментов - санкционный комплаенс, специальные договорные оговорки, страхование политических рисков и стратегию выбора юрисдикции. Он представляет собой систему внутрикорпоративных процедур и регламентов, направленных на выявление и управление санкционными рисками. Его основными элементами являются: проверка контрагентов на предмет включения в санкционные списки, мониторинг изменений санкционного законодательства, разработка внутренних политик соответствия требованиям и обучение персонала. Для крупного бизнеса санкционный комплаенс стал обязательным элементом корпоративного управления, тогда как малые и средние предприятия часто лишены ресурсов для его полноценного внедрения [10, с. 156]. Договорные санкционные оговорки приобрели широкое распространение в международной практике. Их содержание варьируется в зависимости от целей сторон: одни оговорки предусматривают право стороны отказаться от исполнения при введении санкций в отношении другой стороны, другие — обязанность стороны уведомить контрагента о включении в санкционные списки, третьи — порядок распределения убытков, связанных с санкционными ограничениями. С точки зрения российского права включение подобных оговорок в договор является правомерным в силу принципа свободы договора, закреплённого в ст. 421 ГК РФ, при условии соответствия их содержания требованиям российского законодательства [6].

Страхование политических рисков позволяет компенсировать убытки, причинённые введением санкций, национализацией, гражданскими волнениями или иными политическими событиями. В России данный инструмент получил импульс для развития в связи с расширением санкционного давления: Российское агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций (ЭКСАР) расширило перечень страхуемых рисков и увеличило объёмы поддержки экспортёров [11, с. 32]. Вместе с тем охват страхованием политических рисков остаётся недостаточным, особенно для субъектов малого и среднего предпринимательства. Выбор нейтральной юрисдикции для структурирования бизнеса и заключения договоров распространённым инструментом управления санкционными рисками. Компании из ОАЭ, Турции, Индии, Китая и др. государств выступают посредниками во внешнеторговых операциях, что снижаеть прямое воздействие санкций. Однако данная стратегия несёт собственные риски, в т.ч. угрозу обвинений в уклонении от санкций и репутационные последствия для контрагентов из третьих стран [12, с. 71].

Немаловажную роль в защите бизнеса играют меры государственной поддержки. Среди них — субсидирование процентных ставок по кредитам, налоговые льготы, упрощение разрешительных процедур и прямая финансовая помощь системообразующим предприятиям. Федеральный закон от 14.07.2022 № 292-ФЗ расширил инструментарий поддержки малого и среднего бизнеса, включая предоставление льготных кредитов через госинституты развития [13]. Однако доступность этих мер остаётся ограниченной, а механизмы их реализации требуют дальнейшего совершенствования. Развитие информационных технологий создаёт принципиально новые возможности для преодоления санкционных барьеров, одновременно формируя самостоятельное поле правового регулирования. Цифровые инструменты активно используются российским бизнесом для адаптации к изменившимся условиям хозяйственной деятельности.

Так, отключение ряда российских банков от системы SWIFT в 2022 г. стимулировало активное использование китайской системы CIPS, российской СПФС, а также двусторонних клиринговых механизмов в расчётах с партнёрами из дружественных государств [14, с. 205]. Параллельно наблюдался рост интереса к криптовалютам как инструменту международных расчётов. В условиях граничений цифровые активы стали рассматриваться отдельными участниками рынка как альтернативный канал проведения платежей. Законодательство в данной сфере остаётся противоречивым: Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» признаёт цифровую валюту объектом гражданских прав, но запрещает использование криптовалют в качестве средства платежа на территории России [15]. Применение цифровых активов во внешнеэкономических расчётах остаётся правовой «серой зоной», требующей законодательного урегулирования. Цифровая трансформация затронула и сферу госконтроля за предпринимательской деятельностью. Внедрение систем цифрового мониторинга, автоматизированного налогового контроля и электронного взаимодействия с государственными органами изменило характер публично-правового регулирования бизнеса. С одной стороны, цифровизация повысила прозрачность хозяйственных операций и снизила административную нагрузку на добросовестных участников рынка. С другой — создала риски несанкционированного доступа к коммерческой информации и усиления государственного контроля над частным бизнесом [16, с. 93].

Отдельного внимания заслуживает правовое регулирование платформенной экономики в условиях санкций. Уход западных технологических компаний с

российского рынка — Google, Apple, Microsoft, Meta — создал значительные трудности для бизнеса. В ответ РФ активизировала политику импортозамещения в IT-сфере, стимулируя переход на отечественные программные продукты. Постановление Правительства РФ от 16.11.2015 № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок» получило новый импульс после 2022 г. [17]. Реестр отечественного программного обеспечения Минцифры, связи и массовых коммуникаций РФ существенно расширился, но качество отечественных аналогов зарубежных решений во многих сегментах остаётся недостаточным.

Применение искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности также стало предметом публично-правового регулирования. ФЗ от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта» заложил основы экспериментального правового режима в Москве [18]. Опыт функционирования данного режима представляет значительный интерес с точки зрения разработки общефедерального регулирования AI-технологий в бизнесе. Субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) оказались в наиболее уязвимом положении под воздействием санкционного давления. В отличие от крупных корпораций, располагающих значительными финансовыми ресурсами и юридическими службами, МСП лишены возможности в полной мере задействовать весь арсенал защитных механизмов. Это проявляется как в финансовых ограничениях — невозможности самостоятельно финансировать переориентацию на новые рынки сбыта и поставщиков, так и в технологических — отсутствии ресурсов для внедрения систем санкционного комплаенса и цифровых инструментов управления [19, с. 44]. Правовые риски для субъектов МСП усиливаются в связи с высокой зависимостью их хозяйственной деятельности от контрагентов, попавших под санкции, и от иностранных технологических платформ. Разрыв устоявшихся деловых связей нередко означает для малого предприятия фактическое прекращение деятельности. При этом существующие механизмы господдержки зачастую ориентированы на крупный бизнес или на отдельные приоритетные отрасли.

Цифровая трансформация как возможность и одновременно как вызов для МСП приобретает особое значение в нынешних условиях. С одной стороны, цифровые платформы снижают транзакционные издержки, расширяют географию рынков сбыта и открывают доступ к новым инструментам финансирования, включая краудфандинг и краудлендинг. С другой стороны, уход западных IT-компаний лишил многих предпринимателей привычных инструментов — рекламных платформ, платёжных сервисов, облачных решений, что потребовало срочного перехода на альтернативные решения [20, с. 178]. Законодатель предпринимает определённые усилия для снижения регуляторной нагрузки на МСП в условиях цифровой трансформации. Реализация принципа «регуляторной гильотины», закреплённого в ФЗ от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации», позволила отменить значительное количество устаревших обязательных требований [21]. Развитие системы «единого окна» для получения госуслуг и разрешительных документов в электронной форме снизило временные и финансовые издержки предпринимателей. Вместе с тем темп законодательных реформ не всегда успевает за динамикой технологических изменений, что создаёт правовые пробелы, особенно ощутимые для участников цифрового рынка.

Изучение международного опыта адаптации бизнеса к санкционным условиям позволяет выявить ряд эффективных правовых стратегий, применимых в российских условиях. Иранский опыт, накопленный за несколько десятилетий существования под

санкционным давлением, свидетельствует о возможности построения относительно самодостаточной экономики при активном использовании механизмов параллельного импорта, бартерной торговли и расчётов в национальных валютах [22, с. 65]. При этом, однако, длительное существование под санкциями неизбежно приводит к технологическому отставанию и снижению конкурентоспособности национальных производителей.

Опыт КНР в сфере технологической независимости представляет особый интерес в контексте цифровой трансформации. Политика «цифрового суверенитета», последовательно реализуемая китайским государством, предусматривает создание национальных аналогов ключевых цифровых сервисов, развитие отечественной полупроводниковой промышленности и формирование самостоятельной платёжной инфраструктуры. Правовую основу данной политики составляют законодательные акты о кибербезопасности, защите персональных данных и государственной тайне, формирующие систему «цифровой крепости» [23, с. 112]. Российское законодательство развивается в схожем направлении, но менее последовательно. Концепция «суверенного интернета», получившая правовое закрепление в ФЗ от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и Федеральный закон „О связи"», создаёт технологическую основу для обеспечения независимости российской информационной инфраструктуры [24]. Но практическая его реализация сопряжена со значительными техническими и правовыми трудностями.

Перспективным направлением развития публично-правового регулирования предпринимательства представляется формирование специализированного санкционного законодательства. Отдельный ФЗ, определяющий понятийный аппарат, систему государственных органов, уполномоченных на реализацию антисанкционной политики, механизмы поддержки бизнеса и порядок разрешения споров, связанных с санкционными ограничениями, позволил бы устранить фрагментарность и противоречивость действующего регулирования. Зарубежный опыт говорит о том, что наличие чёткой законодательной основы существенно повышает эффективность государственного реагирования на санкционное давление [25, с. 89]. Развитие регуляторных «песочниц» применительно к цифровым технологиям является ещё одним перспективным инструментом публично-правового регулирования. Экспериментальные правовые режимы в ФЗ от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», создают возможность апробации новых технологий в контролируемых условиях без необходимости немедленного формирования исчерпывающей нормативной базы [26]. Расширение применения этого инструмента могло бы ускорить модернизацию российского бизнеса.

Сформулируем ряд выводов относительно состояния и перспектив публично-правового регулирования предпринимательской деятельности в условиях внешних экономических ограничений и цифровой трансформации. 1. Действующая система антисанкционного регулирования носит реактивный и фрагментарный характер, что снижает её эффективность. Необходима разработка системного законодательного акта, закрепляющего механизмы государственной защиты бизнеса от санкционного давления, определяющего понятийный аппарат и распределяющего полномочия между органами государственной власти. 2. Применение институтов форс-мажора и существенного изменения обстоятельств к санкционным ситуациям требует более чёткого законодательного закрепления критериев их использования. Сложившаяся судебная практика говорит о необходимости специальных правил, регулирующих освобождение от ответственности за неисполнение договора вследствие санкций. 3.

Цифровые технологии открывают значительные возможности для адаптации бизнеса к санкционным ограничениям, однако их реализация требует адекватной правовой базы, в т.ч. урегулирования статуса цифровых активов во внешнеэкономических отношениях.
4. Субъекты малого и среднего предпринимательства нуждаются в дифференцированных мерах господдержки, учитывающих их специфические ограничения в сфере управления санкционными и технологическими рисками. Существующие механизмы помощи требуют расширения и упрощения доступа к ним.
5. Санкционное давление создаёт и определённые стимулы для технологической независимости, модернизации производства и диверсификации внешнеэкономических связей. Задача государства — формировать правовые условия, позволяющие максимально реализовать эти стимулы при минимизации неизбежных экономических потерь. Таким образом, публично-правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях внешних экономических ограничений и цифровой трансформации требует комплексного совершенствования, направленного как на защиту бизнеса от внешнего давления, так и на создание благоприятной среды для технологического развития национальной экономики.

Список литературы:

1. Кашкин С.Ю. Санкционное давление на Россию: международно-правовые аспекты // Государство и право. 2023. № 4. С. 58–71.
2. Федеральный закон от 08.03.2022 № 46-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 11. Ст. 1596.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 28.03.2022 № 497 «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 14. Ст. 2278.
4. Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 № 1532 «Об утверждении перечня товаров (групп товаров), в отношении которых не применяются положения подпункта 6 статьи 1359 и статьи 1487 Гражданского кодекса Российской Федерации при условии введения указанных товаров (групп товаров) в оборот за пределами территории Российской Федерации правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 15.03.2025).
5. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях санкций: проблемы и перспективы // Российское юридическое образование. 2023. № 2. С. 112–125.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
7. Карапетов А.Г. Форс-мажор и экономические санкции: проблемы квалификации и применения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 1. С. 208–231.
8. Бекяшев К.А. Вторичные санкции в современном международном праве // Московский журнал международного права. 2022. № 3. С. 40–55.
9. Петров Д.А. Санкционное регулирование: зарубежный опыт и российская практика // Предпринимательское право. 2022. № 4. С. 82–94.
10. Лазарева Т.П. Санкционный комплаенс в деятельности российских компаний // Журнал российского права. 2023. № 6. С. 148–162.
11. Фролов С.Е. Страхование политических рисков как инструмент защиты экспортёров в условиях санкций // Страховое дело. 2023. № 2. С. 27–38.
12. Симонов А.В. Выбор юрисдикции в условиях санкционного давления: правовые стратегии российского бизнеса // Международное частное право. 2023. № 1. С. 64–78.
13. Федеральный закон от 14.07.2022 № 292-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29. Ст. 5221.
14. Тосунян Г.А. Альтернативные платёжные системы в условиях санкций: правовые проблемы функционирования // Банковское право. 2023. № 3. С. 198–212.
15. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5018.
16. Чеговадзе Л.А. Цифровизация государственного контроля предпринимательской деятельности: правовые аспекты // Юридическая наука. 2023. № 5. С. 86–99.
17. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.11.2015 № 1236 «Об установлении запрета на допуск программного обеспечения, происходящего из иностранных государств, для целей осуществления закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 47. Ст. 6600.
18. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 17. Ст. 2701.

19. Бусыгин А.В. Субъекты малого и среднего предпринимательства в условиях санкционного давления: правовые проблемы защиты // Предпринимательское право. 2023. № 2. С. 38–51.
20. Грибанов А.В. Цифровая трансформация малого бизнеса: правовые вызовы и возможности // Гражданское право. 2023. № 4. С. 172–184.
21. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5007.
22. Малинин С.А. Санкционный режим в отношении Ирана: уроки для России // Правоведение. 2023. № 1. С. 59–74.
23. Мамонтов А.Г. Цифровой суверенитет КНР: правовые механизмы и практика реализации // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. № 2. С. 105–119.
24. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об информации, информационных технологиях и о защите информации" и Федеральный закон „О связи"» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 18. Ст. 2214.
25. Долинская В.В. Сравнительно-правовой анализ антисанкционного законодательства зарубежных государств // Сравнительное правоведение. 2023. № 3. С. 82–96.
26. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 5017.

L. A. Merianova, A. A. Anokhina. Public-law regulation of entrepreneurship in the context of external economic restrictions and the development of information technologies // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 741-749.

Stat'ya posvyashchena analizu vliyaniya mezhdunarodnyh sankcij na ispolnenie predprinimatel'skih dogovorov i razrabotke pravovyh mekhanizmov zashchity biznesa ot sankcionnyh riskov. Rassmatrivayutsya klyuchevye aspekty vozdejstviya sankcij na ekonomicheskuyu deyatel'nost', vklyuchaya ogranicheniya na postavki tovarov, dostup k finansovym resursam i reputacionnye riski. Osoboe vnimanie udelyaetsya rossijskoj praktike, gde s 2014 g., a osobenno posle 2022 g., sankcii sozdali znachitel'nye vyzovy dlya biznesa. V stat'e analiziruyutsya yuridicheskie riski, svyazannye s narusheniem ili obkhodom sankcij, a takzhe sudebnaya praktika, vklyuchaya primenenie koncepcii fors-mazhora. Predlagayutsya mekhanizmy minimizacii riskov, takie kak sankcionnyj komplaens, special'nye dogovornye ogovorki, strahovanie politicheskih riskov i vybor neitral'nyh yurisdikcij. Rassmatrivaetsya mezhdunarodnyj opyt adaptacii biznesa k sankciyam, vklyuchaya lokalizaciyu proizvodstva, diversifikaciyu rynkov i razvitie sotrudnichestva s druzhestvennymi stranami. Osoboe vnimanie udeleno malomu i srednemu biznesu, kotorym stalkivaetsya s finansovymi i tekhnologicheskimi ogranicheniyami, a takzhe meram gosudarstvennoj podderzhki. V zaklyuchenie podchyorkivaetsya, chto sankcii, nesmotrya na sozdavaemye trudnosti, mogut stat' stimulom dlya tekhnologicheskoj nezavisimosti, modernizacii ekonomiki i ukrepleniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva.

Klyuchevye slova: sankcii, predprinimatel'skie dogovory, pravovye mekhanizmy, sankcionnyj komplaens, fors-mazhor, mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, importozameshchenie, kontragenty, antisankcionnye mery, strahovanie politicheskih riskov.

Spisok literatury:

1. Kashkin S.YU. Sankcionnoe davlenie na Rossiyu: mezhdunarodno-pravovye aspekty // Gosudarstvo i pravo. 2023. № 4. S. 58–71.
2. Federal'nyj zakon ot 08.03.2022 № 46-FZ «O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2022. № 11. St. 1596.
3. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 28.03.2022 № 497 «O vvedenii moratoriya na vozbuzhdenie del o bankrotstve po zayavleniyam, podavaemym kreditorami» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2022. № 14. St. 2278.
4. Prikaz Ministerstva promyshlennosti i torgovli Rossijskoj Federacii ot 19.04.2022 № 1532 «Ob utverzhdenii perechnya tovarov (grupp tovarov), v otnoshenii kotoryh ne primenyayutsya polozheniya podpunkta 6 stat'i 1359 i stat'i 1487 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii pri uslovii vvedeniya ukazannyh tovarov (grupp tovarov) v oborot za predelami territorii Rossijskoj Federacii pravoobladatelyami (patentoobladatelyami), a takzhe s ih soglasiya» // Oficial'nyj internet-portal pravovoj informacii. URL: http://pravo.gov.ru (data obrashcheniya: 15.03.2025).
5. Belyh V.S. Pravovoe regulirovanie predprinimatel'skoj deyatel'nosti v usloviyah sankcij: problemy i perspektivy // Rossijskoe yuridicheskoe obrazovanie. 2023. № 2. S. 112–125.
6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 24.07.2023) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 1994. № 32. St. 3301.
7. Karapetov A.G. Fors-mazhor i ekonomicheskie sankcii: problemy kvalifikacii i primeneniya // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2023. № 1. S. 208–231.
8. Bekyashev K.A. Vtorichnye sankcii v sovremennom mezhdunarodnom prave // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. 2022. № 3. S. 40–55.
9. Petrov D.A. Sankcionnoe regulirovanie: zarubezhnyj opyt i rossijskaya praktika // Predprinimatel'skoe pravo. 2022. № 4. S. 82–94.
10. Lazareva T.P. Sankcionnyj komplaens v deyatel'nosti rossijskih kompanij // ZHurnal rossijskogo prava. 2023. № 6. S. 148–162.
11. Frolov S.F. Strahovanie politicheskih riskov kak instrument zashchity eksportyorov v usloviyah sankcij // Strahovoe delo. 2023. № 2. S. 27–38.
12. Simonov A.V. Vybor yurisdikcii v usloviyah sankcionnogo davleniya: pravovye strategii rossijskogo biznesa // Mezhdunarodnoe chastnoe pravo. 2023. № 1. S. 64–78.
13. Federal'nyj zakon ot 14.07.2022 № 292-FZ «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O razvitii malogo i srednego predprinimatel'stva v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2022. № 29. St. 5221.

14. Tosunyan G.A. Al'ternativnye platyozhnye sistemy v usloviyah sankcij: pravovye problemy funkcionirovaniya // Bankovskoe pravo. 2023. № 3. S. 198–212.
15. Federal'nyi zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyh finansovyh aktivah, cifrovoi valyute i o vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020. № 31. St. 5018.
16. CHegovadze L.A. Cifrovizaciya gosudarstvennogo kontrolya predprinimatel'skoj deyatel'nosti: pravovye aspekty // YUridicheskaya nauka. 2023. № 5. S. 86–99.
17. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federacii ot 16.11.2015 № 1236 «Ob ustanovlenii zapreta na dopusk programmnogo obespecheniya, proiskhodyashchego iz inostrannyh gosudarstv, dlya celei osushchestvleniya zakupok dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipal'nyh nuzhd» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2015. № 47. St. 6600.
18. Federal'nyi zakon ot 24.04.2020 № 123-FZ «O provedenii eksperimenta po ustanovleniyu special'nogo regulirovaniya v celyah sozdaniya neobhodimyh uslovii dlya razrabotki i vnedreniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta v sub"ekte Rossiiskoi Federacii — gorode federal'nogo znacheniya Moskve» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federacii. 2020. № 17. St. 2701.
19. Busygin A.V. Sub"ekty malogo i srednego predprinimatel'stva v usloviyah sankcionnogo davleniya: pravovye problemy zashchity // Predprinimatel'skoe pravo. 2023. № 2. S. 38–51.
20. • Gribanov A.V. Cifrovaya transformaciya malogo biznesa: pravovye vyzovy i vozmozhnosti // Grazhdanskoe pravo. 2023. № 4. S. 172–184.
21. Federal'nyi zakon ot 31.07.2020 № 247-FZ «Ob obyazatel'nyh trebovaniyah v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federacii. 2020. № 31. St. 5007.
22. Malinin S.A. Sankcionnyi rezhim v otnoshenii Irana: uroki dlya Rossii // Pravovedenie.2023.№1.S. 59–74.
23. Mamontov A.G. Cifrovoi suverenitet KNR: pravovye mekhanizmy i praktika realizacii // Aziatsko-tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2023. № 2. S. 105–119.
24. Federal'nyi zakon ot 01.05.2019 № 90-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon „Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" i Federal'nyj zakon „O svyazi"» // Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federacii. 2019. № 18. St. 2214.
25. Dolinskaya V.V. Sravnitel'no-pravovoi analiz antisankcionnogo zakonodatel'stva zarubezhnyh gosudarstv // Sravnitel'noe pravovedenie. 2023. № 3. S. 82–96.
26. Federal'nyi zakon ot 31.07.2020 № 258-FZ «Ob eksperimental'nyh pravovyh rezhimah v sfere cifrovyh innovacij v Rossijskoj Federacii» // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2020. № 31. St. 5017.
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 750-754.

УДК 342.4

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Галкин А. Г., Павлисова Т. Е., Мойса М. А.

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

В статье проводится сравнительно-правовой анализ конституционных механизмов защиты традиционных ценностей в различных правовых системах современности. Исследуются пять основных моделей: либерально-демократическая (Западная Европа), иллиберально-конституционная (Венгрия, Польша), религиозно-государственная (исламские страны), плюралистическая (ЮАР) и азиатская. Анализируется российский опыт конституционализации традиционных ценностей через Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 и конституционные поправки 2020 года. Рассматривается практика Европейского суда по правам человека по делам Marckx v. Belgium (1979), Hokkanen v. Finland (1994) и другим.

Ключевые слова: традиционные ценности, конституционное право, сравнительное правоведение, иллиберальный конституционализм, права человека, семейное право, конституционная идентичность, ЕСПЧ.

Современное конституционное право находится в точке разветвления, раздробленности. Глобализация требует унификации правовых стандартов и универсализации прав человека, но с другой стороны - национальные государства всё активнее апеллируют к собственным традициям и ценностям как основе конституционной идентичности [10]. Такая дилемма особенно обострилась в последнее десятилетие, когда целый ряд государств приняли конституционные акты, прямо закрепляющие защиту традиционных ценностей. Российская Федерация здесь не исключение - Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" стал кульминацией длительного процесса конституционализации ценностной повестки, начавшегося еще с поправок 2020 г. [1]. Семнадцать позиций, выделенных в указе - от патриотизма и гражданственности до приоритета духовного над материальным - представляют собой попытку кодифицировать то, что долгое время существовало на уровне неписанных конституционных конвенций [7]. При этом документ не просто декларирует ценности, но и идентифицирует конкретные угрозы: деструктивное идеологическое воздействие, культивирование эгоизма, пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений. Такая дефензивная позиция, когда ценности определяются через противопоставление внешним угрозам, характерна не только для России, но и для целого ряда государств, выбравших путь "суверенной демократии".

Европейский континент демонстрирует поразительную поляризацию в подходах к традиционным ценностям. Классическая западноевропейская модель, основанная на либеральном конституционализме, предполагает нейтралитет государства в вопросах морали и максимальную защиту индивидуальной автономии. Но Венгрия и Польша пошли принципиально иным путём, создав то, что Gábor Halmai в своей работе "Second-Grade Constitutionalism" (2017) назвал "иллиберальным конституционализмом" [5]. Венгерский опыт особенно показателен - с момента прихода к власти Виктора Орбана в 2010 г. произошла системная трансформация конституционного строя. Досрочная отставка судей, изменение порядка назначения членов Конституционного суда, принятие новой Основного закона в 2011 г. - все эти меры были обоснованы необходимостью защиты христианских корней Венгрии и традиционного понимания семьи. Польша последовала похожим путем несколько позже, что привело к беспрецедентному решению Суда ЕС от 16.02.2022 г. по объединённым делам C-156/21 (Венгрия против Парламента и Совета) и C-157/21 (Польша против Парламента и Совета), где суд отклонил воз-

ражения этих стран против механизма обусловленности финансирования соблюдением верховенства права [2].

Исламский конституционализм представляет совершенно иную парадигму, где религиозные нормы не просто влияют на право, а являются его непосредственным источником. Саудовская Аравия, где Основной закон 1992 г. прямо провозглашает Коран конституцией государства, демонстрирует наиболее чистую форму теократического конституционализма. Здесь улема (религиозные учёные) не просто консультируют власть, а фактически определяют границы допустимого в законодательстве. Статистика применения смертной казни - сто семьдесят два случая в 2023 г. - показывает, что традиционные исламские наказания (худуд) применяются не символически, а вполне реально. Иранская модель, основанная на концепции вилаят-и факих (правление исламского правоведа), более сложна институционально. Конституция Исламской Республики Иран 1979 г. создала уникальную систему, где демократически избираемые органы сосуществуют с религиозными институтами, имеющими право вето. Совет стражей конституции, состоящий из шести исламских правоведов и шести юристов, проверяет все законы на соответствие исламу и конституции, что фактически делает невозможным принятие любого акта, противоречащего традиционным исламским ценностям.

Концепция "азиатских ценностей", теоретические основы которой заложили Ли Куан Ю и Махатхир Мохамад в начале девяностых, представляла собой амбициозную попытку создать альтернативную западному либерализму модель развития. В основе лежало утверждение о фундаментальном отличии азиатских обществ, где коллективное благо традиционно ставится выше индивидуальных прав, а конфуцианская этика определяет социальные отношения. Бангкокская декларация 1993 г., подписанная накануне Всемирной конференции по правам человека в Вене, артикулировала эту позицию на международном уровне. Однако, как показал азиатский финансовый кризис 1997-1998 гг., экономический успех "азиатских тигров" был обусловлен не столько особыми ценностями, сколько конкретными экономическими факторами. Тем не менее, влияние этой концепции сохраняется - Китайская Народная Республика, внеся в 2004 г. в ст. 33 Конституции положение о том, что "государство уважает и защищает права человека", одновременно настаивает на их интерпретации через призму "социализма с китайской спецификой".

Южноафриканский опыт представляет уникальную модель конституционного плюрализма, где обычное право африканских общин признаётся наряду с общим правом, унаследованным от колониального периода. Конституционный суд ЮАР в знаковом деле Shilubana and Others v Nwamitwa (Case CCT 3/07, решение от 4.06.2008 г.) постановил, что обычное право должно развиваться и адаптироваться к конституционным ценностям, включая гендерное равенство [6]. В этом деле суд поддержал назначение женщины вождём племени Valoyi, несмотря на традицию мужского наследования. Однако дело Bhe and Others v Magistrate, Khayelitsha and Others (Case CCT 49/03, решение от 15.10.2004 г.) показало оборотную сторону - попытки использовать традиционное право для лишения женщин и детей наследственных прав. Исследования Chuma Himonga и Elena Moore (2015) демонстрируют, что большинство прогрессивных законов остаются "бумажными тиграми" - формально существуют, но не меняют реальных властных отношений в традиционных общинах [3].

Европейский суд по правам человека, интерпретируя ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, создал обширную практику по защите семейной жизни. В деле Marckx v. Belgium (Application no. 6833/74, решение от 13.06.1979 г.) Суд признал дискриминационными бельгийские законы, ограничивавшие права незаконнорожденных детей [4]. Дело Hokkanen v. Finland (Application no. 19823/92, решение

от 23.09.1994 г.) установило позитивные обязательства государства по обеспечению исполнения судебных решений о праве на общение с ребёнком. В деле Hoffmann v. Austria (Application no. 12875/87, решение от 23.06.1993 г.) Суд признал нарушением Конвенции лишение матери-Свидетеля Иеговы родительских прав исключительно на основании её религиозной принадлежности. Однако практика ЕСПЧ по миграционным делам демонстрирует непоследовательность - суд часто применяет узкое толкование "семейной жизни", не признавая связи с дальними родственниками, что особенно проблематично для выходцев из стран Африки и Азии, где расширенная семья играет ключевую роль.

Статистические данные ОЭСР за 2020 г. показывают колоссальные различия в реализации социальных прав в разных странах. Уровень занятости матерей с детьми до 14 лет варьируется от сорока двух процентов для низкообразованных женщин до семидесяти восьми процентов для высокообразованных. При этом в Дании, Словении и Швеции общий показатель превышает семьдесят процентов, что свидетельствует об эффективности скандинавской модели сочетания работы и семейной жизни. Для сравнения, данные Международной организации труда показывают, что в Латинской Америке в 1960 г. эффективный охват пособиями по материнству составлял менее десяти процентов населения. Даже сегодня в странах Африки южнее Сахары этот показатель не превышает 30%, что демонстрирует огромный разрыв между конституционными гарантиями и реальной социальной защитой.

Американская модель защиты традиционных ценностей характеризуется особым акцентом на религиозную свободу. Верховный суд США в деле Burwell v. Hobby Lobby Stores, Inc. (573 U.S. 682, решение от 30.06.2014 г.) признал право коммерческих корпораций на религиозные убеждения и освободил их от обязанности оплачивать контрацептивы сотрудникам, если это противоречит религиозным взглядам владельцев. В деле Kennedy v. Bremerton School District (597 U.S. ___, решение от 27.06.2022 г.) Суд поддержал право школьного тренера молиться на поле после игр, фактически размыв границу между церковью и государством. Интересно, что параллельно с усилением защиты религиозных ценностей, в США происходит стремительное развитие законодательства о защите данных - к 2026 г. 20 штатов будут иметь комплексные законы в этой сфере, покрывающие около 50% населения страны.

Словацкий опыт 2025 г. особенно интересен как пример "догоняющего" консервативного конституционализма. Конституционные поправки, принятые в сентябре, не только признали брак между мужчиной и женщиной "уникальным союзом", но и существенно расширили конституционные гарантии родительских прав. Это произошло на фоне усиливающегося давления со стороны институтов ЕС, требующих соблюдения принципа недискриминации. Парадоксальным образом, Словакия использует язык прав человека для защиты консервативных ценностей, что демонстрирует пластичность правового дискурса.

Опыт постсоветских государств демонстрирует особую траекторию конституционализации традиционных ценностей [8; 11]. В странах ЕАЭС наблюдается попытка совместить советское правовое наследие с возрождением национальных и религиозных традиций. Особенно показателен опыт государств Центральной Азии, где конституционные нормы о семейных ценностях балансируют между исламскими традициями, светскими принципами и требованиями международных обязательств [12]. Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан демонстрируют различные варианты такого баланса, сохраняя при этом общую постсоветскую правовую основу.

Анализ различных моделей позволяет выделить пять основных подходов к конституционной защите традиционных ценностей. Либерально-демократическая модель, до-

минирующая в Западной Европе и Северной Америке, берет в приоритеты индивидуальную автономию и государственный нейтралитет. Иллиберально-конституционная модель Венгрии и Польши использует формально демократические институты для продвижения консервативной повестки. Религиозно-государственная модель исламских стран напрямую инкорпорирует религиозные нормы в конституционную систему. Плюралистическая модель Южной Африки пытается балансировать между различными правовыми традициями. Наконец, азиатская модель делает акцент на коллективных ценностях и экономическом развитии в ущерб политическим свободам [9].

Ключевые проблемы правоприменения носят универсальный характер. Во-первых, это хроническое неисполнение судебных решений, особенно в семейных спорах. Проблема международного похищения детей одним из родителей затрагивает тысячи семей ежегодно, и даже Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 г. не всегда эффективна. Во-вторых, конфликт между международными обязательствами и национальной конституционной идентичностью создаёт правовую неопределённость. Регламент ЕС Брюссель II bis часто вступает в противоречие с национальными концепциями наилучших интересов ребёнка. В-третьих, разрыв между формальным правом и социальной реальностью особенно велик в развивающихся странах, где прогрессивное законодательство не подкреплено ресурсами для его имплементации.

Политизация конституционных институтов представляет системную угрозу верховенству права. Захват судебной системы в Венгрии начался с досрочной отставки судей через снижение пенсионного возраста, продолжился изменением процедуры назначения судей и завершился полным контролем правящей партии над Конституционным судом. Польский сценарий был ещё более драматичным - Конституционный трибунал фактически парализован с 2015 г. из-за конфликта вокруг назначения судей. Эти примеры показывают, как апелляция к традиционным ценностям может служить прикрытием для демонтажа системы сдержек и противовесов.

В заключение необходимо признать, что поиск баланса между защитой традиционных ценностей и соблюдением универсальных прав человека остаётся одним из главных вызовов современного конституционализма. Опыт различных стран показывает, что не существует универсальной модели, которая бы подходила всем обществам. Однако есть красные линии, переход которых превращает защиту традиций в инструмент подавления. Когда традиционные ценности используются для оправдания дискриминации меньшинств, ограничения фундаментальных свобод или разрушения независимости судебной власти, конституционализм перестаёт быть таковым, превращаясь в свою противоположность. Задача современного права - найти такие механизмы, которые позволили бы сохранять культурную идентичность, не жертвуя при этом достижениями правовой цивилизации. Это требует не только юридической техники, но и политической мудрости, способности к компромиссу и, что возможно самое важное, готовности к честному диалогу между различными ценностными системами.

Список литературы:

1. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
2. Дринчи Т. Иллиберальный конституционализм в Польше и Венгрии: ухудшение демократии, злоупотребление правами человека и нарушение верховенства права / Т. Дринчи, А. Бень-Кацала ; пер. с англ. – М. : ИНИОН РАН, 2023. – 348 с. – (Illiberal Constitutionalism in Poland and Hungary: The Deterioration of Democracy, Misuse of Human Rights and Abuse of the Rule of Law / T. Drinóczi, A. Bień-Kacała. – London : Routledge, 2023).
3. Химонга Ч. Реформа обычного брака, развода и наследования в Южной Африке: живое обычное право и социальные реалии / Ч. Химонга, Е. Мур ; пер. с англ. – СПб. : Юридический центр, 2016. – 412 с. – (Reform of Customary Marriage, Divorce and Succession in South Africa: Living Customary Law and Social Realities / C. Himonga, E. Moore. – Cape Town : Juta, 2015).

4. Марккс против Бельгии (Marckx v. Belgium) : постановление Европейского суда по правам человека от 13 июня 1979 г. № 6833/74 // Европейский суд по правам человека. Избранные решения : в 2 т. – М. : Норма, 2000. – Т. 1. – С. 128–156.
5. Хальмаи Г. Конституционализм второго сорта? Случаи Венгрии и Польши / Г. Хальмаи // Сравнительное конституционное обозрение. – 2018. – № 2 (123). – С. 62–84. – (Halmai G. Second-Grade Constitutionalism? The Cases of Hungary and Poland // German Law Journal. – 2017. – Vol. 20. – P. 1140–1166).
6. Шилубана и другие против Нвамитва (Shilubana and Others v. Nwamitwa) : решение Конституционного суда Южно-Африканской Республики от 4 июня 2008 г. № CCT 3/07 // Бюллетень Конституционного суда ЮАР. – 2008. – № 3. – С. 45–78.
7. Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: доктрина и практика / В.Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. -- 2021. -- № 4 (82). -- С. 1--12.
8. Невинская А.А. Семейные ценности в конституционном праве постсоветских государств: сравнительно-правовое исследование / А.А. Невинская. -- Минск : Право и экономика, 2022. -- 284 с.
9. Сарсембаев М.А. Традиционные ценности и права человека в конституционном праве Республики Казахстан / М.А. Сарсембаев // Право и государство. -- 2023. -- № 2 (99). -- С. 34--48.
10. Бондарь Н.С. Конституционные ценности -- категория действующего права (в контексте практики Конституционного Суда России) / Н.С. Бондарь // Журнал российского права. -- 2020. -- № 11 (287). -- С. 5--21.
11. Конституционное право государств Евразийского экономического союза: учебное пособие / под ред. С.А. Авакьяна. -- М. : Проспект, 2023. -- 512 с.
12. Джумагулов М.Ш. Защита традиционных семейных ценностей в праве стран Центральной Азии / М.Ш. Джумагулов, Г.К. Абдрахманова // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. -- 2022. -- Т. 22, № 3. -- С. 112--125.

Moisa M.A. Legal mechanisms for protecting traditional values: comparative constitutional and legal aspect // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 750-754.

The article provides a comparative legal analysis of constitutional mechanisms for protecting traditional values in various legal systems of modernity. Five main models are studied: liberal-democratic (Western Europe), illiberal-constitutional (Hungary, Poland), religious-state (Islamic countries), pluralistic (South Africa) and Asian. The Russian experience of constitutionalization of traditional values through Presidential Decree No. 809 of 09.11.2022 and constitutional amendments of 2020 is analyzed. The practice of the European Court of Human Rights in the cases of Marckx v. Belgium (1979), Hokkanen v. Finland (1994) and others is considered.

Keywords: traditional values, constitutional law, comparative law, illiberal constitutionalism, human rights, family law, constitutional identity, ECHR, cultural identity, social rights.

Spisok literatury:

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej» // Sobranie zakonodatel`stva RF. – 2022. – № 46. – St. 7977.
2. Drinchi T. Illiberal`ny`j konstitucionalizm v Pol`she i Vengrii: uxudshenie demokratii, zloupotreblenie pravami cheloveka i narushenie verxovenstva prava / T. Drinchi, A. Ben`-Kaczala ; per. s angl. – M. : INION RAN, 2023. – 348 s.
3. Ximonga Ch. Reforma oby`chnogo braka, razvoda i nasledovaniya v Yuzhnoj Afrike: zhivoe oby`chnoe pravo i social`ny`e realii / Ch. Ximonga, E. Mur ; per. s angl. – SPb. : Yuridicheskij centr, 2016. – 412 s.
4. Markks protiv Bel`gii (Marckx v. Belgium) : postanovlenie Evropejskogo suda po pravam cheloveka ot 13 iyunya 1979 g. № 6833/74 // Evropejskij sud po pravam cheloveka. Izbranny`e resheniya : v 2 t. – M. : Norma, 2000. – T. 1. – S. 128–156.
5. Xal`mai G. Konstitucionalizm vtorogo sorta? Sluchai Vengrii i Pol`shi / G. Xal`mai // Sravnitel`noe konstitucionnoe obozrenie. – 2018. – № 2 (123). – S. 62–84.
6. Shilubana i drugie protiv Nvamitva (Shilubana and Others v. Nwamitwa) : reshenie Konstitucionnogo suda Yuzhno-Afrikanskoj Respubliki ot 4 iyunya 2008 g. № CCT 3/07 // Byulleten` Konstitucionnogo suda YuAR. – 2008. – № 3. – S. 45–78.
7. Zor'kin V.D. Konstitucionnaya identichnost' Rossii: doktrina i praktika / V.D. Zor'kin // Zhurnal konstitucionnogo pravosudiya. -- 2021. -- № 4 (82). -- S. 1--12.
8. Nevinskaya A.A. Semejny'e cennosti v konstitucionnom prave postsovetskix gosudarstv: sravnitel'no-pravovoe issledovanie / A.A. Nevinskaya. -- Minsk : Pravo i e'konomika, 2022. -- 284 s.
9. Sarsembaev M.A. Tradicionny'e cennosti i prava cheloveka v konstitucionnom prave Respubliki Kazaxstan / M.A. Sarsembaev // Pravo i gosudarstvo. -- 2023. -- № 2 (99). -- S. 34--48.
10. Bondar' N.S. Konstitucionny'e cennosti -- kategoriya dejstvuyushhego prava (v kontekste praktiki Konstitucionnogo Suda Rossii) / N.S. Bondar' // Zhurnal rossijskogo prava. -- 2020. -- № 11 (287). -- S. 5--21.
11. Konstitucionnoe pravo gosudarstv Evrazijskogo e'konomicheskogo soyuza: uchebnoe posobie / pod red. S.A. Avak'yana. -- M. : Prospekt, 2023. -- 512 s.
12. Dzhумagulov M.Sh. Zashhita tradicionny'x semejny'x cennostej v prave stran Central'noj Azii / M.Sh. Dzhumagulov, G.K. Abraxmanova // Vestnik Ky'rgy'zsko-Rossijskogo slavyanskogo universiteta. -- 2022. -- T. 22, № 3. -- S. 112--125.

.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 755-761.

УДК 34

ИНСТИТУТ ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В РОССИИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Корчагина К. А., Трифонов С. Г.

Обращение к истории правового регулирования отдельных аспектов процессуальной деятельности связано с необходимостью постоянного разумного совершенствования правового регулирования в целом. Изучение исторического опыта даёт нам возможность оценить действенность тех или иных регулятивных процедур и правовых институтов в целом. Соответственно так выявляются работающие надлежащим образом и неработающие модели, и мероприятия в правовом регулировании. Примирительные процедуры выступают в юридической деятельности в качестве альтернативы судебному разбирательству и позволяют сторонам, не вступая в процессуальные отношения по поводу спора о праве между ними, или вступив в процессуальные отношения, но желая урегулировать отношения быстро и с учетом позиций всех субъектов, легальный способ эффективного и оперативного урегулирования противоречий в сфере права. Немаловажным является желание сторон избежать возможных обременительных судебных издержек и максимально оперативно разрешить спор. Примирительные процедуры не являются достоянием только отечественного права, ранние примеры данного явления известны со времен Древнего мира, причем как в древневосточных, так и в античных государствах. Отечественная традиция правового регулирования примирительных процедур сосредотачивает основное внимание на правовом регулировании частноправовых отношений, тем не менее фактически известно как о судебном, так и о внесудебном примирении в сфере публично-правовых охранительных отношений. Современное правовое регулирование, особенно в частноправовой сфере предоставляет широкий спектр примирительных процедур для сторон, способствуя разгрузке судебных органов.

Ключевые слова: примирительные процедуры, мировое соглашение, суд, судопроизводство, законодательство, государственная пошлина, судья, судебные реформы, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, административное судопроизводство.

Примирительные процедуры в судопроизводстве возникли еще в Древнем мире. Римское право, в частности, предусматривала возможность заключение мирового соглашения, если претор еще не начал рассматривать дело. Впрочем, даже после начала рассмотрения дела по существу оно могло быть заключено в присутствии претора. В римском праве не существовало специфичных норм для регламентации гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных отношений, и соответственно, примирение было возможно в обоих случаях. Такой источник древнеримского права как Законы XII таблиц содержат нормы о процедурах примирения. «Если [тяжущиеся стороны] не приходят к соглашению, пусть [они] до полудня сойдутся для тяжбы на форуме или комициуме…» [1, с. 21]. Логичным выглядит предположение о том, что процедура примирения предлагалась как в рамках досудебного урегулирования, так и непосредственно при осуществлении самого судопроизводства. Это отражает общую тенденцию, встречающуюся во многих древних правовых системах, имеющую целью сохранение мира внутри общины и примирения сторон (для предотвращение возможной кровной мести).

Средневековое европейское право также интенсивно использовало институт заключения мирового соглашения и осуществления судопроизводства, в частности, «кодекс Этельреда (Англия) предписывал обязательную юридическую силу мировому соглашению, заключенному сторонами» [2, с. 33]. Причем юридическая сила мирового соглашения, заключенного в суде приравнивалась к решению суда. В законодательстве Генриха I существовала специальная норма о желательности заключения мирового соглашения в рамках судебного процесса [2, с. 34]. Рост городов и общее развитие экономики предопределили значительное количество споров в предпринимательской сфере. Разрабатывая правила разрешения подобных споров одним из важнейших способов, законодатели видели использование института заключения мирового

…

соглашения на условиях, которые устраивают обе стороны.

В позднем средневековье французское право предусматривало вступление в спор посредника чаще всего авторитетного представителя феодальной светской или духовной аристократии. Также обязательным требованием стала попытка заключения мирового соглашения до судебного разбирательства. К этому же периоду относятся сведения о том, что отдельные судьи навязывали сторонам заключение мирового соглашения на не самых справедливых условиях. В указанный период Голландия как одно из государств, где торговые отношения развивались гораздо, более интенсивно также получает в свое законодательство норму о предпочтительности примирения сторон до начало судебного разбирательство. В этом была известная логика, поскольку зачастую судебные издержки перекрывали по стоимости предмет спора.

В обозначенный период в Голландии зарождается мировая юстиция. Будучи обязательным этапом процедуры судебного урегулирования рассмотрения у мирового судьи, также сопровождалось неоднократными попытками примирения сторон и заключения соответствующего соглашения. Но как показала историческая практика только добросовестное исполнение мировыми судьями своих функций приводила к заключению справедливого мирового соглашения. В определённые периоды зафиксированы угрозы судей в адрес сторон в случае отказа от примирения на условиях судьи, что не соответствует самой процедуре примирения и приводит к подрыву авторитета судебной власти. Мировое соглашение предусмотрено нормами абсолютно всех кодифицированных актов в сфере гражданского права в Новое и Новейшее время, таких как: ГК Франции 1804 г., ГГУ 1896 г., ГК Итальянского королевства 1942 г. В знаменитой наполеоновской кодификации гражданского права («Кодекс Наполеона») институт мирового соглашения фигурировал среди норм говорящих: «об отдельных способах, которыми приобретается имущество» [3].

Ретроспективный анализ российского опыта правового регулирования исследуемых отношений показывает, что оно берет начало во времена Руской Правды и Церковных уставов великих князей Владимира и Ярослава. Также нормы Соборного уложения 1649 г. предусматривали, что: «до подачи иска (челобитной), могло произойти примирение («меж себя сыскиватися»)» [4, с.131]. По словам Ф. М. Дмитриева: «по окончании судоговорения и составления судного списка дело обсуждалось судьями, и постановлялось судебное решение... но до этого заключительного акта процесса было в воле спорящих сторон и не допустить дела: они могли помириться... мир мог быть заключен во все периоды процесса» [5, с.249].

Несмотря на то, что законодательно с 1624 г. в рамках уголовных дел примирение было невозможно тем не менее анализ судебной практики того периода показывает примеры заключения мировых соглашений в уголовном судопроизводстве до начала XVII.

Заключение мирового соглашения сопровождалось уплатой государственной пошлины. «Если мировая сделка состоялась вне суда, то тяжущиеся обязаны были представить мировые челобитные и заплатить «*государевы пошлины*». Если челобитных не было представлено, при этом стороны покинули Москву, в этом случае пошлину платили поручители» [4, с. 132]. Примирение сторон документально оформлялось подписанием соответствующего договора, сдававшегося на хранения дьяку и получившего названия «полюбовная сказка» [4, с. 210].

Петровская эпоха не стала исключением из общей тенденции активного использования института мирового соглашения в рамках судопроизводства. Предусматривалась возможность выбора посредников в споре, а в случае недостижение соглашения о мире между сторонами дело передавалось из советного суда далее по

инстанции в гражданский суд. С принятием «Устава судопроизводства торгового 1832 г. сторонам спора разрешалось не только заключать мировые сделки, но и предусматривалась посредническая деятельность» [2, с. 34]. Дальнейшее развития института примирительных процедур в судопроизводстве связано со становлением гражданского общества и его составляющих и окончательно легально оформляется в эпоху буржуазных реформ. Так, Устав гражданского судопроизводства 1864 г. содержал гл. «О примирительном разбирательстве» [6, с.107], детализирующую порядок данной процедуры.

Было бы неверным считать, что «институт примирительных процедур вовсе не был знаком Российскому государству до середины XIX в.» [7, с. 30]. Определённые нормы касающиеся посредничества в правовом регулировании относятся к периоду XIII–XIV вв. Верхушка духовного сословия достаточно часто выступало ««в качестве своеобразных «медиаторов»» [8, с.151], аргументируя такую исследовательскую позицию их посреднической, миротворческой ролью в разрешении перманентных феодальных междоусобиц того времени». [9, с.45].

Правовое регулирование института примирительных процедур в источниках Новгородских и Псковских земель XIII–XIV вв. знает институт мирового соглашения и предметно его регулирует. В частности, «в Псковской судебной грамоте использовались выражения «урядиться», «мировой ряд» («рядцы»), «смолвити», которые, по сути, обозначают оформление мировой записи, составленной в присутствии свидетелей, указывают на определенную степень формализации процесса заключения мировых соглашений уже в те далекие времена, подчеркивают важность участия непредвзятых свидетелей при подтверждении этого соглашения, напоминают отчасти современную процедуру медиации» [9, с. 45]. По мнению А. П. Куницына: «судить – значит рассматривать дело по всей строгости закона. Рядить и уряжать – значит договариваться, примирять» [9, с. 47; 10, с. 87]. Соборное Уложение 1649 г. впервые содержит положение о третейском разбирательстве и указывает на обязательность выполнение решения третейских судов (гл. XV) [11, с. 101]. Таким образом в отечественном правовом регулировании появляется новый способ урегулирования споров с использованием примирительных процедур.

Стоит акцентировать внимание на побудительных мотивах спорящих сторон при обращении к альтернативным формам разрешения споров в Средневековье и на более поздних этапах развития государственности. «На этом историческом этапе речь, естественно, еще не идет о выборе альтернативных государственным институтов гражданского общества в лице вече, земств и т.п. использование примирительных процедур обусловлено, прежде всего, доминированием традиционных религиозных духовно-нравственных ценностей и стереотипов, выражающихся в поощрении смирения, миролюбивости, стремления окончить спор миром без обращения к имевшимся тогда «квазисудебным» органам власти» [9, с. 45].

Екатерининские судебные реформы, в рамках которых созданные «совестные суды», позднее трансформировавшиеся в мировые суды, осуществляли защиту прав сторон ставя во главу принцип «естественной справедливости». Представляется, что эти суды будучи, по существу, государственными тем не менее своей основной целью видели осуществление примирения сторон, базируясь на господствовавшей системе морально-нравственных ценностей, тесно связанной с православным христианством.

В указанное время и в следующем веке «в унисон с практикой цивилизованных стран Европы в России идет процесс развития законодательства и юридической мысли о примирительных процедурах» [12, с.40].

Октябрьская революция не только знаменовала создание нового государства, ранее

…

не существовавшего типа, но и создание нового типа права, во многом порвавшего с прежней традицией правового регулирования. Примирительные процедуры данного периода в основном были сосредоточены в сфере внешней торговли и политических сношений с другими государствами, поскольку в данных сферах компромиссы и договорное регулирование выступали в качестве главного инструмента с древнейших времен. Тем не менее альтернативные способы разрешения споров нашли также применение в сфере трудового права, их активно использовали Примирительные комиссии, создаваемые при Народном комиссариате труда. Будучи по своей природе государством социальным СССР активно использовала данный инструмент в своей деятельности.

Первая советская кодификация права в рамках которой появился ГПК РСФСР 1923 года предусматривала использование примирительных процедур в гражданском судопроизводстве. Также для решения споров предприятий, организаций и учреждений были созданы в том же году «Правила производства дел в Высшей Арбитражной комиссии при Совете Труда и Обороны (СТО) и местных арбитражных комиссиях», что послужило прообразом государственного арбитража, в рамках которого примирительные процедуры также использовались.

Урегулирование спора с помощью примирительных процедур подразумевает автономию воли сторон и отсутствие контроля за ними. При этом стоит отметить, что отсутствие контроля в основном распространялось на незначительную часть частноправовых отношений, в рамках которых было возможно примирение, а вопросе урегулирования значительных частноправовых и публично-правовых интересов альтернативные примирительные процедуры не работали.

Новым словом в правовом регулировании частноправовых отношений стало принятие ГПК РСФСР 1964 г., четко обозначившего в ста. 34 условия и процессуальный порядок заключения мирового соглашения, а также его по следующее утверждение.

Существенным отличием правового регулирования примирительных процедур в советский период является абсолютно пассивная роль суда в деле начала переговоров между сторонами и заключению соглашения по итогам [13, с. 365]. ГПК 1964 г. с изменениями и дополнениями действовал до 1.02.2003 г. Вместе с тем изменения второй половины 80-хх и начало 90-хх годов прошлого века в рамках экономических реформ при переходе к рынку детерминировали модификацию процессуального законодательства в части альтернативных процедур разрешения споров. Действующий этап правового регулирования в области процедур по примирению сторон характеризуется наличием соответствующих нормативных актов. ГПК РФ 2003 г. будучи во многих аспектах приемником ГПК РСФСР 1964 г., тем не менее получил новеллы в сфере альтернативных примирительных процедур.

Так, в целях обеспечения права на участие в процедуре медиации в новом кодексе были закреплены положения, регулирующие свидетельский иммунитет медиатора, обязанность суда принимать меры по заключению сторонами мирового соглашения, в том числе по результатам проведения процедуры медиации, которую стороны вправе осуществлять на любой стадии судебного разбирательства, право суда отложить разбирательство дела на срок, не превышающий шестидесяти дней, по ходатайству обеих сторон в случае принятия ими решения о проведении процедуры медиации, обязанность председательствующего выяснять, не желают ли стороны закончить дело заключением мирового соглашения или проведением процедуры медиации.

В ст. 153.3 ГПК РФ указано, что: «Споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного

примирения, или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону» [14]. Институт примирительных процедур был модернизирован и нормативно закреплен не только в ГПК РФ, но также и в АПК РФ от 24.07.2002 г., что является общей тенденцией для цивилистических кодексов. В ст. 138.2 АПК РФ указано на то, что: «Споры могут быть урегулированы путем проведения переговоров, посредничества, в том числе медиации, судебного примирения, или использования других примирительных процедур, если это не противоречит федеральному закону» [15]. Далее уже в 2015 г. во вновь принятом КАС РФ также нашли отражения примирительные процедуры. Примирительные процедуры в сфере административного судопроизводства выступают в качестве одного из важнейших средств процессуального урегулирования споров, а также соответствуют существующим трендам развития права во всем мире [16; 17, с.7].

Примирительные процедуры могут примениться как индивидуально, так и в совокупности в целях общего повышения эффективности процесса примирения, поскольку определение той или иной процедуры регламентировано волей сторон, оно выступает как отражение стоящих перед ними мотивов. Стоит упоминать, что процедуры по примирению сторон могут быть задействованы как на стадии досудебного урегулирования, так и в рамках процессуальных действий с участием судьи. Данный порядок примирения на любой стадии как досудебной, так и судебной нашел отражения в Постановлении Пленума ВС РФ от 22.06.2021 г. № 18 «О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства»' при этом досудебный порядок урегулирования это обязательная составляющая права на обращение в суд.

Помимо норм, изложенных в цивилистических процессуальных кодексах существует также Постановление Пленума ВС РФ от 31.10.2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» [18] и ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [19]. В вышеперечисленные акты содержат нормы, устанавливающие правовые основания и регулирующие процедурные аспекты посредничества.

Переговоры как новая форма примирительных процедур для российской правовой действительности нашли отражения лишь в КАС РФ только в 2019 г. в ст. 137.4. Таким образом, примирительные процедуры по КАС РФ, являются новыми, недостаточно регламентированы и фрагментарно представлены в нормативных и правоприменительных актах.

Описанный выше, предусмотренный законодательством процессуальный порядок нацелен на разрешение конфликта и формирование отношений сотрудничества субъектов спора. При проведении сравнительного анализа отдельных примирительных процедур мы видим тождественные признаки, выражающиеся в том, что: предусмотрена процедура без участия суда, спор разрешается путем согласования позиций и принятия общего решения, приводящее к устранению конфликтной ситуации при добровольном сотрудничестве сторон. Стоит отметить и обратить внимание на то, что примирительные процедуры имеют свои специфичные черты [20, с. 213; 21, с. 487]. Успех примирения обусловлен наличием посредника, сохраняющего максимальную равноудаленность от сторон спора, а сами стороны должны выражать желание заключить мирового соглашения путем учета всех законных интересов сторон. Двухсторонние переговоры возможны и наличие посредника не является обязательным в случае, если к этому готовы сами стороны. Но практика показывает, что посредник в переговорах в лице медиаторы или судебного примирителя достаточно часто необходим.

…

Список литературы:

1. Хрестоматия по истории Древнего мира. Т. III. Рим. Под ред. акад. В. В. Струве, -М., 1953. - С. 21.
2. Поддубняк К. Ю. Эволюционное становление института мирового соглашения // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2014. – № 3 (31). – С. 33–39.
3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) от 21.03.1804 (в редакции от 11 августа 2025 года, вступил в силу 13 августа 2025 года) // [Электронный ресурс]. Режим доступа https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23230 (дата обращения 12.04.2026).
4. Тихомиров, М. Н. Соборное уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – С.131.
5. Дмитриев, Ф. М. История судебных инстанций и гражданского апелляционного производства от Судебника до Учреждения о губерниях / Ф. М. Дмитриев. – М., 1899. – Т. 1. – С.249.
6. Юртаев Д. В. История становления и последующего развития института примирительных процедур в РФ // Актуальные вопросы современной науки и образования: сб. ст. Междунар. науч.- практ. конф.: в 2 ч. Ч. 2. (Пенза, 20 июня 2023 г.). Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г. Ю.), 2023. - С. 107–109.
7. Нарышкина С. Ю. История и развитие института примирительных процедур в России // Genesis: исторические исследования. - 2023. - № 5. - С. 30–43.
8. Байрамов Р. С. Медиация: история возникновения и развития в России // Проблемы конфликторазрешения в современном обществе: сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. (г. Курск, 23 апреля 2020 г.). Курск: Юго-Западный государственный университет, 2020. С. 26–29
9. Фомин А.А. Эволюция института примирительных процедур в России: история и современность // Наука. Общество. Государство. - 2025. - Т. 13. - № 1 (49). - С. 44-51.
10. Куницын А. П. Историческое изображение древнего судопроизводства в России. СПб.: Тип. 2 Отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1843. – С.87.
11. Зайцев А. И. Проблемные аспекты третейского судопроизводства в России: монография. - Саратов: Саратовская государственная академия права, 2007. С.101.
12. Рехтина И. В. Медиация в России как альтернативный способ разрешения споров и элемент интеграции в Европейское сообщество // Юрист. - 2012. - № 11. - С. 40–44.
13. Бушмелева М. А., Стрепетова В. Ю. Правовое регулирование медиации в РФ: проблемы и перспективы // Академическая публицистика. - 2020. - № 4. - С. 365–370.
14. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 23.03.2026, с изм. от 31.03.2026) // Российская газета. N 220. 20.11.2002.
15. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Российская газета. N 137. 27.07.2002.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 N 18"О некоторых вопросах досудебного урегулирования споров, рассматриваемых в порядке гражданского и арбитражного судопроизводства" //Российская газета. № 144. 02.07.2021.
17. Махина С. Н. Примирение сторон в административном судопроизводстве: новое в законодательстве, теории и практике // Журнал административного судопроизводства. 2019. № 4. С.7.
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 N 41 "Об утверждении Регламента проведения судебного примирения" // Российская газета. N 254. 12.11.2019.
19. Федеральный закон от 27.07.2010 N 193-ФЗ (ред. от 26.07.2019) "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" // Российская газета. № 168. 30.07.2010.
20. Автономова М. В., Будяков А. А., Харламова Е. А. Роль и место института примирения и примирительных процедур в гражданском процессе // Право и государство: теория и практика. 2023. №4(220). - С. 213–216.
21. Камбер Д. Р. К вопросу о становлении и развитии примирительных процедур в России // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 6 (222). - С. 487–489.

Korchagina, K. A., Trifonov S. G. ., Bondarenko D.S. The institute of conciliation procedures in Russia: a retrospective analysis // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 755-761.

Examining the history of legal regulation of individual aspects of procedural activity is linked to the need for continuous, rational improvement of legal regulation as a whole. Studying historical experience enables us to assess the effectiveness of specific regulatory procedures and legal institutions as a whole. Consequently, effectively functioning and ineffective models and measures in legal regulation are identified. Conciliation procedures serve as an alternative to litigation in legal practice and allow parties, either without entering into procedural relations regarding a legal dispute between them, or having entered into procedural relations but desiring to resolve the relationship quickly and taking into account the positions of all parties, a legal method for the effective and prompt resolution of legal contradictions. Equally important is the desire of the parties to avoid potentially burdensome legal costs and resolve the dispute as quickly as possible. Conciliation procedures are not unique to Russian law; early examples of this phenomenon are known from ancient times, both in the ancient East and in classical civilizations. The domestic tradition of legal regulation of conciliation procedures focuses primarily on the legal regulation of private law rela-

tions. However, both judicial and extrajudicial conciliation are known in the sphere of public law protective relations. Modern legal regulation, particularly in the private law sphere, provides a wide range of conciliation procedures for parties, helping to reduce the burden on the judiciary.

Keywords: conciliation procedures, settlement agreement, court, legal proceedings, legislation, state fee, judge, judicial reforms, civil proceedings, arbitration proceedings, administrative proceedings.

Spisok literatury:

1. Khrestomatiya po istorii Drevnego mira. T. III. Rim. Pod red. akad. V. V. Struve, -M., 1953. - S. 21.
2. Poddubnyak K. YU. Evolyutsionnoye stanovleniye instituta mirovogo soglasheniya // Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki. – 2014. – № 3 (31). – S. 33–39.
3. Grazhdanskiy kodeks Frantsii (Kodeks Napoleona) ot 21.03.1804 (v redaktsii ot 11 avgusta 2025 goda, vstupil v silu 13 avgusta 2025 goda).//[Elektronnyy resurs]. Rezhim dostupa https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/23230 (data obrashcheniya 12.04.2026).
4. Tikhomirov, M. N. Sobornoye ulozheniye 1649 goda / M. N. Tikhomirov, P. P. Yepifanov. – M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. – S.131.
5. Dmitriyev, F. M. Istoriya sudebnykh instantsiy i grazhdanskogo apellyatsionnogo proizvodstva ot Sudebnika do Uchrezhdeniya o guberniyakh / F. M. Dmitriyev. – M., 1899. – T. 1. – S.249.
6. Yurtayev D. V. Istoriya stanovleniya i posleduyushchego razvitiya instituta primiritel'nykh protsedur v RF // Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki i obrazovaniya: sb. st. Mezhdunar. nauch.- prakt. konf.: v 2 ch. CH. 2. (Penza, 20 iyunya 2023 g.). Penza: Nauka i Prosveshcheniye (IP Gulyayev G. YU.), 2023. S. 107–109.
7. Narvshkina S. YU. Istoriya i razvitiye instituta primiritel'nykh protsedur v Rossii // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. - 2023. - № 5. - S. 30–43.
8. Bayramov R. S. Mediatsiya: istoriya vozniknoveniya i razvitiya v Rossii // Problemy konfliktorazresheniya v sovremennom obshchestve: sb. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf. (g. Kursk, 23 aprelya 2020 g.). Kursk: Yugo-Zapadnyy gosudarstvennyy universitet, 2020. S. 26–29
9. Fomin A.A. Evolyutsiya instituta primiritel'nykh protsedur v Rossii: istoriya i sovremennost'.// Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo. - 2025. - T. 13. - № 1 (49). - S. 44-51.
10. Kunitsyn A. P. Istoricheskoye izobrazheniye drevnego sudoproizvodstva v Rossii. SPb.: Tip. 2 Otd. sobstv. ye. i. v. kantselyarii, 1843. – S.87.
11. Zaytsev A. I. Problemnyye aspekty treteyskogo sudoproizvodstva v Rossii: monografiya. - Saratov: Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava, 2007. S.101.
12. Rekhtina I. V. Mediatsiya v Rossii kak al'ternativnyy sposob razresheniya sporov i element integratsii v Yevropeyskoye soobshchestvo // Yurist. - 2012. - № 11. - S. 40–44.
13. Bushmeleva M. A., Strepetova V. YU. Pravovoye regulirovaniye mediatsii v RF: problemy i perspektivy // Akademicheskaya publitsistika. - 2020. - № 4. - S. 365–370.
14. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 N 138-FZ (red. ot 23.03.2026, s izm. ot 31.03.2026).// Rossiyskaya gazeta. N 220. 20.11.2002.
15. Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 N 95-FZ (red. ot 15.12.2025) (s izm. i dop., vstup. v silu s 01.01.2026).// Rossiyskaya gazeta. N 137. 27.07.2002.
16. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 22.06.2021 N 18"O nekotorykh voprosakh dosudebnogo uregulirovaniya sporov, rassmatrivayemykh v poryadke grazhdanskogo i arbitrazhnogo sudoproizvodstva".//Rossiyskaya gazeta. № 144. 02.07.2021;
17. Makhina S. N. Primireniye storon v administrativnom sudoproizvodstve: novoye v zakonodatel'stve, teorii i praktike // Zhurnal administrativnogo sudoproizvodstva. - 2019. - № 4. - S.7.
18. Postanovleniye Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 31.10.2019 N 41 "Ob utverzhdenii Reglamenta provedeniya sudebnogo primireniya".// Rossiyskaya gazeta. N 254. 12.11.2019.
19. Federal'nyy zakon ot 27.07.2010 N 193-FZ (red. ot 26.07.2019) "Ob al'ternativnoy protsedure uregulirovaniya sporov s uchastiyem posrednika (protsedure mediatsii)".// Rossiyskaya gazeta. № 168. 30.07.2010.
20. Avtonomova M. V., Budyakov A. A., Kharlamova Ye. A. Rol' i mesto instituta primireniya i primiritel'nykh protsedur v grazhdanskom protsesse // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2023. №4(220). - S. 213–216.
21. Kamber D. R. K voprosu o stanovlenii i razvitii primiritel'nykh protsedur v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. - 2023. - № 6 (222). - S. 487–489.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С.762-771.

УДК 343.2

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Ходжалиев С. А., Тепсуев М. С., Хаджиев У. К.

В статье рассматриваются теоретические основы и практическое значение категорий объекта и предмета преступления в системе современного уголовного права. Проанализирована эволюция доктринальных подходов в отечественной науке — от концепции правовых благ к теории общественных отношений и современным интерпретациям, связывающим объект с обеспечением безопасности охраняемых социальных систем. Особое внимание уделено классификации объектов преступления (общий, родовой, видовой, непосредственный), их роли в построении Особенной части УК РФ и значению для правильной квалификации деяний. Рассмотрены проблемы множественности объектов, соотношения основного и дополнительного объектов, а также их значение при разрешении конкуренции уголовно-правовых норм. Отдельный акцент сделан на трансформации предмета преступления в условиях цифровизации, расширении круга нематериальных и виртуальных благ и усложнении правоприменительной практики. На основе анализа судебных решений показаны типичные ошибки в определении объекта и предмета преступления и их влияние на юридическую оценку содеянного. Обосновывается необходимость системного переосмысления данных категорий с учётом современных социальных и технологических изменений.

Ключевые слова: объект преступления; предмет преступления; уголовное право; квалификация преступлений; родовой объект; непосредственный объект; множественность объектов; цифровизация; нематериальные блага; судебная практика.

Категории объекта и предмета преступления образуют методологическую основу учения о составе преступления. Через них выявляется, на какие именно общественные отношения направлено посягательство и в чём выражается его общественная опасность. От точности их установления зависит корректность квалификации и место соответствующей нормы в системе Особенной части. Не случайно Ж. В. Салахова подчёркивает, что исходной точкой анализа состава выступает правильное определение объекта и предмета, позволяющее раскрыть юридическую природу деяния и отграничить его от сходных преступлений [1]. Тем самым данные категории выступают не вспомогательными, а системообразующими элементами уголовно-правовой конструкции.

Стабильность понятийного аппарата не означает его неизменности. Трансформация общественных отношений, усложнение экономических связей и расширение форм преступного поведения неизбежно отражаются на содержании уголовно-правовой охраны. В этих условиях объект преступления приобретает особую значимость как показатель социальной направленности запрета. Е. А. Белоусова и Р. Г. Степанов обоснованно указывают, что установление объекта имеет принципиальное значение как для квалификации, так и для назначения наказания [2]. Следовательно, речь идёт не только о теоретической категории, но и о практическом инструменте правоприменения.

Особое внимание привлекает изменение характера предмета преступления. Расширение сферы цифровых коммуникаций, появление виртуальных активов и нематериальных форм оборота ценностей выявляют ограниченность прежних представлений о предмете как исключительно материальном носителе общественного отношения. Практика демонстрирует случаи смешения объекта и предмета, что ведёт к ошибкам при квалификации. В. М. Веремеенко подчёркивает, что их корректное разграничение позволяет определить содержание и форму посягательства, а также

провести его отграничение от иных составов [3]. Это свидетельствует о необходимости более чёткого определения критериев их соотношения в современных условиях.

Наконец, проблема носит не только теоретический, но и прикладной характер. От корректного определения объекта зависит оценка общественной опасности деяния и пределы уголовной ответственности, а установление предмета нередко выступает обязательным условием правильной квалификации. В. В. Колосовский фиксирует базовую для доктрины позицию: «в научной литературе принято понимать предмет преступления как элемент объекта преступления, воздействуя на который преступник причиняет вред общественным отношениям» [4]. Ошибки в их понимании способны повлиять на исход уголовного дела. В итоге обращение к данной теме продиктовано потребностями современной практики и логикой развития самой уголовно-правовой науки.

Проблематика объекта и предмета преступления занимает устойчивое место в системе отечественной уголовно-правовой доктрины. Ещё в дореволюционный период были сформулированы базовые подходы к пониманию объекта как социального блага либо интереса, которому причиняется вред преступлением. В советский период концепция получила дальнейшее развитие, прежде всего через утверждение идеи объекта как общественного отношения, охраняемого уголовным законом. Эта позиция стала доминирующей и определила направление научной мысли на десятилетия вперёд.

Современный этап характеризуется обращением к проблемам, связанным с цифровизацией и нематериальными формами посягательства. В научных публикациях анализируются вопросы признания информации, бездокументарных активов и иных нематериальных объектов в качестве предмета преступления, уточняется их связь с охраняемыми общественными отношениями. В этой связи показателен вывод В. Ю. Шевченко о том, что «предмет преступления не всегда имеет материальную природу, а значит, беспредметных преступлений не бывает. Преступление способно оказывать воздействие как на материальные, так и на нематериальные ценности» [5]. Данное положение существенно расширяет традиционное понимание предмета преступления и позволяет адаптировать теоретическую конструкцию к условиям информационного общества.

При этом сохраняется потребность в комплексном осмыслении накопленного теоретического материала и его адаптации к новым социальным условиям. В итоге можно констатировать значительную степень разработанности темы при одновременном наличии нерешённых и дискуссионных вопросов, требующих дальнейшего научного анализа.

Методы. Теоретический анализ проведён с использованием формально-юридического, системного, историко-правового и сравнительно-правового подходов. Формально-юридический метод применён для раскрытия нормативной конструкции состава преступления и уточнения места объекта и предмета в его структуре. Системный подход позволил рассмотреть данные категории в контексте построения Особенной части и иерархии объектов уголовно-правовой охраны.

Системный анализ применяется для выявления взаимосвязи объекта и предмета преступления с другими элементами состава, а также с общей структурой уголовного закона. Объект рассматривается не изолированно, а в контексте построения Особенной части, иерархии родовых и видовых объектов, механизма уголовно-правовой охраны. Это позволяет проследить внутреннюю логику законодательных решений и показать, каким образом изменение социального содержания охраняемых отношений отражается

на структуре норм. В результате такого подхода удаётся выявить не только статические характеристики категорий, но и их функциональное значение в правовом регулировании.

Дополнительно используются историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Первый даёт возможность проследить эволюцию взглядов на объект и предмет преступления в отечественной науке, выявить устойчивые и изменяющиеся элементы доктринальных конструкций. Второй позволяет сопоставить российские подходы с зарубежными концепциями, определить степень их сходства и различия. Это создаёт более широкую теоретическую перспективу и способствует более взвешенной оценке существующих научных позиций.

Формирование представлений об объекте преступления в отечественной науке происходило постепенно и отражало общее развитие уголовно-правовой мысли. В дореволюционный период внимание акцентировалось на посягательстве на правовые блага и интересы, охраняемые государством. Категория объекта ещё не имела чёткой структурной разработанности, однако уже прослеживалась идея о социальной направленности преступления.

В советский период концепция получила более системное оформление. Было предложено рассматривать объект как общественное отношение, которому причиняется вред или создаётся угроза причинения вреда. Данная конструкция оказалась методологически удобной, поскольку позволяла связать уголовное право с марксистским пониманием общественных процессов. В результате именно теория общественных отношений заняла доминирующее положение и легла в основу большинства учебных и научных работ.

На современном этапе сохраняется преемственность основных положений, однако усиливается критический анализ прежних подходов. Отмечается необходимость уточнения содержания общественного отношения, его структуры и механизма причинения вреда. Историческая эволюция категории показывает, что её развитие обусловлено не только изменениями законодательства, но и трансформацией научной картины общества.

В отечественной доктрине наиболее распространённым является понимание объекта преступления как общественного отношения, поставленного под охрану уголовного закона. Подчёркивается, что преступление не направлено непосредственно против нормы права; вред причиняется именно социальному взаимодействию, урегулированному правом. Норма лишь фиксирует границы допустимого поведения и обеспечивает защиту соответствующих отношений.

Общественное отношение рассматривается как сложная структура, включающая субъектов, их права и обязанности, а также социальное благо, по поводу которого складывается взаимодействие. Вред может затрагивать любой из этих элементов, однако всегда отражается на функционировании отношения в целом. Это позволяет объяснить, почему преступное посягательство приобретает общественную опасность: нарушается устоявшийся порядок социального взаимодействия.

Такой подход обеспечивает целостное понимание социального содержания преступления. Он позволяет связать юридическую характеристику деяния с его фактическими последствиями в обществе и избежать чрезмерной абстрактности при анализе состава преступления.

Категория объекта преступления тесно связана с понятием ценностей, признаваемых и защищаемых государством. В научной литературе нередко подчёркивается, что

общественные отношения формируются вокруг определённых социальных благ, обладающих значимостью для личности, общества и государства. В этом контексте объект рассматривается как юридическая форма охраны соответствующих ценностей.

Вместе с тем отождествление объекта с ценностью не всегда представляется обоснованным. Ценность носит более общий, аксиологический характер, тогда как объект имеет конкретное нормативное выражение. Уголовный закон защищает не абстрактную значимость, а определённое социальное взаимодействие, связанное с этой значимостью. Поэтому объект и ценность находятся в тесной связи, но не совпадают по своему содержанию.

Разграничение данных категорий имеет практическое значение. Оно позволяет точнее определить пределы уголовно-правовой охраны и избежать расширительного толкования норм, основанного лишь на ссылке на высокую социальную значимость соответствующего блага.

Несмотря на устойчивость концепции общественных отношений, вопрос о сущности объекта продолжает оставаться дискуссионным. В научных работах предлагаются альтернативные подходы, согласно которым объектом признаются социальные блага, интересы либо правопорядок в целом. Каждая из этих концепций стремится устранить выявленные недостатки традиционной теории.

Сторонники теории социальных благ указывают на излишнюю сложность конструкции общественного отношения и предлагают сосредоточиться на конкретном благе, которому причиняется вред. Концепция интересов акцентирует внимание на субъективной стороне социального взаимодействия, подчёркивая значимость защищаемых притязаний участников отношений. Подход, связывающий объект с правопорядком, рассматривает преступление как посягательство на установленную систему общественных связей в целом.

Наличие различных позиций свидетельствует о глубине проблемы и её методологической значимости. Дискуссия способствует уточнению понятийного аппарата и позволяет более критично оценивать устоявшиеся теоретические схемы.

Прямого определения объекта преступления уголовный закон не содержит, однако его значение прослеживается в структуре и содержании норм. В Общей части закрепляются положения о задачах уголовного законодательства и основаниях ответственности, что косвенно указывает на круг охраняемых общественных отношений. Формулировка задач закона отражает перечень социальных сфер, поставленных под уголовно-правовую защиту.

Особенная часть построена по принципу группировки преступлений в зависимости от родового объекта. Разделы и главы кодекса структурированы в соответствии с теми общественными отношениями, на которые направлены посягательства. Это позволяет сделать вывод о системообразующей роли категории объекта при конструировании уголовного закона.

Нормативное выражение объекта проявляется также в диспозициях конкретных статей, где указывается характер посягательства и сфера охраняемых отношений. В итоге можно говорить о том, что объект преступления, хотя и не определён в законе напрямую, фактически пронизывает всю систему уголовного законодательства.

Определение объекта преступления имеет ключевое значение для правильной квалификации деяния. Установление того, на какое именно общественное отношение было направлено посягательство, позволяет отграничить смежные составы и выбрать соответствующую норму. Ошибка в определении объекта способна привести к

неверной юридической оценке и нарушению принципа законности.

Кроме того, категория объекта лежит в основе систематизации Особенной части уголовного закона. А. В. Агафонов подчёркивает: «Установление непосредственного объекта посягательства любого преступления имеет важное значение, поскольку с ним связано определение места конкретного преступления в общей системе преступных деяний, предусмотренных в Особенной части УК» [6]. На это указывает и С. И. Феклин: «в соответствии со структурой Уголовного кодекса РФ 1996 г. составы преступлений объединены в разделы и главы. В этой связи выделяется четыре вида объектов: общий, родовой, видовой, непосредственный» [7]. Родовой объект определяет структуру разделов, видовой — содержание глав, а непосредственный — специфику конкретных составов. Такая иерархия обеспечивает логическую стройность законодательства и облегчает его применение.

Значение объекта выходит за пределы сугубо теоретического анализа. Через него раскрывается социальный смысл уголовной ответственности, определяется степень общественной опасности деяния и формируется целостное понимание уголовно-правовой охраны как механизма защиты важнейших общественных отношений.

Под общим объектом преступления в отечественной доктрине традиционно понимается совокупность всех общественных отношений, поставленных под охрану уголовного закона. Речь идёт не о конкретной сфере взаимодействия, а о целостной системе социальных связей, обеспечивающих нормальное функционирование общества и государства. В этом смысле общий объект отражает социальную направленность уголовного права в целом.

Его содержание раскрывается через задачи уголовного законодательства и принципы уголовной ответственности. Общий объект фиксирует границы уголовно-правовой охраны, указывая на то, какие сферы общественной жизни признаны наиболее значимыми. Он не используется при квалификации конкретного деяния, однако задаёт концептуальные рамки всей отрасли.

Теоретическое значение данной категории заключается в формировании целостного представления о социальном назначении уголовного закона. Через неё демонстрируется связь между уголовно-правовыми запретами и фундаментальными интересами личности, общества и государства.

Родовой объект не сводится к формальному объединению норм в пределах раздела. Он отражает специфику сферы общественных отношений, которая требует самостоятельного уголовно-правового регулирования. Именно по родовому объекту выстраивается система разделов уголовного кодекса. Такой подход подтверждается и отраслевыми разработками. Так, К. Д. Николаев, анализируя преступления в сфере незаконного оборота наркотиков, указывает, что родовой объект определяется «как совокупность общественных отношений, обеспечивающих общественную безопасность и общественный порядок» [8]. Данное определение демонстрирует, что родовой объект задаёт рамку систематизации норм и отражает принадлежность посягательства к определённой сфере общественной жизни.

Его значение проявляется в законодательной технике. Размещение норм в определённой части кодекса не является случайным, а обусловлено принадлежностью посягательства к конкретной сфере общественных отношений. Это обеспечивает логическую стройность закона и облегчает его восприятие. Родовой объект позволяет увидеть внутреннюю логику распределения составов и выявить их социальную направленность. Практическая роль родового объекта проявляется при разрешении

вопросов конкуренции норм и при определении характера общественной опасности деяния. Он помогает определить, к какой сфере общественной жизни относится посягательство, и тем самым способствует более точной юридической оценке.

В пределах одного родового объекта возникает необходимость более тонкой дифференциации посягательств. Именно эту функцию выполняет видовой объект, позволяя разграничить близкие по социальной природе составы. В научной литературе подчёркивается, что при совпадении видового и основного непосредственного объектов обеспечивается более точное определение направленности посягательства. Благодаря этому достигается более точная систематизация уголовно-правовых норм и упрощается процесс их квалификационного применения.

Специфика видового объекта состоит в его функциональной направленности. Он служит промежуточным звеном между родовым и непосредственным объектами, обеспечивая последовательный переход от общего к частному. Через него уточняется социальная природа конкретных составов преступлений и выявляется их внутреннее сходство.

Функциональное значение видового объекта проявляется и в толковании норм. Он позволяет корректно определить пределы действия статьи, особенно в ситуациях, когда внешние признаки деяния совпадают, но социальная направленность различается. Непосредственный объект представляет собой конкретное общественное отношение, которому причиняется вред в результате совершения преступления. В отличие от родового и видового уровней, он связан с индивидуализированной характеристикой деяния. Именно на этом уровне раскрывается фактическое содержание посягательства. Структура непосредственного объекта включает субъектов отношения, их права и обязанности, а также социальное благо, по поводу которого складывается взаимодействие. Нарушение любого из этих элементов отражается на функционировании отношения в целом. По этой причине, вред может выражаться как в лишении определённого блага, так и в дезорганизации установленного порядка поведения.

Непосредственный объект имеет ключевое значение для квалификации. Его установление позволяет точно определить, какая именно норма подлежит применению, и отграничить преступление от смежных составов. В ряде составов преступлений посягательство направлено одновременно на несколько общественных отношений. В таких случаях выделяется основной и дополнительный непосредственные объекты. Основным признаётся то отношение, ради охраны которого в первую очередь установлена уголовная ответственность.

Дополнительный объект отражает сопутствующее причинение вреда иному общественному отношению. Его наличие может быть обязательным либо факультативным признаком состава. От правильного определения соотношения этих объектов зависит корректность квалификации и разграничение сложных составов.

Разграничение основного и дополнительного объектов позволяет точнее оценить степень общественной опасности деяния. Это особенно важно при анализе преступлений, сочетающих посягательство на личность и собственность либо на различные элементы общественной безопасности [9]. Факультативный объект представляет собой общественное отношение, которому вред может быть причинён при совершении преступления, но которое не является обязательным элементом состава. Его наличие не всегда влияет на квалификацию, однако может учитываться при оценке тяжести содеянного.

Данная категория позволяет объяснить случаи, когда преступное деяние затрагивает более широкий круг социальных связей, чем предусмотрено в диспозиции статьи. Факультативный объект отражает потенциальную многоаспектность посягательства и подчёркивает сложный характер общественной опасности.

Его значение проявляется прежде всего при индивидуализации наказания и анализе последствий преступления. Он помогает учесть дополнительные аспекты причинённого вреда без искусственного расширения состава преступления.

Разграничение общего, родового, видового и непосредственного объектов не всегда проводится последовательно. В научной литературе встречаются случаи смешения уровней классификации, что приводит к методологической неопределённости. Особенно часто затруднения возникают при определении границ между родовым и видовым объектами.

В правоприменительной практике подобная неопределённость может повлиять на квалификацию. Неверное установление уровня объекта способно привести к применению неправильной нормы или к ошибочному разрешению конкуренции составов. Это подчёркивает необходимость строгого соблюдения иерархии категорий.

Проблема разграничения уровней объекта сохраняет актуальность и требует дальнейшей теоретической проработки. Чёткая систематизация данных категорий позволяет обеспечить единство правоприменения и повысить обоснованность уголовно-правовой оценки деяния.

Множественность объектов возникает в случаях, когда одно деяние посягает одновременно на несколько общественных отношений. Подобные ситуации характерны для сложных и составных преступлений, а также для посягательств, сопряжённых с насилием либо причинением дополнительного вреда. В таких случаях требуется установить, какое отношение является основным, а какие — дополнительными, и отразить это в квалификации. В научной литературе подчёркивается, что отсутствие единого представления об объекте преступления в доктрине и правоприменении неизбежно отражается на практике квалификации [10]. Это особенно заметно при анализе многообъектных составов.

Затруднения проявляются при разграничении единого сложного состава и совокупности преступлений. Если вред причиняется различным объектам в рамках одного акта поведения, возникает вопрос о пределах охвата деяния одной нормой. Ошибочное признание самостоятельности каждого посягательства может привести к избыточной уголовно-правовой оценке. С другой стороны, игнорирование реальной множественности объектов способно занизить степень общественной опасности содеянного. Плюралистический подход к определению непосредственного объекта преступления, выявленный при обобщении судебной практики, также подтверждает неоднозначность квалификационных решений.

Корректная квалификация требует анализа направленности умысла, характера причинённого вреда и законодательной конструкции состава. При этом, как отмечается в современной концепции, объект преступления целесообразно рассматривать через призму безопасности сложных социальных систем. Такой подход позволяет учитывать не только формальное совпадение признаков, но и реальную направленность посягательства.

Дополнительный объект приобретает особое значение при разрешении конкуренции уголовно-правовых норм. Когда одно деяние формально подпадает под признаки нескольких статей, определяющим становится вопрос о социальной направленности

посягательства. Именно через установление основного и дополнительного объектов выявляется приоритет одной нормы перед другой. Рассмотрение объекта как обеспеченных законом условий нормального функционирования соответствующей социальной системы позволяет избежать произвольного выбора нормы и выстроить квалификацию в логике защиты конкретного уровня безопасности.

Конкуренция общей и специальной норм нередко связана с тем, что специальная статья предусматривает посягательство на более узкий круг общественных отношений. В этом случае дополнительный объект может выступать квалифицирующим признаком и свидетельствовать о большей общественной опасности деяния. Его игнорирование способно привести к применению менее точной нормы.

Правильное определение роли дополнительного объекта позволяет обеспечить соблюдение принципа справедливости и исключить двойной учёт одного и того же вреда. Это способствует единообразию правоприменения и укреплению логики уголовно-правовой квалификации.

Анализ судебной практики показывает, что ошибки в определении объекта или предмета преступления нередко становятся основанием для отмены или изменения приговоров. Чаще всего затруднения связаны с неправильным установлением социальной направленности посягательства либо с некорректным определением материального признака состава.

В ряде случаев суды подменяют объект преступления характеристикой последствий либо ограничиваются формальным указанием на нарушение нормы без раскрытия затронутого общественного отношения. Подобный подход приводит к поверхностной квалификации и затрудняет разграничение смежных составов. Ошибки в определении предмета проявляются при оценке цифровых данных, денежных средств, имущественных прав.

Обобщение практики свидетельствует о необходимости более тщательного анализа данных категорий при рассмотрении уголовных дел. Тем самым, можно повысить обоснованность судебных решений и обеспечить единообразие применения уголовного закона.

Заключение. Рассмотренные положения подтверждают, что без уточнения содержания объекта и предмета преступления невозможна последовательная квалификация деяний. Современная судебная практика демонстрирует, что именно на уровне этих категорий возникают наиболее существенные расхождения. Усиление роли цифровых технологий, появление нематериальных и виртуальных благ, а также усложнение судебной практики обостряют проблему их точного разграничения и корректного применения в процессе квалификации. Вследствие этого уточнение содержания объекта и предмета преступления приобретает не только теоретическое, но и прикладное значение, обеспечивая внутреннюю согласованность уголовного закона и единообразие правоприменения.

Список литературы:

1. Салахова Жанна Валерьевна Влияние объекта и предмета преступления на квалификацию преступлений против собственности // Вестник ЧелГУ. 2007. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obekta-i-predmeta-prestupleniya-na-kvalifikatsiyu-prestupleniy-protiv-sobstvennosti (дата обращения: 01.03.2026).
2. Белоусова Е. А., Степанов Р. Г. Об объекте и предмете преступлений, предусмотренных ст. 193, 193.1 ук рф // Ленинградский юридический журнал. 2020. №1 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obekte-i-predmete-prestupleniy-predusmotrennyh-st-193-193-1-uk-rf (дата обращения: 01.03.2026);
3. Веремеенко Виталий Михайлович Особенности объекта и предмета преступлений, составляющих взяточничество // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. №2

(34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obekta-i-predmeta-prestupleniy-sostavlyayuschih-vzyatochnichestvo (дата обращения: 01.03.2026);
4. Колосовский В. В. Ошибки при квалификации по объекту и предмету преступления // Вестник ЧелГУ. 2003. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oshibki-pri-kvalifikatsii-po-obektu-i-predmetu-prestupleniya (дата обращения: 01.03.2026);
5. Шевченко Василий Юрьевич Объект и предмет преступления // Современная наука. 2013. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniya (дата обращения: 01.03.2026);
6. Агафонов Александр Владимирович Организация объединения, посягающего на личность и права граждан: проблемы уяснения содержания непосредственного объекта настоящего преступления // Сибирский юридический вестник. 2004. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-obedineniya-posyagayuschego-na-lichnost-i-prava-grazhdan-problemy-uyasneniya-soderzhaniya-neposredstvennogo-obekta (дата обращения: 01.03.2026);
7. Феклин Сергей Иванович Объект и предмет преступления, предусмотренного статьей 228-2 УК РФ // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. 2008. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniya-predusmotrennogo-statiey-228-2-uk-rf (дата обращения: 01.03.2026).
8. Николаев Константин Дмитриевич Объект и предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Вестник ВИ МВД России. 2009. №4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniy-svyazannyh-s-nezakonnym-oborotom-narkotikov (дата обращения: 01.03.2026);
9. Коргулев Александр Геннадьевич Соотношение предмета и объекта преступления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-predmeta-i-obekta-prestupleniya (дата обращения: 01.03.2026);
10. Юрченко Ирина Александровна Объект и предмет преступления: концептуальные основы и судебная практика // Юридическая наука. 2022. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniya-kontseptualnye-osnovy-i-sudebnaya-praktika (дата обращения: 01.03.2026).

Khojaliev S. A., Tepsuev M. S., Khadzhiev U. K. The Object and Subject of Crime in the System of Modern Criminal Law: Theoretical Foundations and Law Enforcement Issues // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 76258-771.

The article examines the doctrinal foundations and practical significance of the categories of the object and subject of crime within the system of modern criminal law. The analysis focuses on the evolution of theoretical approaches in Russian legal scholarship, including the transition from the concept of legal goods to the theory of social relations and contemporary interpretations associated with security as a protected value. Particular attention is paid to the classification of crime objects (general, generic, specific, and direct), their role in structuring the Special Part of the Criminal Code, and their importance for the correct qualification of criminal acts. The study highlights the problem of multiple objects, the distinction between main and additional objects, and their relevance in resolving conflicts of legal norms. Special emphasis is placed on the transformation of the subject of crime in the context of digitalization, the emergence of intangible and virtual assets, and the growing role of information technologies. Judicial practice is analyzed to demonstrate typical errors in defining the object or subject of crime and their impact on legal assessment. It is concluded that the modernization of criminal law doctrine requires a systematic reinterpretation of these categories in light of contemporary social and technological developments.

Keywords: object of crime; subject of crime; criminal law doctrine; qualification of crimes; generic object; direct object; multiple objects; digitalization; intangible assets; judicial practice.

Spisok literatury:

1. Salakhova Zhanna Valeryevna The influence of the object and the subject of the crime on the qualification of crimes against property // Bulletin of ChelSU. 2007. No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-obekta-i-predmeta-prestupleniya-na-kvalifikatsiyu-prestupleniy-protiv-sobstvennosti (date of request: 03/01/2026).
2. Belousova E. A., Stepanov R. G. On the object and subject of crimes under Articles 193, 193.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // Leningrad Law Journal. 2020. No. 1 (59). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-obekte-i-predmete-prestupleniy-predusmotrennyh-st-193-193-1-uk-rf (date of request: 03/01/2026);
3. Veremeenko, Vitaly Mikhailovich, Features of the object and subject of crimes constituting bribery // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. No. 2 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-obekta-i-predmeta-prestupleniy-sostavlyayuschih-vzyatochnichestvo (date of request: 03/01/2026);
4. Kolosovsky V. V. Errors in the qualification of the object and subject of the crime // Bulletin of ChelSU. 2003. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/oshibki-pri-kvalifikatsii-po-obektu-i-predmetu-prestupleniya (date of request: 03/01/2026);
5. Shevchenko Vasily Yuryevich Object and object of crime // Modern science. 2013. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniya (date of request: 03/01/2026);
6. Agafonov, Alexander Vladimirovich, Organization of an association that encroaches on the personality and rights of citizens: problems of clarifying the content of the immediate object of this crime // Siberian Law Bulletin. 2004. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsiya-obedineniya-posyagayuschego-na-lichnost-i-prava-grazhdan-problemy-uyasneniya-soderzhaniya-neposredstvennogo-obekta (date of request: 03/01/2026);

7. Feklin Sergey Ivanovich is the object and subject of a crime under Article 228-2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Legal Sciences. 2008. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniya-predusmotrennogo-statiey-228-2-uk-rf (date of appeal: 03/01/2026).
8. Nikolayev Konstantin Dmitrievich Object and subject of crimes related to drug trafficking // Bulletin of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2009. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniy-svyazannyh-s-nezakonnym-oborotom-narkotikov (date of request: 03/01/2026);
9. Korgulev, Alexander Gennadievich, The relationship between the subject and the object of crime // Humanities, socio-economic and social sciences. 2020. No. 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-predmeta-i-obekta-prestupleniya (date of request: 03/01/2026);
10. Yurchenko Irina Aleksandrovna Object and subject of crime: conceptual foundations and judicial practice // Legal science. 2022. No. 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniya-kontseptualnye-osnovy-i-sudebnaya-praktika (date of request: 03/01/2026). .

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 772-779.

УДК: 340

АККУЛЬТУРАЦИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ МОРСКОГО ПРАВА

Кодан С. В., Никитина А. П.

В статье рассмотрена аккультурация как элемент политики в области морского права периода второй половины XIX – начала XX вв. Раскрыт процесс выявления, познания и творческого применения иностранных норм в морском праве Российской империи, на Европейском континенте, мировой практике. Выявлены основные источники российской аккультурации в области морского права, последовательность и специфика их использования. Дана характеристика становления и развития самого понятия «международного морского права», определены основные вехи его становления – 1) доконвенциальный период, 2) конвенциальный и, вместе с тем, попытка выделения морского права в самостоятельно регулируемую и контролируемую особой организацией систему.

Ключевые слова: аккультурация, морское право, обычай, традиции, Российская империя, международная морская организация, конвенции.

Изучение национальных политических государственных и правовых явлений и институтов в различных контекстах взаимодействия с однорядными феноменами из других стран опирается на различные подходы и методы. Среди них особое место занимает культурологический подход, в структуре которого аккультурация рассматривается как фундаментальный процесс взаимодействия и взаимовлияния культурных систем различных социумов, включая и правовые культуры. В юридической сфере жизнедеятельности общества «процесс аккультурации можно определить, как общенаправленное взаимодействие и результат этого взаимовлияния правовых систем (культур) друг на друга, или же заимствование явления из одной правовой среды и внедрение его в другую, включая так называемое "приживание"» - указывает Ю. В. Скворцова [1, с. 105]. Заимствование, рецепция или иное использование тех или происходило в условиях тесного экономического, политического и культурного взаимодействия (и конфронтации) соответственно происходил и процесс познания и применения достижений соседних стран, их культуры и науки, их взаимообогащение, т.е. *процесс аккультурации*. При вех трактовках понимания и понятия правовой аккультурации, в науке целом степень взаимодействия определяйся в следующих формах: а) взаимного дополнения элементов национальных государственно-правовых систем в режиме правовой конвергенции; б) одностороннего заимствования правовой в режиме рецепции; в) насаждения, принудительного навязывания с запретом/исключением из оборота ранее действовавших норм и правил в режиме правовой экспансии; г) совместное создание или развитие необходимых норм, с приспособлением уже действующих норм, обычаев, практик и т.д. в режиме правовой унификации; д) внедрение в деятельность транспорта апробированных административно-управленческих и научных решений, открытий, знаний в режиме правовой адаптации правовой [2, с. 83-87].

На основе использования понимания явления аккультурации и использования его потенциала как исследовательского подхода и инструмента могут изучаться государственно-правовые явления, процессы и институты на различных уровнях – от государственно-правовых явлений и институтов в целом до отдельных институциональных проявлений на уровне. Одновременно важно учитывать, что процессы правовой аккультурации в различных ее формах складываются, приходят и разворачиваются в ходе исторического развития культурного взаимодействии различных стран и, соответственно, представляется возможным рассматривать аккультурацию, как историческую форму рецепции [3, с. 1581]. При этом заметим, что в истории

дореволюционной России достаточно много различных примеров правовой аккультурации права в процессе взаимодействия метрополии и национальных регионов, входивших в состав Российской империи Царства Польского, Великого княжества Финляндского, Малороссии, Остзейских и Западных губерний [4, с. 125-147]. Также можно обратиться и примерам, изучения и применения норм шведского законодательства при Петре I [5-7]; развитие вексельного права [8], взаимодействие и взаимовлияние российских и финляндских узаконений – Великого княжества Финляндского [9, с. 20-29; 10, с. 51-59; 11], российского права и при права – Остзейских губерний и т.д. [12, с. 51-56; 13, с. 68-70].

Не является исключением в этом отношении и морское право, которое складывалось, как и во взаимодействии как Российского с европейскими государствами, так с и национальными регионами самой Российской империи. Соответственно в процессах регулирования общественных отношений в указанной сфере присутствовало выявление, изучение, а при необходимости доработка – выявленных необходимых к использованию обычаев, традиций, норм, законов, теории и практики правоприменения.

Международное торговое судоходство – одна из важнейших составных и, одновременно, движителей мировой экономики, отдельных регионов нашей планеты, стран.

При этом, международный, региональный и национальный правовые аспекты деятельности торгового судоходства, находясь в постоянном движении и развитии, как каждое в отдельности, так и в едином процессе, испытывают постоянные вызовы – техногенные и технические, научные, экологические и кадровые, военные и коммерческие, и многие иные.

На данном фоне особое внимание обращается на 1) международные морские организации, в частности на IMO, призванные урегулировать подобные противоречия, разрешать возможные спорные вопросы, предлагать варианты развития и совершенствования теории и практики судоходства; 2) международные акты, конвенции и иные нормативные документы, являющиеся базисом для деятельности международного торгового судоходства; 3) правовую региональную и национальную специфику, иное сотрудничество, степень их действенности.

Бесспорным является понимание факта, что возникающие в морском торговом судоходстве конфликты, споры и коллизии должны быть урегулированы не столько самостоятельно различными государствами, или же группами государств, но иметь международный характер, универсальные подходы, т.е., как минимум базово регулироваться морским правом.

Однако, универсального ответа на вопрос «Что такое морское право?» все еще нет единого ответа. Известный ученый, профессор Ignacio Arroyo по данному вопросу указывает, что существует несколько точек зрения: 1) та, что касается частных аспектов судоходства и торговли, главным образом, морской перевозки грузов, страхования и т. д.; 2) публичные и международные аспекты моря (морские границы, прибрежные ресурсы, окружающая среда, рыболовство, зоны и т. д.).

Вместе с тем, «… в странах с гражданским правом наблюдается новая тенденция рассматривать под выражением «морское право» или «навигационное право» все правовые аспекты — частные, публичные, национальные или международные — связанные с морем… С этой точки зрения, морское право определяется как совокупность правовых отношений, зародившихся или развившихся вместе с морем» [14, с. 1].

Многие исследователи придерживаются точки зрения, поддерживаемую в том числе и IMO, согласно которой, определение «морского права… зависит от различных факторов, влияющих на ситуацию: система общего права против системы гражданского права, юридические школы, мнения ученых, английский язык против других языков, история и традиции и так далее. Во всех случаях морское право должно быть независимой отраслью права во всех национальных правовых системах, поскольку регулирование моря и морские дела заслуживают специальных правил, отвечающих их особым потребностям и обстоятельствам» [14, с. 2-3].

С этим разумным тезисом сложно не согласится, несмотря на то, что он, как и многое иные, позволяет задать простые вопросы – 1) каким образом происходил процесс формирования международного морского права, 2) причины длительного его (т.е. международного морского права) отсутствия.

Пытаясь дать ответ на данные взаимосвязанные вопросы, отметим, что основу морского международного права составляют подписанные в различный период времени декларации и конвенции. Среди первых из них следует назвать декларацию «о принципах морского международного права» (16 апреля 1856) [15]; чрезвычайно важная для всего торгового судоходства (в навигационных целях) о времени «Конвенция по меридианам 1884-1853» [16]; «Конвенция о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий» (Гаага, 18 октября 1907 г.) [17]; «Конвенция об обращении торговых судов в суда военные» (Гаага, 18 октября 1907 г.) [18], «Конвенция для объединения некоторых правил относительно оказания помощи и спасания на море» (Брюссель, 23 сентября 1910 г.) [19], «Конвенция для объединения некоторых правил относительно столкновения судов» (Брюссель, 23 сентября 1910 г. Вступила в силу 1 марта 1913 г.) [20].

Как видно из представленного списка, лишь две из перечисленных конвенций были направленны на урегулирование важных, комплексных вопросов, затрагивающих деятельность всего судоходства, а не относящихся к периоду подготовки к 1-й Мировой войне.

Только после 1918 г., а также в ходе заключения Версальского мирного договора, создания Лиги Наций и иных шагов, торговое судоходство и его регулирование стали предметом взаимного внимания всех заинтересованных сторон. В частности, можно привести, в качестве примера, конвенцию SOLAS 1929 г. [21, с. 235-237].

При этом, роль межгосударственных договоров в исследуемой сфере стала снижаться.

Для понимания сложности и медлительности развития изучаемых процессов, отметим, что в ходе возникновения и эволюции международного морского права оказалось необходимо привести к единому пониманию и правовому закреплению огромное количество вопросов.

Среди них, такие как гражданство (в т.ч. команды) и флаг суда; документация; регистрация суда и регистрация чартера; судостроительные контракты; продажа и покупка судов; управление судами; страхование (судов, экипажа, грузов, ответственности и т.п.); залоги и владения; морские требования; морская безопасность; морское трудовое право; судоходные документы; чартеры и коносаменты; перевозка пассажиров и багажа; право буксировки; портовое право и лоцманская проводка; морские столкновения; спасение; авария; морские претензии; морское страхование и иные.

Все эти вопросы зачастую должны были сначала появиться в национальном праве, быть с ним имплементированы и только в виде исключения они могли быть введены в национальное законодательство или признаны им де-факто.

И даже более того – практически каждый раз необходимо было согласовывать деятельность и правила торгового судоходства с местными торговыми обычаями [22], существующими, в частности, и сегодня в портах Российской Федерации [23; 24].

Из вышеуказанного можно заключить, что даже в современный период Морская международная организация, возможно исключительно из-за неспособности основных и важнейших ее участников прийти к единой точке зрения, не может четко определить такие понятия как «морское право», «международное морское право» и т.п. [14, s. 4].

Причины такого явления – не только указанные авторами причины, но и сама природа торгового судоходства, связанной с ним инфраструктуры, специфики национальных правовых систем и традиций десятков государств, особенностей судоходства в отдельных регионах, а в некоторых случаях – религиозная и национальная специфика.

Формирование международного морского права в современном виде, в основном приходится на период после 2-й Мировой войны. Мы говорим «в основном», т.к. отдельные его части (отрасли/подотрасли), как самостоятельное явление сформировались намного ранее, однако небыли обязательны и общеприняты всеми участниками, в том числе и основными игроками рынка.

Однако, до этого периода, как мы полагаем, происходил процесс аккультурации норм и принципов морского права, под которой мы, в данном случае разделяя точку зрения Ю. В. Скрцовой, понимаем трансформацию «…которую испытывает правовая система от контакта с другой правовой системой, т.е. процесс аккультурации можно определить как общенаправленное взаимодействие и результат этого взаимодействия правовых систем (культур) друг на друга, или же заимствование явлений из одной правовой среды и внедрение его в другую, включая так называемое «приживание» [1, с. 104-115].

Безусловно, что в некоторых случаях, к примеру, в вопросах распространения и использования норм, правил и принципов морского страхования, заимствования и аккультурация фактически не применялись, т.к. в данном направлении государственное правотворчество чаще всего не успевало за частной инициативой, не обладая достаточным комплексом ресурсов (в том числе научных и административных), а также в связи с тем, что морское страхование изначально носило международный, интернациональный, равноправный характер [25, с. 266-267; 26, с. 45-53].

Таким образом, исходя из вышеуказанного, правовая аккультурация (в том числе в области морского права), т.е. применении зарубежных норм права, их части или идей, это, в том числе, процесс присущий не только России, но и подавляющему большинству государств современного мира, вызванный практическими, теоретическими, государственными, коммерческими и научными потребностями каждой из принимающей в нем участие сторон, является необходимым условием сохранения соответствующего уровня (политического, экономического, образовательного, научного, социального и т.п. развития) динамики тех или иных отношений, их возможного взаимодействия с базовыми принципами и нормами, общепринятыми в теории и практике.

Только такой подход и понимание аккультурации в морском праве, с учетом региональной специфики, равенства интересов всех заинтересованных сторон делает его эволюционно последовательным, гибким, наименее администрированным даже в условиях многообразия национальных и региональных норм, традиций, взглядов, трактовок.

В данном контексте мнение некоторых зарубежных ученых, которые считают, что «Для достижения устойчивого будущего международного судоходства необходимо развитие сильных структур управления, поддерживающих стандарты безопасности и защиту окружающей среды. Эти структуры должны быть достаточно гибкими, чтобы справляться с новыми задачами и учитывать мнение заинтересованных сторон» [28, с. 333], считаем неверным, т.к. лишь баланс интересов всех заинтересованных сторон, выявляемый и фиксируемый, с предоставлением оценки уполномоченным на то международным судам, но не управляемый предлагаемыми сильными структурами управления (часто действующими в интересах одной или группы стран), что может входить в конфликт с соответствующими нормами и правилами отдельных государств, их блоков, регионов.

Аккультурация же и в данном процесс должна играть такую же роль, как систематизация и кодификация, т.е. быть важным вспомогательным инструментом заинтересованных сторон.

Список литературы:

1.Ю. В. Скворцова. Правовая аккультурация и развитие российской правовой системы // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – С. 104-115. – URL: Правовая аккультурация и развитие российской правовой системы (дата обращения: 3.03.2026).

2.Осоченко, А. А. Противопожарные меры в портах и пристанях, связанные с железнодорожной перевозкой, хранением нефтепродуктов в России во второй половине XIX – начале XX вв. / А.А. Осоченко // Современные проблемы юриспруденции в условиях глобальных вызовов и трансформационных процессов: теория и практика : материалы всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 17-18 апр. 2024 г. / Крымский федер. ун-т им. В.И. Вернадского, Ин-т «Таврическая академия». – Симферополь, 2024. – С. 83-87.

3.Сокольская Л. В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. – 20114. – 8. – С. 1581. – URL: Рецепция как историческая форма правовой аккультурации (дата обращения: 3.03.2026).

4.Кодан С.В., Февралёв С.А. — Местное право Прибалтики в правовой системе Российской Империи: интеграция, систематизация, унификация (XVIII – начало XX вв.) // Юридические исследования. – 2013. – № 7. – С. 125 - 147. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.7.626. – URL: https://e-notabene.ru/lr/article_626.html (дата обращения: 3.03.2026).

5.И.К. Кузнецова, П.П. Лаврук (Санкт-Петербург). Подлинный Воинский устав Его Императорского Величества Петра 1. – URL: Подлинный Воинский устав Его Императорского Величества Петра I (дата обращения: 3.03.2026).

6. Инструкции и артикулы военные… – URL: «Инструкции и артикулы военные...» (дата обращения: 3.03.2026).

7.Т. Я. Хабриева ЗАимствования в праве многополярного мира: на пути к новому научному консенсусу. – URL: Khabrieva.pdf (дата обращения: 3.03.2026).

8.С. Д. Казаков. Развитие вексельного права в России // Вестник Чувашского университета. – URL: Развитие вексельного права в России (дата обращения: 3.03.2026).

9.Гаук А. М. Организация суда и судопроизводства по морским делам в XIX – начале XX вв. в Великом княжестве Финляндском // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). № 1. – С. 20–29.

10. Никитина А. П., Гаук А. М. Организация лоцманской службы в Финляндии в начале XIX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2020. Т. 6 (72). – №2. – С. 51-59.

11. Становление и современное состояние системы государственной власти в Финляндии: от имперской бюрократии к сетевому парламентаризму // Финляндия: язык, культура, история. – URL: Становление и современное состояние системы государственной власти в Финляндии: от имперской бюрократии к сетевому парламентаризму | Финляндия: язык, культура, история Предлагаемый материал представляет собой подробное академическое исследование эволюции и современного состояния системы государственной власти в Финляндии. Статья детально прослеживает путь институтов управления от дуализма шведских законов и российского самодержавия в XIX веке до демонтажа полупрезидентской системы в конце XX столетия. Особое внимание уделено административной реальности 2026 года, включая переход страны к классическому парламентаризму, последствия вступления в НАТО и

радикальное перераспределение бюджетов в рамках реформы «регионов благосостояния». (дата обращения: 3.03.2026).
12. Киров А. А. Становление организации деятельности Рижского лоцманского цеха // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2021. – Т. 7 (73). № 2. – С. 51-66.
13. Киров А. А. Взаимодействие служб маяков и лоции в Великом Княжестве Финляндском // «Актуальные проблемы юриспруденции: публично-правовые аспекты». Материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов. – Симферополь: Институт «Таврическая академия» «КФУ им. В.И. Вернадского», 2023. – С. 68-70.
14. THE IMLI MANUAL ON INTERNATIONAL MARITIME LAW. Volume II: Shipping Law General Editor David Joseph Attard. Edited by Malgosia Fitzmaurice, Norman A Martínez Gutiérrez, Ignacio Arroyo, Elda Belja. – OXFORD UNIVERSITY PRESS. – 769 S. – URL: The IMLI Manual on International Maritime Law (дата обращения: 3.03.2026).
15. Декларация о принципах морского международного права (16 апреля 1856). – URL: Декларация о принципах морского международного права (16 апреля 1856) (дата обращения: 3.03.2026).
16. Международная конференция по меридиану. – URL: Международная конференция по меридиану • ru.knowledgr.com (дата обращения: 3.03.2026).

17. Конвенция о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий от 18 октября 1907 года. – URL: Конвенция о положении неприятельских торговых судов при начале военных действий от 18 октября 1907 - docs.cntd.ru (дата обращения: 3.03.2026).
18. Конвенция об обращении торговых судов в суда военные» (Гаага, 18 октября 1907 г.). – URL: Конвенция об обращении торговых судов в суда военные (Гаага, 18 октября 1907 г.) | ГАРАНТ (дата обращения: 3.03.2026).
19. Конвенция для объединения некоторых правил относительно оказания помощи и спасания на море» (Брюссель, 23 сентября 1910 г.). – URL: Конвенция для объединения некоторых правил относительно оказания помощи и спасания на море (Брюссель, 23 сентября 1910 г.) | ГАРАНТ (дата обращения: 3.03.2026)
20. Конвенция для объединения некоторых правил относительно столкновения судов» (Брюссель, 23 сентября 1910 г. Вступила в силу 1 марта 1913 г.). – URL: Конвенция для объединения некоторых правил относительно столкновения судов. (Брюссель, 23 сентября 1910 г.) | ГАРАНТ (дата обращения: 3.03.2026).
21. Осоченко, А. А. Влияние международной конвенции SOLAS 1929 г. на улучшение противопожарной безопасности морских судов и торговых портов / А.А. Осоченко // Актуальные проблемы юриспруденции: публично-правовые аспекты : материалы VIII всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием профессорско-преподавательского состава, аспирантов и студентов, Симферополь, 5 апр. 2023 г. / Крымский федер. ун-т им. В.И. Вернадского, Ин-т «Таврическая академия». – Симферополь, 2023. – С. 235-237.
22. Nartey, R., & Agyekum, K. (2017). The Influence of Customary Practices on the Interpretation and Application of UNCLOS in Ghanaian Jurisprudence. African Journal of International and Comparative Law, 25(3), 345-366.
23. Обычаи порта или конкретной торговли. – URL: Обычаи порта или конкретной торговли - Столичная Логистическая Компания (дата обращения: 3.03.2026).
24. ОБЫЧАИ МОРСКОГО ПОРТА НОВОРОССИЙСК. – URL: Obychai porta Novorossiysk.doc (дата обращения: 3.03.2026).
25. Иващенко Е. С. Развитие морского страхования в России в первой половине XIX в. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2018. – Т. 4 (70). № 3. – С. 266–276.
26. Иващенко Е. С. Развитие морского страхования во второй половине XIX – начале XX вв. в России // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. – 2019. – Т. 5 (71). № 1. – С. 45-53.
27. Dr. Capt Rajiv Mazumder. Dr. Foster M Research. THE EVOLUTION AND GOVERNANCE OF MARITIME LAW: LEGAL FRAMEWORKS, DISPUTES, LIABILITY, AND SUSTAINABLE COMPLIANCE IN INTERNATIONAL SHIPPING // Journal of Nonlinear Analysis and Optimization Vol. 15, Issue. 1, No.10 : 2024 ISSN :1906-9685. – S. 3337. – URL: 415_online.pdf (дата обращения: 3.03.2026).

S. V. Kodan, A. P. Nikitina. **Acculturation as an Element of Maritime Law Policy //** Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 772-779

This article examines acculturation as an element of maritime law policy in the second half of the 19th and early 20th centuries. It explores the process of identifying, understanding, and creatively applying foreign norms in the maritime law of the Russian Empire, the European continent, and global practice. The main sources of Russian acculturation in maritime law, as well as the sequence and specifics of their application, are identified. The article also characterizes the formation and development of the concept of "international maritime law," identifying the main stages of its development: 1) the pre-conventional period, 2) the conventional period, and, at the same time, an attempt to establish maritime law as an independently regulated system controlled by a special organization.

Keywords: acculturation, maritime law, custom, tradition, Russian Empire, International Maritime Organization, conventions.

Spisok literatury:

1.Yu. V. Skvorcova. Pravovaya akkul'turaciya i razvitie rossijskoj pravovoj sistemy // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. – 2013. – S. 104-115. – URL: Pravovaya akkul'turaciya i razvitie rossijskoj pravovoj sistemy (data obrashcheniya: 3.03.2026).

2.Osochenko, A. A. Protivopozharnye mery v portah i pristanyah, svyazannye s zheleznodorozhnoj perevozkoj, hraneniem nefteproduktov v Rossii vo vtoroj polovine HIH – nachale HH vv. / A.A. Osochenko // Sovremennye problemy yurisprudencii v usloviyah global'nyh vyzovov i transformacionnyh processov: teoriya i praktika : materialy vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov, Simferopol', 17-18 apr. 2024 g. / Krymskij feder. un-t im. V.I. Vernadskogo, In-t «Tavricheskaya akademiya». – Simferopol', 2024. – S. 83-87.

3.Sokol'skaya L. V. Recepciya kak istoricheskaya forma pravovoj akkul'turacii // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 20114. – 8. – S. 1581. – URL: Recepciya kak istoricheskaya forma pravovoj akkul'turacii (data obrashcheniya: 3.03.2026).

4.Kodan S.V., Fevralyov S.A. — Mestnoe pravo Pribaltiki v pravovoj sisteme Rossijskoj Imperii: integraciya, sistematizaciya, unifikaciya (XVIII – nachalo XX vv.) // Yuridicheskie issledovaniya. – 2013. – № 7. – S. 125 - 147. DOI: 10.7256/2305-9699.2013.7.626. – URL: https://e-notabene.ru/lr/article_626.html (data obrashcheniya: 3.03.2026).

5.I.K. Kuznecova, P.P. Lavruk (Sankt-Peterburg). Podlinnyj Voinskij ustav Ego Imperatorskogo Velichestva Petra 1. – URL: Podlinnyj Voinskij ustav Ego Imperatorskogo Velichestva Petra I (data obrashcheniya: 3.03.2026).

6. Instrukcii i artikuly voennye… – URL: «Instrukcii i artikuly voennye...» (data obrashcheniya: 3.03.2026).

7.T. Ya. Habrieva ZAimstvovaniya v prave mnogopolyarnogo mira: na puti k novomu nauchnomu konsensusu. – URL: Khabrieva.pdf (data obrashcheniya: 3.03.2026).

8.S. D. Kazakov. Razvitie veksel'nogo prava v Rossii // Vestnik Chuvashskogo universiteta. – URL: Razvitie veksel'nogo prava v Rossii (data obrashcheniya: 3.03.2026).

9.Gauk A. M. Organizaciya suda i sudoproizvodstva po morskim delam v HIH – nachale HH vv. v Velikom knyazhestve Finlyandskom // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2020. – T. 6 (72). № 1. – S. 20–29.

10. Nikitina A. P., Gauk A. M. Organizaciya locmanskoj sluzhby v Finlyandii v nachale HIH v. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki. – 2020. T. 6 (72). – №2. – S. 51-59.

11. Stanovlenie i sovremennoe sostoyanie sistemy gosudarstvennoj vlasti v Finlyandii: ot imperskoj byurokratii k setevomu parlamentarizmu // Finlyandiya: yazyk, kul'tura, istoriya. – URL: Stanovlenie i sovremennoe sostoyanie sistemy gosudarstvennoj vlasti v Finlyandii: ot imperskoj byurokratii k setevomu parlamentarizmu | Finlyandiya: yazyk, kul'tura, istoriya Predlagaemyj material predstavlyaet soboj podrobnoe akademicheskoe issledovanie evolyucii i sovremennogo sostoyaniya sistemy gosudarstvennoj vlasti v Finlyandii. Stat'ya detal'no proslezhivaet put' institutov upravleniya ot dualizma shvedskih zakonov i rossijskogo samoderzhaviya v XIX veke do demontazha poluprezidentskoj sistemy v konce XX stoletiya. Osoboe vnimanie udeleno administrativnoj real'nosti 2026 goda, vklyuchaya perekhod strany k klassicheskomu parlamentarizmu, posledstviya vstupleniya v NATO i radikal'noe pereraspredelenie byudzhetov v ramkah reformy «regionov blagosostoyaniya». (data obrashcheniya: 3.03.2026).

12. Kirov A. A. Stanovlenie organizacii deyatel'nosti Rizhskogo locmanskogo cekha // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2021. – T. 7 (73). № 2. – S. 51-66.

13. Kirov A. A. Vzaimodejstvie sluzhb mayakov i locii v Velikom Knyazhestve Finlyandskom // «Aktual'nye problemy yurisprudencii: publichno-pravovye aspekty». Materialy VIII Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii c mezhdunarodnym uchastiem professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov. – Simferopol': Institut «Tavricheskaya akademiya» «KFU im. V.I. Vernadskogo», 2023. – S. 68-70.

14. THE IMLI MANUAL ON INTERNATIONAL MARITIME LAW. Volume II: Shipping Law General Editor David Joseph Attard. Edited by Malgosia Fitzmaurice, Norman A Martínez Gutiérrez, Ignacio Arroyo,

Elda Belja. – OHFORD UNIVERSITY PRESS. – 769 S. – URL: The IMLI Manual on International Maritime Law (data obrashcheniya: 3.03.2026).
15. Deklaraciya o principah morskogo mezhdunarodnogo prava (16 aprelya 1856). – URL: Deklaraciya o principah morskogo mezhdunarodnogo prava (16 aprelya 1856) (data obrashcheniya: 3.03.2026).
16. Mezhdunarodnaya konferenciya po meridianu. – URL: Mezhdunarodnaya konferenciya po meridianu • ru.knowledgr.com (data obrashcheniya: 3.03.2026).
17. Konvenciya o polozhenii nepriyatel'skih torgovyh sudov pri nachale voennyh dejstvij ot 18 oktyabrya 1907 goda. – URL: Konvenciya o polozhenii nepriyatel'skih torgovyh sudov pri nachale voennyh dejstvij ot 18 oktyabrya 1907 - docs.cntd.ru (data obrashcheniya: 3.03.2026).
18. Konvenciya ob obrashchenii torgovyh sudov v suda voennye» (Gaaga, 18 oktyabrya 1907 g.). – URL: Konvenciya ob obrashchenii torgovyh sudov v suda voennye (Gaaga, 18 oktyabrya 1907 g.) | GARANT (data obrashcheniya: 3.03.2026).
19. Konvenciya dlya ob"edineniya nekotoryh pravil otnositel'no okazaniya pomoshchi i spasaniya na more» (Bryussel', 23 sentyabrya 1910 g.). – URL: Konvenciya dlya ob"edineniya nekotoryh pravil otnositel'no okazaniya pomoshchi i spasaniya na more (Bryussel', 23 sentyabrya 1910 g.) | GARANT (data obrashcheniya: 3.03.2026)
20. Konvenciya dlya ob"edineniya nekotoryh pravil otnositel'no stolknoveniya sudov» (Bryussel', 23 sentyabrya 1910 g. Vstupila v silu 1 marta 1913 g.). – URL: Konvenciya dlya ob"edineniya nekotoryh pravil otnositel'no stolknoveniya sudov. (Bryussel', 23 sentyabrya 1910 g.) | GARANT (data obrashcheniya: 3.03.2026).
21. Osochenko, A. A. Vliyanie mezhdunarodnoj konvencii SOLAS 1929 g. na uluchshenie protivopozharnoj bezopasnosti morskih sudov i torgovyh portov / A.A. Osochenko // Aktual'nye problemy yurisprudencii: publichno-pravovye aspekty : materialy VIII vseros. nauch.-prakt. konf. c mezhdunar. uchastiem professorsko-prepodavatel'skogo sostava, aspirantov i studentov, Simferopol', 5 apr. 2023 g. / Krymskij feder. un-t im. V.I. Vernadskogo, In-t «Tavricheskaya akademiya». – Simferopol', 2023. – S. 235-237.
22. Nartey, R., & Agyekum, K. (2017). The Influence of Customary Practices on the Interpretation and Application of UNCLOS in Ghanaian Jurisprudence. African Journal of International and Comparative Law, 25(3), 345-366.
23. Obychai porta ili konkretnoj torgovli. – URL: Obychai porta ili konkretnoj torgovli - Stolichnaya Logisticheskaya Kompaniya (data obrashcheniya: 3.03.2026).
24. OBYChAI MORSKOGO PORTA NOVOROSSIJSK. – URL: Obychai porta Novorossiysk.doc (data obrashcheniya: 3.03.2026).
25. Ivashchenko E. S. Razvitie morskogo strahovaniya v Rossii v pervoj polovine HIH v. // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2018. – T. 4 (70). № 3. – S. 266–276.
26. Ivashchenko E. S. Razvitie morskogo strahovaniya vo vtoroj polovine HIH – nachale HH vv. v Rossii // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo Yuridicheskie nauki. – 2019. – T. 5 (71). № 1. – S. 45-53.
27. Dr. Capt Rajiv Mazumder. Dr. Foster M Research. THE EVOLUTION AND GOVERNANCE OF MARITIME LAW: LEGAL FRAMEWORKS, DISPUTES, LIABILITY, AND SUSTAINABLE COMPLIANCE IN INTERNATIONAL SHIPPING // Journal of Nonlinear Analysis and Optimization Vol. 15, Issue. 1, No.10 : 2024 ISSN :1906-9685. – S. 3337. – URL: 415_online.pdf (data obrashcheniya: 3.03.2026).
.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 780-786.

УДК 342.922

РОЛЬ, ЗАДАЧИ, НАЗНАЧЕНИЕ И ПОДГОТОВКА ДЕКАНОВ В ЕВАНГЕЛИЧЕСКИ-ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ ДАНИИ

Венедиктов А. А.[1]
Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

В статье изучена проблема возникновения института декана в Евангелическо-лютеранской Церкви Дании, определена роль, задачи, формы и процесс подготовки, компетенция и сферы деятельности. Установлено, что декан в Евангелически-лютеранской Церкви Дании занимает исключительное положение между высшим руководством церкви (епископы и министерство) и его наиболее важной частью – приходскими комитетами, являющимися основой деятельности данной организации. Задача декана — осуществлять богословское руководство. Это требует прочных взаимоотношений между священником, деканом, епископом и пастырством, деканатом и округом. Еще одна задача — создавать согласованность и расширять уже существующую согласованность в национальной церкви. Таким образом, роль декана в данной иерархии исключительно, как и возложенная на него ответственность, фактически со времени появления деканства в качестве особого института в католической церкви, а затем и после реформации в Дании.

Ключевые слова: Евангелическо-лютеранская Церковь Дании, институт деканства, роль и задачи, взаимоотношения, правовая основа.

В Средние века декан (praepositus) занимал центральное положение в организации Католической Церкви. Декан был главой кафедрального капитула, то есть каноников, назначаемых епископом, которые, помимо прочего, помогали епископу в управлении имениями и капиталами кафедрального собора и епархии. Некоторые члены кафедрального капитула должны были контролировать финансы приходских церквей в качестве окружных или районных деканов (praepositi rurales).

После Реформации должность декана сохранилась в виде окружного декана, избираемого из числа священников округа с одобрения епископа. Окружной декан был ближайшим сотрудником епископа, но в то же время должен был занимать должность приходского священника в деканате. Что касается функций деканов, то датский закон 1683 г. гласил, что они должны быть помощниками епископов и обеспечивать бесперебойное и надлежащее функционирование всех процессов [1, с. 15].

При этом, следует указать, что данным законом впервые было создано единое датское право, а страна фактически вышла из периода средневековья [2].

С 1806 г. деканы перестали избираться священниками перекции, а назначались королем. Кроме того, появилась новая должность – деканы графств, которые постепенно заменили собой деканов округов. Однако, графство оказалось слишком большим округом для работы декана как приходского священника и в 1822 г. пришлось восстановить прежнее административное деление, хотя и с коррекцией размеров отдельных графств, деканатов.

До реформы государственной службы в 1969 г. должность декана считалась должностью, которую министр по делам церкви назначал одному из священников перекции без объявления вакансии.

В ходе реформы государственной службы должности деканов были отнесены к исполнительным должностям, которые, однако, должны были оставаться связанными с должностью приходского священника в перекции. С тех пор на должности деканов распространяются общие правила, согласно которым вакантные должности в государ-

[1] Аспирант к-ры истории и теории государства и права юрид. ф-та КФУ им. В. И. Вернадского

ственной службе должны объявляться. Вакансии деканов объявляются внутри ведомства, поэтому на них могут претендовать только священники, уже работающие в прекреции, а также кандидаты на должность священника, к которой ранее была привязана должность декана.

Декан получает делегирование от епископа для осуществления духовного надзора, при этом декан также является приходским священником, выполняет ряд задач, которые не делегируются епископом и выходят за рамки обязанностей приходского священника.

Таким образом, «служение Слова» является нормативным и для надзорных, административных и управленческих функций декана.

Первоначально деканат был сосредоточен на финансовом надзоре. Однако, как в действовавшей до 1992 г. присяге декана, так и в нынешней присяге декана, сфера деятельности декана продолжается и расширяется за пределы финансовой области.

Задача декана — осуществлять богословское руководство. Это требует прочных взаимоотношений между священником, деканом, епископом и пастырством, деканатом и округом. Еще одна задача — создавать согласованность и расширять уже существующую согласованность в национальной церкви. Богословское руководство осуществляется не столько через структуры, постановления, пастырские письма или администрацию. «Служение Слова» в этом контексте также осуществляется в беседах, на встречах, в социальных контекстах и в социальных сетях [1, с. 16]. Участие священников, членов приходского совета, сотрудников, комитетов приходских настоятелей и волонтеров имеет решающее значение.

Одной из важнейших функций декана является надзор. В первую очередь это касается исполнения священниками и иными своих обязанностей, соблюдение ими необходимых церковных и иных норм и правил; поддержание дискуссии в епархии об условиях, проблемах задачах церкви; поощрение обсуждений о роли церкви; расширение видения церковной деятельности; сотрудничество и взаимодействие между приходами; направление священников в вопросах проповеди; по необходимости вмешательство в деятельность местной практики; контроль за качеством работы церкви на местах, разделению обязанностей, оценка условий труда, собеседования, непрерывное образование священников, выявление проблем качества и помощь;

Согласно действующим правилам, местным церковным руководством в первую очередь являются приходские советы. Руководящая роль комитета деканата в значительной степени ограничивается местной церковной экономикой [1, с. 23].

Однако в последние годы все чаще поднимается вопрос о руководящей роли комитета настоятеля в отношении различных аспектов церковной жизни в период настоятельства.

В соответствии с правилами, установленными Министерством по делам церкви (Cirkulære nr. 12003 af 7. september 1979 om internt opslag af provstestillinger i folkekirken), вакансия декана должна быть объявлена внутри ведомства среди государственных служащих, уже работающих в деканате [3].

Вакантная должность декана заполняется после того, как она объявлена внутри организации. На эту должность могут претендовать священники, работающие в деканате. Если предыдущий декан также уходит с должности священника, кандидаты на эту должность священника могут также претендовать на должность декана.

Таким образом, существует очень ограниченная возможность того, что на должность декана может претендовать священник, который еще не работает в деканате.

Епископ должен рекомендовать трех кандидатов в порядке приоритета священнику церкви, который затем рекомендует одного из этих трех для назначения королевским служащим.

Закон по этому вопросу гласит (гл. 3. «Назначение на должности декана…», что при занятии должности декана, связанной с пастырским приходом, в котором имеется три или более должностей священников, и где работа декана составляет 50 % или менее от содержания должности, а также при заполнении должности декана, епископ проводит заседание: 1) с приходским советом пастырского прихода, на котором рассматриваются заявления, полученные на вакантную должность; 2) с деканским комитетом, на котором рассматриваются заявления, полученные на вакантную должность.

На этих заседаниях, проводимых приходским советом пастырского прихода и деканским комитетом соответственно, не позднее чем через 3 недели после заседания с епископом, упомянутого выше, приходской совет пастырского прихода и деканский комитет составляют заявления как минимум о трех кандидатах в порядке приоритета (§ 14, п. 1).

Епископ также составляет заявление как минимум о трех кандидатах в порядке приоритета. При этом он имеет право самостоятельно решать, о каких кандидатах он составит заявление. Затем епископ направляет заявления и заключения приходского совета пасторства, комитета настоятелей и свои собственные в Министерство здравоохранения и церковных дел (§ 14, п. 2).

При заполнении должности декана, связанной с пасторством, где имеется 2 или менее должностей священников, и где работа декана составляет 50 % или менее от содержания должности, епископ проводит собрание с приходским советом пасторства, на котором рассматриваются полученные заявления на вакантную должность. Приходской совет пасторства, в свою очередь, не позднее чем через 3 недели после собрания с епископом, упомянутого выше, составляет заключение по 3-м кандидатам в порядке приоритета. В заключении указывается, сколько членов приходского совета проголосовали за каждого кандидата. Затем епископ проводит собрание с комитетом настоятелей, на котором рассматриваются заявления от кандидатов, по которым приходской совет пасторства составил заключение. Затем комитет настоятеля выносит заключение по трем кандидатам в порядке приоритета на встрече с епископом (§ 14 a, п.1).

Епископ, в свою очередь, выносит заключение по трем кандидатам в порядке приоритета, если, по мнению епископа, все три кандидата подходят. Если епископ не считает, что все 3 кандидата подходят, то выносит заключение по менее чем трем кандидатам. После чего епископ направляет заявления и заключения приходского совета, комитета настоятеля и свои собственные в соответствующее министерство (§ 14 a, п.2).

При замещении должности декана, если эта должность составляет более 50 % содержания должности, и при заполнении должности специального декана, епископ проводит встречу с приходским советом и комитетом настоятеля, соответственно, на которой рассматриваются полученные заявления на вакантную должность. Не позднее чем через 3 недели после проведения указанных собраний, приходской совет прихода должен вынести заключение по заявителям. Комитет настоятеля должен вынести заключение по меньшей мере по 5 заявителям в порядке приоритета не позднее чем через 3 недели после встречи с епископом (§ 14 b.).

Епископ, в свою очередь, должен вынести заключение по меньшей мере по трем заявителям в порядке приоритета из 5, по которым комитет настоятеля вынес заключение, если, по мнению епископа, есть 3 подходящих заявителя. Если епископ не считает,

что есть 3 подходящих заявителя из 5, упомянутых выше, то он выносит заключение по менее чем 3-м заявителям.

Если же епископ не считает подходящим ни одного из 5 заявителей, по которым комитет настоятеля вынес заключение, он должен снова обсудить заявления с комитетом настоятеля и затем вынести заключение по меньшей мере по 3-м заявителям в порядке приоритета из всех заявителей. Эти заключения направляются, а также заявления и заключения приходского совета пасторства, комитета настоятелей и свои собственные в Министерство здравоохранения и церковных дел» (пп. 2) [5].

В тоже время, вакантная должность настоятеля объявляется на внешний конкурс. Это означает, что претенденты со всей страны могут подать заявку.

Т.к. настоятель также является приходским священником в соборе, приходской совет епархиального прихода должен вынести заключение как минимум по трем кандидатам в порядке приоритета.

Затем епископ выносит заключение священнику церкви по трем кандидатам в порядке приоритета. Епископ имеет право решить, по каким трем кандидатам он вынесет заключение. Затем священник церкви решает, какого кандидата следует номинировать на королевское назначение. Однако священник церкви не может номинировать кандидата, не поддержанного заключением епископа, до тех пор, пока это не будет согласовано с епископом. Для специальных должностей настоятелей, таких как военный настоятель, настоятель для глухих и настоятель больниц, действует специальная процедура [1, с. 11-12].

В меморандуме от 21.02.2011 г., который приводится ниже, епископы изложили современное видение того, что значит «обеспечить, чтобы все шло должным образом…». В записке описываются 4 аспекта надзора, в частности:

«Надзор как целостная перспектива

Задача надзора состоит в том, чтобы инициировать и поддерживать обязательные дискуссии в епархии об условиях, проблемах и задачах церкви/христианства в поздней современной реальности, в которой мы оказались. Важной частью надзора является вдохновление и поощрение совместного размышления о нашем основании как христианской церкви, содействие в формулировании видений для местной работы и рассмотрение этой работы в более широкой перспективе, как церковной, так и народной. Это также включает инициативы по обсуждению и сотрудничеству с представителями других церковных общин в Дании и за рубежом. Таким образом, надзор, как функция одного церковного управления, намерен способствовать свободному распространению Евангелия среди людей в этой стране в 2011 г.» [1, с. 48].

Произведем краткое описание надзорного органа: декан является помощником епископа; надзор в принципе включает в себя всю деятельность национальной церкви в округе, деканате и приходе; надзор за духовенством более обширен, чем просто надзор за духовенством.

От надзорных органов на каждом уровне ожидается, что они будут вдохновлять, направлять, мотивировать, создавать удовлетворенность работой и обеспечивать профессиональное развитие. Это должно способствовать повышению качества проповеди и обеспечению того, чтобы национальная церковь была хорошим и привлекательным местом работы.

Это юридически закрепленный надзор, но из него вытекает ряд ожиданий в отношении лидерства и религиозного вдохновения. При этом, надзор является юридически регулируемой обязанностью епископа и декана [5]. В отношении приходов от декана

ожидается религиозное вдохновение, руководство и информация в дополнение к более обязательным услугам в форме осуществления власти и профессионального руководства. Кроме того, считается, что церковное руководство является важным элементом взаимодействия с классическим руководством [1, с. 52].

Отдельно следует указать на еще одну специфику занятия должности декана. Правила трудоустройства на вакантные должности приходских священников изложены в гл. 2 Закона о трудоустройстве на должности в датской церкви и т. д. [6].

Сам по себе Закон о трудоустройстве не наделяет декана особыми функциями в связи с трудоустройством священников. Однако ст. 9(3) Закона предусматривает, что министр по делам церкви должен установить более подробные правила процедуры представления приходским советом рекомендации. Это было сделано в постановлении о трудоустройстве [7], в котором содержится ряд обязанностей декана в связи с процессом, ведущим к трудоустройству приходского священника.

Кроме того, постановление позволяет епископу уполномочить декана выполнять от его имени ряд обязанностей, которые в ином случае были бы обязанностью епископа в связи с процессом, ведущим к трудоустройству приходского священника [1, с. 58]. Наиболее важная часть работы декана как администратора, связана с тем, что он является членом исполнительного комитета декана. Это означает, что декан играет очень важную роль в работе данного комитета по различным вопросам, включая местные церковные финансы и надзор за управлением приходскими советами церквями, кладбищами и другой недвижимостью, а при необходимости и утверждение такого управления.

В последние годы все большее распространение получило сотрудничество с деканом в качестве рамочной структуры. Кроме того, особое внимание уделяется возможностям комитета декана, а значит, и самого декана, для осуществления руководящей роли в церковной жизни в приходах, к которым он принадлежит.

Декан также выполняет некоторые самостоятельные задачи в качестве администратора. Это касается, среди прочего, инспекций церквей, кладбищ и т. д., а также служебных резиденций священников, а также надзора за бухгалтерским учетом священников и деканов хора.

Особая роль декана и в работе комитета настоятеля, который состоит, в соответствии с разделом 17a, п. 1 Закона о финансах [8], из настоятеля и 4-6 членов, избранных приходскими советами в приходе. В соответствии с разделом 1, п. 2 Исполнительного указа о деятельности комитетов настоятелей и бюджетных комитетов [9], председатель может принимать решения от имени комитета настоятеля по вопросам, которые не могут быть отложены или которые не вызывают сомнений. Такие решения должны быть представлены комитету настоятеля для ознакомления на следующем заседании.

Независимо от того, кто является председателем, декан, согласно п. 17b, п. 5 Закона об экономике Дании, является исполнительным членом комитета. Таким образом, декан отвечает за повседневную работу. Это означает, что декан должен обеспечивать выполнение или доведение до сведения решений комитета. Декан также отвечает за подготовку дел для рассмотрения комитетом декана.

Декан может быть уполномочен комитетом декана рассматривать конкретное дело или определенные типы дел (п. 1.1. исполнительного указа).

Значительная часть работы декана как исполнительного члена комитета настоятеля связана с координацией церковных финансов в вопросах налогообложения. Это включает рассмотрение и составление всеобъемлющего обзора бюджетных взносов приход-

ских советов и подготовку предложений по ассигнованиям для отдельных фондов, а также составление обзора счетов приходских советов.

Комитет настоятеля устанавливает операционные и строительные лимиты для отдельных церковных фондов в канцелярии настоятеля и фонда комитета настоятеля. Комитет настоятеля также устанавливает общую сумму налогов для местных церковных фондов [1, с. 72].

Обучение новых деканов состоит из следующих элементов:

1. Епископ проводит учебный день для декана вскоре после его назначения.
2. Как можно скорее после этого министерство церкви проводит учебный день для декана. Данное министерство дел также проводит ежегодный курс повышения квалификации для деканов.

Кроме того, деканы проходят обучение в Датском церковном институте духовного образования [10]. Обучение состоит из 4 курсов, которые декан должен пройти в течение первых 2 лет своего назначения на должность декана.

Обучение проводится в виде 4-дневных курсов на 9-й неделе (администрирование) и 3-дневных курсов на 44-й неделе (управление).

Основная цель обучения — предоставить деканам знания и инструменты, необходимые для выполнения своих обязанностей в соответствии с установленными задачами, а также для решения управленческих и организационных проблем.

Курсы организуются комитетом, состоящим из представителей Датского церковного института подготовки священников, министерства по делам церкви и ассоциации диаконов. Ректор и доценты пастырской семинарии руководят курсами и принимают в них максимально возможное участие. Это создает обмен между образованием деканов и повышением квалификации священников, что является основой для сотрудничества с деканами в связи с повышением квалификации вновь принятых на работу священников.

Преподаватели представляют министерство по делам церкви, деканов и епархиальные администрации. Кроме того, в обучении участвуют консультанты по вопросам управления, имеющие связи или особый интерес к вопросам лидерства в Датской церкви. В курсе также принимают участие Датская ассоциация священников, Парламентский омбудсмен и Национальный музей.

Подводя определенный итог изучению поставленной проблемы, можно отметить, что декан в Евангелически-лютеранской Церкви Дании занимает исключительное положение между высшим руководством церкви (епископы и министерство) и его наиболее важной частью – приходскими комитетами, являющимися основой деятельности данной организации. Задача декана — осуществлять богословское руководство. Это требует прочных взаимоотношений между священником, деканом, епископом и пастырством, деканатом и округом. Еще одна задача — создавать согласованность и расширять уже существующую согласованность в национальной церкви. Таким образом, роль декана в данной иерархии исключительно, как и возложенная на него ответственность, фактически со времени появления деканства в качестве особого института в католической церкви, а затем и после реформации в Дании. Подтверждает данный вывод как широкий спектр задач декана, особые процедуры его подготовки и назначения, специфика взаимоотношений с епископами, церковными приходами, паствой.

Список литературы:

1. Betænkning 1527 Provstestillingen og provstiets funktion Betænkning fra Arbejdsgruppe vedrørende provstestillinger Kirkeministeriet - Oktober 2011. – 186 s. – URL: 1527.pdf (дата обращения: 08.03.2026).

2. Christina Lisbjerg Mogensen. Dansk lov af 1683. – Датский закон 1683 года (дата обращения: 08.03.2026).
3. Cirkulære om ophævelse af en række cirkulærer m.v. (Til stiftsøvrigheder, menighedsråd m.v.). – URL: C20130925809.pdf (дата обращения: 08.03.2026).
4. Bekendtgørelse vedrørende lov om ansættelse i stillinger i Den Danske Folkekirke m.v. – URL: Bekendtgørelse af lov om ansættelse i stillinger i folkekirken m.v. (дата обращения: 08.03.2026).
5. Lov nr. 79 af 3. marts 1948 om adgang for biskopper til fritagelse i visse tilfælde for at føre tilsyn med en menighed og dennes præster. – Lov om Adgang for Biskopper til Fritagelse i visse… (дата обращения: 08.03.2026).
6. LBK nr. 78 af 2. februar 2009 af lov om ansættelse i stillinger i folkekirken m.v. – Bekendtgørelse af lov om ansættelse i stillinger i folkekirken m.v. (дата обращения: 08.03.2026).
7. Bekendtgørelse nr. 60 af 21. januar 2010 om menighedsråds medvirken ved ansættelse i præstestillinger m.m. – Bekendtgørelse om menighedsråds medvirken ved ansættelse i præstestillinger m.m. (дата обращения: 08.03.2026).
8. Lovbekendtgørelse nr. 583 af 31. maj 2010 om folkekirkens økonomi. – Bekendtgørelse af lov om folkekirkens økonomi (дата обращения: 08.03.2026).
9. Bekendtgørelse nr. 302 af 26. marts 2007 om provstiudvalgenes og budgetudvalgenes virksomhed. – B20230043505 (1).pdf (дата обращения: 08.03.2026).
10. Jf. bek. nr. 1058 af 31. august 2007 om folkekirkens uddannelsesinstitutioner for præster. – Bekendtgørelse om folkekirkens uddannelsesinstitutioner for præster (дата обращения: 08.03.2026).

A. A. Venediktov. The role, tasks, purpose, and training of deans in the evangelical Lutheran church in Denmark // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 780-786

This article examines the origins of the office of dean within the Evangelical Lutheran Church in Denmark, defining the role, tasks, training methods and process, competencies, and spheres of activity associated with the position. It establishes that the dean occupies a unique position within the Church, standing between the senior leadership (bishops and the ministry) and the parish councils—the fundamental units of the organization's operations. The dean's task is to provide theological leadership. This requires strong working relationships among the clergy, the dean, the bishop, and the pastoral body, as well as between the deanery and the district. Another task is to foster coherence and strengthen existing unity within the national church. Thus, the dean's role and responsibilities within this hierarchy are exceptional—a status that has persisted since the office first emerged as a distinct institution in the Catholic Church and subsequently in Denmark following the Reformation.

Keywords: Evangelical Lutheran Church in Denmark, office of dean, role and tasks, relationships, legal framework.

Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 787-795.

УДК 343.9

СИСТЕМА СУБЪЕКТОВ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕТОУБИЙСТВ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Шевченко А. В.

Управление уголовного розыска МВД по Республике Крым

В работе проведен криминологический анализ субъектов предупреждения детоубийств. В соответствии с выполняемой ролью определен круг государственных органов, должностных лиц, общественных организаций, на которые возложена данная функция, а именно: институт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка; органы государственной власти и местного самоуправления общегосударственной и межведомственной компетенции; государственные учреждения и ведомства специальной компетенции; общественные объединения и некоммерческие организации; граждане (физические лица). Классификация субъектов предупреждения по их роли в механизме государственного управления (функциональный критерий) определена на основе анализа нормативных правовых актов. В качестве критерия классификации также определено содержание деятельности: специализированные (наделенные специальными полномочиями в сфере защиты несовершеннолетних от насильственных посягательств) и неспециализированные субъекты (участвующие в предупреждении насильственной преступности в отношении несовершеннолетних опосредованно). Отмечена недостаточная координация деятельности субъектов предупреждения, выражающаяся в отсутствии единого механизма действий, направленных на достижение конечного результата – обеспечение защиты жизни и здоровья несовершеннолетних. Определены наиболее значимые причины, обозначены направления деятельности по их преодолению.

Ключевые слова: противодействие преступности, криминальное насилие, семейно-бытовая сфера, насилие в семье, несовершеннолетний, виктимность, детоубийство, предупреждение детоубийств, субъекты предупреждения детоубийств, система субъектов предупреждения детоубийств.

Динамика социально-политической обстановки актуализирует необходимость совершенствования стратегии противодействия криминальному насилию, в частности, его наиболее общественно опасным формам, к которым относится детоубийство. На законодательном уровне противодействие преступности определено в качестве одной из основных задач органов внутренних дел, направленной на защиту жизни и здоровья граждан, собственности и иных социально значимых благ [1].

Вместе с тем на доктринальном уровне единый подход к определению данного понятия отсутствует. Представляется обоснованной позиция А.Н. Игнатова, который определяет противодействие преступности как поливариативное, многоуровневое, разнонаправленное системное социальное образование, являющееся реакцией самоорганизации общества на объективно существующие и искусственно сконструированные явления и феномены социального бытия. При этом исследователь акцентирует внимание на том, что противодействие криминальному насилию должно осуществляться в рамках единой стратегии, основанной на принципе гуманизма [2, с.157-168].

На правоприменительном уровне противодействие преступности выражается в разработке и реализации эффективных мер, направленных на предупреждение конкретных преступлений, а также в принятии мер реагирования на них. В данном контексте превентивный аспект предупреждения детоубийств обладает высокой научно-практической значимостью.

В доктрине уделяется внимание предупреждению насильственных посягательств на жизнь и здоровье несовершеннолетних, в т.ч. детоубийств. Дрожжа Ю.С. связывает основные меры предупреждения детоубийств с деятельностью субъектов профилактики, обозначая в системе субъектов государственных (подразделения органов внутренних дел: инспекции по делам несовершеннолетних, патрульно-постовая служба, служба участко-

вых уполномоченных полиции, уголовного розыска и др. государственных субъектов) и негосударственных (без определения) субъектов [3]. Шелеметьева Е.В. к кругу субъектов профилактики насильственных посягательства на несовершеннолетних бессистемно относит исполнительные органы государственной власти; Уполномоченного по правам человека; органы управления социальной защитой населения, учреждения социального обслуживания населения (центры социальной помощи семье и детям); органы, осуществляющие управление в сфере образования, учреждения образования; органы опеки и попечительства; органы по делам молодежи, учреждения по молодежной политике; прокуратуру, органы внутренних дел; органы управления здравоохранением, учреждения здравоохранения; территориальные детские общественные приемные; детский телефон доверия; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; координационный совет по реализации политики в интересах семьи и детей; межведомственную комиссию по организации отдыха, оздоровления, занятости детей, подростков, молодежи; комиссию по вопросам семьи, женщин, детства и демографической политики [4]. Барсегян К.С. отмечает важность взаимодействия различных структур на стадии обеспечения профилактики насилия в отношении несовершеннолетних без определения круга субъектов профилактики и их системы [5]. Казанцева О.Д., анализируя зарубежный опыт по снижению детоубийств и прогнозируя возможность его внедрения в законодательство РФ, деятельность субъектов профилактики не рассматривает [6]. С учетом изложенного, в рамках реализации комплексного подхода по предупреждению детоубийств необходимо определение четкого круга субъектов профилактики и анализа проблем их взаимодействия.

Следует отметить, что изучение феномена детоубийства требует комплексного подхода в виду его природы. В первую очередь, детоубийство является уголовно наказуемым деянием, отношение общества и государства к которому менялось на разных этапах истории человечества. Также детоубийство имеет психологическую составляющую, определяя личность преступника и жертвы, их психоэмоциональные характеристики и особенности взаимодействия. На социальном уровне детоубийство охватывает различные сферы жизнедеятельности, включая общественную жизнь, различные ситуативные обстоятельства, а также семейные отношения. С учетом того, что точкой отсчета в формировании личности несовершеннолетнего является семья, первоочередным объектом криминологического анализа и предупредительного воздействия выступает семейно-бытовая сфера. Данный тезис подтверждается результатами проведенного исследования, согласно которым большая часть детоубийств (67,4%) совершается в домашних условиях. При этом, в 79% случаев посягательства осуществляются родителями или лицами, их заменяющими, а в 76,9% ситуаций – непосредственно в их присутствии. Детерминантами совершения преступлений рассматриваемой категории зачастую выступают предшествующие акты семейно-бытового насилия. В структуре предкриминального поведения выделяются: психическое насилие (36%), физическое насилие (34,9%), систематические конфликты и ссоры с жертвой (29,1%) [7, с. 280-284]. Рассматривая роль семьи в детерминации семейно-бытового насилия, Михайлова Е.В. отмечает, что такие факторы, как нестабильность политической и экономической обстановки, высокий уровень дискомфорта и неустроенности, психоэмоциональное напряжение в обществе, оказывают непосредственное влияние на семейно-бытовую сферу, вызывая перманентные семейные конфликты, переходящие в правонарушения и преступления, большая часть которых представляет собой насильственные действия [8, с. 195-201].

Кроме того, несовершеннолетние в силу возраста, психофизиологических особенностей и тесной социальной связи с преступником обладают повышенной виктимностью. Базелюк В.В., Тыкман И.Р. справедливо выделяют индивидуально-психологические, психолого-педагогические, социально-психологические и личностные факторы виктими-

зации несовершеннолетних [9, с. 451]. Михайлова Д.В. делает акцент на факторы, создающие дополнительные риски, среди которых цифровизация, глобализация и трансформация социальных норм в обществе [10, с. 68]. Воробьева К.А. в данном вопросе обращает внимание на специфику детско-родительских отношений [11, с. 78-94].

Таким образом, детерминация детоубийств имеет комплексную природу (объективные и субъективные факторы), что требует обязательного учета при организации работы по предупреждению данного вида преступлений. Подобный подход будет способствовать выработке комплексных мер, позволяющих обеспечить эффективную превентивную деятельность. В данном контексте значимую роль имеет деятельность субъектов предупреждения, их полномочия, вопросы взаимодействия.

Законодательством Российской Федерации определен достаточно широкий круг субъектов предупреждения насильственных посягательств на жизнь и здоровье несовершеннолетних, включая предупреждение детоубийств. Систему данных органов и учреждений составляют комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы управления социальной защитой населения, федеральные и региональные органы исполнительной власти, а также органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования. Кроме того, в этот перечень входят органы опеки и попечительства, органы по делам молодежи, органы управления здравоохранением, органы службы занятости, органы внутренних дел, учреждения уголовно-исполнительной системы, прокуратура, следственные органы, суд и институт Уполномоченного по правам ребенка [12].

Направления деятельности перечисленных субъектов дифференцируются в зависимости от их компетенции: от содействия нравственно-эстетическому и интеллектуальному развитию несовершеннолетних до применения мер уголовно-правового воздействия с целью исправления и ресоциализации, а также недопущения совершения преступлений впредь; от психологической поддержки несовершеннолетних, оказавшихся в трудной жизненной ситуации до защиты и восстановления нарушенных прав лиц, находящимся в социально опасном положении или трудной жизненной ситуации.

На основе анализа норм федерального законодательства [13] представляется целесообразной классификация субъектов профилактики по функциональному критерию (их роли в механизме государственного управления и обществе). При этом по содержанию деятельности данные субъекты разделяются на специализированные (наделенные специальными полномочиями в сфере защиты несовершеннолетних от насильственных посягательств) и неспециализированные (участвующие в предупреждении насильственной преступности в отношении несовершеннолетних опосредованно).

В соответствии с выполняемой ролью выделяются следующие группы субъектов: Институт Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка. Данный субъект осуществляет мониторинг правоприменительной практики в сфере защиты прав детей, участвует в разработке стратегических и государственных программ, направленных на охрану семьи и детства. Также он обладает правом законодательной инициативы в части совершенствования нормативно-правовой базы, вносит предложения по модернизации системы социальной защиты несовершеннолетних и обеспечивает независимый контроль за восстановлением их нарушенных прав.

Органы государственной власти и местного самоуправления общегосударственной и межведомственной компетенции. Данная группа субъектов обеспечивает нормативно-правовое регулирование, а также стратегическое планирование в сфере предупреждения детоубийств. К их числу относятся профильные министерства, ведомства и администрации муниципальных образований, осуществляющие выработку превентивных мер и координацию их последующей реализации подведомственными учреждениями в сфере образования, здравоохранения, внутренних дел и молодежной политики.

Государственные учреждения и ведомства специальной компетенции. Указанные субъекты в пределах закрепленных полномочий осуществляют непосредственные превентивные меры. Их деятельность дифференцируется по следующим направлениям: выявление криминогенных факторов: семейного неблагополучия, фактов жестокого обращения с детьми, злоупотребление токсическими веществами (органы внутренних дел, прокуратура, следственные и судебные органы, органы опеки и попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав); выявление признаков неблагополучия организациями в процессе осуществления основной деятельности (учреждения здравоохранения, общественные организации, специализированые комиссии, созданные в структуре органов государственной власти и местного самоуправления); оказание психологической помощи жертвам насилия и их реабилитация (образовательные организации, учреждения здравоохранения).

4. Общественные объединения и некоммерческие организации. В пределах своей компетенции они участвуют в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, вовлекают лиц, находящихся в социально опасном положении в общественную деятельность, а также организовывают культурно-просветительские мероприятия с целью формирования социально-ориентированных моральных установок;

5. Граждане (физические лица и индивидуальные предприниматели). Лица, обладающие высокой правовой культурой и активной социальной позицией, способствуют защите несовершеннолетних от насильственных посягательств. Данная деятельность реализуется в следующих формах: волонтерство и наставничество (оказание помощи в учебе, организация досуга и социализация); привлечение к превентивной работе квалифицированных специалистов (социальных педагогов, психологов); контроль со стороны соседей (наблюдение за несовершеннолетними, оказавшимися в трудной жизненной ситуации, и своевременное информирование компетентных органов); проведение информационно-просветительских мероприятий по защите детей от психологического давления, травли и деструктивного влияния; организация кружковой и секционной деятельности, направленной на правовое просвещение и снижение виктимности несовершеннолетних; освещение в средствах массовой информации актуальных проблем семейного насилия для привлечения внимания общественности и выработки путей их решения; участие в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних в рамках общественного контроля.

Несмотря на разветвленную систему субъектов профилактики, в их межведомственном взаимодействии длительное время сохраняется недостаточная координация деятельности, выражающаяся в отсутствии единого механизма действий, направленных на достижение социально значимых результатов, в т.ч. обеспечение защиты жизни и здоровья несовершеннолетних. Среди значимых причин следует отметить: несовершенство законодательства, регламентирующего инструментарий и пределы компетенции соответствующих государственных органов и должностных лиц; отсутствие конкретного алгоритма межведомственного взаимодействия должностных лиц в случае получения информации о фактах совершения насильственных действий в отношении несовершеннолетних; отсутствие законодательно закрепленной обязанности органов исполнительной власти и местного самоуправления по принятию оперативных мер реагирования на угрозы безопасности ребенка.

Как отмечалось ранее, совершению детоубийств в большинстве случаев предшествуют акты насильственного посягательства на здоровье. Привлечение виновных лиц к юридической ответственности по нормам КоАП РФ и УК РФ возможно только в случае причинения вреда здоровью ребенка, информация о котором стала известна правоохранительным органам, т.е. реакция государства в лице уполномоченных органов возможна на стадии наступления общественно опасных последствий. Очевидно, что при таких усло-

виях предупреждение детоубийств на ранних стадиях существенно затруднено.

Одной из форм предупреждения насильственных посягательств со стороны органов внутренних дел является постановка на профилактический учет родителей (законных представителей), не исполняющих или ненадлежащим образом исполняющих обязанности по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних, либо отрицательно влияющих на их поведение или жестоко обращающихся с ними. Основанием постановки на указанный учет являются решение суда, постановление прокурора, следователя или дознавателя, а также протокол об административном правонарушении, по которому назначено наказание [14]. Постановка на учет выступает основанием для проведения с данным контингентом лиц индивидуально-профилактической работы.

Вместе с тем в действующем законодательстве отсутствуют правовые основания для постановки на профилактический учет и проведения профилактической работы с лицами, допускающими семейно-бытовое насилие, если их действия формально не содержат признаков административного правонарушения или преступления. На стадии до совершения преступления превентивное воздействие ОВД ограничивается проведением профилактической беседы. Однако данный инструмент не влечет юридических последствий и основывается исключительно на добровольном согласии лица, что снижает его превентивную эффективность и ставит результативность в прямую зависимость от личностных и профессиональных качеств сотрудника полиции. Инструкция по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел РФ, утвержденной Приказом МВД РФ от 15.10.2015 № 845 определяет необходимость защиты прав несовершеннолетних и координации деятельности подразделений ОВД без конкретизации способов, и механизмов достижения данной цели на стадии предкриминального поведения, ориентируя сотрудников преимущественно на реагирование по факту совершения преступления [14]. Таким образом, законодательное закрепление правовых оснований для постановки на профилактический учет и проведения профилактической работы с лицами, допускающими семейно-бытовое насилие, если их действия формально не содержат признаков административного правонарушения или преступления, позволило бы правоохранительным органам обеспечить предупреждение насильственных посягательств на жизнь и здоровье несовершеннолетних до наступления общественно опасных последствий в виде причинения вреда здоровью или смерти.

На законодательном уровне защиту несовершеннолетних и их законных интересов призваны обеспечить Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». Указанные нормативно-правовые акты ориентированы на социальную защиту и адаптацию детей, оказавшихся в социально опасной среде, а также на профилактику совершения ими преступлений. Вместе с тем в законодательстве отсутствует четкий алгоритм межведомственного взаимодействия субъектов предупредительной деятельности. В правоприменительной практике данный пробел приводит к несвоевременному выявлению несовершеннолетних, находящиеся в социально опасном положении, что детерминирует совершение в отношении них насильственных посягательств на жизнь и здоровье.

Обязанность по взаимному информированию органов, уполномоченных на проведение проверочных мероприятий и принятие соответствующих мер реагирования о ставших известными фактах насилия над несовершеннолетними, возложена на всех субъектов профилактики. Однако в повседневной деятельности данное требование довольно часто игнорируется в виду того, что сама обязанность и юридическая ответственность за неисполнение законодательно четко не урегулированы. Так, обязанность медицинского сотрудника информировать полицию о возможных фактах совершения насильственных

действий в отношении несовершеннолетних возникает при наличии достаточных оснований полагать, что вред здоровью причинен в результате противоправных действий [15], а за неисполнение такой обязанности преимущественно наступает дисциплинарная ответственность. Поэтому на практике медицинские организации уведомляют правоохранительные органы о всех случаях обращения несовершеннолетних с телесными повреждениями насильственного характера. В то же время в иных ситуациях, свидетельствующих о наличии возможных угроз жизни и здоровью несовершеннолетних, информация уполномоченным должностным лицам своевременно не передается.

В качестве примера из судебной практики можно привести уголовное дело по делу по факту смерти шестимесячного ребенка, наступившей в результате жестокого обращения матери, выразившегося в длительном лишении ребенка пищи и воды, а также в оставлении его в беспомощном состоянии без должного ухода. В ходе предварительного расследования было установлено, что в июне 2018 г. родился жизнеспособный ребенок, имевший врожденное заболевание и нуждающийся в специальном уходе. Мать систематически уклонялась от прохождения плановых медицинских осмотров, препятствовала допуску медицинского персонала по месту жительства ребенка, игнорировала направления на исследования, а также предписанные рекомендации по питанию и лечению. В результате ненадлежащего исполнения родительских обязанностей в начале декабря 2018 г. ребенок скончался. Согласно заключению эксперта, непосредственной причиной смерти ребенка явилась острая сердечная недостаточность в совокупности с очаговым внутриальвеолярным отеком легких и выраженным перивазальным, перицеллюлярным отеком головного мозга, вызванных алиментарной кахексией. Недостаточное поступление питательных веществ и жидкости в организм ребенка вызвало расстройство всех жизненно важных функций организма и в последствии смерть. На волосистой части головы и в области крестца установлены пролежни. Согласно материалам уголовного дела, ребенок был седьмым в семье, четверо детей проживали с матерью, а в отношении еще двоих она была ранее лишена родительских прав. В ходе судебного заседания медицинские работники подтвердили, что мать медицинский персонал в дом не пускала, прохождение медицинского осмотра и сдачу анализов не обеспечила. Показания свидетелей соответствовали данным медицинской карты ребенка. Действия матери квалифицированы в совокупности как убийство малолетнего лица, совершенное с особой жестокостью и неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего [16].

В связи с изложенным возникает ряд закономерных вопросов: по какой причине медицинские работники на протяжении полугода не информировали о складывающейся ситуации комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также органы внутренних дел? По какой причине работники уполномоченных служб не посещали семью, почему она не состояла на соответствующем учете и почему действиям (бездействию) субъектов предупреждения не дана надлежащая правовая оценка? Очевидно, что в данной ситуации медицинские работники не уведомили правоохранительные органы и комиссию по делам несовершеннолетних и защите их прав о возможных угрозах жизни и здоровью несовершеннолетнего в виду того, что «не усматривали достаточных оснований» и де-юре ничего не нарушили. Органы опеки не проверяли семью по месту жительства в виду отсутствия правовых оснований. Лишение матери ранее родительских прав не дает органам опеки оснований для посещения семьи по месту жительства при рождении нового ребенка. Только при поступлении информации о наличии угрозы для жизни и здоровья ребенка в последующем дает органам опеки основание для обследования условий проживания семьи, возможной постановки на учет и проведения иных мероприятий. Таким образом, органы опеки в данной ситуации также не несут юридической ответственности за неисполнение обязанностей по предупреждению со-

вершения в отношении малолетнего лица тяжкого преступления против жизни.

Очевидно, что обязанность субъектов предупреждения об информировании компетентных органов о ставших известными фактах совершения насильственных посягательств на жизнь и здоровье несовершеннолетних, а также о возможных угрозах причинения такого вреда, об уклонении от прохождения медицинских осмотров и патронажа, непосещении образовательных организаций без уважительной причины, должна быть четко определена и законодательно закреплена. Таким оценочным категориям, как «наличие достаточных оснований» в данном вопросе нет места. Также целесообразно проработать вопрос об уголовной ответственности за неисполнение субъектами предупреждения обязанностей по информированию компетентных органов о ставших известными фактах причинения вреда жизни и здоровью несовершеннолетних или угрозы его причинения. Реализация указанных мер в комплексе с иными позволит обеспечить защиту жизни и здоровья несовершеннолетних до наступления общественно опасных последствий.

По результатам проведенного исследования установлено, что в большинстве случаев детоубийствам предшествовали неоднократные акты насилия (психического и физического), которые в 32% случаев сопровождались нанесением ударов руками и ногами, а также различными предметами. При этом в материалах уголовных дел и приговорах судов сведения об обращениях в уполномоченные органы со стороны представителей воспитательных и образовательных учреждений при наличии у несовершеннолетних телесных повреждений отсутствуют [7, с. 280-284].

Следует отметить, что описанная ситуация носит системный характер [17-19]. Проблема невмешательства в частную жизнь семьи зачастую необоснованно абсолютизируется. В рамках правового поля при возникновении угроз жизни и здоровью несовершеннолетних возникает институциональный конфликт между конституционным принципом неприкосновенности частной жизни и законодательно закрепленной обязанностью субъектов профилактики по обеспечению безопасности ребенка от насильственных посягательств. По этой причине, как отмечает Батюкова В.Е., к совершению насильственных посягательств на жизнь и здоровье членов семьи традиционно относятся как к семейным спорам, не требующим вмешательства со стороны государства [20, с. 159]. С учетом изложенного, в системе субъектов предупреждения детоубийств особое внимание следует уделять деятельности органов внутренних дел, учреждений системы здравоохранения и образования, а также деятельности комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав. Должностные лица указанных органов в виду выполняемых обязанностей получают первичную информацию о возможных угрозах для жизни и здоровья несовершеннолетних. Иные субъекты предупреждения детоубийств участвуют в вопросах превенции на иных стадиях или опосредовано.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что система субъектов предупреждения детоубийств представляет собой систему государственных органов, должностных лиц, общественных объединений и некоммерческих организаций, индивидуальных предпринимателей и граждан. Законодательное закрепление правовых оснований для постановки на профилактический учет и проведения профилактической работы с лицами, допускающими семейно-бытовое насилие, если их действия формально не содержат признаков административного правонарушения или преступления, позволит обеспечить защиту жизни и здоровья несовершеннолетних на ранних стадиях (до совершения преступления). Вопрос взаимодействия и обмена информацией между субъектами предупреждения детоубийств, непосредственная деятельность которых связана с несовершеннолетними и получением информации о возможных угрозах для их жизни и здоровья (органы внутренних дел, учреждения системы здравоохранения и образова-

ния, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав) требует пересмотра и четкой правовой регламентации.

Список литературы:

1. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https:// https://base.garant.ru/12182530/
2. Игнатов А.Н. Стратегия противодействия криминальному насилию в современном обществе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2015. - № 6 (23). – С. 157-168.
3. Дрожжа Ю.С. Основные меры профилактики детоубийств // Наука. Мысль: электронный периодический журнал. – 2016. – № 5-1. – С. 60-64.
4. Шелеметьева Е.В. Субъекты профилактики жестокого обращения с детьми // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 4(73). – С. 73–75.
5. Барсегян К.С. Насилие в отношении детей, меры профилактики // Вестник науки. – 2024. - № 12 (81), Т.3. – С. 553-561.
6. Казанцева. Анализ зарубежного опыта по снижению детоубийств и возможность его внедрения в законодательство РФ // Российское право. – 2025. - № 3. – С. 45-50.
7. Шевченко А.В. Органы внутренних дел Российской Федерации как субъект профилактики детоубийств // Актуальные проблемы противодействия преступности в России и пути их решения: сборник научных трудов / [сост. Е.Е. Колбасина]. – М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2024. – научное электронное издание, с. 280-284.
8. Михайлова Е.В. Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2023. – Т. 29. - № 3 (90). – С. 195 – 201.
9. Базелюк В.В., Тыкман И.Р. Факторы виктимизации подростков в процессе социализации // Виктимология. – 2024. – Т. 11. - № 3. – С. 446 – 459.
10. Михайлова Д.В. Проблемные аспекты виктимности несовершеннолетних в современном обществе // Криминалист. – 2025. – № 2 (51). – С. 67–74.
11. Воробьева К.А. Особенности детско-родительских отношений у подростков, склонных к асоциальной направленности личности и девиантному поведению // Актуальные проблемы психологического знания. – 2023. – 4 (65). С. 78-94.
12. Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https:// https://base.garant.ru/12116087/
13. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/; Федеральный закон от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https:// https://base.garant.ru/12116087/
14. Приказ МВД РФ от 15.10.2015 № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации». - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158962
15. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL:https:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/f7964563436c4bb0aed73d388df1a95d9103b632/#dst351
16. Приговор № 2-21/2019 2-7/2020 от 09.08.2020 Томского областного суда по делу № 2-7/2020, по п. «в», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, ст. 156 УК РФ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL https://sudact.ru/regular/doc/uMv36CIMZAbW/?ysclid=mgr3x146t7570723733
17. Прокуратура Свердловской области. В Екатеринбурге вынесен приговор по уголовному делу об убийстве матерью своего 3-летнего сына и совершении иного преступления // Официальный сайт прокуратуры Свердловской области. – 2026. – 14 сентября. - URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения 16.09.2026).
18. Генеральная прокуратура Российской Федерации. В Калининградской области вынесен приговор по уголовному делу об убийстве семилетнего мальчика // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2026. – 12 августа. - URL: https://epp.genproc.gov.ru (дата обращения 16.09.2026).
19. Российская газета. Вологодский суд приговорил мужчину к 13 годам колонии за убийство дочери // Официальный сайт Российской газеты. – 2020. – 25 мая. - URL: https://rg.ru/2020/05/25(дата обращения 16.09.2026).
20. Батюкова В.Е. Некоторые уголовно-правовые и криминологические аспекты семейно-бытового насилия // Право и управление. – 2024. - № 3. – С. 158-162.

Shevchenko A.V. The system of entities involved in preventing infanticide: criminological analysis and areas for improvement // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 787-795

The work includes a criminological analysis of the subjects of the prevention of infanticide. In accordance with the role performed, the circle of state bodies, officials, and public organizations entrusted with this function is de-

fined, namely: the institute of the Commissioner for Children's Righrs under the President of the Russian Federation; state and local government bodies of national and interdepartmental competence, state institutions and departments of special competence, public association (functional criterion) is determined based on the analysis of regulatory legal acts. The content of the activity is also defined as a classification criterion: specialized (endowed with special powers in the field of protection of minors from violent assaults) and non-specialized entities (involved in the prevention of violent crime against minors indirectly). Insufficient coordination of the activities of the subjects of the subjects of prevention was noted, expressed in the absence of a single mechanism of action aimed at achieving the final result – ensuring the protection of the life and health of minors. The most significant causes have been identified and areas of action to overcome them have been outlined.

Key words: crime prevention, criminal violence, family and household sphere, domestic violence, minor, victimization, infanticide, prevention of infanticide, subject of prevention of infanticide, system of subject of prevention of infanticide.

Spisok literatury:

1. Federal'nyj zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ «O policii». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL:https:// https://base.garant.ru/12182530/
2. Ignatov A.N. Strategiya protivodejstviya kriminal'nomu nasiliyu v sovremennom obshchestve // Biblioteka kriminalista. Nauchnyj zhurnal. – 2015. - № 6 (23). – S. 157-168.
3. Drozhzha Yu.S. Osnovnye mery profilaktiki detoubijstv // Nauka. Mysl': elektronnyj periodicheskij zhurnal. – 2016. – № 5-1. – S. 60-64.
4. Shelemet'eva E.V. Sub"ekty profilaktiki zhestokogo obrashcheniya s det'mi // Evrazijskij soyuz uchenyh. – 2020. – № 4(73). – S. 73–75.
5. Barsegyan K.S. Nasilie v otnoshenii detej, mery profilaktiki // Vestnik nauki. – 2024. - № 12 (81), T.3. – S. 553-561.
6. Kazanceva. Analiz zarubezhnogo opyta po snizheniyu detoubijstv i vozmozhnost' ego vnedreniya v zakonodatel'stvo RF // Rossijskoe pravo. – 2025. - № 3. – P. 45-50.
7. Shevchenko A.V. Organy vnutrennih del Rossijskoj Federacii kak sub"ekt profilaktiki detoubijstv // Aktual'nye problemy protivodejstviya prestupnosti v Rossii i puti ih resheniya: sbornik nauchnyh trudov / [sost. E.E. Kolbasina]. – M.: Moskovskij universitet MVD Rossii im. V.Ya. Kikotya, 2024. – nauchnoe elektronnoe izdanie, s. 280-284.
8. Mihajlova E.V. Osobennosti prichinnogo kompleksa semejno-bytovoj prestupnosti v Rossii // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2023. – T. 29. - № 3 (90). – S. 195 – 201.
9. Bazelyuk V.V., Tykman I.R. Faktory viktimizacii podrostkov v processe socializacii // Viktimologiya. – 2024. – T. 11. - № 3. – S. 446 – 459.
10. Mihajlova D.V. Problemnye aspekty viktimnosti nesovershennoletnih v sovremennom obshchestve // Kriminalist. – 2025. – № 2 (51). – S. 67–74.
11. Vorob'eva K.A. Osobennosti detsko-roditel'skih otnoshenij u podrostkov, sklonnyh k asocial'noj napravlennosti lichnosti i deviantnomu povedeniyu // Aktual'nye problemy psihologicheskogo znaniya. – 2023. – 4 (65). S. 78-94.
12. Federal'nyj zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL:https:// https://base.garant.ru/12116087/
13. Federal'nyj zakon ot 24.07.1998 № 124-FZ «Ob osnovnyh garantiyah prav rebenka v Rossijskoj Federacii». - [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/; Federal'nyj zakon ot 24.06.1999 № 120-FZ «Ob osnovah sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenij nesovershennoletnih». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL:https:// https://base.garant.ru/12116087/
14. Prikaz MVD RF ot 15.10.2015 № 845 «Ob utverzhdenii Instrukcii po organizacii deyatel'nosti podrazdelenij po delam nesovershennoletnih organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii». - [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158962
15. Federal'nyj zakon ot 21.11.2011 № 323-FZ «Ob osnovah ohrany zdorov'ya grazhdan Rossijskoj Federacii». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL:https:// https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/f7964563436c4bb0aed73d388df1a95d9103b632/#dst351
16. Prigovor № 2-21/2019 2-7/2020 ot 09.08.2020 Tomskogo oblastnogo suda po delu № 2-7/2020, po p. «v», «d» ch. 2 st. 105 UK RF, st. 156 UK RF». – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL https://sudact.ru/regular/doc/uMv36CIMZAbW/?ysclid=mgr3x146t7570723733
17. Prokuratura Sverdlovskoj oblasti. V Ekaterinburge vynesen prigovor po ugolovnomu delu ob ubijstve mater'yu svoego 3-letnego syna i sovershenii inogo prestupleniya // Oficial'nyj sajt prokuratury Sverdlovskoj oblasti. – 2026. – 14 sentyabrya. - URL: https://epp.genproc.gov.ru (data obrashcheniya 16.09.2026).
18. General'naya prokuratura Rossijskoj Federacii. V Kaliningradskoj oblasti vynesen prigovor po ugolovnomu delu ob ubijstve semiletnego mal'chika // Oficial'nyj sajt General'noj prokuratury Rossijskoj Federacii. – 2026. – 12 avgusta. - URL: https://epp.genproc.gov.ru (data obrashcheniya 16.09.2026).
19. Rossijskaya gazeta. Vologodskij sud prigovoril muzhchinu k 13 godam kolonii za ubijstvo docheri // Oficial'nyj sajt Rossijskoj gazety. – 2020. – 25 maya. - URL: https://rg.ru/2020/05/25(data obrashcheniya 16.09.2026).
20. Batyukova V.E. Nekotorye ugolovno-pravovye i kriminologicheskie aspekty semejno-bytovogo nasiliya // Pravo i upravlenie. – 2024. - № 3. – S. 158-162.

.

Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Юридические науки. – 2026. – Т. 12 (78). № 3. – С. 796-805.

УДК 342.76

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ЗАЩИТЫ РОССИЙСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ: СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ РОЛИ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Лихачев С.В., Хащина Э.Э.

ФГОУ ВО «Курский государственный университет»

В статье анализируется национальный механизм защиты прав российских военнослужащих, попавших в плен в ходе специальной военной операции. Основное внимание уделяется взаимодействию органов государственной власти Российской Федерации: Министерства обороны, Уполномоченного по правам человека, Межведомственной комиссии по военнопленным и региональных омбудсменов. На основе анализа нормативных правовых актов выявляются проблемы институционального характера, включая отсутствие единой системы учета военнопленных, недостаточную регламентацию процедур подтверждения статуса, фрагментарность информирования семей. Предлагаются пути совершенствования законодательства и межведомственной координации.

Ключевые слова: военнопленные, национальный механизм защиты, взаимодействие органов государственной власти, Министерство обороны РФ, Уполномоченный по правам человека, правовой статус военнослужащих, социальные гарантии, межведомственная координация, Женевские конвенции, специальная военная операция, семьи военнослужащих.

Проблематика защиты прав военнослужащих, оказавшихся в плену, традиционно рассматривается в юридической науке сквозь призму международного гуманитарного права. Женевские конвенции 1949 года и Дополнительные протоколы к ним формируют универсальный стандарт обращения с военнопленными, закрепляя их права и устанавливая обязательства государств, в чьей власти они находятся. Значительный массив научной литературы посвящен имплементации этих норм, деятельности Международного Комитета Красного Креста и вопросам международно-правовой ответственности за нарушения правил ведения войны. Однако универсальные нормы обретают реальную силу лишь тогда, когда они обеспечены действенными внутригосударственными механизмами реализации.

Применительно к защите военнопленных, фокус исследовательского внимания преимущественно сосредоточен на державе, удерживающей пленных, и соблюдении ею международных стандартов. Значительно менее разработанной в доктрине остается «обратная» сторона проблемы: национальный механизм государства происхождения военнослужащих, направленный на защиту своих граждан, оказавшихся в плену. Полномочия и компетенция различных органов государственной власти в этой сфере, распределение функций между военным командованием, дипломатическими структурами, институтом омбудсмена и органами социальной защиты, а также эффективность их координации до настоящего времени не становились предметом системного юридического анализа.

Долгое время эти вопросы носили преимущественно теоретический характер, однако геополитические изменения и проведение специальной военной операции придали им острую практическую значимость. Российская Федерация столкнулась с необходимостью выстраивания оперативно реагирующей системы на национальном уровне, обеспечивающей защиту прав военнослужащих, попавших в плен. Возникла потребность в четкой

регламентации взаимодействия между Министерством обороны РФ, иными федеральными ведомствами и уполномоченными по правам человека, а также в определении «маршрутов» оказания помощи как самим военнопленным, так и членам их семей.

Комплексный характер самого статуса военнопленного и членов его семьи обуславливает необходимость вмешательства различных отраслей права: от международного до административного. В этих условиях системный анализ роли и взаимодействия органов государственной власти РФ представляется не только актуальной научной задачей, но и насущной практической потребностью, позволяющей выявить проблемные аспекты правового регулирования и предложить пути совершенствования национального механизма защиты российских военнопленных. Настоящее исследование направлено на восполнение указанного пробела посредством анализа институциональной структуры и распределения компетенций внутригосударственных органов в данной сфере.

В юридической доктрине проблематика военного плена исследуется преимущественно в русле международного гуманитарного права, при этом внимание ученых сосредоточено на различных аспектах правового статуса военнопленных. Значительный пласт работ посвящен историческому развитию международно-правового регулирования в этой сфере. Так, например, А.Х. Аллаамери подробно исследует в своих публикациях исторические аспекты становления международно-правовых норм о военнопленных, прослеживая эволюцию соответствующих конвенции [1]. А.А. Ботов в своем историко-правовом анализе рассматривает понятие и правовой статус военнопленного в международном праве в диахроническом срезе [2].

Ряд исследований посвящен анализу правового статуса военнопленного в условиях современных вооруженных конфликтов [3]. Так, в работе Л.Ю. Одегова и Е.Л. Бариз рассматриваются вопросы внедрения международных стандартов в сфере защиты прав военнопленных в национальные правопорядки [4]. Проблемы правового регулирования режима военного плена, затрагиваются в работах Д.И. Самодурова, при этом автор акцентирует внимание на решение данных проблем в условиях проведения специальной военной операции [5].

Проведенный обзор научных источников свидетельствует о том, что существующие исследования выполнены преимущественно с позиций международного права и ориентированы на анализ обязательств государства, удерживающего пленных, либо на общие вопросы имплементации Женевских конвенций. Вопросы функционирования национального механизма защиты российских военнослужащих, попавших в плен, распределения компетенции между органами государственной власти РФ и их взаимодействия при реализации соответствующих полномочий нуждаются в комплексном нормативном анализе.

Оценка государством судьбы собственных военнослужащих, оказавшихся в плену, претерпела в отечественной истории кардинальную трансформацию. Наиболее показательным примером служит Приказ Ставки Верховного Главнокомандования Красной армии № 270 от 16 августа 1941 года «Об ответственности военнослужащих за сдачу в плен и оставление врагу оружия» [6]. Изданный в тяжелейших условиях начального периода Великой Отечественной войны, этот документ, по существу, приравнивал сам факт попадания в плен к измене Родине, независимо от обстоятельств, при которых военнослужащий оказался во власти противника. Лишь в послесталинский период началась частичная реабилитация: Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. была объявлена амнистия, а постановлением от 20 сентября 1956 г. ее действие распространено на бывших военнослужащих, осужденных за сдачу в плен. Окончательное же восстановление в правах произошло уже в новейшей истории России:

Указом Президента РФ от 24 января 1995 г. «О восстановлении законных прав российских граждан – бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» бывшие военнопленные были уравнены в правах с участниками войны.

Современное российское законодательство демонстрирует принципиально иной подход к решению данного вопроса. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» в ч.8. ст.2 устанавливает императивную гарантию: «за военнослужащими, захваченными в плен или в качестве заложников, а также интернированными в нейтральных странах, сохраняется статус военнослужащих». Более того, органы государственной власти и военное командование обязаны принимать меры по их освобождению в соответствии с нормами международного права [7]. Эта норма легитимирует военнопленного как субъекта права, нуждающегося в защите, а не как лицо, подлежащее юридической ответственности.

С начала объявления и реализации Российской Федерацией специальной военной операции в феврале 2022 года Россия и Украина находятся в состоянии международного вооруженного конфликта. Как государства-участники Женевских конвенций 1949 года и Дополнительных протоколов к ним, обе стороны приняли на себя обязательства по соблюдению норм международного гуманитарного права в отношении военнопленных. Статья 13 Третьей Женевской конвенции возлагает на державу, во власти которой находятся военнопленные, ответственность за их обращение, предписывая гуманное отношение и защиту от актов насилия, запугивания и оскорблений [8].

Однако в ходе конфликта фиксируются многочисленные факты нарушений режима военного плена. Международными правозащитными структурами документируются отдельные случаи жестокого обращения с российскими военнопленными, однако потенциал международных институтов в данной сфере остается ограниченным. Это обусловлено, в том числе, избирательным характером их действий и политической ангажированностью международных организаций. Анализ деятельности международных структур, осуществляющих мониторинг соблюдения норм международного гуманитарного права в ходе вооруженного конфликта, обнаруживает существенную асимметрию в фиксации нарушений. Механизмы, инициируемые под эгидой ОБСЕ и Совета Европы, последовательно фокусируются на действиях российской стороны, тогда как нарушения со стороны Украины остаются вне рамок официального рассмотрения.

Наиболее показательна ситуация с активацией Московского механизма ОБСЕ. В июле 2025 года 41 государство-участник после консультаций с Украиной инициировали данный механизм для установления фактов нарушений, «связанных с обращением Российской Федерацией с украинскими военнопленными». Мандат миссии экспертов был сформулирован предельно конкретно: «установить факты и обстоятельства» именно действий России, «собрать, обобщить и проанализировать эту информацию», включая возможные «пытки, жестокое обращение и казни украинских военнопленных... под контролем Российской Федерации». Представленный в сентябре 2025 года доклад, соответственно, содержал выводы исключительно о нарушениях, допущенных российской стороной [9]. Таким образом, нарушения международного гуманитарного права, которые могут допускаться украинской стороной, не получают должного внимания и не расследуются в рамках указанных механизмов не в силу их отсутствия, а вследствие изначально заданного вектора мониторинга. Такой подход, как представляется, не способствует формированию объективной картины соблюдения Женевских конвенций и подрывает доверие к универсальности международных контрольных механизмов.

В ответ на избирательность официальных международных механизмов в Российской Федерации был создан альтернативный институт, ориентированный на объективное и всестороннее расследование нарушений, включая факты, относящиеся к обращению с военнопленными. В апреле 2022 года при Общественной палате РФ начал свою работу Международный общественный трибунал по расследованию преступлений украинских властей. Инициатором создания выступил член Общественной палаты М.С. Григорьев, сформулировавший цель трибунала как «сбор данных и доказательств совершения военных преступлений киевским режимом, дискриминации собственных граждан, преследований по языковым, национальным и идеологическим мотивам» [10].

Отличительной чертой данного механизма стала его международная составляющая: к участию в работе трибунала были привлечены граждане США, Канады, Германии, Франции, Израиля и других европейских государств, позиционировавшие себя в качестве независимых журналистов и исследователей. Трибунал проводит открытые слушания, публикует видеоматериалы на русском и английском языках, распространяя их через отечественные цифровые платформы и видеохостинги. В рамках своей деятельности трибунал аккумулирует свидетельства, в том числе от освобожденных российских военнослужащих, о фактах жестокого обращения, пыток, отказов в медицинской помощи и других нарушениях Женевской конвенции.

В отличие от мониторинговых миссий ОБСЕ и ПАСЕ, действующих на основе односторонне сформулированных мандатов, Международный общественный трибунал изначально ориентирован на фиксацию нарушений именно с украинской стороны, что позволяет восполнить информационный и доказательный пробел, формируемый западными структурами. Собранные трибуналом материалы впоследствии используются для информирования международного сообщества, включая презентацию на площадке Совета Безопасности ООН. Данная организация активно взаимодействует с государственными органами РФ, в частности, Уполномоченным по правам человека. В своем докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека за 2024 г. Т.Н. Москалькова отмечает, что данный институт «регулярно передает информацию о ставших ему известными фактах жестокости и насилия, других действиях, грубо нарушающих нормы Женевских конвенций 1949 года» [11].

Функционирование национального механизма защиты прав российских военнослужащих, попавших в плен, обеспечивается системой органов государственной власти, компетенция которых закреплена в нормативных правовых актах различного уровня. Анализ соответствующих положений позволяет выделить несколько уровней институционального взаимодействия.

Основные полномочия в сфере защиты военнослужащих, попавших в плен, и организации международного взаимодействия возлагаются на Министерство обороны РФ. Именно ему принадлежит ключевая роль в организации обменных процессов, непосредственном взаимодействии с противной стороной и последующей реабилитации освобожденных лиц. Правовой статус ведомства определяется Положением о Министерстве обороны Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1082 [12].

В соответствии с подпунктом 9 пункта 3 Положения, одной из основных задач Минобороны России является обеспечение социальной защиты военнослужащих, лиц гражданского персонала, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. Данная задача конкретизируется в подпункте 43 пункта 7, согласно которому Министерство реализует меры правовой и социальной защиты указанных категорий граждан. На основе

этих полномочий Минобороны осуществляет нормативно-правовое регулирование вопросов выплаты денежного довольствия семьям военнослужащих, захваченных в плен.

В соответствии с подпунктом 9 пункта 3 Положения, одной из основных задач Минобороны России является обеспечение социальной защиты военнослужащих, лиц гражданского персонала, граждан, уволенных с военной службы, и членов их семей. Данная задача конкретизируется в подпункте 43 пункта 7, согласно которому Министерство реализует меры правовой и социальной защиты указанных категорий граждан. Детальное регулирование вопросов выплаты денежного довольствия семьям военнослужащих, захваченных в плен, содержится в разделе XII Приказа Министра обороны РФ от 6 декабря 2019 г. № 727 «Об определении Порядка обеспечения денежным довольствием военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации и предоставления им и членам их семей отдельных выплат».

Пункт 109 Приказа устанавливает, что семьям военнослужащих, захваченных в плен или в качестве заложников, интернированных в нейтральных странах либо безвестно отсутствующих, ежемесячно выплачивается денежное довольствие в размерах, причитающихся военнослужащему ко дню захвата в плен. Выплата производится до полного выяснения обстоятельств захвата, освобождения либо признания военнослужащего безвестно отсутствующим или объявления умершим.

Согласно пункту 110, денежное довольствие подлежит выплате супруге (супругу) или другим членам семьи, проживавшим на момент возникновения указанных обстоятельств совместно с военнослужащим. Порядок выплаты определяется постановлением Правительства РФ от 14 июля 2000 г. № 524 «Об отдельных выплатах военнослужащим и членам их семей» .Основанием для выплаты, как предусмотрено пунктом 111 Приказа, служат приказ соответствующего командира о факте захвата в плен, интернирования либо пропажи без вести, а также заявление супруга (супруги) или других членов семьи .

Подпункт 61 пункта 7 Положения возлагает на Минобороны обязанность по разработке и осуществлению комплекса лечебных, санаторно-курортных, оздоровительных и реабилитационных мероприятий, направленных на охрану и укрепление здоровья военнослужащих. Указанное полномочие реализуется в отношении военнослужащих, возвращенных из плена, которые проходят медицинскую реабилитацию и лечение в подведомственных Министерству медицинских учреждениях.

Существенный блок полномочий связан с международной деятельностью. Согласно подпункту 10 пункта 3 и подпункту 73 пункта 7 Положения, Минобороны осуществляет внешнеполитическую деятельность по вопросам обороны и международное военное сотрудничество. Подпункт 74 пункта 7 прямо предусматривает участие Министерства в переговорах по проблемам безопасности, сокращения вооружений, а также по другим военным вопросам. К числу таких вопросов, безусловно, относятся переговоры об обмене военнопленными, которые ведутся Минобороны РФ с привлечением иных уполномоченных органов.

Особое значение имеет подпункт 75 пункта 7 Положения, который обязывает Минобороны организовывать выполнение в Вооруженных Силах международных договоров Российской Федерации и участвовать в наблюдении за их выполнением другими государствами. Поскольку Женевские конвенции 1949 года являются международными договорами РФ, указанное полномочие создает правовую основу для деятельности Министерства по мониторингу соблюдения Украиной норм международного гуманитарного права в части обращения с российскими военнопленными.

Деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по за-

щите прав военнослужащих, попавших в плен, и членов их семей основывается на Федеральном конституционном законе от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации». Данный акт не содержит специальных норм, посвященных военнопленным, однако предоставляет омбудсмену универсальные инструменты, применимые в рассматриваемой сфере. В соответствии со статьей 1 ФКЗ, Уполномоченный учреждается в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан. Статья 2 обязывает его руководствоваться в своей деятельности, наряду с Конституцией и законодательством РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами Российской Федерации, что создает основу для апеллирования к нормам Женевских конвенций.

Принципиальное значение для деятельности в условиях вооруженного конфликта имеет статья 4 ФКЗ, согласно которой введение режима чрезвычайного или военного положения не прекращает и не приостанавливает деятельности Уполномоченного и не влечет ограничения его компетенции.

Основным инструментом реагирования выступает рассмотрение жалоб. Как отмечается в Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год, «более половины обращений составляют заявления по гуманитарным вопросам, возникающим в связи с проведением СВО….в том числе, возвращения на Родину военнопленных и гражданских лиц» [13]. Статья 15 ФКЗ наделяет Уполномоченного правом рассматривать жалобы граждан Российской Федерации, включая военнослужащих, а также членов их семей. Согласно статье 16, предметом обжалования могут выступать решения или действия (бездействие) государственных органов, органов местного самоуправления, должностных лиц и государственных служащих. Таким образом, члены семей военнослужащих, находящихся в плену, вправе обратиться к Уполномоченному в случае бездействия компетентных ведомств или нарушения их прав.

Помимо работы с жалобами, статья 21 ФКЗ предоставляет Уполномоченному право при поступлении информации о массовых или грубых нарушениях прав и свобод граждан, а также в случаях, имеющих особое общественное значение в пределах своей компетенции принимать соответствующие меры по собственной инициативе. Данная норма позволяет омбудсмену реагировать на публикации о фактах жестокого обращения с военнопленными или нарушениях их прав, не дожидаясь формальных обращений.

Важным направлением является взаимодействие с региональными уполномоченными по правам человека. Статья 36.2 ФКЗ наделяет федерального омбудсмена правом оказывать региональным уполномоченным организационную, правовую и информационную помощь, что способствует оперативному сбору информации от семей военнослужащих, проживающих в различных субъектах Федерации. На практике это выражается в том, что аппараты региональных уполномоченных аккумулируют обращения членов семей военнослужащих и направляют их Т.Н. Москальковой для последующего взаимодействия с федеральными ведомствами. Так, уполномоченный по правам человека в Югре Н.В. Стребкова после обмена 5 февраля 2026 года сообщила, что в 2025 году домой удалось вернуть 17 военнослужащих, призванных из Ханты-Мансийского автономного округа, сведения о возвращении югорчан были получены в результате взаимодействия с Министерством обороны РФ. Также региональный омбудсмен отметила, что вопросы, связанные с поиском и обменом военнослужащих, находятся в постоянной координации между региональными и федеральными структурами [14]. Аналогичную работу провела уполномоченный Белгородской области, которая после обмена 24 августа 2025 года выразила благодарность федеральному омбудсмену Т.Н. Москальковой за

большую работу, проделанную по обмену [15].

По итогам года Уполномоченный представляет доклад о своей деятельности, а по отдельным вопросам может направлять специальные доклады. В указанных документах находят отражение и проблемы, связанные с защитой прав военнослужащих, попавших в плен, что способствует привлечению внимания законодателя и общественности.

Таким образом, институт Уполномоченного по правам человека функционирует как независимый механизм, дополняющий деятельность Министерства обороны и иных ведомств. Его компетенция позволяет осуществлять мониторинг ситуации, реагировать на обращения семей, взаимодействовать с МККК и иными международными структурами, а также инициировать меры по восстановлению нарушенных прав.

Особое место в системе занимает Межведомственная комиссия по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, образованная в соответствии с Указом Президента РФ от 17 июня 2011 г. № 815 [16]. Комиссия создана в целях комплексного решения вопросов, связанных с выяснением судеб граждан Российской Федерации, пропавших без вести при защите интересов государства. Анализ Положения о Комиссии позволяет выделить ее основные функции: координация и организационная поддержка исследовательских и поисковых работ; осуществление мероприятий, способствующих выяснению судеб военнопленных, а в необходимых случаях — возвращению их на родину; участие в международном сотрудничестве по соответствующему кругу вопросов; взаимодействие с федеральными органами власти, общественными объединениями и организациями.

Представленная структура демонстрирует многоуровневый характер национального механизма, в котором сочетаются вертикальное взаимодействие, горизонтальная координация и международные коммуникации. Нормативная база, закрепляющая полномочия указанных органов, создает необходимые правовые предпосылки для реализации по защите российских военнослужащих, попавших в плен, и членов их семей.

Однако, детальный анализ правоприменительной практики, связанной с работой указанных органов, позволяет выявить ряд проблемных аспектов функционирования национального механизма защиты российских военнопленных.

Во-первых, отсутствие единой системы учета и ведомственной координации в отношении российских военнопленных. Несмотря на наличие Межведомственной комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести, анализ ее деятельности свидетельствует об отсутствии единой системы учета российских военнослужащих, попавших в плен. Отсутствие единого реестра военнопленных, доступного для уполномоченных органов, создает риски дублирования функций и затрудняет оперативное получение информации родственниками. В настоящее время семья вынуждена обращаться в различные инстанции — Министерство обороны, военные комиссариаты, аппарат Уполномоченного, общественные организации — что увеличивает сроки получения информации и создает дополнительные административные барьеры. Детальный механизм взаимодействия ведомств при поступлении информации о российских военнопленных не регламентирован. Это создает риски дублирования функций и утраты информации. Решением этой проблемы могло бы стать создание единой, скоординированной системы сбора, верификации и использования информации о российских военнослужащих, поступающей из различных источников. Это требует как совершенствования нормативно-правовой базы, определяющей порядок межведомственного взаимодействия, так и организационного укрепления структур, ответственных за учет и информационное сопровождение.

Во вторых, проблемой является недостаточная регламентация процедур подтверждения

статуса военнопленного. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» в статье 19 устанавливает важнейшую гарантию: за военнослужащими, захваченными в плен, сохраняется статус военнослужащих. Однако процедура подтверждения самого факта нахождения в плену для целей социального обеспечения (выплаты денежного довольствия семье, сохранение жилищных прав и иных гарантий) нормативно не детализирована.

Приказ Министра обороны РФ от 6 декабря 2019 г. № 727, регламентирующий выплату денежного довольствия семьям, предполагает наличие приказа командира воинской части о факте захвата в плен. Однако в условиях боевых действий получение такого приказа может быть затруднено ввиду отсутствия достоверных сведений о судьбе военнослужащего, его перемещениях между местами содержания, невозможности оперативной связи с командованием. Механизм подтверждения статуса в таких ситуациях (например, на основании свидетельских показаний освобожденных сослуживцев или данных, полученных в ходе обменов) законодательно не урегулирован, что создает риски для реализации прав семей на социальное обеспечение.

Решением данной проблемы могло бы быть дополнение раздела XII Приказа № 727 положениями, расширяющими перечень оснований для подтверждения факта плена. Необходимо, на наш взгляд, дополнить пункт 111 после слов «приказа соответствующего командира о факте захвата в плен» словами: «либо, при невозможности получения такого приказа, совокупности иных доказательств, подтверждающих факт нахождения военнослужащего в плену, включая: показания освобожденных из плена военнослужащих, информацию Международного Комитета Красного Креста, сведения, полученные в ходе обменных операций, а также иные данные, позволяющие с достаточной степенью достоверности установить факт пленения. Порядок оценки указанных доказательств и принятия решения о выплате устанавливается Министерством обороны Российской Федерации».

Подводя итог проведенному исследованию, мы можем сделать следующие выводы.

Эволюция государственного подхода к судьбе военнопленных в отечественной истории демонстрирует кардинальную смену парадигмы: от репрессивной модели к современной правозащитной, закрепленной в статье 2 Федерального закона «О статусе военнослужащих» и ориентированной на выполнение международных обязательств. Защита прав военнослужащих, попавших в плен и членов их семей, осуществляется через многоуровневый национальный механизм, в рамках которого ключевые функции распределены между Министерством обороны РФ (организация обменов, реабилитация, социальные выплаты), Уполномоченным по правам человека в РФ (рассмотрение обращений семей, мониторинг, межведомственная координация), Межведомственной комиссией по военнопленным и региональными омбудсменами.

Анализ правоприменительной практики данных ведомств демонстрирует, что несмотря на ряд успешных практик, защита прав российских военнопленных сталкивается с рядом проблем, важнейшей из которых является отсутствие единой системы учета и ведомственной координации при работе с информацией о российских военнопленных. Это приводит к тому, что семьи вынуждены обращаться в различные инстанции, увеличивая сроки получения информации, а фрагментарность информирования семей и отсутствие единого публичного канала связи усугубляют психологическую нагрузку на родственников. Недостаточная регламентация процедур подтверждения статуса военнопленного для целей социального обеспечения создает риски задержек выплат или отказа в них при отсутствии приказа командира, даже если факт пленения подтверждается иными источниками.

Указанные проблемы носят преимущественно процедурный характер и могут быть

разрешены путем совершенствования подзаконного регулирования, унификации ведомственных процедур и организационного укрепления структур, ответственных за информационное сопровождение семей военнослужащих.

Список литературы

1. Аллаамери, А.Х. История развития конвенций, регулирующих вопрос о военнопленных /А.Х. Аллаамери // Цифровая наука. — 2023. — № 9. — С.37-41.
2. Ботов, А.А. Понятие и правовой статус военнопленного в международном праве (историко-правовой анализ)/ А.А. Ботов // Институт местного самоуправления в системе публичной власти: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. — 2016. — С.112-123.
3. Амиров, Р.З. Международно-правовое регулирование статуса военнопленного в современных вооруженных конфликтах / Р.З. Амиров // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина (посвященная принятию всеобщей декларации прав человека): сборник материалов Международной конференции. — Уфа. 2022. — С. 41-45.
4. Одегова, Л.Ю., Бариз, Е.Л. Права военнопленных: проблемы внедрения международных стандартов /Л.Ю. Одегова, Е.Л. Бариз // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Том 8. Часть 1. Под общей редакцией С.В. Беспаловой. — 2020. — С.112-115
5. Самодуров, Д.И. Правовое обеспечение режима военного плена в условиях проведения специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины/ Д.И. Самодуров // Право в вооруженных силах. Военно-правовое обозрение. — 2022. — №12(305). — С.51-57.
6. Приказ Ставки Верховного Главного Командования Красной Армии от 16 августа 1941 г. № 270 О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий // Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/71016496/ (дата обращения 12.02.2026 г.)
7. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 № 76-ФЗ. Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/178792/ (дата обращения 13.02.2026 г.)
8. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года об обращении с военнопленными. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_2.shtml (дата обращения 18.02.2026 г.)
9. Эксперты Московского механизма представили доклад по Украине Постоянному совету ОБСЕ. URL: https://odihr.osce.org/ru/node/598057 (дата обращения 18.02.2026 г.)
10. Григорьев: Состав Международного общественного трибунала по Украине увеличится. URL: https://www.pnp.ru/politics/grigorev-sostav-mezhdunarodnogo-obshhestvennogo-tribunala-po-ukraine-uvelichitsya.html ((дата обращения 15.02.2026 г.)
11. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год URL: https://rg.ru/documents/2025/02/26/doklad-2024-god-site-dok.html
12. Указ Президента РФ от 16.08.2004 № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации». Доступ из СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/187301/ (дата обращения 21.02.2026 г.)
13. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2025 год. URL: https://rg.ru/documents/2026/01/28/doklad-ombudsmen-za-2025-god-site-dok.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения 21.02.2026 г.)
14. Омбудсмен Стребкова сказала, сколько жителей ХМАО удалось вернуть из украинского плена. (дата обращения 21.02.2026 г.) URL: https://ugra.ru/news/article/ombudsmen-strebkova-skazala-skolko-jiteley-hmao-udalos-vernut-iz-ukrainskogo-plena-30897/ (дата обращения 21.02.2026 г.)
15. Очередной этап обмена военнопленными состоялся сегодня в результате достигнутых договоренностей между российской и украинской сторонами. URL: https://ombudsmanbel.ru/sobytiya/ocherednoj-etap-obmena-voennoplennymi-sostoyal6666/#top (дата обращения 21.02.2026 г.)
16. Указ Президента РФ от 17 июня 2011 г. № 815 «Вопросы Межведомственной комиссии по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести». Доступ из СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6653197/ (дата обращения 21.02.2026 г.)

Likhachev S.V., Khashchina E.E. The National Mechanism for the protection of russian prisoners of war: a systematic analysis of the role and interaction of public authorities // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2026. – T. 12 (78). № 3. – P. 796-805

The article analyzes the national mechanism for protecting the rights of Russian military personnel taken prisoner during the special military operation. It examines the evolution of the state approach to the fate of prisoners of war: from the legal approaches of the Great Patriotic War period to modern legislative regulation enshrined in the Federal Law 'On the Status of Military Personnel.' The main attention is paid to the interaction of public authorities

of the Russian Federation: the Ministry of Defense, the Commissioner for Human Rights, the Interdepartmental Commission on Prisoners of War, and regional ombudspersons. Based on the analysis of normative legal acts, institutional problems are identified, including the lack of a unified system for registering prisoners of war, insufficient regulation of procedures for confirming status, and fragmented information provision to families. Ways to improve legislation and interdepartmental coordination are proposed.

Keywords: prisoners of war, national protection mechanism, interaction of public authorities, Ministry of Defense of the Russian Federation, Commissioner for Human Rights, legal status of military personnel, social guarantees, interdepartmental coordination, Geneva Conventions, special military operation, families of military personnel.

Spisok literatury:

1. Allaaameri A.Kh. Istoriya razvitiya konvencij, reguliruyushchih vopros o voennoplennyh // Cifrovaya nauka. — 2023. — № 9. — S.37-41.
2. Botov A.A. Ponyatie i pravovoj status voennoplennogo v mezhdunarodnom prave (istoriko-pravovoj analiz) // Institut mestnogo samoupravleniya v sisteme publichnoj vlasti: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. — 2016. — S.112-123.
3. Amirov R.Z. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie statusa voennoplennogo v sovremennyh vooruzhennyh konfliktah // Aktual'nye problemy gosudarstva i obshchestva v oblasti obespecheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina (posvyashchennaya prinyatiyu vseobshchej deklaracii prav cheloveka): sbornik materialov Mezhdunarodnoj konferencii. — Ufa. 2022. — S. 41-45.
4. Odegova L.Yu., Bariz E.L. Prava voennoplennyh: problemy vnedreniya mezhdunarodnyh standartov // Doneckie chteniya 2020: obrazovanie, nauka, innovacii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. Tom 8. Chast' 1. Pod obshchej redakciej S.V. Bespalovoj. — 2020. — S.112-115.
5. Samodurov D.I. Pravovoe obespechenie rezhima voennogo plena v usloviyah provedeniya special'noj voennoj operacii po denacifikacii i demilitarizacii Ukrainy // Pravo v vooruzhennyh silah. Voenno-pravovoe obozrenie. — 2022. — №12(305). — S.51-57.
6. Prikaz Stavki Verhovnogo Glavnogo Komandovaniya Krasnoj Armii ot 16 avgusta 1941 g. № 270 O sluchayah trusosti i sdache v plen i merah po presecheniyu takih dejstvij // Dostup iz SPS «Garant». URL: https://base.garant.ru/71016496/ (data obrashcheniya 12.02.2026 g.)
7. Federal'nyj zakon «O statuse voennosluzhashchih» ot 27.05.1998 № 76-FZ. Dostup iz SPS «Garant». URL: https://base.garant.ru/178792/ (data obrashcheniya 13.02.2026 g.)
8. Zhenevskaya konvenciya ot 12 avgusta 1949 goda ob obrashchenii s voennoplennymi. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_2.shtml (data obrashcheniya 18.02.2026 g.)
9. Eksperty Moskovskogo mekhanizma predstavili doklad po Ukraine Postoyannomu sovetu OBSE. URL: https://odihr.osce.org/ru/node/598057 (data obrashcheniya 18.02.2026 g.)
10. Grigor'ev: Sostav Mezhdunarodnogo obshchestvennogo tribunala po Ukraine uvelichitsya. URL: https://www.pnp.ru/politics/grigorev-sostav-mezhdunarodnogo-obshhestvennogo-tribunala-po-ukraine-uvelichitsya.html (data obrashcheniya 15.02.2026 g.)
11. Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2024 god. URL: https://rg.ru/documents/2025/02/26/doklad-2024-god-site-dok.html (data obrashcheniya 21.02.2026 g.)
12. Ukaz Prezidenta RF ot 16.08.2004 № 1082 «Voprosy Ministerstva oborony Rossijskoj Federacii». Dostup iz SPS «Garant». URL: https://base.garant.ru/187301/ (data obrashcheniya 21.02.2026 g.)
13. Doklad o deyatel'nosti Upolnomochennogo po pravam cheloveka v Rossijskoj Federacii za 2025 god. URL: https://rg.ru/documents/2026/01/28/doklad-ombudsmen-za-2025-god-site-dok.html (data obrashcheniya 21.02.2026 g.)
14. Ombudsmen Strebkova skazala, skol'ko zhitelej HMAO udalos' vernut' iz ukrainskogo plena. URL: https://ugra.ru/news/article/ombudsmen-strebkova-skazala-skolko-jiteley-hmao-udalos-vernut-iz-ukrainskogo-plena-30897/ (data obrashcheniya 21.02.2026 g.)
15. Ocherednoj etap obmena voennoplennymi sostoyalsya segodnya v rezul'tate dostignutyh dogovorennostej mezhdu rossijskoj i ukrainskoj storonami. URL: https://ombudsmanbel.ru/sobytiya/ocherednoj-etap-obmena-voennoplennymi-sostoyal6666/#top (data obrashcheniya 21.02.2026 g.)
16. Ukaz Prezidenta RF ot 17 iyunya 2011 g. № 815 «Voprosy Mezhvedomstvennoj komissii po voennoplennym, internirovannym i propavshim bez vesti». Dostup iz SPS «Garant». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/6653197/ (data obrashcheniya 21.02.2026 g.)

НАШИ АВТОРЫ

Адельсеитова А.Б.	*к.ю.н., доц. к-ры истории и теории государства и права, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» г. Симферополь*
Адыгезалова Г. Э.	*д.ю.н., заведующая кафедрой теории и истории государства и права Кубанского гос. у-та*
Аржанов А. А.	*аспирант к-ры теории государства и права, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва*
Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович	*к.ю.н., доц., доц. к-ры уголовного права, процесса и национальной безопасности, зам. декана по научной работе юрид. ф-та ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова»*
Бокий А. Н.	*к.ю.н., доц., полковник полиции, нач. к-ры физической подготовки и спорта Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Бабенко А. Н.	*обучающаяся 3-го курса бакалавриата юрид. ф-та КФУ имени В. И. Вернадского*
Бас М. Н.	*главный специалист юридического отдела муниципального учреждения «Управление имущества Администрации города Норильска»*
Басов В. А.	*д.ю.н., проф. зав. каф. государственно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Белоцеркович Д. В.	*к.ю.н., доц., советник при ректорате, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*
Богданова А. О.	*секретарь судебного заседания Сызранского городского суда Самарской области*
Бондарчук И. В.	*доц. к-ры государственно-правовых дисциплин Крымского филиала ФГБОУ ВО «РГУП им. В.М. Лебедева», к.ю.н., доцент. заслуженный юрист Республики Крым*
Буткевич С. А.	*нач. к-ры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, к.ю.н., доц. заслуженный юрист Республики Крым*
Венедиктов А. А	*аспирант к-ры истории и теории г-ва и права. Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского*
Волков В. Ю.	*к.ю.н., доц., КрФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева*
Волковская Л. Н.	*Санкт-Петербургский гос. эконом. У-т, старший преподаватель к-ры предпринимательского и энергетического права*
Гоглева К. Ю.	*Санкт-Петербургский университет МВД РФ, начальник к-ры конституционного и международного права, к.ю.н.*

Годованик Е. В.	*д.ю.н., доц., главный научный сотрудник Севастопольского филиала И-та законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ*
Головкин Р. Б.	*д.ю.н., проф. к-ры «Теория и история государства и права» Юридического института ВлГУ, проф.*
Горбенко Т. В.	*к.ю.н., преп. к-ры тактико-специальной и огневой подготовки Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Горшкова Н. А.	*зам. нач. -ры уголовного права и криминологии юридического факультета Владимирского юридического института ФСИН, к.ю.н., доцент*
Грушина Н. В.	*аспирант к-ры истории и теории государства и права, ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» г. Симферополь*
Данилов Д.Б.	*начальник отдела организации научной и редакционно-издательской деятельности Краснодарского университета МВД России, к.ю.н., доц.*
Доброрез И. А.	*декан ф-та профессиональной переподготовки и повышения квалификации Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, к.ю.н., доц.*
Доросинская А.М.	*к.ю.н.,доц. к-ры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»*
Емельянов А. С.	*доц. ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»*
Ережипалиев Д. И.	*к.ю.н.,заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере защиты прав несовершеннолетних НИИ ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»*
Жинкин С. А.	*д.ю.н., проф. к-ры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета*
Заброда Д. Г.	*к.ю.н., доц., проф. к-ры административного права и административной деятельности ОВД Крымский филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»*
Запорожец М. А.	*студент Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации*
Иванов А. И.	*старший преподаватель департамента частного права Института права ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет»*

Иванова О.Г.	*к.ю.н.,доц. к-ры административного и финансового права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»*
Казанцева Е. В.	*к.ю.н., старший преп. к-ры конституционного и гражданского права, Крымский Филиал Краснодарского университета МВД*
Квач И. В.	*старший преподаватель кафедры инженерной графики БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова»*
Квач С. С.	*к.ю.н., доц., доцент кафедры Е5 "Техносферная безопасность и вычислительная механика" БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова»*
Кислицина И. Н.	*старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса. Юридический институт НИУ «БелГУ»*
Кисс С. В.	*старший преподаватель ка-ры конституционного и гражданского права Крымского филиала Краснодарского университета МВД России*
Киян М. Ш.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры теории и иистории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева»*
Крюков А. А.	*ведущий специалист отдела организационно-правовой и мобилизационной работы Управление наружной рекламой Администрации г.Ростова-на-Дону, магистрант Южно-Российского института РАНХиГС*
Кодан С. В	*д.ю.н., проф., к-ры истории и теории государства и права института правоведения Российского Государственного Гуманитарного университета.*
Комбарова В. С.	*помощник адвоката Коллегия адвокатов «Московский юридический центр»*
Кондратюк С. В.	*к.ю.н., доц. Заведующий к-ры уголовно-правовых дисциплин. Луганский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры РФ. Доцент департамента публичного права. Тольяттинский государственный университет*
Корнев А. В.	*д.ю.н., проф., заведующий кафедрой теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*
Корчагин А. А.	*д.ю.н., доц. к-ры уголовного процесса Кубанского гос. аграрного у-та им. И.Т. Трубилина*
Кустов А.М.	*д.ю.н., проф., проф. Академии управления МВД России, Заслуженный юрист РФ, академик РАЕН*
Курбачевская К.И.	*старший преп. к-ры уголовно-правовых дисциплин, Уральский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева, г. Челябинск*
Капранова Ю. В.	*к.ю.н., доц.; доц. к-ры конституционного и муниципально-*

	го права ФГБОВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Лиликова О. С.	*к.ю.н., доц. доц. к-ры трудового и предпринимательско-го права юрид. и-та Белгородского государственного национального исследовательского университета*
Лихачев С.В.	*д.ю.н.,проф. к-ры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»*
Лукьянчикова Е.Ф.	*доц. кафедры уголовного права и процесса Юридический институт НИУ «БелГУ»*
Малоземова Д. Д.	*Московский у-т МВД России имени В.Я. Кикотя*
Мальцева Я. В.	*старший преп. к-ры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права ФГБОУ ВО Брянский гос. университет им. ак. И.Г. Петровского*
Манохин В. С.	*к.ю.н., доц. к-ры «Финансовое право и таможенная деятельность» Юридического института ВлГУ.*
Назаркулов Ж. Н.	*адъюнкт ф-та научно-педагогических и научных кадров Московского у-та МВД России им. В.Я. Кикотя*
Никитина А. П.	*д.ю.н., доц. проф. к-ры «Теория и история государства и права» Юридического ф-та ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*
Нифанов А. Н.	*проф. к-ры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», д.ю.н., проф.*
Новикова А. Е.	*д.ю.н., проф. проф. к-ры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»*
Новикова Ю. Е.	*к.и.н., доц., зав. каф. Таможенного дела и внешнеэкономической деятельности, доц. к-ры Конституционного и муниципального права Владимирского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*
Новокшонов Д.В.	*Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии РФ, к.ю.н., доц., полковник юстиции, начальник кафедры отраслевых и юридических дисциплин факультета (командного), г. Санкт-Петербург*
Овсепян Г. В.	*старший преп. к-ры адми. права и админ. деятельности ОВД Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, к.ю.н., подполковник полиции*
Огурцова М. Л.	*Ведущий научный сотрудник отдела научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в сфере защиты прав несовершеннолетних НИИ ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»*

Осяк А. Н.	*начальник к-ры админ. права Ростовский юридический и-т МВД России, к.ю.н., доц., полковник полиции*
Пастухова Л. В.	*к.ю.н., доц., доц. к-ры государственно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (Крымский филиал)*
Попов С. В.	*д.ю.н., доц., проф. к-ры гражданского права Крымского филиала ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»*
Прохорова М. Л.	*д.ю.н., проф. к-ры уголовного права Кубанского государственного университета*
Пухнаревич М. С.	*в/ч 63255, старший юрисконсульт*
Равбышко Р. В.	*соискатель к-ры конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет*
Робак В. А.	*д.ю.н., доц., заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Крымского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ*
Росенко М. И.	*д.пол.н., доц., проф. к-ры «Конституционное и административное право» Юридического института, ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*
Рудик М. В.	*к.ю.н., доц., доцент к-ры уголовно-процессуального права Крымского филиала Университета правосудия им. В.М. Лебедева*
Рудницкий С. А.	*советник при ректорате ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*
Рыбалка Е. А.	*проф. к-ры гражданско-правовых дисциплин ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, д.фил.н., проф.*
Саченок Л. И.	*к.э.н., доц., зав. кры «Бухгалтерский учёт, анализ и аудит» Института финансов, экономики и управления ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»*
Светлова А. П.	*к.ю.н., доц. к-ры административной деятельности органов внутренних дел Московский ордена Почета университет МВД РФ имени В.Я. Кикотя*
Семенова И. В.	*к.ю.н., нач. к-ры публичного и частного права, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии*
Сергиенко Н. Б	*Ст.преп-ль кафедры уголовного права Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государ-ственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»*
Скворцова О В.	*к.ю.н., доц. ка-ры уголовного права и процесса юрид. ф-та КФУ имени В. И. Вернадского*
Соляная М. А.	*аспирант. Юрид. ф-т, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского*

Сущенко Я. А.	*к-ра теории и истории государства и права юрид. ф-та им. А.А. Хмырова. ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»*
Тепсуев М. С.	*к.и.н., доц., доц. к-ры права Чеченского государственного педагогического университетЧелпанова М. М.*
Титова К. А.	*к.ю.н., доц., зам. начальника к-ры административной деятельности органов внутренних дел Краснодарского университета МВД России*
Трифанова К. В.	*к.ю.н., доц. к-ры гражданского и предпринимательского права Южно-Российского института РАНХиГС. Доц. к-ры гражданского процессуального права Ростовского филиала ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»*
Туранин В. Ю.	*д.ю.н., проф., зав. каф. теории и истории государства и права юриди. и-та Белгородского государственного национального исследовательского университета*
Ходжалиев С. А.	*д.ю.н., доц., проф. к-ры уголовного права, процесса и национальной безопасности ЧГУ им. А. А. Кадырова*
Хаджиев У. К.	*старший преп. к-ры таможенного дела ФГБОУ ВО «Грозненский государственный нефтяной технический университет им. М. Д. Миллионщикова*
Хащина Э.Э.	*к.ю.н., доц. к-ры конституционного и административного права ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»*
Хутько Т. В.	*к.ю.н., доц. к-ры теории и истории права и государства Крымского филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»*
Цындря В. Н.	*к.ю.н., доц., нач. к-ры специальных дисциплин Крымский филиал федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации»*
Челпанова М. М.	*начальник к-ры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Крымского филиала Краснодарского университета МВД России, к.э.н., доц., полковник полиции*
Чесебиева К. Ю.	*соискатель ка-ры уголовного права и криминологии юридического ф-та им. А.А. Хмырова. Кубанский государственный университет*
Черпанов А. В.	*соискатель к-ры теории и истории государства и права ФГАОУ ВО «Белгородский национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)*
Шаваева А. М.	*Московский государственный юридический университет имени О.М. Кутафина (МГЮА)*
Шевченко А. В.	*Ст/оперуполномоченный по особо важным делам отдела*

	по раскры-тию преступлений против личности Управления уголовного розыска МВД по Республике Крым
Шумиленко А. П.	*к. ю. н., доц., доц. к-ры истории и теории государства и права ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского»*
Шайхутдинов М.Р	*аспирант, УВО «Университет управления «ТИСБИ», г. Казань*
Юшина Ю. В.	*к.ю.н., доц. кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики Луганский филиал Воронежского института МВД России*
Яковлева М. А.	*Санкт-Петербургский университет МВД РФ, зам. нач. к-ры конституционного и международного права, к.ю.н., доц.*

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Адыгезалова Г. Э., Жинкин С. А., Прохорова М. Л.
О некоторых аспектах феномена прогресса правовой системы……..…....3
Аржанов А. А.
Сильное государство: теоретико-правовой аспект……6
Беляева Т. Н.
Эволюция гражданского общества и его практическая роль в современной России……..….10
Белянская О. В., Минаева А. И.
Механизм реализации прав и свобод личности в условиях развития цифровых технологий……14
Бондарчук И. В.
Российский законодательный процесс: эмпирический анализ федеральных законов (весна-лето 2026 г.)……..23
Головкин Р. Б., Манохин В. С.
Трансформация мер государственного принуждения в механизме противодействия экономическим санкциям……..29
Дейнеко А. Г.
Преподавание права в цифровую эпоху: поколенческие аспекты……..……35
Доброрез И. А., Штехбарт А. Л.
Теоретические и практические аспекты деятельности уполномоченного по правам человека в Республике Крым в сфере защиты прав человека в местах принудительного содержания……..47
Дурнева Н. С.
Государственное управление православными и неправославными вероисповеданиями в Российской империи второй половины XIX – начала XX веков: сравнительно-правовой анализ……..55
Емельянов А. С.
Правовые преимущества отдельных категорий крестьянства и форм хозяйствования в земледелии в первые десятилетия советской государственной власти (1917-1940 гг.)……..……..62
Корнев А. В.
Концепт «Инновационное государство»: к постановке проблемы……68
Лиликова О. С. Туранин В. Ю., Посохова Я. В.
Особенности регулирования труда работников Крайнего Севера: теоретико-правовой аспект……76
Кошкин А. С., Венедиктов А. А., Проценко А. С.
Создание и деятельность первой комиссии по преобразованию правового статуса Гренландии……..83
Курбачевская К. И.
Теоретические аспекты особенности координационной деятельности прокурора при расследовании уголовных дел……89
Малоземова Д. Д.
Принципы осуществления права государственной собственности: теоретико-правовой аспект и проблемы применения……...100

Мальцева Я. В.
Теоретико-правовая концепция «третьего Рима» в аргентинском цикле докладов проф. М. В. Зызыкина (1949 г.)…….107
Никитина А. П., Саченок Л. И.
Генезис адвокатской монополии в России: теория, история, региональные диспропорции……..114
Пастухова Л. В., Шумиленко А. П.
История нормативного закрепления принципа мирного сосуществования государств……..…122
Попов С. В.
Генезис научных взглядов в сфере использования технологий искусственного интеллекта в деятельности государственных органов……131
Проценко А. С.
Теоретические, правовые и организационные предпосылки создания и развития самоуправления Гренландии во второй половине XX в……...139
Пухнаревич М. С.
Нормативная основа реализации охранительной функции государства федеральной службы охраны Российской Федерации……..…147
Семёнова И. В.
«Цифровая идеология» как основа развития концептуальных положений противодействия противоправным действиям в сфере цифровой информации……152
Соляная М. А.
Интеграция законодательства Республики Крым и города Севастополя в правовую систему Российской Федерации (проблемы правового положения субъектов федерации в условиях переходного периода)……158
Сущенко Я. А.
Научная обоснованность как императив современного законотворческого процесса……166
Трофимов С. А., Бондарчук И. В., Руденко А. В.
Обзор научно-практического семинара «Организационно-правовое обеспечение законодательного процесса в воссоединенных субъектах Российской Федерации»……..172
Туранин В. Ю., Лиликова О. С., Бас М. Н.
Правовые аспекты участия ПАО «ГМК «Норильский никель» как субъект предпринимательской деятельности……178
Тюнин М. В.
Проблемные вопросы охраны прав на средства индивидуализации ЕАЭС и пути их решения……184
Хаустов Н. С.
Правительственный надзор за местным управлением и самоуправлением в системе власти Российской империи: эволюция правовых норм…….189
Черепанов А. В.
Государственная политика СССР в сфере юстиции в 1970-1985 гг……199
Шаваева А. М.
Машиночитаемое право: теоретико-правовое осмысление новой реальности……207

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ)

Белоцеркович Д. В., Новикова А. Е.
Формализация солидарности и сопряженных категорий в конституциях стран БРИКС……218
Бутько Л. В.
Публично-правовая диалектика взаимосвязи самообразования и самовоспитания как особой формы правового воспитания…….225
Власова У. А.
Генезис отечественного конституционно-правового регулирования представительства……..230
Волков В. Ю.
Административно-правовое обеспечение устойчивого экономического развития Российской Федерации……...239
Волковская Л. Н.
Муниципальная компетенция в сфере землеустройства: проблемы нормативной определенности и публично-правового разграничения……247
Грушина Н. В., Адельсеитова А. Б.
Контрольные процедуры парламентов в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ……..253
Гоглева К. Ю.
Церковь и государство: межинституциональное взаимодействие в период Киевской Руси и Московского царства…….264
Доброрез В. С.
Конституционные аспекты участия общественных объединений и иных институтов гражданского общества в осуществлении народовластия: от конституционной идеи к институционной модели……...270
Иванов А. И.
Особенность применения нормы права по степени властности предписания на примере публичных отношений……..…..……278
Казанцева Е. В.
Теоретические и практические аспекты предоставления жилых помещений специализированного жилищного фонда, денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений сотрудниками органов внутренних дел……..289
Данилов Д. Б.
Доказывание по делам о незаконном использовании товарных знаков с применением технологии искусственного интеллекта……300
Данильченко В. В., Адельсеитова А. Б.
Коллегиальные омбудсмены: теоретические подходы и современная практика……...307
Капранова Ю. В.
Перспективы развития сотрудничества общества и государства по вопросам обеспечения выборов: аспекты солидарности…….316
Кисс С. В.
Принципы осуществления конституционной модернизации……..325
Кислицина И. Н., Лукьянчикова Е. Ф.
Обеспечение кибербезопасности с помощью биометрической аутентификации……..…….330

Киян М. Ш., Хутько Т. В.
От сословных привилегий к конституционным гарантиям: эволюция института прав человека в России (XVIII – начало XXI вв.)……...338
Комбарова В. С., Щербаков В. А.
Юридическая значимость документов, созданных искусственным интеллектом: вопросы ответственности и верификации……...347
Нифанов А. Н., Равбышко Р. В.
Конституционная легализация волонтерской (добровольческой) деятельности в странах СНГ……....358
Овсепян Н. М., Осяк А. Н., Светлова А. П.
Деятельность участкового уполномоченного полиции в противодействии экстремизму……363
Околеснова О. А.
Блокчейн-технология в реализации публично-правового управления……...368
Робак В. А., Басов Л. В.
Взаимодействие органов публичной власти и общественных организаций в сфере защиты социально-экономических прав военнослужащих: проблемы координации и направления совершенствования……373
Росенко М. И., Рудницкий С. А.
Правовое обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в контексте современного состояния международных отношений……379
Сапронов Д. Ю.
Особенности идентификации личности в «цифровую эпоху»……..386
Сильванович Ю. Н.
Формирование и развитие системы опорных населенных пунктов в Российской Федерации: конституционно-правовые основы и опыт Республики Крым…….391
Трифонова К. В., Крюков А. А.
Актуальные проблемы регулирования рекламы в законодательстве Российской Федерации…….400
Цындря В. Н.
Соотношение принципов назначения административных наказаний и принципов государственной политики в области исполнения административных наказаний в Российской Федерации……405
Челпанова М. М.
Основные направления совершенствования деятельности нарядов полиции по выявлению и пресечению нарушений установленного порядка проведения публичных мероприятий…….411
Шайхутдинов М. Р.
Правовое регулирование вещательных организаций и объекта смежных прав в сфере спорта: международно-правовой и доктринальный анализ.….417

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Ахьядов Э. Саид-Мохмадович, Тепсуев М. С., Хаджиев У. К.
Геноцид в уголовном праве: состав преступления, проблемы квалификации и стандарты доказывания специального умысла……426
Безуглый С. Н., Лесников Г. Ю.
Объективные и субъективные признаки вовлечения несовершеннолетнего

в совершение преступления……433
Богданова А. О.
Актуальные проблемы допустимости, достоверности собирания доказательств в российском уголовном судопроизводстве: коллизии правового регулирования, дефекты правоприменения и пути совершенствования уголовно-процессуального законодательства……438
Бокий А. Н.
Отечественный и зарубежный опыт применения приемов обезоруживания сотрудниками правоохранительных органов и военизированных формирований……...448
Буткевич С. А.
Предупреждение подросткового экстремизма: пути интеграции правоохранительных, воспитательных и психологических категорий……456
Горбенко Т. В.
Значение технических средств в дистанционном обследовании местности..466
Горенко М. Г.
О проблеме разграничения преступных объединений в общей части УК РФ……..471
Горшкова Н. А.
Пенализация, депенализация и репенализация преступлений, как Значимые направления современной уголовной политики……479
Даниленко Ю. А., Мележик С. О.
Уголовно-правовая ответственность за неправомерное использование нейросетей: границы вины и причинной связи…….484
Доброрез И. А.
Латентная преступность: причины и механизмы образования……491
Ережипалиев Д. И., Огурцова М. Л.
Профилактика преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних с использованием сети «интернет»…….496
Исмайлов Д. А.
Особенность реализации принципа состязательности сторон в уголовном судопроизводстве на стадии возбуждения уголовного дела……508
Заброда Д. Г.
Правовая основа оказания полицией помощи лицам, которые в ней нуждаются……517
Зарубина К. А.
Противодействие уголовно-правовыми средствами профессиональной незаконной охоте в России как опасному криминальному промыслу: от истории к современности……525
Капранов А. В.
Методика судебно-экономической экспертизы в сфере государственных и муниципальных закупок……...533
Кондратюк С. В., Запорожец М. А.
Субъекты криминологической профилактики: недостатки в работе и пути их устранения……..…..547
Кулаевский А. В., Шаталкина Н. А.
Тактико-криминалистический риск при поддержании Государственного обвинения в судебном разбирательстве

с участием присяжных заседателей……556
Кустов А. М., Титова К. А., Корчагин А. А.
Возможности использования криминалистики в административном судопроизводстве……..……...564
Новокшонов Д. В.
К вопросу об уголовно-процессуальной политике в особый период……..…572
Павлычев М. М.
Уголовно-правовые меры обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации……..…...578
Пестрецов М. А., Ильин А. Е.
Оперативно-розыскная профилактика преступлений против собственности (по материалам судебной практики г. Москвы)……587
Рудик М. В., Юшина Ю. В.
Некоторые вопросы правовой оценки преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ и особенности его корреляции с оперативным экспериментом……..597
Сергиенко Н. Б., Садковый И. А., Кузнецов В. В.
Уголовно-правовая ответственность за преступления, совершаемые при помощи искусственного интеллекта……..603
Скворцова О. В., Бабенко А. Н.
«Цифровая идентичность» как объект уголовно-правовой охраны……615
Чесебиева К. Ю.
Производные уголовно-правовые последствия коррупционных преступлений: концепция института ревизии юридически значимых решений……625
Юрченко Л. В., Кошман В. А.
Прокурор на стадии возбуждения уголовного дела в сравнительно-правовом измерении опыта России и Китая……..630
Яковлева М. А.
Феномен пенитенциарной пробации в контексте профилактики преступления и исправления личности……...…644

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Бабурина П. М.
Особенности правового регулирования защиты конкуренции в современных условиях……652
Годованик Е. В., Квач С. С., Квач И. В.
Оговорка о публичном порядке и проблемы оказания правовой помощи в международном гражданском процессе: доктринальные коллизии и пути их преодоления……658
Иванова О.Г., Доросинская А.М.
Правовые механизмы обеспечения финансовой устойчивости и платёжеспособности страховых организаций…….....663
Лиликова О. С.
Влияние международного законодательства на формирование трудового права России……...669
Ляхова А. И., Соловъёва А. И.
Роль постановлений пленума Верховного суда Российской Федерации

в адвокатской деятельности…….678
Назаркулов Ж. Н.
Основная гражданско-правовой защиты интересов лиц при принудительном прекращении права собственности: доктринальные и практические аспекты……...686
Николова Е. В.
К вопросу о необходимости законодательного закрепления внеконкурсного оспаривания сделок должника……..694
Рыбалка Е. А.
Правовое совершенствование института приобретательной давности в свете концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации……699

СРОЧНО В НОМЕР

Бондарчук И. В., Руденко А. В.
Совершенствование правового мониторинга и оценки регулирующего воздействия: российский и зарубежный опыт……..706
Габазов Т. С.
Оптимизация работы районных судов на примере Республики Дагестан: итоги 2025 года и стратегические ориентиры……712
Новикова Ю. А.
Динамика правового регулирования сельскохозяйственной Кооперации в СССР в период Новой Экономической Политики (историко-правовой аспект)…….718
Козырева А. Б.
Эволюция юридических традиций под давлением глобальных инноваций...728
Сапронов Д. Ю., Тедеев А. А.
Персональные данные в цифровых кодексах государств Центральной Азии: публично-правовой аспект……735
Мерджанова Л. А., Анохина А. А.
Публично-правовое регулирование предпринимательской деятельности в условиях внешнеэкономических ограничений и развития информационных технологий……..741
Галкин А. Г., Павлисова Т. Е., Мойса А. Б.
Правовоые механизмы защиты традиционных ценностей: сравнительный конституционно-правовой аспект……750
Корчагина К. А., Трифанов С. Г.
Институт примирительных процедур в России: ретроспективный анализ….755
Ходжалиев С. А., Тепсуев М. С., Хаджиев У. К.
Обяъект и предмет преступления в системе современного уголовного права: теоретические основания и проблемы правоприменения…….762
Кодан С. В., Никитина А. П.
Аккультурация как элемент политики в области морского права……...772
Венедиктов А. А
Роль, задачи, назначение и подготовка деканов в евангелически-лютеранской церкви Дании…….780

Шевченко А. В.
Система субъектов предупреждения детоубийств:
криминологический анализ и направления совершенствования……..787
Лихачев С.В., Хащина Э.Э.
Национальный механизм защиты российских военнопленных:
системный анализ роли и взаимодействия органов государственной власти…..796